ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

1943 год

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

1943 год

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Т.В. Волокитина, В.А. Маныкин, М.Ю. Моруков,
Н.М. Перемышленникова, О.А. Ржешевский, А.С. Сенявский,
В.С. Христофоров (ответственный редактор)

Институт российской истории
Российской академии наук
Главное архивное управление города Москвы
Центральный архив ФСБ России

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

1943 год

Издательство
Главного архивного управления города Москвы
Москва
2013

ББК 63.3 (2) 622
В 27

Утверждено Редакционным советом
Главного архивного управления города Москвы
Председатель В.А. Маныкин

Авторский коллектив:
В.А. Арцыбашев, Е. М. Варга, Ю.З. Кантор, О.В. Каримов,
Б.Н. Ковалёв, Т. Краус, В. Матерски, Ю.И. Мошник,
А.Ф. Носкова, Дж. Скотони, С.И. Филоненко, Д.Ю. Хохлов,
В.С. Христофоров, А.П. Черепков

Ответственный редактор
В.С. Христофоров

Издание подготовлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ),
проект 12-01-00135

В 27 **Великая Отечественная война. 1943 год**: Исследования, документы, комментарии / Отв. ред. В.С. Христофоров. – М.: Издательство Главного архивного управления города Москвы, 2013. – 688 с.

ISBN 978-5-7228-0224-8

Книга продолжает серию изданий, посвящённых исследованию малоизвестных страниц истории Второй мировой войны. Статьи, подготовленные ведущими отечественными и зарубежными специалистами на основе документов архивов разных стран, знакомят читателя с важнейшими событиями 1943 г. Подборки документов Центрального архива ФСБ России, в том числе трофейные материалы, связаны с деятельностью органов безопасности в годы войны. Издание адресовано российским и зарубежным специалистам, а также широкому кругу читателей, всем, кто интересуется историей.

ББК 63.3 (2) 622

ISBN 978-5-7228-0224-8

© Главное архивное управление города Москвы, 2013
© Авторский коллектив, 2013
© Центральный архив ФСБ России, 2013
© Оформление и макет Е.М. Сапожников, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 7

РАЗДЕЛ 1

Носкова А.Ф.
Польша: проблема границ и территории
в дипломатическом дискурсе 1943 года. 17

Матерски В.
Катынская трагедия и разрыв
советско-польских дипломатических отношений 41

Христофоров В.С.
Финляндия: «Настало время
установить контакт с Москвой» 67

Мошник Ю.И.
Подразделения Выборгского округа
финской армии в 1943 г. 117

Филоненко С.И., Скотони Дж.
Разгром итальянского альпийского корпуса
на Верхнем Дону 131

РАЗДЕЛ 2

Арцыбашев В.А.
Противоборство Ставок на советско-германском фронте
в сражении за стратегическую инициативу 149

Каримов О.В.
Резидентура «Дора»:
рассекреченные архивы 179

Хохлов Д.Ю.
Отдел «Иностранные армии – Восток» ОКХ 201

Черепков А.П.
Бои за Новороссийск
в докладах военной контрразведки *231*

Христофоров В.С.
Общественные настроения в СССР: 1943 год *247*

РАЗДЕЛ 3

Варга Е. М., Краус Т.
Замалчиваемый геноцид: венгерские оккупационные войска
на территории Советского Союза *287*

Ковалёв Б.Н.
Пропагандистское противостояние
на оккупированной территории Северо-Запада России *315*

Кантор Ю.З.
Легионы СС и другие военизированные прибалтийские
формирования на оккупированной территории СССР *339*

ДОКУМЕНТЫ

Доклады военной контрразведки
о недочётах в ходе зимнего наступления *369*

Доклады военной контрразведки
о борьбе с разведкой противника *405*

Аналитический доклад УКР «Смерш» Карельского фронта
о действиях финской разведки *465*

Обзор Главного разведывательного управления РККА
о политике нацистов на оккупированной территории *531*

Из трофейных материалов
4-го Управления НКВД-НКГБ СССР *633*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вниманию читателей предлагается третья книга из серии изданий о Великой Отечественной войне, подготовленных в Центре публикации источников по истории России XX века Института российской истории Российской академии наук[1]. Данный том посвящён событиям, произошедшим в 1943 году.

Интернациональный авторский коллектив сборника продолжает работу по введению в научный оборот недавно выявленных и рассекреченных архивных документов, их всесторонней оценке и осмыслению. Среди авторов десять докторов и пять кандидатов наук. Российские историки и архивисты представляют Институт российской истории, Институт славяноведения Российской академии наук, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Воронежский государственный педагогический университет, Министерство обороны России, Главархив Москвы, Центральный архив ФСБ России; их зарубежные коллеги из Венгрии, Италии Польши и Финляндии также работают в крупных научных учреждениях.

Этот коллектив предпринял попытку с разных сторон объективно рассмотреть отдельные события войны. Вводимые в научный оборот документы дают возможность переосмыслить известные ранее факты, посмотреть на них через призму вновь открывшихся обстоятельств, вписать новые эпизоды, детали и подробности в контекст исторических событий. Они дают возможность исследователю точнее восстановить логику происходившего, понять взаимосвязь отдельных явлений и выявить факторы, повлиявшие на принятие важнейших военных и политических решений.

Очень важно, что в качестве авторов сборника выступили известные зарубежные историки. Это позволяет российскому читателю отойти от стереотипов, сложившихся в отечественной историографии,

и увидеть события Великой Отечественной войны со стороны, помогает сформировать о них объективное представление. Одновременно такой подход нацелен на то, чтобы подтолкнуть читателей к внимательному изучению и сопоставлению позиций исследователей, выявлению возможных различий в интерпретации событий нашей общей истории. Мы сможем прийти к её единому пониманию только в процессе аргументированного и беспристрастного научного обсуждения, основанного на достоверных источниках.

Репрезентативность ретроспективной информации, использованной при подготовке статей сборника и документальных подборок, обеспечена материалами восемнадцати российских и шести иностранных (английских, венгерских, итальянских, латвийских, польских, финских и эстонских) архивов и коллекций. Из отечественных архивов привлечены документы двух федеральных, шести областных государственных, трёх центральных и семи региональных ведомственных хранилищ. Широкое использование документов региональных архивов обусловлено необходимостью глубокой проработки тем, связанных с присутствием оккупационных сил на территории Советского Союза.

Статьи сборника структурированы по предметно-тематическому принципу и распределены по трём разделам (международная обстановка и военно-политические шаги стран оси, ход военных действий на советско-германском фронте и его отражение на общественных настроениях, коллаборационизм и история оккупации). Традиционно сборник завершает публикация комплекса архивных документов.

Первый раздел сборника включает пять авторских статей, рассказывающих о дипломатических действиях в 1943 г. финского и польского руководства, катынской проблеме и положении Италии в связи с разгромом её войск на Верхнем Дону.

Раздел начинается со статьи ведущего научного сотрудника Центра по изучению сталинизма в Восточной Европе Института славяноведения РАН доктора исторических наук А.Ф. Носковой «Польша: проблема границ и территории в дипломатическом дискурсе 1943 года». Данная работа продолжает и развивает тему, поднятую автором в предыдущем сборнике[2]. Решение «польского вопроса» в 1943 г. находилось в прямой зависимости от изменения военно-политического положения СССР. Ряд военных побед на фронте позволил советской дипломатии более уверенно отстаивать свои позиции в переговорах с союзниками, в том числе и по Польше. Авторитетнейший российский специалист по данной проблематике старается показать читателю всю сложность и неоднозначность вопроса, который рассматривает в контексте взаимоотношений союзников по антигитлеровской коалиции.

Вторая статья по польской тематике «Катынская трагедия и разрыв советско-польских отношений» любезно предоставлена доктором

Войцехом Матерски – профессором Института политических исследований Польской академии наук, специалистом по истории СССР и польско-советских отношений, истории Закавказья, изучению трансформации постсоветского пространства, членом Российско-польской группы по сложным вопросам.

Полагаем, что сопоставление взглядов историков двух стран на проблему советско-польских отношений будет способствовать развитию исторического знания и углублению взаимопонимания.

Работа руководителя Центра публикаций источников по истории России XX века Института российской истории РАН доктора юридических наук, профессора В.С. Христофорова «Финляндия: "Настало время установить контакт с Москвой"» продолжает серию статей, посвящённых участию Финляндии во Второй мировой войне[3]. В.С. Христофоров, опираясь на значительный массив архивных документов советского министерства иностранных дел и органов безопасности, дневников и мемуаров участников событий, используя новейшие научные работы, проанализировал сложнейшую картину политической игры. Автор рассказывает о противоборстве советских и финских спецслужб, внутренней и внешней политике Финляндии, о шагах, предпринятых Швецией, США и СССР, результатом которых стало обсуждение вопроса о выходе Финляндии из войны.

Статью В.С. Христофорова дополняет работа заведующей научно-исследовательским отделом Государственного историко-архитектурного и природного музея-заповедника «Парк Монрепо» кандидата исторических наук Ю.И. Мошник «Подразделения финской армии Выборгского округа в 1943 г.». Рассказывая о деятельности воинских частей финской армии группы «Перешеек» на этапе позиционной войны, автор отмечает, что период стабилизации фронта характеризовался ростом недовольства солдат затянувшейся войной, осложнениями в военных поставках и ужесточением цензуры. Статья основана на материалах Ленинградского областного государственного архива в Выборге, среди которых уделено особое внимание документам воинских подразделений финской армии.

Завершает раздел совместная работа ректора Воронежского государственного педагогического университета доктора исторических наук, профессора С.И. Филоненко и доктора Джорджо Скотони «Разгром итальянского альпийского корпуса на Верхнем Дону». Она продолжает ряд публикаций в сборниках нашей серии, посвящённых событиям 1941 и 1942 гг.[4]. Традиционно при подготовке статьи С.И. Филоненко и Дж. Скотони использовали широкий круг российских и итальянских источников. В результате исследования авторам

удалось воссоздать достаточно полную картину окончательного военного поражения итальянской группировки в начале 1943 г.

Второй раздел сборника открывает статья «Противоборство Ставок на советско-германском фронте в сражении за стратегическую инициативу» заведующего сектором Центрального государственного архива города Москвы, кандидата исторических наук В.А. Арцыбашева, давно разрабатывающего эту проблему[5]. В этой статье наглядно показаны шаги, которые вынуждено было сделать военное руководство Германии в ответ на ряд масштабных наступательных операций Красной армии, проанализированы внешнеполитические факторы, предопределившие вектор немецкой стратегии, приведшей в дальнейшем к поражению. На основе богатого фактологического материала В.А. Арцыбашеву удалось проследить взаимозависимость важнейших решений советского и немецкого военного командования.

Другие публикации этого раздела посвящены одной из самых актуальных тем в истории Второй мировой войны – роли специальных служб в принятии военных и политических решений правительствами воюющих стран. Так, статья «Резидентура "Дора": рассекреченные архивы» кандидата исторических наук О.В. Каримова посвящена деятельности одной из резидентур советской военной разведки периода Великой Отечественной войны, о которой написано уже достаточно много. Автор, используя недавно рассекреченные документы, делает аргументированный вывод, что по объёму и качеству добытой о противнике информации группа, возглавляемая Шандором Радо, была одной из первых среди нелегальных резидентур того времени. О.В. Каримов отмечает, что некоторое количество добытых сведений после проверки Центром оказывалось дезинформацией. Вместе с тем значительная часть сообщений «Доры» направлялась членам ГКО, начальнику Генштаба, и почти все донесения резидентуры включались в разведсводки, выпускаемые РУ Генштаба РККА.

Статья старшего научного сотрудника Центра публикаций источников по истории России XX века Института российской истории РАН кандидата исторических наук Д.Ю. Хохлова «Отдел "Иностранные армии – Восток" ОКХ» продолжает серию публикаций, основанных на материалах архивных уголовных дел немецких военнопленных[6]. В научный оборот вводятся новые сведения о подразделении Верховного командования сухопутных сил Германии, которое фактически было одним из важнейших разведывательно-аналитических центров, обобщавших информацию о военном потенциале Советского Союза и его вооружённых силах.

В основу статьи легли материалы Центрального архива ФСБ России из дела в отношении бывшего полковника немецкого генштаба

Ф. Шильдкнехта, который с 1938 по 1942 гг. прошёл по карьерной лестнице от референта до заместителя начальника отдела «Иностранные армии – Восток» ОКХ. Характер материала, накопленного этим отделом, формы и методы работы, структура и штаты; всё то, о чём сообщил на допросах Шильдкнехт, представляет безусловный интерес для исследователей. Автор подчёркивает, что архивные уголовные дела военнопленных – наиболее ценный и наименее изученный источник по истории Второй мировой войны, который, в частности, в состоянии заполнить имеющуюся лакуну в представлениях, сложившуюся в результате противоречий между воспоминаниями участников событий и официальными документами, в большинстве своём организационно-распорядительными.

Следующие две статьи базируются на материалах советской контрразведки. В публикации плодотворно занимающегося морской проблематикой заместителя начальника Центрального архива ФСБ России А.П. Черепкова[7] «Бои за Новороссийск в докладах военной контрразведки» использованы новые рассекреченные документы, рассказывающие о боевых действиях армии и Черноморского флота в районе Новороссийска, в том числе и о двух высадках морского десанта: в феврале и сентябре 1943 г. Новые материалы расширяют источниковую базу по истории войны и дают возможность объективно оценить как героизм бойцов, сражавшихся за «Малую землю», так и ошибки советского командования.

Заключает раздел статья В.С. Христофорова «Общественные настроения в СССР: 1943 год» в которой автор продолжает исследовать вопросы политического контроля, выражавшегося в сборе сведений о настроениях гражданского населения СССР, военнослужащих Красной армии и иностранцев[8]. Эти сведения предназначались для информирования высших органов власти. Архивные документы свидетельствуют, что большая часть советских людей желала скорейшей победы над врагом, а лица, допускавшие «антисоветские высказывания и пораженческие настроения», оказывались под контролем органов НКВД. Изучая информационный потенциал данного вида исторических источников, В.С. Христофоров показывает их значимость и необходимость для высшего руководства СССР.

Третий раздел, состоящий из трёх статей, посвящён вопросам оккупационной политики, коллаборационизма и нацистской пропаганды.

Первая статья раздела «Замалчиваемый геноцид: венгерские оккупационные войска на территории Советского Союза» подготовлена совместно двумя авторитетнейшими венгерскими историками: заведующим кафедрой истории Восточной Европы Будапештского государственного университета им. Лоранда Этвеша, руководителем

исследовательского и методического центра Венгерского института русистики, профессором, доктором Тамашом Краусом и доктором Е.М. Варгой. Эта публикация также продолжает серию статей, посвящённых участию Венгрии во Второй мировой войне[9].

Данная работа представляет собой своего рода обоснование темы для сборника материалов «Документы о злодеяниях венгров на временно оккупированной территории СССР (1941–1947)»[10]. Учитывая действия, которые сегодня предпринимают венгерские правые силы по реабилитации режима Хорти (возводятся памятники, лоббируются решения о названии улиц его именем), авторы, чётко определив гражданскую позицию, сочли своим долгом опубликовать архивные документы о преступлениях, совершённых венграми на советских оккупированных территориях. В состав вышедшего (на венгерском языке) весной этого года сборника включены материалы архивных уголовных дел венгерских военнопленных, которые хранятся в Центральном архиве ФСБ России (80 документов), и более 100 документов – доклады, отчёты и акты о зверствах и причинённом ущербе, свидетельские показания и фотодокументы – из фондов Государственного архива Российской Федерации, Государственного архива Воронежской области, Центрального архива Минобороны России, Исторического архива служб государственной безопасности Венгрии.

В представленной в настоящем сборнике статье авторы, опираясь на научные методы исследования, и на основании конкретных документально зафиксированных фактов рассказывают о преступлениях, совершённых на оккупированной территории Советского Союза, и раскрывают степень ответственности за это венгерских военнослужащих и режима М. Хорти.

Полностью поддерживая позицию венгерских коллег, редколлегия считает, что именно так, в конструктивной научной дискуссии между квалифицированными специалистами, с привлечением максимально широкого круга источников нужно обсуждать острые исторические вопросы, в которых критерием истины не может быть сиюминутная политическая целесообразность.

Доктор исторических наук, профессор Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого Б.Н. Ковалёв статьёй «Пропагандистское противостояние на оккупированной территории Северо-Запада России» продолжает исследовать историю оккупации и коллаборационизма[11]. Работа базируется на основе комплекса документов из региональных архивов. Автор отмечает, что в 1943 г. деятельность ведомства Геббельса стала характеризоваться как «союзная инициатива», согласно которой война ведётся самим же русским народом против поработившего его большевизма. Германия

выступает лишь в качестве союзника России. В свою очередь, работа органов идеологического воздействия партизанских бригад и соединений в указанный период была нацелена не только на личный состав, но и на гражданское население. Партизанские информационные мероприятия успешно противодействовали вражеской пропаганде и массово разлагали коллаборационистские формирования.

Заключительная статья этого раздела «Легионы СС и другие военизированные прибалтийские формирования на оккупированной территории СССР» – работа доктора исторических наук, профессора Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, советника директора Государственного Эрмитажа Ю.З. Кантор. Автором проанализированы неопубликованные источники об оккупационном режиме из Латвийского государственного исторического архива (в том числе коллекция материалов оперативного штаба рейхсминистра восточных территорий А. Розенберга) и Центрального архива ФСБ России (в частности, материалы судебного процесса над военными руководителями Остланда). Сопоставив их с опубликованными источниками и результатами российских и зарубежных исследований, Ю.З. Кантор детально реконструировала картину деятельности легионов СС и других военизированных прибалтийских формирований на оккупированной территории Советского Союза.

В четвёртой части сборника публикуются 46 документов, выявленных в фондах Центрального архива ФСБ России и архивов Управлений ФСБ России по Омской и Саратовской областям, Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Вниманию читателя представлены два крупных обобщающих документа, подготовленных в 1943 г., и три тематические подборки.

Первый комплекс – «Доклады военной контрразведки о недочётах в ходе зимнего наступления» – включает двенадцать рассекреченных сообщений особых отделов 40-й и 13-й армий, а также 12-й артиллерийской дивизии. Документы этого вида составлялись для информирования высшего военного и политического руководства и обязаны были отражать реальное состояние войсковых подразделений. В основном упор делался на выявление недостатков, поскольку именно негативные факты требовали принятия оперативных и взвешенных командных решений. Публикуемые архивные документы отражают состояние частей Красной армии в январе–феврале 1943 г. – во время Острогожско-Россошанской и Воронежско-Касторненской операций.

Вторая подборка – «Доклады военной контрразведки о борьбе с агентурой противника» – состоит из пятнадцати документов, подготовленных органами «Смерш» Брянского фронта, 13-й, 38-й и 40-й армий в июле–сентябре 1943 г., в ходе Курской битвы и Черниговско-Полтавской

наступательной операции. Вниманию читателя представлены первичные сообщения по основной линии деятельности военной контрразведки: об органах разведки противника на советско-германском фронте, формах и методах их работы, местах дислокации подразделений и школ, о захваченных агентах и результатах их допросов.

Для историков, изучающих историю спецслужб, безусловный интерес представит исследование процесса накопления советской военной контрразведкой информации о противнике. Если в апреле 1943 г. в аналитической справке, которую из Москвы направили контрразведчикам Центрального фронта, имеются неясности и даже некоторые пробелы, то к осени этого же года, благодаря грамотному анализу данных, полученных от захваченных агентов противника, какие-либо неточности отсутствуют. Именно в 1943 г. начинает особенно активно и плодотворно работать и зафронтовая агентура военной контрразведки «Смерш». В результате этой работы к концу года ГУКР «Смерш» удалось подготовить достаточно полный справочник «Сборник материалов об органах германской военной разведки, действующих на советско-германском фронте».

О значительных успехах советской военной контрразведки в изучении противника свидетельствует и следующий публикуемый документ – «Обзор УКР "Смерш" Карельского фронта о действиях финской разведки». В результате упорной работы контрразведки, после обработки большого объёма первичной информации представлена чёткая картина деятельности разведывательных органов Финляндии. Обзор составлен по материалам 2-го отдела УКР «Смерш» Карельского фронта и содержит сведения по состоянию на 1 декабря 1943 г. Такого рода документы обобщающего характра позволяли прогнозировать дальнейшие шаги спецслужб противника и организовывать необходимое противодействие, рационально распределяя собственные силы и средства.

«Обзор Главного разведывательного управления РККА о политике нацистов на оккупированной территории» подготовлен весной 1943 г. на основании сообщений открытой печати, а также советских разведывательных, диверсионных и партизанских подразделений. В обзоре рассказывается о структуре военной и гражданской администрации, оценивается масштаб эксплуатации материальных и людских ресурсов, характеризуется оккупационной режим в целом, в том числе пропагандистские и хозяйственные мероприятия. Эти данные были необходимы советскому командованию для того, что бы объективно оценить ситуацию на оккупированной территории СССР и предпринять соответствующие шаги по поддержке и расширению борьбы с врагом в его тылу.

История публикации этого документа представляет некоторый интерес: он был впервые обнародован в 1993 г., при этом почти 20%

текста публикаторами было опущено без каких-либо комментариев. Возникшие в результате такого подхода искажения текста и неточности дали основание некоторым историкам усомниться в значимости данного источника. Это обстоятельство было учтено при подготовке нашего издания, где обзор воспроизводится полностью, без купюр, поскольку его содержание для тех, кто исследует историю оккупационной политики нацистов на советской территории, трудно переоценить.

Напрямую с этим документом связан комплекс трофейных материалов 4-го Управления НКВД–НКГБ СССР, завершающий сборник. Семнадцать архивных документов представляют собой оригиналы и копии приказов немецкого командования и оккупационных органов власти, добытых советскими разведчиками и партизанами за линией фронта, контрразведчиками – в зоне боевых действий или изъятых у пленных. Многие из документов известны исследователям, изучающим историю оккупации, но их полные тексты публикуются впервые.

Особо следует отметить секретный циркуляр немецких властей, регламентировавший порядок и характер распространения ложных слухов, а также статью пропагандистского характера в журнале, адресованном активистам немецкой национал-социалистической партии, в которой автором предпринята попытка объяснить поражения 1943 г. и создать миф о «героическом» отступлении вермахта, «своевременном» переходе к «гибкой обороне».

Выявление архивных документов, их археографическая обработка, подготовка комментариев проведены сотрудниками Центра публикации источников по истории России XX века ИРИ РАН, Главного архивного управления города Москвы и Центрального архива ФСБ России. Издание осуществлено при поддержке Регионального общественного фонда «Ветераны Лубянки» и Российского гуманитарного научного фонда[12].

Редколлегия

Примечания

[1] См.: Великая Отечественная война. 1941 год: Исследования, документы, комментарии / Отв. ред. В.С. Христофоров. – М.: Издательство Главархива Москвы, 2011. – 756 с.; Великая Отечественная война. 1942 год: Исследования, документы, комментарии / Отв. ред. В.С. Христофоров. – М.: Издательство Главархива Москвы, 2012. – 616 с. Тексты сборников размещены на официальном сайте ИРИ РАН (www.iriran.ru).

[2] См.: *Носкова А.Ф.* Советско-польские отношения: интересы, возможности и противоречия. 1941–1942 гг. / Великая Отечественная война. 1942 год. – М., 2012. – С. 15–46.

[3] См.: *Христофоров В.С.* Финляндия в плане «Барбаросса»: военное сотрудничество двух стран в 1940–1941 гг. / Великая Отечественная война. 1941 год. – М., 2011. – С. 41–88; *Он же.* Финляндия продолжает воевать / Великая Отечественная война. 1942 год. – М., 2012. – С. 47–78.

[4] См.: *Филоненко С.И., Скотони Дж.* Италия в войне против СССР: бои на советско-германском фронте в 1941 г. / Великая Отечественная война. 1941 год. – М., 2011. – С. 181–194; *Они же.* 8-я итальянская армия в боях на Дону / Великая Отечественная война. 1942 год. – М., 2012. – С. 109–132.

[5] См.: *Арцыбашев В.А.* Противоборство Ставок на советско-германском фронте в сражении за Москву / Великая Отечественная война. 1941 год. – М., 2011. – С. 427–444; *Он же.* Противоборство Ставок на советско-германском фронте в сражении за нефть /Великая Отечественная война. 1942 год. – М., 2012. – С. 243–268.

[6] См.: *Хохлов Д.Ю.* «Вторая мировая война глазами немецкого солдата» // Семинар Центра визуальной антропологии и эгоистории РГГУ. 4 декабря 2008 г. // [электрон. ресурс] http:// visantrop.rsuh.ru/news.html?id=73405; *Он же.* 690-й батальон немецкой полевой жандармерии на оккупированной территории / Великая Отечественная война. 1941 год. – М., 2011. – С. 345–368; *Он же.* Японский посол Х. Осима на советско-германском фронте / Великая Отечественная война. 1942 год. – М., 2012. – С. 155–172 и др.

[7] См.: *Черепков А.П.* Советская военно-морская контрразведка в начале войны / Великая Отечественная война. 1941 год. – М., 2011. – С. 511–550; *Он же.* Контрразведка «Смерш» Черноморского флота // Морской сборник. 2003. № 8. С. 73–77; *Он же.* «Смерш» на флоте // Родина. 2013. № 4. – С. 15–19 и др.

[8] См.: *Христофоров В.С.* Общественные настроения в СССР: июнь–декабрь 1941 г. / Великая Отечественная война. 1941 год. – М., 2011. – С. 445–478; *Он же.* Контроль органов НКВД за общественными настроениями // Материалы научно-практической конференции «Сталинградская битва в судьбах народов» г. Волгоград, 1 февраля 2013 г. и др.

[9] См.: *Варга Е.-М.* Начальник Генерального штаба венгерской армии генерал-полковник Х. Верт / Великая Отечественная война. 1941 год. – М., 2011. – С. 161–180; *Она же.* Венгрия в войне против СССР: события 1942 г. / Великая Отечественная война. 1942 год. – М., 2012. – С. 79–108.

[10] A magyar megszálló csapatok a Szovjetunióban – Levéltári dokumentumok 1941–1947 / Krausz Tamás (szerk.), Varga Éva Mária (szerk.) – Budapest: L'Harmattan Kiadó, 2013. – 632 olda.

[11] См.: *Ковалёв Б.Н.* Коллаборационизм в России в 1941–1945 гг.: типы и формы. –Великий Новгород: НовГУ имени Ярослава Мудрого, 2009. – 372 с.; *Он же.* Коллаборационизм на оккупированной территории Северо-Запада России в 1942 г.: мотивы, формы, специфика / Великая Отечественная война. 1942 год. – М., 2012. – С. 269–284.

[12] Проекты № 12-01-00135 и 11-01-00029 а.

РАЗДЕЛ 1

Польша: проблема границ и территории в дипломатическом дискурсе 1943 года

Носкова Альбина Фёдоровна,
доктор исторических наук,
Институт славяноведения РАН

В 1942 г. подписанием международных договоров и соглашений с участием СССР завершилось создание антигитлеровской коалиции – военно-политического союза во имя разгрома Германии и её союзников. Наступавший 1943 год, как известно, стал годом крупных побед Красной армии на советско-германском фронте. То обстоятельство, что победы под Сталинградом на рубеже 1942/1943 гг. и затем на Курской дуге летом 1943 г. происходили в условиях, когда, вопреки неоднократным обещаниям, западные союзники так и не открыли второй фронт в Европе, кратно повышало внутри– и внешнеполитический масштаб этих побед.

Уверенность в разгроме Германии своими силами крепла среди советских людей и руководства страны. Наиболее дальновидные политики за рубежом, прежде всего в Великобритании и США, трезво оценили боевой потенциал советских войск и возможные результаты его реализации, которые «могут быть далеко идущими». Они «разглядели» вполне вероятного главного победителя Германии на континенте, а после Сталинградской битвы стремились «сверять» и соотносить с интересами и целями Москвы свои политические намерения. В немалой мере это проявлялось и на польском направлении. В антигитлеровской коалиции происходило ослабление «польских активов», мнение же Москвы по польскому вопросу становилось всё труднее оппонируемым западными союзниками Польши, которые, как и ранее, не оказывали ей достаточной поддержки в конфликтных отношениях с Москвой.

В СССР в ту пору учитывали свою новую роль в международных делах. НКИД делал первые намётки того геополитического передела[1], который встанет на повестку дня конференций глав великих держав по мере приближения, а затем и выхода Красной армии на территорию соседних государств и самой Германии. Но до этого ещё немало будет перемен на фронтах войны, произойдут крупные международные поли-

тические события и резкие повороты, в том числе в отношениях советского руководства с правительством Польши в Лондоне и в контактах как советского, так и польского правительств с западными союзниками.

Одним из таких событий стал визит в ноябре 1942 г. – январе 1943 г. главы правительства Польши В. Сикорского в США и его беседы с президентом Ф.Д. Рузвельтом. Генерал намеревался обсудить с американскими политиками два главных для польской стороны вопроса. Во-первых, об удовлетворении геополитических интересов Польши в восточноевропейском регионе. Речь шла о создании под руководством де-факто Варшавы региональной системы защиты от внешней угрозы, как с запада (от Германии), так и с востока (от СССР) посредством конфедеративного союза «малых» государств, находившихся по периметру западных довоенных границ СССР. В этом польские политики видели залог послевоенной безопасности Польши, традиционно ориентированной на союз с западными державами, и превращения её в регионального лидера с соответствующим международным статусом.

Такой вариант геополитического переустройства на континенте особого интереса американских политиков не вызвал. Несколько большее внимание было уделено проблеме территориальных претензий «польского» Лондона на западе, не предусматривавших соответствующих уступок Польши на востоке её границ. Причем, то, что излагал 10 января 1943 г. Сикорский Рузвельту (Восточная Пруссия и Гданьск – Польше), было намного скромнее того, о чём накануне шла речь на заседании польского правительства (р. Одра, включая Щецин и остров Рюген, Ныса Лужицкая на западе, а также Гданьск на севере и вся Восточная Пруссия на северо-востоке)[2].

Партнеры Сталина по антигитлеровской коалиции были вынуждены в контактах с представителями Польши в 1943 г. всё больше принимать во внимание интересы и курс СССР в отношении Польши. Поэтому американская сторона, благосклонно относясь к части польских планов, порекомендовала Сикорскому согласовывать свои территориальные претензии не только с Великобританией, но и с СССР. Упрощая, это было предложение пойти на компромисс с Москвой. 21 января 1943 г., отчитываясь на заседании правительства, Сикорский несколько откорректировал общие итоги поездки, оценив их в высшей степени позитивно. Он подчеркнул заинтересованность США в урегулировании польско-советских отношений и готовность этому содействовать. Правда, генерал учёл рекомендацию Рузвельта и заявил о намерении посетить Москву при условии «полной поддержки» Великобритании и США[3].

Между тем, если не выдавать желаемое за действительное, уверенности в «полной поддержке» Запада у польских политиков не должно было бы быть. После непродуманного польским руководством (по долго-

срочным политическим последствиям для интересов правившей элиты*) вывода из СССР армии под командованием В. Андерса, сформированной с согласия и при прямом содействии советского руководства, советско-польские отношения на рубеже 1942–1943 гг. находились в стадии перманентного обострения, что вызывало на Западе осторожное сожаление. В Москве же нарастало политическое раздражение давлением польской стороны, добивавшейся возможности продолжать формирование воинских частей из поляков-граждан Польши, находившихся на территории СССР.

Реагируя на ситуацию, советское правительство 16 января 1943 г. уведомило посольство Польши о своём решении «считать утратившей силу» ноту НКИД от 1 декабря 1941 г.**. Этим решением, мотивированным как политическими соображениями, так и реальными потребностями Красной армии в пополнении личного состава, поляки, как и все другие советские граждане, независимо от национальности, теперь вновь включались в призывной контингент советских войск[4].

Москва ещё раз давала понять «польскому» Лондону и его союзникам, что советская принадлежность восточных кресов довоенной Польши – величина неизменяемая. В правительстве Польши, безусловно, «прочитали» политический подтекст ноты от 16 января 1943 г. и в свою очередь подняли тревогу. 26 января последовала нота протеста польского МИД и громкий антисоветский шум в польской печати в Лондоне. Грамотный генерал, В.Сикорский, понимая военно-политический масштаб итогов Сталинградской битвы, стремился не допустить кризиса в польско-советских отношениях. Было подготовлено личное послание генерала Сталину, датированное 9 февраля 1943 г. Новый посол Польши Т. Ромер 20 февраля вручил его наркому иностранных дел СССР В.М. Молотову.

В этот же день в Лондоне Госсовет Польши принял резолюцию, подтверждавшую «интегральность территории Польской Республики в её границах на 1 сентября 1939 г.»[5]. Ответом советской стороны на ноту протеста стала публикация 20 февраля в газете Верховного Совета СССР «Известия» и 21 февраля в органе ЦК ВКП(б) газете «Правда»

---

* Исчезло важнейшее в условиях войны военно-политическое направление сотрудничества. Исключалось участие польской армии, подчинённой легитимному правительству, в освобождении страны, продвигаясь самом коротким маршрутом – с Востока, становилась не ясной перспектива его возвращения в Польшу.

** Согласно документу, поляки, проживавшие к 1–2 ноября 1939 г. в западных областях УССР и БССР, получили тогда право восстановить прежнее польское гражданство, что позволило сформировать несколько польских дивизий, выведённых польским правительством в Иран в 1942 г. (См. подр.: *Парсаданова В.С.* Советско-польские отношения в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. – М., 1982).

статьи А.Е. Корнейчука, украинского драматурга, заместителя наркома иностранных дел СССР, содержавшей резкий ответ на территориальные претензии Польши к УССР и БССР.

Тем временем в Москве ознакомились с посланием Сикорского. Принося «самые сердечные поздравления ...Главнокомандующему Советскими Вооруженными силами», генерал сожалел, что «силы, которыми я [Сикорский] командую, принимают пока участие в этой борьбе лишь на отдалённых фронтах, а не плечом к плечу с вашими войсками на восточном фронте Европы». Премьер-министр Польши обращал внимание Сталина «на всё большую обеспокоенность польского правительства и общественного мнения в Польше всё более серьёзными трудностями, встающими на пути польско-советского соглашения», подписанного в 1941 г. Виновником «серьёзных трудностей» в завуалированной форме была названа советская сторона.

Сикорский убеждал Сталина в своей поддержке политики сближения и сотрудничества двух соседних стран. Генерал настаивал, что такая политика, «чтобы быть приемлемой для поляков..., не может ни по причине существующих условий, ни по причине диспропорций участвующих [сторон] заключаться в устранении возникающих трудностей путём требования от Польши отказаться от всяких принципов или приносить односторонние жертвы». Это было главное в послании. Далее, премьер-министр напоминал о праве Польши «на то, чтобы её интересы и её запросы были особо принимаемы во внимание (подчёркнуто А.Н.) в период, когда освободительная борьба вступает в решающую фазу»[6].

В советском руководстве без труда расшифровали смысл этой дипломатически отработанной фразы, как и всего послания: ни на какие изменения восточной довоенной границы Польша не согласится. Тем не менее, на просьбу Сикорского, обращённую к Сталину, принять Ромера для обсуждения накопившихся разногласий, в Москве отреагировали позитивно. Здесь, как и в «польском» Лондоне, имела место заинтересованность в такой встрече. Тому было подтверждение: советско-польские отношения находились в состоянии критического напряжения, и сторонам требовалось снизить его уровень. Об этом свидетельствовали не только факт обращения Сикорского напрямую к Сталину.

В Москве, располагая текстом резкого заявления польского правительства от 25 февраля («...в вопросе о границах между Польшей и Советской Россией сохраняется статус-кво, существовавший до 1 сентября 1939 г.*), несколько «задержались» с ответом. Сообщение ТАСС, которое

---

* В связи с проявлением непримиримости позиции польской стороной, посол в Великобритании И.М. Майский записал 4 марта в служебном дневнике: «Поляки ведут себя совершенно идиотски... Раздувать этот спор было бы нецелесообразно: незачем лить

было не менее однозначным («Польские правящие круги ничему не научились, если они покушаются на украинские и белорусские земли и тем культивируют вражду между польским народом и народами Украины и Белоруссии»), появилось в печати 2 марта 1943 г., «пропустив» вперёд беседу Сталина с Ромером[7].

Между тем, 25 февраля, Ромера принял Молотов. Беседа Сталина с послом состоялась по завершении битвы на Волге, в ночь с 26 на 27 февраля. Она продолжалась более трёх часов. Обсуждался целый ряд сложных проблем в двусторонних отношениях. Как следует из советской записи беседы*, налицо было стремление польской стороны восстановить военное направление сотрудничества с СССР: прозвучало беспрецедентное заявление посла о готовности его правительства вернуть эвакуированные из СССР воинские части на советско-германский фронт, чего Сталин «не услышал», и настоятельная просьба возобновить призыв польских граждан, но не только поляков, в польские части. Обсуждение поставленного Ромером вопроса о воинском наборе поляков на территории СССР Сталин поддержал. Напомнив, однако, об опыте с армией Андерса, он допускал создание польских полков и дивизий из добровольцев лишь в составе РККА[8].

Следует отметить предложение посла заполнить существующую «пустоту» в боевом сотрудничестве диверсионной деятельностью польских подпольных военных организаций в качестве помощи советским войскам, сражающимся с вермахтом. Имелся в виду план одновременного подрыва группами подпольной Армии Крайовой**

воду на мельницу Геббельса, который сейчас усиленно работает над внесением элементов разложения в нашу коалицию». И продолжал рассуждать: «Странная нация поляки! На протяжении всей своей истории она с необыкновенной яркостью выявила абсолютное отсутствие таланта к серьёзному государственному строительству... В области внешнеполитической Польша не раз ставила себе такие задачи, которые явно превосходили её реальные экономические, политические и военные возможности.... Результатом были тяжёлые крахи и поражения...» (*Майский И.М.* Дневник дипломата : Лондон. 1934–1943 : В 2 кн. Кн. 2. Ч. 2: 22 июня 1941 – 1943 год. – М., 2009. – (Научное наследство : Т. 33). С. 233.

* Советская запись беседы хранится в архивном фонде материалов И.В. Сталина и впервые опубликована в журнале «Новая и новейшая история». 2008. № 3. Запись беседы, производившейся советником польского посольства в Москве Мнишеком, ранее публиковалась в ПНР (Sprawa polska w czasie drugiej wojny światowej na arenie międzynarodowej. Zbiór dokumentów. – Warszawa, 1965)

** Наиболее крупная военно-политическая организация польского подполья, с 1942 г. называвшаяся Армией Крайовой (АК). Часть ее, по численности меньшую, составляли боевые группы и возникшие в это время первые партизанские отряды, которые получали оружие с Запада, о чем и говорил посол. АК была признана правительством Польши, которое рассматривало АК как структуру Польских вооружённых сил на Западе. Её задачи состояли в борьбе с оружием в руках за восстановление государства в границах до 1 сентября 1939 г. К активным боевым действиям АК стала переходить на рубеже 1942/1943 гг. в обстановке перелома в войне на советско-германском фронте.

85% «железнодорожных путей, идущих через Польшу на советско-германский фронт, ориентировочно намеченный на начало марта» (!). Тем самым Сталину давали понять, сколь серьёзными военными силами располагает польское подполье, хотя Армия Крайова, как вооружённая сила, которая и будет выполнять задуманную операцию, в беседе вовсе не называлась. Подчеркнув, что выполняет поручение Сикорского, посол спрашивал Сталина, «как он смотрит на то, чтобы эта операция была дополнена (подчёркнуто А.Н.) одновременными действиями советских партизан против германских коммуникаций на оккупированной немцами территории СССР»[9].

Итак, Сталину предлагалось создать новое направление двустороннего сотрудничества с правительством Польши. Это можно квалифицировать как попытку польского руководства ввести в структуру отношений с СССР внутренний фактор, а именно подпольные военно-политические организации, сделать их партнёром Москвы и активным элементом восточной политики Польши, призванным усилить её позиции и роль в антигитлеровской коалиции.

Предложение Ромера свидетельствовало о переменах в тактике польского руководства, отражало не только текущий военно-оперативный расчёт, но и далеко идущий геополитический замысел, сделанный под несомненным влиянием только что состоявшегося разгрома армии Паулюса, обозначившего перспективы прихода Красной армии в восточноевропейский регион. Для польского правительства и командования АК архиважным становилось военное взаимодействие с СССР, утраченное с выводом армии Андерса.

Советский руководитель весьма осторожно подошёл к предложению о взаимодействии с польским подпольем. В новых военно-оперативных условиях было политически выгоднее не иметь серьёзных обязательств на этот счет. Отсутствие на советско-германском фронте воинских формирований, подчинённых правительству Польши, давало больше свободы при обсуждении польских «дел» с союзниками по антигитлеровской коалиции. Поэтому, отвечая на прямой вопрос посла об установлении контакта «между военными властями Польши и СССР для содействия осуществлению задуманного поляками плана», Сталин, сославшись на жестокие гитлеровские репрессии в Польше, «снизил» уровень военного сотрудничества и предложил «установить контакт между русско-украинскими и польскими партизанами». Он порекомендовал польским властям «дать указание своим партизанам не пикироваться с украинскими партизанами». Говорил о готовности в таком случае помогать отрядам АК так, как это делается для советских партизан: на организованные партизанами аэродромы транспортными самолётами перебрасываются оружие, боеприпасы, кадры и вывозятся

раненые. Ромер такого предложения не принял, поскольку в Польше, которая находится «под тщательным наблюдением германских войск, ...невозможно организовать тайные аэродромы и осуществлять связь при помощи самолётов». «Польское командование, настаивал посол, не видит другой возможности связи с Польшей, кроме как через парашютистов», направлявшихся по распоряжению польского правительства из Лондона[10]. «Партизанский» вопрос дальнейшего развития во время беседы не получил.

Таким образом, обсуждение проблемы установления военно-оперативного взаимодействия с Армией Крайовой окончилось безрезультатно*. Сталин не предоставил польскому правительству шанса ввести в непростые межгосударственные отношения дополнительный фактор – Армию Крайову, получивший в будущем особый политический смысл.

В ходе разговора посол крупным планом заявил проблему советско-польской границы и связанный с ней вопрос гражданства жителей бывших «восточных кресов». Мнения сторон здесь не совпадали, собеседники были категоричны и не склонны к поиску компромиссных вариантов. Тем не менее, стремясь к продолжению диалога с поляками, Сталин обещал индивидуальный подход в установлении гражданства и учёт при этом пожелания каждого отдельного человека.

Коснувшись заданного вопроса о будущей власти в Польше, Сталин ещё раз показал стремление к соглашению: «Мы от Польши ничего не хотим. Мы, наоборот, поможем Польше, а пока что несём на своей спине всю тяжесть войны». Он говорил о праве польского правительства на власть в освобождённой Польше: «советские войска ...дойдут до Польши, освободят Польшу от немцев и отдадут ее польскому правительству...» [11]. Понятно, что другого польского правительства, кроме «лондонского», не было. В таком ключе советский руководитель размышлял последний раз.

В целом, беседа Сталина и Ромера имела общую позитивную тональность. Демонстрировался поиск «точек» взаимодействия. Москва не закрывала возможности диалога («нужно покончить с крайностями»). Видимо, и Сикорский, обращаясь к Сталину, рассчитывал на сохранение в отношениях с СССР атмосферы нахождения компромиссных решений ценой небольших политических уступок. Хотя стороны задавали пределы компромисса (граница до 1 сентября 1939 г. – для Польши; граница после 17 сентября – для СССР), советская сторона

---

* Незадолго до встречи со Сталиным Ромер писал в Лондон об отсутствии сомнений в том, что «факт полного ухода из России польских вооружённых сил сделал беспредметными военные договоренности с советским правительством и лишил [Польшу] главных политических козырей в дальнейших отношениях с Советами» (Цит. по: *Duraczyński E.*. Stalin. Twórca i dyktator supermocarstwa. – Pułtusk-Warszawa. 2012. S. 440).

приняла предложение Т. Ромера о продолжении переговоров на уровне посольства. Посол предложил обсудить два вопроса: о пропаганде («чтобы избежать выступлений друг против друга») и о гражданстве («помощь польским гражданам в СССР и др.»). Сталин не возражал. Собеседники условились, что местом переговоров будет Москва и советскую сторону представит В.М. Молотов.

Согласие Сталина на дальнейшие переговоры с правительством Сикорского подтверждает тезис польского историка В. Матерского, что «советские власти тогда ещё были готовы на какое-то компромиссное решение» трудных межгосударственных проблем[12]. В заключение продолжительной беседы прозвучала признательность посла Польши Сталину «за проявленную добрую волю к устранению трудностей из советско-польских отношений»[13].

Докладывая в Лондон министру иностранных дел Польши Э. Рачиньскому о состоявшейся встрече с советским лидером, Ромер так определил позицию Сталина и Молотова: «Они не сторонятся от бесед с нами, разрыва отношений не хотят, на него не рассчитывают и хотели бы договоренностей без посредников». Выше упомянутое сообщение ТАСС отчасти подтверждало соображения польского посла, но вызвало непримиримый ответ Польского Агентства Печати 5 марта 1943 г. Продолжение переговоров становилось малореальным. Тогда казалось, что столь высокого политического напряжения между странами за прошедшие почти два года потеплений и охлаждений не было [14].

Состоянием отношений между Москвой и «польским» Лондоном было весьма озабочено правительство ближайшей союзницы Польши – Великобритании. Накануне отъезда А. Идена в Вашингтон, где он находился с 12 по 30 марта 1943 г., министр посетил советского посла И.М. Майского. Как записал в дневнике посол, произошел «любопытный разговор». Он любопытен и одновременно важен тем, что обсуждался значительный круг международных проблем и советский посол, оценивая политику Польши, высказывал «в абсолютно частном порядке» и «только личное мнение», но излагал принципиальные позиции руководства страны по коренным разногласиям в советско-польских отношениях.

Не менее важно другое обстоятельство. Английский министр заявил, что направляется в США, чтобы «иметь общее представление о том, что думают американцы по ряду интересующих нас [Великобританию и СССР – А.Н.] проблем... Не больше». Первая проблема – Германия, вторая – Польша. «Каково её будущее?» «Что с ней делать?». Обсуждение шло вокруг ситуации с советско-польской границей. Собеседники были согласны с «линией Керзона», но Идена тревожила судьба Львова. На что Майский заявил: «принимаем линию Керзона "в об-

щем и целом"...Можно будет договориться», но Львов не отдадим. Иден сожалел, « что в последнее время наблюдается обострение отношений», жаловался на поляков: «мы [английское правительство], со своей стороны, всячески противодействуем нынешним тенденциям поль[ского] пра[вительства]...Но влиять на него нелегко», выражал беспокойство за будущее Польши. «Мы, отвечал Майский, стоим за независимую и свободную Польшу, но в её этнографических границах. Такой Польше мы охотно поможем...».

Посол продолжал рассуждать: «Вся беда, однако, в том, что лондонское польпра думает совсем о другом... Оно полно империалистических устремлений! ...Это, впрочем, в духе всей польской истории. Поляки никогда не могли создать прочного, систематически растущего государства... Сущность государственной мудрости состоит в том, чтобы ставить себе в политике цели, совместимые с имеющимися в твоём распоряжении силами и средствами. Поляки никогда не поступали в соответствии с этим принципом». Майский настаивал: правительство Польши этого не понимает, «иначе оно не вело бы такой нелепой линии. Ведь совершенно очевидно, что в результате войны СССР станет решающей силой в Восточной Европе, – какой же смысл польпра ссориться с СССР? Тем более что есть полная возможность не ссориться». Размышления Майского поддержал А. Иден: «В ваших словах много правильного»[15].

10 марта 1943 г. Майский имел ещё один, «предотъездный» разговор с Иденом, и в тот же день направил телеграмму в НКИД, где сообщал: «Иден просил передать советскому правительству, что целью его поездки в США является лишь выяснить точку зрения американцев по целому ряду стоящих на очереди вопросов, в частности послевоенного устройства Европы, Германии, Польши и т.д., но что никаких связывающих обещаний он давать там не собирается». И далее: «Иден прямо не сказал, что он в Америке произведёт необходимый зондаж по различным, интересующим три державы вопросам, и после этого вступит в контакт с нами», но отмечал, что видит одну из главных своих задач в США в том, чтобы «разъяснить американцам, как важно активное участие СССР, на правах абсолютного равенства (подчёркнуто А.Н.), в разрешении всех послевоенных проблем»[16].

Такая информация чрезвычайной важности свидетельствовала: СССР является столь значимым партнером для Великобритании, что она готова к признанию равенства советского представителя в «большой тройке» и, несомненно, уважения послевоенных интересов СССР. Это давало Москве основания сомневаться в устойчивой поддержке англичанами поляков в их конфликте с СССР.

В середине марта 1943 г. Черчилль получил от Идена первые итоги переговоров с политическим руководством США. Что касается Польши, министр сообщал: Рузвельт не предвидит серьезных трудностей в польском вопросе, и считает, что если полякам отдать Восточную Пруссию и часть Силезии, тогда можно получить их согласие на «линию Керзона»*. Через некоторое время подобную информацию получил от Идена и советский посол в США М.М. Литвинов. По сути дела, на переговорах с американскими политиками Иден обсуждал тот компенсационный вариант, который в декабре 1941 г. в Москве Сталин предлагал Сикорскому, затем самому Идену. Теперь он приобретал форму коллективного мнения лидеров трёх держав. 25 марта Майский записал некоторые тезисы беседы с заместителем Идена А. Кадоганом, где под пунктом 3 говорилось: «Польша – должна принять, о чём договорится «большая тройка»[17].

13 апреля И.М. Майский телеграфировал в Москву фактически отчёт о поездке английского министра в США, составленный со слов последнего. Он состоял из 19 пунктов. Первые пять пунктов касались тех трудностей, с которыми встретился Иден, ибо «в США нелегко установить среднюю равнодействующую "американского взгляда" на любой вопрос, даже в рамках самой администрации. Тем не менее, «по впечатлениям Идена, ...Рузвельт и его группа ...считают, что тесное взаимодействие США с СССР после войны абсолютно необходимо, однако не уверены, что оно действительно будет иметь место».

Следующим крупным вопросом под пунктом 6 значилась Германия, точнее, что с ней делать после войны, и далее опять Польша. «Вопрос о Польше, по словам Идена, довольно серьёзно занимает американское правительство». «Однако, писал Майский, из-за Польши оно не хотело бы ссориться с нами. Общее впечатление Идена сводится к тому, что Рузвельт и его группа склонны принять линию Керзона на Востоке и компенсировать Польшу Восточной Пруссией и частью Силезии на Западе. Во всяком случае, рузвельтовцы понимают, что в вопросе о Польше должно быть достигнуто соглашение с СССР»[18].

Таким образом, к середине апреля 1943 г. прояснились представления западных партнеров Сталина по вопросу границ послевоенной Польши. Тем самым заметно снизилась объективная заинтересованность Москвы в достижении прямых договоренностей по этой проблеме с пра-

---

* По данным польского историка Я. Тебинки, на встрече 15 марта с Иденом Рузвельт, реагируя на высказанные министром опасения, что на мирной конференции Польша потребует восстановления ее восточных послевоенных границ, резко заявил, что «великие державы будут решать, что получит Польша, и он не намерен ехать на мирную конференцию, чтобы торговаться с Польшей и другими малыми странами». (*Tebinka J.* Polityka brytyjska wobec problemu granicy posko-radzieckiej.1939-1945. – Warszawa, 1998. S. 241)

вительством Сикорского. Вскоре «снялась» сама собой и проблема практического взаимодействия Армии Крайовой с Красной армией, что настоятельно предлагал Ромер Сталину в конце февраля 1943 г. Разразился крупнейший международный скандал, вызванный сообщением немецкого радио 13 апреля об обнаружении в Катыни под Смоленском останков 10 тысяч польских офицеров, расстрелянных весной 1940 г. по решению советского руководства. Замысел гитлеровцев, которые не вдруг узнали о существовании этих захоронений, состоял в том, чтобы изнутри взорвать коалицию великих держав через абсолютную морально-политическую дискредитацию Сталина и в его лице СССР. По меньшей мере, в ослаблении влияния советского лидера в «большой тройке» было заинтересовано и польское правительство, которое рассчитывало в этой обстановке усилить свои позиции в территориальном споре с Москвой.

Хотя 15 апреля немецкая информация была резко опровергнута сообщением ТАСС [19], которое для польской стороны, знавшей об «исчезновении» польских офицеров (знали и в Лондоне, и в Вашингтоне), давало повод для обращения к Москве за разъяснениями, были сделаны другие шаги. В тот же день последовало указание польскому представителю в Женеве обратиться в Международный Комитет Красного Креста (МККК) на предмет его участия в расследовании «инцидента». Правительство Германии опередило поляков аналогичным обращением. Так поспешный поступок польской стороны придал польскому обращению в МККК характер демарша, совместного с Германией[20]. Это активно использовала советская пропаганда. Рефреном материалов в печати и на радио был тезис: поляки пошли на сговор с гитлеровцами, что истине не соответствовало, но позволяло так изображать суть дела.

Между тем, немецкая информация воздействовала на ситуацию внутри антигитлеровской коалиции и политическую атмосферу в оккупированной Польше. Гитлеровская «бомба», правда, не вызвала того мощного взрыва среди польского населения и военно-политического подполья, на который рассчитывал Берлин, но усилила антисоветскую направленность печати правых группировок, полностью исключила перспективу договоренности руководства правительственного лагеря и Польской рабочей партии (ППР), повлекла изменения в тактике АК. Командующий АК генерал С. Грот-Ровецкий 29 апреля информировал «польский» Лондон: «используя наш теперешний конфликт с Россией, ограничил боевые операции против вермахта, особенно, на коммуникациях, ведущих на восток, усилил террористические акции против гестапо, полиции и немецкой администрации, но они [немцы], замечал командующий, на это не реагируют»[21]. Расшифровать эту фразу можно так: мы (поляки) не будем мешать вам (немцам) воевать с СССР, но мы против вас и вашей политики на нашей земле.

Не была достигнута и главная цель гитлеровцев – развал или, по меньшей мере, резкое обострение отношений в коалиции. Возник, однако, ряд негативных долгосрочных последствий, прежде всего, для польского правительства, и трудностей для его союзников.

Антисоветские публикации польской печати в Лондоне, подхватившей информацию гитлеровцев, вызвали возмущение советской стороны. Но, стремясь снизить вероятность острого советско-польского конфликта, Москва подала «польскому» Лондону свой «сигнал» и не один. Нарком иностранных дел СССР В.М. Молотов, отвечая 16 апреля на письмо-уведомление посла Т. Ромера от 31 марта 1943 г. о намерении посольства «приступить к выдаче польских паспортов категории беспаспортных польских граждан», сообщил: «советским компетентным органам даны соответствующие указания и инструкции о порядке выдачи видов на жительство польским гражданам, находящимся на территории Советского Союза». Далее говорилось о том, что в течение двух месяцев они должны получить польский паспорт. Тем самым был сделан шаг навстречу польскому правительству, рассчитанный на то, чтобы удержать его от резких действий.

Далее, как следует из переписки советского руководства с А.Н. Богомоловым, послом СССР при правительствах ряда стран, работавших в эмиграции, Москва намеревалась действовать осторожно. В связи с публикацией в газете «Дзенник Польский» статьи «Вопрос о пропавших польских офицерах», Богомолову 16 апреля 1943 г. было рекомендовано «заявить Сикорскому официальный устный протест» против «безобразий польской прессы». Посол, со своей стороны, считал целесообразным усилить форму предупреждения и передать Сикорскому «ноту протеста, подчеркнув в ней несовместимость такого рода пропаганды с существованием нормальных дипломатических отношений между двумя странами, находящимися в войне с общим противником», о чём посол писал в Москву вечером 16 апреля[22].

Из Москвы последовала иная рекомендация. Она была связана со стремительным развитием действий «польского» Лондона. Министр обороны польского правительства М. Кукель 16 апреля разослал коммюнике, которое содержало обращение Польши в МККК. Опубликованное на следующий день, оно вызвало в Москве непонимание и тревогу. 17 апреля Молотов запросил у советского посла объяснений: «Срочно сообщите, чем, по вашим данным, объясняется, что коммюнике опубликовано не от имени правительства, а от имени министра обороны? Чем следует считать опубликование такого коммюнике, явно означающего помощь и услугу Гитлеру. Видимо, верх взял [Главнокомандующий] Сосновский и его клика. ... Ответы телеграфьте (так в тексте – А.Н.) немедленно»[23].

17 апреля 1943 г. от имени польского правительства, где не было единодушного отношения к действиям Кукеля, было опубликовано заявление с обращением в МККК за помощью в расследовании расстрела польских офицеров. Текст заявления подготовили вице-премьер С. Миколайчик, бывший посол в СССР С. Кот, министр иностранных дел Э. Рачиньский и М. Кукель*[24]. Отметим, что обращения польской стороны к советскому руководству за разъяснениями всё ещё не было. Москве оставалась неясной и позиция главы кабинета В. Сикорского, что вызвало вышеупомянутые вопросы Молотова к Богомолову.

Ответ советского посла последовал вечером 18 апреля. Излагались содержание коммюнике Кукеля и причины появления документа, подписанного министром обороны, – «англичане сдерживают Сикорского». Значительно важнее для советского руководства была другая часть шифртелеграммы: «По информации тов. Майского, у Черчилля, Идена и Рузвельта слагается мнение, что польское правительство не вернётся в свою страну, но что Сикорского надо сохранить и добиться его возвращения в Польшу». И далее, имея в виду усилия польской стороны использовать ситуацию для постановки вопроса о польско-советской границе, Богомолов писал: « ...английское правительство более-менее сдерживает поляков в их желании развернуть бешеную антисоветскую агитацию на эту тему. Переговоры Идена с Рузвельтом не дали полякам желанных, твёрдых, публичных обещаний» [25].

Действительно, ни Черчилль, прежде всего, ни Рузвельт, для которых архиважной целью был разгром вермахта ценой, главным образом усилий Красной армии, не относили интересы и территориальные споры польского правительства с СССР к приоритетам своей политики. Для них, как и для Сталина, первоочередным было сохранение единства великих держав для разгрома Германии, а вовсе не выяснение правды и определение виновников гибели польских офицеров, что и определяло линию их политического поведения в советско-польском конфликте.

Персонально для Сталина, получившего оглушительный политический удар по репутации и авторитету страны, на данный момент важнее всего было остановить участие поляков в процессе выяснения этого дела. Тактика советской стороны ужесточилась. В качестве ответа Кукелю 19 апреля в «Правде» была опубликована резкая статья «Польские сотрудники Гитлера» и затем ещё ряд подобных материалов. 20 апреля «Известия» в том же духе реагировали на заявление польского прави-

* Сталин накрепко запомнил эти имена и в дальнейшем не допустил их какой-либо причастности к формированию послевоенного коалиционного правительства Польши. Под давлением союзников было сделано исключение для Миколайчика, но только после публичного признания им советско-польской границы по «линии Керзона».

тельства. В сообщении ТАСС 21 апреля говорилось, что это правительство «делает новые шаги к ухудшению отношений с СССР»[26].

20 апреля, то есть во время советского перехода в пропагандистское и дипломатическое «наступление», была подписана нота польского правительства, адресованная правительству СССР. На заседании польского правительства 21 апреля говорилось будто бы о вручении её советской стороне. Но в действительности по неясным причинам нота дошла до Богомолова с опозданием в несколько дней, что подтверждается шифртелеграммой посла «о получении личной ноты Рачиньского», отправленной Сталину 23 апреля в 22:00. Советский посол сообщал, что польский министр просит «о предоставлении полных и точных сведений, касающихся судьбы военнопленных и гражданских лиц, содержавшихся прежде в лагерях в Козельске, Старобельске и Осташкове»[27].

Умышленной или случайной была столь длительная задержка этой ноты, но опоздание уже не имело никакого значения. МККК отказал в направлении специальной делегации для обследования захоронений польских офицеров. Сталин тоже был близок к жёсткому решению. 21 апреля он обратился с личными посланиями к У. Черчиллю и Ф.Д. Рузвельту, где доводил до сведения союзников, что «советское правительство пришло к выводу о необходимости прервать отношения с этим [польским] правительством». В аргументации столь политически ненужного для Черчилля и Рузвельта решения, «уживались» правда о том, что правительство Сикорского «даже не сочло нужным обратиться к советскому правительству с какими-либо вопросами или за разъяснениями», и искусно поданная неправда: польское правительство, «скатившись на путь сговора с гитлеровским правительством, фактически прекратило на деле союзные отношения с СССР»[28].

Западные партнеры Сталина оказались в безвыходной ситуации. Они фактической поддерживали СССР, поступившись выяснением истины и интересами своей польской союзницы, включая её территориальные претензии. Правда, 21 апреля Иден по поручению Черчилля предпринял попытку оказать давление на Сикорского, склонить генерала «во имя общих интересов» отозвать польское обращение в МККК и признать советскую версию гибели польских офицеров. Он убеждал Сикорского, что действия его правительства ведут Польшу «к полному проигрышу с Россией», что выиграют Германия или Россия, «но не Польша», что польское правительство «оказалось в тупике» и Великобритания не хочет оказаться там же вместе с поляками. Генерал парировал: «в тупике Россия... на ее стороне сила, а на нашей [польской] – справедливость». Иден предрекал: «Россия перебросит на вас всю ответственность за разрыв отношений»[29]. Сикорский согласился лишь на отзыв польского документа из МККК, что и произошло.

В тот же день, 21 апреля, при вручении английскому премьер-министру послания Сталина состоялся продолжительный разговор И.М. Майского с Черчиллем и министром информации Б. Бракеном. Он отразил уже сделанный союзниками выбор позиции. Вопрос «о поведении польпра в истории с последней провокацией Геббельса» поднял советский посол, отметив, что «это уже переходит всякие границы. Совпра не меньше британра сознает важность поддержания единства среди союзников. Исходя из этого, оно проявляло в течение более года изумительное терпение в отношении польпра и польской эмиграции. Но всему есть предел. Сейчас этот предел достигнут, и совпра вынуждено было круто реагировать»[30].

Для понимания политики английского правительства чрезвычайно важна реакция Черчилля на информацию о предполагаемом расследовании МККК обстоятельств гибели польских офицеров: «Премьер с раздражением воскликнул: "Что за чепуха! Какое может быть расследование при наличии немецкой оккупации?"...Я (Майский – А.Н.) сказал, что весь проект расследования надо "убить" в самом же начале. Между тем, британра и британресса молчат, создавая впечатление, что они, если не сочувствуют данному проекту, то, во всяком случае, против него не возражают. Бракен, воскликнул Черчилль, надо немедленно же "убить" всю эту идиотскую затею. Примите меры... Но все-таки этот конфликт между вами и поляками крайне неприятная штука. Его надо возможно скорее рассосать». И остановившись на политической судьбе Сикорского, который «находится в критическом положении», так как «"экстремисты " ведут против него бешеную кампанию, обвиняя в слабости и угодничестве перед большевиками», Черчилль адресовал Москве своё предложение: «в отношении нынешнего польпра надо действовать с осторожностью», то есть сохранить правительство во главе с Сикорским. Заканчивая разговор с советским послом, английский премьер сделал общий вывод: «Этим польским вопросом придется заняться вплотную... В самые ближайшие дни».

Иными словами, в Лондоне Москве намекали не разрывать отношений с Польшей, их следует урегулировать на выгодных условиях. При этом гарантировали сохранение англо-советских союзных отношений в любом случае. Свидетельство тому – фраза Черчилля, записанная советским послом отдельно от изложения состоявшегося диалога: «Если бы утверждения немцев даже оказались правильными, мое отношение к вам все равно не изменилось бы. Вы храбрый народ, Сталин – великий воин, а я сейчас ко всему подхожу, прежде всего, как солдат, который заинтересован в скорейшей победе над общим врагом». Итак, вы воюйте, а мы «закроем глаза» на всё остальное, ибо, по словам Черчилля, «на войне всё бывает» и командиры низших рангов, предоставленные

самим себе, иногда способны «творить ужасные вещи» [31]. Это уже адресовалось лично Сталину, который, как следует из дальнейшего развития событий, уступать или отступать не собирался, тем более, что уже знал о сомнениях союзников в перспективе возвращения этого польского правительства в Польшу.

Столь жёсткий способ «развязки» конфликта в отношениях СССР с Польшей был крайне нежелательным особенно для Черчилля. Несомненно, он был губителен для самого польского правительства, и в первую очередь для генерала Сикорского, человека, которому западные союзники доверяли. Отстранение его с поста премьер-министра могло бы означать исчезновение всяких надежд на компромисс с СССР, в первую очередь, по вопросу послевоенных границ. В достижении компромисса Черчилль и Рузвельт были тогда весьма заинтересованы, ибо от этого зависели место союзной им Польши в коалиции и особая роль ее антисоветски настроенного правительства. Отвечая на послание Сталина, оба лидера разными словами, но предлагали Сталину считать его намерение не разрывом, а «последним предупреждением» полякам (24 апреля – Черчилль), «временным прекращением переговоров» Москвы и «польского» Лондона (26 апреля – Рузвельт), но не полным разрывом дипломатических отношений СССР с польским правительством[32].

Между тем, в Москве вопрос о прекращении отношений с польским правительством был «уже делом решённым», о чём 25 апреля Сталин уведомил Черчилля. В ночь с 25 на 26 апреля 1943 г. в Наркоминделе послу Польши Т. Ромеру была зачитана соответствующая советская нота, текст которой проявился в советской печати вечером 26 апреля 1943 г. В связи с этим событием Майский 27 апреля записал в своём дневнике: « Мне кажется, что нашей целью является взорвать правительство Сикорского и очистить путь для создания более демократического и дружественного польпра к моменту или в момент, когда Красная армия окажется на польской территории. Такая линия правильна: ....лондонская эмиграция, включая польпра Сикорского, совершенно безнадёжна. Однако проведение данной линии натолкнется на известные затруднения – со стороны Англии и ещё больше США. Что ж, их надо будет преодолеть... Из нашей ноты я делаю следующий вывод: совпра чувствует себя сейчас, накануне военных событий нынешней летней кампании, очень уверенно и находит момент подходящим для того, чтобы на деле сказать Англии и США – "в делах Восточной Европы – хозяин я!". Это приятно»[33].

Майский был прозорлив и весьма близок к реальному пониманию курса, взятого Сталиным на польском направлении, а именно: к отношениям с этим конкретным правительством не возвращаться. Понимали это и в Лондоне, где пытались предотвратить такой ход событий, «сдерживали» поляков, которые «петушились», понуждая их осторож-

но формулировать ответ Москве. 29 апреля Майский так описал процесс создания этого ответа: «первоначальный проект польского коммюнике дважды возвращался [англичанами] польпра для переделки. Передавали, будто бы Черчилль крепко ругал поляков за их поведение... только 28[-го] к вечеру появилось, наконец, столь долгожданное и несколько раз откладывавшееся польское коммюнике... Текст оказался хуже, чем можно было предполагать. Поляки стояли на своём»[34].

Стремясь несколько смягчить негативные оценки советским послом польского коммюнике, над созданием которого Черчилль и Иден, по словам последнего, «сильно попотели», английские руководители сообщили, что принимают меры для того , «чтобы привести польпрессу в надлежащий вид», что «позиция британра в вопросе о польских границах ни на йоту не изменилась... [и] британра по-прежнему ни в какой мере не гарантирует польских границ 1939 г.!»[35].

Для советского руководства после фактического разрыва отношений с Польшей такие обещания и наставления: «Надо же все-таки поискать путей для урегулирования возникшего конфликта!» (Черчилль), уже не имели существенного значения. Действия западных партнеров Сталина в ходе конфликта, в частности признание реакции правительства Польши на немецкую информацию «тяжёлой ошибкой», показали Москве, что сохранение взаимодействия с СССР для них значительно существенней союзных отношений с Польшей, включая вопрос о её послевоенных границах. Они показали и то, что Польша утрачивала позицию и до этого конфликта «скромного» субъекта антигитлеровской коалиции. Теперь польское правительство не могло быть прямым партнёром в треугольнике: западные державы – СССР – Польша. При обсуждении польских проблем она становилась объектом согласованной или «индивидуальной» политики главных союзников по коалиции, её действия на международной арене заметно ограничивались. Таким образом, стремление польской стороны, используя немецкую информацию, политически и морально «обезоружить» Сталина перед США и Великобританией сыграло контрпродуктивную роль в судьбе правительства Польши и в целом польской эмиграции в Лондоне.

Для Москвы же ситуация была «зеркальной». Отношения с Польшей возвращались на исходные рубежи лета 1941 г.*. СССР приобре-

---

* Уместно привести запись Майским беседы 26 мая 1943 г. с Д. Ллойд Джорджем, мудрым и опытным политиком времён Первой мировой войны: «Говорили также о Польше. Ллойд Джордж поддерживает нашу позицию и ругает поляков, ...считает, что для СССР сейчас выгоднее всего было бы игнорировать польпра и не торопиться с его "реорганизацией", так как всё равно удовлетворительного состава польпра получить не удастся: за границей нет таких элементов. Когда же Красная армия займёт границы 1941 г., всё само собой придёт в порядок» (*Майский И.М.* Дневник дипломата : Лондон. 1934–1943 : В 2 кн. Кн. 2. Ч. 2: 22 июня 1941 – 1943 год. – М., 2009. – (Научное наследство : Т. 33). С. 295).

тал возможность, не оглядываясь на союзников, «подождать» такого по составу польского государственно-политического партнера, который будет готов принять советский вариант установления территории и границ послевоенного польского государства.

Тем не менее, использованный в советской ноте термин «перерыв», вместо принятого в дипломатической практике «разрыв» отношений, свидетельствовал не о радикальной смене курса на польском направлении, а о допуске вариативности при определении в Москве нового польского партнёра. Фактически об этом писал Сталин Черчиллю 4 мая 1943 г. Высказав сомнения, что «Сикорский сумеет сохранить лояльность в отношениях с Советским Союзом», Сталин не был против того, «чтобы Великобритания, СССР и США приняли меры к улучшению состава нынешнего польского правительства», но присоединялся к сомнениям Рузвельта, чтобы «нынешнее польское правительство ... имело шансы вернуться в Польшу и стать у власти». 6 мая об этом же говорил на пресс-конференции заместитель наркома иностранных дел А.Я. Вышинский: «...в мире нет ничего неизменного. Вопрос лишь в том, как изменить, когда изменить и в каком направлении. Всё зависит от конкретных условий, обстановки, позиции сторон» [36].

Черчилль продолжал вовлекать советского лидера в рассуждения о судьбе польского правительства. В послании Сталину 12 мая английский премьер соглашался с тем, что «можно улучшить состав польского правительства, хотя было бы весьма трудно найти кого-либо получше». Он полагал, что «Сикорский и некоторые другие [политики], во всяком случае, должны быть оставлены в правительстве», оговаривался, что Сикорский, «вероятно, не сможет произвести перемены немедленно, но я всеми способами постараюсь убедить его действовать в этом направлении по возможности скорее. Я буду обсуждать это с Президентом Рузвельтом» [37].

Вскоре в переписке глав великих держав сугубо военно-оперативные вопросы потеснили польский «сюжет». Но он вовсе не исчез, переместившись летом 1943 г. на уровень деятельности посольств. Теперь союзники, прежде всего Великобритания, крайне заинтересованная в урегулировании конфликта и сохранении Сикорского во главе правительства Польши, предлагала Москве в качестве партнёра польское военно-политическое подполье. Так, 15 июня английский посол А.Д. Керр Кларк вручил наркому В.М. Молотову информацию о деятельности этого подполья по прямому указанию из Лондона с июня 1942 по весну 1943 гг., а 16 июня направил тому же адресату письмо об активизации сопротивления в оккупированной Польше.

В письме утверждалось: «Польское правительство создало в Польше в высшей степени действенную организацию, находящу-

юся под централизованным руководством, которая в течение длительного времени вносит ценный вклад в дело союзников, и преждевременно пожертвовать которой было бы большой ошибкой». Далее посол намекал, что поляки могут помочь Советскому Союзу разрушением жизненных коммуникаций немцев, считал, что «не надо побуждать поляков к всеобщему восстанию, как это делает радиостанция Костюшко»*, и сообщал, что «после прекращения советско-польских отношений британские власти убеждали ген. Сикорского в возросшем значении воздержания от нападок на СССР». Подобные предложения Сталину признать польские подпольные структуры главным политическим фактором в Польше и партнером Москвы западные союзники делали и позднее, но они оставались без положительной реакции Москвы [38].

В новых военно-политических обстоятельствах, когда победа Красной армии на Курской дуге разрушила сомнения в том, чья армия завладела военно-стратегической инициативой и именно она вступит на польскую землю, когда погиб В. Сикорский**, политик, с которым Москва имела позитивный опыт контактов, советское руководство поменяло иерархию политических приоритетов на польском направлении. Теперь условием нормализации отношений с польским правительством всё больше становился не вопрос о советско-польской границе, а проблема благоприятного для СССР состава и внешнеполитического курса этого правительства.

Появление летом 1943 г. нового правительства Польши во главе с лидером крестьянской партии С. Миколайчиком, политиком демократических убеждений, однако не склонным на территориальные уступки Москве, не было положительно встречено советской стороной. В его составе оставались те, кто был активен в использовании немецкой информации против СССР, что в Кремле, несомненно, помнили. Кроме того, от предлагавшихся контактов с подчинявшимся правительству подпольем Москву сдерживала регулярно поступавшая агентурная информация о военно-политических планах этого подполья.

Так, в августе 1943 г. Сталину был доложен «Отчёт уполномоченного польского эмигрантского правительства в Лондоне, нелегально находя-

---

* Речь идет о радиостанции, вещавшей на Польшу от имени общественной организации «Союз польских патриотов», созданной с согласия советского руководства и при участии польских коммунистов весной 1943 г.

** Накануне авиационной катастрофы генерал публично говорил о намерении посетить Москву, встретиться со Сталиным и совершить «принципиально важный, конструктивный поворот в советско-польских отношениях, смирившись с изменением восточных границ Польши» (*Яжборовская И.С., Яблоков А.Ю., Парсаданова В.С.* Катынский синдром в советско-польских и российско-польских отношениях. – М., 2001. С. 164).

щегося на территории Польши, о подготовке националистическим подпольем антисоветских акций в связи с наступлением Красной армии». В документе, подготовленном на основе данных разведки, утверждалось, что военное подполье на всей территории довоенной Польши весьма обеспокоено продвижением Красной армии на запад и планирует восстание в западных районах Украины и Белоруссии. Восстание задумано «исключительно с целью показать всему миру нежелание населения принять советский режим»[39].

Располагая такой информацией, Сталин вряд ли мог позитивно реагировать на обращённые к нему призывы английского министра по делам колоний О.Ф. Стэнли и посла А.Д. Керра Кларка 11 августа во время приема в Кремле. Они убеждали его «сделать что-либо, что, по мнению наших правительств, заложит основы не только для восстановления нормальных отношений между советским и польским правительствами на равной и прочной базе, но и для дружественного и добрососедского сотрудничества после войны»[40].

В этой связи следует отметить, что ещё весной 1943 г. советское руководство дало согласие на создание в СССР Союза польских патриотов и польской пехотной дивизии им. Т. Костюшко в составе Красной армии. Происходила постепенная и дозированная активизация левой польской эмиграции при руководящем участии польских коммунистов. Тем самым была обозначена перспектива устранения советско-польских разногласий, а они в первую очередь касались вопроса о восточной границе Польши, с другим польским партнером Москвы.

Западные союзники такую перспективу заметили и обеспокоились (Черчилль). Но Кремль проявлял большую сдержанность в развитии этого политического направления. В принципе не отказывая левой эмиграции в намерениях создать некий польский «центр» в СССР, советское руководство до конца 1943 г. и позднее удерживало ее от «резких» решений. Это сдерживание – предмет другого исследования[41]. В данном случае оно свидетельствует, что в Москве всё ещё не считали разрыв отношений с легитимным польским правительством раз и навсегда решённым вопросом и не блокировали вариативность развития политических событий.

Надеялись на это и западные союзники, которых успешное для СССР развитие военно-оперативных действий на восточном фронте подталкивало к заблаговременным договорённостям на личных встречах глав великих держав о ведении войны, судьбе Германии, послевоенном урегулировании посредством определения европейских «сфер ответственности».

В рамках столь «узкого круга» лиц предполагалось решать и вопрос границ, и территории послевоенной Польши. Инициатором

трёхсторонних встреч на высшем уровне выступил Ф.Д. Рузвельт в самом конце 1942 г. (шла Сталинградская битва), затем в 1943 г. не единожды возвращался к этой идее, обеспокоенный задачей «употребить все усилия, чтобы вместе с Англией оккупировать большую часть Европы». Президент был убеждён, что «мы [американцы] должны дойти до Берлина. Тогда пусть Советы занимают территорию до него. Но Берлин должны взять Соединённые Штаты»[42].

О том, что территория Польши, а значит и её границы, будут отнесены к «ведению» Советского Союза, Рузвельт признавал 19 ноября, то есть после встречи 19–30 октября министров иностранных дел государств «большой тройки» в Москве, и за 10 дней до открытия 28 ноября 1943 г. конференции глав великих держав в Тегеране.

Между тем на встрече министров иностранных дел центральными были такие крупные проблемы, как, например, открытие второго фронта во Франции весной 1944 г., и вопрос будущих границ Польши предметно не обсуждался. Попытку его поставить предпринял Иден, накануне пообещав С. Миколайчику не делать этого в отсутствие представителя польской стороны. Но попытка английского министра не удалась. Он не получил поддержки американского коллеги и советского наркома. Последний в этой связи жёстко заметил, что «польско-советские отношения – вопрос, который интересует исключительно эти две страны»[43].

1943 год заканчивался крупным политико-дипломатическим событием, происходившим в Тегеране. На конференции глав великих держав обсуждались коренные военно-стратегические и геополитические проблемы, получившие развитие и окончательное оформление в решениях двух следующих таких встреч в 1945 г. Но именно в Тегеране Сталин, Черчилль и Рузвельт окончательно согласовали открытие второго фронта в Европе в середине 1944 г., в чём, по понятным причинам, был особенно заинтересован Сталин. Он заявил об участии СССР в войне с Японией, но после разгрома Германии. Политики обсуждали послевоенное будущее этой страны и целый ряд иных проблем и вопросов.

В отсутствие представителя правительства Польши, как впрочем, и правительств других «малых» и «больших» стран Европы, союзники обсудили польские «дела». Черчилль и Рузвельт ещё раз пытались склонить Сталина к восстановлению отношений с польским правительством, который прямо не отказывал, но его условие (обязательство этого правительства прекратить «враждебную политику» в отношении СССР, то есть согласиться на «линию Керзона») делало весь «сюжет» бесполезным. Другое дело – позиция партнёров Сталина по вопросу советско-польской границы и территории послевоенной Польши.

Широко известно воспринятое участниками конференции предложение Черчилля о «трёх спичках», которыми английский премьер

продемонстрировал передвижение границ Германии, Польши и СССР в западном направлении, как способе обеспечить послевоенную безопасность СССР от новой, как тогда считали, германской агрессии.

Принципиальное и единодушное согласие союзников на советско-польскую границу 1941 г., на включение Кёнигсберга и части Восточной Пруссии в состав СССР, и на компенсацию территориальных потерь довоенной Польши передачей ей восточных провинций Германии Молотов назвал «лучшим выходом из положения» [44].

В целом 1943 год заканчивался для стран антигитлеровской коалиции успешно. Западные союзники и персонально У. Черчилль и Ф.Д. Рузвельт в ту пору расценивали этот военный год как весьма удачный. При достаточно ограниченном боевом участии (по сравнению с советскими усилиями) в вооружённой борьбе с Германией, что рассчитывали «наверстать» в 1944 г. открытием второго фронта в Европе, они утвердили за собой и вместе со Сталиным роль главных политических организаторов послевоенного порядка в Европе.

Весьма успешным был 1943 год для СССР. Победно завершился ряд масштабных военных операций Красной армии, переломивших в пользу СССР положение на главном, восточном, фронте Второй мировой войны. Сформировались решающие предпосылки для успешных действий в 1943 г. советского руководства и персонально Сталина и Молотова на внешнеполитической арене.

Одним из таких успехов было предрешение на конференции в Тегеране перехода восточного региона Европы в «сферу ответственности» СССР. Судьбы Польши это касалось напрямую, что отразило согласование союзниками границ и территории этой страны так, как того добивалась, начиная с декабря 1941 г., советская сторона. Москва связывала обеспечение внешнеполитической безопасности СССР после войны с изменением геополитического положения Польши на континенте.

Примечания:

[1] См. подр.: *Филитов А. М.* В комиссиях Наркоминдела // Вторая мировая война. Актуальные проблемы. – М., 1995.
[2] *Duraczyński E.* Rząd polski na uchodźstwie.1939-1945. – Warszawa, 1993. – S. 212–214.
[3] Там же. – С. 215.
[4] Документы и материалы по истории советско-польских отношений (Далее ДМИСПО). Т. VII. М., 1973. – С. 330–343.
[5] Sprawa poska w czasie drugiej wojny światowej na arenie międzynarodowej. Zbiór dokumentów. – Warszawa, 1965. S. 325; ДМИСПО. Т.VII. – С. 348–349.
[6] ДМИСПО. Т. VII. – С. 349.
[7] ДМИСПО. Т. VII. – С. 350–351.
[8] Сталин и Польша. 1943–1944 годы. Из рассекреченных документов российских архивов \\ Новая и новейшая история. 2008. № 3. – С. 110–124; 117–118.

[9] Там же. – С. 111–112.
[10] Там же. – С. 112–113.
[11] Там же. – С. 119, 122
[12] *Materski W.* Na widecie. II Rzeczpospolita wobec Sowietów. – Warszawa, 2005. – S. 672.
[13] Сталин и Польша... – С. 123–124.
[14] Цит. по: *Duraczyński E.* Rząd polski…. – S. 219.
[15] *Майский И.М.* Дневник дипломата : Лондон. 1934–1943 : В 2 кн. Кн. 2. Ч. 2: 22 июня 1941 – 1943 год. – М., 2009. – (Научное наследство : Т. 33). – С. 237–238.
[16] Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны. 1941–1945. Т. 1. 1941–1943. – М., 1983. – С. 350–351.
[17] *Duraczyński E.* Polska. 1939–1945. Dzieje polityczne. Warszawa, 1999. S.230; *Майский И.М.* Дневник дипломата... – С. 247.
[18] Советско-английские отношения...Т. 1. – С. 367–370.
[19] См. подробнее: Катынь: Пленники необъявленной войны М., 1997; *Лебедева Н.С.* Катынь – преступление против человечества – М. 1994; . *Жжоровская И.С., Яблоков А.Ю., Парсаданова В.С.* Катынский синдром в советско-польских и российско-польских отношениях. –М., 2001; Катынь. Март 1940 г. — сентябрь 2000 г. Расстрел. Судьбы живых. Эхо Катыни : Документы. – М., 2001 и др.
[20] *Жжоровская И.С., Яблоков А.Ю., Парсаданова В.С.* Катынский синдром... – С.158–159.
[21] Цит. по: Польша в XX веке. Очерки политической истории. – М., 2012. – С. 356.
[22] АП РФ Ф. 3. оп. 66. Д. 25. Л. 52, 56, 57.
[23] Там же. – С. 58.
[24] Катынь. Март 1940 г. — сентябрь 2000 г. Расстрел... – С. 447–451.
[25] АП РФ. Ф.3. Оп. 66. Д. 25. Л. 65– 66. См. подр.: Очерки истории российской внешней разведки. Т. 4. – М., 1999. – С. 461–462, 555–556.
[26] АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 25. Л. 70.
[27] АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 25. Л. 71; *Madajczyk Cz.* Dramat Katyński. – Warszawa. 1989. – S. 47.
[28] Переписка Председателя Совета министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. – М., 1958. Т. 1. С. 59–60; Т. 2. – С. 119–122.
[29] Цит. по: *Duraczyński E.* Rząd polski… – S. 224.
[30] *Майский И.М.* Дневник дипломата... – С. 265.
[31] Там же. С. 265-269.
[32] Переписка Председателя Совета министров СССР ... Т. 1. С. 120–122. Т. 2. – С. 60–61.
[33] *Майский И.М.* Дневник дипломата... – С. 272–273.
[34] Там же. – С. 273–274.
[35] Там же. – С. 276.
[36] Переписка Председателя Совета министров СССР ... Т. 1. – С. 127; АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 25. Л. 96.
[37] Переписка Председателя Совета министров СССР ... Т. 1. – С. 129.
[38] АП РФ. Ф. 3. Оп. 66, Д. 25. Л. 157–161; Д. 26. Л. 49–50, 53–54.
[39] Очерки истории российской внешней разведки. Т. 4. – С. 464.
[40] АП. РФ. Там же. Л. 170–171.
[41] См. подр.: *Носкова А.Ф.* Сталин и создание ПКНО: вынужденный шаг в нужном направлении» // Средняя Европа: проблемы межнациональных и международных отношений. – М., 2009.
[42] Переписка Председателя Совета министров СССР ... Т. 2. – С. 62, 98–99,100-101, 104–105 и др.; Цит. по: *Ржешевский О.А.* Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии. – М., 2004. –С. 388.
[43] *Duraczyński E.* Stalin. Twórca I dyktator supermocarstwa. – Warszawa-Pułtusk. 2012. – S. 467–468.

[41] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны. 1941-1945 гг. Т. 2. Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании. (28 ноября-1 декабря 1943 г.: Сб. документов. – М., 1978. С. 166; *Ржешевский О.А.* Сталин и Черчилль... – С. 397.

Катынская трагедия и разрыв советско-польских дипломатических отношений

Д-р Матерски Войцех,
Институт политических исследований ПАН
(Польша)

События 1943 г. внесли резкие изменения в польско-советские отношения, наложив отпечаток не только на их характер, но и на единство антигитлеровской коалиции в целом. Признаки серьёзного кризиса во взаимоотношениях начали наблюдаться ещё во второй половине 1942 г., после окончательного вывода польской армии с территории СССР[1]. Была закрыта основная их сфера, которая предполагала совместное выступление вооружённых сил обоих государств на советско-германском фронте. С этого момента дипломатические взаимоотношения почти всегда сопровождались конфликтами между Народным комиссариатом иностранных дел СССР и Посольством Польской Республики.

Их предметом был, прежде всего, спор о спасении польских граждан. Согласно данным посольства Польской Республики в конце 1942 г. только в северных и центральных районах СССР их число, по мнению ряда доверенных лиц дипломатического представительства Польши, составляло более 100 тысяч человек[2].

Советские власти обвинили сотрудников посольства и его местного представительства в превышении опекунских полномочий, в распространении вражеской пропаганды и шпионаже. Делегатуры посольства Польской Республики, с целью рационального распределения помощи, а также, вероятно, из-за легкомысленности или чрезмерного усердия, разумеется, собирали и передавали в центральное управление Куйбышева информацию о ситуации в отдельных регионах СССР[3]. Кроме того, они вели интенсивный розыск информации о тысячах без вести пропавших польских офицеров, которые в сентябре 1939 г. оказались в специальных лагерях НКВД, что в условиях войны должно было вызывать беспокойство[4]. Обе эти акции, при известной недоверчивости советских властей по отношению к иностранным дипломатам, легко могли быть расценены как шпионаж.

Вокруг посольства Польской Республики начала сгущаться враждебная атмосфера. Её возникновению способствовали также лица из многочисленной группы иностранцев в Куйбышеве, с которыми поляки общались довольно открыто, а благодаря этому некоторые из иностранцев могли использовать полученную информацию во вред.

Ярчайший тому пример – сохранившаяся запись разговора корреспондента информационного агентства «Юнайтед Пресс» Хэндлера с зам. наркома иностранных дел Соломоном Лозовским, ответственным за контакты с зарубежной прессой[5]. Журналист, помимо всего прочего, сообщал о том, что «польское посольство проводило и проводит систематическую антисоветскую пропаганду среди дипломатического корпуса», а премьер-министр Владислав Сикорский «уже не способен контролировать то, что происходит в польском Посольстве в Куйбышеве». С целью утаивания правды о совершенных НКВД арестах польских шпионов, «подготовлена широкая политическая кампания против СССР». Поляки из организаций, оказывающих помощь, «это сумасшедшие нацисты, их всех необходимо расстрелять». Американский корреспондент одновременно упрекал советские власти в том, что они «ничего не делают для борьбы с этой вредной пропагандой».

Трудно предположить, что во внутренней документации Наркоминдела находилась поддельная запись разговора. Трудно также признать полную фиктивность вышеупомянутого доноса Хэндлера. Таким образом, вероятно, существовали предпосылки для начала кампании против польского дипломатического представительства.

Напряжение, появившееся на фоне обвинений сотрудников местного представительства посольства Польской Республики в шпионаже и антисоветской пропаганде, негативно отражалось на возможности добиться прогресса в таких срочных вопросах, стоящих перед представительством, как: достижение согласия касательно интерпретации определения «польские граждане», эвакуация детей-сирот и гражданских лиц, прежде всего, семей польских военнослужащих, возобновление призыва в польскую армию (запрещённого советскими властями в апреле 1942 г.) или поиски по-прежнему не найденных тысяч польских офицеров. Может быть, с этой целью напряжение и было создано.

Всё второе полугодие 1942 г. посольство Польской Республики неизменно возвращалось к вопросу о более чем 8 тысячах пропавших польских офицеров. Так как это не вызывало никакой реакции со стороны советских властей, были предприняты попытки сдвинуть дело с мёртвой точки и оказать влияние посредством дипломатической поддержки из Лондона и Вашингтона – добиться с их помощью освобождения офицеров, как казалось, пропавших из лагерей на далёком севере[6].

Шанс на улучшение взаимоотношений власти Польской Республики видели в новом после Тадеуше Ромере, который прибыл в Куйбышев

в начале ноября 1942 г. Он имел репутацию настоящего профессионала[7]. Его считали «решительным, искренним последователем политики Сикорского, надеждой Польши на хорошие взаимоотношения с Россией»[8]. На первых переговорах с Молотовым Ромер предлагал отвлечься от прежних недоразумений и разобраться с реальными проблемами, требующими эффективных действий. Среди них в качестве основных вопросов, необходимых для дальнейшей деятельности представительства, он видел следующие: восстановление сети местных делегатов посольства Польской Республики, возобновление призыва в армию и эвакуацию польских детей-сирот. Добился он, однако, совсем немного. Пытаясь понять эту сдержанность советских властей в отношении всех предложений по улучшению отношений, он, в конце концов, признал, что «это не вопрос доверия или компромисса, но вопрос программы и идеологии»[9]. И это был точный диагноз.

Из записей первых встреч посла Ромера с заместителями наркома иностранных дел Вышинским и Лозовским следует, что он произвёл на них положительное впечатление, гораздо более позитивное, чем его предшественник профессор Станислав Кот[10]. Руководители Наркоминдела констатировали, что Ромер производит впечатление оптимиста, верит в возможность быстро улучшить взаимоотношения, коренным образом реорганизовать работу посольства Польской Республики и внести в неё «новый дух». Посольство СССР в Лондоне отозвалось о нём также весьма лестно[11].

Вскоре после начала своей деятельности в представительстве, в конце ноября 1942 г., посол Ромер обратился к польским гражданам в СССР с открытым письмом, которое было напечатано и распространено в очередном номере журнала «Польша»[12]. Обстоятельное послание было выдержано в исключительно доброжелательном по отношению к СССР тоне. Посол писал о колоссальных военных усилиях, затрачиваемых Красной армией уже в течение более чем 500 дней, о необходимости стать выше «обычных суеверий и трудностей», о взаимодействии правительств обеих стран «во время войны и для более или менее благоприятного добрососедского их сосуществования после одержанной победы». Он призывал «лояльно относиться к местным властям и проявлять дружелюбие в отношении местного населения; образцово выполнять порученную работу, насколько это возможно; уважать местное законодательство и правление, а в особенности государственные тайны, не болтать и не сплетничать».

Публикация письма была ловким дипломатическим ходом, подкрепившим тезис о начале в корне нового периода в деятельности Посольства Польской Республики в СССР. Чтобы это могло подтвердиться фактически, необходима была, однако, политическая воля

второй стороны. Сигнал в этом отношении, более ясный, чем процесс беседы посла Ромера с Молотовым, пришёл очень быстро.

17 ноября министр Эдвард Рачиньский обратился в посольство СССР при союзных правительствах в Лондоне с протестом относительно содержания ноты от 31 октября 1942 г., поданной Александром Богомоловым, послом СССР при союзных правительствах в Лондоне[13]. Касательно главной для властей Польской Республики проблемы возобновления в СССР призыва в польскую армию, она содержала утверждение о том, что все обязательства Москвы в этом вопросе потеряли основание. Министр потребовал также предоставления возможности продолжения акций по опеке над польскими гражданами на территории СССР, отвергая обвинения в шпионской деятельности в отношении сотрудников, её осуществляющих.

Ответ на ноту Рачинского, подписанный советником посольства СССР при союзных правительствах в Лондоне Василием Вальковым, был составлен в тоне конфронтации. В нем содержалось уведомление об отказе советских властей от «попытки подвергнуть сомнению основания и правдивость обвинения относительно шпионской, враждебной СССР, деятельности бывших представителей и доверенных лиц посольства Польской Республики». Второй пункт ноты содержал угрозу проведения открытого судебного разбирательства в отношении по-прежнему удерживаемых под арестом 16 делегатов и доверенных лиц, в котором в качестве доказательств будут, в частности, использоваться конфискованные архивы[14].

Угроза публичного процесса и, в первую очередь, отказ от ноты Рачиньского, касающейся внешнеполитического гуманитарного вопроса, свидетельствовала о принятии в отношении правительства Польской Республики конфронтационной политической линии. Косвенным доказательством этому может служить обширный 25-страничный материал, подготовленный для советских властей работником IV Европейского отдела Наркоминдела Валерианом Зориным, содержащий фактические данные об ответственности посольства Польской Республики за постоянный регресс во взаимоотношениях[15]. Подведенный благодаря Зорину итог контактов с посольством Польской Республики в СССР не является типичным для деятельности ведомства документом. Он, очевидно, составлен в связи с поступившим сверху распоряжением правительства или партии. Его необходимо рассматривать в качестве основы для некой важной дискуссии, а впоследствии и для принятия решения. Факт его разработки являлся доказательством того, что вскоре возникнет необходимость использовать такого рода аргументацию, возможно, для того, чтобы порвать отношения с эмиграционным правительством Польши в Лондоне.

О достоинствах так далеко идущей интерпретации может свидетельствовать заметная во второй половине 1942 г. подготовка советских властей к применению так называемой левой альтернативы в польском вопросе. Частью такой подготовки можно считать одобрение Сталиным программы, состоявшей из семи пунктов и представленной ему в конце сентября – начале октября подполковником Зигмундом Берлингом от имени сосредоточенной вокруг него группы офицеров, которые не покинули СССР во время эвакуации польской армии на Ближний Восток. Он использовал лозунги о необходимости создания «парламентской республики, свободной и суверенной», полностью независимой от польского правительства в Лондоне, которое «перестало представлять интересы польского народа». В этой республике, которая останется в «прочном, неразрывном союзе и дружбе с Советским Союзом», власть будет осуществлять «рабочий народ». Эта новая, демократическая Польша «не будет предъявлять претензий к землям, населенным в большинстве своем украинцами, белорусами и литовцами»[16].

Разработка этой программы сопровождалась значительным ростом активности сосредоточившегося вокруг редакции «Новые Горизонты» общества польских коммунистов, которое ещё ранее было организовано в целях создания противовеса Посольству Польской Республики[17]. Появляющиеся на страницах издания грубые атаки на правительство премьер-министра Сикорского подкреплялись сообщениями, призывающими к необходимости отказаться от довоенных границ Польши на востоке в пользу ее «сдвига» на запад. Благодаря упорному внушению советских властей эти общества начали в конце 1942 г. практически массово популяризироваться в качестве политической альтернативы эмиграционному правительству Польской Республики в Лондоне. В такой атмосфере, 16 января 1943 г. Наркоминдел передал Посольству Польской Республики ноту, уведомляющую о том, что из-за злой воли польской стороны правительство СССР отменяет ограничения, которые были введены посредством ноты от 1 декабря 1941 г. в отношении собственной государственной территории и проживающего здесь населения. Таким образом, все лица, до 1 ноября 1939 г. населявшие территории, которые были включены в состав СССР, независимо от их происхождения, будут отныне рассматриваться как граждане СССР[18]. Публикацию такой интерпретации и последовавшие за этим действия трудно было воспринимать иным образом, нежели как желание спровоцировать польскую сторону на разрыв любых контактов. Вся восточная политика премьер-министра Сикорского потерпела поражение.

Для советских властей дело приняло более серьёзный характер, выходящий за рамки двухсторонних отношений с Польшей. Всё чётче вырисовывался перелом в войне, а вместе с ним в Москве крепло

убеждение в том, что Красная армия первой войдёт в Центральную Европу. Ожидаемое развитие событий приводило к мысли о том, что СССР будет самостоятельно диктовать условия развития данного региона в будущем. Препятствием на пути навязывания там советской модели стали бы, впрочем, ранее принятые обязательства, а также дипломатические взаимоотношения.

Как можно предполагать на основании ряда фактов, в конце 1942 – начале 1943 г. советское руководство, понимая, что его статус в качестве лидера в антифашистской коалиции значительно укрепился, – решило применить так называемую левую альтернативу послевоенного порядка в Центрально-Восточной Европе. Вопрос контроля над формирующимися основами послевоенной политической организации региона стал в этот период одной из постоянных рабочих тем коллегии Наркоминдела[19].

В конце ноября 1942 г. на базе коммунистического партизанского движения в Югославии по распоряжению Коминтерна[20] был создан Антифашистский совет Национального освобождения. Вскоре после этого Исполнительный комитет Коминтерна направил в коммунистические партии Центрально-Европейского региона руководство по созданию основ, дающих возможность после окончания войны осуществить попытку захвата власти. 4 января 1943 г. находящаяся в Куйбышеве группа польских коммунистов обратилась к Молотову – после предварительных переговоров с руководством Коминтерна – с просьбой об «организационном формировании левого движения Польши в СССР, а также о комплексном решении всех польских вопросов в СССР»[21]. 5 января при личном участии главы Коминтерна Георгия Димитрова, была принята стратегия создания пути к власти для Коммунистической партии Чехословакии[22]. Начиналась массовая акция, заключающаяся в отказе от действовавшей до июня 1941 г. концепции присоединения всё новых и новых территорий в пользу создания зависимости квазисуверенных от Москвы государств. После войны она должна была привести к последствиям колоссального масштаба.

Приступая к её реализации, никто не скрывал вышеупомянутые цели от части дипломатического корпуса. Как сообщил в Лондон представитель Французского национального комитета в Куйбышеве Роже Гарро, из проводимых им бесед следовало, что Советский Союз намерен «привести к власти [в Польше] правительство, которое не будет находиться в руках Британии и Америки, но в то же время он не стремится к тому, чтобы сделать Польшу17-й социалистической республикой»[23]. Реализация данной программы требовала разрыва прежних отношений или полного подчинения себе действующих эмиграционных правительств стран Центральной Европы.

О том, что советская дипломатия рассматривала возможность спровоцировать острый кризис в отношениях с правительством Польской Республики, помимо общеизвестных фактов, может свидетельствовать очень тщательное изучение зарубежным аппаратом польской прессы с целью выявления враждебных СССР взглядов. Начиная с конца 1942 – начала 1943 г. характер до сих пор рутинных и довольно банальных обзоров польской прессы, сделанных советским посольством при союзных правительствах в Лондоне, совершенно меняется. Отчеты, составленные вторым секретарем Посольства Алексеем Шибориным и старшим референтом Ф. Сысом, с тех пор приобретают в этом вопросе характер глубинных разработок, которые регистрируют все факты представления в негативном свете польской восточной политики и документируют проявления антисоветских настроений польских властей. На их основе представитель отдела прессы Наркоминдела Корж готовил для руководства ведомства заметки, создававшие основу для дальнейшего обострения отношений с правительством Польской Республики[24]. Характерно, что после трёх месяцев осуществлявшихся таким образом интенсивных запросов, в апреле 1943 г. – после разрыва отношений – их почти совсем прекратили.

Отказ СССР от итак весьма невыгодной для польской стороны интерпретации спорных вопросов относительно статуса аннексированных в октябре 1939 г. восточных земель Речи Посполитой и их населения, приведенной в ноте от 1 декабря 1941 г.[25], поставил в сложное положение как посольство Польской Республики в Куйбышеве, так и ведомство иностранных дел правительства Польской Республики. Принятие ноты от 16 января как базы для взаимоотношений вообще не входило в планы, оно грозило крахом всей восточной политики генерала Сикорского и было бы большим ударом по престижу правительства и лично по авторитету премьер-министра, последовательно навязывавшего идею о необходимости сотрудничества с СССР. Его жертвой стали бы сотни тысяч польских граждан в Советском Союзе, жители восточных воеводств II Речи Посполитой (составлявших более 50% ее территории), которых с тех пор рассматривали в качестве советских подданных.

Изменения, произошедшие в связи с нотой от 16 января, лучше всего прослеживаются на примере рабочих контактов посольства Польской Республики в Куйбышеве с Наркоминделом. Решение ряда конкретных вопросов, которые после положительной оценки советских властей находились в различных стадиях реализации, было внезапно приостановлено. Это касалось, в частности, выезда из СССР эвакуированных семей военных, многих индивидуальных разрешений на выезд, изменений должностной структуры местных доверенных лиц, открытия новых постов в местных организациях опеки, возбужденных уголовных дел

в советских судах и т.д. Начальник IV Европейского отдела Наркоминдела Николай Новиков, объясняя эту неожиданную блокаду удивлённому секретарю посольства Польской Республики Эммануилу Фрейду, заявил без обиняков, что в свете ноты от 16 января все эти вопросы «необходимо поднимать заново, потому что ситуация претерпела кардинальные изменения». Он пытался вернуть Фрейду всю рабочую документацию последних месяцев (реестры, перечни, проекты, корреспонденцию и т.д.), объяснив это так: «Я не вижу практического смысла её хранить, так как ситуация в корне другая». Когда он обратил внимание, что на практике это приводит к потере любых контактов, то согласился оставить ее, но «не для того, чтобы что-то предпринять»[26]. Этот обмен мнениями лучше всего свидетельствует о том, какое значение имела для дальнейшего развития взаимоотношений вышеупомянутая нота.

Ответ на ноту от 16 января коллективно обсуждал Совет министров Польской Республики на заседании 21 января 1943 г. Был принят соответствующий текст, переданный 26 января послу Богомолову[27]. В нём содержался отказ от нового подхода советского руководства к вопросу о гражданстве населения восточных польских земель и требование о восстановлении прежнего положения. На том же заседании Совет министров Польши пришел к выводу, что прямые попытки достичь соглашения с советской властью не приводят к решению конфликтов, а только их разжигают. По этой причине было решено начать дипломатическую акцию в Лондоне и Вашингтоне с целью оказания давления на Москву при помощи англосаксов с целью улучшения польско-советских отношений.

Сообщение о предпринятых польской дипломатией попытках вмешательства англосаксов в польско-советские отношения по неофициальным каналам быстро дошло до Москвы и Куйбышева. Отдавая себе отчёт в том, что это может привести к появлению новой почвы для конфликта – под предлогом обсуждения двусторонних вопросов без ведома советской стороны – премьер-министр Сикорский поспешил обратиться с личным письмом к Сталину, выражая обеспокоенность ухудшением взаимоотношений[28]. Он считал, что возникшие проблемы представляют угрозу линии, намеченной в договоре от 30 июля 1941 г., однако, существует возможность их решить – в зависимости от того, насколько обе стороны смогут взглянуть на них «с точки зрения более открытого взаимопонимания и взаимного примирения».

Постановка на грань краха взаимоотношений с Польшей должна была, вероятно, не только облегчить советским властям (Коминтерну) осуществление тактики «левой альтернативы», но в то же время предостеречь англосаксов от участия в поддержке права Польши на восточные границы, существовавшие до сентября 1939 г. Так интерпрети-

ровали смысл ноты американский посол при правительстве Польской Республики Энтони Дрексель-Биддл и его коллега в Москве посол Уильям Стэндли[29]. Может быть, всё же имеет право на существование тезис о том, что советские власти готовы были еще тогда пойти на некие компромиссные решения (если Сикорский обратится по этому вопросу непосредственно к Сталину), а жестко сформулированная нота должна была оказать давление, чтобы он быстрее на это решился[30]. На обоснованность данной гипотезы может указывать тот факт, что в конце 1942 г. в скандинавскую и американскую прессу просочились слухи о якобы готовящемся втором визите премьер-министра Польской Республики в Москву, возможно, инициированные советскими дипломатическими представительствами в этих странах[31].

Польская дипломатия ранее уже прилагала все усилия, чтобы заставить англосаксов вмешаться в вопрос нарушения СССР основ договора от 30 июля 1941 г. Британия не спешила этого делать, поскольку интервенция могла испортить достаточно хорошие взаимоотношения – несмотря на напряжённость на фоне несоблюдения со стороны англичан обещания открыть второй фронт в Западной Европе – что считалось небезопасным в контексте по-прежнему существовавших слухов о возможности сепаратного мира между СССР и Германией. К тому же премьер-министр Сикорский проводил слишком независимую политику в вопросах Восточной Европы и постоянно напоминал им об обязательствах, принятых ранее по отношению к правительству Польской Республики. В свою очередь, эксперты Госдепартамента решительным образом отговорили президента Рузвельта от участия в проблемах малых европейских государств и рекомендовали придерживаться туманных формулировок Атлантической Хартии. По мнению госсекретаря Корделла Хэлла, польские пограничные вопросы могли втянуть Соединенные Штаты в ряд бесконечных неприятностей[32]. Следовательно, довести дело до эффективного вмешательства англосаксов в польские вопросы в Москве в начале 1943 г. с дипломатической точки зрения было нелегко.

Ввиду известной осторожности британцев основная работа по склонению союзников к интервенции была возложена на посла Польской Республики в Вашингтоне Яна Чехановского. Однако в конце января 1943 г. в Госдепартаменте ему прямо было сказано, что Соединённые Штаты сомневаются в возможности сохранения польской государственной собственности на востоке в соответствии с реалиями до 1 сентября 1939 г.[33]. 16 февраля посол получил возможность представить президенту Рузвельту обстоятельный отчёт о состоянии отношений с СССР и сформулировать подсказки относительно так желанной для правительства Польской Республики интервенции англосаксов[34]. Он пытался получить от Рузвельта конкретное обещание выступить

в защиту польских интересов, но безуспешно. Президент, в принципе, разделял его мнение, но посчитал необходимым вернуться к реализму. Наверное, это следовало понимать, прежде всего, как необходимость ограничения польских территориальных требований. Он также поставил под сомнение смысл немедленного вмешательства, обратив внимание на то, что успехи Советского Союза на фронте не способствуют поднятию вопроса о послевоенном разделении обоих государств. Мало что принесла, очевидно, и польская дипломатическая деятельность в Москве и Куйбышеве, в частности, беседа посла Ромера с Молотовым 20 февраля[35]. Посол пытался придерживаться максимально мирной позиции, призывал вернуться к созданию «основ дружбы и добрососедства». Молотов не ответил прямо ни на эти призывы, ни на вопрос, почему именно 16 января правительство СССР решилось на столь резкое обострение отношений. Он несколько раз подчеркнул, что время для разговора об организации послевоенного порядка наступит потом, а сейчас надо бить врага.

Вечером 26 февраля дело дошло до беседы посла Ромера со Сталиным[36]. Польский дипломат тщательно подготовился к оспариванию советской позиции по вопросам гражданства и границ[37]. Обмен мнениями по основному вопросу – о том, как советская нота от 16 января отразится на положении поляков в СССР – не привел ни к какому сближению позиций. В основном он подтвердил мнение о том, что выход из возникшего кризиса следует искать во вмешательстве извне.

Помимо основного вопроса о гражданстве, обсудили проблемы, затронутые Ромером в беседе с Молотовым, в частности, о дальнейшем функционировании посольства Польской Республики в Куйбышеве, о сотрудничестве с польским вооружённым подпольем на оккупированных Германией территориях и даже о перспективах послевоенного периода. Обмен мнениями носил, однако, неопределённый характер и не закончился какой-либо конкретной договоренностью, не говоря уже о надежде на прогресс в вопросе гражданства и границ.

О ходе встреч с Молотовым и Сталиным Ромер после возвращения в Куйбышев немедленно проинформировал посла США Стэндли и британского посла Кларка Керра. Он подробнейшим образом изложил проблему статуса польских граждан на аннексированных территориях и выразил удовлетворение тем фактом, что советский лидер «не счёл вопрос о гражданстве закрытым». Ромер поделился мнением, что достичь прогресса в этой области позволит только эффективное вмешательство США. Как Стэндли сообщал в Госдепартамент, у него, равно как и у другого собеседника посла Ромера, второго секретаря американского Посольства Эдварда Пейджа Младшего, создалось впечатление довольно реальной угрозы разрыва польско-советских отношений[38].

Пояснения, содержащиеся в письме Сикорского, а также информация, переданная через Ромера советским военачальникам, оказались запоздалыми или, говоря точнее, им не придали особого значения. Как я упоминал, очевидно, в вопросе будущего Центрально-Восточной Европы было принято решение о приведении в действие так называемой левой альтернативы. Для ее осуществления было необходимо отбить охоту у западных держав вмешиваться в двусторонние отношения СССР с государствами региона. С этой целью в советских средствах массовой информации началась пропагандистская кампания, и её ярким проявлением, которое особенно заставляло задуматься, стала статья А. Корнейчука «Воссоединение украинского народа в собственном государстве», опубликованная в газете «Радянська Україна» («Советская Украина») и позже перепечатанная в «Правде»[39]. Автор – лицо, откомандированное советскими властями с целью оказания помощи в формировании польского «центра», который мог бы конкурировать с эмиграционным правительством Польской Республики[40], а вскоре новый заместитель народного комиссара иностранных дел СССР, обвинил польское правительство в стремлениях к империализму и аннексии в отношении украинского народа, направленных на укрепление восточных границ послевоенной Польши ...на Днепре и Черном море.

Сенсационные заявления Корнейчука всё же получили официальный отклик, хоть их значение и было преуменьшено благодаря пропаганде эмиграционного правительства Польской Республики и они были названы «личным высказыванием мужа Ванды Василевской»[41]. 25 февраля было опубликовано специальное заявление, опровергающее содержащиеся в его статье обвинения и называющее их «совершенно абсурдными». Приписывание польским властям враждебных по отношению к СССР намерений было названо злой пропагандой, подчёркивалось неконъюнктурное желание дальнейшего тесного сотрудничества на антигитлеровской основе. Упоминалось, что с июля 1941 г. все официальные выступления представителей властей Польской Республики неизменно содержали тезисы о том, что «в вопросах границ между Польшей и Советской Россией действует статус-кво, существовавшее до 1 сентября 1939 г., и нарушение этого положения, соответствующего также Атлантической Хартии, [правительство Польской Республики] считает вредным для единства союзных народов»[42]. Заявление было написано в очень решительной форме, иначе, чем предыдущие аналогичные документы, касающиеся восточной политики кабинета министров. Это сразу привлекло внимание наблюдателей, которые начали строить предположения, что премьер-министр, наконец, решился сменить «примирительный курс» по отношению к СССР на «ужесточение» своей восточной политики[43].

В опубликованном 3 марта 1943 г. агентством ТАСС ответе СНК СССР на вышеупомянутое заявление под сомнение были поставлены не только использованные в нём аргументы, но в целом право голоса эмиграционного правительства Польской Республики на обсуждение вопросов, касающихся польского народа[44]. Возобновились обвинения в империалистических притязаниях по отношению к белорусскому и украинскому народам, а также прибавились новые: нарушение единого антинемецкого фронта славянских народов. С публикацией этого ответа пропагандистская война обрела ещё большую силу.

Польские дипломатические ноты возвращали под предлогом вмешательства во внутренние дела СССР, как только находили в них малейшие предложения относительно аннексированных территорий или проживавшего там населения[45]. В полном тупике оказались также отношения между Министерством иностранных дел Польской Республики и советским посольством при союзных правительствах в Лондоне, потому что нельзя было вести переговоры, не затрагивая вопросов, признанных советскими дипломатами после 16 января 1943 г. внутренними делами СССР. Как вспоминал министр иностранных дел Польской Республики Эдвард Рачиньский: «Мои встречи с Богомоловым были так утомительны, так невероятно неприятны, что подготовку к ним я считал своим самым неприятным заданием»[46].

Предпринятые послом Ромером уже в Куйбышеве попытки смягчить советскую позицию окончились неудачей. Два очередных тура переговоров с Молотовым, которые проходили 9 и 18 марта, подтвердили, что посольство Польской Республики окончательно потеряло влияние[47]. Посол пытался понять правовую основу кампании, развёрнутой против поляков в СССР. Он представил целый список случаев враждебных действий в отношении представительства Польши и польского населения, таких как: арест очередных доверенных лиц в количестве 21 человека, принуждение к получению советского паспорта, конфискация складов и магазинов подарков, ликвидация или конфискация сиротских приютов. Молотов, напоминая содержание ноты от 16 января, категорически отказал посольству Польской Республики в праве заняться этими вопросами. Демонстрируя специфическое чувство юмора, он позволил оказать помощь только в более быстром и бесконфликтном проведении акции конфискации имущества, теперь уже, как он заявил, принадлежащего советским гражданам, а не польским. Из-за бескомпромиссности Ромера он сообщил о вероятной возможности отмены принудительной паспортизации для «тех лиц на территории Западной Польши» (т.е. на территории границы с Третьим рейхом, существовавшей до 22 июня 1941 г.), которые выразят «личную инициативу» оставить себе польское гражданство. На возражение посла о том, что трудно прини-

мать решение о гражданстве без решения вопроса о границах, комиссар заявил, что это недоразумение, потому что граница существует и была утверждена в ноябре 1939 г. Президиумом Верховного Совета СССР.

Ромер также коснулся волнующего вопроса о последствиях расстрела советскими властями активистов союза Бунд и членов городского совета Варшавы, бесспорных польских граждан – Виктора Альтера и Хенрика Эрлиха. Освобождённые в рамках амнистии и даже уполномоченные Народным комиссариатом иностранных дел организовать еврейский антифашистский комитет, они были повторно арестованы по абсурдному подозрению в шпионаже в пользу Германии в декабре 1941 г. в ходе визита премьер-министра Сикорского в Москву[48]. На любое вмешательство в дело их освобождения, как со стороны Посольства и правительства Польской Республики, так и международных еврейских организаций (Всемирный еврейский конгресс, Союз Израиля, Джойнт, Американский еврейский объединённый распределительный комитет, Общество по распространению ремесленного и земледельческого труда среди евреев) неизменно давали ответ, что, учитывая ноту от 1 декабря 1941 г., они являются советскими гражданами, следовательно, дело носит внутренний характер.

После очередной волны интервенции в начале марта 1943 г. посольство СССР в Вашингтоне опубликовало заявление, в котором говорилось, что Альтер и Эрлих «были расстреляны по обвинению в причастности к подрывной деятельности против СССР, в помощи польской разведке и в обращении к советским войскам с целью прекращения кровопролития и заключения незамедлительного перемирия с Германией»[49].

Вышеупомянутое заявление было встречено мгновенным, официальным протестом МИД Республики Польша. В подписанной министром Рачиньским ноте, переданной через Богомолова руководителю Народного комиссариата иностранных дел СССР Молотову, выдвинутые мотивы были решительным образом отклонены, также был признан незаконным сам факт суда, а затем расстрела польских граждан[50]. В доступной документации не осталось и следа какой-либо реакции Наркоминдела на этот протест. В потоке различных конфликтных вопросов, очевидно, и само Министерство иностранных дел Польши не ожидало получить существенный ответ. Однако, вероятно, Наркоминдел долго ещё имел дело с протестами по поводу расстрела Альтера и Эрлиха, потому что, по крайней мере, до мая 1943 г. отдел прессы тщательно собирал любые материалы, появлявшиеся на эту тему в мировой прессе[51].

Против осуществления принудительной паспортизации протестовало не только посольство Польской Республики в Куйбышеве, но и польские власти в Лондоне. В подписанных министром Рачиньским

нотах, переданных 23 и 30 марта послу Богомолову, содержалась информация о том, что правительство Польской Республики оставляет за собой право не признавать формально-правовые результаты творящегося беззакония, а также право на «возврат любого отнятого [советскими властями] имущества и компенсацию потерь»[52].

Ссылаясь на ход вышеупомянутых туров переговоров с Молотовым, 31 марта посол Ромер обратился в Наркоминдел с письмом, в котором шла речь о формальном урегулировании правового статуса тех граждан не аннексированной СССР части Польши, которые, спасаясь от немцев, оказались на территории СССР[53]. В целях устранения в будущем конфликтов на этой почве он внёс предложение о том, чтобы посольство Польской Республики могло выдавать указанной группе людей – «бесспорным польским гражданам» – паспорта, одобренные местными советскими властями. В то же время Ромер представил проект процедуры и правил обмена персональными данными польских граждан этой категории[54]. На этот раз усилия посла увенчались частичным успехом. Отвечая на предложения Ромера, Молотов сообщил, что «в течение 2 месяцев местные органы регистрации будут ожидать предоставления польскими гражданами их национальных паспортов»[55]. Послу также удалось, почти в последний момент (8 апреля), получить, наконец, согласие по неоднократно представленному на рассмотрение в Народный комиссариат иностранных дел вопросу выезда в Иран тех семей польских военных, которые осенью 1942 г. оказались в выездных списках, но не успели вовремя добраться до пункта эвакуации. На экземпляре перевода ноты Ромера от 24 марта, касающейся данного вопроса, Молотов решил, наконец, написать: «Необходимо одобрить выезд этих поляков из СССР. 26 марта 1943»[56].

Укреплению польской позиции в споре с СССР о гражданстве и послевоенном разграничении не способствовала атмосфера, которую формировала международная пресса, в частности, британская. Польского премьер-министра обвиняли в шовинизме, неуважении прав народов самим решать свою судьбу, империалистических притязаниях и т.д. На страницах журнала «Лайф» член Военного кабинета, бывший британский посол в Москве С. Криппс заявил, что «с точки зрения стратегической необходимости советское правительство должно потребовать возвращения границ тех территорий, которые оно защищало от Германии – границ, утвержденных в июне 1941 г.», и призывал власти Польской Республики занять в этом вопросе компромиссную позицию[57].

Об отсутствии шансов на какой-либо компромисс в вопросах гражданства и послевоенных границ польского государства свидетельствовала кампания, проводимая на советском радио и в прессе. Её масштаб, по мнению сторонних наблюдателей, являлся свидетельством того, что

отношение СССР к польскому правительству в Лондоне приобрело характер «открытой вражды»[58]. Попытки ослабить возникшую напряжённость, предпринятые британским послом Кларком Керром в Куйбышеве, не принесли результата. Согласно сообщению посла Чехословакии Зденека Фирлингера в Лондон, руководство Наркоминдела не скрывало мнения о том, что антисоветизм в окружении премьер-министра Сикорского препятствует выходу из возникшего тупика[59].

Неблагоприятный климат вокруг польского вопроса создавал глава Министерства иностранных дел Великобритании Энтони Иден, что практически перечёркивало успех усилий, направленных на совместное вмешательство англосаксов в дела Польши в Москве. По его мнению, вину за острый кризис, в котором оказались польско-советские отношения, несло, прежде всего, правительство Польской Республики. Особенно важной и оказывающей влияние на формирование позиции англичан в так называемом польском вопросе была беседа, которую Иден провёл с президентом Рузвельтом и его доверенным советником Гарри Гопкинсом 14 марта во время визита в США. В ходе встречи он жаловался на упорство поляков, их невосприимчивость к аргументам. Оспариваемые Польшей и СССР территории он считал «незначительными», маловажными с экономической точки зрения. Он заявил, что, по его мнению, Сикорский – из-за своей бескомпромиссности в отношении русских и навязывания Центральной Европе своих федеративных идей – «приносит Польше больше зла, чем добра»[60].

Американские собеседники министра Идена не отрицали этих его отзывов. Даже более того, президент Рузвельт заявил, что не видит особых трудностей в том, чтобы навязать Польше линию Керзона; три державы в соответствующий момент определят, как справедливо решить проблему польско-советской демаркации, и Польша должна с этим согласиться – добавил он[61]. Также было решено после изгнания немцев передать Польше всю Восточную Пруссию. Британская пресса широко распространила высказывание госсекретаря Корделла Хэлла, который, отвечая на пресс-конференции на вопрос, будут ли во время визита Идена согласованы послевоенные границы Польши, заявил: «Ничего подобного мне не известно, и если бы что-то из этого было правдой, я бы должен был знать об этом»[62]. С помощью подобных сообщений Министерство иностранных дел Великобритании убеждало МИД Польской Республики, что именно «твёрдая» позиция США в вопросе совместного противостояния территориальным притязаниям Сталина в отношении Польши затрудняет интервенцию[63].

Благодаря настойчивым попыткам вмешательства, предпринятым послом Чехановским в Вашингтоне, а также правительством Польской Республики в Лондоне, в начале апреля удалось, наконец, добиться

обещания от обоих западных лидеров о совместном обращении к Сталину по так называемому польскому вопросу. 10 апреля Министерство иностранных дел Великобритании в конфиденциальном порядке уведомило министра Рачиньского о том, что британский Кабинет министров принял решение о вмешательстве, детали которого уже подготовлены[64]. И, тем не менее, личное письмо Рузвельта Сикорскому от 12 апреля[65], как и переговоры с представителями Великобритании, содержали не более чем общие формулировки о необходимости улучшения польско-советских отношений – во имя единства Объединенных Наций и общих целей войны – без удовлетворения конкретных требований со стороны Польши. Более того, американцы, так же, как и англичане, уже не скрывали мнения о том, что коррекция восточных границ послевоенной Польши является необходимой.

Таким образом, обещание неопределённого вмешательства, которое должно было произойти «в благоприятный момент» – вероятно, в контексте ожидаемых успехов союзников в Африке, – это всё, чего удалось достичь польским дипломатам после нескольких месяцев интенсивных усилий.

Однако прежде чем наступил этот «благоприятный момент», произошли события, которые в корне изменил всю ситуацию. 13 апреля Берлинское радио передало немецкому агентству «Трансоушн» сообщение следующего содержания: «Из Смоленска поступила информация о том, что местное население указало немецким властям место тайных массовых казней, совершённых большевиками, и где ГПУ убило 10 тысяч польских офицеров. Немецкие власти направились на место, где было сделано ужасное открытие [...] Они были полностью одеты в военную форму, частично связаны, и у всех у них на затылках были раны от выстрелов из револьвера. Идентификация трупов не будет представлять сложности, так как они находятся в состоянии мумификации, и большевики оставили при них личные документы»[66].

Эксгумация, проведенная немцами в Катынском лесу, подтвердила более ранние сведения, переданные через военнопленного красноармейца Меркулова ещё в августе 1941 г. после взятия Смоленска и его окрестностей войсками группы армий «Центр» генерала фон Бока[67]. Попытка проверки этих сведений была предпринята только в 1942 г. Раньше это не являлось полезной информацией – в условиях блицкрига и еще не образовавшейся тогда антигитлеровской коалиции Объединенных Наций.

Капитуляция вермахта под Сталинградом и контрнаступление Красной армии положили начало перелому в войне в пользу антифашистской коалиции. На оккупированных территориях усилилось движение сопротивления. Только тогда, в условиях изменившейся ситуа-

ции, немецкая тайная полевая полиция инициировала активное расследование по делу расстрелянных и захороненных в Катынском лесу польских военных. Проведенные в феврале 1943 г. частичные раскопки позволили обнаружить несколько массовых захоронений с останками польских офицеров. Были опрошены жители близлежащей местности, которые подтвердили, что весной 1940 г. в Катынском лесу были убиты НКВД польские военные[68]. Главнокомандование сухопутных сил вермахта отдало приказ провести эксгумацию коллективных захоронений в Катынском лесу – установить количество погребённых в них людей и выяснить обстоятельства их смерти.

По личному приказу Гитлера раскрытое преступление, совершённое советскими властями, решено было придать как можно более широкой международной огласке, вести вокруг него массовую пропагандистскую кампанию. Начало ей положило упомянутое сообщение Берлинского радио.

15 апреля во время завтрака премьер-министра Черчилля с генералом Сикорским и министром Рачиньским в ряду других вопросов обсуждалось сообщение Берлинского радио. Черчилль даже не пытался оспаривать очевидных, вытекающих из данного заявления выводов. Он лишь с циничным прагматизмом обратил внимание собеседников на то, что «в их [большевиков] жестокости заключается их сила, и это служит делу союзников, уничтожая силы немцев»[69]. Это заявление явно указывало на то, что Великобритания заинтересована в первую очередь в продолжении военного сотрудничества с СССР и любые другие вопросы она рассматривает как второстепенные по отношению к нему. Очевидно, формируя доклад по итогам этой встречи несколько недель спустя, премьер-министр проинформировал польских дипломатов на Ближнем Востоке о следующем: «Черчилль сказал мне, что отлично знает, что это [катынское убийство – В.М.] совершили большевики»[70].

В тот же день в эфире Московского радио вышло сообщение, опровергающее обвинение в убийстве польских офицеров и приписывающее его «немецким фашистам, заработавшим репутацию убийц»[71]. Сообщение не повлияло на массовую кампанию, проводимую польской прессой, где множество заголовков откровенно ругало премьер-министра Сикорского за его восточную политику – указывая на Катынь как её плод.

Несмотря на оказываемое давление, на совещании в Министерстве иностранных дел Польской Республики было принято решение о том, что в сложившейся, трудной с дипломатической точки зрения, ситуации польская сторона должна сохранять дальновидность и сдержанность. Максимально, что допускалось – предложить Международному Красному Кресту в Женеве, чтобы «он самопризвольно проявил свой

интерес к преступлению, совершённому в Катыни»[72]. Однако Министерство было не в состоянии контролировать дальнейшее развитие событий в условиях огромного морального давления, создаваемого расследованием трагедии, призрак которой уже давно витал в смутной информации советских властей о якобы неизвестной судьбе тысяч пропавших польских офицеров.

16 апреля Министр обороны польского правительства генерал Мариан Кукель опубликовал заявление относительно выявленного преступления, в частности, требуя проведения расследования на месте. Заявление было составлено таким образом, что указывало на признание немецкого сообщения в качестве достоверного[73]. Это мероприятие было навязано МИД Польской Республики, хотя формально министр Рачиньский не только был о нем проинформирован, но также внёс свой вклад в окончательную редакцию заявления: «как министр, как глава Министерства иностранных дел, я получил это письмо уже в готовом виде [...] В любом случае, когда это письмо попало ко мне в руки, я внёс некоторые изменения, целью которых было не столько смягчение содержания, сколько формы, потому что я понимал, что СССР использует это как предлог для каких-либо выступлений против нас»[74].

Параллельно от имени правительства Польской Республики в Международный Комитет Красного Креста была отправлена телеграмма с просьбой о проведении расследования по делу катынского расстрела. Обстоятельства данного решения до конца не выяснены. Нет сомнений в том, что идея и редакция текста исходили от министра информации профессора Станислава Кота, который хотел как можно быстрее пресечь дальнейшие выпады в адрес премьер-министра в связи с недостаточной защитой интересов Польши. Сам премьер-министр был в отъезде вне Лондона.

Главная ответственность за отправку телеграммы в Женеву возлагалась, таким образом, на трёх министров – информации, обороны и иностранных дел. Так, Рачиньский, который должен был дать на это свое согласие, совершил большую дипломатическую ошибку, не убедившись предварительно неофициально, будет ли принят Международным Комитетом Красного Креста запрос на расследование катынского дела. Осуществление же этого шага без консультации Министерства иностранных дел Великобритании и Госдепартамента США было очередной большой дипломатической бестактностью, на которую польским властям вскоре указал посол Биддл[75].

По возвращении в Лондон на заседании Совета министров Польской Республики премьер-министр Сикорский взял на себя всю ответственность за телеграмму, заявив, что направлена она была на основании его решения. Совет принял постановление о том, чтобы

делегат Польского Красного Креста в Швейцарии официально обратился в Международный Красный Крест «с просьбой отправить группу, которая бы на месте изучила существующее положение вещей» с целью «разъяснения дела и установления ответственности». В то же время Германии было отказано в праве использовать преступление в Катыни, чтобы отвлечь внимание от собственных преступлений в отношении польского народа[76].

17 апреля заместитель делегата Польского Красного Креста в Швейцарии Станислав Радзивилл передал в руки представителю руководства МККК Паулю Рюггеру ноту правительства Польской Республики с просьбой изучить катынское дело путём отправки на место эксгумации убитых польских офицеров соответствующей делегации, состоящей из представителей государств, придерживающихся нейтральной позиции. Учитывая, что в МККК по этому вопросу также поступила аналогичная просьба от немецких властей, Рюггер обещал в течение трёх дней организовать комиссию, состоящую из представителей Швейцарии, Португалии и Швеции. Ввиду давления, оказываемого советской стороной, начало деятельности этой комиссии зависело, однако, от согласия «всех заинтересованных сторон» – а, следовательно, и СССР[77].

На основании решения, принятого в тот же день на заседании Совета министров Польской Республики, 20 апреля министр Рачиньский подал послу Богомолову ноту, в которой требовал предоставления «подробной и точной информации о судьбе военнопленных», о которых – как следует из сообщения Информбюро, опубликованного 16 апреля – «правительство СССР, кажется, обладает гораздо большим количеством информации, чем было в своё время передано представителям польского правительства».Также Рачинский сообщил, что считает необходимым, «к сожалению, обратить внимание господина посла на то, что польское правительство, несмотря на многократные требования, никогда не получало ни списка пленных, ни точных объяснений, где находятся пропавшие офицеры и другие пленные»[78]. Следовательно, редакция ноты была почти равнозначна признанию истинности сообщения немецкого радио.

Очевидно, советские власти сначала начали подготовку к вступлению в полемику по поводу предложенной польской стороной интерпретации преступления. По поручению зам. наркома иностранных дел Корнейчука в действующем архиве Наркоминдела была составлена и передана 17 апреля по линии WCz в Москву заметка обо всех разговорах зам. наркома Вышинского с послом Котом, в которых поднимался вопрос о пропавших без вести в СССР польских офицерах[79]. Исходя из ветхой странички, случайно попавшей в хранящиеся в Архиве

внешней политики Российской Федерации документы, можно предполагать, что зам. наркома Лозовский получал консультации относительно тактики, которая должна быть применена в катынском вопросе в отношении правительства Польской Республики, и разделял представленные ему предложения[80]. Но, может быть, выписка из разговоров только послужила констатацией того факта, что не следует вступать ни в какую существенную полемику по вопросам ответственности за выявленное преступление.

Для того, чтобы начать работу в Катыни комиссии Международного Красного Креста требовалось единодушное согласие всех заинтересованных государств. Между тем, Москва категорически отказалась дать такое разрешение. 21 апреля на страницах «Правды» появилась статья «Польские сотрудники Гитлера», приписывающая контакты с Гитлером правительству Польской Республики и обвиняющая в том, что в польских высших кругах власти находятся «прогитлеровские элементы»[81]. Фактически это было равнозначно решению разорвать дипломатические отношения, что и произошло четыре дня спустя.

21 апреля в письме к премьер-министру Черчиллю Сталин, комментируя ситуацию, которая сложилась после сообщения Берлинского радио, в частности, заявил: «Правительство СССР признаёт действия польского правительства по отношению к СССР в последнее время абсолютно ненормальными, нарушающими все правила и нормы взаимоотношений между двумя союзными государствами [...] Правительство Польши, встав на путь сговора с гитлеровским правительством, в самом деле, разорвало отношения с СССР и заняло враждебную позицию по отношению к Советскому Союзу»[82].

24 апреля, отвечая на письмо Сталина, премьер-министр Великобритании согласился с его мнением относительно того, что назначение комиссии не имеет смысла; результат ее работы, проводимой под давлением, был бы ложным[83]. В письме он также сообщил о встрече министра Идена с премьер-министром Сикорским, которая должна состояться немедленно и в ходе которой глава МИД постарается объяснить собеседнику, что он не должен оказывать какой-либо моральной поддержки идеям формирования комиссии по расследованию. Он заверил, что британские власти не допустят каких-либо контактов с Германией в отношении катынского дела. Он убеждал всех в «невиновности» Сикорского, который ни в коем случае не состоит в сговоре с Германией и только защищает себя от угрозы быть отстранённым от власти на основании «недостаточной защиты своего народа от Советского Союза». Его отставка будет же означать, что к власти придёт кто-то гораздо хуже. Глава военного кабинета обратился к Сталину с вопросом о том, можно ли трактовать его решение о «разрыве» отношений как «последнее предупреждение», а не как их фактический

разрыв, лишь бы об этом решении не объявили публично. Он предупредил также, что факт разрыва отношений создал бы неблагоприятный резонанс в Соединённых Штатах, где есть многочисленная и влиятельная польская эмиграция.

Фактически в тот же день министр Иден пригласил премьер-министра Сикорского в свою загородную резиденцию и сообщил ему о намерении СССР разорвать дипломатические отношения с правительством Польской Республики. Он потребовал от Сикорского публично признать провокацией информацию, поступившую от Германии, отменить просьбу о назначении следственной комиссии, поданную Польшей в Международный Красный Крест, и порекомендовал ему успокоить польскую прессу, осложняющую дело. Драматичный ход беседы и продемонстрированная в ее ходе бескомпромиссность Сикорского побудили Идена немедленно связаться по телефону с премьер-министром и убедить его ещё раз «предпринять попытку вмешательства в Москве в целях предотвращения разрыва отношений»[84]. Несколько часов спустя в этот же день Черчилль снова обратился к Сталину с призывом изменить своё намерение. Он утверждал, что беседа Идена с Сикорским развеяла все сомнения, и премьер-министр Польской Республики «обещал не настаивать на просьбе к Красному Кресту о проведении следствия, и он именно так и проинформирует органы [Международного] Красного Креста в Берне». Он в очередной раз подчеркнул: разрыв польско-советских отношений принесёт пользу «только нашим врагам»[85].

Все предпринятые Великобританией меры оказались неэффективными. Министерство иностранных дел добилось от Богомолова только заверения в том, что власти СССР не намереваются «создавать в Москве польское коммунистическое правительство»[86].

Вечером 25 апреля посол Польской Республики в Москве Тадеуш Ромер был вызван в Наркоминдел. Вячеслав Молотов зачитал ему ноту, информирующую о решении Совета народных комиссаров СССР о «разрыве отношений с Польским правительством»[87]. Нота повторяла ранние обвинения «в нарушении всех правил и норм взаимоотношений между двумя союзными государствами», в поддержке и раздувании немецкой провокации в виде массовой, враждебной, лживой кампании, в связях и сговоре с Гитлером. «Советскому правительству известно, как следовало из ноты, что эта кампания против Советского Союза была предпринята правительством Польши для того, чтобы путём использования нацистской лжи оказать давление на советское правительство с целью освободиться от его территориальных уступок». Все эти обстоятельства заставляют Совет народных комиссаров констатировать факт того, что правительство Польши «прекратило на деле» союзнические отношения и заняло враждебную позицию по отношению к СССР.

Выслушав содержание ноты, посол Ромер «сообщил, что с сожалением принимает заявление Молотова и проинформирует об этом правительство Польши». Он также опротестовал приведенное в ноте выражение о мотивах действий польских властей, назвав их «не соответствующими фактам». Он заявил, что не может принять этот документ, с которым в Министерство иностранных дел Польской Республики должен обратиться посол Богомолов. Он попросил разрешения уехать в Куйбышев вместе с сопровождавшими его в Москве сотрудниками посольства Польши, чтобы оттуда покинуть территорию СССР. «Молотов и Ромер прощаются, не пожимая рук» – закончил протокол беседы стенографировавший её сотрудник Наркоминдела[88].

Загадочная формула «прерывания» отношений или, как это трактовала пресса Польши в то время, их «приостановка», не имела прецедента в международном праве. Она была равнозначна разрыву, так как не могло быть промежуточных состояний между существованием и отсутствием формальных дипломатических отношений. Использование такой формулы должно было, вероятно, создавать впечатление, что разрываются контакты только с правительством, а не с народом. Таким образом, можно использовать её в тактике сталкивания польского вопроса на рельсы «левой альтернативы», а также смягчения позора, который вызвали действия Москвы в антифашистской коалиции. Именно так – как «фантастические попытки толкования», не имеющие ничего общего с международным правом – они и были оценены[89].

Таким образом, Сталин воспользовался возможностью, которую, вероятно, искал с конца 1942 – начала 1943 г. Поведение польских властей по вопросу о найденных в Катыни массовых захоронениях он счёл подходящим предлогом, чтобы избавиться от уже ненужных ему дипломатических отношений с эмиграционным польским правительством. На самом деле, Сталин оценил, как могут прореагировать на это западные союзники, и этим шагом опроверг многократно высказываемое мнение о необходимости для коалиции сохранения польско-советских дипломатических отношений. Британцы вели себя в соответствии с его ожиданиями и даже пытались предотвратить упоминание проблемы катынского преступления в прессе. 28 апреля Черчилль писал в связи с этим вопросом Идену: «Бесполезно мерзко шататься по могилам трёхлетней давности (подчеркнуто В.М.) под Смоленском»[90]. Наверное, ему даже мысль в голову не пришла, что это могут быть могилы... двухлетней давности!

Возможно, что своеобразной «компенсацией» за отношение западных союзников к разрыву дипломатических отношений с польским эмиграционным правительством в Лондоне было принятое в мае и исполненное в июне 1943 г. решение о роспуске Коминтерна[91].

Последствия сделанного СССР шага носили не только политический характер. Масса польских граждан, находившихся на территории СССР в ужасных условиях, лишалась в этот момент шанса на любую дальнейшую помощь и опеку со стороны законных польских властей. Эти функции опеки должен был вскоре взять на себя на самом деле назначенный еще до принятия решения о разрыве дипломатических отношений с Польшей Союз польских патриотов, представляющий сталинскую «левую альтернативу» в решении польского вопроса[92]. Перед польскими коммунистами открывался путь к власти в послевоенной стране – власти наместников, власти по указке Кремля.

Примечания

[1] Первая фаза эвакуации проводилась в конце марта – начале апреля 1942 г. В результате территорию СССР покинули примерно 30 тысяч военных и 12 тысяч сопровождавших их гражданских лиц. Полная эвакуация польской армии завершилась 1 сентября 1942 г. В общей сложности она охватила 41 тысячу военных и 29 тысяч гражданских лиц. См.: Доклад Коптелова Сталину от 7 сентября 1942 г. // Из советских архивов. Т. 2: Армия Польши в СССР. 1941–1942. / Сост. В. Матерски. – Варшава, 1992. Док. 13. – С. 106–107. См. подробнее: История польской дипломатии. Т. V. / Под ред. В. Миховича. – Варшава, 1999. – С. 305–318. (Z archiwów sowieckich. T. 2: Armia Polska w ZSSR 1941–1942. / Oprac. W. Materski. – Warszawa, 1992; Szerzej: Historia dyplomacji polskiej. T. V. / Pod red. W. Michowicza. – Warszawa, 1999).

[2] *Бочковский Д.* Час надежды. Граждане Польской Республики в СССР и опека над ними в польских представительствах в 1940–1943 годах. – Варшава, 1999. – С. 210. (*Boćkowski D.* Czas nadziei. Obywatele Rzeczypospolitej Polskiej w ZSRR i opieka nad nimi placówek polskich w latach 1940-1943. – Warszawa, 1999).

[3] См.: Архив внешней политики Российской Федерации. (Далее – АВП РФ). Ф. 122. Оп. 25. П. 188. Д. 1. Л. 59–72.

[4] Более подробно по этой теме: *Чапский Ю.* На бесчеловечной земле. – Варшава, 1991. (*Czapski J.* Na nieludzkiej ziemi. – Warszawa, 1991).

[5] АВП РФ. Ф. 122. Оп. 25. П.188. Д. 2. Л. 88–91.

[6] Внешние сношения США. Дипломатические документы (периодическое издание по вопросам международного права). (Далее – FRUS). 1942. В 7 т. Т. III: Европа. – Вашингтон, 1961. – С. 163, 177–178. (Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1942. In 7 vol. Vol. III: Europe. – Washington, 1961).

[7] «Ромер был вообще образцовым дипломатом, хорошим редактором, превосходным собеседником [...] согласно всем правилам дипломатической игры» – *Рачиньский Э., Женчиковский Т.* От Женевы до Ялты. – Лондон, 1988. – С. 72. (*Raczyński E., Żenczykowski T.* Od Genewy do Jalty. – Londyn, 1988).

[8] *Грабский С.* Памятники. Т. II. – Варшава, 1989. – С. 425. (*Grabski St.* Pamiętniki. T. II. – Warszawa, 1989).

[9] *Ромер Т.* Моя миссия в качестве посла Польской Республики в Советском Союзе // Исторические тетради. – Париж, 1974. Тетрадь 30. – С. 140–141. (*Romer T.* Moja misja jako ambasadora RP w Związku Sowieckim. // Zeszyty Historyczne. – Paryż, 1974).

[10] См.: АВП РФ. Ф. 122. Оп. 25. П. 188. Д. 2. Л. 147–151, 156–163.

[11] «Послом Польши в СССР был назначен лучший польский дипломат [...] Ромер получил огромные полномочия. Сам он является ярым сторонником улучшения польско-советских отношений [...], все инструкции, которые мы ему передаём, в настоящее время говорят о необходимости улучшения отношений с СССР» – из доклада Василия Валькова о «личной» беседе с директором Восточного департамента МИД Польской Республики Тадеушем Янковским. АВП РФ. Ф. 122. Оп. 25. П. 227. Д. 2. Л. 3.

[12] *Ромер Т.* Письмо полякам. – Куйбышев, 1942. (23 ноября). (*Romer T.* List do Polaków. Kujbyszew 1942. 23 listopada).
[13] АВП РФ. Ф. 122. Оп. 25а. П. 227. Д. 2. Л. 25.
[14] Там же. Ф. 122. Оп. 25. П. 188. Д. 2. Л. 151.
[15] Там же. Оп. 25. П. 308. Д. 1. Л. 81–93. См. также: Из советских архивов. Внутренний отчет о Посольстве РП в СССР (июль 1941 – декабрь 1942) / Сост. В. Матерски // Польское дипломатическое обозрение. 2002. № 2. – С. 173–213. (Z archiwów sowieckich. Wewnętrzny raport o Ambasadzie RP w ZSRR (lipiec 1941 – grudzień 1942). / Oprac. W. Materski. «Polski Przegląd Dyplomatyczn». 2002, nr. 2).
[16] *Берлинг З.* Андерсу из лагерей: Воспоминания. – Варшава, 1990. – С. 306–307. (*Berling Z.* Z łagrów do Andersa: Wspomnienia. – Warszawa, 1990).
[17] Новое издание отошло от прежнего литературного профиля в пользу социально-политической тематики, выражающей «космогонию Народной Польши [...], не вдаваясь в подробности формального основания для лишения права голоса в таких деликатных темах». См.: *Путрамент Е.* Полвека. Т. II: Война. – Варшава, 1964. – С. 142. (*Putrament J.* Pół wieku. T. II: Wojna. – Warszawa, 1964).
[18] Документы и материалы по истории польско-советских отношений (далее: ДМИСПО). Т. VII. – Варшава, 1973. – С. 385. (Dokumenty i materiały do historii stosunków polsko-radzieckich).
[19] Реляция Кирилла Васильевича Новикова от 29 января 1978 г. (коллекция автора).
[20] Обращение Димитрова к Вальтеру (Тито) от 20 ноября 1942. / Коминтерн и Вторая мировая война / Отв. ред. К.М. Андерсона и А.О. Чубарьяна. Ч. II: После 22 июня 1941 г. – М., 1998. Док. 98. – С. 267–268.
[21] Архив новых досье в Варшаве (далее: АНД). Ф. СПП. С. 1. Л. 2. (Archiwum Akt Nowych w Warszawie).
[22] О политической линии и ближайших задачах Коммунистической партии Чехословакии / Коминтерн и Вторая мировая война. Ч. II. Док. 110. – С. 286–298.
[23] Польско-советские отношения в 1943 году, в свете французских дипломатических документов. /Сост. З. Закс // Новая и новейшая история. 1987. № 2. Док. 1. – С. 127. (Stosunki polsko-radzieckie w 1943 r. w świetle francuskich dokumentów dyplomatycznych. / Oprac. Z. Zaks. «Dzieje Najnowsze». 1987, nr. 2. Dok. 1).
[24] АВП РФ. Ф. 122. Оп. 26 а. П. 224. Д. 13 (060). Л. 77–6 (январь). Л. 143–79 (февраль). Л. 197–146 (1–25 марта) [расположение материала в обратном хронологическом порядке].
[25] ДМИСПО. Т. VII. Док. 167. – С. 286–287.
[26] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. П. 27. Д. 313. Л. 2–2.
[27] АВП РФ. Ф. 122. Оп. 26 а. П. 224. Д. 3. Л. 14; Документы о польско-советских отношениях. Т. 1. Док. 286. – С. 474–476. (Documents on Polish-Soviet Relations. Vol. I: 1939–1943. – London, 1961. Dok. 286).
[28] ДМИСПО. Т. VII. Док. 234. – С. 391–392.
[29] FRUS. 1943. Т. III: Британское Содружество. Восточная Европа. Дальний Восток. – Вашингтон, 1963. – С. 345. (Vol. III: The British Commonwealth. Eastern Europe. The Far East. – Washington, 1963). В той же телеграмме Стэндли представлен тезис и приведены аргументы, говорящие о возможности разрыва польско-советских отношений.
[30] Так её одновременно интерпретировал посол Биддл. – FRUS. 1943. Т. III. – С. 325.
[31] АВП РФ. Ф. 122. Оп. 26 а. П. 224. Д. 13. Л. 2–3.
[32] «Ящик бесконечных неприятностей Пандоры» / *Гарриман У. А. и Абель Э.* Специальный посланник к Черчиллю и Сталину 1941–1946. – Нью-Йорк, 1975. – С. 244. (*Harriman W.A. and Abel E.* Special Envoy to Churchill and Stalin 1941–1946. – New York, 1975).
[33] *Чехановский Я.* Поражение в победе. – Гарден-Сити, 1947. – С. 151. (*Ciechanowski J.* Defeat in Victory. – Garden City, 1947).
[34] Институт и музей генерала Сикорского в Лондоне. PRM 98/1. Л. 99–103; FRUS. 1943. Т. III. – С. 333–334; *Чехановский Я.* Поражение в победе... – С. 154–160.
[35] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. П. 27. Д. 312. Л. 15–17.
[36] АВП РФ. Ф. 122. Оп. 26. П. 224. Д. 2. Л. 2.

[37] *Ромер Т.* Моя миссия. – С. 150–155.
[38] FRUS. 1943. Т. III. – С. 344–347.
[39] АВП РФ. Ф.06. Оп. 5. П. 27. Д. 313. Л. 2–3.
[40] АНД. Компл. отд. VI, отчет Ванды Василевской от 15 января 1964 г. Л. 272.
[41] *Кательбах Т.* Год дурных предзнаменований (1943). – Париж, 1958. С. 48. (*Katelbach T.* Rok złych wróżb (1943) – Paryż, 1958).
[42] «Дзенник Польски» (Польская ежедневная газета). № 808, 25 февраля 1943; ДМИСПО. Т. VII. Док. 236. – С. 393.
[43] *Кательбах Т.* Год дурных предзнаменований ... – С. 47.
[44] Документы о польско-советских отношениях. Т. I. С. 501–502; ДМИСПО. Т.VII. Док. 238. – С. 394–395.
[45] АВП РФ. Ф. 122. Оп. 26 а. П. 224. Д. 13 (060), в разных местах; Д. 3. Л. 18–25.
[46] *Рачиньский Э., Женчиковский Т.* От Женевы до Ялты ... – С. 68.
[47] Стенограммы тех переговоров см.: АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. П. 27. Д. 312. Л. 18–26, 27–35.
[48] Фактической причиной ареста стало нежелание отказаться от польского гражданства – *Керстен К.* Поляки, евреи, коммунизм. Анатомия полуправды. 1939–1968. – Варшава, 1992. – С. 30. (*Kersten K.* Polacy, Żydzi, komunizm. Anatomia półprawd 1939–68. – Warszawa, 1992).
[49] АВП РФ. Ф. 122. Оп. 26 а. П. 224. Д. 3. Л. 29. Более подробно по этой теме: *Кожец П.* Загадка убийства Хенрика Эрлиха и Виктора Альтера советскими властями / Об истории евреев в Польше. – Тель-Авив, 1987. – С. 297–310 (*Korzec P.* The Reddle of the Murder of Henryk Erlich and Wiktor Alter by the Soviets / [In:] On the History of the Jews in Poland. – Tel Aviv, 1987); *Керстен К.* Поляки, евреи, коммунизм ... – С. 70, прим. 37 (там указана остальная литература).
[50] АВП РФ. Ф. 122. Оп. 26 а. П. 224. Д. 3. Л. 30.
[51] См.: там же. Д. 14 (вся папка).
[52] Там же. Ф. 122. Оп. 26а. Т. 224. Д. 3. Л. 33–34 (нота от 29 марта) и 35–36 (нота от 30 марта).
[53] Там же. Д. 2. Л. 2–3.
[54] Там же. Л. 4–5.
[55] Там же. Д. 1. Л. 2.
[56] Там же. Д. 2. Л. 1.
[57] «Лайф» от 9 марта 1942, С. 86–87. Цит. по: *Карский Я.* Великие державы о Польше 1919–1945. От Версаля до Ялты. – Варшава, 1992. – С. 379. (*Karski J.* Wielkie mocarstwa wobec Polski 1919–1945. Od Wersalu do Jalty. – Warszawa, 1992).
[58] Польско-советские отношения в 1943 г. в свете французских дипломатических документов... Док. 3. – С. 128.
[59] «В Кремле в присутствии посла Керра заявили, что Сикорский не был бы таким злым, но его окружение этого не позволяет. См.: Чехословацко-польское сотрудничество по созданию конфедерации 1939–1944. Чехословацко-польские дипломатические документы. – Прага, 1994. Т. III. Док. 176. – С. 476. (Československo-polská jednání o vytvoření konfederace 1939-1944. / Československé diplomatické dokumenty. / Ed. I. Št'ovíček a J. Valenta. – Praha, 1994).
[60] *Шервуд Р.Э.* Рузвельт и Гопкинс. История отношений. – Нью-Йорк, 1948. – С. 377–379. (*Sherwood R.E.* Roosevelt and Hopkins. An Intimate History. – New York, 1948).
[61] *Иден А.* Воспоминания 1938–1945. Т. II: Подведение итогов. – Варшава, 1972. – С. 296. (*Eden A.* Pamiętniki 1938–1945. T. II: Obrachunki. – Warszawa, 1972).
[62] *Сокольницкий М.* Вестник Анкары 1939–1943.– Лондон, 1965. – С. 494. (*Sokolnicki M.* Dziennik Ankarski 1939–1943. – Londyn, 1965).
[63] См.: В союзническом Лондоне: Дневник посла Эдварда Рачиньского 1939–1945. – Варшава, 1989. – С. 168. (Por.: W sojuszniczym Londynie. Dziennik ambasadora Edwarda Raczyńskiego. 1939–1945. – Warszawa, 1989).
[64] Там же. – С. 169.
[65] FRUS. 1943. Т. III. – С. 374
[66] Катынское преступление в свете документов. / Предисловие В. Андерса. Изд. 10-е. – Лондон, 1982. Док. 1. – С. 85. (Zbrodnia katyńska w świetle dokumentów. Z przedmową Władysława Andersa, wyd.10. – Londyn, 1982).

[67] См. *Пшевозник А., Адамска Я.* Катынь. Убийство. Правда. Память. – Варшава, 2010. – С. 199. (*Przewoźnik A., Adamska J.* Katyń. Zbrodnia. Prawda. Pamięć. – Warszawa, 2010).
[68] Официальные материалы по массовому убийству в Катыни. – Берлин, 1943; Катынское преступление в свете документов. Разд. VI. (Amtliches Material zum Massenmord von Katyn. – Berlin, 1943).
[69] *Рачиньский Э.* В союзническом Лондоне... – С. 171; *Рачиньский Э., Женчиковский Т.* От Женевы до Ялты ... – С. 71. См. также: *Черчилль У.* Вторая мировая война. Т. IV. Кн. 2. – Гданьск, 1996. – С. 370–371. (*Churchill W.S.* Druga wojna światowa. T. IV. Ks. 2, tłum. z ang. – Gdańsk, 1996).
[70] *Сокольницкий М.* Вестник Анкары ... – С. 540.
[71] На следующий день было опубликовано в правительственной газете «Известия» (№ 89).
[72] *Рачиньский Э.* В союзническом Лондоне... – С. 171.
[73] Катынское преступление в свете документов... Док. 6. – С. 88–89.
[74] *Рачиньский Э., Женчиковский Т.* От Женевы до Ялты ... – С. 70.
[75] FRUS. 1943, т. III. – С. 405.
[76] «Дзенник Польски». 19 апреля 1943.
[77] Катынское преступление в свете документов... Док. 9 и 10. – С. 89–90.
[78] АВП РФ. Ф. 122. Оп. 26 а. П. 224. Д. 3. Л. 38–39.
[79] АВП РФ. Ф. 122. Оп. 26 а. П. 224. Д. 7. Л. 5–8.
[80] «Не возражаю. А.Л.» – Там же, отдельный лист между л. 6 и л. 7.
[81] Катынское преступление в свете документов... Док. 11. – С. 90–91.
[82] Переписка председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. I: Переписка с У. Черчиллем и К. Эттли (июль 1941 г. – ноябрь 1945 г.), Изд. 2-е. – М., 1976. Док. 150. – С. 145–146.
[83] «Подобное расследование было бы обманом, а его выводы были бы получены путем запугивания» – ДМИСПО. T.VII. Док. 242. – С. 399.
[84] *Рачинский Э.* В союзническом Лондоне ... – С. 173.
[85] ДМИСПО. T.VII. Док. 245. – С. 402–403; Переписка председателя Совета министров СССР. Т. I. Док. 152. – С. 147–148. Президент Рузвельт слишком поздно обратился к Сталину с намерением вмешаться, когда уже произошел формальный разрыв отношений – ДМИСПО. T. VII. Док. 246. – С. 403–404; Переписка председателя Совета министров СССР... Т. II: Переписка с Ф. Рузвельтом и Г. Трумэном (август 1941 г. – декабрь 1945 г.). Изд. 2-е. – М., 1976. Док. 81. – С. 60.
[86] Что и повторил Богомолов в разговоре с генералом де Голлем – Польско-советские отношения в 1943 году в свете французских дипломатических документов ... Док. 10. – С. 133.
[87] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. П. 27. Д. 314. Л. 8–10 (оригинал ноты, не принятой Ромером).
[88] Там же. Д. 312. Л. 36–37. Д. 314. Л. 1–2 (стенограмма разговора).
[89] См. напр. Взгляд Роже Гарро – Польско-советские отношения в 1943 году в свете французских дипломатических документов ... Док. 12. – С. 134.
[90] «Бесполезно мерзко шататься по могилам трёхлетней давности под Смоленском» // Национальные архивы – Лондон, FO 371/34571; *Стэнфорд Дж.* Катынь и советская резня 1940 : Правда, справедливость, память. – Рутледж, 2005. – С. 297. (*Stanford G.* Katyn and the Soviet Massacre of 1940: Truth, Justice and Memory. – Routledge, 2005).
[91] Коминтерн и Вторая Мировая война... Ч. 2. Док. 136–143. – С. 359–379.
[92] Его организационный комитет создан в Москве в январе 1943 г. Организация официально образована 10 июня 1943 г. См.: ДМИСПО. Т. VII. Док. 271–272. – С. 436–442.

Перевод с польского
Ксении Грушо, Лидии Грушо

Финляндия: «Настало время установить контакт с Москвой»

Христофоров Василий Степанович,
доктор юридических наук,
Институт российской истории РАН

1943 г. не принёс существенных изменений на советско-финском фронте, там сохранялось относительное затишье. Между советскими и финскими частями периодически велись позиционные бои, не имевшие стратегического значения. Разведки и контрразведки продолжали тайную войну. В то же время в самой Финляндии происходили внутриполитические баталии, связанные с выборами президента и попытками сформировать позицию по выходу из войны. На внешнеполитической арене США, Англия, Швеция, Германия и Советский Союз предпринимали дипломатические манёвры по оказанию давления на Финляндию, и никто не намеревался уступать в этой борьбе.

Окончательное решение принять было трудно. 1943 г. был наполнен важнейшими переменами, о которых написано немало[1]. Документы Центрального архива ФСБ России и Архива внешней политики Российской Федерации, а также опубликованные мемуары участников событий позволяют дополнить представление о ситуации, сложившейся внутри и вокруг Финляндии.

Война спецслужб

На советско-финском фронте и прифронтовой полосе германские и финские спецслужбы вели борьбу с советской разведкой и контрразведкой самыми ожесточёнными методами. В этом противоборстве участвовали подразделения внешней разведки и контрразведки НКВД–НКГБ СССР, органы военной контрразведки (армейские и фронтовые особые отделы, а с апреля 1943 г. – контрразведки «Смерш»), а также подразделения НКВД–НКГБ Карело-Финской ССР, УНКВД–УНКГБ по Архангельской, Вологодской и Мурманской областям.

В тыл финских и германских войск направлялись советские разведывательно-диверсионные отряды и группы, а также отдельные агенты.

*Публикация подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда; проект № 11-01-00029 а.

Управлением НКВД по Архангельской области были сформированы для боевой деятельности в тылу противника на Карельском фронте отряд «Полярники» (110 человек), а также диверсионно-разведывательные группы «Мстители», «Беломорцы», «Шторм», «Добровольцы» (15 человек).

Управление НКВД по Мурманской области, выполняя задачу по организации разведки и диверсионной работы в тылу финской и германской армий, организовало школу по подготовке разведывательно-диверсионных групп (РДГ). Бойцов в группы подбирали из числа лиц, отбывавших наказание в ИТЛ на территории Кольского полуострова, часть из которых подлежала освобождению на основании Указа Верховного Совета СССР от 24 ноября 1941 г. Как свидетельствуют документы, в качестве членов РДГ рассматривались лица, отбывавшие наказание за хулиганство, растрату, воинские правонарушения. Предпочтение отдавалось бывшим военнослужащим РККА, курсантам военных училищ (или прошедшим военную подготовку), физически развитым и выносливым, имеющим спортивные разряды, желательно лыжную подготовку. Политруками в РДГ назначались положительно зарекомендовавшие себя в общественно-политической жизни лица, имевшие технические специальности, ранее участвовавшие в боях с белофиннами. Кроме этого, в состав групп входили в качестве переводчиков и проводников финны и норвежцы, проживавшие на территории Мурманской области[2]. Разведывательно-диверсионный отряд (численностью 45 человек), сформированный в 1941 г. УНКВД по Мурманской области, в течение 1941–1943 гг. успешно участвовал в боевых операциях на Мурманском, Рестикентском и Кандалакшском направлениях, неоднократно сопровождал в глубокий тыл разведывательные группы, проводил диверсионные акции[3].

4-й отдел НКГБ КФССР в целях ведения разведывательной работы направил в тыл финских войск, в основном на оккупированную территорию Карелии, с различными заданиями разведывательные группы «Эфир», База № 2, «Кобра», «Виктория», «Соратники», «Подруги», «Кама», «Ока», «Дальние», «Приятели»[4]. Переброска разведывательных групп в тыл финской армии проводилась как самолётами 7-й воздушной армии, так и катерами Онежской военной флотилии. Численность групп обычно составляла 3–4 человека, один из них – радист[5]. По мнению С.Г. Веригина, в 1943 г. разведывательные группы НКГБ КФССР наиболее эффективно добывали информацию о военных и административных органах противника и проводили диверсионные акты[6].

Особенностью деятельности отрядов и групп, действовавших на территории Карелии, являлось то, что они базировались на своей территории, а для выполнения поставленных задач совершали многодневные (30–50 дней) рейды в тыл противника, после чего возвраща-

лись. Переход линии фронта отрядом или группой большой численности вызывал трудности: необходимо было нести на себе большой груз при отсутствии дорог, по лесистой, пересечённой реками, болотами и озерами местности.

Эффективность деятельности разведывательных групп в тылу противника была различной. Так, например группа «Эфир», находившаяся в тылу противника в течение 124 суток, сумела собрать и передать ценные разведывательные сведения военного и политического характера. Часть членов группы «База № 2», переброшенной в тыл финской армии самолётом, из-за неудачного приземления была обнаружена финскими патрулями и вступила в бой, в результате которого разведчики были захвачены и после издевательств и избиений расстреляны. Группы «Парус» (5 человек), «Вымпел» (24 человека) и «Мстители» (20 человек) после прохождения специальной подготовки были направлены в тыл финской армии для проведения диверсионных актов на коммуникациях, уничтожения небольших гарнизонов финских войск, а также освобождения из плена советских граждан. Группа «Кобра» имела задачу вести разведывательную работу в оккупированном Петрозаводске. 3 сентября 1943 г. «Кобра», доставленная на катерах, была высажена на Ялгубском полуострове в 25 км от г. Петрозаводска. 20 сентября один член группы был захвачен финнами при попытке установить связь с местным населением. 26 сентября связь с группой прекратилась, и судьба её неизвестна.

Основными проблемами в деятельности разведывательных групп в тылу противника были недостаточное знание местности, отсутствие заранее подготовленных баз и складов с оружием. невозможность поддержания устойчивой радиосвязи с центром. Например, связь с группой «Кобра» прекратилась после 12 сеансов, с группой «Виктория» с момента её переправы в тыл противника связь так и не удалось установить. Группа «Соратники» после удачной переправы при попытке углубиться в тыл потеряла ориентировку. Вместо того чтобы попытаться сориентироваться на местности и приступить к выполнению поставленной задачи, группа, не поставив в известность 4-й отдел НКГБ КФССР, самостоятельно переправилась на лодке через Онежское озеро и возвратилась на базу. Группа не имела потерь, сохранила экипировку, вооружение и средства связи. Вторичное направление группы в тыл врага было признано нецелесообразным.

Группы «Виктория», «Соратники», «Подруги», «Дальние», «Приятели» были направлены на оккупированную территорию Карелии осенью 1943 г. с задачами организовать базы в окрестностях г. Петрозаводска, собрать информацию и внедриться в Петрозаводскую школу финской разведки. 2 ноября 1943 г. переправлена на самолете Р-5

в тыл противника на территорию Ведлозерского района группа «Кама». Примерно через две недели после переброски с группой прекратилась связь, и восстановить её не удалось. Группа «Кама» имела задачу вести работу среди военнослужащих батальона так называемой «Русской освободительной армии», а также изучить сотрудников финской разведки, работавших и обучавшихся в передислоцированной в Ведлозерский район Петрозаводской разведшколе.

В 1943 г. в Петрозаводской школе финская разведка готовила агентов и направляла на территорию СССР. Так, 30 июля и 4 августа участковым уполномоченным и бойцом Идельского истребительного батальона НКВД КФССР были задержаны два агента финской разведки, бывшие военнослужащие Красной армии, с 1942 г. находившиеся в финском плену. Будучи в лагере для военнопленных, они были завербованы финской разведкой, направлены для спецподготовки в Петрозаводскую разведывательную школу. В ночь с 9 на 10 июля с Петрозаводского аэродрома на двухмоторном самолёте они были переброшены в тыл Красной армии и сброшены на парашютах в 10 км южнее ст. Малошуйка Архангельской области. Перед ними были поставлены задачи по сбору сведений о прохождении воинских эшелонов и вербовке агентуры из местных жителей. Для передачи собранной информации агенты финской разведки были снабжены рацией типа «Север»[7].

Летом и осенью 1943 г. советской контрразведке удалось получить разностороннюю информацию и составить подробную справку на Лапландское отделение 2 отдела финского генштаба[8], дислоцировавшееся в г. Рованиеми, в доме инженера Каллио по улице Ватаяранта[9] на восточной окраине города. В полутора километрах от города, по дороге Рованиеми–Кеми, в отдельном здании находилась центральная радиостанция, связывавшая начальника отделения с разведывательно-диверсионными отрядами, группами и одиночными разведчиками, действовавшими на территории СССР.

Сотрудники Лапландского отделения финской разведки вербовали агентов из числа советских военнопленных, которые направлялись в тыл Красной армии под видом бежавших из плена с целью внедрения в советские разведывательные и контрразведывательные органы, органы управления Красной армии, а также для дальнейшего оседания на территории Карело-Финской ССР, Мурманской, Архангельской, Вологодской областей. Подготовленные в Рованиемской и Петрозаводской разведшколах агенты перебрасывались на территорию СССР для выполнения кратковременных заданий (сбора информации или совершения диверсионного акта), после чего должны были возвратиться обратно на территорию Финляндии. Лапландское отделение финской разведки располагало несколькими разведпунктами, служебными и конспиративны-

ми квартирами, где велась подготовка разведчиков и диверсантов. Разведывательные пункты располагались в населенных пунктах: Салми-Ярви, Перунке, Нюванкюля, Сала, Пейпохья, Кестеньге, Петсамо.

Для ведения разведки в тылу Красной армии активно использовались разведывательные подразделения финских пограничных подразделений и частей. Так, Отдельный пограничный батальон[10], охранявший границу Финляндии с СССР на участке 82-го отдельного пограничного полка войск НКВД по охране тыла Карельского фронта, вел ближнюю и дальнюю разведку советского тыла в сторону устья р. Лутто и Рестикента, подступов к Кировской ж.д. в районе ст. Оленья–Мончегорск. При Отдельном пограничном батальоне постоянно находились представители финских разведывательных органов. Взвод дальней разведки (егерский), входивший в состав комендантской роты пограничного батальона, вёл разведку в приграничной полосе, захватывал пленных, совершал диверсии, а также сопровождал агентов и разведывательно-диверсионные группы. Численность егерского взвода составляла 35–45 человек, вооружённых автоматами «Суоми». Рядовой и офицерский состав – физически здоровые, выносливые военнослужащие, хорошо знающие местность по обе стороны границы.

Одним из подразделений финской разведки являлся отряд дальней разведки под командованием капитана Паатсало, состоявший из 32 человек[11]. Пункт постоянной дислокации отряда находился в 36 км от г. Рованиеми, где отряд был зашифрован как воинская часть. Готовя бойцов к выброске в тыл Красной армии, командование отряда уделяло большое внимание лыжной подготовке. Ежедневно с 9 час. утра проводились тренировки – 20 км по пересечённой местности лыжники проходили в среднем за 1 час. 30 мин.[12], отставших, как правило, не было. После лыжной тренировки был завтрак, который начинался в 11 час. и состоял из тарелки мясного супа, хлеба с маслом, сыром или колбасой. Норма хлеба в отряде не ограничивалась. На лыжные тренировки обычно надевали нижнее белье, свитер, меховой жилет, суконные армейские брюки и на голову – летнюю армейскую фуражку или шапку. Разрешалось по своему усмотрению нарушать форму. Лыжное снаряжение: лыжи армейские типа «Муртомаа» с фабричными креплениями (для специальных ботинок) или с металлическими пластинами, обтянутыми кожей; бамбуковые палки и мазь фабричного производства. В отряде отрабатывались способы перехода контрольной лыжни и маскировки. Так, при переходе контрольной лыжни, проходящей по глубокому свежему снегу, рекомендовалось переходить по 2–3 человека, каждый – в разных местах. Подход к лыжне нужно заметать еловой веткой. Подойдя к лыжне, необходимо снять лыжи и перейти её так, чтобы не задеть, затем встать на лыжи и продолжать путь, заметая

таким же образом свои следы до тех пор, пока видна лыжня. При переходе контрольной лыжни в любой местности пользовались следующим способом: подойдя к лыжне, переходить её и на протяжении до 2 км каждый из идущих должен делать углы, отходящие и опять возвращающие к контрольной лыжне, с таким расчетом, чтобы вершина угла не была видна с контрольной лыжни. Когда патруль попытается проверить ответвления от лыжни, он неизменно будет возвращаться к лыжне и, проверив несколько таких углов, прекратит их проверку. Отрываться от лыжни каждый должен поочерёдно, причём после отрыва первого остальные продолжают делать углы. Все собираются в заранее условленном месте. При переходе лыжни одним человеком и при небольшом снеге пользуются следующим способом: не доходя до лыжни 150–200 м, снимают лыжи и перебегают лыжню, причём при беге тянут ноги, образуя длинные следы. Таким образом, создается впечатление, что лыжню перешел лось. При движении группы в качестве маскировки применяются только маскхалаты, других способов маскировки нет. В целях безопасного передвижения и своевременного обнаружения погони группы минируют свою лыжню, обычно минами нажимного действия с зарядом 200 г тротила. Для обеспечения группы от внезапного нападения выставляется охранение на расстоянии 200–300 м. При возвращении с задания во избежание попадания в засаду лыжникам не рекомендовалось пользоваться прежней лыжней.

В середине января 1943 г. советской контрразведкой были получены данные о том, что спецслужбами Финляндии направлены на территорию СССР несколько диверсионно-разведывательных групп. Активная фаза по их розыску началась 20 января и велась НКВД КФССР, а также подразделениями войск НКВД и частей Карельского фронта[13]. 20 января на участок Кировской ж.д. в помощь транспортному отделу НКВД и 80-му полку войск НКВД выехали 6 оперативно-разыскных войсковых лыжных групп во главе с оперработниками. Их основной задачей было усилить патрулирование контрольной лыжни по охране Кировской ж.д. и Обозерской ветки дополнительными силами. Сотрудники транспортного отдела НКВД, Пудожского, Кемского, Лоухского Медвежегорского, Тунгудского райотделений УГБ и милиции, разведотделений войск НКВД вели активную оперативно-разыскную работу во всех населённых пунктах, где могли появиться иностранные разведчики. В места их предполагаемого маршрута были направлены под видом охотников и лесников агенты-маршрутники. Поиск групп противника вели несколько самолётов-разведчиков ВВС Карельского фронта. О поимке диверсионно-разведывательных групп противника 22 января 1943 г. нарком внутренних дел Карело-Финской ССР проинформировал НКВД СССР, направив в Москву телеграмму[14].

Во второй половине сентября 1943 г. для совершения диверсионных актов на Кировской ж.д. через линию фронта на самолёте была переправлена финская разведгруппа. 23 сентября 1943 г. разведывательно-поисковая группа 73-го полка войск по охране тыла Карельского фронта в районе Кек-озера заметила двигавшуюся на юго-запад группу военных численностью 15 человек, среди которых троих – в советской форме. Неизвестные, выдавая себя за советских пограничников, потребовали пропуск у военнослужащих 73-го полка, которые, придя к выводу, что перед ними диверсионная группа противника, попытались задержать их. После короткой перестрелки диверсанты, оставив на месте боя одного убитого[15] и 7 вещмешков[16], забрали 3 раненых и отступили на юго-запад в направлении Онд-озера. В результате анализа захваченных предметов, материалов, снаряжения и вооружения было установлено, что неизвестные лица представляют собой диверсионную группу финской разведки. После того, как на следующий день, 24 сентября, в 9 час. 30 мин. на 705-м км Кировской ж.д., в 1 км севернее моста у р. Онда, была подорвана колея ж.-д. полотна[17], сомнения в том, что в тылу действуют диверсанты, отпали. Для предупреждения их возможного ухода через Онд-озеро были направлены разведывательно-поисковые группы погранвойск НКВД, а также 4 самолёта. В 17 час. 38 мин. 24 сентября с самолёта были замечены 2 лодки, двигавшиеся к западному берегу озера. Пулемётным и пушечным огнем лодки вместе с диверсантами были потоплены. УКР «Смерш» Карельского фронта направил в Москву спецсообщение об уничтожении диверсионной группы противника[18].

В сентябре – ноябре 1943 г. радиоконтрразведывательной службой НКГБ СССР на территории КФССР и Архангельской области была зарегистрирована работа радиостанций разведывательно-диверсионных групп противника, находившихся в советском тылу от 15 до 30 дней, после чего они перешли обратно линию фронта или были сняты противником с помощью самолётов. В процессе розыска этих групп были выявлены серьёзные недостатки в работе северо-западной группы контрразведывательной службы НКГБ СССР. Так, например, связь противника с группой, выброшенной им в сентябре в район Сегеж-Надвойцы, была зафиксирована 14 сентября, корреспондент обнаружен 16 сентября, но дислокация его была определена лишь 30 сентября, а разыскные группы прибыли в район только 10 октября. Связь противника с другой группой, выброшенной в район Онеги, была зафиксирована 28 сентября, а корреспондент был обнаружен только 6 октября, его дислокация – 7 октября, а разыскные группы прибыли к месту дислокации корреспондента только 11 октября, т.е. через 14 дней после фиксации связи группы противника с центром. Дислокация корреспондента группы,

выброшенной в район Корос-Озеро, была установлена через 10 дней после обнаружения связи группы с центром.

Для организации работы по поиску агентуры финских спецслужб, исключения в дальнейшем возможности безнаказанного пребывания финских шпионско-диверсионных групп на советской территории в конце ноября в северо-западный регион выехала группа руководящих работников отдела «Б» НКГБ СССР. Установление в кратчайшие сроки дислокации шпионских радиостанций потребовало установки в г. Пудоже полустационарного пеленгаторного пункта, передачи его в подчинение УНКГБ по Мурманской области и увеличения численности сотрудников. Кроме того, были приняты меры по улучшению координации и взаимодействия пеленгаторных средств всей северо-западной группы. УНКГБ по Архангельской области в дер. Калгачиха была создана база, на которой были сосредоточены необходимые радиоразыскные средства[19].

Часть переброшенных в советский тыл финских разведчиков, прошедших подготовку в разведшколах, была в 1943 г. задержана советской контрразведкой, некоторые добровольно явились с повинной. В процессе допросов от них были получены данные о структуре, преподавателях и сотрудниках разведшкол, структуре и кадровом составе Управления Восточной Карелии, мероприятиях финских оккупационных органов на временно захваченной территории Карелии.

Для советской внешней разведки основной задачей, которую необходимо было решать в работе по Финляндии в 1943 г., являлось получение политической, военной и экономической информации, а также поддержание контактов с участниками антифашистского сопротивления европейских стран. По информации, полученной советской разведкой, весной 1943 г. на встречах с Б. Муссолини, румынским маршалом Антонеску и венгерским регентом Хорти Гитлер высказывал настоятельное пожелание о посылке на фронт возможно большего количества войск союзников. Кроме того, Гитлер требовал публичной декларации о солидарности с Германией и обязательства бороться вместе с Германией до конца[20]. По данным советской разведки, весной 1943 г. немцы оказывали особый нажим на финнов, предъявив им следующие требования: а) активное участие в операциях на фронте. б) присоединение к пакту трёх; в) публичное заявление о солидарности с Германией; г) посылка символических войск на другие участки фронта. Финны не хотели делать этого, они желали остаться в прежнем положении и «не выскакивать», однако немцы имели на них серьёзные рычаги давления (продовольствие).

Некоторые сведения о структуре советской разведки, включая военную разведку и контрразведку, их подразделениях, руководстве, местонахождении и выполняемых задачах можно найти в книге О. Ман-

нинена[21], написанной на основе финских источников. В ней подробно рассказывается об отделе, занимавшемся Финляндией, его руководстве, наиболее активных и известных сотрудниках, агентах из числа граждан Финляндии, методах работы с ними. Большое внимание уделено работе советской разведки в годы войны в Скандинавии, перечислены наиболее известные агенты из числа граждан Швеции и Норвегии, помогавшие бороться против фашизма. В заключении автор пытается оценить важность информации, полученной советской разведкой, приводя для сравнения сведения, полученные советскими агентами в Швеции, США, Великобритании, Финляндии.

Учитывая, что Советский Союз и Финляндия находились в состоянии войны, решением основных задач по сбору информации занималась резидентура советской внешней разведки в Швеции. Легальную резидентуру советской внешней разведки в Швеции с сентября 1941 по июль 1943 гг. возглавлял Б.А. Рыбкин[22], находившийся в Швеции под фамилией Ярцев. В составе резидентуры успешно работала и его жена – кадровый сотрудник советской внешней разведки З.И. Рыбкина[23] (пресс-атташе посольства З. Ярцева). В 1943–1945 гг. резидентом был В.П. Рощин[24].

В официальной характеристике для аттестации работников миссии СССР в Швеции от 20 июня 1943 г.[25] в отношении советника Ярцева записано, что он политически грамотный, выдержанный, хороший работник, занимался консульскими делами, помогал в общей работе миссии. По своим личным данным Ярцев мог быть использован на самостоятельной руководящей дипломатической работе. В характеристике пресс-атташе Ярцевой отмечалось, что она способный и энергичный работник, иногда, однако, несколько увлекается и бывает недостаточно осторожной, что объясняется малым стажем дипломатической работы. Ярцева проявляет стремление к чрезмерной самостоятельности, переоценивая свои данные, что требовало корректировки её поведения со стороны руководителей посольства. В целом, как руководитель пресс-бюро она характеризовалась положительно и аттестовалась на должность третьего секретаря (зав. отделом печати миссии).

Резидентуре удалось получить доступ к немецкой шифрпереписке, приобрести ряд агентов, через которых было налажено получение секретных данных по Германии, Норвегии и Финляндии. Добываемая резидентурой информация высоко оценивалась Центром, важнейшие сведения направлялись в ГКО. Стокгольмской резидентурой советской внешней разведки добывалась подробная информация о том, что перевозки германских войск в Норвегию и Финляндию продолжаются через Швецию в масштабах 1942 г., без какого-либо сокращения. Только по западным железным дорогам Швеции в Норвегию и обратно еженедельно транспортировалось 12–14 тысяч германских солдат

и офицеров. В это число не входили перевозки по шведским железным дорогам из района Тронхейма в Нарвик, а также из Нарвика через Хапаранду в Финляндию[26]. Находясь в Швеции, Ярцевы поддерживали контакты с представителями известного в Европе и США финансово-банкирского клана Валленбергов. В 1944 г. при содействии Маркуса Валленберга[27] была проведена неофициальная встреча между послом СССР в Швеции А.М. Коллонтай[28] и прибывшим в Стокгольм представителем финского правительства Паасикиви[29].

Как утверждает О. Маннинен, одной из задач Бориса Ярцева была передача контактов и паролей и руководство работой нелегально находившейся в Финляндии советской разведчицы Кертту Нуортева[30], её информирование о ситуации в Финляндии. Одним из её контактов в Финляндии была Хелла Вуолийоки[31], пароль для связи с которой Кертту получила ещё в Советском Союзе. К. Нуортева в ночь с 29 на 30 марта 1942 г. с документами на имя Элины Сигрид Хямяляйнен на самолёте была переброшена в Финляндию. Она встретилась с Вуолийоки, которая сообщила о том, что полиция уже ведёт поиски русской парашютистки. Вуолийоки, выезжая в Швецию, встречалась с сотрудниками советского посольства Ярцевыми, консулом Шайковичем, обсуждались такие важные вопросы, как возможный выход Финляндии из войны, заключение мира и др. Вуолийоки обоснованно опасалась, что находится под наблюдением полиции. После возвращения из Швеции в Финляндию она была задержана и допрошена[32]. 4 сентября 1942 г. Нуортева получила приглашение явиться в полицию. Она решила рискнуть, но на всякий случай отправила спецсообщение в Стокгольм, спрятала радиостанцию и предупредила товарищей. 7 сентября её задержали сотрудники финской военной контрразведки. Она долго придерживалась отработанной легенды. Финским следователям удалось добиться признаний от Нуортевой, когда расследование стал вести начальник хельсинкского отделения отдела надзора П. Кастари. Он говорил, что задержанная была «очень умным, образованным и эрудированным человеком, с которым было очень интересно беседовать». Кастари поразила твёрдость характера, убеждённость и идейность Нуортева, он даже стал её называть «большевистской святой». Тем не менее, ему не удалось её переубедить. Однако 1 марта 1943 г. всё изменила встреча К. Нуортева с руководителем компартии Финляндии А. Туоминеном, который в ходе многочасовой беседы говорил о трансформации большевизма в сталинский период, характере «зимней войны» и месте СССР и Финляндии в мировой войне. Кертту сделала выбор и на следующий день начала давать признательные показания. Это решение ей далось непросто. С 5 марта по 12 мая 1943 г. она находилась в больнице для душевнобольных. В июне 1943 г. шведская газета «Ню Даг» опубликовала со-

общение о задержании русской шпионки Кертту Нуортева. Несмотря на сотрудничество со следствием, она по обвинению в шпионаже была приговорена к смертной казни, а Хеллу Вуолийоки – к пожизненному заключению[33].

Продолжая собирать сведения военного, политического и экономического характера, в 1943 г. советская внешняя разведка располагала точными данными о положении в Финляндии и расстановке внутриполитических сил, о чём регулярно информировала военное и политическое руководство СССР.

Разногласия финских политиков

Поражение немецкой армии и её союзников в Сталинградской битве, а затем и на Курской дуге, переход стратегической инициативы к Красной армии привели к некоторому охлаждению германо-финляндских отношений. Постепенно стало формироваться общественное мнение о возможности поражения Германии, что может привести к тяжёлым последствиям для финнов. 3 февраля 1943 г. в Ставке финского военного командования в Миккели собрались на совещание Рюти[34], Рангелл[35], Виттинг[36], Таннер[37], Вальден[38] и Маннергейм[39]. В течение дня они обсуждали сложившуюся военно-политическую обстановку, в деталях рассматривали сведения, поступившие с границы, и пришли к выводу, что Германия впервые потерпела серьёзное поражение в этой войне, и её положение будет ухудшаться. Финские руководители после многочасового обсуждения общеполитической ситуации в мире и главных целей своей страны в войне пришли к единому мнению, что стратегической целью должен стать выход из войны и установление нормальных отношений с СССР. Но осуществить это будет сложно, так как Германия, располагавшая мощным военным и экономическим ресурсом, не допустит этого[40].

Внутриполитическая обстановка в Финляндии осложнялась тем, что 1 марта 1943 г. заканчивались полномочия президента Финляндии Каллио, после смерти которого в 1940 г. до истечения этого срока его преемником стал Рюти. В феврале необходимо было провести выборы нового президента. За ходом предвыборной кампании в Финляндии внимательно следили в Советском Союзе, США, Англии, Германии и Швеции. Мнения относительно кандидатов существенно различались. Архивные документы Центрального архива ФСБ России и Архива внешней политики Российской Федерации свидетельствуют, что внутриполитическое положение в Финляндии, общественные настроения населения и предстоявшие президентские выборы были в центре внимания посольств, находившихся в Хельсинки.

В ходе предвыборной кампании проявилось желание некоторых кругов в Финляндии сменить президента Рюти маршалом Маннергеймом. Первый намек был дан 8 января в газете «Арбетарбладет», в передовой статье говорилось о Маннергейме как о врождённом руководителе, который появлялся в решающие моменты для страны и сейчас является олицетворением всего финского народа. Движение за выборы маршала в президенты возникло в аграрной и национально-коалиционной партиях, социал-демократических и шведских кругах. Причины этого движения, особенно для партий, частично заключались во внутриполитических планах, но, прежде всего, во внешнеполитических. В Финляндии было много недовольных правительственной политикой Рюти в области экономики, предусматривавшей введение государственного социализма. Однако решающее значение имела внешняя политика. Часть финских политиков была обеспокоена положением страны, прежде всего, развитием отношений с Соединенными Штатами Америки. Сторонники выдвижения Маннергейма полагали, что в критический момент высший пост в государстве должен занимать человек с неоспоримым авторитетом. Кроме того, этот человек должен иметь поддержку у англосакских держав и чтобы против его кандидатуры не возражала Германия. Политики, поддерживавшие Маннергейма, говорили, что маршал – единственный человек в стране, авторитет которого настолько велик, что можно рассчитывать даже на проведение мероприятий, которых потребовали бы «большого национального напряжения».

В самой Финляндии на переизбрание Рюти было настроено большинство политиков, полагая, что в стране нет другой равнозначной кандидатуры. По мнению Паасикиви, Маннергейму не следовало давать согласие на выдвижение кандидатом в президенты Финляндии, в связи с тем, что, несмотря на полную поддержку западными державами, его кандидатура была совершенно неприемлема для Советского Союза[41].

В Англии и Швеции полагали, что президентом Финляндии следует избрать именно Маннергейма. Маннергейм пользовался доверием западных держав. Кандидатура Рюти воспринималась негативно и, его считали преданным сторонником Германии, «отступником и предателем». Таннер также не пользовался доверием и поддержкой[42]. Англичане, проанализировав расклад политических сил в Финляндии, считали маловероятным смену президента страны. По мнению посла Англии в Швеции Маллета[43], на президентских выборах победит Рюти. Англичане полагали, что коренного изменения во внешней и внутренней политике Финляндии не произойдёт, Маннергейм, в отличие от Рюти, настроен резко антинемецки, но он очень боится России; он сожалеет и считает ошибкой, что подписал свой пресловутый приказ о Восточной Карелии. В МИД Швеции так же полагали, что президентом Финляндии

будет избран Рюти, т.к. другая, по их мнению, подходящая кандидатура – Маннергейм, вряд ли приемлема для СССР[44].

В распоряжении советской разведки оказался политический доклад, подготовленный шведскими дипломатами[45]. Обстановка в Финляндии в первой половине 1943 г. оценивалась шведами так: «Обычное финское внешнее спокойствие уже не могло скрыть возрастающее беспокойство за исход войны, которое было обусловлено всё возрастающим успехом советского наступления». По мнению шведов, тревога в финском обществе проявлялась, в первую очередь, в дискуссии вокруг президентских выборов и смены правительства. В финских газетах можно было всё чаще увидеть коммюнике о ходе военных событий – англо-американские и даже русские (хотя и в описательной форме). СМИ давали сравнительную картину военного положения, конечно, с известными уступками правым[46]. Шведские дипломаты отмечали, что финские руководители в публичных выступлениях неизменно стремились поддерживать у населения высокий дух патриотизма. Так, 2 февраля Рюти при открытии сейма произнёс речь, в которой призвал финский народ беречь свои военные, экономические и моральные силы, соблюдать порядок, непоколебимо стоять на своей самостоятельной позиции. Он говорил о том, что военное счастье изменчиво, но выиграет лишь тот, кто борется за праведное дело и у кого твёрдая вера в победу. Выборная кампания в Финляндии проводилась под лозунгом единства, означавшем, что финский народ и в дальнейшем будет идти за своим президентом по тому пути, который он определит для страны. Учитывая, что Финляндия продолжала следовать по пути войны и сражалась «за свое право на свободную и самостоятельную жизнь», президенту была необходима опора на народ.

По мере того, как срок выборов приближался, появились признаки, что более или менее влиятельные лица руководящих кругов выступали за смену президента Рюти. Сторонники Маннергейма оказались плохо организованы, возможно, из-за отсутствия определенности в позиции властей, невозможности провести предварительное обсуждение кандидатуры, что повлияло, в некоторой степени, на их инициативу и настойчивость.

Даже накануне выборов их исход был неопределённым, хотя официальные круги уверенно утверждали, что президент Рюти будет переизбран. 14 февраля, т.е. за день до выборов, в утренних газетах было опубликовано извещение, согласно которому группа избирателей аграрной партии решила голосовать за Маннергейма. Однако сам Маннергейм в этот же день распространил сообщение о том, что не давал согласия на выдвижение своей кандидатуры. Вечером 14 февраля социал-демократы под давлением Таннера объявили, что будут голосовать

за Рюти. Это сильно повлияло на исход выборов. 15 февраля на общем совещании выборщиков, «после разных интриг и агитации», Рюти был избран президентом на период до 1 марта 1945 г. После выборов началось формирование нового правительства. Пост премьер-министра Финляндии занял представитель Национальной коалиционной партии (НКП) Эдвин Линкомиес[47]. Новое правительство Финляндии приступило к работе утром 6 марта. Из 16 членов прежнего правительства в новом составе осталось 9 человек, до 5 увеличилось число представителей социал-демократов. Как социал-демократ Фагерхольм, так и социал-демократ Салаваара – министр коммуникаций, остались в составе правительства, хотя предполагалось, что они уйдут в отставку. Министр иностранных дел Виттинг передал свой пост бывшему министру народного обеспечения Рамсаю[48], который в свою очередь был замещён представителем аграрной партии К. Еллилэ. Министра внутренних дел Харелли заменил сенатор Лео Эрнрот. Заместителем министра финансов был назначен Рейникка[49]. Министром обороны остался генерал Вальден.

В Финляндии становилось всё больше сторонников выхода из войны. К их числу относились политические и общественные деятели, которые были обеспокоены будущим Финляндии, надеялись на посредничество США и считали, что необходимо достичь мира насколько возможно скоро, а для этого нужно выяснить условия Кремля для начала переговоров. Безусловным сторонником выхода Финляндии из войны был и Паасикиви. В 1943 г. его взгляды на сроки выхода из войны изменялись по мере того, как изменялась обстановка на фронте. Так, после победы Красной армии в Сталинградской битве Пассикиви серьёзно усомнился в возможности победы Германии и стал говорить о сложности положения Финляндии. Он постоянно размышлял о способах выхода из войны, хотя по прежнему считал, что, выбирая между Германией и СССР, Финляндии следует остаться с Германией. Анализируя военно-политическую обстановку, он опасался, что дела могут пойти по тому же сценарию, как это было осенью 1939 г., когда финляндское руководство практически пустило дела на самотёк. Финляндия вновь может опоздать, как это было с предложением заключить мирный договор с СССР в январе 1940 г. Финское руководство должно выяснить советские условия для начала мирных переговоров, основу заключения перемирия, а затем и мира. Паасикиви считал, что Финляндии «нужно вырваться из войны в подходящий момент», при этом не спешить излишне, но и не опоздать. По его мнению, в феврале 1943 г. момент для выхода Финляндии из войны был уже «близок, но еще не наступил»[50]. Спустя два месяца Паасикиви сформулировал программу действий, «если Финляндия не выйдет из войны, или до тех пор, пока Финляндия не выйдет из войны». Он считал, что не нужно выяснять отношения с СССР силой

оружия и вести активные боевые действия на Мурманской ж.д. и против Ленинграда. Не нужно заключать ни тройственного союза, ни другого договора, а следует поддерживать связи с США и установить частный контакт с западными державами. Если Германия будет чинить затруднения с доставкой продовольствия, то следует избавиться от неё[51]. В сентябре Паасикиви пришёл к выводу, что наступил момент, когда следовало заключить мир с Советским Союзом, и рекомендовал Маннергейму объяснить Рюти, что Финляндия проиграет, если будет решать дела с Россией с помощью оружия. Паасикиви считал, что чем дальше будет откладываться выяснение отношений с Россией, тем труднее оно будет для Финляндии[52].

16 мая 1943 г. премьер-министр Линкомиес сделал осторожное заявление о том, что финский народ, не отступая перед трудностями, будет продолжать борьбу, которую он был вынужден начать, и что в настоящее время нет каких-либо возможностей для заключения мира. Линкомиес говорил о том, что «финский народ не предаётся иллюзиям», критиковал «государство, беззастенчиво нарушившее свои договора, которые оно заключило перед зимней войной». Он не верил, что в этом государстве «вдруг произошли такие изменения, что ему теперь можно верить с большими основаниями». Премьер-министр утверждал, что финский народ лучше будет «сражаться до последнего, чем отдастся на милость или немилость своего восточного соседа»[53].

А в сентябре 1943 г. Линкомиес заявил, что финны хотят вести переговоры о мире, но не знают советских условий[54]. Это произошло во время интервью, на котором присутствовали корреспондент «Стокгольмстиднинген» и датский журналист Флейшер из «Юнайтед пресс». Датский журналист осенью 1943 г. был принят Линкомиесом, Вальденом, Таннером, Рамсаем, Паасикиви, Фричем, а также беседовал с Виртаненом и Паасикиви. Паасикиви в беседе с Флейшером говорил, что Финляндия должна заключить мир с СССР на любых условиях, если только будет сохранена её самостоятельность. Вальден произвёл на Флейшера впечатление уставшего от войны и, по-видимому, по натуре мирного человека, несмотря на свой военный пост. Вальден считал, что малая нация войну вообще вести не должна, он был сторонником выхода Финляндии из войны. В отношении группы политиков – Вальден, Фрич и Виртанен – Флейшер отозвался, как о людях, которые понимали, что соседство с Россией для Финляндии неизбежно, а потому с ней следует не ссориться, а жить в мире[55]. Очень откровенным с Флейшером был Таннер. Он понимал, что Германия проиграла войну, но независимо от этого считал, что нельзя заключать соглашение с коммунистами, ибо соглашение с коммунистами невозможно вообще. К тому же отношения в антигитлеровской коалиции всё время ухудшаются, дело, мол,

может дойти до войны, и Финляндия, вероятно, получит в лице англо-американцев новых союзников. Рамсай держался очень осторожно, и Флейшер ничего не мог понять из его слов[56]. Рейникка в комиссии по внешней политике проводил мысль, что Финляндии надо соглашаться на все требования Германии, даже на договор. Он полагал, что нужно идти с Германией и на жизнь, и на смерть. По его мнению, постоянно растущий во время войны государственный долг окупится после того, как Финляндия получит Восточную Карелию[57].

Рюти в 1943 г. несколько раз изменял свое мнение относительно победы или поражения Германии в ходе войны. В конце января 1943 г., когда для всех уже был ясен исход Сталинградской битвы, Рюти стал говорить, что Германия войну не выиграет. Несмотря на это, так как Германия обеспечивала Финляндию продовольствием и контролировала коммуникации, Рюти сомневался в том, что Финляндия сможет получать помощь из США. В начале мая 1943 г. Рюти продолжал занимать выжидательную позицию, полагая, что нужно держать финскую армию в неприкосновенности. В начале июня, несмотря на некоторые пессимистические настроения, Рюти считал, что положение Германии на Восточном фронте стало прочным, понимая в то же время, что Германия понесла тяжёлые потери. Он полагал возможным, что западные державы высадятся на Сицилии, Сардинии, а затем и в Италии. 2 июня Рюти говорил Паасикиви, что Финляндия не выйдет из войны, так как Россия не дала знать об условиях мирного договора, а в Финляндии находится 150 тысяч немецких военнослужащих, которые неизвестно как будут себя вести.

В августе в Москве была получена информация о том, что Рюти в беседах с турецким посланником Акселем говорил о желании выйти из войны, но не знал, как вступить в переговоры и каковы будут условия Москвы. По словам Рюти, если Советский Союз захочет «забрать всю территорию Финляндии», то финнам придётся драться до последнего человека. Если бы мир обеспечивал независимость, то «Финляндия пошла бы на него и, возможно, сказала бы даже немцам, что не может больше бороться вместе с ними». По мнению Акселя, многие финны были убеждены, что Германия проиграет войну. Падение режима Муссолини произвело на финнов большое впечатление и они «даже повеселели, полагая, что скоро будет мир и в Финляндии»[58].

Германия – союзник?

Германия в 1943 г. оставалась для Финляндии государством, которое диктовало условия игры на внешнеполитической арене. Германия и была самым главным препятствием на пути к миру. Отношения меж-

ду двумя странами строились на абсолютной зависимости Финляндии от Германии (снабжение продовольствием и присутствие немецких войск на севере Финляндии). Не урегулировав свои отношения с Германией, Финляндия опасалась предпринимать какие-либо внешнеполитические действия. Немецкое влияние в Финляндии проявлялось по широкому кругу вопросов. Так, в конце марта финские радиостанции передали на эстонском языке призыв к редакциям газет избегать обсуждения положения в оккупированных странах, особенно в Норвегии и Франции. По требованию немцев финское правительство приняло решение о том, что многочисленные эстонские перебежчики, перебравшиеся в Финляндию во второй половине 1943 г., должны в качестве добровольцев записаться на финский фронт или же подлежать трудовой повинности. Финское правительство 12 апреля 1943 г. провело праздничные мероприятия по случаю 25-й годовщины вступления немцев в Хельсинки, на котором присутствовал германский министр финансов. Немцы старались всеми возможными путями укрепить двусторонние отношения, в первую очередь, используя такую чувствительную для финнов тему, как «зимняя война», что неизменно вызвало в финской печати негативную реакцию в отношении Советского Союза.

С начала 1943 г. перед финским руководством встал вопрос, как сообщить германскому правительству о том, что Финляндия не может больше продолжать войну, с тем, чтобы попытаться решить вопрос о выводе германских войск. С этой целью в марте 1943 г. в Берлин направился новый министр иностранных дел Финляндии Рамсай. На встрече с Риббентропом он рассказал о предложении США заключить сепаратный мирный договор. Немецкая разведка, располагавшая агентурой в финских правительственных кругах, заранее проинформировала германское руководство об этих намерениях. После того, как Рамсай сообщил Риббентропу о том, что США предложили Финляндии свои услуги по организации сепаратных переговоров о мире с СССР, Германия выдвинула требование, чтобы Финляндия без согласия Германии не заключала ни перемирия, ни мирного договора с Советским Союзом, а заключила соответствующий пакт с Германией.

В связи с тем, что Финляндия не давала ответ, у германского руководства сложилось впечатление, что финское правительство намеренно затягивало рассмотрение этого вопроса. По мнению немецкого посла в Финляндии Блюхера[59], между двумя странами «возник кризис доверия, который выгоден противнику». Блюхер просил Рюти ускорить ответ Финляндии на предложение заключить политическое соглашение с Германией на встрече, которая проходила 26 мая. Рассуждая о причинах вступления Финляндии в войну, Блюхер говорил, что Финляндия не заключала с Германией никакого формального договора, который

был бы прямо направлен против Советского Союза, и вступила в войну только с целью защиты и сохранения собственной независимости, но двухлетняя ожесточённая борьба сплотила и сделала Германию и Финляндию братьями по оружию. Германия несёт на себе основное время войны на советско-германском фронте и у неё нет намерений ставить Финляндию в затруднительное положение. Рюти обратил внимание Блюхера на то, что Германии не следует придавать слишком большого значения заявлениям отдельных политиков и публикациям в финской прессе. В том случае, если требование Германии о заключении договора с Финляндией будет вынесено на рассмотрение парламента Финляндии, то оно уже не сможет оставаться негласным. В парламенте будет много дискуссий, будут утверждения о том, что на Финляндию оказывается давление со стороны Германии, что страна по-прежнему зависима от Германии. Такие дискуссии, в любом случае, неизбежно нанесут вред немецко-финским отношениям. Рюти, сказав, что не хочет обсуждать формулировки с послом Германии, пообещал дать указание министру иностранных дел ускорить процесс подготовки ответа и найти подходящее решение. В апреле и мае немецкий посол фон Блюхер неоднократно ставил вопрос о заключении политического договора Финляндии с Германией. Немцы требовали, чтобы Финляндия официально заявила, что не заключит сепаратный мир с Россией. Финское правительство, хотя и продолжало оставаться в фарватере внешней политики Германии, не намеревалось заключать двусторонний политический договор.

7 июня Рюти вновь принимал фон Блюхера, который собирался поехать в отпуск и вновь высказался по поводу противоречий, существующих между Германией и Финляндией. Рюти сказал, что даже если бы он решился встретиться с самим Гитлером для обсуждения и урегулирования существующих разногласий, то это вряд ли могло бы что-то изменить в лучшую сторону. Рюти сообщил, что Гитлер направил телеграмму Маннергейму, который ответил на неё в том духе, что в надёжности Финляндии можно не сомневаться. 8 июня фон Блюхер выехал в Германию, а 23 июня финскому посланнику в Берлине было заявлено, что германское правительство отказывается от требования к Финляндии подписать двусторонний договор и не заключать сепаратный мир. Это стало небольшой дипломатической победой Финляндии.

Другим проявлением осторожного отношения немцев к финскому собрату по оружию было то, что немцы не настаивали на сделанном весной 1943 г. предложении о том, чтобы президент Рюти или кто-либо другой из руководителей нанёс визит в Германию. В конце июня, после приблизительно шести недель молчания, немецкое правительство дало ответ на просьбу финнов о дополнительных поставках хлеба в Финляндию.

Рюти не только беседовал с послом Германии в Финляндии, но и регулярно встречался с немецкими генералами. Так, 5 июня он

принимал генерала войск СС Ф. Штейнера[60], с которым обсуждал ход военных действий на южном фронте, особое выделив участок фронта, занимаемый дивизией «Викинг». Генерал Штейнер сказал, что, являясь командующим армейским танковым корпусом на Донецком фронте, настроен оптимистично относительно победы в этой войне.

1 июля Рюти обедал с командиром немецкой 3-й горной дивизии генералом Э. Дитлем[61], который дал свою оценку военной обстановки. По мнению Дитля, наступления со стороны Советского Союза на севере не предвиделось. Он сказал, что ставка Гитлера поддерживает идею захвата Ленинграда, чему отводит особую роль, надеясь на её осуществление. Дитль допускал возможность ведения ожесточённых боев на Восточном фронте в районе Курской дуги, где советское командование сосредоточило примерно 100 дивизий, поэтому немцы должны быть готовы к поражениям в боях местного значения. В октябре 1943 г. генерал-майор Э. Дитль в разговорах с некоторыми финскими политиками говорил о возможности отвода германских войск из северной Финляндии, но высказал озабоченность тем, чтобы для Финляндии со стороны СССР были обеспечены сносные условия. Это был всего лишь манёвр германской дипломатии, рассчитанный на то, как бы покрепче привязать к себе финнов. Рассуждения Дитля были ловкой уловкой, так как немцы держали в Финляндии свои войска на основе стратегических соображений. Военное противостояние на советско-финском фронте продолжалось.

Позиция Швеции

Швеция, имевшая многовековые связи с Финляндией, искренне переживала за судьбу соседа и в течение 1943 г. неоднократно по разным каналам пыталась выяснить позиции финского правительства. Шведские политики, дипломаты, общественные деятели и бизнесмены предпринимали попытки по выводу Финляндии из войны и улучшению её политического и экономического положения. В 1943 г. в финских СМИ стали часто публиковаться высказывания финских руководителей об укреплении отношений со Швецией. Так, президент Рюти в своей речи 2 января перед закрытием сейма упомянул в тёплых выражениях о помощи Швеции, оказанной финским инвалидам и детям. То же было сказано в правительственном бюллетене перед открытием сейма 1943 г. относительно экономической поддержки и гражданской помощи со стороны Швеции. В газете «Свенска дагбладет» за 11 марта глава финского правительства Линкомиес заявил, что народы Швеции и Финляндии особенно близки друг к другу ввиду одинаковых природных условий, длительной совместной истории и одинакового характера народов.

В ходе Второй мировой войны у нейтральной Швеции по-разному складывались отношения с противоборствующими сторонами, тем

не менее, они постоянно пользовались посредничеством Стокгольма. Занятая Швецией в годы войны позиция позволяла использовать её территорию при решении деликатных вопросов[62]. Шведские дипломаты в начале 1943 г., наблюдая за тем, как развиваются политико-дипломатические отношения Финляндии и США, фиксировали их напряжённость и неопределённость. В Финляндии, в свою очередь, возлагали большие надежды на то, что Швеция окажет ей помощь в мирных переговорах с Советским Союзом. Однако финны не были уверены в том, что Швеция придёт им на помощь, так как Финляндия продолжала воевать на стороне Германии, которая оккупировала Норвегию и Данию, что вызывало негативное отношение в шведском обществе. Оценивая положение Финляндии, посланник Швеции в Москве Ассарсон[63] говорил, что единственно реальный шанс для финнов спасти свою самостоятельность состоит в том, чтобы выйти из войны как можно скорее, но по мнению Ассарсона, выход Финляндии из войны был невозможен до тех пор, пока у власти находился Рюти и его сторонники[64].

В январе 1943 г. Таннер во главе делегации социал-демократической партии Финляндии выезжал в Швецию для переговоров с руководителями социал-демократических партий стран Севера. Одним из обсуждавшихся вопросов было дальнейшее политическое сотрудничество. В Финляндии возлагали большие надежды на Швецию, так как из Северных стран у Швеции и Финляндии были самые близкие общие интересы, поскольку обе страны смотрят на восток. В то же время, по мнению Таннера, Дания и Норвегия, были устремлены на запад. В ходе дискуссии Таннер заявил, что положение Финляндии ужасно, разгром будет полный, но он не знал, что делать. Он предлагал бороться до конца, ибо и в войне народ должен помнить свою величайшую задачу – защищать свободу. Шведские социал-демократы убеждали финнов в том, что необходимо осознать сложность положения и постоянно возвращались к вопросу, «как добиться изгнания немцев из Финляндии».

Министр иностранных дел Швеции Гюнтер[65], подчеркивая, что он предан Финляндии, просил финских коллег поспешить с решением вопроса о выходе из войны, так как ситуация в Германии становилась всё более запутанной[66]. Хотя шведско-финские переговоры носили межпартийный характер, шведы использовали их для общей дискуссии. На завтраке после конференции, где присутствовали министры Ханссон[67], Меллер[68], Таннер, Вигфорсс[69], Фагерхольм[70], Таннер призывал Швецию выступить на стороне Финляндии со своими вооружёнными силами и поставить шведскую экономику на службу «общему делу». Ханссон, не согласившись с этими предложениями, призвал финнов к выходу из войны и поинтересовался, почему финны игнорировали советы американцев о мирных переговорах с Москвой. Таннер заявил, что

финны не могут вступать в переговоры с русскими, т.к. не знают, какую границу желают русские – в 20 км от Ленинграда или общую границу со Швецией (то есть уничтожение независимости Финляндии)[71]. Социал-демократическая комиссия по сотрудничеству северных стран в Стокгольме отсрочила вынесение решения. Основанием для этого послужила телеграмма Ассарссона, которой сообщил, что Молотов упомянул об улучшении условий перемирия с Финляндией.

Банковские круги Швеции опасались давать кредиты Финляндии, так как финны не платили даже проценты. Они опасались вкладывать деньги в объекты на территории Карелии, подчеркивая, что «это уже сейчас – ничья земля»[72]. В шведской прессе с начала 1943 г. активно обсуждался финский вопрос. Однако официальный Стокгольм не предпринимал никаких шагов, всё оставалось на уровне рассуждений, за которыми, по мнению советских дипломатов в Швеции, скрывался «какой-то подозрительный флирт финнов с США»[73]. Многие иностранные дипломаты, находившиеся в Швеции в начале февраля 1943 г., заговорили о стремлении Финляндии улучшить отношения с США, желании оказаться под их покровительством. На это указывали торжественная встреча в Хельсинки помощника американского морского атташе, возвращение в Хельсинки американского посланника Шенфальда, повышенное внимание к приезду американского корреспондента Джонсона и другие факты.

По мнению иностранных дипломатов, вывод Финляндии из войны был бы большим ударом по «странам оси» и вызвал бы сильную реакцию в Италии. В то же время иностранные дипломаты полагали, что в вопросе выхода Финляндии из войны, в первую очередь, будут учитываться интересы Советского Союза, а не только США[74]. В военных кругах Швеции не понимали, как Финляндия найдет выход. По мнению шведского военного атташе в Финляндии, финнам необходимо было заключить мир с русскими, а не полагаться на антагонизм между Россией и западными державами[75].

Активную позицию в попытках вывода Финляндии из войны занимал шведский посланник в СССР Ассарсон, считавший, что Швеция должна проявлять больше инициативы. Эта деятельность раздражала и советскую контрразведку, и руководство Советского Союза. Ассарсон регулярно встречался с американским послом в СССР Стэндли[76] и обсуждал с ним возможности того, чтобы США выступили посредником в организации мирных переговоров между Финляндией и СССР. 29 января Стэндли интересовался у Молотова возможностями заключения мира между СССР и Финляндией. По мнению Стэндли, советское правительство могло бы проинформировать Финляндию о предварительных условиях мира. О результатах встречи с Молотовым Стэндли

проинформировал Ассарсона, который незамедлительно направил телеграмму в Стокгольм, а шведы проинформировали финнов. Финское руководство решило временно приостановить направление в Москву своего обращения[77].

18 февраля 1943 г. Ассарсон передал Стэндли меморандум с выдержками из стокгольмских газет, в которых комментировалось внутриполитическое положение в Финляндии и подчеркивалось, что выборы Рюти не изменят политику правительства, и высказывалось предположение, что Рюти может пойти на подписание мирных соглашений, так же, как и Маннергейм. Ассарссон говорил, что Таннер «упрямый и опасный человек, считавший, что в случае его ухода Финляндия погибнет»; но «шведы и американцы должны вновь попытаться уговорить финских упрямцев»[78]. Он утверждал, что наступило самое подходящее время действовать, необходимо дать понять новому финскому правительству, что оно должно сейчас начать мирные переговоры с целью заключения мира с Советским Союзом на основе национальной безопасности. Ассарсон считал, что в Финляндии «недостаточно питания, чтобы жить, но достаточно – чтобы не умереть». Он полагал, что расчёт на возникновение в Финляндии внутренних беспорядков и революции, не оправдан[79]. Необходимо разъяснить финскому правительству, что если оно не заключит мира с Советским Союзом сейчас, а будет ждать до полного поражения Германии, то мир будет заключён уже на других условиях. Финны должны понимать, если Финляндия откажется выйти из войны в начале 1943 г., то потом Америка и Швеция не станут защищать её интересы. Ассарсон предлагал, чтобы США взяли инициативу в свои руки, действуя вместе со Швецией. Стэндли ответил, что Америка всё время стремилась, чтобы был заключён мир СССР с Финляндией. США не объявляли войну, чтобы иметь с Финляндией дипломатические отношения и влиять на её политику[80].

21 января финский посланник в Стокгольме Васашерна[81]по решению своего правительства направил просьбу о поддержке шведским правительством добрых связей Финляндии с США. Шведскому посланнику в Вашингтоне Бустрёму были даны соответствующие инструкции. 26 января он имел беседу с заместителем госсекретаря США С. Уэллесом[82] и в ходе беседы высказал пожелание о том, что политика Соединенных Штатов примет «направление к сохранению свободной и независимой Финляндии». В конце июня посланник Бустрём заявил Уэллесу, что и для США сейчас совсем не время прерывать связи с Финляндией, поскольку это ослабляет силу её сопротивления во время наибольшего напряжения во взаимоотношениях с Германией. Уэллес ответил, что он считает необходимым существование независимого государства Финляндии и высказал симпатии к ней.

МИД Швеции, ведя такую линию, ещё не знал, какой ответ даст Финляндия на предложение о посредничестве в организации сепаратных переговоров. 11 февраля Сёдерблюм[83], обсуждая с Ярцевым вопрос о «судьбе Финляндии», убеждал собеседника в том, что финский фронт не следует рассматривать как часть германского, что финны не хотят продолжать войну. Ещё осенью 1941 г. финны якобы заявили шведам, что они не пойдут дальше старой границы, а территорию Восточной Карелии временно оккупировали до разрешения вопроса «мирными способами». Трудности финнов заключались в нехватке продовольствия, которое они получали из Германии[84]. Посланник Финляндии в Швеции сообщил, что Ярцев в феврале 1943 г. предложил начать подготовку мероприятий в рамках посредничества по вопросу перемирия[85].

Во второй половине апреля большинство дипломатических сотрудников американской миссии покинули Финляндию. Шведский посланник в Москве Ассарсон назвал это событие «имеющим большое значение, но оно не предопределявшим объявление войны Америкой Финляндии», так как это ухудшит положение финского народа[86]. Ассарсон в мае 1943 г. телеграфировал из Куйбышева в Стокгольм, что Москва недовольна политикой Швеции, особенно непрекращающимися транзитными перевозками военных грузов в Финляндию. Кроме того Ассарсон высказывал предположение, что Советский Союз стремится снизить влияние Швеции на оформление будущих отношений стран Севера, особенно в деле спасения Финляндии.

Изменения на советско-германском фронте в пользу Красной армии, произошедшие летом 1943 г., побуждали финнов обращаться к шведам не только официально, но и частным образом, с заявлениями, что Финляндия готова выйти из войны, если ей будут предоставлены «приемлемые границы и хлеб». Финны нервничали, не имея информации из Советского Союза, на каких условиях советское правительство пошло бы на мир с Финляндией. Они недоумевали, почему СССР не хочет сказать об этом, хотя бы через американцев[87]. В Москве по прежнему не доверяли информации о намерении финнов выйти из войны. Об этом Молотов в августе сообщил в советское посольство в Стокгольме.

Во второй половине сентября 1943 г. шведского посла Ассарсона принял Молотов. Беседа началась с обсуждения вопроса об освобождении В. Сидоренко[88]. Однако нарком иностранных дел вскоре перешел от этой темы к резкой критике Швеции, потому что она продолжает помогать Германии и Финляндии. Молотов имел в виду транзитные перевозки немцев по шведским железным дорогам и транзит через шведские территориальные воды материалов, которые использовались для ведения войны против СССР и его союзников. Ассарсон возразил Молотову, сказав, что финны остаются единственным народом, который сохранил

непреклонную позицию в отношении Германии, противятся германским требованиям как военного, так и политического характера, они отказываются от участия в нападении на Ленинград, финский президент воздержался от встречи с Гитлером. Молотов ответил, что финны отчасти виновны в бедственном положении, в котором сейчас оказались ленинградцы. Ассарсон в конце беседы осторожно намекнул, что Финляндия, возможно, готова пойти на окончание войны, изменить политику и развивать дружеские отношения с Советским Союзом. Молотов сказал, что не верит в предположение Ассарсона о том, что финны настроены на заключение мира с Советским Союзом, он с иронией говорил об «умных финнах», политика которых уже третий раз приводит страну к войне с Советским Союзом. Нецелесообразно обсуждать вопрос о заключении мира между Финляндией и СССР, так как финны не сделали никаких конкретных предложений об условиях его заключения[89].

В МИД Швеции осенью 1943 г. оценивали положение Финляндии, как страны, находившейся перед пропастью и не знавшей, как отойти от неё. Шведы говорили, что финская оппозиция слаба, она не могла взять власть и резко изменить курс. Оппозиция ввиду своей слабости лишь слегка подталкивала правительство. Продовольственное положение Финляндии было тяжёлым, хлеб, который Финляндия получала из Германии, обеспечивал потребности лишь на несколько месяцев, и до нового урожая его не хватало.

9 октября 1943 г. в Стокгольм для переговоров о кредитах и возможности посредничества Швеции в переговорах между Финляндией и СССР с руководством шведской социал-демократии прибыли Таннер, Фагерхольм, Вуори, Рангель. Финская делегация просила в Стокгольме продовольствие. Во время переговоров Ханссон призывал Таннера установить прямой контакт с СССР. Шведы дали понять, что до тех пор, пока Финляндия продолжает воевать, ей не окажут продовольственной помощи, так как не имеют на это права в соответствии с торговым соглашением с союзниками. Другое дело, если Финляндия выйдет из войны или если финны предпримут в этом направлении серьёзные шаги. Шведы были заинтересованы в благоприятном решении финского вопроса, поскольку опасались, что может возникнуть ситуация, когда миллионы финских беженцев окажутся в Швеции, что могло негативно отразиться на её экономическом и политическом положении[90].

Шведские политики понимали, что серьёзной проблемой Финляндии было пребывание на её территории германских войск. В период проведения Тегеранской конференции шведский посланник в Москве Ассарсон надеялся, что будет обсуждаться вопрос и о выходе из войны Финляндии, что Рузвельту и Черчиллю удастся убедить Сталина дать

заверение, что Финляндия не будет оккупирована в случае, если она потребует увода германских войск с ее территории. Финны опасались повторения итальянского сценария в Финляндии, и поэтому хотели знать, какую позицию займёт СССР, прежде чем предпринимать какие-либо шаги в отношении немцев. В Швеции надеялись, что Советский Союз не будет выдвигать требований о границах, дальше границ 1940 г., а Ханко останется в составе Финляндии[91].

11 ноября 1943 г. в газете «Свенска Дагблад» была размещена передовая статья о Финляндии. Эта газета была проводником мнения шведского МИД, заинтересованного в том, чтобы Финляндия осталась своеобразным буфером между Швецией и СССР. В публикации проводилась мысль, что если Красная армия займет восточное побережье Ботнического залива, это вызовет негативную реакцию шведского населения, и Швеция будет вынуждена в качестве противовеса растущему советскому влиянию искать поддержку у сильных держав. В МИД Швеции придерживались мнения, что Советский Союз не заинтересован в том, чтобы подталкивать Швецию в сферу влияния других держав, и советское правительство будет продолжать политику, направленную на то, чтобы удержать Швецию от сближения с Германией[92].

Череда поражений германской армии, продолжавшаяся осенью 1943 г., привела финское общество в унылое и подавленное настроение. В начале ноября Социал-демократическая партия выступила с заявлением, в котором подчёркивалось право Финляндии по своему усмотрению выйти из войны, и отмечалось, что этот шаг следует предпринять без задержки. Финский народ желает мира, который гарантировал бы Финляндии независимость и свободу.

В середине ноября вопрос о мире обсуждался между советским послом в Швеции А.М. Коллонтай и секретарем шведского министерства иностранных дел Бохеманом[93], который проинформировал о том, что Финляндия желает заключения мира. Коллонтай, проведя консультации с Кремлём, 20 ноября попросила Бохемана довести до сведения финского правительства, что оно может направить в Москву делегацию. Бохеман назвал начавшийся диалог между Финляндией и Советским Союзом, хотя бы и через посредников, «шагом громадного значения со стороны СССР»[94].

В конце ноября в Швецию из Финляндии возвратился журналист «Социал-демократен» Э. Линквист, находившийся там около месяца и встречавшийся со многими представителями финской политической элиты. У него сложилось впечатление, что никто из правительства и политических деятелей Финляндии, даже Таннер, не надеялись на благоприятный исход войны для держав оси. Финские политики, сознавали, что Финляндия не сможет выйти из войны без ущерба для себя,

а Америка и Англия не могли и не хотели помочь им. Финны считали, что Швеция не оказывала ощутимой помощи Финляндии и не желала вмешиваться в финские дела по выходу из войны. Финские политики говорили, что если они окончательно уверятся, что они не могут получить помощь от Америки и Швеции, то им ничего не останется, как вступать в переговоры с СССР[95].

На ноябрьском пленуме СДП Финляндии с докладом о международной обстановке выступил Таннер. Он пытался убедить присутствовавших в том, что Финляндия не имеет возможностей для сепаратного мира с Советским Союзом. Таннер утверждал, что финны неоднократно пытались установить прямой контакт с советскими представителями, в том числе в Стокгольме, но «русские не проявили никакого интереса к этим попыткам и никак на них не реагировали». Возобновление таких попыток может повести только к тому, что немцы откажутся поставлять хлеб, и финский народ будет обречён на голодную смерть.

Главным оппонентом Таннера был Кето[96], резко критиковавший финское правительство «за бездеятельность, трусость и нежелание предпринять смелые шаги к выходу из войны». Кето требовал смены правительства и в первую очередь устранения Таннера. Члены оппозиции, представлявшие г. Хельсинки, поддержали Кето. Делегаты, приехавшие из провинции, поддержали Таннера, указывая, что Кето предполагает сменить правительство, но сам не знает, что может сделать новое правительство. Сила Таннера заключалась в слабости оппозиции, которая критиковала его, но ничего не предлагала взамен и не решалась на практические шаги[97].

22 ноября в Финляндию убыл посланник шведского правительства, чтобы уведомить финнов о предложении советского правительства, а также проинформировать, что Швеция поможет Финляндии продуктами питания, но только в том случае, если попытки, направленные на заключение мира, приведут к прекращению импорта продовольствия из Германии. После изучения советского предложения в узком кругу финских политиков, шведам был передан ответ, суть которого сводился к тому, что финское правительство готово вести переговоры о мире, но не может «передавать кому-либо города и иные жизненно важные территории». Несмотря на то, что в 1943 г. существенно выросло число сторонников выхода из войны, практически все они считали его возможным при условии, что «Финляндия не будет превращена просто в советскую провинцию»[98].

29 ноября Бохеман передал А.М. Коллонтай заявление, составленное Маннергеймом и Рюти, в котором говорилось, что Финляндия очень благодарна за возможность представить свою точку зрения о возможности установления мира. Далее сообщалось, что финский народ,

всегда стремившийся сохранить свою полную самостоятельность, прекрасно понимал, что хорошие и дружеские отношения к своему великому соседу на востоке имеют жизненное значение для существования и будущего Финляндии. В ответе финской стороны подчеркивалось, что Финляндия стремилась достигнуть мира, который создаст необходимые предпосылки для установления и сохранения хороших добрососедских отношений и это даст возможность Финляндии сохранить такой нейтралитет, который предусмотрен международным правом. Особое место в ответе занимал вопрос о границе. Финны говорили о благоприятных предварительных условиях переговоров на основе границы 1939 г. В то же время финская сторона была готова обсуждать вопрос об изменениях линии границы, которые послужили бы «созданию взаимного доверия и укрепили бы условия для постоянного мирного состояния между обоими соседними народами»[99].

В начале декабря раздражение советской контрразведки и неудовольствие руководства МИД в отношении шведского дипломата Ассарсона достигло предела. Были получены сведения, что Ассарсон и шведской военный атташе в Москве Нюгрен[100], добыв секретную информацию о советских вооружённых силах, передали её германскому командованию. 17 декабря Коллонтай пригласила к себе Бохемана и передала ему заявление советского правительства об отзыве Ассарсона и Нюгрена. Бохеман воспринял это как поиск Советским Союзом предлога для разрыва дипломатических отношений со Швецией. Бохеман не мог поверить, чтобы Ассарссон или кто-нибудь другой из шведского посольства в Советском Союзе передавал секретные сведения немцам. Он заявил, что такое поведение Ассарссона шло бы вразрез с установкой кабинета, что совершенно невозможно. Шведское правительство не может принять это требование иначе, как глубокое оскорбление, и вынуждено будет соответственно реагировать. Коллонтай ответила, что речь идет не о разрыве дипломатических отношений, а о конкретных лицах. Бохеман считал, что всё это было подстроено немцами, либо СССР почему-то ищет осложнений со Швецией[101].

19 декабря 1943 г. Молотова поочерёдно посетили посол США Гарриман[102] и временный поверенный в делах Великобритании Бальфур[103]. Они интересовались причинами, по которым Ассарсон отзывается в Стокгольм. Молотов заявил, что Ассарсон и шведской военный атташе в Москве Нюгрен отзывались по представлению советского правительства, т.к. они, добыв секретную информацию, передали её немцам с целью оказания помощи Германии в борьбе против Советского Союза. Они потеряли доверие советского правительства, которое не могло терпеть дальнейшее пребывание в СССР лиц, совершивших столь недостойный поступок. Гарриман отметил, что в Вашингтоне считали Ассарсона другом союзников и поэтому весьма удивлены[104].

20 декабря Бохеман сообщил Коллонтай, что шведское правительство, еще раз проверив все имеющиеся у него данные, пришло к убеждению, что никакой нелояльности со стороны Ассарссона и Нюгрена к Советскому Союзу быть не могло. Тем не менее, идя навстречу требованию советского правительства и учитывая, что нежелательные лица не могут содействовать сохранению хороших отношений между обеими странами, шведское правительство фактически отозвало Ассарссона, дав распоряжение немедленно выехать в Швецию для доклада.[105]. Бохеман сказал, что шведское правительство с чувством огорчения и глубокого возмущения отнеслись к такому подозрению и, единственно, что им приходит в голову, что тут какие-то махинации немцев. В этот же день Бохеман, обсуждая с Коллонтай ответ советского правительства на предложение финнов, сказал, что он опасается, как бы финны не начали выдвигать вопрос, входит ли Ханко в понятие о границах. Коллонтай разъяснила, что все постановления договора 1940 г. незыблемы и, следовательно, это так же относится и к Ханко. Коллонтай добавила, что это последний шанс и если финны его сейчас не используют, может настать момент, когда советскому правительству по стратегическим соображениям придётся ввести войска и занять всю Финляндию, до всех её границ, что вряд ли для финнов будет выгоднее. У Коллонтай осталось впечатление, что шведы очень заинтересованы продвинуть советское предложение финнам[106].

30 декабря 1944 г. шведский министр иностранных дел Гюнтер в течение двух часов говорил с Коллонтай, неоднократно повторяя, что шведское правительство ошеломлено и не может понять и примириться с фактом отзыва именно Ассарссона, который был честным проводником линии шведского правительства, стремившимся сохранить и укрепить дружественные отношения с СССР. Гюнтер не мог себе представить другого шведского посланника, который так искренне старался бы работать именно в этом направлении. Гюнтер был твёрдо уверен, что Ассарссон не мог совершить нелояльного поступка. Гюнтер дал два объяснения: либо это следствие интриг какого-либо лица, желавшего избавиться от Ассарссона, либо это знак перемены политики Советского Союза в отношении Швеции, что для шведского правительства было совершенно непонятно. Гюнтер просил передать Молотову, что «Швеция все эти годы жила под жутким страхом нападения Германии и меньше всего желала бы в какой-либо мере содействовать германским успехам». Политика Швеции будет состоять в том, чтобы каждая из стран Севера не превратилась бы в арену преимущественного и исключительного влияния какой-либо одной крупной державы. Швеция не хотела политического господства никаких стран ни в Норвегии, ни в Финляндии[107].

Гюнтер делал всё от него зависящее, чтобы повлиять на финнов и ускорить их выход из войны, что в высшей степени было в интересах

Швеции. В конце декабря посланник Финляндии в Стокгольме Гриппенберг[108] выехал на рождественские праздники в Финляндию, обещая вернуться 4–5 января 1944 г. Гюнтер полагал, что Гриппенберг привезет ответ финского правительства о границах, хотя считал этот вопрос второстепенным, а заявление советского правительства – «громадным достижением для финнов». Финляндия должны поторопиться с выходом из войны, ибо всякие новые мировые события могут только ухудшить ее положение[109]. Комментируя позицию финской стороны о границах 1939 г., Гриппенберг несколько раз повторил Бохеману, что изложенная точка зрения естественна для финнов, и они её должны хотя бы высказать. Однако, поскольку у советской стороны на этот счет имеется другая точка зрения, финны готовы её обсуждать.

Манёвры США

Американцы в 1943 г. так же, как и шведы, предпринимали активные действия по выводу Финляндии из войны. В США были убеждены в том, что Финляндия должна оставаться независимым государством, для этого ей необходимо выйти из войны, заключив мир с Советским Союзом. США очень хотели выступить посредником в переговорах между СССР и Финляндией, но их доводы и доказательства не оказывали достаточного влияния на финскую политику и дипломатию.

В передачах американского финскоязычного радио прямо говорилось, что любая оказанная Германии помощь затягивает войну, которую США стремятся закончить. В радиопередачах подчеркивалось, что терпение США в отношении Финляндии иссякает. Финляндия позволяет германским войскам находиться в своей стране, что называлось в радиопередачах враждебным актом, так же, как и участие финских добровольцев в боевых действиях в составе германской армии и предоставление Германии финских природных богатств. В передачах американского радио подчеркивалось, что у США закончилось терпение к германским вассалам. США требовали от Германии, Италии и Японии безоговорочной капитуляции. Это касалось и Финляндии, которая должна была выйти из германской войны, обречённой на поражение. «Время для Финляндии истекает» – такими словами завершалась радиопередача американского радио от 25 февраля 1943 г. Паасикиви назвал это выступление «очень резким»[110].

Можно предположить, что американцы знали, какое положение в советском посольстве в Стокгольме занимал Ярцев и каков его «аппаратный вес» в Советском Союзе. Именно поэтому к нему проявлялся постоянный интерес и «подбрасывались» интересные идеи и предложения. Так, в начале февраля 1943 г. американский дипломат Грин сказал

Ярцеву, что было бы целесообразно, если бы СССР в порядке великодушия сам предложил мир Финляндии. Ярцев выразил недоумение, тогда Грин поспешил добавить, что он считает, что финны должны обратиться с соответствующим предложением к СССР не через посредников, но непосредственно[111].

15 февраля заместитель госсекретаря США С. Уэллес, в беседе с финским послом в Вашингтоне заявил, что США не желали видеть Финляндию участницей войны на стороне держав оси. Несколько ранее, 11 февраля правительству США был передан меморандум, датированный 8 февраля, в котором финское правительство излагало свои соображения относительно обстоятельств, приведших Финляндию к войне. В нём содержались слова о понимании финским правительством необходимости восстановления удовлетворительных связей со своим восточным соседом. Финны не видели никаких признаков, указывающих на то, что агрессор (под которым понимался Советский Союз) «оставил свои посягательства на Финляндию или же изменил свою агрессивную деятельность». Ответный меморандум США, в котором было сказано, что американский госдепартамент не видит, чтобы Финляндия предприняла или собиралась предпринять какие-либо шаги для прекращения своего военного сотрудничества с противниками США, 13 февраля был вручен финскому послу.

Американский поверенный в делах США в Финляндии Макклинток[112] 20 марта 1943 г. посетил и передал Рюти памятную записку, в которой содержалось предложение о мирном посредничестве США между Финляндией и Советским Союзом. Макклинток пытался добиться ответа МИД Финляндии на вопрос, намеревается ли финское правительство продолжать свою политику сотрудничества с врагами США? Американцы ожидали, что финское правительство даст ясный и чёткий ответ о своей точке зрения на это предложение. В США хотели твёрдо знать, «доверяет ли новое финское правительство американскому правительству и добрым пожеланиям американского народа финскому народу, чтобы оправдать предложенную помощь со стороны американского правительства».

В меморандуме нового финского правительства от 23 марта содержались пространные рассуждения о том, что финскому народу с 1939 г. угрожает опасность уничтожения, что Финляндия должна обеспечить свою безопасность, а пока ничего неизвестно об изменении отношения советского правительства к Финляндии. Финны просили американцев сообщить своё мнение по вопросу мирных переговоров. Принимая меморандум финского правительства, С. Уэллес заявил, что борьбу Финляндии против СССР нельзя рассматривать как сепаратную войну. 22 марта Рюти пригласил к себе Маннергейма, Линкомиеса, Рам-

сая, Вальдена, Рейникка и Таннера и обсуждал с ними содержание этой записки. Финские руководители опасались принять предложение о посредничестве США, так как это оборвёт связи Финляндии с Германией. В этом случае Финляндия окажется «в милости у Советского Союза», и США не сможет помочь им. Было принято решение просить через Макклинтока предоставить Финляндии более подробные сведения о возможности мирных предложений, а также гарантиях, на которые могла рассчитывать Финляндия. О предложении США было решено сообщить Германии, направив для этого в Берлин Рамсая, который должен был встретиться и посоветоваться с Риббентропом. Финляндии хотела «иметь козыри в игре с Германией»[113]. Рюти 23 марта обсуждал упомянутую записку и с Паасикиви. По мнению Паасикиви, возможность того, что Германия выиграет войну, была невелика; силы Германии слабели, а силы западных держав, особенно США – росли. Паасикиви считал, что «надо ухватиться за предложение американцев» и выйти из войны при первой возможности. Паасикиви сомневался в том, что надо советоваться с Германией по вопросу выхода Финляндии из войны. Он был уверен, что Германия явно выступит резко против, а если Кремль выдвинет неприемлемые для Финляндии условия мирного договора, то Финляндия останется «между двух стульев» и её положение ухудшится. В случае если ничего не сообщать Германии и если ей станет известно, что Финляндия ведёт переговоры о мире, а затем из мира ничего не выйдет, то положение Финляндии сильно осложнится. Финляндия останется одна между Германией и Россией[114]. 24 марта финны вручили американскому поверенному в делах в Финляндии ноту, в которой говорилось, что для обсуждения предложения о посредничестве в переговорах Финляндии и Советского Союза финской стороне желательно было получить хотя бы основные условия, на которых они начнутся[115].

25–27 марта Рамсай посетил Берлин, чтобы ориентировать Риббентропа о положении в Финляндии и об американском предложении. Риббентроп, выслушав Рамсая, в резком тоне осудил переговоры Финляндии с США. Он утверждал, что Германия спасла Финляндию в 1940 г. (подразумевая визит Молотова в Берлин), и что теперь Германия – единственная, кто может опять это сделать. Если Финляндия заключит отдельный мирный договор, Германия сделает из этого выводы. Он потребовал, чтобы переговоры с США были прекращены. Во время разговора Риббентроп звонил фюреру, который в жёстком тоне потребовал того же. Риббентроп убеждал Рамсая, что Ленинград будет уничтожен, Германия разгромит Советский Союз уже в 1943 г., потому что в германскую армию призвано 5 млн новобранцев. Он потребовал, чтобы Финляндия заключила политический союз с Германией, в котором бы было записано обязательство

«обеих сторон не заключать отдельного мира»[116]. Для того чтобы подчеркнуть реакцию немцев на эти события, немецкий посланник фон Блюхер 5 апреля демонстративно выехал из Хельсинки в Германию.

Финны стали спешить, чтобы скорее дать ответ американцам, хотя они еще не получили от них ответ на просьбу Рамсая, высказанную в письме от 24 марта, относительно условий для начала переговоров. Некоторые финские политики предлагали быстро дать ответ США, высказывая опасения, что из переговоров с Россией ничего не выйдет, так как «мы не знаем намерений России и не доверяем России». Если Финляндия продолжит переговоры, то для неё могут быть тяжёлые последствия. Во-первых, страна не получит ни продовольствия, ни других товаров: ржи, угля, бензина. Армия не сможет воевать, жизнь прекратится. Во-вторых, в распоряжении Германии находились все финские аэродромы и 100 тысяч солдат. Германия вполне может оккупировать Финляндию.

Паасикиви предлагал не разрывать отношений с США, действуя через посредничество Швеции. Тем не менее, после длительных и многосторонних консультаций Рамсай направил ответ в США, в котором было отмечено, что Финляндия не видит основы для переговоров с СССР. Вопрос об ответе на американский меморандум обсуждался на заседании внешнеполитической комиссии сейма Финляндии 9 апреля, от ответа на американский меморандум решили воздержаться, пока не поступит ответ на ноту Рамсая от 24 марта. 10 апреля поверенный в делах США вручил долгожданный ответ, в котором говорилось, что предложение американского правительства ограничивается лишь только услугами, предусматривающими установление прямого контакта между финским и советским правительствами. Американцы сожалели, что не располагают информацией об условиях мира.

В этот же день финны передали свой ответ о том, что финское правительство не имеет свидетельств, что начало переговоров с советским правительством даст гарантии на независимость Финляндии, то ради чего страна с 1939 г. несла большие жертвы. У финского народа нет другого выхода, кроме как продолжение своей «оборонительной войны», пока не исчезнут угрозы. Таким образом, Финляндия делала выбор в пользу продолжения войны. В действительности за развёрнутым отрицательным ответом стояли германские интересы и надежды финского руководства на победу Германии в войне против СССР.

США продолжали оказывать давление на Финляндию. Следующим шагом должен был стать отзыв американского посольства. 21 апреля Маклинток получил телеграфные инструкции из Вашингтона – сообщить финнам, что американское дипломатическое представительство покидает Финляндию, а интересы США в Финляндии будет представ-

лять посольство Швейцарии. В течение 48 часов предстояло отправить весь персонал американского посольства в Стокгольм. 23 апреля начался переезд. Маклинток, предварительно отправив семью в Стокгольм, договорился о встрече с Рамсаем на 25 апреля в 4 час. дня, предполагая передать ему сообщение. Однако утром 25 апреля из Вашингтона поступили новые инструкции: не следовало передавать сообщение о выезде американского посольства из Хельсинки (если, конечно, он этого еще не успел сделать). Как говорится – не спеши выполнять указание, так как последует команда «отставить». Поводом к таким противоречивым инструкциям Вашингтона стало решение Советского Союза разорвать дипломатические отношения с Польшей в связи с «Катынским делом» и, по всей вероятности, США не хотели, чтобы финский вопрос был «замешан в тот же клубок». Тем не менее, Рюти опасался, что США разорвут дипломатические отношения с Финляндией, так как Советский Союз оказывал на них сильное давление[117].

Внезапный выезд американского посольства вызвал беспокойство в Финляндии. Появились откровенно негативные настроения, а также сожаления по этому поводу. В Финляндии сложилось мнение, с одной стороны, что дружба с Америкой имеет для финнов неоценимое значение, а, с другой стороны, что Россия – единственный враг Финляндии. Сохранение в Хельсинки американского посольства расценивалось как свидетельство правильности тезиса, что финны ведут свою, отдельную от Германии, войну с СССР.

19 мая 1943 г. в Москву в качестве специального представителя президента США для встречи со Сталиным прибыл Дж. Дэвис[118]. Главной целью его миссии было доставить Сталину письмо Рузвельта, в котором содержалось предложение о личной встрече. Первая встреча Дэвиса со Сталиным состоялась 20 мая. Дэвис информировал о позиции Рузвельта по важнейшим международным событиям, он должен был укрепить уверенность Сталина в поддержке Рузвельта экспансии Советского Союза в Восточной Европе[119]. Сталин просил предоставления СССР большей военной помощи, в первую очередь, самолётов, боевой техники и продовольствия. Вторая встреча Дэвиса со Сталиным прошла 26 мая и тоже продолжалась около двух часов. Сталин вручил письмо к Рузвельту и сказал, что дата и возможность личной встречи будут зависеть от военной обстановки. Сталин вновь говорил о послевоенном устройстве мира. Он подчеркнул, что СССР хочет на своих границах с Польшей, Финляндией и Румынией иметь государства с дружественными правительствами.

В мае 1943 г. советская разведка получила достоверные данные, что финны отклонили американские предложения о сепаратных переговорах. Финны якобы спросили, какие условия мира может предложить

СССР. Американцы ответили, что могут помочь финнам установить прямой контакт с СССР. Финны возразили, что они могут установить контакт и без американцев, но их интересуют конкретные условия[120].

США по-прежнему пытались играть самую активную роль в организации переговоров между СССР и Финляндией, об этом свидетельствовала деятельность поверенного в делах США Макклинтока в Стокгольме, куда он приезжал достаточно часто под предлогом предстоящих родов жены. Находясь в июле в Стокгольме, он встречался с сотрудниками советского посольства, интересовался их точкой зрения на финские дела. Макклинток придавал большое значение контактам с Ярцевым, называя его «экспертом советской миссии по финским вопросам». Макклинток предлагал советским дипломатам посреднические услуги в вопросе заключения мира с Финляндией. Он обещал обсудить это с Рамсаем, Маннергеймом и даже Рюти, утверждая, что в Финляндии есть группа политиков, стоящих за сепаратный мир с СССР. Ссылаясь на беседы с представителями финского военного командования, говорил, что Финляндия не пойдёт вместе с Германией на авантюры (Ленинград или что-либо другое), потому что поражение Германии очевидно[121]. Макклинток считал, что к лету 1943 г. в Финляндии появилось больше сторонников движения за мир, во главе которого находились социал-демократы, аграрии, шведская партия, а также сторонники Паасикиви, считавшие, что настало время установить прямой контакт с Москвой и заключить достойный мир. Макклинток настойчиво пытался организовать в Стокгольме встречу финских сторонников мира с советскими дипломатами. По мнению Макклинтока, финны «ведут очень глупую политику, понимают, что Германия будет разгромлена, но ничего не предпринимают». Время для переговоров уже наступило, промедление в этом деле было невыгодно ни той, ни другой стороне. Макклинток, обсуждая с финскими руководителями события, происходившие летом 1943 г. в Италии, интересовался у них прогнозами на будущее. По мнению Рамсая, Финляндии не будет ориентироваться на выход из войны союзников Германии, а в случае поражения Германии будет учитывать состояние военного потенциала Советского Союза и тогда решит вопрос о выходе из войны. Финское военное командование стремилось сохранить людские и материальные ресурсы и строить укрепления. Только опираясь на надёжную военную силу, Финляндия сможет добиться «почётного мира». Макклинток с удивлением отмечал, что финны еще не осознавали, насколько стала сильна Красная армия и до них «не дошло», что немецкое летнее наступление провалилось.

В советском посольстве в Стокгольме, проанализировав высказывания Макклинтока, сделали вывод, что финские правительственные политики «настроены антисоветски и намеревались продолжать вой-

ну». По мнению советского посольства в Швеции, важным условием для начала каких-либо серьёзных разговоров с финнами о мире могло стать «устранение от власти этого антисоветского концерта сил»[122]. В середине августа редактор «Афтонтиднинген» Северин предпринял попытку втянуть пресс-атташе З. Ярцеву в обсуждение начала переговоров о заключении мира. Ей предлагалось встретиться с финским пресс-атташе Бротериусом. Финны хотели провести предварительные переговоры «между маленькими людьми дипломатических миссий, не привлекая пока посланников»[123]. Информация, касавшаяся контактов с финскими представителями по вопросу мирных переговоров, находилась на контроле у В.М. Молотова. 11 августа он дал указание в Стокгольм, в случае, если Макклинток повторит свой вопрос о встрече с финнами, следовало ответить, что советская сторона «не верит в финские мирные предложения и в данный момент не интересуется этим вопросом». 17 августа Молотов направил указание в Стокгольм, подчеркнув, что «Ярцева не должна иметь никакого отношения к финским делам»[124].

Макклинток отмечал изменение настроений финской политической элиты и армии. Финские офицеры писали с фронта о том, что надо добиваться мира. Маннергейм и Рюти были крайне обеспокоены военно-политической обстановкой в Италии и победой Красной армии на Курской дуге. До опубликования декларации Бадольо о продолжении войны финские руководители «очень сильно нервничали». По данным Макклинтока, оценив изменения военно-политической обстановки, Рюти говорил о необходимости выхода Финляндии из войны. Макклинток оказывал давление на финское руководство, утверждая, что американская миссия не вернётся в Хельсинки до тех пор, пока между Финляндией и Советским Союзом не будет заключён мир[125].

В конце августа Макклинток сообщил советским дипломатам о том, что финское правительство серьёзно намерено заключить сепаратный мир с СССР и пойти на территориальные уступки, но надеется, что Ханко и Выборг останутся в руках Финляндии[126]. В этих целях финны готовы направить в Стокгольм делегацию, чтобы просить у СССР мира, но ответ сотрудников советского посольства в соответствии с инструкцией Молотова от 11 августа был жёстким.

Информацию о посреднических услугах американцев по вопросу проведения предварительных мирных переговоров финское правительство держало в секрете. Именно поэтому в Финляндии возникла «мирная оппозиция», в которую вошли представители Социал-демократической партии, либерального крыла Шведской народной партии, Национальной прогрессивной партии, Аграрного союза и Национальной коалиционной партии. «Мирная оппозиция» представляла будущие территориальные границы примерно так же, как и правительство. Но никто

из них не осмеливался говорить о принципиальных территориальных уступках. В августе 1943 г. 33 представителя финской общественности, в том числе 20 депутатов парламента, подписали аналитическую записку о необходимости заключения сепаратного мира. В документе приводилось требование о смене внешнеполитического курса «с политики войны на политику мира». Вице-председатель СДП Й.В. Кето и бывший министр финансов М. Пеккала[127] с председателем парламентской фракции Шведской народной партии Р. Фуругельмом 20 августа пришли, чтобы официально передать президенту послание с призывом к миру. Рюти лично принял представителей «мирной оппозиции» и рассказал им, что правительство действует и ищет пути выхода из войны. Уже на следующий день послание, по согласованию с Рамсаем, было опубликовано в Швеции под большой шапкой в «Dagens Nyheter»[128].

Во второй половине сентября премьер-министр Линкомиес дал пространное интервью корреспонденту шведской газеты. 19 сентября 1943 г. третий секретарь американского посольства интересовался реакцией Москвы на это интервью Линкомиеса. Он сказал в советском посольстве, что, несмотря на сделанное шведам предупреждение о том, что их вмешательство или попытка посредничать в финском вопросе нежелательны и могут лишь осложнить дело, шведы продолжают вмешиваться и писать в газетах по финскому вопросу[129].

В сентябре Макклинток фиксировал, что дальнейшее продвижение Красной армии на Запад вызывало крайнюю нервозность у финской политической и военной элиты. Маннергейм сказал Макклинтоку, что высшие германские штабные офицеры в частном разговоре заявили ему, что «как только русские выйдут на Прибалтику, немцы переведут свои войска на север Финляндии и на север Норвегии»[130].

В ноябре 1943 г., находясь в Москве на конференции, госсекретарь США К. Хэлл[131] говорил: «Пусть финны не думают, что США помогут им в любом случае. Нет ничего более опасного для них, чем строить себе иллюзии, что американцы могут отстоять их интересы, если они сами не порвут с немцами и не докажут свою добрую волю». Хэлл подчёркивал, что США и американский народ питают глубокую симпатию к Финляндии и финскому народу за его замечательные качества и любовь к свободе и независимости. Но ошибочная и преступная политика Финляндии, проводимая в пользу Германии, не может более быть терпима. Хэлл был уверен, что шведское общественное мнение скажет своё решающее слово, ибо финны всегда прислушивались к шведам[132].

16 ноября 1943 г. Макклинток получил указание из Вашингтона об отзыве из Хельсинки. Поверенным в делах США в Финляндии был назначен вице-консул, третий секретарь американской миссии Вест[133]. Это решение американского правительства являлось следствием достигнутой

на Московской конференции договорённости по ряду вопросов, в частности, относительно стран-противников и их вассальных держав. Таким образом США демонстрировали осуждение политики Финляндии[134].

Московская конференция

В Финляндии и Швеции придавали исключительное значение Московской конференции министров иностранных дел СССР, Великобритании и США и ожидали её открытия с «боязливым нетерпением».

В конце сентября Рюти с Рамсаем обсуждали вопрос о том, как дипломатическим путем можно было бы добиться улучшения внешнеполитического положения Финляндии. Рюти предложил Рамсаю выяснить у шведов, будет ли подниматься вопрос о Финляндии на предстоящей Московской конференции, а также попытаться выяснить это в Вашингтоне и Лондоне. Финские руководители старались через Гриппенберга повлиять на то, чтобы вопросы, касающиеся Финляндии, освещались в шведской прессе более правдоподобно и вызывали меньше ажиотажа[135].

В МИД Швеции считали Московскую конференцию крупнейшим событием за время всей войны и подчёркивали, что её участникам важно было продемонстрировать единомыслие, на отсутствие которого рассчитывал Берлин. Швеция была очень заинтересована в достижении согласия между союзниками, ибо отсутствие согласия поставило бы Швецию в трудное положение. В связи с предстоявшей конференцией американцы в Стокгольме развили большую активность, распуская всевозможные слухи, особенно о финских делах. Считали, что на конференции обязательно будет стоять вопрос о Финляндии, Хэлл всё же поставит на конференции вопрос о Прибалтике и Финляндии и будет добиваться ясности по обоим пунктам[136].

Накануне открытия конференции в советские посольства в Токио, Анкаре, Чунцине, Алжире, Стокгольме, Софии были направлены указания внимательно следить за отношением правительственных кругов, а так же СМИ к вопросам, имевшим отношение к конференции, и незамедлительно информировать Москву[137].

Конференция проходила с 19 по 30 октября 1943 г. По предложению Хэлла и Идена[138] на всех 12 заседаниях председательствовал Молотов. Участники конференции продемонстрировали наличие общих точек зрения по ряду важных вопросов войны и послевоенного устройства. Принимая во внимание поставленные перед участниками конференции задачи, обширную повестку дня, а также то, что это была первая встреча трёх министров, итоги конференции были вполне удовлетворительными. По завершении были опубликованы коммюнике и четыре декларации, в которых содержалось требование безоговорочной капитуляции Германии и её сателлитов.

Результаты Московской конференции трёх держав превзошли все ожидания шведов, однако они были несколько разочарованы тем, что в итоговых документах конференции не было ни слова о Финляндии. Почти вся стокгольмская утренняя пресса 2 ноября 1943 г. под крупными заголовками и на видных местах опубликовала полный текст коммюнике о совещании в Москве. Ведущие шведские газеты поместили на своих страницах портреты Молотова, Ворошилова, Вышинского, а также Идена и Хэлла и посвятили итогам совещания передовые. Подчеркивалось огромное историческое значение совещания и то, что основное остриё решений направлено против Германии. Характерной чертой комментариев являлось нескрываемое разочарование по поводу отсутствия в документах совещания упоминаний о Финляндии и Прибалтике. Заявление о безоговорочной капитуляции всех держав оси без исключения, а стало быть, и Финляндии, шведская пресса в комментариях отчасти обходила, отчасти пыталась смягчить ссылкой на пункт второй декларации о всеобщей безопасности, который, мол, предусматривал участие Англии в решении судьбы Финляндии. «Свенска Моргонбладет» предполагала, что Хэллу всё же удалось добиться признания «особого положения» Финляндии и что молчание по этому пункту может быть понятным, если слухи о якобы ведущихся сейчас мирных переговорах между Финляндией и СССР, распространявшиеся осенью 1943 г. в Стокгольме, соответствуют действительности[139].

Финны ждали итогов конференции с большой тревогой. Принятая декларация их не успокоила. Финляндия не была названа в этом документе, но финны всё-таки примеряли, подходят ли к ним формулировки, которые были даны в отношении сателлитов Германии, а также Австрии. Финны старались убедить, прежде всего, себя, что эти формулировки к ним не относятся, и их положение по-прежнему остается мрачным и неясным[140]. Так, Рюти, проанализировав документы конференции, полагал, что Москва в ближайшие дни направит в Хельсинки ультиматум, однако он надеялся, что условия для мирных переговоров будут относительно хорошими. Финляндия может уступить территорию на Карельском перешейке, но должна взамен получить компенсацию в Восточной Карелии. Прочитав в газетах текст коммюнике, Паасикиви 2 ноября записал в дневнике: «Для нас – мрачно. Хорошая сторона: в будущем Россия, пожалуй, будет соблюдать тот договор, который заключит с нами. Но каков будет тот договор? Безусловная капитуляция. Грозит русская оккупация. Какие границы?». Паасикиви опасался, что финское руководство предаётся иллюзиям: «Хорошо, если Россия сделает подобное предложение, а если нет, то нам в ближайшие месяцы нужно выйти из войны, поскольку лучше, чтобы мы вышли до того, как Германия потерпит крушение, которое возможно произойдёт летом»[141].

В Советском Союзе тоже не сразу пришли к чёткому выводу, как интерпретировать решения конференции по отношению к Финляндии. Так, по мнению Молотова, которое он изложил 9 ноября 1943 г. в виде разъяснений для сотрудников советского посольства в Стокгольме, Финляндия не присоединилась к пакту держав оси, хотя она сотрудничала с Германией и вела войну против Советского Союза. Именно поэтому, подчеркивал Молотов, декларация о всеобщей безопасности полностью относится и к Финляндии. Молотов обращал внимание на то, что в послании Конгрессу США от 17 сентября 1943 г. Рузвельт причислил Финляндию к странам-саттелитам, т.е. поставил её в один ряд с Румынией, Венгрией и Болгарией. Хэлл еще 28 ноября 1941 г., говоря о финско-американских отношениях в связи с подписанием Финляндией Антикоминтерновского пакта, заявил, что «каждый акт финского правительства подтверждал опасения американского правительства о том, что правительство Финляндии полностью сотрудничает с гитлеровскими силами». Эти высказывания Рузвельта и Хэлла, по мнению Молотова, давали основания считать, что они признают Финляндию союзником Германии[142].

4 ноября Рамсай на основании официальных сведений рассказал о результатах Московской конференции на заседании внешнеполитической комиссии. Судьба Финляндии, по его мнению, будет зависеть от того, сочтут ли, что она является: государством стран оси; вассалом или «пограничным случаем». Рамсай полагал, что облегчение участи Финляндии возможно лишь в том случае, если слова «соответствующий противник» будут истолкованы в отношении Финляндии и Советским Союзом, и Англией, и в этом случае обе страны окажутся теми, кто решает участь финнов, и, возможно, с участием третьей державы – США. В этом случае есть надежда улучшить условия, по сравнению с тем, если это будет делать только СССР. Лучше всего будет ждать, пока Англия и США укрепят свое положение в Европе, а СССР – ослабит влияние. Если стремление союзников заключается в том, чтобы вскоре завершить войну, тогда ожидается сильная пропаганда и принуждение к миру. Рамсай призвал участников заседания не давать себя запугать[143].

Однако в Советском Союзе вскоре было принято решение вступить в переговоры с Финляндией по поводу заключения мира, и спустя две недели после окончания Московской конференции финское правительство получило из Стокгольма сообщение А.М. Коллонтай о том, что требование безоговорочной капитуляции не касалось Финляндии.

Менее чем через месяц после Московской конференции состоялась Тегеранская конференция глав правительств СССР, США и Великобритании (28 ноября – 1 декабря 1943 г.). Участники конференции договорились о совместных действиях в войне против Германии

и послевоенном сотрудничестве. США и Великобритания обязались открыть второй фронт в Европе в течение мая 1944 г.[144], а СССР – вступить в войну против Японии после разгрома фашистской Германии. Кроме того, в Тегеране обсуждались вопросы послевоенного сотрудничества и прочного мира.

Несмотря на повышенные меры безопасности по сохранению в секрете информации о начале и месте встречи высших руководителей, слухи об этом мероприятии распространялись по разным каналам. Так, в день открытия конференции шведский посланник в СССР Ассарссон интересовался у 2-го секретаря посольства США в Советском Союзе Л. Томпсона[145] о достоверности того, что «где-то на Ближнем Востоке проходит встреча президента Рузвельта со Сталиным и Черчиллем». Томпсон, сказал, что он не имеет права разглашать государственную тайну, но добавил, что «болтливая американская печать её уже разгласила». Ассарссон предполагал, что в повестке дня совещания руководителей трёх держав может быть поставлен вопрос о капитуляции Финляндии, однако он надеялся, что удастся уговорить Сталина дать заверение, что «советские войска не оккупируют Финляндию». Томпсон считал, что финны облегчили бы задачу союзникам, «если бы заменили своё правительство другими людьми, не скомпрометированными в глазах России». В таком случае, по мнению Томпсона, «финны смогли бы начать переговоры с русскими». Томпсон был убеждён, что инициатива начала переговоров должна исходить от финнов[146].

Предварительные переговоры

Информация о том, что финны ищут пути выхода из войны, поступила ещё в конце июня 1943 г. от бельгийского посланника в Стокгольме Кроя, инициативно сообщившего об этом советнику советского посольства Семёнову. Крой пытался выяснить, намерена ли советская сторона вести сепаратные переговоры с финнами, и добивался согласия советской стороны хотя бы на его разговор по этому поводу со шведским правительством или Гриппенбергом, чтобы «подтолкнуть» финнов. Крою было предложено выяснить у финнов условия мира, обещая сохранить в тайне сам факт предварительных консультаций. Анализ информации, полученной от бельгийского дипломата, свидетельствовал, что инициатива предложения о переговорах, скорее всего, исходила от американцев, которые не только проявляли большой интерес к позиции советского посольства в Стокгольме относительно Финляндии, но и активно вели свою политику[147].

После того, как советская внешняя разведка проинформировала о том, что США и Англия не намерены в 1943 г. открывать второй фронт

в Европе, Советский Союз сменил тактику в отношении Финляндии. В конце июля Молотов рекомендовал советскому посольству в Стокгольме сообщить бельгийскому посланнику, что финны могут конфиденциально передать строго предварительные условия мира. 30 июля информация была доведена до бельгийского дипломата. На следующий день – 31 июля, шведская газета «Афтонтиднинген» опубликовала статью о «советских условиях мира с Финляндией», если она выйдет из войны до разгрома Германии (на Карельском перешейке – граница 1940 г., на остальных участках – граница 1939 г., вопрос о Ханко неясен). По мнению советских дипломатов в Стокгольме, статья была инспирирована американцами и предназначена для того, чтобы подтолкнуть финнов к установлению контакта с Москвой[148].

11 августа Крой зачитал Семёнову[149] ответ финнов, адресованный советскому правительству. Крой сказал, что ответ ему был дан в устной форме, но записан под диктовку «из первых уст». Финское правительство подчёркивало, что во время этой войны его деятельность была направлена на защиту независимости Финляндии. Финское правительство понимало значение в будущем иметь «постоянные, нормальные и дружественные отношения с СССР и было очень заинтересовано заключить мир, который имел бы своей основой дружественные и мирные отношения со всеми соседними странами». Крой подчеркнул, что финское правительство «заинтересовано в сохранении в глубокой тайне» вопроса о переговорах[150].

Финны предлагали взять за основу для начала переговоров границы 1939 г., но были согласны на частичную ревизию границы Карельского перешейка, надеясь получить в качестве компенсации территорию, расположенную близко к старой финской границе, где большинство населения составлял карелы, говорившие на финском языке. По словам Кроя, в Финляндии о предложении начала переговоров знали только Рюти, Рамсай и Гриппенберг. Условия финнов, по словам Кроя, можно было рассматривать как формальное предложение о заключении мира и в случае договорённости об общих принципах, можно приступить и секретным прямым переговорам[151].

Крой был очень встревожен появлением в финской печати намёков и слухов о якобы начавшихся переговорах и заверял Семёнова, что он сохраняет полную тайну, и не мог понять, откуда журналисты почерпнули такие сведения. Семёнов сказал о полной неприемлемости для СССР предложений финского правительства и, что он не может передать Москве предложения в таком виде. Крой убеждал Семёнова в том, что эти предложения являются только «первым финским наброском», что в таких делах нужно торговаться, он полагал «нежелательным и нецелесообразным захлопывать дверь, когда финны сделали первый шаг»[152].

В начале августа Рюти провёл совещание с доверенными лицами и пытался понять, что именно заставило СССР согласиться на переговоры, что повлияло на советское руководство, не ослабло ли военное положение Советского Союза, не усилилось ли положение западных держав. Советские инициативы оценивались в Финляндии как «очень важные» и их нельзя было оставлять без внимания. Обсуждение возможности начала переговорного процесса происходило абсолютно конфиденциально, об этом не были проинформированы даже члены правительственной комиссии по иностранным делам.

Ни один из возможных сценариев развития международной обстановки не представлялся выгодным для Финляндии. В случае если Германия и Советский Союз заключили бы мир, Финляндия выглядела бы невыгодно в глазах Германии, приступив к переговорам с Советским Союзом и не поставив немцев в курс дела. Германия бы в таком случае пожертвовала заключением мира с Финляндией. В случае если бы военная стратегия Германии потерпела крах, она, как считало финское руководство, всё же могла бы оккупировать Финляндию или же сделать так, чтобы страна была оккупирована Красной армией. Рамсай знал, что представители США предостерегали от поспешных попыток заключения мира. Самым сложным на пути к заключению мира был поиск таких условий, которые бы вызвали одобрение со стороны Советского Союза.

В ноябре 1943 г. Коллонтай передала секретарю шведского министерства иностранных дел Бохеману информацию для финского правительства: «Если Финляндия желает вести переговоры, приветствуется передача их предложений в Москву. До начала переговоров советское правительство должно получить сведения об условиях переговоров со стороны Финляндии. Ответ должен быть кратким, дружественным, открытым и приблизительным, Финляндии не следовало требовать территории, которые ей не принадлежали. Если появится взаимопонимание, то можно будет приступить к собственно мирному договору. У Советского Союза не было цели сделать из Финляндии провинцию, лишить её независимости или как-то принуждать ее политику в будущем»[153]. Коллонтай сказала Бохеману о том, что для Москвы присутствие в финском правительства Таннера – это как «красная тряпка для быка». Она намекала, что было бы полезнее, если бы правительство Финляндии от него избавилось. Гюнтер, согласовав вопрос с премьер-министром, сказал Бохеману, чтобы он частным образом работал в качестве посредника. Будет полезнее, если Швеция официально не будет касаться дела. Бохеман передав всю информацию Гриппенбергу, представил также свои рекомендации для подготовки ответа: дружественный тон; сохранение независимости Финляндии и добрососедство; вопросы границы затронуть неопределенно, придерживаясь как отправной точки границ 1939 г.

26 ноября у Рюти состоялось совещание, на котором присутствовали Линкомиес, Рамсай, Вальден и Таннер. Рамсай со ссылкой на информацию, полученную от Гриппенберга, рассказал о беседах Бохемана с Коллонтай.

Далее Рамсай рассуждал, что привело СССР к новому повороту в политике в отношении Финляндии. Он выдвинул четыре гипотезы: 1. Возможно, Коллонтай обратила внимание Москвы на то, что отношение СССР к Финляндии мешает развитию отношений с Швецией. Поэтому для внесения корректив во внешней политике Коллонтай побудила Москву к попытке начала переговоров. 2. Возможно, планировалась высадка войск союзников на территории Скандинавии. В этом случае СССР опасался, что Англия и США получат там базы, что расстроило бы планы СССР, выработанные за годы войны. Для того чтобы воспрепятствовать высадке союзных войск в Скандинавии, нужно, чтобы Финляндия вышла из войны. 3. Возможно, положение на восточном фронте не продвигается достаточно быстро. Выход Финляндии из войны позволит Советскому Союзу сосредоточиться на западном советско-германском фронте, так как северная линия фронта будет спокойной. 4. Государственный секретарь США Хэлл, возвратившись в США, не встретил понимания своей позиции, общественное мнение не одобрило результаты его деятельности и итоги Московской конференции. Хэлл побудил Москву предпринять меры по началу переговоров с Финляндией. Как мы видим, все гипотезы Рамсая были слишком далеки от истинных причин, которыми руководствовался Советский Союз.

Рамсай предложил два варианта ответа советскому правительству: оставить открытым вопрос о границах; предложить границы по Тартускому миру, прежде всего добившись «доверия обеих сторон». После короткого обсуждения участники совещания решили поддержать второй вариант. Таннер записал в дневнике: «Если Коллонтай будет указывать на моё положение в правительстве, я сразу после оглашения дела уйду в отставку из правительства, если это будет рассматриваться как способствующее благоприятному разрешению дела. Моя отставка будет меньшим злом, чем если из-за этого мои предложения в этом правительстве вообще не получат поддержки». Обсуждая возможную отставку Таннера, Рюти указал, что отставка Таннера из правительства в 1940 г. «была позорной уступкой Советскому Союзу». По мнению Рамсая, для СССР было важно устранить от дел Таннера и таким образом расколоть Социал-демократическую партию Финляндии.

Будучи заинтересованными в начале переговоров с Советским Союзом, финское руководство, по предложению Таннера, рассмотрело вопрос о переносе на более поздний срок намеченное на конец ноября 1943 г. вынесение приговора по делу Х. Вуолийоки. Вполне вероятное

вынесение смертного приговора «могло сильно повлиять на мадам Коллонтай», поскольку она была в особенно дружеских отношениях с госпожой Вуолийоки.

Рюти и его ближайшее окружение пришли к единому мнению о том, что нужно поддержать советскую инициативу. В то же время финские руководители решили, что пока будут работать через Бохемана как посредника и одновременно вести подготовку к прямым переговорам. 27 ноября состоялось официальное правительственное заседание внешнеполитической комиссии, на котором обсуждали вопрос о переговорах с Советским Союзом. Предложение советского правительства было признано «вполне приемлемым». В подготовленном ответе добавили замечание, что должен быть гарантирован суверенитет Финляндии, а также то, что опорные пункты не будут отданы. Мир можно заключить когда-нибудь позднее, когда будут убраны с пути все препятствия.

29 декабря Рамсай проинформировал членов внешнеполитической комиссии о том, что ответ Финляндии удовлетворил Москву. В то же время Кремль настаивал на границах, установленных по Московскому миру. По другим вопросам сохранялась возможность для дискуссии. Рамсай сказал, что Коллонтай и Бохеман были очень удручены таким ответом Москвы. Они ожидали более гибкого ответа. Коллонтай надеялась, что Финляндия не станет принимать решительных мер под влиянием этого сообщения. 31 декабря на заседании внешнеполитической комиссии Рамсай представил проект ответа Советскому Союзу. После бурных обсуждений каждой фразы проекта текст был единодушно утверждён. Переговоры по-прежнему велись через секретаря шведского министерства иностранных дел Бохемана, который, как предполагалось, во всех подробностях знал мнение финского правительства.

В 1943 г. в Финляндии правящие круги ещё не были готовы заключить мир на условиях советского правительства, тем не менее, решили продолжить обсуждение и «ни в коем случае не закрывать двери переговоров»[154], но эти контакты следовало как можно дольше держать в секрете.

Примечания:

[1] *Барышников Н.И.* Блокада Ленинграда и Финляндия 1941–1944. – СПб; Хельсинки, 2002; *Он же.* Финляндия: Из истории военного времени 1939–1944. – СПб, 2010; *Веригин С.Г.* Карелия в годы военных испытаний. Политическое и социально-экономическое положение Советской Карелии в период Второй мировой войны. – Петрозаводск, 2009; *Маннергейм Карл Густав.* Мемуары. – М., 1999; *Паасикиви Ю.К.* Дневники. Война-продолжение. 11 марта 1941–27 июня 1944. – СПб., 2004 ; «Käymme omaa erillistä sotaamme» : Risto Rytin päiväkirjat 1940–1944 / Toimittaneet Ohto Manninin Kauko Rumpunen. – Helsinki, 2006 («Мы ведем свою собственную отдельную войну». Дневники Ристо Рюти. 1940 – 1944 / под ред. О. Маннинена и К. Румпунена. – Хельсинки, 2006); *Väinö Tanner.* Unohdetut päiväkirjat / Toim. Rautkallio H., Lehtinen L. Helsinki, 2011 (*Таннер Вяйнё.* Забытые дневники / под ред. Х. Рауткаллио и Л. Лехтинена. – Хельсинки, 2011) и др.

[2] Архивные литерные дела «Диверсионно-разведывательные группы УНКВД Мурманской области». См.: УФСБ России по Мурманской обл. Лит. д. № 21, 21 А.
[3] УФСБ России по Мурманской обл. Лит. д. № 21 А. Л. 30–36.
[4] Докладная записка подписана наркомом госбезопасности КФССР и начальником 4 отдела НКГБ КФССР и направлена наркому госбезопасности Союза ССР Меркулову и начальнику 4-го Управления НКГБ СССР Судоплатову. См.: УФСБ России по Республике Карелия. Ф. КРО. Оп. 1. Д. 95. Л. 1–5.
[5] УФСБ России по Республике Карелия. Ф. КРО. Оп. 1.Д. 95. Л. 6–9.
[6] *Вергин С.Г.* Карелия в годы военных испытаний: Политическое и социально-экономическое положение Карелии в период Второй мировой войны. Петрозаводск, 2009. С. 283.
[7] Неизвестная Карелия : Документы спецорганов о жизни республики. 1941–1956 гг. – Петрозаводск, 1999. – С. 85.
[8] Справка на Лапландское отделение 2 отдела Финского генштаба составлена 25 ноября 1943 г. старшим оперуполномоченным 4 отделения Отдела контрразведки «Смерш» 14-й армии капитаном Зайцевым. См.: ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 5. Д. 56. Л. 339–345.
[9] Здание представляло собой двухэтажный дом кирпичной кладки в 200–300 м от ж.-д. и шоссейного моста – шоссе Рованиеми–Петсамо и ж.д. Рованиеми–Кеми–Ярви.
[10] Численность батальона составляла 1100–1200 человек, сведённых в две стрелковые, пограничную, миномётную, пулемётную и комендантскую роты. Командир подполковник Пенонен.
[11] Справка о финском отряде дальней разведки капитана Паатсало составлена 4 февраля 1943 г. в 4 отделе НКВД КФССР по материалам допроса военнопленного А. Торсти–Аллана. См.: УФСБ России по Республике Карелия. Лит. дело № 12. Т. 8. Л. 47–48.
[12] Высокий результат, соответствующий в СССР нормативу 2-го спортивного разряда по гонкам на лыжах на 20 км.
[13] Указание НКВД СССР № 85 от 20 января 1943 г. об организации розыска.
[14] УФСБ России по Республике Карелия. Ф. СДП. Оп. 1. Д. 114. Л. 19.
[15] При убитом обнаружена карта района Лапино–Петровские ямы и района Онд-озеро, один автомат «Суоми» и 2 магазина с патронами.
[16] В 7 вещмешках, брошенных диверсантами, обнаружены 4 парашюта, 15 электровзрывателей, 10 упрощенных взрывателей, 5 сигнальных полотнищ размером 50х80 см, 3 гуттаперчевых коробки емкостью 200 г с надписью «Фед», веревки и стропы от парашютов.
[17] Комиссией, выехавшей к месту подрыва, было установлено, что подрыв полотна ж.д. произведен с помощью мины замедленного действия с часовым механизмом (замыкателем).
[18] ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 5. Д. 1016. Л. 394–395.
[19] ЦА ФСБ России Ф. 66. Оп. 1. Д. 724. Л. 80–82
[20] АВП РФ. Оп. 10. П. 11. Д. 86. Л. 187–188.
[21] *Manninen Ohto.* Kerttu Nuorteva. Neuvostokaunotar vakoilujohtajana. – Helsinki : Edita Prima Oy, 2006 (*Маннинен О.* Кертту Нуортева : Советская красавица – руководитель агентурной сети. – Хельсинки : Эдита Прима Ою, 2006). – С. 178–194.
[22] Рыбкин Борис Аркадьевич (1899–1947) – советский разведчик и дипломат. В органах безопасности с 1921 г. Полковник (1943). Представитель Иностранного отдела (ИНО) в полномочном представительстве ОГПУ по Средней Азии (1931), затем вице-консул в Мешхеде, выезжал в командировки во Францию, Болгарию, Австрию. Легальный резидент в Хельсинки (1935–1938). Начальник отделения, затем отдела центрального аппарата НКВД–НКГБ (1939–1941). Резидент в Стокгольме (1941–1943).С 1943 г. в 4-м управлении НКГБ СССР (с 1944 г.— начальник отдела). Выезжал на Ближний Восток и в Восточную Европу для восстановления связи с нелегальной агентурой и осуществления оперативных мероприятий. Во время спецкомандировки погиб в автокатастрофе в Чехословакии.
[23] Рыбкина (Воскресенская) Зоя Ивановна (1907—1992) – советская разведчица и детская писательница. Лауреат Государственной премии СССР (1968). С 1929 г. – в Иностранном отделе ОГПУ на разведывательной работе в Харбине, Латвии, Германии и Австрии. Заместитель резидента в Финляндии (1935–1939). Официально выполняла обязанности руководителя советского представительства «Интурист». В Москве занималась аналитической

работой (1940–1941). Пресс-секретарь советского посольства в Швеции(1941–1944). После войны работала в центральном аппарате разведки, полковник.

[24] Рощин Василий Петрович (Тищенко Яков Федорович) (1903–1988) – советский разведчик и дипломат. Полковник (1943). В органах безопасности с 1925 г., работал в резидентуре в Харбине (1926–1930), Германии (1932–1935), Австрии (1935–1938). В 1938 г. отозван из Вены и уволен из разведки. С началом Великой Отечественной войны в 4-м Управлении НКГБ, затем вновь во внешней разведке. Резидент в Стокгольме (1943–1945), Хельсинки (1945–1947), Берлине (1947–1950).

[25] АВП РФ. Оп. 10. П. 11. Д. 87. Л. 190–193.

[26] Всего в течение 1942 г. было перевезено около 320 тысяч германских солдат и офицеров.

[27] Валленберг Маркус (1899–?) – шведский финансист, с 1946 г. управляющий директор одного из крупнейших шведских банков – «Стокгольме Эншильда банкен». Двоюродный дядя Рауля Валленберга. Маркус и его брат Якоб входили в состав правлений и наблюдательных советов почти 50 шведских фирм. Среди них находился ряд фирм, которые были либо филиалами соответствующих американских компаний, либо находились в тесной связи с США, напр., «Гудиир», «Интернэшнл харвестер компани», «Свенска – Америкалайн», «Мексико телефон Эриксон». В то же время Валленберги поддерживали теснейший контакт с немецкими монополиями, в том числе с «ИГ Фарбениндустри», «Бош» и др.

[28] Коллонтай Александра Михайловна (1872–1952) – советский государственный и политический деятель, дипломат. Посланник в Швеции (1930–1945).

[29] Паасикиви Юхо Кусти (1870–1956) – финский государственный и политический деятель. Генеральный директор Национального акционерного банка (1914–1934). Подписал Тартусский мирный договор с РСФСР (1920). Посол в Швеции (1936–1939), СССР (1940–1941). Премьер-министр (1918; 1944–1946). Президент (1946–1956).

[30] Нуортева Кертту – сотрудница советской военной разведки с 1934 г. В марте 1942 г. переброшена на финскую территорию. Арестована финской контрразведкой. Раскрыла следствию восемь известных ей членов советской разведсети. Вынесенный в октябре 1943 г. смертный приговор не был приведен в исполнение. Ходатайство о реабилитации в 1997 г отклонено российским судом.

[31] Вуолийоки Хелла Мария (1886–1954) – финская писательница эстонского происхождения, политический деятель. Жена Суло Вуолийоки, члена Социал-демократической партии и личного друга Ленина. В 1920—1930-х гг. содержала «политический салон» левого толка. Финская полиция подозревала её в шпионаже в пользу СССР, однако доказательств тому не было вплоть до 1943 г., когда она была арестована и приговорена к пожизненному заключению. В 1944 г. освобождена. Депутат парламента, возглавляла фракцию Демократического союза народа Финляндии (1946–1947). В 1945–1949 гг. – директор финского радио.

[32] *Маннинен О.* Кертту Нуортева.... – С. 196.

[33] Когда был заключён мирный договор, 24 сентября 1944 г. Нуортева была освобождена из финской тюрьмы и отправлена в СССР, где вновь подверглась преследованиям, теперь уж за сотрудничество с финскими следователями. Раскаялась в сделанных признаниях, заявив, что показания даны под пытками. 30 августа 1947 г. по обвинению в преступлениях, предусмотренных ст. 58-1 а УК Казахской ССР, приговорена к 10 годам лишения свободы. Находилась в заключении до 22 октября 1954 г. После освобождения жила в г. Караганде.

[34] Рюти Ристо Хейкки (1889–1956) – финский государственный и политический деятель. Один из лидеров Прогрессивной партии. Депутат парламента (1919–1922, 1927–1929). Министр финансов (1921–1924), председатель административного совета банка Финляндии (1923–1939, 1944–1945). В 1940 г. подписал Берлинский пакт, по которому Финляндия взяла на себя обязательство принять участие в боевых действиях против СССР на стороне Германии. Президент (1940–1944). В 1946 г. по обвинению в сотрудничестве с нацистами приговорён финским судом к 10 годам тюремного заключения. В 1949 г. освобождён по состоянию здоровья.

[35] Рангелл (Рангель) Йохан Вильгельм (1894–1982) – финский государственный деятель, экономист. Представитель финансовых кругов. Премьер-министр (1941–1943).

[36] Виттинг Рольф Йохан (1879–1944) – финский государственный деятель, дипломат. Сотрудник МИД (1934–1936). Министр иностранных дел (1940–1943).
[37] Таннер Вяйне Альфред (1881–1966) – финский государственный деятель. Лидер Социал-демократической партии. Премьер-министр (1926–1927), министр финансов (1937–1939; 1942–1944), министр иностранных дел (1939–1940), министр торговли (1940–1942). В 1946 г. осуждён на пять с половиной лет лишения свободы. В 1948 г. амнистирован.
[38] Вальден Карл Рудольф (1878–1946) – финский военный и государственный деятель. Генерал пехоты (1942), представитель Маннергейма в Государственном совете (1939–1940), министр обороны (1940–1944), член Совета обороны (1931–1944).
[39] Маннергейм Карл Густав Эмиль (1867–1951) – финский государственный и военный деятель, барон, фельдмаршал (1933). Окончил Гельсингфорский университет (1887) и Николаевское кавалерийское училище (1889). Главнокомандующий финской армией в войне против СССР (1939–1940, 1941–1944). Президент Финляндии (1944–1946).
[40] *Väinö Tanner.* Unohdetut päiväkirjat / Toimittaneet Rautkallio H., Lehtinen L. – Helsinki, 2011. (*Таннер Вяйнё.* Забытые дневники / под ред. Х. Рауткаллио и Л. Лехтинена. – Хельсинки, 2011). Далее: *Таннер Вяйнё.* Забытые дневники... – С. 17.
[41] *Паасикиви Ю.-К.* Дневники. Война продолжение. 11 марта 1941 – 27 июня 1944. – СПб, 2004. – С. 241. Далее: *Паасикиви Ю.-К.* Дневники...
[42] *Паасикиви Ю.-К.* Дневники... – С. 233.
[43] Маллет Виктор (1893–1969) — британский дипломат. Посланник в Швеции (1939–1945), Испании (1945–1946) и Италии (1947–1953).
[44] АВП РФ. Оп. 10. П. 11. Д. 85. Л. 185–184.
[45] ЦА ФСБ России Ф. 4 ос. Оп. 1. Д. 4. Л. 1449–1486.
[46] ЦА ФСБ России Ф. 4 ос. Оп. 1. Д. 4. Л. 1449–1450.
[47] Линкомиес Эдвин Йоханнес Хильдегард (1894–1963) – финский государственный деятель. Лидер Национальной коалиционной партии. Премьер-министр (1943–1944).
[48] Рамсай Карл Хенрик Волтер (1886–1951) – финский государственный деятель. Министр снабжений (1941–1943). Министр иностранных дел (1943–1944).
[49] Рейникка Тюко Хенрик (1887–1964) – финский государственный деятель. Министр торговли и промышленности (1925–1926), министр финансов (1929–1930, 1936, 1943–1944). Как виновник войны находился в заключении (1946–1947). Посол по особым поручениям и полномочный министр (1951).
[50] *Паасикиви Ю.-К.* Дневники... – С. 238, 239, 241.
[51] Там же. – С. 262.
[52] Там же. – С. 271, 274.
[53] ЦА ФСБ России Ф. 4 ос. Оп. 1. Д. 4. Л. 1449–1486.
[54] АВП РФ. Оп. 10. П. 11. Д. 88. Л. 316–318.
[55] Там же. Л. 316–318.
[56] Там же. Л. 316–318.
[57] *Паасикиви Ю.-К.* Дневники... – С. 264.
[58] АВП РФ. Оп. 10. П. 11. Д. 88. Л. 134–136.
[59] Блюхер Виперт фон (1883–1963) – немецкий дипломат. Посланник в Тегеране (1931–1935), Хельсинки (1935–1944). С ноября 1944 г. в отставке.
[60] Шнейдер Феликс Мартин (1896–1966) – немецкий военный деятель, генерал войск СС (1943). Командир дивизии СС «Викинг», действовавшей на советско-германском фронте. Командир 3-го танкового корпуса СС (1943–1944). В мае 1945 г. сдался английским войскам, содержался в лагере военнопленных. В 1948 г. освобождён.
[61] Дитль Эдуард (1890–1944) – немецкий военный деятель, генерал-полковник (1942). С июня 1940 г. командир горнострелкового корпуса «Норвегия»; участвовал в наступлении в районе Мурманска. С января 1942 г. командующий армией «Лапландия» (в июне 1942 г. переименована в 20-ю горную армию). Погиб в авиакатастрофе.
[62] *Кен О., Рупасов А., Самуэльсон Л.* Швеция и политика Москвы. 1930–1950-е годы. – М., 2005. – С. 319.

[63] Ассарссон Пер Вильхельм Густав (1889–1974) – шведский дипломат. Советник посольства в СССР (1930), консул, генеральный консул в Ленинграде (1931–1933). Посланник в Перу (1935–1938), Мексике (1938–1940), СССР (1940–1944). Заместитель генерального секретаря МИД (1946–1953).
[64] ЦА ФСБ России. ПФ–10055. Т. 1 а. Л. 352 об, 357.
[65] Гюнтер Кристиан (1886–1966) – шведский дипломат. Посланник в Норвегии (1937–1939). Министр иностранных дел (1939–1945). Посол в Италии (1946–1950).
[66] *Таннер Вяйнё.* Забытые дневники... – С. 17, 18.
[67] Ханссон Пер Альбин (1885–1946) – шведский государственный деятель. председатель Социал–демократической партии (1925–1946). Министр обороны (1920–1925), премьер–министр (1932–1946).
[68] Мёллер Фрид Густав (1884–1970) – шведский государственный и политический деятель. Социал–демократ, министр социального обеспечения (1924–1926, 1932–1939, 1939–1951), министр торговли (1938–1939).
[69] Вигфорсс Эрнст (1881–1977) – шведский государственный и политический деятель. Социал–демократ, министр финансов (1925–1926, 1932–1949).
[70] Фагерхольм Карл–Густав (1901–1984) – финский государственный и политический деятель. Депутат парламента от Социал-демократической партии, министр социального обеспечения (1937–1943, 1944), премьер-министр (1948–1950, 1956–1957), премьер-министр и министр иностранных дел (1958–1959).
[71] АВП РФ. Оп. 10. П. 11. Д. 85. Л. 253.
[72] Там же. Л. 119–121.
[73] Там же. Л. 172–173.
[74] Там же. Л. 170–171.
[75] *Паасикиви Ю.–К.* Дневники...– С. 268–269.
[76] Стэндли Уильям Харрисон (1872–1963) – американский государственный и военный деятель, дипломат. Контр-адмирал. Начальник штаба ВМФ (1933–1937). Посол в СССР (1942–1943).
[77] *Таннер Вяйнё.* Забытые дневники... – С. 19–20.
[78] ЦА ФСБ России. ПФ–15043. Т. 1. Л. 140–140 об.
[79] ЦА ФСБ России. ПФ–10055. Т. 1 а. Л. 338.
[80] ЦА ФСБ России. ПФ–10315. Т. 1. Ч. 2. Л. 120.
[81] Васашерна Ярл Аксель (1896–1972) – финский государственный деятель, дипломат. Профессор Хельсинского университета. Посланник в Швеции (1940–1943).
[82] Уэллес Самнер (1892–1961) – американский дипломат. На дипломатической службе с 1915 г. В 1933 г. назначен помощником госсекретаря, а в мае 1937 г. – зам. госсекретаря. В 1940 г. в качестве личного представителя президента посетил Рим, Берлин и Лондон. В сентябре 1943 г. вышел в отставку вследствие разногласий с госсекретарём Хэллом.
[83] Сёдерблум Стаффан Юн (1900–1985) – шведский дипломат. В 1920-х гг. работал в Антверпене, Лондоне, Вене и Берне. Начальник политического отдела МИД (1938–1943). Посланник в СССР (1944–1946), Швейцарии (1946–1951), Китае (1951–1952).
[84] АВП РФ. Оп. 10. П. 11. Д. 85. Л. 184–185.
[85] *Таннер Вяйнё.* Забытые дневники.... – С. 17.
[86] ЦА ФСБ России. ПФ–10055. Т. 1 а. Л. 371.
[87] АВП РФ. Оп. 10. П. 11. Д. 87. Л. 258.
[88] Сидоренко Василий, представитель «Интуриста» в Швеции. Арестован в конце октября 1942 г. в Стокгольме по обвинению в шпионаже. См.: Известия. 1942. 27 октября.
[89] *Кен О., Рупасов А., Самуэльсон Л.* Указ. соч.– С. 323–324.
[90] АВП РФ. Оп. 10. П. 11. Д. 89. Л. 156.
[91] Там же. Л. 78–80.
[92] Там же. Л. 137.
[93] Бохеман (Бухеман) Эрик Карлссон (1895–1979) – шведский дипломат, секретарь кабинета (1938–1944), посол во Франции (1945–1947), Англии (1947–1948), США (1948–1958).
[94] АВП РФ. Оп. 10. П. 11. Д. 90. Л. 41–42.

[95] АВП РФ. Оп. 10. П. 11. Д. 89. Л. 239–233.
[96] Кето Яакко Вильям (1884–1947) – финский государственный и политический деятель. Депутат парламента (1919–1931), министр социального обеспечения (1926–1927, 1937).
[97] АВП РФ. Оп. 10. П. 11. Д. 89. Л. 233–239.
[98] Там же. Л. 155–156.
[99] АВП РФ. Оп. 10. П. 11. Д. 90. Л. 51–53.
[100] Нюгрен Оскар (1872–1960) – шведский государственный и военный деятель. Генерал (1937). Начальник генерального штаба (1933–1937). Военный атташе в СССР.
[101] АВП РФ. Оп. 10. П. 11. Д. 90. Л. 65–66.
[102] Гарриман Уильям Аверелл (1891–1986) – американский политический деятель и дипломат. В 1941 г. вёл переговоры по ленд-лизу в Лондоне, возглавлял делегацию США на Московском совещании трёх держав. Посол в СССР (1943–1945), Великобритании (1946). Секретарь (министр) по торговле (1946–1948), Руководитель американской администрации в Европе по осуществлению «плана Маршалла» (1948–1950). Специальный помощник президента по внешнеполитическим вопросам (1950–1951). Губернатор штата Нью-Йорк (1954–1958). Заместитель госсекретаря (1963–1965).
[103] Бальфур Джон – британский дипломат. На дипломатической службе с 1919 г. Работал в посольствах в Венгрии, США, Испании, Болгарии, Югославии. Был советником-посланником в Португалии (1941–1943), СССР (1943–1945) и с 1945 г. – в США.
[104] АВП РФ. Оп. 10. П. 26. Д. 206. Л. 148–147.
[105] В этот же день 20 декабря Ассарссон запросил в Москве выездную визу. Поскольку Нюгрен находился в Тегеране, это упрощало его отъезд.
[106] АВП РФ. Оп. 10. П. 11. Д. 90. Л. 68.
[107] АВП РФ. Оп. 10. П. 11. Д. 90. Л. 77–79.
[108] Гриппенберг Георг Ахатес (1890–1975) – финский дипломат (в МИД с 1918 г.). Посланник в Великобритании (1933–1942), Ватикане (1942–1943), Швеции (1943–1956), ООН (1956–1958).
[109] АВП. Оп. 10. П. 11. Д. 90. Л. 77–79.
[110] *Паасикиви Ю.–К.* Дневники... – С. 248.
[111] АВП РФ. Оп. 10. П. 11. Д. 85. Л. 173–172.
[112] Макклинток (Мак–Клинток) Роберт –американский дипломат. Поверенный в делах США в Финляндии (1943–1944).
[113] *Таннер Вяйнё.* Забытые дневники... – С. 22.
[114] *Паасикиви Ю.–К.* Дневники... – С. 253.
[115] «Käymme omaa erillistä sotaamme» : Risto Rytin päiväkirjat 1940–1944. / Toimittaneet Ohto Manninen Kauko Rumpunen. – Helsinki, 2006. («Мы ведем свою собственную отдельную войну». Дневники Ристо Рюти. 1940 – 1944 / Под ред. О. Маннинена и К. Румпунена. – Хельсинки, 2006). Далее: *Рюти Ристо.* Дневники ... – С. 255.
[116] *Таннер Вяйнё.* Забытые дневники... – С. 24.
[117] *Таннер Вяйнё.* Забытые дневники... – С. 32; *Паасикиви Ю.–К.* Дневники... – С. 259.
[118] Дэвис Джозеф Эдвард (1876–1958) – американский бизнесмен и дипломат. Посол в СССР (1937–1938), в Бельгии (1938–1940). Председатель Контрольного совета по оказанию военной помощи союзникам (1942–1946).
[119] *Данн Д.* Между Рузвельтом и Сталиным. Американские послы в Москве. – М., 2004. – С. 281.
[120] АВП РФ. Оп. 10. П. 11. Д. 86. Л. 211–212.
[121] АВП РФ. Оп. 10. П. 11. Д. 87. Л. 165–163.
[122] АВП РФ. Оп. 10. П. 11. Д. 90. Л. 4–9.
[123] Там же. Л. 20.
[124] Там же. Л. 21.
[125] Там же. Л. 31–34.
[126] Там же. Л. 31–34.
[127] Пеккала Мауно (1890–1952) — финский государственный и политический деятель, социал-демократ. Министр сельского хозяйства (1926–1927), министр финансов

(1939–1942). В 1944 г. перешёл в Народно-демократическую лигу Финляндии, в 1944–1952 гг. представлял её интересы в парламенте. В кабинете Паасикиви министр обороны (1945–1946). После избрания Паасикиви президентом 26 марта 1946 г. стал его преемником на посту премьер-министра. 6 апреля 1948 г. от имени правительства Финляндии подписал договор о дружбе, сотрудничестве и помощи с Советским Союзом.

[128] *Рюти Ристо.* Дневники ... – С. 289–290; *Таннер Вяйнё.* Забытые дневники... – С. 48.

[129] АВП РФ. Оп. 10. П. 11. Д. 88. Л. 303–304.

[130] Там же. Л. 340.

[131] Хэлл Кордэлл (1871–1955) – американский политический деятель и дипломат. Член палаты представителей Конгресса США (1907–1921, 1923–1931), сенатор (1931–1933). Государственный секретарь США (1933–1944).

[132] ЦА ФСБ России. ПФ–10055. Т. 1 а. Л. 462 об.

[133] Вест (1911 г.р.) – американский дипломат, на дипслужбе около 5 лет, был вице-консулом США в Будапеште, затем в течение трёх месяцев 1942 г. третьим секретарем в Хельсинки, после чего работал в пресс-бюро местной американской миссии, руководя сектором Прибалтики. В 1943 г. несколько раз ездил дипкурьером из Стокгольма в Хельсинки.

[134] АВП РФ. Оп. 10. П. 11. Д. 89. Л. 165.

[135] *Рюти Ристо.* Дневники ... – С. 290.

[136] АВП РФ. Оп. 10. П. 11. Д. 89. Л. 52–53.

[137] АВП РФ. Оп. 10. П. 26. Д. 206. Л. 38.

[138] Иден Энтони Роберт (1897–1977) – британский государственный деятель и дипломат, один из лидеров консервативной партии, член палаты общин, министр по делам доминионов (сентябрь 1939 – май 1940), военный министр (май – декабрь 1940), министр иностранных дел (1940 – июнь 1945). Премьер-министр Великобритании (1955–1957).

[139] АВП РФ. Оп. 10. П. 11. Д. 89. Л. 111–114.

[140] Там же. Л. 233–239.

[141] *Паасикиви Ю.-К.* Дневники... – С. 277–278.

[142] АВП РФ. Оп. 10. П. 26. Д. 206. Л. 99.

[143] *Таннер Вяйнё.* Забытые дневники.... – С. 57–58.

[144] Высадка войск союзников на северо-западном побережье Франции (операция «Оверлорд») началась 6 июня 1944 г.

[145] Томпсон Луэллин (1904–1972) – американский дипломат. На дипломатической службе с 1929 г., работал в Швейцарии, Великобритании и СССР (1929–1946). Посол в СССР (1957–1962, 1967–1969), посол по особым поручениям (1962–1967). Член делегации США в переговорах по ограничению стратегических вооружений (1969–1972).

[146] ЦА ФСБ России. ПФ–15043. Т. 1. Л. 140–140 об.

[147] АВП РФ. Оп. 10. П. 11. Д. 90. Л. 1–2.

[148] АВП РФ. Оп. 10. П. 11. Д. 88. Л. 79.

[149] Семёнов Владимир Семёнович (1911–1992) – советский дипломат и политический деятель. Советник полномочного представительства СССР в Литве (1939–1940), Германии (1940–1941), зав. отделом НКИД (1941–1942), советник дипломатической миссии в Швеции (1942–1945), советник СВАГ (1945–1953), посол в ГДР (1953–1954), зав. отделом МИД (1954–1955), зам. министра иностранных дел (1955–1978), посол в ФРГ (1978–1986).

[150] АВП РФ. Оп. 10. П. 11. Д. 90. Л. 11–15.

[151] Там же. Л. 11–15.

[152] Там же. Л. 16–18.

[153] *Таннер Вяйнё.* Забытые дневники... – С. 60.

[154] Там же. – С. 64–67.

Подразделения финской армии Выборгского округа в 1943 г.

Мошник Юлия Игоревна,
кандидат исторических наук,
ГИАПМЗ «Парк Монрепо»
(г. Выборг)

В декабре 1941 г. вооружённое противостояние СССР и Финляндии перешло в стадию позиционной войны. Линия фронта на Карельском перешейке стабилизировалась на позициях, примерно соответствующих государственной границе 1939 г. Этот период войны, продолжавшийся два с половиной года, до сих пор остаётся недостаточно хорошо изученным и в российской, и в финской историографии, находясь в тени хронологически «обрамляющих» его тем.

В исследованиях финских историков акцент, как правило, делается на изучении военных операций на Карельском перешейке в 1941 и 1944 гг.[1]. Даже в новейшей литературе, посвящённой истории Выборга и Выборгского округа в годы советско-финской войны 1941–1944 гг.[2], период позиционной войны опускается как малосущественный. Причины этого объяснимы: позиционная война – не слишком выгодный сюжет для финской историографии, ориентированной на героико-патриотическое осмысление событий Второй мировой войны. Трагическая двусмысленность положения финской армии, бывшей тактическим и стратегическим сателлитом вермахта, а также то, что возложить вину за просчёты финского военного командования на советскую сторону в этот период невозможно, не способствует объективной оценке событий в период между 1941 и 1944 гг. у финских исследователей.

Российские же историки, рассматривая развёртывание войны в 1942–1943 гг. на северо-западных рубежах в логической взаимосвязи с ленинградской блокадой, недостаточное внимание уделяют вопросам, связанным с составом и деятельностью финской армии в эти годы. Вместе с тем очевидно, что возможность стремительного продвижения советских войск в направлении к северо-западу от Ленинграда в июне 1944 г.[3], спустя четыре с половиной месяца после полного снятия блокады, в значительной мере была обусловлена и предопределена событиями 1943 г. – коренным переломом в ходе Второй мировой войны, кризисом и последовавшим за ним

изменением внешнеполитического курса Финляндии, а также стратегическими просчётами её военного командования.

Именно в силу этих обстоятельств этап позиционной войны между СССР и Финляндией представляет большой интерес. Относительная стабильность советско-финляндского фронта, вера в силу германского оружия, уже сформировавшаяся «привычка» солдат к войне, отсутствие сколько-то значительных боевых действий – всё это внушало как военному командованию, так и рядовому составу финской армии уверенность в скором и благополучном для них завершении войны, результатом которой, как предполагалось, станет возвращение утраченных Финляндией по условиям Московского мира территорий. С другой стороны, на уровне солдатского и среднего офицерского состава в финской армии уже ощущались усталость от затянувшейся войны, падение морального духа, связанное с крупными поражениями вермахта. Эти тенденции быстро нарастали[4], корректируя образ войны за «восстановление исторической справедливости»[5], созданный финской пропагандой в первые месяцы после начала военных действий.

В июле 1941 г., ещё до того, как Выборг был взят финскими войсками, по приказу главной Ставки было образовано Военное управление присоединённых к государству возвращённых территорий[6], которое в 1942 г. возглавил полковник Эйно Коскимиес[7]. Карельский перешеек, согласно тому же приказу[8], был разделён на военные округа. Управление самого крупного и ответственного округа – Выборгского – возглавил капитан (с 1942 г. – майор) Аарно Туурна[9], довоенный городской голова Выборга. Комендантом окружного военного управления Выборгского округа стал лейтенант Т. Пиха.

Выборгскому окружному военному управлению предстояла очень непростая работа: на него было возложено восстановление из руин разрушенного войной города, ремонт коммуникаций, приспособление жилищного фонда, обеспечение подразделений армии возможностями для расквартирования и организация их досуга. В августе 1943 г. в приказе по округу А. Туурна заявлял, что «в то время, когда естественное развитие Выборга приостановилось, его строительство крайне слабо, продовольственные ресурсы ограничены, важнейшей задачей военного управления становится расширение и оздоровление общественной жизни. Все вредные, преступные и нежелательные элементы должны покинуть Выборг»[10]. Показательно в цитируемом приказе уравнивание «преступных элементов» (факт существования и статус которых регулировался, по крайней мере, военной юстицией) с элементами «вредными» и «нежелательными» – категорией, к которой при желании можно было отнести вообще любого жителя без объяснения причин.

Расстояние от самого крупного города Карельского перешейка до линии фронта составляло менее 100 км, а в силу своего приморского положения Выборг был уязвим со стороны залива. Тем не менее,

уже в конце 1941 г. начался перевод финских воинских подразделений с Карельского перешейка на северный и восточный участки фронта, прежде всего – в оккупированную финнами восточную Карелию, что стало очевидным свидетельством, с одной стороны – сохранения экспансионистских намерений финского командования даже в условиях крайне неустойчивого военного равновесия, а с другой – уверенности в том, что советские войска не смогут перейти в наступление на покидаемых финскими частями территориях. Выборгский округ из прифронтового переходил в статус тыла. Если в боях на Карельском перешейке в августе 1941 г. принимало участие восемь финских дивизий[11], то к весне 1942 г. на этой территории оставалось только четыре дивизии (18-я, 2-я, 10-я и 15-я)[12]. Но уже начало 1943 г. внесло свои коррективы в «весёлую и яркую»[13] жизнь Выборгского гарнизона.

Прорыв блокадного кольца и поражение немецкой армии под Сталинградом заставили финское правительство и высший командный состав армии задуматься о перспективах продолжения войны с СССР. В начале февраля 1943 г. собравшийся в Ставке «узкий круг» политиков (главнокомандующий, президент республики, премьер-министр и несколько наиболее влиятельных членов кабинета) принял решение о необходимости поиска путей к заключению сепаратного мира[14]. Задача была чрезвычайно сложной и щекотливой, поскольку осложнение отношений с Германией могло в самой краткосрочной перспективе привести к отзыву немецких войск с территории Финляндии и прекращению поставок продовольствия и снаряжения, тогда как рассчитывать на поддержку стран антигитлеровской коалиции и соседней Швеции не приходилось. Трудно было рассчитывать и на понимание в армии[15], поскольку в случае заключения мира с Советским Союзом оказывалось, что солдаты напрасно проливали кровь в 1941 г. и в позиционных столкновениях 1942 г. В этих условиях сохранение позитивного настроя в войсках, поддержание их боевого духа становилось первостепенной задачей. На фоне разрушенного войной хозяйства, сокращающейся продовольственной базы (1942 г. оказался неурожайным), износа и потерь военной техники эта задача вырастала до уровня трудноразрешимой проблемы.

С февраля 1942 г. все расположенные на Карельском перешейке подразделения входили в состав армейской группы «Карельский перешеек» («Kannaksen ryhmä») под командованием генерал-лейтенанта Харальда Эквиста[16]. Командиром выборгского гарнизона в 1943 г. стал майор Пааво Симелиус. В его подчинении оказались подразделения 16-го и 47-го пехотных полков[17]. Зимой на Карельский перешеек в резерв была направлена кавалерийская бригада под командованием полковника Лаури Меландера[18]. Штаб бригады располагался в Выборге, так же, как и штаб кавалерийской бригады Нюландского драгунского полка и штаб 6-го егерского батальона кавалерийской бригады.

В этот период в окрестностях Выборга были расквартированы подразделения 1-го и 7-го пехотных полков, 2-го батальона 3-й пехотной бригады, 16-я батарея тяжёлой артиллерии, 31-й батальон связи, батальон разведки (отделение «Вехнияйнен»), 7-й крепостной батальон, 251-й строительный крепостной батальон и 2-й полк береговой артиллерии (т.н. Жёлтый полк). Кроме того, в городе и Выборгском округе размещались подразделения войск ПВО, Центра снабжения, отряды военной полиции и суда, военный оркестр и госпиталь, лазарет и лагерь для военнопленных № 6. В конце 1942 г. восстановил свою деятельность Выборгский шюцкоровский округ[19], который возглавил капитан В. Вяйсяля. На начало 1943 г. по округу насчитывалось 7 тысяч 690 действительных членов этой организации[20].

Воинские подразделения перемещались из резерва на передовую, переводились на другие участки фронта, прежде всего – в Восточную Карелию. Таким образом, количество солдат, размещённых в Выборге и его пригородах, постоянно менялось, и было невелико относительно количества гражданского населения, проживающего в этот период на той же территории. В среднем, гарнизон города едва превышал 5 тысяч человек[21]. Тем не менее, вся жизнь на возвращённых в состав Финляндии территориях была полностью подчинена военным законам и регулировалась особыми распоряжениями и указаниями главной Ставки.

Серьёзных боев в этот период не происходило, однако линия фронта оставалась в напряжении. Информационные сводки регулярно сообщали об инцидентах в прифронтовой полосе, таких, например, как столкновение разведывательных патрулей: «По официальной информации от 15 июля 1943 г. в нескольких стычках патрулей за линией нашей границы на Карельском перешейке, в восточной части перешейка, было отражено нападение роты противника, с причинением противнику значительных потерь»[22]. О неудачных вылазках финской разведки открытые источники информации не сообщали.

Прифронтовые позиции финской армии периодически подвергались обстрелам. Так, в начале сентября автомобили, перевозившие в увольнение солдат из деревни Лаппалайсенмяки в Выборг, подверглись артиллерийскому обстрелу, в связи с чем было изменено расписание движения транспорта на передовую и обратно[23]. Перемещение в зоне военных действий было возможно при наличии особых разрешений. По приказу Ставки от 7 марта 1943 г. такие разрешения выдавались в штабах армейских корпусов и дивизий и только по требованию, продиктованному необходимостью. Военных, которые следовали в зону боевых действий, члены семей сопровождать не могли[24]. Наибольшие опасения вызывала возможность воздушных налётов на Выборг советской авиации. Передвижение по городу во время воздушных налётов было строго запрещено. В это время специальные патрули, перемещавшиеся по установленным маршрутам, должны были

следить за исполнением этого распоряжения. В городе было оборудовано 15 бомбоубежищ для гражданского населения общей вместимостью 6 тысяч 450 человек[25].

Весной 1943 г. появились опасения, что в армии, уставшей от учений, курсов и накладываемых военными условиями ограничений, возрастёт количество недовольных службой. На третьем году войны особое значение приобретала военная цензура, призванная сдерживать распространение нежелательных настроений. Свидетельством озабоченности военного руководства падением боевого духа в действующей армии могут служить секретные циркуляры, предписывающие командирам подразделений дважды в месяц подавать рапорты о настроениях солдат. В них должны были найти отражение следующие позиции: «1. Отношение к службе. 2. Отношение к положению со снабжением. 3. Организация просветительских мероприятий и развлечений. 4. Влияние на настроение возвращения из побывок в тылу и на отдыхе. 5. Влияние домашних обстоятельств на настроение. 6. Предложения для устранения выявленных недостатков»[26]. В сохранившихся рапортах начальника службы связи кавалерийской бригады за 1943 г. неизменно отмечается удовлетворительный уровень дисциплины, снабжения и организации проживания. При этом солдаты отдавали предпочтение не просветительским лекциям и курсам, а посещению выборгских кинотеатров, театра и ресторанов[27].

Командиры отчитывались также о проведённых в своих подразделениях беседах, таких, например, как «Значение сохранения дисциплины и порядка», «О присвоении и утере государственного снаряжения», «Об увольнительных». В апреле 1943 г. офицер штаба кавалерийской бригады К. Даль дважды проводил обзоры текущей военной обстановки, в которых «постарался, чтобы солдаты поняли <...> те причины, которые вынуждают нас и в дальнейшем сражаться вместе с нашими союзниками»[28]. Солдаты с большим интересом следили за информацией о прекращении зимнего наступления русских и подготовке наступления немцев на востоке. Симптомом неблагополучия был сам факт пристального внимания к настроениям военнослужащих. Органы военной цензуры призывали командиров не допускать, чтобы в письмах солдат были, например, «жалобы на плохую еду»[29]. Для подобных жалоб основания, тем не менее, были.

В 1943 г. ухудшилась ситуация со снабжением армии. Ресурсы страны – как военно-промышленные, так и продовольственные, постепенно истощались, и теперь забота о сохранении государственной собственности и обеспечении армии стала одним из первостепенных вопросов. Главное интендантское управление обращалось к армии с призывом бережно относиться к казённому имуществу: «Сейчас все говорят о тотальной войне[30], но каждый ли солдат уяснил для себя, что это для нас всех означает, и в каком напряжении это заставляет быть наше

государство, и, прежде всего, какие обязательства это налагает на каждого солдата – от рядового до командира. <...> Каждый должен понимать, что сделал лично он для обороны страны, также если рассматривать это с точки зрения материальной»[31].

Для того чтобы как-то пополнять ресурсы, вводились новые циркуляры: об организации сбора трофеев, включая демонтаж возведённых советскими войсками в 1940 г. укреплений и заградительных линий[32], об организации сельскохозяйственных работ, чтобы солдаты могли получать дополнительный паёк. Так, командир штаба кавалерийской бригады подполковник К.Г. Пальмгрен 24 апреля 1943 г. распорядился, чтобы каждый командир подразделения обратил внимание на то, можно ли организовать сельскохозяйственные работы на землях, где расквартированы воинские части. Необходимо было сообщить в штаб бригады о количестве пригодной земли и потребности в семенах (прежде всего – картофеля, овса и гороха)[33]. Были установлены ограничения на количество молока для солдат, поставлявшегося в действующую армию с маслозавода «Валио».

Для солдат воинских частей, дислоцированных в городе и его окрестностях, Выборг был и местом службы, и местом проведения увольнительных и краткосрочных отпусков. Поэтому в задачи окружного военного управления Выборга входила, с одной стороны, организация порядка и безопасности гражданского населения (главным образом – противовоздушной), а с другой стороны – обеспечение фронтовиков возможностями для отдыха. Немаловажным фактором было и то, что население Выборга в этот период быстро возрастало за счёт бывших жителей, стремившихся вернуться из вынужденной эвакуации, и за счёт специалистов, необходимых для восстановления разрушенного города. Жители стали возвращаться в Выборг уже в начале сентября 1941 г., и в 1943 г. ежемесячно выдавалось до 200 разрешений на проживание гражданских лиц (без учёта детей до 15 лет)[34]. В середине 1943 г. гражданское население Выборга составляло уже 32 тысячи 72 человека[35]. Для города, сильно пострадавшего в 1941 г. от артобстрела, это была очень внушительная цифра. Остро ощущались нехватка жилья, продовольствия, а также сил обеспечения правопорядка. Предполагалось, хотя прямых доказательств так и не было выявлено, что в городе могла действовать агентурная сеть, работающая на СССР. Восстановительные работы в городе и его окрестностях велись с привлечением сил военнопленных, и это добавляло властям военного округа опасений.

Записи в штабном подённом журнале[36], в котором фиксировалась деятельность командующего Выборгским окружным военным управлением, показывают, что работа А. Туурна в Выборге сводилась к бесконечной череде официальных приемов и встреч с крупными военными чиновниками, иностранными журналистами, сотрудниками министерств. Немаловажно, что визиты в Выборг наносили и представители

союзников Финляндии (Японии, Румынии), и противников (США), и гости из оккупированной Дании и нейтральной Швеции. В январе с инспекционной поездкой в сопровождении семнадцати немецких офицеров Выборг посетил командующий группой «Карельский перешеек» Х. Эквист[37], в мае командующий войсками ПВО генерал А. Сихво[38] провёл здесь совещание по вопросам гражданской обороны. В июле десятидневный визит в Выборг нанёс министр социального обеспечения Дании[39], в июне населённые пункты Выборгского военного округа осмотрела комиссия в составе четырёх министров во главе с премьер-министром Финляндии Э. Линкомиесом[40].

Распоряжениями коменданта военного управления возвращённых земель для проживающих в городе устанавливался ряд ограничений. Так, в мае 1943 г. был запрещён ввоз спиртных напитков для продажи и их реализация[41]. Тогда же был установлен запрет на общение с подследственными и отбывающими наказание и запрет на организацию танцевальных вечеров без особого на то разрешения[42]. Еще с 1941 г. в городе действовал комендантский час, продолжительность которого со временем увеличивалась. Осенью 1942 г. он продолжался с 23.00 до 04.00[43]. В сентябре 1943 г. перемещение по городу без выданного полицией разрешения лицами младше 18 лет было запрещено между 21.30 и 6.00.[44]. В целях борьбы со шпионажем определённые ограничения накладывались на владельцев фотоаппаратов, компасов и увеличительной оптики. Пользоваться этими приборами можно было только при наличии письменного разрешения, которое выдавалось командиром воинской части. Согласно приказу от 19 января 1943 г. на всей территории дислоцирования армейской группы «Карельский перешеек» производить фотографирование можно было лишь после того, как на письменное заявление военнослужащего или служащего военного резерва (члена шюцкора и «Лотта Свярд») командир части выдавал именное разрешение, передача которого стороннему лицу была запрещена. При нарушении этого приказа фототехника изымалась, а сам фотограф подлежал дисциплинарному наказанию. При этом строгий запрет налагался на фотографирование сооружений линии VT[45], позиций размещения артиллерии и другой военной техники, общих построений, учений, стрельб, испытаний техники, железнодорожных и автодорожных мостов[46]. В октябре того же года ограничения на фотосъемку стали ещё более строгими. С этого времени в разрешении требовалось указывать звание, имя, номер части, модель и номер фотоаппарата, цель и место проведения съёмок, а также место, куда будут сданы негативы[47].

Нарушения солдатами воинской дисциплины не были в Выборге редкостью. Как правило, они были связаны с употреблением алкоголя и превышением продолжительности увольнительных. Однако выборгской военной полиции приходилось иметь дело и с уголовными преступлениями. Выходившая в городе социал-демократическая газета

"Kansan Työ" опубликовала в июле 1943 г. заметку «В Выборге продолжаются грабежи. Оставшиеся неизвестными солдаты ограбили сельского жителя». В ней говорилось, что некий житель поселка Хейнйоки (совр. Вещево), гуляя по городу, наткнулся на одной из привокзальных улиц на двух людей в военной форме, которые предложили ему выпить. Вместе они вошли во двор дома, и в тот момент, когда сельский житель приготовился глотнуть из бутылки, один из солдат нанёс ему удар тяжёлым предметом по голове, в результате чего он потерял сознание. Придя в себя, потерпевший обнаружил пропажу бумажника, в котором было около 1000 марок, а также сберегательной книжки с суммой на счёте в 3000 марок и личных документов[48]. В отчёте полиции за тот же месяц зафиксировано 10 грабежей с участием военных с подобной схемой преступления, причём среди задержанных за грабёж были даже участники военных патрулей[49]. Нарушения дисциплины были зачастую вызваны пренебрежением обязанностями воинской службы.

Очень характерным примером может служить нарушение воинского устава солдатами, служившими в стоявшей в Койвисто (совр. Приморск) бригаде тяжёлой артиллерии, когда, не получив увольнительную, несколько рядовых отправились на танцы в соседнюю деревню[50]. Рост преступности с участием военных вызвал необходимость ужесточения полицейского надзора в городе. С ноября 1943 г. приказом коменданта военного управления возвращённых территорий в Выборге запрещалось собираться на улицах, площадях и в общественных местах, устраивать праздники, собрания, купаться в запрещённых местах, спать на газонах и садовых скамьях, распивать спиртные напитки, играть в мяч не на территории стадионов и т.д.[51].

Немаловажным фактором в жизни военного Выборга был и национальный вопрос. Этнический состав фронтовиков, прикомандированных на Карельском перешейке в период позиционной войны, был разнообразен. В элитных частях, таких как полк береговой артиллерии или кавалерийская бригада, в числе младшего офицерского состава и даже в числе рядовых солдат было много шведов[52]; такой же высокий процент шведов – в списках личного состава штабных рот.

Одним из факторов, перманентно осложнявших германо-финское сотрудничество в годы Второй мировой войны, было присутствие в финской армии евреев и лояльное к ним отношение. Антисемитизм, в принципе, никогда не принимал в Финляндии открытой формы, и очень малочисленная еврейская община могла чувствовать себя в независимой Финляндии вполне спокойно. Неудивительно поэтому, что иудеи призывались в армию во время войны. В 1943 г. солдаты, исповедующие «закон Моисея», были на 14 дней, связанных с их главными религиозными праздниками, освобождены от необходимости нести воинскую службу. Командирам предписывалось контролировать соблюдение этого права[53].

С 1943 г. в финской армии служили эстонские добровольцы. История создания отдельного эстонского пехотного полка 200, т.н. Финских парней, подробно описана в исследовательской литературе[54]. Не желавшие служить в немецкой армии молодые эстонцы тысячами бежали в Финляндию[55]. Финская сторона не выдавала дезертиров-соплеменников обратно, но предоставляла им возможность служить в финской армии. Первоначально они поступали в финские подразделения, а затем, в том же 1943 г., был сформирован отдельный эстонский батальон в составе 47-го пехотного полка, несшего службу в районе Раяйоки (совр. Белоостров). Значительная часть года для эстонских добровольцев была занята обучением на военных курсах, что позволило им принимать участие в боях на Карельском перешейке в 1944 г. уже в качестве хорошо обученных солдат.

Связанные с военной пропагандой органы всячески подчеркивали общность целей Финляндии и Эстонии, призывали к единению перед лицом общего противника. Издававшийся для эстонских добровольцев журнал «Ule lahe»[56], тиражируемый на гектографе, публиковал стихи финских авторов, переведенные на эстонский язык. Так, например, в № 3–4 за 1943 г. помещены стихи Мартти Юкола:

«Всё стоит Карельский перешеек, и стоит страна.
Их не сломят привередливые качели судьбы.
Здесь рождается право на жизнь.
Каждого рядового, кто падёт в сражении
За народ, да – в сражении,
Сбережём в наших сердцах как своего»[57].

Генерал-майор Ааро Пайяри, вступая в должность командующего 3-й дивизией, обратился 6 ноября 1943 г. к «эстонским братьям»: «Вам, добровольцам-эстонцам, служащим в рядах дивизии, хочу ещё сказать пару ободряющих слов. Поскольку моя <...> благодарность предназначена, естественно, и вам, вы заслуживаете моего отдельного признания за проявленную готовность к самопожертвованию во имя родины, находящейся в тяжёлом положении, прибыв сюда, в Финляндию, через множество опасностей и приключений, чтобы сражаться против общего врага. Надеюсь, эстонские братья по племени и оружию, что ваш вклад в нашу общую борьбу заметно поможет в создании лучшего будущего для эстонского народа. В любом случае это – единственное средство, которым народ в беде может повлиять на свою судьбу»[58].

Меньше сведений сохранилось о русских бойцах, служивших в финских воинских частях. Их было очень мало, тем не менее, упоминания о русских в подразделениях финской армии встречаются. Как правило, их использовали в качестве переводчиков при допросах военнопленных. Так, например, в списках личного состава «Жёлтого полка» упоминаются артиллеристы Эркки (Сергей) Сосунов и Виктор Серов[59], состоявшие

на особом учёте как владеющие русским языком. В лагере для военнопленных № 6 служил переводчик Лукьянов.

Лагерь для военнопленных № 6 в Тиусула под Выборгом имел 11 местных подразделений в Выборгском военном округе. Комендантом лагеря в этот период был майор Юллин-Корпи. Среди финских лагерей для военнопленных он отличался особенно высоким уровнем смертности заключенных (только в 1942 г. скончались 755 человек)[60]. В отложившихся в ЛОГАВ свидетельствах о смерти военнопленных за 1942 г. как причина гибели в подавляющем большинстве случаев указан диагноз "inanitio" (сухая дистрофия, истощение от голода)[61]. Несмотря на исключительно высокую смертность в финских лагерях военнопленных, военные чиновники и в 1943 г. продолжали настаивать на строгости их содержания. Командующий группой «Карельский перешеек» генерал Х. Эквист в январе 1943 г. напоминал, что «смертная казнь может быть применена лишь на основании решения военного суда, и ни одно частное лицо не имеет права принять решение о смертной казни. <...> К вышесказанному добавлю, что <...> военнопленный – это попавший в заключение коварный враг, и он может в любой момент начать действия, оговорённые в § 38 военного уголовного законодательства. Охранник всегда должен придерживаться того мнения, что поскольку попытки восстания, применения силы или побега имеют место, его долг – не раздумывая принять достаточные меры для предотвращения этого»[62]. Генерал-майор Эйно Суолахти, старший врач сил обороны, обращал внимание на то, что «положение с продовольствием в стране не позволяет, чтобы военнопленные, используемые на тяжёлых физических работах, получали достаточный паёк, требуемый для таких работ. <...> Не следует брать в районе ведения боевых действий военнопленных, полностью непригодных к работе. Те из них, которые нетрудоспособны временно, должны содержаться совместно в лагере для военнопленных, получая необходимое питание. <...> Каждому находящемуся на территории управления военнопленному должен выдаваться, по крайней мере, паек В. <...> Если сухой хлеб для них [госпитализированных военнопленных – Ю.М.] не получен, следует мягкий хлеб высушить в сухари»[63]. Как видно, позиция по отношению к пленным оставалась жёсткой, но определённые изменения в связи с вмешательством международного Красного Креста на третьем году войны всё же произошли. В 1942 г., пока финны считали, что военные действия должны вскоре закончиться, они предельно сокращали пайки военнопленных, дабы не тратить на них продовольственный резерв. Затянувшаяся война заставила пересмотреть этот подход. Для восстановления разрушенного войной хозяйства нужна была рабочая сила, и улучшение питания военнопленных могло принести реальную экономическую выгоду. В результате смертность в лагерях резко сократилась[64]. В подённом

журнале, заполнявшемся сменными дежурными офицерами, ежедневно отмечалось количество военнопленных, отправленных под арест, обычно от 4 до 13 человек. Некоторые рапорты о наказаниях обнаруживают довольно неожиданную картину бытования советских военнопленных. Так, например, 20 октября 1943 г. фенрик Аланко услышал русскую речь по радио и обнаружил нескольких военнопленных, слушавших радиоприемник[65].

Среди подвергавшихся аресту были не только русские военнопленные, но и финны, и из таблицы учёта задержаний видно, что финские задержанные доносили охранникам на русских пленных[66]. Помимо ареста, военнопленные подвергались физическим наказаниям. За кражи (преимущественно, табака) полагалось 8 розог, за опьянение – 15, то же, но отягчённое сопротивлением охране – 20; столько же полагалось за попытку к бегству[67].

В конце декабря 1943 г. представители военного командования обратились к солдатам финской армии с рождественскими приветствиями, обрисовывая в своих речах настоящее положение и перспективы продолжения войны с СССР. Приведём из этих речей две, возможно, наиболее характерные цитаты, принадлежащие офицерам, хорошо знавшим военную обстановку на Карельском перешейке. Генерал А. Сихво, командующий войсками ПВО, писал: «Теперь, в конце года, действия авиации противника в нашем направлении относительно слабы. Но мы, тем не менее, понимаем, что враг в самые короткие сроки может сосредоточить против нас большое количество лётных подразделений, начав сокрушительное наступление и перейдя к иной, более эффективной, тактике»[68]. Более оптимистичен в своих прогнозах был командующий Военным управлением присоединённых к государству возвращённых территорий полковник Э. Коскимиес. «Хотя война всё ещё продолжается, – заявлял он, – у народа Карелии[69] есть немало причин, чтобы с доверием смотреть в будущее. Принеся кровавую жертву и восстанавливаясь с исключительным упорством, Карелия медленно, но верно поднимается. Наша армия сильна как никогда, здесь у неё выгодные и хорошо защищённые позиции, она способна обеспечить жизнь Финляндии и Карелии при любых условиях»[70].

Оптимистичная риторика Э. Коскимиеса имела под собой мало оснований. События июня 1944 г. подтвердили мрачный прогноз А. Сихво. Позиционная война, война на истощение сил противника, привела в конечном итоге к ослаблению сил самой Финляндии. В июне 1944 г. по другую сторону фронтовой полосы, пересекавшей перешеек, оказался гораздо более мощный, чем в августе 1941 г., противник. Чёткая подготовка и проведение наступательной операции войск Ленинградского фронта, Краснознаменного Балтийского флота и Ладожской флотилии решили в конечном итоге исход битвы за Выборг.

Примечания

[1] *Halsti W.* Suomen sota: 1939–1945: Os. 1–3. – Helsinki, 1955–1957; *Huhtala K.* Viimeinen pari Viipurinlahdelta ulos: 2. Tykkivenelaivueen toiminta 1943–1944.– Turku, 1998; *Häkkinen E.* Kannaksen kahlaajat: JR 6 jatkosodassa. – Turku, 1986; *Hästö S.* Syreenit kukkivat vielä: muistoja ja tunnelmia Viipurissa kesällä 1944. – Porvoo, 1989; Jatkosodan historia : Os. 2: Hyökkäys Itä-Karjalaan ja Karjalan kannakselle. – Helsinki, 1989; *Jäntti L.* Kannaksen suurtaisteluissa kesällä 1944: "Kesäsodan" taustaa, tapahtumia ja lähikuvia Panssaridivisioonan patterinpäällikön näkökulmasta. – Porvoo, 1966; *Jäntti L.* Viipurin viimeinen päivä kesällä 1944. – Porvoo, 1964; *Jäntti L.* Sota Kannaksella 1944 ja Viipurin viimeinen päivä. – Porvoo, 1985; *Kaarto H.* Suomalaisten puolustusjärjestelyt Karjalan Kannaksella kesän 1944 suurtaisteluiden päättymisestä aselepoon 1944. – Oulu, 1978; *Kallioniemi J.* Viipuri suursodassa 1939–1944. – Turku, 1990; Keltainen rykmentti Kannaksella 1941–1944: muistojen kirja. – Helsinki, 1988; *Koskimaa M.* Torjuntavoitto Viipurinlahdella kesällä 1944. – Porvoo; Helsinki; Juva, 1996; *Lappalainen N.* Viipurinlahti kesällä 1944. – Porvoo, 1988; *Raevuori A.* Hyvästi, Viipuri : Karjalan pääkaupunginnkohtalonvuodet 1939, 1941 ja 1944. – Helsinki, 2011; Suomen sota 1941–1945: Os. 7 : Venäläisten suurhyökkäys Karjalan kannaksella kesällä 1944. – Helsinki, 1957; *Tarkki U.* Miksi menetimme Viipurin?: Mitä todella tapahtui Viipurissa 20.6.1944? – Helsinki, 1990; *Tarkki U.* Taistelu Viipurista 20.6.1944: Viipurin menetys ja oikeudenkäynti. Jyväskylä; – Helsinki, 1996; *Tiihonen T.* Karjalan kannaksen suurtaistelut kesällä 1944. – Espoo, 2000; *Tiihonen T.* Ratkaisu Kannaksella 1944 : Neuvostoliiton Suomen valloitusyrityksen hyökkäyssuunta Karjalan Kannakselta Helsinkiin. – Espoo, 2000; *Tilli K.* Takaisin Viipuriin: kohtalonvuodet 1941–44 . Porvoo; Helsinki; – Juva, 1987.

[2] Утвердившееся в финской историографии название «война-продолжение» ("jatkosota"), подчеркивающее взаимосвязь этой войны с войной 1939–1940 гг., носит отчётливый пропагандистский характер. Это название затемняет тот факт, что Московский мирный договор 1940 г. был официально ратифицирован обеими сторонами.

[3] Выборгская наступательная операция правого крыла Ленинградского фронта под командованием генерала армии Л.А. Говорова заняла всего 10 дней – с 10 по 20 июня 1944г. и завершилась взятием Выборга частями 21-й армии.

[4] В. Таннер в октябре 1943 г. записал в своём дневнике, что на заседании «узкого круга» главнокомандующий в недвусмысленной форме изложил свои претензии к главе государства и его окружению. Маннергейм заявил, что «армия – это не какая-то машина, которая только сражается, мы ещё чувствуем и размышляем. Тысячи связей объединяют реальный фронт с фронтом внутренним, и по ним распространяется неуверенность. В любой день армия может стать неуверенной. И тогда в независимости Финляндии не будет никакой ценности». Цит по: *Tanner V.* Unohdetut päiväkirjat 1943–1944. – [Espoo], 2011. – S. 56.

[5] *Turtola M.* Risto Ryti: Elämä isäpuolesta. – Helsinki, 2009. – S. 270.

[6] Официальное решение о присоединении к Финляндии территорий, отошедший к СССР по условиям Московского мира, было принято значительно позднее, 6 декабря 1942 г. (Lappalainen N. Viipuri toisessa maailmansodassa. – Porvoo; Helsinki; Juva, 1991. – S. 111).

[7] Коскимиес, Эйно Рафаэл (1892–1975), полковник, военный инженер. В 1940–1941 гг. – военный комендант Южного Хяме. В 1941 г. – командир 5-й дивизии, затем командующий образовательно-командного отделом при Главной ставке, в том же году назначен командующим группы «Ханко». В 1942 г. вновь прикомандирован к Ставке, где получил назначение на должность начальника Военного управления возвращённых территорий, которую исполнял до окончания войны.

[8] Ленинградский областной государственный архив в г. Выборге (ЛОГАВ). Ф. 69. Оп. 1. Ед. хр. 43. Л. 1–2 об.

[9] Туурна, Аарно Отто (Тунеберг, Thuneberg, Arno Otto, 1894–1976), майор. Окончил кадетскую школу в Хамине. Активист «племенного» движения, один из основателей Восточно-карельского комитета, член правления Карельского Союза. С 1928 г. – городской голова Выборга. Депутат парламента от Национальной коалиции, депутат-выборщик на президентских выборах 1937 и 1943 гг. В 1941 г. вернулся в Выборг в прежней должности, а также в должности главы Военного окружного управления Выборга. В 1942–1944 гг. – руководитель Выборгского отделения общества «Братья по оружию».

[10] Приказ дня № 7, б/д [август 1943 г.]. Национальный архив Финляндии (VA), Sota Arkisto. Viipurin sotilashallintopiiri. Esikunta. Sotapäiväliiteet. 25415 [электрон. ресурс] // http://digi.narc.fi/digi/view.ka?kuid=3403932
[11] *Mikola K.J.* Viipuri rauhan ajan varuskuntana ja sodissa // Viipurin kaupungin historia : Os. 5. – Lappeenranta, 1978. – S. 399.
[12] *Lappalainen N.* Op. cit. – S. 105–106.
[13] *Mikola K.J.* Op.cit. – S. 399.
[14] *Юссила О., Хентиля С. Невакиви Ю.* Политическая история Финляндии. 1809–1995. – М., 1998. – С. 210.
[15] Несмотря на то, что прощупывание возможностей выхода из войны и заключения сепаратного мира велось в обстановке строгой секретности, слухи об «отдельном мире» просочились в действующую армию достаточно скоро. Уже в марте 1943 г. в воинские части поступило чрезвычайное информационное сообщение Ставки № 12, в котором были даны пояснения относительно этих слухов. 24 марта лейтенант К. Даль, офицер штаба Кавалерийской бригады, расквартированной в Выборге, уже проводил разъяснительную лекцию в своем подразделении на основании информационного сообщения (ЛОГАВ. Ф. 224. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 4).
[16] Командный пункт группы располагался не в Выборге, а в Суулаярви.
[17] *Lappalainen N.* Op. cit . – S. 105.
[18] Пехотный генерал В. Эрфурт в воспоминаниях писал: «Маршал Маннергейм был весьма озабочен дальнейшими успехами русских южнее Ленинграда, поскольку могла возникнуть угроза безопасности финским позициям на Карельском перешейке. И поэтому 12 февраля он принял решение заменить финскую кавалерийскую бригаду, которая до той поры несла береговую охрану на Онежском озере, на вновь сформированную 6-ю дивизию, а кавалерийскую бригаду перевести поближе к себе, на Карельский перешеек, восточнее Виипури». (См.: *Эрфурт В.* Финская война 1941–1944 гг. – М., 2005. – С. 127).
[19] ЛОГАВ. Ф. 236. Оп. 1. Ед.хр. 5. Л. 1–2.
[20] Там же. Л. 7.
[21] *Lappalainen N.* Op. cit. – S. 108.
[22] Kansan Työ. – 1943. – № 158. – S. 1.
[23] ЛОГАВ. Ф. 224. Оп. 1. Ед. хр. 6.
[24] Там же. Ф. 222. Оп. 1. Ед. хр. 24, Л. 1.
[25] Там же. Ф. 236. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 25.
[26] Там же. Ф. 224. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 26.
[27] Там же. Ед. хр. 13. Л. 3–8.
[28] Там же. Ед. хр. 2. Л. 30.
[29] Там же. Ф. 222. Оп. 1. 35. Л. 7.
[30] Выражение «тотальная война» стало широко использоваться после того, как 18 февраля 1943 г. рейхсминистр народного просвещения и пропаганды рейха Й. Геббельс произнёс «Речь о тотальной войне» в берлинском Дворце спорта.
[31] ЛОГАВ. Ф. 222. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 4.
[32] Там же. Ед. хр. 28. Л. 5.
[33] Там же. Ф. 224. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 22.
[34] Национальный архив Финляндии (VA), Sota Arkisto. Viipurin sotilashallintopiiri. Esikunta. Sotapäiväliiteet. 25415 [электрон. ресурс] // http://digi.narc.fi/digi/view.ka?kuid=3403938
[35] Там же // http://digi.narc.fi/digi/slistaus.ka?ay=77192
[36] Там же. Toimituskertomus. 25413 [электрон. ресурс] // http://digi.narc.fi/digi/slistaus.ka?ay=77187
[37] Эквист, Харальд (1891–1971), генерал-лейтенант. Офицер-егерь, военная карьера которого была на протяжении многих лет связана с Выборгом. В 1918 г. он принимал участие во взятии Выборга, командуя 9-м егерским батальоном. В том же году стал преподавателем в военной школе в Марковилла и был назначен командиром полка Карельской гвардии. В 1925 г., в звании полковника, назначен командиром 2-й дивизии, штаб которой располагался в Выборгском замке. Принимал участие в Зимней войне, командуя 2-м армейским корпусом. В 1941–1942 гг. – представитель главнокомандующего финской армией при Верховном командовании вермахта. В феврале 1942 г.

назначен на должность командующего войсками группы «Перешеек», в 1944 г. – командующего IV-м армейским корпусом.

[38] Сихво Аарне (1889–1963), генерал от инфантерии. Егерь. Во время гражданской войны командовал войсками в Карелии. Командир 3-й дивизии (1918 г.), руководил Олонецкой экспедицией в Восточную Карелию. В 1924 г. – начальник Военной академии. В 1925 г. окончил итальянскую Военную академию в Турине. С 1933 г. – командующий силами обороны Финляндии. В 1933–1938 гг. генерал-инспектор сил обороны. В 1938–1941 гг. и 1944–1946 гг. – начальник гражданской обороны Министерства внутренних дел. В 1941–1944 гг. главнокомандующий ПВО Финляндии. 4 июня 1946 г. вновь назначен главнокомандующим силами обороны. 31 мая 1953 г. вышел в отставку.

[39] Kansan Työ. – 1943. – № 152. – S. 1.

[40] Kansan Työ.– 1943. – № 129. – S. 1, 4.

[41] ЛОГАВ. Ф. 69. Оп. 1. Ед. хр. 43. Л. 97.

[42] Там же. Л. 98.

[43] *Lappalainen N.* Op. cit. – S. 105.

[44] ЛОГАВ. Ф. 69. Оп. 1. Ед. хр. 43. Л. 99.

[45] VT – вторая полоса обороны, протянувшаяся через Карельский перешеек по линии Ваммельсуу – Тайпале. В российской историографии часто называется «Карельским валом».

[46] ЛОГАВ. Ф. 222. Оп. 1. Ед. хр. 31. Л. 1.

[47] Там же. Л. 8.

[48] Kansan Työ.– 1943. – № 159.– S. 2.

[49] Отчёт военной полиции Выборга за июль 1943 г. 7 августа 1943 г. [электрон. ресурс.] // http://digi.narc.fi/digi/view.ka?kuid=3403951

[50] ЛОГАВ. Ф. 222. Оп. 1. Ед. хр. 54. Л. 18.

[51] Там же. Ф. 69. Оп. 1. Ед. хр. 43. Л. 102–102 об.

[52] Там же. Ф. 222. Оп. 1. Ед. хр. 47. Л. 1–6.

[53] Там же. Ед. хр. 33. Л. 1.

[54] *Isohella A.-R.* Suomen-pojat : Virolainen jääkäritarina. – Helsinki, 2005; *Korjus J.* Viron kunniaksi. Talvi- ja jatkosodan virolaiset vapaehtoiset. – Hämeenlinna, 1998; *Kuutma R.* Suomenpoikien tie : Virolaissotilaiden kohtalo. – Helsinki, 2004; Suomen-pojat : Suomen vapauden ja Viron kunnian puolesta. – Luumäki, 2005; *Lappalainen N.* Veljeskansojen kohtalonvuosilta. – Porvoo; Helsinki; Juva, 1999; *Mutanen J.* Jalkaväkirykmentti 200. Virolaisten vapaaehtoisten historiikki Suomessa ja kotimaassa toisen maailmansodan aikana. – Luumäki, 1991; *Viirlaid A.* Pohjantähden pojat. – [Helsinki], 2010 и др.

[55] Как отмечает Ю.З. Кантор, «весной 1943 г. началось массовое бегство эстонцев в Финляндию... До этого в Финляндии находилось более 400 эстонских беженцев. В апреле–мае в Финляндию перебежало 300–400 человек, а к концу года – еще не менее 2500 человек». См.: *Кантор Ю.З.* Прибалтика: война без правил (1939–1945). – СПб., 2011. – С. 221.

[56] «Через залив».

[57] ЛОГАВ. Ф. 234. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 2 (пер. с эст. В.М. Махтиной).

[58] Там же. Л. 4 (пер. с эст. В.М. Махтиной).

[59] Там же. Ф. 222. Оп. 1. Ед. хр. 47. Л. 10– 11.

[60] Talvi-, jatko- ja Lapin sodan sotavanki- ja siviililеirit 1939–1944. Käsikirja. – Helsinki, 2008. – S. 66.

[61] ЛОГАВ. Ф. 221. Оп. 1. Ед. хр. 13.

[62] Там же. Ед. хр. 22. Л. 2.

[63] Там же. Ф. 222. Оп.1. Ед. хр. 22. Л. 4.

[64] Talvi-, jatko- ja Lapin sodan… – S. 66.

[65] ЛОГАВ. Ф. 221. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 1.

[66] Там же. Л. 85–86.

[67] Там же. Ед. хр. 8.

[68] Там же. Ф. 236. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 32.

[69] Коскимиес имеет в виду Карельский перешеек и Выборгскую (Карельскую) губернию.

[70] Рождественское обращение Э. Коскимиеса. 1943 г. [электрон. ресурс] // http://digi.narc.fi/digi/view.ka?kuid=3404006.

Разгром итальянского альпийского корпуса на Верхнем Дону

Филоненко Сергей Иванович,
доктор исторических наук,
Воронежский государственный педагогический университет
Д-р Скотони Джорджо,
(Италия)

Ещё не закончился разгром главных сил 8-й итальянской армии на Среднем Дону, а Верховное Главнокомандование Красной армии уже решило ликвидировать последнюю крупную группировку войск сателлитов, подчинённых группе армий «Б» в районе Острогожска, Каменки, Россоши. 21 декабря 1942 г. командующему Воронежским фронтом Ф.И. Голикову было приказано подготовить наступательную операцию на Верхнем Дону[1].

13 января 1943 г. войска Воронежского фронта начали Острогожско-Россошанскую наступательную операцию, в результате которой произошла давно ожидаемая катастрофа итальянского горнострелкового корпуса. В составе альпийского корпуса к началу января 1943 г. оставалось 55 тысяч человек. Корпус в составе горнострелковых дивизий «Тридентина», «Юлия», «Кунеэнзе» и пехотной дивизии «Виченца» занимал позиции от населённого пункта Бабки до с. Новая Калитва.

На южном фланге острогожско-россошанской группировки стрелковые соединения генерал-майора П.С. Рыбалко атаковали слабые позиции в участке Митрофановка – Кантемировка, которые удерживали части 24-го немецкого танкового корпуса. Перед советскими войсками оборонялись 387-я немецкая пехотная дивизия и дивизионная группа «Фогеляйн». Прорыв обороны советскими стрелковыми соединениями осуществлялся медленно, поэтому ударная группировка бросила против гитлеровских войск значительные силы. В бой были введены 12-й и 15-й танковые корпуса. Это предопределило исход сражения, и через несколько часов, в первый же день боёв, фронт был прорван. В оборонительной линии, определившейся к 20 декабря 1942 г. для прикрытия правого крыла войск сателлитов на рубеже от Новой Калитвы до Михайловки, образовалась брешь, что оказало решающее влияние и на положение альпийского корпуса.

14 января головная походная застава советского 15-го танкового корпуса проникла в глубокий тыл противника, достигнув с. Жилино, где располагался штаб 24-го немецкого танкового корпуса, и атаковала его. Десантники 9-й стрелковой роты 52-й мотострелковой бригады разгромили штабные службы. В этом бою командир корпуса генерал-лейтенант танковых войск М. Вандель был убит. Централизованное управление частями немецкого корпуса, в составе которого была и 3-я альпийская дивизия «Юлия», было потеряно. Новый командир корпуса, генерал-лейтенант А. Яр, покончил с собой, и только поздно вечером командир 385-й немецкой пехотной дивизии генерал-лейтенант К. Эйбл принял на себе номинальное командование 24-м танковым корпусом. После разгрома штаба корпуса в итало-немецкой группировке некому было координировать оборонительные действия соединений, находившихся на южном фланге.

В результате прорыва в полосе немецкого армейского корпуса и из-за недостатка резервов положение итальянского альпийского корпуса стало критическим. Генерал Г. Наши, из-за очень тяжелого положения 3-й и 4-й альпийских дивизий на Калитве, уже ночью с 14 на 15 января подписал первый приказ об отступлении, т.е. до того, как 106-я танковая бригада полковника И.Е. Алексеева[2] ударила по Россоши, где дислоцировался штаб альпийского корпуса.

Командующий 8-й итальянской армией генерал И. Гарибольди попросил у штаба группы армий «Б», чтобы левое крыло 24-го немецкого танкового корпуса отступило в долину Криничная. Вследствие этого можно было использовать части 320-й и 385-й немецких пехотных дивизий, высвободившихся в связи с сокращением фронта, и дополнительно часть корпусной группы «Крамер», и с их помощью остановить продвижение советских войск в направлении Россоши. Командование группы армий «Б» приказало восстановить положение на прорванном южном фланге, на новых рубежах южнее линии Новая Калитва – Криничное – Митрофановка – Куликовка – Бондарево – Ново-Марковка. Для решения этой задачи генерал-полковник М. фон Вейхс согласился на отступление немецких частей 24-го танкового корпуса и использование остатков 320-й и 385-й немецких пехотных дивизий, но отказал генералу Гарибольди в использовании корпусной группы «Крамер».

Поздно вечером 14 января генерал-лейтенант К. Эйбл сообщил командованию дивизии «Юлия», что в связи с разгромом правого крыла немецкого корпуса силам вермахта приказано отступить на рубеж от Криничной до Новой Калитвы. Чтобы прикрыть этот участок шириной 25 км, было решено использовать части дивизии «Юлия» и расширить линию альпийской дивизии. Но в Россошь не поступало официального сообщения о том, что немецкие части не смогут сдержать атаку совет-

ских войск на правом фланге – лишь пришёл «безосновательный слух». Командование альпийского корпуса не имело данных о наступающих силах. В ту же ночь, без ведома итальянского командования, немецкие части, находившиеся в Россоши, отступили на запад.

Введённый в прорыв фронта 24-го танкового корпуса вермахта южнее Новой Калитвы вечером 14 января 12-й советский танковый корпус наступал по двум направлениям. 97-я танковая и 13-я мотострелковые бригады во взаимодействии с частями 48-й гвардейской стрелковой дивизии и соединениями 15-го танкового корпуса получили задачу к исходу 14 января овладеть Михайловкой и далее наступать в направлении западной окраины Россоши. 30-й и 106-й танковым бригадам, наступавшим правее, надлежало овладеть Митрофановкой и выйти на юго-восточную окраину Россоши.

Особенно успешно вела наступление левая группа 12-го советского танкового корпуса. Командир 106-й танковой бригады полковник И.Е. Алексеев под свою ответственность принял решение повернуть бригаду на город. Не встречая организованного сопротивления, на рассвете 15 января 106-я танковая бригада в составе 16 танков Т-34 и роты десантников, выполнила приказ, гласивший: «К 7:00 достигнуть Россоши и захватить город, железнодорожную станцию и аэродром, после чего выйти на северо-западную окраину города Россоши, отрезать противнику путь для отхода и держаться до подхода главных сил»[3].

Рано утром 15 января передовой отряд 106-й танковой бригады, возглавляемый лейтенантом Д.С. Фоломеевым, вышел на южную окраину города. Танковые соединения ударили неожиданно и стремительно атаковали штаб альпийского армейского корпуса, который разместился в центре города Россоши. Продвижение танковых частей полковника Алексеева было таким молниеносным, что дезорганизовало итальянский гарнизон. О «сюрпризе» 106-й танковый бригады в Россоши лейтенант инженерных войск 9-го смешанного батальона связи армейского корпуса Ренато Россини рассказывал: «Сюрприз был такой неожиданный, что боец службы движения, стоявший на перекрестке перед зданием штаба альпийского армейского корпуса, дал сигнал "путь свободен" советскому танку, продвигавшемуся с включенными фарами; промчавшийся перед зданием командования, танк стрелял из пушки»[4].

106-я танковая бригада взять город с ходу не смогла, но рейд комбрига Алексеева по тылам альпийского корпуса достиг своей цели: в штабных и тыловых службах итальянского армейского корпуса наступил хаос[5]. Итальянское командование считало, что город находится в глубоком тылу. Хотя ещё за сутки до этого генерал Наши попросил командующего 8-й армией спешно эвакуировать оба полевых госпиталя из Россоши на запад и передвинуть командование альпийского

корпуса на 20 км на север в расположение 2-й горнострелковой дивизии «Тридентина». Командующий армией генерал Гарибольди подтвердил, что выполнит немецкий приказ, чтобы удержать оборонительную линию на Дону любой ценой, но согласился с Наши и ориентировал корпусное командование на отход из Россоши в с. Подгорное. От генерала Гарибольди пришло ещё сообщение о том, что с юга от Митрофановки к Россоши устремились советские соединения двумя колоннами – 600 и 3 тысячи бойцов.

Генерал Наши эвакуировал в срочном порядке командование альпийского корпуса в Подгорное и поручил город тыловому гарнизону. Неизвестно, какой план обороны Россоши был разработан командованием корпуса, и какими силами предстояло решить эту задачу.

15 января командование 8-й итальянской армии послало приказ об отходе левого крыла 24-го немецкого танкового корпуса в направлении Терновки и р. Меженки (приток Черной Калитвы) на левый берег р. Черная Калитва, чтобы создать линию обороны южнее Россоши. Но и этот приказ запоздал: к исходу этого дня советские танковые соединения продвинулись на Ольховатку. Генерал Наши приказал командованию 4-й горнострелковой дивизии послать для обороны Россоши XXX-й батальон инженерных альпийских войск и I-й батальон из прибывшего из Италии пополнения. Их, вместе с лыжным альпийским батальоном «Монте Червино», срочно послали в район Евстратовского аэродрома с приказом атаковать на рассвете оставшиеся танки 106-й танковой бригады полковника Алексеева. Вновь прибывший батальон не успел получить станковые пулемёты, миномёты и боеприпасы к ним, и солдаты шли в бой только с винтовками, пистолетами и ручными гранатами. Оба этих альпийских батальона утром 16 января были уничтожены советскими Т-34. Спаслись только 46 резервистов из Кунео.

Утром 16 января генерал Наши позвонил лично командиру дивизии «Кунеэнзе» генералу Э. Баттисти и подтвердил приказ удерживать позиции на Дону любой ценой. Днём офицер штаба дивизии провёл рекогносцировку и узнал о том, что в Россоши больше нет альпийских частей, а есть только тысячи итальянских военнопленных.

17 января советские танки 30-й бригады овладели хутором Постоялый. В дальнейшем основные силы 12-го танкового корпуса развивали наступление на с. Карпенково. Утром передовой отряд корпуса в составе 8 танков и роты пехоты достиг Карпенково, а ровно через сутки этот же отряд встретил наступавшую с севера 161-ю дивизию 18-го стрелкового корпуса. В «котле» восточнее Россоши оказались 2-я горнострелковая дивизия «Тридентина», 156-я пехотная дивизия «Виченца», 3-я горнострелковая дивизия «Юлия», 4-я горнострелковая дивизия «Кунеэнзе», 385-я и 387-я немецкие пехотные дивизии,

остатки дивизионной группы «Фогеляйн» и 19-я и 23-я венгерские пехотные дивизии.

17 января командир альпийского корпуса генерал Наши дал приказ генералу Баттисти об отходе с Дона. «Возражения, выдвинутые командиром дивизии "Кунеэнзе" о коренных изменениях в том положении, которое было на основе этого приказа, прежде всего отход дивизии "Юлия" в направление Поповки, не были приняты генералом Наши»[6].

В результате захвата Россоши части дивизии «Кунеэнзе» потеряли много обозов и все автомашины, находившиеся в городе. Кроме того, отделениям 2-го горнострелкового полка по ошибке было сообщено, что этот марш из Россоши осуществляется для передислокации с целью создания нового оборонительного рубежа на правом берегу р. Черная Калитва между Старой Калитвой и аэродромом Россоши, поэтому они оставили продовольствие и боеприпасы, а взяли с собой лишь инвентарь для работы и печки.

16 января советские войска 40-й общевойсковой и 3-й танковой армий продолжали наступать на Алексеевку, охватывая острогожско-россошанскую группировку с севера и юга. Передовые части этих армий не втягивались в бои за опорные пункты, а выходили в глубокий тыл венгров и итальянцев. В тот же день 88-я танковая бригада 15-го советского танкового корпуса и подвижные части 40-й армии соединились в районе Алексеевки, замкнув кольцо окружения крупной группировки: 2-ю венгерскую армию, итальянский альпийский и 24-й немецкий танковые корпусы, корпусную группу «Крамер» – всего 13 дивизий. После того, как в результате прорыва фронта 2-й венгерской армии по обе стороны Коротояка северный фланг острогожско-россошанской группировки был оттеснён, а южный фланг отброшен до Россоши, был создан внешний фронт окружения в 50 км западнее Россоши, и группировка была рассечена на две части.

Положение итальянского альпийского корпуса и 24-го немецкого танкового корпуса стало критическим. Если бы не удалось остановить продвижение советских войск западнее Россоши, то все пути отхода альпийского корпуса были бы отрезаны. Опасность окружения требовала срочного приказа отходить.

Несмотря на это, генерал Наши подчинился непонятному для него приказу командующего армией Гарибольди. Так, сразу же после падения Россоши на неоднократные просьбы командира дивизии «Кунеэнзе» генерала Эмилио Баттисти об отходе он ответил: «Остаётся в силе приказ штаба ОКВ от 10 января, т.е. запрещение покинуть донской фронт»[7]. Между тем, войска 3-й танковой армии генерала Рыбалко перекрыли пути для отступления, и остатки 8-й итальянской армии остались на берегу Дона, восточнее Россоши.

17 января управление 2-й горнострелковой дивизией «Тридентина» сообщило, что штаб 7-го венгерского корпуса поставил его в известность о получении приказа отступать по маршруту Карпенково – Татарино – Алексеевка; поэтому венгерские дивизии начали сразу отступление от линии Дона.

Начальник оперативного бюро штаба альпийского корпуса подполковник Марио Одассо вспоминает: «Серьёзность этого сообщения была очевидна. Сразу уведомили начальника штаба корпуса генерала Мартината. Он не верил в истинность сообщения потому, что если бы информация была правильной, альпийское командование получило бы непосредственно инструкции от своего армейского командования. Из-за того, что телефонная связь с 7-м венгерским корпусом перестала работать, Мартинат связался с командованием дивизии "Тридентина". Он получил подтверждение информации и добавил, что, наверное, имеется в виду отход не для всех частей, а только 12-й венгерской дивизии и части 23-й венгерской дивизии во второй эшелон для создания новой линии связи с войсками корпусной группы "Крамер". Остаётся не ясно то, что венгерский корпус, при ухудшении положения, получил приказ окончательно и целиком отступить по маршруту Карпенково – Алексеевка»[8].

Командующий генерал Гарибольди отдал приказ об отходе с Дона «в тесной связи с 7-м венгерским корпусом»[9]. На самом деле венгры тогда вовсю отступали с Дона, не думая о взаимодействии с кем-либо. «С 15 января венгерское армейское командование попросило у немецкого командования разрешение отходить, но не добилось его. 16 января оно снова попросило разрешение и получило новый отказ... Тогда командующий 2-й венгерской армией генерал-полковник Густав Яни, по своей инициативе, приказал отходить. Но ещё до приказа некоторые венгерские части покинули линию и двинулись к западу. Среди них и 23-я венгерская дивизия, позиции которой находились рядом с итальянской дивизией "Тридентина". Она покинула позиции на Дону, не извещая об этом командование соседней итальянской дивизии. Таким образом, альпийский корпус имел совершенно открытый глубокий южный фланг, а его северный фланг в любой момент мог быть атакован превосходящими силами противника»[10].

В ночь на 17 января подполковник Одассо по приказу генерала Наши срочно выехал в венгерский штаб в Карпенково с венгерским офицером связи при командовании альпийского корпуса, чтобы выяснить ситуацию с командованием 7-го венгерского корпуса.

Вот как посланник генерала Наши рассказывает об этой несчастной экспедиции: «До Карпенково доезжают в 10:30 17 января. В населённом пункте всё в движении. ...Венгерское командование уже покинуло

Карпенково. Итальянцам советуют следовать за командованием венгерского корпуса в Татарино, где можно будет договориться об отходе двух больших частей совместно. В Татарино узнали, что командование 7-го венгерского корпуса поехало в Алексеевку, не останавливаясь в Татарино. Приехав в Алексеевку, офицеры узнают, что венгерское командование проехало и Алексеевку, не останавливаясь, и что оно направилось в Будённый. Наконец, около 15 час. 17 января в Будённом они могли совещаться с командиром 7-го венгерского корпуса.

На рассвете 18 января, наконец, приезжает начальник штаба. С отсутствующим взглядом он несколько раз повторяет, что всё уже потеряно и что больше нет надежды. Карпенково и Алексеевка взяты советскими войсками в первые часы ночи; венгерский корпус оказывается окружённым; больше невозможно никакого договора с альпийским корпусом из-за того, что две большие части разделены между собой врагом. Группе итальянских офицеров не осталось ничего, кроме как уехать и найти ещё не перерезанную противником дорогу в Подгорное»[11].

Сначала, имея достаточно сил, генерал Наши использовал порядок отхода, построенный на широкой линии фронта, где все дивизии должны были отходить в параллельных колоннах, готовые открыть себе дорогу силой[12]. Командир корпуса направил дивизии так, чтобы начать движение на трёх последовательных позиционных линиях: железная дорога Евдаково – Россошь; долина Ольховатки; долина р. Айдара – Николаевка. Альпийские дивизии должны были взять с собой как можно больше продовольствия и боеприпасов; всё то, что невозможно было перевезти, надо было уничтожить.

Каждая часть должна была поддерживать связь со смежными частями и прикрывать своё движение арьергардами. Радиосвязь полагалась раз в три часа, начиная с 18:00 17 января. Обязательная радиосвязь также назначалась во время остановок. В результате падения Россоши были потеряны все радиостанции корпуса. Теперь командование армейского корпуса должно было пользоваться радиостанцией дивизии «Тридентина», чтобы восстановить связь с горнострелковыми соединениями.

18 января командованием альпийского армейского корпуса был отдан приказ об операции № 2: «[...] С сегодняшнего дня альпийский армейский корпус должен действовать как будто на горной территории. Надо покинуть автотранспорт и рассчитывать только на санки и обозы, перевозя на них как можно больше продовольствия и боеприпасов»[13].

В связи с недостатком транспорта и глубоким снегом альпийский корпус и остатки 24-го немецкого танкового корпуса отошли, бросив транспорт и склады с продовольствием. Отступление в данной ситуации становилось уже невозможным, войска подвергались угрозе

полного уничтожения. Поэтому было решено оставить тяжелораненых, взяв с собой только тех, кто мог нести оружие.

Вечером 18 января в с. Поповку прибыли передовые отряды колонны 8-го горнострелкового полка. После 20-часового марша пешком усталость итальянских войск дошла до предела. Все подразделения дивизии «Юлия» пришли на место в небоеготовном состоянии: 47-я зенитная батарея бросила все 20-мм пушки, а у миномётов больше не было боеприпасов; у артиллерийского дивизиона «Конельяно» осталось по 150 выстрелов для каждого орудия, но не было мулов для их транспортировки.

С огромным трудом отошли на южную окраину Поповки альпийские стрелки 9-го горнострелкового полка. 77-я и 45-я батареи зенитных 20-мм пушек бросили все пушки; у артиллерийских дивизионов «Удине» и «Вал Пиаве» были мулы и около 100 выстрелов для каждого орудия. Командир 9-го альпийского полка полковник Лавиццари в 18 час. договорился с командирами батальонов и приказал сжечь знамя полка, чтобы оно не попало в руки противника.

В то время, когда масса солдат ещё прибывала в поселок, к 23:30 они были внезапно атакованы советскими пехотными подразделениями со стороны Россоши. В Подгорное отошли тысячи итальянских, венгерских и немецких солдат, и в возникшем хаосе подразделения смешались и потеряли организационную структуру. Это был знак того, что положение становится безнадёжным. Шоферы альпийского корпуса были вынуждены покинуть автомашины и вывести из строя двигатели дубинками; немцы сожгли свои машины. Войска сожгли всё, что невозможно было увезти: целые склады, где хранились тысячи шуб, ботинок, свитеров, шерстяной одежды, тонны продовольствия.

Днем 18 января командование дивизии «Тридентина» приказало покинуть Подгорное. В сумерках начался марш двумя отдельными колоннами, по одной для горнострелкового полка.

В ночь на 19 января в посёлок совхоза «Опыт» с командованием альпийского армейского корпуса прибыло командование 24-го немецкого танкового корпуса и дивизии «Тридентина».

Когда батальоны «Вал Киезе» и «Верона» шли к Репьёвке, на севере хут. Постоялого была обнаружена большая колонна, двигавшаяся на север в направлении Карпенково. «Лыжный дозор отправился на осмотр и узнал, что это была колонна из около 2 тысяч венгерских евреев, схваченных и посланных в специальные батальоны для работы в тылах венгерской армии. Охрана состояла из нескольких русских на лошадях, без оружия. Альпийцы взяли у них лошадей, и колонна продолжил путь дальше»[14]. Вечером 19 января в хут. Новопостояловку прибыли авангарды 8-го горнострелкового полка дивизии «Юлия». Сразу начались

ожесточённые бои. На помощь пришли альпийцы дивизии «Кунеэнзе», и всю ночь на 20 января бои продолжались, но безуспешно, альпийцам не удалось прорвать советскую оборону. Этот длинный бой решил судьбу войск южной группы. Дивизии «Юлия» и «Кунеэнзе» не могли больше вести боевые действия. Разгром этих дивизий заставил генерала Наши изменить порядок отступления альпийского корпуса, построив в одну колонну все части во главе с сильным авангардом, способным прорвать советскую оборону.

Вечером 19 января началось кровавое сражение в Новопостояловке, которое решило судьбу отхода дивизии «Юлия» и «Кунеэнзе». Здесь альпийцы были остановлены советскими пехотными частями, поддержанными танками: во время 30-ти часовых непрерывных атак горнострелковые войска штурмовали хут. Новопостояловка, но все их попытки были отбиты, и прорвать упорную советскую оборону они не смогли. Ведь «этим сражением почти никто из многих, которые написали о походе в Россию, не занимался, хотя оно было – без сомнения – самое тяжёлое, длинное и упорное среди тех, в которых сражались альпийцы на фронте и во время отхода» – утверждали итальянцы[15].

Джулио Бедески в своём известном романе «Centomila gavette di ghiaccio» («Сто тысяч котелков льда») вспоминает первые штурмы частей дивизии «Юлия» вечером 19 января: «Спустя полчаса начались сражения с врагом. Батальоны "Джемона", "Чивидале" и "Толмеццо" 8-го горнострелкового полка с поддержкой батарей артиллерийского дивизиона полковника Вердотти начали атаку против вражеских позиций в посёлке и захватили часть посёлка, санки дошли до окраины посёлка, в 1 км от него, готовые двинуться, как только откроется брешь.

Врачи лечили первых раненых прямо на снегу. Обстановка была сначала успешной, через минуту они могли бы продвинуться. Но час спустя позиции, завоёванные в поселке, были покинуты; войска 8-го альпийского полка должны были отступить до санок. И три пушки, и все войска 26-й батареи, которые продвинулись на 600 м от посёлка, остались неприкрытыми.

"Больше невозможно держать позиции в поселке" – повторял полковнику Вердотти капитан альпийцев. – "Новопостояловку нельзя взять штурмом, нам удалось занимать позиции в поселке пять раз подряд, мы забаррикадировались в избах, но завоёванные позиции невозможно удержать: русские посылают танки, которые стреляют по избам, разрушая их, это бойня: приходит потом пехота и мы отброшены" – "Сколько танков вы видели?" – "Шесть, и много грузовиков, приезжающих по трассе из Россоши и привозящих всегда новые подкрепления"[16]. «Все отряды уже очень устали, оружия и боеприпасов не хватало. "Мы больше не пройдём" – говорили альпийцы, предчувствуя свой конец»[17].

Тогда, после этих ожесточённых боёв, «командир полка и командиры батальонов дивизии "Юлия" предложили своему командиру дивизии генералу Риканьо и командиру дивизии "Кунэензе" договариваться о сдаче с противником. Генерал Баттисти, который как старший командир должен был принять окончательное решение, считал, что нельзя одобрить предложение до того, как все возможные попытки прорвать или обойти оборону противника не были сделаны и оказались безуспешными»[18].

20 января борьба в Новопостояловке сделалась ёще более кровавой. К 11 час. советские силы снова поднялись на штурм с поддержкой танков. «Русские вышли из посёлка и атаковали с явным намерением броситься в решительную атаку. Альпийцы с ужасом насчитали семнадцать танков. Удар был жесточайшим, их оборона была опрокинута и прорвана, орудия были под адским противобатарейным огнём; скоро в группе "Мондови" все командиры батарей пали вместе с большинством офицеров-артиллеристов. Танки пересекали дороги, где больше уплотнились горнострелковые части, катая неумолимо десятки тонн своего веса по живым людям; они стреляли туда, где больше было народа, и стрельбой пулемётов заставляли людей бросаться в снег и сразу же двигались к добыче, чтобы разрывать её на куски гусеницами, останавливались и вращались несколько раз направо и налево, чтобы убить на более широком радиусе. Потом пехота наступала и завершала бойню, уничтожая тех, кто ещё мог сопротивляться»[19].

Советские войска во время новой атаки дошли до избы, где находились генералы Риканьо и Баттисти. Вот как описывает это Корради, лейтенант дивизии «Юлия», в своём дневнике «La ritirata di Russia» (Отход из России), вспоминая этот факт: «Я как будто сейчас вижу русских солдат, проходящих мимо окна, на расстоянии одного метра, одетых в фуфайки, в руках автоматы, из которых вылетало пламя, их большие меховые шапки, длинные, покрытые льдом усы, крики... Изба командиров была пробита осколками и пулями, бой превратился в кровавую рукопашную схватку»[20].

То, что осталось от двух дивизий, попавших в капкан в Новопостояловке, утратило боеспособность. Практически единственный батальон, который ещё мог воевать, это «Дронеро» 2-го горнострелкового полка. Таким образом, по мнению генерала Баттисти, «дивизию "Кунэензе", как большое армейское соединение, следует считать разгромленной уже с вечера 20 января 1943 г., так как она потеряла в сражениях в Новопостояловке больше 80 % своей пехоты и 50 % своей артиллерии»[21].

С 20 января 1943 г. коренное изменение положения заставило генерала Наши снова менять порядок отступления всего армейского кор-

пуса. После поражения в Новопостояловке две отступающие дивизии «Юлия» и «Кунэензе» не могли больше вести боевых действий, поэтому их войска пытались спастись, избегая боёв.

В 5:00 20 января произошел важный поворот. Совхоз «Опыт» был внезапно атакован советскими пехотными подразделениями при поддержке танков. В «Опыте» ещё находились генерал Наши с командованием корпуса, управление дивизии «Тридентина» и командование 24-го немецкого танкового корпуса. Оборона была уничтожена. Лишь части командования удалось бежать. Были потеряны транспорт, переписка командования и оставшиеся средства связи. Осталась только одна радиостанция командования 24-го немецкого танкового корпуса. Поставленная на немецкую автомашину, она обеспечивала связь между альпийским армейским корпусом и командованием армии, но не с командованием дивизий.

В ночь с 20 и на 21 января командование армейского корпуса прибыло в с. Новохарьковку. Генерал Наши приказал генералу Л. Ревербери продолжать движение к хут. Лимарев и с. Шелякино с авангардом колонны, т.е. с батальоном «Вал Киезе». Генерал Ревербери написал в своем отчете: «Таким образом, в ночь на 21 января нам стал понятен принцип вражеских действий: перекрыть движение созданием препятствий на шоссейных дорогах, пересекающих путь нашей колонны, пользуясь автомашинами, которых у врага было много...

Поэтому надо было принять следующие меры: 1) не останавливать движение ценой нечеловеческих усилий с целью не дать врагу времени сорганизоваться на задних позициях и дезориентировать вражеское командование быстрыми действиями в глубину; 2) двигаться преимущественно ночью, чтобы враг не определил направление отступления и избегать массовых атак танков и воздушных рейдов; избегать, по возможности, шоссейных дорог и населённых пунктов вдоль маршрута; 3) не давать возможности огромной массе солдат других крупных итальянских и союзных частей, которые присоединялись к дивизии "Тридентина", смешиваться с боевыми подразделениями, чтобы не сорвать органическое единство и не препятствовать военным действиям; 4) во время коротких остановок пользоваться населёнными пунктами для укрытия войск, которые уже испытали последствия сильного мороза (30 градусов мороза ночью)»[22].

21 января в Новохарьковку прибыло и командование 24-го немецкого танкового корпуса. Въезжая в поселок, машина командира корпуса генерала Эйбла взорвалась на мине. Генерал скончался от ран на следующий день. Вечером 21 января произошел последний роковой поворот. Используя радио 24-го немецкого танкового корпуса, командование 8-й итальянской армии связалось с командованием альпийского

армейского корпуса и приказало генералу Наши направить колонны не в пос. Валуйки, который два дня спустя был освобожден Красной армией, а отклониться на север, в с. Никитовку и Николаевку (сейчас Ливенка), указав этот последний посёлок как пункт выхода армейского корпуса. Этот важнейший приказ стал известен только командованию альпийского армейского корпуса и дивизии «Тридентина»; связь была прервана, и приказ не дошел до командования дивизий «Юлия», «Кунеэнзе» и «Виченца».

Войска 24-го танкового корпуса немецкое командование снабжало с воздуха и координировало их отход. После начала марша у головы колонны приземлился немецкий самолёт связи «Storch». Лётчик передал генералу Наши сообщение армейского командования, в котором уточнялось, что место выхода установлено на перекрёстке 16 км юго-восточнее Нового Оскола и что Николаевку удерживает противник, её надо атаковать и пройти дальше.

Генерал Наши писал в своём докладе: «Я сообщил командованию 8-й армии о том, что по причине больших потерь в людях и материалах армейский корпус больше невозможно считать боеспособным. Я настаивал на том, чтобы осуществить снабжение воздушным путём, сбрасывая контейнеры. В воздухе летают разные немецкие самолёты, которые сбрасывают на парашютах питание и боеприпасы для немецких войск. А для наших нет ничего»[23].

В Николаевке 26 января 1943 г. колонна дивизии «Тридентина» и командования альпийского корпуса и 24-го немецкого танкового корпуса вели последний крупный бой. В это время образовался затор (около 40 тысяч человек) из отрядов дивизии «Тридентина» и отставших от своих частей солдат. Батальон «Вестоне» и остатки батальона «Вал Киезе» атаковали, смогли перейти через железную дорогу, но были уничтожены советскими войсками. Но этим воспользовались все войска колонны, которые бросились лавиной, сметая всё на своем пути. Советские войска отступили, и альпийцы, артиллеристы и сапёры заняли посёлок.

От Николаевки они шли под постоянным огнём пулемётов из советских самолётов, больше 40 км до с. Успенки и Лутовиново. 28 января колонна разделилась: подразделения дивизии «Тридентина» должны были повернуть на запад в с. Слоновку, а тысячи отставших от своих частей солдат и офицеров были посланы в хут. Ольхов. После того, как перешли ж.д. Валуйки – Касторное, остатки дивизии «Тридентина» в 20 час. остановились в Слоновке. На следующий день колонна во главе с генералами Наши и Ревербери дошла до хут. Бессараб.

30 января к 15 час. колонна пришла в с. Большетроицкое. Здесь генералы Наши и Ревербери были встречены подполковником Марио

Одассо из командования альпийского армейского корпуса. Он в первые дни отхода, пытаясь связаться с VII-м венгерским армейским корпусом, был отрезан от своих русским наступлением на хут. Постоялый и вынужден был повернуть на Харьков. Подполковник и офицеры, пришедшие из Харькова, сообщили оставшимся в живых из альпийского армейского корпуса о том, что они могут считать себя уже спасёнными[24].

В Большетроицком солдаты и офицеры других армий отделились от колонны. На этот момент в ней находилось только 20 тысяч итальянцев, из которых свыше 2 тысяч раненых и 5 тысяч обмороженных. 31 января к 9 час. генерал Итало Гарибольди приехал встречать оставшихся в живых альпийцев. В тот же день командование 8-й итальянской армии передало ответственность за участок немецкой группе «Ланц» и завершило всякие оперативные действия на Донском фронте.

Пленение остатков трёх дивизий «Кунеэнзе», «Юлия» и «Виченца» в районе Валуек произошло в два этапа, начиная с 26 января. Первым попал в ловушку батальон «Пиеве ди Теко» с командованием 156-й пехотной дивизии «Виченца». Сначала отряды казаков 7-го кавалерийского корпуса были приняты итальянцами за венгров[25].

Так командир пехотной дивизии генерал Э. Пасколини описал горький сюрприз в Валуйках: «Около 4 км от Валуек нас внезапно остановил огонь многочисленных пулемётов, хорошо расположенных напротив нас. Было 15 час. 26 января... Несколько минут спустя мы увидели позади нас длинную и густую колонну. "Отлично, – крикнули наши, – идут подкрепления!" – И все оживились. Очень скоро мы поняли, что это была вражеская колонна с кавалерией, моторизованной артиллерией и много тяжёлых и лёгких танков. Я рассчитал, что советские войска, тесно окруживших нас, состояли из одной дивизии. Солнце уже садилось. Трассирующие пули отлично выделили цель, которой явились мы. Представитель советского командования поставил ультиматум – сдаться в течение 30 минут, в случае отказа они бы подавили и уничтожили нас. В условиях сдачи было гарантировано: лечение раненых и больных, достойное обращение, возвращение в домой после войны... В итоге попало в плен со мной около 3 тысяч человек»[26].

Утром того же 26 января две колонны дивизии «Кунэензе» продолжили марш. Вечером колонна генерала Баттисти пришла к пос. Вороновка, откуда её обстреляли миномёты; потом авангард был атакован отрядами казаков, но батальон «Дронеро» контратаковал и заставил кавалерию отступить. На рассвете 27 января остатки авангардного батальона «Дронеро» повернули на север и остановились в с. Мандрово, где их взяли в плен партизаны. В это время остатки дивизии «Кунэензе» двигались вместе до Вороновки, где колонна снова разделилась на две части: эшелон генерала Э. Баттисти вместе с генералом

У. Риканьо и с командованием дивизии «Юлия» повернул на юго-запад в с. Рождествено, а эшелон полковника Манфреди пошёл в направлении Валуек. У железной дороги Валуйки – Николаевка первая колонна решила перейти линию маленькими группами. Они сразу были атакованы со всех сторон казаками, которые среди первых взяли в плен генерала Баттисти. Спустя некоторое время был взят в плен генерал Риканьо с командованием дивизии «Юлия». Всего в ходе боев на Верхнем Дону было уничтожено четыре итальянских дивизии, убиты 6 тысяч солдат, 36 тысяч 800 итальянцев попали в плен[27].

Местное население освобождённых районов с радостью встречало части Красной армии. Гитлеровцы считались наиболее жестокими, циничными и безжалостными оккупантами. Они олицетворяли собой те враждебные силы, тот Третий рейх, который развязал войну против СССР. Их сателлиты из Венгрии также оставили в Придонье о себе недобрую славу, в первую очередь, из-за той же жестокости. Из почти двух сотен актов о зверствах оккупационных войск, которые составлялись наступающими войсками Воронежского фронта в освобождённых населённых пунктах Воронежской области путём опроса свидетелей, – около 60% актов фиксировали зверства немцев, около 30% – венгров и всего несколько – итальянцев[28].

Наиболее типичная оценка оккупационных итальянских войск содержится в воспоминаниях А.В. Шпилевого, который шестнадцатилетним подростком пережил оккупацию в Павловском районе Воронежской области: «Итальянцы, как известно, не отличались особым рвением помогать в войне своим главным хозяевам – гитлеровцам. По рассказам жителей, находившихся под оккупацией на правобережье Дона, после прихода итальянцев жизнь их стала сносной. Почти полностью было исключено мародёрство.

Итальянские солдаты даже оказывали помощь в сельхозработах, а продукты питания, которых у них явно недоставало, обменивали у местных жителей на керосин, сигареты и другие вещи из воинского имущества. Да и воевали они больше по принуждению. Так, они, словно по строгому расписанию, вели артиллерийский или миномётный обстрел населённых пунктов левобережья в течение 5-10 минут утром, в обед и вечером. Остальное время – тишина. Жители, да и военные, к этому чёткому расписанию приспособились, уходили в блиндажи и другие укрытия. Разрушения и людские потери были минимальными»[29].

В ходе войны итальянцы, несомненно, стремились в документах отражать свое «гуманное» отношение к советским военнопленным. Очевидно, в отличие от немцев уже в 1942 г. после провала блицкрига они понимали, что СССР невозможно победить в затяжной войне и неизбежно наступит час расплаты за участие в агрессивной войне. Именно

этим объясняется наличие странного введения в пропагандистском итальянском фотоальбоме CSIR о концлагере для советских военнопленных в степях Придонья. В нем нескольким военнопленным было предложено подписаться под тем, что к ним «по-братски» относятся итальянцы, включая начальника лагеря полковника Бианки.

Что же касается 8-й итальянской армии, оборонявшейся на Дону, то она была обычной оккупационной армией со всеми соответствующими атрибутами. Коммунисты, политически неблагонадёжные, по их мнению, гражданские лица, направлялись в лагеря и репрессировались. Функционировали итальянские разведорганы, в советский тыл забрасывались агенты и диверсанты. Чернорубашечники относились к местному населению оккупированных территорий как к туземцам, применяя этот термин в официальных документах, очевидно помня об итальянском опыте боев в Африке.

На временно оккупированной территории СССР в годы Великой Отечественной войны итальянскими войсками были открыты 15 лагерей для советских военнопленных. Из них 7 в Украине и 8 в России: 5 лагерей в Ростовской области (Чертково, Каменск-Шахтинский, Мальчевская, Миллерово, Каржинская), 3 лагеря в Воронежской области (Кантемировка, Острогожск, Россошь). На Среднем и Верхнем Дону итальянские концлагеря находились рядом с немецкими и венгерскими, которые уже существовали в зоне развертывания ARMIR.

Командование 8-й армии так оценивало положение советских военнопленных в немецких лагерях: «В немецких концлагерях пленных держали в голоде, они были плохо одеты, не имели обуви. Отношение к ним было очень жестоким, никакого милосердия к слабым и больным, офицеры находились рядом с рядовыми, дневной паёк состоял только из одного приёма пищи и отвратительного супа, лишённого витаминов, необходимых не только для того, чтобы работать, а хотя бы для поддержания жизни. Сыпной тиф, брюшной тиф, дизентерия, холера уничтожают пленных в немецких лагерях, где условия жизни действительно невыносимые»[30].

На Верхнем Дону в итальянском секторе лагерь в Россоши находился под немецким командованием и после развёртывания альпийского корпуса. Названная Россошанской Ямой, эта структура располагалась на территории колхоза «Путь Ленина», в нескольких километрах от города – 3 га, окружённых колючей проволокой. Открытие концлагеря произошло 7 июля 1942 г., и до 20 ноября 1942 г. он находился под командованием офицеров гестапо и СД. С 20 ноября 1942 г. по 15 января 1943 г. лагерь находился под командованием Королевской армии. В момент передачи его итальянцам ситуация была следующая: «Не хватает туалетов, печей и топлива. Приспособленный для содержания

600 пленных, лагерь содержит 1153 человека, все в состоянии полного истощения, заражённые паразитами и в лохмотьях. Офицеры, младший офицерский состав, солдаты и дезертиры перемешаны, и ко всем относятся одинаково. В медпункте, где нет коек и матрасов, находятся 37 пленных, имеющих сильное обморожение конечностей. Гражданский врач приходит в медпункт на 1 час в день, но и у него не имеется никаких лекарств»[31].

Итальянцы так характеризовали обстановку в подконтрольных им лагерях для советских военнопленных накануне зимы 1942/43 г.: «Пленные встречают зиму в рваной одежде, которая может дать только относительную защиту от холода, лишённые обуви, без одеял, тёплой одежды. В связи с резким понижением температуры среди пленных начинаются случаи обморожения. Тогда Интендантская служба армии принимает радикальное решение: раздать пленным ношеную одежду, в любом состоянии, даже если она была роздана недавно итальянским солдатам, а затем взята у них и заменена на новую. Например, обычная шинель была заменена итальянцам на утеплённую. Таким образом, было роздано военнопленным: 1400 одеял, 4500 пар обуви, 4500 брюк, 9000 носков и портянок, 5500 фланелевых рубах, 5300 гимнастерок, 6500 вязаных жилетов, 3500 шинелей. На жилетах и шинелях в качестве отличительного знака были нарисованы белой краской буквы Р/П»[32].

Сохранились документы, характеризующие политику итальянских оккупационных властей в Придонье. В частности, один из них распространялся итальянцами среди гражданского населения и во время Острогожско-Россошанской операции попал в распоряжение советских войск. Это был приговор арестованным советским патриотам, вынесенный 5 декабря 1942 г. комендантом комендатуры тыла 8-й итальянской армии бригадным генералом Э. Пасколини. В документе говорилось, что одни приговаривались к расстрелу, другие – к каторжным работам от 10 до 20 лет. На обороте была приписка: «Настоящий документ снят со стены ремонтной мастерской 2-й Осиповки 20.01.1943 г. Инструктор политотдела 172-й стрелковой дивизии старший лейтенант Иванов»[33].

И в итальянской, и в немецкой, и в венгерской армиях были солдаты с «человеческим лицом», которые вспоминали оставленных на родине детей и жён; иногда давали русскому ребенку кусок хлеба, конфету или таблетку больному. Но это были исключения, которые не изменяли общего характера бесчеловечной оккупационной политики и зверств по отношению к военнопленным и населению временно оккупированных советских территорий.

И сегодня продолжаются споры о месте и роли войск сателлитов фашистской Германии в боях на советско-германском фронте. В частности, итальянское издание «Libero» разместило статью «Итальянцы

в России, герои в лохмотьях», в которой утверждалось: «Итальянские солдаты вели себя по-геройски, они не были трусами, как их описывают немецкая историография и воспоминания командиров вермахта»[34].

Но факт остается фактом. Познав «прелести нового порядка», местное население воспринимало и гитлеровцев, и союзные им войска как оккупантов. А оккупантов, как известно, хороших не бывает. С ними не дружат, их уничтожают, что и делали партизаны и подпольщики в Придонье. Что же касается поведения оккупантов в боях, то итог известен. Победитель – Красная армия.

После разгрома итальянского альпийского корпуса на Верхнем Дону на советско-германском фронте не осталось боеспособных частей ARMIR и в сентябре 1943 г. Италия вышла из войны.

Примечания

[1] См.: *Казаков М.И.* Над картой былых сражений. – М., 1971. – С. 142.
[2] Алексеев Иван Епифанович (1909–1943), советский военачальник. Гвардии полковник (1942). Герой Советского Союза (1943). В Красной армии с 1931 г. Командир 106-й танковой бригады (сентябрь 1942 – январь 1943). Погиб в боях за г. Россошь.
[3] Цит. по: *Морозов А.Я.* Россошь: Земли родной начало. – Воронеж, 2004. – С. 291.
[4] Cronache del genio alpino : 1935–1980. – Milano, 1981.
[5] Воспоминания об этом командира батальона «Монте Червино» см. : Giuseppe Lamberti alpino ribelle : 1911–1945. Una generazione tra cinque guerre / A cura di G. Bertone. – Torino, 2006. – P. 132.
[6] La divisione alpina «Cuneense» alla Fronte Russa : Relazione del comandante Emilio Battisti // Russia 1942–1943 : La parola ai reduci, per non dimenticare / A cura di R. Marengo ; contributi: di A. Buccolo. – Cuneo, 2002. – P. 254.
[7] Ibid.
[8] *Odasso M.* Col Corpo Alpino Italiano in Russia. – Cuneo, 1949. – P. 118.
[9] *Rasero A.* L'eroica Cuneense : Storia della Divisione Alpina martire . – Milano, 1985. – P. 355.
[10] Ibid. – P. 354.
[11] *Odasso M.* Op. cit. – P. 121–124.
[12] La divisione alpina «Cuneense» alla Fronte Russa... – P. 261.
[13] *Rasero A.* L'eroica Cuneense... – P. 360–361.
[14] *Rasero A.* Tridentina avanti! : Storia di una divisione alpina. – Milano, 1982. – P. 418.
[15] *Faldella E.* Storia delle Truppe Alpine : 1872-1972: Vol. 2.– Milano, 1972.
[16] *Bedeschi G.* Centomila gavette di ghiaccio. – Milano, 1994. – P. 293–294.
[17] *Bedeschi G.* Op. cit. – P. 299.
[18] La divisione alpina «Cuneense» alla Fronte Russa...– P. 256.
[19] *Bedeschi G.* Fronte russo : C'ero anch'io. – Milano, 1982. – P. 299–300.
[20] *Corradi E.* La ritirata di Russia. –
[21] La divisione alpina «Cuneense» alla Fronte Russa...– P. 261.
[22] *Rasero A.* Tridentina avanti!... – P. 428.
[23] Ibid. – P. 468.
[24] *Rasero A.* L'eroica Cuneense... – P. 434.
[25] La divisione alpina «Cuneense» alla Fronte Russa... – P. 260.
[26] Arhivio Ufficio Storico dello Stato Maggiore dell'Esercito Italiano (AUSSME) (Архив исторического бюро Генштаба итальянской армии). Diaro Storico. Allegato n. 1126. P. 5.

[27] Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). – Ф. 203. Оп. 2874. Д. 41. Л. 14.
[28] Там же. Ф. 203. Оп. 2847. Д. 61.
[29] Цит. по: Достоверный человек : Воспоминания, рассказы / [Сост.: Г.А. Шпилевая, А.В. Скобелев, Н.С. Мартыненко]. – Воронеж, 2010. – С. 33.
[30] AUSSME. DS II 1560/1. P. 6, 7.
[31] AUSSME. DS II 1560/1. P. 17.
[32] AUSSME. DS II 1560/1. P. 1.
[33] ЦАМО РФ. – Ф. 32 Оп. 11304 Д. 111 Л. 55 (об).
[34] См.: Итальянцы России, герои в лохмотьях [электрон. ресурс] // http:// www.inosmi.ru/world/20081202/245779-print.html

РАЗДЕЛ 2

Противоборство Ставок на советско-германском фронте в сражении за стратегическую инициативу

Арцыбашев Валерий Александрович,
кандидат исторических наук,
Главархив Москвы

Разгром вооружённых сил Германии и её союзников под Сталинградом в ноябре 1942 г. – начале февраля 1943 г. привёл к резкому изменению обстановки на южном участке советско-германского фронта. На завершающем этапе Сталинградской битвы Красной армии удалось не только окружить и уничтожить 330-тысячную группировку противника, прорвавшуюся к Волге, но и захватить стратегическую инициативу, удержание которой являлось важной предпосылкой для освобождения экономически значимых районов на юге Советского Союза[1].

В этих условиях перед германским руководством возникла неотложная задача по пересмотру всей военной политики и стратегии. Необходимо было не только срочно стабилизировать рухнувший южный участок Восточного фронта, удержать захваченные советские территории и перехватить стратегическую инициативу у Красной армии, но и принять верные решения, как дальше вести затяжную войну против антигитлеровской коалиции, сохранить позиции стран оси в Северной Африке, Средиземноморье и на Балканах, не допустить вторжения англо-американских войск в Европу и, в конечном итоге, добиться полной победы[2]. Следует, однако, отметить, что именно в начале 1943 г., после крупных поражений вермахта на юге СССР, со всей очевидностью обнаружилось явное несоответствие потенциальных возможностей Третьего рейха не только общим, но и даже частным военно-политическим целям, которых стремилось достичь германское руководство[3]. Тем не менее, Адольф Гитлер и его окружение всё ещё не теряли надежд на то, чтобы в 1943 г., взяв реванш за катастрофу в районе Сталинграда, преодолеть обострившийся кризис внутри фашистского блока и, укрепив стратегические позиции на всех театрах военных действий, изменить ход вооружённой борьбы в пользу Германии и её союзников.

Ещё 10 января 1943 г., находясь в ставке под Растенбургом[4], Гитлер изложил свои взгляды на дальнейшее ведение мировой войны,

согласованные с германским генералитетом. Основную задачу Третьего рейха на современном этапе борьбы нацистский лидер видел уже не в завоевании жизненного пространства, а в недопущении доминирования Советского Союза в Европе и в защите её от коммунистической угрозы. В своём выступлении Гитлер, в частности, заявил, что «если Германия на Западе или Германия и её союзники на Юге и Востоке будут разбиты, результат будет одинаковым: англосаксы в любом случае станут победителями лишь теоретически, ибо при поражении стран оси и их союзников Россия на всём континенте станет настолько сильной, что англосаксы потеряют здесь всякое влияние»[5]. Вот почему Верховный главнокомандующий вермахта настаивал на том, что если в условиях угрозы большевизма, идущей с Востока, Германия и её союзники будут вынуждены продолжать борьбу, то это будет борьба за существование европейской цивилизации, а не война за овладение территориями. Тем, кто слушал выступление Гитлера, было ясно, что фюрер не намерен капитулировать ни при каких обстоятельствах и готов сражаться с крайним напряжением сил немецкого народа до победного конца[6].

По сути, эта речь германского канцлера предопределила дальнейшие действия правительства Третьего рейха. Уже 13 января 1943 г. был издан указ «О всеобщем использовании мужчин и женщин для обороны империи», в соответствии с которым началось проведение новых мобилизаций рабочей силы[7]. Спустя месяц, 18 февраля 1943 г., имперский министр народного просвещения и пропаганды Й. Геббельс, выступая в берлинском Дворце спорта, призвал весь немецкий народ к тотальной войне. В заключение своей речи Геббельс особо подчеркнул, что в настоящий момент «[германская] нация готова ко всему. Фюрер приказал, мы следуем за ним. В этот час национального осмысления и внутреннего подъёма мы ещё вернее и нерушимее будем верить в победу. Мы видим победу в осязаемой близи, нам надо только протянуть руку и схватить её. Мы должны найти в себе решимость поставить на службу ей абсолютно всё. Таково веление времени. А потому наш лозунг: "Вставай, народ, да грянет буря!"»[8]. Главный же итог всех чрезвычайных мер, осуществлённых нацистскими властями в первые месяцы 1943 г., состоял в том, что им удалось в значительной степени восполнить потери, понесённые вермахтом на Восточном фронте, и обеспечить приток рабочих рук в военную промышленность Германии[9].

Для Советского Союза военно-политическая обстановка зимой 1943 г., хотя и оставалась довольно сложной, но всё же была более благоприятной, чем для его противников. Учитывая успехи Красной армии под Сталинградом, Ставка Верховного главнокомандования приняла решение развернуть общее наступление на всём советско-германском фронте – от Ладожского озера до предгорий Кавказа[10]. Причём основные усилия предусматривалось сосредоточить на юго-западном

направлении, где вражеским армиям уже было нанесено тяжёлое поражение и где складывались наиболее выгодные условия для дальнейших действий по освобождению важных экономических районов СССР. Именно на этом стратегическом направлении советские войска должны были разгромить соединения из состава трёх немецких групп армий[11] и освободить Харьковский промышленный район, Донецкий бассейн, а также Северный Кавказ. Кроме того, нанести серьёзные поражения вермахту намечалось и на других стратегических направлениях – северо-западном и западном[12].

В первом квартале 1943 г. советские вооружённые силы, помимо ликвидации окружённой под Сталинградом группировки противника[13], провели три стратегические наступательные операции (Северо-Кавказскую, по прорыву блокады Ленинграда и Воронежско-Харьковскую), которые оказали огромное влияние на дальнейший ход Великой Отечественной войны.

Наиболее успешно войска Красной армии действовали на юго-западном направлении. Здесь 13 января 1943 г. началась Воронежско-Харьковская стратегическая наступательная операция, в рамках которой был проведён ряд последовательных и взаимосвязанных операций с целью разгрома крупных группировок врага и освобождения важных экономических районов.

Первоначально советские войска предприняли масштабное наступление на Верхнем Дону, где, по замыслу Ставки ВГК, силам Воронежского фронта во взаимодействии с фланговыми армиями Брянского и Юго-Западного фронтов[14] предстояло окружить и уничтожить противника по частям: сначала в районе Острогожска и Россоши, а затем в районе Воронежа и поселка Касторное (Курской обл.). Такое решение советского Верховного главнокомандования объяснялось тем, что острогожско-россошанская группировка противника была наименее боеспособной, и её ликвидация не только позволяла создать благоприятные условия для окружения и разгрома другой – воронежско-касторненской – вражеской группировки, но и в дальнейшем давала возможность начать наступление непосредственно на Харьков, крупнейший промышленный и административный центр в восточной части Украины[15]. В результате мощных ударов советских войск на Верхнем Дону в январе – начале февраля 1943 г. было окружено и уничтожено большое количество вражеских дивизий, что привело к существенному ослаблению немецкой группы армий «Б». Её остатки были отброшены на запад, в результате чего в немецкой обороне от Ливен до Купянска образовалась брешь шириной более 400 км. Таким образом, Ставкой ВГК были созданы благоприятные условия для дальнейших действий советских войск на курском и харьковском направлениях[16]. Одновременно с этим армии Юго-Западного фронта к концу января 1943 г. вышли

к нижнему течению реки Северский Донец и захватили плацдарм на её правом берегу, а войска Южного фронта[17] достигли нижнего течения Дона. Главные силы немецкой группы армий «Дон» попали в очень тяжёлое положение, поскольку оказались охваченными советскими войсками с севера и юга[18].

Успехи, достигнутые Красной армией на юго-западном стратегическом направлении к началу февраля 1943 г., побудили Ставку ВГК к развёртыванию наступательных операций с целью освобождения Харьковского промышленного района, Донбасса и выхода войск на реку Днепр[19]. Все эти операции в сочетании с наступлением частей Красной армии на Северном Кавказе, по мнению советского военного руководства, должны были привести к полному крушению всего южного крыла стратегического фронта противника[20].

Выполняя задачи, поставленные Ставкой ВГК, войска Воронежского фронта во взаимодействии с частью сил Юго-Западного фронта 2 февраля 1943 г. начали операцию «Звезда» с целью завершения разгрома немецкой группы армий «Б» и освобождения Харьковского промышленного района. В ходе ожесточённых боев советским войскам удалось сломить сопротивление противника и продвинуться на 100–260 км. Под мощным натиском Красной армии германские войска вынуждены были отступать, оставив 8 февраля Курск, а на следующий день – Белгород. Обстановка для немцев на этом участке Восточного фронта была критической. 14 февраля 1943 г. группа армий «Б» под командованием генерал-фельдмаршала М. фон Вейхса перестала существовать (её уцелевшие части были переданы другим оперативно-стратегическим объединениям сухопутных сил вермахта), а 16 февраля советские войска освободили Харьков[21].

Одновременно с развёртыванием наступательных действий на харьковском направлении основные силы Юго-Западного и правое крыло Южного фронтов, в соответствии с планами Верховного главнокомандования, проводили операцию «Скачок» с целью разгрома немецкой группы армий «Дон» и освобождения Донбасса, главной угольно-металлургической базы страны. Эта операция началась ещё 29 января 1943 г. и в дальнейшем развивалась вполне успешно. В ходе её проведения советские войска смогли к середине февраля нанести тяжёлое поражение отборным соединениям вермахта и, продвинувшись на 150–300 км, освободить от врага северо-восточную часть Донбасса[22]. В директиве Ставки ВГК от 11 февраля 1943 г. командующему войсками Юго-Западного фронта генерал-полковнику Н.Ф. Ватутину была поставлена задача не допустить «отхода противника в сторону Днепропетровска и Запорожья и принять все меры к тому, чтобы зажать донецкую группу противника в Крыму, закупорить проходы через Перекоп и Сиваш и изолировать её таким образом от остальных

войск противника на Украине»[23]. Спустя несколько дней, 14 февраля, основные силы Южного фронта освободили Ростов-на-Дону и затем вышли к реке Миус, что также имело большое значение в дальнейшей борьбе за Донбасс[24].

После капитуляции немецких войск под Сталинградом успешные действия Красной армии в наступательных операциях «Звезда» и «Скачок» могли в конечном итоге привести вермахт к новой крупной катастрофе на южном участке Восточного фронта. В этих условиях германское Верховное главнокомандование было вынуждено принимать срочные меры по спасению положения и сохранению за собой важных экономических районов на юге СССР.

Особое значение Гитлер и его окружение придавали Донбассу как крупной угольно-металлургической базе. Ещё 1 февраля 1943 г. на совещании в ставке Верховный главнокомандующий вермахта, исходя из экономических соображений, заявил, что оставление Донбасса невозможно и его необходимо «удержать при любых обстоятельствах»[25].

Учитывая обстановку, сложившуюся к середине февраля на южном участке Восточного фронта, германское командование приступило к срочной подготовке контрнаступления в Донбассе и на харьковском направлении с тем, чтобы остановить дальнейшее продвижение Красной армии и попытаться вернуть утраченную стратегическую инициативу. Все эти задачи возлагались на группу армий «Юг» под командованием генерал-фельдмаршала Э. фон Манштейна, которая была создана 13 февраля 1943 г. на базе группы армий «Дон» и усилена путём перегруппировок и переброски войск из Западной Европы[26].

Своё контрнаступление немцы намечали провести в три этапа. На первом из них планировалось разгромить войска правого крыла Юго-Западного фронта и отбросить их за реку Северский Донец; на втором этапе после перегруппировки главных сил в район юго-западнее Харькова – нанести удар по войскам Воронежского фронта и снова овладеть Харьковом и Белгородом; в дальнейшем, на третьем этапе[27], группам армий «Юг» и «Центр»[28] предстояло, развивая наступление на Курск с юга и севера, окружить, а затем уничтожить войска Воронежского и Центрального[29] фронтов[30].

Советское Верховное главнокомандование в середине февраля 1943 г. полагало, что противник на южном крыле советско-германского фронта практически уже разбит, поэтому совершенно не ожидало каких-либо ответных действий наступательного характера со стороны войск фельдмаршала Манштейна[31]. Более того, поведение немцев к югу от Воронежа и до Чёрного моря расценивалось не только Ставкой ВГК, но и командующими фронтами как вынужденное оставление Донбасса и общий отход за Днепр. Исходя из такой неверной оценки обстановки, советское командование требовало от войск продолжать наступление

(несмотря на понесённые ими потери, перебои в снабжении и отсутствие резервов) для того, чтобы выйти к Днепру ещё до начала весенней распутицы и не дать противнику возможности прочно закрепиться на правом берегу реки[32].

19 февраля 1943 г. советские войска, ослабленные в предыдущих боях, но всё ещё продолжавшие стремительно продвигаться к Днепру, неожиданно подверглись мощным контрударам противника. Приступив к реализации замыслов командования, немецкая группа армий «Юг» в ходе ожесточённых сражений, принявших встречный характер, смогла к концу месяца отбросить соединения Юго-Западного фронта за реку Северский Донец и вновь захватить северо-восточную часть Донбасса. Немцам по существу удалось выполнить задачи первого этапа контрнаступления[33]. 4 марта 1943 г. противник, перегруппировав основную массу своих войск в район юго-западнее Харькова, перенёс боевые действия в полосу Воронежского фронта. Не выдержав мощных ударов врага на харьковском направлении, части Красной армии вынуждены были начать отход[34]. Советское Верховное главнокомандование хорошо понимало опасность прорыва войск Манштейна с этого направления к Курску (куда, кстати, нацеливала свой удар с севера – из района Орла – и группа армий «Центр»), поэтому оно попыталось повлиять на результаты сражения за Харьков, передав в распоряжение командующего Воронежским фронтом[35] дополнительные силы. Однако дальнейшие события развивались для советских войск неблагоприятно: 15 марта 1943 г. немцы вновь овладели Харьковом, а спустя четыре дня – Белгородом. Вместе с тем соединениям Воронежского фронта всё же удалось избежать окружения на харьковском направлении и в последней декаде марта стабилизировать положение, приступив к организации позиционной обороны[36]. Захватив снова Харьков и Белгород, группа армий «Юг» выполнила задачи второго этапа немецкого контрнаступления, которое после этого фактически завершилось. Приступить к выполнению основной задачи его третьего этапа – уничтожению группировки Красной армии в районе Курска – германские войска уже не смогли, поскольку, как свидетельствует фельдмаршал Манштейн, исчерпали свои наступательные возможности[37].

В современной историографии контрнаступлению группы армий «Юг», проведённому в феврале – марте 1943 г., нередко придается преувеличенное значение как одному из переломных событий в ходе военных действий на Восточном фронте. Безусловно, вермахту удалось свести к минимуму успехи советских войск на Левобережной Украине, но это не привело ни к утере Красной армией стратегической инициативы, ни к решающему перелому в войне между Германией и СССР. «Немецкий Сталинград», на который в ставке Гитлера возлагали большие надежды, не получился. Советские войска сумели сдержать натиск

врага и временно перешли к обороне, сохранив при этом инициативу действий за собой[38]. Вот почему контрнаступление Манштейна не стоит переоценивать. Наоборот, можно говорить о том, что первая попытка вермахта в 1943 г. взять реванш за Сталинград и перехватить стратегическую инициативу у Красной армии оказалась довольно неудачной.

С 27 марта 1943 г. активные боевые действия на всем протяжении советско-германского фронта (за исключением Кубани) фактически прекратились. Наступила трёхмесячная стратегическая пауза, которая была использована обеими сторонами для всесторонней подготовки к летним сражениям.

Весной 1943 г. германское руководство, в условиях продолжавшегося в фашистском блоке кризиса, не оставляло надежд на то, чтобы найти новые пути к достижению победы во Второй мировой войне. Наиболее важные решения вырабатывались, как и в прошедшие годы, в обстановке напряжённой борьбы мнений.

Верховное главнокомандование вооружённых сил (ОКВ) было убеждено, что на Восточном фронте больше нельзя добиться решающих стратегических успехов, и считало, что центр усилий необходимо теперь перенести на Средиземноморский театр военных действий, чтобы воспрепятствовать возможному вторжению англо-американских войск на юг Европейского континента. Немцам важно было удержать Италию от выхода из войны и продемонстрировать как врагам, так и союзникам несокрушимость «крепости Европа», тем самым создав предпосылки для примирения с западными державами[39]. Мнение ОКВ разделяли представители Главного командования военно-морских сил (ОКМ). Премьер-министр Италии Б. Муссолини также являлся сторонником «средиземноморского» плана и даже предлагал попытаться заключить с Советским Союзом временное перемирие, чтобы полностью сосредоточиться на войне против Великобритании и США[40].

Напротив, Генеральный штаб сухопутных войск (ОКХ) считал, что прежде чем переносить центр военных усилий в бассейн Средиземного моря и в Западную Европу (в случае вторжения англо-американских войск на континент), необходимо сначала нанести сильный удар на Восточном фронте с целью подрыва наступательной мощи Красной армии и лишения её способности вести активные действия. Эту точку зрения поддерживали генералы, воевавшие на Востоке, к ней же склонялся и сам Гитлер[41].

С весны 1943 г., в условиях возможного вторжения англо-американских войск в Европу и бескомпромиссной борьбы на Восточном фронте, стратеги Третьего рейха осознали необходимость использования «принципа маятника», который предусматривал ведение позиционной обороны на одном театре военных действий и решительные удары

по врагу на другом, с последующим перенесением усилий на первый. Именно так действовали германские вооружённые силы в 1914–1917 гг., одновременно сражаясь с англо-французскими войсками на Западе и с русской императорской армией на Востоке. По мнению немецких генералов времен Второй мировой войны, последовательное сосредоточение основных усилий на различных театрах военных действий могло привести к поражению каждого из противников Германии, расколу антигитлеровской коалиции и достижению приемлемых условий мира[42].

Выбор Гитлером и его генштабистами Восточного фронта в качестве основного фронта борьбы в предстоящей летней кампании был обусловлен тем, что германские военные руководители учитывали и отсутствие какой-либо серьёзной помощи Советскому Союзу со стороны его англо-американских партнёров. Действительно, ещё в январе 1943 г. на конференции в Касабланке представители США и Великобритании, рассматривая совместный план дальнейшего ведения военных действий, отказались от возможности открыть в ближайшие месяцы второй фронт в Западной Европе для ускорения победы над Германией и приняли средиземноморскую стратегию, в соответствии с которой намечалось путём вторжения на Сицилию вывести из войны фашистскую Италию. Таким образом, вновь оставив СССР воевать один на один с Третьим рейхом, англо-американские союзники в 1943 г. продолжали свою политику истощения сторон, противоборствующих на советско-германском фронте[43].

Определив, что главные события предстоящей летней кампании должны развернуться именно на Востоке, руководство вермахта приступило к рассмотрению различных вариантов действий на территории СССР. В частности, командующий группой армий «Юг» генерал-фельдмаршал Э. фон Манштейн, считая, что противник летом 1943 г. вновь попытается овладеть Донбассом, предложил намеренно отвести южное крыло своей группы до линии Мелитополь – Днепропетровск, а на её северном крыле подготовить удар в направлении Азовского моря, чтобы разгромить наступающие через Донбасс на нижний Днепр советские войска[44]. Начальник Генерального штаба сухопутных войск генерал пехоты К. Цейтцлер поддерживал Э. фон Манштейна, также выступая за маневренные действия, но при этом считал целесообразным ограничить их ведение линией рек Западная Двина – Березина – Днепр, после чего укрепить и прочно удерживать этот рубеж (т.н. «Восточный вал») как опору немецкой обороны на Востоке. Однако Гитлер, исходя из экономических и политических соображений, запретил оставлять какие-либо территории, особенно Донбасс[45].

В конечном итоге, после тщательного рассмотрения всех вариантов действий, германское командование предпочло вернуться к тем идеям, которые намечалось реализовать ещё на третьем – завершающем

– этапе зимнего контрнаступления. Было решено разгромить силами групп армий «Центр» и «Юг» крупную группировку советских войск в районе Курска, где в результате операций, проведённых зимой 1943 г., в центре советско-германского фронта образовался выступ, глубоко врезавшийся в немецкую оборону. Значение Курского выступа заключалось в том, что сосредоточенные здесь войска двух советских фронтов (Центрального и Воронежского) не только сковывали орловскую и белгородско-харьковскую группировки вермахта, но и представляли для них серьёзную опасность. С другой стороны, немецкие войска, владея Орловским и Белгородско-Харьковским плацдармами, также реально угрожали с севера и юга частям Красной армии, находившимся в районе Курска. Пока существовал Курский выступ, для противоборствующих сторон было довольно рискованно предпринимать какие-либо активные действия на других участках советско-германского фронта[46].

В окончательном виде замысел немецкого наступления на курском направлении оформился к 15 апреля 1943 г. В этот день Гитлер подписал оперативный приказ № 6, в соответствии с которым группам армий «Центр» и «Юг» предстояло, как только позволят условия погоды, провести наступательную операцию «Цитадель». Её основная цель, согласно приказу, заключалась в том, чтобы «сосредоточенным ударом, проведённым решительно и быстро силами одной ударной армии из района Белгорода и другой – из района южнее Орла, путём концентрического наступления окружить находящиеся в районе Курска войска противника и уничтожить их»[47]. В приказе особо подчёркивалось, что «этому наступлению придается решающее значение. Оно должно завершиться быстрым и решающим успехом. Наступление должно дать в наши руки инициативу на весну и лето текущего года. В связи с этим все подготовительные мероприятия необходимо провести с величайшей тщательностью и энергией. [...] Каждый командир, каждый рядовой солдат обязан проникнуться сознанием решающего значения этого наступления. Победа под Курском должна стать факелом для всего мира»[48].

Смысл процитированного выше текста, отражающего точку зрения Гитлера, даёт основание сделать вывод о том, что германское Верховное главнокомандование, очевидно, не считало результаты зимнего контрнаступления Э. фон Манштейна стратегическим достижением и свидетельством решительного перелома в ходе военных действий в пользу немецких войск[49]. Поэтому об операции «Цитадель» можно говорить как о второй в 1943 г. попытке вермахта взять реванш за прошлые поражения и перехватить у Красной армии стратегическую инициативу.

Интересно отметить, что германское Верховное главнокомандование, планируя ведение военных действий на Востоке летом 1943 г., полагало, что оно может подготовить наступление только на одном узком участке – в районе Курской дуги, поскольку для вермахта наступать

на всём советско-германском фронте или на одном из его стратегических направлений (как в 1941 и 1942 гг.) было уже не под силу[50]. Во многом это напоминало события Первой мировой войны, когда спустя два года после её начала, в 1916-м, немецкое командование, признавая, что у Германии уже нет возможностей для ведения широкого наступления, приняло решение захватить стратегическую инициативу путём нанесения мощного удара на узком участке Западного фронта – в районе Верденского выступа, падение которого, по мнению германских стратегов, могло привести к крушению всей французской обороны[51].

В 1943 г. немецкие генералы рассуждали примерно так же. По их расчётам, разгром противника на Курской дуге должен был резко ослабить всё южное крыло советского стратегического фронта, вырвать инициативу из рук Красной армии, изменить соотношение сил в пользу вермахта и, более того, в дальнейшем мог открыть новые возможности для развёртывания крупных наступательных действий на наиболее важных направлениях[52]. В частности, после успешного завершения операции «Цитадель» германское Верховное главнокомандование не исключало нанесения мощного удара в тыл Юго-Западного фронта, а затем наступления в северо-восточном направлении с целью выхода в глубокий тыл центральной группировке Красной армии и создания угрозы Москве. Помимо этого, намечались активные действия германских войск в районе Ленинграда[53]. Таким образом, в планах немецких стратегов на лето 1943 г. разгром частей Красной армии в районе Курского выступа занимал центральное место.

Советское Верховное главнокомандование, основываясь на тщательном анализе военно-политической обстановки и учитывая возросшие экономические возможности СССР, было убеждено в том, что в предстоящей летне-осенней кампании 1943 г. Красная армия, владея стратегической инициативой и имея общее превосходство в силах и средствах над вермахтом, способна нанести врагу новые крупные поражения. По-прежнему наиболее целесообразным считалось нанесение удара на юго-западном стратегическом направлении с целью разгрома немецкой группы армий «Юг» и освобождения Донбасса, а также сельскохозяйственных областей Левобережной Украины. Другой мощный удар был крайне необходим на западном направлении, где вражеская группа армий «Центр» всё ещё угрожала Москве и всему центральному промышленному району страны[54].

Особенность планирования летне-осенней кампании 1943 г. заключалось в том, что оно осуществлялось совместными усилиями Ставки ВГК, Генерального штаба Красной армии и командования фронтовых объединений[55]. Важнейшим вопросом, который нужно было решить к началу летних сражений, являлся вопрос о том, стоит ли советским войскам первыми переходить в наступление или же более целесообраз-

но дать противнику возможность нанести в районе Курского выступа удар, отразить его и переходом в контрнаступление довершить разгром вражеских группировок, что в дальнейшем позволило бы развернуть общее наступление на ряде стратегических направлений, и прежде всего, на юго-западном[56]. Именно этот вопрос оказался в центре внимания большого круга лиц.

8 апреля 1943 г. находившийся в районе Курской дуги представитель Ставки маршал Г.К. Жуков, после детального изучения обстановки, направил на имя И.В. Сталина доклад, в котором изложил свое видение возможных действий германских войск в ближайшие месяцы. В этом докладе подчёркивалось, что «противник, понеся большие потери в зимней кампании 42/43 г., видимо, не сумеет создать к весне большие резервы для того, чтобы вновь предпринять наступление для захвата Кавказа и выхода на Волгу в целях глубокого обхода Москвы. Ввиду ограниченности крупных резервов противник вынужден будет весной и в первой половине лета 1943 г. развернуть свои наступательные действия на более узком фронте и решать задачу строго по этапам, имея основной целью кампании захват Москвы»[57]. Далее Жуков писал: «Исходя из наличия в данный момент группировок против наших Центрального, Воронежского и Юго-Западного фронтов, я считаю, что главные наступательные операции противник развернёт против этих трёх фронтов [...]. Видимо, на первом этапе противник, собрав максимум своих сил, в том числе до 13–15 танковых дивизий, при поддержке большого количества авиации нанесёт удар своей орловско-кромской группировкой в обход Курска с северо-востока и белгородско-харьковской группировкой в обход Курска с юга-востока»[58].

Высказав свои соображения по поводу возможных действий противоборствующих на советско-германском фронте сторон, Маршал Советского Союза Г.К. Жуков сделал следующий вывод: «Переход наших войск в наступление в ближайшие дни в целях упреждения противника считаю нецелесообразным. Лучше будет, если мы измотаем противника на нашей обороне, выбьем его танки, а затем, введя свежие резервы, переходом в общее наступление окончательно добьём основную группировку противника»[59].

Этого же мнения придерживались представитель Ставки ВГК маршал артиллерии Н.Н. Воронов и начальник Генерального штаба Красной армии Маршал Советского Союза А.М. Василевский[60].

10 апреля 1943 г. И.В. Сталин поручил Генштабу выяснить точку зрения командующих фронтами относительно возможного характера действий и вероятного направления ударов вермахта, а также подготовить специальное совещание для обсуждения плана летне-осенней кампании. Спустя некоторое время в Москву поступили документы, в которых командование Центрального и Воронежского фронтов

выражало твёрдую уверенность в том, что немцы в ближайшие месяцы предпримут наступление именно на курском направлении[61]. При этом, однако, штаб Центрального фронта считал возможным и необходимым упредить противника и нанести удар с целью разгрома его орловской группировки (ещё до того, как она подготовится к наступлению), а командование и штаб Воронежского фронта высказались за преднамеренную оборону[62].

12 апреля 1943 г. в Ставке ВГК состоялось совещание, участники которого на основе тщательного анализа обстановки с учётом информации, поступавшей от советской разведки, пришли к общему выводу о том, что наиболее вероятной целью летнего наступления вермахта будет окружение и уничтожение главных сил Центрального и Воронежского фронтов в районе Курского выступа. При этом было принято предварительное решение, используя сильные стороны заблаговременно подготовленной обороны, существенно ослабить в оборонительных сражениях ударные группировки противника и тем самым создать благоприятные условия для перехода Красной армии в контрнаступление, а затем в общее наступление с нанесением главного удара на юго-западном стратегическом направлении. Этот вариант плана предстоящей летне-осенней кампании считался основным, в то же время участники совещания не исключали и другой вариант – начало активных действий советских войск, если немцы отложат наступление в районе Курска на длительный срок[63].

В отличие от битв под Москвой и Сталинградом переход Красной армии к обороне на Курской дуге носил не вынужденный, а преднамеренный характер. При наличии общего превосходства в силах и средствах советские войска сохраняли за собой стратегическую инициативу. Решение о преднамеренной обороне было принято, как уже отмечалось, 12 апреля 1943 г., то есть за три дня до подписания Гитлером оперативного приказа № 6. И это свидетельствовало о способности Ставки ВГК глубоко проникать в замыслы противника и правильно подходить к выбору наиболее целесообразных видов военных действий[64].

Чтобы успешно противостоять ударным группировкам вермахта, на северном и южном фасах Курского выступа в апреле – июне 1943 г. была создана глубоко эшелонированная оборона. С учетом государственного оборонительного рубежа по левому берегу Дона общая глубина инженерного оборудования местности достигала 300 км[65].

На северном фасе Курского выступа наступление противника должны были отразить войска Центрального фронта (командующий: генерал армии К.К. Рокоссовский), а на южном – войска Воронежского фронта (командующий: генерал армии Н.Ф. Ватутин). Кроме того, восточнее Курска сосредоточивались крупные резервы Ставки ВГК, объединённые впоследствии в Степной фронт под командованием генерал-

полковника И.С. Конева. Их основная задача заключалась в том, чтобы предотвратить глубокие прорывы врага со стороны Орла и Белгорода, а при переходе Красной армии в контрнаступление нарастить силу удара из глубины[66].

Необходимо отметить, что немцы знали о том, что советские войска приступили к укреплению своей обороны в районе Курского выступа, хотя вражеской разведке всё же не удалось выявить точное расположение армий Центрального и Воронежского фронтов и, что самое важное, сосредоточение крупных стратегических резервов восточнее Курска[67].

Казалось бы, германское командование, получив информацию об усилении обороны советских войск на Курской дуге, будет стремиться как можно скорее приступить к проведению операции «Цитадель», чтобы избежать лишних потерь. Но Гитлер колебался, определяя точные сроки начала наступления. Это было связано не столько с погодными условиями и необходимостью пополнить войска вермахта новейшей боевой техникой, сколько с исключительно неблагоприятными для Германии и Италии событиями в Северной Африке и на Средиземном море. 4 мая 1943 г. на совещании в ставке Гитлер предложил отложить начало операции «Цитадель» до тех пор, пока не станет ясным, сможет ли Италия продолжать участие в войне и насколько вероятна в ближайшее время возможность вторжения англо-американских войск на Апеннинский полуостров или на Балканы. Против отсрочки наступления в районе Курска выступили ОКХ, руководство военно-воздушных сил, а также командующие группами армий «Юг» и «Центр», мотивируя свои возражения тем, что отсрочка, в конечном счете, приведёт к значительному усилению обороны противника на Курской дуге и утере момента внезапности. Но Гитлер всё же настоял на своём и отложил начало операции «Цитадель» на неопределённый срок[68].

Капитуляция крупной группировки немецко-итальянских войск в Тунисе в середине мая 1943 г. и ставшая в связи с этим вполне реальной угроза вторжения союзников в Италию усилили колебания германского Верховного главнокомандования. Штаб оперативного руководства ОКВ предложил вообще отказаться от проведения операции «Цитадель» и перебросить часть войск с Восточного фронта на Апеннинский полуостров. Но поскольку в начале лета выяснилось, что Италия намерена продолжать войну против стран антигитлеровской коалиции, Гитлер 18 июня принял окончательное решение о проведении крупного наступления в районе Курского выступа. 21 июня 1943 г. срок начала операции «Цитадель» был назначен на 3 июля, однако позднее перенесён ещё на два дня[69].

Советское Верховное главнокомандование внимательно следило за развитием событий и трижды – 8 мая, 20 мая и 2 июля 1943 г. – отдавало необходимые распоряжения фронтам, предупреждая их

о сроках возможного наступления германских войск в районе Курской дуги[70]. Как уже отмечалось, Гитлер в течение долгого времени не решался начать операцию «Цитадель», поэтому командующий войсками Воронежского фронта генерал армии Н.Ф. Ватутин, склоняясь к мысли о том, что немцы вообще намерены отказаться от наступления под Курском, неоднократно обращался в Ставку с просьбой рассмотреть вопрос о целесообразности нанесения упреждающего удара. Предложения Ватутина были довольно заманчивыми, однако Генеральный штаб Красной армии в июне 1943 г. всё же смог окончательно убедить И.В. Сталина в необходимости оборонительных действий на первом этапе Курской битвы[71]. Примерно в это же время была в целом завершена разработка планов контрнаступления советских войск в районе Курска, а затем последовательно спланированы дальнейшие наступательные операции Красной армии на западном и юго-западном стратегических направлениях[72].

На рассвете 5 июля 1943 г. началась грандиозная по своим масштабам Курская битва. Однако её начало оказалось вовсе не таким, как того ожидали в ставке вермахта. Германские войска перешли в наступление не в условленное время, а с некоторым опозданием, поскольку советское командование, располагая данными о намерениях противника, распорядилось провести артиллерийскую и авиационную контрподготовку с целью ослабления первоначального удара основных наступательных группировок вермахта[73]. В итоге момент внезапности немецкими войсками был утерян, так как им потребовалось несколько часов, чтобы восстановить нарушенное управление войсками и дезорганизованную систему артиллерийского огня. Более того, начав наступление на северном и южном фасах Курской дуги, ударные группировки вермахта сразу же встретили сильное сопротивление армий Центрального и Воронежского фронтов, находившихся в обороне[74].

На первом же этапе битвы под Курском (с 5 по 12 июля) операция «Цитадель», которую немцы основательно готовили в течение трёх месяцев, фактически зашла в тупик. В ходе ожесточённых боев орловской и белгородско-харьковской группировкам вермахта удалось лишь незначительно вклиниться в оборону советских войск (на глубину 12–35 км от переднего края). Существенного влияния на ход борьбы не оказала даже новейшая боевая техника, на которую германским командованием возлагались большие надежды. Буквально через неделю после начала Курской битвы войска Красной армии, благодаря жёсткой позиционной обороне, подготовленной заранее, измотали и обескровили врага, не позволив ему быстро достигнуть основной цели операции «Цитадель» – пробиться в район Курска и осуществить окружение главных сил Центрального и Воронежского фронтов[75].

Советское Верховное главнокомандование внимательно следило за развитием событий, стараясь определить наиболее выгодный момент для перехода в решительное контрнаступление. 12 июля 1943 г. по приказу Ставки ВГК войска Западного и Брянского фронтов[76] внезапно нанесли мощный удар во фланг и тыл немецкой группировке, наступавшей на Курск из района Орла, и тем самым поставили её в тяжёлое положение. Так началась Орловская стратегическая наступательная операция под кодовым наименованием «Кутузов»[77].

В тот же день, 12 июля, по второй группировке противника, наступавшей на Курск с юга, нанесли контрудар войска Воронежского фронта, усиленные резервами Ставки. В полосе этого фронта, недалеко от станции Прохоровка, развернулось встречное танковое сражение, в ходе которого обе стороны понесли большие потери в живой силе и технике. В целом контрудар советских войск на южном фасе Курской дуги существенно замедлил продвижение противника, но не завершился окружением и полным разгромом его наступавшей группировки, поскольку фактически наносился в лоб, а не под основание вражеского вклинения в оборону Воронежского фронта[78].

13 июля 1943 г. Гитлер, внимательно следивший за развитием событий на различных театрах Второй мировой войны, срочно вызвал в ставку командующих группами армий «Центр» и «Юг», чтобы обсудить с ними дальнейшие действия вермахта в районе Курского выступа. Совещание в ставке началось с заявления фюрера о том, что операция «Цитадель» больше не может продолжаться, поскольку Восточный фронт должен отдать часть сил для сформирования новых армий в Южной Италии и на Балканах, куда могли нацелить свои удары англо-американские войска, успешно высадившиеся 10 июля 1943 г. на острове Сицилия. Мнение Гитлера о необходимости прекратить наступление на Курской дуге разделял и генерал-фельдмаршал Г. фон Клюге. Последний заявил, что его войска, уже ощутившие на себе сильный контрудар противника в районе Орла, вследствие понесённых потерь не могут продвигаться дальше[79]. В то же время генерал-фельдмаршал Э. фон Манштейн решительно отстаивал иную точку зрения и пытался доказать целесообразность продолжения операции «Цитадель». Он, в частности, утверждал, что в полосе его группы армий «сражение вошло в решающую фазу. После успешного отражения атак противника, бросившего в последние дни в бой почти все свои оперативные резервы, победа уже близка. Остановить сейчас битву, вероятно, означало бы упустить победу! Если 9-я армия[80] будет хотя бы только сковывать противостоящие ей силы противника и, может быть, потом возобновит наступление, то мы попытаемся окончательно разбить силами наших армий действующие против нас и уже сильно потрёпанные части противника»[81]. Генерал-фельмаршалу Манштейну удалось убедить Гитлера

не отменять операцию «Цитадель». В итоге на совещании было принято следующее решение: группа армий «Юг» должна продолжить наступление на Курск, а группа армий «Центр» – перейти к обороне и на занимаемых позициях отразить контрнаступление советских войск[82].

Тем временем события на северном фасе Курской дуги продолжали развиваться для вермахта довольно неблагоприятно. После того как немцы предприняли попытку отразить натиск Западного и Брянского фронтов, оттянув часть сил орловской группировки с курского направления, войска Центрального фронта 15 июля 1943 г. перешли в контрнаступление и за три дня ликвидировали вражеское вклинение в свою оборону, а затем стали развивать удар в общем направлении на Орёл.

Вместе с тем, нужно признать, что события на северном фасе Курской дуги развивались не так быстро, как предполагалось. Дело в том, что Ставка ВГК немного поспешила с началом операции «Кутузов», в результате чего войска фронтов перешли в наступление, не завершив полностью его подготовку. Более того, им пришлось преодолевать глубоко эшелонированную оборону противника путём нанесения фронтальных ударов. В конечном итоге наступательная операция «Кутузов» приняла несколько затяжной характер, поскольку вместо окружения и полного разгрома вражеской группировки советские армии медленно выталкивали ее из орловского выступа, что в дальнейшем позволило немцам перегруппировать свои войска и организованно отвести их из района Орла[83].

Продолжались упорные бои и на южном фасе Курской дуги, в ходе которых генерал-фельдмаршал Э. фон Манштейн, руководствуясь последними решениями Верховного главнокомандующего вермахта, вновь попытался нанести поражение соединениям Воронежского фронта. Эта попытка, однако, успеха не имела, и 16 июля 1943 г. противник, окончательно исчерпав наступательные возможности, начал частичный отвод своих войск в исходное положение[84]. Существенное влияние на дальнейший ход событий оказали две фронтовые наступательные операции, предпринятые советскими войсками в целях сковать группировку врага в Донбассе и не допустить переброску её сил в район Курского выступа. В ходе первой операции – Изюм-Барвенковской – части Юго-Западного фронта под командованием генерала армии Р.Я. Малиновского 17 июля 1943 г. форсировали реку Северский Донец и захватили несколько плацдармов на её правом берегу. В тот же день войска Южного фронта под командованием генерал-полковника Ф.И. Толбухина добились схожих результатов на реке Миус[85].

Угроза прорыва частей Красной армии в Донбасс вынудила германское командование принять решение об усилении правого крыла группы армий «Юг», а затем и о начале общего отхода немецких войск, действовавших на южном фасе Курского выступа. В ночь

с 18 на 19 июля к Воронежскому фронту, уже приступившему к преследованию противника, присоединился Степной фронт.

23 июля 1943 г. советским войскам удалось достичь рубежа, который немцы занимали накануне своего летнего наступления. Вместе с тем, несмотря на требования И.В. Сталина, начало операции «Полководец Румянцев», в ходе которой намечалось нанести решительное поражение белгородско-харьковской группировке врага, пришлось на несколько дней отложить, поскольку войскам Воронежского и Степного фронтов необходимо было восстановить боеспособность после тяжёлых оборонительных боёв[86]. Советское Верховное главнокомандование хорошо понимало,что в двадцатых числах июля 1943 г. планы летнего наступления вермахта окончательно потерпели крах, так как операция «Цитадель», которой немцы придавали исключительно важное значение для изменения хода вооружённой борьбы на Востоке в пользу Германии, закончилась полным провалом[87].

Это понимали и в ставке Гитлера. Именно здесь 26 июля 1943 г. состоялось совещание, на котором обсуждались недавние события на Восточном фронте и в Италии. Для участников совещания провал операции «Цитадель» был очевиден хотя бы потому, что ни о каких дальнейших наступательных действиях вермахта в районе Курского выступа речь уже давно не шла. Более того, критическое положение немецких войск на этом участке Восточного фронта вынуждало германское Верховное главнокомандование пойти на частичный отказ от необходимости прочного удержания всех занимаемых на тот момент позиций и принять решение об организации быстрого отступления с Орловского плацдарма на оборонительный рубеж «Хаген», который строился восточнее Брянска.

Глубокое беспокойство у руководителей Третьего рейха вызывали также неудачи на Средиземноморском театре военных действий, где решалась судьба Италии, главного союзника Германии в Европе. Гитлер, уже зная о том, что 25 июля 1943 г. в Риме фашистский режим пал и к власти пришло новое правительство, потребовал перебросить н есколько дивизий с Восточного фронта на Апеннинский полуостров, чтобы быстро разрешить политический кризис в Италии. Однако присутствовавший на совещании генерал-фельдмаршал Г. фон Клюге, командующий группой армий «Центр», в категоричной форме возражал против любых попыток ослабить германские войска в районе Курской дуги, ссылаясь на их исключительно тяжёлое положение[88].

В конце июля 1943 г. у германского Верховного главнокомандования действительно не было никакой возможности перебросить с Восточного фронта в Западную Европу хотя бы одну дивизию. Напряжённый характер борьбы в битве под Курском не позволял немцам активно вмешаться в события, развернувшиеся в Италии[89].

В соответствии с планом операции «Кутузов» советские войска продолжали довольно успешно действовать против группы армий «Центр». Наступая по сходящимся направлениям на Орёл, они нанесли тяжёлое поражение орловской группировке врага, 5 августа 1943 г. освободили город, а затем, не прекращая преследование отступающего противника, вышли 17–18 августа к передовым позициям немецкого оборонительного рубежа «Хаген». Таким образом, части Красной армии, продвинувшись на запад на расстояние до 150 км и ликвидировав Орловский плацдарм, создали условия для развития дальнейшего наступления на брянском направлении и выхода в восточные районы Белоруссии[90].

На южном фасе Курской дуги в начале августа 1943 г. завершилась подготовка Воронежского и Степного фронтов к проведению наступательной операции «Полководец Румянцев» с целью разгрома белгородско-харьковской группировки противника и создания условий для освобождения Левобережной Украины. Какого-либо единого документа с изложением плана этой операции не существовало, поскольку под её условным наименованием подразумевались скоординированные планы действий советских войск, объединённые общим замыслом[91]. По первоначальным наметкам, белгородско-харьковскую группировку противника предполагалось окружить и уничтожить путём нанесения сходящихся ударов из района северо-западнее Белгорода и южнее Харькова. Однако к моменту перехода в контрнаступление основные силы Воронежского и Степного фронтов оказались сосредоточенными северо-западнее Белгорода. Вот почему в июле 1943 г. замысел операции и задачи фронтов были уточнены. Чтобы избежать сложных перегруппировок и сократить сроки подготовки к контрнаступлению, было принято решение разгромить белгородско-харьковскую группировку врага путём нанесения глубокого фронтального удара из района северо-западнее Белгорода и рассечения её на части. Этот удар планировалось нанести смежными крыльями Воронежского и Степного фронтов[92].

В свою очередь, германское Верховное главнокомандование придавало большое значение удержанию района Белгорода и Харькова, так как войска Красной армии, занимавшие Курский выступ, нависали над флангом и тылом группировки вермахта, находившейся в Донбассе[93]. Однако начавшееся 3 августа 1943 г. контрнаступление Воронежского и Степного фронтов нарушило все расчёты врага. Уже 5 августа советскими войсками был освобождён Белгород. Немецкое командование, чтобы остановить дальнейшее продвижение частей Красной армии, начало спешно перебрасывать в район Харькова соединения из Донбасса и с орловского направления. Опасаясь окружения своей харьковской группировки, противник 11–20 августа предпринял ряд контрударов в полосе Воронежского фронта, это на некоторое время задержало наступление советских войск.

Бои на подступах к Харькову носили особо ожесточённый характер, так как немцы всячески старались обезопасить свою группировку, сосредоточенную в Донбассе. Только 17 августа войскам Степного фронта удалось пробиться к городским окраинам, а спустя несколько дней, 23 августа, Харьков – один из крупнейших экономических центров страны и важный узел коммуникаций – был освобождён. На этом фактически завершилась операция «Полководец Румянцев», а вместе с ней и Курская битва. В результате мощного удара на белгородско-харьковском направлении части Красной армии, продвинувшись на расстояние до 140 км, нанесли поражение крупной группировке противника и тем самым создали благоприятные условия для дальнейшего наступления на Левобережной Украине и выхода к Днепру[94]. В грандиозной по своим масштабам Курской битве вторая попытка вермахта в 1943 г. взять реванш за Сталинград и перехватить стратегическую инициативу у Красной армии закончилась полным провалом.

В послевоенной зарубежной историографии и в мемуарах немецких военачальников нередко можно встретить утверждения о том, что операция «Цитадель» являлась заурядным эпизодом на Восточном фронте, и её неудачный исход для германских вооружённых сил был связан, прежде всего, с вторжением англо-американских войск в Южную Италию. Думается, такая трактовка событий весьма необъективна.

Нет сомнений, что высадка западных союзников на острове Сицилия (10 июля 1943 г.) пошатнула уверенность германского Верховного главнокомандования в успешной реализации своих замыслов в районе Курской дуги. В то же время факты со всей очевидностью говорят о том, что кризис летнего наступления вермахта назрел в чрезвычайно короткие сроки. Несмотря на использование новейшей боевой техники и максимальное сосредоточение сил при первом ударе, германским войскам не удалось быстро прорвать хорошо организованную оборону Красной армии и срезать Курский выступ до начала высадки союзников на Сицилии. Кроме того, отсутствие крупных стратегических резервов и активность советских войск на других участках Восточного фронта не позволили германскому командованию решительным образом изменить ход боевых действий в районе Курска в свою пользу. Напряжённый характер Курской битвы, обусловленный ожесточённым сопротивлением Красной армии, сделал очевидным невозможность быстрого переноса усилий вермахта с одного театра войны на другой, а это облегчило англо-американским войскам выполнение их боевых задач при вторжении в Италию.

Следует также отметить, что многие западные историки и авторы военных мемуаров нередко называют главным виновником проигрыша битвы под Курском именно Гитлера, который в условиях подготовки советским командованием труднопреодолимой обороны на Курской

дуге затянул начало операции «Цитадель» и таким образом обрёк её на неудачу. Однако в данном случае всё же не стоит говорить об очевидной ошибке Верховного главнокомандующего вермахта, поскольку весной 1943 г. немцы оказались не в состоянии быстро сосредоточить в районе Курска необходимые для операции «Цитадель» силы и оснастить их новейшей боевой техникой, что позволило бы надеяться на успешный результат предстоящего наступления. Кроме того, как уже отмечалось, колебания Гитлера в определении точных сроков начала операции «Цитадель» были, в первую очередь, связаны с необходимостью выяснить позицию Италии относительно её дальнейшего участия в мировой войне.

Поражение вермахта в битве под Курском явилось ярким свидетельством общего кризиса военной машины Германии, так как гитлеровские стратеги оказались не способны эффективно применять уже упоминавшийся «принцип маятника», одновременно сражаясь с врагами рейха на различных театрах военных действий: Сицилийская десантная операция западных союзников, проведённая в июле – августе 1943 г., поставила фашистскую Италию в критическое положение[95], а переброска немецких войск с Восточного фронта на Апеннины в самый разгар Курской битвы была невозможна. В итоге рухнули все стратегические замыслы германского Верховного главнокомандования на лето и осень 1943 г. Сокрушительный разгром вермахта под Курском, являвшийся заслугой именно Красной армии, не только вынудил Гитлера и его генералов окончательно отказаться от наступательной стратегии на советско-германском фронте и от попыток вырвать у противника стратегическую инициативу, но и заставил вооружённые силы Германии и её союзников перейти к обороне на всех театрах войны.

На Востоке способы стабилизации положения и перехода к позиционным формам борьбы германское Верховное главнокомандование стало искать, не дожидаясь того момента, когда контрнаступление советских войск в районе Курской дуги успешно завершится. Ещё в период ожесточённых боев за Харьков, 11 августа 1943 г., Гитлер отдал приказ об ускоренном строительстве «Восточного вала» – стратегического оборонительного рубежа, который должен был проходить от Балтийского до Чёрного моря по линии река Нарва – Псков – Витебск – Орша – река Сож – среднее течение Днепра – река Молочная. Главной частью «Восточного вала» считался многоводный и широкий Днепр с его высоким и обрывистым правым берегом[96]. По замыслам гитлеровских стратегов, войскам вермахта теперь предстояло измотать Красную армию в позиционных оборонительных боях и, прочно удерживая захваченные ранее территории, выиграть время для политических комбинаций. Последнее являлось особенно важным для руководителей Третьего рейха, которые, желая предотвратить полный разгром стран

оси в мировой войне, возлагали большие надежды на раскол антигитлеровской коалиции и заключение сепаратного мира с западными державами в целях сохранения нацистской Германии в качестве барьера против «красной опасности» в Европе[97].

Советское Верховное главнокомандование ещё до окончания Курской битвы, претворяя в жизнь план летне-осенней кампании 1943 г., поставило войскам задачи на развёртывание общего наступления от Великих Лук до Чёрного моря. Главный удар намечалось нанести на юго-западном стратегическом направлении с целью разгрома немецкой группы армий «Юг», освобождения Левобережной Украины (прежде всего, Донбасса) и выхода к Днепру с последующим захватом плацдармов на его правом берегу[98].

При определении способов ведения стратегического наступления в Ставке ВГК возникли разногласия, причины которых коренились в различных оценках зимней кампании 1942/43 г., когда затянувшаяся ликвидация окружённой под Сталинградом группировки противника сковала значительные силы Красной армии и тем самым задержала развитие последующих наступательных операций. Суть этих разногласий сводилась к вопросу о том, чему отдать предпочтение в действиях советских войск. Заместитель Верховного главнокомандующего маршал Г.К. Жуков, заручившись поддержкой представителей Генерального штаба Красной армии, считал наиболее целесообразным применение в ряде случаев охватывающего маневра с целью отсечения и окружения вражеских группировок, что в дальнейшем могло облегчить ведение войны. Напротив, маршал И.В. Сталин был убеждён в необходимости нанесения по войскам противника фронтальных ударов для того, чтобы как можно быстрее выйти к Днепру и форсировать его с ходу. В конечном итоге Сталин как Верховный главнокомандующий настоял на своем мнении, поскольку риск упустить время и затем столкнуться с хорошо подготовленной немецкой обороной на рубеже Днепра был слишком велик и грозил затяжкой войны на длительный срок. И как показали дальнейшие события, отказ от операций на окружение группировок врага на Левобережной Украине в целях быстрого сокрушения «Восточного вала» действительно позволил Красной армии сорвать планы немецкого командования по стабилизации стратегического фронта обороны и переходу к позиционной войне, хотя и повлёк за собой увеличение потерь советских войск[99].

Кроме того, для содействия стремительному продвижению Красной армии к Днепру через восточные районы Украинской ССР в конце лета – начале осени 1943 г. Ставка ВГК заранее предусмотрела проведение крупной наступательной операции на западном стратегическом направлении, в ходе которой намечалось нанести поражение немецкой группе армий «Центр», отбросить её подальше от Москвы,

освободить Смоленск и, самое главное, не допустить переброски германских войск из центральных областей Советского Союза на Левобережную Украину[100]. В соответствии с планами Ставки Верховного главнокомандования такая операция, получившая кодовое наименование «Суворов», началась 7 августа 1943 г., и в ней приняли участие войска Калининского, Западного и Брянского фронтов[101].

Несколько позднее, в середине августа 1943 г., когда уже развернулись бои на подступах к Харькову и немцы пытались остановить здесь продвижение советских армий путём переброски дополнительных сил из Донбасса, перешли в наступление войска Юго-Западного, а затем и Южного фронтов. В их задачу входили разгром донбасской группировки противника и освобождение южных областей Левобережной Украины[102]. Как уже не раз отмечалось, Гитлер придавал большое значение удержанию Донбасса, но во второй половине августа 1943 г. группе армий «Юг» под командованием Э. фон Манштейна было уже крайне тяжело сдерживать натиск нескольких советских фронтов. Обстановка для германских войск, действовавших на Левобережной Украине, становилась всё более угрожающей. В связи с этим Гитлер 27 августа 1943 г. прибыл из Восточной Пруссии в Винницу для проведения короткого совещания, на котором фельдмаршал Манштейн поставил перед Верховным главнокомандующим вермахта ясную альтернативу: или выделить группе армий «Юг» новые силы и заменить её ослабленные части свежими с более спокойных участков фронта, или оставить Донбасс[103]. Гитлер, не желая перебрасывать немецкие дивизии из Западной Европы на Восток, пообещал при первой же возможности усилить войска Манштейна за счёт групп армий «Центр» и «Север», однако их командующие – генерал-фельдмаршалы Г. фон Клюге и Г. фон Кюхлер – были категорически против этого, что в конечном итоге заставило фюрера искать другие пути решения проблемы[104].

Интересно также отметить, что Гитлер в данном случае учёл возражения и согласился с мнением своих фельдмаршалов, которые отказывались помогать Манштейну, даже несмотря на то, что к концу августа 1943 г. на советско-германском фронте сложилась своеобразная ситуация: в составе группы армий «Центр» имелось гораздо больше дивизий, чем в составе группы армий «Юг» (75 и 49 соответственно). Такое поведение Адольфа Гитлера, очевидно, было связано с тем, что в условиях развернувшегося на огромном пространстве общего наступления советских войск Верховное главнокомандование вермахта так и не смогло установить, на каком же стратегическом направлении Красная армия наносит главный удар. Начав 7 августа 1943 г. наступательную операцию «Суворов», Ставка ВГК добилась того, что на западном стратегическом направлении была сосредоточена более сильная группировка немецких войск, а на Украине, где в действительности наносился

главный удар, оборонялась более слабая группа армий «Юг»[105].

В дальнейшем это обстоятельство существенным образом повлияло на ход грандиозной битвы за Днепр, развернувшейся в августе – декабре 1943 г. На её первом этапе к советским войскам, уже наступавшим в Донбассе, присоединились основные силы Центрального, Воронежского и Степного фронтов[106]. 26 августа 1943 г. они начали Черниговско-Полтавскую стратегическую наступательную операцию, в ходе которой предусматривалось нанести одновременные удары на нескольких направлениях с целью рассечения обороны противника и лишения его возможности закрепиться на крупных естественных водных рубежах (Десна, Днепр) и стабилизировать линию фронта. При этом главные усилия советских войск сосредотачивались на киевском направлении[107]. По мнению Генерального штаба Красной армии, освобождение столицы Украины – Киева, являвшегося крупным политическим и экономическим центром СССР, давало большие стратегические результаты: прежде всего, расчленялся весь фронт противника, что затрудняло взаимодействие между важнейшими его группировками; и, кроме этого, из района Киева в равной степени можно было угрожать флангу и тылу как группы армий «Юг», так и правому крылу группы армий «Центр»[108].

6 сентября 1943 г. Ставка ВГК, учитывая быстрый темп наступления советских войск на Левобережной Украине, внесла существенные коррективы в план Черниговско-Полтавской операции и, установив новые разграничительные линии между тремя наступавшими фронтами, сдвинула их действия на север. Таким образом, главный удар на Киев теперь должен был наносить Воронежский фронт под командованием генерала армии Н.Ф. Ватутина, имея задачу форсировать Днепр в районе букринской излучины с тем, чтобы в последующем обойти столицу Украины с юга[109]. Как уже указывалось, И.В. Сталин придавал исключительное значение быстрому сокрушению «Восточного вала». Поэтому 9 сентября 1943 г. в войска была отправлена специальная директива Ставки ВГК, в которой военным советам фронтов и армий предписывалось представлять командно-начальствующий состав частей и соединений к награждению высшими правительственными наградами «за успешное форсирование крупных речных преград и закрепление за собой плацдарма для дальнейшего развития наступления»[110]. Эта директива сыграла важную роль в создании высокого наступательного порыва Красной армии[111].

В середине сентября 1943 г. борьба на Левобережной Украине вступила в новую фазу. В результате стремительного наступления советских войск в стратегическом фронте противника образовалось два огромных разрыва – на стыке групп армий «Юг» и «Центр» и в Донбассе, на правом крыле группы армий «Юг». Верховное главнокомандование

вермахта, не располагая стратегическими резервами на Восточном фронте, не имело возможности закрыть эти бреши[112]. Вот почему 15 сентября 1943 г. Гитлер, понимая, что наступление Красной армии на Левобережной Украине уже нельзя ничем остановить, отдал приказ о поспешном отходе немецких войск за Днепр, позиции на котором необходимо было удержать во что бы то ни стало[113].

С середины сентября 1943 г. войска Красной армии перешли к преследованию отступающего врага и к концу месяца, после тяжёлых наступательных боев, оказались на левом берегу Днепра. Приступив с ходу к форсированию этой крупной водной преграды на широком фронте (от Лоева до Запорожья), соединения Центрального, Воронежского, Степного и Юго-Западного фронтов смогли захватить более двадцати плацдармов, среди которых было несколько оперативных. Таким образом, «Восточный вал» противника был прорван на многих направлениях, и становилось очевидным, что вермахту уже вряд ли удастся надолго остановить наступление Красной армии[114].

Второй этап битвы за Днепр (с октября по декабрь 1943 г.) характеризовался ожесточённой борьбой за удержание и расширение захваченных плацдармов. Киевское направление Ставка ВГК по-прежнему считала важнейшим и намечала здесь разгромить крупную группировку противника, а затем освободить столицу Украины[115]. Кроме того, успехи советских войск в восточных районах Украинской ССР создали благоприятные условия для проведения Нижнеднепровской стратегической наступательной операции, которая началась 26 сентября 1943 г. и проводилась с целью завершить освобождение Левобережной Украины в нижнем течении Днепра и создать на его правом берегу плацдарм стратегического значения[116].

С октября 1943 г. основные события развернулись в районе Киева. Чтобы освободить город, первоначально планировалось нанести два удара: главный – с Букринского плацдарма, который находился юго-восточнее украинской столицы (на правом берегу Днепра, в районе с. Великий Букрин), и вспомогательный – с Лютежского плацдарма, захваченного частями Красной армии севернее Киева (в районе с. Лютеж). Однако задуманное осуществить не удалось. В октябре 1943 г. войска Воронежского (1-го Украинского) фронта дважды переходили в наступление из района Букрина, но крупных результатов добиться не смогли. Тем временем севернее Киева был достигнут существенный успех, и Ставка ВГК приказала генералу армии Н.Ф. Ватутину срочно перенести основные усилия его фронта на Лютежский плацдарм, что и было сделано[117]. Решающее наступление советских войск на Киев началось 3 ноября, а спустя три дня столица Украины была освобождена, и это способствовало созданию на правом берегу Днепра Киевского плацдарма, имевшего стратегическое значение[118].

В октябре – декабре 1943 г. успешно действовали и войска, принимавшие участие в Нижнеднепровской стратегической наступательной операции. В ходе трёхмесячных боёв армии Степного (2-го Украинского), Юго-Западного (3-го Украинского) и Южного (4-го Украинских) фронтов завершили освобождение Левобережной Украины в низовьях Днепра, захватили на правом берегу этой реки Кременчугский плацдарм, также имевший стратегическое значение, и блокировали с суши крупную вражескую группировку, которая находилась в Крыму[119].

Германское Верховное главнокомандование пыталось ликвидировать два стратегических плацдарма, которые были созданы частями Красной армии. Однако меры по восстановлению днепровского оборонительного рубежа, предпринятые немцами в октябре – декабре 1943 г., в частности, переброска из Западной и Южной Европы нескольких дивизий в целях разгрома советских войск в районе Кременчуга и контрнаступление группы армий «Юг» под Киевом, успеха не имели. К концу 1943 г. «Восточный вал» окончательно рухнул[120]. Освобождение Левобережной Украины, форсирование Днепра с ходу и создание двух плацдармов стратегического значения – Киевского и Кременчугского – оказало существенное влияние на дальнейший ход военных действий на всём южном участке советско-германского фронта[121]. После крушения «Восточного вала» Верховное главнокомандование вермахта начало спешно укреплять рубеж Вислы и планировать создание мощной обороны на Балканах. При этом немцы уже не могли рассчитывать на какую-либо военную помощь со стороны Турции, а румынским нефтяным районам снова стала угрожать советская авиация[122].

Итоги летне-осенней кампании 1943 г. оказались для Гитлера и его генералов весьма неутешительными. Потерпев поражение на Курской дуге, вермахт под мощными ударами Красной армии вынужден был отступить к Днепру, что лишило Третий рейх важных в экономическом отношении районов Левобережной Украины. Но и на днепровском рубеже германским войскам прочно удержаться не удалось. «Восточный вал», который считался немцами неприступным, практически с ходу был сокрушён наступавшими частями Красной армии, и это, в конечном счете, означало полный провал планов Верховного главнокомандования вермахта стабилизировать линию фронта на Востоке и перевести войну в позиционные формы.

В течение всего 1943 г. германские и советские войска, противостоявшие друг другу, вели ожесточённую борьбу за захват и удержание стратегической инициативы, исход которой фактически решался на Левобережной Украине и в районе Курской дуги. На завершающем этапе Сталинградской битвы стратегическая инициатива перешла в руки советского Верховного главнокомандования, с чем, конечно, не могли

смириться гитлеровские стратеги, которые всё ещё надеялись изменить ход военных действий на Восточном фронте в пользу Германии и её союзников. Вермахт, по крайней мере, дважды (в феврале–марте и в июле 1943 г.) предпринимал попытки взять реванш за Сталинград и перехватить стратегическую инициативу у Красной армии. Первая из них закончилась для немецких войск довольно неудачно, а вторая – полным провалом. В результате сокрушительного разгрома вермахта под Курском германскому Верховному главнокомандованию пришлось окончательно отказаться от наступательной стратегии на Восточном фронте и от попыток вернуть стратегическую инициативу в свои руки.

Вместе с тем, несмотря отчаянное и в сущности бесперспективное положение, руководство Германии считало необходимым всё же продолжать войну против Советского Союза, чтобы «спасти» Европу от коммунизма. После Курской битвы гитлеровские стратеги стали возлагать большие надежды на непреодолимый, как им казалось, «Восточный вал», протянувшийся от Балтийского до Чёрного моря. При этом Левобережная Украина, которую немцы намеревались сохранить за собой, рассматривалась германским руководством как гигантское предполье днепровского оборонительного рубежа, прочное удержание которого являлось важной предпосылкой для стабилизации стратегического фронта на Востоке и перевода войны в позиционные формы. Однако в ходе битвы за Днепр Красная армия не только освободила от оккупантов Донбасс и сельскохозяйственные области Левобережной Украины, тем самым лишив Германию богатых источников сырья для военной промышленности и обильного продовольствия для немецкого населения, но и смогла в короткие сроки сокрушить «Восточный вал», сорвав планы гитлеровских стратегов по стабилизации положения на советско-германском фронте.

Говоря об успехах, достигнутых Красной армией во второй половине 1943 г., безусловно, нельзя не упомянуть и события, происходившие в это же время в Средиземноморье. Вполне очевидно, что Сицилийская десантная операция англо-американских союзников, последовавшая за ней высадка их войск на Апеннинском полуострове, а также две грандиозные битвы, развернувшиеся на советско-германском фронте в ходе летне-осенней кампании 1943 г., тесно связаны между собой своими целями и результатами. Вот почему можно с уверенностью утверждать, что глубокий военный и политический кризис, в котором к концу 1943 г. оказалась не только нацистская Германия, но и весь фашистский блок, явился следствием совместных усилий трёх государств – СССР, США и Великобритании.

После падения режима Муссолини в Италии и крушения «Восточного вала» у германского военно-политического руководства

не было иного выбора, кроме как надеяться на раскол антигитлеровской коалиции и заключение сепаратного мира с западными державами, в то же время шансы Третьего рейха избежать полного поражения во Второй мировой войне уже практически отсутствовали.

Примечания

[1] История военной стратегии России / Под ред. В.А. Золотарева. – М., 2000. – С. 265.
[2] *Проэктор Д.М.* Агрессия и катастрофа : Высшее военное руководство фашистской Германии во второй мировой войне 1939–1945. – 2-е изд. – М., 1972. – С. 478–479.
[3] Там же. – С. 479.
[4] В данном случае слово «ставка» употребляется не как название высшего органа стратегического руководства вооружёнными силами, а как обозначение месторасположения главнокомандующего. Под Растенбургом (Восточная Пруссия) находилась главная ставка Гитлера «Волчье логово», откуда он в июне 1941 г. – ноябре 1944 г. (с перерывами) руководил военными действиями на советско-германском фронте. Вторая полевая ставка Гитлера находилась в районе украинского города Винница.
[5] Цит. по: *Проэктор Д.М.* Указ. соч. – С. 480.
[6] Там же. – С. 480–482.
[7] *Заставенко Г.* Военно-экономическая и политическая подготовка Германии к летнему наступлению // Военно-исторический журнал. – 1967. № 3. – С. 24–25.
[8] Мировые войны XX века : В 4 кн. Кн. 4. – М., 2002. – С. 401.
[9] *Соловьев Б.Г.* Вермахт на пути к гибели : Крушение планов немецко-фашистского командования летом и осенью 1943 г. – М., 1973. – С. 35.
[10] Великая Отечественная война, 1941–1945: Воен.-ист. очерки : В 4 кн. Кн. 2. – М., 1998. – С. 152.
[11] Зимой 1943 г. на южном участке Восточного фронта действовали три немецкие группы армий – «А», «Б» и «Дон» (командующие: генерал-фельдмаршалы Э. фон Клейст, М. фон Вейхс и Э. фон Манштейн). В середине февраля 1943 г. группа армий «Дон» была преобразована в группу армий «Юг», а группа армий «Б» расформирована.
[12] Великая Отечественная : [Сб.] 5–3 : Ставка ВГК : Документы и материалы : 1943 год. – М., 1999. – С. 7. – (Русский архив : Т. 16) (далее – Великая Отечественная : Ставка ВГК).
[13] Имеется в виду операция «Кольцо», проведенная войсками Донского фронта под командованием генерал-лейтенанта К.К. Рокоссовского с 10 января по 2 февраля 1943 г.
[14] В январе – феврале 1943 г. войсками Брянского, Воронежского и Юго-Западного фронтов командовали генералы М.А. Рейтер, Ф.И. Голиков и Н.Ф. Ватутин соответственно.
[15] Великая Отечественная война, 1941–1945 : Воен.-ист. очерки : Кн. 2. – С. 154.
[16] Великая Отечественная : Ставка ВГК. – С. 8.
[17] В начале 1943 г. войсками Южного фронта командовал генерал-полковник А.И. Еременко, а затем генерал-лейтенант (с февраля – генерал-полковник) Р.Я. Малиновский.
[18] *Абатуров В.В., Соколов А.М.* Великая Отечественная война : Хронограф 1943. – М., 2010. – С. 47.
[19] *Михалев С.Н.* Военная стратегия : Подготовка и ведение войн Нового и Новейшего времени. – М.; Жуковский, 2003. – С. 369.
[20] *Штеменко С.М.* Генеральный штаб в годы войны : От Сталинграда до Берлина. – М., 2005. – С. 147–148.
[21] Великая Отечественная война 1941-1945 гг. : Кампании и стратегические операции в цифрах : В 2 т. Т. 1. –М., 2010. – С. 570; *Абатуров В.В., Соколов А.М.* Указ. соч. – С. 8; *Залесский К.А.* Вооруженные силы III рейха : История организации, структура, боевое применение. – М., 2008. – С. 41.
[22] Великая Отечественная война, 1941–1945: Воен.-ист. очерки : Кн. 2. – С. 178.
[23] Великая Отечественная : Ставка ВГК. – С. 74.
[24] *Абатуров В.В., Соколов А.М.* Указ. соч. – С. 152, 154–155.

[25] *Варлимонт В.* В ставке Гитлера : Воспоминания немецкого генерала, 1939–1945. – М., 2005. – С. 311–312.
[26] Великая Отечественная : Ставка ВГК. – С. 9; *Штеменко С.М.* Указ. соч. – С. 150.
[27] Задачи третьего этапа контрнаступления были изложены в оперативном приказе Гитлера № 5 от 13 марта 1943 г., то есть еще накануне взятия вермахтом Харькова и Белгорода (см.: *Дашичев В.И.* Стратегия Гитлера – путь к катастрофе, 1933–1945 : Ист. очерки, документы и материалы : В 4 т. Т. 3. – М., 2005. – С. 532–534).
[28] Немецкой группой армий «Центр» командовал генерал-фельдмаршал Г. фон Клюге (декабрь 1941 – октябрь 1943).
[29] Центральный фронт (2-го формирования) под командованием генерал-полковника К.К. Рокоссовского был создан на базе упраздненного Донского фронта в соответствии с директивой Ставки ВГК № 46056 от 5 февраля 1943 г.
[30] Великая Отечественная война, 1941–1945 : Воен.-ист. очерки: Кн. 2. – С. 179.
[31] Там же. – С. 179.
[32] *Штеменко С.М.* Указ. соч. – С. 148; Стратегический обзор Великой Отечественной войны / Отв. ред. генерал-майор И.В. Паротькин. – М., 1967. – С. 106.
[33] Великая Отечественная война, 1941–1945 : Воен.-ист. очерки : Кн. 2. – С. 183–184.
34 *Абатуров В.В., Соколов А.М.* Указ. соч. – С. 11, 174.
[35] См. директиву Ставки Верховного главнокомандования № 30072 от 11 марта 1943 г. (Великая Отечественная : Ставка ВГК – С. 93).
[36] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. : Кампании и стратегические операции... :. Т. 1. – М., 2010. – С. 589–590.
[37] *Манштейн Э. фон.* Утерянные победы. – М., 2010. – С. 438.
[38] *Михалев С.Н.* Указ. соч. С. 372–373; Маршал Василевский : Москва в жизни и судьбе полководца (Ист. очерки, воспоминания, документы) / Сост. В.А. Афанасьев, А.Н. Пономарев. – М., 2008. – С. 204–205.
[39] *Дашичев В.И.* Указ. соч. – С. 523; *Михалев С.Н.* Указ. соч. – С. 376.
[40] *Ольштынский Л.И.* Разгром фашизма : СССР и англо-американские союзники во Второй мировой войне (политика и военная стратегия: факты, выводы, уроки истории). – М., 2010. – С. 121.
[41] *Дашичев В.И.* Указ. соч. – С. 523; *Михалев С.Н.* Указ. соч. – С. 376.
[42] См.: *Ольштынский Л.И.* Указ. соч. – С. 120.
[43] Там же. – С. 114–116.
[44] См.: *Манштейн Э. фон.* Указ. соч. – С. 449.
[45] *Дашичев В.И.* Указ. соч. – С. 524; *Михалев С.Н.* Указ. соч. – С. 376.
[46] Великая Отечественная : [Сб.] 4–4 : Курская битва : Документы и материалы, 27 марта – 23 августа 1943 г.– М., 1997. – С. 7. – (Русский архив : Т. 15) (далее – Великая Отечественная : Курская битва. Документы и материалы); Битва под Курском : От обороны к наступлению. – М., 2006. – С. 15.
[47] *Дашичев В.И.* Указ. соч. – С. 547.
[48] Там же. – С. 547.
[49] *Михалев С.Н.* Указ. соч. – С. 377.
[50] *Ахромеев С.Ф.* Роль Советского Союза в достижении коренного перелома во Второй мировой войне и его международное значение // Военно-исторический журнал. – 1984. № 2. – С. 16–17.
[51] См.: *Ольштынский Л.И.* Указ. соч. – С. 123.
[52] См.: *Соловьев Б.Г.* Указ. соч. – С. 80, 83.
[53] *Кормильцев Н.В.* Крах наступательной стратегии вермахта // Военно-исторический журнал. – 2003. – № 7. – С. 3.
[54] Стратегический обзор...– С. 111.
[55] *Давиденко А.З.* О военном искусстве советских войск в операциях 1943 года // Военная мысль. – 1993. – № 10. – С. 75.
[56] *Михалев С.Н.* Указ. соч. – С. 378–379.
[57] *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления : В 2 т. Т. 2. – М., 2010. – С. 153.

[58] Там же. – С. 153.
[59] Там же. – С. 155.
[60] См.: *Штеменко С.М.* Указ. соч. – С. 196–197.
[61] Там же. – С. 197.
[62] *Иванов С.П.* Завершение коренного перелома в войне // Военно-исторический журнал. – 1983. № 6. – С. 14.
[63] *Соловьев Б.Г.* Указ соч. С. 95-96; *Бабин А.* Торжество советской военно-стратегической мысли // Мировая экономика и международные отношения. – 1985. № 5. – С. 42; *Макар И.П.* «...Переходом в общее наступление окончательно добьем основную группировку противника»; (Некоторые выводы из опыта деятельности Ставки ВГК, Ген. штаба и полевых упр. фронтов при подготовке и в ходе Курской битвы) // Военно-исторический журнал. – 2003. № 6. – С. 5.
[64] *Лучинский А.* О некоторых вопросах развития стратегии и оперативного искусства в Курской битве // Военно-исторический журнал. – 1983. № 6. – С. 26; *Ахромеев С.Ф.* Указ. соч. – С. 18.
[65] *Захаров М.В.* О советском военном искусстве в битве под Курском // Военно-исторический журнал. – 1963. № 6. – С. 18.
[66] *Макар И.П.* Указ. соч. – С. 6.
[67] Мировые войны XX века : Кн. 3. – С. 160.
[68] *Дашичев В.И.* Указ. соч. – С. 528–529.
[69] *Михалев С.Н.* Указ. соч. – С. 378.
[70] Соответствующие директивы см.: Великая Отечественная : Ставка ВГК. – С. 148, 153, 175.
[71] *Василевский А.М.* Дело всей жизни. – М., 2002. – С. 307–308.
[72] История военной стратегии России. – С. 362.
[73] *Захаров М.В.* Указ. соч. – С. 23.
[74] *Постников С.И.* Развитие советского военного искусства в Курской битве // Военно-исторический журнал. – 1988. № 7. – С. 12.
[75] *Михалев С.Н.* Указ. соч. – С. 380.
[76] Войсками Западного фронта командовал генерал армии В.Д. Соколовский, а войсками Брянского фронта – генерал-полковник М.М. Попов.
[77] *Соловьев Б.Г.* Указ. соч. – С. 138.
[78] *Абатуров В.В., Соколов А.М.* Указ. соч. – С. 332–334.
[79] *Манштейн Э. фон.* Указ. соч. – С. 470.
[80] 9-я полевая армия под командованием генерал-полковника В. Моделя действовала на северном фасе Курской дуги.
[81] *Манштейн Э. фон.* Указ. соч. – С. 470.
[82] *Соловьев Б.Г.* Указ. соч.– С. 140.
[83] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. : Кампании и стратегические операции... Т. 2. – М., 2010. – С. 43–44.
[84] *Абатуров В.В., Соколов А.М.* Указ. соч. – С. 338–339.
[85] Там же. – С. 339–340.
[86] Великая Отечественная война, 1941–1945 : Воен.-ист. очерки : Кн. 2. – С. 279.
[87] *Штеменко С.М.* Указ. соч. – С. 228.
[88] См.: *Соловьев Б.Г.* Указ. соч. – С. 156–160.
[89] *Дашичев В.И.* Указ. соч. – С. 531.
[90] *Постников С.И.* Указ. соч. – С. 16.
[91] *Штеменко С.М.* Указ. соч. – С. 231.
[92] *Абатуров В.В., Соколов А.М.* Указ. соч. С. 358; *Захаров М.В.* Указ. соч.// Военно-исторический журнал. – 1963. № 7. – С. 13.
[93] *Соловьев Б.Г.* Указ. соч. – С. 147.
[94] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. : Кампании и стратегические операции... : Т. 2. – М., 2010. – С. 65–66; Великая Отечественная : Курская битва. Документы и материалы. – С. 10.

[95] Накануне Сицилийской десантной операции союзному командованию удалось ввести немцев в заблуждение относительно действий англо-американских войск в Средиземноморье. В результате вплоть до конца июля 1943 г. ОКВ было убеждено, что западные союзники намерены одновременно провести две крупные десантные операции – против Греции и против Сардинии, а высадка в Сицилии – это всего лишь отвлекающий удар (подробнее об этом см: *Дашичев В.И.* Указ. соч. : Т. 4. – С. 56–58; *Ольштынский Л.И.* Указ. соч. – С. 122–123).
[96] *Шеховцов Н.И.* Развитие стратегического наступления летом и осенью 1943 года // Военно-исторический журнал. – 1963. № 9. – С. 13.
[97] *Соловьев Б.Г.* Указ. соч. – С. 264–265.
[98] *Шеховцов Н.И.* Указ. соч. – С. 13.
[99] См.: *Михалев С.Н.* Указ. соч. – С. 381–383.
[100] Стратегический обзор... – С. 114–115.
[101] Подробнее об операции «Суворов» см.: Великая Отечественная война 1941–1945 гг. : Кампании и стратегические операции... : Т. 2. – М., 2010. – С. 89–91, 110–111.
[102] *Штеменко С.М.* Указ. соч. – С. 237.
[103] *Манштейн Э. фон.* Указ. соч. – С. 489.
[104] Великая Отечественная война, 1941–1945 : Воен.-ист. очерки : Кн. 2. – С. 293.
[105] *Соловьев Б.Г.* Указ. соч. – С. 187.
[106] 20 октября 1943 г. Центральный, Воронежский, Степной, Юго-Западный и Южный фронты были переименованы в Белорусский, 1-й, 2-й, 3-й и 4-й Украинские фронты соответственно.
[107] *Гуркин В.В.* Освобождение Левобережной Украины // Военно-исторический журнал. – 2002. № 1. – С. 12, 14.
[108] *Штеменко С.М.* Указ. соч. – С. 210.
[109] *Шеховцов Н.И.* Битва за Днепр : (К 40-летию). – М., 1983. – С. 17.
[110] Великая Отечественная : Ставка ВГК. – С. 201.
[111] Там же. – С. 16–17.
[112] *Соловьев Б.Г.* Указ. соч. – С. 197.
[113] *Абатуров В.В., Соколов А.М.* Указ. соч. – С. 424–425.
[114] См.: *Ракицкий А.* Крушение «Восточного вала» // Военно-исторический журнал. – 1973. № 9. – С. 10, 21.
[115] *Жданов Ю.* Важнейшие операции 1943 года // Военный вестник. – 1993. № 2. – С. 67.
[116] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. : Кампании и стратегические операции...: Т. 2. – М., 2010. – С. 186.
[117] Великая Отечественная : Ставка ВГК. – С. 18.
[118] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. : Кампании и стратегические операции...: Т. 2. – М., 2010. –С. 217–218.
[119] Там же. – С. 187, 215.
[120] *Михалев С.Н.* Указ. соч. – С. 383.
[121] Там же. – С. 383.
[122] *Уткин Г.М.* Штурм «Восточного вала». – М., 1967. – С. 414.

Резидентура «Дора»: рассекреченные архивы

Каримов Олег Владимирович,
кандидат исторических наук,
Министерство обороны Российской Федерации

Деятельность резидентуры «Дора» в Швейцарии в период Второй мировой войны представляет собой значительное явление в истории отечественной военной разведки. По объёму и качеству добытой о противнике информации резидентура «Дора» была одной из первых среди нелегальных резидентур того времени. Созданная в результате слияния двух небольших групп, резидентура в годы войны выросла в крупную организацию, в составе которой насчитывалось несколько десятков человек. Резидентура располагала многочисленными источниками информации как в Швейцарии, так и за её пределами: в Австрии, Германии, Италии, Франции. «Дора» имела несколько линий прямой радиосвязи с Центром, по которым достаточно оперативно и регулярно поступала важная информация, в том числе сведения о намерениях германского командования на советско-германском фронте, о группировках и перебросках войск, о потерях противника, о военно-экономическом потенциале Германии и т.п. Решившие её судьбу события произошли в 1943 г.

В послевоенные годы деятельность резидентуры «Дора» как и ряда других отечественных резидентур привлекала внимание многих иностранных разведок и контрразведок, историков спецслужб. К сожалению, в отечественной литературе деятельность «Доры» во время войны не получила достаточного подробного научного рассмотрения, что, очевидно, стало следствием открытого опубликования мемуаров Шандора Радо «Под псевдонимом "Дора"»[1].

Радо (Рудольфи) Александр (Шандор) родился в ноябре 1899 г. в г. Уйпешт (Венгрия). По национальности – еврей. Происходил из семьи богатого торговца. По окончании гимназии в 1917 г. поступил на юридический факультет Будапештского университета. В том же году был призван в армию и направлен в офицерскую школу крепостной артиллерии, находившуюся возле озера Балатон. После окончания

офицерской школы в 1918 г. назначен в артиллерийский полк в бюро секретных приказов, т.е. что-то вроде отделения секретного делопроизводства. В 1918 г. примкнул к социалистическому движению. В 1919 г. вступил в венгерскую коммунистическую партию. В период пролетарской диктатуры в Венгрии был политическим комиссаром артиллерийских частей на чехословацком фронте. После падения Советской власти в Венгрии в ноябре 1919 г. эмигрировал в Австрию. В 1919–1920 гг. работал в коммунистических журналах в Вене. В 1920 г. с помощью М.М. Литвинова учредил в Вене отделение РОСТА. В 1921 г. параллельно с работой в РОСТА основал социалистическое агентство «Интел» с центром в Париже. В 1921 г. был участником 3-го конгресса Коминтерна.

В 1922 г. в связи с реорганизацией был по личной инициативе освобождён от работы в РОСТА и переехал в Германию, где с 1922 по 1924 гг. учился в университетах Лейпцига и Йены, специализировался по географии. В 1923–1924 гг. Радо был руководителем пролетарских сотен в Западной Саксонии, подвергся аресту, но сумел бежать.

В августе 1924 г. по предложению коммунистической партии Германии (КПГ) приехал в Москву. Работал в комиссии заграничной помощи при ЦИК СССР, в институте мирового хозяйства и мировой политики Комакадемии научным сотрудником и секретарём коллегии. В 1925 г. был принят в ВКП(б). В 1926 г. ТАСС командировал Радо в Берлин для организации отделения фотоагентства «Пресс-клише». В 1927 г. Радо перешёл на учёт в КПГ.

В 1927–1933 гг. работал географическим редактором в издательстве «Мейерс лексикон», издавал картографический орган «Пресс-географи» и политический атлас «Империализм», издал авиационный путеводитель по Европе. В 1933 г. после прихода гитлеровцев к власти эмигрировал в Францию, принимал участие в организации агентства печати «Инпресс».

В феврале 1934 г. приехал в Москву, где непродолжительное время работал иностранным редактором и консультантом «Большого советского атласа мира». В августе 1934 г. вернулся в Париж для продолжения работы в «Инпресс».

В январе 1935 г. Радо приехал в Москву, где в скором времени встретился с начальником Разведывательного управления РККА комкором С.П. Урицким, который привлёк Радо к разведывательной работе. Об этом достаточно подробно рассказывает сам Радо в своих мемуарах[2]. Радо были присвоены два агентурных псевдонима – «Дора» и «Альберт». В ноябре 1935 г. Шандор командируется в Париж. Вместе с ним едет его семья – жена Елена (в будущем ей будет дан псевдоним – «Мария»), тёща и двое детей. Радо уходит из агентства «Инпресс» и через некоторое время создаёт в Швейцарии собственное дело – издатель-

скую фирму «Геопресс», выпускавшую периодические географические справочники и другие материалы. Деятельность фирмы была успешной, и вскоре всё предприятие даже стало приносить небольшую прибыль. Среди подписчиков на издания фирмы были редакции многих газет, ряд европейских университетов и даже библиотека Конгресса США.

Успеху издательской деятельности Радо несомненно способствовало то обстоятельство, что он действительно был крупным учёным в области географии и вообще всесторонне развитым человеком. Шандор свободно владел немецким, венгерским, английским, французским, итальянским и русским языками. Он пользовался известностью в географических кругах многих стран, был членом географических обществ Франции и Италии, Королевского географического общества. По приглашению последнего Радо посетил Лондон в 1937 г.

В первое время пребывания в Швейцарии Ш. Радо работал самостоятельно, а в июле 1937 г. был передан в подчинение нелегальному резиденту РУ РККА, которого впоследствии в своих мемуарах Радо назовёт «Колей»[3], а отечественный исследователь В.И. Лота называет «Костей»[4]. Резидент направлял его то в Италию для получения сведений о перебросках итальянских войск, то ставил задачи по добыванию разведывательных сведений в отношении Германии.

Из материалов, добытых «Дорой» в этот период, заслуживают внимания справочники, карты, официальные и служебные издания, которые он получал по своей официальной деятельности. В этот период Радо, по словам историка В.И.Лоты, сумел привлечь к сотрудничеству нескольких известных журналистов и польского дипломата[5].

В январе-апреле 1938 г. по указанию Центра «Коля» передал в подчинение «Доры» нескольких агентов, один из которых упоминается в мемуарах Радо – журналист Отто Пюнтер («Пакбо»)[6]. В апреле 1938 г. «Колю» вызвали в Москву, где он был арестован органами НКВД. Таким образом, начало самостоятельной работы новой резидентуры РУ РККА сложилось крайне неудачно – «Дора» не был кадровым сотрудником военной разведки, он не мог профессионально руководить разведывательной деятельностью группы в сложных условиях.

После отъезда «Коли» в Москву «Дора» стал резидентом советской военной разведки в Швейцарии. С этого времени Радо и его помощники начинают активно привлекать новые источники информации, причём делают это неквалифицированно, без соблюдения элементарных правил конспирации. С апреля 1938 по август 1939 гг. работники резидентуры попытались привлечь к сотрудничеству более 20 человек. Однако наиболее ценными оказались лишь «Габель»[7] и «Пуассон»[8]. Остальные не представляли ценности как источники информации, а некоторые были явно подозрительны.

Следует заметить, что «Дора» в своих донесениях о привлечении к сотрудничеству источников информации как в этот период, так и в последующем был чрезвычайно осторожен. Сведения об агентах, которые он направлял Центр, часто ограничивались лишь кличками и фамилиями. Порой даже настоящие имена источников оставались неизвестными.

Направляемые в Москву разведывательные данные в это время не представляли сколько-нибудь значимой информации. «...Всё это происходит потому, что с вашей стороны недостаточно проявляется инициатива и настойчивость в вопросах руководства... Обратите внимание на военную активность Италии и Германии, направленную против Франции, и установите где, в каком количестве и с какой целью сосредоточиваются силы этим странами»[9] – писал «Доре» в апреле 1939 г. начальник Разведуправления РККА.

Вторая мировая война застала резидентуру «Дора» неподготовленной к работе в условиях войны. Имевшиеся источники не могли обеспечить регулярное добывание надёжной информации о намерениях и действиях воюющих сторон. Радо не был ориентирован по направлениям разведывательной работы в связи с изменившейся обстановкой в Европе. К тому же с началом войны связь «Доры» с Центром оборвалась. В резидентуре имелась рация, но не было радиста, шифра и программы связи. Не видя других способов восстановления связи с Радо, Москва поручила в декабре 1939 г. другому советскому нелегалу – «Соне»[10], установить с ним контакт.

В начале января 1940 г. «Соня» доложила в Центр, что связь с Радо установлена. С этого момента и до декабря 1940 г. резидентура «Дора» поддерживала связь с Москвой через «Соню» и её радиостанцию. Центр через «Соню» сообщил Ш. Радо, что в Женеву в марте 1940 г. прибудет ещё один представитель Центра – «Кент» (А.М. Гуревич). «Кенту» были сообщены паспортная фамилия и адрес «Доры». Ему было поручено детально ознакомиться с положением дел в резидентуре, научить Радо шифру, совместно разработать программу радиосвязи, а также поставить задачи по разведывательной работе. В частности, ускорить установление прямой связи с Центром, подготовить радиста и использовать хранившуюся рацию; улучшить качество добываемой информации, пересмотреть источников и отсеять балласт. Главным направлением работы оставались Германии и Италия.

«Однако меня очень беспокоило, что Центр дал Кенту, как и Соне, мой настоящий адрес. Это казалось мне довольно неосмотрительным. Если не было иного способа переслать мне шифр и прочие документы из-за трудностей поездок по воюющей Европе, надо было хотя бы саму встречу с Кентом устроить, не раскрывая моей личности и адреса»,

– писал впоследствии Радо[11]. А. Гуревич вспоминал, в свою очередь: «Для выполнения задания через меня «Дора» направлялась книга для шифрования радиограмм и специальный код, установленный только для этой резидентуры. Мне надлежало запомнить переданный Центром адрес проживания резидента в Женеве, его фамилию, имя и пароли для установления связи с ним при нашей первой встрече. Больше того мне самому необходимо было изучить шифровальный код, чтобы обучить пользоваться им резидента»[12]. Вот на этот момент следует обратить внимание читателя.

«Слушая, я с интересом разглядывал этого, должно быть, чересчур самовлюбленного человека. У него было странное лицо, узкое и вытянутое вниз. Увидев однажды такое лицо, никогда не забудешь. Для разведчика это недостаток... его наставнический тон раздражал, он, видимо, мнил себя важной персоной. Мне такие люди не по душе... Кент провёл инструктаж детально и толково. Он действительно знал свое дело»[13].

Летом 1940 г. «Дора» привлёк к работе Эдмонда Хамеля (псевдоним «Эдуард») владельца радиомагазина в Женеве, радиоинженера по специальности. В августе 1940 г. в магазине «Эдуарда» была установлена радиостанция, на которой поочередно работали «Соня», «Джон» и «Джим»[14]. Они осуществляли подготовку «Эдуарда» по радиосвязи. Позже «Эдуард» самостоятельно собрал три радиостанции для связи с Центром. Его жена – Ольга Хамель (псевдоним «Мауд») в 1941 г. также прошла радиоподготовку и стала оператором. «Втроём они ["Соня", "Джон" и "Джим" – прим. автора] поочередно тренировали Эдуарда и Мауд, а в условленные часы, обычно по ночам, ловили в эфире позывные Центра»[15].

В 1940 г. из всего состава резидентуры работой по добыванию информации занимался только «Пакбо». Он возобновил использование «Габеля». Однако ряд полученных от последнего документальных материалов (в частности картографических) не удалось переслать в Центр из-за отсутствия подходящих средств связи. «Пакбо» периодически привлекал «Пуассона» для получения устной военно-политической информации, главным образом о намерениях германского правительства. Для её добывания «Пакбо» использовал также своих знакомых из журналистских и дипломатических кругов. При этом почти каждого, даже случайного собеседника, «Пакбо» и «Дора» рассматривали как источников и присваивали им агентурные псевдонимы.

Такая практика применялась ими и в последующем. Поэтому в агентурной сети «Доры» числились и такие «агенты», от которых в обычной беседе раз-другой была получена устная информация. Так, например, в сентябре 1940 г «Дора» доложил сразу о четырёх новых агентах, однако фактически они ими не были. «Пакбо» иногда получал от них

интересующую его информацию в беседах. По подсчётам историка В.И. Лоты, резидентура «Дора» (с учётом работы предшествующей резидентуры) за период с начала 1936 г. по октябрь 1940 г. отправила в Центр 144 материала. Однако, как утверждает историк, в этот показатель не были включены сотни текстов радиограмм одной из зарубежных правительственных радиостанций, географические справочники и карты европейских государств и другие материалы[16].

В декабре 1940 г. по указанию Центра «Соня» выехала из Швейцарии. Член её группы «Джим» оставался здесь и обосновался в Лозанне. Перед отъездом «Соня» передала «Джиму» радиостанцию, документы для шифрования и радиосвязи и связала его с «Дорой». «Джиму» предписывалось обеспечивать обмен корреспонденцией между «Дорой» и Центром и вместе с тем, не подвергая себя особому риску, принимать меры по сбору военной информации и передавать её в центр.

«После того как Соня с детьми покинула Швейцарию, мы получили радиограмму Директора, в которой содержалось распоряжение: Джиму перебраться на жительство в Лозанну и установить там Сонину радиостанцию; Джон остаётся в Женеве и поддерживает связь с Центром из этого города. Решение Центра было разумным и своевременным. Эдуард, раздобыв детали, собрал довольно мощный передатчик и приемник. Станция работала хорошо, и Джон бесперебойно держал связь с Москвой. Теперь, когда мы имели две рации, оставлять обе в Женеве было нецелесообразно, учитывая возможность пеленгации»[17]. Связь с Центром «Джим» установил в марте 1941 г. для связи между ним и «Дорой» использовалась жена «Доры» – «Мария».

В первой половине 1941 г. «Дора», используя главным образом данные источников «Пакбо», посылает в Центр ряд донесений о военных приготовлениях фашистской Германии, в частности, о подготовке войны против СССР и о группировке германских войск.

Ниже в качестве примера приводятся некоторые радиограммы «Доры»:

3 февраля 1941 г.: «...В настоящее время в Германии подготовлено 800 тысяч человек для воздушной пехоты, которая будет брошена весной на Украину. В Польше хранятся большие запасы ядовитых газов»[18].

21 февраля 1941 г.: «По сообщению начальника разведслужбы швейцарского генштаба, Германия имеет сейчас на востоке 150 дивизий. По его мнению, выступление Германии начнется в конце мая»[19].

7 апреля 1941 г.: «1) ... Все германские моторизованные дивизии на востоке. Из них 10-13 дивизий под Тарнов. Такое количество войск, расположенных на швейцарской границе, переброшено на юго-восток.

2)... На востоке (от Румынии до Восточной Пруссии) 2 млн немецких войск, не считая войск в Болгарии»[20].

12 апреля 1941 г.: «От Габеля. Дислокация германской армии в середине марта число дивизий: Франция 50, в Бельгии и Голландии 15, в Дании и Норвегии 10, в Восточной Пруссии 16, в генерал-губернаторстве 44, из них 12 моторизованных и бронедивизий, в Румынии 30, в Болгарии 22, в Богемии, Словакии и Австрии 20. В районе Мюнхена и Ульма 8, в Италии 5, в Африке 5, всего 225, кроме того, находится в стадии подготовки в Германии 25 дивизий»[21].

22 апреля 1941 г.: «Через Пуассона узнал от члена национального совета, главного редактора «Базлернахрихтен» – берлинские правительственные круги называют 15 июня, как дату похода на Украину. Они рассчитывают только на слабое сопротивление»[22].

19 мая 1941 г.: «От Дианы: по сообщению швейцарского военного атташе в Берлине от 5-го мая, сведения о предполагаемом походе немцев на Украину происходят из самых достоверных немецких кругов и отвечают действительности. Выступление произойдёт только когда английский флот не сможет войти в Чёрное море и когда немецкая армия закрепится в Малой Азии. Следующая цель немцев занятие Гибралтара и Суэцканала, с тем, чтобы изгнать английский флот из Средиземного моря»[23].

2 июня 1941 г.: «Из беседы с немецким офицером. Все немецкие моторизованные части на советской границе в постоянной готовности, несмотря на то, что напряжение сейчас меньше, чем было в конце апреля – начале мая. В отличие от апрельско-майского периода подготовка на русской границе проводится менее демонстративно, но более интенсивно»[24].

14 июня 1941 г.: «... приехав из Германии, сообщает: 1) В настоящее время готовятся немецкие пехотные дивизии особого назначения (отборные), в которых каждый солдат умеет обращаться с пулемётом и миномётом. К дивизиям этого рода относятся дивизии №№ 5 и 10, которые дислоцированы в Губернаторстве. 2) На сов. границе стоят теперь 100 немецких пехотных дивизий. Из них одна треть моторизована. Кроме того, 10 бронетанковых дивизий. 3) В Румынии, особенно большая концентрация немецких войск у Галаца»[25].

Как видно из донесений, резидентура «Дора» в течение полугода последовательно докладывала в Центр о планомерной подготовке гитлеровской Германии к нападению на СССР. К сожалению, эти донесения постигла участь подобных сообщений из других источников.

В апреле-мае 1941 г. по решению Центра к резидентуре «Дора» была присоединена группа «Сиси», созданная в середине 1930-х гг. В начале это была организация, которой руководила М.И. Полякова («Гизеля»). Её резидентура «Корона» занималась добыванием военно-технических секретов Германии[26].

После того, как резидента отозвали в Москву, группу возглавила Рашель Дюбендорфер, она же «Сиси». В течение нескольких лет эта резидентура практически не действовала. «Предлагалось, не откладывая, установить контакт с живущей в Женеве некоей Сиси. Давались адрес и настоящая фамилия этой женщины. К нашему общему с Леной удивлению, она оказалась... знакомой... Директор давал мне такое указание: пойти к "Сиси" домой, назвать пароль и затем принять в своё подчинение её группу»[27], – вспоминал после войны Ш. Радо.

Присоединяя «Сиси» и её людей, Центр преследовал двоякую цель: с одной стороны – ввести в действие оказавшуюся совершенно без связи группу, а с другой стороны – укрепить группу «Доры» новыми опытными сотрудниками. Несмотря на то, что в условиях начавшейся Второй мировой войны это было единственно правильным решением, после объединения началось непомерное разрастание резидентуры «Дора», возникли внутренние проблемы, подробно описанные самим разведчиком в мемуарах. Было бы лучше со стороны Центра попытаться организовать прямую связь группы «Сиси» с Москвой.

Однако вплоть до начала Великой Отечественной войны многие организационные вопросы работы резидентуры «Дора» так и не были решены. Сам «Дора» испытывал постоянные затруднения в связи с проживанием в Швейцарии. С началом войны условия пребывания иностранцев в стране усложнились. Разрешение «Доре» продевалось каждый раз только на несколько месяцев.

Утром 22 июня 1941 г. из сообщения по швейцарскому радио Радо узнал о нападении Германии на Советский Союз. На следующий день «Дора» передал в Центр: «В этот исторический момент мы будем с Вами неизменной верности, с удвоенной энергией стоять на своём посту»[28]. В этот же день «Директор» ответил: «1) Ваши телеграммы получил. Сердечно благодарны.

2) Организуйте наблюдение западной группировкой германских войск, добывайте всё по намерениям, планам главного удара германского командования, передавайте непрерывно...»[29].

27 июня 1941 г. Центр ставит задачу «Доре», «Джону» и «Джиму»:

«Молнируйте: 1) Группировку немецких войск во Франции.

2) Движение их на восток.

3) Отправляются ли итальянские войска на Балканы. В эти дни прошу работать интенсивней»[30].

1 июля 1941 г. в связи с ухудшением положения на фронтах «Директор» повторяет задачу Радо: «1) Доре... Всё внимание получению информации о немецкой армии. Внимательно следить, регулярно сообщать о перебросках немецких войск на восток из Франции и других западных районов...»[31].

В первые два-три месяца войны ввиду недостатка в осведомлённых источниках от «Доры» поступала весьма скудная информация, в большей степени освещающая военно-политическую обстановку в западноевропейских странах. Лишь незначительное количество телеграмм содержало сведения о планах гитлеровского командования на советско-германском фронте. К примеру, за период с 5 по 24 июля 1941 г. от «Доры» поступили следующие сообщения названной тематики:

– «... из немецких источников: немцы надеются в течение трёх недель с начала войны на востоке добиться окончательной победы, взять в плен Сталина и советское правительство, с помощью сообщников в СССР и намерены закончить войну на востоке до конца августа. На сентябрь предусмотрено вторжение в Англию»;

–«...немецкое главное командование рассчитывало взять Москву 3.07»;

– «Все запасы ОВ со складов заводов Леуна (Lennawerke) отправлены: одна половина на восточный фронт, другая в оккупированную Францию»;

– «1) Швейцарская граница почти совсем оголена от немецких и итальянских войск.

2) В немецких гарнизонах на границах оккупированной Франции всех молодых солдат заменили старыми. Молодые солдаты уже отправлены на восток.

3) Немцы, проживающие постоянно в Швейцарии, мобилизируются теперь Германским командованием»;

– «Из Бургаса на французской демаркационной линии все зенитные орудия переброшены на восток. Оттуда же переброшены на восток все авточасти. Из Штрассбурга направлены на восток 200 новых построенных там танков. Из Парижа все войсковые части переброшены на восток»;

– «Все прибывающие из оккупированной Франции, а также все поступающие оттуда сообщения говорят о том, что оттуда оттянута наибольшая часть германских войск. В Бордо находятся лишь школы рекрутов и 40-50-летние члены ландштурма»;

– «Только что вернувшийся из Румынии агент... сообщает:

1) Война против СССР в Румынии очень непопулярна, несмотря на террор «СС», происходят многочисленные акты неповиновения и саботажа в армии.

2) ... насчитал 50 немецких зенитных батарей, которые были взяты из Италии и направлены 22-го июля в Плоешти и порты Чёрного моря»;

– «Представитель интендантского отдела германского Генштаба, который закупает здесь большое количество леса, заявил, что окончательная победа Германии в общем масштабе намечается не раньше

1943 г. Лес он закупает для сооружения макетов железнодорожных узлов и мостов, с тем, чтобы ввести в заблуждение авиацию противника. Этот же представитель заявил, что немецкий Генштаб наметил границы своего продвижения в СССР. Это по линии Архангельск–Северная Двина–Волга, Байкал. После Волги немцы пойдут дальше в Иран и Индию. Всё остальное будет заключено совместно с Японией»;

– «В оккупированную Францию, немцы прислали взамен отправленных на восток частей старых и совсем молодых солдат резерва...» [32].

В этот период «Дора» по собственной инициативе приступил к новой для себя сфере деятельности – попыткам нарушать налаженное противником производство вооружения и военной техники. В сообщениях от 5, 11 и 21 июля 1941 г. он радировал:

– «...поручил организацию саботажа на местных заводах, производящих вооружение для Германии. На отдельных предприятиях проводится замедленное обслуживание конвейеров и неправильная регулировка взрывателей»;

– «... поставил своим людям задачу саботажа на военных заводах, работающих на Германию. Организованный... саботаж на работающих для Германии, военных заводах и на производстве вагонов для Германии – проводится регулярно»;

– «В результате диверсионного акта в Базеле взлетел на воздух предназначенный для Германии поезд с боеприпасами. В Базеле также был взорван ещё состав с боеприпасами» [33]. Последнее сообщение носило информационный характер и не являлось результатом деятельности самого Ш. Радо.

Центр не оставлял информацию «Доры» без внимания и направил ему 16 июля 1941 г. очередные указания о необходимости сосредоточить усилия на добывании следующих сведений: «Молнируйте всё, что удастся узнать: Где находятся штабы 4-й, 8-й армий, раньше отмечавшихся районе Варшавы, какие крупные соединения сейчас Варшаве? По каким направлениям следуют германские резервы из В. Пруссии и центра Германии? Какие армии немцев действуют Румынии, их местонахождение, нумерация, состав? Где итальянский экспедиционный корпус?» [34].

В течение второй половины 1941 г. – начале 1942 г. резидентура приобретает несколько новых ценных источников информации («Зальтер», «Лонг», «Луиза», «Грау», «Агнесса», «Лили» [35] и ряд других, сведения о которых до сих пор составляют государственную тайну). Количество направленных «Директору» разведывательных донесений резко возросло. Наиболее существенным было приобретение резидентурой разведчика «Лонга». Прежние источники – «Пуассон» и «Габель» – во время войны оказались неспособными добывать интересующую «Дору» информацию, и работа с ними постепенно прекратилась.

В первый год войны Германии против Советского Союза ряд новых источников информации появился и у «Сиси» («Билль», «Мариус», «Тейлор», «Димен»[36] и другие). Следуя указаниям Центра, она не ограничивалась только добыванием военно-технической информации, а стремилась получать также военно-политические сведения, главным образом по Германии. Правда, в этот период её источники по своему положению могли давать только случайные сведения, часто основанные на слухах.

«Джим» в это время своих собственных источников информации ещё не имел. Летом 1941 г. по указанию Москвы и независимо от «Доры» он установил связь со старым работником Центра «Анной»[37]. В 1942 г. «Джим» по указанию Центра независимо от «Доры» установил связь с агентами «Лоренцом» и «Лорой» и оказал им помощь. Супруги проживали в Лозанне и связи с Центром не имели. «Время от времени Лоренц передавал Джиму информацию»[38] – писал Ш. Радо.

В конце 1941 г. «Пакбо» привлёк к работе в качестве радистки Маргарет Болли (псевдоним «Роза»)[39]. Подготовку «Розы» по радиосвязи провел «Джим». Сначала рация Болли находилась в доме её родителей в Базеле. Но вскоре из-за протестов родителей от этой квартиры пришлось отказаться. «Роза» переехала в Женеву и с сентября 1942 г. начала работать там. Таким образом, к началу 1942 г. «Дора» для связи с центром имел 3 радиостанции: «Джима», «Эдуарда» («Мауд») и «Розы».

Во второй половине 1941 г. от резидентуры в Центр поступило свыше 130 информационных телеграмм. В указанных сообщениях освещались такие важнейшие вопросы:

– переброски немецких войск из Западной Европы на восточный фронт и состав оставшейся в Западной Европе группировки, потери вермахта и настроения местного населения;

– планы Германии по ведению войны против СССР в связи со срывом намеченных темпов наступления; подготовка к применению отравляющих веществ на советско-германском фронте;

– результаты бомбардировок английской авиации в Германии и советской – в Румынии;

– возможное вступление в войну Японии и США;

– некоторые тактико-технические данные вооружений и военной техники, поставлявшихся в Германию.

Тематика сообщений резидентуры, как видно, была весьма разнообразной и актуальной. Недостаток же заключался в том, что донесения эти не были систематическими и достоверными. Добытая в это время информация базировалась в основном на слухах и разговорах в журналистских и дипломатических кругах. Однако, даже отрывочные и малонадёжные донесения «Доры» представляли значительный

интерес, поскольку в тот период сведения о противнике были достаточно скудны. Значительная часть донесений «Доры» направлялась членам ГКО, начальнику Генштаба, почти все донесения включались в разведсводки, выпускаемые РУ Генштаба РККА.

В 1942 г. количество поступающих от Радо разведывательных сообщений значительно возросло. За год поступило от него около 800 шифрованных радиограмм (около 1 тысячи 100 листов), из которых только небольшая часть (10–15%) была посвящена организационным вопросам. В отдельные дни от «Доры» поступало по 4–5 информационных телеграмм.

За период с мая по август 1942 г. группой Радо был представлен обширный материал по следующим вопросам, освещающим армию и хозяйство Германии: общеполитические моменты, планы и намерения командования, резервы, переброски войск на фронт и в Европе, возможности Германии по производству танков, самолётов, артиллерии, сведения о намерениях и возможностях организации химической войны и другие. Наиболее полно и относительно закончено «Дорой» были освещены общие планы и мероприятия по подготовке химической войны.

На основе отдельных материалов были подготовлены специальные сообщения для высших правительственных и военных органов СССР. К числу таких материалов следует отнести: а) сообщение о стратегическом плане германского командования на лето 1942 г.; б) анализ причин задержки немецкого наступления на восточном фронте; в) ряд сообщений о планах германского командования в отношении химической войны, о новых немецких отравляющих веществах и способах их применения, об опытах использования внутриатомной энергии урана. Слабее были освещены состояние тылов армии и положение важнейших отраслей хозяйства. В целом же, несмотря на большое значение и важность многих сообщённых сведений, подавляющая часть заданий Центра полностью отработана не была. Многие вопросы освещены обще и достаточно противоречиво, имелось много данных явно несуразного, а подчас и дезинформационного характера.

Как уже говорилось выше, в течение 1941-1942 гг. резидентура под руководством Ш.Радо приобрела большое количество новых источников и сумела обеспечить регулярное поступление в Центр обширной информации о противнике. Рост организации, привлечение новых членов в резидентуру проходил стихийно без активного вмешательства со стороны Москвы. Имея общую установку на увеличение объёмов добываемой разведывательной информации по Германии и её вооружённым силам, «Дора» успешно использовал возможности такой нейтральной страны как Швейцария. Источники информации выявлялись в дипломатических, журналистских и эмигрантских кругах, т.е. в сфере

активной деятельности иностранных разведок. Так «Лонг» и «Зальтер», оставаясь офицерами деголлевской разведки, вполне добросовестно и весьма продуктивно сотрудничали с «Дорой». Они привлекали и использовали целый ряд хорошо осведомлённых источников.

Центр не ставил под сомнение целесообразность работы «Доры» с агентами-двойниками. По-видимому, преобладала точка зрения, что чем больше источников информации, тем лучше. Резиденту поручалось лишь отбросить пустую и ложную информацию, но «Дора» не был к этому достаточно подготовлен и, к сожалению, не всегда имел возможность проверять получаемые сведения.

К осени 1942 г. состав резидентуры вырос до явно ненормальных размеров. Через агента «Тейлора» из группы «Сиси» был привлечён к работе на советскую разведку новый источник, получивший псевдоним «Люци»[40], который по объёму и важности информации превзошёл всех других источников резидентуры. «Тейлор» сообщил, что «соглашаясь на совместную работу, неизвестное лицо ставит одно категорическое условие: советская разведка не будет выяснять его настоящую фамилию, адрес и род занятий. Тейлор лишь сообщил, что человек этот живёт в Люцерне... Новому источнику я дал псевдоним "Люци", по созвучию с Люцерном – городом, где он жил»[41].

К моменту, когда «Люци» предложил свои услуги советской разведке, он работал уже не только на швейцарскую, но также на американскую, английскую и чехословацкую разведку. «Тейлор» действовал в качестве помощника «Люци» и его посредника по связи с иностранными разведками. Сотрудничество Рёсслера с иностранными разведками с самого начала не было тайной для Центра. Об этом «Дора» неоднократно доносил в своих телеграммах. Руководство ГРУ совершенно сознательно пошло на сотрудничество с агентом. Правда по настоянию Центра «Дора» предпринял несколько попыток установить источники «Люци», но безуспешно. «Люци» категорически отказывался называть своих источников и в этом ему оказывала поддержку «Сиси», которая даже пригрозила разрывом с «Тейлором» и «Люци» если «Директор» будет настаивать на раскрытии источников.

Сведения, поступавшие от «Люци», исходили из различных учреждений Германии. «Поэтому, чтобы в Центре имели точное представление, откуда, из какого источника получена та или иная информация, я обозначал эти источники условными именами – "Вертер", "Ольга", "Тедди", "Фердинанд", "Штефан", "Анна". Имена эти не принадлежали каким-то конкретным лицам. Придумывая псевдонимы, я обозначал лишь имя, созвучное с немецким названием данного учреждения. Например, Вертер – вермахт и т.п. Пересылая через "Тейлора" и "Сиси" свой материал, "Люци" помечал, из какого ведомства он получен:

"из ОКВ", "из ВВС", "из МИД". Шифруя текст, я кодировал источники соответствующими псевдонимами, известными лишь мне и Директору»[42]– вспоминал Ш. Радо.

Остаётся неизвестным до сих пор, как «Люци» организовал получение информации от своих источников в Германии. «Дора» лишь подчёркивал большую оперативность в доставке сведений «Люци». Донесения из Берлина, по его словам, шли 1–2 дня и никогда более 5 суток. В своих мемуарах Радо предположил, что, скорее всего, Рёсслер пользовался радиосвязью.

Помимо группы «Тейлора» – «Люци», резидентура «Дора» смогла использовать в 1943 г. и несколько новых источников информации. С некоторыми из них работа началась ещё в 1942 г. Новые источники появились у «Лонга», «Луизы» и «Пакбо». В 1943 г. по разным причинам отсеялись некоторые источники информации, привлечённые к работе ранее («Пуассон», «Билль» и ряд других, не упомянутых в мемуарах Шандора Радо).

С установлением сотрудничества с «Люци» «Дора» получил возможность увеличить количество отправляемых в Центр разведданных. В 1943 г. по объёму информация от «Люци» превышала информацию всех других источников вместе взятых. Причём тематика его материалов наиболее полно отвечала требованиям военного времени. Что же касается качества – полноты и достоверности, то общая картина представляется довольно пёстрой: наряду с ценными данными продолжали поступать сведения, не представлявшие интереса, а порой и дезинформация.

Проведённая в ГРУ ГШ проверка сообщений ряда от резидентуры «Дора» выявила, что по каналу от источника, скрывавшегося под псевдонимом «Вертер», в Москву достаточно часто поступала дезинформация. «Вертер» давал обширную информацию по вооружённым силам противника, планам главного командования Германии. С 7 ноября 1942 по 25 июля 1943 гг. «Вертер» представил 84 донесения, содержание которых касалось этих главных вопросов. При повторной проверке было установлено, что полностью достоверных сообщений, поступивших вовремя, было лишь 15. Достоверных, но поступивших с опозданием – 29. Дезинформационных – 23. Дезинформационных, имевших цель завуалировать намерения германского командования – 17.

Таким образом, проверка показала, что почти половина сообщений от «Вертера» носила дезинформационный характер. Тщательный анализ этих донесений для установления, были ли они специально направлены для дезинформации советского командования и какое влияние оказали они на планирование операций советских войск, выходит за рамки настоящей статьи и требует самостоятельного исследования.

Тем не менее, Центр требовал от «Доры» расширить масштаб получаемых от этого источника сведений, не давая понять, что «Вертер» разоблачен советской разведкой.

Общий итог представленных резидентурой «Дора» донесений за 1942–1943 гг. – свыше трёх тысяч листов телеграмм[43], из них 30% ценных сведений не нуждались в дополнительной проверке. Несмотря на проникновение в сеть дезинформатора, сведения, представляемые резидентурой, были весьма полезны, затрагивали разнообразные и важные вопросы, а по качеству в значительной части являлись ценными. В целом же по добыванию сведений о противнике резидентура «Дора» в 1943 г. занимала одно из первых мест в ГРУ. Деятельность резидентуры «Дора» заслуживает самой положительной оценки исходя из того огромного вклада, который она внесла в победу над фашизмом.

К 1 августа 1943 г. состав резидентуры «Дора» достиг своего максимума и превышал несколько десятков человек. Причём три четверти из её состава составляли источники информации. Кроме того, в распоряжении Радо было четыре радиостанции: три в Женеве («Эдуард», «Мауд», «Роза») и одна в Лозанне («Джим»).

Организационно резидентура состояла из нескольких групп, три из которых упоминаются в открытой печати: группа «Сиси», группа «Пакбо» и группа «Джима». По оценке историка В.И. Лоты, в составе резидентуры было 97 человек. Из них в Женеве работали 19 человек, в Берне – 15, в Цюрихе – 9, в других городах Швейцарии ещё 27 человек. В Германии добывали информацию 17 человек, в Италии – 2, в Австрии – 3, во Франции – 5[44].

Существенным недостатком такой организации было наличие связей организации «Дора» с провалившимися в Германии («Альта», «Харо» и др.), Франции и Бельгии («Кент» – «Отто» и др.) резидентурами. Провал в Бельгии в 1941 г. привёл к провалам в 1942 г. во Франции и Германии. Провал «Кента» и «Отто» мог привести, а вполне вероятно и привёл, немецкую контрразведку к «Доре», «Пакбо», «Сиси» и «Джиму».

В своих мемуарах А. Гуревич («Кент»), стремясь отвести от себя обвинения в предательстве и сотрудничестве с немцами, выдвинутые Радо и Л. Треппером («Отто»), сообщил, что основным виновником всех провалов является радист Хемниц. «Провал произошёл исключительно в результате предательства арестованного 13 декабря 1941 г. в Брюсселе радиста Хемница (советского разведчика Макарова), выдавшего гестапо шифр, которым было зашифровано задание Центра, переданное через его передатчик и которым был зашифрован доклад мой, "Кента", о выполнении полученного задания»[45]. По словам «Кента», на допросах в гестапо ему было предложено рассказать, к кому и с каким заданием он прибыл в 1940 г. в Швейцарию. «Более того, требовали,

чтобы я назвал код, которому обучил нашего разведчика в Швейцарии и назвал его точный адрес. На одном из допросов присутствовали двое – якобы муж и жена[46], которым гестапо поручило поехать в Женеву»[47].

Однако в этих словах Гуревич, не замечая того, расставляет себе ловушку, так как получается удивительная в своей неправдоподобности ситуация: два «предателя» – советские разведчики М.В. Макаров («Хемниц») и К.Л. Ефремов («Паскаль») – выдали шифры и агентуру немцам и были казнены, а «Кент» ничего «существенного» не сообщил гестапо, остался жив, да ещё сумел перевербовать своих противников. «Лучшим доказательством того, что я не давал никаких существенных показаний о моей поездке в Швейцарию является то, что Шандор Радо проработал в Швейцарии до сентября 1944 г., а ведь я был арестован гестапо в начале ноября 1942 г., и следствие по существу закончилось в первой половине 1943 г.»[48] – писал Гуревич.

Тем не менее, как мы видим, именно в 1943 г. у резидентуры «Дора» и появляются первые крупные неприятности. В любом случае ни подтвердить, ни опровергнуть слова Гуревича невозможно до тех пор, пока в Германии (или за океаном) не будут обнаружены и обнародованы протоколы допросов самого «Кента» и казнённых разведчиков: М.В. Макарова, К.Л. Ефремова, И. Венцеля, А. Шнеэ (Г. Робинсона).

Таким образом, основные лица резидентуры были поставлены под угрозу провала. Именно «Кент» точно знал, что «Дора» работал на советскую разведку. Про остальных же сотрудников резидентуры точные доказательства у немцев отсутствовали. Однако обстановка в Швейцарии немцам не благоприятствовала. Тем не менее, все сотрудники «Доры» могли быть под подозрением и наблюдением немецких контрразведывательных органов.

К лету 1943 г. руководство ГРУ уже располагало данными, свидетельствующими об опасности провала, грозящего резидентуре «Дора» вследствие провалов в соседних странах. Обстановка требовала принятия срочных организационных мер и в первую очередь разукрупнения резидентуры, создания автономных групп связанных с Центром, требования от «Доры» тщательного соблюдения конспирации. Однако руководство разведки не пошло на это в полной мере, опасаясь, что организационная ломка вызовет приостановку на неопределённый срок получения важной и ценной информации от резидентуры Радо. К сожалению, не желая поступиться в малом, т.е. не желая допустить перебоя в поступлении информации, советская военная разведка потеряла всё.

К августу 1943 г. в Германии были арестованы Анна Мюллер («Анна»), Эльза Ноффке («Инге»), Генрих Кёнен («Франц»), Генрих Мюллер («Ганс»), Агнесса Циммерман («Микки»), Лина Мюллер, Клара Шабель[49] и другие. Вскоре начались провалы основных работников,

работа резидентуры прекратилась, что имело тяжёлые последствия для отечественной военной разведки.

В результате признаний некоторых наших агентурных работников в Бельгии, Франции и Германии, немецкая контрразведка получила достоверные данные о наличии в Швейцарии сильной советской разведывательной организации. Немецкая контрразведка в различной степени установила принадлежность к советской разведке основных работников резидентуры: «Доры», «Сиси», «Джима», «Пакбо», «Габеля», «Билль» и других. В сентябре 1943 г. Центр предложил «Доре» прервать связь с «Сиси» и «Джимом». Лишившись их помощи в шифровании, Радо с сентября 1943 г. привлёк к этой работе своих радистов – «Мауд» и «Розу». Последствия этого решения были достаточно трагичны, тем более что «Дора» не посоветовался о принятом решении с «Директором». Объективности ради следует заметить, что использовавшиеся «Дорой» шифры были неудобны для такой интенсивной корреспонденции, которая исходила от него в 1943 г. Для работы с шифрами Ш. Радо требовалось много времени: ежедневно по 8 часов он занимался расшифрованием (шифрованием) входящих (исходящих) телеграмм. Поскольку руководство резидентурой и официальная работа в качестве географа требовала много времени, то можно понять стремление «Доры» привлечь к шифровальной работе и других сотрудников резидентуры.

Германская контрразведка, не имея возможности самостоятельно ликвидировать советскую разведывательную организацию на территории нейтральной Швейцарии, приняла меры к тому, чтобы осуществить эту операцию руками швейцарских властей. После получения от немцев требования о ликвидации резидентуры и некоторых исходных данных, швейцарские власти приступили к раскрытию организации «Дора». Наблюдение за работой советских нелегальных радиостанций было поручено специальному радиоотряду под командованием лейтенанта Трейера, который приступил к поиску 9 сентября 1943 г.

Обнаружение и розыск наших радиостанций были делом нетрудным, так как маскировка радиосвязи была примитивной. Радиообмен вёлся весьма интенсивно, по несколько часов подряд, на неизменных радиочастотах, на одних и тех же квартирах. Через два дня после начала поиска – 11 сентября 1943 г. отряд Трейера впервые обнаружил в эфире работу нашей станции, а к 25 сентября уже было установлено точное местонахождение и принадлежность обеих радиостанций – «Эдуард» и «Роза». За домом Хамелей и квартирой Болли полиция установила наружное наблюдение. «Роза» обнаружила это наблюдение и доложила об этом «Доре». Это насторожило Радо и Центр, но они посчитали, что ведётся наблюдение за кем-то другим и не приняли мер по предотвращению провала. Но на всякий случай 9 октября «Дора» решил изъять

рацию у «Розы», что сделал «Эдуард», который отнёс её к себе в магазин. «Дора» считал, что если ничего не случится, то 16 октября Болли возобновит работу. Центр согласился.

Однако в ночь 13 на 14 октября 1943 г. швейцарской полицией были арестованы радисты «Доры» – «Эдуард», «Мауд» и «Роза». Эти аресты явились началом провала всей организации «Дора».

В 00:17 14 октября рация «Мауд» вышла в эфир. В 01:30 полицейские взломав дверь ворвались в дом Хамелей. Налёт застал их врасплох. Полиция захватила только что работавшую и ещё горячую рацию, отправленные и полученные телеграммы, страницы шифровальной книги. «Эдуард» и «Мауд» были арестованы и отправлены в полицию. Одновременно был произведён обыск в магазине и обнаружена спрятанная там рация Болли. В ту же ночь была арестована «Роза». Полиция нашла Маргарет у её любовника Ганса Петерса, который оказался тайным агентом гестапо. Был проведён обыск и у неё. Хотя рация обнаружена не была, но были найдены детали к ней, таблицы позывных, книга для шифровки и другие материалы.

Обеспокоенный отсутствием рации «Розы» и «Эдуарда», Центр запросил у «Джима», имеется ли у него связь с «Дорой». В тот же сеанс ночью с 19 на 20 октября Джим передал сообщение «Доры» об аресте радистов и отсутствии сведений о «Розе». «Я ... написал донесение Директору о случившемся и велел "Джиму" для страховки передать его шифром, поскольку у меня не было полной уверенности, что полиция не нашла у радистов страниц моей шифровальной книги»[50].

Следствие по делу радистов сначала вела федеральная швейцарская полиция. Позже, месяца через три, его передали военным властям. Примерно через неделю Ш. Радо удалось не только разузнать, в какой тюрьме находятся радисты, но и наладить с ними переписку. Хамели и Маргарита Болли содержались в камерах-одиночках женевской тюрьмы Сент-Антуан. По сведениям, полученным от «Эдуарда», был запеленгован и третий передатчик, но «Дора» посчитал, что это была «Роза». Центр не обратил на это должного внимания, а третьим передатчиком мог быть только «Джим». 25 октября Москва дала нашему лозаннскому радисту распоряжение: «Сократите ваши передачи до минимума. Для маскировки работы предлагаем: не выходите в эфир дольше чем на 20 минут... При соблюдении этих условий Вы можете вызывать нас два–три раза каждую ночь. Слушать нас для Вас не опасно. Директор»[51].

С начала ноября 1943 г. Радо вынужден был перейти на нелегальное положение. Подходящую квартиру ему удалось найти быстро: укрытие предоставил один женевский врач. Но связь с членами резидентуры пришлось налаживать заново, так как «Роза», супруги Хамель и «Мария», выполнявшие роль связных между «Джимом», «Пакбо», «Сиси»

и «Дорой», теперь были изолированы. Эти вопросы Радо обсуждал с «Джимом», который приходил к нему на квартиру один–два раза в неделю. С той же целью посещала конспиративную квартиру и «Сиси». Здесь же Радо познакомил «Джима» с «Пакбо». Самым главным было продолжение передачи в Центр информации.

В то же время радиоотряд лейтенанта Трейера продолжал поиски радиостанции «Джима». В докладе лейтенанта было записано: «27 сентября услышан сигнал третьей рации; 9 октября – определённо, что она работает в Лозанне; 20 октября – определён квартал; 5 ноября – подтверждена гипотеза, что рация работала на квартире Фута». В ночь с 19 на 20 ноября "Джим" был арестован в своей квартире во время сеанса радиосвязи с Центром[52].

28 ноября 1943 г. швейцарская контрразведка начала вести радиоигру с Москвой от имени «Доры» через рацию «Джима». Поначалу операторы узла связи Центра отметили некоторые необычные приёмы радиста, однако считали, что это работает «Джим». К концу декабря Центр догадался, что это не наш разведчик, но сделал вид, будто принимает подставного радиста за «Джима». Только через четыре месяца швейцарцы убедились в провале радиоигры и последовали новые аресты. 19 апреля 1944 г. полицейские схватили «Сиси», Пауля Бётхера и «Тейлора». Спустя месяц был арестован «Люци». Всех отправили в одиночки лозаннской тюрьмы Буа-Мермэ, где уже находились радисты. «Дора» к концу января 1944 г. с большим трудом нашёл другую конспиративную квартиру, куда и перебрался.

Однако аресты окончательно парализовали деятельность группы. «По существу, это был разгром, хотя все источники, за исключением группы "Люци", сохранились. На свободе оставался ещё один мой помощник – "Пакбо", который мог бы вновь организовать работу с людьми ("Лонгом", "Зальтером" и другими). Но теперь мы были совершенно парализованы – лишились не только передатчиков и радистов, но и шифров для связи с Центром»[53]. После провала резидентуры Радо скрывался в Швейцарии. В сентябре 1944 г. он с женой решил перебраться в освобождённый Париж. Детей и тёщу было решено оставить временно в Женеве.

26 октября 1944 г. Радо явился в советскую миссию по репатриации. После беседы с сотрудниками миссии ему предложили вылететь в Москву для отчета в Центре. Радо согласился. Получив документы на имя советского гражданина-репатрианта Игнатия Кулишера[54], 8 января 1945 г. «Дора» вылетел в Москву. Соседом Радо в самолете оказался Леопольд Треппер («Отто»). Он рассказал, что в Москве за ошибки строго наказывают. Эти слова произвели на Ш. Радо угнетающее воздействие. Он испугался, что в Москве за провал резидентуры его строго

накажут. В результате возникшего нервного срыва во время остановки в Каире он не явился к автобусу для следования в аэропорт.

Сотрудники советского посольства искали беглеца несколько дней. В конце концов, было установлено, что советский гражданин И. Кулишер находится в английском посольстве и просит у британских властей покровительства. Не желая осложнений с Советским Союзом, английское правительство передало Кулишера каирским властям, а египтяне упрятали беглеца в лагерь для интернированных иностранцев.

Советское посольство в Каире добилось выдачи Ш. Радо и 2 августа 1945 г. беглеца доставили в Москву, где его арестовали сотрудники «Смерш». В декабре 1946 г. Ш.Радо был осуждён на 10 лет лишения свободы. Командование ГРУ ГШ не смогло помочь одному из лучших своих резидентов. Лишь в ноябре 1954 г. Радо был освобождён из заключения и выехал в Будапешт.

В 1956 г. Военная коллегия Верховного суда СССР вынесла определение об отмене постановления Особого совещания и закрыла уголовное дело за отсутствием состава преступления. В 1972 г. ГРУ ГШ ВС СССР принесло Шандору Радо извинения за то, что была допущена серьёзная ошибка в оценке результатов его работы. Он был награждён орденом Отечественной войны I степени.

После войны Ш. Радо стал доктором географических и экономических наук, профессором Будапештского университета, начальником отдела Государственного управления геодезии и картографии Венгрии, председателем Географического комитета Венгерской академии наук.

Шандор Радо неоднократно приезжал в СССР, поддерживал творческие отношения с ведущими советскими картографами, был награждён орденом Дружбы народов.

Суд же над арестованными в Швейцарии советскими разведчиками состоялся лишь после войны. 22 октября 1945 г. военный суд в Берне рассмотрел дело по обвинению в незаконной разведывательной деятельности против Германии разведчиков резидентуры «Дора». Р. Дюбендорфер приговорили к двум годам лишения свободы и штрафу в 5 тысяч франков. Её муж, П. Бётхер, получил два года тюремного заключения. Х. Шнейдер приговорён к одному месяцу тюрьмы, а Р. Рёсслер – оправдан.

В октябре 1947 г. в Женеве состоялся второй суд. Ш. Радо был заочно приговорён к одному году тюремного заключения. Вместе с ним были осуждены радисты А. Фут, О. и Э. Хамель, М. Болли.

Так завершилась история одной из самых эффективных резидентур советской военной разведки, внёсшей огромный вклад в дело победы нашей страны в Великой Отечественной войне.

Примечания

[1] *Радо Ш.* Под псевдонимом «Дора». – М. : Воениздат, 1976. В 1970-е гг. выход в свет такой книги был большой редкостью и стал настоящим событием. О деятельности советской нелегальной разведки широкой общественности было известно очень мало.
[2] *Радо Ш.* Указ. соч. – С. 35–37.
[3] Там же. С. 45.
[4] *Лота В.И.* «Альта» против «Барбароссы». – М., 2005. – С. 107.
[5] Там же. – С. 109.
[6] *Радо Ш.* Указ. соч. – С. 48.
[7] Югослав, бывший лётчик, консул испанского республиканского правительства в югославском порту Сушак. См. *Радо Ш.* Указ. соч. – С. 55–56.
[8] Немец, социал-демократ, бывший чиновник Лиги наций в Саарской области. См.: *Радо Ш.* Указ. соч. – С. 57.
[9] *Лота В.И.* Указ. соч. – С. 113.
[10] «Соня» – сотрудник отечественной военной разведки Урсула Кучински.
[11] *Радо Ш.* Указ. соч. С. 63.
[12] *Гуревич А.М.* «Разведка это не игра. Мемуары советского разведчика «Кента». – СПБ : Нестор, 2007. – С. 165.
[13] *Радо Ш.* Указ. соч. – С. 64–65.
[14] «Джим» (Александр Фут) и «Джон» – англичане-антифашисты, бывшие бойцы Интернациональной бригады в Испании. См:. *Радо Ш.* Указ. соч. – С. 63.
[15] *Радо Ш.* Указ. соч. – С. 82.
[16] *Лота В.И.* Указ. соч. –С. 116.
[17] *Радо Ш.* Указ. соч. – С. 83.
[18] ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 24122. Д. 1. Л. 31 (рассекречено в 2003 г.).
[19] ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 24122. Д. 1. Л. 49 (рассекречено в 1993 г.). Впервые опубл.: *Радо Ш.* Указ. соч. – С. 90.
[20] ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 24122. Д. 1. Л. 220 (рассекречено в 1993 г.). Впервые опубл.: *Радо Ш.* Указ. соч. – С. 91.
[21] ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 24122. Д. 1. Л. 144 (рассекречено в 1993 г.).
[22] ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 24122. Д. 1. Л. 178 (рассекречено в 1993 г.). Впервые опубл.: 1941 год: В 2 кн. / Сост. Л.Е. Решин и др.; Под ред. В.П. Наумова; Вступ. ст. акад. А.Н. Яковлева. — М. : Международный фонд «Демократия», 1998. («Россия. XX век. Документы»/ Под ред. акад. А.Н.Яковлева. Т. 2. — С. 100.
[23] ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 24122. Д. 1. Л. 272 (рассекречено в 1993 г.). Впервые опубл.: 1941 год : Документы. Т. 2. – С. 224.
[24] *Радо Ш.* Указ. соч. – С. 93.
[25] ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 24122. Д. 1. Л. 336 (рассекречено в 1993 г.). Впервые опубл.: *Радо Ш.* Указ. соч. – С. 92–93.
[26] *Лота В.И.* Указ. соч. – С. 334.
[27] *Радо Ш.* Указ. соч. – С. 85.
[28] ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 24121. Д. 3. Л. 362 (рассекречено в 1993 г.). Впервые опубл.: *Радо Ш.* Указ. соч. – С. 94.
[29] ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 24133. Д. 4. Л. 198 (рассекречено в 1993 г.).
[30] ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 24133. Д. 4. Л. 208 (рассекречено в 1993 г.).
[31] ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 24133. Д. 4. Л. 246 (рассекречено в 1993 г.).
[32] ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 24121. Д. 3. Л. 365, 367, 370, 380, 403, 408, 417, 411, 412 (рассекречено в 1993 г.).
[33] ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 24121. Д. 3. Л. 369, 386, 399 (рассекречено в1993 г.).
[34] ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 24133. Д. 4. Л. 275 (рассекречено в 1993 г.).
[35] «Зальтер» – дипломатический работник, бывший офицер французской разведки; «Лонг» – журналист, бывший офицер французской разведки; «Луиза» – офицер разведки швейцарского

генштаба; «Грау» – австрийский аристократ-эмигрант, «Агнесса» – немецкий журналист Эрнст Леммер; «Лили» – источник «Зальтера». См.: *Радо Ш.* Указ. соч. – С. 98, 102, 106, 113, 105, 141.
[36] «Билль» – секретарь германской военной закупочной комиссии в Швейцарии; «Мариус» – представитель Петеновского правительства в Международном бюро труда; «Тейлор» – Христиан Шнейдер, переводчик в Международном бюро труда; «Димен» – французский офицер из Виши. См: *Радо Ш.* Указ. соч. – С. 194, 114, 241.
[37] «Анна» – Мюллер Анна, домашняя портниха; «Лоренц» и «Лора» – супруги Мартин. См.: *Радо Ш.* Указ. соч. – С. 144 , 272–273.
[38] *Радо Ш.* Указ. соч. – С. 273.
[39] Там же. – С. 112.
[40] «Люци» – Рудольф Рёсслер, немец-эмигрант, владелец и директор книжного издательства «Вита-Нова». Подробнее см.: *Радо Ш.* Указ. соч. – С.157–161.
[41] *Радо Ш.* Указ. соч. – С. 157.
[42] Там же. – С. 162.
[43] *Лота В.И.* Указ. соч. – С. 340.
[44] Там же. – С. 339.
[45] *Гуревич А.М.* Указ. соч. – С. 283.
[46] Видимо, «Лоренц» и «Лора». Подробнее см.: *Радо Ш.* Указ. соч.
[47] *Гуревич А.М.* Указ. соч. – С. 179.
[48] Там же. – С. 180.
[49] См. подробнее: *Радо Ш.* Указ. соч – С. 209–211.
[50] *Радо Ш.* Указ. соч. – С. 279.
[51] Там же. – С. 282.
[52] Подробнее см. там же. – С. 290-295.
[53] *Радо Ш.* Указ. соч. – С. 301.
[54] *Лота В.И.* Указ. соч. – С. 394.

Отдел «Иностранные армии – Восток» ОКХ

Хохлов Дмитрий Юрьевич,
кандидат исторических наук,
Институт российской истории РАН

Одной из актуальных тем исследований по истории Второй мировой войны остаётся роль специальных служб в принятии военных и политических решений правительствами воюющих стран. Особенно интересует историков проблема организации практической работы органов разведки и контрразведки на разных уровнях, специфика прохождения полученной информации от низового звена до высшего руководства, вопросы координации и взаимодействия структур, подчинённых разным ведомствам. Если в отечественной историографии данные аспекты работы советских спецслужб освещены достаточно полно, то в отношении органов разведки и контрразведки стран оси наблюдается определённый перекос. Подавляющее число исследований посвящено работе абвера и Главного управления имперской безопасности. Сведений о других специальных подразделениях нацистской Германии и её союзников крайне мало.

Основное содержание работы органов разведки и контрразведки, действовавших против Советского Союза, частично можно восстановить по воспоминаниям, однако следует учитывать специфику данного вида источников, которые были созданы после войны, а их авторы чрезвычайно взвешенно относились к изложению информации о «кухне» специальных служб, стараясь уйти от конкретики к личному восприятию тех или иных событий. Исправить положение может введение в научный оборот новых источников о спецслужбах противника, которые в состоянии заполнить пробел между официальными документами и воспоминаниями. Один из таких комплексов документов – показания немецких разведчиков и контрразведчиков, попавших в советский плен.

Материалы архивных уголовных дел военнопленных – наиболее ценные и наименее изученные источники по истории Второй мировой войны. Представляем вниманию читателей материалы одного из них.

1 февраля 1943 г. в сталинградском «котле» был взят в плен полковник немецкого генерального штаба Фридрих Шильдкнехт, на тот момент начальник штаба 8-го армейского корпуса. О своей деятельности в этом качестве в 1951 г. он рассказал сотрудникам советской контрразведки, но для них он был интересен не этим. Практически с самого начала Шильдкнехт стал давать показания о своей службе в предыдущей должности – заместителя начальника отдела «Иностранные армии – Восток» Верховного командования сухопутных сил Германии (ОКХ).

В истории противоборства спецслужб во Второй мировой войне незаслуженно остаётся в тени это подразделение ОКХ, которое осуществляло оценку, систематизацию и анализ материалов в отношении Советского Союза, добываемых военными разведывательными и контрразведывательными органами Германии. Ещё во время войны его структура, задачи и штаты были описаны в специальных справочниках Главного разведуправления Красной армии. После войны информация о нём появлялась и в литературе. Так, например, в 1953 г. в Гамбурге вышел сборник статей, позже переведённый у нас, где о работе этого отдела ОКХ писал д-р Пауль Леверкюн[1], который во время войны был руководителем стамбульского отделения абвера. В 2011 г. в России изданы его мемуары, в которых он более подробно говорит о системе обработки разведывательной информации, добытой абвером, верховными командованиями сухопутных сил, воздушных и морских флотов. Отмечая, что в Верховном командовании вермахта (ОКВ) специального подразделения для обработки этой информации не было, и основная нагрузка ложилась на отделы «Иностранные армии – Запад» и «Иностранные армии – Восток», автор называет их разведывательными[2]. Об этих подразделениях и их взаимодействии с абвером писал бывший сотрудник абвера Герд Бухгайт[3]. Большое внимание этой структуре уделил в своём исследовании Кристер Йоргенсен[4].

Самый развёрнутый рассказ об этом отделе – целая глава – содержится в мемуарах Рейнхарда Гелена – начальника отдела «Иностранные армии – Восток» с 1 апреля 1942 г. и до конца войны[5]. Попытку обобщить имеющиеся данные в самостоятельном разделе исследования, посвященного спецслужбам и разведывательным органам Германии, предпринял Э.Г. Иоффе[6]. Отдельно необходимо сказать о «Военном дневнике»[7] начальника ОКХ с 1938 по 1942 гг. Франца Гальдера, анализ текста которого позволяет сделать определённые выводы о той роли, которую играл отдел «Иностранные армии – Восток» в процессе информировании немецкого командования, спектру задач отдела и степени участия в принятии основных решений. В тексте дневника сам отдел или его сотрудники, докладывавшие Гальдеру, упоминаются более сорока раз. Имя Шильдкнехта встречается в дневнике дважды – 12 февраля и 22 мая 1941 г.

К сожалению, отечественным исследователям, интересующимся деятельностью отдела «Иностранные армии – Восток», до настоящего времени приходилось довольствоваться сведениями только из этих работ. Теперь возможно дополнить имеющуюся информацию, используя хранящееся в Центральном архиве ФСБ России архивное уголовное дело Р-48808 в отношении Фридриха Шильдкнехта. Для всесторонней оценки материалов дела необходимо привести сведения, характеризующие деловые и личные качества Шильдкнехта.

Он родился в 1906 г. в семье учителя, был третьим ребёнком. В 1924 г. окончил гимназию и был призван в армию. Зачислен в 5-й пехотный полк, проходил обучение в г. Грейсвальд (Западная Померания), после чего служил в 1-м батальоне 5-го полка (Штеттин). В 1925 г. произведён в унтер-офицеры и направлен на обучение в пехотную школу в г. Ортруф (Тюрингия), которая передислоцировалась в г. Дрезден. В декабре 1927 г. произведён в офицеры, назначен командиром 2-го батальона 5-го полка, который располагался в г. Ангермюнде, позже в Нойрупине. Брал уроки русского языка у эмигранта А.Н. Зеленского, а также изучал социальный строй и политэкономию Советского Союза. Побывал в СССР в качестве туриста для совершенствования в русском языке, проехав по маршруту Ленинград–Москва–Ялта–Одесса (1932 г.) и Ленинград–Москва–Горький–Сталинград–Ростов–Орджоникидзе –Тифлис–Батуми–Ялта–Одесса (1934 гг.).

В 1932 г. назначен адъютантом 2-го батальона 5-го полка, а в августе 1935 г. переведён на аналогичную должность в 68-й пехотный полк в г. Бранденбург на Гафеле. С 1936 г. по 1938 г. проходил обучение в Академии генерального штаба. По окончании был назначен референтом отдела «Иностранные армии – Восток» при ОКХ. Занимался систематизацией и обработкой материалов о тактике и обучении Красной армии и армий скандинавских стран, составлял справочники и инструкции для германского генерального штаба. В феврале 1939 г. по мобилизации назначен офицером для поручений в отдел 1 ц штаба округа (Вена). В мае–июне 1939 г. в качестве дипкурьера германского МИДа совершил поездку через территорию СССР в Японию.

Перед нападением на Польшу назначен начальником отдела 1 ц 17-го корпуса, который принимал активное участие в этой кампании. После 17-го сентября, когда корпус достиг Львова, участвовал в переговорах с советскими офицерами по вопросам урегулирования передвижения советских и германских войск в районе демаркационной линии. 26 сентября 1939 г. награждён Железным крестом 2-го класса. 10 ноября 1939 г. награждён Рыцарским крестом, 28 июня 1940 г. – Железным крестом 1-го класса.

1 февраля 1940 г. назначен начальником штаба 75-й пехотной дивизии, которая располагалась на участке «Западного немецкого вала»

(Саабрюкен–Сааргемюнд–Блисвейлер). С 12 мая дивизия участвовала в прорыве линии «Мажино», а в июле 1940 г. была переброшена в район Люблина с целью охраны демаркационной линии на участке Томашевск–Грубешов.

30 сентября 1940 г. назначен начальником группы в отделе «Иностранные армии – Восток» ОКХ, которая занималась сбором и анализом материалов о Красной армии, её боеспособности, потерях, вооружении, передислокации воинских частей и военном потенциале промышленности. 1 октября 1940 г. ему присвоено звание майора генерального штаба. 1 апреля 1942 г. – подполковник генерального штаба. 1 сентября 1942 г. награждён Крестом военных заслуг 2-го класса с мечами. 21 января 1943 г. он получил звание полковника генерального штаба. 27 января 1943 г. награждён Немецким крестом в золоте.

С осени 1942 г. Шильдкнехт – начальник штаба 8-го армейского корпуса, и 1 февраля 1943 г. он был взят в плен в сталинградском «котле».

Только 10 августа 1951 г. было утверждено постановление о принятии к производству дела в отношении Шильдкнехта. Дело вёл следственный отдел 2-го (контрразведка) Главного управления МГБ СССР. Шильдкнехт содержался в Бутырской тюрьме. По завершении следствия 31 октября 1951 г. дело было рассмотрено Особым совещанием при МГБ СССР. Шильдкнехт был обвинён в совершении преступления, предусмотренного ст. 58 п. 6 ч. 1 УК РСФСР (шпионаж), и заключён в исправительно-трудовой лагерь сроком на 25 лет. 27 февраля 1952 г. мера наказания была заменена тюремным заключением. 13 октября 1955 г. освобождён от наказания досрочно и репатриирован на родину в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 сентября 1955 г. Заключением Главной военной прокуратуры РФ от 20 сентября 2001 г. реабилитирован.

Впервые обратиться к делу Шильдкнехта пришлось в процессе работы над статьёй, посвященной генерал-майору А.Г. Самохину[8]. К этому делу приобщён протокол допроса[9] Шильдкнехта в ГУКР «Смерш» НКО от 18 мая 1943 г. При рассмотрении дела генерала Самохина Шильдкнехт представлял интерес как немец, возможно обладающий информацией о других пленных советских командирах. Анализ сведений, полученных от военнопленных, был одной из важных функций сотрудников отдела «Иностранные армии – Восток». Оказалось, что в деле Шильдкнехта содержится немало другой интересной информации. Один из эпизодов, посвященный поездке японского посла на советско-германский фронт, был исследован в предыдущем томе данной серии[10].

С целью систематизации материалов дела необходимо дать краткую характеристику его составу и содержанию. Архивное уголовное дело в отношении Шильдкнехта состоит из двух томов: первый том

– двести семьдесят, второй – двести шестьдесят четыре листа. Большую часть первого тома (257 л.) занимают его собственноручные показания, которые датируются начиная с апреля 1943 г., и их переводы. Имеются сведения о ставке Гитлера, её передислокации в Винницу, схемы ОКВ, ОКХ с подробными пояснениями к ним. В мае 1943 г. им была составлена схема подразделений, находящихся в подчинении обер-квартирмейстера IV ОКХ, так же с пояснениями. В июне того же года Шильдкнехт дал показания по двум темам: об обработке радиоданных и форме разведсводок, противоречиях между армией и партией, а также составил краткую характеристику руководителей ОКВ. В июле 1943 г. им была подготовлена схема взаимодействия обер-квартирмейстера IV и абвера и составлена пояснительная записка к ней. Показания о поездке японского посла на Восточный фронт датированы 30 апреля 1945 г. В мае 1945 г. были составлены справки о взаимодействии обер-квартирмейстера IV и отделов 1 ц дивизий, армейских корпусов, армий и армейских группировок. Показания о командировке 1939 г. в Японию датированы 11 мая 1945 г. Завершается первый том показаниями от 15 мая 1945 г. по этому же вопросу. Остальное содержание тома составляют процессуальные документы: постановления о принятии дела к производству и избрании меры пресечения, ордер на арест, протокол обыска, анкета и фотографии арестованного.

Во второй том включены показания, данные в апреле 1950 г., о сотрудниках отдела «Иностранные армии – Восток» (25 л. с переводом) и семнадцать протоколов допросов (176 л.) – первый датирован 31 мая 1948 г.; ещё семь за 1950 г. (с 3 августа по 30 сентября); и девять за 1951 г. (с 4 мая по 28 сентября). Большая часть протоколов уточняет сведения, изложенные в собственноручных показаниях или полученные сотрудниками контрразведки при работе с другими арестованными.

Кроме того, ко второму тому приобщены копии протоколов допросов третьих лиц, постановление о продлении срока содержания под стражей, обвинительное заключение, пакет с документальными доказательствами, постановление о направлении в лагерь, выписка из протокола Особого совещания при МГБ СССР, заключение о замене меры наказания и другие документы, связанные с нахождением осужденного в заключении, в том числе его обращения к советским властям с просьбой о пересмотре приговора. Также подшита справка о досрочном освобождении из мест заключения и репатриации. Завершается дело заключением Главной военной прокуратуры о реабилитации.

Имеющиеся в деле Шильдкнехта материалы безусловно ценный источник по истории отдела «Иностранные армии – Восток». Здесь сосредоточена подробная информация о структуре, функциях, системе получения и обработки информации, вопросах взаимодействия

с подразделениями ОКХ, ОКВ и абвера, штатном расписании и личном составе отдела с довоенного периода по 1942 г.

Отдел «Иностранные армии – Восток» находился в ведении обер-квартирмейстера IV ОКХ. Для понимания логики прохождения информации – от отделов 1 ц действующей армии через отдел «Иностранные армии – Восток» ОКХ на доклад начальнику ОКХ, ОКВ и верховному главнокомандующему – следует рассмотреть его полномочия и функциональные обязанности. Обер-квартирмейстер IV отвечал за получение и обработку материалов о противнике и за военно-политическую оценку складывающего положения. Для организации этой работы ему подчинялись два отдела (Восток и Запад) и группа (Юго-Восток) иностранных армий, а также отдел военных атташе.

Сведения о противнике составлялись главным образом на основании следующих источников:

а) сообщений немецкой и заграничной печати и информационных бюро, в т.ч. специальных военных изданий;

б) записей заграничных радиопередач;

в) радиоперехватов;

г) сообщений дипломатических представителей;

д) сообщений иностранного отдела абвера;

е) материалов ОКВ и сообщений Верховного командования военно-морского (ОКМ) и Верховного командования военно-воздушного (ОКЛ) флотов;

ж) сообщений дипломатов союзных или нейтральных стран;

з) показаний военнопленных;

и) трофейных дел, распоряжений и т.д.;

к) результатов воздушной разведки.

С целью получения этих материалов обер-квартирмейстер IV и вверенные ему отделы и группы работали в тесной связи со следующими штабами и учреждениями:

По п. «а» – с иностранным отделом абвера, с отделом прессы, отделом военной пропаганды ОКВ, отделом военных атташе ОКХ и германским информбюро.

По пп. «б» и «в» – с начальником службы связи армии ОКХ.

По п. «г» – с МИД (только через обер-квартирмйстера IV).

По п. «д» – с иностранным отделом абвера ОКВ (только через обер-квартирмейстера IV).

По п. «е» – с ОКВ (военно-экономическое управление, управление вооружения), с ОКМ и ОКЛ, с генералами-инспекторами при верховном главнокомандующем.

По п. «ж» – с МИД и отделом атташе ОКХ (только через обер-квартирмейстера IV).

По пп. «з» и «и» – с подчинёнными штабами, а также с генералами-инспекторами и непосредственно с отделом иностранных армий.

По п. «к» –с генералом авиации при Верховном главнокомандующем и ОКЛ.

Вся основная переписка со штабами вне ОКХ походила через обер-квартирмйстера IV. Он работал в тесной связи с другими отделами генштаба, в особенности с оперативным отделом, с отделом подготовки, отделом атташе, начальником военных перевозок, отделом военных карт и геодезии и генеральным квартирмейстером.

Кроме того, обер-квартирмейстер IV занимался следующими вопросами: централизованное обучение и инструктирование отделов 1 ц действующей армии, которое проводилось в большинстве случаев 2–3 раза в год на коротких совещаниях (по 2–3 дня); обеспечение организации представления тактических донесений по линии 1-ц; подготовка заявок в ОКВ на военных переводчиков для действующей армии.

В обязанности обер-квартирмйстеру IV также вменялась связь с союзными армиями. Это предполагало координацию работы с отделом атташе, оперативным и организационным отделами ОКХ, МИД и германскими штабами связи при союзных армиях. По вопросам коалиционной войны и общих целей войны обер-квартирмейстер IV работал в тесной связи с оперативным управлением ОКВ. Подчинявшийся обер-квартирмейстеру IV отдел атташе организовывал информационное взаимодействие с военными атташе иностранных государств и обеспечивал их работу. Отдел атташе также вёл переписку с собственными военными атташе за границей, координировал совместно с МИД работу курьерской службы и отвечал за своевременную передачу сведений ОКВ, ОКХ, ОКМ, ОКЛ. Согласовывал назначение немецких военных атташе, отвечал за финансовую отчётность и командировки офицеров армии за границу.

Оперативный отдел при разработке приказов и донесений в вышестоящие штабы согласовывал свои выводы о противнике с обер-квартирмейстером IV и направлял в ОКЛ согласованные с ним требования на проведение авиаразведки. В свою очередь, офицер связи от ОКЛ два раза в день докладывал донесения о результатах разведки оперативному отделу и отделу «Иностранные армии – Восток» ОКХ.

Организационный отдел давал рекомендации союзным армиям, согласованные с обер-квартирмейстером IV. Отдел подготовки при составлении новых тактических положений опирался на боевой опыт собственных частей, а также опыт противника, за информацией о котором обращался к обер-квартирмейстеру IV. Начальник военных перевозок совместно с ним должен был производить оценку путей и средств сообщения иностранных государств,

с военной и технической точек зрения. Начальник службы связи ежедневно информировал его о результатах контроля радиосвязи и радиоразведки. Отдел военных карт и геодезии при составлении карт использовал информацию, полученную от абвера и обер-квартирмейстера IV. Генеральный квартирмейстер взаимодействовал с обер-квартирмейстером IV по линии учёта, использования и доставки трофеев. Обер-квартирмейстер V, отвечавший за вопросы военной истории, в частности, за использование трофейных материалов, так же взаимодействовал с обер-квартирмейстером IV. Генералы-инспекторы при главнокомандующем при подготовке документов также использовали материалы обер-квартирмейстера IV[11].

Шильдкнехт составил подробную структурную схему подразделений, подчинявшихся обер-квартирмейстеру IV, с указанием их функций и штатной численности, по состоянию на лето 1942 г. В состав штаба обер-квартирмейстера IV входили: офицер генерального штаба, офицер-ординарец, представители отдела «Иностранные армии – Запад», отдела военных атташе, МИД, финские офицеры связи (2 чел.), чиновники (2 чел.), рядовые и унтер-офицеры (около 20 чел.).

Служба обер-квартирмейстера IV делилась на два эшелона. Первый располагался в ставке ОКХ в Виннице (штаб обер-квартирмейстера IV и отдел «Иностранные армии – Восток»). Второй эшелон располагался в лагере Цоссен под Берлином (отдел «Иностранные армии – Запад» и группы «Иностранные армии – Юго-Восток»). Помимо этого, в службу входил отдел атташе, располагавшийся в Берлине.

Отдел «Иностранные армии – Восток» имел семь подразделений.

Группа 1 (1 офицер генштаба, 3 офицера, прикомандированных к генштабу, 6 офицеров-ординарцев и 12 рядовых и унтер-офицеров) – занималась составлением ежедневной сводки о положении противника на основании донесений штабов фронтов и армий и материалов Группы 2;

Группа 2 (2 офицера генштаба, 6 офицеров, 2 чиновника и 20 рядовых и унтер-офицеров) – обрабатывала материалы об СССР, в том числе:

– анализ германской и иностранной прессы, данных радиоразведки, сообщений иностранного управления абвера и докладов военных атташе;

– сведения о сырьевом потенциале СССР, особенностях советской военной промышленности и путях сообщений, ведение персональной картотеки на советских командиров, организация связи с военно-экономическим управлением и управлением вооружения ОКВ, а также с начальником воинских перевозок ОКХ;

– информация о вооружении Красной армии и его техническом развитии, взаимодействие с управлением вооружения ОКВ и генералами-инспекторами родов войск;

– ведение картотеки воинских соединений и частей Красной армии, составление десятидневных и ежемесячных сводок о штатном и наличном составе Красной армии, издание обзоров о соединениях Красной армии, действующих на фронте.

Группа трофейных материалов и военнопленных (1 офицер генштаба, 8 офицеров, 10 переводчиков и 25 рядовых и унтер-офицеров):

– анализировала, обобщала и распределяла трофейные материалы;

– вела допросы важных военнопленных.

Группа 3 (1 офицер генштаба, 5 офицеров, 12 переводчиков и 8 рядовых и унтер-офицеров)

– обрабатывала материалы о Японии, Китае, Таиланде, Америке:

– наблюдала за развитием военных действий между Японией и Китаем, Японией и Америкой (Англией);

– обобщала информацию о морских транспортах.

Группа 4 (2 офицера, 1 переводчик и 1–2 рядовых)

– анализировала материалы о Швеции и Финляндии.

Группа 5 (1 чиновник, примерно 5 чертёжников и 3 рядовых) представляла собой чертёжное бюро и картографический отдел.

Регистратура (1 чиновник, примерно 5 рядовых и унтер-офицеров и 1 шофёр) занималась входящей и исходящей почтой, курьерской корреспонденцией, вела личные дел, решала другие административно-хозяйственные вопросы.

Отдельно Шильдкнехтом описаны функции заместителя начальника отдела (при нём офицер генштаба и писарь): ведение внутренних и дисциплинарных дел, назначения в отделе, вопросы обеспечения; связь с воздушной разведкой, обер-квартирмейстером IV, оперативным отделом и отделом военных атташе; переписка с инстанциями; изучение отдельных военных вопросов и издание информационных бюллетеней.

О начальнике отдела сказано, что при нём состоит офицер канцелярии, 4 рядовых и унтер-офицера и шофёр.

Большую ценность представляют собственноручные показания Шильдкнехта об известных ему сотрудниках отдела «Иностранные армии – Восток», в которых он сообщил краткие сведения о тридцати восьми сослуживцах. В их числе названы полковники – Кинцель[12], Марцински[13], Лизер[14], (запаса) Боде[15]; подполковники – Гелен[16], фон Петцольд[17], фон Ренне[18], Хаузен[19], (запаса) Фреге[20] и Лидтке[21]; майоры – фон Брунн[22], Гере[23], фон Менгден[24], Абелейн[25], Витц[26], Вуагт-Рушевей[27], Вессель[28], Наук[29], фон Вангенхейм[30], фон Тюнген[31] (офицер резерва),

Кунце[32], Хюбнер[33], (запаса) Бодекер[34]; капитаны – Кернхен[35], Вармбольд[36] (точного написания фамилии Шильдкнехт не помнил), Кюбарт[37]; ротмистры – Нетте[38], фон Буль[39]; старшие лейтенанты – Ионен[40], Шюле[41] (офицер резерва), Ейзелер[42] (офицер резерва), Рихтер[43]; зондерфюреры – Арро[44], Кумминг[45], фон Рихтгофен[46]; регистратор Бальк[47], инспектор Бернгарди[48].

Не менее подробно Шильдкнехтом описан и второй эшелон службы обер-квартирмейстера IV. Отдел «Иностранные армии – Запад» (примерно 5 офицеров генштаба, 20 офицеров, чиновников и переводчиков, 75 рядовых и унтер-офицеров) решал следующие задачи:

Группа «Англия» – изучение материалов об Англии, в том числе о её колониях и доминионах (Египет, Палестина);

Группа «Франция» – обработка материалов о Франции, Бельгии, Голландии, Швеции, включая колонии и силы свободной Франции, возможно, по Сирии;

Группа «Италия» – анализ материалов об Италии и о сотрудничестве на африканском театре военных действий, по Албании.

Группа «Иностранные армии – Юго-Восток» в своём составе имела 2 офицеров генштаба, 15 офицеров, чиновников и переводчиков, 30 рядовых и унтер-офицеров. Подгруппа «Балканы» обрабатывала материалы об армиях балканских государств, включая Венгрию, обеспечивала сотрудничество с союзными армиями и информационный обмен с ними; подгруппа «Ближний Восток» анализировала материалы о Турции, Иране, Ираке, Афганистане. Во второй эшелон службы также было включено бюро чертёжей и картографии.

Шильдкнехт оговорил в показаниях, что точную структуру отдела атташе он не знает, тем не менее, предполагает, что имелись подразделения по направлениям (Запад, Восток, Скандинавия, Дальний Восток), а также канцелярия и финансовый отдел. Кроме того, был отдел 1 а, который в основном занимался информированием атташе иностранных держав о военном положении; большое внимание уделялось сведениям о ходе боевых действий на Восточном фронте и в Африке[49].

Имея представление о структуре подразделений, находившихся в ведении обер-квартирмейстера IV, и основных направлениях их деятельности, можно рассмотреть процедуру информационного взаимодействия отделов «Иностранные армии – Восток» и отделов 1-ц действующей армии.

Отделы 1 ц дивизий, армейских корпусов, армий и армейских группировок организационно подчинялись обер-квартирмейстеру IV. Он, в свою очередь, отвечал за организационное и информационное взаимодействие с отделами 1 ц, а также обеспечивал участие в их работе всех заинтересованных органов. В частности, готовил общие

инструкции, распоряжения и установки, отвечал за взаимодействие 1 ц с представителями абвера, воздушной разведки, союзных армий, органами пропаганды и МИД. Регламентировал порядок поступления оперативных и тактических донесений между ОКХ, отделами иностранных армий и 1 ц армейских группировок, их содержание, тематику, объём материала и время доклада. Отдельными указаниями определял порядок поступления через отдел иностранных армий результатов допросов военнопленных, изучения трофейных документов и т.д. Координировал вопросы сотрудничества немецких отделов 1 ц и соответствующих отделов союзных армий, а также информировал союзников о методах работы отделов 1 ц. Совместно с отделами 1 ц действующей армии организовывал посещения фронта дипломатическими и военными представителями иностранных государств. Принимал участие в подборе кадров для отделов 1 ц совместно с отделом личного состава генштаба и ОКХ. Созывал общие совещания работников 1 ц, приглашая, по необходимости, представителей ОКВ, абвера, пропаганды, воздушной и морской разведки.

Был установлен чёткий порядок поступления донесений из отдела 1 ц дивизии к обер-квартирмейстеру IV.

Оперативные и тактические донесения (донесения с фронта и новые данные о противнике) проходили из отдела 1 ц дивизии через отделы 1 ц корпуса, армии и армейской группировки и почти всегда поступали непосредственно к начальнику отдела «Иностранные армии – Восток». При этом, как правило, каждая из инстанций принимала решение о целесообразности дальнейшего направления всего донесения или наиболее важных сведений, включив их в обобщённый материал. Те донесения, которые не являлись актуальными для ОКХ, оставались в корпусе, армии или армейской группировке. Каждая из инстанций сама выбирала способ дальнейшей передачи донесения (по телефону, письменно или телеграфом). Достаточно большое количество сообщений и циркуляров отделов 1 ц попадало в руки сотрудников советских органов безопасности, часть из них опубликована и представляет определённую ценность для объективного освещения темы[50].

В дальнейшем отдел 1 ц армии принимал решение, передавать донесение непосредственно в ОКХ (отдел иностранных армий) или направить через армейскую группировку. В первом случае армейская группировка должна была ставиться в известность о содержании документа.

Допросы военнопленных и трофейные документы направлялись в таком же порядке, как и донесения: в большинстве случаев непосредственно в отдел «Иностранные армии – Восток». Только в тех случаях, когда содержание трофейных документов могло интересовать органы, не входящие в ОКХ, например ОКВ или МИД и Министерство

пропаганды, эти документы направлялись непосредственно обер-квартирмейстеру IV, который нёс ответственность за ознакомление с этими документами всех заинтересованных органов. Во всех названных случаях документы подвергались тщательному изучению ещё в корпусе, армии или армейской группировке, чтобы не загружать высшие инстанции несущественными сведениями. Отдел «Иностранные армии – Восток» или обер-квартирмейстер IV после использования источников для своих служебных целей решали, каким органам послать поступившие документы – в оригинале или в виде выдержек.

Отдел «Иностранные армии – Восток» и управление вооружения информировали друг друга о появлении у противника нового оружия. Трофейное лёгкое оружие (винтовки, пулемёты, миномёты и т.д.) посылалось в отдел иностранных армий или управление вооружения ОКХ. Транспортировку тяжёлого трофейного вооружения (орудия, танки и т.д.) организовывало управление вооружения, а отдел иностранных армий ставился об этом в известность.

Особого внимания требует вопрос о взаимодействии отделов 1 ц с абвером. В армейских группировках к отделу 1 ц/АО[51] относился абвер-офицер, который был представителем абвер III. Он был подчинён начальнику отдела 1 ц и работал по его указаниям на основе общих инструкций по линии абвер III. В его задачи входила борьба с вражеским шпионажем и защита секретов, контрразведка и борьба против диверсий. О результатах своей работы он был обязан докладывать начальнику отдела 1 ц. Приказы подчинённым абвер-офицеру лицам и доклады вышестоящему начальству направлялись под заголовком «Из отдела 1 ц/АО армейской группировки» и подписывались начальником отдела 1 ц или по его поручению абвер-офицером.

Кроме того, при штабе армейской группировки состояла на довольствии в отделе 1 ц/АО, но без подчинения начальнику отдела по оперативной линии, абвер-команда, в состав которой входили несколько офицеров абвера и соответствующий вспомогательный персонал. Эта команда представляла собой оперативную группу, находившуюся на выдвинутых позициях для более быстрого поступления разведданных к командованию. Абвер-команда была подчинена непосредственно линейному отделу абвера и работала исключительно по его указаниям и заданиям. Ни начальник отдела 1 ц/АО, ни начальник штаба или командующий армейской группировкой не имели права отдавать ей какие-либо приказания. Но начальник абвер-команды обязан был немедленно докладывать результаты разведки, если они касались положения противника в зоне действия группировки, а также учитывать её интересы в вопросах разведки, если это допускали непосредственные задачи отдела абвера. Приказания подчинённым органам

(например, абвер-труппс в армиях) и доклады в вышестоящие инстанции (отделу абвера) подписывались не начальником отдела 1 ц, а начальником абвер-команды. Начальник 1 ц/АО был заинтересован только в актуальных результатах разведки.

В отделах 1 ц/АО армий абвер-офицер обладал теми же правами. При штабе армии на довольствии состояла абвер-трупп, в состав которой входили несколько офицеров и вспомогательный персонал. У абвер-трупп было двойное подчинение: с одной стороны, они подчинялись линейному отделу абвера и выполняли его непосредственные задания, с другой стороны – абвер-команде армейской группировки.

В армейском корпусе при отделе 1 ц/АО тоже имелся абвер-офицер по линии абвер III. Он работал совместно с абвер-офицером в армии, но не имел прав докладывать ему или начальнику 1 ц/АО, а также отдавать приказания в подчинённые армии части и армии. Абвер-офицер армейского корпуса разведывательной деятельностью по линии абвер I и абвер II не занимался. Других органов абвера при армейском корпусе не было.

В дивизии абвер-офицера не было. Всю контрразведывательную работу проводил офицер для поручений отдела 1 ц. Он работал под непосредственным руководством начальника отдела 1 ц дивизии армейского корпуса. В дивизии, как и в корпусе, не было никаких органов абвера. Все разведывательные запросы, для выполнения которых требовалась агентура, командование дивизии и корпуса через отдел 1 ц/АО армии направлялись для исполнения в абвер-труппс армии.

Начальник отдела 1 ц/АО относился к штабу командования соединения (от дивизии до армейской группировки) и подчинялся начальнику отдела 1 а, как руководителю штаба. Он обязан был систематически информировать начальника отдела 1 а о деятельности своего отдела и имел право направлять доклады в вышестоящие инстанции, равно как и отдавать руководящие указания нижестоящим органам без предварительного доклада начальнику отдела 1 а (или начальнику штаба).

Основной задачей отдела 1 ц было добывание по ориентировкам вышестоящих органов, в первую очередь ОКХ, важных сведений о противнике. Интересовали общие ориентировки, карманные справочники, памятки, карты укреплений и т.п. В отделе 1 ц действовали войсковая и воздушная разведка, радиоразведка и разведка органов абвера. Путём обработки донесений командования частей, соединений соответствующих участков фронта устанавливались данные о положении противника; использовались показания военнопленных и трофейные документы.

Кроме того, отдел 1 ц отвечал за ведение пропаганды с целью подрыва боеспособности противника. В этой области он работал по указаниям отдела пропаганды ОКВ и использовал роты пропаганды, снабжая

личный состав учебным материалом, газетами, книгами, кинофильмами, организовывая доклады, постановки, игры и т.п.

Также по своей линии начальник отдела 1 ц отвечал за ведение контрразведки, борьбу с диверсиями и сохранение тайны, т.е. за ту работу, которую проводил абвер-офицер по указаниям абвер III. По сравнению с мирным временем, организация и структура отделов 1 ц/АО не изменялись, во время войны лишь увеличивалась их численность[52].

Указания обер-квартирмейстера IV через отделы иностранных армий поступали в отделы 1 ц дивизии не напрямую. Они направлялись в отделы 1 а (оперативный) штабов. Соответственно отдел 1 ц армии не мог отдать приказ непосредственно отделам 1 ц подчинённых корпусов и, наоборот, донесения отдела 1 ц дивизии могли быть направлены отделу 1 ц корпуса только с согласия отдела 1 а дивизии.

Отдел «Иностранные армии – Восток» поддерживал непосредственную связь не только с группами армий, но и с армиями. В основном это распространялось на передачу донесений между отделами 1 ц армий и группой 1 отдела «Иностранные армии – Восток» (несмотря на то, что донесения армий передавались отделом 1 ц фронта) и на распределение материалов отделов 1 ц. Это делалось, главным образом, для экономии времени, с целью ускорения передачи материалов.

Связь между ОКХ и абвером по линии всех отделов, подчинённых обер-квартирмейстеру IV, поддерживалась непосредственно им самим. Он передавал требования и пожелания ОКХ абверу, но он не мог оказывать никакого влияния на методы разведывательной деятельности абвера. Обер-квартирмейстер IV сам доводил результаты разведки до сведения подчинённых ему отделов и прочих заинтересованных подразделений и штабов[53].

Сотрудников советской военной контрразведки особо интересовали источники получения и способы обработки информации в отделе «Иностранные армии – Восток».

Шильдкнехт во время следствия дал по этому вопросу следующие пояснения. Источниками информации о Красной армии были газеты «Правда», «Красная звезда», журнал «Военный вестник», а также советские военные уставы, наставления и различные специальные справочники. Эти материалы присылали военные атташе и абвер. Так, например, зимой 1940/1941 гг. абвер прислал в отдел секретный боевой устав Красной армии[54]. Шильдкнехт считал, что такого рода документы добывались через агентуру.

Сведения, полученные из печатных изданий, обобщались и сопоставлялись с данными, поступающими от военных атташе и абвера. Доклады военного атташе в Москве Кёстринга содержали информацию, полученную им в ходе военных манёвров, парадов, посещения

воинских частей, поездок по стране и разговоров с другими атташе. Абвер, в свою очередь, собирал сведения о местах дислокации советских воинских частей и новом вооружении. В 1938–1939 гг. из абвера поступили фотографии тогда ещё новых пулемёта Дегтярёва[55] и зенитной пушки[56]. До войны с СССР Шильдкнехт еженедельно делал устный доклад начальнику отдела, а по мере накопления материала, готовились и письменные сообщения[57].

Кроме того, отдел обменивался информацией с соответствующими подразделениями союзных штабов. Так, например, в мае–июне 1939 г., как уже упоминалось, Шильдкнехт был направлен для обмена информацией об СССР в японский генеральный штаб. Стояла задача не только обменяться информацией, но и сопоставить её с японскими данными на месте. Рабочее совещание в Токио велось на русском языке. С японской стороны в нём участвовали майор Коотани – бывший помощник военного атташе в Москве в 1935–1936 гг. и офицер из русского отдела в чине капитана. Представители штабов сверили с немецкими данными информацию о местах дислокации воинских частей и соединений, нанесённую на японскую карту СССР. На месте были внесены необходимые коррективы. Разница составляла пять–шесть советских дивизий (не 17, а 22 дивизии), в существовании которых немцы сомневались, но японцы доказывали, что это – установленный факт. Немецкие данные о советских вооружённых силах в европейской части были полнее японских и, соответственно, японские сведения о дальневосточной армии были более точными. В сведения об организации советских воинских соединений обеими сторонами были внесены поправки. По вооружению и снаряжению расхождений не имелось. Так же почти совпадали германские и японские данные о системе боевой подготовки Красной армии, за исключением вопроса о сроках ежегодного обучения запасных. Представленные Шильдкнехтом сведения о подготовке офицерского состава Красной армии, список военно-учебных заведений и информация об авиадесантных частях были значительно полнее японских. В целом японская оценка военной мощи Советского Союза была ниже немецкой. Японский генштаб считал, что Красная армия недостаточно вооружена, не имеет необходимого количества тяжёлой артиллерии и ощущает недостаток в кадрах среднего и низшего командного состава. В результате японцам были переданы карта с дислокацией советских войск; материалы об авиадесантных и парашютных частях; системе боевой подготовки, в том числе обзор мероприятий по подготовке офицерского состава РККА со списком всех известных военных академий, училищ и курсов; таблицы-перечни частей и соединений, структура штабов в военное время, как высших, так и войсковых; карта ж.-д. сети СССР. От японцев была получена карта с дислокацией

советских войск, сведения о численности дальневосточной армии и состоянии вооружённых сил Японии и Китая[58].

Перед поездкой дополнительное задание Шильдкнехт получил от начальника отдела «Иностранные армии – Восток» подполковника Кинцеля: собрать сведения о Сибирской железной дороге. ОКХ интересовали следующие вопросы: построена ли новая линия в обход Байкала и где она соединяется с основной магистралью; проводятся ли работы по расширению магистрали и закончено ли строительство второй колеи; характер перевозимого груза. В связи с обострившимися отношениями между Польшей и Германией особенно важен был вопрос о том, перебрасываются ли войска с Дальнего Востока на запад.

Дополнительный инструктаж по этому заданию Шильдкнехт получил у референта транспортного отдела майора Шульце-Хартунга, который показал на карте предполагаемый участок соединения новой линии с сибирской магистралью в районе Красноярска. Кроме того, он попросил уточнить, какие мосты имеются на магистрали и их колейность, попытаться определить объём перевозок в обоих направлениях, частоту движения эшелонов, среднее количество осей составов, места нахождения депо и ремонтных мастерских. Аналогичные сведения необходимо было собирать и на маньчжурских, корейских и японских дорогах.

9 мая 1939 г. Шильдкнехт в качестве дипкурьера, сопровождающего почту, выехал в Москву, а оттуда на Дальний Восток. От Москвы до пограничной станции Отпор поезд следовал восемь суток. На протяжении всего пути Шильдкнехт делал пометки на листах бумаги, которые по мере заполнения прятал через отверстие в опечатанной курьерской сумке с диппочтой. Он проследовал от советской границы через Маньчжурию и Корею в Токио, куда прибыл 23 мая. В посольстве Германии, к своему удивлению, Шильдкнехт встретил своего начальника[59]. Кинцель пояснил, что прибыл в Токио самолётом для участия в специальных переговорах о готовности Японии к нападению на Советский Союз. Начальник генштаба определил срок его поездки в четырнадцать дней, поэтому Кинцель летел на самолёте голландского общества воздушных сообщений через Средиземное море, Индию, Индонезию и Китай. Шильдкнехт сообщил Кинцелю, немецкому послу Отту и сотрудникам японского генштаба о своих наблюдениях, сделанных во время поездки, и о том, что, по его мнению, СССР больших воинских перевозок с Дальнего Востока на запад не производит.

Учитывая цель, с которой прибыл Кинцель, в конце совещания с японскими коллегами Шильдкнехт задал Коотани вопрос, считает ли тот возможным нападение Японии на Советский Союз. Майор сказал, что официального ответа он дать не может, но ему известно, что в японском генштабе имеются две группы: первая – сторонники «узкого раз-

решения вопроса», которые считают необходимым занять Владивосток и небольшую часть береговой полосы для ликвидации угрозы Японии с этой стороны и ослабить русское влияние на тихоокеанском побережье; вторая – большая часть генштаба (в том числе ряд генералов), которые считают необходимым захватить восточную часть Сибири, ударив в направлении Байкала, и добиться полного уничтожения русской армии. По мнению последних, только так можно покончить с советским кольцом вокруг Маньчжурии и использовать богатые в экономическом отношении районы Дальнего Востока. Уже по возвращении в Германию Шильдкнехт слышал от Кинцеля, что японский генштаб в основном был готов к вооружённому конфликту с СССР и мог в нём задействовать 20–25 дивизий. Но Япония была готова осуществить этот план, только в том случае, если Германия оттянет на себя вооружённые силы Советского Союза. В случае нападения Германии на СССР Япония хотела иметь дело только с дальневосточной армией, т.к. в тот момент достаточно увязла в войне с Китаем. Германский штаб, в свою очередь, считал необходимым, чтобы первыми напали японцы, что отвлекло бы часть вооружённых сил СССР с запада и только после этого, покончив с Польшей и разрешив все проблемы в Европе, Германия могла напасть на Советский Союз[60].

Примерно 2 июня Шильдкнехт выехал обратно и 16 июня прибыл в Берлин. На обратном пути он также продолжал наблюдение за состоянием железной дороги и перевозками[61]. Он обобщил результаты и сделал доклад обер-квартирмейстеру IV со следующими выводами: переброска советских войск с Дальнего Востока на запад не производится; японцы не подтягивают крупных сил границе, а столкновения на советско-маньчжурской границе не могут перерасти в войну. Доклад был размножен и разослан для оперативного использования в абвер I, военным атташе в Москву и Токио, а также в отделы военной топографии и транспортный.

Позже в своём письме генпрокурору СССР, датированному 7 октября 1954 г., Шильдкнехт заявил, что многие его признания, обличающие его в шпионаже, в том числе отдельные формулировки в рассказе о поездке в Японию, сделаны в результате применения мер психического воздействия (систематическое лишение сна, ночные допросы)[62].

Не отрицая того факта, что советская контрразведка в эти годы применяла самые жёсткие методы ведения допросов, сказать, что данный эпизод сфальсифицирован с целью обвинения Шильдкнехта в шпионаже, полагаем, нельзя. Хотя бы потому, что аналогичные факты, подтверждающие использование немецким генштабом транзитного проезда офицеров вермахта по советской территории для выяснения пропускной способности железных дорог, находят подтверждение

и в других документах. Так, например, в протоколе допроса генерал-майора О. Нидермайера от 28 августа 1945 г. сказано, что в начале 1941 г. он был откомандирован в Японию. «По заданию начальника Восточного отдела Главнокомандования сухопутных сил, мне было поручено при проезде через СССР выяснить пропускную способность железных дорог в восточной части Советского Союза, а также направление и характер перевозимых грузов»[63].

О подготовке нападения на СССР Шильдкнехт на следствии сообщил, что оно велось в секрете, но ряд мероприятий позволял сделать вывод о том, что Германия готовится к войне с Советским Союзом. Так в конце января – начале февраля 1941 г. по приказанию начальника отдела «Иностранные армии – Восток» подполковника Кинцеля Шильдкнехт составил обобщающую справку о советских вооружённых силах. В неё вошли все последние сведения, полученные из разных источников, в том числе из донесений абвера, который заметно активизировал свою разведывательную деятельность против СССР. В отдел стало поступать значительно больше материалов, добытых агентурой. В справке были даны следующие сведения о советских воинских соединениях: численность в мирное и военное время, места дислокации, наличие резервов и возможности развертывания новых. Кроме того, в справке была информация о советской военной промышленности, транспорте, авиации и военно-морском флоте. Документ был направлен всем отделам ОКВ, ОКХ, ОКЛ, ОКМ, военным атташе в северных и восточных странах, штабам военных соединений, до дивизии включительно. Предыдущая справка была составлена в 1933 г. и в дальнейшем только дополнялась новыми сведениями. Обратил на себя внимание и тот факт, что в начале 1941 г. в Берлине были созданы курсы по подготовке военных переводчиков русского языка. Их организацией занимался начальник отдела.

В конце мая – начале июня 1941 г. Кинцель кратко ознакомил Шильдкнехта с планом «Барбаросса» и сказал, что отдел должен готовиться к деятельности в военное время. Планом были предусмотрены оперативные направления действий немецких войск: финское – на Карело-Финскую СССР, северное – на Прибалтику и Ленинград, центральное – на Смоленск–Москву и южное – на Киев. Для наблюдения за данными направлениями были назначены прикомандированные к отделу офицеры-ординарцы, руководство информационной работой на этих направлениях было возложено на сотрудников отдела – офицеров генштаба. Работой на финском, северном и центральном направлении руководил Шильдкнехт. Ему были подчинены старший лейтенант Эйзелер и лейтенант Шуле. Южное направление обслуживал капитан Ганзен, позднее – майор фон Брунн и офицер-ординарец.

По каждому из направлений составлялись ежедневные сводки о состоянии войск противника: количество, наименование воинских частей, отмечалось появление новых подразделений, потери личного состава, количество и характер техники, а также другие необходимые сведения. Сводки составлялись на основании донесений штабов армейских группировок и армий. Офицеры-ординарцы направлений поддерживали связь с отделами 1 ц штабов этих подразделений и получали от них доклады, содержавшие результаты допроса военнопленных, изучения трофейных документов, радиоперехвата, телефонного подслушивания, войсковой разведки, местной агентурной и воздушной разведки, оценку тактических и стратегических намерений противника; сводки воздушной разведки из ОКЛ. Сводки результатов радиопрослушивания поступали от генерала войск связи при ставке ОКХ; сводки штаба «Валли» (специальной организации, созданной абвером для разведывательной работы против СССР) составлялись по данным агентуры абвера, находившейся в советском тылу. Учитывались материалы, подготовленные на основе иностранной, в том числе советской, прессы; доклады и сообщения немецких дипломатов о положении в СССР, советской армии и промышленности; сводки по экономике и промышленности СССР, составленные по материалам допросов и трофейным документам и результатам звукометрической разведки.

Важнейшим из источников Шильдкнехт считал сведения радиоразведки, полученные от отдела связи ОКХ. Это были материалы радиоперехвата советских радиограмм. Соответствующая служба имела вдоль советско-германского фронта сеть подразделений, занимавшихся разведкой в эфире. Добытые данные давали возможность установить места дислокации и подчинённость воинских частей, их перегруппировку, появление новых соединений, резервов и пополнения, наличие огневых средств, положение с горючим, боеприпасами и продовольствием. Проверка этих сведений показала, что радиоразведывательная служба предоставляла наиболее полные и достоверные данные. Помимо фронтовых сообщений, перехватывалась и информация из советского тыла. Один раз был получен перехваченный доклад из Волжского военного округа в Генеральный штаб об отправленном на фронт пополнении и несвоевременном получении вооружения. В другой раз поступило перехваченное сообщение коменданта одной из советских ж.-д. станций о подготовленных к отправке грузах. В 1942 г. в сводках стали фигурировать радиограммы партизанских отрядов, что давало возможность устанавливать их местонахождение. В ряде случаев радиоперехват позволял разгадать намерения партизан.

Каждые 3–4 недели из отдела атташе поступала информация из Японии: о передвижении советских войск в районе Москвы

и на Дальнем Востоке, перевозках с Дальнего Востока на западный фронт, эвакуации населения и промышленных предприятий; строительстве укреплений в Москве, переводе правительственных учреждений в Куйбышев, трудностях снабжения продовольствием. Сведения о передвижении войск на фронтах поступали редко.

Примерно раз в три месяца поступали разведывательные сводки от генеральных штабов Румынии, Венгрии и Финляндии. Они содержали сведения о положении советских войск на соответствующих участках фронта, а также общие сведения об СССР, которые могли представлять интерес для немецкого командования. Отдел «Иностранные армии – Восток» оценивал эту информацию, сопоставлял с имеющимися сведениями и направлял в заинтересованные инстанции[64].

Деятельность отдела в первый год войны показала, что поставленные перед ним задачи требуют создания более гибкого аппарата. В апреле–мае 1942 г. отдел был реорганизован, начальником был назначен подполковник Гелен. В отделе был создан ряд групп и перераспределены обязанности.

Группа 1 (оперативная) занималась составлением докладов и оперативной карты о дислокации советских войск и их численности. Начальник группы – Шильдкнехт, сотрудники – капитан генштаба Вессель (южное направление), капитан Вармбольд (центральное направление) и ротмистр Нетте (северное направление).

Группа 2 анализировала трофейные материалы. Начальник – майор генштаба Петцольд, 6–8 офицеров и 10 переводчиков русского языка.

Группа 3 вела допрос военнопленных (наиболее интересные с оперативной точки зрения военнопленные доставлялись с фронта). Начальник – майор генштаба Ренне.

Группа 4 суммировала материалы по скандинавским странам (армии Швеции и Финляндии). Начальник – ротмистр фон Буль.

Группа 5 – дальневосточная, работала по изучению армий Японии, Китая, Америки и других Тихоокеанских стран. Начальник – майор Вугат–Рушевей.

Реферат прессы занимался изучением иностранной прессы, в том числе советской; реферат военной экономики был сосредоточен на изучении материалов о военной экономике СССР; а реферат вооружений был занят изучением советского вооружения и ведением картотеки частей и соединений.

Свой рабочий день в качестве заместителя начальника отдела – начальника группы Шильдкнехт описывал так: с утра он просматривал полученные ночью документы и донесения отделов 1 ц штабов армий и армейских группировок о положении противника, делал соответствующие пометки на карте, одновременно составлял сводку для уст-

ного доклада начальнику отдела. В 9 часов утра начальник отдела в присутствии Шильдкнехта принимал доклады офицеров от направлений. Этот материал анализировался и выводилась общая оценка положения на фронте. Начальник отдела делал отметки на своей карте и отправлялся на утренний доклад к начальнику генштаба Гальдеру (в отсутствие Гелена доклад делал Шильдкнехт). Затем следовало проанализировать входящую корреспонденцию, чтобы взять на заметку сведения, которые можно использовать в письменном докладе. В 17 часов собиралось совещание офицеров направлений, присутствовали также офицеры связи от авиации (для доклада о результатах воздушной разведки) и транспортного отдела генштаба. В 21 час начальник отдела собирал очередное совещание, на котором офицеры всех направлений делали доклады о положении противника. Затем Гелен и Шильдкнехт совместно оценивали обстановку, и Гелен отправлялся на доклад к Гальдеру. Шильдкнехт в это время занимался составлением письменного доклада, в который входили все сведения, полученные отделом в течение суток[65].

Доклад рассылался Гитлеру, генералам Гальдеру и Йодлю, ОКЛ, ОКМ, командующему резервной армией, фронтовым и армейским штабам, всем отделам ОКХ. После прихода 1 апреля 1942 г. в отдел Р. Гелена акценты в деятельности подразделения были смещены с «глубокого анализа ежедневного положения на фронте» к «оценке оперативных намерений противника и его возможностей в перспективе». Для решения этой задачи он предпринял шаги по расширению взаимодействия с абвером, оптимизировал процесс прохождения развединформации от армейских штабов до верховного командования, расширил штат отдела и повысил статус службы 1 ц в войсках[66].

Во время войны отдел поддерживал связь с абвером, в основном со штабом Валли, от которого получал разведывательные данные. Обычно начальник Валли 1[67] майор Баун, по мере получения донесений от своей зафронтовой агентуры, передавал их содержание по телефону Гелену или Шильдкнехту. Позже эти сообщения направлялись в письменном виде. Сообщения имели ссылки на источник, в ряде случаев псевдонимы агентов. Шильдкнехт смог вспомнить некоторые из них: «Макс», «Фриц», «Густав». Сообщения от «Макса» приходили из района Воронежа. Иногда агентурные материалы поступали непосредственно из абвер 1. В основном информация из Валли 1 и абвер 1 содержала сведения о передвижении советских частей и соединений в прифронтовой полосе. Она поступала нерегулярно, часто запаздывала. Сотрудникам отдела эти сведения становились известны раньше из допросов военнопленных и трофейных документов.

Официально отдел «Иностранные армии – Восток» требований к зафронтовой агентуре абвера предъявлять не мог, но Кинцель, а затем

Гелен неоднократно совещались с начальником абвер 1 Пиккенброком[68] и Валли 1 – Бауном. В частности, Шильдкнехт помнит случай, когда Кинцель обратился с просьбой к Валли 1 о переброске агентуры в район Волги с задачей разведать переправы и ведущие от них на запад ж.-д. магистрали, чтобы установить, не перебрасывают ли русские стратегические резервы к линии фронта. В дальнейшем Баун иногда передавал сведения из этих районов, но Шильдкнехт не знал, была ли это информация от специально заброшенной агентуры или от старой.

Весной 1942 г. отделом был разработан специальный перечень вопросов для органов, занимавшихся сбором информации о Советском Союзе, в том числе и для абвер 1. В перечень были включены следующие вопросы: наличие людских и материальных резервов, в частности, общее количество мужского населения, которое может быть призвано в армию, формирование новых частей – род войск, численность, оснащённость техникой; объём месячной продукции военной промышленности; состояние и пропускная способность ж.-д. транспорта; продовольственное положение в стране; структура высших командных организаций и оперативные планы командования[69].

Показания Шильдкнехта подтвердил бывший начальник абвер 1 Пиккенброк, который на одном из допросов показал, что отдел иностранных армий разрабатывал план в виде вопросника, где указывал интересующие страны, отрасли промышленности, вооружения, отдельные участки или объекты. Этот перечень передавался в абвер, и в соответствии с ним разворачивалась разведывательная работа. Агентурные и другие материалы, добываемые абвером, передавались и отделу «Иностранные армии – Восток» ОКХ. Они направлялись в необработанном виде и со ссылкой на источник. Иногда указывался псевдоним агента, но большинство материалов передавалось с указанием номера агента, который присваивался абвером в целях конспирации. Псевдоним такого проверенного агента, как «Макс», не изменяли. Пиккенброк также отметил, что с января 1941 г. отдел «Иностранные армии – Восток» заметно усилил разведывательную деятельность против Советского Союза, в связи с этим абвер 1 было дано большое задание по разведке вооружённых сил Советского Союза[70].

В ежедневных сводках отделы 1 ц сообщали о захвате пленных. В зависимости от звания и должности пленного, руководство отдела «Иностранные армии – Восток» вызывало его на допрос в группу по военнопленным. В основном допросы производились Петцольдом или Ронне. В некоторых случаях это поручалось переводчикам. Сам Шильдкнехт допрашивал советского военнопленного один раз. В январе или феврале 1942 г. в отдел был доставлен захваченный на участке южной немецкой группировки полковник Трушин. Из предварительь-

ного опроса было известно, что он до войны работал в мобилизационном отделе Генштаба РККА, поэтому Шильдкнехт решил сам провести допрос. На вопрос о резервах Трушин дал общие сведения, сославшись на то, что точных цифр он не помнит. Относительно новых формирований он также не дал конкретного ответа, объяснив это тем, что уже давно находится на фронте, но всё-таки сообщил, что в начале войны советским командованием была осуществлена первая очередь – формирование 75 соединений. В дальнейшем Трушин был направлен в офицерский лагерь для военнопленных.

Выявить сведения о том, что говорили и как себя вели на допросах попавшие в плен советские офицеры, было одной из задач советской военной контрразведки. Ряд текстов допросов этой категории военнопленных в отделах 1 ц и отделе «Иностранные армии – Восток» сохранился в ЦА ФСБ России и опубликован[71]. Вопрос о работе отдела с советскими военнопленными и коллаборационистским формированиями практически не был затронут советскими контрразведчиками при допросах Шильдкнехта, однако достаточно подробную информацию об этом можно найти в современной литературе[72].

Для получения наиболее точных сведений о состоянии военного потенциала советских вооружённых сил и замыслах командования Красной армии отдел «Иностранные армии – Восток» использовал максимально широкий спектр источников информации (официальных и неофициальных), обменивался ею с подразделениями генеральных штабов союзных Германии государств.

До 1942 г. непосредственно Советским Союзом в отделе занимались почти 90 сотрудников (из них 4 офицера генерального штаба и 25 офицеров). Была организована оценка и сопоставление добытых различными службами данных, их систематизация, доклад командованию, информирование других подразделений и ведомств. Отдел «Иностранные армии – Восток» ОКХ фактически был одним из важнейших аналитических центров нацистской Германии.

Новый фактологический материал о практической деятельности отдела «Иностранные армии – Восток» ОКХ, приведённый в данной публикации, важен для пополнения знаний о событиях военных лет. Имена многих сотрудников этого подразделения названы впервые. Характер материала, накопленного отделом «Иностранные армии – Восток», формы и методы его работы, структура и штаты представляют большой интерес для исследователей. В конце 2012 г. в Германии издана книга М. Паля[73] по данной теме. Это в очередной раз доказывает необходимость рассмотрения немецких и российских источников в их совокупности. В качестве перспективного направления можно наметить продолжение исследования архивных уголовных

дел на сотрудников отдела «Иностранные армии – Восток» и отделов 1 ц, чтобы сопоставить содержащиеся в них сведения с уже имеющимися, дополнить их и уточнить.

Материалы, накопленные в отделе «Иностранные армии – Восток», и его кадровый состав впоследствии стали основой для создания «Организации Гелена» – спецслужбы, работавшей против СССР под контролем американской разведки. В 1956 г. она была преобразована в Федеральную разведывательную службу Германии (BND).

Примечания

[1] *Леверкюн П.* Служба разведки и контрразведки/ Итоги Второй мировой войны. – М., 1957. – С. 277.

[2] *Леверкюн П.* Германская военная разведка. Шпионаж, диверсии, контрразведка. 1935–1944. – М., 2011. – С. 83.

[3] *Бухгайт Г.* Абвер: щит и меч III рейха. – М., 2005. – С. 247–248, 252, 257, 308.

[4] *Йоргенсен К.* Гитлеровская машина шпионажа. Военная и политическая разведка Третьего рейха. 1933–1945. – М., 2012. С. 47, 118–119, 124.

[5] *Гелен Р.* Война разведок. Тайные операции спецслужб Германии. 1942–1971. – М., 2004. – С. 10–96.

[6] *Иоффе Э.Г.* Абвер, полиция безопасности и СД, тайная полевая полиция, отдел «Иностранные армии– Восток» в западных областях СССР. Стратегия и тактика. 1939 –1945 гг. – Минск, 2008. – С. 145–192.

[7] *Гальдер Ф.* Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба сухопутных войск 1939–1942 гг. В 3-х т. – М.: Воениздат, 1968–1971.

[8] *Хохлов Д.Ю.* Армия так и не дождалась своего командующего // Военно-исторический журнал. 2012. № 2. – С. 62–66.

[9] ЦА ФСБ России. Д. Р-82. Т. 3. Л. 46–47.

[10] *Хохлов Д.Ю.* Японский посол Х. Осима на советско-германском фронте / Великая Отечественная война. 1942 год: Исследования, документы, комментарии. – М., 2012. – С. 155–172.

[11] ЦА ФСБ России. Д. Р-48808. Т. 1. Л. 28–43.

[12] «Kinzel – примерно 45 лет, уроженец Берлина, сын профессора, окончил гимназию в Берлине. Во время Первой мировой войны был произведён в офицеры, после войны (1924) был адъютантом батальона в 5-м пехотным полку (учебный батальон, гарнизон Грейфсвальд). С 1932 по 1935 г. – помощник военного атташе в Варшаве. Перед этой войной – вначале командир роты крепости близ Магдебурга, затем начальник отдела 1 а в пехотной дивизии в Магдебурге. 1.10.1938 года был произведён в майоры и назначен на должность начальника отделения 12 отдела генштаба сухопутных сил. В 1939 году подполковник и начальник этого отдела. В 1941 году переведён начальником штаба в 29-й армейский корпус. Приметы: среднего роста, стройный, лицо круглое, волосы тёмно-русые, в левом глазу носит монокль, на лбу имеет небольшой шрам». – ЦА ФСБ России. Д. Р-48808. Т. 2. Л. 3. – Кинцель, Эберхард (1897–1945) – участник Первой мировой войны, помощник немецкого военного атташе в Варшаве (1932–1936), начальник отдела 1 а пехотной дивизии, начальник отделения отдела «Иностранные армии – Восток» ОКХ (1938), начальник этого отдела (1939), начальник штаба 29-го армейского корпуса (с июня 1942), начальник штаба группы армий «Север» (январь 1943 – июль 1944), командир народно-гренадёрской дивизии в Польше и Восточной Пруссии (1944), начальник группы армий «Висла» (март 1945), генерал-лейтенант пехоты. 11 мая 1945 г. покончил жизнь самоубийством в г. Ингштадте под Фленсбургом.

[13] «Mierzinsky – около 60 лет, проживал в Берлине, холост. Во время первой мировой войны в чине капитана был офицером генштаба в воинской части. В начале 20-х годов

в звании майора запаса был переведён на работу в военное министерство в группу «Россия» референтом. В этой должности он работал до осени 1941 года. С 1937 в звании полковника запаса. Осенью 1941 года он был переведён в армейскую группировку «Юг» под Харьков в качестве ортскоменданта. В этой же должности зимой 1941/42 гг. стал генералом. Приметы: среднего роста, плотного телосложения, полный, круглое краснощёкое лицо, глаза голубые, близорукий, носит пенсне». ЦА ФСБ России. Д. Р-48808.Т. 2 . Л. 4.

[14]«Lieser – возраст примерно 52 года, проживал в Берлин-Фриденау. До Первой мировой войны служил в 24 пехотном полку в земле Бранденбург, был кадровым офицером и с этим же полком был на фронте. После был майором запас и служил в военном министерстве. С 1929 по 1932 год являлся офицером снабжения в 5-м пехотном полку, позже, примерно с 1937 года работал референтом в генштабе сухопутных сил (польская группа), после польской кампании – референт в русской группе в чине полковника запаса, затем орткомендант или фельдкомендант армейской группировки "Север", в г. Псков. Приметы: стройный, рост средний, узкое продолговатее лицо, нос выдающийся, крючковатый, глаза голубые, лысый». ЦА ФСБ России. Д. Р-48808. Т. 2 . Л. 4.

[15] «Bode – возраст примерно 55 лет, бывший офицер военно-морского флота, до 1939 г. работал референтом по Китаю в 12 отделе ОКХ до 1939 г. Приметы: высокого роста, худой, лицо узкое, волосы тёмные». ЦА ФСБ России. Д. Р-48808. Т. 2 . Л. 11.

[16] «Gehlen – примерно 40 лет, уроженец Силезии. Служил в рейхсвере офицером артиллерийского полка, предположительно, во Франкфурте на Одере. Перед войной был адъютантом генерала артиллерии Гальдера (будущего начальника штаба ОКХ). Во время войны – в начале начальник отдела 1 а пехотной дивизии (во время польской кампании), затем начальник группы в оперативном отделе генштаба сухопутных сил. С мая 1942 г. – начальник отдела «Иностранные армии Востока». Приметы: худощавый, рост примерно 1.70, узкое худое лицо, волосы русые, редкие, гладко причёсанные, глаза голубые, сильно выступающий кадык». ЦА ФСБ России. Д. Р-48808. Т. 2 . Л. 3.

[17] «Petzold – примерно 36 лет, прибалтийский немец, сын помещика. По окончании гимназии, с середины 20-х годов вступил в рейхсвер, служил в начале в кавалерии, затем в 30-х годах два года учился в военной академии в Берлине, откуда был направлен для работы в генштаб сухопутных сил. Перед войной в качестве офицера генштаба работал в организационном отделе. К началу войны с Советским Союзом являлся офицером связи ОКХ в танковой армии фон Клейста. После продолжительной болезни осенью 1941 года был переведён в отдел «Иностранные армии – Восток». Приметы: высокого роста, худощавый, узкое длинное лицо, тёмно-русые волосы, серо-голубые глаза». ЦА ФСБ России. Д. Р-48808. Т. 2 . Л. 4.

[18] «Roenne – возраст около 37 лет, прибалтийский немец. В 1924 г. служил в 9-м пехотном полку, являясь кандидатом в офицеры. В 1926–27 гг. учился в пехотной школе в Дрездене, в 1928 году получил офицерское звание. В 1935–37 гг. учился в военной академии в Берлине. Во время французского похода работал офицером генштаба (майор) сухопутных сил в отделе «Иностранные армии – Запад» (французская группа). Во время войны с СССР – вначале начальник 1-а 30 пехотной дивизии армейской группировки «Север», а с весны 1942 года в отделе «Иностранные армии – Восток». Приметы: высокого роста, плотного телосложения, узкое длинное лицо, нос большой, волосы белокурые, глаза голубые, носит роговые очки, на восточном фронте был ранен в голову. Говорит по-немецки с прибалтийским акцентом». ЦА ФСБ России. Д. Р-48808. Т. 2 . Л. 5.

[19] «Hausen – возраст около 37 лет, родом из Баварии. В 1924 г. вступил в рейхсвер (отделение шофёров в Мюнхене). В 1925–27 гг. учился в военной школе. В 1928 г. присвоено звание офицера. В 1935–37 гг. обучался в военной академии в Берлине, по окончании которой работал в генеральном штабе. С 1938 г. работал в отделении «Юго-Восток» отдела «Иностранные армии – Восток», в начале в качестве референта, с 1939 г. – начальник группы, а с 1942 года – начальник самостоятельного отдела «Иностранные армии – Юго-Восток». Приметы: среднего роста, стройная сильная фигура, лицо узкое, красноватое, с веснушками, волосы белокурые, глаза светло-голубые». ЦА ФСБ России. Д. Р-48808. Т. 2 . Л. 10.

[20] «Frege – примерно 57 лет, до 1939 г. работал референтом по Японии в 12 отделе ОКХ до 1939 г.. Приметы: среднего роста, худощавый, волосы седые, носит роговые очки». ЦА ФСБ России. Д. Р-48808. Т. 2 . Л. 11.

[21] «Lydtke – примерно 62 года, проживал во Франкфурте на Одере. До Первой мировой войны жил в России, возможно там родился. Его отец был владельцем стекольной фабрики близь Ленинграда. В 1941 году он прибыл из генерал-губернаторства в генштаб ОКХ в отдел «Иностранные армии – Восток», где работал в качестве референта по вопросам оснащения и вооружения до весны 1942 г., откуда был переведён в отдел ОКВ абвер-заграница или управление вооружения. Приметы: низкого роста, худощавый, узкое краснощёкое лицо, нос большой с горбинкой, волосы седые, глаза карие, носит тёмные роговые очки». ЦА ФСБ России. Д. Р-48808. Т. 2 . Л. 6.

[22] «Brünn – примерно 35 лет, родом из Силезии, сын помещика из Бреславля. Проживал в Берлине. По окончании гимназии в середине 1920 гг. вступил в Штеттине во 2-й саперный батальон и был кандидатом в офицеры. В 1930 г. ему присвоили офицерское звание, после чего служил офицером-сапёром в Штеттине, незадолго перед войной, примерно в 1937–1939 гг. учился в военной академии в Берлине. В январе 1941 г. был переведён в генштаб сухопутных сил в отдел «Иностранные армии – Восток». Приметы: среднего роста, плотного телосложения, шея короткая, волосы редкие, блондин, глаза голубые, нос узкий, длинный». ЦА ФСБ России. Д. Р-48808. Т. 2 . Л. 5.

[23] «Herre – примерно 35 лет. Офицер генштаба, обучался в военной академии в Берлине в 1938-1939 гг. В 1942 г. весной переведён в ОКХ в отдел «Иностранные армии – Восток». Сдавал экзамен на переводчика русского языка. Род войск – сапёр. Приметы: среднего роста, стройный, лицо узкое смуглое, волосы тёмные, глаза голубые». ЦА ФСБ России. Д. Р-48808. Т. 2 . Л. 5.

[24] «Mengden – примерно 36 лет, родом из семьи прибалтийских помещиков. В 1924 г. служил в пехотном полку рейхсвера, был кандидатом на офицерское звание. В 1926-1927 гг. учился в пехотной школе в городах Ордруф и Дрезден. В 1928 г. стал офицером. В 1935 –1937 гг. Обучался в военной академии в Берлине. Весной 1940 г. был назначен в отдел «Иностранные армии – Восток» ОКХ, где до 1941 г. работал референтом. В 1941 г. осенью направлен начальником 1-б в пехотную дивизию армейской группировки «Юг». 1942 г. – в отделе военных атташе в Берлине. Сдавал экзамены на переводчика русского языка. Приметы: среднего роста, плотного телосложения, узкое худое лицо, волосы тёмно-русые, глаза голубые, говорит по-немецки с прибалтийским акцентом. Ранен в ногу». ЦА ФСБ России. Д. Р-48808. Т. 2 . Л. 5.

[25] «Abelein – примерно 45 лет, родом из Баварии, района гор. Мюнхена. Сдавал экзамен на переводчика испанского языка. До войны работал в VII военном округе, во время войны – адъютант заместителя командующего в Мюнхене. Осенью 1940 г. был направлен в генштаб ОКХ в Отдел «Иностранные армии – Восток», где работал до конца 1941 или начала 1942 г. Затем был назначен помощником военного атташе в Испанию. Приметы: среднего роста, полный, приземистая фигура, энергичные черты лица, волосы русые, зачёсанные на левую сторону, носит роговые очки с тёмными стёклами». ЦА ФСБ России. Д. Р-48808. Т. 2 . Л. 6.

[26] «Wirtz – примерно, 42 года, гражданская специальность – торговец (работал в фирме Сименс А.Г.) проживал в Берлин-Сименсштадт. Перед войной – офицер резерва Шпандау в Берлине. Весной 1941 г. был назначен в генштаб ОКХ в отдел «Иностранные армии – Восток», где работал до весны или лета 1942 г. Дальнейшая его судьба неизвестна. Приметы: рост примерно 1.78, худощавый, узкое лицо, волосы тёмные, глаза чёрные, отсутствует несколько зубов». ЦА ФСБ России. Д. Р-48808. Т. 2 . Л. 6.

[27] «Voigt-Ruschewey – примерно 32 года, сын офицера (артиллерийского полковника). Примерно в 1930 году вступил в рейхсвер и служил в пехотном полку, во время войны обучался в военной академии по ускоренной программе, в 1941 г. осенью переведён в отдел «Иностранные армии Востока» генштаба ОКХ, где работал в начале в русской группе, а примерно в начале 1942 г. стал начальником группы США. Приметы: среднего роста, стройная фигура, волосы тёмно-русые, глаза карие, один глаз косит, лицо бледное, с веснушками». ЦА ФСБ России. Д. Р-48808. Т. 2 . Л. 7.

[28] «Wessel – родом из Веймара (Тюрингия), где его отец был суперинтендантом (священником). В Веймаре закончил гимназию. Возраст примерно 30 лет. По окончании школьного образования поступил кандидатом на офицерское звание в пехотный полк рейхсвера, во время войны прошел ускоренный курс в военной академии в Берлине, после чего получил назначение в отдел «Иностранные армии – Восток» ОКХ. Приметы: высокого роста, худощавая фигура, узкое бледное лицо, веснушки, нос тупой, волосы светлые, вьющиеся». ЦА ФСБ России. Д. Р-48808. Т. 2 . Л. 7. Вероятно, Вессель Герхард (1913–2002) – немецкий государственный и военный деятель; полковник (вермахт), генерал-лейтенант (бундесвер). С января 1944 г. руководитель 1-й группы отдела «Иностранные армии – Восток» ОКХ. С 9 апреля 1945 г. начальник этого отдела. После войны в «Организации Гелена». С ноября 1955 г. в бундесвере. Руководитель службы военной контрразведки (1956–1957), зам. директора отделения разведки Объединенного штаба вооружённых сил (1957–1962). Руководитель БНД (1968–1978).

[29] «Nauck – примерно 45 лет, до Первой мировой войны продолжительное время жил в России, возможно, что там и родился. Его отец был торговцем и фабрикантом в Санкт-Петербурге. В 1941 г. осенью был назначен в отдел «Иностранные армии – Восток» и работал референтом по советской военной промышленности. Приметы: среднего роста, стройная фигура, узкое лицо, нос тонкий большой, немного кривой, волосы седые, глаза голубые или серые». ЦА ФСБ России. Д. Р-48808. Т. 2 . Л. 7.

[30] «Wangenheim – примерно 38 лет, уроженец Силезии, в рейхсвер вступил примерно в 1928 г., кавалерист, известный наездник и спортсмен, на Олимпиаде 1936 г. в Берлине завоевал приз за прыжки. Зимой 1940-1941 гг., по окончании военной академии был назначен референтом по Турции в отдел «Иностранные армии – Юго-Восток». Во время войны в 1941 г. непродолжительное время был сотрудником группы «Россия» и работал в Ставке с заданием составлять ежедневную сводку о положении противника (армейская группировка «Юг»). В 1942 г. был назначен помощником военного атташе в Анкару (Турция). Приметы: среднего роста, стройная спортивная фигура, узкое бледное лицо с веснушками, волосы белокурые гладкие, глаза голубые». – ЦА ФСБ России. Д. Р-48808. Т. 2. Л. 10. Вероятно, Конрад Фрайгерр фон Вангенхейм (1909–1953). Чемпион XI Олимпийских игр 1936 г. (конный спорт, троеборье, командное первенство) в Берлине. Попал в плен в 1944 г.

[31] «Thüngen – примерно 50 лет, офицер резерва (кавалерист?), в гражданской жизни помещик близ города Вюрцбург. В отдел «Иностранные армии – Восток» прибыл зимой 1941/1942 гг. и работал в качестве референта. Приметы: высокого роста, плотная фигура, здоровый цвет лица, голова лысая, глаза голубые». ЦА ФСБ России. Д. Р-48808.Т. 2 . Л. 7.

[32] «Künze – примерно 42 года, проживал в Берлине, призван из запаса. До 1939 г. работал референтом в отделе «Оборона страны» ОКВ, с 1940 г. в той же должности в отделе «Иностранные армии – Юго-Восток». Приметы: среднего роста, фигура плотная, лицо энергичное, нос большой, глаза голубые, немного навыкате, волосы каштановые, густые». ЦА ФСБ России. Д. Р-48808. Т. 2 . Л. 10.

[33] «Hübner – примерно 45 лет, проживал в Берлине, ранее был купцом. До 1939 г. работал референтом в отделе «Оборона страны» ОКВ. С 1940 Г. В той же должности в отделе «Иностранные армии – Юго-Восток». Приметы: среднего роста, стройная худощавая фигура, лицо узкое длинное, волосы белокурые редкие, глаза голубые». ЦА ФСБ России. Д. Р-48808. Т. 2 . Л. 10.

[34] «Bodecker – примерно 45 лет, до 1939 г. работал референтом по России (вопросы оснащения и вооружения) в 12 отделе ОКХ. до 1939 г. По окончании польского похода работал в пограничной комиссии по определению демаркационной линии. Приметы: среднего роста, плотного телосложения, полный, лицо круглое, красное, голова лысая, на одной ноге протез в связи с ранением в первую мировую». ЦА ФСБ России. Д. Р-48808. Т. 2 . Л. 11.

[35] «Körnchen – примерно 40 лет, офицер резерва, в гражданской жизни служащий страховой фирмы в районе Котбус или Губен. В 1941 г. осенью он был переведён из военного округа Котбус в отдел «Иностранные армии – Восток» и работал секретарём

в приёмной начальника отдела полковника Кинцеля. Приметы: небольшого роста, худощавый, лицо продолговатое, щёки красные, глаза карие, волосы тёмно-русые, редкие». ЦА ФСБ России. Д. Р-48808. Т. 2 . Л. 8.

[36] «Warmbold – примерно 30 лет, офицер пехоты. Примерно в 1930 г. вступил в армию, во время войны учился в академии в Берлине по ускоренной программе. Летом 1942 года был переведён в отдел «Иностранные армии – Восток». Приеты: среднего роста, плотного телосложения, лицо круглое желтоватое, волосы белокурые, глаза серые». ЦА ФСБ России. Д. Р-48808. Т. 2 . Л. 8.

[37] «Kübarth– примерно 30 лет, родом из Восточной Пруссии, в 1941 г. закончил академию и был назначен референтом в группу «Юго-Восток». Зимой 1941-1942 гг. непродолжительное время работал в Ставке в группе «Россия». Обрабатывал сводки о противнике. Приметы: среднего роста, плотного телосложения, брюнет». ЦА ФСБ России. Д. Р-48808. Т. 2 . Л. 11.

[38] «Nette – примерно 30 лет, кадровый офицер кавалерии. В армию вступил примерно в 1930 г., обучался в военной академии в Берлине по ускоренной программе, лето м 1942 г. был назначен в отдел «Иностранные армии – Восток». Приметы: низкого роста, худой, лицо с веснушками, волосы белокурые, глаза голубые». ЦА ФСБ России. Д. Р-48808. Т. 2. Л. 8.

[39] «Buhl – примерно 43 года, помещик в Восточной Пруссии, владелец рыцарского поместья «Постенен» близь Фридланда. Офицер резерва (кавалерия). В 1914 г. 16-летним добровольцем вступил в прусский гусарский полк. В августе 1941 г. был назначен офицером для поручений в отдел «Иностранные армии – Восток» ОКХ. Позже работал в группе и занимался шведской армией. Приметы: высокого роста, стройная фигура, голова круглая, лицо бледное, нос немного плоский, голова лысая, глаза карие, говорит хриплым надломленным голосом». ЦА ФСБ России. Д. Р-48808. Т. 2 . Л. 9.

[40] «Jonen – примерно 20-21 год, офицер пехоты. В июне 1941 г. был назначен офицером для поручений в отдел «Иностранные армии – Восток» ОКХ. Весной 1942 г. был вновь переведён на фронт. Приметы: небольшого роста, очень подвижный, лицо небольшое, курносый, глаза тёмно-карие, волосы чёрные слегка курчавые». ЦА ФСБ России. Д. Р-48808. Т. 2 . Л. 9.

[41] «Schüle– примерно 26 лет, офицер резерва (пехотинец), гражданская специальность – дантист, родом из Вюртенберга, проживал в Штутгарте. Незадолго до начала войны с СССР – в июне 1941 г. Был назначен офицером для поручений в отдел «Иностранные армии – Восток» ОКХ. Приметы: среднего роста, фигура худощавая, нос с горбинкой, волосы белокурые курчавые, глаза карие, зубы большие. Говорит по-немецки на швабском диалекте». ЦА ФСБ России. Д. Р-48808. Т. 2 . Л. 8.

[42] «Eiseler – примерно 24 года, офицер резерва (пехотинец), родом из Тюрингии. Передначалом войны с СССР, в июне 1941 г. он был назначен офицером для поручений в отдел «Иностранные армии – Восток» ОКХ. Приметы: среднего роста, стройная фигура, слегка хромает в связи с ранением, волосы тёмные, глаза карие». ЦА ФСБ России. Д. Р-48808. Т. 2 . Л. 8.

[43] «Rihter – примерно 25 лет, офицер-танкист, весной или летом 1942 г. был назначен начальником картотеки в отдел «Иностранные армии – Восток» ОКХ. Приметы: высокого роста, стройная фигура, волосы каштановые, на лице веснушки». ЦА ФСБ России. Д. Р-48808. Т. 2 . Л. 9.

[44] «Arro – примерно 35 лет, в гражданской жизни профессор музыки (?), родом из Прибалтики (Риги или Таллина), работал переводчиком. Приметы: среднего роста, фигура полная, голова круглая, лицо полное, волосы редкие, курчавые, очень высокий лоб». ЦА ФСБ России. Д. Р-48808. Т. 2. Л. 9.

[45] «Kümming – примерно 30–35 лет, проживал в Берлине, гражданская специальность – журналист, работал переводчиком. Приметы: небольшого роста, плотного телосложения, лицо узкое, смуглое, глаза тёмные, нос римский, волосы тёмные». – ЦА ФСБ России. Д. Р-48808. Т. 2 . Л. 9. Вероятно, Кумминг Евгений Львович (1899–1980) – русский и немецкий журналист, поэт. Эмигрировал в Германию в 1921 г. В 1940 г. зачислен в вермахт в звании зондерфюрера. Автор пособий для военных переводчиков.

Участник антинацистского восстания в Мюнхене «За свободу Баварии» (1945). Работал на радио «Освобождение» (1953–1954), (1955–1956), в журналах «Свобода», «Der Antikommunist».

[46] «Richthofen – примерно 40 лет, профессор археологии в Кёнигсберге, работал переводчиком в группе по использованию материалов». – ЦА ФСБ России. Д. Р-48808. Т. 2 . Л. 10. Вероятно, фон Рихтгофен Болько Карл Эрнст Готтхард (1899–1983) – немецкий историк, специалист по древнейшей истории (Vorgeschichte); с 1933 г. профессор праистории и ранней истории в Кёнигсбергском университете, где в 1938 г. под его редакцией вышел сборник статей «Большевистская наука и культурная политика», содержащих критику пути развития советской науки. С 1943 г. – в Лейпцигском университете. Со слов Герберта фон Рихтгофена (см.: Генералы и офицеры вермахта рассказывают... – С. 454), на службу по линии пропаганды Б. фон Рихтгофена, как специалиста по русскому языку, устроил их общий родственник – маршал В. фон Рихтгофен.

[47] «Balk – примерно 30 лет, уроженец Шверина (Мекленбург), начальник регистратуры. Приметы: высокого роста, фигура средняя, волосы тёмные, глаза карие, нос толстый». ЦА ФСБ России. Д. Р-48808. Т. 2 . Л. 11.

[48] «Bernhardi – примерно 50 лет, начальник чертёжного бюро. Приметы: низкого роста, худощавый, маленькое худое лицо, носит очки». ЦА ФСБ России. Д. Р-48808.Т. 2 . Л. 11.

[49] ЦА ФСБ России. Д. Р-48808. Т. 1. Л. 54, 58.

[50] См.: «Огненная дуга»: Курская битва глазами Лубянки / Сост. А.Т. Жадобин, В.В. Марковчин, В.С. Христофоров. – М., 2003. – С. 307–308, 321–329; Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне : Сборник документов. Т. 1. Кн. 2. – М., 1995. – С. 365–367; Т. 2. Кн. 1. – М., 2000. – С. 664–665; Т. 2. Кн. 2. – М., 2000. – С. 515–518; Т. 3. Кн. 1. – М., 2003. – С. 623–625; Т. 3. Кн. 2. – М., 2003. – С. 584–586; *Ломагин Н.А.* Неизвестная блокада : Документы, приложения. Кн. 2. – СПб., – С. 108–156; *Хохлов Д.Ю.* «Воля к сопротивлению не была сломлена» // Звезда. 2005. № 9. – С. 178–180.

[51] 1 ц/АО – условное обозначение отдела, использовавшееся в немецких документах, как производное от его основных функций: разведка (1 ц) и абвер-офицер (АО – контрразведка).

[52] ЦА ФСБ России. Д. Р-48808.Т. 1. Л. 176–184.

[53] ЦА ФСБ России. Д. Р-48808. Т. 1. Л. 102–104.

[54] Так в тексте. Вероятно, «Временный полевой устав РККА (ПУ-36)», введённый в действие в 1936 г. или проект «Полевого устава РККА» (ПУ-39)» 1939 г.

[55] Так в тексте. Вероятно, «пистолет-пулемёт образца 1934/38 гг. системы Дегтярева».

[56] Так в тексте. Вероятно, «45-мм автоматическая зенитная пушка образца 1939 г.» или «37-мм автоматическая зенитная пушка образца 1939 г. (61-К)».

[57] ЦА ФСБ России. Д. Р-48808. Т. 2. Л. 29–33.

[58] ЦА ФСБ России. Д. Р-48808. Т. 2. Л. 34–42, 43–48 об, 49–60.

[59] Кинцель принимал активное участие в военно-дипломатических отношениях и участвовал в переговорах с представителями генеральных штабов стран, союзных Германии. Так, например, о поездке Кинцеля весной 1941 г. в Будапешт для координации деятельности немецких и венгерских вооружённых сил в военных действиях против Югославии и СССР рассказал бывший начальник 2-го отдела (разведка, контрразведка) Генштаба Венгрии генерал-майор Иштван Уйсаси. См.: РГВА. Ф. 463. Оп. 1. Д. 361. Л. 171–172.

[60] ЦА ФСБ России. Д. Р-48808. Т. 1. Л. 260–270; Т. 2. Л. 34–42, 43–48 об, 49–60.

[61] В своих показаниях во время следствия Шильдкнехт удивительно подробно рассказал о том, что ему удалось установить во время обратного путешествия. В результате он собрал следующие сведения: между станциями Мукден и Маньчжурия зафиксировал 4–5 воинских эшелонов, которые направлялись к советско-маньчжурской границе. Переехав границу, не доезжая Новосибирска, видел 5–6 воинских эшелонов, идущих на восток (два из них с артиллерией). Сибирская магистраль двухколейная на всём протяжении; через все переправы для каждой колеи построены отдельные мосты, которые находятся в 50–80 м друг от друга. Эшелоны везли на восток много грузовых автомашин, тракторов

и сельхозмашин. Видел несколько платформ, на которых под брезентом по очертаниям удалось распознать танки и большие орудия, один раз на нескольких платформах различил фюзеляжи самолётов и части подводной лодки. На запад, в основном, шли эшелоны с лесом; частота движения составляла примерно 5–6 составов в час, длина состава 50–60 вагонов, иногда больше. Установил наличие и расположение нескольких ж.-д. депо и мастерских, а также 2–3 аэродромов (один из них с большим количеством самолётов находился недалеко от Читы). При попытке установить соединение сибирской ж.д. с предполагаемой линией к Байкалу зафиксировал несколько одноколейных ответвлений, одно из них – в 200–300 км не доезжая Иркутска.

[62] ЦА ФСБ России. Д. Р-48808. Т. 2. Л. 259–260 об.

[63] См.: Генералы и офицеры вермахта рассказывают... : Документы из следственных дел немецких военнопленных. 1944–1951 / вступ. ст., сост. В.Г. Макарова, В.С. Христофорова; коммент. В.Г. Макарова. – М., 2009. – С. 359–360.

[64] ЦА ФСБ России. Д. Р-48808. Т. 2. Л. 81–97, 128–131.

[65] Например, см.: *Дашичев В.И.* Банкротство стратегии германского фашизма. Т. 2. – М., 1973. – С. 341–343.

[66] *Гелен Р.* Война разведок. Тайные операции спецслужб Германии. 1942–1971. – М., 2004. – С. 39, 41–42, 56–57.

[67] Валли 1 – отдел штаба Валли, руководивший военной и экономической разведкой на советско-германском фронте. В его подчинении находились команды и группы, приданные штабам армейских группировок и армий для ведения разведывательной работы на соответствующих участках фронта, а также команды и группы экономической разведки, проводившие сбор разведданных в лагерях военнопленных.

[68] Пиккенброк Ганс (1893–1959) – один из руководителей немецкой военной разведки; генерал-лейтенант. С 1 октября 1936 г. начальник отдела абвер 1. С марта 1943 г. командир гренадерского полка, с октября – командир 208-й пехотной дивизии. Взят в плен советскими войсками на территории Чехословакии в 1945 г.

[69] ЦА ФСБ России. Д. Р-48808. Т. 2. Л. 81–97.

[70] ЦА ФСБ России. Д. Р-48808. Т. 2. Л. 216–220.

[71] См.: Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне : Сборник документов. Т. 2. Кн. 1. – М., 2000. – С. 644–645; Т. 2. Кн. 2. – М., 2000. – С. 544–547; Т. 3. Кн. 1. – М., 2003. – С. 623–625; Т. 3. Кн. 2. – М., 2003. – С. 584–586; *Хохлов Д.Ю.* Армия так и не дождалась своего командующего // Военно-исторический журнал. 2012. № 2. – С. 62–66.

[72] См.: *Грибков И.В., Жуков Д.А., Ковун И.И.* Особый штаб «Россия». – М., 2011. – 464 с.; *Штрик-Штрикфельд В.* Против Сталина и Гитлера. Генерал Власов и Русское освободительное движение. – М., 1993. – 448 с.

[73] *Pahl M.* Fremde Heere Ost: Hitlers militärische Feindaufklärung. – Berlin, 2012. – 464 S.

Бои за Новороссийск в докладах военной контрразведки

Черепков Александр Петрович,
Центральный архив ФСБ России

В августе 1942 г. Новороссийск был оккупирован германскими войсками. Став прифронтовым городом, он был тщательно укреплён противником: на подступах созданы пять линий траншей и семь рядов проволочных заграждений, система дотов и дзотов, противотанковые и противопехотные минные поля; в самом городе построено более 500 оборонительных сооружений. Береговая артиллерия прикрывала подходы с моря. Кроме того, германское командование стремилось увеличить личный состав войск, оккупировавших Новороссийск, за счёт перебежчиков, изменников Родине, завербованных советских военнопленных. Из них были сформированы добровольческие стрелковые и казачьи подразделения. Один из взятых в плен во время Новороссийской операции перебежчиков рассказал на следствии: «10 декабря 1942 года, после месячного обучения в ст. В. Баканской, нас, 150 человек русских добровольцев немецкой армии, прислали в город Новороссийск. Один взвод, 50 человек, был послан в Станичку по охране берега моря в районе Рыбзавода от десантов Красной армии. Все 50 чел. были приданы немецкой части, почтовый ящик 24906, охранявшей побережье. На 4-х пехотинцев придавался один немецкий солдат, который осуществлял руководство и наблюдение. К пулемёту придавался первым номером немец, а все остальные русские»[1].

Помимо добровольцев, немецкое командование набирало в армию лиц призывного возраста, проживавших на временно оккупированной территории: «18–20 января 43 г. по Новороссийску и пригородам было расклеено воззвание немецкого командования к мужскому населению в возрасте от 17 до 50 лет, которые призывались вступать добровольно в германскую армию. В воззвании перечислялись льготы добровольцам. Никто на это воззвание не пошёл. Тогда 30 января был расклеен приказ об обязательной явке этих возрастов на сборный пункт

и были разосланы повестки о явке. Тех, которые пришли, отправили на ст. Н. Баканская. В обозе у немцев служит много русских солдат из предателей, набранных на Украине, кроме того, на подноске пищи и боеприпасов на передовую линию фронта немцы используют мальчиков в возрасте 13–14 лет и выше, жителей Новороссийска»[2].

О событиях, происходивших во время боёв за Новороссийск, написано немало. В архивах органов безопасности хранятся информационные документы военной контрразведки войсковых частей и Черноморского флота, рассказывающие о боевых действиях советских войск в районе Новороссийска и двух высадках морского десанта: в феврале и сентябре 1943 г. Вводимые в научный оборот новые документальные материалы военной контрразведки позволяют расширить представления о сложившейся в тот период обстановке, дают возможность объективно оценить как удачные действия, так и ошибки частей Красной армии, сражавшихся за «Малую землю», пополняют источниковую базу по истории Великой Отечественной войны.

К началу 1943 г. благодаря успехам Сталинградского, Донского, Юго-Западного и Воронежского фронтов от Новороссийска до Орджоникидзе над немецкими войсками нависла угроза стратегического окружения. Обстановка на южном фланге фронта радикально изменилась в пользу Советского Союза. Общее наступление советских войск создало предпосылки для боевых операций по освобождению приморских городов и военно-морских баз, в том числе Новороссийского порта. Черноморский флот, 56-я и 18-я армии, действовавшие на приморском направлении, получили приказ Ставки ВГК о переходе в наступление. Операция по освобождению Новороссийска и Таманского полуострова была спланирована на конец января 1943 г.

Начиная с ноября 1942 по февраль 1943 гг. шла подготовка десанта. Оперативная группа штаба Черноморского флота разрабатывала планы операции, привлекая для этого большое количество специалистов штаба флота, военно-воздушных сил флота, работников морских баз и командиров кораблей. Для усиления первой волны десанта впервые на Чёрном море был задействован отдельный танковый батальон.

В январе 1943 г., в период подготовки десантной операции в Новороссийске, Особый отдел Черноморского флота создал две оперативные группы, которые высадились на побережье Цемесской бухты. Перед ними стояли задачи захватить документы немецких разведывательных и контрразведывательных органов, задержать их работников, изменников Родине и вражеских пособников, вести агентурную работу.

Нарком ВМФ СССР Н.Г. Кузнецов в книге «Курсом к победе» охарактеризовал основную задачу таким образом: «в операции по освобождению Новороссийска перед моряками ставились задачи: огнём ко-

рабельной и береговой артиллерии содействовать частям 47-й армии в прорыве обороны противника на участке гора Колдун – цементные заводы; высадить морской десант в районе селения Южная Озерейка и во взаимодействии с частями 47-й армии взять Новороссийск; с помощью подводных лодок и морской авиации прервать морские сообщения противника между Крымом и Таманским полуостровом; обеспечить бесперебойность наших морских перевозок вдоль Кавказского побережья»[3]. Удар должен был наноситься с суши при поддержке морских сил.

На основном направлении планировалось высадить две бригады морской пехоты, стрелковую бригаду, танковый и пулемётный батальоны и противотанковый артиллерийский полк. Советское командование надеялось, что слаженный удар корабельной артиллерии, морских пехотинцев и танков позволит быстро сокрушить оборону противника на побережье. В ходе наступления Черноморский флот должен был обеспечить высадку крупного морского десанта в районе Южной Озерейки[4] – Станички[5]: «по приказу командующего Закавказским фронтом генерала армии тов. Тюленева[6] Черноморскому флоту была поставлена задача по обеспечению высадки десантных войск численностью до 10 000 чел. в районе Южная Озерейка, предназначенных для нанесения удара с тыла Новороссийской войсковой группировке противника. Для отвлечения сил и внимания противника одновременно под Новороссийск в район Станички НВМБ[7] выбрасывался демонстративный десант моряков отряда Куникова[8]»[9].

Перед десантными частями стояла главная задача: «Высадкой с моря в районе Южная Озерейка – Мысхако[10] и внезапным ударом овладеть городом Новороссийск, развивая в дальнейшем удар в северо-западном и западном направлении и отрезав этим самым пути отхода на Запад краснодарской группировке противника»[11]. В районе Южной Озерейки должен был высадиться основной, а Станички – вспомогательный десанты. Выполнение задачи было возложено на командира дивизиона крейсеров контр-адмирала Н.Е. Басистого[12]. В его распоряжении были эскадренные миноносцы «Незаможник» и «Железняков», два дивизиона быстроходных тральщиков[13], два дивизиона сторожевых катеров[14], отдельный дивизион канлодок[15], три балиндера[16], дивизион сейнеров[17], шесть баркасов и отряд корабельной поддержки в составе крейсеров – «Красный Крым», «Красный Кавказ» и эсминцев – «Сообразительный», «Бойкий», «Беспощадный»[18].

Подготовка к операции не могла остаться незамеченной немецким командованием, которое, вероятно, даже располагало информацией о месте и возможном времени её проведения. Ещё в декабре 1942 г. на сторону противника перешёл один из командиров Черноморского флота, который сообщил немецкой разведке, что «русские

предполагают 22–25.12.1942 г. сделать попытку захватить Новороссийск и Анапу. Новороссийск должен быть взят к Новому году. Руководство операцией возложено на заместителя командующего Черноморским флотом и войск Кавказской армии»[19].

Перебежчик также рассказал, что для выполнения запланированной операции привлечены 83-я бригада, спецчасти морской пехоты и грузинская горная армия[20]. Кроме того, в Геленджике подразделения десанта совершенно открыто тренировались на кораблях. Их тренировки не могли не привлечь внимания разветвлённой и хорошо подготовленной агентурной сети немецкой и румынской разведок.

27 января 1943 г. левый фланг Черноморской группы войск Закавказского фронта, не завершив перегруппировки, перешёл в наступление. Армию поддерживали морская авиация, шесть береговых батарей, крейсер «Ворошилов» и три эсминца. Однако войска не смогли прорвать линию фронта ни на одном участке. Противник везде оказывал ожесточенное сопротивление.

В докладной записке Особого отдела НКВД Черноморской группы войск Северо-Кавказского фронта от 13 марта 1943 г. на имя наркома внутренних дел Л.П. Берия сообщалось «о крупных недостатках в руководстве, организации и проведении боевых операций частями Черноморской группы войск, которые послужили причинами неудач в боевых действиях и значительных потерях личного состава. <...> Перед войсками Черноморской группы была поставлена задача – активными действиями в направлении Крымская выйти в район Троицкая, Варениковская на соединение с армиями, действовавшими с севера, и во взаимодействии с этими армиями уничтожить противника на этом участке фронта. Эта задача частями Черноморской группы выполнена не была»[21]. В такой тяжелой обстановке, вопреки заранее разработанному плану командование отдало приказ начать высадку десанта в Южной Озерейке. По плану высадка должна была начаться только после того, как армейские части прорвут оборону противника, однако генерал армии И.В. Тюленев приказал высадить десант немедленно, рассчитывая, что это поможет 47-й армии прорвать оборону противника севернее Новороссийска. Время высадки варьировалось: вначале она была запланирована в ночь на 2 февраля, но затем её перенесли в ночь на 4 февраля. Как оказалось впоследствии, не вполне верно было выбрано место высадки.

В одном из документов военных контрразведчиков говорилось: «Пункт высадки десанта – Мысхако – выбран весьма неудачно и не мог обеспечить выполнение директивы Ставки Верховного Главного Командования. По многим соображениям высадку десанта следовало проводить в районе Анапа. Нужно добавить, что накануне войны

штабом Черноморского флота был выработан справочник,в котором указаны были места наиболее благоприятные для десантных операций в широком масштабе. В частности, в нём указывается район Анапа. При разработке плана десантных операций указания этого справочника вовсе не были учтены, и к нему обратились лишь в последние дни»[22].

Ранним утром 4 февраля в районе высадки десанта начал развёртываться отряд кораблей прикрытия. В течение дня в море вышли отряды поддержки, высадочных средств и демонстративных действий. Но на подходе к берегу катера и балиндеры попали под массированный огонь противника. В итоге на берег удалось высадить, по разным данным, от 6 до 10 боеспособных танков и около 1 тысячи 500 морских пехотинцев. Бой на берегу вёлся неорганизованно. Командиры, оставшиеся на борту кораблей, не получали своевременно информацию о действиях высаженных на берег подразделений и были лишены возможности руководить боем. В этой обстановке командир сил высадки контр-адмирал Н.Е. Басистый попросил у командующего операцией перенести начало высадки десанта на полтора часа. Однако Ф.С. Октябрьский[23] приказал действовать по заранее утверждённому плану. Это решение командующего дошло до исполнителей только через полчаса после первоначально планируемого времени начала высадки, что внесло неразбериху и полнейшую дезорганизацию в последующие действия сил. В результате командование отказалось от продолжения операции и отозвало корабли, а вместе с ними – и основную массу войск.

О неразберихе, творившейся в этот день, начальник Особого отдела Черноморского флота Н.Д. Ермолаев[24] доложил в Центр: «Сосредоточение кораблей с войсками в район тактического развертывания затянулось. Канлодки, на которых были основные войска, в море растянулись и в означенный район прибыли с большим опозданием. У балиндеров с танками и боезапасом обрывались буксирные тросы, и балиндеры прибыли в район операции только к 4-м утра»[25].

Ермолаев также сообщал, что «все эти обстоятельства привели к расчленённым действиям между кораблями поддержки и авиацией. Авиагруппа, наносившая бомбовый удар по укреплениям противника, не будучи поставлена в известность о задержке, отбомбила в срок, предусмотренный планом, чем предупредила противника о готовящемся десанте, тогда как корабельная артиллерия артподготовку начала только спустя два часа, и высадка войск на берег вместо 01.00 часов затянулась до 05.00 часов 4-го февраля 1943 г. Подготовительный бомбовый удар и артиллерийская стрельба из 300 пушек, произведённая кораблями обеспечения, израсходовавшими до 75 процентов боевого запаса без всякой корректировки, никакого эффекта не дали, так как снаряды и бомбы ложились в сопки, где не было противника. Огневые средства

противника остались совершенно не поражёнными, так как противник до момента высадки не произвёл буквально ни одного выстрела. Только тогда, когда наши корабли со штурмовым отрядом и танками подошли к берегу, противник, освещая прожекторами, открыл по ним ураганный пулемётный и орудийно-миномётный огонь. От прямых попаданий снарядов загорелись два балиндера, гружёные танками, начал рваться боезапас, стали тонуть сейнера»[26].

В ночь на 6 февраля на Мысхако удалось высадить 255-ю Краснознамённую бригаду морской пехоты, затем личный состав 83-й Краснознамённой отдельной морской стрелковой бригады (КОМБ). Высадившиеся части 255-й бригады морской пехоты и танки успешно начали бой. Румынские войска, занимавшие оборону береговой части, бежали. Десантировавшаяся группа в течение двух с половиной суток вела бой с противником, овладела Южной и Северной Озерейкой[27] и закрепилась в деревне Глебовка[28]. При этом были захвачены несколько миномётов противника и 43 пленных. Некоторым десантникам удалось пробиться в район высадки вспомогательного десанта, более 500 человек попали в плен, 630 – погибли.

В годы Великой Отечественной войны операция в Южной Озерейке стала первой в практике проведения морских десантов, в которой применялись танки. Предполагалось использовать 30 американских танков М3 «Стюарт» из состава 563-го отдельного танкового батальона. Однако выброска танкового десанта потерпела неудачу. Огневые точки противника не были подавлены, и высаженные танки расстреливались в упор вражеской артиллерией. Уцелевшие танки, дойдя до Глебовки, были сожжены; 563-й отдельный танковый батальон – полностью уничтожен.

Командир 255-й бригады морской пехоты полковник А.С. Потапов[29] на допросе в Особом отделе НКВД 18-й армии рассказал, что «промер глубины в районе высадки десанта был проведён в недостаточной степени, ввиду чего канонерские лодки с хода не могли подойти к берегу. Разведка прибрежной полосы р[айо]на высадки десанта командованием разведотделов ЧГВ[30] и Черноморского флота была произведена недостаточно полно по выявлению огневых средств, в особенности на флангах. Огневые средства противника, выявленные в момент высадки, не соответствовали схеме, данной разведотделами. На второй день высадки были приняты меры к тому, чтобы или продолжить высадку десанта, или же частично снять людей, находившихся на берегу, однако это не увенчалось успехом, так как посланный в разведку катер донёс о невозможности подхода кораблей к берегу в связи с сильным накатом и массированным огнём противника. С самолёта в район действия бойцов группы был сброшен вымпел с предложением следовать в район Станичка на соединение с нашими войсками»[31].

В этом районе, где первоначально действовал десантный отряд под командованием майора Ц.Л. Куникова[32], события развивались более успешно. В ночь на 4 февраля 1943 г. высадившаяся передовая штурмовая группа быстро подавила сопротивление противника и обеспечила переход на берег командования и штаба. Немецкие войска попытались сбросить десантный отряд в море, однако в упорных боях десантникам удалось удержать захваченный плацдарм – 4 км по фронту и 2,5 км в глубину. В результате демонстративный десант превратился во вспомогательный, а затем и в основной. За несколько суток в район Станички были переправлены более 17 тысяч бойцов, 95 орудий и миномётов, 86 пулемётов, 449 т боеприпасов и продовольствия.

22 февраля 1943 г., после того как советские части закрепились на плацдарме, в соответствии с приказом командования 18-й армии войска вновь перешли в наступление. Перед частями армии стояла задача выйти к северо-западной окраине Новороссийска и развивать наступление на Гайдук. На подготовку операции было отведено всего 2 дня, вместо необходимых 4–5. За это короткое время части не смогли накопить необходимое количество боеприпасов и продовольствия, подразделения не были пополнены людьми в достаточном количестве.

24 февраля 1943 г. командующий 18-й десантной армией генерал-майор К.А. Коротеев[33] писал командиру десантного корпуса генерал-майору А.А. Гречкину[34]: «Длительные бои десанта за Новороссийск не дали положительных результатов. Наши атакующие части понесли и несут неоправданно серьёзные потери. Противник, опираясь на хорошо укреплённую позицию, упорно обороняет Новороссийск, стремясь тем самым обеспечить отвод северной группировки войск на Керченский полуостров. Сложившаяся обстановка диктует – не атаковать Новороссийск, а обходить его с запада и северо-запада, отрезая пути отхода новороссийской группе войск противника. Новороссийск падёт без штурма. Сейчас важно отрезать новороссийскую группу противника, а затем уничтожить или пленить»[35].

Кроме того, в 18-й десантной, 47-й и 56-й армиях был выявлен ряд недочётов, главное, для подготовки отдельных операций не хватало времени. Штабы армий и соединений теряли управление войсками. Также нарушались приказы командования и отсутствовало взаимодействие пехоты и артиллерии. Помимо этого, на действиях советских войск негативно сказалась непродуманная и несвоевременная смена командармов, проведённая в период подготовки и в ходе самого наступления.

Встретив сопротивление немцев и оценив их превосходство в живой силе и технике, советские десантники были вынуждены перейти к обороне. По имевшимся у Особого отдела 18-й армии данным, срыв операции был обусловлен серьёзными недостатками в подготовке

и организации наступления: неправильной оценкой обстановки, неверным направлением главного удара, отсутствием взаимодействия между пехотой, артиллерией и авиацией. 27 февраля ни одна заявка на прикрытие района Мысхако авиацией не была удовлетворена, в то время как противник бомбил наши боевые порядки в течение всего дня.

Морские транспортные операции сопровождались серьёзными потерями. 9-й отдел УОО НКВД СССР подготовил ряд справок, в которых сообщалось, что 27 февраля в районе Геленджика при возвращении после высадки десанта потоплен тральщик с грузом, буксир «Миус», оторвана корма канонерской лодки «Грузия». В начале марта в районе Мысхако подорвался тральщик «Заря» и минный заградитель «Ост».

С 4 февраля по 1 марта 1943 г. 255-я бригада морской пехоты понесла значительные потери – 3 тысячи 226 человек личного и командного состава. Около полутора тысяч человек погибли при высадке в Южной Озерейке, остальные – в период первых дней сражения в районе Станички. Потери 83-й КОМБ составили 1 тысячу 84 человека[36]. По данным военной контрразведки на 5 марта 1943 г., во время этой операции в 18-й десантной армии были убиты 2 тысячи 191 человек, ранены – 7 тысяч 645 человек, пропали без вести 1 тысяча 877 человек. Бои на плацдарме, получившем название «Малая земля», приняли затяжной позиционный характер.

В докладной записке Особого отдела НКВД Черноморской группы войск Северо-Кавказского фронта от 13 марта 1943 г. на имя народного комиссара внутренних дел Л.П. Берия говорилось, что «при проведении наступательных операций части Черноморской группы войск с 1 января с.г. по 10 марта с.г. имеют безвозвратных потерь 24.053 чел., санитарных потерь 70.945 чел., других потерь 1.417 человек. Сюда не входят данные о потерях, понесённых 56-й армией за первую декаду марта. Таким образом, общее число потерь за время боевых операций составляет – 96.415 человек»[37].

В течение марта–мая 1943 г. Особым отделом (с апреля – отделом контрразведки «Смерш») 18-й армии для информирования ОО Черноморской группы войск готовились ежедневные сводки, в которых фиксировались сведения о боевых действиях армии. В этот период шли упорные оборонительные бои, десантные части интенсивно пополнялись людьми, техникой, продовольствием и боеприпасами.

За два месяца боёв захваченный плацдарм удалось расширить до 8 км с запада на восток и 6 км с севера на юг. В апреле 1943 г. немецкое командование подготовило операцию «Нептун» с целью очистить побережье в районе Новороссийска от десантников. Для этого была создана специальная группа численностью около 27 тысяч человек, вооружённых 500 орудиями и миномётами. Воздушную поддержку обеспечивали до 1 тысячи самолётов.

17 апреля «противник в районе Мысхако после сильной артиллерийской и авиационной подготовки (авиация противника произвела 1 200 самолётовылетов, сбросив 4 000 бомб) перешёл в наступление против частей 20-го десантного корпуса, 16 ск и 176 ксд, занимавших оборону на Мысхако. После ожесточённых боёв с превосходящими силами противника на стыке 51-й сбр и 8-й Гв. сбр, ценой больших потерь противнику удалось вклиниться в передний край нашей обороны. <...> Группа автоматчиков заняла высоту Безымянная (севернее хутора Безымянный), создав угрозу выхода к морю, расчленить 16-й и 20-й стрелковые корпуса. Активными действиями наших частей просочившаяся группа автоматчиков была ликвидирована, все атаки противника были отбиты, и высота Безымянная вновь была захвачена. Положение было восстановлено»[38]. 18 апреля после артиллерийской и авиационной подготовки противник перешёл в наступление. Ценой больших потерь немецким частям удалось вклиниться в боевые порядки советских войск на стыке 8-й и 51-й стрелковых бригад. 20 апреля противник предпринял самое мощное наступление. Однако все попытки подразделений немецких войск продвинуться вперёд и очистить плацдарм провалились.

После 25 апреля немецкое командование отвело войска на исходные позиции, и крупных наступательных действий части противника больше не проводили.

В итоговой справке Особого отдела 18-й армии сообщалось, что «в ходе боёв с противником отмечены следующие недочёты боевых операций: 1. Отсутствовало взаимодействие в бою частей и соединений вследствие незнания обстановки частью командного состава и создавшейся неразберихи в управлении отдельными частями. 2. Недостаточная эффективность действий артиллерийских подразделений. 3. Недостаточно работала войсковая техническая и радиосвязь. 4. Беспечность на переднем крае обороны. В ночь на 23 апреля с.г. в распоряжение командования десантной группы войск Мысхако прибыл 290-й сп войск НКВД. 24 апреля по приказанию командования этой группы полк занял исходное положение в 300 м от переднего края обороны противника. Во время окапывания бойцы производили шум (лязг лопат, выкрики), что привлекло внимание противника, и последним был открыт интенсивный огонь. В результате было убито 20 человек и ранено 22 человек»[39].

С мая по сентябрь 1943 г. на «Малой земле» шли позиционные бои, проводились рейды за линию фронта разведгрупп для захвата «языков». Советские войска твёрдо удерживали захваченный плацдарм, ежедневно пополняясь людьми, техникой (в т.ч. и лёгкими танками), боеприпасами и продовольствием. Снабжение группировки осуществлялось преимущественно в ночное время. Практически бесперебойно шёл вывоз с «Малой земли» раненых и больных. Ежедневно

артиллерия Новороссийской военно-морской базы обстреливала огневые позиции противника юго-западнее Новороссийска. В этом районе активно действовала бомбардировочная авиация ВВС фронта и флота.

Сотрудники особых отделов войсковых и флотских подразделений и оперативных групп ОО Черноморского флота вели активную оперативно-розыскную работу на «Малой земле». В период боёв военная контрразведка контролировала всю боевую деятельность наших войск: проведение операций, политико-моральное состояние личного состава, режим секретности, снабжение и питание десантных подразделений. В частности, контрразведчики отмечали случаи нарушения режима секретности и разглашения военной тайны. По выявленным недостаткам информировалось командование войск.

В августе 1943 г. Ставка Верховного Главнокомандования дала указание командующему Северо-Кавказским фронтом генерал-полковнику И.Е. Петрову[40] начать подготовку наступательной операции для разгрома таманской группировки противника с целью помешать его отступлению в Крым. Первым этапом стала Новороссийская операция, во время которой одновременно с ударами по Новороссийску с востока и с «Малой земли» планировалось высадить на причалы порта крупный тактический десант. С воздуха десант поддерживали ВВС Черноморского флота и Северо-Кавказского фронта, артиллерийскую поддержку обеспечивали подразделения 18-й армии и Новороссийской военно-морской базы. В десантные и обеспечивающие отряды входило около 150 катеров. Командиром сил высадки был назначен контр-адмирал Г.Н. Холостяков[41], а всем десантом руководил командующий Черноморским флотом вице-адмирал Л.А. Владимирский[42].

Для освобождения Новороссийска «планировались внезапные удары по вражеским войскам в городе одновременно с трёх направлений – с востока, юго-запада и юга. Удар будет наноситься и с суши, и с моря. С востока должна была наступать восточная группа войск 18-й армии; с юго-запада, с мысхакского плацдарма – западная её группа, в том числе и 83-я морская стрелковая бригада; со стороны моря должен был высадиться десант»[43].

К сентябрю 1943 г. Новороссийск стал настоящей крепостью. Противник сумел создать прочную оборону. На горе Сахарная Голова и в районе цементного завода «Октябрь» находились наиболее сильные опорные пункты, где было оборудовано до 36 дзотов и до 18 дотов. На обратных скатах высот были оборудованы блиндажи с железобетонными перекрытиями, выдерживавшие прямое попадание даже 250-килограммовой авиабомбы. Опорными пунктами стали отдельно стоящие каменные здания и дома на углах улиц. Окна первых и вторых этажей закладывались кирпичом, а в стенах пробивались амбразуры.

С внутренней стороны стены укреплялись мешками с песком, а с внешней – дополнительной кирпичной кладкой. Трамвайные рельсы служили материалом для усиления перекрытий между этажами.

В ночь на 10 сентября в районе Новороссийска высадился десант в составе 255-й морской бригады, 1339-го стрелкового полка, 318-й стрелковой дивизии и отдельного штурмового полка моряков. Десантирование проходило в сложной обстановке и под мощным артиллерийско-минометным и пулемётным огнём врага. Наши катера маневрировали среди рвущихся снарядов под сотнями осветительных ракет противника. В результате на берег высадились свыше 2 тысяч бойцов из 393-го батальона морской пехоты и 1339-го стрелкового полка. Они продвигались вперёд отдельными группами и смогли занять ряд припортовых улиц, площадь Демьяна Бедного и территорию школы № 5. К полудню большая группа немецких автоматчиков при поддержке четырёх танков вклинилась в наши подразделения, разбив их на части. Десантники подбили один танк, отразили атаки вражеской пехоты, однако, исчерпав боезапас, были вынуждены отступить.

С 10 по 16 сентября 1943 г. Оперативный отдел штаба Северо-Кавказского фронта направлял в УКР «Смерш» справки, свидетельствующие об ожесточённости боёв за Новороссийск. В справке от 10 сентября сообщалось, что «преодолевая сильное огневое сопротивление и отражая контратаки пр[отивни]ка в р[айо]нах Стадион, Исправ[ительный] дом, десантные части к исходу дня вели бой в районах: цем. завод "Октябрь", Турецкий сад, Импортная, южн. части Адамовича балка, элеватор, вокзал, восточной и южн. окр. г. Новороссийск. Закрепляясь на достигнутых рубежах, части продолжают интенсивный огневой бой. На остальных участках фронта войска действовали небольшими разведгруппами и арт[илерийско]-мин[ометным] огнём обстреливали передний край обороны и ближайшие пути подвоза противника. Черноморский флот на катерах и мелких транспортных судах проводил высадку десанта в р[айо]не Новороссийской гавани. Береговая артиллерия огнём обеспечивала высадку десанта и в течение дня вела огонь по войскам противника»[44].

В ночь на 11 сентября началась высадка второго эшелона десанта. В результате ночного боя у врага был отбит цементный завод «Пролетарий», который представлял собой самый сильный узел обороны на побережье. Десантникам удалось ворваться в город, где завязались жестокие уличные бои. 11 сентября в УКР «Смерш» была направлена справка о том, что «пр[отивни]к в течение суток вёл ожесточённые контратаки пехотой и танками. В результате контратак смял боевой порядок 255-й брмп, которая частью сил группами вышла в р[айо]н Станичка. Два б[атальо]на бригады под командованием Григорьева[45]

выходят в район вокзала. На участке второго десантного отряда (отряд морской пехоты Ботылёва)[46] противник вклинился между вокзалом и пристанями, изолировав части в районе вокзал, элеватор, где до исхода дня шёл напряжённый бой. Основная часть второго отряда, отразив контратаки, удерживает район пристаней от Стар. Пассажирской до Элеваторной. Правый десантный отряд (1339-й сп), усиленный в ночь на 11.09 1337-м сп, соединившись с 1331-м сп, прорвали фронт обороны в районе цемзавода "Красный Октябрь", в течение дня полностью овладели гребнем балки Камышевая, Цемзавод "Пролетарий", предместьем Адамовича балка, заводом "Красный двигатель" (между Ревельской и Судостальской улицами), вышли частью сил в предместье Стандарт. В течение дня пр-к группами 12–15 самолётов четыре раза бомбил наши войска»[47].

В последующие дни советские войска расширяли занятые плацдармы. Корабли доставляли подкрепления и боеприпасы, вывозили раненых. В сообщении от 12 сентября говорилось, что «пр[отивни]к, вводя в бой дополнительные силы пехоты и танков, <...> сильным огнём и контратаками <...> сдерживал продвижение наших частей. <...> Отдельный батальон морской пехоты под командованием Ботылёва с частью сил 290-го сп НКВД удерживает р[айо]н клуб Моряков, клуб Сталина, пристань "Нефтеналивная". Отряд Григорьева (255-я бригада морской пехоты) к исходу дня не пробился на соединение с отрядом Ботылёва и продолжает вести тяжёлый бой в окружении в районе вокзала. Части 176-й сд и 83-й мсбр продвижения не имели, вели интенсивный бой южной и юго-западной окраинах Новороссийска»[48].

13 сентября в УКР «Смерш» была направлена справка о том, что «пр[отивни]к, стремясь во что бы то ни стало удержать за собой город Новороссийск до отхода главных сил с Таманского полуострова, огнём и контратаками сдерживал продвижение наших частей. Встречая на всех участках боя сильный сосредоточенный огонь всех видов оружия и отражая контратаки, ликвидировав оставшиеся очаги сопротивления, к исходу дня имели незначительное продвижение. Бой продолжается. 89-я сд одним полком в 16:30 безуспешно атаковала гору Сахарная Голова»[49].

К 14 сентября войска 18-й армии нанесли охватывающий удар с севера и прорвали оборону противника. Советские войска ворвались в город и соединились с частями десанта. В справке от 14 сентября сообщалось, что «18-я армия с 11:00 продолжает напряжённые бои в районе Новороссийск. Противник, вводя в бой свежие резервы, сильным огнём и контратаками сдерживал продвижение наших частей. Неоднократные атаки наших частей дали незначительное продвижение, лишь частям 318-й сд удалось занять несколько кварталов северо-восточной части предместья Стандарт. Бой продолжается»[50].

15 сентября было подготовлено сообщение о том, что «1337-й сп и 1339-й сп с батальоном танков 5-й Гв. тбр вели тяжёлые уличные бои на восточной окраине мефодиевской. 5-й гв. сд с отрядами Ботылёва, Григорьева и Лысенко в ожесточённых боях ликвидировала опорные пункты противника в кварталах 88, 89, 93 и 94, ранее переходивших из рук в руки, и к исходу дня вела бой на линии улица Стандартная, пристань Элеваторная. Медленное продвижение объясняется тем, что с боем приходится брать каждое здание»[51].

В ночь на 16 сентября войска западной группы 18-й армии перешли в наступление с «Малой земли» и прорвали оборону противника в районе Станички. Все части врага понесли к тому времени огромные потери, и противодействовать этому удару противник уже не смог. К 10 часам утра 16 сентября Новороссийск был полностью освобождён. В сообщении от 16 сентября говорилось, что «в результате шестидневных ожесточённых боёв 16.9.43 г. войска фронта силами 18-й армии во взаимодействии с Черноморским флотом <...> овладели портом и г. Новороссийск и создали угрозу флангу и тылам <...> противника. Одновременно наши войска, сломив ночными действиями сопротивление противника, с утра перешли в общее наступление, <...> уничтожая и отбрасывая врага, <...> продвинувшись от 7 до 15 км и овладев 47 населёнными пунктами»[52].

21 сентября 1943 г. В.С. Абакумову из УКР «Смерш» Северо-Кавказского фронта было направлено спецсообщение, в котором говорилось о героизме личного состава, проявленном в сражениях: «Накануне наступления Военным советом фронта было выпущено обращение, призывающее личный состав к решительным действиям по овладению Новороссийском. Проведённой партийно-политическими органами войск подготовкой у личного состава был поднят наступательный порыв. Бойцы, сержанты и офицеры шли в бой смело и решительно и, главным образом, в боях за гор. Новороссийск, где сопротивление гитлеровцев было особенно упорным, показали немало примеров героизма и отваги. Ломая сопротивление фашистов, выбивая их из домов, превращённых в ДЗОТы, бойцы, руководимые офицерами и солдатами, отважно продвигались вперёд. 1139-й сп в первый же день боёв разгромил штаб 1 батальона 186-го пехотного полка немцев, захватив 7 орудий, много пулемётов, до 200 винтовок, один продсклад. 12 сентября подразделения полка окружили крупный опорный пункт противника и уничтожили 170 солдат и офицеров»[53].

Однако наряду с этим в сообщении отмечались и недостатки наших войск, штурмовавших Новороссийск, основным из которых стало «отсутствие внезапности». Сообщалось о задержке по времени, неорганизованности при высадке в порту Новороссийска, утере управления в действиях частей: «290-й полк НКВД в ночь на 10 сентября должен был погрузиться на 9-м километре Новороссийского шоссе, а водный

транспорт прибыл на 8-й километр в количестве двух катеров вместо затребованных 15-ти. Экипажи отдельных катеров, перевозившие 1139-го сп, проявили нерешительность. Прибыв в район высадки десанта при дневном свете, они, не подойдя к берегу, повернули обратно. Из-за недостатка плавсредств и неорганизованности в ночь на 10 сентября в район действия была переброшена лишь часть личного состава десанта. Остальные подразделения прибыли к месту назначения только через сутки. По этой причине не было возможности десантным частям создать мощный кулак и в первый же день нанести противнику сокрушительный решающий удар»[54].

Просчёты и ошибки при подготовке и проведении Новороссийской десантной операции привели к неоправданно большим потерям советских войск. К сожалению, опыт планирования и проведения десантных операций набирался путём «проб и ошибок». Новороссийская десантная операция, проведённая сухопутными частями Красной армии совместно с силами флота, показала, что только тщательная подготовка может обеспечить успех наступления даже на сильно укреплённом побережье. Действия десантных отрядов в боях в Южной Озерейке и Станичке, на «Малой земле» и при штурме Новороссийска дали бесценный опыт при проведении подобных операций. Впереди предстояли упорные бои за Крым, выход к государственной границе СССР, освобождение портов и военно-морских баз на Чёрном море, освобождение Болгарии и Румынии.

Высадка морских десантов на побережье, занятое противником, стала важнейшим элементом содействия сил флота сухопутным войскам в сражениях Великой Отечественной войны. Всего было высажено 113 морских десантов, в ходе которых десантировались 340 тысяч человек с боевой техникой и вооружением. В 1941–1942 гг., когда войска вели оборонительные операции, было высажено 40 десантов. В 1943–1945 гг. в ходе стратегического наступления Красной армии – 73 десанта[55].

Примечания

[1] ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 4. Д. 1091. Л. 309–310.
[2] ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 4. Д. 1091. Л. 308–309.
[3] *Кузнецов Н.Г.* Курсом к победе. – М., 1989. – С. 264.
[4] Южная Озерейка – село в Приморском районе Новороссийска в 12 км к юго-западу от центра города на берегу Черного моря. В настоящее время – Южная Озереевка.
[5] Станичка – южный пригород Новороссийска.
[6] Тюленев Иван Владимирович (1892–1978), советский военачальник, генерал армии (1940). В Красной армии с 1918 г. С 1940 г. командующий войсками Московского округа. В годы Великой Отечественной войны командовал Южным фронтом (июнь–август 1941 г), 28-й армией (с ноября 1941 г.), войсками Закавказского военного округа (с марта 1942 г.) и Закавказского фронта (май 1942 – июль 1945 гг.).

[7] Новороссийская военно-морская база – подразделение ВМФ СССР в составе дивизиона охраны водного района, учебного дивизиона подводных лодок, торпедных катеров, частей береговой артиллерии и тыла.
[8] Куников Цезарь Львович (1909–1943), майор (1942), Герой Советского Союза (1943). В ВМФ с 1941 г. Командир 3-го боевого участка противодесантной обороны Новороссийской ВМБ. С июня 1941 г. участвовал в обороне Темрюка и Керчи, воевал под Ростовом. В январе–феврале 1943 г. командир отдельного отряда морской пехоты.
[9] ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 4. Д. 1041. Л. 37.
[10] Мысхако – село в Краснодарском крае, в 6 км южнее центра Новороссийска.
[11] ЦА ФСБ России. Ф. 40. Оп. 21. Д. 302. Л. 164.
[12] Басистый Николай Ефремович (1898–1971), советский военачальник, адмирал (1949). В ВМФ с 1918 г. В годы Великой Отечественной войны командир бригады крейсеров. С 1943 г. командующий Черноморской эскадрой. С 1944 г. начальник штаба Черноморского флота.
[13] Быстроходный тральщик (БТЩ) предназначался для проводки за тралом подводных лодок и быстроходных конвоев.
[14] Сторожевой катер – быстроходный маломерный боевой корабль, предназначенный для дозорной службы в прибрежных районах вблизи своих военно-морских баз. В годы Великой Отечественной войны широко использовался для борьбы с подводными лодками, конвоирования транспортов, высадки десантов и разведгрупп.
[15] Канонерские лодки – класс небольших боевых кораблей с артиллерийским вооружением, предназначенных для боевых действий на реках, озёрах и в прибрежных морских акваториях, охраны гаваней.
[16] Балиндеры (болиндеры) – бывшие десантные баржи Морского ведомства России. Во время Великой Отечественной войны принадлежали различным гражданским ведомствам и в состав ВМФ формально не входили. Использовались как несамоходные мелкосидящие плавучие десантные средства.
[17] Сейнер – малотоннажное однопалубное рыбопромысловое судно для лова рыбы кошельковым неводом. В июне 1941 г. часть черноморских сейнеров была мобилизована для военных нужд и широко использовались для перевозки воинских грузов на малые расстояния, высадки десантов.
[18] ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 4. Д. 1041. Л. 37–38.
[19] ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 4. Д. 1089. Л. 19.
[20] См.: ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 4. Д. 1089. Л. 19.
[21] ЦА ФСБ России. Ф. 40. Оп. 21. Д. 300. Л. 1–2.
[22] ЦА ФСБ России. Ф. 40. Оп. 21. Д. 300. Л. 4.
[23] Октябрьский (Иванов) Филипп Сергеевич (1899–1969), советский военачальник, адмирал (1944). В ВМФ с 1918 г. С марта 1939 по июнь 1943 гг. командующий Черноморским флотом. С июня 1943 по март 1944 гг. командовал Амурской военной флотилией. С марта 1944 по 1948 гг. – вновь Черноморским флотом.
[24] Ермолаев Николай Дмитриевич (1905–1958), сотрудник органов госбезопасности, генерал-лейтенант береговой службы (1945). В органах госбезопасности с 1919 г. В годы войны – в особых отделах Северо-Западного, Ленинградского и Западного фронтов. В 1942–1945 гг. начальник ОО–ОКР «Смерш» Черноморского флота.
[25] ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 4. Д. 1041. Л. 38.
[26] ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 4. Д. 1041. Л. 38–39.
[27] Северная Озерейка – село в пригороде Новороссийска Абрау-Дюрсо. Расположено в 11,5 км к западу от центра города. В настоящее время – Северная Озереевка.
[28] Глебовка (Глебовское) – село в Приморском районе Новороссийска. Расположено в 10 км к западу от центра города, граничит с селом Северная Озереевка на юге.
[29] Потапов Алексей Степанович (1904–1966) – командир 255-й бригады морской пехоты в феврале–сентябре 1943 г.
[30] Черноморская группа войск.
[31] ЦА ФСБ России. Ф. 40. Оп. 21. Д. 302. Л. 171.

[32] Отряд сформирован 10 января 1943 г. В него вошли 190 краснофлотцев, 70 старшин и сержантов, 16 командиров и политработников.
[33] Коротеев Константин Аполлонович (1903–1953), советский военачальник, генерал-полковник (1944), Герой Советского Союза (1945). В Красной армии с 1918 г. С октября 1941 г. командующий 12-й армией. Помощник командующего Южным фронтом (с апреля 1942 г.). Командующий 9-й (сентябрь 1942 – февраль 1943 гг., март–май 1943 г.), 18-й (февраль – март 1943 г.), 37-й (май–июль 1943 г.) и 52-й (с июля 1943 г.) армиями.
[34] Гречкин Алексей Александрович (1893–1964), советский военачальник, генерал-лейтенант (1943). В Красной армии с 1918 г. С 1940 г. помощник командующего Северо-Кавказским военным округом. В годы войны командовал оперативной группой войск 56-й армии, стрелковой дивизией, корпусом, армией. В феврале 1943 г. командующий оперативной группой войск по формированию, подготовке и высадке морского десанта южнее Новороссийска. В марте 1943 г. командующий десантной группой войск 18-й армии. В июле–ноябре 1943 г. командующий 9-й армией. С мая 1944 г. заместитель командующего 3-го Белорусским фронтом.
[35] ЦА ФСБ России. Ф. 40. Оп. 21. Д. 302. Л. 138.
[36] ЦА ФСБ России. Ф. 52. Д. 8062. Т. 1. Л. 166–167.
[37] ЦА ФСБ России. Ф. 40. Оп. 21. Д. 300. Л. 1–2.
[38] ЦА ФСБ России. Ф. 41. Оп. 79. Д. 220. Л. 118.
[39] ЦА ФСБ России. Ф. 41. Оп. 79. Д. 220. Л. 118–119.
[40] Петров Иван Ефимович (1896–1958), советский военачальник, генерал армии (1944), Герой Советского Союза (1945). В Красной армии с 1918 г. С июня 1941 г. командовал 25-й стрелковой дивизией в составе Приморской армии (октябрь 1941 – июль 1942 гг., ноябрь 1943 – февраль 1944 гг.). С августа 1942 г. командовал войсками 44-й армии. С октября 1942 г. командующий Черноморской группой войск Закавказского фронта. С марта 1943 г. начальник штаба Северо-Кавказского фронта, с мая 1943 г. командующий Северо-Кавказским фронтом.
[41] Холостяков Георгий Никитич (1902–1983), советский военачальник, вице-адмирал (1945), Герой Советского Союза (1965). В ВМФ с 1921 г. В годы Великой Отечественной войны командовал Новороссийской ВМБ (с сентября 1941 г.). В Новороссийской операции 1943 г. командовал силами высадки. С 1944 г. командующий Дунайской флотилией.
[42] Владимирский Лев Анатольевич (1903–1973), советский военачальник, адмирал (1954). В ВМФ с 1921 г. Руководил действиями кораблей отряда высадки в Керченско-Феодосийской десантной операции (1941–1942 гг.). В мае 1943 г. назначен командующим флотом. В мае 1944 г. перемещён на Балтику командующим эскадрой.
[43] *Кузнецов Н.Г.* Курсом к победе. – М., 1989. – С. 291.
[44] ЦА ФСБ России. Ф. 40. Оп. 21. Д. 182. Л. 273–274.
[45] Григорьев Семён Тимофеевич (1911–2001) – во время десанта в Южную Озерейку командовал 613-й отдельной штрафной ротой. 9 сентября 1943 г. в отсутствие командира 255-й бригады морской пехоты принял на себя командование бригадой.
[46] Ботылёв Василий Андреевич (1920–1970), капитан-лейтенант (1943), Герой Советского Союза (1943). В ВМФ с 1938 г. С 1941 г. в подразделениях морской пехоты Черноморского флота. Принимал участие в обороне Севастополя, Керченско-Феодосийской операции, в боях на «Малой земле» и за Новороссийск. В 1943 г. 393-й отдельный батальон морской пехоты под его командованием удостоился почётного звания «Новороссийский».
[47] ЦА ФСБ России. Ф. 40. Оп. 21. Д. 182. Л. 275–276.
[48] ЦА ФСБ России. Ф. 40. Оп. 21. Д. 182. Л. 279–280.
[49] ЦА ФСБ России. Ф. 40. Оп. 21. Д. 182. Л. 282–283.
[50] ЦА ФСБ России. Ф. 40. Оп. 21. Д. 182. Л. 286.
[51] ЦА ФСБ России. Ф. 40. Оп. 21. Д. 182. Л. 290–291.
[52] ЦА ФСБ России. Ф. 40. Оп. 21. Д. 182. Л. 292.
[53] ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 5. Д. 104. Л. 241 об.
[54] ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 5. Д. 104. Л. 241 об–242.
[55] Три века российского флота. – Санкт-Петербург, 1996. Т. 3. – С. 200–201.

Общественные настроения в СССР: 1943 год

Христофоров Василий Степанович,
доктор юридических наук,
Институт российской истории РАН

В соответствии со сложившейся в историографии периодизацией второй этап Великой Отечественной войны ограничен хронологическими рамками с ноября 1942 г. по декабрь 1943 г. и характеризуется как «коренной перелом». В это время стратегическая инициатива перешла в руки советского командования, а Красная армия – от обороны к наступлению. Основными событиями стали разгром немецких войск под Сталинградом (19 ноября 1942 г. – 2 февраля 1943 г.), освобождение Кавказа (январь – февраль 1943 г.), Курская битва (5 июля – 23 августа 1943 г.) и битва за Днепр (сентябрь – ноябрь 1943 г.).

Рубежом, отделяющим второй период Великой Отечественной войны от первого, стал перелом в ходе Сталинградской битвы. После разгрома немецких войск под Сталинградом и успешного завершения боев на Северном Кавказе в политических настроениях гражданского населения и военнослужащих произошли перемены, о которых свидетельствуют многочисленные архивные документы. В Центральном архиве ФСБ России хранятся сводки, которые готовились органами госбезопасности для высших руководителей страны. Они составлялись на основе данных военной цензуры, агентурных донесений, сведений, полученных от территориальных органов безопасности, и регулярно направлялись И.В. Сталину, в ГКО и Генштаб.

Особое место в контроле общественных настроений занимали органы военной цензуры. От них требовалось не только предотвращать разглашение военной тайны, но и не допускать через красноармейскую почту распространения антисоветских, провокационных, клеветнических и иных политически вредных высказываний. В отделениях военной цензуры просматривалась часть адресованной на фронт корреспонденции и все письма, отправлявшиеся из Действующей армии. При обработке писем военные цензоры либо вымарывали отдельные фразы, содержавшие запрещённые сведения, либо изымали и уничтожали почтовое отправление. Именно из органов военной цезуры поступала

значительная часть информации о настроениях населения и военнослужащих Красной армии. Руководство деятельностью подразделений военной цензуры в 1941–1943 гг. осуществлял 2-й спецотдел НКВД, с апреля 1943 г. функции военной цензуры и перлюстрации корреспонденции были переданы в Отдел «В» НКГБ СССР[1].

Перлюстрация корреспонденции в годы войны получила особый размах. На основе материалов цензуры составлялись обзоры о морально-психологическом состоянии войск и населения, направлявшиеся в УОО НКВД СССР. Органы госбезопасности регулярно информировали ГКО и Генеральный штаб Красной армии о положении на фронтах, чрезвычайных происшествиях (стихийных бедствиях, авариях, пожарах, катастрофах и т.д.), результатах контрразведывательной и разведывательной работы. Кроме того, собиралась и обобщалась информация о настроениях и реакции военнослужащих и различных слоёв населения, а также иностранных дипломатов на изменение положения на фронтах и значительные политические события. Важнейшее место отводилось анализу высказываний по внешнеполитическим проблемам.

«Союзники выжидают»

Органы государственной безопасности всегда внимательно следили за тем, как различные слои населения реагируют на международные события. В начале 1943 г. в докладных записках и информационных сообщениях НКВД СССР, направленных советскому политическому и военному руководству, анализировались настроения, связанные с перспективами открытия второго фронта и взаимоотношениями с союзниками после войны[2].

Особое внимание вызвала начавшаяся 14 января 1943 г. в марокканском городе Касабланке конференция представителей военного руководства США и Великобритании с участием Ф. Рузвельта и У. Черчилля. В центре переговоров стоял вопрос о втором фронте, на открытии которого настаивал СССР. Стороны договорились о высадке союзников летом на Сицилии, но вторжение во Францию перенесли на 1944 г. Кроме того, было принято решение, что одним из приоритетов на ближайший период станет борьба с германскими подводными лодками, действовавшими в Атлантике. После опубликования в печати коммюнике о встрече в Касабланке органы госбезопасности приступили к сбору информации об отношении населения к этому событию.

30 января 1943 г. начальник УНКВД по Ленинградской области П.Н. Кубаткин направил сообщение, в котором были приведены наиболее характерные высказывания жителей Ленинграда. Заслуженный деятель науки и техники, профессор Р. сказал: «У Рузвельта с Черчиллем

достигнута договорённость по всем вопросам военных действий против держав оси. Однако это не значит, что второй фронт будет открыт в ближайшее время. Мне думается, что союзники выжидают и собираются на совещания, чтобы затянуть время и в то же время создать впечатление, что они действуют. Наши союзники будут активно действовать тогда, когда наши войска приблизятся к западным границам. Не исключена возможность, что наши союзники покажут свои когти тогда, когда мы потеряем много крови».

Главный энергетик завода «Красный автоген» Н.: «Совещание в Северной Африке является событием большой важности. На этом совещании решались вопросы второго фронта против Германии. Нет сомнения, что после этого совещания срок открытия второго фронта в Европе значительно приблизился. Наверное, решено, где и когда будет открыт второй фронт. Черчилль и Рузвельт заявили, что премьер Сталин получил сердечное приглашение, но, к сожалению, быть не смог. Конечно, совещание было бы более интересным и значительным, если бы на нем присутствовал Сталин». Доцент Ленинградского электротехнического института О. отметил: «Встреча Черчилля и Рузвельта означает приближение открытия второго фронта в Европе. Хотя, судя по коммюнике, Рузвельт и Черчилль оправдывают отсутствие на совещании товарища Сталина тем, что он занят, но чувствуется, что они несколько обижены его отсутствием. Конечно, товарищ Сталин, как верховный главнокомандующий, сейчас очень занят, но на таком важном совещании нашему представителю нужно было присутствовать». Инженер Архитектурно-планировочного управления Ленгорисполкома Ш.: «Сталин очень хорошо сделал, что ответил отказом на приглашение Рузвельта и Черчилля участвовать на совещании. Из его ответа следовало, что они могут там совещаться, а ему не до совещаний, потому что он занят более серьёзным делом, он надеется больше на свои силы, чем на союзников. Такой ответ говорит о величии и сознании собственной силы. Даже, если в действительности мы и не так сильны, то все равно такой ответ ещё больше поднимет престиж Сталина и России. Наши союзники считают, что Германия ещё сильна и поэтому они не решались открывать второй фронт, но теперь они убедились, что Россия ещё сильнее, чем они думали, а поэтому союзники сейчас в большом затруднении. Они хотели бы видеть обескровленными как Германию, так и Россию, чтобы продиктовать свои условия». Директор средней школы Володарского р-на М.: «После совещания Рузвельта с Черчиллем есть основания ожидать, что скоро будет открыт второй фронт против Германии. Теперь, когда почти на всем нашем фронте Красная армия имеет крупные успехи, со стороны нашего населения интерес к этому вопросу уже не такой, как раньше. Мне пришлось говорить с рядом лиц

по поводу сообщения о совещании Рузвельта и Черчилля, и никто из этих лиц не проявил особого интереса к этому сообщению. Люди говорят, что их больше всего теперь интересуют сообщения Совинформбюро "В последний час"».

Открытия второго фронта с нетерпением ждали в СССР. Летом 1943 г. в документах органов контрразведки «Смерш», отделений военной цензуры, в оперативных сводках НКВД отмечался окончательный перелом в общественном сознании населения: «Фронт радует: Курск, Белгород, Орёл – чувствуется, что немцы боятся и отступают». Народ начал гордиться успехами на фронте и задавался вопросом: «Что же наши союзники молчат?». И всё чаще стало звучать: «Сами справимся».

10 июля 1943 г. союзные войска (пять британских и четыре американских дивизии, а также канадские части) высадились на Сицилии. 16 июля Черчилль и Рузвельт обратились с воззванием к итальянскому народу, назвав поддержку нацистской Германии недостойной древних итальянских традиций свободы и культуры. В результате наступательных действий союзников, а также смены правительства в Италии, 3 сентября 1943 г. в Касибиле на Сицилии итальянское правительство во главе с премьер-министром Пьетро Бадольо заключило сохраняемое в тайне перемирие между Италией и союзниками. 8 сентября американский генерал Д. Эйзенхауэр по радио объявил о безоговорочной капитуляции вооружённых сил Италии: «Я заключил перемирие, условия которого были одобрены Великобританией, Соединенными Штатами и Советской Россией. Тем самым я действовал в интересах Объединенных наций. Итальянское правительство заявило, что безоговорочно подчиняется этим условиям. Перемирие ... вступает в силу немедленно. Все итальянцы, способствующие изгнанию немецких запхватчиков с итальянкой земли, получат поддержку со стороны Объединенных наций»[3].

Органы контрразведки «Смерш» подготовили обзор о том, как реагировали военнослужащие Красной армии на это известие. В докладной записке от 23 сентября 1943 г., направленной из УКР «Смерш» Воронежского фронта, сообщалось, что большинство офицерского состава фронта реагировало положительно, высказывая предположение, что это приблизит открытие второго фронта и решит вопрос окончания войны в этом году. Отдельные командиры считали, что основной причиной капитуляции Италии стали удачно проведённые боевые операции англо-американских войск, заставивших Италию сложить оружие. Говорили о скором открытии второго фронта и окончании войны: «Капитуляция Италии – это первый этап к быстрому окончанию войны. Выход из войны такого крупного союзника Германии заставит задуматься Финляндию, Венгрию и Румынию над тем, есть ли смысл продолжать войну, не лучше ли будет последовать примеру Италии». «Сообщение

о капитуляции Италии нужно было ждать, ибо удары Красной армии по всему фронту и вторжение союзников на Европейском континенте дали понять правительству Италии, что они войну проиграли, и сопротивляться бессмысленно. Теперь надо ожидать открытия второго фронта и конца войны в этом году». «Капитуляция Италии – это сильный удар по Гитлеру. Союзники начали действовать хорошо. Поражение Италии следовало ожидать, так как союзники имеют превосходство в своих силах».

Другая часть офицеров высказывала сомнение, что капитуляция Италии отразится на военной мощи Германии, и в связи с этим высказывала мнение, что война ещё не скоро закончится: «Война ещё надолго может затянуться. Противник оказывает большое сопротивление на советско-германском фронте. Он ещё имеет достаточно сил, чтобы сдерживать наши удары». «Теперь союзники будут совещаться, договариваться и готовиться несколько месяцев. Война не будет окончена и в 1944 г.». «Германия не очень надеялась на Италию, поэтому капитуляция на ней не отразилась. Германия воевала и будет воевать». «Этими сообщениями успокаиваться не следует, чтобы там союзники ни делали в Европе, а советскую территорию от немцев нам самим освобождать придётся»[4].

«Англия будет мирить нас с Польшей»

Весной 1943 г. прочность союзнических отношений между СССР, Великобританией и США подверглась серьёзным испытаниям. Началось это с того, что 13 апреля 1943 г. берлинское радио сообщило об обнаруженных массовых захоронениях польских офицеров в Катынском лесу в окрестностях Смоленска. Утверждалось, что «местное население указало немецким властям место тайных массовых экзекуций, проведённых большевиками, где ГПУ уничтожило 10 тысяч польских офицеров»[5]. 15 апреля 1943 г. Совинформбюро опровергло это сообщение, распространив заявление под названием «Гнусное измышление немецко-фашистских палачей». В нём отмечалось, что немецко-фашистские сообщения по этому поводу не оставляют никакого сомнения в трагической судьбе бывших польских военнопленных, находившихся в 1941 г. на строительных работах в районе западнее Смоленска и попавших летом 1941 г. вместе со многими жителями Смоленской области в руки немецко-фашистских палачей.

Информация германских властей о расстреле в Катыни органами НКВД польских офицеров была воспринята польским эмигрантским правительством в Лондоне как достоверная[6], а заявление Совинформбюро – как уклончивое и неубедительное. Как было установлено

в 1990-х гг., в Катынском лесу по решениям специальной тройки НКВД СССР в 1940 г. был расстрелян 4 тыс. 421 польский гражданин. Кроме того, органами НКВД были расстреляны более 7 тысяч польских офицеров в Медном Калининской (ныне Тверской) области. Вся операция проводилась на основании постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г. Необходимость расстрела поляков мотивировалась тем, что «они являются неисправимыми, закоренелыми врагами советской власти»[7].

17 апреля 1943 г. польское правительство обратилось в Международный Комитет Красного Креста (МККА) о посылке делегации в Смоленск. Немцы присоединились к этому процессу. Такие действия польского эмигрантского правительства в Лондоне побудили советское правительство 25 апреля 1943 г. порвать с ним дипломатические отношения. Накануне У. Черчилль обратился к И.В. Сталину с просьбой не делать этого, однако его советом пренебрегли.

Нота советского правительства о решении прервать отношения с польским правительством широко обсуждалась различными слоями населения СССР. По данным органов НКВД, основная масса населения считала этот шаг правильным, согласованным с правительством Великобритании, осуждались действия польского правительства в эмиграции, которое «продалось немцам и т.п.». Приводились наиболее характерные высказывания: «Наше правительство правильно поступило, прервав дипломатические отношения с польским правительством. Нота нашего правительства разоблачила пособников Гитлера. Сикорский, подобно Лавалю, является наёмником фашистов и действует по указке Гитлера. Выступая с провокационными заявлениями о расстреле польских офицеров, состряпанном гитлеровцами, Сикорский надеется получить право возвратиться в Польшу и сделаться главой государства, которому Гитлер обещает дать самостоятельность, но это только обещания, в действительности, Польша может только проиграть, находясь под влиянием Германии». «Вручение ноты нашего правительства о разрыве дипломатических отношений с польским правительством – это большое событие. Сделано это с согласия английского правительства, которое стоит за сохранение дружбы с Советским Союзом и всё время информирует о действиях польского правительства. Теперь имеются все основания для создания нового правительства Польши, в состав которого должны войти такие политические деятели как Ванда Василевская»[8].

«Наше правительство правильно поступило, прервав дипломатические отношения с польским правительством, которое оказалось на поводу у Германии. Гитлеровская пропаганда всё делает, чтобы испортить наши отношения с союзниками. Польский вопрос является

пробным камнем. Непонятно, почему англичане дали возможность полякам вести против нас кампанию. Ведь польское правительство находится в Лондоне, и на Сикорского можно было цыкнуть». «Польское правительство всё время вело себя отвратительно. Правильно сделало наше правительство, что порвало с ним дипломатические отношения. Поляки – очень неблагодарный народ. Мы помогли им создать армию и в самое трудное время содержали ее, а они начали действовать заодно с Германией. Теперь польские воинские части надо разоружить. Вместо того чтобы помочь нам в войне с Германией, поляки поднимали вопрос о будущих границах, а потом, когда их одёрнули, они вместе с немцами начали возводить на нас всякую клевету. Возможно, что Англия будет нас мирить с Польшей». «Польское правительство во главе с Сикорским продалось немцам, а поэтому с таким правительством мы не можем поддерживать нормальные отношения. Польский народ, который испытал немецкий порядок, не пойдет за Сикорским. Если Красная армия вступит на территорию Польши, то большинство поляков окажется на нашей стороне. После войны польский народ изберет себе правительство по своему усмотрению». «В первомайских лозунгах провозглашается прочный союз с Англией и Америкой. Это действует успокоительно. В противном случае люди думали бы, что разрыв дипломатических отношений с польским правительством отразится отрицательно на наших отношениях с союзниками. Теперь есть уверенность, что правительства Англии и Америки осуждают действия Сикорского»[9].

В то же время значительная часть рабочих, служащих и интеллигенции Ленинграда отмечала, что «позиции наших союзников – Англии и США, в этом вопросе не ясна. Разрыв отношений с польским правительством прошёл не без участия правительств Англии и Америки. Разрыв отношений с польским правительством вызван политикой правителей фашистской Германии, которые, использовав недружественные отношения, существовавшие в польских правящих кругах, натравили польское правительство против Советского Союза. Польша теперь будет воевать с немцами против СССР». «Разрыв дипломатических отношений с польским правительством не является неожиданностью. Польша всё время поднимала щекотливые вопросы, но всё, что делали поляки, не является секретом для англичан. Я думаю, что польское правительство действовало по указанию Англии, которая не хочет, чтобы Советский Союз оказался победителем в войне с Германией. Польские части против немцев ещё не воюют, а теперь могут воевать против нас. Есть опасения, что Советский Союз потеряет всех своих союзников и окажется в полной изоляции. Англия заключит мир с Германией. Советский Союз, оставшись в одиночестве, в войне с Германией потерпит крах». «Германия привлекла Польшу на свою сторону, видимо,

пообещав ей отдать часть Украины и Белоруссии. Для Советского Союза разрыв отношений с Польшей нежелательное событие, т.к. теперь Германия в Польше будет иметь дополнительные людские резервы для посылки на фронт. Кроме того, германская дипломатия выиграла в том, что теперь сформированная в Советском Союзе польская армия уже не выступит против немцев». «У Гитлера хорошо поставлена работа по линии дипломатии. Ему удалось поссорить нас с польским правительством. Для нас это очень плохо, т.к. у СССР теперь будет лишний враг. Польское правительство имеет армию, которая теперь будет использована немцами в войне против Советского Союза». «Польское правительство находится в Англии и не может быть, чтобы вопрос о границах и расстреле польских офицеров поднимался без согласия английских правительственных кругов. Во всей этой кампании против СССР замешан не только Гитлер, обработавший Сикорского, но также английское и американское правительства. Наши не уверены в том, что Международное общество Красного Креста не встанет на сторону поляков и немцев». «Разрыв дипломатических отношений с польским правительством факт немаловажный. Немцы через польское правительство вбили клин между нами и нашими союзниками. Эти события найдут широкий отклик в Европе и Америке, где гитлеровская агентура будет выставлять Польшу как страну, пострадавшую от Советской России». «Разрыв дипломатических отношений с польским правительством может привести и к ухудшению наших отношений с Англией. Ведь польское правительство находится в Англии, всецело зависит от неё и не может вести самостоятельной политики. Отсюда ясно, что все выступления польских политических деятелей происходит не без ведома англичан». «Несмотря на то, что генерал Сикорский получил от советского правительства средства на снаряжение и вооружение польской армии, он всё-таки перешел на сторону Гитлера. Это означает, что не только Сикорский, но и все поляки не хотят бороться на стороне Советского Союза, т.к. они не забыли тех гонений, которым они подвергались в прошлые годы. После решения советского правительства – прервать дипломатические отношения с польским правительством, всех поляков, проживающих в СССР, опять будут арестовывать». «Действия польского правительства, которому мы направили ноту о разрыве дипломатических отношений, не могли иметь места, если бы поляки не имели поддержки в Англии. Говорят, что польские легионы, сформированные у нас, находятся в Иране. Их пришлось отправить в связи с тем, легионеры начали хулиганить». «Дело, конечно, не в убийстве польских офицеров, а в территориальных притязаниях Польши. Разрыв дипломатических отношений с Польшей неприятное событие для СССР. Это может оказаться началом разрывов отношений и с другими союзниками.

А если против нас будут и Германия и союзники, они могут договориться между собой и выступить против нас, тогда война закончится нашим поражением»[10].

В связи с обострением отношений между СССР и Польшей, связанным с расстрелом польских офицеров в Катынском лесу, 12 января 1944 г.была создана Специальная комиссия по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу военнопленных польских офицеров под руководством академика Н.Н. Бурденко. Как мы видим из названия комиссии, ей поручалось провести расследование «обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу военнопленных польских офицеров». Заключение комиссии в условиях военного времени не могло быть иным, чем было в названии. Комиссии необходимо было лишь обосновать, что это преступление было совершено немецко-фашистскими захватчиками, иначе участь членов комиссии была бы незавидной. Согласно заключению комиссии в Катыни были захоронены трупы польских военнослужащих, содержавшихся в 3 советских лагерях для военнопленных под Смоленском и использовавшихся до лета 1941 г. на дорожно-строительных работах. Среди военнослужащих польского армейского корпуса был проведен ряд разъяснительных мероприятий, а на братской могиле в Катынском лесу – траурное богослужение[11].

После опубликования в печати заключения комиссии 30 января 1944 г. НКГБ СССР направил в ГКО сообщение о высказываниях относительно этого события представителей дипломатического корпуса и иностранных корреспондентов в Москве[12], а на следующий день – информацию об откликах населения Москвы в связи с опубликованием в печати сообщения Специальной комиссии[13].

«Роспуск Коминтерна – это отказ от идеи мирной революции...»

Поздно вечером 8 мая 1943 г. Г.М. Димитров[14] и Д.З. Мануильский[15] были срочно вызваны в Кремль. Там В.М. Молотов сообщил им мнение советского руководства, а точнее И.В. Сталина: «Коминтерн как руководящий центр для компартий при создавшихся условиях является помехой самостоятельному развитию компартий и выполнению их особых задач». Решили подготовить документ о роспуске Коммунистического Интернационала. 11 мая Г.М. Димитров и Д.З. Мануильский завершили подготовку проекта постановления Президиума Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационал (ИККИ) о роспуске Коминтерна. Документ был срочно направлен И.В. Сталину и В.М. Молотову. В этот же вечер И.В. Сталин одобрил предложенный проект.

В документе роспуск Коминтерна мотивировался тем, что в качестве руководящего центра международного рабочего движения эта организация перестала отвечать потребностям дальнейшего развития коммунистических партий отдельных стран как национальных рабочих партий и даже превратилась в помеху. 12 мая 1943 г. Г.М. Димитров ознакомил с проектом постановления секретарей и членов Президиума ИККИ. 13 мая состоялось закрытое заседание Президиума Исполкома Коминтерна. Ряд выступавших полностью поддержал этот шаг. Представители партий, чьё влияние в своих странах было невелико, высказали сожаления в связи с роспуском Коминтерна. 17 мая состоялось второе закрытое заседание Президиума ИККИ. 18 мая протоколы заседания были направлены И.В. Сталину и В.М. Молотову. Как обычно Г.М. Димитров просил у И.В. Сталина и В.М. Молотова дальнейших указаний. В ночь на 20 мая 1943 г. у И.В. Сталина состоялось совещание, н предложил некоторые уточнения в проект постановления Президиума ИККИ[16]. Роспуск Коминтерна должен был, по замыслу И.В. Сталина, разоблачить ложь гитлеровцев о том, что «Москва» якобы намерена вмешиваться в жизнь других государств и «большевизировать» их. Однако это была не единственная и даже не главная причина роспуска Коминтерна. Наибольшее значение имело стремление улучшить отношения с союзниками, добиться от них совместных действий в целях разгрома фашистов. Антигитлеровская коалиция нуждалась в упрочении.

15 мая 1943 г. в прессе была опубликована первая информация о роспуске Коминтерна. Такая поспешность была вызвана тем, что 14 мая открылась Вашингтонская конференция Ф. Рузвельта и У. Черчилля, от решения которой зависело, будет ли открыт в 1943 г. второй фронт. И.В. Сталин торопил Г.М. Димитрова. 21 мая вопрос о роспуске Коминтерна был поставлен на заседании Политбюро ЦК ВКП(б). Политбюро единогласно утвердило проект постановления о роспуске Коммунистического Интернационала, который на следующий день был опубликован в газете «Правда». Президиум ИККИ приступил к сбору информации о реакции компартий зарубежных государств о принятых решениях. В это же время советские органы государственной безопасности собирали информацию о реагировании населения СССР на это политическое решение.

Одним из первых оказался П.Н. Кубаткин. 25 мая 1943 г. он направил в Москву специальное сообщение, в котором отметил, что Постановление Президиума Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала вызвало оживлённые отклики среди населения Ленинграда. В значительном количестве высказываний трудящихся города, отмеченных УНКГБ по Ленинградской области, это постановление связывалось с взаимоотношениями с союзниками, ленинградцы считали,

что постановление их укрепит и улучшит и в то же время нанесёт удар немецко-фашистской пропаганде о вмешательстве СССР через Коминтерн во внутренние дела других стран.

В документе приводились характерные высказывания. Профессор публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина М. сказал: «Постановление о роспуске Коминтерна – событие большой важности, которое отразится и на политической жизни и на военной обстановке. Надо учитывать, что до этого постановления вопрос о мирной революции не снимался, и это отражалось на отношении к нам союзников и на искренности их желания помочь нам в войне с Гитлером».

Инженер завода им. Молотова К.: «Роспуск Коминтерна вызван военной обстановкой, необходимостью укрепления отношений с Америкой. Кроме того, этот факт устранит обычную ссылку на то, что СССР является убежищем и покровителем организации, стремившейся к мировому господству путем объединения рабочего движения всех стран». Начальник противоэпидемического управления Ленгорздравотдела А.: «Это решение имеет большое значение в деле улучшения взаимоотношений между нашей страной и союзниками. Решение выбивает у Германии аргумент о том, что Коминтерн проводит и будет поводить пропаганду большевизма во всех странах. Это очень тонкое, продуманное и дипломатическое решение, которое, безусловно, способствует укреплению связи между СССР и союзниками».

Научный сотрудник Института прикладной химии З.: «Роспуск Коминтерна есть временное отступление, манёвр Коминтерна, проделанный для того, чтобы провести затем наступление вновь. Ведь коммунистические партии будут продолжать свое существование и работу. Даже компартия Германии будет существовать». Конструктор завода № 194 С.: «Роспуск Коминтерна – есть бесспорная уступка нашим союзникам. В этом решении обуславливается, если не окончательный, то временный отказ от идеи мирной революции. Здесь усматривается с одной стороны, этика, с другой стороны, тактика, которая при более благоприятных обстоятельствах может быть изменена».

Научный сотрудник архитектурно-планировочного управления Ленсовета К.: «Роспуском Коминтерна мировую революцию похоронили навечно. Теперь о ней никто и рта не раскроет. Всё полетело сразу. Компартии на западе влачат жалкое существование, а теперь и эта система рухнула под нажимом Америки и Англии». Начальник химической лаборатории кожзавода им. Радищева П.: «Это постановление о роспуске Коминтерна говорит о том, что история запутывается и усложняется. Теперь надо думать, что мы после войны должны быть рабочим государством, но чуть-чуть поправее, – буржуев не ругать»[17].

Тегеранская конференция

Конференция руководителей трёх держав Антигитлеровской коалиции проходила с 28 ноября по 1 декабря 1943 г. Эта встреча была призвана разработать окончательную стратегию борьбы против гитлеровской Германии и стала важным этапом в развитии международных отношений. Был установлен точный срок открытия союзниками второго фронта во Франции (и отвергнута предложенная Великобританией «балканская стратегия»), обсуждались вопросы о предоставлении независимости Ирану («Декларация об Иране»), положено начало решения польского вопроса, достигнуто единство взглядов о начале СССР войны с Японией, а также по вопросам послевоенного устройства мира и обеспечения международной безопасности и прочного мира.

В докладных записках НКГБ СССР, адресованных высшим руководителям страны, приводились высказывания по поводу итогов конференции, основным содержанием которых было удовлетворение её итогами[18]. В частности, приводились слова ряда академиков. Академик В. сказал: «Опубликованная декларация ликвидирует всякие сомнения касательно наших отношений. Такое решительное и авторитетное заявление не может быть не реализовано в самое ближайшее время. Война идёт к концу и, что особенно важно, это то, что, по-видимому, и послевоенные проблемы не приведут к трениям, как этого можно было ожидать». Член-корреспондент Т. дал такую оценку итогам конференции: «Лучшей по своей твёрдости и ясности декларации нельзя было и ожидать. Германия будет подавлена теми действиями, которые развернутся на основе принятых решений. Трудно сказать, когда всё это придёт в действие, вероятно, весной, но, во всяком случае, я не сомневаюсь, что теперь уже немыслимы никакие проволочки».

Профессор Менделеевского института О. сделал вывод: «Конференция в Тегеране – величайший исторический фактор, который будет иметь решающее значение в борьбе с Германией. Я не сомневаюсь, что после этой конференции силы наших союзников будут развёрнуты полностью и что союзники приступят к крупным решительным и активным военным операциям». Профессор Ленинградского текстильного института К. особо отметил участие в конференции Сталина: «Хорошо, что товарищ Сталин решил принять в ней участие. Это говорит об огромном значении переговоров и решений. Думаю, что товарищ Сталин категорически потребовал открытия второго фронта и добился успеха, о чём мы узнаем по ходу военных действий. Черчилль и Рузвельт должны были принимать товарищей Сталина и Молотова, как своих спасителей от гибели, об этой встрече будут писать книги». Многие из тех, чьи высказывания приводились в сводке, придавали особое значение

самому факту участия в конференции главы советского государства. Так, журналист В. сказал: «Я с большим оптимизмом смотрю на результаты встречи. Если уж сам товарищ Сталин удостоил их поездки и личного свидания, значит, он знает, уверен, что это даст вполне определённые и немалые результаты». Зав. магазином пищеторга г. Еревана А. сформулировал свой вывод следующим образом: «За всё время товарищ Сталин никуда никогда из Москвы не выезжал. Раз товарищ Сталин поехал в Тегеран на совещание с Рузвельтом и Черчиллем, значит, последнее решение о победе. Это мероприятие явится последним ударом в деле уничтожения немцев»[19]. Преподаватель географии московской средней школы № 369 С. Сказал: «Полагаю, что чёткость и сжатость формулировок – это результат участия в конференции Сталина. Видно, всё-таки на этот раз союзников заставили сказать окончательное слово о втором фронте. Такие формулировки, как "настоящие друзья", "полное соглашение" – в воздух просто бросать нельзя», а преподаватель литературы той же школы Р. отметил: «Краткость формулировок декларации идёт параллельно их решительности. Несомненно, тут видна наша рука. Видно, Сталин основательно наступал им на горло. Ничего не поделаешь, приходится им идти на это». Разливщик литейного цеха завода № 382 выразил своё мнение коротко и ясно: «Раз уж выехал сам товарищ Сталин, то вопрос о войне, конечно, решён. И война закончится к маю 1944 года нашей победой. Сталин зря не поедет и говорить много не будет». Мастер московского завода ВЭИ А. сказал: «Теперь будем ждать ожесточённых боёв. Раз товарищ Сталин сам выезжал на совещание, то результаты от него будут. Товарищ Сталин напрасно словами не бросается. Всё, что он говорит, сбывается». Мастер Кожуховского чугуно-литейного завода О. высказался очень образно: «Конференция руководителей трёх союзных держав – это гвоздь в гроб бандита Гитлера. Из этого совещания можно сделать вывод, что фашизму приходит конец». Столяр завода № 403 высказал предложение: «Декларацию хорошо было бы передать по радио германским войскам – пусть ещё больше упадёт настроение у немецких солдат»[20].

В декабре 1943 г. в справке ГУКР «Смерш» НКО, подготовленной на основе анализа трофейных документов и показаний военнопленных, был сделан вывод, что в связи с успешным наступлением частей Красной армии политико-моральное состояние германских войск ухудшилось. Многие солдаты и офицеры противника «проявляют настроения усталости и недовольства войной, некоторые из них открыто ведут разговоры о неизбежности поражения Германии в войне с СССР». Командир 750-го отдельного батальона капитан К. Майер показал следующее: «Война с Россией явилась величайшей ошибкой нашего военного

и политического руководства. Мы потеряли неисчислимо много людей и вынуждены отступать, будучи не в состоянии противостоять нажиму русских. Если в начале июля в моём батальоне было 400 человек, то теперь, в ноябре, осталось 80. Громадные потери и беспрерывное отступление, несомненно, поколебали дух моих солдат. Мы сейчас ведём бои без перспективы на то, что они завершаться победой. Мы ожесточённо сопротивляемся лишь с той целью, чтобы не дать русским близко подойти к нашим границам». В связи с ухудшившимся политико-моральным состоянием и падением дисциплины в войсках, германское командование в приказах и выступлениях начало запугивать немецких солдат и офицеров тем, что в случае проигрыша войны на немецкую армию и народ обрушатся страшные бедствия. Это подтверждалось захваченным документом – печатным текстом речи командира 86-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта Г. Вейдлинга[21], выступавшего перед солдатами 25 августа 1943 г. со следующими словами: «После проигранной войны ни один немецкий солдат не увидит больше своей родины. Нас пошлют, как рабочие батальоны в русский тыл, в качестве рабов работать в одной из стран, разрушенных войной. Наши имущество и наши родственники погибнут в хаосе, которого мир ещё не видал»[22].

«Я готов отдать свою жизнь за Родину»

19 ноября 1942 г. началась операция Красной армии под кодовым названием «Уран». В контрнаступлении участвовали войска Юго-Западного фронта (1-я гвардейская, 21-я, 5-я танковая, 17-я общевойсковая и 2-я воздушная армии), а также Донского и Сталинградского (62-я, 64-я, 57-я 51-я, 28-я общевойсковые и 8-я воздушная армии) фронтов. Советским войскам противостояли 6-я полевая и 4-я танковая армии вермахта, а также 8-я итальянская, 3-я и 4-я румынские армии.

Наступление частей Красной армии, разгром немцев на Дону, окружение немецкой группы войск под Сталинградом вызвали среди личного состава частей и соединений Юго-Западного, Донского и Сталинградского фронта большой морально-политический подъём. Бойцы и командиры выражали уверенность, что начавшееся наступление станет переломным моментом в ходе войны, началом общего разгрома захватчиков[23].

В течение 1943 г. постепенно менялась общая тональность настроений советских людей, демонстрировалась готовность активнее поддерживать военно-политические и хозяйственные мероприятия, внешнеполитические акции советского руководства. Об этом свидетельствует содержание представляемых НКВД СССР руководству ГКО докладных

записок и информационных сообщений. Так, например, в одном из писем со Сталинградского фронта говорилось: «Много героических подвигов войдет в историю нашей Отечественной войны, но такого сплошного подвига, как защита Сталинграда, по-моему, история войны не знает»[24]. В другом письме содержится патриотический призыв: «Сынок родной! Если на твою долю выпало участвовать в освобождении Сталинградской области от фашистского зверья, пусть рука твоя не дрогнет. Помни лозунг: "Хочешь жить – убей немца!" Бей сынок верной рукой советского патриота эту сволочь, запоганившую нашу любимую социалистическую Родину. Гнать без оглядки эту зверообразную орду»[25].

В то же время особые отделы НКВД и органы военной цензуры в этот период фиксировали и негативные настроения «антисоветского элемента», выявляли факты плохой организации питания и медицинского обслуживания военнослужащих[26]. Так, 16 января 1943 г. заместитель начальника Особого отдела НКВД Донского фронта направил в НКВД СССР докладную записку «О реагировании антисоветского элемента на разгром немцев под Сталинградом»[27]. В документе отмечалось, что зафиксированы факты «антисоветских, пораженческих проявлений со стороны отдельных военнослужащих».

Красноармеец 49-й сд Плотников: «... Мы воевать не способны, никакой нашей победы не будет. Победа будет на стороне немцев. Немцы под Сталинградом не окружены. То, что говорят об окружении, всё ложь...»[28]. Красноармеец 106-го гсп 36-й гсд Панков: «Сталинградскую группировку немцев нам не ликвидировать. Немцы всё равно прорвутся через нашу оборону и уйдут, потому что у нас нет боеприпасов. В победу над фашизмом я не верю». Красноармеец 273-й сд Яковлев: «Хоть наши и окружили немцев, но нам всё равно их не взять, т.к. наши воевать не могут, не умеют. Поставили командиров из детей, не обученных военному делу. А у немцев уж если кому дают чин офицера, то он знает своё дело...». Красноармеец 29-й сд Звягин: «... Газетам не верьте о том, что Красная армия стойкая и храбрая. В газетах пишут в основном неправду, а вот в отношении немецкой так прямо и скажу, что это армия образцовая и нам её вряд ли победить. Хотя мы сейчас и имеем успех, но это ненадолго. Получится как прошлой зимой. Немцы перезимуют под Сталинградом, а весной нам покажут, как нынешним летом[29].

В конце 1942 г. – начале 1943 г. в Советском Союзе были приняты решения по дальнейшему укреплению единоначалия в Красной армии. Первым шагом на этом пути стало принятие Указа Президиума Верховного Совета СССР от 9 октября 1942 г., в соответствии с которым упразднялся институт военных комиссаров в Красной армии. На его основании 13 октября 1942 г. ГКО вынес постановление о подчинении уполномоченного особого отдела полка и начальника особого

отдела соединения соответствующим командирам с одновременным их подчинением по линии органов НКВД[30].

В этот же день Л.П. Берия подписал на имя И.В. Сталина и В.М. Молотова докладную записку[31]. В ней отмечалось, что решение об установлении полного единоначалия, опубликованное в печати, «вызвало широкий положительный отклик в среде командно-начальствующего и политического состава Красной армии». На 18 страницах документа приводились высказывания, в основном, одобряющие такие меры руководства страны. Как видно из текста записки, командиры, начальники, комиссары и политработники армии считали, что «упразднение института комиссаров значительно улучшит управление войсками, создаст большую уверенность и свободу в действиях командиров и даст армии большой отряд новых командных кадров». Многие политработники выражали желание и готовность вернуться или вновь поступить на командные должности[32].

В большинстве высказываний об Указе Президиума Верховного Совета и постановлении ГКО отмечалось, что эти нормативные акты направлены на усиление Красной армии. Они стали одним из звеньев цепи мероприятий, направленных на изменение тактики наступления и обороны. В информации отмечалось, что часть командиров и политработников высказывалась в пользу института комиссаров и выражала недоумение по поводу его упразднения. Некоторые из политработников были в растерянности и рассматривали своё положение как неопределённое. В связи с отсутствием специального военного образования они выражали беспокойство о своей дальнейшей службе, возможности снижения их звания. Отмечались отрицательные высказывания в отношении созданного института заместителей командиров и начальников по политчасти[33].

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 января 1943 г. для личного состава Красной армии были введены новые знаки различия – погоны. Уже 19 января 1943 г. в НКВД СССР направили докладную записку о реагировании военнослужащих Донского фронта на нововведение[34]. В документе отмечалось, что личный состав частей фронта с одобрением встретил Указ «О введении новых знаков различия для личного состава Красной армии».

После сокрушительного поражения вермахта под Сталинградом, моральный дух германской армии и населения были основательно подорваны, а престиж в глазах союзников серьёзно поколеблен. Чтобы улучшить международное и внутриполитическое положение Германии и предотвратить распад фашистской коалиции, немецкое командование решило провести летом 1943 г. на центральном участке советско-германского фронта крупную наступательную операцию. Оно надеялось

разгромить группировку советских войск, занимавшую курский выступ фронта, снова захватить стратегическую инициативу и повернуть ход войны в свою пользу. Разработанный гитлеровской ставкой план наступательный операции «Цитадель» предусматривал нанесение встречных ударов с севера и юга под основание курского выступа с тем, чтобы окружить и уничтожить находившиеся на нём советские войска.

Курская оборонительная операция советскими войсками проводилась 5–23 июля 1943 г. с целью сорвать наступление германских войск и создать благоприятные условия для перехода в контрнаступление. Курская оборонительная операция началась артиллерийской контрподготовкой Центрального и Воронежского фронтов, которая задержала на 2,5–3 часа наступление противника и ослабило силу его удара.

Тем не менее, 5 июля в 5 часов 30 минут после мощной артиллерийской подготовки противник перешёл в наступление, атаковав на 45-километровом участке фронта всю полосу обороны 13-й армии и примыкавшие к ней фланги 48-й и 70-й армий. Одновременно наступали до 500 танков и штурмовых орудий. Развернулось ожесточенное сражение. Чтобы сломить упорное сопротивление советских войск, противник в 7 час. 30 мин. повторно начал 60-минутную артподготовку. Только после этого ему удалось на ряде участков вклиниться в нашу оборону. После пятой массированной атаки немецкие войска прорвали главную полосу обороны 13-й армии на 15-километровом фронте и вышли ко второй полосе в районе севернее Ольховки[35].

Во время боевых действий, начавшихся на участке 13-й армии 5 июля 1943 г., 15-я стрелковая дивизия оказалась малоустойчивой, при этом 47-й и 321-й стрелковые полки дивизии не оказали должного сопротивления противнику. Без приказа командования были оставлены занимаемые рубежи, и только после принятых мер заградительной службой и командованием полков личный состав был собран. Командиры 47-го полка подполковник Карташев и 321-го полка – подполковник Волошенко, растерялись и, потеряв управление батальонами, должных мер к восстановлению порядка не приняли. Дивизия понесла потери – 1 тысяча 840 человек. В справке ГУКР «Смерш» НКО, подготовленной в начале июля 1943 г., сообщалось, как реагировали военнослужащие отдельных частей 13-й армии на прорыв немецких войск. В документе отмечалось, что во время боевых действий 5 июля 1943 г. старший командный состав 15-й сд, в том числе командиры 47-го и 321-го полков, проявили растерянность, а отдельные командиры батальонов струсили и дезертировали с поля боя. Поддавшись панике, их примеру последовали другие батальоны, которые оставили рубежи без приказа командования. В справке докладывалось о принятых мерах по стабилизации обстановки[36].

Органы военной цензуры, контролируя содержания писем, отправлявшихся с Центрального фронта, готовили сообщения о настроениях военнослужащих в период Курской битвы.

5 и 6 июля 1943 г. отделением военной цензуры 13-й армии проверено 55 тысяч 333 письма военнослужащих, направленных в тыл. Из общего числа проверенной корреспонденции обнаружено только 15 отрицательных высказываний, остальные письма – патриотического характера: «бойцы и командиры горят желанием немедленно вступить в решающее сражение с ненавистным врагом всего прогрессивного человечества»[37]. В сентябре 1943 г. начальник УНКГБ по Орловской области докладывал, что с 10 сентября организовано цензурирование корреспонденции в двух пунктах – в Орле и Ельце. Всего проверено 771 тысяча 115 писем, направленных на фронт. О результатах перлюстрации информировался обком ВКП(б)[38].

В спецсообщении отделения военной цензуры 13-й армии от 13 июля 1943 г. на имя начальника УКР «Смерш» Центрального фронта А.А. Вадиса приводились данные об итогах перлюстрации корреспонденции военнослужащих за 25 июня – 9 июля 1943 г.

Всего цензуре было подвергнуто 502 тысячи 353 письма, в том числе 52 тысячи 853 – на национальных языках народов СССР (9,5 % от общего числа проверенной корреспонденции). Особое внимание в документе было обращено письмам на национальных языках. Отмечалось, что «все письма, идущие в тыл, носят положительный характер, отражают преданность социалистической родине, насыщены верой в силу нашего грозного оружия, в победу Красной армии. Горят ненавистью к авантюристам гитлеровской оголтелой банды, готовы отдать свою жизнь за дело партии Ленина–Сталина». В спецсообщении приводилось несколько выдержек из писем, отражавших патриотизм бойцов-нацменов, участвовавших в боях с немецкой армией. Представитель казахского народа Б. Оразкенов: «Письмо родителям из горячего боя. Здравствуйте, дорогие родители, отец и мать! Вы слышали раньше из газет, что 5 июля германский фашизм перешёл в наступление и думал, что силы Красной армии слабые. Напоив своих солдат, пошли в наступление как волки. Сегодня третий день ведём кровопролитные бои, не отдаём и шагу нашей земли. Выполняем приказ т. Сталина. Гитлеровские захватчики от нашего огня падают, как бараны. Смерть Гитлера близка». Х. Якупов в письме в Казань: «Немец 5 июля перешёл в наступление. Мы давно были готовы встретить "гостей". Прилетели наши самолёты, начались воздушные бои, крепко заработала наша славная артиллерия. Здорово "поёт" "катюша". Наши успехи с каждым днем улучшаются. Ни шагу назад! Дорогие родители, ждите нас, мы придём с победой. Немцы несут такие потери, что им и во сне не снилось. Читайте газеты, радуйтесь

и хвалитесь вашими храбрыми сыновьями и дочерьми, которые борются с немецкими оккупантами». Из письма П.А. Томадзе: «Мама, я живу хорошо. Сидел около противотанкового ружья и нежным голосом напевал песенку "Сулико". Как раз в это время, т.е. 5 июля, немцы перешли в психическую атаку. Пустили много танков, самолётов. Наши части отражали все атаки, уничтожили много техники и живой силы противника. В воздухе наши истребители успешно отбивали атаки. Немецкие самолёты падали, как мухи. На земле мы ни шагу назад. Вы меня не жалейте. Я сын грузинского народа, и всегда готов отдать свою жизнь за Родину»[39].

В специальном сообщении отделения военной цензуры 70-й армии от 25 июля 1943 г. содержалась информация о реагировании военнослужащих на ход боевых действий на Орловско-Курском направлении с 20 по 25 июля 1943 г. Военные цензоры отмечали, что 90 % корреспонденции из личной переписки носит положительный и патриотический характер. В качестве примера приводились отдельные высказывания: «Вы может, читали, что немцы, сосредоточив большое количество танков, самолётов, решили, паразиты, что они опять так пойдут, как они шли летом 1941–1942 гг., но нет, ничего не вышло. Несколько дней на нашем участке изматывали силы противника, а затем перешли в наступление. Да, дорогие, здесь были сильные бои за судьбы нашей Родины, и наши бойцы и командиры поклялись умереть, но не пустить врага дальше». «Вчера наша авиация давала ему жизни, без конца шли наши бомбардировщики по 50–70 штук, эшелон за эшелоном. Я не знаю, что там от них осталось, они вояки, пока их не бьют, а как только им морду набьют, они уже не лезут обратно. Вот таковы наши дела. Наша Красная армия доказала ещё раз всем, в какую грозную силу она выросла, что мы уже не те, что были в 1941 г. и даже в 1942 г. Характерный случай, фрицы кричат: "Русь, сдавайся, это тебе не зима", а наши бойцы им кричат: "Это тебе не 1941 г., иди к нам, бросай оружие". Тов. Сталин дал хорошую оценку за оборону, а в наступлении надо добиться оценки отличной. Окружить и уничтожить его орловскую группировку – это будет такой для него удар, после которого он уже не оправится»[40].

В спецсообщении отделения военной цензуры 2-й танковой армии от 31 июля 1943 г. приводились выдержки патриотического характера из проверенной корреспонденции: «Немецкая авиация бросает сотнями бомбы, стараясь прорвать наш передний край обороны, но все её попытки провалились с треском, наши бойцы прочно удерживают свои передовые рубежи. Много живой силы и техники положили немцы на направлениях Белгородском и Орловско-Курском. Враг приостановлен, ещё осталось его обескровить и разбить окончательно. Союзники тоже не спят – высадили десант на о. Сицилия»[41]. «Мы приложим все

силы для победы над коварным и заклятым врагом всех свободолюбивых народов, и врагу гибель неминуема. Он уже хватается не за тот конец, который может его удержать, а за тот, который вот-вот оборвется, и враг упадет в пропасть, откуда к существованию не возвращаются». «5 июля здесь немцы перешли в наступление и хотели сделать так, как в 1942 г., но им это не удалось и не удастся. Они везде встретили упорное сопротивление с нашей стороны, они понесли большие потери в технике и живой силе и откатились назад». «Гитлеровское наступление, которое должно им принести окончательную победу, превратилось в массовое отступление. Наша доблестная Красная армия устояла от напора гитлеровских полчищ, обескровила их и теперь сама перешла в сокрушительное наступление. Честь и слава войскам нашей Красной армии, прорвавшей линию немецкой обороны! Смерть немецким оккупантам!». «5 июля в 3 часа утра мы были разбужены начавшейся артподготовкой противника. Вся артиллерия, миномёты направляют всю силу своего огня на противника с целью уничтожения и подавления его огневых точек, его укреплений, живой силы и техники. В общем, все вместе взятое представляет море огня, невообразимый грохот, шум, выдержать который может только человек, у которого крепкие нервы, человек решительный, решивший дорого продать свою жизнь. Все рушилось, трещало, ломалось, валилось. Гудела и содрогалась от бомбовых ударов земля, воздух, дымом от разрывов заволокло всю местность. Это был настоящий ад, всё поддавалось ему, не выдержало, не устояло. Только один русский чудо-богатырь не дрогнул, он не побежал, скрепя сердце, стиснув зубы, он ждал конца этой адской канонады. Он выдержал этот бешеный натиск, и мало этого, встал и отшвырнул эту сволочь еще дальше. Сегодня полегонечку продвигаемся вперед. Наша авиация господствует в воздухе. Одним словом, для немцев кончился 1941 г., сейчас они попробуют воевать, а то только за счёт подлецов жили». «Наша Красная армия действительно научилась воевать. Опыт войны показал, что русский народ действительно непобедим. Приказ т. Сталина выполняется точно, ни шагу назад, я могу добавить – только вперёд, ежедневно занимаем по несколько населённых пунктов, много фрицев находят могилу себе на поле боя, много техники противника захватывают наши доблестные бойцы и командиры. Рано или поздно "капут" будет Гитлеру и его шайке»[42].

Об интернационализме военнослужащих Красной армии красноречиво свидетельствуют выдержки из писем двух воинов, переводы с башкирского и узбекского языков приведены в этом же документе. Д. Киршеев писал: «Эта немецкая свора, собрав последние силы, пошла в наступление, и, вероятно, мечтала за короткое время кой-где побывать, но все её мечты провалились. Мы стоим крепко и ни одного шага

своей земли не отдадим, лучше умрем, но поганому немцу по нашей родной земле не ходить. Он любой ценой хочет прорваться вперед, но ничего не выйдет, нас – красных воинов, ничего не устрашит, мы их будем бить до последнего фрица. Еще с большей энергией работайте в тылу, чем больше вы будете помогать, тем быстрее мы разобьём врага». А. Ишанов писал: «С 26 июня я нахожусь на передовой линии, 7 июля с.г. я был ранен, но, несмотря на то, что меня ранило, я не бросил поле боя, не испугала меня фашистская пуля и фашистские танки, я ещё сильней, храбрей стал бить этих проклятых бандитов, которые напали на нашу счастливую жизнь. Отомщу за всех сыновей Узбекистана, ни один немец не уйдет живым, всех до последнего будем уничтожать и вскоре разгромим немецкую армию, очистив родную советскую землю. С победой, большим праздником вернемся домой»[43].

К отрицательным высказываниям военные цензоры относили слова военнослужащих о больших потерях среди красноармейцев, неуверенности в своей дальнейшей судьбе, страхе смерти: «Мы сейчас перешли в наступление, у нас сейчас самое жаркое время. Дорогой брат, какое у нас сейчас на фронте положение, я даже не могу тебе передать, это один ужас, за время моего пребывания в армии я только теперь увидел самое страшное, а поэтому я сейчас потерял всякую надежду остаться живым, временами доходишь до отупения». «Я вам сообщаю про свою жизнь. Жизнь у меня очень плохая, и плохо на нашем направлении, очень сильный бой, и не знаю, останусь живой или нет, положение трудное, вернусь или без ног и рук». «Я стал почти совсем седой, ну ничего, бог даст, увидимся, но вряд ли, потому что, где я нахожусь, мало, кто останется жив». «Ну, еще неизвестно, жив ли я останусь. Мы сейчас ведём бои большие с немцами, и может, всё это к лучшему, страшно всё надоело, и конца края не видно, проклятая война эта». «С 15 июля я нахожусь на передовой позиции, в воздухе шум самолётов, на земле шум пушек, и видно только один дым. Уже терпишь, нет сознания, и ожидаешь каждую минуту себе смерть, а поэтому прощайте, моя родная семья, жаль только своих малых детей, как будут жить без родного отца»[44].

Отделение военной цензуры 70-й армии в конце июля 1943 г. направило специальное сообщение, в котором приводились отрицательные высказывания военнослужащих о ходе боев с 26 по 30 июля 1943 г. К таким высказываниям, по мнению военных цензоров, относились любые слова о страхе смерти, трудных фронтовых буднях, тяготах и лишениях боевой жизни военнослужащих. Письма, содержащие упаднические настроения, как правило, конфисковывались. «Сегодня, как и всё время, противник изматывает миномётно-артиллерийским огнём. Мины рвутся совсем близко от щели, которая оборвёт мои муки и страдания заодно с жизнью. Одному богу известно, как это адски

тяжело находиться каждое мгновение под угрозой смерти. А сколько мы уже потеряли товарищей? Я не могу об этом писать цифрами, но скажу своими словами, что от нашего взвода осталась жалкая кучка людей. Смерть и только смерть ждёт меня. Смерть здесь везде и повсюду. Никогда не свидеться больше с тобой; смерть, страшная, безжалостная и беспощадная, оборвёт мою молодую жизнь. Где же набрать сил и мужества, чтобы переносить всё это? Все грязные до невозможности, обросли и пооборвались. Когда же будет или нет конец этой ужасной войне? Прощай, это письмо будет последним (как хотелось, чтобы оно не затерялось, это прощальное письмо). Прощайте навеки». «Моё положение плохое: меня контузило. У нас в полку очень много погибло людей, командира полка убило, моих товарищей побило, и много ранено, теперь очередь за мной осталась. Мама, я за 18 лет не видал такого страху, какой был за это время, только знает грудь моя и рубаха. Мама, просите у Бога, чтобы я остался жив, вашу бумажку читаю 40 раз и, думаю, может, чего поможет. Мама, всю правду я вам говорю: когда был дома, не признавал никогда Бога, вспоминаю его на дню 40 раз. Пишу письмо, а свою голову, не знаю, куда деть. Папа и мама, прощайте последний раз, больше мне с вами не видеться, прощайте, прощайте». «Какое у нас сейчас положение на фронте, я даже не могу передать. Это один ужас, за время теперь увидел самое страшное, а потому я сейчас потерял всякую надежду остаться живым, временами доходишь до одурения»[45].

В начале августа отделение военной цензуры 17-й гвардейской армии подготовило обзор писем военнослужащих за 16–31 июля 1943 г. Почти все в письмах сообщали родным и знакомым «об успехах нашей доблестной Красной армии на нашем участке фронта в борьбе против немецко-фашистской армии, о восстановлении рубежей, занимаемых до 5 июля, и о высокой оценке, полученной нашей армией от вождя и учителя – великого Сталина»[46].

7 августа 1943 г. Отдел контрразведки «Смерш» 48-й армии проинформировал Военный совет армии о том, что «в последнее время в частях 16-й Литовской стрелковой дивизии среди личного состава, в том числе отдельных командиров и политработников, имеет место много фактов высказываний о том, что Литовская дивизия понесла большие потери и её необходимо отвести в тыл, что дивизия имеет мало активных штыков, а ей даются боевые задания, как для полнокровной дивизии». В документе приводились наиболее характерные высказывания. 31 июля 1943 г. на совещании командиров батальонов 249-го стрелкового полка, где ставилась задача на наступление, командир 2-го батальона Л. заявил: «Лучше бы меня скоро убило. Я не могу с 30 человеками в батальоне наступать. От батальона остался только

взвод, а задача даётся как батальону. Дальше будут такие задачи, видимо, пока останешься один. С этой силой наступать и взять Никольское нельзя. Командование армии, видимо, хочет, чтобы от нашей дивизии только имя осталось». Заместитель командира 1-го батальона 249-го сп лейтенант Т. в это же время сказал следующее: «Теперь, когда в батальоне осталось 30 штыков с командирами, требуется идти в наступление. Ведь это надо было обдумать. Если штурмом и сумеем взять деревню, то закрепиться в ней будет некому». 31 июля инженер 156-сп К.: «От нашей дивизии остаётся лишь её имя и буква "Л", и то её надо зачеркнуть, ибо литовцев почти никого не осталось, всех перебили». Заместитель командира по политчасти 1-го батальона 167-го сп лейтенант И.: «В Литву я больше не поеду. После войны поеду куда-нибудь в Сибирь, ибо в Литве не с кем будет работать, так как все литовские кадры уже погибли». Парторг 1-го батальона 167-го сп лейтенант С.: «В зимнее время нашу дивизию ни за что положили. Теперь также обидно, что последний оплот Советской Литвы погибает. Надо дивизию скорее снять с фронта на новое формирование». Красноармеец 156-го сп Г. 30 июля 1943 г.: «Наша дивизия тает и тает с каждым днём. В ротах остаётся лишь несколько человек. Почему нашу дивизию не снимают с фронта? Ведь она давно уже участвует в боях. Я не понимаю, кто же в Литве будет восстанавливать порядки, ибо в дивизию был собран весь актив, который погибнет. Вот Латышская дивизия находится в Челябинске. Эстонскую дивизию тоже как будто сняли с фронта. А мы всё находимся здесь. Интересно, почему это так?»[47].

В результате начавшейся 12 июля Орловской наступательной операции[48] 5 августа советские войска освободили Орёл и Белгород, в этот же день в честь освобождения этих городов в Москве был произведен первый салют. И.В. Сталин направил поздравление военнослужащим, участвовавшим в наступательных боях.

9 августа 1943 г. отделение военной цензуры № 140 подготовило специальное сообщение о реагировании военнослужащих 70-й армии на поздравление И.В. Сталина. В документе приводились выдержки из писем, в которых отмечались успехи Красной армии, готовность к дальнейшим боевым действиям, положительные отзывы об объявлении благодарности Верховного Главнокомандующего: «Наша доблестная Красная армия не только остановила наступление, а 15 июля перешла в наступление и гонит хвалёных вояк так, что у фрицев только пятки сверкают, за ликвидацию фашистского наступления наш великий полководец т. Сталин в приказе объявил благодарность артиллеристам, где участвовала наша часть и я. 6 августа ещё получили от Сталина благодарность за взятие городов Орёл и Белгород, где большие операции проводила наша часть. В общем, таких боев ещё нигде и никогда

не было. И в честь нас, вы, наверное, слышали, в Москве 5 августа в 24 часа был дан салют». «Приказ т. Сталина об освобождении Орла и его благодарность относится и к нам, поэтому нужно оправдать еще больше доверие». «Взяли Орёл, за что получили благодарность т. Сталина, и в дальнейшем будем бить ещё лучше»[49].

«Антисоветский элемент использует фашистские листовки»

В период Курской битвы контроль органов государственной безопасности осуществлялся не только за настроениями военнослужащих Красной армии, но и за настроениями местного населения. В июле 1943 г. управления НКГБ по Курской и Орловской областям, отделения военной цензуры, организованные в Орле и Ельце, следили за реакцией населения на нацистские листовки, разбрасывавшиеся с самолётов противника, за политическими настроениями населения после освобождения от немецко-фашистских оккупантов.

В листовках содержались призывы к военнослужащим Красной армии о переходе на сторону врага, а также к мирному населению – поддерживать «Русский комитет». В докладной записке, направленной 14 июля 1943 г. в НКГБ СССР, территориальные органы госбезопасности сообщали, что в ряде листовок под названием «Правда о военнопленных в германском плену» и в брошюре «Для них уже кончилась война» показывалось «хорошее» обращение и «забота» в лагерях военнопленных. Используя «Русский комитет» как ширму, германское командование за подписью предателей Власова и Малышкина издало листовки: «Обращение "Русского комитета"» и «Русский народ – равноправный член семьи свободных народов Европы». В первой из них, обращенной к военнослужащим Красной армии и ко всем народам Советского Союза, излагалась программа «Русского комитета». Бойцы и командиры Красной армии призывались к переходу на сторону Русской освободительной армии. Во второй листовке, обращенной к народам СССР, указывалось на необходимость участия русского народа в семье «народов Европы». При этом русскому народу было обещано сохранение «жизненного пространства» и «национальной индивидуальности». УНКГБ по Орловской области информировало Москву, что «основная масса населения, читая отдельные фашистские листовки, правильно понимает лживость их содержания. Как правило, эти листовки собирают, сдают в органы безопасности или уничтожают сами»[50].

Наряду с положительными фактами имели место случаи, когда незначительная часть населения принимала за правду содержание фашистских листовок, а «антисоветский элемент» использовал их для

проведения «враждебной деятельности». В качестве примеров были приведены высказывания некоторых местных жителей: «В этих листовках написано всё правильно. Россия в настоящее время находится под ведением иностранцев – Америки и Англии. Красная армия немецкую армию не победит». По фактам отрицательных высказываний УНКГБ по Орловской области информировало партийные органы для усиления агитационно-разъяснительной работы среди населения. Одновременно органы НКГБ проводили оперативно-розыскные мероприятия в целях обнаружения в советском тылу «организованной деятельности немецких разведывательных органов»[51].

В докладных записках УНКГБ по Орловской области от 17 и 24 августа 1943 г. о политических настроениях населения после освобождения от немецко-фашистских оккупантов отмечались как радость местных жителей, так и отрицательные настроения.

В документах говорилось, что за время оккупации Орла немецко-фашистским режимом было «зверски замучено и истреблено значительное количество населения. Основную массу населения г. Орла угнали в рабство в Германию, а также угнали в момент отступления». При отступлении оккупанты на 90% подорвали, сожгли и уничтожили крупные и средние жилые дома, общественные здания, разрушили и уничтожили все коммунальные предприятия. Оставшееся в Орле население с большой радостью встретило Красную армию. Приводились наиболее характерные высказывания: «Мы едва дождались прихода Красной армии, при немцах нам не было возможности существовать, нам не давали работать, сидели голодные, холодные. Были вынуждены скитаться по деревням. Сейчас Красная армия нас освободила, мы заживём счастливой жизнью». «Жители города были бесправные пешки, с которыми немцы расправлялись, как хотели, насильно угоняли в Германию людей. Мы питались очень плохо и не имели никаких прав. Сейчас мы будем работать не покладая рук, помогать нашей Красной армии в окончательном разгроме фашистов и устройстве личной счастливой жизни». «Лучшей агитацией против фашизма является пребывание и действия немецких оккупантов на нашей земле. Если до оккупации некоторые верили в культуру и якобы освободительные цели затеянной ими войны, то сейчас таких людей очень мало. Теперь народ фашистской пропагандой не обманешь, он на собственном опыте убедился в том, что немцы – это организаторы массовых убийств, разрушений и, вообще, варвары, которых надо уничтожать». Большинство жителей выражало радость от встречи Красной армии, обретения моральной и политической свободы. За злодеяния, совершённые оккупантами, рабочие и служащие питали к фашистам чувство ненависти[52].

УНКГБ по Орловской области отмечало, что «наряду с проявлениями настроений положительного советского характера, отражающих суровую действительность временной немецкой оккупации, наряду с охватившим население энтузиазмом стройки и восстановления нормальной жизни в городе, имеются и антисоветские настроения. Они исходят преимущественно от враждебного антисоветского элемента, выдвинувшегося при немцах на положение мелкой буржуазии, и от незначительной части интеллигенции, женщин, состоявших на службе у немецких оккупантов, а также враждебно настроенных лиц. Эта категория лиц у немецких захватчиков пользовалась небольшими привилегиями и сейчас, сожалея о своём прошлом положении, восхваляет порядки, культуру, материальную обеспеченность и моральное поведение гитлеровских захватчиков: "Немцы никаких зверств не делали и, неправда, что они насилуют женщин и убивают людей. Каждый жил по своему усмотрению, кто хорошо вёл себя, того и не трогали". "Немцы от Орла далеко не уйдут, они скоро выгонят из Орла Красную армию. Я тогда буду сам вешать советских активистов". "Я при советской власти мучилась 20 с лишним лет и опять придётся мучиться при советской власти". "Мы забыли, что Красная армия есть. Мы за два года разбогатели. Работать нас не гоняли, хлеб не отбирали, по праздникам не работали, в церковь ходили свободно, даже ругали немцев, и нас за это не сажали. А теперь опять будем собираться и стоять в очередях за хлебом". "Немцы сильные, и они действительно строят справедливую жизнь, они дают право заниматься, кто чем желает"». По мнению УНКГБ по Орловской области, молодёжь по своим политическим настроениям подразделилась на две группы: молодёжь мужского пола патриотически настроена, выражает чувство ненависти и мщения к немецким оккупантам. Молодёжь женского пола, значительная часть которой в период временной оккупации немцами г. Орла находилась на более привилегированном положении, проявляет антисоветские настроения. Они сожалеют о потерянном своём прошлом положении при оккупантах и восхваляют немецких грабителей. В связи с этим внутренние взаимоотношения в среде молодёжи нездоровы. Молодёжь мужского пола к девушкам питает презрение за их прошлое поведение и общение с немецкими оккупантами, девушки выражают недовольство к мужчинам, в том числе и к военнослужащим Красной армии, за презрительное отношение к ним[53].

В августе 1943 г. пункты военной цензуры в Орле и Ельце фиксировали отрицательные настроения населения и подготовили специальные сообщения по вопросам: «Об отрезке у колхозников усадеб и отрицательном настроении по этому вопросу»; «Об отрицательных настроениях инвалидов Отечественной войны и партизан, возвратившихся из тыла противника»; «О зверствах немецких

оккупантов в районах, подвергшихся оккупации»; «Об отрицательном настроении населения в связи с низким урожаем зерновых культур»[54]. В специальном сообщении УНКГБ по Курской области от 22 сентября 1943 г. о реагировании колхозников на постановление правительства «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобождённых от немецкой оккупации» отмечалось, что большинство населения области встретило постановление с воодушевлением. В своих высказываниях они выносят благодарность партии, правительству и лично И.В. Сталину за неустанную заботу о людях[55].

Наряду с положительными настроениями имели место факты и антисоветских высказываний об отсутствии помощи по восстановлению хозяйства, предоставленной немцами возможности сеять и собирать урожай, изъятии урожая советской властью: «Немцев считают врагами, а ведь они нас освободили, землю нам отдали, от судов избавили, дома вернули, дали возможность работать, где кому хочется. Пришли красные и снова надели колхозное ярмо». «Вот пришла эта власть, раньше грабили и опять начинают грабить. При немецкой власти меня не трогали, а сейчас снова грабят, в колхозе работаем, а получать нечего»[56].

На освобождённых от врага территориях налаживалась мирная жизнь, изменялась ситуация на фронте. В августе контрнаступление под Курском переросло в стратегическое наступление по всему фронту. Советские войска продвинулись на запад на 300–600 км. Были освобождены Левобережная Украина, Донбасс, захвачены плацдармы в Крыму, форсирован Днепр. Битва за Днепр завершилась 6 ноября освобождением Киева. Гитлеровская Германия на всех фронтах перешла к стратегической обороне.

«Пойдем с хоругвями на Красную площадь»

В ночь на 25 апреля 1943 г. во многих городах СССР, где были церкви, состоялась пасхальная служба. 28 апреля 1943 г. Л.П. Берия направил об этом сообщение в ГКО. В Москве служба прошла в 35 храмах, которые посетили свыше 100 тысяч человек, около 80% из них составили женщины. В кафедральный Богоявленский собор на Елоховской площади пришли до 11 тысяч человек, в Старообрядческий собор на Рогожском кладбище – 8 тысяч человек, в Ильинскую церковь во 2-м Обыденском переулке – до 5 тысяч человек. В Старообрядческом соборе присутствовали 9 сотрудников посольства США. О своем приезде в церковь они заранее уведомили настоятеля церкви и попросили оставить для них места в церкви. В храмах было зачитано пасхальное послание митрополита Сергия, а в Старообрядческом соборе послание главы

старообрядческой церкви в СССР архиепископа Иринарха. Л.П. Берия отметил, что московские верующие, посетившие ночную пасхальную службу, выражали «благодарность советскому правительству и товарищу Сталину». По сообщениям краевых и областных УНКВД большое скопление верующих на пасхальной службе наблюдалось и в других городах СССР. В 126 церквях Московской области присутствовали около 160 тысяч человек, в 7 ленинградских церквях – около 30 тысяч, в Горьком – до 15 тысяч, Саратове – до 10 тысяч, Ростове-на-Дону – около 8 тысяч, Куйбышеве – около 6 тысяч, Рязани и районах – свыше 10 тысяч, Ульяновске – до 6 тысяч, Архангельске – до 3 тысяч, Бийске – до 1 тысячи, в районах Воронежской области – 21 тысяча, в Туле и районах – свыше 22 тысяч и Ашхабаде – 3 тысячи В Хабаровском крае, где отсутствовали действующие церкви, верующие собирались в частных домах. В рабочем посёлке завода им. Кирова в Хабаровске в одном из домов присутствовали на молении свыше 500 человек. Берия отметил, что «массовых отрицательных высказываний или антисоветских проявлений во время пасхальной службы отмечено не было»[57].

4 сентября 1943 г. И.В. Сталин и В.М. Молотов приняли в Кремле митрополита Московского и Коломенского Сергия, митрополита Алексия, митрополита Николая и других участников Поместного собора. Во время приёма было получено разрешение избрать Патриарха, а также образовать Совет РПЦ. 8 сентября на Поместном соборе Русской Православной Церкви митрополит Московский и Коломенский Сергий был избран Патриархом Московским и Всея Руси.

Вскоре в НКГБ СССР из территориальных органов государственной безопасности стали поступать сведения о реагировании населения на приём И.В. Сталиным руководителей РПЦ. В докладной записке УНКГБ по Курской области от 8 сентября 1943 г. отмечалось, что сообщения в печати и по радио о состоявшемся приёме находилось в центре внимания различных слоёв населения. Подавляющее большинство одобрительно высказывалось об отношении советского правительства к религии. Начальник оперативного учета Треста совхозов Приходько: «Как приятно, что коммунисты стали признавать религию, а то было время, когда боялись ходить в церковь и преследовали за это. Теперь я спокойно пойду и помолюсь Богу. Когда сходишь в церковь, то успокоишь свою душу». Учительница средней школы Турченинова: «Наше правительство правильно поступило, разрешив созыв собора. Это лишний раз будет служить подтверждением, что у нас в СССР религия не преследуется». Кочегар электростанции Глухих: «Допуск открытия церквей и устроенный прием т. Сталиным руководителей церкви является фактором мобилизации населения на борьбу с гитлеровскими захватчиками». В документе отмечалось, что 5 сентября 1943 г. священ-

ник Троицкой церкви (Курск) Добродицкий после сообщения по радио о состоявшемся приёме выступил по этому вопросу в церкви среди верующих и предложил отчислить из церковного фонда 100 тысяч рублей на оказание помощи раненым бойцам Красной армии. Присутствовавшие верующие это предложение приняли единодушно. Ктитор Успенской церкви Асеев среди духовенства и верующих на собрании, созванном по поводу выбора совета по оказанию помощи раненым бойцам, заявил: «Я рад, что советское правительство идёт навстречу религии. И в народе исчезнет сомнение в том, что власти нам не сочувствуют. Скоро может теперь произойти так, что все мы с хоругвями пойдем на Красную площадь и будем служить торжественный молебен о победе русского воинства. А то поем себе под нос, и нас никто не слышит, и народ неуверенно ходит в церковь».

Наряду с этим УНКГБ отмечало, что «зарегистрированы факты отсталых и контрреволюционных проявлений. Преподаватель биологии школы № 6 (Курск) Сауа: «Прием т. Сталиным представителей церкви есть не что иное как поправление в политике и, безусловно, результат требования союзников». Библиограф областной библиотеки Бенуа: «Интересно, что же получится? Церковь, синод и патриаршество будут вести религиозную пропаганду, а по программе ВКП(б) должна вестись антирелигиозная пропаганда. Будет существенная неувязка, и неизбежно при этом положении будут задеваться чувства верующих. Как же быть? Всё это, конечно, вызвано войной и влиянием союзников». В одном из высказываний утверждалось, что правительство «идёт на всё, лишь бы заставить народ идти воевать»[58].

В записке УНКГБ по Орловской области от 15 сентября 1943 г. сообщалось о положительной реакции священнослужителей на приём И.В. Сталиным деятелей РПЦ, приводились высказывания «церковно-сектантских авторитетов». Священник Николаевской церкви Кромского района Орловской области В. Булгаков: «По всему видно, что т. Сталин уделяет большое внимание религии. Теперь православная церковь должна восторжествовать. Согласие т. Сталина на созыв церковного сбора имеет большое государственное значение, и отсюда нужно видеть изменения в отношении советской власти к церковной жизни».

Священник Афанасьевской церкви Орла А.А. Зернов: «Мне пришлось вести разговоры с верующими, я им заявил – теперь не стесняйтесь, не прячьте иконы, сам глава правительства принимает митрополитов. С учреждением синода установится порядок, священнослужители будут пользоваться уважением, и с ними будут считаться, притеснять их, как раньше, не будут». Дьякон этой же церкви Коваль: «В священном писании сказано, что возрождение церкви христовой должно быть скоро, но когда, это ещё не известно. После войны, надо полагать,

будут большие изменения, сами военные говорят, как кончится война, колхозы будут распущены, тогда крестьяне и вся страна разбогатеют очень быстро»[59].

Сообщение о приёме И.В. Сталиным митрополитов Сергия, Алексия и Николая вызвало широкий отклик среди военнослужащих Красной армии. 9 сентября В.С. Абакумов направил в ГКО информацию о том, что «генеральский и офицерский состав Красной армии одобрил это мероприятие, как важное событие в жизни нашей страны, направленное на мобилизацию всех трудящихся для разгрома немецко-фашистских захватчиков»[60].

В.С. Абакумов приводил в документе высказывания генералов и офицеров Главного Разведывательного управления Красной армии, Оперативного управления Генштаба, Оргмобуправления и Управления ремонта ВВС, Главного артиллерийского управления Красной армии: «Теперь и Синод создают, это неплохо, будут молиться за русское воинство. Церковь стала на государственную позицию, а раньше она была против государства. Она теперь помогает мобилизовывать людей на борьбу с немцами, это хорошо, но к управлению государством и к школе её, конечно, не допустят». «Наше правительство проявляет исключительную гибкость и находчивость в вопросах мобилизации всех сил на оборону родины. Духовенство и религия – такой фактор, с которым необходимо считаться при учёте военных потенциалов. Наше правительство правильно поступает, относясь сочувственно к запросам представителей религии». «Снисходительное отношение нашего правительства к попам на данном этапе правильное. Попы собирают на оборону деньги, участвуют в партизанском движении, агитируют против немца-супостата и т.д. Почему же нам не поддержать это. А вот, если они после войны начнут вести контрреволюцию, мы их сумеем опять пресечь». «Прием товарищем Сталиным представителей духовенства и его заявление о том, что никаких препятствий к проведению собора не будет – должно показать, что советская власть к религии относится не хуже, чем правительство других государств. Этот шаг правительства в данный момент весьма показателен и, по-моему, правилен, хотя и до сих пор у нас вера была терпима и никому не препятствовала веровать и соблюдать религию».

«Вполне понятно, когда в первые годы революции церковь была полна контрреволюционных элементов, когда она была или могла быть оплотом враждебного течения – она была ни к месту, нежелательна. Теперь же, когда она обезврежена, очищена от враждебных элементов, почему ей не дать возможность заниматься своим делом». «Открытие синода и избрание патриарха – это очень хорошее и важное мероприятие. Церковь нужно использовать для мобилизации масс на борьбу

против немецких захватчиков. Надо отметить, что наше правительство и в этом строго соблюдает Конституцию». «Очевидно, создание синода стало необходимым, если сам товарищ Сталин отнесся к этому положительно. В Отечественной войне помощь церкви видна. Теперь наши союзники по-другому будут смотреть на нас. В общем, от создания синода никакого вреда не будет, ведь церковь отделена от государства». «Приём митрополитов и согласие товарища Сталина по вопросу организации священного синода – это большое государственное дело, которое сыграет положительную для нас роль не только внутри нашей страны, но и за рубежом. За границей говорят: признание большевиками церкви и приём товарищем Сталиным митрополитов – это значит, что они чувствуют силу и ничего не боятся. Россия крепка. Нужно сказать, что духовенство почти на протяжении всей войны проводило большую агитацию в нашу пользу, а сейчас эта агитация, особенно за границей, будет проводиться ещё в больших масштабах». «Сейчас, в современных условиях, все средства борьбы с фашизмом целесообразны»[61].

Придавая международное значение приёму И.В.Сталиным митрополитов, отдельные военнослужащие, как сообщал В.С. Абакумов, предполагают, что это сделано под влиянием нашего сотрудничества с союзниками – Великобританией и Америкой. Об этом говорили генералы и офицеры Главного управления связи, Оперативного управления Генштаба, штаба ВВС, Военной академии имени Ворошилова, Химической академии Красной армии: «Ну, вот теперь наши салюты в честь побед Красной армии будут ещё веселее, они будут сопровождаться колокольным звоном. Это, безусловно, влияние США и Англии, а нам сейчас невыгодно портить взаимоотношения, когда нужно будет и когда возможно будет сделать это – всех митрополитов разгонят». «Мероприятие это весьма своевременно, нужно дать людям возможность молиться, сколько им хочется. По-видимому, всё же на решение нашего правительства повлияли союзники». «Послабление мракобесам и снисходительность к попам – результат содействия Англии и Америки. Надо же показать, что у нас нет преследования религии. Впрочем, всё хорошо, что идет для скорейшего разгрома врага и в этом вопросе работу попов нельзя сбрасывать со счета». «За границей сейчас будет много разговоров по этому поводу, так как раньше там распространяли слухи, что все духовенство у нас уничтожено». «Беседа товарища Сталина с духовенством, очевидно, уступка общественному мнению зарубежных стран и, в частности, нашим союзникам». «Это очередное изменение нашей внутренней политики под давлением Америки и Англии. Я и раньше говорил, что после войны наверняка Россия будет буржуазно-демократической страной»[62].

Некоторые военнослужащие Красной армии предполагали, что в связи с образованием синода священнослужители поднимут вопрос

о дополнительном открытии церквей, организации монастырей и духовных семинарий. «Если митрополитам разрешили образовать священный синод, то откроют и монастыри. Священный синод должен быть правительственной организацией». «Очевидно, "отцы святые" будут просить у правительства о ремонте и восстановлении некоторого количества церквей, а также о создании необходимых условий для подготовки кадров духовенства». «Если будет синод, то появится необходимость иметь духовные семинарии». «Возможно, откроют духовную семинарию. Священным людям теперь будет жить хорошо, у них будут лучшие условия, чем у других». «Теперь должно быть придётся все церкви открывать, а может быть и новые построить. Я уверен, что при очередных выборах в Верховный Совет СССР туда будет избран ряд священников, раввинов и т.д.»[63].

Часть офицеров высказывала отрицательные суждения по вопросу приёма И.В. Сталиным митрополитов, а отдельные из них даже иронически относились к этому мероприятию. «Я давно знал, что этим кончится. Всякая революция начинает с борьбы против церквей, а затем вынуждена эти силы признавать. Возникает вопрос – можно ли считать, что у нас теперь церковь отделена от государства? Отделение это надо считать ликвидированным». «Всё в нашей стране идет к старому, всё становится на своё место. Русский язык восстановится в своих правах, теперь только осталось заменить название "красноармеец" на "солдат" и всё будет в порядке». «Колесо истории вертится обратно, сейчас выборы патриарха, завтра синод, а послезавтра обучение закону божьему в школах. Это все необходимо, так как в народе нет ни чести, ни совести. Это может привить только церковь». «Скоро нас приведут к революционизированному капитализму и всем нам на шею камень повесят». «Да, теперь им большой козырь в руки, каждый священник будет теперь эту газету носить в кармане, больше им никакого документа и не надо. Пожалуй, эту газету они повесят рядом со святцами, да, поди, их теперь тронь». «Погоны есть, церкви разрешили открывать, еще осталось дело за цепями и плетью, тогда будет самый настоящий старый режим». «Выходит, что опять нужно Богу молиться. Я так теперь своим близким буду говорить, что прежде чем садиться кушать – осеняйте себя крестным знамением». «Ну, теперь берегись, все дамы и девушки, ибо синод, как и раньше, теперь не будет давать разводов в браке»[64].

На фронте также обсуждали это важное событие. Офицеры 4-й Гвардейской армии в своём кругу сочли возможным вынести такую оценку: «Попы для советской власти на данном этапе сделали больше, чем наш политотдел». «Значит, настало время, что по всему Советскому Союзу будут открыты церкви. Там, где они разрушены, будут вновь построены. Возможно, в Красной армии так же, как и в царской, будут

работники религиозного культа, чтобы у некоторых солдат поднять боевой дух. У нас ещё много солдат, которые верят в Бога»[65].

Боевой дух и настроение военнослужащих зависели от событий, происходивших не только на фронте, но и в тылу. Важнейшие решения руководства страны и политические кампании вызывали интерес и живую реакцию.

«Нас вырастил Сталин – на верность народу»

23 декабря 1943 г. В.С. Абакумов направил в ГКО информацию о том, что опубликованное в печати решение Совнаркома СССР «О государственном гимне Советского Союза» вызвало широкий отклик среди военнослужащих Красной армии. Генеральский и офицерский состав армии одобрил замену «Интернационала» новым государственным гимном, текст которого славил советскую Родину, нерушимый союз свободных республик и соответствовал по содержанию сущности советского строя[66].

В документе содержались высказывания генералов Главного артиллерийского управления, сотрудников аппарата командующего ВВС Красной армии, разведывательного отдела штаба Белорусского фронта: «За границей это будут расценивать как шаг назад, как уступку союзникам, а на самом деле это не так. Ведь сколько таких шагов мы сделали за войну: комиссаров ликвидировали – ничего не случилось, даже лучше стали воевать, генеральские и офицерские звания ввели, погоны всем надели – дисциплину укрепили. Святейший синод создали, патриарха выбрали, Коминтерн распустили и, наконец, отменили "Интернационал" и всё это на пользу Родине. Как может быть "Интернационал" с немецким зверем, истребившим сотни тысяч советских людей, превратившим нашу страну в пустыню. Истребление фашистской нечисти – вот какие задачи сейчас должны стоять, а поэтому всё, что может ускорить гибель фашизма, должно быть использовано для этого». «Содержание гимна сильное. Видимо, также сильно будет звучать и музыка. Это мероприятие вполне своевременное, так как старый гимн уже себя изжил и его содержание не соответствует духу времени». «Замечательный гимн. Содержание его очень и очень долговечно. Именно такой гимн нам и нужен. В каждом слове нового гимна чувствуется большая сила нашего народа». «Новый текст гимна учит любить Родину, отечество конкретно, а не вообще. Он складывает смысл понятия об отчизне и главное, что Советский Союз сплотила "Великая Русь". В гимне говорится об отечестве, и при этих словах рождается у каждого гордость за свой народ и союз всех народов советской страны». «Новый гимн Советского

Союза созвучен нашей эпохе. Текст его корректировал лично товарищ Сталин. Очень важно теперь, чтобы на эти слова была бы написана хорошая музыка». «Содержание "Интернационала" устарело и не соответствует нынешней обстановке. Новый же гимн полностью отражает действительность и жизнь многонационального Советского Союза»[67].

Старшие офицеры штабов 5-й армии и 33-й армий Западного фронта, штаба тыла Красной армии, Главного управления инженерно-авиационной службы ВВС, Отдельной московской армии ПВО считали: «Новый гимн Советского Союза соответствует настоящему времени и значительно отражает роль Верховного Главнокомандующего товарища Сталина». «В новом гимне очень правильно упоминается о Ленине и Сталине, где говорится, что "нас вырастил Сталин – на верность народу". Это отражает эру великих людей, создание Советского Союза и воспитание живущих в нём героических людей». «Текст очень хорош и все охватывает: первый куплет – Русь, второй куплет – Ленин и Сталин и третий – Красная армия. Припев – о дружбе народов». «Этот замечательный гимн о Ленине и Сталине должны петь все народы и не в какой-либо песне, а в государственном гимне». «Слова нового гимна отражают силу советских республик, сплотившихся вокруг Советской России. Они говорят об отечестве, о дружбе народов, о великих вождях Ленине и Сталине, которые показали путь русскому народу и вдохновили его на подвиги и борьбу с зарвавшимися фашистами». «Раз был распущен Коминтерн, как сыгравший свою роль в организации рабочего класса, значит, и гимн "Интернационал" отжил свои функции. Наше правительство очень правильно поступило, что ввело новый текст государственного гимна, где отражается весь пройденный путь советской власти за 26 лет существования, и ярко отражается роль основоположников нашего государства – Ленина и Сталина». «Наконец-то вспомнили про Великую Русь, а то ведь ее совсем было забыли. Из русского лексикона это слово было вычеркнуто. Это было большой ошибкой. Основой нашего государства, из которой возник Советский Союз, была Россия. На этой основе и надо воспитывать. Это слово создает большие традиции, в которых мы так нуждаемся». «Изменение гимна – это мероприятие необходимое. "Интернационал" свою роль выполнил ещё в годы гражданской войны, сейчас же он не отражает советской действительности. Новый гимн вполне отражает сущность нашей действительности. В новом гимне воспеваются вожди и организаторы построения счастливой жизни, и в нём же воспевается наша доблестная армия»[68].

В то же время в записке отмечалось, что некоторые генералы и офицеры Красной армии считали, что это сделано под влиянием сотрудничества с Великобританией и США: «Раз у нас завязались дружественные отношения с англичанами и американцами и при всяких встречах они вынуждены играть "Интернационал", а это им, конечно, не по нутру,

надо было ввести новый гимн, соответствующий духу времени и не умаляющий достоинства Советского Союза. Новый гимн хорош, послушаем, как он будет звучать в исполнении». «Хорошо, что вспомнили, наконец, в гимне о Руси, но всё-таки мне кажется, что здесь есть некоторая уступка Рузвельту и Черчиллю». Приводились высказывания старших офицеров Главных управлений и штабов Красной армии, размещавшихся в Москве, слушателей военных академий, а также офицеров штаба Белорусского фронта, 33-й 49-й армий Западного фронта: «Замена "Интернационала" новым гимном произведена, как и другие мероприятия, под давлением наших союзников. Наше правительство идёт на всё, чтобы быстрее открыть второй фронт. "Вставай, проклятьем заклеймённый", – теперь недопустим при наших дружеских отношениях с Англией и Америкой. Это является уступкой союзникам. Вот, если бы они потребовали изменения существующего строя и выбора царя, мы, безусловно, на это не пошли бы». «Всё это делается под большим влиянием союзников. Они диктуют свою волю, тем более, им это удаётся сейчас, когда наша страна серьёзно обессилена в войне, и с их волей приходится считаться. Поэтому приходится отказываться от гимна, который завоёван кровью рабочих России». «Введение нового гимна явилось одним из больших событий, так как "Интернационал" не может быть в настоящую эпоху. Мы заключили союз с капиталистическими странами, а в "Интернационале" говорится о ликвидации рабства, а у наших союзников имеется эксплуатация человека». «Новый гимн Советского Союза выпущен потому, что "Интернационал" затрагивал внутреннюю жизнь наших союзников – Англии и Америки». «Опубликование нового гимна связано с международными отношениями. Об этом стоял вопрос на совещании союзных держав, где, надо полагать, и договорились о замене "Интернационала". «Изменение текста гимна произошло после требования английских и американских дипломатов, которым прежний гимн "Интернационал" не нравился»[69].

Часть офицеров высказывала отрицательные суждения о замене «Интернационала» новым текстом Государственного гимна СССР, а некоторые считали, что новый гимн будет существовать только в период Отечественной войны, после чего его заменят другим текстом гимна или даже возвратятся к «Интернационалу». Офицеры Генерального штаба, ряда Главных управлений Красной армии, Управления ВВС, Волховского фронта, разведотдела 28-й армии 4-го Украинского фронта утверждали: «Гимн не отражает величия и пафоса мирного строительства, о чём мы всё время говорили до войны». «Из известных мне гимнов ряда государств это будет самый неудачный гимн по своему художественному и внутреннему содержанию – это сбор грубо рифмованных лозунгов, в котором нет той силы и красоты, как в монархическом гимне "Боже царя храни"». «Жалко расставаться с бывшим гимном

Советского Союза. "Интернационал" отражал порыв, героизм, стремление к борьбе и, вообще, это был любимый гимн, который облагораживал человека, а новый гимн, хотя мы его и не слушали, однако, судя по содержанию – неинтересен. Не те слова, к которым привыкли. Жалко расставаться с тем, что отражает борьбу за советскую власть». «В тексте гимна нет ничего возвышенного и зовущего. Текст плохо запоминается и вял». «Новый гимн Советского Союза, очевидно, вводится только на время войны, так как мы не отказываемся же от влияния на развитие революционного движения во всём мире». «Через два–три года гимн будет устаревшим, и вообще он отражает не мирные цели Советского Союза, а прославляет опять войну». «Слова нового гимна не нравятся, нет в них боевого огня. Не стоило бы вообще теперь менять гимн».

Не менее критичными были высказывания слушателей военных академий и высших курсов: «Старый гимн был величественный и сильный словами и глубоким содержанием, а новый – так, песенка какая-то». «Слабоват новый гимн, зря его ввели и большую сделали ошибку, что ввели туда слова об отдельных личностях». «Неужели мы 26 лет заклеймены проклятием. Хотя да, заклеймены. "Весь мир голодных и рабов". Верно, – рабы до сих пор, и почти полуголодные. Конечно, стыдно петь уже такие вещи. Пусть пишут новые и огребают денежки». «Мне непонятно, зачем включены в текст гимна личности Ленина и Сталина, так как гимн будет существовать многие века, в то время как вожди приходят и уходят». «Сущность нашего государства изменилась настолько, что перед нами уже не стоят задачи построения коммунистического общества, и мы скатываемся к буржуазному строю. В связи с этим марксизм для нас теперь не подходит, и его нужно пересматривать». «Сегодня запоют одно, завтра другое. Всё равно слушать, что Богородицу, что этот гимн. Нужно к этому гимну подобрать мотив наподобие похоронного марша. Нам на него наплевать». «Скоро будем петь гимн на мотив "Боже царя храни". Всё идет к старому». «Остаётся лишь изменить и распустить партию большевиков. В 1918–1919 гг. было чем агитировать, тогда был лозунг "Земля – крестьянам, фабрики – рабочим" и свобода слова, а после прижали так, что миллионы людей положили свои головы»[70].

Внимание органов госбезопасности привлекали любые высказывания, в которых они усматривали антисоветскую направленность. Осуществляя контроль над общественными настроениями населения, органы НКВД не просто фиксировали факты антисоветских и пораженческих настроений, но и принимали жёсткие репрессивные меры, направленные на искоренение антисоветских и контрреволюционных групп, бывших, по их мнению, причиной формирования негативных тенденций в обществе. В документах НКВД СССР отмечалось, что

ликвидированные «контрреволюционные кулацко-белогвардейские формирования» проводили «вражескую работу в направлении подготовки террористических и диверсионных актов, организации вредительства в колхозах и на промышленных предприятиях и оказания помощи немецко-фашистским войскам».

В документах чаще всего отмечалось, что участники ликвидированных групп были «выходцами из враждебной среды, проводили антисоветскую работу среди сельской молодёжи; обрабатывали и привлекали новых лиц из числа антисоветски настроенной молодёжи, высказывали недовольство жизнью в СССР; восхваляли репрессированных врагов народа и распространяли пораженческие и провокационные слухи»[71]. Как свидетельствуют архивные документы, число арестованных в эти месяцы войны было огромным. Так, в период с 1 июля по 31 августа 1943 г. только подразделениями контрразведки Брянского фронта было арестовано и привлечено к уголовной ответственности 1 тысяча 287 человек, из них 298 человек – военнослужащие.

Окраска	Произведено арестов		Всего
	июль	август	
Шпионы	32	53	85
Парашютисты	2	1	3
Изменники Родине	243	338	581
Антисоветский элемент	55	30	85
Дезертиры	162	95	257
Членовредители	69	106	175
Трусы и паникёры	14	17	31
Прочие преступления	33	37	70
Итого	610	677	1287[72]

Архивные документы свидетельствуют, что, несмотря на впечатляющие показатели органов НКВД по арестам лиц, допускавших «антисоветские и пораженческие настроения», у большей части населения преобладали чувство патриотизма и уверенность в победе над немецко-фашистскими захватчиками.

Последующие события принесли победы советским войскам, и постепенно стала меняться общая тональность настроений советских людей, демонстрировалась готовность активнее поддерживать военно-политические и хозяйственные мероприятия, внешнеполитические акции советского руководства. Об этом наряду с прочим свидетельствует содержание докладных записок и информационных сообщений органов безопасности.

В связи с кореным перемом в ходе войны общественные настроения значительно улучшились. В дальнейшем в ГКО и другие высшие партийные и государственные инстанции также представлялась информация о настроениях и реакции различных слоев гражданского населения и военнослужащих на изменение положения на фронте и значительные политические события[73].

Примечания

[1] См.: Лубянка : Органы ВЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ : 1917–1991 : Справочник. – М., 2003. – С. 138.
[2] См.: ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 4. Д. 913. Л. 154–157.
[3] Цит. по: Вторая мировая война. День за днем. – М., 2005. – С. 264, 283.
[4] ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 5. Д. 114. Л. 148–150.
[5] Катынь. Март 1940 г. – сентябрь 2000 г.: Расстрел. Судьбы живых. Эхо Катыни : Документы. – М., 2001. – С.447.
[6] Как было установлено в 1990-х гг., в Катынском лесу по решениям специальной тройки НКВД СССР в 1940 г. был расстрелян 4 тыс. 421 польский гражданин. Вся операция проводилась на основании постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г. Необходимость расстрела поляков мотивировалась тем, что «они являются неисправимыми, закоренелыми врагами советской власти». См.: Катынь. Пленники необъявленной войны. М., 1997; Катынь. Март 1940 г. – сентябрь 2000 г. Расстрел. Судьбы живых. Эхо Катыни. М., 2001; *Яжборовская И., Яблоков А., Парсаданова В.* Катынский синдром в советско-польских и российско-польских отношениях. – М., 2001.
[7] См.: Катынь. Пленники необъявленной войны. М., 1997; Катынь. Март 1940 г. – сентябрь 2000 г. Расстрел. Судьбы живых. Эхо Катыни. М., 2001; *Яжборовская И., Яблоков А., Парсаданова В.* Катынский синдром в советско-польских и российско-польских отношениях. – М., 2001.
[8] Василевская Ванда (1905–1964), польская и советская писательница. В 1939–1941 гг. занималась литературной и редакторской деятельностью во Львове. Пропагандист Главного политического управления РККА (1941–1944), председатель Союза польских патриотов (1943), созданного на территории СССР и поддерживаемого советским правительством. Член Центрального бюро коммунистов Польши (с января 1944), заместитель председателя Польского комитета национального освобождения (август 1944–1945), член ЦК ППР (август 1944–1945), депутат Верховного Совета СССР (1940–1964).
[9] *Ломагин Н.А.* Неизвестная блокада. Кн. 2. – СПб.–М., 2002. – С. 363–364.
[10] Там же. – С. 364–366.
[11] См.: ЦА ФСБ России. Ф. 4 ос. Оп. 2. Д. 1. Л. 190–191.
[12] См.: ЦА ФСБ России. Ф. 4 ос. Оп. 2. Д. 1. Л. 175–181.
[13] См.: ЦА ФСБ России. Ф. 4 ос. Оп. 2. Д. 1. Л. 182–187.
[14] Димитров Георгий Михайлович (1882–1949), деятель болгарского и международного движения. В 1934–1945 гг. жил в СССР. В 1935–1943 гг. – член Президиума ИККИ, генеральный секретарь ИККИ. В 1944–1945 гг. – заведующий отделом международной информации ЦК ВКП(б). В ноябре 1945 г. вернулся в Болгарию. С ноября 1946 г. – председатель Совета Министров Болгарии. С декабря 1948 г. – генеральный секретарь ЦК БРП(к).
[15] Мануильский Дмитрий Захарович (1883–1959), советский партийный и государственный деятель. В 1924–1943 гг. – член Президиума ИККИ, в 1928–1943 гг. – член секретариата ИККИ. В 1943–1944 гг. – работал в ЦК ВКП(б) и Главном политическом управлении РККА. В 1944–1953 гг. – заместитель председателя Совнаркома (Совета Министров) Украины и нарком (министр) иностранных дел Украины. 1946–1953 гг. – заместитель председателя Совета министров Украины.

[16] Коминтерн и Вторая мировая война. Ч. II: после 22 июня 1941 г. – М., 1997. – С. 57–65.
[17] *Ломагин Н.А.* Неизвестная блокада. Кн. 2. – СПб.; М., 2002. – С. 395–397.
[18] См.: ЦА ФСБ России. Ф. 4 ос. Оп. 1. Д. 4. Л. 1103–1115.
[19] См.: ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 1. Д. 311. Л. 1.
[20] См.: ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 1. Д. 311. Л. 76.
[21] Вейдлинг Гельмут (1891–1955), немецкий военный деятель; генерал артиллерии (1943). Участник Первой мировой войны. С апреля 1940 г. – начальник артиллерийского штаба № 128 резерва главного командования. После поражения германских войск под Москвой, с декабря 1941 г. назначен командиром 86-й пехотной дивизии. С октября 1943 по июнь 1944 гг. – командир XXXXI танкового корпуса, затем находился в резерве. В августе 1944 г. вновь принял командование XXXXI танкового корпуса, который в составе 4-й армии участвовал в боях в Восточной Пруссии. В начале апреля 1945 г. возглавил LVI танковый корпус. 22 апреля 1944 г. назначен военным комендантом Берлина. Сдался в советский плен 2 мая 1945 г. Умер во Владимирской тюрьме МГБ СССР.
[22] ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 5. Д. 389. Л. 289–292.
[23] См.: ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 4. Д. 913. Л. 149.
[24] См.: ЦА ФСБ России. Ф. 40. Оп. 22. Д. 102. Л. 94,106.
[25] См.: ЦА ФСБ России. Ф. 40. Оп. 22. Д. 102. Л. 207.
[26] См.: ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 4. Д. 1008. Л. 67–69, 74–77.
[27] См.: ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 4. Д. 913. Л. 149–150.
[28] Плотников был арестован особым отделом 49-й сд Донского фронта. См.: ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 4. Д. 913. Л. 149.
[29] Красноармейцы Панков, Яковлев и Звягин были взяты на учет в особом отделе НКВД как антисоветские элементы, факты их антисоветских проявлений документировались См.: ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 4. Д. 913. Л. 149-150.
[30] Постановление ГКО от 13 октября 1942 г. № 2406 о подчинении уполномоченного Особого отдела в полку и начальника Особого отдела соединения командиру части или соединения.
[31] См.: ЦА ФСБ России. Ф. 3 ос. Оп. 9. Д. 15. Л. 296–313.
[32] См.: «Смерш» : Исторические очерки и архивные документы. – М., 2005. – С. 32.
[33] См.: ЦА ФСБ России. Ф. 3 ос. Оп. 9. Д. 15. Л. 313.
[34] См.: ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 4. Д. 913. Л. 151–153.
[35] См.: Великая Отечественная война 1941–1945 гг. (сборник военно-исторических карт). Ч. II. – М., 2004. – С. 55.
[36] См.: ЦА ФСБ России. Ф. 14 ос. Оп. 5. Д. 391. Л. 118–118об.
[37] Цит. по: «Огненная дуга»: Курская битва глазами Лубянки. – М., 2003. – С.31–32. См.: ЦА ФСБ России. Ф. 40. Оп. 28. Д. 29. Л. 70–72.
[38] Цит. по: «Огненная дуга»: Курская битва глазами Лубянки. – М., 2003. – С.174.
[39] ЦА ФСБ России. Ф. 40. Оп. 28. Д. 29. Л. 73–74.
[40] ЦА ФСБ России. Ф. 41. Оп. 134. Д. 10. Л. 112–114.
[41] 10 июля 1943 г. союзные соединения под командованием американского генерала Д. Эйзенхауэра высадились на Сицилии. В операции «Хаски» участвовали 5 британских и 4 американских дивизии, канадские части, 280 военных кораблей, 320 транспортов, 900 больших и 1 тысяча 225 малых десантных судов, 3 тысячи 680 самолетов.
[42] ЦА ФСБ России. Ф. 41. Оп. 16. Д. 17. Л. 185–185об.
[43] ЦА ФСБ России. Ф. 41. Оп. 16. Д. 17. Л. 186–186об.
[44] ЦА ФСБ России. Ф. 41. Оп. 134. Д. 10. Л. 115.
[45] ЦА ФСБ России. Ф. 41. Оп. 134. Д. 10. Л. 137–140об.
[46] ЦА ФСБ России. Ф. 41. Оп. 51. Д. 11. Л. 286–287.
[47] ЦА ФСБ России. Ф. 41. Оп. 110. Д. 122. Л. 132–133.
[48] Орловская наступательная операция Брянского, Центрального и Западного фронтов проводилась 12 июля – 23 августа 1943 г.
[49] ЦА ФСБ России. Ф. 40. Оп. 24. Д. 46. Л. 150–152.

[50] Архив УФСБ России по Орловской области. Ф. 2. Оп. 1. Д. 7. Л. 302.
[51] «Огненная дуга»: Курская битва глазами Лубянки. – М., 2003. – С.58–59.
[52] См.: Архив УФСБ России по Орловской области. Ф. 2. Оп. 1. Д. 7. Л. 456–457. Д. 30. Л. 122–123.
[53] «Огненная дуга» : Курская битва глазами Лубянки. – М., 2003. – С.160–161.
[54] Архив УФСБ России по Орловской области. Ф. 2. Оп. 1. Д. 30. Л. 176.
[55] См.: «Огненная дуга»: Курская битва глазами Лубянки. М., 2003. – С.187.
[56] Архив УФСБ России по Курской области. Ф. 10. Оп. 3. Д. 1. Л. 12–13.
[57] ЦА ФСБ России. Ф. 4 ос. Оп. 1. Д. 12. Л. 181–182.
[58] Архив УФСБ России по Курской области. Ф. 10. Оп. 3. Д. 1. Л. 3–7.
[59] Архив УФСБ России по Орловской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 30. Л. 202.
[60] ЦА ФСБ России. Ф. 14 ос. Оп. 1. Д. 5. Л. 353–366.
[61] ЦА ФСБ России. Ф. 14 ос. Оп. 1. Д. 5. Л. 353–355.
[62] ЦА ФСБ России. Ф. 14 ос. Оп. 1. Д. 5. Л. 358–359.
[63] ЦА ФСБ России. Ф. 14 ос. Оп. 1. Д. 5. Л. 361.
[64] ЦА ФСБ России. Ф. 14 ос. Оп. 1. Д. 5. Л. 366.
[65] ЦА ФСБ России. Ф. 40. Оп. 24. Д. 2. Т. 2. Л. 411.
[66] См.: ЦА ФСБ РФ. Ф. 14 ос. Оп. 1. Д. 6. Л. 28–31, 35–40, 43–44.
[67] ЦА ФСБ России. Ф. 14 ос. Оп. 1. Д. 6. Л. 28–31.
[68] ЦА ФСБ России. Ф. 14 ос. Оп. 1. Д. 6. Л. 29–31.
[69] ЦА ФСБ России. Ф. 14 ос. Оп. 1. Д. 6. Л. 35–40.
[70] ЦА ФСБ России. Ф. 14 ос. Оп. 1. Д. 6. Л. 43–44.
[71] В директивных документах НКВД СССР особое внимание обращалось на ликвидацию «контрреволюционных групп среди бойцов строительных батальонов и лиц, прибывших из Прибалтики, Бессарабии, с территории Западной Украины и Западной Белоруссии». Участников этих групп считали членами буржуазных и фашистских националистических организаций, которые «саботировали оборонные работы, призывали к повстанчеству, высказывали террористические намерения против руководителей ВКП(б) и советского правительства и готовились к переходу на сторону врага».
[72] Цит. по: «Огненная дуга»: Курская битва глазами Лубянки. – М., 2003. – С. 193–194.
[73] См.: ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 4. Д. 913. Л. 154–157.

РАЗДЕЛ 3

Замалчиваемый геноцид: венгерские оккупационные войска на территории Советского Союза

Д-р ВАРГА Ева Мария,
Д-р КРАУС Тамаш,
Будапештский университет им. Л. Этвеша (Венгрия)

Прошло уже 70 лет с тех пор, как руководимая регентом Миклошем Хорти и сражавшаяся на стороне нацистской Германии, в результате донского прорыва Красной армии, Венгрия оказалась на пороге военного краха. И всё же возникает вопрос: знаем ли мы историю этой войны? Точнее: хотим ли знать её правдивую историю или же намерены по-прежнему лишь «дозировать» истину маленькими порциями? Несмотря на то, что за прошедшие семь десятилетий увидело свет множество разных книг и статей, мемуаров и научных исследований, «венгерская глава» Второй мировой войны, касающаяся почти трёхлетней оккупации советских территорий, даже в кругу специалистов остаётся практически неизвестной[1].

Общеизвестный факт, что 27 июня 1941 г. руководство Венгрии, находясь под психологическим и политическим воздействием территориальной ревизии, осуществлённой в результате т.н. Венских арбитражей, не дожидаясь просьбы Гитлера, начало войну против СССР, в ходе которой венгерские войска около трёх лет вели военные действия на советской территории. Первые оккупационные отряды были сформированы из солдат Карпатской группы, первоначально предназначавшейся для использования на фронте и задержанной немецким военным руководством до осени 1941 г. На смену Карпатской группе венгерское политическое руководство предложило для ведения оккупационной деятельности 5 бригад, надеясь тем самым предупредить дальнейшие требования немцев. 121-я и 124-я бригады были переброшены в Проскуров и Винницу, а 102-я, 105-я и 108-я бригады – в Бердичев. Главной задачей наступающих войск было преследование отступавших частей Красной армии до самого Днестра с одновременным прикрытием немецких и румынских частей. Командующим этими наступающими войсками был назначен генерал-лейтенант Ференц

Сомбатхеи (позже ставший начальником Генерального штаба в звании генерал-полковника). В течение нескольких дней в состав Карпатской группы, перешедшей границу 28 июня, входил и Мобильный корпус, который, однако, вскоре был передан в подчинение немецкой группы армий «Юг». 6 октября 1941 г. в Виннице было создано Командование венгерской оккупационной группы, в распоряжении которого к февралю 1942 г. находилось уже 5 дивизий и несколько более мелких подразделений общей численностью приблизительно в 40 тысяч человек. Численность дивизий поначалу едва превышала численность усиленных полков. С 5 февраля 1942 г. до мая 1943 г. венгерские оккупационные войска, растянувшиеся по увеличившейся линии фронта, находились под контролем Командования западной оккупационной группы и Командования восточной оккупационной группы, в то время как Верховное командование еще 17 января 1942 г. было размещено в Киеве.

Западная группа (121-я и 124-я пехотные бригады) действовала к западу от Днепра в относительно спокойных условиях. Зато восточная группа (102-я, 105-я и 108-я пехотные бригады)[2] в районе Чернигова, Брянска и Курска с самого начала вступила в бои с крупными партизанскими отрядами[3]. Командирами и руководителями этих частей стали такие известные в своё время генералы и старшие офицеры, как, например, генералы Карой Богани, Силард Бакаи, Дежё Ласло, Золтан Алдя-Пап, Золтан Шомлаи, полковник Шандор Захар и другие.

Документы судебных процессов приподнимают завесу молчания

С точки зрения изучения интересующей нас тематики необыкновенно важны хранящиеся в Центральном архиве ФСБ России материалы судебных процессов 1947 г. над Алдя-Пап, Золтаном Шомлаи и их сообщниками. В фонде уголовных дел Центрального архива ФСБ России хранится около 30 тысяч следственных дел в отношении лиц, служивших в армиях гитлеровской Германии и её союзников, в отрядах особого назначения, в частях по поддержанию порядка и оккупационных войсках. Во время войны и после неё эти лица были осуждены за преступления против мира и человечности, за насилие над военнопленными и гражданским населением, шпионаж, незаконное хранение оружия и иные преступления[4]. Публикация этих источников началась лишь в последние годы[5].

Компетентные советские государственные органы провели активную и широкую работу по выявлению и разоблачению военных преступников и помогавших им лиц. Золтана Алдя-Пап и его пособников обнаружили в советском лагере для военнопленных[6], а Силард Бакаи,

Золтан Шомлаи и его сообщники были найдены в Венгрии. Несмотря на то, что Бакаи и сам признал[7], что воинские части, находившиеся под его командованием, совершили военные преступления, в 1992 г. в условиях политической и правовой неразберихи ельцинских времен Бакаи был реабилитирован, хотя это, вероятно, не последнее слово, сказанное историей.

В сентябре 1947 г. Совет министров СССР принял постановление о проведении новых публичных процессов над бывшими военнослужащими враждебных армий. В ходе выполнения этого постановления перед судом предстали 143 человека (в том числе 23 генерала, 78 офицеров и 37 унтер-офицеров и рядовых, по национальности 117 немцев, 13 венгров, 7 румын и 1 австриец). 138 из них были осуждены как военные преступники[8].

Осенью 1947 г. военный трибунал Черниговской области заслушал дело 16 иностранных граждан (13 венгров и 3 немцев), обвинённых в совершении военных преступлений, перечисленных в 1-й статье Указа Президиума Верховного Совета от 19 апреля 1943 г. Публичный судебный процесс состоялся 17–25 ноября 1947 г. в кинотеатре им. Н.А. Щорса. Девятидневное судебное заседание было увековечено для потомков. Обвиняемым были назначены адвокаты. За совершение преступлений на оккупированных территориях венгерские генералы – генерал-лейтенант Золтан Алдя-Пап, генерал-майоры Ласло Сабо, Иштван Бауман, Дёрдь Вуковари и Геза Эрлих, полковники Шандор Захар, Ференц Амон, Бела Шафрань, Миклош Мичкеи и Тивадар Секей, майоры Ласло Шипрак и Дёзё Бердефи, а также подполковники Бруно Баиер и Стефан фон Тюльф, командир военного округа Генрих Дросте и гонвед Йожеф Борош – были приговорены к 25 годам заключения в исправительно-трудовых лагерях[9]. Один из обвиняемых, генерал-лейтенант Золтан Алдя-Пап, с самого начала признал свою вину и даже отказался от возможности подать апелляцию[10]. Осуждённые были отправлены в лагеря Воркутлага[11].

В ходе розыска военных преступников компетентные советские органы работали в тесном контакте с венгерскими властями[12]. 18 февраля – 23 июля 1947 г. Управлением контрразведки советского Будапештского военного гарнизона были найдены и подвергнуты предварительному заключению генерал-майор Золтан Шомлаи, подполковники Шандор Райтер и Ласло Варга, прапорщик Йожеф Темеши, старший лейтенант Иштван Пружински и капитан Иштван Тот[13]. По окончании войны венгерские власти также возбудили дело против указанных выше лиц. В августе 1946 г. органы венгерской государственной полиции арестовали Золтана Шомлаи, Ласло Варгу, Йожефа Темеши и Иштвана Тота по подозрению в совершении военных преступлений. Их дело

разбиралось в Будапештском народном суде, который в приговоре, оглашённом 21 декабря 1946 г., оправдал обвиняемых за отсутствием доказательств. Генеральный прокурор обжаловал этот приговор во Всевенгерском совете народных судов, где, однако, дело было «отложено в долгий ящик», а его копия вскоре попала в руки компетентных советских органов[14]. Следствие проводилось Управлением контрразведки Центральной группы советских войск[15]. Закрытый процесс над обвиняемыми состоялся 9 сентября 1947 г. в военном трибунале Центральной группы войск в австрийском городе Бадене (близ Вены), приговор и в этом случае предусматривал заключение в исправительно-трудовых лагерях сроком на 25 лет[16].

Отдельная проблема состоит в том, что за неимением необходимых архивных материалов пока невозможно точно описать процесс розыска венгерских военных преступников советскими органами. На основании разрозненных данных можно предположить, что компетентные советские органы вели розыск в нескольких направлениях. Вероятно, работники контрразведки 2-го и 3-го Украинских фронтов[17] прибыли в Венгрию со списками, на основании которых они постарались отыскать венгерских военных и политических руководителей, заподозренных в совершении военных преступлений. При составлении списков они получили помощь не только от находившихся в Венгрии политиков-коммунистов, но и от Временного правительства Венгрии[18].

В донесении Сталину от 13 августа 1945 г. Абакумов отметил, что важнейшей частью работы военных контрразведчиков был розыск военных преступников, против которых было возбуждено судебное дело[19]. Параллельно с этим серьёзная оперативная деятельность по розыску лиц, участвовавших в совершении преступлений на оккупированных территориях, веласьи в советских лагерях для военнопленных. Конечно, и в том и в другом случае использовались списки имён, которые были составлены на основании протоколов, подготовленных центральным и местными органами Чрезвычайной государственной комиссии (ЧГК). Помимо этого, очень важную информацию о зверствах, совершённых на оккупированных территориях, предоставляли лица, отбывавшие трудовую повинность в составе венгерской армии и взятые в плен советскими войсками или во многих случаях добровольно переходивших на сторону Красной армии.

После принятия в Российской Федерации закона № 1761-1 от 18 октября 1991 г. «О реабилитации жертв политических репрессий» органы прокуратуры пересмотрели практически все архивные уголовные дела, касающиеся иностранных граждан. Согласно постановлениям Главной военной прокуратуры Российской Федерации от 3 октября 2002 г. и от 30 июля 2003 г. привлечение к уголовной ответственности

Алдя-Пап и 15 других лиц, а также Шомлаи и 5 других лиц было признано обоснованным и законным, не подпадающим под действие закона о реабилитации[20]. Осуждённые генералы, офицеры и солдаты служили в составе оккупационных частей, выполнявших именно охранные и карательные задачи. Упомянутые командиры позже дали во многом правдивую оценку сущности порученных им обязанностей.

Осуждённый за совершение военных преступлений полковник Бела Шафрань в ходе состоявшегося в 1947 г. процесса над Алдя-Пап очень точно охарактеризовал деятельность Восточной оккупационной группы: «Восточная оккупационная группа, в которую входил и мой 251-й полк, выполняла охранные и полицейско-карательные функции на захваченной территории Украины и Белоруссии. Правительство Хорти возложило на нас эти позорные функции по приказу Гитлера с тем, чтобы освободить от оккупационной службы немецкие войска и их целиком бросить в бой против Советской армии»[21]. А начальник штаба выполнявшей карательные задачи 105-й дивизии Шандор Захар дал следующую оценку: «Адмирал Хорти и генерал Сомбатхейи получали от Гитлера указания самыми жестокими методами репрессий проводить оккупационный режим на захваченной немцами территории Украины; применять любые карательные методы для того, чтобы устрашить население, заставить его подчиниться немцам, установить полный порядок в тылу немецких войск и обеспечить охрану немецких коммуникаций. Венгерские войска должны были обеспечить выкачку из оккупированных советских районов необходимого для германской армии продовольствия, сырья и рабочей силы для германской промышленности. Указания, полученные от Гитлера адмиралом Хорти и генерал-полковником Сомбатхейи, легли в основу всей нашей дальнейшей оккупационной службы на Украине»[22].

«Венгерский порядок» был установлен не только на Украине, он распространялся на Брянскую, Курскую и Воронежскую области России, а также на значительные районы Белоруссии, то есть на территории, во много превосходящие территорию Венгрии. С осени 1941 г. венгерские войска выполняли функции оккупационных сил на более 0,5 млн км^2 территории СССР. Эти войска составляли около 20–25% общей численности немецких оккупационных войск.

Летом 1943 г. численность венгерских оккупационных войск превысила 90 тысяч человек[23]. На востоке венгерские войска, конечно, включая сражавшиеся на фронте части 2-й венгерской армии, достигли донских плацдармов в Урыве, Коротояке и Щучьем. Таким образом, в течение почти трёх лет несколько сотен городов, сёл, хуторов стали полем деятельности венгерских вооружённых сил.

Конечно, более точное описание всех элементов вырисовывающегося геноцида потребует дальнейших серьёзных исследований. Архивные документы раскрывают потрясающие подробности, систему и «точный механизм» того процесса, в ходе которого венгерские солдаты в качестве сообщников немцев и военных других национальностей с буквально невообразимой жестокостью физически уничтожили ныне пока ещё точно не определимые массы советского гражданского населения, главным образом, стариков, женщин, детей и военнопленных.

Немцы и украинцы, венгры и румыны, итальянцы и финны, латыши и литовцы – таков далеко не полный перечень тех национальностей, из представителей которых состояли войска и вооружённые отряды, осуществившие самый крупный во всемирной истории геноцид, сопровождавшийся наибольшим количеством жертв. Таким образом, в геноциде на оккупированных территориях СССР, жертвами которого в конечном итоге стали около 13,7 млн человек, то есть более чем в 1,5 раза больше, чем погибших советских солдат (а ведь это тоже ужасная цифра – 8 млн человек), участвовали и несколько десятков тысяч венгерских солдат[24]. В то же время мы знаем, что невозможно создать иерархии народов ни по культурному, ни по моральному признаку. Такие иерархии конструируются только в рамках расистских «теорий», история которых не случайно сопровождается историей геноцидов.

Разумеется, венгерский аспект этой истории может считаться венгерским лишь относительно, ведь, как показывают документы, венгерские силы «по поддержанию порядка», «карательные» дивизии, батальоны и роты всё время действовали сообща с немцами или под немецким контролем, что определённо выразилось в образе действий венгров. По свидетельству источников, даже часть переживших оккупацию советских граждан, свидетельствовавших о происшедшем, не всегда могли отличить друг от друга немцев и венгров. Однако это не означает, что на многих территориях, во многих населённых пунктах убийства совершались венгерскими силами по «поддержанию порядка» не в рамках самостоятельных акций. Из протокола ЧГК от 16 марта 1945 г., в котором обобщается ущерб, нанесённый фашистскими оккупантами в Черниговской области, выясняется, что лишь в одной этой административной единице Украины немецкие и венгерские «каратели» (по терминологии документальной повести умершего в 1994 г. известного белорусского советского писателя Алеся Адамовича) убили приблизительно 103 тысячи мирных граждан и более 24 тысяч военнопленных[25].

Не случайно, что и местное русское (и нерусское) население тоже сохранило в памяти «деяния венгров», и молодые, и старики по сей день напоминают о них приезжающим в эти края венгерским ученым

и туристам[26]. Конечно, историки главным образом опираются не на эту память. Важнее всего документы, свидетельства, появившиеся по свежим следам событий.

В России общеизвестно, что составление и сбор документов, касающихся геноцида и причинённого войной ущерба, в СССР было осуществлено местными, областными и всесоюзными органами Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причинённого ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (далее – ЧГК). Ещё в ходе войны союзники достигли соглашения о расследовании преступлений, совершённых нацистами и их пособниками, однако первая комиссия по расследованию этих преступлений была создана именно в СССР[27].

Десятилетия замалчивания

Эти документы не случайно «покоились» в течение долгих десятилетий в глубине архивов, как не случайно и то, что в начале 2000-х гг. они в большом количестве были «извлечены» оттуда на свет божий. В отличие от современной Германии, государства-правопреемники держав, которые в качестве союзников, коллаборантов нацистской Германии напали на СССР, осуществляют своего рода *пересмотр истории*, распространившийся почти на весь восточноевропейский регион. Этот пересмотр с различной интенсивностью протекает практически со времени смены общественного строя.

Создаётся впечатление, что определённые группировки новых властных элит пытаются задним числом выиграть Вторую мировую войну! В соответствии с этим в прибалтийских государствах, Румынии, у нас, в Венгрии, да и на Украине идёт «отмывание грязного белья» под знаком политики, служащей легитимации нации и государства, делаются попытки оправдать действия регулярных военных отрядов и организаций, зверствовавших на советской территории.

В Венгрии на государственные средства ведётся пропагандистская кампания по героизации армий, принимавших участие в нападении на СССР и продолжавшемся почти три года ограблении и физическом уничтожении мирного населения. Однако возникает законный вопрос: почему архивные документы, со всей очевидностью доказывающие осуществление геноцида, страшных преступлений, совершённых армиями малых восточноевропейских стран, нацистскими коллаборантами, до сих пор были недоступны?

В эпоху государственного социализма в Венгрии – под влиянием советской опеки – с 1948 г. практически замалчивалась вся сложная и страшная история военных преступлений, которая замещалась несколькими общими критическими замечаниями в адрес «хортистского фашизма». Это имело многообразные причины. После Нюрнбергского процесса и спада первой волны наказаний военных преступников в СССР вся проблематика массового уничтожения населения, от Холокоста до всеобщего геноцида на советских территориях и деятельности венгерских, итальянских и румынских войск, а также прибалтийских и украинских карательных отрядов, внезапно сошла с повестки дня.

Эпоха замалчивания наступила под влиянием серьёзных причин. В исторических работах особое внимание уделялось тому, что характер и масштабы геноцида вызвали в советском обществе глубокий психологический шок, который советское руководство постаралось смягчить «обычным» способом – «лучше не говорить об этих ужасах». Другая причина крылась в отношениях с новыми союзниками, в попытке свести до минимума конфликты, которые могли бы возникнуть на этой почве[28].

В СССР вообще интересовались прежде всего немецкими военными преступниками, имевшими значение для разоблачения «немецких реваншистов» и их американских «империалистических союзников». Вся проблематика геноцида против советского населения стала жертвой мелочных, близоруких политических расчетов. Всё это служило прежде всего задаче «умиротворения» и интеграции новых, прибалтийских республик СССР и его новых восточноевропейских союзников в соответствии с соображениями советской внешней и внутренней политики. Этот союз, а также цели государственного строительства требовали укрепления положения местных коммунистических властей, что, в свою очередь, предполагало достижение компромисса и сосуществования с местным национализмом.

Первым шагом в розыгрыше (в определённых пределах) «националистической карты», первой «уступкой» такого рода было предание забвению, замораживание «порождающего в народе разногласия» вопроса о военных преступлениях (в то время как для других областей политической жизни было характерно как раз пренебрежение национальными особенностями и чувствами). В целом всё это можно назвать табуированием на долгое время тематики геноцида, судьбы военнопленных и т.д. Частью этой «популистской» тактической игры было и то, что Сталин вычеркнул имя Миклоша Хорти из списка военных преступников и позволил ему бежать в Португалию, руководствуясь ошибочным предположением, что Хорти сохранил свою популярность, и его осуждение может затруд-

нить положение местных коммунистов и их советских союзников в Венгрии[29]. В Венгрии при режиме Ракоши искажённая форма «национального примирения» проявилась и в известном факте принятия «рядовых нилашистов» в члены коммунистической партии. Конечно, позже важную роль в замалчивании событий геноцида сыграло и венгерское восстание 1956 г. Проводимая Кадаром после подавления восстания политика консолидации, новая фаза антисталинистской политики «национального примирения», прагматическая политика «народного фронта», избранная венгерским руководством, на долгие десятилетия затормозила научно обоснованный процесс реального национального самопознания[30].

В 1960–1970-х гг. в СССР лишь изредка публиковались архивные источники, касающиеся зверств, совершённых венгерской армией, прежде всего т.н. сил по поддержанию порядка. Например, на русском языке было опубликовано несколько документов, свидетельствовавших об участии венгерских солдат в Холокосте и физическом уничтожении советских военнопленных[31], однако не вызвало серьёзных откликов ни в обществе, ни в печати. В эпоху Кадара венгерские историки в духе «союзнической политики» не спешили сообщить об этих событиях, возможно, и потому, чтобы не нужно было заниматься реакцией советских войск, преступлениями, совершёнными советскими солдатами при освобождении Венгрии, да и вообще – историческими фактами, «подрывающими социалистическое национальное единство». Такое «стыдливое» отношение к историческим фактам было заметно ещё при Ракоши, после 1948 г., хотя именно сам партийный руководитель во время войны писал статьи, основанные на документах ЧГК, хотя и без конкретной ссылки на них[32].

Между прочим, до самого последнего времени замалчивание применительно к Венгрии действовало и в России, по принципу «в интересах примирения не следует обременять наши отношения с этими странами новыми проблемами», то есть документами такого типа.

Кроме того, нелёгкое наследие замалчивания было ещё более отягощено абсурдным политическим трюком осуществившего смену общественного строя ельцинского режима[33], который в интересах поддержания «хороших отношений», а также демонстрируя всему миру свою «правовую чувствительность», реабилитировал военных преступников, в том числе и венгров, например, казнённого Силарда Бакаи, который был главнокомандующим Восточной венгерской оккупационной группой. В Венгрии этот развернувшийся после смены общественного строя процесс реабилитации дошёл до того, что военные преступники реабилитировались даже во время правления «социалистическо-либеральной» коалиции. Всё это лишь подлило

масла в огонь пробуждающегося в маленьких восточноевропейских государствах реакционного русофобского и антисемитского национализма, известного по периоду между двумя мировыми войнами и возрождающегося в наши дни. Однако фальсификации, нацеленные на «строительство нации», на обеление роли страны в войне и очернение памяти героев Великой Отечественной войны, «выманили» из российских архивов документы о военных преступлениях[34]. Доводы, доказывающие, что раскрытые таким образом факты могут быть использованы с теми или иными целями в качестве политического средства, верны. Но верно и то, что, чем многообразнее добытые из архивов исторические материалы, тем труднее установить политический контроль над научной областью, в которой, между прочим, неизбежно сталкиваются различные политические интересы.

Упомянутые выше усилия современных венгерских официальных кругов направлены на «обеление»[35] исторической роли хортистских оккупационных войск, воевавших в союзе с нацистской Германией. Однако эти попытки имеют под собой зыбкую почву, ведь в своё время даже сам Геббельс презрительно отзывался о роли венгров. Имевшаяся у Геббельса информация основывалась на непосредственном фронтовом опыте, о котором немецкие офицеры сообщали в Германию[36]. В этой связи стоит привести запись в дневнике Геббельса от 19 мая 1942 г., касающуюся партизанской войны в Брянской области: «В южной части этого региона венгерские элементы сражаются в очень трудных условиях. Им нужно теперь занимать и умиротворять одну деревню за другой, и это не слишком конструктивное дело. Когда венгры докладывают, что они "умиротворили" ту или другую деревню, это, как правило, означает, что ни одного жителя там не осталось. Это, в свою очередь, для нас значит, что мы едва ли сможем выполнять какие-нибудь сельскохозяйственные работы на такой территории»[37].

В наши дни о том, что творили венгерские солдаты на советских территориях, по-прежнему пишут лишь немногие венгерские историки[38]. Регулярно публикует работы по этой тематике только Кристиан Унгвари, пользующийся немецкими источниками[39]. Однако при этом он оправдывает нацистских (немецких и венгерских) охотников на партизан и саму охоту на партизан, сопровождавшуюся преступлениями против мира и человечности, делает вид, что преследование советских партизан, защищавших от оккупантов свои дома, землю, семьи, страну, велось вермахтом и СС на какой-то международной правовой основе.

С самой первой минуты, когда вермахт без объявления войны напал на СССР, он никогда не соблюдал на советской территории никаких норм международного права[40]. В Венгрии, как и в некоторых других странах, распространено предвзятое мнение, что немцы и их союзники убивали

военнопленных и взятых в плен партизан, потому что СССР не подписал Женевскую конвенцию. К этому обычно «забывают» добавить, что в действительности СССР принял предписания международного права относительно обращения с военнопленными. СССР действительно не подписал в 1929 г. новую Женевскую конвенцию, но ратифицировал другую, заключённую в то же время конвенцию об улучшении участи раненых и больных в действующей армии. Тем самым СССР продемонстрировал, что в случае войны он намерен придерживаться норм международного права[41]. С другой стороны, венгерский автор не понимает, что на советских территориях вермахт никогда не соблюдал никаких законов, вытекавших из международного права того времени, участвовал в геноциде против советского народа, уничтожении военнопленных и в Холокосте. Нацисты считали СССР «несуществующей страной», чего не скрывал и Геббельс[42]. Это была логика тотальной войны, которой нацисты следовали только на Восточном фронте. Так развеивается опирающийся на псевдоправовые аргументы миф, оправдывающий вермахт и охоту на партизан.

Подчинение научной критики источников задачам идеологической борьбы, дискредитирующей СССР или сталинскую администрацию, приводит к грубой политизации прошлого; опирающаяся на политическую конъюнктуру критика «коммунизма» часто приводит к оправданию политических сил, которые в действительности заинтересованы, с одной стороны, в затушёвывании нацистского прошлого, истории геноцида и отождествлении «коммунизма и фашизма», а с другой стороны, в воскрешении старого национализма. На место *замалчивания* приходит нередко явно дилетантский пересмотр истории с *псевдоправовой* точки зрения, что в конечном счёте также приводит к замалчиванию, больше того, отрицанию факта геноцида.

Некоторые российские либеральные авторы, опасаясь того, что документальное доказательство и «признание» геноцида служит российским великодержавным устремлениям, одновременно, быть может, невольно, содействуют укреплению этнонационалистического культа в малых государствах. Конечно, «окончательное» мнение в связи с опирающейся на данные ЧГК оценкой материального ущерба, нанесённого СССР, может быть составлено лишь на основе дальнейшей последовательной критики источников.

В России тоже существует критическое направление, представители которого вместо анализа содержания источников прибегают к формальному и неисторичному приёму применения к военному и послевоенному периоду правового подхода, характерного для нашего времени. Никита Петров дискредитирует деятельность ЧГК прежде всего утверждением, что она была пропагандистским средством

в руках сталинского руководства[43]. Однако это утверждение само по себе достаточно бессодержательно, ведь в СССР не было государственного органа, так или иначе не связанного с властными структурами партии. Это обстоятельство вовсе на затрагивает достоверности документов ЧГК. Можно утверждать, что значительная часть этих документов непригодна для проведения современного судебного разбирательства, т.к. свидетели во многих случаях не смогли определить, солдаты какой части убили их родственников или ограбили их населённый пункт, однако это не меняет того факта, что нацисты и их пособники всё же убили их родственников и угнали их скот.

Петров недоволен тем, что в результате «пробелов» в свидетельских показаниях ответственность механически возлагалась на руководство немецкой армии и военной администрации[44]. Российский автор, стоящий на позиции презентизма, забывает о том, что в военное время, когда возможности определения ответственности за преступления резко сужаются, особенно возрастает роль командиров, которые одни располагают правом и возможностью обуздать и дисциплинировать своих солдат. В качестве примера можно упомянуть случай осуждённого и, конечно, не реабилитированного генерала Шомлаи, который в ходе судебного процесса признал все преступления, но возложил всю ответственность за убийства в селе Орлия на своих подчинённых.

Конечно, документы ЧГК могли и могут служить средством любой пропаганды, однако их достоверность делает их незаменимыми историческими источниками для учёных, поскольку они предоставляют конкретные и неопровержимые доказательства геноцида.

Проблема ответственности в историческом контексте

Много лет назад известный венгерский историк Дюла Юхас точно и достоверно описал то, как венгерская концепция ведения войны быстро и неоднократно терпела фиаско, а хортистская властная элита одновременно с этим роковым образом изолировала Венгрию от остального мира. С июня 1941 г. суть этой военной концепции состояла в том, что Венгрия должна принимать участие в войне малыми силами, не принося в жертву большую часть своих вооружённых сил и сохраняя их на конец войны. Поскольку этот план быстро провалился, провалилось и намерение не посылать венгерские части на фронт, поручая им оккупационные функции и сохраняя таким образом венгерские вооружённые силы. Такой подход привел к тяжёлым последствиям, поскольку охота на партизан, управление оккупированными территориями и «поддержание порядка» на этих территориях произвели

на международное сообщество, быть может, даже ещё более негативное впечатление, чем деятельность фронтовых частей. По сравнению с Румынией Венгрия послала на Восточный фронт гораздо меньше войск, но поскольку их главной задачей было «умиротворение» гражданского населения, их деятельность вызвала гораздо более сильное раздражение и презрение у Сталина и других советских руководителей[45].

Однако в современной Венгрии уже не приходится удивляться искажению исторической правды, ведь события наших дней, вызвавшие скандал и за пределами Венгрии, свидетельствуют о складывании нового культа Хорти. «Отмывание грязного белья» доходит до того, что сомнению подвергается даже информированность Хорти в военных вопросах, как будто не он был верховным главнокомандующим венгерскими вооружёнными силами.

Можно ли серьезно представить, что Сталин (и Геббельс) знали о массовых убийствах, совершённых венгерскими солдатами на Украине, в России и Белоруссии, а Хорти не имел о них никакого понятия? Конечно, это опровергается самим Хорти, который назначал армейских командиров и имел решающий голос при обсуждении стратегических и тактических вопросов.

В ходе процесса над Алдя-Пап в показаниях генералов и офицеров неоднократно упоминалось об информированности Хорти и его решающей роли в организации оккупационных сил и особенно в подборе их командного состава. Документы процесса над Золтаном Алдя-Пап проливают яркий свет на ответственность венгерского военного руководства, отдельных генералов, офицеров и солдат, в том числе и главнокомандующего Миклоша Хорти, в уничтожении и ограблении мирных советских граждан. Например, во время допроса начальника штаба оккупационной группы, офицера Генштаба Шандора Захара, состоявшегося в Чернигове в ноябре 1947 г., допрашиваемый, отчасти защищая честь мундира, старался обнаружить единственный источник зла в немцах. По его мнению, Хорти и Сомбатхеи плясали под дудку Гитлера. Сам Захар и его командиры пользовались этими указаниями при планировании карательных мер[46].

К 1943 г. было собрано уже множество документов, свидетельствовавших о пытках и уничтожении многих десятков и сотен тысяч ни в чём не повинных женщин, детей и стариков, а также пленных красноармейцев. Немцы и их сообщники расстреляли, повесили и заживо сожгли сотни тысяч, более того, миллионы людей, сожгли сотни сёл и деревень, в огромных масштабах изобретали и применяли невообразимые для нормального человека виды мучительной смерти.

Характер и масштабы преступлений

В ходе установления «нового порядка» на украинских, русских и белорусских территориях венгерские оккупационные войска, подчинённые вооружённым силам нацистской Германии, создали режим убийств и насилия, суть которого изложена в известном приказе № 10 венгерского Генерального штаба[47]. Несмотря на невразумительную «освободительную» пропаганду[48], граница между борьбой с партизанами и устрашением населения оккупированных территорий оказалась размытой уже в документе, изданном в апреле 1942 г.[49], не говоря уж о практических действиях. В этом документе, составленном в 4-м отделе Генштаба венгерской армии, однозначно говорилось: «Вслед за поражением партизанских отрядов должно последовать самое неумолимое и безжалостное возмездие. Нет места снисхождению. Немилосердная жестокость у всякого отнимает охоту, чтобы впредь присоединиться к партизанам или поддерживать их; сами же партизаны милосердие и жалость могли бы принять за слабость. Взятых в плен партизан, подвергнув, в случае нужды, допросу, тут же на месте надо прикончить (расстрелять), либо для устрашения где-нибудь в ближайшем селе надо публично повесить. Также мы должны поступать и с разоблачёнными, попавшими в наши руки помощниками партизан»[50]. В документе даже содержится похвальба в связи с тем, что из-за своей жестокости венгры пользуются у местного населения худшей репутацией, чем немцы. Местные жители говорили: «Партизаны, будьте очень осторожны там, где находятся венгры, потому что венгры ещё более жестоки, чем немцы»[51]. Из-под пера генерал-майора Отто Абта вышел и следующий недвусмысленный приказ. В приложении № 16 к IV главе постановления № 7400/ММ. А. 1942 О. Абт писал: «Во многих случаях необходимо и устрашение. Например, истребление всего мужского населения»[52]. Здесь же партизанами или связными партизан считаются даже дети: В III главе приложения № 16 содержится указание: «Нельзя проявлять снисходительности даже к совсем маленьким детям, потому что, как правило, они – связные партизан»[53].

Сам язык документа, отражавшего точку зрения венгерского Генштаба, коренился в нацистской расовой теории, отражал гитлеровский топос, объявлявший русских и евреев людьми низшей расы. В разделе «Информирование и ориентировка населения» можно было прочитать следующее: «2. Украинский народ в расовом отношении не тождественен с русским, значит, он не может вести одинаковую с ним политику. Славянская кровь украинцев сильно перемешана с кровью туранских и германских народов. Вследствие этого они (украинцы) более разумны, более сильны, ловки и жизнеспособны, чем русские. В расовом отношении и вследствие своих способностей они стоят на-

много ближе к западным культурным народам, чем к русскому. При новом европейском порядке украинцев ждёт важное призвание. В противовес этому русские одинаково при царском, и при красном режиме веками только лишь угнетали и эксплуатировали украинский народ и не давали ему возможности осуществить свои стремления, а также чаяния к культуре и цивилизации. Они могут найти для себя лучшее и более счастливое будущее только на стороне держав оси»[54]. Весь текст пропитан цинизмом геббельсовой пропаганды, ненавистью к «жидо-коммунистическому господству» и идеологией расового антисемитизма. В этой связи имеет смысл процитировать следующий отрывок: «Каждый еврей – независимо от пола и возраста – за партизан! Еврейство, оставшееся на захваченной территории, боясь преследования со стороны украинского населения, вначале искало убежища за городскими стенами. Однако когда загорелось пламя партизанского движения, большинство 14–60-летних евреев-мужчин, руководимое непримиримой ненавистью, питаемой к державам оси, стали искать и находили убежище у партизан, скрывающихся в глубине лесов и в болотах. К этой группе принадлежат также те евреи, военнопленные, которым удалось скрыть свою национальность, ввести в заблуждение немецкое командование; выдав себя за украинцев»[55].

Тем временем уже осуществлялся Холокост, хотя при учёте жертв в СССР почти никогда не регистрировалась их национальность. Однако из исторической литературы известно, что к тому времени, к весне 1942 г., нацисты и их пособники уже уничтожили основные массы украинских и прибалтийских евреев, намного более 1 млн человек. Из документов выясняется, что венгерские части приняли участие и в ликвидации советских евреев, причем прежде всего играли активную роль в розыске, задержании и ликвидации евреев, спасавшихся от уничтожения, а также в передаче евреев немцам. В приложении № 16 к печально известному приказу № 10 значилось: «Евреи не могут оставаться в зоне деятельности 2-й армии. После прибытия (вступления) в какое-либо село или город их необходимо немедленно собирать и передавать в ближайшие немецкие жандармские комендатуры. [...] Полное уничтожение евреев является нашим первостепенным интересом»[56].

Повторяемость этого явления можно проследить не только на основе советских документов, но и по до сих пор скрытым материалам послевоенных венгерских процессов, хранящимся в Историческом архиве служб государственной безопасности (венгерская аббревиатура ÁBTL). В качестве примера приведем цитату из такого рода документа: «старший лейтенант Ласло Чаба: в ноябре 1941 г. на Украине принимал участие в сборе и казни эсэсовцами 400 евреев. Во время казни подчинённые названного лица обеспечивали её прикрытие»[57].

Необходимо отметить, что для идеологической базы венгерского военного присутствия характерно, что плакаты и листовки местных венгерских военных и административно-гарнизонных комендатур также обращались к местному населению и красноармейцам в духе расизма, национальной вражды, антисемитизма и нацизма[58].

В венгерской исторической литературе, посвящённой роли венгров в войне, не говорилось и о том, что наши военные подразделения наравне с немцами участвовали в строительстве и охране концентрационных лагерей для советских военнопленных, в их пытках и физическом уничтожении. В качестве примера упомянем, что «в 1943 г. при отступлении из Чернянского района Курской области мадьярские воинские части угоняли с собой содержащихся в концлагере 200 человек военнопленных бойцов Красной армии и 160 человек советских патриотов. В пути следования фашистские варвары всех этих 360 человек закрыли в здании школы, облили бензином и зажгли. Пытавшихся бежать расстреливали»[59].

Массовое уничтожение гражданского населения не следовало непосредственно из идеологического основ, оно вытекало прежде всего из того, что, с одной стороны, в борьбе с партизанами население рассматривалось как заложник, а с другой стороны, ограбление местных жителей представлялось естественной предпосылкой «выживания»[60]. Прежде всего именно этими двумя факторами объясняется поразительно большое количество жертв. Особенно важным документом является сообщение ЧГК от 28 марта 1945 г., посланное 23 июня 1945 г. Европейским отделом НКИД СССР маршалу К.Е. Ворошилову, председателю Союзной контрольной комиссии в Венгрии[61]. Заставляет задуматься тот факт, что лишь в нескольких районах Черниговской области венгерскими войсками было убито почти 40 тысяч мирных советских граждан: «1. Гремячский, 2. Городнянский, 3. Корюковский, 4. Менский, 5. Новгород-Северский, 6. Понорницкий, 7. Сосницкий, 8. Семеновский, 9. Михайло-Коцюбинский, 10. Холменский, 11. Щорский и 12. Черниговский районы были ареной, где расправу над населением чинили исключительно венгры. На этих территориях было убито и замучено 38 611 советских граждан и 12 159 человек угнано в рабство»[62]. Центром массовых расправ был город Щорс, где в тюрьмах, парках и лесах в сопровождении страшных пыток было казнено много тысяч человек, брошенных в огромные ямы, выкопанные самими обречёнными на смерть людьми. «Массовые расстрелы производились в Щорском городском парке, где и обнаружено 30 ям-могил, в которых захоронено 3028 человек, и в молодом сосняке, прилегающем к парку (где был пионерский лагерь), обнаружено 20 ям-могил, где захоронено 2250 человек»[63].

Во многих местах наиболее частым видом казни и пытки было сожжение заживо. Жертвами большей частью были старики, женщины и дети, но убивали и грудных детей вместе с кормившими их матерями. А ведь Щорс был лишь одним из многих мест казней.

Массовые захоронения были обнаружены и в других местах. Например, акт от 15 апреля 1943 г.: «Сего числа в логу на территории поля колхоза им. Ворошилова 2-го Сине-Липяговского сельсовета обнаружено в мелко закопанной яме 12 трупов зверски замученных и убитых партизан, партийных и советских активистов нашего района. [...] Эту злодейскую работу означенные выродки проводили по заданию мадьярского коменданта Форкуш, помощника коменданта Лаюша, коменданта жандармского управления Баратх Короля»[64]. Только в городе Кобрин Брестской области было убито 7 тысяч человек; несколько тысяч человек было вывезено на работы в Германию[65]. Особенно часто в этих документах упоминается о зверствах солдат 105-й и 201-й венгерских пехотных дивизий. Многие документы, показания переживших эти события свидетелей с поразительной силой повествуют о множестве убийств, массовых ночных казнях, а также пытках мирных жителей и военнопленных, совершённых в Черниговской, Воронежской, Брянской, Брестской, Курской областях, на берегах и в окрестностях реки Оскол, а в 1944 г. снова на белорусских и закарпатских территориях[66].

Чем можно объяснить массовое и частое сожжение живьём взрослых и детей, массовое изнасилование женщин с их последующим жестоким избиением или убийством? Зачем нужно было уничтожать всех, кто оставался в живых после сожжения населённых пунктов?

Здесь нужно говорить о сложной цепи причин. Во-первых, определяющую роль в этом сыграл чреватый фашизмом авторитарный режим, давший венгерским солдатам моральное, духовное и культурное «воспитание». Имеется ввиду прежде всего упорная и глубокая *расистская и антикоммунистическая индоктринация*, в течение четверти столетия идеологически цементировавшая режим Хорти.

Безусловно, следует упомянуть и непосредственное влияние ближайшего союзника Венгрии, нацистской Германии, ведь немцы были главными организаторами массовых злодеяний. Если же говорить об официальной венгерской идеологии, то на советских территориях однозначно наблюдалось влияние нацистской идеологии. С первой минуты был очевиден грабительский, аморальный характер войны. Из воспоминаний венгерских солдат выясняется, что под влиянием поражения на Дону у многих из них зародилось сомнение: с какой же целью они находятся почти за две тысячи километров от своей родины, в чужой стране, не понимая ни языка, ни чувств местных жителей?

В мемуарах, дневниках и письмах вырисовываются картины мародёрства, грабежа мирного населения, к которому были «причастны» и фронтовые части 2-й венгерской армии[67].

Во-вторых, можно с полным основанием предположить, что к числу причин относится и постепенно охватившее всех чувство, связанное с безнадёжностью войны, с неумолимым приближением смерти, с бессмысленностью происходящего, с «недоступностью» и «непостижимостью» противника, странностью его привычек, с муками совести, страхом совершивших злодейства преступников, с желанием уничтожить свидетелей этих злодейств. К этому нужно добавить *алчность*, возможность свободного грабежа, сознание *безнаказанности*, больше того, стремление преподнести устрашение, терроризирование населения в виде героического мифа, который помогал обосновать все карательные акции. Как известно, на это обращал особое внимание и Хорти. Следует упомянуть и разрушение у солдат всех нравственных препон, осуществлённое также высшим руководством. К тому же кровавая война и сама по себе приглушает в людях, особенно в солдатах, моральные соображения.

В-третьих, чувство *мести*. Во многих документах говорится о том, что кровавые расправы и зверства особенно учащались после крупных поражений. Имеются в виду не только потери, понесённые в борьбе с партизанами, но прежде всего в ходе наступления Красной армии на рубеже 1942/1943 гг., прорыва у Сталинграда и Дона. Прекрасно информированный командир полка Бела Шафрань на допросе 28 октября 1947 г. сформулировал своё мнение так: «По моему мнению, применение Восточной оккупационной группой таких методов, как уничтожение населённых пунктов, расстрел невинных граждан и грабёж населения, объясняется следующими причинами:

1. Приказами, издаваемыми командованием Восточной оккупационной группы, т.е. генерал-лейтенантом Бакаи, и начальником штаба полковником Шандором Захаром, которые требовали применения жестоких репрессивных мер не только против партизан, но и против мирного населения, с тем, чтобы его устрашить и добиться полного послушания немецким властям.

2. На основании изучения личного состава 251-го полка я сделал вывод, что часть солдат была недостаточно обученной, морально разложившейся и старалась использовать оккупационную службу в своих корыстных целях. Другая часть честных солдат, под их влиянием и благодаря попустительству командиров, также разложилась и в результате тоже стала походить на бандитов. Это же самое относится в одинаковой степени и к части офицеров венгерской оккупационной группы»[68]. Ответственность венгерского военного руководства, генера-

лов, офицеров и солдат была выяснена в ходе процесса над Алдя-Пап. После 1945 г. венгерское правосудие (и, конечно, политическое руководство) быстро осознало тяжесть и масштабы военных преступлений[69]. Правда, до последнего времени венгерские историки не проявляли никакого интереса к многочисленным судебным процессам, состоявшимся в Венгрии в в 1945–1956 гг. в связи с военными преступлениями, совершёнными на советских территориях, и обширными материалами этих процессов. Эти материалы, хранящиеся в Историческом архиве служб безопасности, до сих пор ждут своих исследователей. В настоящей статье упомянуто лишь несколько документов для иллюстрации того, какие сведения о геноциде могут быть доказаны с помощью венгерских архивов. При этом мы не касаемся проблемы юридической «чистоты» упомянутых процессов. Ранее неизвестные документы подтверждают содержание документов ЧГК как в целом, так особенно и в частностях. Материалы венгерских процессов не только рассказывают о зверствах военной жандармерии, но и показывают, как теряют свой человеческий облик обычные люди, врач и земледелец, священник и рабочий, как «маленький человек» превращается в массового убийцу[70].

Во многих случаях выражение «борьба с партизанами» лишь прикрывало и оправдывало мародёрство, насилие и убийства. Кристиан Унгвари в своей уже цитировавшейся книге правильно отмечает, что после ноября 1942 г. количество крупных операций против партизан постоянно сокращалось, поскольку ни у венгров, ни у немцев уже не было для этого необходимых сил. Однако в то время, как борьба с партизанами по существу прекратилась, снова умножились акции мести, репрессии против населения, дикие грабежи и массовые казни, убийства, видимо, мотивированные понесёнными поражениями.

Масса документов, составленных в Воронежской и ряде белорусских областей, рассказывает о множестве кажущихся невероятными зверских убийств. Типичным примером таких расправ стали события в с. Марки к югу от Воронежа: «При 40 С° морозе мирных жителей и военнопленных красноармейцев гнали на работу. Военнопленные были одеты в рваное тряпьё и изнурённые голодом, погибали от пуль венгерских мерзавцев. Всего в с. Марках было расстреляно более 100 человек мирного населения и более 300 военнопленных красноармейцев, не считая того, что умерли от истощения в результате изнурения и голода. Мадьяро-фашистские звери издевались и глумились над женщинами, и многие из них были изнасилованы. За сопротивление удовлетворению похотей мадьярских мерзавцев была расстреляна 17-летняя Бегочкина Маруся. Всё население, начиная с шести лет, вынуждено было носить на левой руке повязку с номером: за появление в селе без повязки мадьяры сажали на трое суток в холодный амбар»[71].

Кровавые расправы продолжались с не меньшей интенсивностью в течение всего 1943 г. По показаниям свидетеля Г.М. Прищепа, жителя с. Солотино: «О зверствах венгров на территории села Солотино мне известно следующее: примерно в июле–августе 1943 г. в воскресенье в село Солотино первый раз прибыли венгры, около 50-ти человек. Сделав облаву в селе Солотино, произвели несколько выстрелов из орудия в направление села Мальцы, возвратились в село Выступовичи. В этот день сожгли 2 дома в селе и больше ничего не тронули. Через неделю венгры прибыли к нам в село утром, окружили всё село Солотино, согнали всех мирных жителей села – детей, стариков и женщин – в один из сараев, установили у двери сарая станковый пулемёт и всех их расстреляли, затем сарай подожгли. Всего было согнано населения около 70 человек, но после того, когда они были расстреляны, а затем подожжены, среди них 8 человек остались в живых и после вылезли из-под трупов из сарая. [...] Расстреляв всех мирных жителей, венгры подожгли всё село до единого дома, забрали весь имеющийся скот и уехали в село Выступовичи. Всего было сожжено венграми 40 дворов, в число которых входили жилые дома и сараи. Сколько было всего скота забрано, я не могу сказать точно, не знаю, но не меньше 15-ти голов. Перед расстрелом мирных жителей села Солотино в числе, которых была и моя жена – Прищепа Лукерья, [...] население обратилось к венграм с просьбой о помиловании, поднялись ужасные крики детей, стариков и женщин, но никакие мольбы не могли помочь. Никто не обращал на это никакого внимания. Моя жена – Прищепа Лукерья, бросилась в отчаянии под ноги мадьяру, начала целовать ему ноги и просила, чтобы её не расстреливали, но стоявший перед ней мадьяр ударил её сапогом в лицо, выбил все зубы, а после чего выстрелил в неё из автомата. Так же погибла и жена моего сына –Прищепа Мария. Трудно передать, что делали в этот день венгры»[72].

Житель с. Черевачицы Белюс Федор Яковлевич дал такие показания: «В ночь на 7 ноября 1943 г. так же был погром "мадьяр", где проходили убийства кого только захватят в доме, а бежавших расстреливали, освещая ракетами; постройки жгли. Мой сын тогда находился у моего брата, так как постройки мои сожгли раньше, захватили его в доме, так как не успел уйти, и убили. В этот день мадьяры убили и ранили 50 человек мирного населения дер. Огородники, Черевачицы и Мельники. Были случаи расстрелянных целыми семьями, как например, семья Козел: вся убита, из семьи осталась только одна девочка. В деревне Огородники из семьи Мельчун остался один только мальчик 8-ми лет и тот был ранен. Грабежом эти подразделения мадьяр занимались периодически, ежемесячно выезжали на хутора с подводами и грабили, что им заблагорассудится»[73].

О зверствах венгров рассказал и свидетель Троян П.С.: «В нашем селе Карпиловка чинили зверства, и злодеяния исключительно венгерские части (мадьяры), особенно в период май–август 1943 г. Название части я не знаю, но эта часть называлась венгерский карательный отряд. [...] В мае 1943 г. жители с. Карпиловка получили данные, что по направлению с г. Остера на Карпиловку движется крупный карательный отряд. Все жители села, в том числе и я, оставили свои квартиры и ушли в лес. Венгерский карательный отряд стал из орудий, танков и пулемётов обстреливать с. Карпиловку. Ворвавшись в село, мадьяры стали расстреливать стариков, тех, которые не успели удрать в лес. Так они расстреляли старика Троян Григория и других, фамилии которых я не могу вспомнить. Потом начали заниматься поджогом и повальными грабежами. Сожгли мою хату, в которой я только 2 года пожил. Забрали всё моё имущество: корову, свинью, одежду и всю домашнюю утварь. У моей матери всё забрали, вплоть до нательного белья, потом начались избиения селян и массовые расстрелы. 20 мая 1943 г. мадьярские солдаты совместно с полицаями стали ходить по дворам и забирать жителей села и уводить к старостату. Пришли и ко мне, но я со своей семьёй находился на пожарище своей догоравшей хаты, и меня не заметили. Всех собравшихся жителей села мадьяры и полицаи от старостата под усиленным конвоем отвели за село: к противотанковому рву и там их расстреляли. Позже мадьяры и полицаи начали ходить собирать вторую партию, в том числе забрали меня с семьёй и ещё человек до 30 или больше. Привели нас к старостату, но уже там никого не было, то нам посчастливилось разойтись по домам. Приблизительно часа в 3–4 дня снова ко мне пришли мадьяры и полицай Прохоренко Степан, приказали взять лопаты, собрали нас к противотанковому рву, человек 40, и приказали закапывать противотанковый ров с расстреляннными трупами. Возле противотанкового рва с трупами стояли мадьяры с пулемётами и собаками, охраняли нас, пока мы закончили весь ров с трупами, отпустили нас домой. [...] Ров был приблизительно 30 метров длины и 2 метра ширины. Трупы лежали в беспорядке, повалом, и трудно было установить следы огнестрельного оружия, ибо это было кровавое месиво из стариков, старух и подростков. Была жуткая картина, и я не мог присматриваться, где их раны и куда в них стреляли»[74].

В сентябре 1943 г. был ограблен и разрушен город Нежин: «14 сентября 1943 года взорвано и сожжено здание студобщежития по улице Богуна № 3, разграблена библиотека по Гоголевской улице № 4; часть книг сожжена. Разграблены кабинеты и лаборатории. Всего причинён ущерб на сумму 4 879 305 руб.»[75].

На основании архивных материалов ныне уже можно с уверенностью утверждать, что в 1941–1944 гг. венгерское хортистское

государство и его армии осуществили на оккупированных советских территориях геноцид. Архивные материалы убедительно раскрывают перед нами «венгерскую главу» нацистского геноцида. Так как эти преступления принадлежат к категории преступлений против человечности, к ним не применяются никакие сроки давности. На послевоенном процессе над венгерскими генералами и старшими офицерами один из главных организаторов этих преступлений – генерал-лейтенант Золтан Алдя-Пап – был единственным из подсудимых, кто, не пытаясь найти смягчающих обстоятельств, признал факт геноцида и свою ответственность в его осуществлении[76].

Конечно, проблема ответственности за военные преступления лежит не на плечах потомков, современного поколения. Ныне наша ответственность состоит «лишь» в том, что всем нам, независимо от нашей национальности, необходимо, наконец, отчетливо осознать факты этих преступлений, огромного количества совершённых злодеяний, «смириться» с тем, что всё это действительно произошло, научно и психологически осмыслить произошедшее и извлечь из него соответствующие уроки. Сделать это отнюдь не просто.

Открытие доступа к российским архивам отнимет в будущем у политиков и историков возможность применения «восточноевропейской тактики», в соответствии с которой ответственность за геноцид повсеместно, от Австрии и Венгрии до Латвии, перекладывается на немцев. Как мы уже упоминали, современная венгерская мейнстримная академическая историческая наука практически обходит вниманием геноцид, преступления, совершённые на советских территориях, как будто эти преступления не являются органической частью венгерской истории. В последние семь десятилетий немцы не перекладывали ответственности на других, им пришлось до самого конца пройти мучительным, тернистым, чреватым множеством конфликтов путём национального самопознания. Наша задача тоже не может состоять ни в чем ином, как в том, чтобы в интересах сохранения национального самоуважения, пусть даже с опозданием на десятилетия, взглянуть на страшные события войны как на часть нашей собственной истории, восприняв их без пристрастия, так, как они произошли.

Понимающий читатель знает, что при составлении документов о геноциде военного времени проводившие расследования комиссии сосредоточивали своё внимание на событиях геноцида, на преступлениях, а не на поисках островков человечности в море бесчеловечности. И всё же всегда необходимо помнить и о тех сохранившихся в народной памяти, нередко ставших легендарными случаях, когда венгерские солдаты вызволяли несчастных из рук венгров или немцев, бескорыстно помогали нуждавшимся. Сбор этих редких, легендарных случаев

особенно важен ещё и потому, что, как учит история, можно оставаться человеком и в бесчеловечном мире. Нужно всегда помнить о том, что всегда существует альтернатива бесчеловечности, даже если эта альтернатива, конечно, связана с риском[77]. Всё это настоятельно заставляет нас взглянуть в лицо фактам – фактам геноцида и Холокоста против народов СССР, геноцида, осуществленного режимом Хорти.

Примечания:

[1] В современной «мейнстримной» исторической литературе нет ни единого слова о «подвигах» наших солдат в СССР. Например, перелистав наиболее значительные книги академика Игнаца Ромшича, читатель не найдёт об этом практически никаких данных. Второй мировой войне посвящена III глава многократно переиздававшейся книги Ромшича Magyarország története a XX. században (История Венгрии в XX веке) – Osiris Kiadó, Budapest, 2010, однако в ней нет ни строчки о геноциде, осуществлённом венгерскими войсками. П. Сабо в своей многократно переизданной книге «Don-kanyar» (Излучина Дона) – Zrínyi Kiadó, Budapest, 1994, запечатлевшей память о храбрости воинов 2-й венгерской армии, по существу обошёл молчанием преступления венгерских солдат, совершённые в районе Дона, хотя можно предположить, что в архиве и рукописном отделе Института и Музея военной истории хранятся материалы по этой тематике.

[2] 12 февраля 1942 г. правитель Венгрии М. Хорти присвоил оккупационным пехотным бригадам наименование «лёгких дивизий», повысив тем самым, по крайней мере на бумаге, ценность участия Венгрии в войне.

[3] См.: *Ungváry Krisztián.* A magyar honvédség a második világháborúban.(Венгерская армия во второй мировой войне). – Osiris Kiadó, Budapest, 2004 (далее: *Ungváry* 2004); *Он же:* A Kárpát-csoport és a megszálló erők harcai. (Карпатская группа и бои оккупационных войск). In: Magyarország a második világháborúban. (Венгрия во второй мировой войне). Főszerk.: *Romsics Ignác.* Kossuth Kiadó – Hadtörténeti Intézet és Múzeum, – Budapest, 2011. С. 55–64. (далее: *Ungváry* 2011), *Szabó Péter – Számvéber Norbert.* A keleti hadszíntér és Magyarország 1943–1945. (Восточный фронт и Венгрия. 1943–1945). Tóthágas plusz Kft, – Budapest, második, bővített és átdolgozott kiadás. 2009.

[4] *Христофоров В.С.* Сталинград: Органы НКВД накануне и в дни сражения. – М., 2008. – С. 126. *Vaszilij Hrisztoforov – Varga Éva Mária:* Werth Henrik vezérkari főnök vallomása szovjet fogságban. (Показания начальника Генштаба Генриха Верта в советском плену). In: Háború és nemzeti önismeret. 70 éve támadta meg a náci Németország a Szovjetuniót. (Война и национальное самопознание). Ruszisztikai Könyvek XXXII. Russica Pannonicana. – Budapest, 2011. – С. 187–188. (Далее: *Hrisztoforov – Varga* 2011.)

[5] Генералы и офицеры вермахта рассказывают... документы из следственных дел немецких военнопленных. 1944–1945. – М., 2009; Тайны дипломатии Третьего рейха: Германские дипломаты, руководители зарубежных военных миссий, военные и полицейские атташе в советском плену. Документы из следственных дел. 1945–1955. – М., 2011; Вермахт на советско-германском фронте: Следственные и судебные материалы из архивных уголовных дел немецких военнопленных 1942–1952. – М.:, 2011.

[6] Венгерские и немецкие военнопленные, обвиняемые на этом процессе, были подвергнуты предварительному заключению между 26 сентября и 4 ноября 1947 г.

[7] ЦА ФСБ России. Д. П-747. Л. 27–31, 49–53.

[8] Приговоры по делам всех военнопленных были вынесены на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. 128 человек были осуждены на 25 лет, 9 человек – на 20 лет, 1 – на 15 лет заключения в исправительно-трудовых лагерях. ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 199. Л. 33–34.

[9] 26 мая 1947 г. в СССР была отменена смертная казнь, в Указе Президиума Верховного Совета СССР говорилось, что в мирное время нужно применять 25-летнее заключение

в исправительно-трудовых лагерях ГУЛАГа. 12 января 1950 г. смертные приговоры были снова введены для предателей, шпионов, террористов и диверсантов.
[10] ЦА ФСБ России. Д. Н-19098. Т. 21. Л. 505.
[11] Приказом № 731 МВД от 21 ноября 1947 г. предписывалось отправлять всех осужденных военнопленных – независимо от их физического состояния – прямо в Воркутинский исправительно-трудовой лагерь. ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 1. Д. 837. Л. 147–149. Опубл. в кн.: Военнопленные в СССР. 1939–1956 : Документы и материалы. Т. 1. – М., 2000. С. 755.
[12] ЦА ФСБ России. Д. К-507905. Т. 1–3.
[13] ЦА ФСБ России. Д. К-507905. Т. 3. Л. 895. Обвинительное заключение по делу утверждено начальником УКР Центральной группы советских войск 2 сентября 1947 г.
[14] ЦА ФСБ России. Д. К-507905. Т. 3. Л. 659. Постановление начальника Следотдела УКР МГБ Центральной группы советских войск майором Аграномова о присоединении 157 страниц дела № 4486/1946 к следственному делу Шомлаи и его сообщников.
[15] Центральная группа советских войск создана директивой № 11096 от 29 мая 1945 г. Ставки Верховного Главнокомандования, предписывавшей переименовать с 24:00 10 июня 1945 г. 1-й Украинский фронт в Центральную группу войск. Войска группы дислоцировались в Чехословакии, Австрии и Венгрии, штаб размещался в Бадене (близ Вены).
[16] Шомлаи, Райтер и Варга также были отправлены в Воркутлаг, о месте заключения остальных трёх осуждённых нет сведений, однако известно, что 18–20 ноября 1955 г. все шесть осуждённых были переданы венгерским властям.
[17] Задачей 2-го отдела ГУКР «Смерш» (руководитель полковник С.Н. Карташев) была работа среди военнопленных, Постановление опубликовано в кн.: Лубянка: Органы ВЧК–ОГПУ–НКВД–МГБ–МВД–КГБ. 1917–1991: Справочник. – М., 2003. С. 623–626. См. подробнее: «Смерш»: исторические очерки и архивные документы. – М., 2005. С. 63–80.
[18] В постановлении об аресте начальника Генштаба Г. Верта от 17 марта 1945 г. написано: «Согласно сообщению от 16. 2. [19]45 г. о военных преступниках главы временного венгерского правительства премьер-министра Миклош Бела Верт Генрих состоит в списках военных преступников, а поэтому в феврале с.г. последний был разыскан, подвергнут задержанию и допросу». См.: ЦА ФСБ России. Д. Н–21156. Т. 1. Л. 2–3. Опубликовано в кн.: *Hrisztoforov – Varga* 2011. – С. 193–194.
[19] Согласно донесению Абакумова, к этому времени под арестом в «Смерш» было 374 человека, немцы, поляки, румыны, венгры и словаки, находящиеся под следствием. См.: Тайны дипломатии Третьего рейха... 2011. – С. 10.
[20] ЦА ФСБ России. Д. № Н-19098. Т. 21. Подшито к концу дела без нумерации страниц. ЦА ФСБ России. Д. К-507905. Т. 3. Л. 918–921.
[21] ЦА ФСБ России. Д. Н-19098. Т. 8. Л. 6–9.
[22] ЦА ФСБ России. Д. Н-19098. Т. 6. Л. 84–89.
[23] *Ungváry* 2011. – С. 60.
[24] См.: Россия и СССР в войнах XX века: статистическое исследование. – М.: Олма Пресс, 2001. – С. 514. Общая оценка потерь (таблица № 132).
[25] ЦА ФСБ России Д. Н-19098. Т. 6. Л. 213–214.
[26] Эти события запечатлены и в кинодокументах, в 2003 г. Петер Эрдеи снял фильм под названием «Doni tükör» («Зеркало Дона»). Однако в соответствии с традицией замалчивания телеканал «Дунай» и остальные государственные телеканалы отказались его показать. См.: *Schweitzer András.* Don-kanyarok. A magyar hadsereg a Szovjetunióban. (Излучины Дона. Венгерская армия в СССР). HVG, 2012. július 14. – С. 46–48.
[27] С наибольшей последовательностью вопрос о наказании военных преступников поднимался Советским Союзом. Многие авторитетные представители западных стран поначалу выступали против проведения международного процесса. Они ссылались на то, что обвиняемые получат возможность защищаться, что считалось нежелательным. Госсекретарь США Хэлл был готов удовлетвориться повешением преступников без суда, министр финансов США Моргентау предлагал решить вопрос немедленным расстрелом, этот план поддерживал и президент Рузвельт. Против такого решения не возражал Черчилль, который 17 октября 1944 г. жаловался Сталину на трудности, связанные

с международным правом. На это Сталин дал следующий ответ: «Нелепая мысль, что можно казнить без судебного разбирательства; в этом случае мир скажет, что мы боимся предать злодеев суду». Согласно позиции СССР, не могло быть и речи о казни военных преступников без суда. Советский государственный обвинитель Р.А. Руденко писал: «Совершенно ясно, что Советский Союз не мог на это согласиться; без открытого судебного процесса над главарями преступной нацистской клики было бы невозможно вскрыть и продемонстрировать всему миру причины Второй мировой войны, развязанной нацистами, – а это бы только сыграло на руку международной реакции». Цит. по: *Пшибыльский П.* Между виселицей и амнистией. – М., 1985. – С. 35.

[28] *Дюков А.Р.* За что сражались советские люди. «Русский НЕ должен умереть». – М., 2007. – С. 247–248. (Далее: *Дюков* 2007.)

[29] И хотя соответствующие документы пока не обнаружены, свою роль предположительно сыграла и попытка Хорти выйти из войны, а также рукописное, мягко говоря, униженное письмо Хорти Сталину («...прошу Вас проявить милость к нашей несчастной стране. Пользуюсь случаем выразить Вам, господин маршал Сталин, мое глубочайшее уважение»), которое, видимо, польстило самолюбию Сталина. См.: *V. Muszatov*: Horthy Miklós levele Sztálinhoz. (Письмо Хорти Сталину). História, 2005. 27. évd. 3. sz. 11.

[30] См. подробнее: *Krausz Tamás:* The Soviet and Hungarian Holocausts: A Comparative Essay, by *Tamás Krausz* Publiushed by: Center for Hungarian Studies and Publications. – New York, 2006 / Series: CHSP Hungarian Authors Series. no. 4.

[31] Один–два таких документа представлены в недавно вышедшей книге Йожефа Балинта, см. также: *Filonyenko Sz. I., Filonyenko M. I.* Lélektani háború a Donnál. A fasiszta propaganda mítoszai 1942–1943. – L'Harmattan, Budapest, 2011. (Далее: *Filonyenko* 2011.) (На русском языке: Психологическая война на Дону. – Воронеж, 2010.)

[32] *Rákosi Mátyás.* A magyar jövõért. (За будущее Венгрии). – Budapest, 1945.

[33] Об этом хаотичном явлении см. подробнее: Ельцинщина: Венгерский институт русистики. – Будапешт, 1993.

[34] См., например, работы российского историка, уже долгое время занимающегося данной проблематикой: *Дюков А.Р.* Операция «Зимнее волшебство»: нацистская истребительная политика и латвийский коллаборационизм. – М., 2011. Одна из книг этого автора опубликована и на венгерском языке: *Alekszander Djukov.* Holokauszt, kollaboráció, megtorlás a Szovjetunió ukrán és balti területein. (Холокост, коллаборационизм, репрессии на украинских и прибалтийских территориях СССР). Russica Pannonica, Ruszisztikai könyvek XXV. – Budapest, 2011.

[35] In: *Ungváry K.* A magyar megszállás Ukrajnában és Lengyelországban 1941–1944. (Венгерская оккупация на Украине и в Польше 1941–1944) Nagy Képes Millenniumi Hadtörténet. Osiris–Századvég, 1998. – С. 403–408. См.: *Он же.* A magyar honvédség a második világháborúban. (Венгерская армия во второй мировой войне). – Bp., Osiris, 2004. – С. 74, 80. Известно также и то, что (по свидетельству сайта Министерства обороны) под руководством министра (совместно с женой президента республики) – идёт прямая героизация венгерских солдат, участвовавших в грабительском походе против СССР. Нам неизвестно, чтобы кто-то из историков протестовал против этого.

[36] Titkos jelentés. (Тайное донесение). Донесение немецкого офицера связи при Венгерской королевской армии свидетельствует, что венгерские солдаты грабят, убивают, насилуют женщин, пытают мирных жителей. См.: 1942. április 7. HIM Hadtörténelmi Levéltár és Irattár – Mikrofilmtár.

[37] The Goebbels Diaries. Ed. Louis P. Locner, Popular Library, New York. 1948. 254–255. Цит. по: *Juhász Gyula:* A történész józansága. (Трезвый ум историка). (Szerk.: Juhász Ferenc). – Budapest, 1994. – С. 107. (Далее: *Juhász* 1994).

[38] На венгерском языке новые данные содержит упомянутая выше публикация, см.: *Hrisztoforov – Varga* 2011. – С. 87–270.

[39] *Ungváry Krisztián.* A magyar megszállás Ukrajnában és Lengyelországban 1941–1944. (Венгерская оккупация Украины и Польши 1941–1944). In: Nagy Képes Millenniumi Hadtörténet. Osiris–Századvég. – Budapest, 1998. – С. 403–408. *Ungváry* 2004.

[40] См.: *Ungváry* 2004. – С. 74, 80.
[41] См.: *Дюков* 2007. – С. 175.
[42] См. проект, внесённый американским прокурором Харрисоном. Первая его публикация на венгерском языке осуществлена во втором издании книги: *Bálint József.* 900 nap a 300 évből. Leningrád. (900 дней из 300 лет. Ленинград). – Agroinform Kiadó, Budapest, 2010. 34–40.
[43] *Петров Н.* Чрезвычайная государственная комиссия и ее роль в судебных преследованиях военнопленных вермахта в СССР. 1943–1950 гг. // Австрийцы и судетские немцы перед советскими военными трибуналами в Беларуси 1945–1950 гг. – Грац–Минск. 2007. – С. 49–76. (Далее: *Петров* 2007.). Все статьи этой книги опубликованы на двух языках – русском и немецком. Stefan Karner – Vjačeslav Selemenev (Hg.). Österreicher und Sudetendeutsche vor sowjetischen Militär- und Strafgerichten in Weißrussland 1945-1950. – Graz – Minsk, 2007.
[44] *Петров* 2007. – С. 59.
[45] *Juhász Gyula:* Magyarország a második világháborúban. (Венгрия во второй мировой войне). In: Gólyavári esték. Előadások a magyar történelemről. Szerk.: Hanák Gábor, RTV-Minerva, Budapest, 1984. 183–184; *Pritz Pál.* A nagyhatalmak és Magyarország a két háború között. (Великие державы и Венгрия между двумя мировыми войнами). In: Uő: Az a rövid 20. század: Történetpolitikai tanulmányok. Magyar Történelmi Társulat, Budapest, 2005. – С. 163–164.
[46] ЦА ФСБ России. Д. Н-19098. Т. 6. Л. 84–89.
[47] На процессе, состоявшемся в 1947 г., Шандор Захар заявил: «Я уже давал ранее показания о том, что в середине 1942 г. была издана директива № 10, подписанная генерал-полковником Сомбатхейи, в которой высказывалось требование: самыми жестокими методами осуществлять оккупационную службу, не останавливаясь перед сожжением населённых пунктов, убийством мирных граждан, заподозренных в связях с партизанами, и конфискаций у населения продовольствия и скота. С этой директивой я познакомился примерно в мае 1942 года, вскоре после приезда в г. Киев из Венгрии. Помимо этой директивы существовала так называемая «оранжевая тетрадь», содержавшая в себе указания Генерального штаба по борьбе с партизанами, причем, насколько я помню, в этом указании была также приведена директива № 10, о которой я уже упоминал. [...] Как в директиве № 10, а также и в этом указании, определялись методы порабощения и истребления советского народа на оккупационной территории Советского Союза. В указании, например, говорилось о том, что в случае необходимости можно сжигать любые населённые пункты, расстреливать на месте в целях устрашения – партизан и лиц, заподозренных в связях с последними, и реквизиции у населения всего продовольствия и скота. Я привожу это указание и директиву № 10, как наиболее памятные инструкции венгерского королевского Генерального штаба о карательной политике по отношению мирного населения, хотя их было гораздо больше. Все эти инструкции доводились до сведения командиров полков, дивизий и отдельных соединений, которые при проведении карательных операций полностью их выполняли. Помимо инструкций и распоряжений, которые наше командование Восточный оккупационный группировки получало от высших военных инстанций, мы руководствовались также письменными указаниями и устными распоряжениями германских военных властей, осуществлявших руководство оккупированными областями». ЦА ФСБ России. Д. Н-19098. Т. 6. Л. 84–89.
[48] О нацистской пропаганде в районе Дона см.: *Filonyenko* 2011.
[49] A folyó háború tapasztalatainak ismertetése. A partizánharcok. A 10-es számú parancs. (Об опыте текущей войны. Приказ № 10). Budapest, Attila-nyomda Részvénytársaság, 1942. (Далее: A 10-es számú parancs 1942.) Русский перевод приказа сохранился в фонде 4-го Управления НКГБ СССР (зафронтовая работа). ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 9. Д. 703. Л. 1–42. Опубл.: Великая Отечественная война. 1942 год : Исследования, документы, комментарии. – М., 2012. – С. 576–615. (Далее: Великая Отечественная война. 1942 год. 2012.)
[50] На венгерском языке: A 10-es számú parancs 1942. 39. На русском языке: Великая Отечественная война. 1942 год. 2012. – С. 598.
[51] Оригинальный текст содержался в партизанской телеграмме, перехваченной в Рождество 1941 г. и упомянутой в приказе генерал-майора Отто Абта № 22/108 gy.dd. I.b. от 13 января 1942 г., из которого видно, что партизаны выразились жёстче: «Выступление венгерских

частей оказало большое воздействие на партизан. Это доказывает перехваченная ночью 24/25 декабря радиограмма, в которой говорится: "Партизаны, будьте очень осторожны там, где находятся венгры, потому что венгры ещё более жестокие свиньи, чем немцы"». *Háy Gyula.* Partizánok tükre. Athenaeum, Bp. 1945. 44. (На основании документов, попавших в качестве трофеев к советским военным соединениям, венгерский эмигрант Дюла Хаи написал пропагандистское издание «Зеркало партизан», которое впервые было издано на венгерском языке в Москве в 1943 г., а затем и в Будапеште в 1945 г. Далее: *Háy* 1945).

[52] *Háy* 1945. – С. 53.

[53] Там же. – С. 56.

[54] На венгерском языке: 10-es számú parancs 1942. С. 31. На русском языке: Великая Отечественная война. 1942 год. 2012. – С. 593.

[55] На венгерском языке: 10-es számú parancs 1942. С. 11. На русском языке: Великая Отечественная война. 1942 год. 2012. – С. 581.

[56] *Háy* 1945. – С. 49, 58.

[57] ÁBTL 3.1.9. V-14324. 25. При помиловании Миклоша Острогонаца в конце девятилетнего срока заключения совершённое им преступление было описано так: «Осенью 1941 г. осуждённый находился на советском театре военных действий. Однажды ротный командир вызвал из числа подчиненных добровольцев для казни гражданских лиц. Вышло 10 добровольцев, среди которых был и осуждённый. После этого ими было расстреляно приблизительно 70–80 гражданских лиц». Там же. С. 33.

[58] ГАВО. Ф. 2100. Оп. 1. Д. 297. Л. 1. В нижней части пожелтевшего печатного плаката видна надпись мелкими буквами «Ung 2».

[59] «Огненная дуга»: Курская битва глазами Лубянки – М., 2003. С. 248.

[60] Историки тоже отмечают, что попавшие в плен венгерские солдаты были одеты в похищенные халаты, одеяла, шапки. См.: *Филоненко С.И., Филоненко А.С.* Острогожско-россошанская операция – «Сталинград на Верхнем Дону». – Воронеж, 2005. С. 164.

[61] ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 81. Д. 237. Л. 131–138; Ф. 7021. Оп. 78. Д. 187. Л. 2–15.

[62] Там же.

[63] Сообщение Черниговской областной комиссии содействия о злодеяниях венгров на территории 12-ти административных районов Черниговской области УССР. ГА РФ. Ф. 7021. Оп. 78. Д. 187. Л. 2–15. «Помимо уничтожения отдельных селений, с проживавшим там населением, венгры производили массовые аресты советских граждан, заключали их в тюрьму и там расстреливали. В г. Щорсе, который являлся одним из центров венгерского командования, в тюрьме было расстреляно около пяти с половиной тысяч человек».

[64] ГАВО. Ф. Р-1784. Оп. 1. Д. 321. Л. 2–2 об.

[65] ЦА ФСБ России. Д. Н-19098. Т. 21. Л. 452–470.

[66] О группах источников, хранящихся в Государственном архиве Курской области, см.: ГАКО Ф. Р-3605. Оп. 1. Д. 2850. Л. 91. (Свидетельство Беспалова). ГАКО. Ф. Р-3605. Оп. 1. Д. 258. Л. 45. (Группа свидетелей.) ГАКО. Ф. Р-3605. Оп. 1. Д. 285. Л. 866. (свидетель Ларина). ГАКО. Ф. Р-3605. Оп. 1. Д. 285. Л. 89–90. (Прокламация венгерского коменданта об оккупации данного населённого пункта.)

[67] См.: *Pihurik Judit.* Naplók és memoárok a Don-kanyarból 1942-1943. (Дневники и мемуары из излучины Дона 1942–1943). Napvilág, Budapest, 2007. *és Dr. Somorjai Lajos.* Megjártam a Don-kanyart. Harctéri napló, Oroszország, 1942–1943. (Я побывал в излучине Дона. Фронтовой дневник, Россия, 1942–1943). – Rubicon, Budapest, 2011.

[68] ЦА ФСБ России. Д. Н-19098. Т. 8. Л. 6–9.

[69] ЦА ФСБ России. Д. Н-19098. Т. 21. Л. 380, 382. Сам Алдя-Пап Золтан в своём последнем слове на процессе указал на эту ответственность: «Мною и моими частями ущерб, нанесённый советскому украинскому народу, настолько велик, что я не защищаю, а обвиняю себя. [...] Я был исполнителем этой кровавой политики, вместо того, чтобы бороться против неё... По этой причине не защищаю, а обвиняю самого себя. И за свою вину ожидаю соответствующего наказания». Полковник Захар в своём последнем слове сказал: «Честь и мой долг как старого офицера – только мужественно принять на себя ответственность за совершённое нами преступление. Я искренне признаю свои ошибки и преступления и жду

справедливого приговора советского трибунала, с таким чувством, что я заслужил своё наказание. Я знаю, что за то время, которое я буду работать в отбытии моего наказания, я только частично могу отслужить Советскому Союзу за совершённое мною преступление. Я надеюсь, если я когда-нибудь вернусь на свою родину, то я не только буду свидетелем преступлений, совершаемых венграми против мирного населения, но буду в то же время сильным агитатором и свидетелем того, что настоящая демократическая Венгрия избрала единственно правильный путь, и я буду благодарен тому, что советский народ освободил венгерский народ от фашистско-немецкого ига».

[70] Особенности геноцида отражаются, например, в следующих документах: – ÁBTL 3. 1. 9. V – 14324, V-34417, V – 115 720/a, V – 82992, V-129238, V-16919.

[71] ЦАМО РФ. Ф. 203. Оп. 2847. Д. 61. Л. 36–36 об.

[72] ЦА ФСБ России. Д. Н-19098. Т. 11. Л. 292–292 об.

[73] ЦА ФСБ России. Д. Н-19098. Т. 2. Л. 133–134. Протокол допроса Белюса Ф.Я. от 25 октября 1947 г.

[74] ЦА ФСБ России. Д. Н-19098. Т. 5. Л. 80–81. Протокол допроса Трояна П.С. от 22 октября 1947 г.

[75] ГА РФ. Ф. 7021. Оп. 127. Д. 82. Л. 28.

[76] Согласно протоколам допросов, проведенных в октябре–ноябре 1947 г., Алдя-Пап сказал: «Да, признаю ответственным себя, как командир 105-й венгерской оккупационной дивизии, за все действия подчинённых мне частей на временно захваченной немцами территории советской Украины. [...] Да, признаю, я действительно, как командир 105-й дивизии венгерской восточной оккупационной группы, был исполнителем воли тогдашнего венгерского фашистского правительства и его генерального штаба и участником истребления и порабощения украинского советского народа. Кровавую деятельность этой гитлеровской политики и нашу деятельность я только сейчас вижу и глубоко её осуждаю». ЦА ФСБ России. Д. Н-19098. Т. 1. Л. 28–39.

[77] Возможность выбора существует и в экстремальной ситуации, как выясняется, например, из материалов начавшегося в 1949 г. судебного процесса над добровольным палачом, гонведом Каройем Белшё, рассказавшим в своё оправдание о казни советских граждан в 30 км от Воронежа следующее: «Сержант Бароди [перед казнью обречённых] угостил их сигаретами, от которых они отказались, а на вопрос сержанта Бароди, не боятся ли они смерти, старший по возрасту местный житель ответил, что он старый коммунист, остается коммунистом по сей день и ничего не боится. Тогда старший лейтенант Вильмош Йенеи пришел в ярость и отдал приказ об исполнении казни. Приказ приводили в исполнение гонвед Янош Чорба из поселка Татахаза и другой, неизвестный мне гонвед, имя которого я уже забыл. Янош Чорба немедленно исполнил приказ и выстрелил, в то время как другой гонвед не смог выстрелить, у него дрожали руки, поэтому Вильмош Йенеи закричал на него, что он трус, после чего сержант Бароди взял винтовку из рук испугавшегося гонведа и передал её мне, а я прикончил 65-летнего старика выстрелом в затылок...». –ÁBTL V-34417. С. 14–15. Кто же был тогда храбрым, а кто трусом...?

Перевод с венгерского
Сергея Филиппова

Пропагандистское противостояние на оккупированной территории Северо-Запада России

Ковалев Борис Николаевич,
доктор исторических наук,
Новгородский государственный университет
им. Ярослава Мудрого

Усиление сопротивления и коренной перелом в Великой Отечественной войне заставил оккупационные пропагандистские службы разработать новый план по активному вовлечению в коллаборационистские структуры и организации новых добровольцев из числа местных жителей. В 1941 г. немцы требовали от населения в основном экономическую поддержку, с 1942 г. командование вермахта пошло на создание вспомогательных отрядов из местных жителей, 1943 г. был характерен «союзной инициативой» ведомства Геббельса. Согласно ей, эта война ведётся самим же русским народом против поработившего его большевизма. Германия выступает лишь в качестве союзника России.

На протяжении всей немецкой оккупации Северо-Запада РСФСР на её территории действовали германские органы пропаганды. Они занимались проведением антисоветской пропаганды среди мирного населения и в лагерях военнопленных, распространяли нацистскую литературу, издавали газеты и брошюры от имени Русской освободительной армии. Одновременно пропагандисты принимали участие в вербовке русского населения в РОА, систематически выезжали на передний край обороны, где обращались к красноармейцам с предложениями переходить на сторону вермахта, а так же занимались разведывательной и контрразведывательной деятельностью[1].

После Сталинградской битвы руководство Германии стало осознавать, что оно может и не выиграть эту войну. Это заставило их пересмотреть отношение к формам и методам пропаганды. Немецкие пропагандисты получили указания в своей деятельности представлять эту войну как гражданскую, утверждая, что «Россия объявила войну СССР», а Германия лишь выступает в качестве союзницы первой[2].

На встрече представителей немецких комендатур в июле 1943 г. было заявлено, что их работа должна учитывать реальность того, что

«...Сталину удалось превратить войну за сохранение своей системы в священную Отечественную войну и тем самым вызвать патриотическое и религиозное самопожертвование, способность к которому издавна была одним из самых сильных свойств русского человека»[3]. В итоговом документе отмечалась возросшая роль задачи привлечения населения на свою сторону. Делался вывод, что «...военной оккупацией нельзя покорить революционный народ, напротив, этим только начинается его покорение»[4].

Причины неудач на идеологическом фронте нацисты объясняли тем, что некоторая часть их солдат и офицеров не понимают значения и даже противодействуют проведению пропагандистских акций. К ошибкам и просчётам делегаты отнесли:

1) болтовню о колониальном народе,

2) перегибы в национальном вопросе,

3) плохое обращение с пленными[5].

Сознавая крах своей политики, немецкие пропагандистские службы предприняли попытку её анализа. Успех партизанского движения они объясняли:

1) победами Красной армии,

2) ухудшением для Германии международного положения, в частности, выход из войны Италии,

3) отсутствие в РОА регулярных занятий по международному положению («а в партизанском районе ежедневно слушают радиопередачи, которые комментируются комиссарами»),

4) ошибки при проведении эвакуации,

5) пораженческие разговоры немецких солдат,

6) неумение немцев пить водку и, как следствие этого, неуважение к ним со стороны населения[6].

Поскольку оккупанты признавались: «мы имеем в России только две возможности: или уничтожить всех русских, или включить их, связать с политикой Бисмарка», было принято решение, что официально акции будут проводиться «через Власова и новейшую русскую пропаганду»[7]

На силы сопротивления пытались воздействовать по двум направлениям пропаганды: экономическому и нравственно-политическому.

1) Народных мстителей коллаборационистская печать убеждала в том, что пока они воюют за якобы правое дело, их жёны и дети голодают. При этом «завмаги и политруки имеют положительно всё, вдобавок ваших жён и дочерей»[8].

2) Им пытались доказать, что «весь русский народ, кроме замкнутой частицы в районе ваших боевых действий, уже объединился с германской армией и победа будет за ним». Поэтому, внушалось им,

«...нужно понять, что партизанская борьба была и есть не за дело русского народа, а против него»[9].

Псковский отдел германской пропаганды первоначально возглавлял капитан Моренштильд, а затем с 1943 г. – капитан Кельбрант. В состав отдела входили «группа культуры», «группа активной пропаганды», «группа прессы» и «группа фильм», с подчиненными ей киномастерскими. Группе активной пропаганды в свою очередь были подчинены ансамбль РОА (с 1943 г.), группа цензуры, подотдел по оформлению фотовитрин и склад антисоветской литературы.

На службе в группе активной пропаганды состояло более 20 германских агентов-пропагандистов, окончивших пропагандистские школы в Германии (Дабендорф и Вустрау). Эти пропагандисты имели специально отработанные лекции, с которыми они выступали перед мирным населением. Так же их готовили для ведения пропаганды, направленной на бойцов Красной армии и партизан[10].

В тесном контакте с отделом пропаганды работало местное отделение «Остланд-Прессе-фертриб» (Восточное производство печати), занимавшееся распространением различной пронацистский, антикоммунистической и антисемитской литературы, газет и журналов через сеть киосков и магазинов[11].

Подготовка кадров для коллаборационистской администрации осуществлялась сетью специальных школ. К преподаванию в этих школах привлекались эмигранты и политработники РККА из военнопленных, согласившиеся сотрудничать с врагом. Курсантам читали лекции по истории России и Советского Союза, давали анализ внутрипартийной борьбы в ВКП(б) с 1903 г. Жизнь в СССР противопоставлялась системе власти в фашистской Германии. Слушателей знакомили с основными аспектами немецкого национального социализма и темпами роста промышленности и сельского хозяйства рейха за 10 лет, с 1933 по 1943 гг. К основным задачам РОА преподаватели школ относили совместную борьбу с германской армией против большевизма и построению после войны новой России без евреев и коммунистов[12]. На всех занятиях обязательно присутствовали немцы, хорошо знавшие русский язык. Ни одно мероприятие коллаборационистов не могло происходить без разрешения оккупантов.

Каждый поступавший на курсы пропагандистов заполнял анкету, где должен был ответить на ряд вопросов: что привело его в ряды РОА, был ли он обижен и если обижен советской властью, то как. На этот вопрос положительно ответило 60% опрошенных. В большинстве своём они писали о том, что были осуждены в 1937–1938 гг. и в начале войны (но при анализе этих анкет следует учитывать тот факт, что некоторое количество курсантов могло специально объявить себя

репрессированными для того, чтобы немецкая администрация им больше доверяла)[13]. Значительную часть будущих пропагандистов составляли лица, всеми путями стремившиеся вырваться из немецкого плена. Некоторые из них заняли выжидательную позицию, но были и попытки создания в школах подпольных большевистских организаций. За первые два месяца деятельности этих школ (март–апрель 1943 г.) немецкими спецслужбами было арестовано 90 человек из 450[14].

Ужесточив требования к поступающим, руководство курсов оказалось не в состоянии обеспечить выпуск, требуемый со стороны немцев. Несмотря на расширение сети школ, в августе 1943 г. удостоверение пропагандистов получили вместо 1500 всего 300 человек[15].

Даже в той группе, которая искренне шла на сотрудничество с нацистами, не было единодушия. Многие не верили, что Германия в случае своего военного успеха пойдёт на создание независимой русской администрации[16].

Ход боевых действий в 1943 г. внёс коррективы в основную задачу, которую ставили перед выпускниками школ. Если в начале года это была консолидация всех русских в борьбе против советской власти, то со второй половины года основным объектом стали эвакуируемые, которым внушалась мысль, что сдача немцами части занятой ими территории является временной мерой и проводится для выравнивания линии фронта.

12 апреля 1943 г. состоялась первая антибольшевистская конференция бывших бойцов и командиров Красной армии. На ней была провозглашена необходимость создания боевых подразделений Русской освободительной армии. При этом особо подчёркивалось, что «РОА – армия ни красная, ни белая. Просто русская армия»[17].

26 апреля на оккупированной территории Северо-Запада РСФСР было распространено открытое письмо генерал-лейтенанта А.А. Власова «Почему я стал на путь борьбы с большевизмом?». В нём бывший командующий 2-й Ударной армией рассказывал о своём жизненном пути. Специально оговаривая, что советская власть его лично ничем не обидела, первой причиной, заставившей его пойти на сотрудничество с немцами, Власов назвал несовпадение тех идеалов, за которые он воевал на стороне красных в гражданской войне, с результатами первых десятилетий правления большевиков: коллективизация, репрессии 1937–1938 гг.

В ходе войны с Германией он, по его словам, честно исполнял свой долг солдата и верного сына Родины. Причины поражений 1941 г. виделись ему в нежелании русского народа защищать большевистскую власть, в системе насилия и безответственном руководстве армией со стороны больших и малых комиссаров. Всё это заставило его

задуматься: «Да полно, Родину ли я защищаю, за Родину ли я посылаю на смерть людей. Не за большевизм ли, маскирующийся святым именем Родины, проливает кровь русский народ?». Выводы открытого письма были следующие: задачи, стоящие перед русским народом, могут быть разрешены в союзе и сотрудничестве с Германией. Дело русских, их долг – борьба против Сталина, за мир, за новую Россию в рядах антибольшевистского движения[18].

Открытое письмо генерала Власова было крупномасштабной пропагандистской акцией нацистов, направленной как на население оккупированных районов, так и на бойцов и командиров РККА, жителей тыловых районов Советского Союза.

Для каждой категории граждан дополнительно готовились специальные листовки и прокламации. Для «русских в освобождённых германскими войсками областях» это были воззвания, призывающие записываться добровольцами в РОА генерала Власова в ближайшей местной комендатуре[19].

Партизанам внушалась мысль о том, что когда они воевали с иностранными солдатами, у советского руководства как будто было основание говорить им, что они ведут борьбу против захватчиков русской земли. Теперь же сопротивление сталкивается с подразделениями Русской освободительной армии, которая является защитницей интересов русского народа, а не евреев и коммунистов. Народных мстителей призывали переходить на сторону РОА, в противном же случае «... они будут прокляты всем народом за те страдания, которые принёс России большевизм»[20].

Листовка «К бойцам, командирам и политработникам Красной армии по поводу открытого письма генерал-лейтенанта А.А. Власова» (она распространялась также и на оккупированной территории) провозгласила три основные задачи, стоящие перед РОА: уничтожение большевизма, заключение почётного мира с Германией, строительство новой России без большевиков и капиталистов[21].

Косвенно эта широко растиражированная прокламация должна была, по замыслу её авторов, поднять новую волну шпиономании в СССР, так как в ней утверждалось, что многие из членов комитета (по созданию структур РОА – Б.К.) широко известны всему русскому народу. Они находятся в областях, ещё занятых большевиками. Некоторые из них занимают крупные посты в советском командовании и правительственных учреждениях[22].

Реакция советской стороны на этот комплекс пропагандистских материалов была весьма болезненной. Только этим можно объяснить опубликование листовки «К русским людям, обманутым немцами». По некоторым источникам её текст был написан И.В. Сталиным[23].

В ней Власова обвиняли в том, что он в 1937–1938 гг. был активным участником контрреволюционных троцкистских организаций и вместе с другими врагами народа пытался загубить нашу Родину. Далее из текста следует, что его неоднократно прощали и даже повышали в должности. Летом 1941 г. под Киевом он сдался немцам в плен и завербовался к ним «как шпион и провокатор». После этого он вернулся в расположение Красной армии и получил возможность «доказать свою невиновность». Власов последовательно сдал немцам свои армии под Киевом, Москвой и Ленинградом, после чего окончательно перебежал к своим хозяевам летом 1942 г.[24].

Такие заявления вызвали недоумение и скепсис среди русского населения на оккупированных территориях. Немецкие и власовские пропагандисты предприняли ряд шагов для закрепления этой реакции. Были отпечатаны листовки, факсимильно воспроизводившие те номера советской «Правды» и «Красной звезды» за 1941–1942 гг., где генерал Власов в числе других назывался одним из героев Московской битвы[25].

В связи с тем, что тыловые советские пропагандистские службы не всегда могли оперативно откликнуться на ту или иную вражескую акцию, не владели всей полнотой информации по конкретным районам, резко возросла роль листовок и прокламаций, выпущенных силами сопротивления. Ряд политорганов, в частности 5-й партизанской бригады, решили отказаться от тиражирования листовки «К русским людям, обманутым немцами» и в ответ на «Открытое письмо генерала Власова» было сочинено «Открытое письмо рабочих и крестьян оккупированных районов Ленинградской области генералу Власову». В нём анализировались все аргументы в свою защиту бывшего командующего 2-й Ударной армией. Его спрашивали: «... ты называешь себя честным русским солдатом, а скажи, кто из подлинных сынов русского народа когда-либо перебегал в стан врага?»[26].

Признав сам факт участия Власова в битве под Москвой, представители сопротивления отвергли утверждения прокламаций РОА, где Власов назывался «отцом Московской победы Красной армии». Народные мстители в своей листовке писали: «Не ты разгромил немцев под Москвой, а русские воины... под руководством генерала Жукова и других советских полководцев»[27].

Основной упор в критике власовцев делался на положение о новой России: «...а что будет нового в ней, если она будет находиться под пятой злейшего врага русского народа – немецких оккупантов?»[28]. Эта листовка оказалась одной из первых в комплексе пропагандистской литературы, выпущенной сопротивлением для солдат РОА. За ней последовали «Власову», «Кто такие добровольцы», «К лицам, состоящим на службе у немцев».

Работа советского сопротивления велась по двум основным направлениям: прокламации, рассчитанные на полицейских, и прокламации, предназначенные легионерам и власовцам.

Материалы, адресованные представителям «службы порядка», были малотиражными, иногда писались от руки, часто обращались к жителям конкретных деревень и районов. Их структура наиболее характерно выражена в воззвании «К молодёжи, поступившей в немецкую полицию». В её начале полицаям напоминали о том, что и они когда-то были советскими людьми. «... Только поэтому мы в последний раз обращаемся к тебе». Далее писалось о том, что настоящий русский человек и патриот не может помогать грабить свою землю чужеземным захватчикам. Но «... если тебе это нравится, то радуйся каждому прожитому тобой дню: их осталось немного. Красная армия и партизаны не щадят предателей!»[29]. Все листовки, обращённые к полицейским, обычно кончались словами: «Иди же к партизанам! Иди смело! Принеси оружие. Родина простит тебя, если сам придёшь к ней!»[30]. Кроме этого, в конце прокламаций народные мстители часто публиковали списки казнённых ими полицейских, активно сотрудничавших с оккупантами[31].

В ходе разложения вооружённых формирований РОА и национальных легионов советские пропагандисты должны были решить следующие задачи: разоблачение вражеских средств массовой информации, говорящих о зверствах партизан по отношению к перебежчикам, анализ причин, заставивших немцев на третьем году войны пойти на создание русской армии, вскрытие подлинных целей, стоящих перед коллаборационистскими соединениями. Для этого политработники проводили беседы практически с каждым солдатом РОА, оказавшимся в рядах партизан. Кроме сведений о дислокации и степени вооружённости частей РОА в тех районах, из которых они бежали, узнавали имена их бывших сослуживцев, место их рождения, деятельность до войны, привычки[32].

Эту информацию использовали при составлении листовок, адресованных конкретным людям. Их обычно подписывали бывшие власовцы и полицейские. Некоторые прокламации были составлены в форме вопросов и ответов. Вопросы ставились следующие: почему гитлеровцы не помышляли о создании русской добровольческой армии в начале войны против Советского Союза? Почему немцы сейчас любыми путями вербуют волонтёров в РОА? Ответы на них давались такие: «В начале войны фашисты надеялись на блицкриг, сейчас же им не хватает своих солдат, и они сгоняют в свою армию русских людей»[33].

В листовках «Что такое РОА?» партизанские пропагандисты анализировали основные аргументы идеологов власовского движения, которыми те прикрывали необходимость создания единого с Германией антибольшевистского фронта. Тех солдат РОА, которых вражеская

пропаганда на время дезориентировала, спрашивали: «Что может быть русского в армии, которую формируют и обучают немцы, которая действует по наставлениям и приказам немцев, призвана служить фашистам против своих же русских братьев?»[34].

Призывая солдат РОА переходить на свою сторону, партизаны объясняли им, что не может называться армией «... разношёрстная кучка людей, которых немцы согнали из лагерей военнопленных и других мест путём насилий, угроз и обмана для того, чтобы под флагом «освобождения» завоевать Россию». Кроме этого, в пропагандистских материалах данной группы народные мстители обыгрывали тот факт, что в РОА присяга приносилась «Адольфу Гитлеру как вождю и главнокомандующему освободительными армиями», а не генералу Власову и тем более не русскому народу.

Мероприятия, направленные на разложение вражеских формирований, осуществлялись партизанскими разведчиками и пропагандистами, а также добровольцами из мирного населения. Силам сопротивления в процессе подготовки вооружённого восстания в тылу врага летом-осенью 1943 г. удалось внедрить своих агентов практически во все сферы деятельности коллаборационистов. Особое внимание при этом обращалось на различные пропагандистские курсы и школы, организованные оккупантами.

В ряде крупных населенных пунктов гитлеровцы открыли несколько специальных учебных заведений для местного населения. Так в Дно, Порхове, Пскове, Луге школы, имевшие штат 5–6 преподавателей и 10–20 слушателей, решали следующие задачи оккупантов: вербовка и подготовка пропагандистских кадров из числа интеллигенции или хотя бы ее идеологическая обработка в пронацистском духе.

Школы функционировали круглый год, имели специальные помещения с оборудованными залами, комнаты для занятий, библиотеки. Посещение лекций считалось обязательным для учителей, врачей, служащих оккупационной администрации. На лекциях, единый цикл которых читался от одной до трех недель, слушателей (в зависимости от их профессиональной принадлежности) знакомили с организацией здравоохранения, системы народного образования, управления и т. д. в Германии.

На остальных занятиях критиковали ВКП(б) и советский государственный и политический строй России после 1917 г., советскую культуру, быт, науку и искусство. Порядки в Советском Союзе всесторонне противопоставлялись жизни в Третьем рейхе. Германия называлась подлинно национальным, социально-справедливым государством, в отличие от «жидо-большевистского СССР», где русский народ порабощен «евреями и англо-американскими плутократами»[35].

Школами руководили офицеры-пропагандисты вермахта. К чтению лекций, кроме русскоговорящих немцев, привлекались и русские послереволюционные эмигранты, проживающие в Германии. С 1943 г. в этой роли стали использовать местных, наиболее проверенных пропагандистов[36]. Все время обучения слушатели жили на казарменном положении. Их бесплатно три раза в день кормили, а с 1943 г. им стали выдавать форму РОА.

С 1943 г. школы стали специализироваться по различным направлениям – отдельно готовились пропагандисты для личного состава РОА, для работы на линии фронта, с эвакуированными, женщинами, молодёжью. Для лучшего решения этой задачи с 1943 г. обучение мужчин и женщин стало производиться раздельно[37]. По окончании курса в их обязанности входило проведение пронемецкой агитации и пропаганды, распространение нацистской литературы среди населения волости или района. Все они были должны доносить вышестоящему начальству (как из немцев, так и из русских коллаборационистов) о настроении жителей вверенных им районов, о проявлениях недовольства оккупационным режимом, о коммунистах, комсомольцах и всех просоветски настроенных гражданах[38]. С 1943 г. каждое выступление перед населением стало оплачиваемым – пропагандист получал по 25 оккупационных марок[39]. Материальное поощрение было связано с усилением партизанского движения и возросшей опасностью для данного вида деятельности коллаборационистов.

Руководство пропагандистских школ рекомендовало своим выпускникам сравнивать положение населения при оккупантах и в предвоенные годы. Темы докладов утверждались следующие: пороки колхозной системы и достоинства ведения хозяйства единолично; налоги в Советском Союзе и при немцах; почему Русская освободительная армия борется с большевизмом; кто победит в этой войне. Населению в ходе встреч зачитывались выдержки из коллаборационистских газет и объяснялась необходимость эвакуации в немецкий тыл[40].

Женские школы обучали пропагандисток для работы как с личным составом РОА, так и с эвакуируемым в немецкий тыл населением. При поступлении в данную школу требовалось наличие высшего или среднего образования, общая развитость, верность идеям национал-социализма. Возраст курсанток варьировался с 18 до 40 лет[41].

Занятия продолжались одну–две недели. Слушательницам читались следующие дисциплины: что такое национал-социализм, расовая теория, советская и немецкая женщины, манифесты генерала Власова. Ещё в ходе обучения курсантки были обязаны посещать железнодорожные станции и пункты сбора эвакуируемых граждан, где среди людей, которых насильственно отправляли в немецкий тыл, они

распространяли нацистскую литературу на русском языке и внушали мысль о том, что все остающиеся люди будут уничтожены Красной армией и её комиссарами, потому что они «видели свободу»[42]. При посещении госпиталя для солдат РОА и карателей с ранеными и больными, кроме распространения газет и листовок, разучивались популярные советские песни. Однако, в них были новые слова: теперь «три танкиста, три весёлых друга» служили в РОА, а смысл песни «Легко на сердце от песни весёлой» сводился к благодарности немцам за то, что русское крестьянство стало хозяином на своей земле[43].

Молодёжные школы (туда принимали юношей 16–20 лет) кроме общепропагандистских задач занимались подготовкой вербовщиков в Русскую освободительную армию. Им читали лекции по методике вербовки, о воспитании молодёжи в Германии, о задачах РОА и о роли пропаганды среди советского гражданского населения, находящегося в тылу у немцев[44]. Во время учёбы в школе курсанты по заданию немцев ходили на железнодорожные станции, к эвакуируемым людям. Они посещали лагеря военнопленных (для этого им выдавался специальный пропуск) и организовывали встречи с молодёжью. В ходе этих мероприятий распространялись коллаборационистские газеты «Доброволец», «Заря», журнал «Блокнот солдата РОА», прокламации с выступлениями генерала Власова и листовки о командирах РОА. Основной целью, которую ставило перед курсантами немецкое руководство, было вовлечение в РОА новых добровольцев и обеспечение очередного полного набора в пропагандистские школы[45].

По замыслу оккупантов, пропагандисты низшего звена, такие, как волостные пропагандисты, старосты, письмоносцы, должны были обеспечить тотальное идеологическое воздействие на гражданское население в условиях неудач вермахта на фронтах Великой Отечественной войны. Следует отметить, что успешное противодействие сил советского антигитлеровского сопротивления сорвало эти планы.

Радиоузлы и радиосети действовали во многих городах и населённых пунктах Северо-Запада РСФСР. Так, во Пскове программа радиопередач строилась следующим образом: до шести раз в день передавались «последние и фронтовые известия», статьи из газет «За родину» (Псков) и «Правда» (Рига), до 3–4 раз в день транслировались концерты и записи на грампластинках, в репертуар включались русские народные песни, рассказы, музыка и т. п., иногда на мелодии советских песен исполнялись произведения антисоветского содержания. В 1943 г. по радио стали организовываться выступления лиц, «пострадавших от бандитов-партизан» и «раскаявшихся в своих преступлениях партизан»[46].

В 1943 г. сфера деятельности гитлеровских пропагандистских служб была ограничена лишь крупными населёнными пунктами. Часть

«Домов просветителей», выполнявших пропагандистские функции, в районных центрах была практически ликвидирована, а их кадры рассредоточены по крупным немецким гарнизонам[47].

В процессе создания структур Русской освободительной армии оккупанты и их помощники из числа местного населения, всячески подчёркивали, что её организация идёт исключительно по инициативе «русского национального антибольшевистского движения»[48]. Для придания большего авторитета в глазах населения оставшиеся «Дома просветителей» были слиты с библиотеками при «Доме просветителей» и театральным отделом (исполнявшим до этого не только пропагандистские, но культурно-просветительские функции).

Новая служба получила название «отдел пропаганды и просвещения». Коллаборационистские журналисты приступили к выпуску печатного органа отдела, журнала «Блокнот солдата РОА»[49]. В функции отдела пропаганды и просвещения входила организация антисоветских и антипартизанских выступлений пропагандистов перед населением. Предполагалось создать на местах (в том числе и там, где ранее существовали «Дома просветителей») «уголки просвещения», снабжённые нацистскими газетами, брошюрами и плакатами. По замыслу организаторов, уголки должны были сплотить вокруг себя «всех лиц, разделяющих идеи русского освободительного движения»[50]. Кроме проведения пропагандистских и культурных мероприятий, отдел занимался вербовкой волонтёров в РОА и помогал семьям добровольцев.

Процесс реорганизации нацистских пропагандистских служб практически совпал с завершением коренного перелома в Великой Отечественной войне – успешным наступлением Красной армии под Орлом и Белгородом. В этих условиях партизанские соединения Северо-Запада РСФСР под руководством Ленинградского штаба партизанского движения летом 1943 г. приступили к подготовке всенародного вооружённого восстания в тылу врага. Поэтому работа нацистских пропагандистов могла вестись лишь в больших населённых пунктах, где находились крупные немецкие гарнизоны: в Пскове, Луге, Дно. Юго-восточные районы региона, где силы советского сопротивления были наиболее сильны, оказались полностью очищены от оккупационных пропагандистских служб[51].

В конце 1943 – начале 1944 гг., по мере успешного наступления Красной армии все эти школы были эвакуированы на территорию Прибалтики, а затем и в Германию. Занятия в них постепенно сворачивались из-за отсутствия реальной базы и контингента учащихся. Все выпускники в дальнейшем стали использоваться в качестве штатных сотрудников РОА[52].

Весной 1943 г. немецкая разведка подготовила план крупномасштабной пропагандистской операции «Акция Просвет». Согласно этому плану, красноармейцы получали информацию, что с ними воюют не только немцы, но и их «борющиеся за свободную Россию бывшие товарищи». Советских солдат должны были убеждать в том, что «...при переходе на немецкую сторону их будут рассматривать не как военнопленных, а как равноправных соратников в рядах русской национальной армии»[53]. В немецких пропагандистских радиопередачах и листовках всячески подчеркивалось, что «...если раньше германское командование не придавало значения формированию русских добровольческих отрядов и смотрело на них скорей как на средство использования рабочей силы в прифронтовой полосе на предмет работ по укреплению позиций и полицейской службы, то теперь, когда численность добровольцев настолько возросла, возможность их использования на линии фронта стала напрашиваться сама по себе»[54].

Эту акцию нацисты собирались провести под Ленинградом, между Ораниенбаумом и Петергофом. Ставка делалась на личное участие в ней генерала Власова. Но во время выступлений перед мирным населением на оккупированных территориях России и военнопленными последний допустил ряд вольностей. Его заявления о будущей независимой России вызвали неудовольствие со стороны нацистской партийной верхушки.

17 апреля 1943 г. вышел приказ фельдмаршала Кейтеля, адресованный командующим группами армий. В нем говорилось о том, что «ввиду неправомочных, наглых высказываний военнопленного генерала Власова... фюрер не желает слышать имени Власова ни при каких обстоятельствах, разве что в связи с операциями чисто пропагандного характера, при которых может понадобиться имя Власова»[55]. Это изменение в содержании немецкой пропаганды сразу же отметили советские спецслужбы. В обзоре «О структуре и деятельности "Русского комитета" и "Русской освободительной армии", возглавляемой Власовым», составленном ленинградскими чекистами в конце августа 1943 г., отмечалось, что «...в течение июля-августа пропаганда "власовского движения" в антисоветских радиопередачах на русском языке сведена почти на нет. За исключением переданной 7 августа "программной речи" Власова перед представителями частей Русской освободительной армии ничего не передавалось»[56].

В конце 1943 г. в условиях начавшейся передислокации своих служб из прифронтовых районов Ленинградской области командование вермахта, абвер и министерство пропаганды пошли на создание аппарата «Норд», который сочетал в себе как разведывательные, так и пропагандистские функции. Размещенный в Риге, он взял под свой контроль пропагандистскую сеть Прибалтики, а также структуры,

эвакуированные с территории Северо-Запада РСФСР. В «Норд» входило несколько отделов. Отдел пропаганды занимался пропагандистской деятельностью в подразделениях РОА и среди эвакуированного в Прибалтику русского населения.

Отдел 1 Ц готовил агентуру из числа советских граждан для работы в СССР после войны, а также занимался контрразведывательной работой среди личного состава органа «Норд». Этот отдел занимался активной работой на оккупированной территории Северо-Запада РСФСР ещё с самого начала войны – с лета 1941 г. Его деятельность распространялась на северную группировку немецких войск. Изначально его возглавлял полковник Кипп. Работники отдела располагали широкой сетью агентуры и проводили большую вербовочную работу среди мирного населения. Агенты готовились для переброски в тыл советских войск и внедрения в ряды советских партизан и сопротивления.

В подчинении отдела 1 Ц находились 104-я, 204-я и 304 абверкоманды. Абверкоманда 104 располагалась во Пскове. Ее возглавляли вначале подполковник Гемприх, а затем подполковник Шиммель. В команду входили 311-я и 312-я абвергруппы. Они вели разведку на участке фронта 16-й и 18-й немецких армий и диверсионно-разведывательную работу против Ленинградского и Волховского фронтов[57].

Отдел 1 А (подобный отделу 1 А при СД (следственный отдел — Б.К.) расследовал полученный материал от отдела 1 Ц и отдела пропаганды. Находился в тесном контакте с отделом 1 Ц.

Отдел 1 Д включал в себя фотолаборатории, которые, кроме изготовления различных плакатов и фотографий пропагандистского характера, занимались изготовлением подробных топографических карт, куда заносились данные разведывательного характера.

Отдел 1 Б (считался наиболее засекреченным во всей службе — Б.К.) готовил так называемых «агентов влияния», в задачи которых входило разложение изнутри послевоенных советских и партийных органов.

Кроме перечисленных отделов, штабу органа «Норд» подчинялась типография, издававшая газету «За Родину». Формально она именовалась органом издательства Русского комитета, но фактически издавалась отделом пропаганды.

Из Прибалтики, а так же с территории союзной фашистской Германии Финляндии, при помощи разветвленной сети радиостанций, на территорию, освобождённую Красной армией, было организовано радиовещание. На Северо-Запад России были ориентированы следующие радиостанции противника: «Висла–Варшава», «Голос народа», «Старая гвардия Ленина», «Лахти»[58]. Наиболее активно работала «Лахти» (Финляндия), чьи передатчики работали как на советскую Карелию, так и на Ленинград. В течение 1943 г. она приняла участие

в крупномасштабном пропагандистском мероприятии «Акция Власов». В своих антисоветских передачах на русском языке она регулярно сообщала о Русской освободительной армии, созданной весной 1942 г. (хотя первые упоминания о ней стали появляться в немецкой пропаганде весной 1943 г. – Б.К.). При этом бывший генерал-лейтенант Красной армии А.А. Власов, вставший на путь предательства и сотрудничества с нацистами, именовался как «вождём русского освободительного движения», так и «руководителем Русской освободительной армии»[59].

«Акция Власов» была направлена не только на создание активного русского коллаборационистского движения в зоне немецкой оккупации. Она стремилась вызвать в советском тылу рецидив массовых репрессий образца 1937–1938 гг. Для этого Власов (или более точно, немецкая пропаганда, использовавшая его имя как ширму) заявлял о том, что в Советском Союзе всегда была активная антикоммунистическая оппозиция: «...В Красной армии, в её высших кругах, были русские люди, истинные борцы за русский народ. Они не хотели большевизма и мы, представители этих людей, хотели эту власть уничтожить и создать русскую власть. Но... в 1937 г. лучший цвет комсостава Красной армии был уничтожен». Выступая перед сотрудниками псковской коллаборационистской газеты «За родину» Власов сообщил журналистам о том, что «Сейчас по ту сторону фронта людям живётся очень тяжело. Там трудно организовать восстание против Сталина. Но всё же, наши люди по ту сторону фронта не дремлют. Они соединяются между собой и готовятся к свержению ненавистного большевизма»[60].

Власовым весной 1943 г. была совершена поездка по оккупированным районам Ленинградской области. Он посетил города Псков, Лугу, станцию Толмачёво. Его выступления сводились к пропаганде так называемой «национальной идеи» и «задач русского народа», которые он противопоставлял борьбе народов Советского Союза с германским нацизмом. Русская национальная идея трактовалась им как «...идея, поднявшая весь русский народ на борьбу против большевизма. Сталин по требованию обстоятельств схватился за русскую национальную идею. Он использует её для того, чтобы отсрочить свою гибель, а затем уничтожить русскую национальную идею, заставляя её служить целям большевистской пропаганды»[61].

Задачи мирного русского населения оккупированных немцами областей определялись следующим образом: «Сейчас мы, мирное население освобождённых областей, ведём эту борьбу против большевизма засевая поля, открывая магазины, приступая к ремеслам, службе в учреждениях. Мы включаемся в тотальную войну против жидовско-сталинской банды и тем создаём новую жизнь. Это идея русских. Русские идут в "Русскую освободительную армию" и ради неё несут трудности

тотальной войны»[62]. Усиленная пропаганда «власовского движения» была направлена на привлечение на его сторону как можно большего числа людей. При этом средства немецкой пропаганды пытались убедить общественное мнение в том, что в течение нескольких месяцев к Власову пришло более миллиона человек. Так радиостанция «Лахти» 21 мая 1943 г. сообщила, что численность РОА достигает 750 тысяч человек. Но уже 10 июля этого же года прошла информация о том, что «на территории освобождённой России создана миллионная Русская освободительная армия»[63].

Но нацистская пропаганда не была монополистом в процессе воздействия на население. Долгие месяцы нацистской оккупации Северо-Запада России (1941–1944 гг.) способствовали не только развитию партизанского движения, но и определённому «раскрепощению» антигитлеровской пропаганды. Если в 1941 г. партизанские типографии могли в лучшем случае опубликовать выдержки из сводок Совинформбюро, то к 1943 г. они стали более чем самостоятельными.

Зимой 1942-1943 гг. ситуация на фронтах Великой Отечественной войны начинает радикально меняться. Победа Красной армии под Сталинградом и прорыв блокады Ленинграда заставили командование вермахта передислоцировать свои силы. Сокращения ряда тыловых гарнизонов на оккупированной территории Ленинградской области позволили силам советского сопротивления резко активизировать боевую и политическую работу. Всё это потребовало дополнительной консолидации всех сил советского сопротивления.

6 мая 1943 г. Ленинградский обком ВКП(б), обсудив состояние дел на захваченной врагом территории, признал целесообразным восстановить районное партийное звено. В связи с тем, что часть секретарей райкомов и горкомов погибла, обком попросил ЦК партии утвердить новые кандидатуры на эти должности, главным образом из числа партийных работников и коммунистов, хорошо зарекомендовавших себя на подпольной работе или в партизанских отрядах[64].

В этих условиях заметно возросла роль печатной пропаганды. Это во многом определялось тем обстоятельством, что Ленинградский штаб партизанского движения (ЛШПД) кроме увеличения тиража издаваемых для населения оккупированной территории газет и листовок, стал направлять в распоряжение партизанских бригад и соединений полиграфическое оборудование и журналистов-профессионалов. Содержание материалов, помещавшихся в партизанских изданиях, обсуждалось непосредственно на местах. Это давало возможность не только оперативно информировать население о положении дел на фронте и в стране, но и быстро откликаться на злободневные практические вопросы партизанской борьбы, положения на оккупированной врагом территории.

Вся политическая организационная работа советского сопротивления летом 1943 г. была направлена на усиление партизанского движения и подготовку всенародного восстания в тылу врага. Население призывалось к саботажу политических и экономических мероприятий оккупационных властей. Для выполнения этих задач партизаны и подпольщики давали задания конкретным лицам срывать то или иное мероприятие гитлеровцев[65].

Многосторонняя деятельность подпольных райкомов партии и политотделов партизанских бригад способствовала дальнейшему росту рядов народных мстителей за счёт вовлечения в них добровольцев из числа местного населения. Рост партизанского движения можно объяснить несколькими факторами: характером нацистского оккупационного режима, успехами Красной армии на фронтах, усилением антигитлеровской пропаганды.

События на Курской дуге, завершившие коренной перелом в Великой Отечественной войне, а также подготовка крупномасштабного наступления Красной армии под Ленинградом поставили перед партизанами и подпольщиками важную задачу: срыв немецких планов по эвакуации населения и вывозу материальных ценностей из центральных и западных районов области.

Летом – осенью 1943 г., стремясь затормозить рост партизанского движения, изолировать его от народа, обезопасить свои коммуникации, гитлеровское командование приняло решение выселить всё население с территории от линии фронта до позиций «Пантера», которые являлись северным участком «Восточного вала» и проходили по западной границе Ленинградской области.

Гитлеровцам не удалось полностью осуществить свои планы, а в ряде районов (в первую очередь в местах дислокации 2-й и 5-й партизанских бригад) они были сорваны. Партизанское движение в Ленинградской области вступило в новый этап – подготовки к совместным с РККА боевым действиям по полному изгнанию оккупантов с территории Северо-Запада РСФСР.

ЛШПД, учитывая сложившуюся обстановку, 24 сентября 1943 г. обратился к рабочим, крестьянам и интеллигенции оккупированных гитлеровскими захватчиками сёл и городов с воззванием, в котором население призывали к «беспощадной истребительной войне против немецких оккупантов»[66].

Силам советского сопротивления удалось при помощи большей координации своих действий заметно усилить идеологическое влияние на население. Если в 1942 г. Ленинградский обком ВКП(б) и ЛШПД направили в тыл врага свыше 2 млн листовок[67], то в 1943 г. их количество возросло до 6 млн[68].

В сфере деятельности партизанских бригад восстанавливались оргтройки, от которых народные мстители были вынуждены отказаться после ликвидации первого Партизанского края. Оргтройки и политотделы бригад в восьми партизанских соединениях из тринадцати организовали издание газет[69]. Кроме распространения местной печатной продукции и регулярных встреч с населением, представители политотдела выдавали своим агентам из числа мирных жителей специальные штампы с лозунгами, разоблачавшими «новый порядок» гитлеровцев и «новую русскую администрацию». Они предназначались для специального надпечатывания немецких приказов, распоряжений, листовок в местах дислокации вермахта. На них стояло: «Не верьте фашистской лжи!», «Очередная гитлеровская ложь!», «Смерть немецким оккупантам!», «Идите в партизанские отряды!», «Да здравствует советская власть!».

В 1943 г. можно говорить об определённой деидеологизации антигитлеровской пропаганды. В условиях вражеской оккупации росло стихийное сопротивление захватчикам. Партизанские разведчики получили от командования задачу по организации первичных подпольных ячеек из местных коммунистов и людей, преданных советской власти. На учёт брались все, кто хоть чем-нибудь мог помочь силам сопротивления. Помощники партизан в деревнях оказывали посильную помощь народным мстителям в проведении разъяснительной работы среди односельчан, собирали разведданные о гарнизонах противника, их передвижении, строительстве вермахтом оборонительных сооружений[70].

В своей пропагандистской деятельности эти добровольные помощники проявляли значительную степень самостоятельности. Используя партизанские газеты и листовки, а также материалы с «большой земли», свои выступления, посвящённые необходимости борьбы с фашистами, они часто строили, в том числе, и на элементах критики предвоенных советских порядков. Слушателей подводили к мысли о том, что все перегибы 1930-х гг. (коллективизация, необоснованные репрессии) будут обязательно исправлены после войны.

Подобные акции имели исключительно большую отдачу. Население, до этого в значительной степени запуганное карателями, стало более активно помогать народным мстителям. Практически все добровольные пропагандисты были награждены в 1944 г. медалью «Партизану Отечественной войны». Однако часть из них (особенно бывшие старосты, учителя, агрономы) в 1949–1950 гг. была осуждена органами государственной безопасности за «антисоветскую агитацию и пропаганду в годы Великой Отечественной войны»[71].

В конце марта 1943 г. в ряде бригад возобновили выпуск боевых листков и газет, целиком построенных на местных материалах. В них отражались боевые дела конкретных отрядов, рассказывалось о лучших

бойцах, проявивших себя в боях с оккупантами и в политической работе с населением[72]. Бригадам, как крупным партизанским соединениям, были приданы новые походные типографии «Лилипут». Они были исключительно удобны, их наличие позволило силам сопротивления быстро и качественно наладить выпуск листовок и газет. Они предназначались как партизанам, так и гражданскому населению. В них ставились следующие вопросы: о расширении партизанской войны, росте отрядов и воспитании новых кадров, зверствах фашистов и их пособников, фактах помощи партизанам, положении на фронтах, срыве мероприятий, проводимых немецким командованием. Ряд листовок и газет специально обращался к военнопленным, полицейским и коллаборационистам[73].

В марте 1943 г. в сфере действия ЛШПД в партизанских отрядах и подпольных организациях имелось шесть типографий «Лилипут» и восемь шапирографов. Руководителями партизанского движения было намечено в течение ближайших месяцев забросить в немецкий тыл для партизан ещё семь типографий «Лилипут»[74].

Всего весной 1943 г. на оккупированной территории Северо-Запада России было вновь создано 11 типографий. В них печатались газеты «Звезда» – орган Новгородского райкома партии, «Колхозная стройка» – орган Струго-Красненского райкома партии, «Новосельская правда» – орган Новосельского райкома партии, «Путь к социализму» – орган Шимского райкома партии. Начали выходить «Партизанская правда», «Партизанская месть» и «Народный мститель» – печатные органы 2-й, 3-й и 5-й партизанских бригад[75].

Непосредственно в Ленинграде обкомом ВКП(б) и ЛШПД с 17 апреля 1943 г. было организовано регулярное издание для населения оккупированных районов газеты «За советскую Родину». Ответственным редактором в эту газету был назначен И.В. Виноградов[76]. Кроме этого осуществлялся выпуск «Ленинградского партизана» – для народных мстителей, «Смены» – для молодёжи и «Юный мститель» – для детей в занятых врагом районах[77].

С мая по ноябрь 1943 г. на оккупированную территорию было доставлено почти 520 тысяч экземпляров газет и листовок. Частично полученные материалы дополнительно тиражировались в партизанских типографиях, но всё же основная часть изданий, выпускавшихся народными мстителями, строилась на местных материалах[78].

В течение 1943 г. перед силами сопротивления встала задача более тесной консолидации с местным населением. Это было необходимо для срыва планов немецкой администрации по депортации русского населения в глубь оккупированных территорий и успешной подготовки к вооружённому восстанию в тылу врага.

Основными формами работы с мирными жителями по-прежнему было распространение партизанской разведкой и политорганами

отрядов советских газет и листовок, а также непосредственные встречи с людьми. По инициативе комсомольцев-партизан стали широко проводиться вечера самодеятельности с местной молодёжью, на которых пели советские песни и самими сочинённые частушки антифашистского содержания[79] под аккомпанемент баяна и струнных инструментов. Обычно такие встречи начинались рассказами об успехах Красной армии и положении в СССР. Эти беседы население оккупированных территорий воспринимало с большим воодушевлением, «оно всё крепче начинало верить в неизбежность разгрома немецко-фашистских захватчиков и оказывало сопротивлению посильную помощь»[80].

Успехи советской стороны летом 1943 г. можно объяснить не только наступлением Красной армии под Курском и Орлом, активизацией партизанами боевой и политической деятельности, но и успешными контрпропагандистскими акциями. Командованием бригад был взят курс на срыв деятельности немецко-власовской пропагандистской машины. Ряд районов был полностью изолирован для проникновения туда вражеской прессы. Всем старостам рассылались письма, в которых, помимо приказа не допускать каких-либо реквизиций со стороны вермахта, содержалось запрещение на распространение коллаборационистской прессы и прочей «немецко-фашистской литературы»[81].

Партизанская агентура предприняла ряд успешных террористических актов против сотрудников коллаборационистской печати. Наиболее известный журналист, печатавшийся не только на оккупированной территории Ленинградской области, но и в Риге, Берлине, Игорь Свободин, был выкраден из редакции газеты «За родину» в Пскове и повешен на шоссе Ленинград–Киев[82].

Во второй половине 1943 г. коллаборационистская печать продолжала функционировать лишь для жителей крупных населённых пунктов, где находились немецкие гарнизоны. Недостаток информации с мест она компенсировала перепечатками сводок германского командования, своими комментариями этих сводок, а также регулярными публикациями русской классики и «выдающихся деятелей русской культуры». Иногда рассказы А.П. Чехова, И.С. Тургенева, стихотворения А.С. Пушкина, воспоминания Федора Шаляпина[83] занимали до двух полос из четырёх. Подобную подборку можно объяснить не только декларированной любовью русских коллаборационистов к национальному наследию, но и катастрофическим положением гитлеровцев на фронте и в тылу. Кроме этого, нужно учитывать тот факт, что партизаны полностью разрушили связь редакций этих изданий со своими корреспондентами на местах. Вместо какой-либо информации, интересующей коллаборационистов, им присылались из районов партизанские листовки и письма нецензурного содержания[84].

В августе–сентябре 1943 г. командование партизанских бригад выпустило рекомендации по повышению эффективности работы с населением. Пропагандистам предлагалось взять за основу слова Н.Г. Чернышевского: «Приукрашивать и маскировать действительность, представлять её народу в препарированном виде не следует»[85].

Гражданских лиц нужно было в первую очередь оповещать о замыслах фашистов по опустошению Ленинградской области, о положении насильственно депортированных в Прибалтику, об успешном наступлении Красной армии и о мерах, принимаемых советской властью и силами сопротивления по восстановлению разрушенных войной хозяйств. Подобная деятельность способствовала срыву немецких планов полной эвакуации хозяйств и гражданского населения из прифронтовой полосы, давала возможность народным мстителям успешно готовиться к вооружённому восстанию в тылу врага.

Значительный резерв живой силы из числа волонтёров давал возможность использовать всех сочувствующих партизанскому движению на строительстве местных лагерей, где население должно было скрываться от депортации. Поднимая вопрос «Что требует сейчас Родина от живущих на оккупированной территории», партизанские агенты призывали всех, кто не в состоянии взять в руки оружие, всячески вредить оккупантам, не допускать никаких поставок в немецкую армию, препятствовать любым попыткам вывоза материальных ценностей в Германию, саботировать строительство оборонных сооружений и ремонт дорог[86].

В условиях, когда немецкая администрация готовилась к будущему наступлению Красной армии, а большая часть коллаборационистских формирований была разложена антигитлеровским сопротивлением, подпольным партийным и комсомольским организациям удалось организовать крупномасштабную акцию по расклеиванию листовок и газет в пунктах дислокации гарнизонов вермахта – Луге, Порхове, Уторгоше и Стругах Красных[87].

Поскольку в партизанских типографиях ввиду активизации работы стал ощущаться дефицит бумаги и шрифтов, особые отделы и разведка получили задание добыть эти материалы в немецких типографиях, школах и учреждениях. Благодаря этому выпуск печатной продукции был несколько увеличен.

В ночь на седьмое ноября 1943 г. подпольщики водрузили красные флаги с лозунгами: «Смерть немецким захватчикам» в ряде населённых пунктов Уторгошского, Полновского, Лужского и Порховского районов. Так как подступы к ним были заминированы, то они провисели до позднего вечера[88].

Как уже отмечалось, в переносных партизанских типографиях печатались листовки под названием районных газет, выходивших здесь

до войны. В них рассказывалось об успехах Красной армии, население призывалось на борьбу против гитлеровских захватчиков. Таким образом, читателям давалось понять, что советская власть никуда не исчезла. Большинство газет и листовок заканчивалось призывом: «Помните, что каждый убитый немец приближает час вашего освобождения! Колите их вилами, рубите топорами, морите угаром, не выходите на расчистку дорог. Саботируйте проводимые мероприятия немцев. Помогайте партизанам бороться с немцами и их холуями!»[89].

Отдельные статьи посвящались пособникам и изменникам. Так, в заметке, опубликованной в газете «Путь социализма» (Шимский район, Ленинградская область), разоблачались предатели Морозов, Митрофанов и Бауэр. Заканчивалась она словами: «Советские граждане, уничтожайте предателей нашей Родины, как бешеных собак!»[90].

Партизаны и подпольщики стремились оперативно откликаться на все действия нацистов и их пособников, рассказывать о своих успехах, консолидировать население вокруг себя. Время мелочной опеки из центра, страха допустить какую-либо политическую ошибку прошло. Да и Ленинградский штаб партизанского движения отлично понимал – всё благо, что способствует победе над врагом.

Активная работа всех советских пропагандистских служб явилась одним из факторов успеха партизан и Красной армии, полностью снявших блокаду Ленинграда в ходе наступления зимой-весной 1944 г. В ходе становления партизанского движения советское сопротивление вело борьбу не только с вооружёнными силами противника, но с его идеологией. Пропагандистская атака нацистов и их союзников не достигла своей цели. В 1943 г. вся инициатива была в руках у советской стороны. Причины этому были следующие:

1) Активная боевая и массово-разъяснительная работа среди населения убеждала народ в том, что Советский Союз ведёт справедливую борьбу, что советский народ победит в этой войне. Разоблачались заверения немецких пропагандистов о непобедимости вермахта, прочности его завоеваний. Жителям убедительно показывали, что немецкая оккупация есть явление временное и что Красная армия скоро освободит всю территорию страны.

2) Провал немецкой социально-экономической политики.

3) Наступление РККА под Сталинградом, у Курска и Белгорода, начавшееся освобождение Украины убеждали народ и в скором разгроме врага на Северо-Западе России.

Если на первом этапе войны идеологические акции сил сопротивления полностью подчинялись указаниям из-за линии фронта, то по мере своего упрочения они становились всё более самостоятельными в выборе материалов и средств воздействия.

Органы идеологического воздействия партизанских бригад и соединений обеспечили работу не только с личным составом, но и с гражданским населением, успешно противодействовали вражеской пропаганде и массово разлагали коллаборационистские формирования. Советская пропаганда не сразу пришла к этому. Опыт идеологической работы накапливался в ходе самой войны. Силам сопротивления пришлось отказаться от таких представлений в области пропаганды, как преувеличение классового фактора, отказ от контрпропаганды, недооценка идеологического противника, жёсткая централизация всей работы, отсутствие инициативы снизу.

Примечания

[1] Архив Управления ФСБ России по Псковской области (далее – АУФСБПО). Д. 41586. Л. 21.
[2] Государственный архив новейшей истории Псковской области (далее – ГАНИПО). Ф. 9952. Оп. 1. Д. 4. Л. 10.
[3] Государственный архив новейшей истории Новгородской области (далее – ГАНИНО). Ф. 260. Оп. 1. Д. 139. Л. 61.
[4] Там же.
[5] Там же.
[6] Там же.
[7] Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее — ЦГАИПД СПб). Ф. 0-116. Оп. 9. Д. 1297. Л. 6.
[8] Там же.
[9] ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 197. Л. 121.
[10] Там же. Д. 42255 Л. 26.
[11] Там же. Л. 27 об.
[12] ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 9. Д. 138. Л. 100–102.
[13] Там же. Л. 102–105.
[14] Там же. Л. 102.
[15] Архив Управления ФСБ России по Новгородской области (далее – АУФСБНО). Д. 3986. Л. 18.
[16] ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 138. Л. 104.
[17] ЦГАИПД СПб. Ф. 0-116. Оп. 9. Д. 1721. Л. 17.
[18] Там же, Д. 1297. Л. 18.
[19] Там же. Д. 1297. Л. 6.
[20] Там же. Д. 667. Л. 41.
[21] Там же. Д. 1297. Л. 16.
[22] Там же.
[23] Из беседы с комиссаром 5-й партизанской бригады И.И. Сергуниным 10 марта 1993 г.
[24] ЦГАИПД СПб. Ф. 0-116. Оп. 9. Д. 1235. Л. 6.
[25] Из личного архива комиссара 5-й партизанской бригады И.И. Сергунина.
[26] ЦГАИПД СПб. Ф. 0-116. Оп. 9. Д. 1235. Л. 6.
[27] Там же.
[28] Там же.
[29] Там же. Д. 602. Л. 25.
[30] Там же.
[31] ГАНИПО. Ф. 9952. Оп. 1. Д. 4. Л. 5.

[32] Из личного архива комиссара 5-й партизанской бригады И.И. Сергунина.
[33] ЦГАИПД СПб. Ф. 0-116. Оп. 9. Д. 1235. Л. 21.
[34] Там же. Л. 29.
[35] АУФСБНО. Д. 1/7256. Л. 38.
[36] Там же. Д. 1/3986. Л. 37.
[37] Там же. Д. 1/7255. Л. 25.
[38] Там же. Д. 1/7256. Л. 94.
[39] АУФСБНО. Д. 1/7223. Л. 15.
[40] Там же. Д. 1/7174. Л. 98. Л. 62.
[41] Там же.
[42] Там же. Д. 1/7258. Л. 48—49.
[43] Там же. Л. 56—57.
[44] Там же. Д. 1/7276. Л. 35.
[45] Там же. Д. 1/7271. Л. 3.
[46] АУФСБНО. Д. 1/1075. Л. 23.
[47] Там же. Л. 32.
[48] ЦГАИПД СПб. Ф. 0-116. Оп. 9. Д. 1278. Л. 2.
[49] Там же. Д. 1297. Л. 74.
[50] Там же.
[51] ЦГАИПД СПб. Ф. 0-116. Оп. 9. Д. 1278. Л. 2.
[52] АУФСБНО. Д. 1/7255. Л. 70.
[53] *Штрик-Штрикфельдт В.* Против Сталина и Гитлера. Генерал Власов и Русское освободительное движение. — М., 1993. – С. 219—220.
[54] АУФСБПО. Д. 41563. Л. 9.
[55] *Штрик-Штрикфельдт В.* Против Сталина и Гитлера. Генерал Власов и Русское освободительное движение. — М., 1993. – С. 222.
[56] АУФСБПО. Д. 41563. Л. 35.
[57] Там же.
[58] АУФСБПО. Д. 42583. Л. 37.
[59] Там же. Л. 39.
[60] Там же. Д. 44362. Л. 21.
[61] Там же. Л. 24.
[62] Там же. Л. 24 (об.).
[63] Там же. Д. 42583. Л. 42.
[64] *Петров Ю.П.* Партизанское движение в Ленинградской области 1941-1944 гг. – Л., 1973. – С. 287.
[65] ЦГАИПД СПб. Ф. 0-116, Оп. 9, Д. 242, Л. 47.
[66] Листовки партизанской войны в Ленинградской области 1941-1944 гг. – Л., 1948. С. 228.
[67] ЦГАИПД СПб. Ф. 0-116. Оп. 8. Д. 12. Л. 73.
[68] Там же. Оп. 9. Д. 723. Л. 32.
[69] *Петров Ю.П.* Партизанское движение в Ленинградской области 1941-1944 гг. – Л., 1973. – С. 346.
[70] ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 193. Л. 68.
[71] АУФСБНО. Д. 1/4927. Л. 3.
[72] ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 205. Л. 3.
[73] Там же. Д. 205. Л. 4.
[74] ЦГАИПД СПб. Ф. 0-116. Оп. 8. Д. 45. Л. 127.
[75] *Никитин М.Н.* Партизанская война в Ленинградской области. – Л., 1943. – С. 78.
[76] Виноградов Иван Васильевич (1918–1999) – писатель, журналист, активный участник партизанского движения на Псковщине. После войны – редактор газеты «Псковская правда». Автор книг «Дорога через фронт», «Строки, пропахшие порохом», «Ленинградский обоз» и др.

[77] ЦГАИПД СПб. Ф. 0-116. Оп. 9. Д. 1121. Л. 1–10.
[78] Там же. Д. 700. Л. 28.
[79] ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 105. Л. 12.
[80] Там же. Д. 197. Л. 40.
[81] Там же. Л. 109.
[82] Из беседы с комиссаром 5-й партизанской бригады И.И. Сергуниным 10 марта 1993 г. По другим источникам, Игорь Свободин – псевдоним, кличка «Аркадий Гаев», настоящее имя Каракатенко Аркадий Герасимович, ведущий сотрудник газеты «За родину», редактор журнала «Вольный пахарь», преподаватель пропаганды в разведшколе под Псковом (с. Печки), после войны активно трудился в Институте по изучению СССР (Мюнхен), писал книжки и охотно давал интервью. Умер в 1970 г. – См., напр.: *Петров И.* Между карьеристами и шкурниками. Электрон. ресурс http://labas.livejournal.com/886482.html; а также http://www.tez-rus.net/?mod=Goods&act=17&good_id=45389; http://edapskov.narod.ru/nevozvrat.txt)
[83] Весьма объёмная книга Федора Шаляпина «Маска и Душа. Мои сорок лет на театрах» была опубликована на страницах псковской газеты «За Родину» в 1943–1944 гг.
[84] ЦГАИПД СПб. Ф. 0-116. Оп. 9. Д. 1743. Л. 1.
[85] ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 201. Л. 109.
[86] Там же. Л. 112.
[87] Там же.
[88] Там же. Л.114.
[89] ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 106. Л. 3.
[90] Там же.

Легионы СС и другие военизированные прибалтийские формирования на оккупированной территории СССР

Кантор Юлия Зораховна,
доктор исторических наук,
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена

Тема участия жителей Прибалтики в военных действиях и карательных акциях, проводимых нацистами на оккупированной территории СССР, табуированная в советское время, в течение двух постсоветских десятилетий остаётся предметом пристального внимания историков и, в не меньшей степени, политиков, как в России, так и в государствах Балтии. Амплитуда колебаний оценок велика: от признания прибалтийских коллаборантов «борцами за независимость» до «добровольных пособников нацистов».

Наибольшее внимание уделяется батальонам СС, и внимание это акцентируется преимущественно на их добровольческом характере (что отнюдь не всегда, как свидетельствуют документы, соответствует действительности). В тени остаются другие военизированные (парамилитаристские) формирования, созданные нацистами во время Великой Отечественной войны на территории Прибалтики как на добровольной основе, так и вследствие мобилизации, и принимавшие участие как в боевых действиях, так и в карательных акциях на территории РСФСР, БССР, УССР и, разумеется, самих прибалтийских республик, и, кроме того, в Восточной Европе. Между тем именно эти формирования – вспомогательная полиция, полиция порядка, охранные батальоны, батальоны самозащиты и т.д. – едва ли не больше запятнаны преступлениями против мирного населения, нежели прибалтийские части СС, использовавшиеся нацистами преимущественно на фронте*.

В современной отечественной (и тем более в исследованиях советского периода) и зарубежной литературе по данной проблематике практически отсутствует информация о перманентных изменениях в фактическом и юридическом статусе коллаборационистских

* Пик военной и карательной активности военизированных прибалтийских формирований, а также их численности приходится на 1943 г.

военизированных структур. Как и о том, что значительная часть созданных оккупантами прибалтийских парамилитаристских структур в течение 1941–1944 гг. «перетекала» в СС.

Неопубликованные документы Латвийского государственного исторического архива (где, в числе других источников об оккупационном режиме, хранится полная коллекция материалов оперативного штаба рейхсминистра восточных территорий А. Розенберга), Центрального архива ФСБ России (в частности, материалы «Рижского процесса» 1946 г. – трибунала над военными руководителями Остланда) вкупе с опубликованными новейшими российскими и зарубежными источниками и исследованиями позволяют детально реконструировать картину деятельности легионов СС и других военизированных прибалтийских формирований на оккупированной территории СССР.

В настоящей статье основной акцент сделан на деятельности легионов СС и других прибалтийских формирований в 1943 г. Однако для наиболее детальной реконструкции данного аспекта нацистской оккупации региона в этот период необходимо коснуться и предшествовавших фактов (начального этапа формирования военизированных формирований, их трансформаций в 1941–1942 гг. и т.д.) и отчасти – событий, которые, начавшись в 1943 г., продолжились в 1944 г.

Военная политика нацистов в отношении прибалтийских республик, объединённых ими в одно территориально-административное образование Остланд (куда до 1943 г. входила и северная Белоруссия), с 1941 г. по 1944 г. изменилась кардинально. Изначально и вплоть до 1942 г. использование парамилитаристских формирований как боевых частей оккупационными властями не подразумевалось. Как не планировалось и принуждение местного населения к службе в военизированных карательных структурах. Однако в связи с крахом идеи блицкрига, ростом советского партизанского движения и обилием «грязной работы» – расправ над военнопленными и евреями – и наконец, с нарастающим дефицитом людских ресурсов во вспомогательных и собственно боевых частях вермахта нацисты вынужденно пересмотрели свои планы. В Литве, Латвии и Эстонии уже к 1942 г. началась принудительная вербовка в разнообразные военизированные формирования – для службы в тылу, а затем и на фронте. Декларации нацистов о соблюдении в отношении прибалтов статьи Гаагской конвенции 1907 г., запрещающей государству-агрессору использовать население оккупированной страны в военных целях, были забыты. В 1943 г., когда после Сталинградской битвы военно-политическому руководству гитлеровской Германии стала ясна неизбежность поражения, встал вопрос о срочном пополнении сил вермахта в стратегически важных районах Восточного фронта. К этим районам относилась Прибалтика, ставшая теперь буфером между Россией и Третьим рейхом, а также его союзницей – Финляндией.

Одна за другой следовали мобилизации. 10 февраля 1943 г. А. Гитлер подписал приказ о формировании балтийских СС[1]. С этого же времени использование полицейских батальонов, отрядов самозащиты, охранных батальонов, вспомогательных структур, обслуживающих вермахт, и других нефронтовых военизированных частей, состоящих из жителей Прибалтики, на передовой становится повсеместным. Когда в Германии и её сателлитах была объявлена «тотальная война», в Латвии, Литве и Эстонии также началась всеобщая мобилизация.

Неизменными в течение трёх с лишним лет оккупации оставались лишь два – но основополагающих – принципа военной политики нацистов в отношении Остланда: запрет на воссоздание собственных национальных армий и табу на формирование самостоятельных армейских подразделений, состоящих из прибалтов и руководимых ими, в составе вермахта. Эти принципы были производными политической константы гитлеровских идеологов: Прибалтика априори не может претендовать не только на государственную независимость, но и на существование в качестве протектората Третьего рейха и даже на статус некой автономии в его составе.

Изначально нацисты планировали присоединить Прибалтику к рейху на правах рейхсгау – области рейха, по поводу чего А. Гитлер высказался однозначно: «У нас нет интереса в сохранении балтийских государств...»[2]. Ещё 25 мая 1940 г. рейхсфюрер СС Г. Гиммлер подготовил на основании установок фюрера аналитическую записку об обращении с местным населением восточных территорий. В ней, среди прочего, говорилось: «Мы в высшей степени заинтересованы в том, чтобы ни в коем случае не объединять народы восточных областей, а наоборот – дробить их на возможно более мелкие ветви и группы. Что же касается отдельных народностей, то мы не намерены стремиться к их сплочению и численному росту, а тем более к постепенному привитию им национального сознания и национальной культуры»[3]. В соответствии с расовыми теориями нацистов, литовцы, латыши и эстонцы относились к «неперспективным народам», лишь незначительный процент представителей которых признавался «годным для «онемечивания»: остальных надлежало либо переселить в отдаленные регионы, либо уничтожить.

Наиболее подходящими для онемечивания гитлеровские этнологи считали эстонцев, в гораздо меньшей степени – литовцев и латышей. Когда же нацистам понадобились новые рекруты на оккупированной территории, в отношении латышей и эстонцев сделали некоторые «послабления»: их в 1943 г. объявили «германскими народами», дабы обосновать призыв в легионы, в 1944 г. – когда крах рейха уже стал очевиден, их даже назвали «родственными немцам», а к началу 1945 г., в последнем пароксизме мобилизации, латышей и эстонцев и вовсе объявили «фольксдойче»[4].

Однако даже в агитационных целях при проведении мобилизаций литовцев, латышей и эстонцев руководство Остланда категорически запрещало употреблять понятия «свобода», «независимость» и «государственность»[5]. Потому и сама мысль о воссоздании прибалтийских национальных вооружённых сил была неприемлема для оккупантов. В отношении перспектив государственности Литвы, Латвии и Эстонии рейхсминистр оккупированных восточных территорий прибалтийский немец А. Розенберг в инструкции рейхскомиссару Остланда Х. Лозе предельно внятно описывал планы освоения Прибалтики: «Район, расположенный между Нарвой и Тильзитом, всегда имел тесные связи с немецким народом. Семисотлетняя история внутренне сориентировала большую часть живущих там народов... Эти народы свыклись со своей принадлежностью к жизненному пространству Великой Германии. Цель рейхскомиссара Эстонии, Латвии, Литвы и Белоруссии заключается в организации на этой территории протектората рейха, а затем – путём привлечения на свою сторону полноценных с расовой точки зрения элементов и мер по переселению – в превращении этой территории в часть Германского рейха»[6]. И касательно возможностей воссоздания армий в Прибалтике он также обходился без эвфемизмов: «Из запрета образовать независимые государства... вытекают и меры, необходимые для предотвращения формирования так называемых национальных армий»[7].

Для управления подведомственной территорией Розенберг уже 14 июля 1941 г. издал временные положения для гражданского управления. Управление гражданским населением территории Остланда было передано рейхскомиссару, чья штаб-квартира располагалась сначала в Каунасе, а затем в Риге. Пост главы рейхскомиссариата Остланд занял Х. Лозе, в 1944 г. короткое время эту должность занимал Э. Кох.

Созданные оккупантами местные самоуправления фактически являлись дополнительным элементом оккупационного режима и, что не менее важно, связующим звеном между нацистами и населением. Декоративность этих структур неизменно подчёркивалась в немецких документах, касающихся формирования органов власти в Остланде и направляемых из оперативного штаба Розенберга в Берлин, и в директивах, исходящих из столицы рейха: «Двадцать лет независимости принесли доказательства, что органы государственного и народного руководства здесь (в Прибалтике – Ю.К.) были всегда неполноценными. На основании констатации этого факта необходимо создание немецкого надзора – верхушки – над всеми самоуправлениями. При этом все политические вопросы должны быть под особо пристальным наблюдением. Вся полнота руководства, надзора и контроля должна находиться в руках генерального комиссара и его уполномоченных – гебитскомиссаров»[8].

Немецкое руководство, говорилось в директиве Розенберга от 7 марта 1942 г., «в этих трёх генеральных округах (Литве, Латвии и Эстонии – Ю.К.) будет осуществлять надзорные функции»[9]. О самостоятельности и самоуправлении не шло и речи. Их задача – выполнять указания нацистов[10].

Важнейшей целью оккупантов стала борьба против партизан. Как правило, она проходила «в форме упредительного уничтожения всех подозрительных без предварительного следствия»[11]. Борьба с партизанами (включая уничтожение целых деревень, жители которых оказались заподозренными в сотрудничестве с ними) в Белоруссии и регионах России, прилегающих к прибалтийским, также во многом – дело рук членов коллаборационистских формирований. «Немецкие оккупанты провели... немало массовых репрессивных акций. Они были особенно безжалостны по отношению к участникам советского подполья, однако их жертвами стало и немало невинных людей. О массовых и даже единичных казнях с циничной откровенностью объявлялось в официальных изданиях, выпускаемых под контролем оккупационный власти, или в специальных воззваниях высокопоставленных (чаще всего окружных) комиссаров оккупационного режима»[12]. Охрана советских военнопленных, сопровождение их на работы, выполнение карательных – вплоть до расстрела – акций в отношении них также оставалось прерогативой вспомогательной полиции, охранных батальонов и подразделений самозащиты. «Сохранившаяся информация явно свидетельствует, что их поведение, несмотря на отдельные исключения, не было более гуманным, нежели немецкое»[13].

Во главе созданной в годы войны в Латвии репрессивной системы находилась немецкая полиция безопасности и СД[14]. Её центральный аппарат находился в Берлине, она входила в состав Главного управления безопасности рейха (РСХА). Айнзацгруппу «А» – особый оперативный отряд СД, занимавшийся «окончательным решением еврейского вопроса», – возглавлял бригаденфюрер СС В. Шталеккер. Айнзатцгруппа «А» – один из мобильных карательных подразделений СД, в задачу которых входило уничтожение коммунистов, сотрудников советских органов госбезопасности, евреев и цыган. СД обеспечивала также безопасность в тылу.

И в Литве, и в Латвии, и в Эстонии активными пособниками нацистов в геноциде евреев и цыган были СС и различного рода военизированные «вспомогательные» и «охранные» формирования, состоявшие из местного населения[15]. Они же соучаствовали в истреблении евреев из Германии, Польши, Чехии, Белоруссии, привозимых в гетто и концлагеря на территории Прибалтики, а также «командировались» на осуществление карательных акций и охрану гетто и концлагерей в Польше, России, Белоруссии, на Украине и т.д. Немецкие айнзацгруппы

в Прибалтике «проводили свои "акции" при поддержке местной вспомогательной полиции, скомплектованной из латышей, литовцев и участвовавшей в убийствах в качестве "охранных отрядов"»[16]. Нацисты всячески старались, чтобы всю «черновую работу» по уничтожению «низших рас» и коммунистов делали сами литовцы, эстонцы, латыши без участия немецкой стороны[17]. И это им удалось. В небольших населённых пунктах соотношение немецких карателей (в основном офицеров) и местных националистов, участвовавших в расправах, было 1 к 8 и даже 1 к 45[18].

Таковы общие принципы военной политики нацистов на территории Остланд и общие же параметры деятельности различных коллаборационистских формирований, состоящих из жителей Прибалтики. Однако имеет смысл рассмотреть ситуацию, сложившуюся в каждой из этих республик во время оккупации, по отдельности: это даст возможность увидеть региональную и социально-политическую специфику создания и функционирования парамилитаристских структур.

Литва

С самого начала оккупации нацистам требовались помощники для охраны военных объектов, исполнения полицейских функций. В числе первых из т.н. «подвижных» полицейских отрядов был сформирован батальон «Каунас» в составе семи рот[19]. Количество коллаборантов в результате первой вербовки, проведённой в июле–августе 1941 г., достигало, по различным данным, 8–20 тысяч человек[20]. Ещё два были предоставлены в распоряжение группы армий «Север»; три батальона вошли в подчинение высшему руководителю СС и полиции группы армий «Центр». Три остались в Литве для несения караульной службы и обеспечения порядка[21]. Наряду с ними на службе в уголовной полиции и СД находились ещё около 2 тысяч человек.

После того как Литву полностью оккупировали нацисты, разрозненные повстанческие антисоветские группы, действовавшие в зоне отступления РККА, были реорганизованы в 22 стрелковых батальона самообороны (из них 1 кавалерийский), численностью 500–600 человек каждый. (Порядковые номера с 1-го по 15-й и с 251-го по 257-й). Батальоны имели в своём составе немецкие группы связи из офицера и 5–6 унтер-офицеров[22]. Общая численность военнослужащих этих формирований достигала 13 тысяч. В районе Каунаса все литовские полицейские группы объединили в батальон охраны национального труда в составе семи рот, просуществовавший до конца 1941 г. В январе 1942 г. на его основе сформировали два батальона, которые вместе с немецкими частями вели борьбу против советских партизан.

В общей сложности во время войны в Литве действовало не менее 26 полицейских батальонов, численностью от 350 до 900 человек каж-

дый[23]. Батальоны принимали участие в карательных акциях на территории Литвы, Белоруссии и Украины.

2-й литовский батальон под командованием майора А. Импулявичюса[24] был организован в 1941 г. в Каунасе и дислоцировался в его пригороде Шенцах. 6 октября 1941 г. он в составе 23 офицеров и 464 рядовых отбыл из Каунаса в Белоруссию в район Минска, Борисова и Слуцка для проведения антипартизанских акций. С прибытием в Минск батальон перешёл в подчинение 11-го полицейского резервного батальона майора И. Лехтгаллера. В марте ему присвоили порядковый номер 12-й. А уже в апреле 1942 г. официально расформировали, личный состав распределили по охранным частям СС в районе Люблина (Польша), лагерям военнопленных, часть его членов поступила на курсы подготовки охранников концлагерей[25]. Между крупными карательными акциями батальон, как и другие, занимался «повседневной работой» – расстреливал привезённых из Белоруссии и Польши евреев, русских, коммунистов и военнопленных[26]. Расправы производились с такой изощрённостью и безудержностью, что вызвали обеспокоенность даже у нацистов, разумеется, не из-за гуманизма последних – просто такие эксцессы мешали педантично организованному оккупантами уничтожению, удлиняя отведённое на каждую акцию время. Так, например, гебитскомиссар Слуцка Г. Карл сообщал своему руководству о происходившем: «В 8 часов утра 27 октября 1941 года из Каунаса (Литва) прибыл старший лейтенант, который представился как адъютант командира 12-го литовского полицейского батальона безопасности. Он сообщил, что их батальон получил задание в течение двух дней ликвидировать всё еврейское население города. Батальон, состоящий из четырех рот, приступил к исполнению данного приказа немедленно по его прибытии... Их действия граничили с садизмом. С неописуемой жестокостью литовцы из данного полицейского батальона выгоняли из домов евреев. По всему городу слышались выстрелы. На некоторых улицах появились горы трупов расстрелянных евреев. Перед убийствами их жестоко избивали чем только могли: палками, резиновыми шлангами, прикладами, не щадя ни женщин, ни даже детей... Следует отметить, что спустя довольно много времени после акции из закопанных ям всё ещё выползали раненые... Заканчивая, я должен отметить, что во время акций солдаты данного полицейского батальона грабили не только евреев. Много домов белорусов были ими ограблены. Карл»[27].

Немецкое руководство, тем не менее, не только никак не вмешалось в ситуацию, но и даже направило в помощь поддержку литовским карателям две немецкие роты. Еще два литовских батальона, 2-й вильнюсский и 252-й каунасский, использовались для охраны концлагеря «Майданек» в Польше. В феврале–марте 1943 г. 2-й литовский батальон участвовал в проведении одной из самых масштабных

и кровопролитных антипартизанских акций, организованных нацистами на территории СССР, – операции «Зимнее волшебство», на границе Латвии и Белоруссии, взаимодействуя с восемью латышскими (порядковые номера – 273-й и с 275-го по 282-й) и 50-м украинским полицейскими батальонами. 3-й литовский батальон принимал участие в крупной антипартизанской операции «Болотная лихорадка», проводившейся нацистами в Барановичском, Березовском, Иванцевичском, Слонимском и Ляховичском районах Белоруссии в тесном взаимодействии с 24-м латышским батальоном.

В августе – октябре 1942 г. литовские батальоны самообороны располагались на территории Украины и Белоруссии: 3-й – в Молодечно, 4-й – в Сталино, 7-й – в Виннице, 11-й – в Коростене, 16-й – в Днепропетровске, 254-й – в Полтаве, а 255-й – в Могилеве. В октябре 1942 г. 250-й литовский батальон самообороны был включён в состав группы армий «Север» и на его базе были созданы 650-я и 651-я восточные (литовские) охранные роты. Большинство батальонов действовало за пределами Литвы: в Ленинградской области (5-й и 13-й), Белоруссии (3-й, 12-й, 15-й, 254-й, 255-й), Польше (2-й)[28]. В марте 1944 г. началось формирование ещё 13 батальонов (номера с 263-го по 265-й и с 301-го по 310-й), однако до конца эти мероприятия не были доведены: 263-й – 265-й батальоны не сформировали. К этому времени примерно 30 тысяч литовцев служили в вермахте и в полиции[29].

23 января 1943 г. Гитлер одобрил предложение Гиммлера о создании литовских и латышских частей СС. В Литве развернулась широкая пропаганда под лозунгом участия всех «европейских наций» в «крестовом походе против большевизма». По всей территории Литвы в общественных местах появились красочные цветные плакаты «Воззвание к Добровольческому литовскому легиону СС»: «Учитывая героическое поведение бойцов уже находящихся на фронте литовских батальонов самообороны, фюрер разрешил в составе войск СС организовать добровольческий литовский легион СС»[30]. Однако литовцы первоначально не спешили воспользоваться разрешением фюрера, пытаясь создать собственные вооружённые силы, пусть и воевавшие в нацистском «фарватере». Они претендовали на статус союзнической вермахту армии. 5 апреля 1943 г. в Каунасе прошла «Конференция представителей литовского народа». Её участники приняли резолюции, в которых выразили протест против каких-либо претензий Советского Союза на территорию Литвы; также было заявлено, что литовский народ, вступая в борьбу с большевизмом, отвергает навязанные ему связи с СССР. Конференция решила «для успешной борьбы с большевизмом» организовать добровольческие вооружённые формирования, которыми командовали бы литовские офицеры. Был создан «Совет представителей литовского народа», который действовал как совещательный орган при генеральном

советнике Литвы генерале П. Кубилюнасе[31]. Участники мероприятия не преминули написать приветственную телеграмму Гитлеру.

Согласно показаниям Ф. Еккельна, в июле 1943 г. «Кубилюнас и два сопровождавших его господина из состава литовской администрации настаивали на своих политических требованиях. Кубилюнас предлагал: 1. Сформировать две литовские дивизии под командованием литовских офицеров. 2. Право литовского самоуправления участвовать в решении вопроса об использовании этих дивизий. 3. Создание генеральной инспекции литовских вооружённых сил, причём была названа фамилия генерала фон Плехавичуса. 4. Издание специального закона Гитлера, по которому Литва была бы объявлена самостоятельным государством, и Литовское самоуправление получило бы права суверенного правительства. Это предложение я отверг, как совершенно неосуществимое... Я также отказался принять меморандум, содержащий политические требования»[32].

Мобилизация в СС провалилась. Это стало предлогом для оккупантов ужесточить репрессии против литовской интеллигенции.

Между тем, ситуация на Восточном фронте становилась для Германии всё более сложной, и вопрос о привлечении литовцев в военные формирования снова стал актуальным. По указанию генерального комиссара Т. фон Рентельна Кубилюнас 23–24 ноября 1943 г. созвал в Каунасе специальное совещание, на котором присутствовали генеральные советники литовского самоуправления, приглашённые офицеры довоенной армии Литвы, представители науки, общественности и духовенства. Участников совещания попросили выразить своё мнение по двум основным вопросам: «Первый – нужно ли прилагать усилия, чтобы было разрешено организовать вооружённые силы Литвы, и второй – в какой форме проводимая эта организация возымела бы большее одобрение в стране и в обществе и гарантировала бы успех организации таких вооружённых сил»[33].

По первому вопросу все участники совещания единогласно решили, что необходимо создать в Литве вооружённые силы для защиты от вторжения большевиков. По второму было высказано мнение о создании чисто литовской армии. Совещание приняло следующую резолюцию: «1. Литовцы в целях защиты своей территории энергично включаются в борьбу с большевизмом, для чего необходимо иметь свои вооружённые силы в форме литовской армии.

2. Литовской армией должен руководить немец, пользующийся доверием как немцев, так и литовцев.

3. Эта армия должна быть создана путем мобилизации»[34].

Все участники высказались против создания литовского легиона СС. Это стало причиной для жёстких репрессий со стороны оккупационных властей, коснувшихся преимущественно «национально

ориентированной» литовской интеллигенции, наиболее активные представители которой были отправлены в концлагеря.

В начале 1944 г., после согласования с нацистским руководством Остланда, для борьбы с советскими и польскими партизанами и выполнения других карательных функций на территории Литвы по инициативе генерала П. Плехавичуса были предприняты первые шаги по организации литовской армии. 31 января Г. Харм сообщил Кубилюнасу, что создаваемые литовцами военизированные формирования будут иметь статус батальонов для уничтожения бандитов – немцы категорически не хотели создавать в Литве даже подобие самостоятельных армейских частей. Однако позже появилось компромиссное название – Местная дружина Литвы (МДЛ)[35].

Создание МДЛ преподносилось пропагандой как необходимость противостояния приближающейся Красной армии. Кроме того, многие из тех, кто выступал против мобилизации в СС, поддержали МДЛ, потому что считали, что дружина станет основой для восстановления вооружённых сил Литвы[36]. Активисты МДЛ рассчитывали после отступления немцев защитить воссоздаваемое независимое литовское государство. Действия МДЛ должны были ограничиваться территорией Литвы, а её операции на начальном этапе должны были проводиться против советских партизан.

В феврале 1944 г. Кубилюнас прибыл в Ригу, в штаб рейхсляйтера А. Розенберга, и привёз с собой генерала П. Плехавичуса – для обсуждения «военного вопроса». На этот раз он предлагал сформировать одну литовскую дивизию. Никаких политических требований не предъявлял. «Командиром дивизии должен был стать Плехавичус... В Литве якобы каждый знает Плехавичуса как ярого врага большевиков, и его обращение с призывом добровольно вступать в литовскую дивизию безусловно будет иметь успех. Они сказали, что настроение в Литве, в связи с неблагоприятным для Германии оборотом войны, очень ухудшилось, и многие рассчитывают на возвращение Красной армии. Сформированная дивизия поэтому должна будет остаться в стране для обороны Литвы», – показывал уже после войны Еккельн на допросах. «Я предложил сначала сформировать 10 батальонов с общим количеством в 6 тысяч человек, чтобы убедиться, возможно ли будет создать дивизию, а кроме того, как можно скорее очистить от партизан южные и восточные районы Литвы»[37]. Плехавичус принял это предложение, после чего он и Кубилюнас выпустили обращение с призывом вступать в добровольческую литовскую дивизию. 13 февраля 1944 г. после совещания генерала П. Плехавичуса с высшим руководителем СС и полиции в Остланде обергруппенфюрером СС и генералом полиции Ф. Еккельном и руководителем СС и полиции в Литве бригаденфюрером СС и генерал-майором полиции Г. Хармом было объявле-

но соглашение о создании МДЛ. Командиром МДЛ с 1 февраля 1944 г. назначили Плехавичуса.

Уже 11 марта регистрацию добровольцев прекратили, потому что вместо разрешённых 18 тысяч записалось 30 тысяч человек. В итоге в дружину после отбора приняли около 12 тысяч добровольцев, из которых сформировали 13 батальонов[38]. Сотрудникам литовской полиции было запрещено поступать на службу в МДЛ.

Кроме того, руководство Остланда потребовало мобилизовать литовскую молодёжь и направить во вспомогательную службу вермахта 70–100 тысяч человек. 22 марта командующий группой армий «Север» генерал-фельдмаршал В. фон Модель и высший руководитель СС и полиции в Остланде Ф. Еккельн, находясь в Полоцке (Белоруссия), потребовали у Плехавичуса до 15 апреля создать 15 новых батальонов (9 тысяч человек) и передать их в распоряжение вермахта – для охраны военных аэродромов. После отказа Плехавичуса подчиниться Рентельн приказал, чтобы тот объявил всеобщую мобилизацию для пополнения вермахта, однако она провалилась[39]. На фоне успешно прошедшего недавнего призыва в МДЛ ситуация выглядела опасной для немцев. Оккупанты понимали, что при отступлении (перспектива которого прорисовывалась в это время уже довольно чётко) МДЛ может обратить оружие против них. Ещё до завершения организационной стадии немцы решили взять МДЛ под своё командование, закономерно не доверяя литовскому руководству и предполагая, что оно может попытаться вести свою игру. Поэтому в начале мая своим приказом Еккельн переподчинил себе находящиеся в Вильнюсском крае батальоны МДЛ (их там действовало 7), а все остальные батальоны и комендатуры МДЛ в уездах передал в подчинение немецких областных комиссаров. В мае все литовские батальоны получили униформу СС и стали вспомогательными батальонами немецкой полиции[40].

«Через несколько месяцев обнаружилось, что у литовцев мало боевого духа, они допускали многочисленные злоупотребления по отношению к ненавистным им полякам. Однако в бою против польских партизанских групп они отступали. Они боялись сближаться с крупными отрядами советских партизан, находившимися в лесах между Вильно и Молодечно. Батальоны потеряли много оружия, снаряжения и обмундирования, так как партизаны взяли много пленных, которых они отпускали назад полуголыми. Всё поведение батальонов говорило о том, что их руководство не отвечало требованиям, поставленным перед ним», – утверждал Еккельн. «По поведению генерала Плехавичуса я заключил, что виновником этого является он. Когда же в некоторых батальонах появились признаки разложения, то я приказал немедленно разоружить и расформировать батальоны и арестовать Плехавичуса со всем его штабом»[41].

15 мая 1944 г. в Каунасе руководство МДЛ во главе с П. Плехавичусом было арестовано и отправлено в находящийся в Латвии Саласпилсский концентрационный лагерь. (Плехавичуса вскоре освободили). Офицеры и солдаты ликвидированной МДЛ обязаны были сдать в военную комендатуру униформу, оружие и боеприпасы[42]. Однако в общей сложности около трёх с половиной тысяч человек из батальонов скрылись, не сдав оружия[43].

Наступление Красной армии успешно продолжалось. После приближения фронта к Литве 24 июня 1944 г. оккупационные власти разрешили создать в уездах охранные команды[44]. Немцы рассчитывали, что литовцы будут сопротивляться советской армии, пытаясь сдержать её натиск, и тем самым, став «буфером», дадут вермахту больше времени для отступления. 28 января 1945 г. после успешного завершения Клайпедской операции РККА территория Литвы была окончательно освобождена.

Латвия

С первых же дней оккупации Латвии нацисты начали создание коллаборационистских военизированных структур. Для понимания ситуации, сложившейся здесь к 1943 г., необходимо подробно остановиться на предшествующих событиях (1941–1942 гг.).

Назначенный оккупантами руководителем латышских сил самообороны полковник (получивший это звание в период независимости Латвии) А. Пленснерс уже 8 июля 1941 г. призвал местных военнослужащих, участников отрядов самообороны (созданных местным населением в первые же дни войны и занимавшихся расправами с советскими активистами и «сочувствовавшими» им) сотрудничать с немецкими военными частями и учреждениями, что не вызвало ни малейшего сопротивления. Участники отрядов самообороны имели при себе винтовки и пистолеты для произведения «зачисток» на предмет выявления «неблагонадежных» лиц, к которым априори относились все, «заподозренные в симпатиях к советскому режиму». Нацистские власти не скрывали, что силы самообороны не имеют никакого отношения к государственности Латвии или восстановлению её армии, что они сформированы только как вспомогательная сила для поддержки немецких войск[45]. Тем не менее, количество желающих на добровольных началах сотрудничать с армией государства-оккупанта росло. Силы самообороны подчинялись командирам дислоцированных в данной местности частей вермахта.

В первые же дни немецкой оккупации некоторые бывшие государственные деятели Латвии, лидеры политических партий и офицеры делали попытки сформировать новое латвийское правительство

и национальные вооружённые силы. Однако в августе – сентябре 1941 г. латышские отряды самообороны были расформированы, их членов обязали сдать оружие, запретили носить военную униформу: завершилась первая фаза установления «нового порядка», и немцы больше в них не нуждались. Руководство Остланда намеревалось использовать силы самообороны лишь для «грязной работы» – уничтожения евреев и проведения операций по стабилизации оккупационного режима. «До сих пор полностью не уточнено, сколько коммунистов и поддерживающих их лиц (выявление которых нацисты отдали на откуп латышам – Ю.К.) всего было уничтожено во время немецкой оккупации. Но это были тысячи, не считая других жертв»[46]. Впоследствии из сил самообороны сформировали латышскую вспомогательную полицию.

Большое влияние в оккупированных областях имели силы полиции, подчинявшиеся напрямую рейхсфюреру СС Гиммлеру. Возглавил СС и полицию в Латвийском генеральном округе оберфюрер СС В. Шредер (он же возглавлял и немецкую полицию порядка).

Оккупанты по инициативе Гиммлера начали создавать полицейские формирования из жителей Латвии. 20 июля 1941 г. бригаденфюрер СС В. Шталеккер издал приказ о создании вспомогательной полиции в Риге и её окрестностях. Начальником полиции стал лейтенант-полковник В. Вейсс, его заместителем – Р. Осис. По приказу Гиммлера от 6 ноября 1941 г. вспомогательная полиция была переименована в полицию порядка. В нее входили так называемые «отдельные» и «закрытые» отряды. Отдельные отряды исполняли обычные полицейские функции, закрытые отряды участвовали в боевых действиях на Восточном фронте, в карательных операциях против партизан, охраняли гетто и пр. В составе полиции порядка было три категории сотрудников: A, B и C. В категорию «А» входили активно действующие полицейские, получавшие жалованье. Полицейские отряды категории «В» выполняли специальные задания: охраняли мосты, склады, дороги и другие объекты. Категорию «С» составлял так называемый пассивный резерв, к помощи которого прибегали в особых случаях. Количество участковых и сельских полицейских оставалось относительно постоянным, а численность закрытых отрядов после 1942 г. резко возросла.

Военная политика в Остланде, как уже упоминалось, предполагала широкое использование местных жителей не только для проведения карательных акций и других процедур по поддержанию нацистского «нового порядка» на оккупированных территориях, но и для участия в боевых действиях на Восточном фронте. Параллельно с набором в полицию порядка 4 сентября 1941 г. оккупанты приступили к созданию 1-го Рижского отдельного полицейского батальона, формировавшегося на добровольной основе. К октябрю было сформировано два полицейских батальона, к концу года их стало уже пять – так же собранных

из добровольцев, включая созданные в декабре 1941 г. 19-й (Видземский) и 17-й (Латгальский). Все они осенью – зимой 1941 г. были отправлены на Восточный фронт.

Поток добровольцев по понятным причинам вскоре стал иссякать – желающих отправиться на передовую под знаменами чужой армии оказалось относительно немного, и немецким властям пришлось приложить усилия для вербовки новых сил. 11 февраля 1942 г. Ф. Еккельн через радио и газеты обратился к латышам с призывом вступать в ряды полицейских батальонов. К вербовке привлекли и земельное самоуправление. При нём был создан «Главный комитет латышской добровольческой организации» во главе с Г. Целминьшем. К июню 1942 г. немецким властям удалось сформировать ещё 13 полицейских батальонов для отправки на фронт. В дальнейшем во вновь формируемые батальоны привлекали представителей батальонов полиции порядка – упоминавшихся выше категорий «А» и «В», а также резерв (категория «С»).

Использовались и завуалированные средства пополнения полицейских рядов: договор заключали якобы на полгода, но после истечения срока людей не освобождали, а заставляли подписывать новый договор – до конца войны. С 11 июня 1942 г. полицейские батальоны переименовали в батальоны службы обороны. А с 24 мая 1943 г. приказом рейхсфюрера СС Гиммлера – в Латышские полицейские батальоны (в каждом – 501 человек).

Далее произошла ещё одна «реструктуризация». По приказу начальника полиции порядка в Латвии штандартенфюрера СС М. Кнехта от 1 августа 1943 г. четыре батальона полиции порядка – 276-й, 277-й, 278-й и 321-й, охранявших латвийско-российскую границу, объединили в Латышский добровольческий полицейский полк под командованием Р. Осиса. Полк участвовал в боях с партизанами в России, в боях с Красной армией на Восточном фронте и в Латвии. Затем полк был переброшен в Германию, влился в состав 15-й дивизии СС и направлен на строительство укреплений.

Имеет смысл – для наиболее чёткого понимания деятельности разнообразных латышских военизированных структур, сформированных в 1942–1943 гг., – проследить вехи их дальнейшего существования вплоть до конца войны. В феврале 1944 г. на базе 22-го, 25-го, 313-го и 316-го батальонов полиции порядка началось формирование Лиепайского и Цесисского латышского полицейских полков. Они участвовали в боях с партизанами в Белоруссии, а также во фронтовых действиях, и были расформированы в августе 1944 г. после понесённых потерь в боях на территории Латвии.

Помимо поддержания порядка на оккупированных территориях, латышские полицейские батальоны участвовали в репрессивных акциях и за пределами Латвии. В августе–декабре 1943 г. 22-й батальон

принимал участие в боях с партизанами в районе Луцка, на Западной Украине. 313-й и 316-й батальоны участвовали в борьбе с партизанами под Вильнюсом, а четыре батальона Рижского полицейского полка воевали с партизанами в районе Браслава, в Западной Белоруссии. Латышские полицейские батальоны, находившиеся в подчинении немецких военных структур, участвовали в различных операциях на территории Польши: охраняли Варшавское и Слонимское гетто, составы с евреями, отправляемые в концлагерь Треблинка, участвовали в боях с советскими партизанами, с Красной армией и с её союзницей – польской Армией Людовой. В середине февраля 1944 г. создан 3-й Цесисский полицейский полк, а в сентябре того же года – Курземский полицейский полк[47].

За время нацистской оккупации в Латвии было сформировано 42 латышских и 7 так называемых латгальских (в их состав входили русские и белорусы) полицейских батальонов. «Члены латышских полицейских батальонов стали наёмниками, которым платят за проведённую работу, полицейские батальоны для немецкого полицейского руководства были своего рода иностранным легионом, который можно использовать всюду и по любым надобностям»[48].

Говоря о военизированных латышских формированиях необходимо упомянуть и об СД. Для скорейшего достижения целей оккупационного режима было начато формирование латышских соединений СД. Первый такой отряд создали в Елгаве. Приказом Шталеккера его командиром был назначен М. Вагуланс. Примерно за полтора месяца Вагуланс создал разветвлённую сеть групп СД: в Елгаве, Бауске, Тукумсе, в Екабпилсском уезде. В них главным образом вошли бывшие айзсарги и полицейские. В команде Вагуланса насчитывалось примерно 300 человек, около 100 из них – в Елгаве. 16 августа 1941 г. отряд расформировали, на его основе создана латышская вспомогательная полиция. Начальником её стал В. Юрсонс. Вторым крупным соединением в составе СД, сформированным из местных жителей в начале оккупации – в середине июля 1941 г., – была группа Х. Тейдемаиса из Валмиере. Она начитывала примерно 100 человек.

Самой многочисленной латышской зондеркомандой стала т.н. команда Арайса, куда изначально тоже входило около сотни карателей, Однако уже к 1942 г. её состав увеличился до 1 тысячи 200 человек, и помимо уничтожения евреев, она занималась борьбой с партизанами[49]. К её формированию приступили в начале июля по приказу Шталеккера, поручившего бывшему (до 1937 г.) лейтенанту латышской полиции В. Арайсу организовать особый отряд вспомогательной полиции. В него активно привлекали студентов, бывших офицеров, полицейских и военнослужащих. Члены команды Арайса участвовали в самых кровавых операциях, преимущественно против еврейского населения. Она ответственна «за уничтожение примерно 26 тысяч человек, включая

около 20 тысяч цыган и душевнобольных, и около 2 тысяч коммунистических активистов»[50]. За особые заслуги и для дальнейшего карьерного роста члены команды Арайса, отличившиеся в карательных операциях, прошли обучение в школе полиции безопасности СД в Фюрстенберге, где изучали структуру немецких полицейских органов, уголовное дело, различные службы тайной полиции[51]. По окончании обучения они зачислялись в специальные команды СД по проведению борьбы с партизанским движением на оккупированной немцами территории[52]. Арайс также прошёл ускоренное обучение в школе СД в Фюрстенберге, после чего ему присвоили звание майора СС.

Когда практически все евреи Латвии были уничтожены, команду Арайса всё чаще использовали в борьбе с партизанами на оккупированной территории России и Белоруссии[53]. В конце 1941 г. первые латышские команды СД перебросили в Ленинградскую и Минскую области. Рота К. Калейса, входившая в команду Арайса, некоторое время действовала и в районе Нарвы.

В 1943 г. в составе латышских СД насчитывалось пять рот. Главные силы расквартировали в Риге (около 340 человек), две роты осуществляли внешнюю охрану Саласпилсского лагеря для военнопленных, часть была отправлена на Восточный фронт. Отдельные отряды использовались на охране объектов СД: центрального штаба, тюрем, лагеря в Юмправмуйже. В конце 1943 г. из местных сил СД было создано два батальона: 3-й – под командованием В. Арайса и 4-й – под командованием К. Озолса. В 1944 г. с приближением Красной армии подразделения латышских СД были расформированы. Соединения Арайса и Озолса влились в состав Латышского легиона СС, созданного в 1943 г.[54].

С ухудшением ситуации на Восточном фронте у немцев возросла потребность в новых латышских военных формированиях. Ещё вчера открыто презираемые нацистами, теперь латыши стали необходимы рейху: категорически не хватало «малоценного человеческого материала» для ведения кровопролитных боёв. 23 января 1943 г. Гитлер приказал Гиммлеру сформировать Латышский добровольческий легион СС. Письменный приказ фюрера появился, как уже упоминалось, только 10 февраля. С этого момента началось формирование Латышского добровольческого легиона СС[55].

26 мая Гиммлер издал новое распоряжение, предписывавшее впредь называть все латышские соединения в составе войск СС и полиции Латышским легионом. Гиммлер считал, что под Латышским легионом надо понимать все те соединения, которые были сформированы в составе войск СС и полиции. «Однако в реальной жизни существовала некоторая разница между полицейскими батальонами и легионом. Первые формировались на добровольных началах (хотя уже в 1942 г. этот принцип повсеместно нарушался), а легион в основном состоял из при-

званных по мобилизации. Полицейские батальоны поддерживали безопасность в тылу, воевали с партизанами, охраняли концлагеря и гетто, а легион был фронтовой единицей»[56]. Бойцы Латышского легиона СС проходили подготовку под руководством инструкторов – офицеров бывшей латвийской (периода независимости) армии. Часть этих офицеров проходила службу и в полицейских батальонах. Следует отметить, что текст присяги легионера однозначно говорил о том, за какую и за чью независимость придётся сражаться: «Я клянусь перед Богом этой священной клятвой, что в борьбе с большевизмом я буду беспрекословно выполнять приказы Верховного главнокомандующего германского вермахта Адольфа Гитлера, и как храбрый солдат буду готов в любое время отдать свою жизнь за эту клятву»[57]. Присягу принимали, разумеется, при поднятом флаге со свастикой – использование латвийского флага было запрещено[58].

Мобилизационные мероприятия продолжались с марта 1943 г. по август 1944 г. Призыву подлежали родившиеся в 1919–1925 гг. Необходимое количество мужчин, подлежащих мобилизации: в легион СС – 15 тысяч 500, во вспомогательные подразделения вермахта – 22 тысячи, на трудовую повинность – 15 тысяч 600. Земельное самоуправление также привлекли к процессу мобилизации. 9 марта 1943 г. было обнародовано воззвание генерала О. Данкерса, призывавшее латышей вступать в легион. Но земельное самоуправление выдвинуло условия, на которых оно могло бы поддержать формирование легиона. Одно из требований гласило: командиром легиона должен стать генерал Р. Бангерскис, и обучение солдат должно длиться не менее шести месяцев. Самоуправление предлагало обеспечить латышских солдат всем необходимым, предоставить им те же права, что и немецким солдатам, использовать латышские соединения в северном секторе Восточного фронта, ближе к границам Латвии. Немецкие оккупационные власти не собирались всерьёз принимать требования латышского самоуправления. Вначале, правда, нацистское руководство обещало, что Бангерскис возглавит 15-ю латышскую дивизию СС, однако командирами и 15-й, и 19-й дивизий легиона стали немцы. Р. Бангерскиса же назначили генерал-инспектором легиона, присвоив звание группенфюрера СС и генерал-лейтенанта войск СС. Права его были ограничены и неопределённы, реальных возможностей вмешиваться в командование латышскими воинскими соединениями он не имел.

Во время первого призыва в феврале 1943 г. в Латышский легион СС мобилизовали 17 тысяч 971 человека (53 % от общего числа призывников), в вермахт – 12 тысяч 979 (36,4 %), в прочие службы – 4 тысячи 769 (13,3 %). Второй призыв проходил в октябре–ноябре 1943 г. Третий призыв состоялся в декабре 1943 г. – январе 1944 г. Призыву подлежали родившиеся в 1917–1918 гг., а также 1922 и 1924 годов рождения.

В июле уже призвали мужчин 1926 года рождения. В начале 1944 г. немецкое командование издало документ, согласно которому за уклонение от призыва грозила смертная казнь. С 14 февраля 1944 г. распоряжения о призыве на военную службу подписывали О. Данкерс или Р. Бангерскис.

Оккупанты были вполне откровенны в отношении перспектив «латвийской независимости», даже когда под их ногами уже в буквальном смысле горела земля. «Выполняя предписание о цензурировании всех речей, сообщений, объявлений, подлежащих публикации через газеты или радио, а также оглашаемых публично, считаем невозможным речь Бангерскиса о мобилизации публиковать в исходном виде. В его речи, посвящённой формированию добровольческого легиона СС, прозвучала фраза: "Латыши только через борьбу и работу смогут одержать сегодня победу и завоевать свободу и независимость Латвии"... Формулировки "свободная Латвия", "государственная независимость и самостоятельность" и аналогичные им недопустимы»[59], – гласило предписание отдела пропаганды рейхскомиссариата Остланд.

Первой к середине июня 1943 г. была сформирована 15-я дивизия Латышского легиона СС. Впоследствии она получила название 15-я гренадёрская дивизия СС. В конце 1943 г. имела в своём составе 15 тысяч 192 человека, а летом 1944-го – 18 тысяч 413. 15-я дивизия Латышского легиона вела оборонительные бои в основном на Восточном фронте, на территории России. 18 февраля 1944 г. получила приказ отойти на оборонительные позиции в районе Пскова, на берегу реки Великой. С марта по апрель 1944-го вела бои в районах городов Остров, Псков и Опочка. После тяжёлых потерь остатки 15-й дивизии в июле 1944 г. приказом немецкого командования отправили в Германию на переформирование. Во второй половине августа дивизия уже прибыла в Восточную Пруссию, получив пополнение из молодых латышских призывников. К концу года дивизия находилась в боевой готовности, а в начале 1945 г. уже вела тяжёлые бои на территории Восточной Пруссии, под Данцигом, в Померании, под Мекленбургом. В начале мая остатки дивизии сдались в плен союзническим войскам.

В начале 1944 г., уже в условиях объявленной «тотальной войны», высшее руководство СС решило сформировать вторую добровольческую дивизию в составе Латышского легиона. 7 января Гиммлер издал приказ о создании 19-й латышской добровольческой дивизии СС, в состав которой вошли три гренадёрских полка. Формирование её завершилось в середине марта, когда вместе с частями 15-й дивизии она заняла оборонительные позиции на реке Великой. В июне 1944 г. в 19-й дивизии было 10 тысяч 592 человека, к осени состав увеличился до 12 тысяч 507. С марта по июль 1944 г. 19-я дивизия вместе с 15-й участвовала в тяжёлых боях на территории России, что дало возможность

оккупантам на некоторое время задержать наступление Красной армии и вывести вермахт из Эстонии.

В первой половине 1944 г. в условиях объявленной нацистами тотальной мобилизации призыву подлежали более 42 тысяч мужчин разных возрастов. В июле проверке подвергались все мужчины, начиная с 1910 года рождения, включая ранее освобождённых от призыва и так называемых «незаменимых». В это же время начался призыв юношей 1927–1928 годов рождения во вспомогательные части воздушных сил. К сентябрю 1944 г. мобилизовали около 19 тысяч человек, призыв продолжался до тех пор, пока необходимое «пушечное мясо» не было набрано в заданном количестве.

После того, как в начале 1944 г. была прорвана линия фронта в направлении Ленинград – Волхов, и Красная армия начала стремительно продвигаться на запад, по приказу Еккельна началось формирование шести латышских пограничных полков. В соответствии с ним латышское самоуправление объявило призыв в армию мужчин 1906–1914 годов рождения. Мобилизации подлежало около 20 тысяч человек. Три полка сформировали в Риге, по одному в Тукумсе, Айзпуте и Кулдиге. Призывники были плохо обеспечены и мало обучены. В июне 1944 г. Гиммлер издал приказ, согласно которому пограничные полки влились в состав фронтовых дивизий. В связи с критической ситуацией на фронте полки использовались не для охраны границ Латвии, а в качестве пополнения 15-й и 19-й дивизий Латышского легиона.

Летом 1944 г. Р. Бангерскис предложил создать два батальона из граждан Латвии, совершивших уголовные и административные проступки, а также дезертиров. Еккельн инициативу поддержал. К сентябрю из них сформировали 7 строительных батальонов, которые отправили на фронт в качестве вспомогательных сил для немецких сапёрных войск. В августе – сентябре в условиях панического отступления вермахта были созданы ещё три латышских батальона, по 500 человек в каждом, получивших статус учебных. В конце войны их перебросили в Германию для пополнения 15-й дивизии Латышского легиона.

Кроме полицейских батальонов и 15-й и 19-й дивизий СС, в немецких вооружённых силах действовали и другие латышские соединения. В режиме тотальной мобилизации в немецкие военные формирования начали призывать и негодных к военной службе, в основном для несения вспомогательной службы в немецких воздушных частях. Так, было рекрутировано ещё 5 тысяч человек. Некоторые проходили службу в 3-й немецкой парашютно-десантной дивизии, другие в зенитной артиллерии, на аэродромах. Ещё одно соединение – 672-й латышский саперный батальон, участвовал в военных действиях на Восточном фронте. Параллельно проводился набор в подразделения немецкого военного флота: оккупанты всё с большим трудом удерживали не только

сухопутные, но и морские границы Латвии. В немецкий ВМФ записалось около тысячи латышей.

В люфтваффе у латышей тоже были свои отряды – создавать подобные соединения предложил бывший командир воздушного полка Латвийской Республики Р. Кандис. Ещё в сентябре 1943 г. в г. Гробиня открыли Лиепайско-Гробиньский учебный центр по подготовке пилотов. Гробиньский аэродром стал местом обучения латышских летчиков и местом формирования боевых эскадрилий. В марте 1944 г. была сформирована 1-я латышская эскадрилья ночного боя, которая совершала вылеты в районы Пскова, Острова, Опочки. 22 июня 1944 г. была создана 2-я латышская эскадрилья ночного боя, из 18 машин, в июле – 3-я (всего восемь самолётов). 10 августа приказом немецкого главнокомандования сформирован авиационный легион «Латвия», командиром которого назначили полковника-лейтенанта Я. Руцелиса. В октябре 1944 г. легион направили в Германию и расформировали, боевые машины поступили в распоряжение немцев.

К лету 1944 г. ситуация на фронте оказалась настолько тяжёлой, что в немецкую армию – во вспомогательные части воздушных войск – стали призывать несовершеннолетних латышей. Было издано распоряжение мобилизовать 7 тысяч человек. 12 июля О. Данкерс обратился к молодёжи с призывом вступать добровольцами во вспомогательные части вермахта. Откликнулись немногие, что вынудило оккупационные власти 26 июля издать приказ о призыве 1927–1928 годов рождения, во вспомогательные части мобилизовали более 3 тысяч 600 несовершеннолетних. Около четверти из этого числа погибло. Когда на территорию Латвии вошли части Красной армии, вспомогательные части воздушных войск перевели в Германию. В конце войны большинство призванных в 1944 г. попало в плен к союзническим войскам.

Есть ещё одна, специфическая страница участия латышей во Второй мировой войне. В начале 1944 г. по распоряжению Гиммлера на базе дивизии «Бранденбург» было создано соединение «Бранденбург-800» – разведывательно-диверсионный орган «Ваффен СС Ягдвербанд» (Истребительное соединение войск СС). Соединение находилось в личном подчинении Гиммлера. Штаб соединения под руководством оберштурмбанфюрера СС Скорцени располагался во Фридентале под Ораниенбургом. В своей структуре соединение имело подразделение «Ягдвербанд Ост» (Истребительное соединение «Восток»), осуществлявшее диверсионно-террористическую деятельность против Красной армии. В подчинении «Ягдвербанд Ост» находилось подразделение, именуемое «Ягдайнзатц Балтикум», во главе с штурмбанфюрером СС М. Пехау. «Ягдайнзатц Балтикум» действовал в 1944–1945 гг. в Прибалтике и имел в своём подчинении латвийский и эстонский штабы. Личный состав агентурной сети и диверсантов и организаторов анти-

советского повстанческого движения подбирался из числа служащих латышских и эстонских дивизий СС, национальных полицейских и сапёрных частей, а также лагерей беженцев на территории Германии[60]. Всего было подготовлено более 60 групп, общей численностью около полутора тысяч человек[61].

Ситуация на Восточном фронте становилась катастрофической для немцев. В октябре 1944 г. 19-я латышская дивизия совместно с частями 16-й и 18-й немецких армий отступила в Курляндию – западную часть Латвии, где в окружении находилась крупная немецкая группировка. Возник так называемый Курляндский котел (Талсинский, Вентспилсский, часть Кулдигского, Айзпутский, Тукумский и Лиепайский уезды, всего 13 городов и 76 волостей). В нём оказалось примерно 230 тысяч местных жителей, 150 тысяч беженцев из других районов Латвии, а также около 35 тысяч беженцев из граничащих с Латвией регионов России и Белоруссии. 8 мая 1945 г. курляндская группировка вермахта, состоявшая из более чем 30 дивизий, капитулировала. В плен сдались около 146 тысяч солдат, в том числе 14 тысяч латышей. Накануне прекратили своё существование остатки участвовавшей в обороне Берлина латышской 15-й пехотной дивизии СС, которых судьба обрекла стать последними защитниками имперской канцелярии[62]. С капитуляцией курляндской группировки завершилось освобождение территории Латвии. Большинство оставшихся в живых коллаборантов в конце войны бежало в Германию. В частности, сдался в плен союзникам и ответственный за проведение латышских мобилизационных мероприятий Р. Бангерскис[63]. Всего в годы нацистской оккупации в различные военные формирования было мобилизовано около 110 тысяч граждан Латвии[64].

Эстония

Изначально в каждом населённом пункте оккупированной нацистами Эстонии был сформирован полицейский отряд, численностью не превышающий 1% от общего числа населения. Все служащие этих отрядов поступали в подчинение немецких начальников полиции[65]. Они стали здесь первыми военизированными коллаборационистскими формированиями.

Также вскоре была создана эстонская вооружённая организация «Омакайтсе» («Самозащита»), курировавшаяся оккупационными властями. Чтобы стать членом «Омакайтсе», кандидату требовалось доказать, что в советское время он не состоял в коммунистической партии и не имеет родственников-евреев. Отобранные кандидаты давали клятву «быть готовым отдать свою жизнь за дело борьбы с большевизмом»[66].

При захвате вермахтом Таллина в плен попали 12 тысяч бойцов РККА, ещё больше оказалось в окружении. Лесные братья, боевики

«Омакайтсе», при поддержке вермахта устроили охоту на пытающихся вырваться из кольца красноармейцев. Во время этих боев было пленено ещё 27 тысяч советских военнослужащих, погибли более двух с половиной тысяч человек[67]. Проводились репрессии и против мирного населения. Самостоятельно и вместе с немецкими военными и полицейскими частями «Омакайтсе» арестовало и передало оккупационным властям 4 тысячи 919 членов компартии Эстонии[68]. С лета 1941 г. по лето 1942 г. по приказу полиции безопасности при участии «Омакайтсе» были убиты не менее 5 тысяч 500 жителей Эстонии, примерно такое же количество отправлено в лагеря[69].

«Омакайтсе» подчинялась непосредственно немецким военным властям. Ей поручили «зачистку» ближнего и отдалённого тыла от остатков Красной армии, сбор и охрану брошенной матчасти, интернирование советских активистов, конвоирование и охрану военнопленных, военную охрану шоссейных и железных дорог, гетто и несение караульной службы. Позднее к перечисленным задачам добавились береговая охрана на взморье и охрана эстонско-российской границы. Подразделения «Омакайтсе» также использовались на оккупированной немцами территории РСФСР, Белорусской и Украинской ССР для карательных акций против мирного населения и антипартизанских кампаний. На 1 января 1942 г. в «Омакайтсе» состояло 40 тысяч 709 человек[70].

До 1942 г. «Омакайтсе» формировалась исключительно из добровольцев, в дальнейшем – по мобилизационным спискам. Она состояла из 13 территориальных полков, которые, в свою очередь, делились на батальоны, роты, взводы и отделения. До 1943 г. она провела более 7 тысяч облав для задержания партизан, парашютистов, бежавших из лагерей советских военнопленных и других «враждебных» лиц. Общая численность формирований «Омакайтсе» достигала к 1943 г. 90 тысяч человек[71]. Именно эта организация в большей степени, нежели другие «вспомогательные» соединения, сформированные в период оккупации Эстонии, участвовала в «окончательном решении еврейского вопроса» на территории этой республики[72].

Со временем эстонские вооруженные добровольческие формирования стали использоваться и на фронтах. По существующим данным, подразделения «Омакайтсе» участвовали более чем в 100 боях[73].

Первое подразделение вермахта, в составе которого воевали эстонцы, – полицейский батальон СС «Остланд», созданный летом 1941 г. под Берлином из эстонцев и латышей, переселившихся в Германию. Он подчинялся немецкой полиции безопасности. Командиром был полковник латвийской армии (до 1940 г.) Х. Браншневитц. В 1942 г. частью его состава стал создававшийся в Дебице (Польша) Эстонский легион СС, другая часть которого в 1943 г. составила ядро батальона «Нарва», после чего батальон «Остланд» прекратил своё существование. К этому

времени на Восточном фронте на стороне Германии постоянно воевали около 10 тысяч эстонцев[74].

В связи с критическими для нацистов изменениями в ходе войны в начале августа 1942 г. идея формирования эстонского легиона всё-таки получила одобрение Гитлера. Гиммлер даже выразил пожелание, чтобы к эстонцам применялось совершенно иное обращение, нежели к другим народам, т.к. он сам якобы считает эстонцев «лучшим народом в мире»[75]. Гиммлер высказал мнение, что даже те эстонцы, которые «по расовым критериям» непригодны к службе в Эстонском легионе СС, должны иметь более высокий статус в составе полицейских батальонов, чем представители других национальностей: в расовой иерархии «неперспективных народов», как уже упоминалось, эстонцы стояли выше литовцев и латышей. Однако официального приказа фюрера, как уже говорилось, тем не менее, пришлось ждать до февраля 1943 г.

Поскольку, несмотря на интенсивную агитацию, желающих вступить в Эстонский легион СС оказалось существенно меньше, чем ожидалось, было решено прибегнуть к принудительным мерам: по приказу Гиммлера в качестве «добровольцев» в состав легиона зачислили часть служащих эстонской полиции безопасности. Одновременно начали вербовать добровольцев в лагерях военнопленных, а также среди эстонцев, дезертировавших из Красной армии в первые дни войны[76]. В результате к февралю 1943 г. удалось набрать всего 1 тысячу 280 человек[77]. 15% численности Эстонского легиона СС в этот период составляли бывшие солдаты эстонских полицейских батальонов и охранных батальонов вермахта[78]. Из них сформировали эстонский добровольческий батальон СС «Нарва», «самое элитное из когда-либо существовавших эстонских подразделений; в 1943-1944 гг. он проявил незаурядную отвагу в боях на Украине»[79], – не скрывают гордости авторы современного эстонского учебника истории для гимназии.

10 февраля 1943 г. эстонское радио сообщило о положении «тотальной войны». 24 февраля 1943 г. в Эстонии, как и во всем рейхскомиссариате Остланд, началась «совместная» мобилизация в войска СС, вспомогательные службы вермахта и немецкую военную промышленность шести призывных возрастов (1919–1924 годов рождения). Генеральный комиссар К. Литцман выступил с агитационной речью, в которой заявил, что «битва под Сталинградом коснулась не только Германии, но и всей Европы», поэтому «эстонцы, чье будущее неразрывно связано с рейхом, должны принять активное участие в "тотальной войне"»[80]. Аналогичное заявление сделал и рейхскомиссар Х. Лозе.

На следующий день после начала мобилизации было обнародовано распоряжение имперского министра Розенберга о частичном возвращении в Эстонии собственности крестьянам. Эта мера также напрямую связана с мобилизацией в легионы СС. Власти стремились заручиться

поддержкой основной части эстонского общества – зажиточного крестьянства. 7 марта 1943 г. по инициативе главы эстонского самоуправления Х. Мяэ было опубликовано очередное объявление о наборе в Эстонский легион. Бургомистр Таллина К. Террас обратился к призывникам по радио 17 марта 1943 г. Он заявил: «Каждый должен выполнять свой долг. Призывникам, желающим поступить в ряды Эстонского легиона, даётся возможность тут же подписать заявление об этом офицеру, занимающемуся вербовкой добровольцев в Эстонский легион. Остальные определяются на работы в порядке трудовой повинности. Нам придётся, по мере надобности, приносить такие жертвы. Лица, не выполняющие своих обязанностей по отношению к трудовой повинности или мешающие выполнять её другим, подлежат привлечению к ответственности со следующим наказанием: тюремное заключение, каторга или трудовой лагерь».[81]. Иными словами, эстонцам – как и латышам и литовцам – по сути, предложили небогатый выбор: либо воевать за гитлеровскую Германию, либо работать на неё же в тылу.

Новобранцы, вступающие в эстонские батальоны СС, давали присягу того же содержания, что и бойцы латышского легиона – на верность Гитлеру. Разумеется, процедура принятия присяги происходила при поднятом флаге Третьего рейха, использование эстонского национального флага было запрещено. В результате весенней мобилизации 1943 г. численность Эстонского легиона СС увеличилась до 8 тысяч человек: сформировали 3 батальона, образовавшие 1-й эстонский добровольческий гренадёрский полк СС.

20 апреля 1943 г. в Верховное командование вермахта (ОКВ) группа эстонских офицеров направила через сотрудника абвера фрегаттенкапитана А. Целлариуса*[82] меморандум с предложением о создании эстонских вооружённых сил. Авторы просили разрешить сформировать вместо Эстонского легиона СС эстонскую армию и настаивали на том, чтобы формирование и обучение национальных подразделений проходило в Эстонии, а командный состав состоял из офицеров-эстонцев. При этом подчёркивалось, что эстонские вооружённые силы будут подчинены Верховному командованию вермахта. Меморандум, адресо-

* А. Целлариус в 1940 г. курировал создание и подготовку в Финляндии эстонской разведывательно-диверсионной группы «Эрна». «Эрна», переброшенная по Балтийскому морю в прибрежные районы материковой части Эстонии уже в конце июня 1941 г., активно действовала летом–осенью этого года в зоне отступления РККА, поставляя вермахту оперативную информацию о передвижении советских войск и беженцев, участвуя в расправах с партийными активистами и «сочувствовавшими» им лицами. Затем, осенью 1941 г. личный состав «Эрны» был частично переведен в созданные оккупационными властями подразделения местной «самозащиты», влился в подразделения финской разведки. По архивным данным, 10 членов группы «Эрна» были награждены гитлеровским командованием Железным крестом II степени, ещё 30 – Крестом за заслуги и доблесть на восточных территориях[83].

ванный командующему ОКВ фельдмаршалу В. Кейтелю, вызвал резкое неприятие нацистского руководства[84]. Гиммлер, как и ранее Кейтель, ознакомившись с меморандумом, заявил, что предлагаемые меры в корне противоречат проводимой фюрером политике в отношении восточных народов. «Эта политика была определена раз и навсегда, и не может быть изменена!»[85] – заявил он. В условиях «тотальной войны» идея сформировать на территории Остланд какое-либо подобие национальной армии стала едва ли не более опасной, нежели в период успешного для немцев начала восточной кампании.

30 июня 1943 г. Гиммлер приказал Еккельну перевести в ходе следующих мобилизаций всех пригодных к службе в СС эстонцев в ряды Эстонского легиона СС. Мобилизация продолжалась до августа 1943 г. Мяэ в свою очередь обязал офицеров и унтер-офицеров, служивших в эстонском самоуправлении, вступать в Эстонский легион. Позже эту обязанность распространили и на офицеров и унтер-офицеров – эстонцев, служивших в полиции безопасности и СД[86].

Участие эстонских частей в катастрофической для вермахта Сталинградской битве не прошло мимо внимания, что зафиксировала издаваемая в оккупированной Эстонии пресса: «Генерал-комиссар Литцман указал, что созданный по его инициативе Эстонский легион из небольшой войсковой единицы давно уже вырос в крупное соединение. Это соединение воплощает боевой дух эстонского народа и его волю к борьбе против большевизма до его окончательного уничтожения... рейхсфюрер СС всегда обнаруживал особый интерес к эстонском народу... СС-обергруппенфюрер Еккельн подчеркнул активное участие эстонского народа в борьбе против большевизма. Этой борьбе посвящены все его силы. О том, как эстонцы сражаются с советами, ярко свидетельствуют геройские подвиги батальона «Нарва», недавно отметившегося в тяжёлых боях... Та же воля к борьбе характеризует боевую деятельность состоящих из эстонцев восточных батальонов на Восточном фронте»[87].

Эта риторика, а также некоторый успех недавней мобилизации, сыграли свою роль: руководство СС решило преобразовать Эстонский легион СС в бригаду. Она была сформирована 23 октября 1943 г., получив название 3-й Эстонской добровольческой бригады СС, и состояла из двух пехотных полков, группы артиллерии и дополнительных подразделений. Командиром назначили уже упоминавшегося Аугсбергера. В первое время 3-я Эстонская добровольческая бригада СС использовалась исключительно для борьбы с партизанами на территории Эстонии. Позже её перебросили на Восточный фронт для участия в боевых действиях.

По указанию Гиммлера была создана генеральная инспекция эстонских добровольческих частей, которая занялась дополнительной мобилизацией в войска СС[88]. Бывший полковник эстонской армии

(до 1940 г.) Й. Соодла возглавил руководство мобилизацией и Эстонским легионом СС. Он же был назначен начальником Команды пополнения войск СС «Эстония» и получил звание легион-оберфюрера (т.е. высшего руководителя легиона).

В начале ноября 1943 г. в Эстонии началась мобилизация в легион СС мужчин 10 призывных возрастов (1915–1924 годов рождения). На совещании в ставке фюрера 16 ноября 1943 г. для этого региона было установлено количество в 10 тысяч человек[89]. 2-й этап осенней мобилизации 1943 г. затянулся до января 1944 г.[90]. Использовалось положение о трудовой повинности и предоставлялась возможность выбора: между государственной трудовой повинностью, т.н. военной вспомогательной службой, и Эстонским легионом СС. На деле же призывников лишали выбора, склоняя к службе в легионе[91]. Это вызвало сбои в работе оккупационных властей, отвечавших за трудовую мобилизацию для нужд рейха. «В 1943 году очень много мужского латышского и эстонского населения было мобилизовано в легионы СС, что также отрицательно отразилось на мобилизации рабочей силы»[92].

После снятия блокады Ленинграда 27 января 1944 г. Красная армия продолжила наступление на Северо-Западе РСФСР. Войска Ленинградского, Волховского и 2-го Прибалтийского фронтов и части Балтийского флота прорвались сквозь линию фронта группы армий «Север», протянувшуюся от Ленинграда до Белоруссии, и к началу марта вышли к линии реки Наровы, Чудского озера и точки соприкосновения границ Латвии, Литвы и Белоруссии. Фронт установился на оборонной полосе вермахта «Линия пантеры», созданной в 1943 г., и являвшейся, в свою очередь, северным участком т.н. «Восточного вала», прошедшего по границе между Эстонской ССР и Ленинградской областью. 1 февраля 1944 г. оккупационные власти объявили в Эстонии призыв мужчин 1904–1923 годов рождения[93]. По данным на 8 января 1944 г., в различных вооружённых формированиях гитлеровской Германии служило в общей сложности около 14 тысяч эстонцев. На 21 февраля 1944 г. было призвано 32 тысячи человек[94].

27 марта 1944 г. рейхскомиссариат Остланд получил распоряжение из Восточного министерства, в котором Еккельну поручалось провести мобилизацию призывников 1926 года рождения. Летом 1944 г., за считанные дни до начала отступления вермахта с территории Эстонии, стали призывать 16–17-летних юношей. Их отправляли во вспомогательные части люфтваффе. Всего в 1944 г. мобилизовали около 40 тысяч человек[95]. Это была последняя массовая мобилизация.

А 24 июля Красная армия начала крупномасштабное наступление на северо-западном направлении. 25 августа освобождён Тарту. 14 сентября началось наступление 1-го, 2-го и 3-го Прибалтийских фронтов в сторону Риги с целью отрезать войсковую группу «Норд» от Герма-

нии. Красная армия продолжала развивать наступление – на Таллин и Западную Эстонию.

16 сентября 1944 г. Гитлер дал разрешение на эвакуацию жителей материковой Эстонии (план «Астер»). 18 сентября немецкие войска стали покидать свои позиции, угоняя с собой мирное население и прикрывая отступление остатками эстонских охранных батальонов и вспомогательной полиции. Прикрывавшие отступление оккупантов пограничные войска, состоящие из эстонцев, и части 20-й эстонской дивизии СС не успели отступить, и 20 сентября произошло столкновение между ними и 45-м отдельным танковым полком 8-го эстонского стрелкового корпуса Красной армии. Аналогичный трагический эпизод произошёл 21 сентября – отступающие эстонские подразделения вермахта вступили в бой с частями 249-й эстонской стрелковой дивизии Красной армии[96]. 22 сентября последние подразделения вермахта оставили Таллин, и Эстония была очищена от нацистов.

Деятельность легионов СС и других военизированных прибалтийских формирований на оккупированной территории СССР является одной из самых трагических и позорных страниц в истории Прибалтики XX столетия. Надежду жителей Прибалтики на обретение государственной независимости нацисты сделали инструментом для манипуляции массовым сознанием. Причём относительный успех этой манипуляции в значительной степени был достигнут благодаря привлечённым к сотрудничеству с оккупантами авторитетным в литовском, латышском и эстонском обществе персонам. Таким образом десятки тысяч молодых прибалтов, поддавшись демагогической агитации, принесли своим соотечественникам дополнительные тяготы, продлевая существование оккупационного режима в Латвии, Литве и Эстонии. Принципиально важно и то, что члены коллаборационистских милитаризованных структур, вынужденно или добровольно становясь пособниками нацистов, де-факто становились соучастниками военных преступлений и преступлений против человечности.

Примечания

[1] *Kott M.* Rekrutierung der Waffen-SS im Reichskommissariat Ostland : Der Versuch einer schwer fassbaren Synthese // Reichskommissariat Ostland : Tatort und Erinnerungsobjekt. – Paderborn , 2012. – S. 128

[2] *Тревор-Ропер Х.* Застольные беседы Гитлера : 1941–1944. – М., 2004. – С. 60.

[3] Latvijas Valsts Vēstures arhīvs (далее LVVA). P-69. f. 1a. apr. 2. l. 435. lp.

[4] См.: *Kangeris K.* Die Kulturpolitik der deutschen Okkupaionsmacht in Lettland 1941 – 1944 : Eine Einführung. // The Ethnic Dimension in Politics and Culture in the Baltic Countries : 1920 – 1945. – Stockholm, 2004.

[5] LVVA. P-82. f. 1. apr. 12. l. 29. lp.

[6] Инструкция А. Розенберга Х. Лозе от 21.07.1941 // Независимая газета [электрон. ресурс]. – 1994. – 21 июня. – http://www.hrono.ru/dokum/194_dok/19410721.html

[7] Там же.

[8] LVVA. P-69. f. 1a. apr. 1. l. 183. lp.
[9] История Латвии: XX век / Сост. Д. Блейере, И. Бутулис, А. Зунда, А. Странга, И. Фелдманис. – Рига, 2005. – С. 249.
[10] Там же.
[11] *Benz W.* Judenmord in der Sowjetunion // Langenheim H. Mordfelder : Orte der Vernichtung im Krieg gegen die Sowjetunion. –Berlin, 1999. – S. 19.
[12] *Dieckmann Ch., Toleikis V., Zizas R.* Karo belaisvių ir civilių gyventojų žudynės Lietuvoje. –Vilnius, 2005. – P. 110.
[13] Ibid. S. 42–43.; *Петров М.* Обыкновенный неонацизм // Delfi [электрон. ресурс]. – 2006. – 21 декабря. – http://www.narochnitskaia.info/cgi-bin/main.cgi-item=1r250r061222031955. htm
[14] *Angrick A.* Der Stellenwert von Terror und Mord im Konzept der deutschen Besatzungspolitik im Baltikum // Reichskommissariat Ostland…– Paderborn – S. 97.
[15] См.: *Каспаравичус А.* Вторая мировая война в коллективной и индивидуальной исторической памяти // Вторая мировая война как проблема национальной памяти : Материалы междунар. науч. конф., Санкт-Петербург, 24–26 сент. 2010 г. / РГПУ им. А.И. Герцена – СПб., 2010. – С. 13–26; История Латвии : XX век...– С. 259–263; *Адамсон А., Валдмаа С.* История Эстонии : Учебник для гимназии. – Таллин, 2000. – С. 216.
[16] *Benz W.* Op. cit. – S. 15–16.
[17] См.:. Die Einsatzgruppen in der besetzten Sowetunion 1941/42: Die Tätigkeits- und Lageberichte des Chefs der Sicherheitspolizei und des SD / Hrsg. von P. Klein. – Berlin, 1997.
[18] Прибалтика. Под знаком свастики (1941–1945) : Сб. документов / Сост. В.К. Былинин, М.Ю. Крысин, Г.Э. Кучков, В.П. Ямпольский. – М., 2009. – С. 68.
[19] *Stang K.* Kollaboration und Massenmord : Die lituaische Hilfspolizei des Rollkommando Hamann und die Ermordung der lituanischen Juden. – Frankfurt, 1996. – S. 10.
[20] Прибалтика. Под знаком свастики ...– С. 25.
[21] Там же. – С. 26.
[22] См: *Дробязко С.* Под знаменами врага. Антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил. 1941–1945[электрон. ресурс] – М. : ЭКСМО, 2005. – http://www.warmech.ru/karateli/drob9034.html; *Дробязко С.* Восточные добровольцы в вермахте и СС [электрон. ресурс] – http://jhist.org/shoa/ostslav.htm#TOCid54723241
[23] *Бубнис А.* Литовские полицейские батальоны в Латвии 1944–1945 гг. // Baltijas reģiona vēsture 20. gadsimta 40.–80. gados : Latvijas Vēsturnieku komisijas 2007. gada pētījumi un starptautiskās konferences «Baltija Otrajā pasaules karā (1939-1945)» materiāli, 2007. gada 6.–7. novembris. – Rigai, 2009. – 483. lp
[24] В 1962 г. правительство СССР потребовало от правительства США выдачи командира батальона А. Импулявичюса. Верховным судом Литовской ССР Импулявичюс был приговорён заочно к смертной казни. Однако во времена «холодной войны» из США выдачи не производились, и требование советской стороны было отклонено.
[25] *Бубнис А.* Указ. соч. – 483. lp.
[26] *Чуев С.Г.* Проклятые солдаты: Предатели на стороне III рейха [электрон. ресурс]. – М, 2004. –http://www.istorya.ru/book/soldaty/25.php
[27] Там же.
[28] *Бубнис А.* Указ. соч. – 484. lp.
[29] Прибалтика. Под знаком свастики... – С. 27.
[30] Мы обвиняем : [Документы и материалы / Отв. ред. А.Кадикис]. – Рига, 1967. – С. 268.
[31] *Станкерас П.* Литовские полицейские батальоны : 1941 – 1945 годы. – М., 2009. – С. 225–226.
[32] Прибалтика. Под знаком свастики... – С. 27.
[33] *Станкерас П.* Указ. соч. – С. 226.
[34] Там же.
[35] *Dieckmann Ch.* Deutsche Besatzungspolitik in Litauen 1941-1944 : B. 2. – Göttingen, 2011. – S. 163.
[36] *Станкерас П.* Указ. соч. – С. 230.
[37] Прибалтика. Под знаком свастики... – С. 27–28.

[38] Karys. – 1987. – Nr. 3. – P. 110.
[39] *Dieckmann Ch.* Deutsche Besatzungspolitik... – S. 172.
[40] XX amžius : Lietuvos valstybingumo problemos. – Kaunas, 1990. – P. 104.
[41] Прибалтика. Под знаком свастики... – С. 28.
[42] *Vėgelis J.* Lietuvos vietinės rinktinės kūrimas Šiauliuose // Karys. – 1958. – Nr. 9. – P. 305.
[43] Прибалтика. Под знаком свастики... – С. 29.
[44] *Gaškaitė N.* Pasipriešinimo istorija : 1944–1953 metais. – Vilnius, 1997. – P. 18.
[45] История Латвии : XX век... – С. 249.
[46] Латвия под властью Советского Союза и национал-социалистической Германии : 1940–1991. – Riga, 2010. – С. 53.
[47] *Kangeris K.* Latviešu policijas bataljoni lielajās partizānu apkarošanas akcijās 1942. un 1943. gadā // Totalitārie okupācijas režīmi Latvijā 1940. – 1964. gadā / Latvijas vēsturnieku komisijas raksti, 13. sej. – Rīga, 2004. – 333. lp.
[48] Ibid.
[49] *Bohn R.* Kollaboration und Genozid im Reichskommissariat Ostland : Die strafrechtliche Aufarbeitung in der Bundesrepublik Deutschland am Beispiel des Arajs-Verfahrens // Reichskommissariat Ostland... – S. 175.
[50] Латвия под властью Советского Союза и национал-социалистической Германии... – С. 55.
[51] ЦА ФСБ России. Ф. 100. Оп. 11. Д. 13. Л. 40.
[52] Там же. Л. 41.
[53] Там же. Л. 39–40.
[54] Арайс в конце войны попал в плен к англичанам и долгое время укрывался от возмездия. Лишь в 1979 г. за участие в убийствах мирных жителей Гамбургский земельный суд приговорил его к пожизненному заключению.
[55] *Jüngerkes S.* Deutsche Besatzungsverwaltung in Lettland 1941-1945 : Eine Kommunikations und Kulturgeschichte nationalsozialistischer Organisationen. – Konstanz, 2010. – S. 254.
[56] История Латвии : XX век... – С. 259.
[57] *Bangerskis R.* Mana mūža atmiņas : 3.grām. : Leg^iona vadība. – Kopenhāgena, 1959. – 107. l p.
[58] *Журавлев В.В., Пестов Б.Е., Емельянова Н.М.* Кого мы должны помнить? : (Об эстонских формированиях, входящих в состав войск гитлеровской Германии) // Военно-исторический журнал. – 1990. – № 6. – С. 18.
[59] LVVA. P-82. f. 1. apr. 12. l. 29. lp.
[60] *Чуев С.Г.* Указ. соч. – http://www.istorya.ru/book/soldaty/27.php
[61] Последние члены диверсионных групп подразделений «Ягдайнзац Балтикум» были нейтрализованы органами госбезопасности только в 1947 г.
[62] *Станкерас П.* Указ. соч. – С. 275.
[63] Р. Бангерскис умер в 1958 г. в Западной Германии, так и не представ перед судом. В 1945 г. его на территории Германии интернировали британцы, в 1946 г. он был выпущен из лагеря для военнопленных. В 1995 г. останки Бангерскиса были эксгумированы, доставлены в Ригу и торжественно перезахоронены на Воинском кладбище Латвии.
[64] Латвийские участники формирований СС ежегодно, в День памяти легионеров, проходят шествием по улицам Риги, когда-то бывшей столицей территории Остланд.
[65] *Isberg A.* Zu den Bedingungen des Befreiens : Kollaboration und freiheitsstreben in dem von Deutschland besetzten Estland 1941 bis 1944. – Stokholm, 1992. – S. 36–37.
[66] Ibid. – S. 39.
[67] *Адамсон А., Валдмаа С.* Указ. соч. – С. 214.
[68] НКВД-МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике, (1939 – 1956) : Сборник документов / Сост. Н.И. Владимирцев, А.И. Кокурин. – М., 2008. – С. 75.
[69] Обзор периода оккупации / Сост. Х. Ахонен [электрон. ресурс]. – Таллинн, 2004. – http://www.okupatsioon.ee/ru/–/25-uelevaated-okupatsiooniajast
[70] НКВД-МВД СССР в борьбе с бандитизмом... – С. 88.

[71] *Чуев С.Г* Указ. соч. – http://www.istorya.ru/book/soldaty/29.php
[72] *Марипуу М.* Холокост эстонских евреев и эстонцы / Пер с эст. И. Теплицкой [электрон. ресурс]. – Таллинн, 2006. – http://eja.pri.ee/history/Holocaust/Maripuu_rus.pdf
[73] НКВД-МВД СССР в борьбе с бандитизмом... – С. 75.
[74] Обзор периода оккупации... – http://www.okupatsioon.ee/ru/--/25-uelevaated-okupatsiooniajast
[75] *Isberg A.* Op. cit. – S. 73.
[76] Скрытая правда войны : 1941 год : Неизвестные документы / Сост. П.Н. Кнышевский, О.Ю. Васильева, В.В. Высоцкий [и др.]. – М., 1992. – С. 130–132.
[77] *Myllyniemi S.* Die Neuordnung der baltischen Laender 1941-1944 : Zum nationalsozialistischen Inhalt der deutschen Besatzungspolitik. – Helsinki, 1973. – S. 229.
[78] *Isberg A.* Op. cit. – S. 88.
[79] *Адамсон А., Валдмаа С.* Указ. соч. – С. 216.
[80] Прибалтика. Под знаком свастики...– С. 52.
[81] Там же. – С. 53–54.
[82] Eesti Riigsarhiivi (ERA). F. 4996. N. 1. S. 215. L. 12.
[83] «Поход "Эрны"» – так называется военно-спортивная игра, имитирующая высадку в июле 1941 г. разведывательно-диверсионной группы «Эрна» в тылу советских войск на побережье эстонского залива Колга. Участники игры –в основном военнослужащие стран НАТО. Финансирует проект Министерство обороны Эстонии (см: *Орлов С.* «Зарница» наоборот : Эстонцы играют в гитлеровцев // Свободная пресса[электрон. ресурс] . – 2009 – 7 августа. – http://svpressa.ru/society/article/12333/ (дата обращения: 30.10.2012)
[84] Прибалтика. Под знаком свастики...– С. 56.
[85] *Kersten F.* The Kersten Memoirs 1940–1945. – London, 1956. – P. 224.
[86] *Mertelsmann O.* Das «kleinere Übel»? : Das Generalkommissariat Estland im estnischen Vergangenheitsdiskurs // Reichskommissariat Ostland… – S. 179.
[87] Новое время. – 1943. – 15 октября.
[88] ЦА ФСБ России. № Н-18313. Т. 11. Л. 202.
[89] *Myllyniemi S.* Op. cit. – S. 252.
[90] *Isberg A.* Op. cit. – S. 99.
[91] Обзор периода оккупации... – http://www.okupatsioon.ee/ru/--/25-uelevaated-okupatsiooniajast
[92]ЦА ФСБ России. № Н-18313. Т. 1. Л. 67.
[93] Обзор периода оккупации...– http://www.okupatsioon.ee/ru/--/25-uelevaated-okupatsiooniajast
[94] Прибалтика. Под знаком свастики... – С. 61.
[95] *Mertelsmann O.* Op. cit. – S. 342.
[96] Обзор периода оккупации / Сост. Х. Ахонен. – Таллинн, 2004. – С. 81–82.

ДОКЛАДЫ ВОЕННОЙ КОНТРРАЗВЕДКИ О НЕДОЧЁТАХ В ХОДЕ ЗИМНЕГО НАСТУПЛЕНИЯ

Органы военной контрразведки во время Великой Отечественной войны вели работу одновременно по нескольким линиям, главной из которых была борьба со шпионажем, диверсией и антисоветскими проявлениями в Красной армии и Военно-морском флоте. Не менее важным было информирование военного командования обо всех недочётах в состоянии частей армии и флота. Независимость особых отделов позволяла констатировать истинное положение вещей без преуменьшений и скидок на заслуги. Особое место в сообщениях контрразведчиков уделялось фактам разглашения государственной и военной тайны и нарушениям работы связи. В ряде случаев несогласованные действия войск приводили к тому, что отмечались факты поражения частей своими же войсками. Небрежное отношение должностных лиц к секретным документам, болтливость, несоблюдение правил маскировки сводили на нет работу по подготовке стратегических операций. Нарушение работы служб тыла влекло за собой перебои в обеспечении продовольствием, медикаментами и боеприпасами. Во время подготовки и проведения крупных боевых операций роль информации, предоставляемой особыми отделами, существенно возрастала. Эти сведения немедленно поступали военному командованию армий для устранения нарушений в кратчайшие сроки. Недобросовестное, а порой и халатное отношение должностных лиц к обязанностям военной службы снижали боевую готовность, существенно влияли на состояние дисциплины.

В подборке представлены рассекреченные информационные сообщения особых отделов 40-й и 13-й армий и 12-й артиллерийской дивизии. Документы отражают состояние боевых частей в январе–феврале 1943 г. – во время Острогожско-Россошанской и Воронежско-Касторненской операций. При подготовке публикации исправлены затрудняющие восприятие текста ошибки и опечатки. Общепринятые аббревиатуры и известные факты не комментируются. В именном комментарии приведены сведения, подтвержденные документальными источниками.

***

№ 1.
ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА ОСОБОГО ОТДЕЛА НКВД 40-Й АРМИИ О НЕНОРМАЛЬНОСТЯХ В ХОДЕ НАСТУПАТЕЛЬНЫХ ОПЕРАЦИЙ

Совершенно секретно
14 января 1943 г.

№ 001401/1

Начальнику ОО НКВД Воронежского фронта
ст. майору госбезопасности тов. Вадис[1]

В результате успешного проведения частной операции по расширению плацдарма к дальнейшим операциям 14 января 1943 г. в 09 час. части 40-й армии перешли к общему наступлению. К исходу 14 января 1943 г. части армии овладели населёнными пунктами: Первое Сторожевое, хут. Весёлый, Довгалевка, Болдыревка, Калинин, Песковатка, Солдатское и блокируются населённые пункты Мостище и Мостюгино, развивая дальнейший успех. В ходе наступательных операций взято в плен солдат и офицеров 1311 человек, убито 2050 человек, взято трофеев: винтовок – 1255, пулеметов – 189, пушек – 74, миномётов – 46, автомашин – 33.

При овладении с. Урыво-Покровский 12 января 1943 г. взято в плен 115 венгров, в т.ч. командир пехотного батальона 7-й дивизии 3-го корпуса 2-й венгерской армии Цикатрицкий Маклош, 1896 г.р., венгр, в армии с 1915 г. При опросе майора Цикатрицкого выявлено, что в течение первых десяти минут в результате эффективного нашего артобстрела и действий авиации, батальон Цикатрицкого в количестве 700 человек был разбит, управление было потеряно. В связи с огромными потерями, оставшиеся в живых солдаты и вместе с ними майор Цикатрицкий были вынуждены сдаться в плен. Характерно, что пленному майору Цикатрицкому о действиях Советских войск в районе Сталинграда и на Кавказе ничего неизвестно. Он лишь знает о разгроме ряда итальянских дивизий, но подробностей не знает. На вопрос о взаимоотношениях немецких и венгерских войск, пленный рассказал, что в силу высокомерного и издевательского отношения немцев к венграм, взаимоотношения нездоровые.

В результате успешных действий 13 января 1943 г. в районе с. Болдыревка были взяты в плен немецкие офицеры-танкисты – майор Гассель Курт и его адъютант ст. лейтенант Оппиц Бертольд. Пленный майор Курт Гассель являлся командиром 700-го отдельного танкового отряда, сформированного 2 ноября 1942 г. в районе с. Избище (40 км западнее Воронежа). Материальная часть – из чешских танков заводов «Шкода», восстановленных в ремонтных мастерских. В декабре

отряд сосредоточился в с. Осиновки, находился в подчинении главного командования 2-й венгерской армии, приданный командиру 7-й пд. Отдельный танковый отряд состоял из 3-х рот, каждая по 16-17 танков. В ноябре в районе Сосовка-Терновое был сосредоточен немецкий пехотный корпус в составе 2-х пехотных дивизий под командованием генерала Крамме[2]. Штаб корпуса дислоцируется в г. Острогожске. Пленный Курт Гассель ранее был директором одного из заводов «Круппа» и служил в Генеральном штабе немецких войск в отделе укомплектования танковых войск.

Бертольд Оппиц, 1918 г.р., из Берлина, сын крупного немецкого финансиста. При опросе военнопленных Гасселя и Оппица в силу своего высокомерного поведения и отказа от дачи показаний к ним были применены в разведотделе штарма другие методы, в результате чего они лишь рассказали о вышеуказанном пехотном корпусе генерала Крамме. Пленный Оппиц рассказал, что успехи советских войск под Сталинградом ему известны, а также и то, что там окружено значительное количество дивизий немецких войск, и действия войск на Северном Кавказе.

Далее Оппиц заявил, что это происходит «возможно, в силу преобладания всех родов войск Англии и Америки над немецкими войсками, и если будут Англией взяты Бизерта и Тунис, то этот их успех не является еще вторым фронтом». Оппиц рассказал, что во время разгрома немецких войск под Москвой было 180 тыс. человек обмороженных немецких солдат и офицеров, из них 4 тыс. случаев ампутаций, остальные относятся к легкому обморожению. Обстоятельства пленения Бертольда Оппица, с его слов, таковы: «Будучи приданным 7-й пд венгерской армии, Курт Гассель и Оппиц не доверяли всем приказаниям венгерского командования. В момент наступательных действий нашей армии танковый отряд решил действовать самостоятельно по подавлению стрелковых подразделений, но советские танки, зашедшие во фланг, уничтожили отряд Курта Гасселя и Бертольда Оппица, а их командирский танк был протаранен, после чего они были взяты в плен».

Нами установлено, что разведотделом штаба 40-й армии нарушаются элементарные правила опроса военнопленных, например: при опросе Бертольда Оппица в ночь на 14 января 1943 г. в Разведотделе присутствовало 11 человек. К пленному немецкому офицеру был проявлен либерализм, как-то: присутствующий при опросе генерал-майор Радкевич[3] (начальник АБТВ Воронежского фронта) похлопывал Оппица доброжелательно по плечу, давал ему закуривать и предлагал перейти на службу в наши танковые части инструктором по немецким танкам, в то время, когда Оппиц отказывался давать какие-либо ценные показания. Конечно, гитлеровец Оппиц, высмеяв, отказался и от предложения генерала Радкевича. Наряду с этим установлено, что Разведотдел штарма при опросе военнопленных однобоко выясняет лишь дислокацию

частей противника, но не вскрывают целого ряда других вопросов, могущих быть полезными для нашей армии. За время опроса ряда военнопленных с начала наступательных действий ни у одного военнопленного не выяснен вопрос взаимоотношений и настроений венгерских и немецких войск, а также наличия немецких частей во втором эшелоне и их оборонительные укрепления там же.

В ходе операции штарм неоднократно терял управление частями из-за перерыва связи, так, например: с 305-й сд отсутствовала связь по радио с 19:36 13 января до 17 час. 14 января вследствие разъединения рации от штаба. С 253-й сбр не было связи по радио с 19 час. 13 января по 24 час. 14 января. С 25-й гсд с 5 час. до 8 час. 14 января, с 340-й сд с 5 час. до 6 час. утра 14 января. Также не было связи со 116-й тбр, 150-й тбр, 86-й тбр и 322-й сд. Основной причиной потери связи с частями является уход штабов дивизий на новый КП без раций или отставание раций в пути следования, а также то, что рации до сего времени не выполняют приказа начальника связи штарма об установлении связи каждые 2 часа со штармом при передвижениях. В результате такого положения до 18 радиограмм, значительное количество которых особо важные, в течение суток не были переданы частям. Больше того, начальник штаба 340-й сд майор Агеев 13 января в 16:00 при перемене КП не оставил на старом КП не только кого-либо из командиров, но даже и красноармейца для связи, в результате чего особо важное распоряжение штарма о боевых задачах дивизии на следующие сутки было задержано передачей с 23 час. 13 января до 7 час. утра 14 января.

По этой причине войска дивизии, получив боевое распоряжение с опозданием, не имели достаточного времени на подготовку к бою и уяснение задачи. Тот же Агеев, зная о необходимости доклада об обстановке каждые 2 час., на протяжении всей ночи с 13 на 14 января ни разу не доложил штарму, прислав утром лишь телеграмму с текстом: «Я нахожусь на высоте 160,2», – ничего не дающую в оперативном отношении.

Мероприятия: через начальника связи штарма приняты меры и последним даны указания начальникам связи дивизий об устранении отрыва раций от перемещающихся штабов.

Информируем командование.

Начальник ОО НКВД 40-й армии
капитан госбезопасности Шлокин[4]

Начальник 1-го отдела ОО НКВД 40-й армии
ст. лейтенант госбезопасности Знаменский[5]

ЦА ФСБ России. Ф. 40. Оп. 102. Д. 257. Л. 16–17 об. Заверенная копия. Машинопись.

№ 2.
ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА ОСОБОГО ОТДЕЛА НКВД 40-Й АРМИИ О НЕДОЧЁТАХ В ЧАСТЯХ АРМИИ В НАСТУПАТЕЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЯХ

Совершенно секретно
19 января 1943 г.

№ К-001901/1

Начальнику ОО НКВД Воронежского фронта
ст. майору госбезопасности
тов. Вадис

В течение 19 января с.г. части армии вели бои с противником в направлении Россошки, Семидесятское, Скупой, Долгий и Острогожск. Частью сил вели разведку отдельными отрядами в направлении Острянка, Первое Роговатое и Старое Уколово. В течение дня взяты населенные пункты Семидестяское, Шаталовка, Роговатое и Старое Уколово. Захвачено пленных 141-й сд – 950 человек, 253-й сбр – до 400 человек, 25-й гвксд – 200 человек, 305-й сд – 3319 человек, а всего 4869 солдат и офицеров.

Активность частей армии значительно снизилась в связи с распылением передовых частей по фронту, что усложнило, в свою очередь, и управление войсками. Связь, особенно проволочная, как внутри частей дивизии, так и КП дивизий с штармом, работает исключительно плохо, с большими перебоями за счёт отрыва на большую глубину передовых частей от своих штабов, последних от дивизий и дивизий от КП штарма. Например, КП 141-й сд, 253-й сбр, 340-й сд и др. от БПУ штарма находятся на расстоянии от 20 до 40 км. Начальник штаба генерал-майор Рогозный[6] вопросу приближения связи и руководству войсками со стороны штарма не уделяет достаточного внимания.

В ходе наступательных действий 141-й сд отмечено отсутствие единого управления подразделениями дивизии со стороны штаба дивизии, причиной этому служит следующее. Командир дивизии подполковник Рассадников[7] не бывает на КП дивизии, в силу чего нужной связи с полками не имеется. Комдив больше всего ходит за 745-м сп, поэтому плохо знает положение других своих частей и указаний командирам других полков не даёт. Вследствие такого руководства 15 января с.г. комдив Рассадников, не дав приказания о наступлении, ушёл в 745-й сп. Перед уходом Рассадников сказал в присутствии комбрига 14-й истребительной бригады полковника Сыроваткина, что с. Архангельское и западнее его лес не был взят, и в нем ещё находился противник, а батальон 14-й истребительной бригады залёг у леса, не предпринимая наступательных операций.

Отсутствие достаточного руководства боевыми операциями порождает ряд недочетов в наступательных действиях. Так, например, 15 января 1943 г. в 11:00 2-й стрелковый батальон 745-го сп под командованием зам. комбата ст. лейтенанта Колесова (комбат капитан Акимов находился в тылах) вступил на южную окраину с. Архангельское, бойцы и командиры разошлись по квартирам в поисках вина. После распития вина, в последующем, для организации батальона ушло много времени.

Аналогичный факт произошёл 15 января 1943 г. с батальоном 14-й истребительной бригады под командованием ст. лейтенанта Макарова. Указанный батальон, подойдя к лесу, что западнее с. Архангельское, залёг и дальше в наступление не шёл под предлогом, якобы из леса слышались выстрелы. Только после осмотра имевшихся трофеев и вмешательства командования бригады батальон свободно без сопротивления противника занял лес, а медлительностью своих действий предоставил возможность вывести из леса свои войска и материальную часть противнику. Данные действия Макарова остались безнаказанными, об изложенных фактах информирован командарм.

В ходе наступательных действий командир 2-й армейской штрафной роты ст. лейтенант Катеров проявил трусость, скрываясь в момент наступления в блиндажах и укрытиях. Катеров за проявленную трусость снят с должности командира 2-й армейской штрафной роты и в дальнейшем используется с понижением в должности.

Обращает на себя внимание исключительно плохая работа штабов частей, дивизий и Управления тыла армии по учёту, сбору и охране трофеев. Подбитые и захваченные, оставленные противником при отступлении танки, орудия, боеприпасы разбросаны по полям и селениям и не вывозятся. В 141-й сд на участке 745-го сп в с. Архангельское и 14–й истребительной бригады от неосторожного обращения с огнём бойцов поджигаются постройки. За последние 2 дня сожжено до 9 домов, в 6 из которых находились боеприпасы. Нами дано задание начальнику Особого отдела НКВД 141-й сд провести тщательное расследование, выявить конкретных виновников, установив, не является ли это диверсионными актами оставленной противником агентуры.

Захваченные склады с продовольствием, обмундированием не обеспечиваются соответствующей охраной, вследствие чего их содержимое расхищается, как военнослужащими, так и населением. Так, был расхищен большой продовольственный склад в церкви с. Солдатское, несколько складов в с. Яблочное, Архангельское и др., расхищаются также трофейные автомашины, мотоциклы и т.п. Об изложенных фактах информировано командование армии, которым принимаются меры к устранению этих недочётов через Управление тыла.

В населённых пунктах освобождённых частями армий задержано и арестовано за 19 января с.г. 58 человек. В числе их находятся: бывш. старосты, полицейские, переводчики русского и немецкого языков, изменники Родине, ранее перешедшие из частей нашей армии на сторону противника, бывшие в плену и окружении фашистских войск и др., над которыми производятся нами работы.

Из состава указанной группы арестованных первичным допросом до конца дня успели установить 5 бывш. старост, 2 помощников старост, 5 полицейских, одного переводчика. Для примера приводится следующее: Сурков Иван Иванович, 1888 г.р., уроженец с. Девица Коротоякского района Воронежской области, из крестьян-середняков, бывш. колхозник колхоза «Пахарь», русский, не судим, разговаривает по-немецки, б/п.

В процессе допроса установлено, что Сурков в империалистическую войну с 1914 по 1918 г. находился в плену у немцев, где научился разговаривать по-немецки. С момента оккупации в 1942 г. с. Девица Сурков добровольно пошёл на службу фашистской оккупационной армии и был назначен старостой хут. Десятка. В этой должности на службе у немцев пробыл до 13 января, момента освобождения села Красной армией от немецких войск. Имеет сына Суркова Дмитрия Ивановича, 1914 г.р., который с 1935 г. служит на Дальнем Востоке, на ст. Гишаевка Уссурийской ж.д. сотрудником райотдела НКВД пос. Кировск.

Уразов Никанор Николаевич[8], 1891 г.р., уроженец с. Яблочное Гремяченского района Воронежской области, б/п, из крестьян, бывш. член правления колхоза «Пахарь», образование низшее, не судим, имеет сына, который находится в Красной армии, адрес его неизвестен – где-то в районе Мурманска.

Уразов с июля 1942 г. по январь 1943 г. до освобождения от оккупантов хут. Родники служил у немецких оккупационных войск в должности старосты хут. Родники, активно помогал немецким властям осуществлять их хозяйственно-политические мероприятия. Уразов дал показания, что у него в качестве помощника старосты работал житель того же села некий Булатов Калистрат Прокофьевич[9], который вместе со старостой хут. Яблочный Кисляковым Стефаном Васильевичем были арестованы немцами. После непродолжительного ареста Кисляков немцами был казнен через повешение, а Булатов освобождён из под стражи и продолжал работать в указанной выше должности. Нами приняты меры к розыску Булатова К.П.

Внуков Яков Семёнович[10], 1905 г.р., уроженец с. Яблочное Коротоякского района Воронежской области, б/п, из крестьян, бывш. колхозник, русский, малограмотный, не судим. Внуков с 8 июля 1942 г. с момента оккупации с. Яблочное добровольно пошёл на службу

оккупационных властей и был назначен старостой хут. Яблочное. В этой должности пробыл до 13 января 1943 г. – до момента освобождения Красной армией с. Яблочное от оккупантов. Данный факт подтверждён двумя свидетельскими показаниями.

После освобождения нашими войсками хут. Фабрицкое Репьёвского района был выявлен и арестован нами бывш. полицейский Ковалёв Николай Афанасьевич, 1919 г.р., уроженец хут. Фабрицкое Репьёвского района Воронежской области, из семьи кулаков, б/п. Ковалёв с момента оккупации немецкими войсками в 1943 г. хут. Фабрицкий служил у оккупационных властей в должности полицейского, активно помогал фашистским немецким властям в выявлении партийного и советского актива села, предавал их расправам немецко-фашистских властей.

В дер. Довгалевка Репьёвского района нами задержан бывш. красноармеец Сухоплюев Андрей Максимович[11], 1913 г.р., уроженец дер. Шауральская Сарапульского района Удмуртской АССР, б/п. Из показаний Сухоплюева установлено, что он – бывш. красноармеец 1-го стрелкового батальона 253-й сбр. В ноябре 1942 г. занимал оборону на участке нашей армии у с. Опошкино Давыдовского района. Находясь на боевом охранении, с группой бойцов 6 человек, был захвачен вражеской разведкой.

После допроса они содержались под стражей в с. Довгалевка. При освобождении данного села частями Красной армии, при бегстве венгров, Сухоплюеву, якобы, удалось спрятаться от них, а остальные 5 бойцов со связанными руками уведены венграми с собой при отступлении. Сухоплюев нами подозревается как агент разведки противника, его первичные показания не заслуживают доверия, продолжаем над ним работать по его разоблачению как агента немецко-фашистских войск.

Задержана бывш. переводчица комендатуры немецких оккупационных властей в с. Солдатское Помогаева Вера Васильевна, 1921 г.р., уроженка с. Солдатское Коротоякского района Воронежской области, русская, б/п, не судимая, образование среднее педагогическое. Помогаева работала в комендатуре оккупационных венгерских властей в с. Солдатское в качестве переводчицы немецкого и русского языков и подозревается нами как агент, завербованная немецкой разведкой.

При первичном допросе Помогаева, кроме известных ей старост и полицейских, задержанных и арестованных нами, дала показания о находящихся ещё не свободе 6 полицейских венгерской комендатуры: Сухинине Петре Ивановиче, проживает в с. Сасовка, Попове Митрофане (отчество не знает), проживает в дер. Березово. Об арестованном нами бывш. старосте Молчанове Петре Тимофеевиче показала, что он отбирал у населения тёплые носильные вещи для мадьярских солдат и за образцовое выполнение заданий комендатуры награждён венгерским командированием стенными часами.

Полицейские Сухинин и Попов били жителей с. Солдатское за то, что некоторые из них ходили собирать для себя остатки колосьев хлеба, оставшегося на поле после хлебоуборки. Нами принимаются меры по розыску и аресту бывш. полицейских Сухинина и Попова. Работу по дальнейшему допросу Помогаевой и разоблачению её, как немецкого агента, продолжаем.

В числе задержанных нами в населённых пунктах, освобождённых от оккупантов, бывш. военнослужащих в с. Репьёвка попали и следующие: Афанасьев Василий Константинович, 1914 г.р., уроженец с. Дутовка Тамалинского район Пензенской области, русский, бывш. член ВКП(б) с 1934 г., образование высшее, инженер-лесомелиоратор, женат, не судим, семья проживает в с. Тамала Пензенской области. Афанасьев заявил, что работал к началу Отечественной войны, до сентября 1941 г., в должности зам. начальника отделения ДТО Юго-Западной ж.д., имеет спецзвание мл. лейтенанта госбезопасности. В сентябре 1941 г. попал в окружение в г. Киеве, три раза задерживался немецкими властями, был в плену-лагерях 21 день и освобождён как железнодорожник.

Учитывая, что Афанасьев был в плену и окружении у немцев свыше года, вызывает сомнение в полной правдивости его показаний.

Сурин Роман Дмитриевич, 1900 г.р., уроженец с. Процовка Роменского района Сумской области, бывш. член ВКП(б) с 1926 г., образование низшее.

По показаниям Сурина, он работал в должности зам. начальника ДТО Юго-Западной ж.д., имеет спецзвание ст. лейтенанта госбезопасности и в сентябре 1941 г. в г. Киеве попал в окружение войск противника. За время нахождения на временно оккупированной немцами территории Сурин неоднократно задерживался немецкими властями, был в лагере для пленных 20 дней и якобы освобождён из лагерей как железнодорожник. Нашими органами задержан в с. Репьёвка по освобождении его частями Красной армии от оккупантов.

Афанасьев и Сурин нами направляются в распоряжение ОО НКВД Воронежского фронта.

Зам. начальника ОО НКВД 40-й армии
капитан госбезопасности Белышев[12]

Начальник первого отдела ОО НКВД 40-й армии
ст. лейтенант госбезопасности Знаменский

ЦА ФСБ России. Ф. 41. Оп. 102. Д. 257. Л. 27–30 об. Заверенная копия. Машинопись.

№ 3.
СПЕЦСООБЩЕНИЕ ОСОБОГО ОТДЕЛА НКВД 13-Й АРМИИ О БОЕВОЙ ГОТОВНОСТИ АРТМИНОМЁТНЫХ И ТАНКОВЫХ ЧАСТЕЙ

Совершенно секретно
23 января 1943 г.

№ К-6/3

Начальнику ОО НКВД Брянского фронта
ст. майору госбезопасности тов. Королёву[13]

В течение 23 января 1943 г. артминомётные и танковые части армии по-прежнему продолжали сосредотачиваться на исходные рубежи. На 6:00 не сосредоточились 12-я и 5-я артдивизии, 16-я дивизия ПВО и 43-й отдельный тп. Основной причиной задержки сосредоточения остаётся отсутствие необходимого количества горючего, особенно в артиллерийских частях, что объясняется, прежде всего, перебоями подачи горючего на армейские базы и необеспеченностью частей автотранспортом (5-я, 12-я артдивизии и другие).

Основным недочётом в подготовке частей к боевым действиям является отсутствие связи штаба артиллерии с частями и соединениями, а также отсутствие связи между отдельными частями. Так, например: до сегодняшнего дня отсутствует связь штаба артиллерии с 5-й, 12-й артдивизиями, 5-й дивизией РС, 16-й зенитной и отдельными артполками, а также неустойчивая связь и внутри самих дивизий. Радио же связь только налаживается. В результате поломок и аварий транспорта только по 5-й артдивизии находится в пути следования 27 орудий, из них по 16-му лап – 9 орудий, по 9-му габ – 18 орудий. Из этого количества в 293-м гап, из-за отсутствия тягачей, которые ремонтируются в г. Тамбове, оставлены на старом месте дислокации (г. Ефремов) шесть 150 мм гаубиц и шесть 122 мм гаубиц – застряли в пути следования из-за отсутствия горючего и поломки тягачей. Такое же положение в 12-й артдивизии и 16-й зенитной дивизии. По-прежнему очень плохо обстоит дело с обеспеченностью боеприпасами артиллерийских дивизий, у которых запасы их колеблются от 0,4 до 1 б/к.

Мероприятие: по данному вопросу нами проинформировано командование армии, которым предпринимаются меры к обеспечению связью, снабжению частей боеприпасами и стягиванию орудий к месту сосредоточения.

Во время марша 193-го отдельного тп к новому месту сосредоточения из строя вышли 5 танков марки М-3-С в 3-й тр. Осмотр танков дал возможность предполагать, что масляная система танков была залита

летней смазкой и с наступлением зимы последняя заменена не была, а пополнялась по мере выгорания первой, т.е. масло в момент осмотра оказалось смешанным и вязкость его была значительно выше зимнего. Вследствие этого нагнетательные и всасывающие насосы не смогли создать достаточного вакуума в масляном трубопроводе для питания смазкой подшипников и поршней, в силу чего и произошла поломка. Из-за отсутствия запасных частей, данные танки в настоящее время не ремонтируются.

Мероприятие: по данному вопросу нами проинформировано командование, одновременно проводим тщательное расследование о причинах поломки и привлечения виновников к ответственности.

22 января 1943 г., вышедший из ремонта танк Т-70 118-й тбр, следовавший к месту сосредоточения, попал в противотанковый ров, где и находится по настоящее время. Основным виновником происшествия является механик-водитель сержант Затожайко, который безответственно отнёсся к исполнению своих обязанностей. Справка: механиком-водителем сержантом Затожайко это – второй случай во время марша вывода танка из строя.

Мероприятие: по данному факту проводим тщательное расследование и при установлении фактов умышленного вывода танков из строя, Затожайко нами будет арестован.

22 января 1943 г. в 328-м танковом батальоне 118-й тбр ст. военфельдшером было запрещено выдавать завтрак, приготовленный из концентратов, который имел запах бензина. Несмотря на это, помпохоз батальона Марков приказал поварам завтрак раздать, однако личный состав от него отказался и вследствие этого имело место недовольство и нарекания со стороны последнего.

Мероприятие: по данному вопросу проинформировано командование бригады, одновременно расследуем, не является ли данное действие Маркова умышленным, с целью вызвать недовольство личного состава батальона.

По имеющимся у нас материалам, по 118-й тбр отведены в тыловые части 4 красноармейца и один красноармеец по 45-му отдельному аэросанному батальону. Отсутствие полной информации объясняется тем, что до настоящего времени не имеется регулярной связи с особыми отделами дивизий и бригад, и оперативными уполномоченными отдельных объектов, т.к. последние в течение истёкших суток находились в движении.

Мероприятие: в целях обеспечения качественной и своевременной информации, нами в особые отделы НКВД дивизий направляются оперативные работники аппарата армии, а также разработана и разослана в особдивы ориентировочная схема по построению ежедневных отчетных документов. Для оказания практической

помощи и лучшей оперативности, оперативные уполномоченные отдельных объектов проинструктированы и переданы в подчинение соответствующим особым отделам дивизий.

Зам. начальника ОО НКВД 13-й армии
капитан госбезопасности Александров[14]

Начальник 3-го отдела ОО НКВД 13-й армии
лейтенант госбезопасности Астрологов

ЦА ФСБ России. Ф. 40. Оп. 5. Д. 404. Л. 16–17 об. Подлинник. Машинопись.

№ 4.
СПЕЦСООБЩЕНИЕ ОСОБОГО ОТДЕЛА НКВД 13-Й АРМИИ О БОЕВОЙ ГОТОВНОСТИ СТРЕЛКОВЫХ ЧАСТЕЙ

Совершенно секретно
25 января 1943 г.

№ К-30/4

Начальнику ОО НКВД Брянского фронта
ст. майору госбезопасности тов. Королёву

В ходе изучения боевой готовности стрелковых частей 13-й армии отмечены следующие недочёты.

По 307-й сд: части дивизии полностью не обеспечены боеприпасами, что видно из следующих данных. По состоянию на 21 января 1943 г. имеется:

1	Винтовочных патронов	0,9 б/к
2	Ручных гранат	0,5
3	50 мм мин	0,6
4	82 мм мин	1,0
5	120 мм мин	1,0
6	45 мм артснарядов	1,3
7	76 мм полковых	1,1
8	76 мм див. снарядов	1,0
9	122 мм артснарядов	0,9

Необеспеченность дивизии боеприпасами объясняется отсутствием последних на армейских артскладах. В предыдущем спецсообщении вам было сообщено о плохой маскировке войск, расположенных вблизи линии фронта. Положение остаётся без изменения, т.к. командный состав всех степеней не уделяет никакого внимания обеспечению маскировки. В подтверждение этого могут служить следующие факты: в ночь с 24 на 25 января с.г. во время наблюдения, произведенного опер-

составом в с. Паниковец, Гатище, Гатищенские Выселки, а также на всех прифронтовых дорогах и, даже, непосредственно в близости от противника было отмечено большое количество костров, движение автомашин с открытыми фарами. Всё это привело к тому, что противник уже обнаружил концентрацию наших войск и производит усиленную авиаразведку. Отмечены факты разглашения военной тайны. В течение суток чрезвычайных происшествий в частях дивизии не отмечено.

По 132-й сд: особдивом приняты меры в отношении организации заградслужбы. В каждом стрелковом полку за боевыми порядками пехоты расставлены группы из заградотрядов, которые тщательно проинструктированы. Имевшиеся недочёты в обеспечении бойцов винтовками и патронами по 605-му сп устранены.

Недостаточно проходит работа по разминированию минных полей у переднего края противника. Начальник инженерной службы 498-го сп Матвеев в разговоре с командиром 3-го батальона Гришуном заявил, что впереди его батальона минных полей нет. При проверке было обнаружено и изъято 75 мин. Находящиеся на переднем крае обороны бойцы 712-го сп не соблюдают маскировку, ходят открыто, в результате чего за истёкшие сутки было выведено из строя 22 человека, из них: убито – 3, ранено – 19. Прибывший представитель из штаба Брянского фронта майор Горбаченко для оказания помощи командованию 605-го сп явился в 3-й батальон в пьяном виде, нецензурно обругал командиров, задержал выход группы сапёров для прорезания проволоки противника на 2 час. По нашей информации командованием части отведено в тыловые части 4 военнослужащих, как неблагонадёжных.

По 211-й сд: неудовлетворительно части дивизии снабжаются продовольствием. По 48-й армии была обеспечена продуктами по 24 января включительно (хлебом по 26 января), на 25 января получен наряд из штаба 13-й армии на получение продуктов, но на складе получено только 500 кг комбижира, других продуктов нет. Части дивизии начали израсходовать продукты НЗ (887-й сп).

Имеют место следующие чрезвычайные происшествия: 23 января с.г. из расположения учебного батальона в дер. Круглое исчез курсант 2-й ср Прокопенко Иван Иванович, 1918 г.р., уроженец дер. Грабаровка Пирятинского района Харьковской области, б/п, украинец, судим за хулиганство. Прокопенко унёс собой винтовку, 120 патронов, 2 гранаты. Приняты меры розыска.

23 января с.г. в 7-й ср 894-го сп, в результате неосторожного обращения с ручным пулемётом, убит красноармеец 3-го взвода Амантурлиев Конымбай, 1906 г.р., уроженец Гурьевской области, кандидат в члены ВКП(б), казах, и ранен красноармеец этого же взвода Плюснин Алексей Семёнович, 1901 г.р., уроженец и житель Кировской области, кандидат в члены ВКП(б), русский.

Установлено, что во время проверки оружия путём его обстрела, пулемётный расчёт в помещении, где находились бойцы, подготовил ручной пулемёт, зарядил его диском и взвёл на боевой взвод. При неосторожном обращении заряженным пулемётом произошёл выстрел, в результате которого был убит Амантурлиев и ранен Плюснин.

Отмечены и другие отрицательные проявления: красноармеец 3-й ср 894-го сп Рубцов Василий Тимофеевич, 1900 г.р., уроженец г. Наро-Фоминск Московской области, б/п, русский, используя перебои в снабжении продуктами, среди бойцов заявил: «Нас кормят водой, изматывают все силы, хотят убить». Когда командир послал связных, чтобы принесли обед для Рубцова, последний заявил: «Мне обед не нужен, буду голодать и дальше не пойду».

Красноармеец 7-й ср 896-го сп Ельчанинов Михаил Семёнович, 1904 г.р., русский, б/п, образование 5 классов, судим по ст. 74 УК РСФСР, 24 января с.г. отказался выполнить приказание командира взвода Гурьева и, когда последний потребовал выполнения отданного им приказания, Ельчанинов заявил: «Я знаю, что с такими делать на передовой в бою». Материал перепроверяется. По всем указанным фактам информировано командование дивизии для принятия мер.

По 8-й сд: обеспечение дивизии продовольствием неудовлетворительное. Дивизия не получает продуктов в связи с отсутствием их на складе ДОПа. Нет сена для конского состава, имеется всего 1,6 сутодач. Боеприпасов в дивизии имеется:

1	Винтовочных патронов	1,2 боекомплекта
2	Патрон ПТР	1,45 боекомплекта
3	Ручных гранат	0,62 боекомплекта
4	Противотанковых гранат	0,95 боекомплекта
5	50 мм мин	1,05 боекомплекта
6	120 мм мин	1,50 боекомплекта

По 280-й сд: части дивизии находятся на прежнем положении, расположены в с. Свободная Дубрава и Норка. В спецсообщении за 24 января с.г. нами сообщалось, что по приказу командира дивизии, из-за отсутствия достаточных укрытий для бойцов, части переместились из с. Гатищенские Выселки.

Во время этого перехода в 16:00 самолёт противника заметил движение войск и бросил 3 бомбы в расположение 1033-го сп, вреда не причинено.

В связи с эти случаем отдельные командиры и бойцы высказывают недовольство командованием, которое, якобы, делает бесцельные переходы. Командир первого батальона 1033-го сп капитан Благодырь

заявил: «Нас будут водить взад и вперёд до тех пор, пока противник обнаружит скопление войск и разгадает наши замыслы о наступлении, вообще командование почему-то медлит с наступлением». Аналогичные высказывания имеют место со стороны других командиров. Другие отрицательные проявления: красноармеец 2-го стрелкового батальона 1033-го сп Тетерин 19 января с.г. во время следования части на новое место расположения пытался покончить жизнь самоубийством – броситься под машину, но был задержан бойцами и под машину не попал. На вопрос о причинах попытки самоубийства Тетерин ничего не отвечает.

Установлено, что он систематически проявляет недисциплинированность, вступает в пререкания с командиром. 16 января с.г. Тетерин среди бойцов заявил: «Как только пойдём в бой, при первом удобном моменте, я застрелю командира взвода лейтенанта Холикова». Особдиву дано указание – факты террористических высказываний Тетерина задокументировать и арестовать его. Красноармеец 5-й роты 1035-го сп Кожуха, во время похода части, 21 января с.г. на замечание командира взвода, чтобы он не отставал, заявил: «Я с Вами разговаривать не хочу, дойдём до фронта, я там с Вами буду по-другому разговаривать». Кожуха отведён в тыловые подразделения. По всем указанным фактам информировано командование полка.

По 15-й сд: части дивизии крайне недостаточно обеспечены ручными гранатами.

По 81-й сд: обеспечение боеприпасами: стрелковые части – 0,5-0,6 б/к, 346-й артполк – 1,0 б/к. Основное наличие боеприпасов в результате недостаточного количества транспорта оставлено по месту прежней дислокации (с. Н. Жерновец Русско-Бродского района). Продуктами дивизия обеспечена – 1 сутодача.

В пути следования с 22 по 25 января с.г. части дивизии имеют много случаев отставания. Количество отставших не установлено, т.к. в штабе точного учёта нет. Просим срочно принять меры к полному укомплектованию оперсоставом частей дивизии.

В 519-м сп нет ст. оперуполномоченного, оперуполномоченный 519-го сп по состоянию здоровья непригоден, по заключению комиссии годен для работы в тылу. Оперуполномоченный 410-го сп мл. лейтенант госбезопасности тов. Кроль по приказанию ОО НКВД фронта подлежит откомандированию в его распоряжение по состоянию здоровья. Оперуполномоченный по тылам мл. лейтенант госбезопасности Штельман работы не обеспечивает, необходимо заменить.

Мероприятие: особым отделом НКВД армии создана подвижная оперативная группа в составе 4-х человек, под руководством

зам. нач. ОО НКВД армии капитана госбезопасности тов. Шелепенко[15], которая будет выбрасываться для принятия срочных оперативных мер в ходе сложившейся обстановки.

Зам. начальника ОО НКВД 13-й армии
капитан госбезопасности Александров

Начальник 4-го отдела ОО НКВД 13-й армии
ст. лейтенант госбезопасности Сергеев

ЦА ФСБ России. Ф. 40. Оп. 5. Д. 401. Л. 37–40 об. Подлинник. Машинопись.

№ 5.
СВЕДЕНИЯ ОСОБОГО ОТДЕЛА НКВД 12-Й АРТДИВИЗИИ О ПОЛОЖЕНИИ В ДИВИЗИИ

25 января 1943 г.

Начальнику ОО НКВД 13-й армии

На 25 января 1943 г. 12-я артдивизия занимает огневые позиции на ранее занятых рубежах, кроме выбывшего 125-го пап и выбывающего 872-го гап. Полки артдивизий боевых операций ещё не проводили, 25 января с.г. велась перестрелка отдельными батареями полков артдивизии, а также занимались инженерным оборудованием боевого порядка.

По вине майора Морозова до настоящего времени не доставлена мастерская и склад артснабжения 469-го гап из дер. Колодезская, что может повлиять на ход боевых операций, по существу чего вопрос поставлен перед командованием дивизии.

25 января с.г. на НП разорвало миной противника связиста тов. Петрушенко из батареи управления 469-го гап. Имеются случаи обморожений 2-й степени у трёх бойцов 155-го пап, причины обморожений расследуются. Затруднения с питанием в дивизии ещё продолжают иметь место. На 25 января с.г. полки лап имеют запас продовольствия на сутки. В полках 32-го габ кроме крупы нет ничего. В снабжении хлебом и сахаром перебои из-за отсутствия горючего.

Проявления фактов бегства, паникёрства, членовредительства не имеется.

Кроме отмеченного, на территории артполков разных частей 12-й артдивизии обнаружены сброшенные с самолёта печатные листовки с русским текстом (прилагаются)* видимо для популяризации членовредительства.

По существу факта дано задание опersоставу на изъятие этих листовок на местах при обнаружении.

Начальник ОО НКВД 12-й артдивизии
лейтенант г/б Кулагин[16]

ЦА ФСБ России. Ф. 41. Оп. 69. Д. 254. Л. 33 об. Подлинник. Рукопись.

* Не публикуются.

№ 6.
СВЕДЕНИЯ ОСОБОГО ОТДЕЛА НКВД 12-Й АРТДИВИЗИИ О НЕДОСТАТКАХ В СНАБЖЕНИИ БОЕПРИПАСАМИ И ПРОДОВОЛЬСТВИЕМ

27 января 1943 г.

б/н

Начальнику ОО НКВД 13-й армии

По приказу перемещения и переподчинения части 12-й артдивизии перемещаются за стрелковыми дивизиями, которым они приданы. Полки ЛАПовской бригады дошли до дер. Алексеевка. ГАПовская бригада в пути, на подходе к дер. Захаровка, оставшаяся ПАПовская бригада в составе 155-го пап остановилась в занятых окопах бывшей обороны противника (первая линия обороны). Боепитание, горюче-смазочные материалы и продовольствие с перебоями и с затруднениями из-за недостатка автомашин и тракторов подвозятся с прежних пунктов дислокации дивизии Гатище-Навесное.

За день имелось несколько налётов самолётов противника, в результате которых отдельные подразделения частей 12-й артдивизии имеют небольшие потери в личном составе и транспорте (автомашины), число которых пока точно неустановленно.

Ввиду выбытия 125-го пап из подчинения 12-й артдивизии в состав 38-й армии, уполномоченным ОО НКВД 12-й артдивизии оставлен материал и данные по случаю произошедшего самострела красноармейца 5-й батареи 2-го дивизиона 125-го пап Максимова Григория Ивановича, 1912 г.р., б/п, образование 4 класса, имеет судимость по ст. 74 УК РСФСР, приговорён к 5 годам лишения свободы, вышел из заключения в январе 1943 г. По делу последнего свидетельских показаний не получено, ввиду выхода полка в марш, а пострадавший оставлен в санчасти дивизии. Для проведения расследования по самострелу Максимова и привлечения его к ответственности дело передано военному прокурору 12-й артдивизии.

Необходимо отметить, что снабжение 12-й артдивизии с армейского склада № 2504 до сих пор не урегулировано. Частям дивизии выдаётся ограниченный ассортимент продуктов, как-то: пшено, с перебоями сахар и концентраты, несмотря на то, что на этом же складе, по [некоторым] данным, имеются в наличии масло, сахар, консервы, крупы и другие продукты, которые 12-й артдивизии по неизвестным причинам не выдаются.

Начальник ОО НКВД 12-й артдивизии
лейтенант г/б Кулагин

ЦА ФСБ России. Ф. 41. Оп. 69. Д. 254. Л. 45 об. Подлинник. Рукопись.

№ 7.
СПЕЦСООБЩЕНИЕ ОСОБОГО ОТДЕЛА НКВД 13-Й АРМИИ О БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЯХ ТЕХНИЧЕСКИХ ЧАСТЕЙ

Совершенно секретно
28 января 1943 г.

№ К-40/3

Начальнику ОО НКВД Брянского фронта
ст. майору госбезопасности тов. Королёву

В течение 27 января 1943 г. технические части армии способствовали дальнейшему наступлению стрелковых соединений.

12-я артдивизия. Дивизия основными своими силами поддерживала своим наступлением стрелковые соединения, за исключением 150-го пап, который оставался в резерве командования дивизии, занимая бывший передний край обороны противника. Снабжение дивизии боеприпасами, горючим и продовольствием по-прежнему идёт с перебоями. На 27 января 1943 г. обеспеченность дивизии боеприпасами – 1 б/к, горючим – 3/4 заправки, продовольствием – 1 сутодача. Одновременно следует указать, что армейский склад № 2504 до сих пор, несмотря на наличие продовольствия, не урегулировал вопрос снабжения дивизии, в результате чего имеют место перебои с сахаром, водкой, концентратами, консервами и другими продуктами. За истёкшие сутки авиация противника совершила ряд налётов на боевые порядки частей артдивизии, в результате чего имеются потери в личном составе и потери в транспортных машинах. Количество убитых и раненых от бомбёжки, а также число разбитых автомашин уточняется.

В 24-й тяжёло-пушечной бригаде имел место факт членовредительства со стороны красноармейца Максимова Григория Ивановича, 1912 г.р., русского, б/п, образование 4 класса, ранее судимого по ст. 74 УК РСФСР, приговорённого к 5 годам лишения свободы и освобождённого из-под стражи в январе 1943 г. Максимов арестован, дело для дальнейшего расследования и привлечения Максимова к уголовной ответственности передано прокурору 12-й артдивизии. Других фактов отрицательного характера в дивизии не имелось.

5-я артдивизия. В течение 27 января 1943 г. дивизия всеми своими частями поддерживала наступление стрелковых соединений. В дивизии по-прежнему ощущается острый недостаток горючего, что объясняется отсутствием в дивизии транспортных средств, в связи с чем среди командиров имеют место нездоровые настроения. Так, 27 января 1943 г. разговаривая о развернувшихся событиях, воентехник 2-го ранга Сашанов заявил: «Где уж нам выполнить операцию, когда мы не имеем средств передвижения? Командование об этом не заботится, а без этого задачу выполнить нельзя». За истёкшие сутки отмечен так же факт антисоветского высказывания. 27 января 1943 г. в разговорах о международном положении красноармеец 2-го дивизиона 753-го артполка Бобкин заявил: «Если не будет колхозов, то все убытки, причинённый войной в 2 года будут исправлены, а если будут колхозы, то убытки не исправят и в 25 лет». Обеспеченность дивизии: боеприпасами – 1 б/к, горючим – 0,5 заправки, продовольствием – 1 сутодача. За время наступления 5-я артдивизия потеряла: убитыми 9, ранеными – 38 человек.

16-я зенитная дивизия. Дивизия по состоянию на 27 января 1943 г. занимает установленные рубежи, имея задачу прикрыть от авиации противника боевые порядки частей, а также движущиеся транспорты по дороге Волово – Гатище – Навесное. В течение дня дивизия неоднократно отражала налёты авиации противника.

Обеспеченность дивизии: боеприпасами – 2 б/к, горючим – 1,5 заправки, продовольствием – 3 сутодачи.

5-я гвардейская миномётная дивизия. Дивизия до настоящего времени полностью не сосредоточилась, т.к. 2 дивизиона 22-й огбр находятся в пути следования к месту сосредоточения. Боеприпасами, продовольствием и горючим дивизия обеспечена полностью. Основной причиной позднего сосредоточения является плохая организация и руководство маршем, и несвоевременная подача горючего в пути следования, и низкая квалификация шофёрского состава. Необходимо отметить, что командир дивизии никаких решительных мер к ускорению прибытия отставших машин в подразделения не предпринимает и не знает, где они находятся, а отсиживается больше в кабинете и в частях почти не бывает.

Партийно-политическая работа в бригадах и полках почти совершенно отсутствует, бойцы газет не получают и последние события им неизвестны.

Следует также отметить тот факт, что полки и бригады получают боевые задачи от оперативной группы ГМЧ Брянского фронта, минуя штаб дивизии. Поэтому командир дивизии вместе со своим штабом боевых задач, которые ставятся перед дивизией, не знает. Так, 27 января 1943 г. по приказу группы ГМЧ 323-й гмп сменил место дислокации, о чём командиру дивизии было неизвестно.

Мероприятие: по вопросу невыполнения приказа Брянского фронта о сосредоточении и перерасхода горючего проводим расследование для привлечения виновных к ответственности.

445-й олбс[17]. Батальон, согласно приказу командования, занимался наводкой кабельно-шестовой и телеграфно-шестовой линии вслед за продвигающимися частями 307-й сд. Однако к концу дня, по приказанию начальника штаба связи, кабельно-шестовая рота получила приказ снять кабельно-шестовую линию в направлении Захаровка-Волово и сосредоточиться в дер. Захаровка для получения дальнейших задач.

Телеграфно-строительная рота выполняет поставленную задачу. По распоряжению начальника управления связи фронта, для оказания помощи в построении постоянной телеграфно-телефонной линии, 445-му олбс была придана 489-я отср[18], которая совершенно не обеспечена средствами передвижения, а имеющиеся у неё лошади доведены до истощения и на задании использованы быть не могут.

Кроме того, командир роты лейтенант Пархолеев и его заместитель лейтенант Куликов, прибыв на место сосредоточения, 26 января 1943 г. в дер. Гатище, расположил роту на отдых, не доложив о прибытии командиру 445-го олбс. И только 27 января 1943 г. в 5:00 после того, как рота была установлена командованием 445-го олбс, приступила к выполнению боевой задачи.

Таким образом, командиром роты лейтенантом Пархолеевым было не выполнено приказание начальника Управления связи фронта.

В течение суток батальон подвергался неоднократным налётам со стороны авиации противника, в результате чего 489-я отср потеряла 2-х человек ранеными.

Во время продвижения батальона оперуполномоченным мл. лейтенантом госбезопасности Гаровым в оставленной немецкой штабной машине были изъяты и доставлены в ОО НКВД армии материалы отдела 1-Ц[19] 168-го гренадёрского немецкого полка, частично сформированного из наших переводчиков (изменников Родины).

Мероприятие: переводим материалы 168-го гренадёрского полка, с целью установления фамилий изменников, для предания их заочному осуждению и выявления среди задержанных.

Начальник ОО НКВД 13-й армии
капитан госбезопасности Александров

Начальник 3-го отдела ОО НКВД 13-й армии
лейтенант госбезопасности Астрологов

ЦА ФСБ России. Ф. 40. Оп. 5. Д. 404. Л. 25–27 об. Подлинник. Машинопись.

№ 8.
СПЕЦСООБЩЕНИЕ ОСОБОГО ОТДЕЛА НКВД 13-Й АРМИИ О РАБОТЕ ОСОБЫХ ОТДЕЛОВ ТЕХНИЧЕСКИХ ЧАСТЕЙ

Совершенно секретно
2 февраля 1943 г.

№ К-83/3

Начальнику ОО НКВД Брянского фронта
ст. майору госбезопасности тов. Королёву

За весь период активных боевых действий штабы артиллерийского и бронетанкового управления руководство своими частями не обеспечивают и очень часто даже не знают, где и в каком состоянии они находятся. Так, например: артуправление армии в течение трёх суток не имеет никаких данных, где и в каком состоянии находятся 874-й, 130-й иптап[20] и 142-й, 106-й миномётные полки и только в 10:00 1 февраля 1943 г. начальником штаба управления был выслан для розыска последних пом. начальника оперотдела штаба капитан Шкуровский.

Имеющиеся офицеры связи свои задачи знают плохо, в силу чего приезжая в штаб не знают полного состояния и обеспеченности той или иной части. Поэтому не случайно 9-я габр 5-й артдивизии, которая должна была прибыть 27 января 1943 г. для поддержания действий 280-й сд, к сроку не прибыла и дивизия выполняла задачу самостоятельно. Аналогичное положение и по 8-й сд. Из-за плохого руководства частями, 5-я артдивизия в настоящее время вообще от стрелковых частей оторвалась и находится в тылу. Данное положение артуправление армии объясняет тем, что 29–30 января 1943 г. в дивизии не было горючего. Однако и 31 января с.г. части дивизии находились на месте.

Не лучше обстоит дело и в бронетанковом управлении. Начальник штаба управления, полковник Локтионов до настоящего времени

не имеет никаких данных о состоянии танковых частей, не знает, где сейчас находятся аэросанный и лыжный батальоны.

Сведения о состоянии матчасти в бригадах в БТУ собираются от лиц, случайно заезжающих в БТУ, а поэтому они не соответствуют действительности. Офицеры связи частей зачастую приезжают не с полными сведениями, а если последние и привозят, то они не отражают полное положение бригады. Так, 29 января 1943 г. офицер связи 118-й тбр привез оперативную сводку, в которой было указано, что бригада на данное число имеет всего в строю 4 танка, в то время как в действительности имела 26 машин.

Офицер связи 79-й тбр не может до настоящего времени сообщить состояние материальной части в бригаде, по каким причинам во время марша вышли из строя 8 танков и что предпринимается по их восстановлению. Пом. нач. штаба БТУ по оперативной части капитан Грачёв к порученным ему обязанностям относится халатно, совершенно не в курсе поставленных перед ним задач и не отвечает своему назначению. Имеющиеся в управлении рации почти совершенно не используются для связи с частями, объясняется это их маломощностью и неумением радистов работать ключом, хотя части находятся от управления на 10–15 км.

29 января 1943 г. перед 994-й окшр[21] была поставлена задача навести к 8:00 30 января 1943 г. шестовую двухпроводную связь по главному осевому направлению из с. Мишино в с. Вышнее Ольшаное протяжением 12–13 км, на что требовалось свыше 6 час. работы, однако вследствие нераспорядительности и бесконтрольности со стороны командира роты ст. лейтенанта Желнова, данная задача была выполнена только через 20 час. Невыполнение задачи ротой объясняется, прежде всего, тем, что командир роты ст. лейтенант Желнов задачу перед группой, которая наводила связь, точно не объяснил, и последние вынуждены были расспрашивать проходящих командиров, в какую сторону вести линию. Вместе с этим из-за отсутствия контроля связь наводилась не на шестах по ровному полю, а по населенным пунктам и без соблюдения элементарных правил – по земле, по дорогам, где кабель рвали проходящие части. Благодаря той же нераспорядительности ст. лейтенанта Желнова, 994-я окшр в настоящее время растянулась на 50–60 км в глубину, т.е. от Закутино до Вышнее Ольшаное, что явно отражается на выполнении боевых задач последней.

Кроме этого за ст. лейтенантом Желновым имеют место нездоровые высказывания, а именно: 27 января 1943 г., находясь в дер. Парный Колодезь, в беседе с командиром роты Будниковым, Зайцевым и Громоновым, он заявил: «Знаете, мне что-то не верится, что наши войска прорвали линию обороны, т.к. по заявлению бойцов, когда я находился в дивизии, немец укрепился крепко и его трудно взять». Когда

на эти слова ему заметили, что победа зависит от дисциплины, он ответил: «Моральное состояние бойцов, находящихся на передовой, очень плохое, ибо там плохое питание и снабжение боеприпасами».

118-я тбр. Бригада за период активных боевых действий с 26 по 31 января с.г. понесла большие потери, в основном при прорыве линии обороны, а именно: из 48 машин, имеющихся в бригаде в настоящее время, 28 танков требуют среднего и капитального ремонта. Большие потери танков объясняются, прежде всего, отсутствием правильно организованного взаимодействия между танковыми и стрелковыми подразделениями. При прорыве линии обороны, бригада сразу же потеряла подбитыми 5 танков КВ и другие машины.

Это объясняется тем, что проходы для танков, по вине начальника инженерной службы, были разминированы плохо, а сапёрная рота не была придана бригаде, и минные поля противника разминировать было некому. Во время атаки 28 января 1943 г. танкисты с десантом ворвались в город, однако части 307-й сд за ними не пошли, а оставались на окраинах до 30 января 1943 г., пока он не был очищен от противника, тем самым бригада потеряла несколько танков, которые были сожжены из домов горючей смесью.

Кроме того, следует отметить, что за весь период активных боевых действий, за исключением первого дня наступления, бригада непрерывно находилась под воздействием авиации противника, что также увеличило потери, особенно по автотранспорту. По данному вопросу информируем Военный совет армии, одновременно проводим расследование через ОО НКВД 307-й сд, для уточнения данных фактов, выявления виновников и привлечения последних к ответственности.

129-я тбр. За период активных боевых действий 129-я тбр имеет следующие потери: танков безвозвратно – 3, требующих заводской ремонт – 2, требующие средний ремонт – 12. Все танки потеряны во время уличных боев в г. Касторное. Отрицательных проявлений среди личного состава не отмечено. Для улучшения связи и качества информации с ОО НКВД дивизий и бригад направлен оперуполномоченный 3-го отделения Свистулин[22].

Зам. начальника ОО НКВД 13-й армии
капитан госбезопасности Александров

Начальник 3-го отдела ОО НКВД 13-й армии
лейтенант госбезопасности Астрологов

ЦА ФСБ России. Ф. 40. Оп. 5. Д. 404. Л. 28–29 об. Подлинник. Машинопись.

* На документе имеется резолюция: «тов. Сулейманову. Информация пустая, ничего близкого с нашими задачами нет. Выслать работников отдела и показать, как нужно работать. 9 февраля 1943 г. Королёв».

№ 9.
СПЕЦСООБЩЕНИЕ ОСОБОГО ОТДЕЛА НКВД 13-Й АРМИИ О ВЫЯВЛЕННЫХ НЕДОЧЁТАХ В ХОДЕ НАСТУПАТЕЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ СТРЕЛКОВЫХ ЧАСТЕЙ*

Совершенно секретно
3 февраля 1943 г.

№ К-98/4

Начальнику ОО НКВД Брянского фронта
ст. майору госбезопасности тов. Королёву

Из поступивших материалов от особых отделов дивизий видно, что в ходе боевых действий выявлен ряд недочётов, отрицательно отражающихся на наши успехи, в отдельных случаях, могущих привести к нежелательным результатам.

30 января 1943 г. на должность командира 148-й сд назначен полковник Коноплёв. С первого дня прибытия в дивизию, после лечения, т.е. 26 января с.г., Коноплёв, будучи назначенным на должность командира 654-го сп, вместо выбывшего по ранению командира полка Алещенко, начал ежедневно пьянствовать, руководить боевыми действиями полка, безусловно, не мог. 27 и 28 января с.г. Коноплёв, напившись пьяным до бессознания, поручил командование полком начальнику штабу майору Прокопенко, заявив ему при этом: «Поручаю вам командование полком, только смотри, – Коноплёв существует». Свой подчинённый аппарат Коноплёв в пьяном виде оскорбляет всяческой нецензурной бранью. 26 января с.г. ругал матом своего заместителя по политчасти Аврутина и начальника штаба Прокопенко, Коноплёв им заявил: «Я служу в армии 30 лет, а вы все молокососы! Давайте мне водки!». Помимо пьянки, Коноплёв в боевой обстановке требует, чтобы у него на КП полка была девушка. В день назначения его на должность командира дивизии Коноплёв собрал к себе всех командиров полков для того, чтобы поставить им задачу, но, будучи пьяным, задачи между полками перепутал и её по существу ставил начальник штаба. 31 января 1943 г. Коноплёв болел и командование дивизией взял на себя его заместитель по политчасти полковник Гаранин, но, не имея достаточного знания в этой области, руководить не смог. На следующий день Коноплёв опять напился, и руководство взял на себя зам. ком. дивизии Ромазан. Таким образом, действительного руководителя дивизия не имеет, а Коноплёв, бывая всё время в нетрезвом состоянии, ни одного здравого решения принять не может.

Справка: по этому вопросу проинформирован Военный совет армии для принятия соответствующих мер. О принятых мерах сообщим в следующем сообщении**.

Отрицательно сказывается на выполнении боевых задач, поставленных стрелковым частям, недостаточная обеспеченность боеприпасами артиллерийских и миномётных частей, приданных дивизиям. Так, например: в 148-й сд в связи с большими потерями для выполнения боевой задачи незначительным боевым активом необходима сильная огневая поддержка, однако, приданный дивизии 476-й миномётный полк не имеет мин, а подвезти их он не в состоянии, т.к. нет транспорта. Дивизия же оказать помощи в этом не может из-за отсутствия транспорта. В 326-м артполку 148-й сд одна из батарей в связи с отсутствием боеприпасов отведена в тыл, а остальные батареи имеют боеприпасы только для самообороны.

Ряд дивизий в последние дни понесли большие потери как в живой силе, так и в технике, от беспрерывных налётов вражеской авиации. На участках 280-й, 81-й и 148-й сд активность вражеской авиации с каждым днём возрастает. Противник на протяжении всего дня беспрерывно контролирует все дороги. На всём протяжении фронта дивизии никаких противовоздушных средств обороны не имеется, а также не действует наша истребительная авиация. Только 840-й артполк от налётов авиации противника потерял за три дня 40 лошадей, 2 автомашины; разведрота – 6 лошадей и т.д. Артполк, не имея в настоящее время транспорта, не в состоянии своими силами подбросить горючее, фураж и продовольствие. Из-за отсутствия горючего транспорт встал, все трактора и гаубичные пушки разбросаны по всем дорогам на протяжении 80–90 км и подвержены ежедневным бомбардировкам. По информации ОО НКВД 280-й сд, командование дивизий мер никаких не приняло. Вопрос поставлен перед Военным советом армии.

Кроме того, в 280-й сд в связи с тем, что госпиталя первой линии отстают от медсанбата на 70–75 км, а машин для перевозки раненых не высылают, в медсанбате скопилось более 200 раненых. Вопрос об этом ставился перед нач. санотдела армии, но мер для вывозки раненых не принимается.

В 280-й сд отмечены факты проявления трусости со стороны комсостава. 28 января 1943 г. при совершении марша 1-я батарея 368-го иптд, приданная 280-й сд, встретилась с немецкой разведкой. Немцы на расстоянии 100-150 м открыли огонь по батарее. Командир батареи ст. лейтенант Степанов Михаил Макарович, 1917 г.р., струсил и бежал, оставив на поле 45 мм орудие и 1 автомашину. Оба орудия немцы увели и на дороге взорвали. Мероприятия: материалы по делу Степанова переданы для ведения следствия военному прокурору 280-й сд.

Во время боя в районе дер. Вышнее Ольшаное командиру хозвзвода 3-го батальона 81-й сд лейтенанту Ломоносову было приказано командиром батальона доставить на передний край обороны

боеприпасы. Ломоносов струсил и приказание не выполнил, в связи с чем батальон не мог вести бой. Кроме того, в 81-й сд отмечены случаи незаконного расстрела. Командир миномётного взвода Гафуров расстрелял красноармейца миномётной роты 2-го батальона 410-го сп Ялдашева за то, что последний не в состоянии был нести миномёт. Расследование по этому факту ведёт военный прокурор 81-й сд. По всем изложенным вопросам проинформирован Военный совет армии.

Начальника ОО НКВД 13-й армии
капитан госбезопасности Александров

Зам. начальника 4-го отдела ОО НКВД 13-й армии
лейтенант госбезопасности Сергеев

ЦА ФСБ России. Ф. 40. Оп. 5. Д. 401. Л. 59–60 об. Подлинник. Машинопись.

* На документе имеются резолюции: «тов. Сорока. Александров пишет обо всём разном, но не об оперативной работе. [...]. Дать указания. 9 февраля 1943 г. Королёв». «тов. Каденко. Исполнить указания ст. майора. 11 февраля 1943 г. Сорока».
** Имеется помета на полях документа: «Потребовать данные на Коноплёва за время с 1 по 10 февраля для постановки вопроса о нём. Королёв».

№ 10.
СПЕЦСООБЩЕНИЕ ОСОБОГО ОТДЕЛА НКВД 13-Й АРМИИ О РАБОТЕ ОСОБЫХ ОТДЕЛОВ И О ВСКРЫТЫХ НЕДОЧЁТАХ В ХОДЕ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ ТЕХНИЧЕСКИХ ЧАСТЕЙ

Совершенно секретно
4 февраля 1943 г.

№ К-101/4

Военному совету 13-й армии

Из поступивших материалов в Особый отдел НКВД армии видно, что в ходе боевых действий имеют место ряд недочётов отрицательно отражающихся на выполнение боевых задач, поставленных стрелковым частям.

В 148-й сд, в связи с большими потерями, для выполнения боевых задач незначительным боевым активом необходима сильная огневая поддержка, однако, приданный дивизии 476-й миномётный полк не имеет мин, а подвезти их он не в состоянии, т.к. нет транспорта. Дивизия же оказать помощь в этом не может, также из-за отсутствия транспорта. В 326-м артполку 148-й сд одна из батарей в связи с отсутствием боеприпасов отведена в тыл, а остальные батареи имеют бое-

припасы только для самообороны. Необходимо отметить слабую связь тылов дивизий с передовыми частями, вследствие чего нарушается бесперебойное снабжение частей продовольствием, фуражом и боеприпасами. В 148-й сд тылы оторвались от штабдива на 30-35 км, в связи с чем нарушилось снабжение активно действующих частей продовольствием. Такое же положение было в 8-й сд под г. Касторное, где части дивизии снабжались исключительно трофейными продуктами из-за отсутствия подвоза с ДОПа.

Также отмечен ряд недостатков в эвакуации раненых из медсанбата. В медсанбате 280-й сд на 1 февраля с.г. имелось более 200 раненых, которых необходимо было эвакуировать в тыл. Медсанбат своими силами перевезти раненых на 70 км в госпитали первой линии не имел возможности, а санотдел армии помощи в этом никакой не оказывает. В 8-й сд во время боевых операций эвакуация раненых также не производилась, и в деревнях по пути движения дивизии было размещено до 700 раненых без надлежащего медицинского присмотра в антисанитарных условиях.

Большим недостатком в ходе боевых операций является плохая организация связи. Так, например: 27 января с.г. штаб 8-й сд в течение 10–12 час. не имел связи с 229-м, 310-м сп и не знал в каком направлении полки действуют. 28 января с.г. в 20:00 подвижной отряд занял г. Касторное, о чём полки дивизии не знали. 151-й сп в 5:00 29 января 1943 г. на расстоянии 1 км от ст. Касторное сосредоточил батальоны и ждал указаний о штурме. Не дождавшись указания штабдива, командование 151-го сп приняло самостоятельно решение вести наступление. В 5:40 в штаб 151-го сп поступило донесение о том, что их батальоны заняли г. Касторное без сопротивления противника, не зная того, что г. Касторное был занят в 20:00 28 января 1943 г.

27 января 1943 г. штаб 229-го сп 8-й сд в течение всего дня не имел связи с двумя батальонами и не знал, где они находятся. Учебный батальон 8-й сд при наступлении на г. Касторное, находясь на окраине ст. Касторное, в 17:00 встретился с разведкой, высланной 310-м сп. Разведка, признав учебный батальон за противника, открыла огонь, в результате чего были жертвы. Несмотря на то, что 8-й сд была установлена конная и пешая связь, донесения из полков штабдив получал на третьи сутки по причине того, что полки зачастую не знали местонахождения КП дивизии или наоборот. Такое же положение было в 148-й сд, когда штаб дивизии 29 января с.г. не имел абсолютно связи с полками и фактически боем не руководил, а с 507-м сп связь установил только 30 января утром.

За последние дни ряд дивизий понесли большие потери как в живой силе, так и в технике от беспрерывных налётов вражеской

авиации. На участках 280-й, 81-й, 148-й сд активность вражеской авиации с каждым днём возрастает. Противник на протяжении всего дня беспрерывно контролирует все дороги, бомбит и обстреливает наши части. На всём протяжении фронта указанных дивизий никаких противовоздушных средств обороны не имеется, а также не действует наша истребительная авиация. Только 840-й артполк от налётов вражеской авиации потерял за три дня 40 лошадей и 2 автомашины, разведрота – 6 лошадей и т.д. Артполк, не имея в настоящее время транспорта, не в состоянии своими силами подбросить фураж, горючее и продовольствие. Из-за отсутствия горючего транспорт встал, все трактора и гаубичные пушки разбросаны по всем дорогам на протяжении 80–90 км и подвержены ежедневным бомбардировкам. Командование 280-й дивизии, которой придан этот полк, никаких мер для доставки орудий и обеспечения транспортом и горючим полка не принимает.

Необходимо также отметить факт безобразного отношения к захваченным нашими войсками трофеям. При взятии станции и города Касторное, были захвачены многочисленные трофеи продовольствия, транспортных средств и другого имущества противника. Захваченные склады продовольствия, эшелоны с грузами противника, в первые дни расхищались, техника выводилась из строя путём изъятия из машин отдельных частей. В склады со спиртными напитками имели доступ все. При взятии трофеев 229-м сп 8-й сд на ст. Касторное в этот же день отдельные командиры извлекли из захваченных складов спиртные напитки и организовали пьянку, что, естественно, отразилось на дальнейшем ходе боевых операций. В частности, командир пулемётной роты 2-го батальона лейтенант Зунь, напившись, вместо выполнения боевого приказа, весь состав роты разогнал в разных направлениях и собрать роту в нужный момент не представилось возможным.

В 148-й сд при захвате трофеев в селе и станции Студёное, трофеи никем не подсчитывались и не собирались, и о них сообщалось на глазок. Продсклад, взятый в Студёном, имел большое количество ячменя и ржи, которые растаскивались местными жителями. В с. Вышнее Ольшаное и его окрестностях на дорогах немцами было оставлено большое количество велосипедов, которые были растащены местными жителями.

В ходе боёв отмечены случаи проявления трусости со стороны командного состава, что приводило к потерям в технике и невыполнению боевых задач. 28 января 1943 г. при совершении марша 1-я батарея 368-го иптд, приданная 280-й сд, встретилась с немецкой разведкой. Немцы на расстоянии 100-150 м открыли огонь по батарее. Командир батареи ст. лейтенант Степанов Михаил Макарович, 1917 г.р., струсил и бежал, оставив на поле боя два 45 мм орудия и одну автомашину. Оба орудия немцы увели и на дороге взорвали.

Во время боя в дер. Вышнее Ольшаное [командиру] хозвзвода 3-го батальона 81-й сд лейтенанту Ломоносову было приказано командиром батальона доставить на передний край боеприпасы. Ломоносов струсил и приказание не выполнил, в связи с чем батальон не мог вести бой. По фактам проявления трусости Военный прокурор ведёт следствие.

Зам. начальника ОО НКВД 13-й армии
капитан госбезопасности Александров

ЦА ФСБ России. Ф. 41. Оп. 69. Д. 235. Л. 8–9 об. Подлинник. Машинопись.

№ 11.
СПЕЦСООБЩЕНИЕ ОСОБОГО ОТДЕЛА НКВД 13-Й АРМИИ О РАБОТЕ ОСОБЫХ ОТДЕЛОВ И О ВСКРЫТЫХ НЕДОЧЁТАХ В ХОДЕ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ ТЕХНИЧЕСКИХ ЧАСТЕЙ

Совершенно секретно
22 февраля 1943 г.

№ К-307/3

Начальнику ОО НКВД Брянского фронта
ст. майору госбезопасности тов. Королёву

15 февраля 1943 г. по приказанию командования 13-й армии 129-я тбр, за исключением одной танковой сводной роты, была выведена с боя во второй эшелон с целью технического осмотра и восстановления материальной части, на что и было дано бригаде 5 дней, т.е. 20 февраля с.г. бригада должна была закончить осмотр и ремонт технической части и снова подготовиться для выполнения очередных боевых задач. Однако, в связи с тем, что в бригаде совершенно отсутствуют запасные части, бригада на 18 февраля 1943 г. к ремонту боевых машин не приступила.

Группа танков в количестве 5 танков получила задачу о наступлении на Весёлый Бережок совместно с 1021-м сп 307-й сд, при чём танки должны были обойти, а пехота в это время подойти к высоте исовместноперерезатьбольшакСеньково-Архангельское. Вдействительности же пехота в указанный район подойти опоздала, и танки вступили в бой без пехоты, в результате чего было подбито 2 наших танка. Пехота же подошла только в тот момент, когда стали буксировать подбитые наши танки. Другим недочётом боя является следующее: в данном районе расположено 5–6 артполков, но последние артогня почти не ведут, ввиду того, что у них нет боеприпасов. Противник же, наоборот, ведёт усиленный артогонь.

Наблюдаются факты, когда отдельные командиры дивизий личный состав приданных им в подчинение технических частей, используют как пехоту – не по назначению. 106-й мп 1-й мбр с 16 февраля с.г. по настоящее время совершенно не имеет мин. Материальная часть снята с боевого порядка и отведена во второй эшелон. Личный состав данного полка (вопреки приказу тов. Сталина) по приказанию командира 148-й сд был поставлен на оборону пос. Бахматские Выселки, часть людей действовала с пехотой и использовалась как заградотряд. Отсутствие мин в данном полку получилось ввиду того, что пом. ком. полка по технической части ст. техник лейтенант Дорат Анатолий Иванович непосредственным делом не занимается, а систематически пьянствует. Командование полка и дивизии, зная об этом положении, решительных мер не принимало, и только по нашей информации, командование дивизии в отношении Дората ведёт дознание, последний будет придан суду Военного трибунала.

Необходимо также отметить, что за время боевых действий, как весной 1942 г., а также и в настоящее время, на участке 13-й армии оставлено 180 танков на поле боя, из них 80 танков требуют некапитального и технического ремонта и 100 заводского. Ко всему этому имеются ещё трофейные танки, однако эвакуация последних производится преступно медлительно в силу того, что командующим 13-й армии генерал-лейтенантом Пуховым[23] для эвакуации их выделено только 10–15 тракторов, которые при всём их максимальном использовании, данное количество танков могут эвакуировать не раньше, как в течение 2-х месяцев.

Очень плохо состоит дело со снабжением соединений продовольствием, а именно: в 1-й минной бригаде 5-й артдивизии бойцы с 12 февраля 1943 г. совершенно не получают никаких продуктов, в результате чего последние ходят побираться у мирного населения, а подчас занимаются воровством.

Командование бригады, в лице командира бригады полковника Хришенова, и его заместителя по политчасти Дубового вместо того, чтобы заниматься вопросом снабжения, 5-й день беспросыпно пьянствуют, не являясь даже в штаб бригады. Начальник штаба бригады капитан Горбунов также бездельничает, вследствие чего дисциплина личного состава в бригаде отсутствует и наблюдаются факты, когда бойцы самовольно уходят с постов, так: 18 февраля 1943 г. красноармеец штабной батареи Юзупов в 4:00 ушёл самовольно с поста и лёг спать. 19 февраля 1943 г. самовольно ушёл с поста спать красноармеец Бобрик.

Мероприятие: по данному вопрос информирован командующий артиллерией.

16 февраля 1943 г. 3-4 батареи 142-го мп 5-й артдивизии находились в обороне в овраге с. Яковские Выселки Троснянского района.

Когда начался бой, командир 3-й батареи капитан Морозов и командир 4-й батареи ст. лейтенант Беляев во время контратаки противника проявили трусость, бросили 4 миномёта и бежали с поле боя. Произведённым предварительным следствием установлено, что противник от огневых позиций находился за 400-300 м, Морозов и Беляев растерялись, струсили, оставили на огневых позициях: Морозов – 1 миномёт и 1 пушку, Беляев – 2 миномёта и 60 мин. Бойцы 280-й сд, видя брошенные минометы с минами, подошли к миномёту и открыли огонь по противнику, при продвижении вперёд забрали с собой один миномёт, а остальное бросили на месте. Один миномёт не найден до сего времени.

Мероприятие: по вопросу проявленной трусости со стороны Морозова и Беляева проводим расследование, при подтверждении фактов последние будут арестованы и преданы суду Военного трибунала.

По всем вышеуказанным недочётам проинформирован Военный совет армии.

Зам. начальника ОО НКВД 13-й армии
капитан госбезопасности Александров

Зам. начальника 3-го отдела ОО НКВД 13-й армии
лейтенант госбезопасности Астрологов

ЦА ФСБ России. Ф. 40. Оп. 5. Д. 404. Л. 60–61 об. Подлинник. Машинопись.

№ 12.
СПЕЦСООБЩЕНИЕ ОСОБОГО ОТДЕЛА НКВД 13-Й АРМИИ О НЕДОЧЁТАХ В ХОДЕ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ ТЕХНИЧЕСКИХ ЧАСТЕЙ

Совершенно секретно
24 февраля 1943 г.

№ К-382/3

Начальнику ОО НКВД Брянского фронта
ст. майору госбезопасности тов. Королёву

За время боевых действий частей нами выявлены следующие недочёты. 477-й миномётный полк РГК, будучи на огневых позициях в районе с. Глинец, в составе 4-х батарей, поддерживающих 519-й сп и 467-й сп, огня по укреплениям и сосредоточениям пехоты противника не ведёт. Последний факт ненормальности объясняется тем, что полк в целом не обеспечен боеприпасами, т.е. всего имеется 109 мин или 0,08 б/к. В результате отсутствия боеприпасов 2 батареи полка

совершенно бездействуют и находятся в данное время во втором эшелоне полка. Полк на указанное число обеспечен гужтранспорртом всего только на 27%, причём конский состав в количестве 95 лошадей вместо положенных 347. При наличии данного транспорта полк даже не в состоянии обеспечить личный состав продуктами питания. Зная о данном факте, командующий артиллерии 13-й армии генерал-майор Панков решительных каких-либо мер не принимает.

Мероприятие: проинформирован Военный совет армии.

15 февраля с.г., согласно приказа командующего 13-й армии генерал-лейтенанта Пухова, 129-я и 118-я тбр были выведены из боя с расчётом, чтобы последние в течение 5 суток проверили техническое состояние боевых машин, произвели необходимый ремонт и подготовились к выполнению очередных боевых задач, однако, выведенные бригады с боя 15 февраля 1943 г. совершенно не были обеспечены запчастями.

В результате указанные бригады в отведённый им срок в боевой порядок себя не привели и в дальнейшем к использованию в бою были непригодны, в связи с чем командующим армии был вторично дан приказ данные бригады с 24 февраля 1943 г. вывести на формирование, бригады укомплектовать к 5 марта с.г. Есть опасность, что бригады к указанному сроку также не будут укомплектованы ввиду того, что зам. командующего фронтом по танковым частям генерал-майор Сухоручкин не обеспечивает бригады необходимыми для них запчастями. На армейских же складах запчасти как таковые отсутствуют.

В дер. Николаевку 13 февраля 1943 г. доставлен неисправный танк КВ из роты ст. лейтенанта Загоряева 1-го танкового батальона. Вместо того, чтобы своевременно отремонтировать танк, Загоряев вместе со ст. техником лейтенантом Гавришом и механиком-водителем данного танка Скуридиным пьянствовали в течение 5 дней, доставая самогон у местного населения, по ремонту ничего не сделав. Командир 1-го танкового батальона капитан Лобода совместно с техчастью этого же батальона списали, как непригодный к восстановлению, один танк Т-60, где командир танка Щукин. В действительности же указанный танк 19 февраля 1943 г. был восстановлен. Ему было необходимо сменить два шатунных вкладыша.

Имеют место факты безответственного отношения со стороны отдельных интендантов к обеспечению экипажей продуктами. В первом танковом батальоне плохо организовано питание экипажей отставших по техническим неисправностям танков. Начальник ПФС[24] батальона ст. техник-интендант Телятников о питании личного состава совершенно не заботится. На требование экипажа танка Никитина о выдачи ему причитающихся продуктов, Телятников заявил: «Пока не приедете на место дислокации штаба части, продукты и бельё вы не получи-

те». В результате чего экипаж подлежащих ремонту танков Комарова и Никитина с 5 по 13 февраля 1943 г. питанием не обеспечивались.

Необходимо отметить, что за последнее время участились факты, когда отдельные командиры незаслуженных людей представляют к правительственной награде. 18 февраля 1943 г. командир 118-й тбр подполковник Бригвадзе предложил начальнику санслужбы бригады Сергееву оформить наградной материал на медработников, но последний поручил командиру санвзвода Недовеец провести эту работу. Оказалось, по приказанию Бригвадзе к награждению были представлены медработники, совершенно не заслуживающие награды, – Петрова Руфита и Омельченко Тамара. При составлении и описании подвигов ничего существенного у них нет. Сергеев, указывал Бригвадзе на отсутствие у Петровой и Омельченко заслуг к награждению их, но Бригвадзе на это только косо взглянул и ничего больше не сказал.

21 февраля с.г. командир 6-й инженерно-минной бригады полковник Астапов представил к награде орденами и медалями незаслуживающих награды лиц, а именно: военинженер 3-го ранга Филатов Валентин Александрович, работник интендантского отдела штаба бригады по обеспечению инженерным имуществом, минами и ВВ, какого-либо участия, хотя бы косвенного, не принимал. За время активных боевых действий в составе 13-й армии в батальонах ни разу не был, всё время находился в тылу во втором эшелоне за 40-50 км.

Перед началом боевых операций инженерным имуществом батальоны полностью не обеспечил, в силу чего батальоны вступили в бои для выполнения заданий, а сапёры миноискателями, щупами, кошками и другими инструментами по разминированию полей снабжены не были. По своим качествам Филатов является подхалимом и большим трусом, чего-либо заслуживающего за время выполнения бригадой боевых операций абсолютно не сделал. Филатов командованием представлен к медали «За боевые заслуги».

Лейтенант интендантской службы Пронякин Семён Фёдорович, интендант батальона № 116 по снабжению личного состава батальона ни чем себя не проявил. Пронякин систематически проводит среди бойцов и командиров антисемитизм, рассказывая антисоветские анекдоты, о чём 3 января 1943 г. официально сообщали комбригу полковнику Астапову для привлечения Пронякина к партийной ответственности через политотдел бригады, но по нашей информации никаких мер не принято. Пронякин представлен к медали «За боевые заслуги».

Воентехник 1-го ранга Лейканд Михаил Леопольдович, работник 2-го отдела штаба бригады. Лейканд с начала боевых операций был офицером связи инженерного отдела штаба 13-й армии. За время с 25 января по 19 февраля с.г. Лейканд находился при инженерном

отделе армии, совершенно ничего не делал, в батальоны не выезжал, получал донесения от батальонов и направлял в штаб бригады. Чего-либо, заслуживающего награды Лейканд абсолютно не проявил.

Мероприятие: проинформирован Военный совет армии.

Необходимо также отметить, что отдельные военнослужащие занимаются грабежом трофейных складов в своих личных интересах. 14 февраля 1943 г. некоторые бойцы занимались расхищением трофейных складов. Посыльный зенитной батареи мл. сержант Ахтяров во время несения службы ушёл на станцию за картофелем, просом и рожью, откуда он привёз 3 мешка картофеля, 1 мешок проса и 1 мешок ржи. Все эти продукты Ахтяров отдал одной гражданке, проживающей на ст. Поныри, за ручные часы, которые сейчас находятся у капитана Мусатова, причём, по-видимому, последний Ахтярову оказывал содействие в его действиях.

Мероприятие: по данному вопросу проинформировано командование бригады.

Зам. начальника ОО НКВД 13-й армии
капитан госбезопасности Александров

Начальник 3-го отделения ОО НКВД 13-й армии
лейтенант госбезопасности Астрологов

ЦА ФСБ России. Ф. 40. Оп. 5. Д. 404. Л. 62–65 об. Подлинник. Машинопись.

Примечания

[1] Вадис Александр Анатольевич (1906–1968) – руководящий работник советских органов безопасности. Генерал-лейтенант (1944). Начальник УНКВД–УНКГБ по Тернопольской области (ноябрь 1939–июль 1941), начальник ОО НКВД 26-й армии (июль–ноябрь 1941), заместитель начальника ОО НКВД Юго-Западного фронта (ноябрь 1941–январь 1942), начальник ОО НКВД Брянского фронта (январь–сентябрь 1942), начальник ОО НКВД Воронежского фронта (сентябрь 1942–март 1943), начальник ОО НКВД–УКР «Смерш» Центрального фронта (март–октябрь 1943), начальник УКР «Смерш» Белорусского фронта (октябрь 1943–февраль 1944), начальник УКР «Смерш» 1-го Белорусского фронта (июль 1944–июнь 1945).

[2] Так в документе. Правильно: Крамер Ганс (1896–1968) – немецкий военный деятель. Генерал танковых войск (1943). Командир 8-го тп 10-й тд (октябрь 1941–апрель 1942), начальник штаба генерала подвижных войск ОКХ (апрель–ноябрь 1942), заместитель, и.о. командира 48-го танкового корпуса (ноябрь–декабрь 1942), с декабря 1942 г. – направлен в Северную Африку, где в мае 1943 г. пленён британскими войсками. Освобождён в мае 1944 г. Генерал для поручений при командующем танковой группой «Запад» (июнь–июль 1944). Уволен в отставку 20 июля 1944 г.

[3] Радкевич Николай Николаевич (1901–1982) – советский военный деятель. Генерал-майор бронетанковых и механизированных войск (1942). Командир 121-й тбр им Наркомсредмаша (август 1941–июль 1942), командир 14-го танкового корпуса (май–сентябрь 1942), начальник автобронетанковых войск Воронежского фронта (декабрь 1942–июнь 1943), командир 11-го танкового корпуса (июнь–октябрь 1943), начальник автобронетанковых войск Дальневосточного фронта (октябрь 1943–август 1945).

[4] Шлокин Николай Васильевич (1903–?) – работник советских органов безопасности. Полковник (1943). Начальник НКВД 11-й гвардейской сд 21-й армии (июнь 1941–июнь 1942), начальник ОО НКВД–ОКР «Смерш» 40-й армии (июнь 1942–сентябрь 1944), начальник ОКР «Смерш» 5-й гвардейской танковой армии (сентябрь 1944–июнь 1949).
[5] Знаменский Борис Павлович (1925–?) – работник советских органов безопасности. Майор (1944). Ст. оперуполномоченный 3-го отделения 43-й отдельной кавалерийской дивизии (июнь 1941), заместитель начальника 3-го отделения 43-й отдельной кавалерийской дивизии (июль 1941), заместитель начальника ОО НКВД 43-й отдельной кавалерийской дивизии (июль 1941–сентябрь 1941), начальник 1-го отделения ОО НКВД –ОКР «Смерш» 40-й армии (октябрь 1941–август 1944), начальник 1-го отделения ОКР «Смерш» 7-й гвардейской армии (сентябрь 1944–сентябрь 1945).
[6] Рогозный Зиновий Захарович (1901–1990) – советский военный деятель. Генерал-майор (1940). Начальник штаба 15-го ск (август 1939–июль 1941), командир 64-го отдельного ск (июль 1941–август 1941), начальник штаба 40-й армии (август 1941–февраль 1943), командующий 40-й армией (февраль–март 1942), начальник штаба 69-й армии (февраль–март 1943), заместитель командующего 69-й армией (март–июнь 1943), командир 48-го ск (июнь 1943–апрель 1945).
[7] Рассадников Семён Сергеевич (1903–?) – советский военный деятель. Полковник. Начальник штаба 13-й отдельной стрелковой бригады (октябрь 1941–апрель 1942), начальник штаба 161-й сд (апрель–июль 1942), командир 141-й сд (октябрь 1942–ноябрь 1943).
[8] Уразов Никанор Николаевич (1891–?) – колхозник. Арестован 23 января 1943 г. органами НКВД Юго-Западного фронта. Уголовное дело прекращено в связи со смертью обвиняемого. Реабилитирован.
[9] Булатов Калистрат Прокофьевич (1897–?) – житель с. Яблочное Воронежской области. «Во время проживания на временно оккупированной территории завербован венгерской жандармерией в качестве агента для выявления сведений о советских партизанах и военнослужащих». Арестован 30 июля 1951 г. УМГБ по Воронежской области. Военным трибуналом войск МГБ Воронежской области 28 октября 1951 г. по обвинению в преступлениях, предусмотренных ст. 58-1 п. «а» УК РСФСР, приговорён к 25 годам ИТЛ. Определением Военного трибунала Воронежского военного округа от 20 сентября 1955 г. преступление переквалифицировано на ст. 58-3 УК РСФСР, наказание изменено – 8 лет ИТЛ. Освобождён досрочно в апреле 1956 г. Сведений о реабилитации не имеется.
[10] Внуков Яков Семёнович (1905–?) – колхозник. 8 марта 1943 г. Военным трибуналом 40-й армии по обвинению в преступлениях, предусмотренных ст. 58-1 п. «а» УК РСФСР, приговорён к 10 годам лишения свободы. 6 августа 1943 г. дело прекращено за недоказанностью обвинения.
[11] Сухоплюев Андрей Максимович (1913–?) – бывш. красноармеец 253-й сбр. Арестован 29 января 1943 г. ОО НКВД 40-й армии. По постановлению ст. следователя ОО НКВД 40 й армии 8 февраля 1943 г. следственное дело прекращено, освобождён из-под стражи ввиду отсутствия состава преступления.
[12] Белышев Сергей Константинович (1900–?) – работник советских органов безопасности. Полковник (1944). Начальник отделения 4-го отдела 1-го Управления НКГБ СССР (март–декабрь 1941), начальник отделения 2-го отдела Транспортного управления НКВД СССР (декабрь 1941–апрель 1942), заместитель начальника ОКР «Смерш» 60-й и 40-й армий (апрель 1942– ноябрь1943), начальник отделения 5-го отдела 2-го управления НКГБ СССР (ноябрь 1943–август 1945).?
[13] Королёв Николай Андрианович (1907–1986) – руководящий работник советских органов безопасности. Генерал-лейтенант (1944). Заместитель начальника ОО НКВД Северо-Кавказского военного округа (сентябрь 1940–август 1941), начальник ОО НКВД 19-й армии Западного фронта (август–сентябрь 1941), заместитель начальника ОО НКВД Западного фронта (сентябрь 1941–январь 1942), начальник ОО Северо-Западного фронта (январь–май 1942), начальник ОО НКВД Северо-Кавказского фронта (май–август 1942), начальник ОО НКВД Брянского фронта (август 1942–март 1943), начальник ОО НКВД Орловского фронта (март 1943), начальник ОО НКВД Брянского фронта (март–апрель 1943), начальник УКР «Смерш» Степного военного округа (апрель–июль 1943), на-

чальник УКР «Смерш» Степного фронта (июль–ноябрь 1943), начальник УКР «Смерш» 2-го Украинского фронта (ноябрь 1943–июнь 1945).

[14] Александров Макарий Павлович (1906–1960) – руководящий работник советских органов безопасности. Генерал-майор (1944). Заместитель начальника ОО НКВД Юго-Западного фронта (июнь–июль 1941), заместитель начальника ОО НКВД 38-й армии (июль 1941–январь 1942), заместитель начальника ОО НКВД 13-й армии (январь–май 1942), начальник ОО НКВД–ОКР «Смерш» 13-й армии (май 1942–июль 1946).

[15] Шелепенко Степан Степанович (1902–?) – работник советских органов безопасности. Подполковник. Заместитель начальника ОКР «Смерш» 13-й армии (с мая 1943), в 1943–1945 гг. – на различных должностях в УКР «Смерш» Воронежского–1-го Украинского фронтов. Уволен в запас в 1946 г.

[16] Кулагин Сергей Михайлович (1904–?) – работник советских органов безопасности. Майор. Заместитель начальника ОО 18-й дивизии войск НКВД по охране промышленных предприятий и железнодорожных сооружений Закавказского военного округа (1941–февраль 1942), заместитель начальника ОО НКВД лагеря спецназначения № 170 (февраль–ноябрь 1942), начальник ОО НКВД 12-й артдивизии (с ноября 1942), в дальнейшем на различных должностях в органах «Смерш» и ОО КГБ СССР. Уволен в запас в 1954 г.

[17] олбс – отдельный линейный батальон связи.

[18] отср – отдельная телеграфно-строительная рота.

[19] Отдел 1 Ц (нем. «I c») – разведывательный отдел армейского, корпусного и дивизионного штабов. В задачи отдела входил сбор и обработка разведывательных сведений о противнике; профилактическая работа в частях по борьбе со шпионажем; радиопропаганда и распространение антисоветских листовок на передовой линии фронта; военная цензура переписки военнослужащих. Отделы 1 ц поддерживали контакт с разведывательными и диверсионными абверкомандами и абвергруппами, действовавшими при соответствующих соединениях германской армии, ставили перед ними конкретные задачи по разведывательно-диверсионной работе в тылу советских войск. Отделы 1 ц также осуществляли радиоперехват и подслушивание телефонных разговоров, с этой целью в их подчинении находились полки связи, приданные штабам армий.

[20] иптап – истребительный противотанковый артиллерийский полк.

[21] окшр – отдельная кабельно-шестовая рота.

[22] Свистулин Александр Александрович (1917–?) – работник советских органов безопасности. Подполковник. Оперуполномоченный 3-го отделения ОО НКВД 13-й армии (с февраля 1943), в 1943–1945 гг. – оперуполномоченный Центрального-Воронежского-1-го Украинского фронтов. В дальнейшем в ОО КГБ СССР. Уволен в запас в 1958 г.

[23] Пухов Николай Павлович (1895–1958) – советский военный деятель. Генерал-полковник (1944). Командующий 304-й сд (июнь 1941–январь 1942), командующий 13-й армией (январь 1942–февраль 1948).

[24] ПФС – продовольственно-фуражная служба

Публикацию подготовили
С.А. Кузяева, В.А. Третьяков

ДОКЛАДЫ ВОЕННОЙ КОНТРРАЗВЕДКИ О БОРЬБЕ С РАЗВЕДКОЙ ПРОТИВНИКА

Созданные в апреле 1943 г. органы военной контрразведки «Смерш», выполняя основную задачу по борьбе с иностранными разведками, постоянно информировали командование о результатах своей работы. Особое место в спецсообщениях занимала обобщенная информация о мероприятиях иностранных разведок на советско-германском фронте. В качестве источника такой информации широко использовались протоколы допросов задержанных лиц, в которых сообщалось о деятельности разведывательных школ и способах переброски агентов. В ходе государственной проверки (фильтрации) среди лиц, бывших в плену или на оккупированной территории, устанавливались агенты разведки противника, пособники, дезертиры, изменники Родине и в случае получения доказательств преступления, органами «Смерш» принималось решение о ведении следственного дела. В докладах командованию сообщалось о ходе следствия по уголовным делам и разоблачении наиболее важных агентов.

Публикуемая подборка документов отражает деятельность органов «Смерш» Брянского фронта, 13-й, 38-й и 40-й армий в июле–сентябре 1943 г. в ходе Курской битвы и Черниговско-Полтавской наступательной операции. Документ № 1 представляет собой исключение, поскольку справка Управления ОО НКВД СССР подготовлена в первой декаде апреля 1943 г. Центральные органы контрразведки регулярно информировали территориальные и войсковые подразделения о работе иностранных разведывательных служб, их структуре и дислокации. Это позволяло заблаговременно планировать работу по зачистке территории от агентуры противника и захвату трофейных документов. Документы № 2–15 позволяют оценить содержание типовых сообщений по этой тематике, направляемых органами «Смерш».

При подготовке публикации исправлены стилистические, орфографические и пунктуационные ошибки и другие погрешности текста, затрудняющие его восприятие. Именной комментарий составлен в отношении лиц, данные о которых подтверждены документально.

***

№ 1.
СПРАВКА УПРАВЛЕНИЯ ОСОБЫХ ОТДЕЛОВ НКВД СССР О ВЫЯВЛЕННЫХ ОРГАНАХ НЕМЕЦКОЙ ВОЕННОЙ РАЗВЕДКИ

Совершенно секретно
8 апреля 1943 г.

ОО НКВД Центрального фронта

10-й отдел Управления особых отделов НКВД СССР располагает данными о том, что разведывательно-диверсионную деятельность в расположении частей Красной армии и в нашем тылу осуществляют контрразведывательные команды германской военной разведки под руководством штаба, условно именуемого «Валли», дислоцирующегося под Варшавой. Указанные команды занимаются также контрразведывательной деятельностью на временно оккупированной территории в районах расположения немецких войск и контактируют работу с тайной полевой полицией, охранными дивизиями, комендатурами и созданной немцами так называемой «Русской охранной службой».

В задачи контрразведывательных команд входит подготовка и заброска на нашу сторону разведчиков и диверсантов, создание контрразведывательной агентурной сети на оккупированной территории, борьба с партизанским движением, допрос пленных и перебежчиков.

При контрразведывательных командах имеются школы по подготовке разведчиков-радистов и диверсантов. Контрразведывательные команды находятся при штабах фронтов и отдельных крупных группировках немецких войск. Каждая команда имеет в своём подчинении от 4 до 9 контрразведывательных групп и отрядов, действующих при штабах армий, корпусов и дивизий. Отдельные группы и отряды по указанию штаба «Валли» иногда перебрасываются временно с одного участка фронта на другой.

По состоянию на 20 марта 1943 г. на советско-германском фронте действуют: 101-я, 102-я, 103-я, 104-я, 201-я, 202-я, 203-я, 204-я, 301-я, 302-я, 303-я, 304-я и 305-я контрразведывательные команды противника, которые находятся:

101-я, 201-я и 301-я – при штабе фронта «А»;

102-я, 202-я и 302-я – при штабе армий «В»;

305-я – при южной армейской группе, которая до 15 февраля с.г. именовалась группой армий «Дон»;

103-я, 203-я и 303-я – при штабе фронта «Центр»;

104-я, 204-я и 304-я – при штабе фронта «Норд».

Штат контрразведывательной команды в среднем состоит из 10 офицеров,17 командиров особого назначения, 15 унтер-офицеров и 66 рядовых. Личный состав контрразведывательной группы в среднем

42 человека. В составе групп имеется значительная часть белогвардейцев и гражданских лиц, являющихся чаще всего «командирами особого назначения, т.е. должностными лицами без офицерских званий, но с офицерскими правами. Последние в основном и руководят агентурной работой группы и замещают начальника группы во время его отсутствия.

Деятельностью контрразведывательных команд руководит оперативно-разведывательное управление штаба «Валли», состоящее из трёх отделов: войсковой разведки – «Валли-I», диверсионного «Валли-II», контрразведки и борьбы с партизанами – «Валли»-III». Соответственно этому в оперативном отношении контрразведывательные команды по характеру своей деятельности непосредственно подчинены: 101-я, 102-я, 103-я и 104-я – «Валли-I»; 201-я, 202-я и 204-я – «Валли-II», 301-я, 302-я, 303-я, 304-я – «Валли-III». 305-я команда, как выполняющая разведывательные, диверсионные и контрразведывательные функции, подчинена одновременно всем трём отделам оперативно-разведывательного управления штаба «Валли». В подчинении оперативно-разведывательного управления накходится также специальный диверсионно-разведывательный полк «Бранденбург-800».

Контрразведывательные команды при штабе фронта «А»

101-й командой руководит подполковник Хемприх. 201-й – майор Арнольд, 301-й – майор Суков. Местонахождение 101-й и 201-й контрразведывательных команд и входящих в их состав групп – неизвестно.

301-я команда дислоцируется в Евпатории и работает в тесном контакте с военно-морской разведкой «Татар», дислоцирующейся в Симферополе, действующей в Крыму, на Кавказском побережье и при 1-й танковой армии.

В 301-ю контрразведывательную команду входят следующие контрразведывательные группы: 301-я – при 17-й армии, дислоцируется в районе Ак-Мечеть, 302-я действует в районе Джанкой и Перекопского перешейка, 320-я – в Керчи, а также 314-я группа, – местонахождение которой не установлено.

При штабе фронта «В»

102-я и 202-я команды дислоцируются в г. Киеве. Местонахождение 302-й команды неизвестно. Начальником 102-й команды является подполковник Рокита, 202-й – майор Эккерн, 302-й – майор Ошатц. В Киеве дислоцируется вспомогательный пункт контрразведки, подчинённый 2-му отделу штаба «Валли», который организовал учебный лагерь (школу) на 150 человек для агентов диверсантов. Инструкторский и обслуживающий персонал для школы выделила 202-я контрразведывательная команда. Известно, что в состав 102-й, 202-й и 302-й команд входят, соответственно, 105-я, 205-я, 305-я контрразведывательные группы, остальные контрразведывательные группы этих команд не выявлены.

По южной армейской группировке

305-й контрразведывательная команда с 15 февраля с.г. дислоцируется в Запорожье, начальник команды – майор фон Ризен, его заместитель – капитан Вебер фон Оствальден.

В 305-ю команду входят контрразведывательные группы и отряды:

101-я группа с 9 февраля с.г. в Таганроге, Лермонтовская, 19; руководит капитан Фейст, его заместитель – капитан Гартнер.

103-я группа, руководит капитан Гесс.

104-я и 106-я – при румынской армии в Виннице. Обеими группами руководит подполковник Линхардт.

201-я при 11-й армии в Сталино, 13 линия, дом 97. Начальник группы – обер-лейтенант Шлегель.

203-я находится в Сталино, 2-й район, посёлок Риковка.

204-я – в Киеве (ранее находилась в 6-й армии). Начальник группы – капитан Фербек.

303-й отряд при штабе 1-й танковой армии в Сталино. Руководит обер-лейтенант Шратман.

304-я группа при 6-й армии (ранее армейская группа Холлидта в Сталино). Руководит поручик румынской армии Доссен.

306-й отряд – в Запорожье, руководит обер-лейтенант Хосбах (замещает начальника группы), переводится в Полтаву для борьбы с партизанами.

307-й отряд – в Запорожье.

321-й – помещается в Мелитополе на Акимовской улице, руководит капитан Френцель, его заместитель – обер-лейтенант Забель.

323-я группа – в Красограде, при 4-й танковой армии, руководит обер-лейтенант Вальтер.

При штабе фронта «Центр»

103-я, 203-я, 303-я контрразведывательные команды дислоцируются в Смоленске. Руководитель 103-й команды – полковник Стефан, 203-й – подполковник Хотцель, 303-й – подполковник фон Тарбук.

В 303-ю контрразведывательную команду входят контрразведывательные группы:

307-я – при штабе 2-й танковой армии в г. Орджоникидзеград. Начальник группы лейтенант Шпейерер.

308-я – при штабе 4-й армии в г. Рославль. Начальник группы – лейтенант Шлеммер.

309-я – при штабе 9-й армии, ранее дислоцировалась в дер. Федино Смоленской области, начальник группы – обер-лейтенант Лутц

310-я – при штабе 3-й танковой армии, находилась в г. Дорогобуже, начальник группы – капитан Ворон.

315-я – при 203-й и 221-й дивизиях обеспечения в Гомеле, начальник группы – капитан Дреес.

316-я – при 46-м танковом корпусе в Чернигове, начальник – обер-лейтенант Вармут.

317-я – при 281-й дивизии обеспечения в Идрице, действует в основном против партизан.

318-я – при 59-м армейском корпусе т 286-й дивизии обеспечения в Витебске. Начальник группы – обер-лейтенант Шульце.

В 203-ю контрразведывательную команду входят 207-я, 208-я, 209-я и 210-я группы, местонахождение которых неизвестно.

Группы, входящие в 103-ю команду, не установлены.

В районе Орла при штабе танковой армии действует контрразведывательный отряд «Виддер», где командиром особого назначения был капитан Фурман. Отряд ведёт разведывательную и контрразведывательную работу.

В районе Невель–Полоцк действует первая контрразведывательная группа особого назначения, руководит которой Виль. Группа подчиняется контрразведывательной команде фронта «Центр».

В Чернигове дислоцируется разведывательный и контрразведывательный отряд «Визель», ранее находившийся в Курске, руководит которым Антон.

При штабе фронта «Норд»

104-я, 204-я и 304-я контрразведывательные команды дислоцируются в Пскове.

304-й командой с середины марта с.г. руководит майор Гизенреген. До него начальником команды являлся майор Кламрот.

В команду входят контрразведывательные группы:

310-я – при 281-й и 285-й дивизиях обеспечения.

311-я – при штабе 16-й армии в дер. Мусцы. Начальник группы – обер-лейтенант Дабель.

312-я – при штабе 18-й армии в Тарту. Руководит лейтенант фон Бремен.

319-я – при командующем армейским округом Северного фронта в г. Остров. Начальник группы – капитан Шютц.

Местонахождение, руководящий состав и нумерация групп, входящих в 104-ю и 204-ю контрразведывательные команды, не выявлены. О последующих изменениях и уточнениях будем своевременно вас информировать[1].

Зам. начальника 10-го отдела УОО НКВД
подполковник госбезопасности Майоров

ЦА ФСБ России. Ф. 41. Оп. 69. Д. 231. Л. 80–82. Заверенная копия. Машинопись.

№ 2.
ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА УКР «СМЕРШ» БРЯНСКОГО ФРОНТА О БОРИСОВСКОЙ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЕ ПРОТИВНИКА

Совершенно секретно
Не ранее 7 июля 1943 г.

Начальнику ГУКР «Смерш»
комиссару государственной безопасности 2-го ранга
тов. Абакумову

Агентурное дело «Коррозия» по окраске «Шпионаж немецкий» заведено 18 июня 1943 г. на основании следственных материалов разоблачённых агентов разведывательных органов Германии Танащука, Свиридова[2], Богданова[3], Ростовцева и других, разновременно переброшенных на сторону Красной армии со шпионско-разведывательными заданиями, свидетельствующих, что в 6 км юго-западнее г. Ново-Борисов, в пос. Печи, в домах бывш. военного городка расположена разведывательная школа, условно именуемая «Южный лагерь», подчинённая отделу 1 Ц штаба средней армейской группировки, дислоцируемого в пос. Красный Бор, осуществляющего свою деятельность под руководством полковника немецкой армии Херлиц (Херцлих).

Разведывательная школа «Южный лагерь» готовит кадры агентов-разведчиков и радистов, перебрасываемых на (прифронтовые и дальние коммуникации войск Красной армии с заданиями шпионско-разведывательного характера. За последнее время Борисовская школа активизировала переброску своей квалифицированной агентуры против участка Брянского фронта в соответствиис наступательными действиями немецкой армии в направлении Елец–Ефремов–Липецк, Мичуринск–Грязи–Тамбов.

Основным контингентом агентуры Борисовской школы являются военнопленные – бывш. бойцы и командиры Красной армии, вербуемые преимущественно из Борисовских, Бобруйских и Смоленских лагерей военнопленных. Практикуется также вербовка агентуры из числа женщин, проживающих на оккупированной территории и молодёжи, мобилизованной в «Русскую освободительную армию» для направления в военные школы, для чего в г. Гомеле, на ул. Широковской, д. 48, создан специальный вербовочный пункт. Подобранная агентура содержится в трёхэтажном кирпичном здании вблизи водонапорной башни на казарменном положении и в зависимости от характера подготовки разбита на две группы: 1. разведчики-ходоки, 2. агенты-радисты.

Разведчики-ходоки обучаются структуре, вооружению, новым знакам различия Красной армии и топографии в специально оборудованном классе, где размещены наглядные пособия – карты, плакаты, ма-

кеты и т.п. Срок обучения разведчиков не установлен и продолжается примерно 3 месяца. О линии поведения в тылу Красной армии и методах выполнения задания разведчики инструктируются преимущественно отдельно перед переброской. Радисты изучают приём и передачу на «зуммерах» ...* группу (международный радиожаргон) и шифровку радиограмм, в специально оборудованных классах приступают к изучению раций и тренировкам вхождения в связь. Срок обучения радистов от 4 до 5 месяцев, в зависимости от успеваемости.

На выполнение шпионских заданий в тылу советских войск Борисовская школа перебрасывает свою агентуру преимущественно на самолётах через переправочные пункты, расположенные в пос. Катынь в здании бывш. райбольницы и в г. Смоленске по ул. Крепостная, дом № 14, в паре – разведчика и радиста – в форме военнослужащих РККА, снабжая портативными радиостанциями, вмонтированными в чемоданы советского производства, фиктивными документами – справками эвакогоспиталей о предоставлении отпуска после ранения, направлениями в часть, командировочными предписаниями, аттестатами, удостоверениями личности и т.п., крупными суммами советских денег (до 80 тысяч рублей). Иногда практикуется оставление агентуры в населённых пунктах на оседание при отступлении немецких войск. Такая категория агентуры заранее устраивается на работу на местных предприятиях и снабжается соответствующими документами.

Основным средством связи с агентурой является радио, для чего радисты обеспечиваются симплексными и комплексными радиостанциями марки «Север», радируют добытые данные центральной радиостанции, находящейся в пос. Красный Бор, на двух волнах, установленных каждому радисту индивидуально. Радиограммы шпионского содержания передаются в зашифрованном виде, для чего установлен единый буквенный шифр. Форма шифровки и «девиз» – также индивидуальны и строго конспирируются. Для доставки радистам, действующим в тылу Красной армии, питания к рации и обновлённых документов практикуется переброска агентов-курьеров, снабжённых вещественным паролем, для чего радист заранее обуславливает с указанными предметами по радио место встречи, а также практикуется выброска с самолётов на парашютах.

В результате проведения агентурно-оперативно-разыскных мероприятий в контакте с территориальными органами НКВД арестовано и разоблачено 6 активных агентов Борисовской разведывательной школы, осуществлявших практическую шпионскую деятельность в пользу разведывательных органов Германии, в процессе следственной разработки которых выявлен руководящий, преподавательский состав и агентура школы, переброшенная и подготавливаемая к переброске на сторону Красной армии со шпионско-разведывательными заданиями

в количестве ...* человек. Учитывая запрос радиоцентра германской разведки о необходимости выброски курьера к разоблачённому радисту Богданову-Чевыло, что свидетельствует об исключительном доверии, которым он и его напарник – разведчик Ростовцев, награждённый немцами за шпионскую работу медалью «с мечами» пользуются в органах разведки противника, с вашей санкции от 7 июля 1943 г., приступаем к поведению радиоигры с Борисовской разведывательной школой с целью вызова агента-курьера и последующего внедрения нашей агентуры в разведывательные органы Германии. Одновременно тщательно изучаем официальный состав школы с целью подбора кандидатуры на перевербовку. Выявленная агентура школы объявлена в местный и Всесоюзный розыск.

Приложение: Список официального и агентурного состава, план расположения и структурная схема Борисовской разведывательной школы**.

Начальник УКР «Смерш» Брянского фронта
генерал-майор Железников[4]

ЦА ФСБ России. Ф. 40. Оп. 5. Д. 352. Л. 62–64. Заверенная копия. Машинопись.

*Пропуск в документе.
** Не публикуется.

№ 3.
СПЕЦСООБЩЕНИЕ УКР «СМЕРШ» БРЯНСКОГО ФРОНТА О РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОТИВНИКА

№ 2/1-7570с

Совершенно секретно
10 июля 1943 г.

Командующему войсками Брянского фронта
генерал-полковнику тов. Попову[5]

Члену Военного совета Брянского фронта
генерал-лейтенанту тов. Мехлису[6]

Анализом имеющихся в распоряжении управления контрразведки «Смерш» Брянского фронта материалов установлено, что основной задачей разведывательных органов Германии является агентурное обеспечение боевых действий армии, добыча сведений о наземных и воздушных силах Красной армии, концентрации ударных группировок войск, готовящихся резервов и планах советского командования.

Для осуществления этих задач верховное командование германской армии создало в захваченных областях Советского Союза и оккупированных странах широкую сеть разведывательных и диверсионно-тер-

рористических школ, где подготавливаются квалифицированные кадры агентуры для проведения шпионско-подрывной работы на территории расположения частей Красной армии. Основным контингентом агентуры разведывательных органов противника являются военнопленные – бывш. бойцы и командиры Красной армии, ставшие на путь измены и предательства, изменники Родине, социально-чуждый и уголовный элемент. Незначительное количество агентуры вербуется из числа женщин, проживающих на оккупированной территории.

На выполнение шпионско-разведывательных заданий агентура перебрасывается преимущественно на самолётах, в форме военнослужащих Красной армии и снабжается фиктивными документами: красноармейскими книжками или удостоверениями личности, продовольственными и денежными аттестатами, командировочными предписаниями, расчётными и вещевыми книжками, воинскими требованиями для проезда по ж.д., свидетельствами об освобождении от воинской обязанности, крупными суммами денег советской чеканки.

Против войск Брянского фронта наибольшую активность проявляет специальная военно-разведывательная группа штаба 2-й танковой армии, условно именуемая «Виддер», которая размещается на территории бывш. Биофабрики, что в 7 км северо-западнее г. Орёл. В своей работе «Виддер» подчиняется отделу 1-Ц штаба части 00049 (2-й танковой армии), расположенному в г. Орёл по ул. Тургеневской, д. № 28. Основной базой вербовки агентуры разведгруппой «Виддер» является так называемый Отряд особого назначения, созданный немцами при штабе части 00049 для борьбы с партизанским движением. Подобранная агентура содержится на Биофабрике, проходит специальное обучение, срок которого зависит от индивидуальных способностей обучающихся. Агентура, подготавливаемая к выполнению наиболее важных заданий, содержится на отдельных конспиративных квартирах в г. Орёл.

Руководителем группы являлся капитан немецкой армии Фурман, по национальности русский, эмигрировавший из России, в прошлом владелец двух мельниц в районе Одессы. До войны с Советским Союзом преподавал в Штеттинской разведывательной школе, опытный разведчик, награждён тремя железными крестами. В настоящее время Фурман немецким командованием переведен на Южный фронт.

В результате проведения ряда агентурно-оперативных мероприятий органами контрразведки «Смерш» на участке Брянского фронта арестован 51 агент немецкой разведки, переброшенный на сторону Красной армии специальной разведывательной группой «Виддер».

За последнее время против войск Брянского фронта активизировали свою подрывную деятельность Борисовская и Варшавская разведывательные школы и Смоленская диверсионная школа.

Борисовская разведывательная школа противника, именуемая «Южный лагерь», дислоцируется в бывш. военном городке пос. Печи, что в 6 км юго-западнее г. Борисов и подчинена отделу 1-Ц штаба средней группировки, дислоцирующемуся в г. Смоленске. Начальником школы является полковник немецкой армии Херцлих.

Борисовская школа перебрасывает свою агентуру преимущественно на самолётах, снабжая портативной радиоаппаратурой, вмонтированной в чемоданы советского производства, и поддерживает с ней связь посредством радио с помощью специального шифра. Обучение агентуры методам сбора шпионских сведений и работе на рации в Борисовской школе осуществляют изменники Родине – бывш. командиры Красной армии Лебедев Николай Павлович и Фролов Иван Иванович.

В результате проведения оперативных мероприятий Управлением контрразведки «Смерш» Брянского фронта в контакте с территориальными органами НКВД в мае и июне 1943 г. арестовано 6 активных агентов-радистов Борисовской школы, которые передали разведывательному центру противника ряд шифрованных радиограмм шпионского содержания о войсках Красной армии.

Смоленская школа агентов-диверсантов немецкой разведки дислоцируется на территории бывш. МТС, что в 6 км от г. Смоленска по Рославльскому шоссе, подчинена отделу 1-Ц штаба средней армейской группировки «Сатурн». Диверсионная школа после обучения подрывному делу перебрасывает свою агентуру на самолётах в тыл Красной армии для совершения массовых диверсионных актов на важнейших магистралях, питающих фронт техникой, боеприпасами, продовольствием и людскими резервами.

Для выполнения задания агентура снабжается прессованным толом в металлической оправе, электрокапсюлями, взрывателями, зажигательными средствами и фиктивными документами. Связь с агентурой поддерживается путём личного перехода линии фронта на сторону противника, для чего последняя снабжается письменным паролем. На участке Брянского фронта органами «Смерш» за июнь–июль 1943 г. арестовано 10 диверсантов-парашютистов, переброшенных Смоленской диверсионной школой.

Варшавская разведывательная школа находится при штабе «Валли», дислоцируется в 20 км восточнее г. Варшавы в мест. Сулеювек, на территории дач Пилсудского. При школе находится мощная радиостанция, поддерживающая связь со штабами фронтов, Ставкой верховного командования и агентами-радистами, переброшенными в тыл Советского Союза. При переброске на нашу сторону агентура, направляемая в глубокий тыл Советского Союза и на дальние дислокации наших войск, экипируется преимущественно в форму командного состава Красной армии, снабжается, в зависимости от характера задания,

взрывчатыми веществами, портативными рациями и соответствующими фиктивными документами. В июле органами контрразведки фронта задержано 2 агента-парашютиста Варшавской школы.

В целях парализации деятельности указанных разведывательных органов противника нами проводится ряд контрразведывательных мероприятий, как по зафронтовой линии, так и на участке дислокации войск Брянского фронта.

Начальник УКР «Смерш» Брянского фронта
генерал-майор Железников

ЦА ФСБ России. Ф. 40. Оп. 5. Д. 352. Л. 5–8. Заверенная копия. Машинопись.

№ 4.
СПЕЦСООБЩЕНИЕ УКР «СМЕРШ» БРЯНСКОГО ФРОНТА ОБ ИЗЪЯТИИ АГЕНТУРЫ РАЗВЕДКИ ПРОТИВНИКА

№ 2/7586

Совершенно секретно
11 июля 1943 г.

Командующему войсками Брянского фронта
генерал-полковнику тов. Попову

Члену Военного совета Брянского фронта
генерал-лейтенанту тов. Мехлису

В связи с подготовкой немецко-фашистских войск к наступательным операциям на Восточном фронте разведывательные органы Германии активизировали заброску шпионско-диверсионных кадров на ближние и дальние коммуникации наших войск, особо в направлении Курск–Елец–Воронеж, Горбачёво–Тула–Калуга–Сухиничи и в район Ворошиловграда. За последнее время проведенными контрразведывательными мероприятиями разоблачено 12 агентов противника, из них 8 парашютистов.

Агент-парашютист германской разведки Стрелков Николай Иванович, 1909 г.р., уроженец Днепропетровской области, украинец, из крестьян-кулаков, бывш. красноармеец 20-го сп 220-й сд. В сентябре 1942 г. по сговору с группой военнослужащих Красной армии перешёл на сторону противника, выдал немцам известные ему сведения о своей части и дал согласие проводить шпионскую деятельность в тылу Советского Союза. Прошёл специальную подготовку по методам ведения разведывательной работы при штабе 1-Ц 9-й немецкой армии,

после чего снабжён фиктивными документами на имя красноармейца Пешка Егора Степановича, выброшен на парашюте с самолёта противника в районе г. Белёва с заданием проникнуть в штаб одной из воинских частей, добыть сведения о дислокации, вооружении и численности советских войск на участке 61-й армии.

Проведенными оперативными мероприятиями задержан квалифицированный агент-парашютист Варшавской разведывательной школы, условно именуемой «Лагерем Валли», «К.» – бывш. начальник штаба батальона 79-го сп, переброшенный в наш тыл с портативной радиостанцией. Прошёл семимесячную подготовку в группе агентов-радистов по следующим ди сциплинам:

1. Методы работы НКВД.
2. Агентурная разведка.
3. Структура и организация войск Красной армии.
4. Строевая и тактическая подготовка.
5. Топография.
6. Политический строй фашистской Германии.
7. Парашютное дело.
8. Работа шифром на радиостанциях.

По заданию германской разведки «К.» должен был отправиться в г. Елец, откуда радировать центру Варшавской школы сведения о движении воинских эшелонов через ст. Елец и концентрации войск на Орловском направлении. Имел при себе фиктивные документы на имя лейтенанта РККА, 70 экземпляров чистых бланков различных учреждений Красной армии, два комплекта гражданского платья, сумму денег 50 тысяч рублей советской чеканки. Практическая деятельность «К.» в пользу немецкой разведки не была осуществлена в силу его ареста. Полученные материалы используются нами для дезинформации ставки Верховного командования Германии.

Агенты-парашютисты разведки противника:

Свиридов Фёдор Ильич, 1911 г.р., уроженец Тамбовской области, из крестьян-кулаков, бывш. мл. лейтенант РККА, служил в качестве зам. командира миномётной роты 1176-го сп 350-й сд;

Богданов Владимир Алексеевич, 1922 г.р., уроженец Сталинской области, русский, бывш. красноармеец моторизованной разведроты 50-й армии;

Ростовцев Валентин Иванович, 1924 г.р., уроженец г. Энгельс, русский, бывш. красноармеец 945-го сп 263-й сд.

В 1942 г. разновременно взяты немцами в плен, содержались в лагерях военнопленных, где завербованы для проведения шпионажа в тылу Советского Союза и были зачислены в Борисовскую школу раз-

ведывательных органов противника, условно именуемую «Южный лагерь». Квалифицированные агенты Ростовцев и Свиридов совершили по две ходки в расположение частей Красной армии. За выполнение шпионских заданий Свиридов получил от немцев крупное денежное вознаграждение, Ростовцев награждён немецким командованием «Медалью с мечами».

Выброшены на парашютах с самолёта противника в район г. Воронеж, в форме начальствующего состава Красной армии, имели при себе две портативные радиостанции. Выполняя задание Борисовской разведывательной школы, передали немцам семь радиограмм шпионского содержания о передвижении воинских эшелонов и дислокации частей Красной армии на магистрали Грязи–Елец.

В районе г. Плавска задержан агент-парашютист Марков Алексей Васильевич[7], 1902 г.р., уроженец Московской области, русский, бывш. красноармеец 591-го артполка 6-й армии. Квалифицированный агент, окончил разведывательную школу в г. Варшаве, в совершенстве обучен методам сбора сведений военно-разведывательного характера. Переброшен на нашу сторону в форме ст. лейтенанта интендантской службы, имел при себе фиктивные документы на имя Винокурова и Шувалова с угловым штампом и гербовой печатью штаба 10-й армии, чистые бланки различных учреждений Красной армии и сумму денег – 20 тысяч рублей. По заданию Варшавской школы разведки противника он должен разведать концентрацию войск на ж.-д. узлах Горбачёво–Тула–Калуга–Сухиничи–Киров.

Проведенными контрразведывательными мероприятиями по зафронтовой линии задержаны диверсанты-парашютисты из Смоленской диверсионной школы: Мокшенинов Иван Тимофеевич, 1915 г.р., уроженец Чкаловской области, русский, бывш. кандидат в члены ВКП(б), до призыва в ряды Красной армии работал секретарём райкома ВЛКСМ, бывш. красноармеец 654-го сп 148-й сд;

Симонов Анатолий Михайлович[8], 1922 г.р., уроженец Калининской области, русский, бывш. член ВЛКСМ, бывш. мл. командир 1168-го сп 264-й сд. Весной 1942 г. в боевой обстановке захвачены немцами в плен, помещены в Орловский лагерь военнопленных, откуда зачислены в Смоленскую школу, условно именуемую «Лагерь МТС», где обучены методам совершения диверсионных актов по выводу из строя военных объектов в тылу Советского Союза.

30 июня с.г. выброшены германской разведкой на парашютах с самолёта противника в Куркинский район Тульской области с заданием взорвать ж.-д. полотно в районе ст. Турдей. Для выполнения указанного задания были снабжены прессованным толом, в металлической оправе, взрывчатыми веществами, находящимися в обложках под видом концентратов «Суп-пюре», и зажигательными средствами.

Арестован и казнён через повешение агент германской разведки Данилов Николай Захарович[9], 1915 г.р., уроженец г. Москвы, проживал в г. Щёкино, работал милиционером РО НКВД Тульской области, бывш. красноармеец 365-го сп 119-й сд. В конце 1941 г. при подходе немецко-фашистских войск к г. Тула по сговору с группой сотрудников милиции перешёл на сторону противника, после чего завербован немецким офицером для выявления в Щёкинском районе партийно-советского актива.

Выполняя задание, выдал полевой полиции четырёх коммунистов, которые были немцами расстреляны. После изгнания немцев из г. Щёкино работал забойщиком на шахте № 16. Будучи призван в ряды Красной армии, из части дезертировал и, имея намерение перейти на сторону противника, направился к линии фронта, где был задержан.

Контрразведывательными мероприятиями вскрыт пробравшийся в ряды Красной армии немецкий шпион Стрыгин Иван Иванович[10], 1922 г.р., уроженец Сталинградской области, русский, бывш. член ВЛКСМ, бывш. красноармеец 1305-го пушечного полка 7-й артдивизии. В ноябре 1942 г., будучи красноармейцем 125-го сп, занимавшего оборону в районе Тракторного завода г. Сталинграда, по сговору с тремя бойцами добровольно сдался в плен немцам, выдал противнику известные ему сведения о своей части.

Был завербован германской разведкой для проведения шпионско-диверсионной деятельности в расположении советских войск. В декабре 1942 г. с группой диверсантов, снабжённой взрывчатыми веществами, был переброшен в район пос. Ельшанка для подрыва складов с боеприпасами и горючим.

При переходе линии фронта на нашу сторону получил ранение, направлен в госпиталь, откуда по выздоровлению получил назначение в 1305-й артполк, где пытался обрабатывать красноармейцев на измену Родине.

В прифронтовой полосе на участке обороны 250-го сп арестован агент противника Алинкин Петр Михайлович, 1922 г.р., уроженец Орловской области, русский, из крестьян-кулаков, бывш. красноармеец 60-го осп.

Завербован полевой жандармерией г. Курска, под кличкой «Назаров» для выдачи немцам партизан и установления мест стоянки партизанских отрядов.

Ведётся следствие.

Начальник УКР «Смерш» Брянского фронта
генерал-майор Железников

ЦА ФСБ России. Ф. 40. Оп. 5. Д. 352. Л. 9–11. Заверенная копия. Машинопись.

№ 5.
ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА УКР «СМЕРШ» БРЯНСКОГО ФРОНТА О СМОЛЕНСКОЙ ДИВЕРСИОННОЙ ШКОЛЕ ПРОТИВНИКА

№ 2/1-7716

Совершенно секретно
15 июля 1943 г.

Начальнику Главного управления контрразведки «Смерш»
комиссару государственной безопасности 2-го ранга
тов. Абакумову

Агентурная разработка «Кондотьеры» на Смоленскую диверсионную школу разведывательных органов Германии заведена 18 июня 1943 г. на основании следственных материалов разоблачённых диверсантов-парашютистов Дрожжина, Никифорова, Бурдина, Козлова и др., переброшенных в расположение частей Красной армии для подрывной деятельности.

Смоленская школа диверсантов, условно именуемая «Лагерь МТС», почтовый адрес № 09853, дислоцируется в 6 км от г. Смоленска по Рославльскому шоссе, на территории бывш. МТС, подчинена отделу 1-Ц штаба средней армейской группировки «Сатурн», действует против войск Брянского и Центрального фронтов, забрасывая агентов-парашютистов с целью совершения диверсий на важнейших магистралях оперативного тыла, питающих фронт техникой, боеприпасами, продовольствием и людскими резервами. Основным контингентом диверсионных кадров являются военнослужащие Красной армии, вербуемые из разных лагерей военнопленных. Всего в «Лагере МТС» находится до 200 военнопленных, в основном по национальности русских, которые содержатся в общежитии и разбиваются на три группы: диверсионную, строевую и хозяйственную.

Диверсионная группа, по мере подготовки и переброски в наш тыл агентов-парашютистов, пополняется за счёт строевой и хозяйственной. [В группе] проходят курс обучения по изучению взрывчатых веществ и зажигательных смесей, расчётов на подрыв военных объектов и практические занятия по методам совершения диверсионных актов. Кроме того, в Смоленской школе формируются отряды для борьбы с партизанским движением, которые впоследствии направляются в так называемую «Русскую освободительную армию».

На выполнение диверсионных заданий в тылу Советского Союза агентура экипируется в форму военнослужащих Красной армии, перебрасывается преимущественно самолётами и снабжается прессованным толом в металлической оболочке, трёхкилограммовыми шашками, электрокапсюлями, взрывателями, ампулами с зажигательной смесью,

взрывчатыми веществами, расфасованными под видом концентратов «Суп-пюре гороховый», и фиктивными документами – командирскими или красноармейскими книжками, командировочными предписаниями, справками эвакогоспиталей, справками о направлении через линию фронта на связь с партизанскими отрядами за угловым штампом и гербовой печатью ОО НКВД 48-й и 61-й армий.

Иногда практикуется переброска агентуры через линию фронта пешим порядком и использование её на переднем крае обороны Красной армии для захвата «языков» и разгрома штабов. Основным методом связи с диверсантами является метод личных явок через линию фронта после выполнения задания, для чего даётся письменный пароль на немецком языке – «Спецзадание, немедленно препроводить в 1-Ц».

Шефом Смоленской школы является офицер отдела 1-Ц штаба средней армейскойгруппировки «Сатурн» обер-лейтенант Козловский, по национальности немец, лично экзаменует и инструктирует агентуру перед выброской в тыл Красной армии.

Начальником «Лагеря МТС» является лейтенант немецкой армии Бухольц Франц, руководителем диверсионной школы – унтер-офицер, немец, Роберт Антонович (фамилия не установлена). Зондерфюрер школы – Мюллер Александр Венедиктович, хорошо владеет русским языком.

Комендант лагеря – Кутько Николай, ранее работавший в Орловской диверсионной группе графа Туна, бывш. майор Красной армии, у немцев получил звание подполковника. Старший группы диверсантов, он же инструктор парашютного дела – ст. лейтенант Фролов Николай Сергеевич[11], 30 лет, уроженец Орловской области, бывш. лейтенант Красной армии, служил в 4-м воздушно-десантном корпусе.

Одновременно в группе диверсантов обучается ...* человек, срок подготовки агента – 2 месяца, Два выпуска диверсантов – первый – в апреле и второй – в июне–июле с.г., выброшены на парашютах в тыл Советского Союза, только из них обратно в школу никто не возвратился. Срок на выполнение задания устанавливается от двух недель до одного месяца. В настоящее время комплектуется новый набор в школу диверсантов.

В целях изучения деятельности школы, выявления подготовляемой агентуры, перехвата каналов проникновения и пресечения деятельности агентов-парашютистов в тылу Красной армии намечено провести следующие агентурно-оперативные мероприятия:

1. Для внедрения своей агентуры в Смоленскую диверсионную школу перевербовать явившегося с повинной диверсанта этой школы Мокшенинова и после соответствующей обработки перебросить в тыл противника с заданием:

а) путём агентурной комбинации произвести вербовку одного из руководящих сотрудников;

б) добыть установочные и характеризующие данные на официальный состав диверсионной школы, их родственные связи на территории Советского союза и политические убеждения;

в) выявлять подготовляемую агентуру: где, когда, на каком участке и с каким заданием готовится к переброске на нашу сторону;

г) склонять отдельных агентов-диверсантов, лояльно настроенных к советской власти, на явку с повинной в органы НКВД при их переброске разведкой противника на нашу сторону.

2. Разработать агентурные комбинации по вербовке зав. вещевым складом школы Старухина, жена и дочь которого проживают в г. Уфе, по ул. Свердлова, дом № 69, кв. № 2. Работая зав. складом, Старухин производит экипировку агентуры перед выброской в тыл Советского Союза, пользуется доверием руководства школы.

3. По показаниям агента-диверсанта Дрожжина проходит Байдакова Наталия Дмитриевна, муж которой в Красной армии, враждебно настроена по отношению к немцам, ожидает прихода Красной армии, проживает вблизи «Лагеря МТС», имеет интимные связи с отдельными агентами, обучающимися в школе диверсантов. Разработать комбинацию по использованию Байдаковой в качестве связника или содержателя конспиративной квартиры. Схему дислокации Смоленской диверсионной школы и список выявленного официального и агентурного аппарата при этом прилагаю**.

Начальник УКР «Смерш» Брянского фронта
генерал-майор Железников

ЦА ФСБ России. Ф. 40. Оп. 5. Д. 352. Л. 23–26. Заверенная копия. Машинопись.

* Пропуск в документе.
** Не публикуется.

№ 6.
СПЕЦСООБЩЕНИЕ ОКР «СМЕРШ» 40-Й АРМИИ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОТДЕЛА 1-Ц 57-Й ПЕХОТНОЙ ДИВИЗИИ ПРОТИВНИКА

№ 5631/4

Совершенно секретно
16 августа 1943 г.

Начальнику Управления контрразведки «Смерш»
Воронежского фронта
генерал-майору Осетрову[12]

В ночь на 12 июня с.г. под видом изменника Родине нами был переброшен на сторону противника зафронтовой агент «Иной», который впоследствии с полученным от нас заданием проник на службу в разведотдел 57-й пехотной дивизии немецкой армии. Возвратившись к нам

10 августа с.г. (о чем вам выслано спецсообщение 12 августа с.г.*), агент «Иной» о деятельности разведотдела 57-й пехотной дивизии немецкой армии сообщил следующее.

Разведотдел 1-Ц в дивизиях, корпусах и армиях противника организовался сравнительно недавно – около четырёх месяцев назад. В задачу отдела 1-Ц входит: разведка переднего края обороны частей Красной армии всеми средствами, допрос перебежчиков и пленных по воинским частям и лагерям и при изъявлении желания – в «Русскую освободительную армию» а также ведение активной антисоветской агитации, как среди местного населения, так и среди военнослужащих Красной армии. Штат отдела 1-Ц 57-й пд состоит из следующих лиц: начальника отдела ст. лейтенанта Целлер; первого помощника начальника отдела ст. лейтенанта Керг; второго помощника начальника отдела лейтенанта Гасс; начальника пропаганды и агитации при 1-Ц лейтенанта Шведас; офицера для особых поручений зондерфюрера Кальнинг; ст. делопроизводителя унтер-офицера Вольф. Кроме того, при первом отделе 1-Ц работает прикомандированный лейтенант «Русской освободительной армии» Курапов Вениамин, который занимается вопросами агитации и отбора русских перебежчиков и военнопленных во власовскую армию, одновременно служит переводчиком.

В работе отдела 1-Ц, помимо общей войсковой разведки, производимой в частях дивизии, особое внимание обращается на допросы и обработку русских перебежчиков и пленных. Все данные о частях Красной армии добываются этим путём. Все доставленные в 1 Ц перебежчики и пленные обязательно допрашиваются по нескольку раз о расположении, вооружении и личном составе части Красной армии, в которой они служили до пленения или перехода на сторону немцев. Показания фиксируются, причём, если в показаниях допрашиваемого усматриваются противоречия или другие подозрительные обстоятельства, его подвергают избиению. Одновременно перебежчики и пленные обрабатываются специальной агентурой, которая (в количестве 8–10 человек) постоянно работает в 1-Ц. Наиболее подозрительные перебежчики и пленные, а также те из них, которые намечаются к вербовке для работы в 1-Ц, подвергаются более длительной агентурной проверке.

Агентура из числа русских военнопленных маскируется под видом работающих в немецкой воинской части в качестве конюхов, портных, обозников и т.д. Часть агентуры принимает активное участие в допросах перебежчиков и пленных и по указанию офицеров избивает допрашиваемых, показания которых вызывают подозрения.

При допросах перебежчиков, пленных и других задержанных русских спрашивают, не связаны ли они с органами НКВД и знают ли майоров Юсупова и Смирнова. По сведениям 1-Ц, Юсупов и Смир-

нов готовят парашютистов-диверсантов для переброски в тыл немецких войск. Школа парашютистов-диверсантов якобы расположена в районе Тамбова.

В начале августа с.г. на службе в 1-Ц 57-й пд состояли агенты:

1. Петров Илья, ранее неоднократно переходил на сторону Красной армии с заданиями. Пользуется большим доверием у всех офицеров 1-Ц.На связи у начальника отдела 1-Ц Целлера. Жил в доме жителя с. Мезеновка Безус Алексея.

2. Кротов Алексей, работает по заданию с пленными и перебежчиками. В с. Мезеновка жил вместе с Петровым.

3. Филиппов Дмитрий, на связи у начальника 1-Ц, у которого пользуется особым доверием. В с. Мезеновка жил у Безус Алексея.

4. Передерый Фёдор, на связи у ст. лейтенанта Керга, пользуется доверием у офицеров 1-Ц. В с. Мезеновка жил у Москвина Пантелея. Местной учительнице Поповой Софии высказывал недовольство немцами и намерение перейти на сторону Красной армии. За два дня до отступления немцев куда-то уехал, видимо, переброшен на сторону частей Красной армии.

5. Котенев Семён, участвовал в допросах пленных, разведчиков и других подозрительных лиц, выявлял советскую агентуру. В с. Мезеновка жил у Москвина Пантелея. Незадолго до отступления немцев отправлен вместе с братом Тимофеем, куда – неизвестно.

6. Котенев Тимофей, участвовал в допросах и выявлял советскую агентуру. Отправлен вместе с братом.

7. Панчев Николай, значился как портной, но выполнял особые поручения 1-Ц по проверке агентов среди местного населения. На связи у лейтенанта Гасса.

На поименованную выше агентуру более подробные данные сообщены вам в записке от 12 августа с.г. Эта же агентура предназначается к переброске через линию фронта для разведки переднего края обороны частей Красной армии.

1 Ц 57-й пд работает в тесном контакте с полевой жандармерией, размещающейся вместе с ним и подчинённой в работе начальнику 1 Ц. Задержанные жандармерией по подозрению в шпионаже для проверки и последующей над ними работы передаются в 1-Ц или, наоборот, менее интересные для 1-Ц люди передаются в жандармерию. Так, например, в конце июня с.г. близ г. Боромля был задержан назвавший себя Калашниковым и передан для проверки в 1-Ц 57-й пд.

На допросах Калашников вначале утверждал, что он попал на занятую немцами территорию во время разведки переднего края обороны немцев, производившейся советскими танкистами. Когда его танк был подбит, он решил пойти к своей сестре в г. Полтаву.

Со слов Калашникова, он служил в 93-й танковой бригаде 38-й армии. Когда 1-Ц проверил, то выяснилось, что в районе обороны частей 57-й пд в указанный Калашниковым период никакой разведки танками со стороны Красной армии не производилось и вообще 93-й танковой бригады в составе 38-й армии нет. После этого Калашников сознался, что он в составе 9 человек был послан начальником разведотдела 38-й армии в глубокий тыл немцев для разведки в направлении Полтава–Гадяч–Ромны и сообщил фамилии, имена и отчества остальных восьми своих товарищей, с которыми он разошёлся. Калашников был в тот же день расстрелян. По словам офицеров 1-Ц, были пойманы и расстреляны ещё два его товарища.

По данным агента «Иной», всего с мая по август с.г. в районе обороны 57-й пд на сторону немецких войск перешло из частей Красной армии 250 человек, подавляющее большинство – украинцы.

1-Ц 57-й пд связан в работе также с разведорганом армии, ведущем глубокую агентурную разведку в тылу Красной армии. Как представителей этого армейского разведоргана агент «Иной» указал: обер-лейтенанта Пютцер и зондерфюрера по имени Вова, по национальности – русского, которые часто приезжали в штаб 57-й пд для организации переброски через линию фронта подготовленной ими агентуры на участке обороны частей 57-й пд. Обер-лейтенант Пютцер и зондерфюрер Вова в с. Мезеновка и Ново-Александровка имели конспиративные квартиры для своей агентуры, но последняя с 1-Ц связана не была. По требованию армейского разведоргана, ведущего глубокую агентурную разведку, 1-Ц направляет им документы, снаряжение и отдельные части обмундирования, отбираемые у перебежчиков и пленных. Тот же разведорган отбирает для работы у себя перспективных агентов из 1-Ц. Начальник отдела 1-Ц в работе подчиняется непосредственно командиру дивизии.

Для проверки данных, сообщённых агентом «Иной», в с. Мезеновка после занятия его частями Краснгй армии была командирована группа оперработников отдела контрразведки армии. На месте были установлены и допрошены 8 человек местных жителей, в домах которых проживала агентура 1-Ц. Допрошенные Москвин П.Г., Безус Е.И., Огиенко, Городовой К.Я. и другие показали, что в их домах проживали русские, служившие в немецкой армии, которые время от времени куда-то выезжали и возвращались обратно. Однако свидетели могли назвать только имена этих лиц и ничего не показали о том, кто они в прошлом и чем именно занимаются в настоящее время, состоя на службе у немцев.

По показаниям свидетелей, вся агентура, за исключением убывших ранее, выехала вместе с 1-Ц при отступлении немецких войск из с. Мезеновка 6 и 7 августа с.г.

О результатах проверки сообщения агента «Иной» о деятельности разведоргана немецкой армии, ведущего глубокую агентурную разведку на участке 40-й армии, и о добытых нами новых данных сообщим отдельно.

Начальник ОКР «Смерш» 40-й армии
гвардии полковник Шлокин[13]

Начальник 4-го отделения ОКР «Смерш»
40-й армии майор Кротенко[14]

ЦА ФСБ России. Ф. 41. Оп. 102. Д. 293. Л. 52–53 об. Заверенная копия. Машинопись.

* Не публикуется

№ 7.
СПЕЦСООБЩЕНИЕ УКР «СМЕРШ» БРЯНСКОГО ФРОНТА О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФИЛИАЛА ВАРШАВСКОЙ ШКОЛЫ РАЗВЕДКИ ПРОТИВНИКА

№ 2/9819

Совершенно секретно
10 сентября 1943 г.

Командующему войсками Брянского фронта
генерал-полковнику тов. Попову

Члену Военного совета Брянского фронта
генерал-лейтенанту тов. Мехлису

Следственными материалами разоблачённого агента-радиста германской разведки Денищенко Николая Романовича[15], выброшенного с самолёта с рацией в тыл частей Красной армии с заданием военно-разведывательного характера, установлено, что в мест. Слаута Бердичевского района Житомирской области дислоцируется германская военно-разведывательная школа по подготовке агентов-радистов, условно именуемая «Походные курсы».

Указанная школа является филиалом Варшавской разведывательной школы, дислоцирующейся на бывш. даче Пилсудского, в предместьях г. Варшавы и ведёт активную работу по вербовке, подготовке и выброске агентов-радистов с рациями в тыл Красной армии с задачей сбора шпионско-разведывательных сведений и передачи их по радио соответствующему германскому радиоразведцентру.

Основным контингентом агентуры являются военнопленные – бывшие бойцы и командиры Красной армии, имеющие среднее

образование и знающие хорошо радиодело, главным образом, приём на слух и работу на ключе. Вербовка агентуры осуществляется в основном на базе освобожденных из лагерей и за счёт выздоравливающих в госпиталях для русских военнопленных, под видом отбора специалистов радиодела и лиц, имеющих среднее образование, для посылки на «хорошую работу по специальности». Отбору и вербовке агентуры предшествуют обыкновенно профашистская обработка, улучшение жизненных условий, раздача личных материальных подачек, денежных выдач и др. Вербовка оформляется подпиской в самом помещении школы, за день до начала учёбы, причём в тексте подписки, которые заранее заготовлены на пишущей машинке, не сказано прямо, что дающиё подписку обязуются работать в пользу германских разведорганов. Подписка в общих чертах обязывает вести активную борьбу против большевизма, за восстановление «новой России» и заканчивается угрозой расстрела, в случае разглашения тайны и невыполнения задания. Внизу следует подпись и псевдоним давшего подписку.

На первом же занятии всем слушателям объявляют, что они являются агентами германской разведки, и в этом направлении с ними будут проводиться занятия. В процессе проводимых занятий агентура обучается методам сбора шпионских сведений, преимущественно из бесед с военнослужащими и путём личного наблюдения о дислокации, численности и вооружении частей Красной армии, базах снабжения, количестве автотранспорта и ж.-д. составов, идущих в сторону фронта на главных магистралях Союза. Агентура также поверхностно ознакамливается с топографией, структурой и построением Красной армии. Основное внимание уделено радиоподготовке, в основном, приёму на слух, передаче на ключе, изучению шифра и кодов (эта часть подготовки идёт в индивидуально порядке, т.к. каждый агент снабжается специальным шифром и кодом). Поскольку в школе обучаются бывш. радисты, весь комплекс подготовки непродолжительный, так, агент Денищенко обучался с группой с 13 июля по 24 августа 1943 г.

На выполнение шпионско-разведывательных заданий в тылу Советского Союза агентура экипируется в форму среднего командного состава Красной армии, пребрасывается преимущественно на самолётах со Смоленского аэродрома, снабжается портативными радиями типа «Север» с 1–2 комплектами питания, крупной суммой денег (60–70 тысяч) и фиктивными документами – командирскими книжками, командировочными предписаниями, справками эвакогоспиталей и др. Помимо этого, агентуре выдаётся один гражданский костюм и фиктивные документы – паспорт и свидетельство об освобождении от службы в Красной армии. На случай, если питание рации израсходуется, агент должен об этом сообщить радиограммой, после чего батареи ему будут доставлены путём выброски на парашюте или сообщением

явки, куда должен обратиться агент. Если по каким-либо обстоятельствам невозможно дальше продолжать работу, агент должен закопать рацию со всеми документами и перейти линию фронта на сторону немцев. Для перехода линии фронта агентура снабжается устным паролем «Майор Марвиц».

Разведшкола, условно именуемая «Походные курсы», расположена в одноэтажном деревянном складном бараке немецкого типа, состоит из двух оборудованных радиоклассов и общежития. Барак обнесён колючей проволокой и охраняется круглосуточно двумя часовыми – немецкими солдатами. Вокруг жилых домов нет. Официальный аппарат школы и преподавательский состав живут на частных квартирах в мест. Слауты. Общаться с местным населением агентуре строго запрещено, отпуска за пределы школы не даются. Никакой политической пропаганды с агентурой школы не проводится, за исключением регулярного получения газет «Доброволец» и «Русское слова», издающихся в г. Берлине. Радиослушание строго запрещено. Распорядок дня в школе осуществляется следующий: подъём в 6:00, утренний туалет и завтрак в 7:00, занятия по радиоделу с 7:00 до 12:00, обед и отдых с 12: до 2:00, радиодело с 2:00 до 6:00. По отдельным предметам занятия проводятся вечером с 6:00 до 7–8 часов. На ужин и личное время даётся 3 часа, отбой на сон в 11:00.

Начальником школы «Походные курсы» является капитан немецкой разведки Рейдер, лет 45, в совершенстве владеет русским языком, участник войны 1914–1918 гг., в обращении с агентурой строгий, культурен и вежлив. Помощник начальника школы Осман Булатович (фамилия не установлены), лет 45–47, полный, низкого роста, по национальности татарин, бывш. командир 145-й сд, в звании генерал-майор, настроен исключительно профашистски, в обращении с агентурой строг и придирчив, пользуется у немцев большим авторитетом и доверием, в школе преподаёт агентурную разведку, структуру и построение Красной армии и топографию.

Материалами ранее разоблачённой агентуры установлено, что преподаватель школы Осман Булатович в июне–июле 1942 г. работал преподавателем Варшавской разведывательной школы противника. Помощник начальника школы по радиоделу «Курошев» (псевдоним), лет 28, бывш. капитан Красной армии, командир отделения батальона связи, уроженец г. Ленинграда, в плену у немцев с 1942 г., преподаёт радиодело, к занятиям относится серьёзно, замкнут, ни с кем не общается. Преподаватель по приёму на слух и работе на ключе «Богомолов» (псевдоним), бывш. капитан Красной армии, связист, пленён немцами в 1941 г. под Киевом. В большом количестве употребляет спиртные напитки, настроение неопределённое, замкнут, ни с кем не общается. Преподаватель парашютного дела «Авилов» (псевдоним), лет 30, русский,

бывш. майор Красной армии, лётчик-бомбардировщик, учился в Москве. Семья находится на Украине. В большом количестве употребляет спиртные напитки, к занятиям относится халатно. В обращении с агентурой добр, не требователен. Авторитетом у немцев не пользуется.

По показаниям разоблачённого агента-радиста Денищенко, всего в школе занималось 15–17 человек. Других отделений, кроме радистов, в школе не было. Часть этой агентуры выброшена в дальние тылы Советского Союза. 8–10 агентов-радистов подготовлены и в ближайшее время должны быть выброшены в ближние тылы Красной армии и в частности, на участке Брянского фронта. Приняты все необходимые меры к поимке агентуры противника и парализации деятельности Слаутской военно-разведывательной школы агентов-радистов.

Начальник УКР «Смерш» Брянского фронта
генерал-майор Железников

ЦА ФСБ России. Ф. 40. Оп. 5. Д. 352. Л. 104–106. Заверенная копия. Машинопись.

№ 8.
ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА ОКР «СМЕРШ» 13-Й АРМИИ О РЕЗУЛЬТАТАХ РАБОТЫ ОПЕРГРУППЫ ПО Г. ЧЕРНИГОВУ

Совершенно секретно
20 сентября 1943 г.

Начальнику Управления контрразведки «Смерш»
Центрального фронта
генерал-майору тов. Вадис[16]

С занятием г. Чернигова частями нашей армии в ночь на 20 сентября с.г. в г. Чернигов была послана оперативная группа отдела контрразведки «Смерш» армии. Группу возглавляет зам. начальника отдела контрразведки подполковник тов. Шелепенко[17]. В задачу группы входило: в г. Чернигове установить все разведывательные и контрразведывательные органы противника, которые существовали в период его временной оккупации, а также установить наиболее активных пособников немецкого фашизма, которых подвергнуть аресту за их предательскую деятельность.

Оперативной группой в г. Чернигове установлены следующие разведывательные и контрразведывательные органы противника, а именно:

1. Служба безопасности (СД) находилась по улице Троицкая, № 47, бывш. общежитие пединститута. Служба безопасности делилась на 5 отделов:

а) управление и хозяйство;
б) регистратура;
в) следственная часть;
г) секретный отдел;
д) следственный отдел (тюремный).

Службу безопасности возглавлял майор немецкой армии Христенсен, у него заместителем являлся майор Радецкий. Начальником секретного отдела являлся унтершарфюрер Шмит; следственного отдела – оберштурмфюрер Курт; следственной части – унтерштурмфюрер Кник.

2. Следственная полиция находилась по ул. Коцюбинского, 40. Начальником следственной полиции являлся житель г. Чернигова Руниг Евгений, 1913 г.р., по национальности немец, проживал в г. Чернигове, Ивановский хутор, № 12. Эвакуировался с немцами.

При следственной полиции было 4 отдела: 1. отдел исполнения; 2. личный отдел; 3. хозяйственный отдел; 4. регистрационно-дактилоскопический отдел. Согласно обнаруженным нами штатов, при следственной полиции работали 4 старших следователя (инспектора) и 16 следователей. При каждом следователе в личном распоряжении находились 4 полицейских.

3. Вспомогательная полиция находилась по ул. Шевченко, дом № 135.

4. Городская полиция находилась по ул. Комсомольской, дом № 1.

5. Тайная полевая полиция – ул. Троицкая, № 105.

6. Жандармерия находилась по ул. Шевченко.

7. Полевая жандармерия (фельд) находилась по ул. Комсомольская, в доме бывш. Заготзерно.

8. Местная комендатура (ортет) находилась по ул. Комсомольская, в доме бывш. детяслей. Ортеткомендатура в г. Чернигове находилась до февраля с.г., а затем выехала в г. Нежин, а на её место приехала фельдкомендатура, которая разместилась в доме на углу ул. Комсомольской и Троицкой. Фельдкомендатура в городе находилась до 15 августа с.г., а затем передислоцировалась вновь в г. Нежин, а в г. Чернигов приехала та же ортеткомендатура.

Опергруппой в г. Чернигове установлено, что там одно время существовала контрразведывательная группа противника, возглавляемая полковником Дьяченко. Полковник Дьяченко имел при себе 8 человек агентов, самых разнообразных возрастов, которых посылал в партизанские отряды со специальными заданиями. Контрразведывательная группа полковника Дьяченко находилась в г. Чернигове по ул. Троицкой в здании радиокомитета. За две недели до занятия г. Чернигова частями Красной армии полковник Дьяченко со своей агентурой выбыл в г. Киев. Все здания разведывательных и контрразведывательных

органов противника им взорваны при отступлении, кроме здания следственной полиции.

Фамилии и адреса большинства руководящего состава этих органов, а также других активных пособников и вредителей выявлены, однако значительное количество из них уехали с немцами, а одиночки скрываются в городе и окружающих сёлах. Всего опергруппой выявлено 99 человек.Из них: руководящего состава 17 человек; ст. следователей полиции –4; следователей – 16; ст. полицейских – 2; полицейских – 25; секретарей-машинисток – 2; переводчиц – 6; подозреваемых в связях с немецкими карательными органами – 16; предателей – 7; редакторов газет –3.

В здании следственной полиции все материалы в основном сожжены, и группой захвачено всего лишь несколько следственных дел и список работников полиции на 60 человек. По этим обнаруженным следственным делам имеются материалы агентуры, донесения предателей и показания лиц, разоблачавших в процессе следствия и на очных ставках коммунистов, партизан и советских активистов, которые в большинстве немцами расстреляны. Произведены выборки этих предателей и провокаторов, которые в числе 9 человек (наиболее главных) устанавливаются на предмет их ареста. Опергруппой установлены и арестованы из числа 9 человек:

1. Михайловская Серафима Сергеевна[18], 1907 г.р., уроженка г. Ревель (Эстония), б/п, образование незаконченное среднее, по национальности украинка, по соцпроисхождению из семьи служащего, замужняя, репрессиям не подвергалась, в послпеднее время проживала в г. Чернигове, Михайловский переулок, № 5. По показаниям Михайловской немцами была подвергнута аресту Губарева-Елисевская Любовь Иосифовна. Михайловская в отношении Губаревой-Елисевской показала что она происходит из семьи евреев, являлась активной комсомолкой, занималась активной агитацией против немецких властей и их армии. Судьба Губаревой-Елисевской нам пока неизвестна. Предварительно допрошена Михайловская, показания, ею данные в отношении Губаревой-Елисевской, полностью подтверждает.

2. Назаревич Евгений Александрович[19], 1921 г.р., уроженец г. Высоко-Литовск Брест-Литовской области, украинец, образование 7 классов, холост, в последнее время проживал в г. Чернигове по ул. Гоголя, дом № 27. В 1939 г. осуждён за опоздание на работу.

Назаревич на допросе в следственной полиции 28 февраля 1942 г. немцам выдал наших разведчиков-диверсантов разведотдела 5-й армии, в частности, Сова, Юрченко, Бросова, Претековского, Баранова и Федорина, из которых Сова, Юрченко, Бросов и Претековский немцами расстреляны, а Баранов и Федорин из-под стражи освобождены, но причина освобождения пока неизвестна.

Проходящая по этому же [делу] арестованная Семенец Прасковья Осиповна[20], 1918 г.р., которая показала, что её при освобождении из Черниговской тюрьмы завербовал ст. следователь следственной полиции Цехмистренко, дав ей псевдоним «Простая».

3. Апанасенко Василий Иванович[21], 36 лет, украинец, грамотный, проживал в г. Чернигове, ул. Долгая, дом № 14 (Красный хутор). По показаниям Апанасенко немцами были арестованы жители г. Чернигова Весёлый Григорий Яковлевич, Барбаш Василий Филиппович, Ступак Тихон Тихонович и Греков Николай Савельевич за то, что при занятии г. Чернигова частями немецкой армии они 29 августа 1941 г. уничтожили всё имущество мясокомбината и вели антигерманскую агитацию Апанасенко также показал, что Весёлый – коммунист, активный партийный работник, был назначен на должность директора Черниговского мясокомбината.

По заключению следователя следственной полиции по окончании следствия Весёлый передан германским военным властям, а Бабаш, Ступак и Греков заключены в Черниговскую тюрьму. Судьба арестованных немцами Весёлого, Барбаш, Ступака и Грекова пока не установлена, но есть предположения, что все они немцами расстреляны.

Из числа разыскиваемых 9 человек – Заремба Никита эвакуировался с немцами, Петровский расстрелян немцами при их отступлении, Ольденберг выбыл в одно из окрестных сёл, но куда именно, пока не установлено. Остальные предатели опергруппой устанавливаются. Дела на арестованных Михайловскую, Назаревич и Апанасенко ведёт следственная часть армии.

Кроме упомянутых арестованных, опергруппой в г. Чернигове задержано 5 пособников немецкого фашизма, которые для дальнейшего следствия и суда направлены в Черниговское областное управление НКВД.

В числе задержанных передан следователь следственной полиции Богородский Вадим Леонтьевич[22], 1919 г.р., уроженец г. Киева, по соцпроисхождению из семьи служащего, по национальности украинец, б/п, образование незаконченное высшее, в 1938 г. судим по ст. 58-10, ч. 1 УК РСФСР к 5 годам ИТЛ, женат, в Красной армии не служил, в последнее время проживал в г. Чернигове, 2-й Украинский хутор.

Богородский, будучи допрошен, показал, что каждый следователь следственной полиции самостоятельно вербовал поисковую агентуру. У каждого следователя в последнее время на личной связи находилось до 10 человек. Богородский, в частности, имел на личной связи 7 человек, вербовку которых оформлял лично.

Также Богородский показал, что завербованный им в качестве агента Федорин Виктор передал несколько донесений политического содержания на лиц, проводящих антигерманскую агитацию, хотя

Богородским на это и не был нацелен. Каждому завербованному агенту устанавливался псевдоним. Богородский заявил, что он с завербованной агентурой не встречался, и последняя абсолютно не работала, кроме Федорина, который донесения приносил исключительно по своей личной инициативе. Данные Богородского в отношении вербовки следователями агентуры полностью перекрываются показаниями арестованной жительницы г. Чернигова Семенец Прасковьи Осиповны, 1918 г.р., псевдоним «Простая», которая показала, что она была завербована следователем следственной полиции Цехмистренко и несколько раз с ним встречалась исключительно законспирированно.

Характерно отметить, что при обыске в помещении следственной полиции опергруппой обнаружен целый ряд литерных дел, делформуляров, агентурных дел, приказов НКВД СССР и другой секретной переписки Черниговского областного управления НКВД. Часть дел сожжена, а отдельные документы взяты на предмет дальнейшего установления лиц, виновных в их оставлении.

Зверства немцев и их пособников над советскими жителями

При осмотре Черниговской тюрьмы особо бросилась в глаза исключительная чистота во всех камерах и комнатах тюрьмы – полы вымыты, мусор отсутствует, на стенах никаких царапин и надписей нет. Всё это, несомненно, проделано немцами и их пособниками с целью скрыть следы своих преступлений.

Как установлено через местное население, всего по г. Чернигову и окружающим сёлам физически уничтожено коммунистов, партизан, совактивистов, евреев и цыган около 30 000 человек.

Также через местное население установлено, что немцы в каждую среду производили расстрелы заключённых. Для этой цели намеченные к расстрелу сажались в грузовую машину, сзади которой двигались специальные приспособления – легковые машины с установленными пулемётами. Пулемётчики в день расстрелов одевались в белые халаты, одевали также белые перчатки и белый колпак.

С целью того, чтобы заключённые не смогли сбежать в пути следования, улицы по маршруту от тюрьмы до места расстрела оцеплялись полицейскими. Заключённых, подведя к специально подготовленному рву, выстраивали их, после чего по очереди производили расстрел.

Если кто из заключённых, боясь быть расстрелянным, преждевременно прыгал в ров, избегая расстрела, то его уже немцы не расстреливали, а закапывали со всеми остальными живым, а поэтому каждый заключённый, привезенный немцами для расстрела, старался, чтобы избежать мучительной смерти, подставить себя под расстрел, чтобы сразу насмерть быть убитым.

Вышеприведенные факты свидетельствуют о том, что немцы с целью устрашения населения специально назначали день расстрелов – среду, в этот день сильно оцепляли улицы, создавали большие крики, одевали пулемётчиков в белые халаты, машины для создания шума двигались исключительно быстро и беспрерывно сигнализировали, а расстрелы немцы производили, не конспирируя их.

Расстрелы немцы производили и непосредственно в тюрьме. При осмотре тюрьмы в трёх камерах и коридоре обнаружено около 1000 комплектов гражданского обмундирования, среди которого много детского обмундирования. Это говорит за то, что непосредственно в тюрьме расстреливались и дети. Это же подтверждает допрошенный нами надзиратель тюрьмы Кононов Алексей, который с материалами предварительного следствия направлен в Черниговское областное управление НКВД.

Также отмечены факты, что немцами в с. Ярцево (окраина г. Чернигова) местное население, в частности, евреи, закапывались живыми в землю, а весной 1943 г. это село немцами полностью было сожжено, откуда никого из населения немцы не выпустили. В с. Ярцево при его сожжении сгорел лагерь военнопленных вместе с бывш. военнослужащими частей Красной армии, находящимися в этом лагере.

Причиной сожжения населения с. Ярцево и военнопленных является то, что немцами был своевременно установлен готовящийся побег военнопленных, которому способствовало местное население.

По заявлениям жителей г. Чернигова, в частности, Юкалова Михаила Максимовича, в одной из больниц немцы всех психически больных частично расстреляли, а частично отравили газами.

Некоторое затруднение в работе опергруппы по обнаружению предателей представляет то обстоятельство, что большинство населения города после бомбёжки разбежалось по окружающим сёлам. По мере возвращения уже известных предателей последние будут арестованы.

Мероприятия: Намечаем произвести прочёсывание окружающих г. Чернигов населённых пунктов на предмет обнаружения и ареста предателей и пособников немецкого фашизма, выбывших в сёла в период бомбёжки города. О результатах прочёсывания, ареста и допросов сообщим дополнительно.

Начальник ОКР «Смерш» 13-й армии
полковник Александров[23]

Зам. начальника ОКР «Смерш»
подполковник Шелепенко

ЦА ФСБ России. Ф. 41. Оп. 69. Д. 231. Л. 181–184 об. Заверенная копия. Машинопись.

№ 9.
ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА ОКР «СМЕРШ» 13-Й АРМИИ О РАБОТЕ ПО РОЗЫСКУ АГЕНТУРЫ ПРОТИВНИКА

№ 4668/2

Совершенно секретно
21 сентября 1943 г.

Начальнику Управления контрразведки «Смерш»
Центрального фронта
генерал-майору тов. Вадис

В соответствии с требованиями приказа начальника Главного управления контрразведки «Смерш» № 00204 от 2 сентября 1943 г. отделом контрразведки «Смерш» 13-й армии намечен и проводится в жизнь ряд мероприятий, направленных на улучшение работы по розыску и задержанию агентуры противника. Прежде всего, приказ № 00204 от 2 сентября 1943 г. был проработан на совещаниях опер-состава ОКР «Смерш» армии, а также на совещаниях в подчинённых периферийных органах.

В целях создания условий к разоблачению агентуры противника из числа лиц, задерживаемых частями Красной армии при наступлении в балках, лесных урочищах и т.д., введён, как правило, тщательный обыск задерживаемых на предмет обнаружения документов или вещей, могущих являться уликами. На всех контрольно-пропускных пунктах дорожно-эксплуатационного батальона наиболее квалифицированная агентура ориентирована в отношении наиболее характерных признаков поддельных документов.

Кроме того, имеется договоренность с командованием 2-го погранполка войск НКВД о выброске, по нашему указанию, на контрольно-пропускные пункты групп командиров, знающих агентурно-разыскную работу. Эти выбросы предполагается проводить в случаях наиболее вероятного появления на нашем участке переброшенных немецкой разведкой агентов.

Имеющаяся агентура на питательных пунктах проинструктирована и в дальнейшем будет инструктироваться не только в отношении тщательной проверки продаттестатов, но и тщательной проверки других документов.

Агентура дорожно-строительных батальонов, особенно из командного состава, большую часть своего времени находящаяся вне населённых пунктов, нацелена на проверку документов у подозрительных лиц.

Подобные задания имеет агентура из числа регулировщиков, выставляемых вне населённых пунктов, на разветвлениях дорог или на опасных для прохождения автотранспорта участках.

Агентура из водительского состава проинструктирована на предмет обнаружения и задержания агентуры противника среди лиц, пытающихся садиться на автомашины вне участков наблюдения контрольно-пропускных пунктов.

Эти мероприятия направлены, главным образом, на розыск агентуры противника, действующей в нашем тылу под видом военнослужащих Красной армии.

В отношении агентуры, оставляемой немецкой разведкой при отступлении под видом местных жителей или «окруженцев» с расчётом внедрения в ряды Красной армии, нами проводятся следующие мероприятия.

Проводимая оперсоставом работа по фильтрации контингента, поступающего на сборно-пересыльный пункт и в 161-й армейский запасный полк, строится, прежде всего, на проверке через агентуру, причём агентура подбирается в большинстве случаев с таким расчётом, чтобы агент разрабатывал своих односельчан. Все, проходящие фильтрацию, обязательно проверяются по разыскным ориентировкам.

Наиболее квалифицированную агентуру – по 3–4 человека на фильтрационный пункт (161-й азсп, сборно-пересыльный пункт), считаем необходимым держать там всё время, с тем, чтобы агентурная работа давала больший эффект.

Материалы агентуры, работающей по окружению, немедленно направляются по месту нахождения объекта.

Кроме того, в целях получения наиболее полных данных об агентах немецкой разведки, уже объявленных в розыск, нами в данный момент производится выборка из разыскных циркуляров лиц, уроженцев районов, которые находятся в полосе движения нашей армии. По мере занятия этих районов на место будут командироваться оперработники с задачей:

а) установления могущего быть известным семье места пребывания разыскиваемого;

б) сбора полных установочных данных, могущих облегчить розыск.

Также практикуем розыск агентуры противника через лиц, знающих её. Так, например: 4 сентября 1943 г. частями 322-й сд был задержан Шнейдер Иосиф[24], с апреля по ноябрь 1942 г. работавший переводчиком при полевой жандармерии.

При допросе Шнейдер назвал ряд агентов гестапо, официальных работников полиции и других предателей. Поскольку Шнейдером были названы только: или имена, или фамилии, или вообще только приметы, он в сопровождении оперработника, одетого в гражданское платье, был направлен в г. Короп для опознания названных им лиц. Поиск не дал положительных результатов, т.к. изменники бежали с немцами. Правда, при поиске Шнейдер указал на некоего Павловского, жителя г. Короп,

как на подозреваемого в связи с гестапо. Павловский нами помещён на сборно-пересыльный пункт и обставлен агентурой.

Наряду с указанными мероприятиями поддерживается тесный контакт с органами НКГБ и НКВД в вопросах розыска агентуры противника и проводятся периодические прочёсывания населённых пунктов.

Начальник ОКР «Смерш» 13-й армии
полковник Александров

Врио начальника 2-го отделения ОКР «Смерш»
капитан Жердев[25]

ЦА ФСБ России. Ф. 41. Оп. 69. Д. 231. Л. 187–188 об. Заверенная копия. Машинопись.

№ 10.
ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА ОКР «СМЕРШ» 13-Й АРМИИ О ФИЛЬТРАЦИИ КОНТИНГЕНТА С ОСВОБОЖДЁННОЙ ТЕРРИТОРИИ

№ 4680/2

Совершенно секретно
21 сентября 1943 г.

Начальнику Управления контрразведки «Смерш»
Центрального фронта
генерал-майору тов. Вадис

За период активных наступательных действий частей нашей армии для более эффективной работы по фильтрации поступающего на сборно-пересыльный пункт контингента с освобождённой территории нами создавались оперативные группы из числа оперработников армейского аппарата и аппаратов отделов контрразведки корпусов. Кроме этого к работе по фильтрации привлекалось и следственное отделение армейского аппарата.

Оперативные группы корпусов действуют на территории, освобождённой частями подчинённых им дивизий. Одна оперативная группа под руководством зам начальника отдела подполковника тов. Сидоренкова[26] действовала при занятии г. Кромы Орловской области и одна оперативная группа находится на армейском сборно-пересыльном пункте.

Всего за время наступательных операций с 15 июля по 20 сентября 1943 г. профильтровано 7911 человек. Из них:

1. Выявлено и привлечено к уголовной ответственности органами «Смерш» 126 человек антисоветского элемента.

2. Передан в военную прокуратуру для привлечения к ответственности 51 человек.

3. Направлено в терорганы НКГБ 267 человек.

4. Направлено через 161-й зсп на пополнение частей армии 5452 человека.

5. Направлено в призывные комиссии 2045 человек.

Содержится на пересыльном пункте на 20 сентября 1943 г. 427 человек.

Из числа профильтрованных выявлено:

1. Агентуры противника (гестапо) – 8 человек.
2. Урядников – 3 человека.
3. Старшин волостей – 3 человека.
4. Старост – 97 человек.
5. Полицейских – 194 человека.
6. Солдат «Народной стражи» – 73 человека.
7. Командного состава «Народной стражи» – 5 человек.

О наиболее характерных фактах, которые были вскрыты в процессе фильтрации, мы подробно отразили в нашей докладной от 22 августа 1943 г. За № 4192/2 и за № 4433/2 от 3 сентября.

За истекшее время при фильтрации вскрыт ряд предателей, [среди] которых к [числу] наиболее заслуживающих внимания относятся следующие:

Толкачёв Егор Сергеевич[27], 1887 г.р., уроженец дер. Деньгубовка Дубровского района Орловской области, житель дер. Воскресенской Кромского района Орловской области, из крестьян-середняков, служащий, русский, грамотный, б/п, женат, ранее не судим. Во время оккупации Кромского района немецкими войсками Толкачёв работал лесником Кромского лесничества. Наряду с производственными вопросами он ставил перед лесниками задачу выявления партизан и других подозрительных лиц. Толкачёв был вызван в немецкую жандармерию г. Кромы и одним из офицеров последней был завербован для выявления партизан и других подозрительных лиц. Выполняя задание жандармского офицера, Толкачёв в мае 1943 г. выдал немецким властям одного советского парашютиста, который ночью просился к нему в дом, последнего в дом не пустил, а побежал в дер. Воскресенское и сообщил об этом старосте Петровичеву Якову Петровичу, после чего вызвали немецких солдат, которыми парашютист был задержан. Толкачёв военным трибуналом 13-й армии осуждён к 10 годам ИТЛ с поражением в правах на 5 лет.

Крупенин Василий Кузьмич[28], 1917 г.р., уроженец и житель дер. Маслово Сосковского района Орловской области, русский, б/п, образование 5 классов, из крестьян-середняков, женат, судим в 1935 г. по ст. 116 УК РСФСР на 5 лет ИТЛ, срок наказания отбыл, бывш. красноармеец, танкист-водитель 116-й танковой дивизии.

В сентябре 1941 г., находясь в отпуске в дер. Маслово Сосковского района, Крупенин при наступлении немецких войск не захотел отходить

вместе с частями Красной армии, а остался проживать вместе с семьёй на занятой немцами территории. В ноябре 1942 г. Крупенин добровольно поступил на службу в немецкую полицию в качестве полицейского, затем в январе 1943 г. за хорошую службу был выдвинут на должность заместителя начальника отряда по борьбе с партизанами.

Работая полицейским и заместителем начальника отряда по борьбе с партизанами, Крупенин насильно, угрожая расстрелом, мобилизовал молодёжь на службу в немецкую полицию и неоднократно со своим отрядом, вооружённый винтовкой, ходил на облаву партизан в Дмитриевский и Брянский леса, а также населённые пункты Сосковского района. Задерживал и направлял в Сосковскую районную полицию военнопленных, бежавших из немецких лагерей, грабил население и угрожал расстрелом лицам, которые состояли в рядах ВКП(б). Крупенин Василий Кузьмич военным трибуналом 13-й армии осуждён к 10 годам ИТЛ с поражением в правах на 5 лет.

3. Келин-Шнейдер Иозеф Георгиевич, 1902 г.р., уроженец мест. Сидень, австриец, учитель, задержан 4 сентября с.г. во время прочёски населённого пункта Новне Коропского района частями 322-й сд и доставлен к уполномоченному ОКР «Смерш» 322-й сд. На допросе Келин-Шнейдер заявил, что он в ночь с 22 на 23 августа 1941 г. вместе с группой в составе 11 человек был сброшен с самолёта в районе ...* для подрывной работы в тылу у немцев. Во время приземления он своих товарищей не нашёл, после этого остался проживать на оккупированной территории под фамилией Келин, а настоящая его фамилия Шнейдер. В конце 1941 г. он прибыл в г. Короп. В декабря 1941 г. по апрель 1942 г. преподавал в школах немецкий язык. С апреля 1942 г. по ноябрь 1942 г. работал переводчиком полевой жандармерии. Следствие ведём в направлении вскрытия его причастности к немецкой разведке.

4. Астахов Евграф Еремеевич[29], 1891 г.р., уроженец дер. Мартьяново Сосковского района Орловской области, русский, бывш. кулак, образование 4 класса, по профессии счетовод, б/п, не судим, служил в бывш. царской армии с 1915 по 1917 г. рядовым, женат, семья состоит из трёх человек. Проживая на оккупированной немцами территории, Астахов с января 1942 г. до освобождения Сосковского района, т.е. до августа 1943 г. являлся старшиной Ефимовской волости. В своей практической деятельности как старшина Астахов совместно с немцами принимал активное участие в ограблении мирных жителей, особенно, активистов и коммунистов. Выполняя указания немецких властей, Астахов проводил насильственную отправку в Германию. По его указанию, а также самим лично отправлено в Германию до 500 человек молодёжи. В феврале–марте 1943 г. Астахов выдал немцам больше 10 коммунистов, часть из которых впоследствии была расстреляна и часть отправлена в Германию.

Астахов Евграф Еремеевич военным трибуналом 13-й армии 31 августа 1943 г. осуждён к ВМН. Приговор приведен в исполнение.

Кроме того, в процессе фильтрации вскрыта группа в количестве 9 человек, бывш. военнослужащих Красной армии, которые будучи в плену, в октябре 1942 г. добровольно поступили на службу в немецкую армию, в так называемый «Грузинский легион», в качестве солдат, в составе которого с оружием в руках участвовали в борьбе против советских партизан в Брянском лесу, охраняли немецкие склады, военнопленных Красной армии и насильственным путём эвакуировали население из прифронтовой полосы в немецкий тыл. Кроме этого, все они, поступая на службу в немецкую армию, приняли присягу на верность службе в германской армии и гитлеровскому правительству в борьбе против большевиков, а также получали зарплату за каждый месяц службы – 37,5 марок, питание и обмундирование наравне с немецкими солдатами. Вся эта группа бывш. военнослужащих военным трибуналом 13-й армии 31 августа 1943 г. приговорена к 10 годам ИТЛ с последующим поражением в правах на 5 лет каждый.

Начальник ОКР «Смерш» 13-й армии
полковник Александров

Врио начальника 2-го отделения ОКР «Смерш»
капитан Жердев

ЦА ФСБ России. Ф. 41. Оп. 69. Д. 231. Л. 185–186 об. Заверенная копия. Машинопись.

* Пропуск в документе.

№ 11.
СПЕЦСООБЩЕНИЕ ОКР «СМЕРШ»38-Й АРМИИ О РАЗОБЛАЧЕНИИ ГРУППЫ КАРАТЕЛЕЙ

№ 00624451/3
В дополнение к №2674/ш от 30 сентября 1943 г.

Совершенно секретно
Октябрь 1943 г.

Начальнику Управления контрразведки «Смерш»
Воронежского фронта генерал-майору тов. Осетрову

При освобождении г. Прилуки 19 сентября 1943 г. в части 340-й Сумской сд влилась группа партизан численностью 126 человек во главе с командиром Федоренко Г.П. Заместитель командира партизанской группы – Карпенко Григорий Артёмович, на допросе показал, что к партизанскому отряду Федоренко в сентябре с.г. присоединилась группа

численностью 50 человек во главе с бывш. полковником Красной армии Фирсовым[30], которая в г. Ромны являлась карательным отрядом гестапо по борьбе с партизанами. Фирсов, явившись в штаб 340-й Сумской сд, отрекомендовал себя командиром всего партизанского отряда, влившегося в части дивизии, и все действия последнего приписал себе, после чего пытался выехать с докладом в штаб армии, чем хотел скрыть свою активную борьбу против советской власти.

Для предварительного расследования деятельности группы Фирсова отделом контрразведки НКО «Смерш» 38-й армии была создана оперативная группа под руководством начальника отдела «Смерш» 340-й Сумской сд майора тов. Пенкина.

Из состава карательного отряда отделом были задержаны: Фирсов Иван Александрович, Сазонов Иван Антонович, Фенев Иван Павлович, Кедров Иван Дмитриевич, Цыбульский Александр Николаевич, Куролесов Семён Игнатьевич, Калаушин Михаил Дмитриевич, Кириллов Константин Фёдорович, Михалюк Иван Емельянович, Серков Матвей Алексеевич[31], Шкрябин Георгий Сидорович и Самарская Клавдия Елизаровна[32].

В процессе предварительного расследования установлено. В октябре 1941 г. в г. Кременчуг по заданию помощника коменданта полевой комендатуры капитана Гефер Фирсовым был сформирован при полевой комендатуре отряд военной полиции из 150–160 человек, который был подобран из военнопленных преимущественно украинцев и лиц, изменивших Родине, а также ранее репрессированных советской властью. После сформирования командиром этого отряда был назначен бывш. штабс-капитан деникинской армии Салюта, его заместителем – Фирсов.

Пробыв в этой должности до 17 декабря 1941 г., Фирсов вместе с полевой комендатурой из г. Кременчуг выехал в г. Миргород Полтавской области, а сформированный отряд под руководством Салюта остался в г. Кременчуг. По прибытии в г. Миргород полевой комендатурой Фирсову снова было предложено сформировать отряд военной полиции который им был сформирован к половине января 1942 г. под названием «ГИВА», а затем «ОД»*. Командиром этого отряда был назначен Фирсов, зам. командира – Фенев, командирами взводов – Сазонов и Цыбульский. Личный состав отряда «ГИВА» и «ОД» состоял также из военнопленных, в основном, из украинцев, лиц, добровольно перешедших на сторону противника и ранее репрессированных органами советской власти. При вступлении в отряд от поступавших фельдкомендатурой отбирались подписки на верность службы в пользу немецких властей.

Созданный отряд «ГИВА» и «ОД» при фельдкомендатуре обеспечивал охрану объектов города, ж.-д. и деревянных мостов, лагерей военнопленных, граждан, мобилизованных для отправки в Германию, патрулирование по ж.-д. полотну, а также вёл борьбу с партизанским

движением, выполняя функции карательного отряда. Все задержанные участники отряда Фирсова на первичных допросах пытались скрыть свою деятельность в пользу немецко-фашистских властей, давая ложные неправдоподобные показания. В ходе расследования установлено, что Фирсов дал направление всем участникам отряда, как нужно давать показания в случае допроса органами контрразведки.

Фирсов Иван Александрович, с его слов, бывш. полковник Красной армии, будучи командиром 14-го отдельного танкового полка 15-й Сивашской мотодивизии 2-го танкового корпуса 9-й армии, а позднее 16-й армии Юго-Западного фронта, во время боевых действий в июне 1941 г. в районе г. Первомайска попал в плен к немцам, откуда был направлен в лагерь военнопленных в г. Умань. При этапировании в районе Терновки бежал. Переодевшись в гражданскую одежду, пытался пройти линию фронта и присоединиться к частям Красной армии, но в одной из деревень старостой села был задержан и направлен в одну из немецких воинских частей, где находился до октября 1941 г. и работал на кухне. В последних числах октября 1941 г. из этой части он был направлен в г. Кременчуг и сдан в полевую жандармерию при полевой комендатуре. Находясь в комендатуре, был допрошен помощником коменданта капитаном Гефер, которому на допросе показал, что он – Курдюков Николай Иванович, бывш. офицер царской армии, окончил Оренбургскую школу прапорщиков, отец его – бывш. пристав, а дедушка – архиерей. До 1938 г. служил в Красной армии, а с 1938 г. по настоящее время сидел в тюрьме как политический преступник, участник военного заговора Тухачевского.

Будучи допрошен, Фирсов показал: «На допросе пом. коменданта капитан Гефер предложил мне сформировать при комендатуре отряд численностью в 150–160 человек, который мною и был создан. На обязанности этого отряда возлагалось обеспечить охрану ряда объектов города: маслозавод, мясокомбинат, махорочную фабрику и другие предприятия. На это предложение я дал своё согласие и приступил к формированию отряда».

После переезда фельдкомендатуры в г. Миргород в январе 1942 г. Фирсовым был создан второй отряд, о задачах которого он показал: «С приездом в г. Миргород мне предложили снова сформировать такой же отряд и с теми же задачами по охране ж.-д. моста через реку Хорол, маслозавода, кожзавода и патрулирование по полотну ж.д. Кроме того, дополнительно к этим задачам входило: сбор военнопленных путём выезда в населённые пункты».

В июне 1942 г. фельдкомендатура переехала на ст. Кшень, где наряду с охраной промышленных объектов выполняла функции карательного отряда по борьбе с партизанами. По этому вопросу Фирсов сообщил: «В сентябре 1942 г. в комендатуру поступили сведения о том, что

в одном из сёл – Бобровка или Бобрик, точно не помню, которое расположено около ст. Горшечное, имеется партизанский отряд. Для разгрома этого отряда работниками жандармерии и капитаном Пац была организована большая группа, в которую входили две воинские части, так называемая «Казацкая сотня» и моя группа вместе со мной. С приездом туда, село было оцеплено и обыскана тщательно каждая хата. Собрали всех мужчин на край села. Пац спросил, кто их них партизан и у кого из них имеется оружие, но ни одного ответа от них не последовало, тогда Пац с краю отсчитал 33 человека и приказал их расстрелять».

Наиболее активное участие отряда «ГИВА» и «ОД» относится к карательным операциям в Роменском округе. Допрошенный Фирсов показывает: «Помимо этой операции, я и мой отряд были ещё на трёх подобных операциях по разгрому партизанских отрядов. Это было в тот период, когда фельдкомендатура стояла в г. Ромны. Мы действовали не самостоятельно своим отрядом, а во всех случаях входили в большие группы жандармерии, полиции и воинских частей.

В конце мая 1942 г. под командованием фельдкомендатуры (Оберс Битнер – комендант). Кроме моего отряда в группу входили отряд Роменской ордкомендатуры, бахбатальон, вся полиция Лохвицкого района, немецкая рота тяжёлого оружия, вооружённая миномётами и крупнокалиберными пулемётами, и одна батарея. В задачу этой группы входило произвести облаву леса «Лахтур» Лохвицкого района, результатов этой облавы не было. Такая же операция была организована в июле 1943 г. В задачу группы входило произвести облаву леса между г. Ромны и г. Грайворон. Операцией руководил лейтенант полевой жандармерии Ласум. Я и мой отряд в этой операции принимали участие, положительных результатов так же не имелось. Кроме того, по борьбе с партизанскими отрядами было ещё три выезда, в которых принимал участие мой отряд. Во время этих выездов моим заместителем Феневым были задержаны две женщины, которые были переданы в Сребнянскую жандармерию. Судьба последних мне неизвестна».

Особенно зверская операция, в которой принимал участие отряд Фирсова, была в апреле 1943 г. в Озерянах Черниговской области. Об этом сам Фирсов показывает: «Наиболее зверской операцией была операция в апреле с.г. в с. Озеряны Черниговской области, где было расстреляно и зверски замучено 200–300 человек мирного населения – мужчин, женщин и детей. В этой операции принимал участие и мой отряд, вместе с моим заместителем Феневым Иваном Павловичем».

Показаниями солдат отряда Фирсова установлено, что в Озерянских зверствах принимал участие карательный отряд известного Батюты, совместно с которым была группа отряда «ОД» под руководством заместителя Фирсова – Фенева Ивана Павловича. Допрошенный Кириллов Константин Фёдорович показал: «С февраля 1943 г. по август

1943 г. нашим отрядом было сделано 9 выездов по выявлению партизан в Роменском округе. В с. Озеряны под руководством Батюты было сожжено и расстреляно около 300 человек мирных жителей. В этой операции принимал участие и наш отряд вместе с Феневым».

Об этом сам Фенев показывал: «Будучи в г. Ромны, я принимал участие в облавах против партизан несколько раз. Первый раз я выезжал весной 1943 г. в с. Озеряны совместно с Роменской комендатурой и отрядом Батюты «Казацкая сотня». При этой операции было расстреляно, сожжено и замучено 25—300 человек. Кроме того, сожжено много домов».

После Озерянской и других операций участники группы отряда Фирсова и батютовцы получили награды от немецкого правительства. Ездовой отряда «ГИВА» и «ОД» Серков Матвей Алексеевич на допросе показал: «В начале 1943 г. от нашего отряда выезжала группа в количестве 15 человек совместно с карательным отрядом Батюты для ликвидации партизан в с. Озеряны. После этой операции многих батютовцев наградили. Вместе с ними были награждены из нашего отряда Байдин, Сазонов, Куралесов, Попов и другие, фамилии которых не помню».

За 1942 г. участники отряда «ГИВА» и «ОД» за операции по борьбе с партизанами получили по несколько наград. Участник отряда Кириллов Константин Фёдорович показал: «На ст. Кшень Курской области в ноябре или в начале декабря 1942 г. были вручены ордена Фирсову и всем членам отряда, поступившим на службу в январе 1942 г. Коме того, Фирсов награждался «Остмедалью». При вручении орденов комендант, выступая, говорил, что этими орденами награждает сам фюрер Адольф Гитлер за хорошую и добросовестную службу в пользу Германии.

В г. Ромны примерно в июне 1943 г. были награждены командир взвода Сазонов солдаты Попов Василий, Кадаушин Михаил, Попов Данил, командиры отделений Федорчук Леонид, Куролесов Семён, командир взвода Цыбульский Александр». О том, что Фирсов немцами дважды награждён орденами – не отрицает.

Предварительным следствием по делу карателей также устанавливается, что личный состав, особенно стоявший у руководства отряда «ГИВА» – «ОД», будучи враждебно настроенным к советской власти, высказывал контрреволюционные пораженческие взгляды по отношению к СССР, восхвалял германский строй и армию. В этом отличился заместитель начальника отряда Фенев Иван Павлович, который происходит из чуждой среды, отец, братья и дядя в своё время были репрессированы органами советской власти как офицеры белой армии.

Сам Фирсов показал, что в кругу командного состава велись разговоры на политические темы, где высказывались пораженческие взгляды: «Летом 1942 г., когда немецкие войска подошли к Сталинграду, у меня с Цыбульским состоялся разговор о том, что Сталинград второй раз в истории подвергается опасности.

По этому вопросу Фенев сказал: "В этой войне Сталинград не выдержит силы немецкой армии, исход войны можно считать предрешённым. Война Красной армией уже проиграна, с падением Сталинграда последует полное разложение, а затем поражение Красной армии и свержение советской власти".

Говоря о причинах этого, Фенев доказывал: "Ввиду неправильной политики партии и правительства Красная армия терпит поражение за поражением, годы коллективизации и борьба с кулачеством, а также массовые репрессии настолько озлобили народы Советского Союза, что изолирована была всякая почва для патриотизма, особенно в Красной армии". Подобные антисоветские высказывания со стороны Фенева проводились систематически, и его всегда поддерживал командир взвода Цыбульский».

В результате предварительного расследования нами оформляется материал на арест на следующих:

1. Фирсова Ивана Александровича, 1897 г.р., уроженца Ярославской области, Переяславского района, с. Любимцево, из крестьян-бедняков, русского, образование среднее, бывш. члена ВКП(б), не судимого.

2. Фенева Ивана Павловича 1910 г.р., уроженца Орджоникидзевского края, Черкесской автономной области, г. Черкесск, из крестьян-середняков, русского, бывш. члена ВЛКСМ, не судимого.

3. Сазонова Ивана Антоновича, 1913 г.р., уроженца Орджоникидзевского края, с. Александровка, из рабочих, русского, образование 4 класса, бывш. члена ВКП(б).

4. Цыбульского Александра Николаевича, 1905 г.р., уроженца Орджоникидзевского края, Либкнехтского района, дер. Ивановка, из крестьян-середняков, русского, б/п, судимого.

5. Кириллова Константина Фёдоровича, 1915 г.р., уроженца ст. Прочно Окопская Армавирского района Краснодарского края, русского, бывш. члена ВЛКСМ, образование незаконченное среднее.

6. Куралесова Семёна Игнатовича, 1906 г.р., уроженца г. Армавир Краснодарского края, из крестьян-середняков, русского, б/п, образование 3 класса.

7. Шкрябина Григория Сидоровича.

Все остальные участники отряда Фирсова нами направляются на пересыльный пункт с последующим их направлением в спецлагеря НКВД.

Начальник ОКР «Смерш» 38-й армии
подполковник Москаленко[33]

ЦА ФСБ России. Ф. 41. Оп. 100. Д. 464. Л. 17–23. Заверенная копия. Машинопись.

* «ОД» (от нем. «Ordnungsdienst»).

№ 12.
СПЕЦСООБЩЕНИЕ УКР «СМЕРШ» ВОРОНЕЖСКОГО ФРОНТА О ПОДРОСТКАХ – АГЕНТАХ-ДИВЕРСАНТАХ РАЗВЕДКИ ПРОТИВНИКА

№ 9362/со

Совершенно секретно
4 октября 1943 г.

Военному совету Воронежского фронта

В ночь с 31 августа на 1 сентября 1943 г. в районе г. Обоянь Курской области германской разведкой были сброшены 2 подростка-парашютиста с диверсионным заданием:

1. Румянцев Валентин Александрович, 1930 г.р., уроженец дер. Тростино Ржевского района Калининской области, из семьи крестьянина-колхозника, русский, окончил 2 класса начальной школы, мать умерла в 1942 г., отец в Красной армии с 1941 г.

2. Гуров Павел Степанович, 1928 г.р., уроженец г. Медвежьегорска Карело-Финской ССР, из семьи рабочего, русский, родители умерли, воспитанник детдома.

Следствием по данному делу установлено, что Румянцев и Гуров, проживая в г. Смоленске и находясь на воспитании в детдоме, в августе 1943 г. были мобилизованы немцами и зачислены в Смоленскую школу агентов-диверсантов, находившуюся в с. Малая Дросня, в 5 км от Смоленска.

Пройдя специальную подготовку в течение одного месяца, Румянцев и Гуров в составе всей школы, в количестве 30 человек агентов-подростков, были направлены в г. Кассель (Германия), где все слушатели прошли практический курс прыжков с парашютом, после чего в конце августа с.г. они были направлены на аэродром вблизи г. Орша, откуда и переброшены с диверсионным заданием в тыл частей Красной армии.

За время с 28 августа по 1 сентября 1943 г. была осуществлена переброска всех агентов-подростков тремя группами по 10 человек. Перед переброской все агенты-диверсанты, в том числе Румянцев и Гуров, получили по 2–3 куска взрывчатого вещества, по цвету и форме [в виде] каменного угля, которые они должны были после приземления подбросить на любой ж.-д. станции в общую массу каменного угля, предназначенного для снабжения паровозов, и тем самым произвести взрыв последних. Кроме того, Румянцев и Гуров получили специальные пропуска для возвращения на сторону противника после выполнения задания.

После приземления Гуров и Румянцев явились с повинной в 18-й отдельный стрелковый батальон внутренних войск НКВД, откуда впоследствии были переданы в Управление контрразведки «Смерш» Воронежского фронта. В отношении остальных подростков-диверсантов организован розыск.

Начальник УКР «Смерш» Воронежского фронта
генерал-майор Осетров

ЦА ФСБ России. Ф. 40. Оп. 24. Д. 2. Т. 2. Л. 470–470 об. Подлинник. Машинопись.

№ 13.
СПЕЦСООБЩЕНИЕ УКР «СМЕРШ» БРЯНСКОГО ФРОНТА О БОРЬБЕ С АГЕНТУРОЙ ПРОТИВНИКА ЗА ВРЕМЯ НАСТУПЛЕНИЯ

№ 2/1-10377

Совершенно секретно
Не позднее 10 октября 1943 г.

Командующему войсками Брянского фронта
генерал-полковнику тов. Попову

Члену Военного совета Брянского фронта
генерал-лейтенанту тов. Мехлису

Соответственно с планами летнего наступления Верховной ставки вооружённых сил Германии разведывательные и контрразведывательные органы противника, действующие против войск Брянского и Центрального фронтов, были укомплектованы опытными офицерами разведки, присланными из Берлина и Штеттина, создана сеть специальных школ, где подготовлялись квалифицированные шпионско-диверсионные кадры для проведения подрывной деятельности на ближних и дальних коммуникациях нашего фронта.

Перед органами контрразведки «Смерш» Брянского фронта стояла задача – провести действенные и целеустремлённые контрмероприятия с целью парализации деятельности военной разведки и контрразведки немцев, исключить возможность проникновения в оперативный тыл фронта агентуры противника, своевременно выявить и разоблачить вражескую агентуру, прочий контрреволюционный элемент, просочившийся в части и соединения Красной армии.

В период существования стабильной линии фронта агентурно-следственными мероприятиями, путём засылки квалифицированных разведчиков в тыл немцев, подготовленных для выполнения спецзаданий в индивидуальном порядке, анализа секретных документов захвачен-

ных штабов противника, были тщательно изучены формы и методы работы разведывательных органов Германии, выявлены каналы проникновения шпионско-диверсионных кадров на нашу сторону, установлена точная дислокация органов военной разведки и контрразведки немцев, действующих непосредственно против войск Брянского фронта, выявлен их официальный и агентурный аппарат с демографическими и характеризующими данными, установлены конспиративные квартиры, адреса, точки и объекты действия немецких разведчиков и радистов в нашем тылу. Осуществляя агентурные комбинации по зафронтовой линии, органы контрразведки «Смерш» фронта своевременно располагали данными о подготовленных для переброски в наш тыл германских разведчиков, где [они] должны действовать и с каким заданием, и производили их изъятие при появлении в расположении частей Красной армии.

В результате за период наступательных операций войск Брянского фронта, реализуя имеющиеся материалы о деятельности военной разведки и контрразведки немцев, осуществляя в ходе боёв необходимые агентурно-оперативные мероприятия, действиями оперативных групп на сборно-пересыльных пунктах, в которых, с учётом методов работы разведки противника, профильтровано 11 967 человек, и в г. Мценск, Орёл, Карачев, Жиздра, Брянск, Бежица и других населённых пунктах органами контрразведки «Смерш» Брянского фронта на территории, освобождённой от немецко-фашистских захватчиков, не допущено проникновение в действующие части, в тылы нашего фронта и изъято:

агентов военной разведки противника	81	чел.
диверсантов	12	чел.
агентов гестапо, полевой полиции и жандармерии	103	чел.
солдат «Русской освободительной армии»	1438	чел.
изменников Родине	913	чел.
предателей и пособников немцам	406	чел.
Всего	2953	чел.

Учитывая возможность проникновения немецкой агентуры в действующие части, агентурно-оперативная работа в войсках Брянского фронта была направлена к обеспечению боевых наступательных действий, выявлению и изъятию из частей и подразделений просочившейся агентуры германской разведки и контрреволюционного элемента. В результате этой работы за этот же период времени изъято: шпионов – 15, террористов – 3, изменников Родине – 103; всего – 121 человек.

В период подготовки к наступлениям немецко-фашистских армий и развернувшихся боевых операций против войск Брянского фронта в широких масштабах действовала военная разведка и контрразведка

средней армейской группировки противника, условно именуемая «Сатурн», руководимая соответствующими отделами штаба главной квартиры фюрера на Восточном фронте. Непосредственную подготовку и переправку квалифицированных шпионско-диверсионных кадров в расположение частей и соединений Брянского фронта осуществляли:

Специальная военно-разведывательная группа «Виддер», руководимая Фурманом, а позднее – капитаном немецкой армии Доллер, присланным Верховной ставкой из Берлина, до этого проводившего подрывную работу против Англии, Турции и др. Разведгруппа «Виддер», кроме индивидуальной подготовки разведчиков, имела школу радистов и разведчиков-ходоков, где одновременно обучалось до 100 агентов.

Борисовская разведывательная школа, условно именуемая «Южный лагерь», дислоцируется в г. Ново-Борисов, подготавливает разведчиков и радистов, имеет мощную радиостанцию для связи с Верховной ставкой и агентурой, переброшенной в наш тыл.

Орловская и Смоленская диверсионные школы перебрасывали и продолжают перебрасывать небольшие диверсионные группы на нашу сторону, снабжая взрывчатыми и зажигательными веществами, замаскированными в противогазных коробках, флягах, консервных банках, расфасованных под видом «Суп-пюре», «Каша гречневая», имитированных под каменный уголь.

Диверсионная школа агентов-подростков, дислоцируемая в Германии в г. Кассель, перебрасывает в наш тыл диверсантов-подростков с взрывчатыми веществами, легендируя их под видом эвакуированных и беспризорников.

Разведпункт «Вега» дислоцировался в г. Жиздра, содержит опытную проверенную агентуру, неоднократно выполнявшую задания немцев в тылу Советского Союза.

Филиал высшей Варшавской разведывательной школы дислоцируется в мест. Слаута УССР, выбрасывает на парашютах в наш тыл агентов-радистов с портативными радиостанциями, преимущественно типа «Север», снабжая специальными шифрами.

Военная разведка Германии, засылая агентуру в оперативный тыл советских войск, в ходе боевых операций настойчиво пыталась добыть [следующие] сведения:

1. Время и направление главных ударов наступления отдельных армий Брянского фронта.

2. Основные магистрали, питающие действующие войска техникой, боеприпасами, людскими резервами и продовольствием.

3. Точная дислокация штабов и учреждений крупных воинских соединений.

4. Участки сосредоточения мотобронетанковых сил на ближних и дальних коммуникациях фронта, насыщенность переднего края войсками и техникой.

5. Проникновение в действующие армии для разложенческой деятельности, создания изменнических и террористических групп.

Одновременно с этим немцы давали указания агентуре о совершении террористических актов над командным и политическим составом Красной армии и совершения диверсий на важнейших ж.-д. магистралях и объектах военной промышленности.

Основной контингент военной разведки противника вербуется из числа военнопленных, бывш. военнослужащих Красной армии, при переброске экипируется в форму рядового и командного состава РККА, снабжается фиктивными документами с подписями и печатями штабов и учреждений советских войск, для большей маскировки имеют при себе ордена и медали, установленные в Советском Союзе, и, соответственно, удостоверения на право их ношения.

Военные разведчики имеют при себе документы: удостоверение личности, расчётные и вещевые книжки, командировочные предписания, аттестаты, свидетельства об освобождении от службы в РККА, справки эвакогоспиталей, воинские требования на проезд по ж.д. и др., легендируются как отставшие от своих подразделений, следующие в служебные командировки, бежавшие из плена немцев, под видом партизан, якобы действующих в тылу противника.

Разведывательные органы противника также широко практикуют перевербовку и переброску на нашу сторону разведчиков и резидентов разведотдела фронта и армий.

Проведенными эффективными агентурно-оперативными мероприятиями в оперативном тылу фронта и в тылу противника по зафронтовой линии основная кадровая агентура военной разведки немцев арестована до осуществления какой-либо практической подрывной деятельности в расположении частей Красной армии.

Военно-разведывательной группой «Виддер» 28 августа с.г. в форме капитана ВВС РККА с орденом Красной Звезды, с документами от имени ОМСБОН НКВД СССР, был выброшен на парашюте в районе ст. Змиёвка квалифицированный разведчик Сержантов Александр Матвеевич, 1919 г.р., уроженец г. Запорожье, русский, бывш. член ВКП(б), образование высшее, ст. лейтенант, бывш. командир разведывательной роты штаба 135-й сд. Участвуя в операции по захвату контрольного пленного, 4 августа с.г. был взят немцами в плен, доставлен в г. Бежица, где содержался в камере смертников вместе с группой партизан. Офицер немецкой разведки в целях привлечения Сержантова для работы в пользу органов военной разведки Германии в его присутствии расстрелял двух партизан, после чего завербовал и подготовив в индивидуальном порядке на конспиративной квартире, перебросил на нашу сторону с заданием установить основные магистрали, питающие техникой, боеприпасами и людскими резервами войска Брянского фронта, при возможности

проникнуть в Главное управление кадров РККА и установить, в какие резервные офицерские полки больше поступает командного состава. Возвратиться на сторону противника после выполнения задания Сержантов должен на самолёте, который приземлится для его приёма северо-западнее дер. Степная Свердловского района Орловской области. В случае отсутствия самолёта продвигаться к линии фронта для перехода её пешим порядком посредством устного пароля.

Переброшенные разведпунктом «Вега» в форме офицерского состава Красной армии в июле–августе с.г. квалифицированные разведчики, закончившие Катынскую школу, награждённые немцами за выполнение заданий на южном участке фронта медалями на голубых лентах, Куклин Афанасий Михайлович[34], Козлов Василий Владимирович и Жеребков Виталий Петрович[35], бывш. военнослужащие 29-й армии, имели задания установить готовность 50-й армии к наступательным операциям, время и направление основного удара и сосредоточение войск и техники на стыках 50-й и 10-й армий.

В августе с.г. в районе Брянска переправлены кадровые агенты с портативной радиостанцией типа «Север» окончившие Борисовскую разведывательную школу Лубенников Иван Трофимович[36], 1921 г.р., уроженец Русско-Бродского района, Орловской области, русский, б/п, образование среднее, из крестьян-середняков, бывш. сержант 30-го сп 144-й сд; Мелешко Евгения Павловна[37], 1921 г.р., уроженка г. Гомель, русская, бывш. член ВЛКСМ, образование среднее, из рабочих, по профессии педагог. Находясь в Борисовской школе, прошли полный курс обучения по следующим дисциплинам:

1. Организация и комплектование частей Красной армии.
2. Военная и агентурная разведка.
3. Топография.
4. Тактические занятия на местности.
5. Изучение вооружения, установленного в РККА.
6. Парашютное дело.
7. Работа на портативных радиостанциях.
8. Изучение шифров и секретных кодов.

После обучения методам сбора военно-разведывательных данных и работе на рации от начальника школы полковника Херлиц получили задание – добыть сведения о точном расквартировании штабов и учреждений Красной армии в г. Орле и его окрестностях, полученные сведения специальным шифром радировать штабу разведки противника. Переброшены в форме среднего командного состава для беспрепятственного проникновения в глубину нашей обороны и объекта своего действия, снабжены германской разведкой двумя комплектами фиктивных документов за подписями и печатями управления 73-й сд,

471-го сп и 705-го зсп. На случай задержания при переходе линии фронта Лубенников должен представиться лейтенантом, командиром стрелкового взвода, предъявить удостоверение личности и командировочное предписание о следовании в 705-й зсп для получения пополнения. Мелешко должна действовать как младший лейтенант медицинской службы 471-го сп, якобы командируемой в распоряжение командира 73-й сд для прохождения дальнейшей службы. При проверке документов в г. Орле Лубенников должен предъявить командировочное предписание о следовании в 70-й зсп, Мелешко – командировочное удостоверение о направлении в санотдел 48-й армии для получения медикаментов. В целях маскировки снабжены разведкой противника медалями «За отвагу» и временными удостоверениями на право их ношения, имели при себе денежную сумму в 100 тысяч рублей советскими знаками.

Агенты арестованы.

Оперативным путём вскрыт и разоблачён агент-радист, окончивший Слаутскую школу разведки противника Денищенко Николай Родионович, 1917 г.р., уроженец Смоленской области, русский, бывш. кандидат в члены ВКП(б), образование среднее, ранее служил командиром взвода 14-й отдельной стрелковой бригады. Денищенко явился в отдел кадров 61-й армии, предъявил документы и справку эвакогоспиталя о нахождении на излечении после полученного ранения на фронте и просил направить его в одну из действующих частей Красной армии. Не имея официального направления отдела укомплектования, Денищенко был доставлен в отдел контрразведки «Смерш», где после запирательства сознался, что является агентом-радистом разведывательных органов Германии.

Находясь на службе в 14-й отдельной стрелковой бригаде, действовавшей в районе Днепропетровска, был взят немцами в плен, затем обработан офицером немецкой разведки и зачислен в Слаутскую школу, являвшуюся филиалом высшей Варшавской разведывательной школы. В школе прошёл полный курс обучения по работе на портативных радиостанциях, военной разведке, кроме того, прослушал лекции:

1. Методы работы органов НКВД и агентурная разведка.
(Лекции читает бывш. советский генерал-майор Рудаев).
2. Организация и строевые порядки Красной армии и видов оружия.
3. История советского государства.
4. Физкультура

В августе с.г. выброшен на парашюте в районе ст. Заречье Тульской области с портативной радиостанцией типа «Север», смонтированной в чемодане, с заданием радировать центру Варшавской школы о передвижении войск по автотрассе Москва–Тула–Орёл. Переброшен в форме лейтенанта РККА, имел при себе 60 тысяч рублей советскими знаками. Денищенко арестован, радиостанция с имеющимися шифрами изъята.

Принятыми разыскными мероприятиями 13 сентября с.г. в г. Людиново были задержаны агенты-парашютисты Борисовской школы: Сычёв Филипп Кузьмич[38], 1905 г.р., уроженец Смоленской области, русский, б/п, в Красной армии не служил; Василевич Николай Васильевич[39], 1914 г.р., уроженец Чкаловской области, русский, б/п, бывш. красноармеец 290-го сп 29-й армии. Будучи враждебно настроенными по отношению к советской власти, изъявили офицеру германской разведки согласие проводить шпионскую деятельность в тылу частей Красной армии. При переброске на нашу сторону Сычёв был экипирован в форму капитана РККА, снабжён документами на имя гвардии капитана Синицина, командира танковой роты 29-го отдельного гвардейского танкового полка прорыва, Василевич имел документы на имя гвардии капитана, заместителя командира 20-й роты танков КВ этого же полка. Легендированы и, соответственно, обеспечены командировочными предписаниями о следовании якобы в 27-ю подвижную ремонтную базу для сдачи в ремонт танков, для маскировки имели при себе фиктивные партийные билеты, гвардейские значки, медали «За отвагу» и «За боевые заслуги». Действуя по заданию разведки противника, должны были собрать сведения о частях, командном составе и вооружении 3-й и 11-й Гвардейской армий.

Орловская и Смоленская диверсионные школы противника, забрасывая в оперативный тыл фронта диверсионные группы с заданием взрыва ж.-д. полотна на участках Тула–Плавск–Горбачи–Белёв, район г. Орла, пытаясь сорвать своевременное обеспечение наступающих войск техникой, боеприпасами, людскими резервами и продовольствием. В июле с.г. при попытке подорвать ж.-д. полотно на участке Белёв –ст. Манаенки, оперативно-подвижной группой органов контрразведки «Смерш» были задержаны диверсанты-парашютисты: Гнездилов Николай Иванович[40], 1914 г.р., уроженец Курской области, русский, б/п, неграмотный, бывш. красноармеец 132-й сд 13-й армии; Некрасов Василий Петрович[41], 1917 г.р., уроженец Алтайского края, русский, б/п, образование низшее, бывш. красноармеец 21-го сп 48-й сд. Находясь в Смоленской диверсионной школе, прошли полный курс обучения методам совершения диверсионных актов и прослушали дисциплины:

1. Теория подрывного дела:
   а) знакомство с ВВ;
   б) расчёты на подрыв;
   в) производство взрыва;
   г) зажигательные средства.
2. Применение и действие магнитных мин.
3. Тактическая и стрелковая подготовка.
4. Топография.

5. Парашютное дело.

6. Практические занятия по подрыву ж.-д. полотна и мостовых сооружений, действия магнитных мин и зажигательных приборов.

Переброшены в конце июля с.г. в форме военнослужащих Красной армии в звании сержантов, имели фиктивные красноармейские книжки на вымышленные фамилии и командировочное предписание о следовании в 135-й обс для получения спецгруза. Снабжены германской разведкой взрывчатыми веществами, находящимися в коробках противогазов в количестве 14 кг и расфасованными под видом концентратов «Суп-пюре гороховый», зажигательными средствами, электрозапалами, бикфордовым шнуром и капсюлями, получили задание по взрыву ж.-д. полотна в районе Белёва.

С аналогичным заданием подрыва ж.-д. полотна на участке Плавск–Горбачёво были переброшены агенты-диверсанты Орловской диверсионной школы Мокшенинов Иван Тимофеевич и Симонов Николай Григорьевич, бывш. мл. командиры 16-й Гвардейской танковой бригады. Арестованные 6 сентября с.г. диверсанты-парашютисты Девятов Валерий Сергеевич[42] и Конов Семён Фёдорович, бывш. военнослужащие РККА, должны были совершить диверсионный акт по выводу из строя ж.-д. полотна в районе г. Орла. В последних числах сентября с.г. задержаны диверсанты-парашютисты – подростки, окончившие диверсионную школу в Германии, Кругликов Михаил, 1928 г.р., Маренков Пётр, 1930 г.р. и Осипов Пётр, 1929 г.р., имели при себе взрывчатые вещества, имитированные под каменный уголь. Легендированные разведкой противника беспризорниками, должны были действовать в районе ж.-д. станций Плавск–Орёл, забрасывая взрывчатку в тендеры паровозов. При сгорании в топке указанного «каменного угля» происходит взрыв и как следствие – крушение ж.-д. эшелона. Установлено, что указанное взрывчатое вещество было выработано в специальных лабораториях Германии по заданию Верховной ставки немцев и впервые применено на участке действия войск Брянского фронта.

На участках активных боевых операций военная разведка противника производила вербовку и обработку агентуры накоротке, непосредственно на переднем крае, с целью в ходе боёв установить насыщенность войсками и техникой наступающих частей наших войск. В июле в ходе боевых операций были взяты немцами в плен бывш. командир танка 25-го танкового корпуса Епифанкин Тихон Максимович[43] и красноармеец Филиппов Александр Арефьевич, которые в тот же день немецким офицером разведки были обработаны на переднем крае и переброшены на нашу сторону с заданием разведать передний край обороны 11-й и 11-й Гвардейской армий.

Контрразведывательными действиями вскрыты и ликвидированы три резидентуры разведывательных и контрразведывательных органов Германии. В августе с.г. в г. Орле арестована резидентура военно-разведывательной группы «Виддер», резидентом которой являлся наш агент, внедрённый нами в разведку противника для парализации деятельности указанного разведоргана. В состав резидентуры входили агент-радист Тарасенков Пётр Стефанович[44] и разведчик Добкин Иосиф Аронович[45], бывш. военнослужащие Красной армии. Резидентура имела 2 портативные радиостанции «Север», оставлена в г. Орле на нелегальном положении с заданием радировать разведке немцев сведения о дислокации штабов и воинских подразделений, прибывающих в г. Орёл. Резидентура снята, радиостанция с шифрами изъята.

Оперативными мероприятиями вскрыта и ликвидирована резидентура контрразведывательной службы, руководимая лейтенантом немецкой армии Лютце дислоцировавшаяся в Володарском районе Орловской области. В резидентуру входили агенты-маршрутники Селин Владимир Иванович, Мерцалов Михаил Борисович[46] и Кретов Пётр Семёнович, бывш. военнослужащие 5-й танковой армии; неоднократно выполняли задания по выявлению партизан, лиц, связанных с партизанскими отрядами, и советских разведчиков, действовавших в различных районах Орловской области.

В конце августа с.г. проведенными контрразведывательными мероприятиями на территории, освобождённой от немецко-фашистских захватчиков вскрыта и ликвидированы резидентуры полевой жандармерии немцев, в состав которой входили резидент Малахов Константин Егорович[47], агенты Захаров Василий Георгиевич, Гришин Пётр Иванович и Гришин Иван Васильевич. В прошлом все – бывш. военнослужащие Красной армии. Действовали на территории Орловской области по выявлению партизан, партийно-советского актива и лиц, настроенных против фашистского режима. Резидентура снята и арестована, из них Гришин И.В. казнён через повешение.

Разоблачённая агентура гестапо и других карательных органов Германии состоит в основном из местных жителей, ставших на путь предательства и измены Родине, и выходцев из враждебно-классовой среды. По материалам возвратившегося из тыла противника зафронтового агента «Альтиметрина» арестовано 13 активных агентов контрразведывательных органов противника.

Агент полевой жандармерии Корнеев Пётр Митрофанович, в прошлом судимый за бандитизм, выполнял задание охранки, выдал немцам двух советских разведчиков, ряд советских граждан, помогавших партизанским отрядам, за что был награждён бронзовой медалью военным комендантом г. Орла генерал-майором Гамман[48]. Корнеев казнён через повешение.

При отступлении немецких войск часть агентуры контрразведки противника была оставлена на оседание в оперативном тылу Красной армии с целью добычи сведений военно-разведывательного характера.

Арестованный агент гестапо Лучин Михаил Николаевич, бывш. красноармеец 287-й сд 63-й армии, добровольно перешёл на сторону немцев, использовался по выявлению партизан и партийно-советского актива. При отступлении войск противника из района г. Карачева от военного коменданта Тельченского района получил задание не эвакуироваться, будучи призванным в ряды Красной армии, добыть сведения о численности, вооружении, командном составе части, в которой будет находиться на службе, и, собрав указанные данные, пешим порядком перейти на сторону противника.

Проведёнными агентурно-следственными мероприятиями и по имеющимся оперативным разработкам разоблачена агентура разведывательных органов Германии и прочий контрреволюционный элемент, просочившийся вместе с пополнением в действующие части и соединения войск Брянского фронта.

Арестован агент германской разведки, проникший в действующую армию, Манаенко Александр Фёдорович[49], бывш. старшина медсанбата 16-й Гвардейской танковой бригады. На следствии показал, что работая в 1938 г. в г. Рыбинске на военном заводе, был завербован резидентом разведывательных органов Германии Васениным для проведения шпионской работы, которому передал сведения о количестве и характере выпускаемой заводом продукции. В марте с.г., находясь в действующей части, попал к немцам в плен, где выдал известные сведения о частях армии, сообщил о своей деятельности в пользу германской разведки и был переброшен на нашу сторону с фиктивными документами на имя красноармейца 184-го сп. Через сборно-пересыльный пункт Манаенко был зачислен в 10-ю Гвардейскую танковую бригаду, где, собрав шпионские данные и частях 1-го Гвардейского танкового корпуса, пытался во время боёв перейти на сторону немцев.

Оперативными мерами выявлен и арестован агент немецкой разведки Снегирёв Алексей Михайлович, бывш. курсант-радист отдельной роты связи. Проживая на территории, оккупированной немцами, в Верховском районе Орловской области, был завербован военной разведкой немцев, при отступлении противника оставлен с целью проникновения в части Красной армии для сбора сведений военно-разведывательного характера. Находясь в части, пытался проводить разложенческую деятельность, склоняя отдельных военнослужащих на измену Родине.

За шпионскую деятельность в пользу противника арестован бывш. сержант 17-й гмбр Ростовский Иван Алексеевич, бывш. член ВКП(б). Переброшен военной разведкой немцев с заданием проникновения в действующие подразделения для проведения разложенческой деятельности и создания изменнических групп.

Арестован агент военной разведки противника Тишкин Василий Павлович[50], бывш. ст. телефонист роты управления 29-й Гвардейской танковой бригады. В октябре 1942 г. по сговору с тремя бойцами сдался в плен немцам, выдал офицеру германской разведки известные ему данные о своей части, после чего завербован и переброшен в наш тыл с заданием создания изменнических групп и совершения во время боевых операций террористических актов над командным составом РККА. Проникнув в танковую бригаду, обрабатывал бойцов на измену Родине, пытался совершить террористический акт над командиром отделения Орешкиным.

Работу по изъятию контрреволюционного элемента продолжаем. Преследуя отступающие органы разведки и контрразведки противника, в целях парализации их деятельности и выявления оставляемой на оседание агентуры, нами за р. Днепр переброшено более 40 квалифицированных и хорошо подготовленных агентов.

Начальник УКР«Смерш» Брянского фронта
генерал-майор Железников

ЦА ФСБ России. Ф. 40. Оп. 5. Д. 352. Л. 181–192. Заверенная копия. Машинопись.

№14.
СПЕЦСООБЩЕНИЕ ОКР «СМЕРШ» 13-Й АРМИИ О ЗАДЕРЖАНИИ АГЕНТА РАЗВЕДКИ ПРОТИВНИКА

№ 6351/4

Совершенно секретно
7 ноября 1943 г.

Начальнику Управления контрразведки «Смерш»
1-го Украинского фронта
генерал-майору тов. Осетрову

В 5 час. утра 26 октября 1943 г. на участке 288-го сп 181-й сд к бойцам, находящимся на переднем крае обороны, подошёл неизвестный, шедший со стороны противника. Последний назвался Копыловым Николаем Максимовичем и заявил, что он бежал из немецкого плена. После продолжительного запирательства Копылов был изобличён во лжи рядом противоречивых показаний и разоблачён как агент немецкой разведки. Настоящая его фамилия оказалась Тимогин Николай Максимович[51], 1922 г.р., уроженец с. Ворошино Бековского района Саратовской области, русский, б/п, образование 7 классов. С 1938 по 1942 г. состоял в ВЛКСМ, комсомольский билет уничтожил при пленении, из крестьян-бедняков, бывш. красноармеец 51-го сп 59-й сд.

Признавшись в принадлежности к немецкой разведке, Тимогин показал, что он, находясь с июня 1942 г. в лагерях военнопленных, последнее время в г. Вильно, вместе с другими лицами (всего 6 человек) написал заявление о добровольном вступлении в «Русскую освободительную армию». По существу заявления с Тимогиным беседовал немецкий офицер, который и предложил ему поступить в немецкую разведку. После согласия Тимогина работать в разведке он был взят из лагеря военнопленных и направлен в местечко Балга на берегу Рижского залива. В Балге он проживал 23 дня и 8 августа был направлен в разведшколу, находящуюся в лесу, в 40 км восточнее г. Кёнигсберг (Германия).

В школе разведчиков Тимогин обучался 1 месяц и 8 дней. Проходили в основном топографию и разведку переднего края и ближних тылов Красной армии; в группе, как он показывает, находилось 13 человек. Кроме их группы там обучались около 25 человек радистов, главным образом, из числа военнопленных лётчиков, человек 25 диверсантов – бывш. работников ж.-д. транспорта СССР и человек 8 агентов-связников. Все эти группы были в разных зданиях, и общение слушателей одной группы со слушателями другой запрещалось.

По окончании школы Тимогин в группе 10 человек в сопровождении немецкого капитана был доставлен к переднему краю немецкой обороны против нашего участка, двоих человек из них направили на выявление партизан, четверых направили в г. Речица, а остальных оставили при немецком унтер-офицере в районе г. Горошково.

25 октября с.г. немецкий унтер-офицер вызвал к себе Тимогина и сказал, что последний сегодня ночью будет переброшен на сторону Красной армии и поставил перед ним задачу:

1. Перейти линию фронта, явиться в штаб одной из воинских частей в районе перехода и выдать себя за Копылова, бывш. военнослужащего 76-й сд, бежавшего из лагеря военнопленных из с. Брагино.

2. Не признаваясь в принадлежности к немецкой разведке, устроиться на службу в Красную армию, где собрать следующие разведывательные данные:

а) установить численный состав дивизии, в которой будет служить, её вооружение и настроение личного состава;

б) наличие боевой техники, приданной дивизии, место её концентрации;

в) о системе обороны и огневой насыщенности последней.

3. В случае предложения русских пойти в тыл немцев с разведывательными целями – согласиться, но по прибытии к немцам доложить об этом.

После сбора указанных данных, через две недели – месяц, возвратиться к немцам, назвав при задержании пароль «1-Ц Антон».

Тимогин одет в форму рядового Красной армии, без знаков различия и без документов. Как видно из пароля, данного Тимогину, перед нами снова появилась разведгруппа Шульца, в своё время дислоцировавшаяся в г. Курске. Из практики прошлого известно, что этот разведорган довольно активно засылает к нам свою агентуру.

Нами намечается Тимогин к перевербовке для внедрения его в разведгруппу Шульца, но поскольку информация о причастности Тимогина к разведорганам противника стала достоянием большого количества бойцов и командиров переднего края нашей обороны, от упомянутой кандидатуры пришлось отказаться. В дополнение к своему № 6253/4 от 31 октября с.г.* прилагаем выписку из протокола допроса Тимогина в отношении агентуры противника, подлежащей объявлению во Всесоюзный розыск*. Одновременно сообщаем, что нами в пределах нашей армии розыск всех лиц, проходящих по показаниям Тимогина, объявлен.

Зам. начальника ОКР «Смерш» 13-й армии
подполковник Сидоров

Начальник 4-го отделения ОКР «Смерш» 13-й армии
капитан Жердев

ЦА ФСБ России. Ф. 41. Оп. 69. Д. 231. Л. 202 об. Заверенная копия. Машинопись.

* Не публикуется.

№ 15.
СПЕЦСООБЩЕНИЕ УКР «СМЕРШ» 1-ГО УКРАИНСКОГО ФРОНТА О ЗАДЕРЖАНИИ АГЕНТОВ РАЗВЕДКИ ПРОТИВНИКА

№ 13251/2

Совершенно секретно
9 декабря 1943 г.

Военному совету 1-го Украинского фронта

Дополнительно сообщаю, что немецкие агенты Райков В.В. и Петров С.Д, пойманные в ночь на 5 декабря с.г., показали, что после приземления они должны были проследовать от Житомирского шоссе на г. Фастов и разведать места сосредоточения танковых, артиллерийских, кавалерийских и пехотных частей, их количественный состав и обязательно установить номера войсковых соединений. Особо обращалось внимание на обнаружение танковых частей и установку их номеров. Основной задачей разведчиков противника было узнать, когда советское командование предполагает начать наступление на Фастовском направлении. Инструктаж агентов производил подполковник-

немец, который приказал агентам в случае, если они узнают о сроке готовящегося Красной армией наступления, прекратить выполнение задания и немедленно перейти к немцам, чтобы поставить их об этом в известность.

Агент Петров С.Д. показал, что 9 ноября с.г. в г. Винница была объявлена эвакуация гражданского населения. На предприятиях по этому вопросу были проведены собрания, причём было указано, что эвакуирующиеся гражданские лица дальше Польши не будут пропущены. На протяжении 15, 16 и 17 ноября с.г. через Винницу по направлению к фронту прошло большое количество мотопехоты. Весь город в эти дни был забит немецкими войсками. Несколько дней спустя эвакуация города была отменена.

В последних числах ноября с.г. в течение трёх дней было прервано движение по ж.д. от Винницы к фронту, т.к. партизаны взорвали два моста. По этой причине в пути были задержаны два эшелона с немецкими войсками, которые тут же были брошены на облаву против партизан.

В ноябре с.г. в Виннице находилась казачья часть, сформированная немцами из армян. Два солдата из этой части, ранее обучавшиеся в разведшколе и отчисленные по неуспеваемости, заявили, что они, и вообще власовские войска, отправляются на итальянский фронт.

Зам. начальника УКР «Смерш»
1-го Украинского фронта
генерал-майор Белянов[52]

ЦА ФСБ России. Ф. 40. Оп. 24. Д. 2. Т. 2. Л. 615–615 об. Подлинник. Машинопись.

Примечания

[1] См. подробнее в кн.: Структура и деятельность органов германской разведки в годы Второй мировой войны. – Симферополь, 2011.

[2] Свиридов Фёдор Ильич (1911–?) – бывш. зам. командира миномётной роты 1176-го сп, мл. лейтенант. Арестован 22 мая 1943 г. УНКВД по Орловской области. Решением Особого совещания при НКВД СССР от 17 ноября 1943 г. по обвинению в преступлениях, предусмотренных ст. 58-1 п. «б» УК РСФСР, заключён в ИТЛ на 20 лет. Освобождён в 1955 г. Не реабилитирован.

[3] Богданов (Чевыло, Соколов) Владимир Иванович (1922–?) – бывш. разведчик моторизованной 50-й разведроты, ефрейтор. «Находясь в лагере военнопленных, изменил Родине и дал согласие выполнять немецкой разведки». Обучался в Борисовской разведшколе, после окончания которой «заброшен в тыл Красной армии, где совершал диверсии и передавал собранные сведения по рации штабу немецкой разведки». Арестован 22 мая 1943 г. УНКВД по Орловской области. Решением Особого совещания при НКВД СССР от 17 ноября 1943 г. по обвинению в преступлениях, предусмотренных ст. 58-1 п. «б» УК РСФСР, заключён в ИТЛ на 25 лет. Освобождён в феврале 1956 г. Не реабилитирован.

[4] Железников Николай Иванович (1906–1974) – руководящий работник советских органов безопасности. Генерал-лейтенант (1944). Начальник особого отдела НКВД Среднеазиатского военного округа (февраль 1939–апрель 1943), начальник УКР «Смерш» Брянского фронта (апрель–октябрь 1943), начальник УКР «Смерш» Прибалтийского – 2-го Прибалтийского фронтов (октябрь 1943–июнь 1945).

[5] Попов Маркиан Михайлович (1902–1969) – советский военный деятель. Генерал армии (1953). Командующий войсками Северного фронта (июнь–август 1941), командующий войсками Ленинградского фронта (август–сентябрь 1941), командующий 61-й армией (декабрь 1941–июнь 1942), командующий 48-й армией (июнь–июль 1942), командующий 40-й армией (июль–октябрь 1942), заместитель командующего войсками Сталинградского и Юго-Западного фронтов (октябрь–декабрь 1942), командующий 5-й ударной армией (декабрь 1942–апрель 1943), командующий войсками Резервного фронта–Степного военного округа (апрель–май 1943), командующий войсками Брянского фронта (июнь–октябрь 1943), командующий войсками Прибалтийского и 2-го Прибалтийского фронта (октябрь 1943–апрель 1944), начальник штаба Ленинградского, 2-го Прибалтийского фронтов (апрель 1944–1945).

[6] Мехлис Лев Захарович (1889–1953) – советский государственный и военный деятель. Генерал-полковник (1944). Заместитель председателя СНК СССР (сентябрь 1940–май 1944), начальник Главного управления политической пропаганды Красной Армии – Главного политического управления РККА (июль 1941–июнь 1942), представитель Ставки ВГК на Крымском фронте (май 1942), член Военных советов 6-й армии (июль–сентябрь 1942), Воронежского (сентябрь–октябрь 1942), Волховского (октябрь 1942–апрель 1943), Брянского (июль–октябрь 1943), 2-го Прибалтийского (октябрь–декабрь 1943), Западного (декабрь 1943–апрель 1944), 2-го Белорусского (апрель–июль 1944), 4-го Украинского фронтов (август 1944–июль 1945).

[7] Марков Алексей Васильевич (1902–?) – бывш. красноармеец 591-го артполка. Арестован 22 июня 1943 г. УКР «Смерш» Брянского фронта. Решением Особого совещания при НКВД СССР от 2 февраля 1944 г. по обвинению в преступлениях, предусмотренных ст. 58-1 п. «б» УК РСФСР, заключён в ИТЛ на 3 года. Реабилитирован.

[8] Симонов (Симанов) Анатолий Михайлович (1922–1944) – бывш. мл. командир 1168-го сп 264-й сд. Решением Особого совещания при НКВД СССР от 12 мая 1944 г. по обвинению в преступлениях, предусмотренных ст. 58-1 п. «б» УК РСФСР, заключён в ИТЛ на 8 лет.

[9] Данилов Николай Захарович (1915–1943) – бывш. сотрудник милиции. Военным трибуналом 5-й сд 4 июля 1943 г. по обвинению в преступлениях, предусмотренных п. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г., приговорён к высшей мере наказания. Не реабилитирован.

[10] Стрыгин Иван Иванович (1922–?) – бывш. красноармеец батареи управления 1305-го пап 16-й сд 61-й армии. Арестован 29 мая 1943 г. ОКР «Смерш» 16-й артдивизии. Военным трибуналом 61-й армии 29 августа 1943 г. по обвинению в преступлениях, предусмотренных ст. 58-1 п. «б» УК РСФСР, приговорён к 10 годам ИТЛ. Реабилитирован.

[11] Фролов Николай Сергеевич (1911–?) – бывш. помощник командира по вооружению отдельного артиллерийского дивизиона 4-го воздушно-десантного корпуса, ст. лейтенант. В немецком плену поступил на должность преподавателя парашютного дела разведывательно-диверсионной школы. За службу немцам награждён «Бронзовой медалью 2-го класса». Военным трибуналом Южно-Уральского военного округа 24 января 1946 г. по обвинению в преступлениях, предусмотренных ст. 58-1 п. «б» УК РСФСР, приговорён к 10 годам ИТЛ. Реабилитирован.

[12] Осетров Николай Алексеевич (1905–1992) – руководящий работник советских органов безопасности. Генерал-лейтенант (1944). Начальник следственной части и заместитель начальника 3-го управления НКО СССР (февраль–июль 1941), заместитель начальника УОО НКВД СССР (август 1941–апрель 1943), начальник УКР «Смерш» Воронежского, 1-го Украинского фронтов (апрель 1943–июнь 1945).

[13] Шлокин Николай Васильевич (1903–?) – работник советских органов безопасности. Полковник (1943). Начальник НКВД 11-й гвардейской сд 21-й армии (июнь 1941–июнь 1942), начальник ОО НКВД–ОКР «Смерш» 40-й армии (июнь 1942–сентябрь 1944), начальник ОКР «Смерш» 5-й гвардейской танковой армии (сентябрь 1944–июнь 1949).

[14] Кротенко Лев Савич (1903–1955) – работник советских органов безопасности. Майор (1943). Начальник отделения 2-го отдела УНКВД по Житомирской области (июнь–сентябрь 1941), ст. оперуполномоченный 6-го отдела ОО НКВД 40-й армии (сентябрь 1941–сентябрь 1942), начальник 6-го отделения ОО НКВД 40-й армии (сентябрь 1942–

май 1943), начальник 2-го отделения ОКР «Смерш» 40-й армии (май 1943–январь 1945), начальник отделения ОКР «Смерш» 7-й гвардейской армии (январь 1945–апрель 1946).

[15] Денищенко Николай Романович (1917–?), бывш. командир взвода 401-го артполка 109-й сд, лейтенант. Арестован ОКР «Смерш» 61-й армии 12 августа 1943 г. Решением Особого совещания при НКВД СССР от 17 ноября 1943 г. по обвинению в преступлениях, предусмотренных ст. 58-1 п. «б» УК РСФСР, заключён в ИТЛ на 10 лет. Не реабилитирован.

[16] Вадис Александр Анатольевич (1906–1968) – руководящий работник советских органов безопасности. Генерал-лейтенант (1944). Начальник УНКВД–УНКГБ по Тернопольской области (ноябрь 1939–июль 1941), начальник ОО НКВД 26-й армии (июль–ноябрь 1941), заместитель начальника ОО НКВД Юго-Западного фронта (ноябрь 1941–январь 1942), начальник ОО НКВД Брянского фронта (январь–сентябрь 1942), начальник ОО НКВД Воронежского фронта (сентябрь 1942–март 1943), начальник ОО НКВД–УКР «Смерш» Центрального фронта (март–октябрь 1943), начальник УКР «Смерш» Белорусского фронта (октябрь 1943–февраль 1944), начальник УКР «Смерш» 1-го Белорусского фронта (июль 1944–июнь 1945).

[17] Шелепенко Степан Степанович (1902–?) – работник советских органов безопасности. Подполковник. Заместитель начальника ОКР «Смерш» 13-й армии (с мая 1943), в 1943–1945 гг. – на различных должностях в УКР «Смерш» Воронежского–1-го Украинского фронтов. Уволен в запас в 1946 г.

[18] Михайловская Серафима Сергеевна (1907–?) – жительница г. Чернигова. Арестована 11 октября 1943 г. за «сотрудничество с оккупационными властями». Военным трибуналом войск НКВД Украинского округа 12 ноября 1943 г. по обвинению в преступлениях, предусмотренных ст. 54-1 п. «а» УК УССР, приговорена к 15 годам каторжных работ. Амнистирована в 1955 г. Не реабилитирована.

[19] Назаревич Евгений Александрович (1921–?) – житель г. Чернигова. Арестован 29 сентября 1943 г. «за выдачу оккупационной власти тех, кто оставлен для работы в тылу». Военным трибуналом 13-й армии 22 октября 1943 г. по обвинению в преступлениях, предусмотренных ст. 58-1 п. «а» УК РСФСР, приговорён к 10 годам лишения свободы. Реабилитирован.,

[20] Семенец Прасковья Осиповна (1918–?) – жительница г. Чернигова. Арестована 29 сентября 1943 г. Военным трибуналом 13-й армии 22 октября 1943 г. по обвинению в преступлениях, предусмотренных ст. 58-1 п. «а» УК РСФСР, приговорена к 10 годам лишения свободы. Освобождена в 1952 г. Реабилитирована.

[21] Апанасенко Василий Иванович (1904–?) – житель г. Чернигов. Арестован 16 ноября 1943 г. «за сотрудничество с оккупационной властью». Решением Особого совещания при НКВД СССР от 22 июля 1944 г. по обвинению в преступлениях, предусмотренных ст. 54-1 п. «а» УК УССР, заключён в ИТЛ на 10 лет. Не реабилитирован.

[22] Богородский Вадим Леонтьевич (1913–?) – житель г. Чернигов. Арестован 5 октября 1943 г. УНКВД по Черниговской области. Военным трибуналом Киевского военного округа 7 апреля 1944 г. по обвинению в преступлениях, предусмотренных ст. 54-1 п. «а» УК УССР, приговорён к высшей мере наказания. 30 мая 1944 г. Решением Военной коллегии Верховного Суда СССР наказание изменено на 20 лет ИТЛ. Освобождён досрочно в 1957 г.

[23] Александров Макарий Павлович (1906–1960) – руководящий работник советских органов безопасности. Генерал-майор (1944). Заместитель начальника ОО НКВД Юго-Западного фронта (июнь–июль 1941), заместитель начальника ОО НКВД 38-й армии (июль 1941–январь 1942), заместитель начальника ОО НКВД 13-й армии (январь–май 1942), начальник ОО НКВД–ОКР «Смерш» 13-й армии (май 1942–июль 1946).

[24] Шнейдер (Келлин-Шнейдер) Иозеф Георгиевич (1902–?) – бывш. слесарь автозавода им. Сталина. Арестован 29 сентября 1950 г. УМГБ СССР по Московской области. Решением Особого совещания при МГБ СССР от 28 июля 1951 г. по обвинению в преступлениях, предусмотренных ст. 58-1 п. «б» УК РСФСР, заключён в ИТЛ на 10 лет. Освобождён досрочно. Не реабилитирован.

[25] Жердев Владимир Михайлович (1911–?) – работник советских органов безопасности. Подполковник (1955). Зам. начальника отделения Чкаловского гарнизона

УНКВД по Чкаловской области (февраль–сентябрь 1941), ст. оперуполномоченный 5-го отделения ОО НКВД Брянского фронта (сентябрь–ноябрь 1941–ноябрь 1941), на различных должностях в ОО НКВД 13-й армии (сентябрь 1941–октябрь 1943), начальник 4-го отделения ОКР «Смерш» 13-й армии (октябрь 1943–май 1946).

[26] Сидоренков Яков Петрович (1911–?) – работник советских органов безопасности. Подполковник. Оперуполномоченный 1-го отделения ОО НКВД 3-й армии (август 1940–июль 1941), ст. оперуполномоченный ОО НКВД 143-й сд (июль–сентябрь 1941), заместитель начальника ОО НКВД 143-й сд (сентябрь–декабрь 1941), начальник ОО НКВД 143-й сд (декабрь 1941–апрель 1942), заместитель начальника ОО НКВД (ОКР «Смерш») 13-й армии (май 1942–апрель 1943–ноябрь 1944).

[27] Толкачёв Егор Сергеевич (1887–?) – лесник. Арестован 10 августа 1943 г. ОКР «Смерш» 13-й армии. Военным трибуналом 13-й армии 30 августа 1943 г. по обвинению в преступлениях, предусмотренных ст. 58-1 п. «а» УК РСФСР, приговорён к 10 годам ИТЛ. Не реабилитирован.

[28] Крупенин Василий Кузьмич (1917–1943) – бывш. красноармеец 116-й танковой дивизии. Арестован 19 августа 1943 г. ОКР «Смерш» 74-й сд. Военным трибуналом 13-й армии 29 августа 1943 г. по обвинению в преступлениях, предусмотренных ст. 58-1 п. «б» УК РСФСР, приговорён к высшей мере наказания. Не реабилитирован.

[29] Астахов Евграф Еремеевич (1891–1943) – счетовод. Арестован 19 августа 1943 г. ОКР «Смерш» 13-й армии за то, что «будучи старшиной волости, организовал расстрел трёх советских лётчиков». Военным трибуналом 13-й армии 31 августа 1943 г. по обвинению в преступлениях, предусмотренных ст. 58-1 п. «а» и 58-11 УК РСФСР, приговорён к высшей мере наказания. Не реабилитирован.

[30] Фирсов Иван Александрович (1897–1944) – бывш. командир 14-го отдельного танкового полка 15-й Сивашской мотострелковой дивизии, полковник. Арестован 5 октября 1943 г. ОКР «Смерш» 340-й Сумской сд. Решением Особого совещания при НКВД СССР 3 мая 1944 г. по обвинению в преступлениях, предусмотренных ст. 58-1 п. «б» УК РСФСР, приговорён к высшей мере наказания. Не реабилитирован.

[31] Сазонов Иван Антонович (1913–1944) – бывш. командир отделения хозвзвода 425-го артполка, сержант; Фенев Иван Павлович (1910–1944) – бывш. сержант строительного батальона; Кедров Иван Дмитриевич (1922–?) – бывш. командир особого взвода ОО 147-й сд, мл. лейтенант; Цибульский Александр Николаевич (1905–1944) – бывш. сержант в/ч № 554; Куралесов Семён Игнатович (1906–1944) – бывш. сержант в/ч № 554; Калаушин Михаил Дмитриевич (1911–1944) – бывш. сержант в/ч № 554. В начале 1942 г. добровольно поступили в карательный отряд «Гива», сформированный гестапо в г. Миргород Полтавской области, и заняли ряд руководящих должностей: Фенев И.П. – заместитель командира отряда, Сазонов И.А. и Цибульский А.Н. – командиры взводов, Калаушин М.Д. и Куралесов С.И. – командиры отделений. Отряд вёл активную борьбу с партизанами и партийным активом на территории Черниговской, Курской и Полтавской областей. Арестованы 5 октября 1943 г. ОКР «Смерш» 38-й армии. Военным трибуналом 1-го Украинского фронта 5 февраля 1944 г. по обвинению в преступлениях, предусмотренных ст. 58-1 п. «б» УК РСФСР, приговорены к высшей мере наказания, а Кедров И.Д. – к 10 годам ИТЛ. Не реабилитированы.

[32] Самарская-Черемхович Клавдия Елизаровна (1907–?) – арестована 13 октября 1943 г. Кобелякским райотделом НКГБ УССР по подозрению в связи с немецкими разведывательными органами как жена командира отряда военной полиции. 10 декабря 1943 г. освобождена из-под стражи по причине отсутствия её связи с немецкой разведкой.

[33] Москаленко Валентин Иванович (1908–1984) – руководящий работник советских органов безопасности. Полковник (1944). Заместитель начальника УНКГБ по Ровенской области (апрель–июль 1941), начальник войск НКВД 12-й армии (июль–октябрь 1941), начальник ОО НКВД 6-й сапёрной армии (октябрь 1941–сентябрь 1942), начальник отделения ОО НКВД Воронежского фронта (сентябрь 1942–май 1943), начальник 2-го отдела УКР «Смерш» Воронежского–1-го Украинского фронтов (июль–ноябрь 1943), начальник ОКР «Смерш» 38-й армии (ноябрь 1943–март 1945), начальник ОКР «Смерш» 49-й армии (март–сентябрь 1945).

[34] Куклин Афанасий Михайлович (он же Терехов Кирилл Кириллович) (1922–?) – бывш. красноармеец 410-го артдивизиона 29-й армии. Арестован 26 августа 1943 г. ОКР «Смерш» 50-й армии. Обвинялся в «измене Родине, добровольном переходе на сторону врага, в предательстве партизан. Являясь агентам немецкой разведки, выполнял шпионские задания в тылу частей Красной армии». Военным трибуналом 50-й армии 25 октября 1943 г. по обвинению в преступлениях, предусмотренных ст. 58-1 п. «б» УК РСФСР, приговорён к высшей мере наказания. Не реабилитирован.

[35] Жеребков Виталий Петрович (1917–?) – бывш. помкомвзвода 1-го отдельного автотранспортного полка. Арестован 27 декабря 1947 г. УМГБ по Ивановской области. Военным трибуналом Ярославского гарнизона 17 июня 1948 г. по обвинению в преступлениях, предусмотренных ст. 58-1 п. «б» УК РСФСР, приговорён к 15 годам ИТЛ. Определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 26 октября 1955 г. приговор отменён и дело прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления.

[36] Лубенников Иван Никифорович (1921–1947) – бывш. шофёр 308-го лёгкого артполка, сержант. Арестован 4 октября 1943 г. УКР «Смерш» Брянского фронта. Решением особого совещания при НКВД СССР от 18 марта 1944 г. по обвинению в преступлениях, предусмотренных ст. 58-1 п. «б» УК РСФСР, заключён в ИТЛ на 15 лет. Не реабилитирован.

[37] Мелешко Евгения Павловна (1921–?) – жительница Гомельской области. Арестована УКР «Смерш» Брянского фронта 4 октября 1943 г. Решением Особого совещания при НКВД СССР 18 марта 1944 г. по обвинению в преступлениях, предусмотренных ст. 58-1 п. «а» УК РСФСР, заключена в ИТЛ на 10 лет. Не реабилитирована.

[38] Сычёв (Синицын) Филипп Кузьмич (1905–?) – агент немецкой разведки. Арестован 14 сентября 1943 г. ОКР «Смерш» Белорусского фронта. Решением Особого совещания при НКВД СССР от 12 февраля 1944 г. по обвинению в преступлениях, предусмотренных ст. 58-1 п. «а» УК РСФСР, приговорён к 15 годам ИТЛ. Не реабилитирован.

[39] Василевич (Берлогин) Николай Васильевич (1914–?) – бывш. красноармеец 290-го сп 29 й армии. Арестован 14 сентября 1943 г. УКР «Смерш» Белорусского фронта. Решением Особого совещания при НКВД СССР от 12 февраля 1944 г. по обвинению в преступлениях, предусмотренных ст. 58-1 п. «б» УК РСФСР, заключён в ИТЛ на 25 лет. Не реабилитирован.

[40] Гнездилов Николай Иванович (1914–?) – бывш. красноармеец учебного батальона 132-й сд. Арестован 1 августа 1943 г. УКР «Смерш» Брянского фронта. Решением Особого совещания при НКВД СССР от 12 января 1944 г. по обвинению в преступлениях, предусмотренных ст. 58-1 п. «б» УК РСФСР, заключён в ИТЛ на 3 года. Реабилитирован.

[41] Некрасов Василий Петрович (1917–?) – бывш. красноармеец 5-й тбр. Арестован 1 августа 1943 г. УКР «Смерш» Брянского фронта. Решением Особого совещания при НКВД СССР от 27 ноября 1943 г. по обвинению в преступлениях, предусмотренных ст. 58-1 п. «б» УК РСФСР, заключён в ИТЛ на 10 лет. Не реабилитирован.

[42] Девятов Валерий Сергеевич (1921–?) – бывш. командир пулемётного расчёта отдельной зенитной роты 12-го отдельного зенитного батальона Юго-Западного фронта, сержант. Арестован 25 сентября 1943 г. УКР «Смерш» Брянского фронта. Обвинялся в том, что в «августе 1941 г. во время боевых действий бежал с поля боя. Попав в плен, добровольно поступил в диверсионную школу немецкой разведки и был переброшен в тыл войск Брянского фронта с заданием». Решением Особого совещания при НКВД СССР от 12 января 1944 г. по обвинению в преступлениях, предусмотренных ст. 58-1 п. «б» УК РСФСР, заключён в ИТЛ на 2 года. Реабилитирован.

[43] Епифашкин-Ионкин Тихон Максимович (1922–?) – бывш. командир танка Т-34 1-й роты 1-го батальона 162-й танковой бригады 25-го танкового корпуса, лейтенант. Арестован 10 августа 1943 г. ОКР «Смерш» 63-й армии. В июле 1943 г. в ходе боя сдался в плен, раскрыл секретные сведения о своей части и дал согласие проводить шпионскую работу. 2 августа 1943 г. переброшен с заданием на территорию частей РККА с заданием разведывательного характера. Решением Особого совещания при НКВД СССР от 19 января 1944 г. по обвинению в преступлениях, предусмотренных ст. 58-1 п. «б» УК РСФСР, заключён в ИТЛ на 2 года. Не реабилитирован.

[44] Тарасенков Пётр Стефанович (1924–?), бывш. ст. сержант разведотдела штаба Западного фронта. Арестован 21 августа 1943 г. ГУКР «Смерш». Решением Особого совещания при НКВД СССР от 12 января 1944 г. по обвинению в преступлениях, предусмотренных ст. 58-1 п. «б» УК РСФСР, заключён в ИТЛ на 5 лет. Реабилитирован.
[45] Добкин Иосиф Аронович (1915–?) – бывш. агитатор 469-го полка 148-й дивизии, лейтенант. Арестован 22 августа 1943 г. ГУКР «Смерш». Решением Особого совещания при НКВД СССР от 12 января 1944 г. по обвинению в преступлениях, предусмотренных ст. 58-1 п. «б» УК РСФСР, заключён в ИТЛ на 15 лет. Освобождён досрочно. Реабилитирован.
[46] Мерцалов Михаил Борисович (1924–1944) – житель дер. Мерцалово Орловской области. Арестован 17 сентября 1943 г ОКР «Смерш» 3-й армии. 7 июля 1943 г. Военным трибуналом 13-й армии по обвинению в преступлениях, предусмотренных ст. 58-1 п. «а» УК РСФСР, приговорён к 10 годам ИТЛ. Не реабилитирован.
[47] Малахов Константин Егорович (1898–?) – счетовод. Арестован 25 июля 1943 г. ОКР «Смерш» 169-й сд. Военно-полевым судом 169-й сд 28 июля 1943 г. по обвинению в преступлениях, предусмотренных ст. 58-1 п. «б» УК РСФСР, приговорён к 20 годам каторжных работ. Не реабилитирован.
[48] Гамманн Адольф (1885–1945) – немецкий военный деятель. Генерал-лейтенант (1944). В годы Второй мировой войны военный комендант Орла, Брянска и Бобруйска. Задержан 28 июня 1944 г. Военным трибуналом Минского военного округа в ходе «Брянского процесса» 29 декабря 1945 г. приговорён к высшей мере наказания.
[49] Манаенко Александр Фёдорович (1906–1943) – бывш. старшина автодесантной роты 16-й гвардейской танковой бригады. Арестован 13 июля 1943 г. ОКР «Смерш» 16-й гтбр. Военным трибуналом 63-й армии 26 июля 1943 г. по обвинению в преступлениях, предусмотренных ст. 58-1 п. «б» и 58-6 УК РСФСР, приговорён к высшей мере наказания. Реабилитирован.
[50] Тишкин Василий Павлович (1916–?) – бывш. ст. телефонист роты управления 29-й гвардейской танковой бригады. Арестован 20 августа 1943 г. ОКР «Смерш» 50-й армии. Военным трибуналом 50-й армии 30 сентября 1943 г. по обвинению в преступлениях, предусмотренных ст. 58-1 п. «б» УК РСФСР, приговорён к 19 годам ИТЛ. Реабилитирован.
[51] Тимогин Николай Максимович (1922–?) – бывш. красноармеец 51-го сп 59-й сд. Арестован 26 октября 1943 г. УКР «Смерш» 1-го Украинского фронта. Военным трибуналом 1-го Украинского фронта 16 марта 1944 г. по обвинению в преступлениях, предусмотренных ст. 58-1 п. «б» УК РСФСР, приговорён к 15 годам лишения свободы. Не реабилитирован.
[52] Белянов Александр Михайлович (1903–1994) – руководящий работник советских органов безопасности. Генерал-майор (1943). Начальник 3-го отдела НКВД СССР (февраль–июль 1941), начальник ОО НКВД Фронта резервных армий (июль–октябрь 1941), начальник ОО НКВД Западного фронта (октябрь 1941–январь 1942), начальник 6-го отдела УОО НКВД СССР (январь–февраль 1942), начальник ОО НКВД Крымского фронта (февраль–май 1942), зам. начальника ОО НКВД–УКР «Смерш» Воронежского фронта (июль 1942–ноябрь 1943), зам. начальника УКР «Смерш» 1-го Украинского фронта (ноябрь 1943–июль 1944), зам. начальника 7-го отдела 2-го управления НКГБ СССР (июль 1944–июль 1945).

Публикацию подготовили
С.А. Кузяева, В.А. Третьяков

АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР УКР «СМЕРШ» КАРЕЛЬСКОГО ФРОНТА О ДЕЙСТВИЯХ ФИНСКОЙ РАЗВЕДКИ*

На советско-финском фронте и в прифронтовой полосе германские и финские спецслужбы вели тайную войну самыми жёсткими методами. В этом противоборстве участвовали подразделения контрразведки «Смерш». Среди документов военной контрразведки за 1943 г., хранящихся в Центральном архиве ФСБ России, для публикации в сборнике выбран обзор УКР «Смерш» Карельского фронта, подготовленный в декабре 1943 г. на основании накопленных в течение года материалов о деятельности финских разведывательных органов. Среди прочих материалов его отличает чёткость изложения и высокий уровень анализа. В то же время следует отметить, что, по мнению авторитетного финского исследователя Охто Маннинена, «информация о финской организации разведки чаще всего получена от обученных финнами красноармейцев. Поэтому получилось так, что хотя "Смерш" получил довольно широкое представление о разведывательных базах и обучении разведчиков, сведения об организации остались неполными». Так, например, он отмечает неточность в обзоре: «центр обучения разведчиков переселился 5 июня 1943 г. из Петрозаводска (Лесное училище) в Сотярви, а в ноябре 1943 г. – на финскую сторону (Руоколахти)».

Публикуемый документ был направлен в отделы контрразведки «Смерш» армий с указанием проработать его содержание со всем оперативным составом, а разосланный в октябре 1942 г. аналогичный документ следовало вернуть в УКР «Смерш» фронта к 25 декабря 1943 г. На документе имеется резолюция начальника ОКР «Смерш» 26-й армии[1] о проведении занятий с оперативным составом отдела в январе 1944 г. Для текущей работы военных контрразведчиков добытые сведения о финских разведорганах были чрезвычайно важны.

При подготовке публикации исправлены ошибки и другие погрешности текста, затрудняющие его понимание. Выражаем глубокую признательность профессору Охто Маннинену, который высказал ценные замечания, позволившие дополнить биографические справки и унифицировать написание имён собственных и географических названий.

*Публикация подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда; проект № 11-01-00029 а.

Обзор о деятельности финских разведывательных органов на Карельском фронте

Составлено по материалам 2-го отдела Управления контрразведки «Смерш» Карельского фронта, по состоянию на 1 декабря 1943 г.

14 декабря 1943 г.
Совершенно секретно
Хранить наравне с шифром

Готовясь к войне с Советским Союзом, финские разведывательные органы уже в мирное время развернули активную работу по подготовке соответствующих разведывательных кадров и насаждению своей агентуры на территории Карело-Финской ССР и Ленинградской области. Достаточно сказать, что к моменту разбойничьего нападения гитлеровской Германии на СССР на территории Финляндии действовали 11 разведывательных пунктов, в задачу которых входила организация шпионско-подрывной работы против Советского Союза. Эти разведывательные пункты организовывали свою работу на следующих направлениях, которые с началом войны стали театром военных действий:

1. На Мурманском и, частично, Кандалакшском направлениях подрывную работу против СССР проводили финские разведывательные пункты, находящиеся в г. Кемиярви, Рованиеми и Куссамо.

2. На Беломорском и Кемском направлениях эту же работу вели финские разведывательные пункты, находящиеся в мест. Суомусальми и Кухмониеми.

3. На Медвежьегорском и Масельгском направлениях шпионско-подрывную работу проводил финский разведывательный пункт, находящийся в г. Лиекса.

4. Против Петрозаводска и Кондопоги работу по переброске на нашу сторону агентуры проводили финские разведывательные пункты, находящиеся в Йоенсуу, Иломантси и Ките.

Руководство деятельностью этих разведывательных пунктов осуществлялось вторым отделом Генерального штаба финской армии.

После вступления в войну с Советским Союзом финские разведывательные органы создали ряд специальных школ, в которых развернули работу по подготовке и переброске в тылы частей Красной армии квалифицированных разведчиков и диверсантов. Причём во время войны не установлена деятельность ряда разведывательных пунктов, проводивших работу в мирное время. В то же время установлена организация нового крупного разведывательного

отделения в г. Петрозаводске. Кроме того, значительно расширена деятельность Лапландского и Суомусальмского разведывательных отделений. По показаниям задержанных агентов финской разведки выявлено, что Лапландское, Суомусальмское и Петрозаводское разведывательные отделения сосредоточили свою деятельность на территории Карельского и Ленинградского фронтов, а также в Архангельской и Вологодской областях.

Активность деятельности финских разведывательных органов на Карельском фронте может характеризоваться следующими цифрами:

1. Всего задержано и арестовано за истекшее время войны 129 шпионов и диверсантов.

2. Объявлено в розыск 279 агентов финской разведки, окончивших специальные школы.

ДИСЛОКАЦИЯ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫХ ОТДЕЛЕНИЙ И РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫХ ШКОЛ ФИНСКИХ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

I. Лапландское отделение

Штаб Лапландского отделения финской разведки дислоцируется в г. Рованиеми (главный город Лапландской губернии), в отдельном двухэтажном кирпичном здании, находящемся с восточной стороны реки Кеми Йоки, в двухстах метрах от ж.-д. моста (кв[адрат] 4476 карта 100 000), в ста метрах южнее этого здания, в одноэтажном деревянном домике размещены вещевой и оружейный склады разведотделения. Филиалы Лапландского разведотделения дислоцируются в г. Петсамо и Сало.

Весной 1943 г., опасаясь воздушных бомбардировок, разведотделение переместили за город и в настоящее время оно находится приблизительно в 500 м от ж.-д. моста, идущего от г. Рованиеми через р. Кеми (кв[адрат] 7044), в двухэтажном каменном здании. Метрах в 300 от этого дома, за забором, сделанным из берёзовых кольев, находится вещевой склад, склад боеприпасов и столовая разведшколы.

Разведывательные школы и базы Лапландского разведывательного отделения финской разведки, где подготовляется агентура, размещаются в следующих местах:

1. В 12 км восточнее Рованиеми, на южном берегу р. Кеми-Йоки, по шоссейной дороге, идущей в г. Кемь, на хут. Ханнула, в здании бывш. конторы лесосплава (кв[адрат] 3466).

2. В деревянном одноэтажном доме (4х12 м), на восточном берегу озера Сальми-Сельма (кв[адрат] 5494), метрах в десяти от этого дома находится избушка (4х5 м), в которой размещается радиостанция разведшколы. Метрах в тридцати от разведшколы находится крестьянская баня, принадлежащая разведшколе.

3. В четырёх километрах севернее озера Сальми-Сельма, в трёх деревянных одноэтажных избушках, на восточном берегу озера Сильма-Ярви (кв[адрат] 5498). Одна из этих избушек является кабинетом начальника Рованиемского разведывательного отделения капитана Паатсало, в которой он останавливается во время своих приездов в разведшколу из г. Рованиеми.

В 150 м от избушки, занимаемой капитаном Паатсало, в трёх домиках-палатках, сделанных из специального картона, размещается войсковая разведывательная группа, состоящая из 32-х человек, подчиняющаяся непосредственно капитану Паатсало. На самом берегу озера находится баня с коридором-раздевалкой. Вблизи у дома разведывательной школы размещено хранилище для взрывчатых веществ, в бревенчатом сарае. Эта база используется капитаном Паатсало для подготовки разведчиков непосредственно к переброске на территорию СССР. Здесь проводится экипировка агентуры, снабжение оружием и продуктами, разучиваются задания и т.п.

4. На берегу Безымянного озера (кв[адрат] 5694), в отдельном деревянном бараке размером 6х8 м. С южной стороны этого барака имеется небольшая бревенчатая пристройка, в которой проживает старшина барака, финн, сержант Пекка. С восточной стороны барака, приблизительно в десяти метрах, в бревенчатом сарае, размером 2х3 м, находятся взрывчатые вещества. На берегу озера находится крестьянская баня. В этом месте производится приём поступающих разведчиков в школу и их предварительная подготовка.

5. В семи километрах северо-западнее г. Рованиеми, на восточном берегу р. Оунас-Йоки, в населённом пункте Весала (кв[адрат] 4088), в трёх деревянных одноэтажных домиках.

6. На 51-м км по шоссейной дороге, идущей от Рованиеми к шведской границе, в отдельном деревянном доме, размером 10х4. Здесь с апреля по июль 1943 г. производились тренировки агентов-радистов по работе на рации, а также практические занятия с агентами-разведчиками.

7. Установлены следующие отдельные конспиративные квартиры Лапландского разведывательного отделения:

а) в дер. Ниванкюла на квартире лейтенанта интендантских войск Харки Пертти;

б) в дер. Курсунки, у лесного сторожа Рукссаколо Калле;

в) у жителя г. Рованиеми Ниски в двухэтажном доме по Петсамовской дороге от Рованиеми за ж.-д. мостом в 100–150 м вправо.

8. В 1943 г. для подготовки диверсантов Лапландское отделение организовало дополнительно ряд мелких баз для подготовки агентов-диверсантов, а именно:

1. В районе озера Сальми-Ярви, во вновь выстроенных стандартных домиках (начальник базы – старший сержант Коуску Лаури).

2. В 15 км от Рованиеми в дер. Ниванкюля (начальник – лейтенант Норола).

3. В районе с. Кестеньга – два домика (начальник – ст. сержант, фамилия неизвестна).

4. В районе селения Петсамо (подробных данных нет).

Из основных сотрудников Лапландского разведывательного отделения известны:

1. Начальник отделения капитан Паатсало Харри, 43–46 лет, по национальности финн. В отделении работает с 1935 г. До работы в разведке занимал должность судьи, по соц[иальному] происхождению из крестьян. Начальником разведывательного отделения с 1938 г. Награждён рядом финских орденов и немецким крестом первого класса. Хорошо владеет финским, шведским, немецким и английским языками, слабо разговаривает на русском и норвежском языках. Звание капитана получил в конце 1941 г. Показаниями ряда разоблачённых агентов финской разведки, окончивших Рованиемскую школу, Паатсало характеризуется как знаток агентурно-разведывательной работы. Сильно пьёт алкогольные напитки, часто в компании гласного и негласного состава отделения разведки появляется в пьяном виде. Жаден к деньгам. В 1937 г. судился за растрату казённых 30 тысяч марок. Женат, жена Маргит, около 40 лет. Сын Паатсало – Пенти, 15 лет. В 1943 г. якобы из-за пьянок жена развелась с ним и уехала в Хельсинки. С агентурой Паатсало работает под псевдонимами «Карро» и «Райло».

2. Лейтенант Норола Миехо, 29 лет, является начальником связи Рованиемского разведывательного отделения, заведует радиостанцией. Перед выброской на территорию СССР разведчиков-радистов проверяет их по радиоделу, инструктирует по отдельным практическим вопросам работы на рации. В августе 1943 г. замещал Паатсало во время пребывания последнего в отпуске. По происхождению Норола из крестьян, бывш. мастер лесопильного завода, по национальности финн, в разведывательном отделении работает с 1938 г.

3. Лейтенант Мельви является начальником разведывательной базы Рованиемского отделения финской разведки, находящейся на 51-м км от г. Рованиеми по шоссейной дороге в сторону Швеции. Контролирует учёбу разведчиков, находящихся на этой базе. Владеет русским языком, в связи с этим используется во время занятий с разведчиками и в качестве переводчика. Сильно пьёт. Характерен такой факт: после войны 1939–1940 гг. за сожжённый свой дом получил от финского правительства 17 тысяч марок. Часть этой суммы он пропил сразу, а остальную выделил и положил в сберкассу для жены, однако впоследствии не выдержал и пропил оставшиеся деньги. Возраст – лет 60.

4. Лейтенант Ахола Пенти, 35 лет. Ведёт разведывательную работу на Кестеньгском направлении. В разведке работает с 1939 г., до этого работал капитаном рыболовецкого судна, по национальности финн.

5. Лейтенант Вахкало или Вяхикаллио, лет 40. Возглавляет Петсамовский филиал Рованиемского разведывательного отделения. Постоянно находится в местечке Парккино. Обрабатывает вновь прибывающих в Парккинский лагерь советских военнопленных. Вместе с Паатсало подбирает в лагере советских военнопленных агентуру. Часто выпивает.

6. Лейтенант Линдеман, лет 30, является начальником канцелярии разведывательного отделения и одновременно переводчиком. При поездках капитана Паатсало по разведывательным базам сопровождает его. Вместе с капитаном Паатсало часто пьянствует. В обращении с разведчиками груб. Бывал в Ленинграде (когда, не установлено).

Как установлено, Лапландское отделение финской разведки вместе со своими филиалами в Петсамо и Салло ведёт разведывательную работу против частей Красной армии, главным образом, на Кандалакшском и Мурманском направлениях. Рованиемская разведывательная школа готовит: 1. агентов-радистов; 2. агентов-парашютистов; 3. агентов-связистов; 4. агентов-диверсантов; 5. агентов-вербовщиков.

Анализируя показания разоблачённых агентов финской разведки, обучавшихся в разведывательной школе при Лапландском отделении финской разведки, можно сделать вывод, что отделение ведёт разведывательную и подрывную работу на территории Советского Союза в следующих направлениях:

1. Вербовка агентуры для разведывательной и диверсионной деятельности в РККА.

2. Наблюдение за развёртыванием и группированием сил РККА и выявление районов наибольшего их сосредоточения.

3. Определение баз авиации, аэродромов, бензохранилищ, продовольственных, вещевых складов и складов и боеприпасов, а также разведка других военных объектов.

4. Наблюдение за строительством железных и шоссейных дорог, укреплением оборонных рубежей Красной армии.

5. Наблюдение за транспортировкой грузов и пропускной способностью шоссейных и железных дорог на территории Карело-Финской ССР.

6. Разведка глубины фронта и флангов частей РККА.

7. Выявление тактических и стратегических планов командования частей Красной армии.

8. Выявление данных о политико-моральном состоянии населения СССР и экономическом положении в населённых пунктах.

Наряду с разведывательной работой Лапландское отделение финской разведки подготавливает диверсантов для организации в тылу Красной армии диверсионных актов – взрывов мостов, складов, минирования дорог и уничтожения отдельных важных военных объектов. Филиалы Лапландского разведывательного отделения в городах

Петсамо и Салло ведут работу также по допросу военнопленных и на основании полученных от военнопленных данных составляют информацию о состоянии нашей линии обороны.

II. Петрозаводское отделение

Главный штаб разведывательного отделения до июня 1942 г. находился в г. Петрозаводске, по улице Анохина, в бывш. 5-м военном городке РККА. В июне 1942 г. штаб переехал в помещение бывш. Петрозаводсого лесотехникума. Данными нашей зафронтовой агентуры и показаниями разоблачённых финских шпионов устанавливалось, что в указанный период при Петрозаводском разведывательном отделении имелись разведывательная школа[2] и школы диверсантов.

Школа разведчиков находилась на территории 5-го военного городка, а с июня 1942 г. – в домах бывш. лесотехникума. Школа диверсантов дислоцируется в 30–40 км севернее г. Петрозаводска, в бывш. доме отдыха Красной армии. В связи с имевшим место значительным числом провалов финской агентуры, подготовленной в Петрозаводской школе, эта школа была передислоцирована весной 1943 г. в Пряженский район Карело-Финской ССР и в настоящее время дислоцируется в деревнях Уллелега, Каменный Наволок и Минола. Официально считается, что в этих деревнях дислоцируется 1-й разведполк северного отделения «Русской освободительной армии Власова». Этим и зашифровывается дислокация разведшколы.

Дер. Минола находится на левой стороне ж.-д. ветки Суо-Ярви–Петрозаводск, у просёлочной дороги. Ж.-д. станция находится в 7 км от деревни. Здесь вновь прибывающие в школу разведчики проходят карантин и приёмную комиссию перед началом учёбы. Кроме того, здесь же отдыхали разведчики и радисты по окончании школы в ожидании получения заданий и проходили тренировку по радиоделу. В дер. Минола разведывательная школа занимает четыре дома в центральной части. Местных жителей не имеется.

Дер. Каменный Наволок расположена на берегу Шот-озера и состоит из девяти деревянных домов карельского типа. Разведывательная школа занимает в деревне шесть домов, в одном из которых проживает командование, во втором и третьем – преподаватели, в четвёртом – курсанты школы, в пятом – финские солдаты – охрана и в шестом доме – кухня. Все эти дома находятся в восточной части деревни. В дер. Каменный Наволок разведчики и радисты проходят совместный практический курс обучения.

Дер. Уллелега расположена в устье р. Шуя, при впадении её в Шот-озеро. В восточной части деревни размещены курсы разведчиков; в западной части деревни находятся учебные помещения радистов, санчасть и радиостанция. В центре деревни размещены складские

помещения, клуб, кухня и буфет. Преподаватели и финские солдаты размещаются при курсах как разведчиков, так и радистов. В дер. Уллелега проходит основная теоретическая подготовка агентуры Петрозаводского отделения финской разведки.

В 3 км на северо-восток от дер. Уллелега на берегу Шот-озера размещается штаб полка, где проживают некоторые преподаватели. Для связи штаба с подразделениями школы имеются катер, легковая машина и несколько грузовых машин. Катер курсирует по Шот-озеру и р. Шуя, вплоть до г. Петрозаводска. Почтово-полевой адрес разведывательной школы – ППК-5, № 9382, что означает – Пятая походная полевая контора и 9382 – номер воинской части. Номер телефона штаба разведывательной школы «Петрозаводск, 75». Как видно из показаний арестованной финской агентуры, штаб Петрозаводского отделения финской разведки остался в г. Петрозаводске.

Из руководящих работников Петрозаводского отделения финской разведки и разведывательной школы известны:

1. Майор финской армии Петерсон, начальник Петрозаводского отделения финской разведки. По данным других агентов финской разведки, его фамилия Воленберг или Раскинд. По национальности финн, владеет русским и финским языками. В разведывательной школе проводил инструктаж агентуры непосредственно перед выброской её на территорию СССР. Возраст – лет 40–42.

2. Капитан финской армии Карппела Ворко, он же Карпов. В разведывательной школе имеет клички «Пато» и «Музыка». По национальности карел, уроженец Кондопожского района, дер. Сет Наволок Карело-Финской ССР. На советской территории находится его мать и некоторые родственники, происходит из семьи торговца, в прошлом участник Карельской авантюры 1920–1921 гг.[3], после ликвидации которой бежал в Финляндию. Проживал в г. Хельсинки. Женат на финской гражданке из богатой семьи. Жена часто к нему приезжала в разведывательную школу, образованная и культурная женщина.

«Музыка» владеет немецким, карельским, финским и русским языками. До войны СССР с Финляндией 1939–1940 гг. учился в г. Хельсинки в университете на медицинском факультете. В 1939 г. имел звание младшего лейтенанта финской армии. Звание капитана ему присвоено в 1943 г. В начале войны работал в штабе дивизии на Медвежьегорском направлении и производил опросы русских военнопленных. В разведывательной школе «Музыка» является руководителем курсов разведчиков и радистов. По своему поведению выдержанный, строгий, но справедливый. Возраст – лет 40.

3. Капитан финской армии Эриксон[4]. Русский, руководитель северного отделения «Русской освободительной армии Власова». В разведывательной школе часто читал лекции на антисоветские

темы. Бывш. русский офицер царской армии, в царское время учился в Петрозаводском университете на юридическом факультете, в войну 1914–1918 гг. пошёл добровольцем в царскую армию. Октябрьская революция застала его в чине капитана царской армии, командира батальона Юго-Западного фронта. В гражданскую войну участвовал в боях против Красной армии в армии Юденича. После поражения белогвардейских банд Юденича эмигрировал в Финляндию и в дальнейшем проживал в своём поместье. В настоящее время в Финляндии имеет адвокатскую частную контору. Богатый и влиятельный человек в Финляндии. Руководит финской антисоветской передачей на русском языке через радиостанцию «Лахти». В молодости увлекался французской борьбой и принимал участие в спортивных соревнованиях. Возраст – 54 года.

4. Капитан Нурмела, по специальности лётчик, радист, в разведывательной школе является руководителем курсов радиодела, по национальности финн, русским языком не владеет, любитель охоты.

5. Лейтенант Хильянен, по национальности ингерманландец. Проживал в России. После Октябрьской революции эмигрировал в г. Хельсинки. По его рассказам, кадровую службу отбывал рядовым в 1934 г. в финской армии. Позднее учился в одном из высших учебных заведений Финляндии. Всесторонне развит. Владеет финским, английским, русским, немецким и шведским языками. В школе рассказывал разведчикам, что выполняя разведывательное задание на территории СССР, ему однажды удалось получить крупную сумму советских денег в одном из банков. В разведывательной школе занимался подготовкой разведчиков непосредственно к переброске на территорию СССР. Некоторое время был начальником пункта отдыха разведчиков в дер. Минола.

6. Майор Мико, помощник начальника Петрозаводского отделения финской разведки. Одно время являлся начальником школы диверсантов в г. Петрозаводске. В его ведении находится картотека и секретная документация Петрозаводского отделения. В разведывательной школе ранее преподавал специальные предметы по разведке. В работе вежлив, серьёзен и требователен. Знает несколько языков, в том числе владеет хорошо русским языком. По национальности финн, в возрасте 40 лет.

Как установлено агентурным путём и следствием по делам арестованных агентов, подготовленных и переброшенных на территорию Советского Союза Петрозаводским разведывательным отделением, в функции этого отделения входит: подготовка и переброска агентуры для разведывательной работы на территории тыла Ленинградского и южной части Карельского (до Ухтинского направления) фронтов, Вологодской и Архангельской областей; обработка советских военнопленных.

Установлено, что Петрозаводское отделение финской разведки своей агентуре, засылаемой в тыл Красной армии, даёт следующие задания:

1. Устанавливать дислокацию воинских частей, штабов Красной армии. Численность и вооружение частей.

2. Вести разведку характера обороны переднего края, в частности, разведку переднего края обороны 7-й отдельной армии[5] и 32-й армии[6] Карельского фронта.

3. Устанавливать, какие грузы и куда перевозятся по Северной и Кировской дороге, куда эвакуировано население, заводы и фабрики Карело-Финской ССР.

4. Устанавливать наличие воинских частей, баз и складов в Вологодской и Архангельской областях.

5. Изучение водных перевозок по морским и речным путям в пределах Карело-Финской ССР, Архангельской и Мурманской областей.

6. Разведывать вновь строящиеся железные, шоссейные и грунтовые дороги. Передвижение по фронтовым и армейским дорогам грузов и людского состава.

7. Выявление тактических и стратегических планов командования фронтов.

8. Выявление состояния снабжения продовольствием гражданского населения в тылу, его морально-политическое состояние. Репрессивные действия органов НКВД.

Кроме вопросов разведывательного характера, агентам даются диверсионные задания (взрыв мостов, железных дорог, важных военных объектов и т.п.).

III. Суомусалмское отделение

Главный штаб отделения находится в мест. Суомусалми и подчиняется Каяаанинскому отделу финской разведки. Мест. Суомусалми находится в центральной части Финляндии, в 30 км западнее советско-финской государственной границы; расположено в конце шоссейной дороги Каяаани – Суомусалми. Кадры разведчиков, перебрасываемые Суомусалмским разведывательным отделением в тыл Красной армии, обучаются в разведшколе, дислоцирующейся в мест. Хаукиперя, что в 4 км юго-восточнее мест. Суомусалми. Мест. Хаукиперя раскинуто на протяжении 2 км (от парома через пролив Хаукиперя до бараков разведотделения). Разведотделение занимает в мест. Хаукиперя три барака. В первом, южнее озера Кианта Ярви, размещается отделение разведки. Во втором – уступом за первым– столовая отделения. В третьем – левее второго – разведшкола. В 3,5 км от разведшколы находится вилла полицейского пристава мест. Суомусалми, в которой проживает со своей семьёй начальник Суомусалмского разведотделения лейтенант Каллама. Сам пристав живёт в отдельном домике, в 1–1,5 км юго-западнее виллы.

Из основных сотрудников Суомусалмского разведывательного отделения известны следующие лица:

1. Начальник отделения лейтенант Каллама Валто, лет 30, хорошо владеет русским и финским языками, со слов сотрудников, владеет также французским и немецким языками. В обращении с подчинёнными грубоват; отец его по национальности русский, родом из г. Минска, до 1917 г. работал в Генеральном штабе русской армии, мать финка, женат. Имеет малолетнего ребёнка.

2. Военный чиновник Илтала Пекка, лет 53–54, занимается допросами военнопленных, в школе преподаёт топографию, типы советских танков и самолётов; русский, сын попа, сам служил где-то дьяконом, участник войны 1914–1918 гг. В 1914 г. окончил школу прапорщиков, потом получил звание поручика. Имеет жену и двоих детей.

3. Майор Марттина[7] – один из руководителей разведотдела армии в г. Каяани, которому подчинено Суомусалмское разведотделение. Неоднократно приезжал к Каллама. Ему же подчинены и диверсионные отряды, направляемые на территорию Карело-Финской ССР.

Установлено, что самый крупный из этих диверсионных отрядов – отряд под командованием лейтенанта финской армии Илмари, в количестве 110 человек, дислоцируется в дер. Муу-Ярви, что восточнее Суомусалми. Отряд часто перебрасывался на территорию СССР с диверсионными целями. Известно, что этот отряд в ночь с 11 на 12 февраля 1942 г. совершил бандитский налёт на населённый пункт Петровские Ямы, где разгромил госпиталь, взорвал армейские склады и поджёг посёлок. Этот отряд набран из отъявленных уголовных преступников.

Суомусалмское отделение финской разведки ведёт разведывательную и контрразведывательную работу против Советского Союза в двух направлениях:

1. Разведку системы обороны и частей РККА на Ухтинском и Ребольском направлениях, районов г. Беломорска и вдоль ж.д. Сорокская–Обозёрская.

2. Допрос военнопленных и разработка на основании их показаний данных о системе обороны и частях РККА.

Установлено, что Суомусалмское разведывательное отделение даёт своей агентуре, засылаемой в тыл Красной армии, следующие задания:

1. Устанавливать состояние дорог и наличие оборонительных укреплений на Ухтинском и Ребольском направлениях, а также с флангов этих направлений, в районах Кемь–Беломорск–Сосновец–Рамое–Накханное. Определять возможность проходимости пехоты в районах Накханное–Рамое–Сосновец.

2. Устанавливать количество ж.-д. путей и их состояние на станциях: Сорокская, Сумпосад, Нюхча, а также загруженность и систему охраны ж.-д. ветки от ст. Сорокская до ст. Онега.

3. Устанавливать степень оборудования и систему охраны ж.-д. мостов вдоль ж.-д. ветки ст. Сорокская–Обозёрская с целью направления диверсионных групп для их уничтожения.

4. Определить пропускную способность портов в г. Беломорске и Онега. Устанавливать количество кранов в этих портах, их грузоподъёмность, какой национальности и с каким грузом прибывают пароходы в указанные порты.

5. Устанавливать места расположения баз, складов, зенитных батарей и аэродромов (состояние грунта, количество и качество аэродромных построек и типы самолётов).

6. Выявлять места расположения пунктов сбора прибывающего пополнения и контингент пополнения, а также из каких районов оно поступает.

7. Устанавливать место пребывания штаба Карельского фронта, Карело-Финского правительства, его учреждений и органов НКВД.

8. Распространять среди гражданского населения провокационные слухи «о больших победах Германии на советском фронте и о неизбежности поражения СССР».

В 1943 г. в результате задержания и разоблачения ряда агентов финской разведки установлено, что Петрозаводское и Лапландское отделения финской разведки в значительной степени проводят свою работу по подбору, подготовке и переброске разведывательной агентуры на территорию СССР совместно.

Как показали разоблачённые агенты финской разведки, они были завербованы Лапландским отделением финской разведки, прошли предварительную подготовку в районе Рованиеми под руководством Паатсало, где обучались лыжному делу, общевойсковой и стрелковой подготовке, а затем были направлены для специальной учёбы по разведывательным дисциплинам и радиоделу в Петрозаводскую разведывательную школу.

По окончании учёбы и практики в Петрозаводской школе разведчики и радисты были возвращены в Рованиеми, где проходили дополнительную тренировку по радиоделу и разведке, разучивали легенды и задания.

Переброска на территорию СССР проводилась из района Петрозаводска и Рованиеми в зависимости от заданных направлений для деятельности агентуры на территории СССР. Разведчики и радисты, предназначенные для работы в тылу частей Красной армии на Мурманском и Кандалакшском направлениях, перебрасывались Рованиемской разведывательной школой, а имеющие задания по разведке центрального и южного участков Карельского фронта, перебрасывались Петрозаводской разведывательной школой.

МЕТОДЫ РАБОТЫ ФИНСКИХ РАЗВЕДОРГАНОВ

1. Подбор и контингент подбираемой к вербовке агентуры

Финская разведка в целях приобретения необходимых ей кадров шпионов, диверсантов и террористов практикует различные методы обработки и вербовки их. Вербовки из числа попавших в плен, находящихся в лагерях Финляндии командиров и бойцов Красной армии или задержанных при попытке выхода из окружения, а также ряда лиц из числа неустойчивой части коммунистов, комсомольцев и служащих советских учреждений, оставшихся на советской территории, временно захваченной белофиннами, как правило, финские разведорганы проводят на базе получения откровенных показаний о дислокации и вооружении частей Красной армии или проверки на провокаторской работе. Кандидатуры, намеченные к вербовке, неоднократно тщательно допрашиваются офицерами финской разведки по вопросам автобиографии, связей на территории Советского Союза и указанным выше вопросам.

Как правило, финская разведка вербует свою агентуру из числа лиц: 1. финской и карельской национальностей, хорошо знающих районы Карело-Финской ССР; 2. репрессированных органами НКВД или имеющих репрессированных родственников; 3. из социально-чуждых, уголовно-преступных элементов, а также из числа изменников и предателей Родины; 4. советских военнопленных, доказавших свою преданность финскому командованию на работе в лагере. Осведомители и провокаторы в лагерях советских военнопленных; 5. советские военнопленные, в том числе коммунисты и комсомольцы, выполнившие специальные задания для финского командования, выдавшие военные и государственные секреты, раскрывшие структуру какого-нибудь советского органа власти, указавшие местонахождение скрытых минных полей, продовольственных складов, баз на оккупированной территории и т.п.; 6. имеющих близких родственников на оккупированной немцами или финнами территории.

Причём финские разведорганы выбирают для вербовки из вышеперечисленных категорий лиц смелых, решительных и готовых ради водки и обещаний на будущее – разгульной жизни, пойти на всё. Широко также применяют метод угроз, шантаж. При отборе в разведывательные школы финны также обращают внимание на волевые качества человека: сдержанность, умение сохранять тайну и т.п.

Процесс вербовки

Вербовка отобранных для разведывательной работы советских военнопленных производится непосредственно в лагерях гласным составом финских разведывательных органов. Получив предварительное согласие и тщательно проверив подобранные кандидатуры для

вербовки, офицеры финской разведки последующее оформление документов вербовки обычно производят уже в разведывательной школе. В последнее время установлено, что финны производят предварительные вербовки в так называемую «Русскую освободительную армию Власова», причём используют для подбора и обработки советских военнопленных предателей из числа бывших офицеров Красной армии. Уже из числа вовлечённых в формирования «власовской армии» финские разведывательные органы определённый контингент направляют в разведывательные школы. Этим мероприятием финские разведывательные органы пытаются зашифровать истинный смысл работы советских военнопленных в пользу Финляндии, пропагандируя участие в разведке как осуществление целей и задач «власовской армии» по «борьбе с большевизмом».

Отобранные кандидатуры для вербовки офицерами финской разведки тщательно допрашиваются и проверяются. Часто им предлагают выполнить ряд письменных работ по биографическим, военным и другим вопросам (в лагере в г. Рованиеми и офицерском лагере № 1 ст. Пейпехио в своё время были отведены специальные помещения для письменных работ, где отобранные в разведывательные школы выполняли специальные задания финского командования).

Как показывает разоблачённый агент финской разведки, в офицерском лагере № 1 советские военнопленные выполняли по заданию финнов следующие задания:

1. Описание и уточнение на карте промышленных и гражданских учреждений Пудожского района Карело-Финской ССР.

2. Описание военных и гражданских объектов Мурманска и Беломорска.

3. Исторические данные о ряде кадровых дивизий Красной армии (это задание выполняли военнопленные, проходившие продолжительное время службу в той или иной дивизии).

4. Разработка вопросов инженерного обеспечения боевых действий пехоты в Красной армии.

5. Разработка вопросов воинских перевозок и комендантской службы в Красной армии.

6. Сочинения различных литературных произведений антисоветского содержания.

7. Данные об артиллерии и авиационных силах РККА.

Многие из числа выполнивших вышеуказанные здания были направлены в разведывательную школу финской разведки.

Завербованная в лагерях военнопленных агентура в ряде случаев предварительно направляется на выполнение провокаторских заданий среди пленных командиров, комиссаров и красноармейцев, одновременно сама проверяется через других агентов. Часто при обработке

и проверке подобранного контингента для вербовки последний привлекается в качестве корреспондента различных антисоветских газет, выпускаемых в Финляндии и Германии.

Подход к вербовке финскими разведывательными органами – дифференцированный, с учётом особенностей подобранной кандидатуры. Так, например, весьма показательна вербовка и подготовка агента «М», арестованного и разоблачённого Управлением «Смерш» Карельского фронта. Вербовка и подготовка «М» носит как бы идейную подкладку и националистический характер. Сотрудниками разведотделения было учтено, что «М» по национальности армянин и образованный человек (филолог Ленинградского университета), в связи с чем ему было предложено написать «свои мысли и мнение об армянском государстве» и дать ряд ответов на вопросы политического характера касательно советского государства. Конечно, тут преследовалась цель заполучить от «М» ряд документов антисоветского содержания.

В оккупированных городах и селах финская разведка вновь завербованную агентуру первоначально использует для выявления коммунистов, партизан и лояльно настроенных к советской власти людей. Для лиц, намеченных на вербовку, финская разведка создаёт улучшенные условия жизни, спаивает вином и обещает обеспечение хорошей жизни в Финляндии после выполнения поставленных перед разведчиками задач. Так, например, арестованный органами «Смерш» Карельского фронта после перехода линии фронта агент Лапландского отделения финской разведки «А», направлявшийся в г. Мурманск с рацией для освещения деятельности Мурманского порта, оказался предателем, бывш. агентом Мурманского погранотряда с 1939 г., переброшенным финской разведкой. Как показал «А», он после пяти ходок в Финляндию по заданию погранотряда с задачей внедрения в финские разведорганы «случайно» расшифровался перед финской разведкой как советский разведчик и был завербован начальником Лапландского отделения финской разведки капитаном Паатсало. Характерно, что разоблачил «А» в принадлежности к советской разведке капитан Паатсало после получения от «А» подробного материала («А» был изолирован и не выпускался из разведотделения, пока подробно не изложил в письменном виде всё, что ему известно по военным вопросам, равно как и о своей деятельности с советской разведкой). Капитан Паатсало пригрозил последнему полевым судом, который приговорит его к расстрелу. Добившись необходимого морального эффекта, капитан Паатсало лично едет «ходатайствовать» в Генштаб в Хельсинки о его помиловании, которого он успешно добивается. После подобной обработки «А» материально заинтересовывается в работе на финскую разведку, для чего капитан Паатсало предоставляет в его распоряжение отдельную квартиру в дер. Пековейтамс, бесплатное питание и, более того, женит его и выплачивает ежемесячно 4000 марок, в то время, как сам получает 3800 марок.

В довершение «обработки» капитан Паатсало предлагает «А» работать с финской разведкой и получив от «А» согласие, посылает его с разведзаданием к нам. Насколько серьёзно и тщательно «А» был подготовлен для работы с финской разведкой, можно судить по заявлению последнего на допросе, который на наше предложение искупить своё преступление перед Родиной заявил: «В Финляндию с разведзаданием не пойду. У меня в Финляндии семья и потом... я не могу лгать Паатсало...».

При оформлении вербовки подобранному для разведывательной деятельности предлагается заполнить анкету, состоящую из 36–56 вопросов, Вопросы, встречающиеся в анкете, носят самый разнообразный характер. Начинаются они обычно с автобиографических данных, а затем идут вопросы, освещающие быт, наклонности и увлечения человека. Так, например, встречаются в анкете следующие вопросы:

1. Любите ли вы танцевать?
2. Владеете ли иностранными языками?
3. Любите ли музыку, литературу?
4. Ваши любимые композиторы и авторы?
5. Какого содержания вам больше нравятся книги, кино, спектакли?
6. Любите ли вино, женщин?
7. Любите ли жену, мать?
8. Как часто изменяли жене?
9. Любите ли спорт и каким видом занимались ранее?
10. Прыгали ли с парашютом, где и сколько раз?
11. Основные черты вашего характера: любите ли спорить, любимые темы и т.п.

Кроме этого в анкете имеются и такие вопросы: какие области СССР хорошо знаете, кого знаете лично из руководителей партии и правительства, национальных республик СССР и проч.

Особое место в анкете занимают вопросы политического характера, которые преследуют цель заполучить от вновь подобранных агентов ответы антисоветского содержания и тем привязать агента и добиться преданности его финской разведке. В последнее время, в связи с вербовками финской разведкой в агенты под видом вовлечения в «добровольческие формирования власовской армии», предлагались в анкете следующие вопросы:

1. Почему вы не вступили в партию?
2. Почему считаете себя достойным вступить в ряды «Русской освободительной армии Власова»?
3. По каким вопросам вы не согласны с мероприятиями советской власти?
4. Участвовали ли в борьбе против советской власти, в каких организациях и что конкретно было сделано вами?
5. Участвовали ли вы в каких-либо иностранных разведках?

6. Верите ли в правоту дела «русской освободительной армии» и её победу?

Окончательная вербовка в агенты финской разведки оформляется соответствующей подпиской. Ранее Петрозаводское разведывательное отделение при вербовке агентуры непосредственно от имени финской разведки отбирало подписку следующего содержания: «Я обязуюсь выполнять все приказания начальников, без разрешения последних не выходить из расположения городка, не заводить знакомство с обслуживающим персоналом, не ставить в известность никого в отношении своей прошлой жизни, в свою очередь, не пытаться у других узнать об их прошлой жизни. Я обязуюсь не вступать в связь с разведками других стран, помнить, что я свою жизнь должен отдать на благо родины, в борьбе с большевизмом. В случае невыполнения обязательства, я должен буду отвечать перед судом согласно п. 95 военного времени». Внизу подписки следует подпись агента его действительной фамилией, именем и отчеством, а также фамилией, именем и отчеством агента, под которыми он должен будет действовать в тылу частей Красной армии.

В 1943 г. финская разведка практикует зашифровку вербовки в агенты под видом вовлечения в ряды РОА и в соответствии с этим отбирает подписку следующего содержания: «Я, (фамилия, имя, отчество), вступаю в ряды первого разведполка северного отделения "Русской освободительной армии Власова", обязуюсь:

1. Все свои силы отдать на службу русского народа, а если потребуется, и пролить свою кровь за освобождение своей родины от большевиков.

2. Обязуюсь ни при каких обстоятельствах не разглашать слышанное и виденное мною никому и никогда.

3. Обязуюсь всецело и безоговорочно выполнять все поручения начальников или лиц, коим поручено мною распоряжаться.

4. О чем догадываюсь или предполагаю, нигде не высказывать, не стараться расспрашивать, не интересоваться жизнью товарищей или командиров, кроме положенного. Случайно услышанные некоторые факты о жизни товарищей нигде и никому не разглашать.

За нарушение высказанного я рискую поплатиться своей жизнью согласно законам военного времени Финляндии. В случае измены рискую поплатиться жизнью своих родственников (здесь перечисляются фамилии родственников). Если совершу измену, то я предупреждён, что мои дела будут переданы в органы НКВД».

Под этим обязательством следует подпись агента, делается оттиск большого и среднего пальцев правой руки и записывается присвоенная агенту кличка. Как видно из обязательства, в нём не записаны положения, обязывающие агента финской разведке, однако, в случае измены имеется ссылка на наказание по законам Финляндии.

После оформления всех документов вербовки агент направляется на учёбу в разведывательную школу.

Подготовка и обучение агентуры

Подготовка агентуры для разведывательной работы на территории СССР финскими разведывательными органами проводится в ряде специально созданных разведывательно-диверсионных школ. По прибытии в разведывательную школу агентура переодевается в форму финских солдат, каждому присваивается кличка и разъясняется режим. Как установлено, обучение проводится на протяжении от трёх до девяти месяцев пребывания в разведывательной школе. В течение этого времени агенту преподносится полный курс теоретической и практической подготовки для разведывательной деятельности на территории СССР.

В курс теоретических занятий входят следующие предметы:

1. Организация вооружённых сил Красной армии, всех родов войск и их оснащение.

2. Строевая подготовка (в объёме подготовки одиночного бойца).

3. Стрелковое дело и практические стрельбы (винтовка, револьвер «Наган», пистолет «ТТ», автомат «ППШ»).

4. Уставы и наставления РККА. Знаки различия и награды РККА.

5. Инженерное дело (установка полевых заграждений, подрывное дело, минирование).

6. Тактика в наступлении и обороне с решением задач роты в составе батальона.

7. Топография (пользование картой, ориентировка на местности, движение по компасу, азимуту).

8. История России (по учебнику Покровского и Соловьёва).

9. Еженедельный политический и военный обзор (преподносился в духе антисоветской пропаганды).

10. Ежедневное слушание радиопередач из Германии, Финляндии и СССР.

11. Физическая подготовка (бокс, французская борьба, плавание).

12. Парашютное дело.

Специальные предметы

Тема А. Действия разведчика в лесу

1. Порядок и способы передвижения разведчика в лесистой местности, самоохранение, маскировка.

2. Преодоление препятствий.

3. Выбор места отдыха, ночлега и продолжительного жилья.

4. Действия разведчика при преследовании. Как обнаружить слежку, как избавиться от неё, методы работы советских истребительных батальонов.

5. Движение разведчика к объекту работы. Выбор наблюдательного пункта, самоохрана, маскировка, действия разведчика при встрече с бойцами Красной армии, местными жителями.

6. Передвижение к объекту совместно с радистом, передача сведений радисту, организация базы для рации.

Тема Б. Действия разведчика в населённых пунктах. Подход к населённому пункту, режим проживания в населённом пункте, выбор квартиры, взаимоотношения с хозяевами, образ жизни разведчика в населённом пункте, правила поведения разведчика на улице в населённом пункте, в поезде, ресторане, в увеселительных местах, при случайных задержаниях, проверке документов, проживание в гостинице. Взаимоотношения с женщинами.

Тема В. Методы добычи разведывательных данных (наблюдение, подслушивание, шантаж, добывание «языка», обработка газетного материала, завязывание знакомств, связей).

Тема Г. Объекты разведки (воинские части, штабы, военные предприятия, аэродромы, железные дороги, ж.-д. перевозки, грунтовые и шоссейные дороги, морской и речной торговый флот СССР, военно-морской флот, средства связи, государственные, административные и пр. учреждения).

Тема Д. Составление донесений разведке.

Тема Е. Легенда и пользование ею.

Тема Ж. НКВД (методы работы советской контрразведки).

Тема З. Следствие в НКВД (поведение разведчика на следствии).

Тема И. История шпионажа.

Тема К. Действия разведчика при различных способах переброски (с парашютом, при переходе линии фронта, в десантных группах).

Тема Л. Уроки психологии (характер, настроение, волевые качества человека).

В курс обучения радиста входили также указанные выше спецпредметы, только в меньшем объёме. Значительное время в их учёбе уделялось изучению радиодела и практической работе на рации. По окончании теоретических занятий и в ходе учёбы с разведчиками-радистами проводится практическая тренировка. Практическая тренировка проводится в следующем направлении:

1. Движение по азимуту, ориентировка на местности.

2. Преодоление водных препятствий, минных полей.

3. Действия в ближнем тылу фронта и в пределах штаба полка.

4. Пользование документами согласно легенде. Изучение личных документов бойцов и офицеров Красной армии.

5. Добыча сведений (на заданном объекте и составление донесений разведке).

6. Легальное проживание в населённом пункте.

7. Связь разведчиков с радистом и составление донесений для передачи по рации.

8. Действия в лесистой местности (организация наблюдения, маскировка, самоохрана).

9. Действия разведчика в момент приземления с парашютом и дальнейшее продвижение к объекту работы.

10. Радиодело.

11. Прыжки с парашютом.

11. Тренировочные допросы по легенде, документам.

Наряду с учёбой разведчикам преподносятся для изучения различные пособия по разведке, которые охватывают отдельные вопросы поведения разведчика при выполнении задания и должны облегчить его деятельность в будущем. В этом же плане и проводится культурно-просветительская работа в разведывательной школе. Так, например, ряд разоблачённых агентов финской разведки показали, что во время нахождения в разведшколе им была выдана так называемая памятка, которую предложено было изучить за время пребывания в разведшколе. В этой памятке, которая носит название «Размышление о работе», говорится: «Запомни раз и навсегда, что теперь ты тайный работник, что в твоей работе будут только одни трудности и преграды, которые ты должен умело и энергично преодолевать. Твоя работа требует от тебя силу воли и твёрдый характер. А поэтому немедленно борись за перевоспитание своих слабых сторон характера, развивай свою память и научись молчать, ибо способность уметь всё запоминать и уменье молчать будут являться твоими лучшими и первыми помощниками.

Забудь своё прошлое – твоим прошлым является легенда. Научись читать местные газеты между строк. Помни, что излишняя храбрость может часто переходить в глупость, но чтобы не быть трусом, знай пословицу, что "смелый сквозь стену пройдёт". Фантазия в твоей работе не лишняя, но её всегда надо держать, как зануздданную лошадь, потому что твоя фантазия может испортить всё, что создал обдуманный план. Тебе могут представиться несуществующие препятствия, которые задержат выполнение твоего плана. В общем не фантазируй.

Помни, что сегодня тебе кажется непреодолимым, уже завтра может быть легко выполнимым.

Большое значение в твоей работе имеет случай, так что никогда не пропускай удобного случая. Никогда, никому и ни в чём не верь. Никогда не назначай свидания в одном и том же месте и в одно и то же время. Если ты любишь хорошо и со вкусом одеваться, то оставь эту привычку. Если любишь хвастаться, то старайся этого впредь не делать. Возьми себе за правило не выделяться из окружающей тебя среды, подлаживай-

ся всегда под массу. Старайся не говорить (выступать) в компании, ибо тебя легко кто-либо может вовлечь в спор, в котором ты можешь высказать мысли, которые в другое время ты бы не сказал. Не вербуй себе помощников из неразвитых людей, но и в то же время не забывай, что под глупой физиономией может скрываться "золотой человек".

Не посещай одних и тех же общественных ресторанов, садов и т.д. Если ты имеешь пристрастие к вину, то не напивайся в общественном месте, в компании, а пей у себя на квартире. Если ты любитель женского пола, то никогда не влюбляйся, меняй женщин, учти, что любовь, как и вино, ослабляет волю. Имей также в виду, что объект твоей любви может оказаться на службе у контрразведки и тогда ты – пропавший человек.

Если ты живешь на квартире, то не обращай на себя внимание чрезмерным молчанием. Верь в свою судьбу. Знай, что каждому в жизни предназначен свой путь. Поэтому никогда не теряйся и будь хладнокровным, ибо смерть тебя застигнет неожиданно, не взирая на то, будешь ли ты на работе, в час досуга, на земле или на воде. Ты можешь остаться живым в самой горячей перестрелке, раз не пришел ещё твой смертельный час, и ты можешь получить смерть за стаканом чая. Помни, что статистика показывает, что многие агенты были раскрыты благодаря пристрастию к вину и женщинам.

Если ты имеешь у себя помощников, то будь с ними честен. Но помни, что твои помощники никогда не должны знать, где ты живёшь, чем ты занимаешься, что думаешь делать, куда собираешься идти или ехать. Все получаемые от своего старшего начальника задания должен выполнять с честью и отвечать только ему.

Для того чтобы ты преуспевал в своей работе, ты должен научиться молчать и запоминать. Например, тебе захотелось что-то сказать, чем-то поделиться: итак, ты скажи себе, что сейчас я этого не скажу, а скажу через 5 минут. По прошествии этого срока ты увидишь, что у тебя уже нет такого желания, и ты не скажешь того, что 5 минут тому назад так распирало тебя. Прежде чем отвечать на какой-либо вопрос, подумай несколько раз, а потом отвечай. Если ты хочешь что-либо узнать от собеседника, то веди с ним разговор так, чтобы он удовлетворил тебя ответом, не чувствуя прямого вопроса с твоей стороны.

Для развития памяти и запоминания поступай следующим образом: если ты ложишься спать, то постарайся вспомнить, как прошёл у тебя день, до малейших подробностей. Внимательно посмотри на какой-нибудь предмет, затем закрой глаза и постарайся представить его в своём воображении. Никогда не раздражайся из-за пустяков. Уж если не сможешь себя сдержать, то смотри на раздражающий тебя предмет с высокого пьедестала, ведь не может же тебя раздражать лай каждой дворняжки».

Отдельные изречения (лозунги)

Победа – это цепь неразоблачённых тайн.

Молчание – жизнь, разговор – смерть.

Тайной не может быть то, что знает больше одного человека.

В Петрозаводской разведывательной школе с внутренней стороны на двери каждой комнаты, где обучается и проживает агентура, наклеена памятка следующего содержании: «Помни, что ты являешься командиром РККА, что внешне ты предан делу Ленина–Сталина, что ты культурный человек. Воспитывай себя согласно вышеуказанному».

По специальным дисциплинам разведчикам в процессе обучения преподносится следующее.

Действия разведчика в лесу

По теме действия разведчика в лесу вначале обучают правилам передвижения в лесистой местности. По этому вопросу рекомендуют при передвижении соблюдать максимальную осторожность, стараться проходить по болотистой местности, переходить через мелкие речки с тем, чтобы не оставлять за собой видимых следов. Стремиться путать свои следы, не следовать в одном направлении, делать петли. Избегать выхода на открытые места, при ходьбе придерживаться теневой стороны деревьев, не оставлять за собой поломанных веток, всевозможных банок, окурков, бумаги или каких-либо других предметов. Двигаясь группой, разделяться на зрительную связь и друг друга охранять. Заранее договариваться между собой о месте встречи в случае обнаружения и преследования противником. Не выходить на дорогу, заранее не убедившись в том, что там не имеется посторонних людей. Водные рубежи переходить, используя имеющиеся на месте средства. При преодолении водного рубежа группой вначале переправляется один человек, который осматривает местность, а затем сообщает сигналом о возможности беспрепятственного передвижения, после чего переправляются остальные.

В следующих лекциях останавливаются на вопросах выбора места для ночлега, отдыха, постоянного пребывания в лесу. Здесь учат вначале убедиться в том, что в этом месте не имеется никаких свежих следов пребывания посторонних людей. Костры разводить разрешалось, предварительно прикрыв их шатром, чтобы не было видно огня, использовать для костров ольховые и осиновые деревья. Располагаясь на ночлег, выставить охрану. Рекомендовалось после устройства ночлега разбросать вокруг сухие ветки с тем, чтобы при приближении посторонних людей можно было их легко обнаружить по шуму. После ухода с места ночлега и отдыха уничтожить все следы своего пребывания.

В лекциях рассматривался также вопрос обнаружения преследования и методы борьбы с ним. Разведчику указывается, что двигаясь в лесу, необходимо прислушиваться к различным звукам, обращать внимание

на лесных птиц: сороку, сойку, которые обычно сопровождают людей. В пути часто останавливаться и вести наблюдение за районом своего передвижения. Рекомендуется двигаться петлеобразно с тем, чтобы можно было просмотреть свой пройденный путь. Обнаружив слежку, разведчику рекомендовалось выяснить в первую очередь количество преследователей и имеются ли у них сообщники. Для этого предлагается остановиться и замаскироваться таким образом, чтобы направление ветра было на разведчика. Необходимость последнего действия разведчика объясняется тем, что собака при преследовании обычно теряет чутьё, если двигается по ветру. При обнаружении преследователей с собакой стремиться выйти к ближайшему водному рубежу и перейти его, чтобы замести свои следы, в случае, если этого сделать нельзя, при встрече с преследователями в первую очередь уничтожить собаку или проводника собаки, а затем вновь попытаться от группы преследователей уйти. Агенту указывается, что русские при погоне за обнаруженными разведчиками преследуют их в направлении первоначально замеченного места укрытия убегающего, поэтому следует пробежать несколько вперёд, сделать круг, вновь вернуться к исходному месту и здесь, замаскировавшись, выждать некоторое время.

В отношении работы советских истребительных отрядов в школе рассказывают, что преследование ими ведётся обычно большой группой, которая двигается по лесу длинной цепью. Указывается, что советские истребительные отряды при движении мало применяют мер предосторожности, создают много шума, так что разведчику легко обнаружить преследователей и уйти от них. Тут же подчёркивается, что органы контрразведки стремятся разведчика взять живьём, и в связи с этим истребительные отряды пытаются обычно прижать разведчика к какому-нибудь труднопроходимому месту (озеру, болоту) и далее, заходя флангами, его окружить, а затем сжать кольцо около разведчика и тем вынудить его к сдаче.

Кроме того указывается, что органы советской контрразведки знают, что финские разведчики оказывают вооружённое сопротивление, поэтому истребительные отряды не особенно охотно идут на сближение с разведчиком. В этой связи рекомендуется разведчику действовать решительно и в нужном случае оказывать вооружённое сопротивление. В случае же окружения выбрать наиболее слабое звено и стремиться через него прорваться.

По вопросу непосредственной разведывательной работы в лесистой местности разведчику рекомендуется выбрать себе наблюдательный пункт, удовлетворяющий достаточным требованиям маскировки и необходимой работе по разведке. Если, скажем, наблюдательным пунктом избрана высота, то она ничем не должна отличаться от окружающей местности, но вместе с тем быть удобной для наблюдения. Если

к объекту работы, пункту наблюдения необходимо подходить несколько раз, то рекомендуется в каждом отдельном случае изменять направление подхода.

При действии разведчика совместно с радистом предлагается местонахождение рации и радиста расположить отдельно от заранее намеченного пункта отдыха и ночлега (базы). Одновременно подчёркивается, что рацию и питание ни в коем случае нельзя оставлять без наблюдения. Связь разведчика с радистом рекомендуется осуществлять путём организации «почтового ящика», где-нибудь в дупле дерева или в каком-либо другом условном месте. Причём эти места часто изменять. При подходе разведчика к месту нахождения рации предлагается ему заранее тщательно осмотреться и убедиться, что за ним нет слежки, а затем при приближении пронаблюдать район нахождения рации на предмет установления, нет ли засады. К этому дополнялось, что разведчик и радист должны между собой договариваться об условных сигналах для связи.

При встрече в лесу с охотником, одиночным бойцом, женщинами и детьми, собирающими ягоды, разведчику указывается, что необходимо их задержать, независимо от того, видел ли встречный разведчика или нет. После этого выяснить у них интересующие сведения, а затем уничтожить. Труп убитого рекомендуется укрыть, а если позволяет время, то сделать инсценировку самоубийства или нападения на убитого хищного зверя.

Действия разведчика в населённом пункте

На лекциях о действиях разведчика в населённом пункте рассказывают вначале, каким образом с соблюдением предосторожности подойти к населённому пункту, который должен служить объектом разведки. По этому вопросу рекомендуют передвигаться по обочинам дорог, лесом, соблюдая максимальную осторожность. Переходить дорогу, вначале пронаблюдав её, с тем, чтобы избежать внезапной встречи с людьми. В непосредственной близости к населённому пункту предлагается соблюдать особую осторожность. При входе в населённый пункт, если разведчик следует на легальное проживание, смело пройти через КПП и предъявить имеющиеся документы. В населённые пункты входить лучше всего утром, когда жизнь города ещё не началась, или вечером с наступлением сумерек.

Изучение города

Пробравшись в назначенный город для выполнения задания, необходимо изучить план города, узнать, где размещены государственные учреждения, органы НКВД, воинские части, военная комендатура, военизированная сторожевая охрана, с тем, чтобы обходить эти места и подобрать квартиру для нелегального проживания подаль-

ше от этих учреждений. Одновременно в первые же дни пребывания в городе финской разведкой предлагается своему агенту изучить режим и особенности данного населённого пункта, с тем, чтобы вести себя в дальнейшем обычно, как местный житель, и ничем не отличаться от окружающих людей.

Подбор квартиры

Местожительство в населённом пункте избирать в соответствии с той легендой, которая даётся разведчику, если, скажем, [он] переброшен под видом офицера Красной армии, то останавливаться обязательно в общежитиях офицеров. Для нелегального проживания лучше всего квартиру приобрести у кого-либо из своих знакомых, если заведомо известно их отрицательное отношение к советской власти. С другой стороны, допускается проживание у знакомых, лояльно настроенных к советской власти, если разведчик снабжён документами и действует по легенде. В этом случае финская разведка рекомендует постараться отыскать знакомого, занимающего в Советском Союзе видный партийный или хозяйственный пост и таким образом получить для проживания квартиру, которая сравнительно редко подвергается проверке. Если знакомых в городе нет, то у других лиц, стараться [остановиться] у нелояльно настроенных к советской власти. При выборе квартиры разведчику также рекомендуется иметь отдельную комнату, но не стремиться нанимать квартиру с отдельным ходом, с тем, чтобы не вызывать лишних подозрений. Одновременно всегда не забывать, чтобы квартира удовлетворяла правилам самосохранения, т.е. в нужном случае возможно было быстро скрыться через окно чердака, подвал и т.п. Сам наём квартиры производить лучше у женщин с детьми или старух.

Поведение в населённом пункте

Образ жизни разведчик не должен вести замкнутый от соседей и хозяев квартиры: приглашать соседей к себе в квартиру, иногда к столу. Делать соседям небольшие услуги, в обращении не быть слишком назойливым. Не возбуждать любопытство ночной работой у себя на квартире. Не приносить домой скрытно каких-либо свёртков, узелков. Всегда делать это открыто, заявляя, что купил себе те или иные продукты или предметы домашнего обихода. Не назначать деловых встреч в квартире или, в крайнем случае, если это придётся сделать, то не держать комнату запертой, не шептаться. Деловой разговор вести непринуждённо, сопровождая его пением или другими действиями, которые могли бы зашифровать истинную цель встречи. Не приглашать к себе на квартиру женщин, так как впоследствии этого можно стать объектом всяких сплетен соседей. Не устраивать на квартире у себя пьянок.

Хозяевам квартиры платить щедро, однако разведчику финской разведкой рекомендуется ни в коем случае не показывать окружающим, что у него средства выше заработка человека, за которого он себя

выдаёт. В осторожной форме часто спрашивать у хозяев, не интересовался ли кто жильцом. Быть осторожным, чтобы квартира не стала известна органам НКВД.

Находясь на улице или в общественных местах, вести себя корректно, дисциплинированно, никогда не вступать в ссоры, не оскорблять кого бы то ни было, если будут оскорбления по адресу разведчика, то спокойно на это реагировать, не расспрашивать у прохожих то, что можно самому знать. Поэтому нужно изучить движение городского транспорта, местонахождение нужных объектов, основных улиц и т.п., с тем, чтобы задавая эти вопросы, не навести на себя подозрение. Вообще рекомендуется разведчику изучить поведение местных жителей и вести себя так, как все окружающие люди. При возникновении уличных скандалов избегать какого-либо участия в них. В беседах с окружающими не участвовать ни в каких антисоветских разговорах, не слушать всевозможных анекдотов. При возникновении таковых предложить прекратить их или самому удалиться.

Передвигаясь по улице населённого пункта, проверять, нет ли слежки, для чего внезапно останавливаться якобы закурить, задержаться у газетного киоска, у витрины магазина и пронаблюдать за своим пройденным путём. Обнаружив слежку, стремиться от неё уйти, для чего скрыться в толпе или углубиться в тёмную часть города, вскочить в проходящий трамвай, скрыться в воротах близлежащего дома, зайти в незнакомую квартиру и вступить в произвольную беседу с хозяином, с тем, чтобы выждать некоторое время. В крайнем случае, разведчику предлагается, если не будет возможности уйти от преследования, то постараться завести преследователя в пустынную часть города и в отсутствии посторонних людей постараться уничтожить его, а затем немедленно скрыться из населённого пункта вообще.

В гостиницах проживать не рекомендуется, в отдельных случаях в силу необходимости останавливаться на один–два дня, при этом предупреждали, что в гостиницах имеются секретные сотрудники НКВД, в силу чего нужно вести себя осторожно, не оставлять никаких бумаг в номере, не вступать в беседы с обслуживающим персоналом. Если установил, что за разведчиком слежка, то стараться её проверить, при этом установить, не заходил ли кто-либо в его отсутствии в номер. Для этого надо запомнить, как были положены вещи разведчика, а затем через некоторое время проверить, в таком ли порядке они находятся, в каком их оставил разведчик.

Пользование документами

Необходимо, по возможности, избегать пользование документами и только в том случае, если находишься в безвыходном положении, их предъявлять. При этом документы самому необходимо знать отлично, чтобы при необходимости мог чётко, без заминки ответить на любой

вопрос. При случайном задержании во время облав, устраиваемых по поимке дезертиров, уголовных преступников, или по другим причинам, не связанным с деятельностью разведчика, отвечать на вопросы в зависимости от того, кто ведёт опрос и как будет протекать проверка сообщенных разведчиком данных о себе. Рассказывать согласно имеющимся документам и данным легенды. Ни в коем случае не проявлять беспокойства, держать себя при проверке вежливо, но вместе с тем не заискивать, смело смотреть в глаза проверяющим. Вопросы при проверке документов не должны выходить из определённых рамок, так что разведчику рекомендуют, если он почувствует, что проверяющий будет интересоваться больше, чем есть в документах, то можно ему указать, что это выходит из рамок его полномочий. На всякий случай разведчику предлагалось всегда иметь готовый ответ на вопросы «Что вы здесь делаете?» и «Как вы очутились в этом месте?», т.е. в месте проверки.

На кого опираться при выполнении задания

Этому вопросу при инструктаже уделяется большое внимание. Основная опора – это элементы, недовольные советской властью и её мероприятиями: спецпереселенцы, бывш. кулаки, владельцы частной собственности, осуждённые органами советской власти за различные преступления и имеющие осуждённых родственников. Особое внимание обращать на уголовный элемент, который при умелом подходе может быть с успехом использован. Для того, чтобы найти общий контакт и общение с этой средой, необходимо использовать вино и деньги.

Отношение к женщинам

В период выполнения задания [разведчик] должен быть особо осторожен в обращении с женщинами. Не рекомендуется иметь каких-либо интимных взаимоотношений, держать себя с ними необходимо настороженно. Сугубо официальные отношения иметь с женщинами, проживающими в той же квартире, где живёт разведчик нелегально. Не приглашать женщин на эту квартиру, ибо на почве ревности они могут продаться органам НКВД.

В случае, если в зависимости от обстановки от той или иной женщины можно извлечь пользу при выполнении задания, не следует ею пренебрегать. Например: весовщица в порту, машинистка в штабе, работница оборонного завода, работница железной дороги, транспорта и т.п. Но во всех случаях использование женщин должно быть предусмотрительным и осторожным. При этом указывалось, что среди женщин имеется много агентов НКВД, поэтому разведчику не рекомендуется устанавливать длительные связи, не быть доверчивым, не давать повода ко всяким ревностям и скандалам вообще. Обращалось внимание также на то, что женщины в большинстве патриотично настроены к советской Родине и при небольшом подозрении могут заявить органам НКВД.

Методы добычи разведывательных данных

Как показывают разоблачённые агенты финской разведки, они в разведывательной школе обучались следующим методам добычи разведывательных данных.

Наблюдение

Этим методом рекомендовалось добывать сведения по ж.-д. перевозкам, движению по шоссейным и грунтовым дорогам, изучению деятельности аэродромов и т.д. При собирании сведений методом наблюдения обращалось внимание на выбор наблюдательного пункта. Таковыми рекомендовалось использовать развалины деревень, обочины дорог в лесистой местности и другие места, где можно вести наблюдение, оставаясь незамеченным. При наблюдении за выгрузкой или погрузкой в населённых пунктах разведчикам говорили, что удобно пройти в близлежащий магазин, остановиться у витрины, задержаться в очереди, в парикмахерской и т.п. При этом не делать вида праздношатающегося человека. В лекциях о наблюдении разведчиков учили, как определять характер перевозок. Указывалось, что воинские перевозки можно определить по эшелонам, наличию в них орудий, лошадей и т.п. Этим самым установить род войск и численный состав. По внешнему виду солдат определить контингент: пополнение ли из запаса или переброски одной части с одного участка фронта на другой. Вступать в разговоры разрешалось с проезжающими бойцами, для чего заводить разговор на отвлечённую тему, под видом установления земляков и т.п. Прикидываться бывалым воином, имеющим ранения, весёлым собеседником. В результате бесед и наблюдения можно установить: по направлению, откуда идут грузы, их назначение и происхождение; по надписям установить место их изготовления; по охране – принадлежность грузов и т.д. В городе по рангам и форме офицеров можно установить, какие части [здесь] находятся; по направлению взлётов и посадки самолётов установить расположение аэродромов; простым прохождением по набережной или под видом рыболова определить наличие судов.

Подслушивание

Этим методом рекомендовалось пользоваться, используя различного рода зрелищные учреждения, места скопления военнослужащих, станции, рестораны, ДКА. Обычно место для подслушивания избирается, естественно, в группе людей, причём разведчик не держит себя обособленно, а принимает участие непосредственно в разговорах. В ресторане, например, предлагалось садиться по соседству с интересующим лицом. Причём, если нельзя за одним столом, то присесть за соседним столом, но не рекомендовалось – за отдельным. Также рассматривался вопрос подслушивания телефонных разговоров, но здесь разведчиков предупреждали соблюдать максимальную осторожность, так как якобы этим способом пользуются также агенты советской контрразведки.

Завязывание связей и знакомств

В этом вопросе обычно преподносили разведчикам характер различного рода знакомств, при этом говорили, что разведчик должен различать следующих знакомых и соответственно устанавливать связь. Во-первых, знакомых, которых можно непосредственно использовать для добычи разведывательных данных; [во-вторых,] других знакомых, через которых можно получить доступ к их близким связям, которые представляют хороший источник для добычи сведений. Наконец, говорили о завязывании знакомств с лицами, которые по своему положению могут служить объектом добычи сведений, но благодаря их общественному положению в советской стране они могут играть роль ширмы, прикрытием для работы разведчиков.

Как заводить знакомства

Здесь разведчиков учили стараться установить связь на почве взаимных услуг, на базе однородных служебных занятий, обоюдного увлечения танцами, спортом и т.п. Рекомендовали заводить знакомства для дальнейшего установления связи с их родителями и родственниками. Проживая на квартире, устанавливать связь с соседями по дому через своих хозяев. В беседах с интересующими лицами стремиться расположить к себе собеседников, быть всегда участливым, умело и своевременно посочувствовать какому-нибудь горю, разделить радость и т.п. Разведчиков предупреждали не ускорять хода естественного знакомства, не быть чрезвычайно навязчивым, разговоры заводить вначале совершенно на отвлечённые темы, а затем незаметно переходить на интересующий вопрос. При этом рассказать что-либо интересное, с тем, чтобы вызвать на откровенность. В нужных случаях, когда это вызывается обстановкой, вступать в споры и, как разведчикам объясняли, в пылу спора заставить человека выболтать интересующие данные. Обращалось также внимание разведчиков на лиц, обладающих чрезмерным любопытством. В этих случаях разведчику предлагалось избегать знакомств и сближения, так как среди такой категории лиц можно легко натолкнуться на агентуру контрразведки.

Шантаж

При сборе сведений путём шантажа, как разведчикам говорили в школе, требуется предварительно познакомиться и сблизиться с интересующим человеком. Выяснить черты его характера, образ жизни, положительные и отрицательные стороны человека, познакомиться с жизнью его семьи, узнать материальную сторону его жизни, выяснить тёмные моменты из его биографии, компрометирующие данные, которые он по каким-либо причинам скрывает от Родины или органов власти. Заставить интересующее лицо выболтать или раскрыть какую-нибудь государственную или военную тайну. В представившемся случае дать денег, взаимно взяв при этом расписку, тем самым привязать

человека к себе. Собрав достаточно данных на интересующее лицо, заставить вначале сообщить незначительные сведения, а затем, постепенно вовлекая, заставить выполнить серьёзное разведывательное задание. Разведчикам об этом методе преподавали в школе, но одновременно указывали, что этим способом пользоваться разведчикам не придётся в своей разведывательной работе, так как метод этот требует более высокой подготовки и длительного времени для его выполнения в период разведывательной деятельности.

Добывание «языка»

Этот метод рекомендуется применять в исключительных случаях, ссылаясь на то, что он связан с большим риском и не всегда даёт нужный результат. Применять этот метод, как указывалось разведчикам, он должен в лесистой местности, причём обычно при возвращении назад после выполнения задания. Допросом «языка» выяснить интересующие данные, пропуск, расположение патрулей, постов и прочее. Этим самым облегчить себе задачу перехода линии фронта. После использования «языка» его предлагалось уничтожить и ликвидировать следы преступления.

Поведение разведчика на следствии

В лекциях «Поведение разведчика на следствии» вначале подчёркивают, при задержании и аресте разведчик должен выяснить в первую очередь причины ареста, в чём обвиняют, а затем в зависимости от этого разработать для себя тактику. Если следователь отказывается объяснить причины ареста, то разведчику предлагается настаивать и даже требовать разъяснения. При этом, как учат разведчика в разведывательной школе, следователь может в процессе допросов требовать полного признания, совершенно не называя преступления, мотивируя тем, что ему якобы всё известно. На эти условия следователя разведчик не должен идти, а стремиться во что бы то ни стало выявить, в чём он обвиняется и какой материал имеется против него. Таким образом установив преступление, в котором обвиняется разведчик, нужно стремиться от этого дела отказаться, признаться только в том, что уже доказано и твёрдо держаться того, что уже была высказано. Причём из доказанного разведчикам предлагают признавать наименьшее.

Отвечать на допросах только о том, что спрашивают, а самому никакой инициативы не проявлять. Если разведчик чувствует, что его задержали только по подозрению, но если по направлению самого следствия видно, что его могут разоблачить, необходимо постараться направить следствие в другую сторону. Здесь предлагают назвать другую фамилию, выдать себя за другого человека, признаться в каком-нибудь уголовном преступлении и т.п. При ссыл-

ке следователя на какого-нибудь свидетеля, разведчика учили требовать очных ставок и даже на очной ставке не признаваться в преступлении, так как возможно, что свидетеля следователь спровоцировал на признание.

На вопросы отвечать подумав, спокойно, не волнуясь. При требовании следователя смотреть в глаза смотреть ему в переносицу, ибо, как финны объясняют, таким образом создаётся впечатление у следователя, что вы смотрите ему в глаза. В случае, если разведчик чувствует, что следователь придирчив, нужно стремиться его заменить, затягивая следствие, путая отдельные вопросы, «нервируя» следователя. Требовать от начальника замены следователя, ссылаясь на то, что следователь груб и придирчив. Иногда рекомендовали также немного нагрубить следователю, выразив возмущение необоснованным арестом. В отношении подписи на различных документах следствия разведчиков предупреждали остерегаться подлогов, не подписывать предварительно документов об обвинении, не подписывать чистых бланков, смотреть, нет ли под бумагой копировальной бумаги и т.п. В протоколах бороться за каждое слово, с тем, чтобы записано было только по желанию разведчика.

Как крайний случай, если следователем будет доказана вина разведчика, допускался и побег, но подчёркивалось, [что нужно] предварительно испытать все средства. В частности, создать видимость полного раскаяния, падать в ноги, вообще учили не брезговать ничем, чтобы уйти от наказания. Побег совершать рекомендовалось, если представится случай при сопровождении на допрос, перевозке на автомашине и т.п.

В заключение лекций по следствию разведчикам говорили, что если все способы уже попробованы и ничего из этого не вышло, то разведчик должен умереть, но не изменить своему делу, в этом случае разведка обещала позаботиться о родственниках. В отношении измены разведчиков предупреждали, что органы разведки найдут способ покарать разведчиков или даже обезвредить в период нахождения в органах НКВД. Одновременно подчёркивалось, что изменой разведчик ничего не выиграет, так как так или иначе его ждёт смерть в органах НКВД

В учебном порядке разведчиками в разведывательной школе изучаются легенды, составление и пользование ими на территории СССР. Непосредственно перед выброской каждому разведчику, в соответствии с данным ему заданием для выполнения на территории СССР, вручается легенда, которую он заучивает и должен пользоваться при случайном задержании, проверке и на следствии. По легенде разведчики получают подробный инструктаж от офицеров финской разведки, в который включаются ориентировочные данные о командовании и боевых действиях части, от имени которой выдаются разведчику документы.

В 1943 г. финская разведка, имея значительное количество провалов своей квалифицированной агентуры, снабжённой всеми

необходимыми советскими документами, выдавала отдельным своим агентам только красноармейские книжки и справки о прошлой службе в РККА. Так, например, арестованным агентам финской разведки «Н», «К», «П», «Е» были выданы красноармейские книжки на имя военнослужащих 112-го запасного стрелкового полка и каждому – справка о прохождении службы в 1-м батальоне 61-й отдельной морской стрелковой бригады, якобы выданной для предоставления семье.

На случай задержания в тылу РККА финской разведкой предлагалось агентам легендировать, что они дезертиры и до момента задержания скрывались, при этом им объясняли, что если они сумеют убедить следствие в органах контрразведки в том, что они являются дезертирами, то будут осуждены на известный срок, с отбытием наказания после войны, а по окончании следствия, на военное время, будут направлены в Действующую часть Красной армии, откуда сумеют перейти на сторону финнов.

В случае задержания вблизи переднего края обороны этим же агентам предлагалось легендировать, что они бежали из финского плена. [Агентам] «Е» и «П» в инструктаже также рекомендовалось с целью выявления различных условных отметок, имеющихся на наших документах, и установления дислокации и иных данных о воинских частях в штабах Красной армии останавливать под различными предлогами (неопрятный вид, неприветствие и т.п.) отдельных бойцов и младших командиров, делать им в резкой форме замечание, а затем предлагать предъявить документы. При этом рекомендовалось останавливать военнослужащих: связных, посыльных и т.п., определяя их служебное положение личным наблюдением.

Арестом и задержанием других агентов финской разведки в этом году были установлены более тщательно разработанные легенды. Так, например, задержанные агенты финской разведки «С» и «У» назвались командирами 289-й сд и предъявили удостоверения о том, что они командируются в г. Сегеж на завод № 103 за получением оружия. На руках у обоих имелись удостоверения личности среднего начальствующего состава РККА с оттиском гербовой печати 1044-го сп 289-й сд. В процессе следствия они признались, что предъявленные ими при задержании документы выданы им финскими разведывательными органами для подтверждения легенды на случай задержания на территории СССР.

«С» до войны работал в г. Мариуполе на мясокомбинате, в сентябре 1940 г. был арестован и осуждён по Указу[8] на один год тюремного заключения. 26 июня 1941 г. из-под стражи досрочно освобождён и призван в РККА, служил в 24-м сп на Петрозаводском направлении и 19 сентября 1941 г. добровольно сдался в плен финнам. «У» показал, что в 1940 г. был судим по ст. 70 УК УССР[9], сроком на 5 лет, наказание отбывал в г. Кандалакше. В 1941 г. досрочно освобож-

дён и призван в РККА, служил в 131-м сп 71-й сд и 22 января 1942 г. на Медвежьегорском направлении добровольно сдался в плен финнам. Как показал «С», финские разведывательные органы снабдили его следующей легендой, которую он должен был рассказать в случае задержания: «Я, "С" В.К., был призван в РККА 23 сентября 1941 г. в г. Петрозаводске в 7-м военном городке и зачислен в 4-й сб 4-й сбр, формировавшейся в то время из остатков военнослужащих и освобожденных из лагеря заключённых. Батальон был направлен в г. Кандалакшу, где был влит в 1046-й сп. Командиром этого полка был Потапенко. К моменту приезда батальона в г. Кандалакшу там формировалась 289-я сд, в которою входили 1046-й сп, 1044-й сп и 281-й ап. После сформирования дивизия была направлена на 14-й разъезд. Командиром дивизии являлся Чернуха.

Полк 1046 был оставлен на 14-м разъезде, где "С" был произведен в [звание] старшего сержанта и командовал взводом. 1044-й сп и 281-й ап были оставлены на 15-м разъезде. После тяжёлых боев в марте 1942 г. наш полк был разбит и остатки оттянуты на отдых. К концу апреля полк получил пополнение из 33-го зсп из г. Архангельска и отправлен на передовую на Кондосельское и Хонкосельское направление, откуда вскоре был переброшен на Карельскую Масельгу, а затем на Лисью Губу, где вскоре полк попал в окружение. Из окружения мы вышли на восточную окраину Великой Губы, откуда нас направили на ст. Массельгская, где командира полка Потапенко сменил подполковник Шабанов. 19 сентября 1942 г. "С" был произведен в [звание] воентехника 2-го ранга, назначен на должность помощника начальника оружейного склада. Начальником этого склада был старший лейтенант Орлов. 17 января "С" был командирован на завод № 103 в г. Сегеж, за получением стрелкового оружия».

Фамилия, имя и отчество «С» В.К. были ему легендированы, в действительности он оказался «Ж» В.Н. Аналогичную легенду от финских разведорганов получил также и «У». «С» и «У» имели разведывательное задание по Сегежскому гарнизону.

Арестованный в октябре 1943 г. агент финской разведки «М», имеющий разведывательное задание по гг. Беломорску и Кеми, показал, что его легенда была разбита на три этапа. Одна легенда для использования в г. Беломорске, вторая – в период нахождения в г. Кеми и третья – в пути возвращения по территории СССР на сторону Финляндии. В соответствии с легендой он был снабжён всеми необходимыми документами. Данную финской разведкой легенду «М» воспроизводит следующим образом. Легенда для пользования в г. Беломорске: в случае задержания и расспросов до момента пленения предлагалось передать свою действительную автобиографию, за исключением того, что «М» должен был выдавать себя холостым человеком.

С момента пленения, т.е. с 23 ноября 1941 г., «М» был на излечении в военном госпитале в г. В. Устюг Архангельской области, где пробыл с декабря по март 1942 г. В марте 1942 г. по выходу из госпиталя «М» было выдано заключение медицинской комиссии о том, что он не годен к строевой службе ввиду ранения левой ноги с повреждением кости. В результате пересыльным пунктом «М» был направлен в распоряжение Архангельского всевобуча, который использовал его на одном из военных учреждений Архангельской области в качестве преподавателя. Там «М» пробыл до января 1943 г.

В январе 1943 г. «М» был отправлен в один из лагерей финских военнопленных в связи с тем, что знал финский язык. В июле 1943 г. из лагеря был откомандирован в распоряжение отдела кадров Карельского фронта и получил назначение на должность начальника инженерной службы 1070-го сп 313-й сд.

В августе 1943 г. «М» получил звание капитана приказом войсками 32-й армии от 16 августа 1943 г. В октябре по распоряжению отдела кадров Карельского фронта был отозван в г. Беломорск в отдел кадров фронта. Эта легенда была на случай подхода к г. Беломорск и проживания в нём. На случай передвижения в поезде из г. Беломорска в г. Кемь и проживания в г. Кеми была другая легенда. До прибытия в г. Беломорск «М» действовала пересказанная выше легенда.

Далее «М» должен был рассказывать, что получил назначение отдела кадров фронта в 112-й зсп для прохождения дальнейшей службы в г. Кемь, куда «М» и следовал. В 112-м зсп «М», не являясь туда вообще, должен был выяснить, сопряжено ли выполнение этой части задания с большими трудностями, и отказаться от него вообще.

Третья легенда «М» была дана для использования при возвращении после выполнения задания. По ней «М» должен был придерживаться вышесказанного до момента отправления из лагеря финских военнопленных в распоряжение отдела кадров Карельского фронта. С этого времени легенда продолжалась следующим образом: «М» получил назначение в отделе кадров фронта непосредственно в 26-ю армию на должность инспектора отдела укомплектования 26-й армии.

В августе 1943 г. «М» было присвоено звание капитана. Согласно этой легенде «М» должен был заполнить имеющиеся у него командировочное удостоверение о направлении отделом укомплектования 26-й армии «М» в 54-ю сд для инспектирования укомплектования в 54-й сд стрелковых подразделений. Таким образом, пользуясь этим командировочным удостоверением и соответствующими документами, удостоверяющими личность, выехать по направлению в 54-ю сд, используя попутные автомашины. В районе 181-го сп 54-й сд «М» должен был высадиться и перейти линию фронта по указанному маршруту.

Режим учебы в финских разведывательных школах

Подъём:	в 7 часов утра
Физзарядка	с 7:10 до 7:20
Завтрак	с 7:30 до 8:00
Занятия	с 8:00 до 9:00
Слушание финских радиопередач (на русском языке)	с 9:15 до 9:40
Занятия	с 10:00 до 12:00
Обед	с 12:00 до 14:00
Занятия в классе или практика	с 14:00 до 18:00
Ужин и свободное время	с 18:00 до 20:00
Самостоятельная работа	с 20:00 до 22:00
Свободное время	с 22:00 до 23:00
Отбой	в 23:00
Воскресный день является днём отдыха	

Наряду с учёбой с разведчиками проводится воспитательная работа в антисоветском духе. В свободное время курсантам дают для чтения различные книги антисоветского содержания, газеты, издаваемые в Германии и Финляндии на русском языке: «Северное слово», «Заря» и др. Среди курсантов практикуется игра в карты. Создан специальный клуб, где проводятся различные игры в шашки, шахматы и упражнения на различных музыкальных инструментах. Один раз в неделю, по средам, устраиваются вечера самодеятельности. Характер самодеятельности затрагивает бытовые вопросы, а также показываются различные номера антисоветского направления.

Среди курсантов проводится также религиозная пропаганда. В Петрозаводской разведывательной школе курсантов обязывали после вечерней проверки читать хором «Отче наш». Вместе с тем, практикуя резкую антисоветскую пропаганду, как в лекциях, так и на специальных вечерах, финская разведка постоянно поддерживает разведчиков во время нахождения в школе в курсе событий, происходящих в Советском Союзе. Это делается для того, чтобы разведчик при выполнении задания на территории СССР не проявлял в беседах с окружающими незнание текущих событий.

Одно время в Петрозаводской разведывательной школе были вывешены в клубе портреты Ленина и Сталина, причём преподаватели объясняли курсантам, что это сделано с тем, чтобы они не забывали русских вождей. Изредка даже дают слушать передачи из Советского Союза.

ХАРАКТЕР ЗАДАНИЙ, ДАВАЕМЫХ ФИНСКОЙ РАЗВЕДКОЙ СВОЕЙ АГЕНТУРЕ ДЛЯ ВЫПОЛНЕНИЯ ИХ НА ТЕРРИТОРИИ СССР

Анализируя показания ряда разоблачённых агентов финской разведки, можно сделать вывод, что в основном они сводятся к следующему:

1. Выявление огневой мощи наших частей на рубежах фронта. Определение местонахождения наших огневых точек.
2. Установление наших аэродромов, баз горючего, снабжения, линий связи, ремонтных мастерских и пр.
3. Выявление коммуникаций наибольшего движения транспорта, снабжающего армии, связывающих армии с тыловыми базами снабжения.
4. Выявление пунктов крупной концентрации войск в прифронтовой полосе, не находящихся на линии огня (резервы, находящиеся на отдыхе после боёв и т.д.).
5. Выявление и фотографирование наших укреплений.
6. Выявление местонахождения наших складов боеприпасов и продовольствия.
7. Скопление ж.-д. транспорта и выявление пропускной способности железных дорог.
8. Моральное состояние бойцов Красной армии.
9. Месторасположение штабов войсковых соединений.
10. Выявление слабо защищённых участков нашей линии фронта в целях использования их для прорыва обороны.
11. Выявление территорий, пригодных для безопасной выброски парашютных десантов.
12. Выявление мостов, переправ и мест на водных рубежах слабо защищённых нашими огневыми средствами с целью захвата и использования их для переброски войск.
13. Установление пропускной способности и характер грузов, прибывающих из-за границы в Мурманский, Архангельский и другие порты Карело-Финской ССР.
14. Совершение поджогов и взрывов на аэродромах, базах горючего, складах боеприпасов, автопарках и пр.
15. Взрывы мостов и других переправ.
16. Нападение на санитарные пункты.
17. Установка мин в тылу фронта – на линиях движения транспорта, особенно на путях подвоза боеприпасов и подкреплений.
18. Поджоги промышленных предприятий, складов и прочих важных сооружений и подсобных пунктов прифронтовой полосы.
19. Распространение различных провокационных слухов с целью разложения армии и тыла.
20. Изучение основных гарнизонов Карельского фронта: Мурманска, Беломорска, Кеми и Сегежи.

21. Разведка характера перевозок по водным путям в Карело-Финской ССР и Мурманской области.

22. Выявление тактических и стратегических планов командования Красной армии.

Наиболее надёжной и хорошо подготовленной в разведшколе агентуре финская разведка даёт задания внедряться в наши разведывательные и контрразведывательные органы. С этой целью, в одном случае, агент должен, перейдя линию фронта, собрать некоторые разведданные, а затем, якобы осознав свои преступления перед Родиной, явиться в НКВД с «повинной», предъявить уже собранные им данные, которые, попав в руки разведорганов противника, могли бы причинить известный ущерб нашей Родине. Этим доказать свое искреннее раскаяние – добиться перевербовки и направления в Финляндию. В другом случае, агенту даётся задание идти на перевербовку, если при выполнении задания он, попав в безвыходное положение, будет задержан органами НКВД. При этом, чтобы произвести на органы НКВД впечатление вполне раскаявшегося человека, агенту разрешается правдоподобно рассказывать о своей вербовке и подготовке в разведшколе, но скрыть дислокацию разведоргана и назвать вымышленные приметы на подготавливаемую агентуру.

Так, например, арестованный после перехода линии фронта и разоблачённый агент финской разведки «Ш» показывал, что на территорию Карело-Финской ССР, он переброшен Рованиемским отделением финской разведки вместе со вторым агентом «А». По заданию разведки они должны были по фиктивным советским документам проникнуть в Мурманский район, где установить, какие войска находятся на Мурманском направлении, их численность и дислокацию, размещение штаба армии, расположение аэродромов и есть ли на них английские самолёты, наличие военных объектов в районе Мурманска и систему их охраны, грузоподъёмность Мурманского порта, какие суда прибывают в порт и с каким грузом, произведено ли минирование Мурманского залива и изменён ли фарватер, пропускную способность Кировской ж.д., какими перевозками она занята и т.п. В г. Мурманске «Ш» должен был найти для себя квартиру, где на время сбора сведений должен был проживать один, без «А». Собранные в течение 5–7 дней сведения по основным вопросам задания «Ш» должен был направить с «А» в Финляндию начальнику Рованиемского разведпункта. После отправления в Финляндию «А» «Ш» с целью внедрения в органы советской разведки должен был явиться в ближайший орган НКВД и рассказать о том, что он завербован финнами и переброшен на территорию СССР с заданием разведать Мурманский район по перечисленным выше вопросам. Сведения по заданию уже собрал, но осознал, что делает большое преступление перед Родиной и поэтому решил

явиться с «повинной» в органы НКВД и «искренне» рассказать о своем преступлении, при этом о местонахождении пункта, где проходили разведподготовку, о личном составе финской разведки и агентуре, проходившей вместе с ним подготовку, дать дезинформирующие сведения, назвать вымышленные фамилии и выдуманные приметы. Причём для того, чтобы добиться перевербовки органами НКВД, убеждать следствие, что, будучи переброшенными на территорию СССР, они не намеревались выполнять задание финской разведки.

В 1943 г. установлено, что с задачей внедрения в разведывательные органы Красной армии финская разведка направляет также военнослужащих финской армии. Для этой цели финские разведывательными органами созданы в г. Медвежьегорске специальные курсы тайной полиции, где ведётся тщательная подготовка отобранных военнослужащих финской армии для контрразведывательной работы на территории СССР. Ряду своих агентов финская разведка даёт задание вербовать и насаждать в населённых пунктах в тылу частей РККА Карельского фронта агентурную сеть с задачей разведывательной и подрывной деятельности. Причём при выборе кандидатур на вербовку агент должен останавливаться на лицах: а) с антисоветским прошлым; б) социально чуждых и уголовных элементах; в) враждебно настроенных к советской власти; г) давших откровенные показания при захвате диверсионной или агентурной группой об укреплённых районах, воинских частях, объектах оборонной промышленности и других объектах.

Так, например, арестованный агент финской разведки «В» показал, что он был переброшен финской разведкой в г. Мурманск с разведывательным заданием, причём одной из основных задач, поставленных перед ним разведкой, являлась вербовка для работы в пользу Финляндии знакомых ему по Мурманску антисоветски настроенных лиц. Обрабатывая намеченного к вербовке, «В» должен был убедить последнего «о неизбежности гибели советской власти и непобедимости германской армии» и, предлагая работать на финскую разведку, обещать большие денежные вознаграждения и хорошую жизнь после окончания войны.

Как показывает «В», он должен был завербовать в г. Мурманске свою жену «Л» и враждебно настроенных к советской власти «Д» и «Г» (все они работают в г. Мурманске на оборонных объектах) и через них собрать необходимые разведывательные сведения по г. Мурманску. Кроме того, «В» должен был ознакомить после вербовки «Д» с тем заданием по сбору разведсведений, которые он получил сам от финской разведки. Примерно через месяц после того, как «В», выполнив задание, возвратится на финскую территорию, «Д», собрав сведения по заданию «В», должен был также перейти линию фронта на сторону Финляндии. Одним из распространённых методов является заброска массовой аген-

туры с задачей проникновения в действующие воинские части Красной армии для разложенческой, шпионской и диверсионной работы.

Сколачивание изменнических групп и организация перехода их на сторону противника.

Эта агентура финскими разведывательными органами легендируется под видом бежавших из плена, вышедших из окружения и в период боевых операций отставших от своих частей. В первый период войны 1941–1942 гг. такая агентура обычно вербовалась накоротке, в течение 1–3 дней пребывания в плену, но тщательно инструктировалась и на следствии в органах НКВД в связи с этим твёрдо настаивала на полученной легенде (побег из плена, выход из окружения и т.д.). В результате имевшего место значительного количества провалов этой агентуры в последнее время в 1943 г. финские разведывательные органы стали более тщательно и серьёзно готовить агентуру, перевербованную на территории СССР под видом бежавших из плена.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ФИНСКИХ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В ЛАГЕРЯХ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ И ПЕРЕБРОСКА АГЕНТУРЫ ПОД ВИДОМ БЕЖАВШИХ ИЗ ПЛЕНА

По показаниям разоблачённых агентов финской разведки установлено, что финские разведывательные органы ведут активную работу по подбору и засылке своей агентуры на территорию Советского Союза из числа советских военнопленных, находящихся в Медвежьегорских лагерях №№ 31, 74 и лагере в мест. Хаукиперя.

Вербовку и переброску агентуры осуществляют разведывательные органы финской военной полиции, которые несут охрану и обработку военнопленных, находящихся в лагерях финского подчинения. Так, например, Медвежьегорскую группу лагерей для советских военнопленных (№№ 31, 34, 71, 72, 73, 75 и 79) обслуживает батальон финской военной полиции № 8085, расположенный в городе Медвежьегорске, командиром которого является капитан финской военной полиции – Стамбула[10]. Из числа финских командиров и обслуживающего персонала этого батальона выявлены следующие сотрудники финской разведки:

– по лагерю № 31

1. Капитан финской военной полиции – Сарасти, исполняет должность командира полицейской роты № 1343 при Медвежьегорском распределительном лагере, после – при лагере № 31;

2. Лейтенант финской военной полиции – Суйконен, исполняет должность заместителя командира полицейской роты № 1343;

3. Лейтенант финской военной полиции – Виландер, исполняет должность заместителя командира роты № 1343;

4. Финский капрал Суканов, переводчик штаба полицейского батальона и лагеря № 31, сотрудник финской разведки «Лапланд 60–32».

– по лагерю № 73

1. Лейтенант финской полиции – Саарело, исполняет должность начальника лагеря № 73;

2. Переводчик при начальнике лагеря – Михайлов Тимофей Ильич, карел, бывш. военнослужащий Красной армии.

– по лагерю № 74

1. Лейтенант финской полиции – Пююкеля, исполняет должность начальника лагеря № 74;

2. Командир полицейского взвода – Ниссенен Тойво, одновременно работает при штабе полицейского батальона № 8085;

3. Переводчик лагеря по прозвищу «Маленький Юций», ингерманландец, бывш. военнослужащий Красной армии.

– по лагерю № 17, г. Олонец

1. Лейтенант финской военной полиции – Юнгманн, исполняет должность заместителя начальника лагеря № 17;

2. Начальник штаба лагеря – Вулакка;

3. Старший сержант финской военной полиции – Виртонен;

4. Старший сержант финской военной полиции – Росси:

5. Старший сержант финской военной полиции – Туйтула;

6. Старший сержант финской военной полиции – Ланги.

– по лагерю военнопленных мест. Хаукиперя выявлены следующие сотрудники финской разведки:

1. Майор финской военной полиции – Каяндер, постоянное место работы не установлено, в лагере бывает периодически по проверке и руководству работой финских следователей и сотрудников разведки;

2. Лейтенант финской военной полиции – Тахкавара, исполняет должность старшего следователя;

3. Пастор (фамилия не установлена).

Финская разведка, обсуживающая Медвежьегорскую группу лагерей военнопленных, перед агентурой, засылаемой на территорию СССР, ставит задачу внедрения в действующие части Красной армии и сбор сведений о дислокации, вооружении Красной армии и оборонительных сооружениях.

Отдельным наиболее надёжным агентам даётся задание после окончания войны осесть на территории Карело-Финской ССР и вести разведывательную работу в пользу Финляндии. Этот канал проникновения агентуры противника в части Красной армии не является сам по себе новым.

Однако, комбинация по использованию его в целях успешного выполнения агентурой поставленных задач в ходе войны, изменяется и совершенствуется финской разведкой. Финская разведка, перебрасывая под видом бежавших из плена значительное количество агентуры, рассчитывает на то, что:

– с одной стороны, организацией массовых «побегов» из плена военнослужащих Красной армии, они приведут в замешательство, в недоумение органы НКВД, этот расчёт тем более оправдывается, так как для зашифровки такая агентура «бежит» главным образом в составе мелких групп (от 2 до 6 человек), причём в составе групп имеются действительно бежавшие из плена, которые естественно будут подкреплять, подтверждать показания агентов о побеге.

При такой организации переброс разведка противника уверена, что НКВД не в состоянии выявить всю переброшенную агентуру, и известная её часть проникает в ряды Красной армии;

– с другой стороны, на то, что за счёт признавшихся у нас на допросах менее устойчивой и не преданной финнам агентуры, более надёжная часть, окончательно продавшаеся финнам, сможет пройти фильтрацию в НКВД и в дальнейшем выполнить задание. Рассчитывая на это, финны включают в одну группу «бежавших» из плена нескольких агентов, без расшифровки одного перед другим. Расчёт этот прост, но не может быть назван нереальным, естественно, что добиваясь разоблачения одного –двух агентов на группу, допустим, из 6 человек «бежавших» из плена, нельзя не думать, что известная часть участников группы бежала из плена в действительности.

Для ввода группы агентов в лагере часто используются провокаторы, которые с этой целью часто выдают себя за советских людей, стремящихся вырваться из плена. В других случаях финская разведка через провокаторов в лагере выявляет военнопленных, готовящих действительный побег, и даёт своему агенту прямое задание примкнуть к этой группе и совершить с ней побег;

– с целью затруднения следствия в органах контрразведки и придания «побегу из плена» более естественного характера, финны прибегают к инсценированию нападения на перебрасываемых агентов в пути движения к линии фронта, при этом организаторы побега (они не провокаторы) или «отстают» от группы, или оказываются «захваченными». В последнее время финны даже прибегают к ранению своих агентов с тем, чтобы подкрепить его легенду о побеге.

В качестве примеров можно привести следующие характерные дела: 3 июня с.г. на Медвежьегорском направлении задержана группа из 6 человек – бывших военнослужащих Красной армии: «Ч», «Я», «Ш», «Н», «Ц» и «К». В течение продолжительного времени (более одного месяца) все задержанные утверждали, что из лагеря они совершили побег и через 20 суток вышли в расположение частей Красной армии.

Причём, как показали задержанные, из лагеря они бежали группой, состоявшей из 9 человек, но трое из них, в том числе и организатор побега, военнослужащий «К»–«О» отстали по дороге якобы в поисках

продуктов. Все бежавшие имели при себе по винтовке, по 60 штук патронов, гранаты и некоторый запас продуктов. Следствием установлено, что организатор побега «К»–«О» был поваром в роте полиции № 1343, пользовался доверием лагерного начальства и ходил без надзора. Он же приобрёл для всей группы продукты и оружие.

Другой участник побега, «К», находился в услужении командира роты полиции № 1343 и жил без надзора. Один из организаторов побега, «Ч», уличался в провокаторской работе донесением нашего зафронтового агента «Руно», вернувшегося из тыла противника 13 июля. Как донес «Руно», «Ч» пытался разоблачить его как агента НКВД. В результате дальнейшего следствия участники побега «Ч» и «Я» признались, что являются изменниками Родины и переброшены финской разведкой для шпионской работы в расположении частей Красной армии, под видом бежавших из плена. «Ч» показал также, что вёл в лагере по заданию секретного сотрудника финской разведки, официально занимавшего должность врача-инспектора Медвежьегорских лагерей, провокаторскую работу.

Как видно из показаний «Ч», организатор побега «К»–«О» в неоднократных беседах с ним обрабатывал его в антисоветском духе.«О» находился в близкой связи со старшиной распредлагеря «В», с которым «Ч», в свою очередь, был связан по провокаторской работе. Впоследствии «В» связал «Ч» с офицером финской разведки Суйконеном, который подготовил его к разведывательной деятельности на территории СССР.

В процессе подготовки «Ч» от Суйконен получил подробный инструктаж о поведении на следствии в органах контрразведки. В этом инструктаже было сказано, что он должен на допросах передать всё то, что ему известно о лагерях военнопленных с тем, чтобы следователи не могли его уличить в ложных показаниях, используя при этом сведения других бежавших. В отношении военнопленных разрешалось назвать всех, кто занимает руководящие должности в лагере, указать, что приказания финского командования они выполняют, но не характеризовать их отъявленными изменниками. «Ч» учили, какие бы меры не были приняты следствием, ни в коем случае не признаваться в принадлежности к финской разведке, ибо это грозит неминуемым расстрелом. В камере остерегаться подсаженных арестованных и в разговорах с ними всячески поносить условия жизни в плену и финское командование.

О поведении в частях РККА лейтенант Суйконен указывал «Ч», что он должен быть примерным и дисциплинированным бойцом, никогда не выражать недовольство на службу и питание, стараться завоевать доверие командиров, если предствится возможность, внедриться в агентурную сеть особого отдела. Таким образом исключив о себе подозрения, приступить к выполнению задания. «Ч» при этом рекомендовалось:

1. Подбирать военнослужащих, недовольных службой в Красной армии и существующим режимом, проверить тщательно их взгляды и постепенно обрабатывать их на переход на сторону финнов. Причём делать это осторожно, добиваясь, чтобы намеченный человек сам предложил изменить Родине, укреплять его антисоветские взгляды, используя финские листовки и т.п.

2. Лицам, изъявившим желание перейти на сторону финнов, поручить самим подобрать себе товарищей, но не больше одного, научить его, как действовать и помочь осуществить переход.

3. Из числа наиболее «надёжных» вербовать в агенты финской разведки и поручить им самостоятельно проводить разложенческую работу, снабдить их паролем №1 из 1343, или же КАК-7 для перехода на сторону финнов.

4. Собрать сведения о воинских частях, вооружении и укреплениях путём:

а) завязывания связей с лицами, которые по своей службе имеют доступ к секретным документам, как-то: старшины, связные, бойцы с пунктов сбора донесений и др.;

б) личным наблюдением установить расположение своей части, огневых и укреплённых точек на своём участке, стремиться побывать в соседних частях и в пути следования запомнить, где расположено какое подразделение и вооружение, используя для этого поездки на ДОП за продуктами, следование с донесениями на НП и т.п.

5. При сборе сведений о воинских частях, их численности, расположении, вооружении и укреплённых точках никакими записями не пользоваться и не делать, а только запоминать. Также рекомендовать поступать с завербованными лицами при направлении их на сторону финнов с секретными сведениями.

«Я» показал, что для разведывательной работы завербован и подготовлен офицером финской военной полиции лейтенантом Виландер, предварительно также был проверен на провокаторской работе. Будучи направленным как бежавший из плена в действующую часть Красной армии, «Я» должен был вести шпионскую и разложенческую работу и производить вербовки военнослужащих, которых направлять к финнам по паролю 92–94. Таким образом, «Я» и «Ч» были подготовлены отдельно, без расшифровки одного перед другим, и оба получили задание подобрать себе для зашифровки «побега» из лагеря нескольких соучастников.

Побег из лагеря «Ч», «Я» и других финской разведкой был организован следующим образом: участники побега незадолго до побега были переведены в распределительный лагерь № 31, где охрана была усиленной, бежать оттуда было невозможно. Тогда, по предположению «организатора» побега «О»–«К», все они инсценировали поочерёдно

болезнь и таким образом были отправлены на излечение в госпиталь, находящийся в распредлагере, где охрана слабая. Здесь произошёл окончательный сговор о побеге. Причём в группу бежавших вошли военнопленная медсестра «Ж», которая еще осенью 1942 г. договорилась с «О»–«К» о побеге. «Ж» договорилась с врачом, советским военнопленным Раковским, который способствовал, «благодаря» её просьбе, переводу участников побега в лагерный госпиталь. В результате все участники ко дню побега лежали «больными» в госпитале. Накануне побега «Ч» и «Я» предупредили вербовавших их для разведработы офицеров финской разведки о составе группы и времени побега. Сам побег был осуществлён ночью через прорез в двойном проволочном ограждении, заранее якобы прорезанном ножницами участником побега «Ч». Проводником в пути являлся «Я», который ещё ранее среди участников заявлял, что как местный житель с успехом проведёт бежавших на сторону Красной армии. «О»–«К» вместе с двумя военнослужащими в пути отстал, очевидно выполняя задание финской разведки с тем, чтобы усложнить следствие в органах контрразведки.

8 октября 1943 г. на Медвежьегорском направлении Карельского фронта были задержаны при переходе линии фронта со стороны противника бывш. военнослужащие Красной армии, одетые в финскую военную форму, вооружённые винтовками: «М», «С», «Н» и «Д». На первичных допросах задержанные показали, что они бежали из финского плена, из Медвежьегорских лагерей №№ 31 и 74. Побег совершили ночью 23 сентября 1943 г. группой в количестве 14 человек, прорезав проволочное заграждение в ограде лагеря. Организатором побега являлся военнопленный «В», который работал слесарем в финском гараже, добыл для всех участников побега гранаты, винтовки, патроны и продукты питания. Форму финских солдат и продукты питания добыл военнопленный «Т», который работал возчиком в штабе местного управления г. Петрозаводска. До побега «Т» был арестован за кражу оружия у коменданта г. Медвежьегорска и сидел в тюрьме, откуда ему якобы удалось бежать и скрываться на окраине города. К бежавшим присоединился у гаража, куда пришёл с тремя своими товарищами, одетыми в финскую форму и вооружёнными пистолетами. Группа в полном составе шла в течение одного дня, на второй день пути от группы отделились три человека, которые пошли «преследовать» встретившегося финского солдата и не вернулись. На десятый день пути во время «неожиданного» нападения финских солдат, в перестрелке с которыми «убили» финского сержанта, группа раскололась на две части, из которых сумели добраться до линии обороны Красной армии только четыре человека.

Произведенным по делу расследованием было установлено, что «М» был известен лагерному начальству как партизан и член ВКП(б), но несмотря на это, пользовался доверием у финского начальства.

«С» в первые дни своего пленения работал старшиной пересылочного лагеря и имел в своем распоряжении переводчика. В дальнейшем, до дня побега работал поваром при кухне полицейского лагеря №№ 31 и 74. «Н» в первые дни своего пленения работал старшиной пересыльного лагеря и некоторое время находился на свободе. Финскими властями был поставлен на должность учителя дер. Святнаволок (оккупированная территория Карело-Финской ССР).

В результате дальнейшего следствия «М», «С», «Н» и «Д» были уличены в связи с финским командованием и разоблачены как агенты финской разведки, переброшенные на территорию СССР с целью внедрения в Красную армию и выполнения задания разведывательного характера. «М» показал, что для разведывательной работы его завербовал 27 июля 1943 г. сотрудник финской разведки Ниссенен Тойво, который работал при Медвежьегорском штабе полицейского батальона. При вербовке было использовано то, что он сначала скрывал свою прежнюю связь с органами НКВД как секретный сотрудник, службу в партизанском отряде и принадлежность к ВКП(б). После вербовки «М» дано задание связаться с «Б», который должен организовать побег, и предложено привлечь к побегу «Н» и «Ц». После переброски на территорию СССР «Н» поручалось внедриться в Красную армию и собрать сведения разведывательного характера. Пересылку собранных сведений для финской разведки предполагалось осуществлять через связных, которые должны связаться с «М» по условному паролю «Суоми Великая».

«Ц» показал, что для разведывательной работы в частях Красной армии в пользу финской разведки он был завербован 6 августа 1943 г. под кличкой «К» начальником лагеря № 74 лейтенантом финской полиции Пююкеля при содействии переводчика лагеря [по прозвищу] «Маленький Юций». Кроме сбора шпионских сведений «Ц» поручалось подбирать и обрабатывать бойцов Красной армии для перехода на сторону противника. «С» и «Н» показали, что для шпионской работы в частях Красной армии они были завербованы в лагере № 31, каждый в отдельности, переводчиком и сотрудником штаба Медвежьегорского полицейского батальона № 8085 Сукановил. Перед «С» была поставлена задача проникнуть в действующие части Красной армии и собирать сведения о частях Красной армии и данные о деятельности её разведывательных органов. Подбирать, обрабатывать и вербовать политически неустойчивых бойцов и антисоветски настроенных лиц для работы в пользу финской разведки, с которыми переправлять собранные «С» сведения. Для связи с финской разведкой «С» был снабжён паролем «Лапланд 60–32», который он должен давать завербованным им лицам.

Активность деятельности разведывательных органов противника по переброске агентуры под видом бежавших из плена характеризуется

следующими цифрами: всего в 1943 г. задержано после перехода линии фронта 106 человек, которые на первых допросах показывали, что бежали из лагерей советских военнопленных. В процессе фильтрации из этого числа разоблачено 93 агента разведорганов противника. Из них агентов финской разведки – 20 человек.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МЕДВЕЖЬЕГОРСКИХ КУРСОВ ФИНСКОЙ ТАЙНОЙ ПОЛИЦИИ

Дислокация курсов

Медвежьегорские курсы тайной полиции размещаются в г. Медвежьегорске, в здании бывш. госпиталя (деревянный двухэтажный дом) в 500 м севернее вокзала и в 200 м от линии ж.д. В 50 м от здания курсов находится гостиница «Лотта», а севернее, на берегу речки, в парке, находится вновь открытый кинотеатр. Здание курсов расположено параллельно линии ж.д. С каждой боковой стороны дома имеются по 6 окон, с боковой стороны нижнего этажа 2 окна, а на верхнем этаже – 3 окна. Рамы окон выкрашены жёлтой краской. Крыша драночная, старая. Здание имеет комнатную систему, с общим коридором, который проходит посередине, вдоль всего дома. Нижний этаж здания пустой и в окнах стекол не имеется. В верхнем этаже, в третьей комнате, направо со стороны вокзала, размещаются курсы тайной полиции, где проводятся теоретические занятия. Остальные комнаты верхнего этажа приспособлены под общежитие финских женщин «Лотта»[11], обслуживающих военные части г. Медвежьегорска. Этим обеспечивается конспирация размещения курсов. Занятия курсов проходят только в дневное время, когда все «Лотты» заняты на работах. Здание курсов никем не охраняется. Курсанты размещаются по общежитиям т.н. «справочных» (пересыльных пунктов) первой пехотной и других дивизий, которые расположены вблизи вокзала. Часть курсантов проживает в городе на частных квартирах у своих знакомых.

Цели и задачи курсов

Медвежьегорские курсы тайной полиции готовят квалифицированную агентуру для разведывательной и диверсионной работы на территории СССР и, главным образом, для внедрения в разведывательные органы Красной армии и контрразведывательной работы в лагерях финских военнопленных на территории СССР.

Руководящий состав курсов

Руководящий состав курсов состоит из сотрудников финской тайной полиции, управление которой находится в г. Петрозаводске.

Из них известны:

1. Начальник курсов подполковник Сунквист является начальником отдела тайной полиции, 40–45 лет, родом из Германии, по на-

циональности немец. В г. Медвежьегорске проживает в доме военной полиции, расположенном в 200–300 м от здания курсов на восток по направлению к Повенецкой дороге.

2. Преподаватель курсов лейтенант Кокко, 32-х лет, уроженец губернии Ваза, прихода Хаапаярви, ранее служил в егерском батальоне, хорошо знает русский язык, неоднократно ходил в тыл Красной армии с разведывательными заданиями. В г. Медвежьегорске проживает в отдельном домике в 100–150 м севернее здания курсов.

3. Преподаватель курсов лейтенант Кунттинен, 30 лет, до войны проживал в губернии Куссио, прихода Кибална, местечко Пелтосалми и работал зав. магазином рабочей кооперации. В г. Медвежьегорске проживает вместе с лейтенантом Кокко.

Подбор и контингент обучающейся на курсах агентуры

На Медвежьегорских курсах тайной полиции в основном обучаются военнослужащие финской армии – младшие командиры, имеющие звание сержанта, ранее служившие в диверсионно-разведывательных отрядах финской армии. Рядовой состав на курсы посылается только в исключительных случаях, по рекомендации сотрудников тайной полиции. Отбором агентуры занимаются специальные сотрудники тайной полиции, находящиеся на службе в финской армии на равных командных должностях. На курсы отбираются исключительно благонадёжные лица из числа шюцкоровцев, проявившие себя в боевых разведывательных операциях, хорошие лыжники, спортсмены, холостые, хорошо грамотные, владеющие русским языком и знакомые с радиосвязью.

Все отобранные кандидаты предварительно проверяются по агентурной контрразведывательной работе финской армии, которой руководят сотрудники тайной полиции. Так, например, арестованный и разоблачённый агент финской тайной полиции «М» показал, что до отправки на Медвежьегорские курсы он в течение более года состоял секретным сотрудником тайной полиции под кличкой «П» и работал по выявлению враждебно настроенных к финскому правительству солдат, находящихся на службе в финской армии.

По имеющимся данным, на курсах тайной полиции в июне 1943 г. обучалось 25 человек, подобранных из различных частей финской армии. В августе 1943 г. на втором наборе проходили учёбу 16 человек, из которых 10 человек остались для дальнейшей учёбы с июньского выпуска, а 5 человек набраны из 3-го, 56-го и 101-го пехотных полков. От всех принятых на курсы тайной полиции отбирается подписка, в которой агент даёт обязательство – клятву выполнять все порученные задания по разведывательной работе в тылу Красной армии и держать в тайне работу в тайной полиции и полученное задание. Каждому курсанту присваивается кличка. Откомандирование из частей армии на курсы тайной полиции проводится под видом получения внеочередного отпуска.

Характер теоретической подготовки агентуры

Вследствие того, что на Медвежьегорских курсах тайной полиции отбирается агентура, хорошо подготовленная и имеющая опыт в диверсионно-разведывательной работе в тылу Красной армии, курсы преследуют цель обобщить и пополнить знания курсантов по радио- и телефонной связи, сигнализации и подрывному делу, топографии и русскому языку.

В основном курсы преследуют цель научить агентуру способам передвижения и действий разведчика на территории СССР под видом военнослужащих Красной армии. Программа курсов рассчитана на 2–3-х недельный срок. Занятия проводятся лекционным методом. После окончания общих курсов каждый агент получал персональное задание, и дальнейшая конкретная подготовка проводилась в индивидуальном или групповом порядке, в зависимости от характера полученного задания.

Характер задания и способ его выполнения

Оканчивая курсы, агентура используется для диверсионной и разведывательной работы в тылу Красной армии. Наиболее квалифицированным и надёжным агентам даётся задание на внедрение в разведывательные органы Красной армии. Подготовка такой агентуры и является главной задачей курсов.

Агенты готовятся для внедрения в разведывательные органы Красной армии, перебрасываются в расположение наших войске под видом перебежчиков, причём эта агентура изучает легенду, содержание которой в основном сводится к тому, что на допросах в наших органах агент должен убедить допрашивающих, что:

1. На сторону Красной армии он перешёл добровольно, вследствие нежелания воевать против русских и был уверен, что Германия и Финляндия войну проиграют.

2. О конкретных причинах, побудивших на переход в Красную армию, сказать, что его намеревались отдать под суд за несвоевременный приезд из отпуска или за какое-либо другое преступление. Боязнь попасть в тюрьму и явилась толчком к осуществлению ранее имеющегося намерения – перейти на сторону Красной армии.

Конкретные задания агентуре, перебрасываемой с задачей внедрения в разведорганы, сводятся к следующему.

1. Перейдя на сторону Красной армии под видом изменника родины, на допросах твёрдо настаивать на легенде перехода.

2. Находясь в лагерях военнопленных, выявлять лиц из числа бывших финских солдат и офицеров, оказывающих всякую помощь военным властям Красной армии и проводящих работу среди военнопленных в пользу СССР.

3. Выявлять военнопленных, настроенных против финского правительства.

4. Выявлять лиц, добровольно перешедших на сторону Красной армии.

5. Находясь в плену, добросовестно выполнять все приказания офицеров Красной армии. Путём примерного поведения добиться, чтобы советская разведка обратила внимание и привлекла для разведывательной работы на территории Финляндии.

6. Внедрившись в разведорганы Красной армии, выявлять лиц из среды финских военнопленных, проходящих подготовку в разведшколах, курсах и переброшенных на территорию Финляндии с разведывательными целями.

ПЕРЕВЕРБОВКА ФИНСКИМИ РАЗВЕДОРГАНАМИ АГЕНТУРЫ РАЗВЕДОРГАНОВ КРАСНОЙ АРМИИ И ОРГАНОВ «СМЕРШ»

Установлено, что финские разведывательные органы перевербовывают разоблачённую и явившуюся с повинной агентуру разведорганов Красной армии и органов «Смерш». При этом финны останавливают свой выбор, главным образом, на агентах финской и карельской национальностей, имеющих родственные связи на оккупированной территории и искренне раскаявшихся перед финскими властями.

Намеченной к перевербовке агентуре финны создают хорошие условия жизни, обещают обеспечить будущее после выполнения задания и усиленно обрабатывают в антисоветском духе. В качестве примеров перевербовки финской разведкой нашей агентуры можно привести следующие дела.

Разведчик разведотдела штаба Карельского фронта «Л», по национальности карел, будучи послан в тыл противника в июле 1942 г. в группе четырёх человек, испытывая затруднения с продовольствием, по договорённости с разведчиком карелом «К», предложил двум другим вернуться обратно. Однако те отказались идти обратно, не выполнив задание. В этой связи он и «К» убили их и вернулись на нашу территорию и заявили, что их напарники убиты во время перестрелки с финнами. Будучи вновь послан разведотделом в тыл противника в октябре 1942 г., «Л» добровольно сдался финнам. Был перевербован финской разведкой и под видом бежавшего из плена направлен на нашу территорию с разведывательным заданием. Для зашифровки переброски «Л» был инсценирован суд и побег из лагеря «накануне расстрела».

В октябре 1942 г. разведотделом штаба Карельского фронта был переброшен агент «К» с рацией в тыл противника, в районе дер. Воннаволок Карельского района Карело-Финской ССР (оккупированная территория), с заданием осесть на длительное время в тылу

противника, собрать военные данные и сведения об обстановке и режиме на оккупированной территории. Собранные сведения передавать по радио в р[азвед]о[тдел] штаба фронта.

Для выполнения задания «К» предлагалось остановиться в дер. Пирттигуба у своих родственников и проживать нелегально. В связи с тем, что родственники отказались принять«К»и организовать ему квартиру для нелегального проживания, боясь репрессий, добровольно сдался финским властям и рассказал о полученном задании, в результате чего был перевербован финской разведкой и до апреля 1943 г. использовался финской разведкой в радиоигре, в ходе которой передал р[азвед]о[тделу] штаба Карельского фронта ряд дезинформирующих данных.

В июне «К» был переброшен на территорию СССР с заданием: выявлять агентуру разведотдела штаба Карельского фронта, методы подготовки агентуры и район предполагаемой переброски на территорию Финляндии. Наряду с этим «К» должен был создать резидентуру из числа своих родственников и знакомых. Возвращение «К» было легендировано так: «в связи с порчей передатчика и отсутствием питания».

В августе 1942 г. особым отделом одной из армий Карельского фронта был переброшен в тыл противника с контрразведывательным заданием агент «Р», по национальности финн; не поверив легенде «Р», заключавшейся в том, что он изменил Родине, в течение 20-ти дней сотрудники финской военной полиции добивались у него признания в связи с советской разведкой. Одновременно его проверяли через лагерных провокаторов. Однако в связи с особым отделом «Р» не признался и впоследствии, как финн, изменник Родины, был направлен в финский добровольческий батальон.

Находясь на службе в батальоне, «Р» дважды предоставлялся отпуск к своим братьям, проживающим в г. Турку и Хельсинки, [он] окончил при батальоне курсы младших офицеров и получил звание капрала. В марте 1943 г. «Р» был внезапно вызван к офицерам разведки батальона, где ему было заявлено о том, что финской разведке стало известно о его переброске особым отделом с заданием. В результате, растерявшись от неожиданных обвинений и полагая, что на него действительно поступили материалы, «Р» признался, что прибыл на сторону финнов по заданию особого отдела.

Используя искреннее признание, финны перевербовали «Р» и в июле 1943 г. перебросили его в паре с другим своим агентом «Т» на нашу сторону, под видом бежавших из добровольческого батальона. В задание «Р» входило проведение разведывательной и разложенческой работы, а в случае нахождения в советской разведшколе – изучение данных о деятельности советской разведки в области подготовки к переброске зафронтовой агентуры.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ АГЕНТУРЫ ДОКУМЕНТАМИ

Для успешного выполнения задания на территории Советского Союза финская разведка снабжает свою агентуру фиктивными советскими документами, заполненными на вымышленные фамилии, причём, документы вручаются агенту заранее, чтобы они в кармане агента могли притереться и не имели новый вид, когда агент очутится на территории Советского Союза. Установлено, что финская разведка свою агентуру снабжает следующими документами:

1. Удостоверение личности офицерского состава РККА
2. Красноармейская книжка
3. Справки о прохождении лечения в госпиталях
4. Командировочные удостоверения
5. Направление в кратковременные дома отдыха РККА
6. Продаттестаты
7. Вещевые книжки
8. Расчётные книжки
9. Проездные документы
10. Справки о прохождении санобработки
11. Разные чистые бланки и пр.

Кроме того, ряду агентов выдается компостерский штамп, заготовленный из целлулоида. Это даёт возможность агенту самостоятельно, в любое время компостировать ж.-д. билет. Имея чистые бланки командировочного удостоверения и проездные документы, финский агент может беспрепятственно разъезжать по ж.д., даже не обращаясь за услугой в кассы ж.-д. станций.

Анализ ряда документов, изъятых у задержанной и разоблачённой агентуры финской разведки, показывает, что при хорошо организованной службе заградительных отрядов, агентурной работе, тщательной проверке документов и тщательной фильтрации задержанных подозрительных лиц перебрасываемая финская агентура не сможет проникнуть в тылы наших частей. Так, например, в красноармейских книжках у арестованных агентов финской разведки «Ш», «В», «А» указано, что они являлись красноармейцами 122-й сд, в действительности же, как установлено проверкой, таких красноармейцев в 122-й сд не было. «Ш», «В», «А» выданы справки о нахождении известное время в госпиталях за различными номерами, в действительности этих госпиталей на Карельском фронте не оказалось вообще. Причём в этих справках указывалось, что их получатели направляются в батальон выздоравливающих в г. Мурманск. В самом же деле, из госпиталей, находящихся в г. Кандалакше, выписываемые раненые направляются в батальон выздоравливающих, находящийся в самом г. Кандалакше и оттуда, через запасный стрелковый полк, по воинским частям.

При тщательном осмотре документов у задержанных подозрительных лиц легко можно обнаружить фиктивные документы. Так, например, в августе 1942 г., при задержании шести агентов финской разведки было обращено внимание на фотокарточки их удостоверений личности. В то время, когда все они были одеты в форму военнослужащих, на фотокарточках удостоверений они сфотографированы не в военной форме и к тому же – на фоне леса. Кроме этого фотобумага фотокарточек резко отличается своим глянцем от фотобумаги нашего отечественного производства. Командировочное предписание написано зачастую неграмотно, не военным языком. Некоторые из разведчиков не могли назвать номер части, в которой они числятся согласно фиктивных документов, а также где эта часть дислоцируется и кого они знают из начальствующего состава части. Анализируя дефекты, обнаруженные в фиктивных документах при задержании агентов финской разведки, можно сделать вывод, что они сводятся к следующему:

1. В удостоверениях личности, командировочных удостоверениях и других документах нередко заметны следы подчистки, на фотокарточках иногда заметна грубая подрисовка печати.

2. Бланки командировочных предписаний машинописного изготовления – неустановленного образца, без углового штампа.

3. Командировочные предписания не имеют условного шифра, предусмотренного приказом командующего войсками Карельского фронта.

4. Большинство подписей на бланках являются вымышленными. Так, например, на одном из командировочных предписании стоит подпись начальника отдела кадров штаба Карельского фронта – полковника Кузнецова. В действительности полковника Кузнецова в отделе кадров Карельского фронта нет.

5. Обращает на себя внимание также заполнение командировочных предписаний. Зачастую оно заполняется неправильно грамматически и в военном отношении.

Так, например, в командировочных предписаниях задержанных в сентябре 1943 г. двух разведчиков в графе «цель командировки» указано: «командируется в район Кандалакши – Нивастрой – Зашеек для разведки жилых помещений для расквартирования подразделений полка». Другим агентам указывалось, что они командируются в г. Беломорск за получением вещевого имущества у интенданта НКВД.

6. Продовольственные аттестаты у отдельных агентов старого образца.

7. Подписи на поддельных документах скрепляются оттисками пяти видов: штаба Карельского фронта, штаба 26-й армии, штаба 32-й армии, 112-го зсп, 1070-го сп 313-й сд. Эти печати имеют следующие легко различаемые дефекты:

а) шаг (расстояние между буквами) шире, чем в общепринятых печатях, буквы значительно крупнее обычных. Бросается в глаза слишком ясный оттиск печати, что даёт основание полагать, что некоторые из них поставлены литографическим способом.

б) некоторые оттиски печатей имеют овальную форму, как например печать 26-й армии.

8. Удостоверения личности временного образца, изготовленные типографическим способом:

– на местах, где стоят подписи, отпечатано «начальник штаба» и «комиссар штаба». Слова «начальник штаба» и «комиссар штаба» зачёркнуты от руки, соответственно написано «командир полка» и «начальник штаба».

9. Расчётная книжка изготовлена типографским способом.

а) на первой странице сверху отсутствует слово «серия», знак серии, в отличие от подлинной книжки, где он отпечатан, поставлен штампом.

б) на третьей странице на месте подписей отпечатано «командир части» и «комиссар части». Подписи «комиссар части» в подлинных расчётных книжках не имеется.

в) в графе 11 «высланы денежные аттестаты» в подлинных книжках заполнение занимает две страницы – 8 и 9, в поддельных – одну страницу.

10. Справки о санобработке выданы неустановленного образца. Изготовлены наборным шрифтом, напоминающим «детский набор букв». Подпись стоит: «доктор», и далее следует роспись. В действительности такого термина в Красной армии нет, и справка подписывается дежурным по СКП.

11. Фиктивные книжки, как вещевые, так и расчётные, изготовлены на бумаге, по качеству лучшей, чем подлинные. Вследствие того, что финны прошивают документы хромированной проволокой, на фиктивных книжках в местах скрепления отсутствует ржавчина и почернение, что часто встречается в подлинных документах.

12. В командировочных удостоверениях и справках о нахождении на излечении в госпитале, указываются несуществующие батальоны выздоравливающих, куда якобы командируется агент, равно как и в справках о нахождении на излечении в госпитале, сфабрикованной от имени несуществующего номера госпиталя.

13. На командировочных удостоверениях нет отметки о прибытии к месту командирования.

14. Агентов, направленных в СССР под видом военнослужащих, финны зачастую второпях фотографируют для документов в гражданской одежде на фоне леса, причем фотокарточка не имеет специально оставленного белого уголка для печати. Кроме того, бумага фотокарточек нередко, в отличие от бумаги отечественного производства, резко отличается ярким глянцем.

ЭКИПИРОВКА АГЕНТУРЫ

В основном финская разведка перебрасывает на территорию Советского Союза своих разведчиков в форме военнослужащих офицерского, сержантского и рядового состава Красной армии. Форма РККА – шинели, плащи, гимнастёрки, брюки, сапоги, бельё и другое обмундирование, отбирается в лагерях советских военнопленных или изготовляется финской разведкой по установленным образцам.

ВООРУЖЕНИЕ И СНАРЯЖЕНИЕ АГЕНТУРЫ

Финская разведка снабжает свою агентуру, переброшенную на сторону Красной армии, всеми необходимыми для выполнения того или иного задания разведки в тылу Красной армии средствами. Разведчикам выдаются радиорация, фиктивные документы, оружие (пистолеты, автоматы, винтовки, гранаты), компасы, топографические карты, советские деньги, продукты, взрывчатые вещества и т.д.

СПОСОБЫ ПЕРЕБРОСКИ АГЕНТУРЫ ЧЕРЕЗ ЛИНИЮ ФРОНТА В ТЫЛ КРАСНОЙ АРМИИ

В целях безопасного проникновения через линию фронта финская разведка применяет целый ряд способов переброски своей агентуры в наш тыл. Основными из них являются:

а) агента направляют пешим порядком по заранее разработанному маршруту. В таких случаях агенту заранее дается разработанный и изученный разведкой маршрут, этот маршрут он на протяжении нескольких дней изучает, после освоения самостоятельно, пешим порядком по нему проходит линию фронта.

б) переправа агента через линию фронта в сопровождении группы войсковой разведки и под прикрытием ее.

Установлено, что наиболее квалифицированную агентуру финская разведка перебрасывает через линию фронта в сопровождении группы войсковой разведки, в составе от 10 до 20 человек. Эта группа сопровождает агента в наш тыл на 40–50 м, причём при себе группа имеет радиорацию, с помощью которой во время пути следования старший группы поддерживает связь с отделением разведки и докладывает о всех происшествиях в пути. На вооружении группа имеет: автоматы, винтовки и пистолеты;

в) выброска агентуры с самолётов на парашютах производится из тыловых аэродромов Финляндии в различные пункты территории СССР, предназначенные для работы разведчиков.

Продовольствие, вооружение и радиорации выбрасываются агентам отдельно, на грузовых парашютах.

г) Переброска агентуры на гидросамолётах. В этом случае гидросамолёт с агентом производит посадку на одном из озёр в тылу частей РККА. От самолёта агент на резиновой лодке достигает берега и далее следует по заранее разработанному маршруту для выполнения задания разведки.

д) Переброска агента водным путём производится через реки или озёра с помощью катера, лодок или плотов.

е) В разгар военных действий финская разведка практикует переброску массовой агентуры, завербованной «накоротке» из числа захваченных в бою военнопленных, и такая агентура является в свои подразделения под видом отставших в бою от своей части или вышедших из окружения.

СПОСОБЫ СВЯЗИ ФИНСКОЙ РАЗВЕДКИ С АГЕНТУРОЙ, НАХОДЯЩЕЙСЯ НА ТЕРРИТОРИИ СССР

Финская разведка применяет целый ряд способов связи со своей агентурой, заброшенной в тыл Красной армии.

1. Основным средством связи является радио. Для этого перебрасываемая агентура снабжается портативными радиостанциями (в практике встречаются советского типа – «Север»). Эти портативные радиостанции целиком приспособлены для работы в нелегальных условиях.

Встречаются в пользовании разведчиков радиорации, легко и незаметно для окружающих лиц помещающиеся в сумке противогаза, вещевом мешке или небольшом чемодане.

При помощи радиорации переброшенная на территорию СССР агентура связь с разведывательным отделением поддерживает с помощью шифра, как правило, два раза в сутки, в определённое время (утром и вечером) разведчик обязан передавать по радио разведсведения и координаты своего места нахождения.

В свою очередь, разведчик получает по радио от центра (разведотделения) указания о дальнейших действиях. Установлено, что связь с выброшенной на территорию СССР агентурой поддерживают радиостанции, дислоцирующиеся:

В районе г. Рованиеми В дер. Раутиосаари В г. Петсамо	Обслуживает Лапландское отделение финской разведки
В г. Суомуссалми В г. Кухмо В г. Каяни В м. Хаукиперия	Обслуживает Суомуссалмское отделение финской разведки
В районе г. Петрозаводска	Обслуживает Петрозаводское отделение финской разведки

2. Применение для связи с агентурой так называемых «почтовых ящиков», т.е. заранее обусловленных с агентурой скрытых мест, где агент оставляет свои донесения, а приходящий курьер-связник забирает их и оставляет агенту указания и вознаграждения.

3. К агенту, действующему на территории СССР, направляется агент-связник. Переброшенная в СССР на определённый срок агентура после выполнения задания возвращается обратно.

О ДИСЛОКАЦИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФИНСКИХ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНО-ДИВЕРСИОННЫХ ОТРЯДОВ, ДЕЙСТВУЮЩИХ НА КАРЕЛЬСКОМ ФРОНТЕ

На участке Карельского фронта активно действуют предусмотренные уставом финской армии диверсионно-разведывательные отряды, имеющиеся в составе каждой части финских войсковых соединений, как отдельные единицы специального назначения. В зимних условиях белофинны широко используют лыжные отряды, способные быстро передвигаться и маневрировать в стороне от дорог, на дальних расстояниях от своих баз.

Помимо разведывательных задач, белофинское командование использует такие отряды для ударов по тылам Красной армии, отдельным гарнизонам и различным военным объектам. Численность разведывательного или диверсионного отряда финские уставы определяют следующим образом: «Состав отряда меняется в зависимости от поставленной задачи. Количество офицеров и младших командиров должно быть многочисленное, имея в виду возможность дробления отряда и потери. Отрядом в количестве более взвода трудно руководить в таких особо ответственных случаях, но все же, иногда, в особенности в населённой местности, можно допустить и применение больших отрядов».

В условиях Карельского фронта белофинны используют диверсионно-разведывательные группы, численностью от усиленного взвода до батальона. Комплектуются они, как правило, из добровольцев, проверенных солдат и офицеров, отличившихся в боях, преимущественно шюцкоровцев, отобранных лыжников и спортсменов. Все отобранные лица проходят усиленную подготовку и тренировку на краткосрочных курсах, созданных непосредственно при войсковых частях. Из числа действующих диверсионно-разведывательных курсов армейского подчинения установлены следующие:

1. Диверсионно-разведывательные курсы 4-й пехотной финской дивизии с контингентом обучающихся 100 человек, дислоцируются в 5 км северо-западнее дер. Сай (озеро на Медвежьегорском направлении).

2. Курсы дальней разведки 101-го пехотного полка 1-й пехотной дивизии финнов с контингентом обучающихся 40–70 человек дис-

лоцируются вблизи ст. Пусли Кировской ж.д. на Масельгском участке Карельского фронта (кв[адрат] 9472).

3. Диверсионно-разведывательные курсы финской Онежской бригады в мест. Желейко на берегу Онежского озера. На курсах в основном изучают способы маскировки и действия в тылу Красной армии по разгрому отдельных воинских гарнизонов и подрыву оборонительных и ж.-д. сооружений. Уделяется большое внимание хождению на лыжах, топографии и применению взрыввеществ. На курсах также преподают русский язык с целью производства допросов на месте гражданских лиц и военнослужащих, которых по каким либо причинам нельзя увести в плен. Срок обучения на курсах – 3–4 недели. По окончании курсов из диверсантов-разведчиков комплектуются отдельные отряды, которые до выхода в тыл Красной армии продолжают практические занятия в действующих частях финской армии, в непосредственной близости от передовой линии фронта.

Кроме указанных отрядов армейского подчинения, входящих в состав финских войсковых соединений, на участке Карельского фронта действуют специальные диверсионно-разведывательные отряды главной квартиры финского военного командования, подчинённые Рованиемскому и Каянскому отделениям финской военной разведки. Эти отряды комплектуются по такому же принципу, как и диверсионно-разведывательные отряды войсковых соединений, включая отъявленных бандитов и другой уголовный элемент.

Отряды действуют мелкими группами от 10 до 30 человек и кроме заданий диверсионно-разведывательного характера, сопровождают финскую агентуру, перебрасываемую в тыл Красной армии. Рованиемский отряд численностью 120 человек придан начальнику Рованиемского отделения финской военной разведки капитану Паатсало, который непосредственно подчиняется полковнику Паасонен[12] из 2-го отдела Главной квартиры финского военного командования. Каянский отряд лейтенанта Илмари[13], численностью 110 человек, подчинён начальнику Каянского отделения финской военной разведки майору Вартена и также действует по непосредственным заданиям Главной квартиры. Показаниями арестованной и разоблачённой финской агентуры и финских военнопленных установлены следующие диверсионно-разведывательные отряды и группы, действующие на Карельском фронте:

Медвежьегорское направление

1. Диверсионно-разведывательный отряд Главной квартиры финского военного командования: отряд численностью до 3-х рот до февраля 1943 г. дислоцировался на западном берегу Онежского озера. После отряд передислоцировался на опорный пункт 5-го погран-егерского финского батальона[14] и действует на правом фланге Медвежьегорского направления. Указанный отряд в полном составе

выходил на задание в тыл Красной армии в феврале и марте 1943 г., но результатов не имел. В течение марта 1943 г. в тыл Красной армии из отряда посылались отдельные группы до 10–15 человек, имея запас продуктов на одну неделю.

2. Диверсионно-разведывательный отряд «Белый батальон»: отряд численностью в 250 человек зимой 1942/1943 гг. дислоцировался в г. Медвежьегорске. В феврале 1943 г. отряд выходил в тыл Красной армии, где захватил одного пленного, имея со своей стороны 4-х раненых. В марте 1943 г. отряд, совместно с 1-м батальоном 10-го пехотного полка 14-й пехотной финской дивизии, общей численностью 700 человек, ходил на задание по уничтожению военного гарнизона Красной армии в пос. Верхний Идель. Задание не выполнил, так как был перехвачен частями Красной армии и в бою потерял около 150 человек убитыми и 20 человек пленными.

3. Взвод дальней разведки финской пехотной дивизии: взвод дислоцируется в районе Пиндуши, дер. Юрюхово. На задание в тыл Красной армии взвод выходил первый раз в феврале 1943 г., в район островов Повенецкого залива Сосновец и др., где захватил в плен 2-х красноармейцев. Второй раз взвод ходил в тыл Красной армии в марте 1943 г.

4. Диверсионно-разведывательный отряд 1-го батальона 3-й финской пехотной бригады: отряд неустановленной численности, зимой 1942/1943 гг. дислоцировался в районе Пиндуши. До апреля 1943 г. отряд 2 раза ходил на задание в тыл Красной армии. После отряд был расформирован, и для диверсионно-разведывательной деятельности на летний период оставлена небольшая группа диверсантов.

5. Диверсионно-разведывательный отряд 1-й роты 5-го пограничного егерского батальона: отряд в количестве 60 человек был сформирован в декабре 1942 г. и дислоцируется в дер. Сусытала на берегу Илмозера. Установлено, что этот отряд под командой лейтенанта Сиракоанен выходил на задание в тыл Красной армии с целью подорвать ж.-д. мост на Кировской ж.д.

6. Диверсионно-разведывательная группа 5-го пограничного егерского батальона: группа в количестве 15-ти человек, под командой прапорщика Салми сформирована в январе 1942 г. Группа дислоцируется на берегу Илмозера. Зимой 1942 г. группа ходила в район Кировской ж.д. на Масельгский участок фронта с целью совершения диверсии. Задание выполнить не удалось, так как группа была обнаружена частями Красной армии.

7. Сводный диверсионный отряд Онежской бригады береговой охраны батальона Климовцы: отряд в количестве 85 человек сформирован в марте 1942 г. из отдельных диверсионно-разведывательных групп финских воинских частей береговой обороны и Олонецкого «освободительного» батальона. Отряд дислоцируется в дер. Климовцы на запад-

ном берегу Онежского озера. Перед отрядом поставлены специальные диверсионные задания по уничтожению судов и барж Красной армии на Онежком озере.

8. Диверсионно-разведывательный отряд 33-го пехотного полка 1-й пехотной финской дивизии: данные о численности и деятельности отряда не установлены.

Ребольское направление

1. Диверсионно-разведывательный батальон майора Пуустинен 14-й финской пехотной дивизии: с начала войны финским командованием используется для выполнения диверсионно-разведывательных заданий в тылу Красной армии 1-го батальона 10-го пехотного полка 14-й пехотной дивизии. Диверсионно-разведывательный батальон состоит из кадрового состава финнов в количестве 630 человек, с приданным ему отрядом диверсионной разведки дальнего действия, егерским, сапёрным и санитарными взводами – 70 человек. Всего батальон с приданными отрядами насчитывает около 700 человек и дислоцируется в районе Хижозера. В ноябре 1941 г. 2 взвода этого отряда выходили в район горы Нюккера-Ваара (кв[адрат] 9506) с задачей разведки и уничтожения гарнизона Красной армии. В связи с численным превосходством частей Красной армии диверсанты, не выполнив задания, вернулись обратно.

В январе 1942 г. диверсионный отряд майора Пуустинен, совместно с погран-егерским батальоном выходил в район станции Мак-Губа, где подорвал в нескольких местах ж.-д. полотно, уничтожил станцию и несколько жилых домов. Этой диверсией имелось в виду отвлечь часть сил Красной армии с Медвежьегорского направления, где велись в то время наступательные бои. В марте 1943 г. разведотряд по заданию командира 14-й пехотной дивизии генерал-майора Рааппана, совместно с отрядом «Юный батальон» выходил в тыл Красной армии с заданием уничтожить пос. Верхний Идель и имеющиеся там 4 военных склада и местный гарнизон Красной армии. Задание, как это уже указывалось выше, отряд не выполнил.

2. Диверсионно-разведывательный отряд майора Маевского: отряд численностью около батальона дислоцируется на Ребольском направлении. В 1942 г. отрядом было сделано несколько выходов в тыл Красной армии. Данных о выходах в 1943 г. нет.

3. Отдельная разведывательно-диверсионная группа дальней разведки: в период зимы 1942/1943 гг. группа дислоцировалась в мест. Кухмо губернии Оулу. В середине января 1943 г. 17 человек из этой группы прибыли в дер. Маару, откуда ходили в тыл Красной армии. Летом 1943 г. вся передислоцировалась в дер. Мууярви в 50 км от Ребол в сторону ст. Кочкома Кировской ж.д.

Ухтинское направление

1. Армейские и диверсионные отряды дальней разведки 3-й пехотной финской дивизии: отряды дальней разведки, численностью около 120 человек, дислоцируются в районе озера Белое (кв[адрат] 5002). 11 февраля 1943 г. сводный отряд численностью около 100 человек выходил к дер. Юшкозеро Калевальского района, но под давлением наших погранвойск отступил обратно. В течение 1943 г. отряды делали несколько выходов к тракту Кемь–Ухта и в район Кировской ж.д. с целью диверсии.

2. Диверсионно-разведывательный отряд майора Кархунен погран-егерского батальона: отряд, численностью 200 человек сформирован в марте 1943 г. из состава погран-егерского батальона и дислоцируется на нашем левом фланге Ухтинского направления (кв[адрат] 9012). Перед отрядом была поставлена задача диверсионно-разведывательного характера: выход в тыл Красной армии в район тракта Кемь–Ухта в дер. Хайкола Калевальского района с целью нанести удар по коммуникациям и базам Красной армии. Однако, в связи с активными действиями советских партизан в тылу противника, назначенные операции осуществлены не были и отряд был брошен для борьбы с партизанами.

3. Разведывательная группа капитана Лееско 8-го погран-егерского батальона: группа численностью 30 человек сформирована из числа солдат погран-егерского батальона и с августа 1942 г. дислоцировалась в районе населённого пункта Бабья Губа на хут. Нулиниеми. Перед группой поставлена задача разведывательного характера по Калевальскому району Карело-Финской ССР. На протяжении всего времени группа делала несколько выходов в тыл Красной армии.

4. Диверсионно-разведывательный отряд Каянского разведотделения: отряд численностью 110 человек дислоцируется на территории Финляндии восточнее г. Суомусальми в дер. Муд-Ярни. Отрядом командует лейтенант Илмари. В 1942–1943 гг. отряд имел несколько выходов в тыл Красной армии с диверсионными целями.

Кестеньгское, Кандалакшское и Мурманское направления

1. Диверсионно-разведывательный отряд Рованиемского разведотделения капитана Паатсало: отряд численностью 120 человек разбит на несколько групп, которые дислоцируются:

а) В мест. Перунка в 5 км севернее г. Рованиеми находится группа 30 человек.

б) В дер. Салмиярви в 20 км севернее г. Рованиеми находится группа около 50 человек.

в) В дер. Ниванкюла в 10 км восточнее г. Рованиеми находится группа советских военнопленных, разведчиков-диверсантов 20 человек.

г) В г. Петсамо – 16 человек.

д) В районе Кестеньги – 10 человек.

В январе 1943 г. диверсионно-разведывательная группа из Салмиярви в количестве 32 человек под командой прапорщика Сундквист Торстен выходила в район Кировской ж.д. к ст. Чупа, где произвела минирование и подрыв ж.-д. полотна. Кроме диверсионно-разведывательных задач, указанные группы сопровождают финскую агентуру из числа советских военнопленных, перебрасываемых на сторону Красной армии.

2. Диверсионно-разведывательный взвод погран-егерского батальона Пеннонен: диверсионно-разведывательный взвод в количестве 45 человек дислоцируется на нашем левом фланге Мурманского направления (кв[адрат] 2012 и 2014). Взводом командует лейтенант Нуоритоло. Взвод [специализируется] по особо важным диверсионно-разведывательным заданиям в тылу Красной армии.

Для проникновения в тылы Красной армии белофинны используют стыки и фланги отдельных войсковых соединений. Как правило, диверсионные отряды совершают марши в условиях ограниченной видимости (ночь, пурга) и по местности трудно просматриваемой, как с земли, так и с воздуха.

В целях достижения внезапности действия и ухода от возможного преследования, финны стараются всячески запутать свои следы и численность отряда. Для этого в диверсионных отрядах соблюдается строгая дисциплина на маршах, используют иногда лыжные палки и прибегают к ложным манёврам.

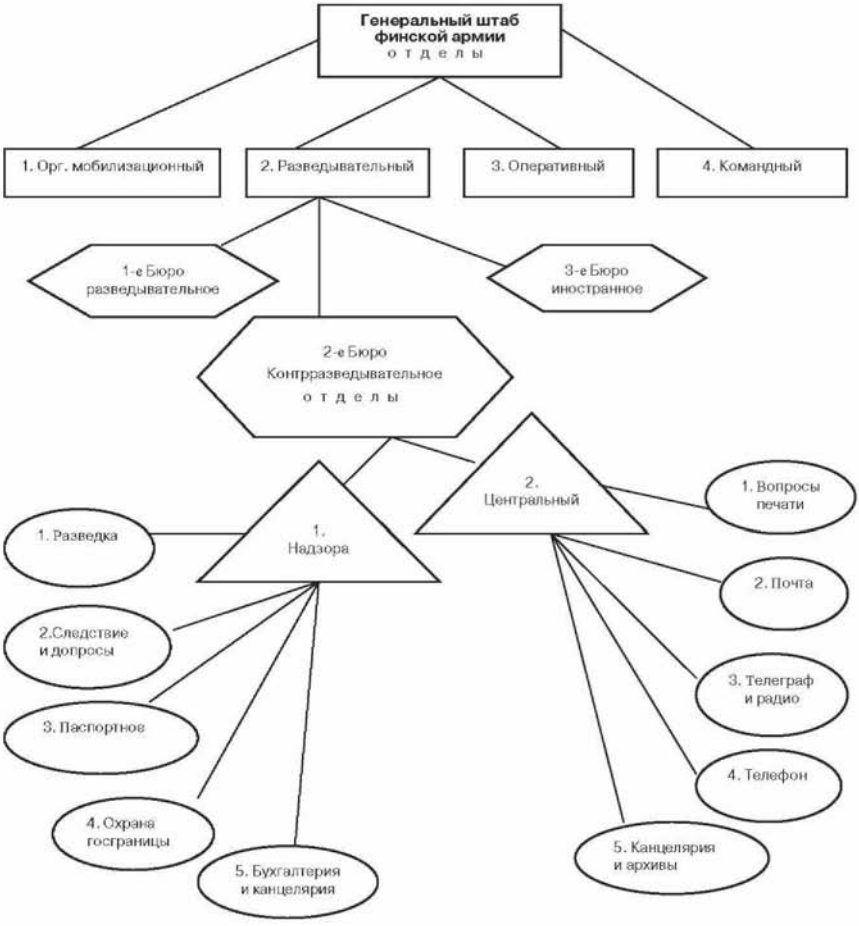
Достигнув определённого места по пути к объекту, отряд разбивается на несколько групп и расходится в сторону. Совершив обратный маршрут, эти группы снова входят на основную линию и продолжают путь. Чтобы скрыть направление движения, одна из групп уходит по лыжне в сторону, противоположной той, куда следует отряд. Иногда диверсионные отряды прибегают к более простым средствам маскировки движения, используя для заметания следов связки хвороста и веток. Лыжня, которой противник уже не думает пользоваться – почти всегда минируется.

Начальник Управления контрразведки
«Смерш» Карельского фронта
генерал-майор Сиднев[15]

Начальник 2-го отдела Управления
контрразведки «Смерш» Карельского фронта
подполковник Холево[16]

ЦА ФСБ России. Ф. 41. Оп. 89. Д. 131. Л. 2–86. Подлинник. Машинопись.

Схема центральных разведывательных органов финской армии



* 1-е бюро осуществляет руководство разведработой переферийных органов, ведущих работу преимущественно в пограничной полосе. Непосредственно руководит агентурой, ведёт глубокую разведку в центральных городах СССР. 2-е бюро руководит контрразведывательной работой в армии. 3-е бюро руководит работой военных атташе. В военное время всей работой руководит контрразведывательное бюро 2-го отдела Генштаба. Это бюро в военное время имеет 2 отдела: 1-й отдел – надзора и второй отдел – центральный отдел полевой цензуры. Каждый отдел состоит из пяти отделений. (Прим. документа)

ЦА ФСБ России. Ф. 41. Оп. 89. Д. 131. Л. 87. Подлинник. Рукопись.

Краткая справка о финских националистических организациях и различных обществах, используемых финской разведкой для подрывной работы на территории СССР

Совершенно секретно
10 декабря 1943 г.

Установлено, что финские разведывательные органы в подрывной работе против Советского Союза используют различные националистические организации и общества, существующие в Финляндии и на оккупированной территории Карело-Финской ССР, к таким организациям относятся:

1. Шюцкор (Суоелускунта) – военная буржуазно-националистическая организация, созданная в 1917–1918 гг. для борьбы с рабочим движением. В военное время шюцкор имеет задачу подготовки кадров для армии и политическое обеспечение интересов буржуазии в армии и среди гражданского населения.

Организация насчитывает до 100 тыс. человек, преимущественно из числа буржуазной и зажиточной среды финского населения. Основателями шюцкора являлись: Свинхувуд, генерал Игнатиус, архиепископ Ингман и др. В настоящее время во главе шюцкора стоит генерал Мальмберг, главный штаб которого находится в г. Хельсинки, ул. Хесперианкату. Печатным органом шюцкора является газета «Хепелинтто».

Женщины объединяются в шюцкоровскую организацию, так называемую «Лотте-Свярд», руководитель которой является Ф. Лууконен. Щюцкоровцы являются основной базой финских разведывательных органов и последними используются для разведывательной работы на территории СССР и контрразведывательной деятельности в армии и среди населения.

2. Суомен луко («Финский замок») – ярко выраженная фашистская организация, возникшая в свое время в г. Лотус. Сусцен луко имеет так называемую «добровольную» разведку, которая занимается переброской в наш тыл террористов и диверсантов.

3. «КАО» (Карельское академическое общество) – официально занимается вопросами изучения карельской культуры и быта. Явно антисоветская организация, имеет военный отдел и ряд школ по подготовке террористов и диверсантов. В отдельных случаях агентура «КАО» проводит шпионскую и пропагандистскую работу среди финно-угорских народностей.

Филиалы обществ:

«Центральный союз карел» подготавливает разведчиков и диверсантов из белогвардейцев-карел, бежавших в Финляндию.

«Ингерманландский союз» объединяет беженцев-ингерманландцев, бежавших из СССР в Финляндию.

«Ингерманландский комитет» – боевой штаб «КАО», направляет шпионов, диверсантов и террористов на территорию СССР.

«Восточный карельский комитет» – белоэмигрантская организация, в основном готовит повстанцев и эмиссаров для антисоветской работы на территории СССР.

«Финно-угорское общество» – официально занимается изучением культуры и языка этих народностей, но под видом научных и исследовательских работ посылает своих людей в командировки, которые ведут подрывную работу.

Начальник 2-го отдела Управления
контрразведки «Смерш» Карельского фронта
подполковник Холево

ЦА ФСБ России. Ф. 41. Оп. 89. Д. 131. Л. 88–88 об. Подлинник. Машинопись.

Примечания

[1] 26-я армия – оперативное войсковое объединение Красной армии в годы Великой Отечественной войны. Формировалась четырежды. 26-я армия 4-го формирования создана 4 апреля 1942 г. в составе Карельского фронта на базе его Кемской оперативной группы. В апреле 1942 г. – августе 1944 г. удерживала рубежи обороны на кестеньгском, ухтинском и ребольском направлениях. После успеха Выборгской и Свирско-Петрозаводской операций вышла на советско-финскую границу. В январе–апреле 1945 г. в составе 3-го Украинского фронта принимала участие в Будапештской и Венской стратегических операциях. Командующий: генерал-лейтенант Л.С. Сквирский (май 1943–январь 1945).

[2] Руководил школой майор Куосманен Инто, 1908 г.р.

[3] Речь идёт о вооружённом вторжении в советскую Карелию отрядов белофиннов в октябре 1921–феврале 1922 гг. Организацией, руководившей выступлением против советской власти, был «Восточно-Карельский комитет союза граждан Карелии». В октябре 1920 г. в Ухте было создано Временное карельское правительство. К концу 1921 г. белофинские отряды (5–6 тысяч человек) глубоко продвинулись на советскую территорию. В декабре 1921–феврале 1922 гг. разбиты советскими пограничными и войсковыми частями.

[4] Так в тексте. Командиром разведывательного полка РОА, по сведениям О. Маннинена, был майор Владимиров, он же Александр Владиславлев (1898–1945).

[5] 7-я отдельная армия – оперативное войсковое объединение Красной армии в годы Великой Отечественной войны. Сформирована в 1940 г. в Ленинградском военном округе. Перед началом Великой Отечественной войны занимала оборону по государственной границе СССР севернее Ладожского озера и прикрывала ухтинское, ребольское, петрозаводское и сортавальское направления. В середине сентября 1941 г. передана в состав Кемской оперативной группы Карельского фронта. В октябре войска, действовавшие на медвежьегорском и кондопожском направлениях, переданы в Медвежьегорскую оперативную группу Карельского фронта. С этого времени и до июня 1944 г. обороняла рубеж по реке Свирь – между Онежским и Ладожским озёрами. Принимала участие в Свирско-

Петрозаводской операции. Расформирована в январе 1945 г. Командующие: генерал-лейтенант Гореленко Ф.Д. (январь–сентябрь 1941 и ноябрь–1941–июнь 1942), генерал армии Мерецков К.А. (сентябрь–ноябрь 1941), генерал-лейтенант Трофименко С.Г. (июль 1942–январь 1943), генерал-лейтенант Крутиков А.Н. (январь 1943–август 1944), генерал-лейтенант Глуздовский В.А. (август–декабрь 1944).

[6] 32-я армия – оперативное войсковое объединение Красной армии в годы Великой Отечественной войны. Формировалась дважды. 32-я армия 2-го формирования создана 10 марта 1942 г. в составе Карельского фронта на базе Медвежьегорской и Масельгской оперативных групп. До конца мая 1944 г. обороняла рубежи на медвежьегорском и масельгском направлениях, участвовала в Свирско-Петрозаводской операции. После прекращения Финляндией войны с сентября 1944 г. несла службу по охране государственной границы. Расформирована в августе 1945 г. Командующие: генерал-лейтенант Трофименко С.Г. (март–июнь 1942), генерал-лейтенант Гореленко Ф.Д. (июнь 1942–до конца войны).

[7] Марттина Паул (1898–1963), сотрудник финской разведки, майор.

[8] Имеется в виду Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10 августа 1940 г. «Об ответственности за мелкие кражи на производстве и за хулиганство», который устанавливал, что «так называемая "мелкая кража", независимо от её размеров, совершённая на предприятии или учреждении, карается тюремным заключением сроком на один год, если она по своему характеру не влечёт за собой по закону более тяжкого наказания... хулиганские действия на предприятиях, в учреждениях и общественных местах караются тюремным заключением сроком на один год, если эти действия по своему характеру не влекут за собой по закону более тяжкого наказания». В развитие Указа от 10 августа, СНК СССР 13 сентября было принято постановление «О порядке рассмотрения дел о кражах на предприятиях и в учреждениях», согласно которому предписывалось, если преступник был задержан с поличным, без предварительного расследования передавать дело в народный суд. Рассмотрение дела проходило в течение двух суток.

[9] Ст. 70 УК УССР гласила: «Хулиганские действия на предприятиях, в учреждениях и общественных местах караются тюремным заключением сроком на один год, если эти действия не влекут за собой более тяжкого наказания».

[10] Так в тексте. Вероятно, имеется в виду командир лагеря № 31 капитан П. Сампола.

[11] «Лотта Свярд» – женская военизированная организация в Финляндии, существовавшая в 1919–1944 гг. Основана в г. Риихимяки в ноябре 1918 г. Название выбрано по имени героини «Рассказов фельдфебеля Стооля», произведения Рунеберга, которая не захотела оставаться дома, и вслед за мужем отправилась на русско-шведскую «финскую» войну. Даже после того, как её муж погиб в бою, она всё равно осталась в армии, готовила солдатам еду, стирала одежду, ухаживала за ранеными. Так как члены вновь созданной организации должны были заниматься тем же, то организацию было решено назвать именем героини Рунеберга. 29 августа 1919 г. указом по войскам главноначальствующий шюцкора полковник Г.Д. фон Эссен предложил создавать в шюцкоре женские подразделения. Были сформулированы основные задачи организации (впоследствии несколько расширены): «Основная миссия поддерживать и укреплять идеологию Охранного корпуса и помогать ему в защите веры и отечества. Выполнять это посредством: 1. Поддержки и пропаганды идеологии и целей шюцкора. 2. Помощи в осуществлении медицинских задач шюцкора. 3. Помощи в снабжении провиантом шюцкора. 4. Помощи в сборе средств для шюцкора. 5. Работы в отделениях и штабах шюцкора». В качестве опознавательного знака для членов общества установлен синий «хакаристи» с надписью «Лотта Свярд» по горизонтали. В 1932 г. утверждён текст присяги: «Я обязуюсь словом чести, что буду честно и добросовестно помогать Охранному корпусу в защите веры, дома и Родины, также я обещаю, что я не откажусь работать в организации до тех пор, пока не пройдёт один месяц с тех пор, как я официально заявлю местному командованию организации о моем желании уйти». Во время Гражданской войны «Лотта Свярд» была подразделением шюцкора, с 9 сентября 1920 г. существовала как самостоятельная организация. С 1929 г. организацию возглавляла преподаватель Сортавальской учительской семинарии Фанни Луукконен. Во время советскофинской войны 1939—1940 гг. численность организации достигла 100—150 тысяч. К концу военных действий

1941—1944 гг. финской армии помогали 240 тысяч женщин. За кампании 1939–1944 гг., по сведениям музея организации «Лотта Свярд», погибло около 5 тысяч женщин. Судя по номенклатуре имевших хождение эмблем, они служили в стрелковых, штабных, медицинских, ветеринарных подразделениях, на флоте, в подразделениях снабжения и связи. Несколько особняком стояла служба охраны женских и детских отделений концлагерей — своеобразный финский аналог женских частей СС «Мертвая голова». «Лотта Свярд» распущена 23 ноября 1944 г. решением Государственного совета Финляндии по требованию Союзной контрольной комиссии. В 1991 г. организация реанимирована в форме фонда «Лотта Свярд».

[12] Паасонен Аладар (1898–1974), финский военный деятель, полковник. В 1942–1944 гг. возглавлял Управление разведки Генштаба финской армии. Один из ближайших сотрудников Маннергейма. После выхода маршала в отставку сопровождал его в Швейцарии.

[13] Илмари Хонканен (1909–1987), финский военный деятель, командир отряда диверсантов дальней разведки, капитан.

[14] Во время войны 1939–1940 гг. на Карельском перешейке действовали 9 рот пограничной охраны. По окончании Зимней войны Маннергейм присвоил всем пограничникам титул «пограничные егеря». Во время Великой Отечественной войны было сформировано 8 батальонов пограничных егерей.

[15] Сиднев Алексей Матвеевич (1907–1958), руководитель советских органов безопасности. Генерал-майор (1943). В органах безопасности с 1939 г. Начальник Особого отдела НКВД Ленинградского военного округа (1939–1941), зам. начальника Особого отдела НКВД Северного фронта (июль–август 1941), зам. начальника Особого отдела НКВД Ленинградского фронта (август 1941– май 1942), начальник Особого отдела НКВД Карельского фронта (май 1942–апрель 1943), начальник УКР «Смерш» Карельского фронта (апрель 1943–март 1944), зам. начальника УКР «Смерш» 1-го Белорусского фронта – Группы советских оккупационных войск в Германии (июнь 1944–октябрь 1945), начальник оперсектора НКВД-МГБ в Берлине (май 1945–декабрь 1947), министр госбезопасности Татарской АССР (декабрь 1947–январь 1948). Арестован 31 января 1948 г. По решению Особого совещания МГБ СССР от 6 октября 1951 г. направлен в психиатрическую больницу на принудительное лечение. В 1953 г. из-под стражи освобождён. Уволен из МВД «по фактам дискредитации» с 31 июля 1953 г.

[16] Холево Семён Иванович (1912–1982), сотрудник советских органов безопасности, полковник. В органах безопасности с 1937 г. Начальник отделения, отдела в УГБ НКВД БССР (1939–1940), зам. начальника СПО НКВД-НКГБ Литвы (1940–1941), начальник 6-го отделения Особого отдела НКВД Карельского фронта (октябрь 1941–май 1943), начальник 2-го отдела Особого отдела УКР «Смерш» Карельского фронта (май 1943– апрель 1944), зам. начальника 4-го отдела ГУКР «Смерш» (апрель 1944–июнь 1945), начальник 1-го отдела УКР «Смерш» НКВМФ (июнь 1945–март 1946), начальник 1-го отдела 2-го управления 3-го Главного управления МГБ СССР (июль 1946–апрель 1947), начальник отдела «2-Б» 2-го Главного управления МГБ СССР (апрель 1947–октябрь 1949), зам. начальника 5-го управления МГБ СССР (октябрь 1949–март 1953), зам. министра внутренних дел БССР (июнь 1953–март 1958). Уволен по болезни.

Публикацию подготовили
Н.М. Перемышленникова,
Д.Ю. Хохлов

ОБЗОР ГЛАВНОГО РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ РККА О ПОЛИТИКЕ НАЦИСТОВ НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ

Представленный документ хранится в фонде секретного делопроизводства Центрального архива ФСБ России и приобщён к архивным материалам 4-го Управления НКВД–НКГБ СССР. Делопроизводственные пометы позволяют достаточно точно его датировать[1]. Главной задачей 4-го Управления НКВД–НКГБ СССР с момента образования и до конца войны была диверсионная и разведывательная деятельность за линией фронта. Обзор, подготовленный весной 1943 г. в Главном разведывательном управлении Красной армии, в 4-м управлении НКГБ СССР использовался в аналитической и справочной работе и при подготовке разведывательно-диверсионных групп, для которых знание реального положения на оккупированной территории было залогом успешного решения поставленных перед ними задач. Помимо этого, собранная информация в отношении немецких чиновников, действовавших на оккупированной территории, впоследствии использовалась следователями органов безопасности при рассмотрении конкретных уголовных дел.

Обзор ГРУ РККА впервые публикуется полностью, с приложениями, без изъятий и купюр (за исключением приложения 7 – по причине плохого качества оригинала). Ранее обзор ГРУ был дважды опубликован, в обоих случаях со ссылкой на Государственный архив Российской Федерации[2], при этом сделанные публикаторами изъятия (около 20 % текста) оговорены не были, а комментарии ограничивались примечаниями авторов документа. Обзор представляет собой брошюру, изготовленную на ротапринте, с приложением схем и таблиц, исполненных от руки и типографским способом. Тираж издания и перечень рассылки не указаны. Примечания авторов документа вынесены в подстрочник.

При подготовке публикации транскрипция иностранных слов сохранена в соответствии с подлинником, географические названия и имена собственные унифицированы. Ошибки и опечатки, затрудняющие восприятие текста, исправлены без оговорок.

***

МЕРОПРИЯТИЯ ГЕРМАНСКИХ ВЛАСТЕЙ НА ВРЕМЕННО ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ СССР

Обзор трофейных документов, иностранной печати и агентурных материалов, поступивших с июня 1941 г. по март 1943 г.

Секретно
Экз. № 13

Москва
1943 г.

СОДЕРЖАНИЕ

I. Общие планы экономического использования оккупированной территории СССР
II. Военно-экономический аппарат германской армии. Местные комендатуры
III. Территориальное деление и административные органы на оккупированной территории. Национал-социалистские партийные организации
IV. Организация вспомогательной полиции
V. Формирование антисоветских воинских частей из местного населения и военнопленных
VI. Административный режим и расправы над населением
VII. Мероприятия в области сельского хозяйства
VIII. Мероприятия в области промышленности
IX. Трудовая повинность. Вывоз рабочей силы в Германию
X. Продовольственное снабжение городского населения
XI. Денежная система. Банки

Приложения

1. Промышленные, торговые и колонизационные общества по эксплуатации оккупированных областей СССР
2. Схема германского военно-экономического аппарата
3. Организация местной германской военной комендатуры
4. «Ближайшие помощники рейхсминистра Альфреда Розенберга» (статья из газеты «Брюсселер цейтунг»)
5. Схема административного деления и органов управления на временно оккупированной территории СССР
6. Схема административных органов во временно оккупированных городах СССР
7. Погоны и знаки различия антисоветских казачьих частей

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая работа представляет собой сводку фактических данных о структуре немецко-фашистских оккупационных властей, об установленном ими террористическом режиме, о безудержном грабеже, проводимом оккупантами во временно захваченных областях СССР. Материалы, собранные в работе, не являются исчерпывающими и требуют дальнейшего пополнения. Мероприятия румынских и финских оккупационных властей в настоящей работе не освещаются.

I. ОБЩИЕ ПЛАНЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ СССР

Перспективная программа

Экономические планы, развиваемые в выступлениях фашистских главарей, а также в немецких экономических журналах, неизменно связываются с бредовой «идеей» завоевания Восточной Европы и превращения этой части континента во внутреннюю колонию «Великогерманской империи». Немецкая печать пропагандирует следующую откровенно империалистическую программу: покрытие ущерба, причинённого войной, и дальнейшее обогащение Германии будет происходить, главным образом, за счёт интенсивной эксплуатации неисчерпаемых русских естественных богатств и рабочей силы. Обильный поток дешёвого русского хлеба и продовольствия коренным образом обеспечит снабжение населения Германии, а обладание сырьевыми ресурсами оккупированных областей сведет к минимуму зависимость германской промышленности от импортных поставок. С другой стороны, восточная колония явится весьма ёмким и монопольным рынком сбыта германской промышленной продукции.

Исходя из этих установок, экономический профиль, намечаемый немецкими экономистами для оккупированных областей СССР, характеризуется резким преобладанием сельского хозяйства и добывающей промышленности над всеми видами обрабатывающей индустрии. В связи с этим предполагается частичное перемещение местного населения из города в деревню, а такие вывоз рабочей силы в Германию.

Предполагается, что капиталы, накопленные за время войны крупными германскими фирмами, а в будущем и мелкие массовые сбережения, найдут при посредстве банков и акционерных обществ весьма выгодное применение в освоении и эксплуатации «восточного пространства».

Одним из центральных пунктов фашистской экономической и политической программы является то, что «избыточное население» Германии получит на Востоке в собственность земельные наделы

и непритязательных сельскохозяйственных рабочих. В первую очередь землёй в оккупированных областях предполагается наделить немцев, переселённых перед войной из СССР в Германию, затем участников войны и заслуженных национал-социалистов. Таким образом, предполагается создать слои землевладельцев-колонизаторов, который явится господствующим социальным элементом и политической опорой гитлеровского режима на Востоке. Эта первоочередная категория в общем контингенте немецких колонистов должна, по расчетам гитлеровцев, составлять не менее одной трети; приблизительно такую же долю должны составлять ремесленники, до 15% – торговцы и до 20% – различные германские руководители и чиновники.

В Германии считается, что основными типами хозяйственных единиц на Востоке станут частновладельческие поместья и предприятия, а также акционерные общества, действующие под наблюдением государственных регулирующих органов, Частная предпринимательская инициатива в речах и писаниях немецко-фашистских политиков и экономистов принципиально противопоставляется советскому экономическому строю и признается основной движущей силой хозяйственной жизни. В прессе, предназначенной для широких кругов, богатства оккупированных областей объявляются общеевропейским достоянием, С помощью этой приманки предполагается ещё полнее использовать в интересах Германии денежные, материальные и людские ресурсы малых государств, втянутых в орбиту германской экономики. В Голландии, Венгрии и Бельгии с этой целью организованы торговые, промышленные и колонизационные общества (приложение 1).

Универсальные возможности, якобы открывающиеся на Востоке, дают повод немецкой печати и фашистским главарям все чаще и настойчивее повторять, что главная перспектива экономического и политического развития Германии окончательно перемещается с Запада на Восток. По мере приближения решающей фазы войны в фашистской публицистике всё истеричнее звучит тезис о том, что существование Германии как мировой державы и будущее благосостояние немецкого народа якобы зависят в первую очередь от удержания и освоения оккупированных областей на Востоке.

План ближайших мероприятий

Кроме перспективной программы, имеются конкретные директивы относительно ближайших экономических мероприятий в оккупированных районах. Эти директивы были разработаны ещё до начала войны с СССР Восточным штабом экономического руководства и изданы под условным наименованием «Зелёная папка»[3]. Восточный штаб возглавляется статс-секретарём Кернером[4] и подчинён непосредственно

Герингу как уполномоченному по проведению четырёхлетнего плана. Директивы Восточного штаба исходят из того, что вплоть до окончания войны все экономические ресурсы оккупированных областей должны быть целиком и полностью использованы для единственной цели – снабжение германской армии и военной промышленности. «Зеленая папка» предусматривает прежде всего полную реквизицию хлебных и продовольственных запасов, нефтепродуктов, легких металлов. транспортных средств, а также всех видов промышленного сырья, полуфабрикатов и готовой продукции.

Далее в «Зелёной папке» предписывается обеспечить сохранность скота, построек, машин и сельскохозяйственного инвентаря с тем, чтобы советское сельское хозяйство могло быть на полном ходу переключено на обслуживание действующей германской армии.

Советские организационные формы сельскохозяйственного производства в первый период оккупации предлагается временно оставить без изменения, но во главе каждого совхоза, МТС, колхоза должны быть поставлены лица, беспрекословно выполняющие все требования германских властей и обязанные безоговорочно обеспечить сбор и сдачу урожая.

Далее предусматривается массовая мобилизация местного населения для восстановления и строительства военных дорог, укреплений, казарм и т.п.

Из числа промышленных предприятий должны быть сохранены или восстановлены только те, которые способны удовлетворять неотложные запросы германской армии. Все другие виды производства должны быть законсервированы. Появляющиеся в связи с этим безработные должны быть использованы в сельскохозяйственных и дорожно-строительных колоннах. Работающие на военных и коммунальных предприятиях, на восстановительных работах, в сельском хозяйстве и на военном строительстве должны принуждаться к выполнению своих обязанностей силой оружия. Прежних руководителей промышленных предприятий и специалистов предлагается также временно оставлять на их должностях и принуждать к работе угрозами и репрессиями.

В «Зелёной папке» предусмотрено создание монопольных обществ, которым в будущем должна быть поручена эксплуатация отдельных отраслей хозяйства. Указания, данные в «Зеленой папке», неоднократно повторялись уже во время войны непосредственно германским военным командованием, например, в приказе командующего 2-й армией генерал-полковника фон Вейхса[5] от 12.6.42 и в ряде других приказов.

Наставления для немецких администраторов и хозяйственных руководителей даны в известном документе, озаглавленном «12 заповедей поведения немцев на Востоке и обращения с русскими». «Заповеди» признают единственным методом управления неограниченный

террор и беспощадную эксплуатацию советского населения, которое откровенно и последовательно рассматривается как бесправная масса колониальных рабов.

II. ВОЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АППАРАТ ГЕРМАНСКОЙ АРМИИ. МЕСТНЫЕ КОМЕНДАТУРЫ

Выполнение первоочередных задач, изложенных в «Зеленой папке», поручается непосредственно самой армии. Для этой цели создан военно-экономический аппарат, который руководствуется установкой Геринга: «Потребности армии должны максимально удовлетворяться за счет местных ресурсов». Эксплуатация оккупируемых районов приобретает, таким образом, характер заранее подготовленного вооружённого грабежа, который осуществляется в ходе военных операций, а затем продолжается и углубляется в районах, остающихся за линией фронта. Немецкий военно-экономический аппарат возглавляется Управлением военной экономики и снаряжения главного штаба вооруженных сил (*Wehr. Wirtschafts und Rüstungsamt im OKW*). Это управление, подобно Восточному штабу экономического руководства, действует под руководством Геринга. Начальником управления является генерал пехоты Томас[6] (схема военно-экономических органов в приложении 2).

В штабе каждой армии имеется экономический отдел или группа (условное обозначение – IV Wi). Начальник этого отдела подчинён командующему данной армией и вместе с тем получает специальные директивы и задания непосредственно от Управления военной экономики и от Восточного штаба экономического руководства. Являясь консультантом командующего армией, начальник экономического отдела осуществляет, таким образом, связь между ним и высшими военно-экономическими инстанциями.

Военно-экономический аппарат ещё до начала войны против СССР накапливал разведывательный материал о точном размещении, характере продукции и мощности промышленных предприятий и сельскохозяйственных районов на предполагаемом театре военных действий. В ходе войны на основании такой информации определялись пункты расквартирования и источники снабжения войск, а также принимались решения при разработке некоторых оперативных задач.

Так, например, во время операций в Латвийской и Эстонской ССР немецкое командование выбрасывало специальные передовые отряды для внезапного захвата сланцевых рудников и электростанций с тем, чтобы помешать разрушению этих объектов отходящими частями Красной армии. По указаниям экономического отдела производятся также разрушения хозяйственных объектов при отступлении немецких войск.

Кроме штабного аппарата, в непосредственном подчинении у начальника экономического отдела штаба армии состоят отряд экономической разведки (*Erkudungstrupp*) и технический батальон.

Эти части продвигаются вместе с передовыми действующими соединениями и имеют следующие задачи: а) выявить наличие и состояние складов, а также промышленных и сельскохозяйственных предприятий; б) обеспечить первоначальную охрану важных хозяйственных объектов; в) произвести быстрое восстановление и пуск промышленных, транспортных и коммунальных предприятий, непосредственно содействующих ведению боевых операций и снабжению армии; г) обеспечить уборку урожая и проведение неотложных сельскохозяйственных работ; д) составить экономическую характеристику занятого района. Для восстановительных и сельскохозяйственных работ принудительно привлекается местная рабочая сила и специалисты.

По мере перемещения фронта экономическая эксплуатация занятых районов переходит в ведение хозяйственных инспекций (*Wirtschaftsinspektion*), существующих при каждой группе армий. Хозяйственная инспекция Северной группы армий находилась в 1942 г. в Таллине, Центральной – в Смоленске, Южной – в Днепропетровске. Хозяйственную инспекцию Центральной группы армий возглавлял генерал-лейтенант Вейгант[7].

Хозяйственные инспекции осуществляют следующие функции:

а) продовольственное фуражное и вещевое снабжение действующих частей за счет захваченных, конфискованных и всех других местных запасов;

б) охрана, использование и отправка в тыл ценного имущества для нужд армии и военной промышленности;

в) налаживание военного производства;

г) мобилизация местной рабочей силы для военных надобностей;

д) регулирование снабжения населения предметами питания и первой необходимости.

Инспекции имеют в своём подчинении в качестве практически работающих исполнительных органов хозяйственные управления или команды (*Wirtschaftskommando*). Каждый такой орган, в зависимости от местных условий, ведает либо определенным территориальным районом, либо какой-нибудь отраслью хозяйства, не считаясь в последнем случае с административными границами. Личный состав хозяйственных инспекций, управлений и команд носит синие петлицы и витой кант (из черных, белых и коричневых ниток) на погонах.

После сформирования гражданской администрации хозяйственная инспекция свёртывает свою деятельность в данном оккупированном районе. Общее руководство экономикой принимает на себя гражданская администрация, причём снабжение войск за счёт местных ресурсов,

а также восстановление и эксплуатация промышленных предприятий, происходит под контролем инспекций по снаряжению (*Rüstungsispektion*). Соответственно установленному немцами административно-территориальному делению, в оккупированных областях СССР действует три таких инспекции: по Украине, по Остланду (Прибалтика и Белоруссия) и по районам, включённым в Генерал-губернаторство. Местопребывание их, соответственно, – в Ровно, Риге и Варшаве.

В ведение инспекции по снаряжению переходят хозяйственные управления и команды, действовавшие в данном районе, которые одновременно переименовываются в управления и команды по снаряжению (*Rüstungskommando*).

Военно-экономический аппарат сверху донизу укомплектован опытными офицерами интендантской службы, многие из которых участвовали в войне 1914–1918 гг. Кроме того, привлекаются офицеры запаса из числа предпринимателей и специалистов различных отраслей промышленности, транспорта, сельского хозяйства и торговли. Подбор офицерского состава военно-экономических органов и его специальная подготовка, включая подготовку по вопросам экономической разведки, ведётся Управлением военной экономики при главном штабе.

Хозяйственные управления и команды, а также управления и команды по снаряжению не охватывают, однако, сплошь всех населенных пунктов на оккупированной территории. В некоторых, главным образом, сельскохозяйственных районах функции этих органов выполняются местными военными комендатурами, которые организуются непосредственно штабами действующих частей. Местные комендатуры в первый период оккупации осуществляют административное управление, ведут борьбу с партизанами, назначают сельских старост и бургомистров, организуют вспомогательную полицию и гражданские административные учреждения, которые в дальнейшем подчиняются комендатуре и действуют по её указаниям,

В тех пунктах, где нет хозяйственных команд, комендатура самостоятельно проводит все мероприятия по использованию местных ресурсов для нужд германского военного хозяйства, а там, где действует хозяйственная команда, военная комендатура оказывает ей всяческое содействие при обысках, реквизициях и т.п. Комендатуры в городах возглавляются старшими офицерами, а в крупных городах – генералами. Например, комендантом г. Орёл был генерал Гамман[8].

Комендатура поддерживает тесную связь с гестапо и имеет в своем составе следующие отделы: военный, полиции и карательных отрядов, сельскохозяйственный, транспортный, регистрации и прописки населения, по делам военнопленных и финчасть. Кроме того, комендатура имеет свою осведомительную агентурную сеть, помещение для арестованных, 10–15 связных-мотоциклистов и команду по охране комен-

датуры (схема организации комендатуры в приложении 3). В мелких пунктах комендатура имеет уменьшенный личный состав и упрощенную организацию.

III. ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ ДЕЛЕНИЕ И АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ОРГАНЫ НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ. НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИСТСКИЕ ПАРТИЙНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ

Высшим органом по управлению захваченной территорией является Министерство по делам оккупированных областей на Востоке (Восточное министерство)[9], учрежденное указом Гитлера от 18.11.41. Министром назначен Альфред Розенберг, его заместителем и постоянным представителем на оккупированной территории – Альфред Мейер[10]. В составе министерства имеется департамент по делам Украины и Прибалтики, объединяющий семь управлений: политическое (руководитель Лейббрандт), экономическое (руководитель Шлоттерер), техническое (руководитель Ф. Шютце), административное (руководитель Рунге), кадров (руководитель Сепвиц), прессы и пропаганды (руководитель майор Кранц), культуры (руководитель неизвестен). Известны, кроме того, следующие видные чиновники Восточного министерства: Вагнер (руководитель отдела здравоохранения), Вильгельми (руководитель юридического отдела), Гунглер, барон Хардерс, Штольц, Лебек, Бэрвинкель, Диш, Герман.

На территории, оккупированной германской армией, выделены два рейхскомиссариата – «Остланд» и «Украина». В «Остланд» включена территория трех прибалтийских советских республик и часть Белорусской ССР. Часть территории БССР выделена в Белостокский округ, который представляет собой самостоятельную административную единицу, не входящую в рейхскомиссариат. Территория Белостокского округа составляет 30 тыс. км^2, население – 1,5 млн человек; крупнейшие города – Белосток и Гродно. Кроме того, часть территории БССР включена в состав Генерал-губернаторства и рейхскомиссариата «Украина».

В рейхскомиссариат «Украина» включена часть территории Украинской ССР, южные районы БССР и Крым. По немецким данным, площадь рейхскомиссариата «Украина» на 1.1.43 составляла 339 258 км^2, население – 16 910 тыс. человек*.

По неофициальным сообщениям иностранной печати, граница между рейхскомиссариатом «Украина» и территорией, оккупированной Румынией, проходит от Николаева на северо-запад по р. Южный Буг, а затем, поворачивая на запад, доходит до г. Могилев-Подольский.

Площадь Украинской ССР – около 550 тыс. км^2, населения перед войной насчитывалось около 40 млн человек. (Прим. док.)

Западная часть Украины с городами Львов, Станислав[11] и Тарнополь указом Гитлера от 1.3.41 включена под наименованием «Галиция» в состав Генерал-губернаторства в качестве одного из дистриктов (округов).

Оккупированная территория РСФСР остается вне названных территориальных единиц. В каждом из двух рейхскомиссариатов гражданская администрация возглавляется германским рейхскомиссаром, единолично обладающим всей полнотой власти. Указом Гитлера рейхскомиссаром Остланда назначен Генрих Лозе[12], рейхскомиссаром Украины – Эрих Кох[13]. Последний одновременно возглавляет гражданскую администрацию в Белостокском округе (биографические данные о Мейере, Лозе и Кохе в приложении 4).

Рейхскомиссары подчиняются только фюреру и министру Розенбергу Все гражданские административные органы и ведомства в рейхскомиссариатах подчинены соответствующему рейхскомиссару, за исключением почтового и ж.-д. управлений, которые самостоятельно сносятся со своими имперскими министерствами. Местопребывание рейхскомиссара «Остланда» – в Риге, рейхскомиссара «Украины» – в Ровно. Предполагалось, что летом 1942 г. Кох перенесёт свою резиденцию в Киев, но, как сообщила газета «Дейли мейл», это намерение было отложено «из предосторожности». При рейхскомиссарах существуют отделы: а) административный, б) культурно-политический, в) печати, г) сельского хозяйства и продовольствия, д) по использованию рабочей силы. При райхскомиссаре «Остланда» существует Главная экономическая палата, имеющая отделы: промышленный, ремесленный, торговый, банков и страховых обществ, транспортный.

Территория рейхскомиссариатов делится на генеральные округа. В рейхскомиссариате «Остланд» выделено четыре генеральных округа: Литва, Латвия, Эстония, Белоруссия. Границы первых трех совпадают с границами одноименных советских республик; территория генерального округа Белоруссия составляет 90 000 км²*. В рейхскомиссариате «Украина» выделены следующие генеральные округа:

Округ	Население на 1.1.43 (в тыс. чел.)**
Волыно-Подольский	4 212
Житомирский	2 917
Киевский	4 456
Николаевский	1 920
Днепропетровский	2 743
Таврия (Крым)	662

* Территория Белорусской ССР – около 230 тыс. км². (Прим. док.)

** Данные о численности населения приводятся по газете «Дейче Украине Цейтунг» от 30.2.43. (Прим. док.)

На территории генерального округа вся власть находится в руках генерального комиссара, назначенного указом фюрера и подчинённого соответствующему рейхскомиссару. Генеральными комиссарами назначены следующие лица: в генеральном округе Литва – фон Рентельн[14], Латвия – д-р Дрекслер[15], Эстония – Литцман[16], Белоруссия – Кубе[17], Волыно-Подольском – Шёне[18], Житомирском – Клемм[19], Николаевском – Опперман[20], Днепропетровском – Зельцнер[21], Киевском – Аккеман[22].

Большинство генеральных комиссаров принадлежит к высшему командному составу военизированных национал-социалистских организаций или к высшему партийному чиновничеству. Только два генеральных комиссара занимали прежде гражданские административные посты (Дрекслер и Клемм). Остальные германские чиновники подбираются также преимущественно из гитлеровских партийных активистов. «Испытанные бойцы фюрера, – заявил генеральный комиссар Белоруссии Кубе, – приехали сюда для проведения в жизнь национал-социалистских идей».

Вскоре после оккупации Прибалтики немцы начали создавать здесь марионеточные органы «самоуправления». В эти органы привлекались местные антисоветские элементы для того, чтобы путем националистической демагогии дезориентировать население, добиться его сотрудничества и таким способом быстро и безболезненно выкачать все богатства страны. Эти мероприятия были заблаговременно предусмотрены в «Зеленой папке», где дается следующая установка: «Германским органам целесообразно опираться на оставшихся немцев, а такие на литовцев, латышей и эстонцев. Противоречия между этими национальными группами и оставшимися русскими следует использовать в интересах Германии».

Для создания центрального органа «самоуправления» в Эстонии немцы использовали свою старую агентуру – приверженцев фашистской партии «Вабсы», находившейся с 1934 г. в подполье*. Центральный орган эстонского «самоуправления» – Государственный директорат – начал функционировать в сентябре 1941 г. под руководством д-ра Мэе[23], который одновременно возглавил ведомство культуры. Ведомство внутренних дел было поручено О. Ангелусу, хозяйственное – д-ру Вендту, социальных вопросов – д-ру Леесменту, сельского хозяйства – Х. Саару. Поскольку немцам удалось подобрать вполне послушных лиц, эстонскому центральному «самоуправлению» было предоставлено право издавать от своего имени обязательные постановления, что имеет, конечно, только формальное значение. В Литве немцам оказалось труднее подобрать агентуру в состав центрального органа «самоуправления».

* В 1935 г. «Вабсы», пользуясь финансовой поддержкой из Берлина, пытались произвести государственный переворот с целью подчинения эстонской внешней политики интересам Германии. Переворот не удался. 159 участников были осуждены на каторгу. (Прим. док.)

Группа литовских буржуазных политиков, бежавших в Германию после присоединения Литвы к СССР, готовила при поддержке гестапо и германского генштаба антисоветское восстание, но предполагала образовать более или менее самостоятельное литовское правительство. При занятии Каунаса немецкими войсками, литовские антисоветские подпольные организации объявили по радио о создании такого правительства во главе с руководителем литовской эмигрантской группировки полковником Скирпом (бывш. литовский посол в Варшаве и Берлине). Однако это не входило в расчеты немцев, и они не впустили Скирпа в Литву. Остальные министры очень скоро были арестованы гестапо. Никакой практической роли правительство Скирпа не сыграло. Некоторое время действовало лишь министерство связи. Немцы предполагали использовать как свою марионетку главу литовских националистов Вольдемараса, но его в Литве не оказалось, а его преемник майор Поусциус не пожелал сотрудничать с немцами. В связи с этим формирование литовского «самоуправления» несколько задержалось. Первоначально был назначен только советник при германском генеральном комиссаре. Этот пост занял бывший начальник литовского генерального штаба генерал Кубилюнас[24], который в 1934 г. был приговорен к смертной казни за попытку государственного переворота. Осенью 1941 г. Кубилюнас сформировал так называемый Литовский государственный совет. Кроме Кубилюнаса, который возглавил политическую секцию совета, в совет вошли проф. Юргутис, как руководитель экономической секции, и бывший министр путей сообщения Германас, как руководитель транспортной секции. Литовский государственный совет не имеет права издавать постановлений от своего имени и является лишь совещательным органом при германском генеральном комиссаре.

Позднее немцы использовали в своих политических целях некоторых бывш. депутатов Литовского народного сейма. На собрании, состоявшемся в Каунасе в августе 1942 г., с антисоветскими речами выступили бывш. депутаты Мискус, Давиденас и Креве-Мицкевичус.

Ещё труднее оказалось найти «квислинговцев» в Латвии. В Риге вплоть до ноября 1941 г. работали лишь отдельные департаменты под наблюдением немецких комиссаров. Позднее роль руководителя органов «самоуправления» принял на себя генерал Данкерс[25], возглавивший так называемый Генеральный директорат.

Местное «самоуправление» в Литве, Латвии и Эстонии было официально конституировано указом Розенберга от 18.11.41. Указ полностью сохраняет за германскими генеральными комиссарами верховную власть. Германские комиссары осуществляют надзор за деятельностью центральных органов «самоуправления», причем имеют право непосредственно вмешиваться во все дела и проводить от собственного имени любые мероприятия в интересах Германии. Это, в особенности,

относится к хозяйственным вопросам, при разрешении которых генеральные комиссары обязаны действовать, исходя из очередных военно-экономических задач и четырехлетнего плана.

Назначение должностных лиц органов «самоуправления» производится германскими властями. Мелкие чиновники назначаются местными органами, но обязательно с последующим утверждением германских властей. Официальные сношения между германскими учреждениями и органами «самоуправления» ведутся только на немецком языке. Для сношений между органами «самоуправления», наряду с немецким, допущены и местные языки.

В Белоруссии организация центрального органа «самоуправления» отложена на неопределенное время, так как, по заявлению начальника культурно-политического отдела при генеральном комиссаре Белоруссии Юрды, только «немногие белорусы оказались пригодны для сотрудничества с немецкой администрацией». Еще яснее определила положение газета «Локальанцейгер» в номере от 21.12.42: «За неимением подходящий лиц в Белоруссии не удалось создать самоуправление по примеру стран Прибалтики». Отысканный немцами в Праге среди эмигрантов-националистов и привезенный в Минск д-р Ермаченко, не сумел сыграть предназначавшейся для него роли местного «вождя и главы белорусского «правительства». В июле 1942 г. Ермаченко был попросту зачислен на штатную должность «референта по делам белорусского народа» при германском генеральном комиссаре. В настоящее» время он возглавляет созданную немцами погромную организацию «Белорусская самопомощь», используемую для борьбы с партизанами и для террора против мирного населения. Руководителями Белорусской самопомощи», кроме Ермаченко, являются ксендз В. Годлевский, архиепископ Филофей, У. Сакович, В. Ивановский и У. Козловский (редактор газеты «Минскер цейтунг»). Таким образом, центральное административное управление в Белоруссии осуществляется до сих пор непосредственно германским генеральным комиссаром.

На Украине немцы также не сформировали марионеточного правительства или центрального органа «самоуправления». Со времени своего прихода к власти в Германии гитлеровцы всегда в более или менее откровенной форме поддерживали агитацию украинских эмигрантов-националистов за создание «Великой Украины». Наиболее открыто связь между германскими фашистами и украинскими эмигрантами поддерживалась в 1938–1939 гг., после Мюнхенского соглашения. Восточная провинция бывш. Чехословакии – Рутения, была переименована в Прикарпатскую Украину, а германский консул в главном городе этой провинции Хусте открыто содействовал петлюровскому полковнику Андрею Мельнику[26], который формировал там украинскую национальную армию. После присоединения Прикарпатской Украины к Венгрии

Мельник на некоторое время прекратил свою деятельность, а затем получил задание поддерживать связь между различными украинскими эмигрантскими группировками. Перед началом воины немцы оказывали покровительство и денежную помощь группе Скоропадского-Тисовшиского в Берлине, группе Вайда в Праге и «Организации украинских националистов» (ОУН) под руководством Бандеры. Последняя группировка была наиболее тесно связана с гестапо и германской военной разведкой.

В начале оккупации немцы распространяли в Западной Украине портреты Скоропадского и использовали украинских эмигрантов на различных временных административных постах. Но когда в конце июля 1941 г. вожаки ОУН проявили большие претензии и даже объявили о создании украинского независимого правительства, немцы арестовали «премьера» Стецько и руководителя ОУН Бандеру. Немцы, однако, не оставляли намерения организовать украинское «самоуправление», надеясь, в частности, с его помощью привлечь украинцев в германскую армию. Делались попытки склонить к участию в «самоуправлении» или в марионеточном украинском правительстве пленных командиров Красной армии. Эти намерения провалились. Предполагалось использовать сотрудника Розенберга – петлюровца Севрюка, но он погиб при ж.-д. катастрофе в декабре 1941 г. В итоге, до сих пор административное управление на Украине осуществляется непосредственно немецкими генеральными комиссарами.

Для административных органов в оккупированных районах РСФСР немцы готовили кадры из числа бывш. белогвардейцев. Перед войной в Германию стягивались наиболее авантюристические, окончательно разложившиеся представители белой эмиграции из Харбина, Шанхая, Бостона, Парижа, Белграда, Софии, Бухареста. Эти люди проходили подготовку на специальных курсах, где изучалась советская конституция, организация сельского хозяйства в СССР, отдельные города и районы, состав партийных и советских работников. До и после начала войны среди эмигрантов подыскивались и подготавливались кандидаты в «русское правительство», которое явилось бы в глазах населения более авторитетным, чем немецкие комиссары. Созданный немцами в Варшаве еще до войны беловежский «Русский национальный комитет» вскоре после начала войны был переведен в Белосток. Он рассматривался некоторыми иностранными газетами как попытка создать русское «квислинговское» правительство. Но деятельность этого комитета заглохла, и о его дальнейшей судьбе сведений нет.

Как сообщала шведская печать, в берлинских руководящих кругах считали, что провозглашение «русского правительства» было бы особенно актуально в случае успеха летнего наступления германской армии в 1942 г. С созданием такого правительства связывались, между прочим,

надежды на раскол славянского фронта в Европе. В частности, предполагалось, что появление в России прогерманского правительства изменит отношение Болгарии к войне. Однако в целом немцам не удаётся привлечь на свою сторону белоэмигрантские круги.

Руководители и подавляющее большинство членов наиболее многочисленней белоэмигрантской организации «Русский воинский союз», в которую входят, например, такие лица, как Деникин, относятся отрицательно к сотрудничеству с Германией и выступают против всяких планов расчленения России в угоду Гитлеру. Авторитетные в эмигрантской среде лица выступили с антинемецкими заявлениями или отказались подписать антисоветские воззвания (например, бывш. царский посол в Париже Маклаков, архиепископ Русской православной церкви в Западной Европе Евлогий, бывш. великий князь Владимир). Своих немногочисленных сторонников в кругах белой эмиграции немцы находят только среди крайних реакционеров и оголтелых антисемитов, группирующихся вокруг «Верховного монархического совета», а также среди заведомых авантюристов, ставших в некоторых случаях прямыми агентами гестапо. К этим элементам относятся, например, бывш. царские офицеры – Бискупский и Хохонтов, Жеребков, Любимов, Гулевич и некоторые другие.

До настоящего времени оккупированные области РСФСР не имеют единой гражданской администрации, объединяющей всю эту территорию, – ни в виде «квислинговского» самоуправления, ни в виде какого-либо немецкого органа. Имеются только местные органы гражданской власти, действующие в пределах отдельных районов.

Административно-территориальное устройство ниже генеральных округов имеет некоторые особенности в различных частях оккупированной территории (схема административно-территориального деления оккупированной территории в приложении 5).

Литва и Латвия. Эти генеральные округа разделены на области. В Литве выделены Каунасская, Виленская и Шауляйская области. Количество и названия областей в Латвии неизвестны; имеются только сведения о выделении Митавской области. К той же административно-территориальной группе отнесены крупные города, подчиненные непосредственно властям генерального округа. В каждой области высшая гражданская власть принадлежит германскому областному комиссару, который имеет право надзора и контроля по отношению к местным органам «самоуправления», а также может проводить те или иные мероприятия непосредственно от своего имени. Органами «самоуправления» являются областное и городские управы во главе с обербургомистрами. Области делятся на сельские общины. Каждая община объединяет несколько населенных пунктов. Во главе общин стоят бургомистры. Низовыми административно-территориальными единицами

являются отдельные села, деревни, поселки, хутора. Представителями власти являются здесь сельские бургомистры.

Эстония. Генеральный округ разделен на четыре округа: Пярну-Вильяндийский, Харьюсский, Нарвский, Тартусский. Высшим представителем гражданской власти в округе является германский окружной комиссар. Органами «самоуправления» являются окружные и городские думы. Дума возглавляется окружным или городским головой. Следующим административно-территориальным звеном в Эстонии является уезд, возглавляемый германским уездным комиссаром. «Самоуправление» представлено в этом звене уездной думой, действующей под руководством уездного бургомистра. Низшим звеном являются отдельные населенные пункты, где административная власть принадлежит сельским бургомистрам.

Белоруссия. Генеральный округ разделен на десять окружных комиссариатов, возглавляемых германскими комиссарами. Окружные комиссариаты, в свою очередь, делятся на районы, где главой гражданской администрации является начальник района, немец или белорус, из числа возвратившихся эмигрантов-националистов. Район делится на 15–20 волостей (гмин). Последние возглавляются волостными бургомистрами, назначенными из числа местных жителей, во главе отдельных населённых пунктов стоят бургомистры или солтусы. Таким образом, в Белоруссии введена пятистепенная административно-территориальная система, в отличие от Прибалтики и Украины, где существует четырёхстепенная система. Введение дополнительных органов власти объясняется особыми трудностями управления, в связи с особой враждебностью населения к оккупантам, что неоднократно признавалось немцами устно и в печати.

Как уже указывалось, немцы не создали в Белоруссии общей системы «самоуправления», однако в отдельных пунктах созданы городские управы или магистраты во главе с предателями из местного населения. Так, например, городским головой Минска состоял академик Гаусман, а позднее Ивановский, главой городской управы в Бресте – бывш. инженер Днепро-Бугского канала Броникoвский, гражданским комендантом г. Слоним – бывший ксендз местного костела, гражданским комендантом г. Слуцк – один из местных преподавателей немецкого языка, городским головой в мест. Кожан назначен Олесик А.М., сидевший тюрьме за контрреволюционную деятельность и выпущенный немцами, гражданским комендантом г. Дрогичин был назначил поляк Крейдич, бывш. землеустроитель райзо, бургомистром г. Петриков – врач Рутковский, до Октябрьской революции участвовавший в эсеровских выступлениях.

Украина. Все генеральные округа имеют единообразное административно-территориальное устройство. Генеральный округ делится на 20–30 районов. Непосредственно властям генерального округа под-

чиняются также 25 выделенных городов с населением более 100 тыс. человек в каждом, в том числе Киев, Днепропетровск, Запорожье, Кривой Рог и др.

Вся власть в районе или в выделенном городе находится в руках германского районного (городского) комиссара. Германский районный комиссар имеет в своем аппарате сельскохозяйственного руководителя района и уполномоченного по использованию рабочей силы, а также различных специалистов-немцев. В качестве руководителей и служащих в транспортных, финансовых, медицинских, ветеринарных учреждениях и школах используются местные жители. В распоряжении комиссара имеется жандармская команда. Единой системы «самоуправления» на Украине, как и в Белоруссии, нет, но в отдельных крупных городах немцы назначают городского голову или бургомистра из числа своей агентуры или из числа местных контрреволюционных элементов, предателей или авантюристов. Районным комиссарам подчиняются бургомистры сельских общин, каждая из которых объединяет несколько населённых пунктов. В сёлах, деревнях и поселках административное управление поручено старосте.

Оккупированные области РСФСР. В прифронтовой полосе административные» функции выполняются непосредственно германскими военными комендатурами с помощью сельских старост и волостных старшин. В тыловых районах созданы более усовершенствованные и разветвленные административные учреждения, но не объединённые, однако, в единую систему. Наиболее крупной территориальной единицей является административный округ. Так, например, организованы Орловский и Брянский округа. Аналогичное значение имеет Псковский уезд. В Орле и Брянске существуют городские управы, а в Пскове – уездная управа (схема организации городской управы в приложении 6). Эти учреждения подчинены местным германским военным комендатурам. Управы насчитывают 7–10 членов и действуют под руководством городского головы или обербургомистра, который назначается германской комендатурой по рекомендации органов гестапо. Иногда немцы организуют комедию «выборов» бургомистра, но значительно чаще обходятся без «игры в демократию».

Городские управы в крупных городах состоят из следующих отделов:

а) промышленный отдел – ведает восстановлением промышленных предприятий, установлением ассортимента продукции, снабжением предприятий материалами;

б) торговый отдел – ведает организацией торговли и регулированием цен;

в) земельный отдел;

г) строительный отдел;

д) транспортный отдел;

е) дорожный отдел;

ж) лесотопливнний отдел;

з) административный отдел – занимается контролем выполнения распоряжений бургомистра и его канцелярий;

и) отдел связи;

к) жилищный отдел – как правило, непосредственно связан с полицией и гестапо;

л) лечебно-санитарный отдел;

м) отдел просвещения – имеет отделения: школьное, библиотечное, театра и кино (иногда выделяется в самостоятельный отдел искусства, пропаганды, редакции газеты);

н) отдел социального обеспечения – должен заниматься выплатой инвалидам и семьям лиц, уехавших на работу в Германию;

о) отдел городского хозяйства;

п) финансовый отдел;

р) техинспекция;

с) статистический отдел.

В административном отношении крупные города делятся на районы, как правило, в старых границах, В каждом городском районе созданы районные управы со старшинами во главе. В районных управах имеются следующие отделы: а) административный, б) жилищный, в) технический, г) финансовый.

Начальники отделов городской управы подбираются городским головой и с его характеристикой представляются на утверждение германского военного коменданта. Эти люди, как и сам городской голова или обербургомистр, вербуются из числа немецких агентов, проживавших в СССР до войны, из антисоветских элементов, подвергавшихся репрессиям при советской власти или имеющих репрессированных родственников из числа бывш. офицеров царской армии, из нестойких интеллигентских элементов, из шкурников, иногда из проходимцев, появившихся в данной местности только после оккупации, и из других тёмных элементов; имеются отдельные факты, когда городскими головами, бургомистрами и т.п. работают бывшие члены ВКП(б) и ВЛКСМ. Например, городским головой г. Калинин состоял бывш. подполковник царской армии Ясинский, городским головой г. Смоленск – адвокат Меньшагин Б.Г.[27], городским головой г. Феодосии – бывш. член ВКП(б) Грузинов, городским головой г. Погар – бывш. бухгалтер местного кирпичного завода, несколько раз судившийся при советской власти.

Подбор людей на руководящие должности в городские управы встречает иногда значительные затруднения. Так, например, из 115 учителей г. Феодосии ни один не согласился стать зав. отделом просвещения и на эту должность был назначен 60-летний агроном Хронусов. Среди рядовых служащих городских управ имеются иногда преданные совет-

ские люди, которых заставили пойти на работу к немцам голод, насилия и т.п. В отдельных случаях они оказывают помощь нашим разведчикам, партизанам и ведут другую антинемецкую работу, но, как правило, немцы подобрали надежных, с их точки зрения, людей.

Территория Орловского и Брянского округов разделена на уезды, а территория Псковского уезда – на районы. Административное управление в уезде (районе) осуществляется уездной или земской управой, во главе которой стоит уездный бургомистр или начальник земской управы. В Псковском уезде начальниками некоторых земских управ являются германские офицеры. В уездных и районных городах имеются также городской голова или бургомистр, ведающий делами данного населённого пункта.

Следующей административно-территориальной ступенью являются волости, где административное управление поручается волостному старшине, назначаемому немцами. Наконец, низовым представителем власти является сельский староста. Как правило, сельскому старосте подведомственна территория бывшего колхоза. Уездные и районные управы периодически собирают совещания волостных старшин, на которых присутствует немецкий комендант. Полученные на этих совещаниях задания волостные старшины доводят до сведения сельских старост, точно так же созывая их на совещания. В некоторых уездах Смоленского округа такие совещания созывались еженедельно.

Все органы административного управления на всей оккупированной территории прямо и полностью подчинены местным германским комендатурам и являются, как правило, их послушным орудием. Большое значение для оккупационных властей имеют волостные старшины и сельские старосты или бургомистры, так как при их непосредственной помощи немцы ведут борьбу со всеми антигерманскими элементами и выкачивают сельскохозяйственные продукты. Волостные старшины, и сельские старосты или бургомистры назначаются германскими воинскими частями или комендатурами немедленно после оккупации. Староста дает письменное обязательство исполнять все распоряжения германских властей, всячески препятствовать каким бы то ни было антинемецким выступлениям и сообщать немецким органам о подготовке таких выступлений. Политическая благонадёжность и преданность старосты проверяется жандармерией, тайной полевой полицией или непосредственно комендатурой, и в дальнейшем он находится под постоянным негласным наблюдением этих органов.

Старосты обязаны оказывать помощь комендатурам и другим германским органам при проведении следующих мероприятий (или проводить эти мероприятия самостоятельно): облавы и розыски скрывающихся военнослужащих РККА, парашютистов, партизан, членов ВКП(б), советских активистов и выявление лиц, дающих им убежище,

пищу и т.п.; изъятие у населения оружия, боеприпасов, подрывных средств, советского военного обмундирования, радио- и фотоаппаратов, почтовых голубей; розыски продовольственных и военных складов, реквизиции сельскохозяйственных продуктов у населения; продолжение сельскохозяйственных работ; организация вспомогательной полиции из местных жителей, поддержание внешнего порядка; наблюдение за прекращением уличного движения после установленного часа; обеспечение светомаскировки, уборка улиц, погребение трупов и ликвидация других следов военных действий; учет местного населения и выявление всех пришлых и подозрительных элементов; привлечение населения на военно-строительные и дорожные работы; проведение различных ограничений и репрессий, в частности, против евреев.

Староста обязан доводить до сведения населения распоряжения немецких властей. Все просьбы и ходатайства на имя германских властей могут подаваться жителями лишь через старосту.

Старостам предоставляется право наказывать жителей, но только за маловажные проступки, которые не носят характера антинемецких выступлений. Староста вправе налагать денежный штраф до 1000 руб., сажать под арест и отправлять на принудительные работы сроком до 14 дней. В случае каких-либо проступков против немцев наказание определяется германскими органами.

В районах действий партизан старостам выдается пистолет, винтовка или охотничье ружьё. Старосты снабжаются удостоверениями сроком на 1–2 месяца, по истечении которого удостоверение должно быть продлено или заменено новым.

Староста обычно назначается из лиц местной национальности. В отдельных случаях немцы находят нужных им шкурников и предателей среди бывших председателей колхозов, учителей, агрономов. Иногда немцы демонстративно организуют «выборы» бургомистров и старост. К «выборам» допускаются только взрослые мужчины, являющиеся «главами семей». Кандидатура старосты или бургомистра рекомендуется немецким офицером, и выборы происходят в его присутствии открытым голосованием. Однако чаще всего немцы обходятся без всякой «игры в демократию». За свою работу старосты получают плату. В Кричевском и Чериковском районах Белоруссии они получают по 150 марок в месяц и, кроме того, отдельные вознаграждения за выдачу партизан. Староста является не только агентом немцев, но и их заложником. Имели место расстрелы старост, как и других местных жителей, в порядке репрессий за действия партизан в окрестностях данного населенного пункта. Среди старост имеются и честные советские люди, в меру сил и возможностей старающиеся облегчить положение населения. Они предупреждают крестьян о готовящихся реквизициях, обысках, содействуют партизанам, укрывают наших людей и т.п. Но таких,

конечно, мало. Как правило, старосты преданы оккупантам и активно помогают им в грабежах и терроре. За жалобы на старост, за неподчинение им и, тем более, за покушения на старост виновники подвергаются жестоким наказаниям, вплоть до расстрела или повешения.

Национал-социалистские партийные органы на оккупированной территории

В августе 1942 г. в рейхскомиссариатах Остланд и Украина были сформированы органы национал-социалистской партии. Для этой цели были командированы специальные уполномоченные: в Остланде – Шмидт, Украину – Цикмейер. Общая задача национал-социалистских органов в оккупированных областях была сформулирована в речи Шмидта, произнесённой 28.8.42 в г. Шауляй: «Победителю угрожает опасность, так как он может принять образ жизни побежденного и капитулировать перед его духом. Мы не должны поддаваться жизненным законам чужих народов. Партия должна мешать этому всеми средствами. Она должна создать здесь немецкую общину, а также немецкую культурную среду». В статье, помещённой в газете «Ревалер цейтунг» от 25.8.42, Шмидт писал: «Партия будет здесь единственной формой общественной организации немцев».

Другой партийный чиновник Цигельбейн на собрании членов национал-социалистской партии в Риге заявил: «Некоторые лица считали, что на Востоке не нужно создавать национал-социалистского движения и партийной организации, что было крупной ошибкой, так как все мы рождаемся немцами, но становимся национал-социалистами постепенно. Мы должны из года в год воспитываться в духе нашего мировоззрения. Лица, состоящие в партийных организациях, нуждаются в непрерывном инструктаже».

Руководителем всех партийных организаций в Остланде назначен рейхскомиссар Лозе, такое же положение занимает на Украине рейхскомиссар Кох. В качестве партийных руководителей они именуются ландеслейтерами. Высшим партийным учреждением в каждом рейхскомиссариате является правление национал-социалистской германской рабочей партии, имеющее следующие отделы: а) организационный, б) кадров, в) административный, г) пропаганды, д) инструкторский, е) благотворительный, ж) женский, з) юношеский, и) военного обучения, к) партийный суд. При правлении национал-социалистской партии на Украине для агитаторов, прибывающих из Германии, созданы курсы по ознакомлению с местными условиями и задачами. Руководителем партийной организации в каждом генеральном округе является генеральный комиссар данного округа. По линии партийной работы ему помогает штабсамтлейтер. Партийным руководителем

на территории административной области является комиссар данной области. Местные группы национал-социалистской партии создаются на предприятиях, ж.-д. узлах, при опорных пунктах организации Тодта. Для отношений между военными и партийными кругами характерен тот факт, что Лозе на одном из собраний счёл нужным сделать следующее специальное указание: «Партия должна прежде всего поддерживать товарищеские отношения с армией и её организациями, с солдатами и офицерами».

IV. ОРГАНИЗАЦИЯ ВСПОМОГАТЕЛЬНОЙ ПОЛИЦИИ

На оккупированной территории действуют многочисленные сыскные, полицейские и карательные органы: гестапо, части СС, полицейские батальоны, дивизии охраны тыла, полевая жандармерия, тайная полевая полиция, охранная полиция. Все эти органы используют местную вспомогательную полицию. Она организуется военными комендатурами тотчас после оккупации. Формально вспомогательная полиция подчиняется сельскому старосте или бургомистру, а в городах – городской управе. Фактически вспомогательная полиция работает по заданиям и под контролем германских комендатур, гестапо и т.п. Вспомогательная полиция называется в некоторых местностях «стража порядка», «служба порядка» или «организация самозащиты». Она занимается наведением внешнего порядка, надзором за выполнением различных запрещений, ограничений и приказов, слежкой за антинемецкими элементами, участвует в борьбе против партизан, в проведении репрессий и погромов.

Городское полицейское управление имеет следующие отделения: паспортное, уголовно-следственное, политическое, охраны порядка, пожарное. В городах, имеющих районное деление, городскому полицейскому управлению подчинены районные полицейские управления. Последним подчинены полицейские участки, имеющие в своем составе квартальных полицейских (приложение 6). Полицейские функции возлагаются также на домоуправов, комендантов домов или домовых уполномоченных. В Смоленске домовые уполномоченные выполняют следующие обязанности: сбор квартплаты, наблюдение за приходом и уходом квартиросъемщиков, за появлением новых лиц в квартирах, за пропиской жильцов, сбор и сдача властям советских листовок, сброшенных с самолетов.

Для выполнения отдельных полицейских функций в принудительном порядке привлекаются местные жители и не состоящие на постоянной службе в полиции. Так, например, велосипедисты мобилизуются для сбора листовок, сброшенных с советских самолетов. Сельские жители привлекаются для охраны ж.-д. путей и т.п. Численность вспомо-

гательной полиции на Украине определяется в размере 1% от населения данного пункта, а в мелких селах и деревнях – по усмотрению немецких властей (приказ по 9-й танковой дивизии от 17.7.41). Во вспомогательной полиции на Украине, по сообщению «Дейли мейл» от 27.8.42, служило 150 тыс. человек. Вспомогательные полицейские вооружены холодным или личным огнестрельным оружием, иногда охотничьими ружьями. Резервов оружия вспомогательная полиция не имеет.

Отличительным знаком вспомогательных полицейских на Украине была желто-голубая нарукавная повязка со штампом немецкой комендатуры и иногда с изображением трезубца. В мае 1942 г. нарукавная повязка этого образца, имевшая расцветку петлюровского флага, заменена нарукавным знаком и кокардой со свастикой. В оккупированных районах РСФСР полицейские носят белую нарукавную повязку. Полицейские вправе носить оружие и нарукавную повязку только во время исполнения служебных обязанностей. Они получают от немецких комендатур удостоверение, подлежащее ежемесячному возобновлению. Населению предписывается беспрекословно выполнять все требования и приказания полицейских.

Во вспомогательную полицию привлекаются члены националистских фашистских организаций (Прибалтика, Западная Украина), дезертиры Красной армии, антисоветские, уголовные и другие тёмные элементы, старающиеся выслужиться перед немцами, захватить имущество репрессируемых, хорошие квартиры и т.п. Кроме того, немцы принуждают к службе во вспомогательной полиции пленных красноармейцев. Полицейским выдается жалованье, питание и, в некоторых местах, трофейное обмундирование. В оккупированных районах РСФСР рядовым полицейским платят в сутки 0,5 марки, заместителю начальника сельской полиции – 0,75 марки, начальнику – 1 марку (приказ по 1-й моторизованной бригаде СС от 10.11.41). В Западной Украине начальники полицейских команд и управлений подбираются, по возможности, из числа бывших офицеров и унтер-офицеров старой австрийской или польской армий, в Прибалтике – из бывш. офицеров и участников антисоветских организаций, в оккупированных областях РСФСР – из бывш. царских офицеров, выходцев ив контрреволюционных партий и всякого рода предателей. Например, заместителем начальника полиции в г. Таганроге служил бывш. полковник царской армии Степанов, в г. Феодосия в полиции служил грузинский меньшевик Барамидзе, начальником полиции в Белгороде служил бывш. инженер маслозавода Белых. На Украине вспомогательную полицию возглавляет Эйзенмайер, в Эстонии – полковник Лыхмус.

В Эстонии германские власти открыли школу по подготовке полицейских начальников. В сентябре 1942 г. эту школу окончили 39 человек. Трёхмесячные полицейские курсы существовали также в Смоленске.

В августе 1942 г. из Риги в Германию для обучения в полицейской школе были отправлены 152 человека сроком на 3 месяца.

Вспомогательные полицейские используются немцами как осведомители так же, как сельские бургомистры и старосты. Кроме того, немцы насаждают секретную агентуру. Так, например, начальник тылового района Северной группы армий генерал Роквес[28] предписал в директиве № 1198/41 от 14.9.41: «Создать широкую сеть секретных агентов, хорошо проинструктированных и знающих ближайшие пункты явки. Создание этой организации является совместной задачей дивизий охраны тыла и тайной полевой полиции. Секретной агентуре надлежит завязать связи с населением, чтобы в первую очередь выявить партизан и их сообщников, убежища партизан и пункты снабжения продовольствием. Тайной полевой полиции вести списки всех секретных агентов с их характеристиками для того, чтобы в случае перемены дислокации, вновь прибывающие германские органы автоматически переняли оправдавшую себя агентуру». Немецкое «Наставление по борьбе с партизанами» рекомендует вербовать секретную агентуру из числа «жителей пограничных районов или лиц, семьи которых пострадали от большевиков». Секретные агенты, насколько возможно, должны контролироваться тайной полевой полицией

Гестапо имеет своих агентов среди литовских эмигрантов, живших в Германии и возвратившихся в Литву после оккупации. В западных областях Украины и Белоруссии к слежке за партизанами привлекались, лесничие, находившиеся прежде на польской службе, бывшие польские солдаты и полицейские, а также отдельные лица из духовенства. Местные жители и военнопленные, работающие у немцев переводчиками, оказывались также в нескольких случаях секретными агентами и провокаторами. В качестве переводчиков зачастую работают уроженцы бывш. Республики немцев Поволжья. В число своих агентов немцам удается иногда привлечь женщин и подростков.

Помимо использования добровольных осведомителей, немцы вербуют свою агентуру, действуя угрозами и подкупом. В приказе по 26-й пехотной дивизии № 575/41 от 11.9.41 разрешается оплачивать доносы деньгами в размере до 25 марок в каждом отдельном случае. Вместо денежной оплаты выдаётся иногда продовольствие, спирт, табак, а также скот и имущество, принадлежавшее колхозам.

Наиболее активных помощников в борьбе с партизанами немцы наделяют земельными участками. Кроме вновь создаваемой агентурной сети, «Наставление по борьбе с партизанами» рекомендует использовать германскую резидентуру, существовавшую на советской территории до войны. Командование частей и комендатуры устанавливают связь с резидентами при посредстве тайной полевой полиции. Таким образом, резиденты и с приходом немецких войск остаются засекре-

ченными. Органы гестапо, прибывающие в оккупированные города, привозят с собою агентов в штатской одежде, хорошо знающих русский язык, вероятно, из числа белоэмигрантов, этим агентам поручается подслушивание разговоров на рынках, на улицах, в общественных местах и т.п. Многие чиновники германских полицейских органов также понимают по-русски, но скрывают это.

Гестапо ведёт среди местных жителей вербовку агентов для переброски в наш тыл. Немцы стараются завербовать таких агентов из числа арестованных членов ВКП(б), ВЛКСМ, бывш. советского актива, а также среди военнопленных. С той же целью вербуется молодежь и подростки 14–19 лет.

Обучение завербованных происходит в специальных школах и продолжается около месяца. Курсанты разбиты на группы по 3–4 человека. Каждую группу обучает прикреплённый офицер, который затем перебрасывает группу в наш тыл по заранее определённому маршруту. В школах преподаётся техника сбора сведений о вооруженных силах Красной армии, распознавание советских самолетов, артиллерии и другого вооружения, форма обмундирования и знаки различия Красной армии. Кроме того, учащиеся подвергаются усиленной, пропагандистской обработке, в частности, им показывают кинокартину «Разгром и отступление Красной армии». Общение курсантов с внешним миром запрещено. Здания школ усиленно охраняются наружной и внутренней охраной.

V. ФОРМИРОВАНИЕ АНТИСОВЕТСКИХ ВОИНСКИХ ЧАСТЕЙ ИЗ МЕСТНОГО НАСЕЛЕНИЯ И ВОЕННОПЛЕННЫХ

Рассчитывая разжечь и использовать в своих интересах национальную вражду между народами СССР, немецкие власти уже в первые месяцы оккупации начали формировать различные антисоветские националистические отряды.

В качестве командиров украинских отрядов немцы использовали бывш. петлюровских офицеров и других эмигрантов-националистов, привезенных из-за границы. Штаб украинских «добровольческих» частей находился в Житомире. После ареста руководителя ОУН Бандеры за попытку против желания немцев провозгласить «Всеукраинское правительство», часть украинских националистов отшатнулась от немцев. Другая часть, возглавляемая Мельником, продолжает безоговорочно поддерживать оккупантов. В связи с этим в среде украинских добровольцев часто происходили вооружённые столкновения между приверженцами Мельника и Бандеры. Некоторые украинские националистические отряды порвали с немцами, ушли в леса и начали партизанскую борьбу как против немцев, так и против советских партизан. В ноябре

1942 г. такие отряды численностью до 5 тыс. человек, именовавшие себя «Армия Тараса Бульбы», отмечались в районе Пинск–Сарны.

В Литве немцы поручили сформирование антисоветских частей бывш. командующему литовской армией генералу Раштикису[29]. Принимались только литовцы. В эти части влились повстанческие антисоветские отряды. На фронте отмечено до десяти литовских батальонов.

В Латвии немцы формировали первоначально лишь полицию, но полицейские отряды комплектовались, обучались и вооружались как армейские пехотные батальоны. В феврале 1942 г. начальник полиции и частей СС в Латвии генерал-майор Шрёдер[30] объявил, что число полицейских достигло 14 тыс. человек и что два полицейских батальона отправлены на советско-германский фронт. Всего же отмечено до шестнадцати латвийских батальонов.

В конце 1941 г. глава эстонского «самоуправления» Мэе заявил, что на Восточном фронте сражается 12 600 эстонских «добровольцев. Летом 1942 г. был сформирован так называемый «Легион Эстланд», численностью до 1200 человек, отмечавшийся на фронте в феврале 1943 г. Кроме того, отмечено ещё три эстонских батальона.

Известно о существовании на оккупированной территории отрядов, причисляющих себя к «Русской народной армии». Некоторые из них скрывают свою связь с германским командованием, но открыто говорят о своей враждебности к советскому строю и партизанам. Эти отряды объявляют своей целью «борьбу за новую Россию». Следует отметить, что в районе Могилёва, где появлялись отряды «русской народной армии», распространялись также антисоветские брошюры от имени организации «русских фашистов».

Далее немцы формируют части из военнопленных красноармейцев и командиров, вербуя среди них деморализованные, антисоветски настроенные элементы, шкурников и предателей. Части из военнопленных формируются обычно по национальному признаку. Для агитационной обработки военнопленных немцы направляют в лагеря своих агентов, набранных из эмигрантов, в том числе русских белогвардейцев, мусульманских националистов, мулл и др.

В конце 1941 г. немцы организовали в районе Варшавы (в пунктах Сокачев, Легионово, Зелёновка, Скреновск) центр по сформированию частей из военнопленных. Здесь были сформированы грузинский полк (1 тыс. человек), «туркестанский легион» в составе 13 батальонов при общей численности в 11 тыс. человек, полки и батальоны из армян, азербайджанцев, русских, украинцев.

Другие пункты сформирования частей из военнопленных существовали в Ромнах, Днепропетровске, Лохвице, Сталино, Могилёве, Симферополе. В Ромнах были сформированы и проводили обучение пять батальонов (по 1900 человек в каждом) из татар, узбеков, чувашей,

казахов и др. Отмечались также части, сформированные из калмыков и киргизов. Из военнопленных великорусской национальности формируются так называемые «русско-германские части». Один из пунктов сформирования этих частей находился в г. Люблин.

Немцы создавали из военнопленных кавалерийские казачьи сотни и полки; на фронте отмечены также казачья бригада и казачья дивизия, насчитывавшая 5 тыс. человек. Казачьи части формировались в Смоленске, Пскове и других пунктах.

Наконец, военнопленные, одетые в германское обмундирование, включаются в состав нормальных немецких частей. Например, 707-я пехотная дивизия была на 40% укомплектована русскими военнопленными; пехотный полк, отправленный в октябре 1942 г. из Крыма во Францию, состоял на две трети из пленных красноармейцев и татар «добровольцев», русские «добровольцы» имелись и в составе 1-го полка кавбригады СС.

Помимо формирования воинских частей из элементов, так или иначе связанных с контрреволюционными организациями или обработанных фашистской пропагандой, немцы проводят формирование антисоветских частей путём насильственной мобилизации мирного населения оккупированных областей.

Предварительно обычно проводится обязательная регистрация мужчин в возрасте от 14–18 до 50–60 лет. За уклонение от регистрации виновные подвергаются репрессиям. В первый период оккупации прошедшим регистрацию предлагалось подавать заявления о добровольном желании служить в антисоветских частях. «Добровольцев» соблазняли высоким жалованьем, хорошим питанием и обмундированием, обещали выдачу продовольственного пайка семьям, а после войны – предоставление больших земельных наделов, льгот при поступлении в учебные заведения и уравнение во всех правах с немцами.

По мере роста людских потерь германской армии и особенно после её тяжелых поражений зимой 1942–1943 гг., мобилизация местного населения приобрела ещё более широкие размеры. В прифронтовой полосе немцы мобилизуют поголовно всё мужское население, включая подростков и стариков, по тем или иным причинам не увезённых на работу в Германию. К скрывающимся от мобилизации применяют всяческие репрессии, вплоть до расстрела, но несмотря на это многие уходят в леса и вступают в партизанские отряды.

После провозглашения в Германии «тотальной мобилизации» оккупационные власти начали всеобщее привлечение населения к военной службе или к трудовой повинности не только в прифронтовых, но и во всех остальных оккупированных областях. В Прибалтике эта кампания проходит при активном содействии органов «самоуправления», руководители которых выступают в печати и по радио с профашистской

агитацией. Вновь набранные контингенты направляются на пополнение ранее сформированных антисоветских частей и на комплектование новых. Мелкие команды вспомогательной полиции в некоторых районах стягиваются в роты и батальоны, которые получают армейское вооружение, проходят военную подготовку и переименовываются в подразделения «русской народной армии». Общая численность воинских частей, сформированных немцами из военнопленных и жителей оккупированных областей, достигла на 10.1.43 97 тыс. человек, а к марту 1943 г. – не менее 125 тыс. человек. Имеются заслуживающие внимания сведения о том, что германское командование предполагает довести численность этих войск до 600 тыс. человек.

Как правило, «добровольческие» части, независимо от их национального состава, обмундировываются в форму германской армии. Приказом германского генштаба от 15.11.42 для всех этих частей, кроме казачьих и туркестанских, введена кокарда в виде овала тёмно-зелёного цвета с вертикальной красной полоской посредине. Украинские части имеют иногда жёлтую нарукавную повязку и знамена жёлто-голубого цвета с изображением трезубца. Комсостав белорусских отрядов носит белые погоны с красным кантом и немецкие знаки различия. Приказом германского генштаба от 15.11.42 введены также особые погоны и знаки различия для казачьих частей (приложение 7).

Обучение все эти части проходят под руководством немецких офицеров. Старший комсостав в большинстве состоит также из немцев и только в отдельных случаях командирами частей назначаются изменники из числа бывш. командиров Красной армии, вожаки националистических организаций, бывшие офицеры латвийской, литовской и эстонской армий. Среди командиров рот эти элементы численно уже преобладают над немцами, а среди командиров взводов и отделений немцев обычно нет.

Для подготовки младшего комсостава немцы открыли унтер-офицерские школы в Слуцке (Белоруссия) и в других пунктах. Для «добровольческих» частей немцы обычно выделяют трофейное вооружение. Используются «добровольческие» части преимущественно для борьбы против партизан, для охраны железных дорог и военных объектов, в качестве различных вспомогательных и тыловых подразделений. Однако отмечено их участие и в операциях непосредственно на фронте. Иногда немецкое командование использует «добровольческие» части в качестве прикрытия отступающих немецких войск.

Зимой 1942/1943 гг. в глубине оккупированной территории происходила замена некоторых гарнизонов «добровольческими» частями и отправка высвободившихся немецких частей на фронт. Личный состав «добровольческих» частей, помимо обмундирования и питания, получает денежное довольствие. В одной из «русско-германских»

частей солдатам платили по 240 руб. а младшим командирам – по 465 руб. в месяц. В одной из казачьих частей холостые солдаты получали по 250 руб., женатые – по 300 руб. В латвийских полицейских батальонах рядовым платили 2,4 марки, а командирам рот – до 14,8 марки в сутки. На фронте рядовые солдаты латвийских батальонов получают дополнительно одну марку в сутки. Для награждения «добровольцев» полицейских, старост и всякого рода других предателей, Гитлер учредил особый знак «За храбрость и заслуги». Отличие имеет два класса, которые, в свою очередь, подразделяются на ряд ступеней. Награжденный получает грамоту, дающую право на ряд привилегий. Награждение отличием 1-го класса связано с выплатой значительной денежной суммы или наделением землей. Отдельные командиры «добровольческих» частей награждались также «железным крестом».

Морально-политическое состояние «добровольческих» частей весьма неустойчивое. Имели место вооружённые выступления этих частей против немцев и их прихвостней. Отдельные группы и подразделения выполняли совместно с партизанами различные боевые задания и полностью переходили на сторону партизан. Например, в августе 1942 г. в пос. Центральном (район Орши) пулеметная рота «русской народной армии» открыла огонь по немцам. Большинство солдат и офицеров этой роты ушли к партизанам; оставшиеся были отправлены немцами в лагеря военнопленных или расстреляны.

Под влиянием поражений немецко-фашистской армии, а также в связи с пополнением «добровольческих» частей принудительно мобилизованными контингентами, антинемецкие настроения начали проявляться еще активнее. Участились случаи отказа от выполнения боевых приказов и перехода на сторону партизан. Особенное возмущение вызывает требование немцев о принесении присяги «На верность фюреру». В связи с этим германское командование вынуждено разоружать целые части и прибегать к репрессиям. Например, в феврале 1943 г. в Могилеве было разоружено несколько украинских отрядов. 1350 человек были лишены обмундирования и отправлены в лагеря для военнопленных, 40 человек были расстреляны, 105 командиров были закованы в цепи и посажены в тюрьму.

VI. АДМИНИСТРАТИВНЫЙ РЕЖИМ И РАСПРАВЫ НАД НАСЕЛЕНИЕМ

В первой так называемой «эвакуированной зоне» глубиною в 30–50 км, непосредственно примыкающей к «району боевых действий, административный режим наиболее строг. Всё население отсюда принудительно выселяется в тыл. Всякий советский гражданин, появившийся здесь, может быть расстрелян на месте. При переселении люди под-

вергаются издевательствам, их гонят пешком на большие расстояния, не дают пищи. Колхозник из с. Пебешево Ленинградской области, пробравшийся к партизанам, рассказал: «С нами обращались по-зверски: детей и стариков заставляли идти строем. Если кто-нибудь отставал или падал, его стегали плетками. Пищи никакой не давали. Мы находили в поле картошку и грызли её сырую, потому что варить её не разрешали».

Переселенцы размещаются в домах местных жителей или в лагерях, в нежилых помещениях, свинарниках, сараях. Питания в большинстве случаев они никакого не получают, а если и получают, то самое ничтожное, В Чудовском лагере Ленинградской области переселенцам давали, например, только один раз в сутки баланду. Из-за голода и болезней в лагерях очень большая смертность.

Из второй зоны жители не выселяются, но появление вне своих домов разрешается им только в течение нескольких часов в сутки, выход в поле по хозяйственным надобностям допускается лишь под конвоем немецких солдат.

В третьей зоне сохраняется общий режим, установленный на оккупированной территории.

В каждом населённом пункте немцы поручают сельскому старосте или бургомистру составить два списка местных жителей. В первый список заносятся лица, прибывшие после начала войны (беженцы, сезонные рабочие и т.п.). В список заносятся только те лица, которые имеют исправные личные документы и за благонадежность которых бургомистр ручается. Выявленных среди пришлого населения командиров и красноармейцев, отставших от своих частей, партизан и их помощников, разведчиков, парашютистов и т.п. немцы отправляют в лагеря военнопленных или расстреливают. Прочий пришлый элемент, не вызывающий доверия, отправляют в лагеря или в рабочие колонны. Во втором списке регистрируются постоянные жители данной местности. В него заносятся только те лица, которые не возбуждают у бургомистра и немецкой комендатуры каких-либо подозрений. В противном случае они также отправляются в лагеря для пленных. После занятия Севастополя, например, все оставшееся в городе гражданское население было объявлено военнопленными.

Жители, занесённые в списки, получают впоследствии удостоверения личности сроком на два–три месяца, после чего удостоверение должно быть продлено, обязательно в том населённом, пункте, где оно было выдано. За несвоевременную отсрочку удостоверения виновные штрафуются. Удостоверения составляются на местном и немецком языках, имеют фотокарточку владельца и немецкую печать; вторая фотокарточка остается у бургомистра. В удостоверении отмечаются внешние данные владельца; телосложение, рост, цвет волос, глаз, особые приметы. На удостоверениях лиц, прибывших в данный пункт после

начала войны, ставится буква «F» (*Fremdling*) или русская буква «Ч» («Чужой»). Вместо выдачи удостоверений иногда производится вклейка в советский паспорт дополнительного листка с описанием примет владельца документа; эти данные также заверяются подписью чиновника или офицера и печатью.

В некоторых сельских местностях немецкие власти присвоили каждому жителю номер и обязали носить на шее бирку с этим номером. При выезде из деревни на лошади, этот же номер должен быть написан на дуге. Кроме того, список жителей с указанием присвоенных им номеров должен быть вывешен на воротах каждого дома. В городах введены домовые книги и обязательная прописка вновь прибывающих. Повсеместно запрещено предоставление кому бы то ни было ночлега без разрешения бургомистра. За нарушение накладываются денежные штрафы до 500 руб.

Чтобы выявить людей, поддерживающих связь с партизанскими отрядами и снабжающих их продовольствием, одеждой и т.п., немцы систематически проводят обыски, облавы и прочёсывание местности. В тех районах, где партизаны действуют наиболее активно, подобные мероприятия повторяются очень часто и проводятся неожиданно, каждый раз в иное время суток. В Пскове, например, облавы повторяются 10–12 раз в день. Появление на улицах запрещается с 18–19 часов до 5–6 часов следующего дня. В Киеве по некоторым улицам запрещено ношение свертков, чемоданов и т.п. Охрана стреляет во всех, замеченных с ношей на этих улицах.

В целях борьбы с нападениями партизан на обозы, немцы запрещают местным жителям передвижение по дорогам между населёнными пунктами. Немецкое «Наставление по борьбе с партизанами» требует принимать все меры к тому, чтобы на дорогах не появлялся ни один русский. Запрещается хождение поблизости от ж.-д. путей и сооружений, для облегчения охраны вырубаются леса на полосе шириною в несколько десятков метров в обе стороны от ж.-д. полотна.

Для поездки из одного населённого пункта в другой необходимо получить пропуск в местной комендатуре. Но пропуска выдаются лишь в виде исключения, после придирчивого допроса. Пропуск действителен только на одну поездку и содержит указания о цели и сроке поездки и личные приметы владельца пропуска. Пропуска должны быть написаны на местном и немецком языках и считаются действительными только при наличии печати и подписи офицера. Въезд и выезд из населённых пунктов разрешается только по определённым дорогам. Лишь отдельные лица, пользующиеся у немцев особым доверием, получают пропуска для поездок между определёнными пунктами сроком до 3 месяцев. Беженцам выдаются пропуска для возвращения на родину, если их невозможно использовать на месте в рабочих колоннах или на сельско-

хозяйственных работах. В прифронтовых областях гражданскому населению совершенно запрещен проезд по ж.д., а в областях, более удаленных от фронта, действуют заградительные отряды СС, придирчиво проверяющие документы у всех пассажиров. Например, от Киева до германской границы документы, проверяются десятки раз. Задержанных без пропусков мужчин предписывается отправлять в лагеря для военнопленных, а женщин и юношей направлять в рабочие колонны. На практике же немецкие патрули очень часто попросту расстреливают всех лиц, не имеющих пропусков. Комендант г. Городок (БССР) своим приказом от 15.12.42 даже узаконил такие расстрелы. Подростков, задержанных на улицах позднее определённого часа и не уличённых ни в какой другой провинности, предписывается подвергать порке (приказ по 25-й мотопехотной дивизии от 8.1.41).

Тех, кто вызывает подозрение в содействии партизанам, или у кого найдено оружие, немцы уничтожают, не считаясь с полом и возрастом. В большинстве случаев жертвы подвергаются предварительно чудовищным издевательствам и истязаниям. Репрессии обрушиваются в первую очередь на коммунистов и комсомольцев, советских и колхозных активистов, а также на семьи военнослужащих Красной армии, даже если в руках германских властей и нет улик о связи этих людей с партизанами. Приведем только несколько примеров. В Прибалтике производились аресты лиц, работавших агитаторами во время избирательных кампании, стахановцев, получавших при советской власти путевки на курорты, а также лиц, когда-либо служивших в Красной гвардии или Красной армии. В Риге расстреляно несколько сот семей командиров Красной армии. В дер. Серники (БССР) немцы собрали 250 человек сельских активистов, заставили их вычистить конское снаряжение местного гарнизона, затем им было приказано петь и плясать, после того их заставили вырыть себе могилу и, наконец, всех расстреляли из пулемёта. В с. Пашки Солнцевского района Курской области за укрытие партизан немцы расстреляли 50 женщин и затравили собаками 17 мужчин. В дер. Алексино Ленинградской области немцы двое суток пытали девушку – депутата сельсовета. Её подвешивали за разные части тела и, в конце концов, замучили до смерти. В дер. Ночи Клецкого района (БССР) немцы расстреляли крестьянина Бусель, его жену и двоих детей за то, что сам Бусель был членом партии.

Отмечено много случаев, когда бывш. кулаки, вернувшиеся после оккупации в свои деревни, выдавали немцам активных участников раскулачивания и коллективизации. В Давид-Городокском районе (БССР) немцы расстреляли председателя колхоза «Коммунар» Волнцевича и председателя колхоза «1 мая» Курласевича за то, что они были организаторами колхозов. В сентябре 1942 г. был задержан скрывавшийся от оккупантов председатель колхоза «Новый труд» из дер. Бойково

Ашевского района Ленинградской области Р. Алексеев и его жена. Немцы отрубили им обоим сначала руки, потом ноги, затем выкололи глаза и только после этого расстреляли.

В январе–марте 1943 г., в связи с наступлением Красной армии и активной деятельностью партизан, оккупанты ещё более усилили террор против мирного населения. Из прифронтовой полосы глубиною 150–300 км немецкие власти угоняют в тыл или увозят на работу в Германию всё трудоспособное население. Исключение делается только для вступающих в полицию и мобилизованных в антисоветские воинские части. Уклоняющиеся от переселения в тыл или от поездки в Германию, а также больные, старики и дети, не могущие идти пешком в тыл, подвергаются беспощадному истреблению. Например, в январе 1943 г. в дер. Слободка, Кривцы, Пукичи Лепельского района (БССР) немцы выбрасывали грудных детей в сильные морозы на снег, обрекая их на верную смерть. В том же районе немцы загоняли женщин и детей в прорубь. В районе Себеж–Освея–Дрисса немецкие карательные отряды, латышские полицейские батальоны, вооружённые пулемётами, миномётами, артиллерией, при поддержке авиации уничтожили десятки населённых пунктов, убили тысячи жителей, из них многие сотни были заперты в собственных домах и сожжены заживо. В г. Сумы немцы расстреляли более 2 тыс. стариков, женщин и детей; многих закапывали еще полуживыми.

Угоняя из прифронтовой полосы население, немцы одновременно реквизируют и вывозят весь хлеб, продовольствие, скот и личное имущество населения, вплоть до мелкой домашней утвари. Спасаясь от террора, тысячи жителей скрываются в лесах. В обезлюдевших и разграбленных районах немцы сжигают дотла все постройки, минируют местность, отравляют колодцы и водоемы, создавая так называемую «зону пустыни». По мере отступления немецкой армии «зона пустыни» передвигается на запад, захватывая при этом новые районы.

К концу марта 1943 г. западная граница «зоны пустыни» проходит приблизительно вдоль старой советско-латвийской границы и далее на юг через пункты Докшицы, Минск, Слуцк, затем в 25–30 км западнее р. Случь до ее устья. На территории Украины, вследствие быстрых темпов»наступления Красной армии, немцы успели превратить в «зону пустыни» только прифронтовую полосу глубиною 40–50 км.

В глубине оккупированной территории зимой 1942/1943 гг. также усилился полицейский надзор и репрессии. В Латвии производились массовые аресты интеллигенции. В Киеве с 20.2.43 начались систематические аресты семей коммунистов и комсомольцев. Производится эвакуация в Германию семей немецких чиновников и немцев, проживавших до войны на территории СССР. Из Киева выехали румынское и болгарское консульства.

Антиеврейский террор

Массовое истребление евреев началось с первых дней оккупации. Особыми зверствами отличались части СС. Так, например, кавалерийская бригада СС, проводя с 27.7 по 12.8.41 «умиротворение и очистку местности» западнее Пинска, истребила, согласно отчету командира бригады Фегелейна[31], 13 788 мирных жителей, в подавляющем большинстве евреев. Убийства сопровождались грабежами. В июле 1941 г. в Вильно были расстреляны 15 тыс. евреев. В Минске было убито 86 тыс. евреев, в том числе множество женщин и детей. Перед казнью они были раздеты догола. В Пинске с 3.8 по 12.8.41 немцы расстреляли 10 тыс. евреев от 12 лет и старше. Предварительно у них отнимали все личные вещи и заставляли их рыть себе могилы.

В г. Костюковичи некоторых евреев закапывали в землю живыми, в г. Слониме из 25 тыс. евреев осталось в живых 300 человек. В 12 км от Риги расстреляно около 60 тыс. евреев, включая женщин и детей. Среди них были евреи, доставленные в 15 эшелонах из Германии. При этой казни даже полуживых еще людей сталкивали в ямы и засыпали землёй, детей убивали на глазах у матерей. Весной 1942 г., когда растаял снег, на месте убийства торчали из земли ноги и руки плохо зарытых жертв.

В Эстонии убиты все проживавшие там евреи в количестве 4,5 тыс. человек. В Феодосии евреев в морозную погоду вывезли в поле, приказали всем раздеться догола и несколько десятков человек заставили лечь на дно земляного рва. Затем их расстреляли, засыпали трупы слоем земли, поверх него вновь уложили голых людей и вновь открыли огонь из автоматов. Так продолжалось до тех пор, пока ров не был заполнен. В Курске евреев расстреливали немецкие солдаты, переодетые в красноармейское обмундирование. Расстрелы фотографировались офицерами. 10.1.42 в Ивне Курской области немцы публично расстреляли 36 еврейских женщин и детей.

В украинских городах немцы обычно приказывали еврейскому населению явиться с вещами якобы для эвакуации или отправки на работу, у собравшихся отбирали пожитки, одежду и устраивали поголовные массовые расстрелы. Так были убиты десятки тысяч евреев в Киеве, Одессе, Харькове и более мелких городах. В ноябре 1941 г. в окрестностях Бердичева происходили по ночам расстрелы евреев, свезённых сюда из Галиции и Киевской области. Взрослых перед расстрелом раздевали догола, детей умертвляли, впрыскивая им яд уколом шприца.

Уцелевшее еврейское население – часть ремесленников, рабочие военных предприятий, часть интеллигенции – переселено в специальные кварталы или загородные поселки – «гетто». В Риге гетто обнесено колючей проволокой. Еврейские кварталы подвергаются более частым обыскам и облавам. В связи с голодом, большой скученностью

и отсутствием медицинской помощи в гетто очень большая смертность. Многие евреи, выселенные в декабре 1941 г. из Харькова за город, замёрзли. Все евреи обязаны носить на рукаве отличительную повязку с изображением звезды. Различные запрещения и ограничения, установленные для населения, применяются к евреям особенно строго. Им запрещается появляться на улицах с более раннего часа, чем остальным жителям. Нормы выдачи продовольствия евреям ещё меньше, чем лицам других национальностей. Из высших учебных заведений исключены все профессора, преподаватели и студенты еврейской национальности. Евреям запрещена служба в учреждениях. У них конфискованы все деньги и имущество, кроме немногих предметов личного обихода.

Евреям не платят никакого жалованья, где бы они ни работали. Летом и осенью 1942г. началась новая волна еврейских погромов и казней. Есть сведения, что евреев свозят в концлагерь близ Белостока и здесь убивают электрическим током. Такому же массовому истреблению подвергаются цыгане. Известно о расстрелах цыган на Украине, в Прибалтике, в Ленинградской области.

Судебные расправы

Если в прифронтовой полосе расправы с мирным населением совершаются без какого-либо юридического оформления, то в более глубоком тылу немцы в отдельных случаях прикрывают террор некоторым подобием суда. Действуют преимущественно военно-полевые суды и «особые германские суды» (*Deutsche Sondergerichte*), но практически трудно найти различие между первыми и вторыми.

По сообщению шведской и английской печати, в феврале–апреле 1942 г. в Каунасе и Вильно по приговорам военных судов было расстреляно несколько групп коммунистов, численностью от 16 до 42 человек каждая. Они обвинялись в создании организации, занимавшейся укрывательством бежавших военнопленных, в убийствах, диверсиях, поджогах, саботаже, антигерманской агитации, оказании помощи евреям. 21.5.42 радиостанция Лахти передавала, что смертный приговор вынесен группе партизан в 550 человек, действовавшей близ Минска.

За хищение продовольствия и имущества, принадлежащего германской армии, обвиняемые присуждаются к каторжным работам или к смертной казни. За слушание советских или английских радиопередач виновные приговариваются к 3–5 годам каторги. За хранение оружия или боеприпасов «особые германские суды» приговаривают к казни и лишь в отдельных случаях к каторжным работам. Такие приговоры выносились в Риге даже полицейским, когда у ни было обнаружено оружие сверх положенного. Тюремные приговоры выносятся крестьянам за продажу продуктов на вольном рынке.

С 1 апреля 1942 г. в Прибалтике начали функционировать местные суды. Судьи, прокуроры, следователи, адвокаты и нотариус допускаются к работе только после утверждения их кандидатур немецким генеральным комиссаром. Все они обязаны дать подписку о том, что «повинуются установленному порядку управления». Местный суд не вправе судить немцев и не может разбирать дела «по преступлениям, затрагивающим интересы германской империи». В деятельность местных судов имеет право вмешиваться германский прокурор, а решения этих судов вправе контролировать и приостанавливать германский верховный суд. Гражданские иски, в которых хотя бы одной из сторон является немец, местные суды могут рассматривать только при условии, если заинтересованный немец даёт на это согласие.

Районным комиссарам на Украине предоставлено право назначать «украинских судебных заседателей», которые рассматривают дела о мелких проступках, не затрагивающих интересов немцев и немецких учреждений. Все остальные нарушения подсудны германскому суду. Заседатели вправе присуждать к лишению свободы на срок до 2 лет.

Поборы и налоги с населения

Помимо реквизиции государственных, колхозных и кооперативных складов и запасов, сохранившихся после отступления Красной армии, германские власти проводили ряд поборов непосредственно с населения (помимо реквизиции сельскохозяйственных продуктов)*.

В конце 1941 г. в Прибалтике проводился первый сбор тёплой одежды для германской армии. Газета «Дейче цейтунг ин Остланд», сообщила 27.01.42, что в Эстонии собрано 305 тыс. штук тёплых вещей, в Латвии – 269 тыс., в Литве – 275 тыс. Вместе с тем, эта же газета должна была позднее признать, что «литовцы не выполнили установленной для них нормы сдачи тёплой одежды для германской армии». В связи с этим в Литве пришлось в феврале 1942 г. проводить повторный сбор тёплой одежды. В декабре 1942 г. в Остланде вновь была начата кампания по сбору тёплой одежды и обуви для «добровольцев», находящихся на Восточном фронте. Немецкие газеты требовали: «от себя нужно отнять, но послать на фронт чулки, перчатки и пр.». В Белоруссии, по сообщению газеты «Дейче цейтунг ин Остланд», в 1941 г. было собрано 100 тыс. шуб и других меховых вещей. При этом газета не скрывает, что у населения зачастую отбиралась последняя одежда. В некоторых городах, например, в Киеве и Орле, населению было объявлено, что собранная теплая одежда предназначается якобы для пленных красноармейцев. Сбор одежды проводился обычно следующим порядком:

* Сведения о реквизициях продовольствия и о натуральных налогах, взыскиваемых с крестьян, приведены в главе о сельском хозяйстве. (Прим. док.)

городская управа по приказу германской комендатуры устанавливала, сколько тёплых вещей должно быть собрано в каждом доме. Управдомы доводили это задание до жильцов, а затем путём поквартирного обхода собирали «добровольные пожертвования».

Во всех оккупированных областях немецкие власти с помощью местной полиции проводили реквизицию кроватей, постельных принадлежностей, посуды и мебели для военных госпиталей. В некоторых городах, например, в Таганроге, населению было объявлено, с вымогательской целью, что эти вещи собираются для детских приютов и инвалидных домов, разрушенных якобы Красной армией и восстанавливаемых немцами.

Летом 1942 г. немцы начали повсеместное изъятие домашней утвари и посуды из цветных металлов. У населения отбираются самовары, кружки, ложки, подсвечники, дверные ручки, оконные запоры и т.п. В Белоруссии немцы снимают церковные колокола, позолоту и медь с икон, отбирают металлические предметы церковного обихода. В Минске издан приказ о том, что за скрытие цветных металлов виновные подлежат публичной казни через повешение, а сдавшие наибольшее число медных вещей получат особые справки «об активном участии в борьбе против большевизма».

Сбор цветных металлов в оккупированных областях СССР является составной частью немецкого плана, согласно которому предполагается получить в 1943 г. во всех оккупированных странах Европы 200 тыс. т медного лома (газета «Нью-Йорк таймс» от 29.12.42).

При проведении всех этих поборов немцы широко использовали вспомогательную полицию и органы «самоуправления». Руководители «самоуправления» в Литве и Эстонии Кубилюнас и Мэе выступали по радио и в печати, призывая население отблагодарить немцев за «освобождение» и всемерно «помогать германской армии в её борьбе против большевизма». Белорусский митрополит приказал сдать немцам всю металлическую церковную утварь и колокола.

С населения оккупированных областей взыскиваются также различные денежные налоги. Поголовный сбор обязаны уплачивать все жители в возрасте от 16 до 60 лет, независимо от заработка. Размеры этого и других налогов устанавливаются местными оккупационными властями произвольно: в различных районах Курской области поголовный сбор взыскивался в размере от 55 до 100 руб. в месяц с человека, в Смоленской области – 120 руб., в Ростовской области – 50 руб. От уплаты поголовного сбора освобождаются только одинокие женщины, имеющие более двух детей в возрасте до 14 лет, и часть инвалидов. Подоходный налог – взыскивается с рабочих, служащих и кустарей ежемесячно в размере 10% заработка. От уплаты этого налога освобождаются только немцы, проживавшие до войны в СССР. Поземельный

налог – в Псковском уезде взыскивался в размере 20 коп. в год с 1 м² застроенных участков и в размере 5 коп. в год с 1 м² незастроенных участков. В Смоленской области этот налог взыскивался в размере 200 руб. в год с каждого двора, в Ивнянском районе Курской области – в размере от 150 до 550 руб. с двора в год. Налог с торгового оборота – точные ставки этого налога неизвестны.

Далее в отдельных областях введён ещё ряд местных налогов: в Псковском уезде – налог на здания, в размере 1% их стоимости, в Грайворонском районе Курской области, Псковском уезде и в других местностях – налог на собак от 25 до 40 руб. за каждую; в Западных областях Белоруссии облагаются даже кошки. Собранные средства поступают, главным образом, на содержание административного и полицейского аппаратов.

VI. МЕРОПРИЯТИЯ В ОБЛАСТИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Снабжение войск за счет местных ресурсов. Уборка урожая и осенний сев 1941 г.

В сельском хозяйстве раньше, чем в других областях экономики, практически проявились хищнические методы оккупантов. Безудержное ограбление крестьянства началось с первых дней войны, что засвидетельствовано даже в немецких официальных документах. Например, этому вопросу посвящен следующий приказ по 112-й пехотной дивизии от 5.8.41: «Сельские бригадиры заявили серьезные и обоснованные жалобы на поведение солдат, которое в перспективе может привести к катастрофическому голоду. Имеется в виду следующее: 1. Увод скота и лошадей без всякой оплаты, причём к хозяевам применяются угрозы оружием. 2. Бессмысленное уничтожение картофеля на грядах, хотя легко можно было бы убедиться в том, что картофель ещё совершенно непригоден в пищу. 3. Увоз с полей необмолоченных снопов, видимо, для использования в качестве подстилки. 4. Увоз сельскохозяйственного инвентаря (кос, серпов), чем осложняется уборка урожая. 5. Взлом запертых дверей и унос домашних вещей у крестьян. Часть жителей не решается уходить на полевые работы, опасаясь, что во время отсутствия хозяев исчезнет их последнее имущество».

Запрещая в своих приказах самовольное единоличное мародерство, германское командование не наказывает, однако, своих солдат за нарушение этих запрещений. Подобные приказы не имеют никакого практического значения, и они нужны германскому командованию только для того, чтобы с помощью этих документов доказать соблюдение германской армией международных правил ведения войны. Вместе с тем германские командиры всех степеней издали множество приказов

относительно снабжения своих войск из местных ресурсов путём организованного захвата сельскохозяйственных продуктов как принадлежащих советскому государству, так и отдельным колхозам, колхозникам и крестьянам-единоличникам. Чтобы обеспечить бесперебойное снабжение армии за счет местных ресурсов, германское командование предписывает сохранять уцелевшие после военных действий сельскохозяйственные машины, постройки, инвентарь, рабочий скот, горючее. Захват элеваторов, продовольственных складов, совхозных усадеб, МТС и т.п. выполняют отряды экономической разведки, технические батальоны или непосредственно действующие части. В дивизиях, полках и батальонах выделяются офицеры – уполномоченные по сельскому хозяйству (*Landwirtschaftsoffizier*)*.

Советские организационные формы в сельском хозяйстве в первый период оккупации временно сохраняются, но руководители совхозов, колхозов, МТС, противодействующие оккупантам, немедленно заменяются немецкими ставленниками. Действуя с их помощью, а также с помощью сельских старост и бургомистров, офицеры-уполномоченные по сельскому хозяйству выполняют следующие задачи:

1. Выявляют запасы хлеба, картофеля, овощей и других продуктов, наличие скота, мельниц, пекарен, молочных ферм и т.п. Обеспечивают охрану обнаруженных запасов и объектов и доносят о них в штаб дивизии.

2. Организуют снабжение своей части картофелем, овощами, молоком и молочными продуктами до полного удовлетворения потребности. Другие продукты разрешается передавать непосредственно в части в размере не более трёхдневной нормы (с последующим пополнением). Все излишки сверх трёхдневной нормы поступают в распоряжение дивизии (приказ по 50-й моторизованной пехотной дивизии от 30.9.41).

3. Обеспечивают бесперебойное выполнение полевых и огородных работ, заготовку сена. Проводят репрессии в случае, если крестьяне саботируют сельскохозяйственные работы.

4. Организуют учёт и сбор лошадей, оставшихся после эвакуации их владельцев, передают лошадей в воинские части, а после удовлетворения заявок распределяют остальных лошадей для использования на сельскохозяйственных работах.

В качестве руководящей установки офицерам-уполномоченным по сельскому хозяйству даётся указание: «все излишки хлеба и картофеля (сверх потребности армии) в возможно большем количестве отправлять в Германию, так как в этих продуктах там ощущается крайняя нужда» (приказ по 303-му пехотному полку от 8.7.41). По мере продвижения германской армии на восток, офицеров-уполномоченных по сельскому хозяйству заменяли в тыловых районах немецкие управляющие при

* В батальонах эти обязанности поручаются иногда унтер-офицерам. (Прим. док.)

колхозах, совхозах и МТС. Управляющие подчиняются хозяйственным управлениям и командам. После организации гражданских властей на Украине управляющие были переподчинены районным сельскохозяйственным руководителям (*Landwirtschaftsführer*), которые в свою очередь подчиняются районным комиссарам (приложения 5 и 6). Сельскохозяйственными руководителями и управляющими в отдельных случаях назначались бывшие помещики. Так, в Лужском районе Ленинградской области немецкими управляющими оказались бывшие здешние землевладельцы барон Бильдерлинг и барон фон Розен. В с. Интернациональное Щигровского района Курской области усадьба сельскохозяйственного техникума, мельница, колхозный скот были переданы вернувшемуся из эмиграции племяннику известного черносотенца Маркова. В основном же управляющие и районные сельскохозяйственные руководители подбираются из числа немецких помещиков и кулаков. Иногда на эти должности немцы назначают местных агрономов.

К осени 1941г. немцы не смогли подобрать нужного им количества управляющих. На одного управляющего приходилось иногда по нескольку тысяч га земли. Помимо их численного недостатка, немецкие управляющие, как правило, были не подготовлены к ведению хозяйства в масштабах наших совхозов и колхозов. В некоторых местах руководство сельскохозяйственными делами осуществлялось непосредственно воинскими частями и комендатурами.

Одним из главных пунктов фашистской пропаганды было обещание ликвидировать колхозы. Но чтобы добиться полной и бесперебойной уборки урожая и проведения осеннего сева в 1941 г., оккупационные власти категорически запретили немедленный раздел колхозных земель, скота и имущества. Под угрозой наказаний немцы обязали убрать урожаи на всей посевной площади своих совхозов. Чтобы стимулировать сельскохозяйственные работы, было объявлено, что крестьяне получат в собственное распоряжение часть урожая, а зерно, взятое немцами, будет оплачено наличными деньгами. Хозяйственная инспекция центральной группы армий установила следующую расценку (за 1 кг): рожь и овес – 2 руб. 50 коп., пшеница – 3 руб. 40 коп., ячмень – 2 руб. 30 коп. – 2 руб. 70 коп., горох – 3 руб., картофель – 60 коп. «Старательным и прилежным» крестьянам было обещано сохранить за ними их усадьбы, скот и постройки на правах частной собственности, без уплаты каких-либо налогов.

Однако немецкие власти и их ставленники наталкивались почти повсеместно на пассивное сопротивление или активные выступления крестьянства, имевшие целью сорвать снабжение германских войск хлебом и продовольствием. Немецким управляющим пришлось применять всяческое принуждение и репрессии, чтобы заставить крестьян выходить на уборочные и посевные работы. Неразрешимой для немцев оказалась

проблема тягловой силы, так как большая часть рабочего скота, тракторов, а также сельскохозяйственных машин была эвакуирована или разрушена. Немецкие управляющие старались организовать ремонт тракторов и сельскохозяйственных машин, но из-за отсутствия запасных частей, разрушений ремонтных мастерских и недостатка технического персонала успехов не достигли. Даже отремонтированные тракторы зачастую бездействовали из-за отсутствия горючего. В связи с этим немцы привезли некоторое количество газогенераторных тракторов и привлекали в некоторых случаях на сельскохозяйственные работы солдат с лошадьми из воинских частей, однако и это не разрешило вопроса. В целом уборочная кампания, обмолот и осенний сев 1941 г. проводились примитивным ручным инвентарём при резком недостатке рабочей силы. В прифронтовой полосе работы совершенно не проводились. Часть урожая была уничтожена во время боевых операций и при отходе Красной армии. По всем этим причинам значительная часть урожая на Украине, в Белоруссии и оккупированных районах РСФСР погибла.

В Прибалтике оккупанты застали в основной единоличное крестьянское хозяйство. Немецкие власти провозгласили здесь восстановление частной земельной собственности. Поэтому немцы в первое время нашли опору и проводников своего влияния в лице хуторян, настроенных против коллективизации, а также в лице кулацких и помещичьих элементов. Поддавшись на заверения германской пропаганды и надеясь сохранить для себя урожай, прибалтийские крестьяне-единоличники в отличие от колхозников Украины и Белоруссии и оккупированных районов РСФСР, в основной своей массе выполнили приказы германской администрации о бесперебойном проведении уборочных и осенних посевных работ 1941 г. На сельском хозяйстве прибалтийских республик меньше отразились потери тягловой силы в связи с войной. В этих районах было меньше уничтожено хлебов во время военных операций, в связи с этими обстоятельствами в Прибалтике была собрана большая доля урожая, чем в остальных оккупированных областях.

Полных сведений о количестве хлеба, собранного в 1941 г. на оккупированной территории, нет. По оценке английского министерства экономической войны, урожай 1941 г. в оккупированных областях СССР был на 30–40% ниже нормального. В прибалтийских странах он составлял около 80–90% нормального. Отрывочные данные, появлявшиеся в немецкой печати, могут приниматься в расчёт только как сугубо ориентировочные, так, например, «Дейче Украине цейтунг» сообщила, что на Украине удалось собрать только около 1 млн т хлеба, который целиком пошёл на снабжение армии. Таким образом, экономические и военные расчёты, связанные с захватом украинских продовольственных ресурсов, не оправдались, что нашло своё выражение, в частности, в том, что в апреле 1942 г. в Германии был снижен хлебный паёк, выдаваемый по карточкам.

В связи с провалом уборочной и осенней посевной кампаний 1941 г. немцы с ещё большей жестокостью начали конфискацию хлеба и продовольствия. Реквизиции проводились немецкими комендатурами и воинскими частями непосредственно или через бургомистров и сельских старост. Количество продовольствия, подлежащее сдаче, определялось в каждом районе произвольно, а во многих случаях отбиралось полностью всё то, что было у крестьян. Иногда крестьян принуждали подписывать заявления о добровольном пожертвовании продовольствия в пользу германской армии. В течение всей зимы 1941/42 гг. на Украине продолжались повторные конфискации зерна, бобовых и масличных культур. Затем было приказано все остатки сдать полностью. По предписаниям немецких властей население обязано было сдать мясо или скот, причем количество в каждом отдельном случае указывалось немцами. Пригоняя скот иногда за десятки километров, крестьяне обязаны были доставлять и фураж. Например, в Невельском районе Калининской области было приказано доставлять по 30 кг сена на 1 корову. В июне –июле 1942 г. в Германию было вывезено с Украины 35 млн яиц сверх того, что было использовано для снабжения германской армии.

Помимо конфискаций, установлены были всяческие натуральные налоги. Например, при получении удостоверении личности в некоторых местах полагалось сдать десяток яиц. Ко всему этому добавлялись грабежи и вымогательства отдельных германских офицеров и солдат. Газета «Остдойчер беобахтер» писала: «Многие украинские семьи неделями отказывают себе в пище, чтобы угощать германских солдат яйцами, салом, маслом и печеньем».

Массовый вывоз продовольствия из Прибалтики начался немедленно после оккупации. Вскоре после захвата Литвы в Генерал-губернаторстве появилось литовское сливочное масло, а через несколько дней после занятия Риги в Варшаве уже продавались немцам латвийские сельди.

В 1941 г. в Прибалтике (в отличие от Украины) были установлены определенные размеры обязательных поставок сельскохозяйственных продуктов. Нормы обязательных поставок масла составляли в Латвии 70 кг, в Эстонии – 60 кг с коровы; яиц – в Латвии и Эстонии – по 60 штук с курицы; шерсти – 1 кг с овцы и 0,5 кг с ягненка. Были введены также обязательные поставки зерновых, сена, скота и мяса и запрещён убой скота без разрешения властей. Но поставки во многих местах Прибалтики выполнены не были. В связи с этим генеральные комиссары Латвии, Литвы и Эстонии издали приказы «О всеобщей сдаче хлеба» к 30 апреля 1942 г. Городское и сельское население Прибалтики было посажено на скудный продовольственный паек.

Изъятие продовольствия сопровождалось на всей оккупированной территории насилиями. Пропаганда в печати и по радио требовала

от населения «благодарности к немцам-освободителям» и «совместных жертв в борьбе против большевизма». Подавляющая часть собранного хлеба и продовольствия использовалась немецкой армией или отправлялась в Германию и лишь незначительная часть выдавалась городским жителям, работающим на немцев.

Аграрный закон Розенберга – Геринга

Учитывая провал уборочных и осенних посевных работ в 1941 г., немцы заблаговременно начали готовиться к весеннему севу 1942 г. В качестве главного организационно-политического мероприятия рассматривалось введение так называемого «нового аграрного порядка». По этому вопросу 27.2.42 г. был издан указ Розенберга, согласованный с Герингом.

Указ объявил «Примерный устав сельскохозяйственной артели» отменённым и колхозный строй ликвидированным. Указ распространяется на оккупированную Германией территорию СССР к востоку от госграницы 1939 г. Ликвидация немногочисленных и неокрепших колхозов в Западной Украине и Западной Белоруссии, а также в Прибалтийских республиках произошла вскоре после оккупации этих областей. Конечной целью нового аграрного порядка объявляется замена колхозов частнособственническими крестьянскими хозяйствами. Однако переход предполагается провести постепенно.

На первом этапе реформы колхоз превращается в общинное хозяйство, к которому целиком переходит вся земля, скот и имущество колхоза. Крестьяне не получают индивидуальных земельных наделов и обязаны обрабатывать земли общинного хозяйства под руководством и надзором управляющего, который назначается немецкими властями и действует по их директивам. Урожай поступает в распоряжение немецких властей, а крестьяне за свою работу получают плату. Размеры и формы оплаты объявлены не были. Указ Розенберга объявляет частной собственностью крестьян только приусадебные участки. Приусадебный участок может быть в будущем увеличен, в каждом отдельном случае по усмотрению германских властей. В своем приусадебном хозяйстве крестьянам разрешается без каких-либо ограничений разводить скот. Земля приусадебного участка освобождается от налогов, но указ умалчивает о том, будет ли облагаться налогами разводимый на приусадебных участках скот, постройки, домашние промыслы и т.п.

На втором этапе реформы общинные хозяйства должны быть преобразованы в сельскохозяйственные кооперативы. Пахота и посев будут производиться всеми членами кооператива на едином земельном массиве, но уход за посевами и уборка урожая должны производиться каждым двором на своем закреплённом участке, который

предоставляется данному двору из года в год. Все крестьянские дворы получат одинаковые по размеру участки, независимо от числа едоков или трудоспособных членов. Каждый двор будет нести ответственность за выполнение агрономических мероприятий, за уборку урожая, за обмолот и хранение хлеба. Правление сельскохозяйственного кооператива должно будет составлять планы севооборота, проводить агрономические и хозяйственные мероприятия по указанию или с разрешения германской администрации.

При переходе от общинного хозяйства к кооперативу рабочий скот и сельскохозяйственные орудия будут распределены между группами крестьян или отдельными членами кооператива. С кооператива будет взыскиваться натуральный налог, исчисляемый с общей земельной площади. Правление будет распределять налог между членами кооператива, которые несут коллективную ответственность за взнос всего налога. Размеры налога в указе не определены. Членам сельскохозяйственного кооператива никакой зарплаты не полагается, но им будут принадлежать сельскохозяйственные продукты, остающиеся у них после взноса натурального налога. Приусадебные участки членов кооператива, как и при общинном хозяйстве, не будут облагаться налогами, скотоводство не ограничивается.

Переход от общинного хозяйства к сельскохозяйственному кооперативу может произойти только с разрешения немецких властей. Разрешение будет даваться тем общинным хозяйствам, которые аккуратно выполняют все обязательства по поставкам, правильно ведут хозяйство и исполняют распоряжения немецкой администрации. Политически неблагонадежным членам общинного хозяйства, а также тем, кто не зарекомендует себя способным к индивидуальному землепользованию, будет запрещено вступление в сельскохозяйственный кооператив.

Третьим и конечным этапом аграрной реформы должно быть расчленение сельскохозяйственных кооперативов на единоличные крестьянские хозяйства. Осуществление этой стадии относится на неопределенный срок. Таким образом, практически осуществляется только превращение колхозов в военно-крепостнические хозяйства, а колхозников – в батраков, принуждаемых работать за какую угодно низкую плату и подчиненных неограниченной власти немецкого управляющего. Поскольку не известен размер и формы оплаты за работу в общинном хозяйстве, единственным определенным источником существования крестьянина остаётся приусадебный участок и немногочисленный скот, который может быть прокормлен но этом участке. Но и этот источник существования фактически ничем не защищён от конфискаций и поборов.

С марта 1942 г. началось официальное преобразование колхозов в общинные хозяйства, массовое назначение немецких управляющих

и торжественное вручение грамот о передаче приусадебных участков в единоличную собственность. К 1.7.42 эти мероприятия были в основном закончены.

Среди пропагандистской шумихи, поднятой в германской печати в связи с аграрным законом, проскользнули также сообщения о подлинном отношении крестьянства к мероприятиям оккупантов. В марте 1942 г. «Дейче Украине цейтунг» писала: «Украинские колхозники без энтузиазма относятся к снабжению германской армии. Они не желают производить больше, чем необходимо для поддержания их собственной жизни». Видимо, учитывая эти настроения и стремясь всячески стимулировать сельскохозяйственные работы, немецкие власти летом 1942 г. в отдельных местностях увеличивали приусадебные участки «особо прилежным крестьянам».

По сообщениям германской печати, в Житомирском генеральном округе приусадебные участки были увеличены на 8500 га, в Днепропетровском округе на 1600 га; всего на Украине, по сообщению газеты «Берлинер борзен цейтунг» от 17.7.42, приусадебные участки составляли 5% обрабатываемых площадей. В Крыму приусадебные участки были увеличены, по сообщениям немецких газет, на 6000 га. С осени 1942 г. в отдельных районах Украины проводится преобразование общинных хозяйств в сельскохозяйственные кооперативы. Впервые такое преобразование было проведено в дер. Рихта близ Каменец-Подольска. Как сообщил рейхскомиссар Украины Э. Кох в газете «Фелькишер беобахтер», всего за 1942 г. в сельскохозяйственные кооперативы было преобразовано 10,4% общинных хозяйств, а в 1943 г. число преобразованных общинных хозяйств намечено довести до 20%.

В оккупированных районах РСФСР порядок землепользования, размеры полевых и приусадебных участков, порядок распределения урожая отличается большой пестротой. Поскольку на этой территории нет единой гражданской администрации, каждая местная комендатура вводит произвольные порядки. В Псковском уезде каждому двору переданы в единоличную собственность полосы размером от 0,75 до 2,5 га, в зависимости от числа едоков. В Белгородском и Ивнянском районах Курской области было выделено по 0,25 га на каждый двор в качестве приусадебного участка и полевые наделы по 0,08 га на каждого трудоспособного члена семьи. Остальная земля оставалась за общинным хозяйством, которое именовалось здесь «экономией». Крестьяне обязаны были три дня в неделю работать на земле «экономии», а остальное время могли использовать для обработки своих наделов. Хлеб на землях «экономий» был поделён на корню, пропорционально числу трудоспособных членов каждой семьи. В других районах Курской области и в Орловской области хлеб также делился на корню, но всем дворам

выделялись равные доли, независимо от числа трудоспособных членов. Наконец, в отдельных селах Курской области крестьянам было выдано по 20 кг зерна, а весь остальной хлеб предназначался для сдачи немцам. Семьям красноармейцев и членов ВКП(б) хлеб не выдавался. Кулаки же, вернувшиеся после оккупации на старое местожительство, получали нормальный паек*.

Во Всходском районе Смоленской области весь урожай был ссыпан в общие амбары, а крестьянам выдавалось лишь по 3,5 кг в месяц на едока. В оккупированных районах Ленинградской области введена индивидуальная форма землепользования, но в одних районах земля нарезается по числу едоков (Сланцевский район), а в других – на все дворы выделяются одинаковые участки (Гдовский район). Незначительная часть колхозного инвентаря и скота роздана в этих районах крестьянам, а большая часть реквизирована воинскими частями. На Северном Кавказе (в Майкопском, Гиагинском, Панковском и других районах) немцы создавали так называемые «десятидворки» для совместной обработки земли. На каждую «десятидворку» оставляли пару лошадей, на каждую семью – по 1 пуду муки и зерна, а весь остальной скот и продовольствие отбирали.

В Прибалтике весною 1942 г. проводилось восстановление частного землевладения. Лица, пользовавшиеся землей при советской власти, обязаны были выплатить прежним землевладельцам денежное или натуральное возмещение. В Эстонии была возращена земля нескольким тысячам кулацких хозяйств. К середине июня 1942 г. в Эстонии между бывшими землевладельцами была разделена земля 8 совхозов. Предполагалось раздать земли ещё 20 совхозов. При отсутствии прежних хозяев земля передавалась их женам или детям. Была допущена продажа и сдача в аренду земли по специальным разрешениям немецких властей. На землевладельцев и арендаторов возложена личная ответственность за своевременное и тщательное выполнение сельскохозяйственных работ. Арендаторы предупреждены, что если обязательные поставки не будут ими своевременно выполнены, то их участки будут передаваться другим лицам. Генеральный комиссар Митавской области барон фон Медем выпустил воззвание, в котором требовал, как можно энергичнее проводить в 1942 г. весенние полевые работы, обещая, что наиболее старательные получат звание «почётного крестьянина» и будут пользоваться особым доверием немцев.

В Галиции согласно указу генерал-губернатора от 1.8.42 крестьянам оставлены в качестве частной собственности те земельные участки, которыми они располагали во время существования польского государ-

* Кроме того, немцы вернули кулакам их прежние усадьбы или обязывали крестьян строить для кулаков новые дома. (Прим. док.)

ства. Помещичьи земли, подвергнутые разделу в 1939 г., немцы вновь отобрали у крестьян и создали на этих землях государственные имения.

Во всех оккупированных областях немцы награждают земельным наделами местных жителей, участвующих в борьбе против партизан. Предателям дают наделы от 1 га (в Орловской области) до 25 га (в Псковской уезде). В отдельных случаях немцы обещают еще более высокие земельные награды. Так, например, за поимку командиров партизанских отрядов, действовавших в Обоянском и Кривцовском районах Курской области, было обещано по 4 тыс. марок и до 100 га земли. В марте 1942 г. в Днепропетровском генеральном округе предателям было роздано 400 га, в апреле ещё 64 га земли. Всего на Украине, по сообщению германского информбюро от 13.3.42, награждены земельными наделами больше тысячи человек, активно участвовавших в борьбе против партизан.

МТС и совхозы объявлены на всей оккупированной территории собственностью германского государства. МТС перестраиваются в опорные пункты или базы, возглавляемые немецкими управляющими. К каждой базе прикрепляется до 15 общинных хозяйств. Базы должны обрабатывать уцелевшими тракторами и машинами земли общинных хозяйств, осуществлять агрономический надзор, внедрять улучшенные методы хозяйства, заготовлять посевное зерно, разводить племенной скот и вести образцовое хозяйство на собственных полевых участках. Базам поручается также агрономическое обучение крестьян и политическая пропаганда. Совхозы переименованы в государственные имения. Некоторые из них прикрепляются для обслуживания определённых гарнизонов. Часть скота, конфискованная у крестьян, передаётся в государственные имения. В качестве рабочей силы привлекаются крестьяне окрестных деревень.

В Остланде управление бывшими совхозами, МТС, рыбными угодьями и пушными фермами поручено сельскохозяйственному обществу «Остланд», имеющему филиалы в каждом генеральном округе (т.е. в Литве, Латвии, Эстонии и Белоруссии). Правление общества подчинено рейхскомиссару, а филиалы – генеральным комиссарам соответствующих округов. В составе каждого филиала имеются четыре отдела: производственный, технический (ведает МТС), коммерческий и административный. В июне 1942 г., по сведениям, опубликованным в немецкой печати, в ведении общества состояло 1040 государственных имений, а к марту 1943 г. общество располагало земельным фондом размером свыше 500 тыс. га. Председатель правления общества Маттисен одновременно является начальником отдела земледелия и продовольствия при рейхскомиссаре.

Общество по управлению государственными имениями создано и на Украине. Оно эксплуатирует 2215 государственных имений

с земельной площадью более 6,3 млн га. В ведении общества находится также ряд мельниц, консервных заводов и других предприятий по переработке сельскохозяйственных продуктов. Приём, учёт и хранение сельскохозяйственных продуктов, поступающих по обязательным поставкам и в результате реквизиций, а также доведение этого продовольствия до военных и гражданских органов снабжения, находящихся как в Германии, так и на оккупированной территории, возложено на Центральное торговое общество «Восток» (*Zentralhandelsgesellschaft OST*).

Этому же обществу поручен ввоз в оккупированные области сельскохозяйственных машин, инвентаря и товаров широкого потребления для сельского рынка. Общество тесно связано с Восточным штабом экономического руководства. Правление общества находится в Берлине; во всех оккупированных областях имеются его представительства и конторы, которых насчитывается более 400. Эта сеть дополняется низовыми заготовительными пунктами, которые организованы различными отраслевыми торгово-заготовительными обществами: по заготовке мяса, молочных продуктов, картофеля и т.п. Такие общества основаны на Украине и в Остланде (приложение 1). Центральное торговое общество «Восток» координирует и направляет деятельность этих обществ.

Сельскохозяйственные работы 1942 г. Выкачка хлеба и продовольствия

К весне 1942 г. немцы не восстановили материальной базы сельского хозяйства оккупированных районов. Немногочисленный и разрушенный тракторный парк, доставшийся немцам, был отремонтирован за зиму, даже по сообщениям немецких газет, лишь на 60%. По наблюдениям шведских журналистов, германские заводы сельскохозяйственного машиностроения зимою 1941/1942 гг. были полностью переключены на военное производство и не могли изготовлять сельскохозяйственных машин для оккупированных областей, газета «Данцигер ферпостен» в передовой от 12.2.42 писала: «Германия ещё не может снабжать Украину тракторами и комбайнами». Сообщения, появившиеся в некоторых немецких газетах, о том, что для Украины были изготовлены тысячи тракторов и различных сельскохозяйственных машин, явно не соответствуют действительности. Несколько правдоподобнее сведения о том, что немцы отправляли в оккупированные районы СССР старые трактора и сельскохозяйственные машины, собранные в Германии, а также в вассальных и оккупированных странах. Иностранные газеты сообщали, что из Италии было отправлено на Украину 95 тыс. тракторов и 100 тыс. плугов, Однако переброска такого количества машин тормозилась затруднениями на транспорте. Немецкие сообщения

о количестве тракторов, фактически прибывших на Украину, значительно скромнее, они колеблются от 6 до 10 тыс. машин. Сообщалось также о прибытии 7 тыс. двухлемешных плугов в Литву и 11 тыс. плугов в Латвию.

Имевшиеся тракторы не были полностью обеспечены смазочными маслами и горючим, как по причине его общего недостатка, так и вследствие затруднений с подвозом. В Николаевский округ немцы не успели к весне привезти горючее из-за того, что не была еще закончена перешивка ж.-д. колеи. Из-за недостатка тракторов и горючего не использовались даже те немногочисленные комбайны, которые остались на оккупированной территории. В отдельных случаях в комбайны запрягали лошадей и быков. Более или менее бесперебойно работали только газогенераторные тракторы, присланные в лесистые районы Украины.

Конское поголовье к весне 1942 г. уменьшилось даже по сравнению с осенью 1941 г. в связи с недостатком фуража и с беспрерывными реквизициями лошадей. По оценке иностранных наблюдателей, на Украине сохранилось лишь 25% живой тягловой силы. В августе 1942 г. газета «Кракивски висти» сообщала, что на 100 га земли на Украине сохранилось в среднем только две лошади. На проведение сельскохозяйственных работ были мобилизованы лошади из городов. Было организовано лечение лошадей, раненых во время военных действий. В тыловых районах на полевые работы привлекались иногда лошади воинских частей. В Волыно-Подольском округе, где в среднем насчитывалось 15 лошадей на 100 га земли, было конфисковано 12 тыс. лошадей для проведения уборочных работ в южной Украине. Во всех оккупированных областях использовались в качестве тягловых животных коровы.

Латвийские крестьяне, которые были лишены немцами земельных наделов, полученных при советской власти, обязаны были продать своих лошадей землевладельцам. При отказе от продажи – лошадей реквизировали. Все эти мероприятия не могли, конечно, восполнить уменьшения конского поголовья и смягчить недостаток тягловой силы. Не могло также оказать практического влияния восстановление некоторых конских заводов и ввоз племенных производителей, хотя отдельные мероприятия в этом направлении, видимо, предпринимались. Так, например, в немецких газетах сообщалось о восстановлении большого конского завода в Волынско-Подольском округе и о ввозе на Украину из Голландии и Германии 364 племенных жеребцов-производителей.

Германская печать и руководящие чиновники вынуждены были признать, что сельскохозяйственные работы 1942 г. в оккупированных районах не были обеспечены ни живой тягловой силой, ни тракторами, ни горючим, ни машинами. Была взята установка на проведение всех работ в основном ручным трудом. Газета «Националсоциалистише ландпост» от 21.8.42 писала: «Босые женщины копали

в прошлом году свекловицу, работая под осенним дождем и на морозе, потому что для тракторов не было горючего. Женщины стояли по колено в ледяной воде, замачивая коноплю. В настоящее время на полях тоже будут применяться сотни тысяч серпов, кос, лошадей, коров, но не комбайны и тракторы».

Во многих районах Украины поля вскапывались лопатами и засевались вручную. В с. Куштумовка, Балабино, Царицын Кут Запорожской области, в некоторых районах Курской области и в других местностях из-за полного отсутствия тягловых животных в плуги впрягались мужчины и женщины. В Германии и на некоторых заводах Украины поспешно изготовлялись косы, серпы, грабли и другой простейший инвентарь. На Правобережной Украине этим производстве были заняты, по сообщениям немецких газет, 28 предприятий, а из Германии было доставлено на Украину около 1 млн серпов.

Однако наличные контингенты сельскохозяйственной рабочей силы в оккупированных районах оказались явно недостаточны для обработки больших площадей с помощью примитивной техники. Сельское население во многих оккупированных районах резко сократилось в результате эвакуации в наш тыл, вследствие вывоза рабочей силы в Германию, ввиду мобилизации на военные работы, а такие в связи с истреблением советских людей немецкими оккупантами.

Приводимая ниже таблица показывает уменьшение населения по трём сельсоветам Погорельского района Калининской области, освобождённым Красной армией.

Наименование сельсоветов	Количество жителей	
	в день оккупации	после оккупации
Ивановский	1181	524
Бурцевский	724	589
Желудовский	435	124
Итого	2340	1237
в %	100	52,8

По оценке английского министерства экономической войны, население оккупированных областей СССР вместе с военнопленными, находившимися на этой территории, к июню 1942 г. составляло 37–40 млн человек, вместо 48 млн, насчитывавшихся до войны. Таким образом, уменьшение составляет 17–23%*.

* В этом подсчёте англичане не учитывают территории, вошедшие в состав СССР в 1939 и 1940 гг. (Прим. док.)

Чтобы восполнить убыль рабочей силы в наиболее обезлюдевших областях, германские власти отправляли в эти области крестьян из других местностей. Так, на проведение весенних посевных работ в районе Кировоград–Днепропетровск–Николаев–Херсон было принудительно отправлено 400 тыс. крестьян из Киевского, Житомирского и Волыно-Подольского генеральных округов. За отсутствием транспорта люди должны были идти пешком. Добровольцам была обещана плата и боны на приобретение промтоваров, а за «особое прилежание и хорошее поведение» – увеличение приусадебных участков. Повсеместно проводилась мобилизация на сельскохозяйственные работы городских жителей: домашних хозяек, студентов, школьников, служащих, безработных.

В Остланде всё городское население было обязано отбыть на сельскохозяйственных работах трудовую повинность продолжительностью от 6 до 12 недель. Уклонение от трудовой повинности каралось штрафом до 5000 марок или трёхлетним заключением. Генеральным комиссарам было разрешено закрывать школы и принудительно отправлять на сельскохозяйственные работы детей: на Украине с 10-летнего, а в Остланде – с 11-летнего возраста.

В Прибалтике принудительно переселялись из городов на постоянное жительство в сельские местности лица, приехавшие из деревень в течение последних пяти лет, землевладельцы, владеющие более чем 5 га земли, и безработные, не имеющие детей. В Латвии разрешается иметь в каждом хозяйстве ограниченное число работников (включая членов семьи): при посевной площади в 3–6 га – 2 человека, 10–20 га – 4 человека, 30–50 га – 5–7 человек, 50–100 га – 7–12 человек. Излишние работники мобилизуются для работы у других хозяев.

Как мобилизованные, так и местные жители работали на сельскохозяйственных работах под надзором полиции и немецких управляющих. Последних к лету 1942 г. во всех оккупированных областях насчитывалось 13–16 тыс. человек. Для надзора за проведением уборочных работ выезжали окружные генеральные комиссары и все чиновники их аппарата. На Украине рабочий день на полевых работах продолжался с 5–6 часов утра до 6–7 часов вечера.

Для работы на приусадебных участках можно было использовать 2 дня в неделю, остальное время каждый должен был работать на земле общинного хозяйства. За невыход на работу в первый раз накладывался штраф – 500 руб., во второй раз – виновный отправлялся в лагерь военнопленных и у него конфисковалось всё имущество. Там, где уклонение от работ принимало массовый и организованный характер, применялись также телесные наказания и расстрелы. Между советскими гражданами и немецкими управляющими неоднократно происходили

кровавые столкновения. По сообщениям немецких газет, «многие сельскохозяйственные руководители погибли на посту».

Стремясь обеспечить хлебом в первую очередь армию, германские власти поручали уборку урожая в некоторых тыловых районах непосредственно воинским частям. Газета «Дейче Украине цейтунг» от 4.10.42 поместила очерк, содержавший следующее описание: «Дивизия охраняет большой участок. Везде оборудуются позиции. Нужен каждый человек. Но всё же солдаты участвуют в уборке урожая и охраняют его от близкого врага*. Генерал разъезжает по участку, как управляющий имением. Вот идет отряд солдат с косами. На трёх солдат имеется одна коса. Сельскохозяйственные орудия встречаются редко. Старший ефрейтор, выполняющий обязанности надсмотрщика, говорит, что чтобы достать восемь вил, пришлось ехать за 30 км. На полях работает и гражданское население. Эти люди, – рассказывает генерал, – временно размещены в ближайших деревнях, население которых нам пришлось полностью выселить за связь с партизанскими отрядами». Приказом по Южной группе армий от 28.2.42 предлагалось завести при постоянных гарнизонах огороды и обрабатывать их силами войсковых частей.

На сельскохозяйственные работы в оккупированные области привлекалась также рабочая сила из-за границы. Из Германии были присланы 30 тыс. членов организации «Гитлеровская молодежь». Они работали в государственных имениях и частично в крестьянских хозяйствах. Одновременно молодые гитлеровцы осуществляли дополнительный политический надзор за населением, вели пропаганду и проходили практическую подготовку, как будущие колонизаторы.

Контингент рабочей силы в Литве пополнили 50 тыс. немцев, переселённых в Германию в 1939-1940 гг. и возвращённые обратно после оккупации**. Кроме того, в апреле 1942 г. в Литву было переселено еще 3 тыс. немецких крестьян. В Голландии, Дании и Бельгии проводилась вербовка крестьян, желающих переселиться на Восток и вести там самостоятельное хозяйство, либо работать в качестве управляющих. В этих же странах, а также в Норвегии велась вербовка молодежи на временную сельскохозяйственную работу и для подготовки к постоянной руководящей работе в оккупированных советских районах.

Для организации германо-голландского экономического сотрудничества на Востоке и, в частности, для содействия переселению голландцев, создана «Нидерландская восточная компания – пользующаяся поддержкой государства и голландского государственного банка***.

---

* Имеются в виду партизаны. (Прим. док.)

** Возвращение немцев в Литву имело, кроме того, целью усилить там политическое влияние фашистов и противопоставить его влиянию польских националистов. (Прим. док.)

*** Основной капитал компании 2,55 млн гульденов. Председателем компании является управляющий Голландским банком Рост Ван Тоннинген. (Прим. док.)

Как сообщала 28.6.42 швейцарская газета «Курье де Женев», немцы предполагают переселять в оккупированные области СССР 3 млн голландских крестьян. В действительности до настоящего времени в оккупированные области прибыло только несколько сот переселенцев. По сообщению шведской газеты «Дагенес нюхетер», в Норвегии вербовка на сельскохозяйственные работы провалилась. Западноевропейские крестьяне явно остерегаются связывать свою судьбу с непрочными гитлеровскими завоеваниями.

Мобилизуя все внутренние трудовые резервы и пытаясь привлечь рабочую силу из-за границы, немецкие власти одновременно вывозят крестьян из оккупированных районов СССР на работу в Германию, ещё более усугубляя этим резкую убыль трудоспособного населения. Оккупационные власти не смогли обеспечить также и остальных предпосылок урожая.

Посевное зерно во многих местностях было реквизировано и вывезено в Германию или использовано для снабжения армии. Фонды, сохранившиеся в руках германских властей и местного населения, не покрыли полной потребности. В Эстонии под давлением властей проводилось перераспределение остатков семенного фонда в порядке так называемой «взаимопомощи» между крестьянскими хозяйствами. Посевное зерно для Галиции собиралось в других районах Генерал-губернаторства.

Удобрениями оккупированные районы также обеспечены не были. Генеральный комиссар Эстонии в апреле 1942 г. официально заявил, что на получение удобрений Эстония рассчитывать не может. В связи с резким уменьшением поголовья скота во всех оккупированных областях на поля было вывезено очень мало навоза.

Метеорологические условия сева характеризовались на Украине поздно наступившей весной, сопровождавшейся заморозками. Сокращённые сроки еще более осложнили условия весеннего сева. В целях экономии времени германские власти распорядились производить вспашку как можно мельче. В некоторых районах сеяли даже по невспаханной почве. По приказу рейхскомиссара на Украине сев должен был полностью закончиться к 10 июня и проводиться в следующей последовательности: пшеница, овес, ячмень, подсолнух, лён, мак, бобовые культуры, сахарная свёкла, картофель.

Из-за поздней весны и недостатка семян часть полей, предназначавшихся под пшеницу, была засеяна менее ценными культурами: ячменем, горохом, просом, гречихой, коноплёй. Часть полей, на которых остался неубранным урожай 1941 г., весной 1942 г. не засевалась, и немцы надеялись получить на этих площадях урожай от опавшего зерна. Там, где это было исключено, остатки прошлогоднего урожая собирались и использовались как корм для скота.

Характеризуя результаты весеннего сева, германское информационное бюро сообщило 2.8.42, что на Украине было засеяно 65% всей посевной площади, но и эти данные безусловно преувеличены. По сообщению газеты «Дзенник Польски», издающейся в Лондоне, в Левобережной Украине было засеяно только 50% , а в Правобережной Украине – 20% всей посевной площади.

Газета «Кракауэр цейтунг» писала 16.9.42, что на Украине «многие поля из-за нехватки рабочей силы остались необработанными и используются как пастбища». В газете «Фелькишер беобахтер» от 2.12.42 начальник управления печати Восточного министерства майор Кранц писал: «В проведении весеннего сева на Украине участвовало около 70% населения. Предпочтение отдавалось посевам пшеницы и масличных культур. Для масличных культур, кукурузы, картофеля, свекловицы, проса и гречихи виды на урожай благоприятные. Однако не следует полагать, что Украина может обеспечить питание Европы».

Относительно видов на урожай и перспектив продовольственного снабжения Германии за счёт Украины газета «Дейче украине цейтунг» от 29.8.42 писала; «Когда проезжаешь по Украине и видишь запущенные поля, то не замечаешь новой эпохи в жизни украинских крестьян. С самого начала было ясно, что урожай в этом году будет небольшой, так как слишком много машин, земледельческих орудий и тягла приведено в негодность или увезено».

Германское правительственное управление «Рейхснэрштанд», ведающее продовольственным снабжением, опубликовало следующее заявление: «Необходимо иметь в виду, что весенний сев в занятых Германией восточных областях ещё не принесёт никакой перемены в обеспечении Европы продовольствием. Это невозможно хотя бы из-за состояния транспорта».

Шведская газета «Социал-демократен», ссылаясь на мнение немецкого сельскохозяйственного эксперта, писала: «В ближайшее время Украина сможет прокормить часть оккупационных войск, и, возможно, в некоторой мере, местное население». Другая стокгольмская газета – «Афтонбладет» – сообщала: «Надежды немцев на то, что удастся засеять достаточные площади под зерновые хлеба для удовлетворения нужд населения и армии, не оправдались». По мнению швейцарской газеты «Ди Тат», «только из балтийских стран можно было бы в 1942 г. вывозить излишки продуктов питания, но посевная площадь там слишком мала для того, чтобы помощь этих стран оказалась чувствительной».

Тем не менее, в октябре 1942 г. в Германии были увеличены нормы выдачи хлеба населению. Это мероприятие сопровождалось шумной пропагандой. Однако максимальное увеличение хлебного пайка составило всего 35 г в день, а некоторые категории населения вообще никакой прибавки не получили. Одновременно с новыми нормами была вве-

дена выпечка так называемого «тройного хлеба», в котором доля ржи и пшеницы не увеличилась, а доля картофеля даже значительно уменьшилась. За счет картофеля увеличена примесь ячменя, применявшегося прежде, главным образом, в качестве корма для скота.

Но как ни мало был увеличен хлебный паёк, для того чтобы осуществить это повышение, германские власти, очевидно, получили в свое распоряжение дополнительные зерновые фонды. Бесспорно, что часть этих фондов добыта в оккупированных областях СССР. Однако это не свидетельствует о том, что немцам удалось направить сельское хозяйство оккупированных областей по пути подъёма и восстановления.

Урожай зерновых на Украине в 1942 г. составил только 25% довоенного уровня, к тому же значительная часть осталась не убранной или не вывезенной с полей. Хлеб же, отправляемый из оккупированных областей в Германию, добывается путём зверского террора и хищнического ограбления населения.

Формально в большинстве оккупированных областей в 1942 г. были введены нормы обязательных поставок, объявлены заготовительные цены, за выполнение норм были обещаны боны на право покупки промтоваров. Но нормы назначаются в каждой области по произволу местных властей, а плата настолько низка, что не имеет никакого значения. Во многих же местностях ни деньги, ни боны вообще не выдаются.

Имеются следующие сведения о нормах обязательных поставок:

Сланцевский район Ленинградской области: ржи – 200 кг с га; ячменя – 300 кг с га; пшеницы и овса – весь урожай полностью; картофеля – 300 кг с га; молока – 350 л с коровы или 13 кг сливочного масла; шерсти – 300 г с овцы; яиц – 35 шт. с курицы; сена – 50% собранного количества.

Дновский район Ленинградской области: зерновых – 860 кг с га; картофеля – 960 кг с га; яиц – 35 шт. с курицы; молока – 365 л с коровы.

Белоруссия: зерновых – 100 кг с га; масличных – 75 кг с га; картофеля – 200 кг с га; яиц – 30 шт. с курицы; меда – 1 кг с улья; мяса – 20 кг с каждого га обработанной площади; шерсти – 500 г с каждой овцы и 250 г с ягненка; льна чёсаного и конопли – 150 кг с га или 300 кг сырца.

Псковский уезд: молока – 94 л с коровы; льна – 165 кг трёпа, трёпаного льна или 720 кг тресты с га; льняного семени – 75 кг с га*.

Смоленская область: 60% урожая всех сельскохозяйственных продуктов; молока – 500 л с коровы; яиц – 35 шт. с курицы, мяса – 50 кг с каждого двора, независимо от наличия скота.

В Остланде были установлены нормы обязательных поставок зерновых, картофеля, овощей, фруктов, табака, молока, мяса и шерсти.

---

* По другим продуктам сведений нет. (Прим. док.)

При определении норм доставок мяса, молока, шерсти и яиц за единицу обложения принят крестьянский двор, а нормы поставок зерновых, картофеля и овощей исчислялись с гектара обрабатываемой площади.

До января 1943 г. обязательные поставки выполнены не были. В связи с этим в Литве и Латвии были назначены особые правительственные уполномоченные по использованию сельскохозяйственной продукции, которым было поручено добиться максимальной выкачки продовольствия. В Латвии была проведена опись всех наличных продовольственных запасов у крестьян и приказано сдать «все излишки, превышающие личные нужды». В Литве крестьяне обязаны были сдать к 10.2.43 весь урожай ржи, пшеницы, гречихи, гороха, ячменя, бобов и чечевицы.

Продажа, покупка и использование зерна по своему усмотрению запрещены. 12.2.43 газета «Кауэнер цейтунг» писала: «Власти отнюдь не намерены мириться с актами саботажа. Не только крестьяне, но и чиновники будут привлекаться к ответственности, если нормы сдачи не будут выполнены».

Во многих районах хлеб в счёт обязательных поставок увозился немцами на свои склады прямо с полей. За утайку хлеба, несвоевременную его сдачу, за всякое сопротивление германским солдатам и чиновникам при насильственном изъятии хлеба население подвергается штрафам, физическим наказаниям, заключению в тюрьмы и смертным казням. Так, например, в оккупированных районах Ленинградской области за несвоевременную сдачу хлеба накладывался штраф от 500 до 1000 руб., а если это не давало результата, виновный подвергался телесному наказанию. В Смоленской области немцы объявили крестьян, уклоняющихся от сдачи хлеба, саботажниками, отбирали у них коров и кур, подвергали крестьян порке и другим физическим наказаниям вплоть до расстрела.

В Литве за несвоевременное выполнение обязательных поставок виновные привлекаются к военному суду; торговля зерном запрещена под страхом смертной казни. На Украине рейхскомиссар Кох объявил, что крестьяне, утаивающие хлеб во время уборки, расхищающие зерно из складов, будут осуждаться в административном порядке или особыми немецкими судами на длительное тюремное заключение с конфискацией всего имущества или на казнь. Если скрытие или хищение хлеба повторяются несколько раз в одном и том же селе, то наказанию подвергаются все жители села.

Для «защиты урожая» на Украине была создана вооружённая охрана, которая имела право с каждым, кто попытается похитить или испортить зерно, и кто окажет сопротивление при его изъятии, расправляться, как с партизаном, т.е. убивать на месте. Сельские старосты,

волостные старшины и полицейские активно содействуют немцам при реквизициях продовольствия и при проведении связанных с этим репрессий. Несмотря на террор, крестьяне во многих районах затягивают сдачу продуктов, прячут зерно и картофель, оказывают в ряде случаев активное сопротивление при реквизициях продовольствия.

Особенно жестокие формы приняли реквизиции в прифронтовой полосе, превращаемой немцами в «зону пустыни». Угоняя из этой зоны население, немцы реквизируют весь хлеб, скот, фураж и другие сельскохозяйственные продукты, абсолютно не считаясь с ранее установленными нормами и выполнением обязательных поставок. Реквизиции сопровождаются сжиганием дотла целых деревень и массовыми зверскими убийствами.

Такому же грабежу и разбою немецкие карательные отряды подвергают, сотни деревень в районах действия партизан. Так, например, в феврале 1943 г. полному разрушению и опустошению подверглись Осиповический, Березинский, Червенский, Руденский, Слуцкий, Старобинский, Житковический, Петриковский, и другие районы Белоруссии, а также многие районы в других оккупированных областях.

Общее количество зерна, вывезенное в 1942 г. с Украины, по сведениям, опубликованным Советом экономической войны США, составляет 1 млн т. Такие же данные сообщали немецкие газеты и радиостанции.

Оценивая перспективы на 1943 г., необходимо учитывать, что ко времени осеннего сева 1942 г. существенных изменений в общем положении сельского хозяйства оккупированных областей не произошло. В прифронтовой полосе немцы запрещали проводить осенний сев. На некоторых южных участках это запрещение распространилось вплоть до Днепра. В частности, осенний сев не проводился в Крыму и в Николаевской области. Но в глубине оккупированной территории немцы стремились расширить посевные площади, всячески понуждали крестьян к надлежащему проведению полевых работ и т.п. В тыловых районах уже не сказывалось непосредственное влияние военных действий и некоторая часть крестьянства, обработанная фашистской пропагандой, запуганная террором и угрозой голода, несколько интенсивнее участвовала в сельскохозяйственных работах.

Газеты «Тюркише пост» от 9.11.42 и «Националь цейтунг» от 7.3.43 сообщили, что осенью 1942 г. на Украине было засеяно в различных районах от 30 до 36% посевной площади, тогда как в предыдущем году в среднем было засеяно только 22%. Увеличение площадей под озимыми культурами в Остланде составляет, по сообщению газеты «Берлинер борзен цейтунг», 10%. Председатель Совета экономической войны США Перкинс[32] в конце декабря 1942 г. заявил[а], что в 1943 г. Германия может рассчитывать на получение с Украины 1,5 млн т зерна.

VIII. МЕРОПРИЯТИЯ В ОБЛАСТИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Конфискация и вывоз оборудования, сырья и т.п.

В соответствии с директивами Восточного штаба экономического руководства германские войска полностью реквизируют на всех фабриках, заводах и складах жидкое топливо, смазочные вещества, сырые полуфабрикаты и готовую продукцию. В Донбассе немцы захватили, по сообщению немецкого журнала «Фир яресплан», около 2 млн т угля*. В Никополе, по сообщению того же журнала, немцам досталось 70 тыс. т марганцевого концентрата.

15.4.42 рейхскомиссар Лозе издал приказ об изъятии благородных металлов, а также алюминия, свинца, меди, магния, никеля, цинка, олова и сплавов этих металлов во всех предприятиях Остланда. Запрещено без разрешения рейхскомиссара применять металл в каком бы то ни было производстве, а также на строительных и ремонтных работах. Чугунолитейным и металлообрабатывающим предприятиям разрешено выполнять только заказы немецких органов.

Зимой 1941/1942 гг. во всей Прибалтике было конфисковано кожевенное сырье, шкуры и меха, за исключением запасов на фабриках, выполнявших военные заказы. В марте и апреле 1942 г. проводилась конфискация растительных, животных и искусственных жиров, маслокислот, олифы, глицерина, стеарина, нефти, мазута, авиационного бензина, минеральных масел и смол. На предприятиях конфискованы кожаные приводные ремни. Стремясь захватить полностью все запасы дефицитного сырья, немцы запретили производство товаров первой необходимости для снабжения местного населения: мыла, обуви, кожевенных изделий, платья и т.п.

Конфискованное сырьё в первый период оккупации целиком вывозилось в Германию, а позднее часть его передавалась местным предприятиям, выполнявшим военные заказы. Не ограничиваясь реквизицией сырья и промышленной продукции, немцы вывозят в Германию основное производственное оборудование. Так, например, в начале 1942 г. вывозилось в Германию, оборудование и различные материалы со сланцевых рудников Ленинградской области.

Летом 1942 г. из Латвии вывозились токарные, сверлильные, ткацкие, трикотажные станки, динамомашины, моторы и т.п. Зимою 1942/1943 гг. в связи с наступлением Красной армии немцы начали эвакуировать целые предприятия. В декабре 1942 г. из Могилева вы-

* Однако уже 22.12.41 хозяйственное управление в Днепропетровске потребовало от расквартированных в городе воинских частей всемерной экономии электроэнергии, ввиду необеспеченности электростанций топливом. (Прим. док.)

везено оборудование шёлковой фабрики и других предприятий. Из Орджоникидзеграда вывозилось оборудование завода «Красный Профинтерн». В феврале 1943 г. эвакуированы некоторые промышленные предприятия из Минска. В том же месяце эвакуированы из Дарницы (близ Киева) танкоремонтный завод и мясокомбинат во Львов, из Киева эвакуирована 4-я обувная фабрика и подготовлялась эвакуация еще ряда предприятий. В марте 1943 г. вывозилось заводское оборудование из Гомеля.

Фабричные и заводские здания немцы во многих случаях разбирают и строительный материал, используют для мощения дорог, постройки мостов, укреплений и т.п. При отступлении немцы, как правило, разрушают все уцелевшие промышленные сооружения. Кроме того, немцы вывозят трамвайные рельсы, электрические и телефонные провода, металлические ограды и т.п. Это имущество предназначается для использования в качестве металлического лома.

Восстановление промышленных предприятий

Восстанавливая промышленные предприятия, немецкие власти руководствуются установками, изложенными в упоминавшейся выше «Зеленой папке» и неоднократно повторявшимися в руководящей германской печати. Так, например, 2.7.42 газета «Фелькишер беобахтер» писала: «Использование украинской промышленности должно ограничиться предприятиями военного значения, при условии, если они могут быть восстановлены в короткий срок». В ближайшем фронтовом тылу восстановление промышленных и коммунальных предприятий производится техническими батальонами и отрядами технической помощи (*Technische Nothilfe*). Для руководства предприятиями назначаются управляющие, действующие как уполномоченные германского государства.

Кроме того, создано около 50 обществ и компаний по эксплуатации отдельных отраслей промышленности на оккупированной территории. Однако большая часть этих обществ ведёт только подготовительную организационную работу, либо вообще бездействует, видимо, выжидая более благоприятной военно-политической и экономической обстановки*.

При восстановлении предприятий немцы зачастую встречают непреодолимые препятствия. Некоторые предприятия настолько разрушены, что немцы считают их восстановление нерентабельным или

* Провозгласив восстановление частной собственности, немцы, однако, возвратили прежним владельцам только мелкие и кустарные предприятия в Прибалтике и Галиции. Возвращение более крупных предприятий отложено на неопределённый срок. Лица, владевшие промышленными предприятиями до Октябрьской революции, а также держатели облигаций царских займов считаются утратившими все права. (Прим. док.)

даже невозможным. Для восстановления менее повреждённых предприятий не хватает инженерно-технического персонала, квалифицированных рабочих, инструментов, оборудования и строительных материалов. По этим же причинам тормозится эксплуатация пущенных предприятий; кроме того, сказывается отсутствие сырья, транспортные затруднения и крайнее сужение энергетической базы вследствие недостатка топлива и выхода из строя электростанций. Ряд восстановленных предприятий был вновь выведен из строя в результате диверсий и саботажа. Так, например, в районе Речицы (БССР) партизаны сожгли завод, изготовлявший ж.-д. шпалы, в районе Майкопа были сорваны восстановительные работы на буровых скважинах «Хадыжнефти» и т.д. В связи с этими обстоятельствами немцы вынуждены ограничиться пуском сравнительно немногих предприятий, которые в состоянии хотя бы частично удовлетворять неотложные нужды действующих войск и разгрузить транспорт от перевозки массовых военных грузов из Германии.

Коммунальные предприятия

В первую очередь восстанавливаются некоторые коммунальные предприятия в городах, где размещены большие гарнизоны, штабы и военные учреждения. Имеются сведения о пуске следующих коммунальных предприятий:

Минск	электростанция и водопровод
Гомель	электростанция
Речица	электростанция (в марте 1943 г. остановлена и оборудование вывезено в Германию)
Смоленск	электростанция Смолэнерго, водопровод
Орёл	электростанция, водопровод, баня. Электрический ток подается только в дома, занятые немцами.
Киев	ТЭЦ – отапливаются и освещаются только дома, занятые немцами. Трамвай - единственный действующий вид городского транспорта; проезд разрешается только немцам. Водопровод восстановлен частично
Кривой Рог	электростанция, водопровод
Кировоград	электростанция
Артёмовск	электростанция
Бердичев	электростанция, водопровод, бани*

Некоторые из указанных электростанций дают ток как для коммунальных надобностей, так и для промышленных предприятий.

* В перечни восстановленных предприятий не включены предприятия, находящиеся на территории, уже освобождённой от оккупантов к 1.4.43. (Прим. док.)

Предприятия по производству строительных материалов

Немцы стремятся пустить в ход предприятия по производству строительных материалов, продукция которых используется, главным образом, для постройки полевых укреплений, мостов, дорог, казарм и т.п. Известно о пуске следующих предприятий:

Местонахождение предприятия	Наименование предприятия	Выпускаемая продукция	Примечание
	Украина		
Волыно-Подольский округ	148 лесозаводов		
Чернигов	Кирпичный завод		Обслуживают исключительно военные нужды
Артёмовск	Алебастровые разработки		
Ракитное	Стекольный завод		
Шепетовка	Стекольный завод		
Зболдунов	Стекольный завод		
Константиновка	Стекольный завод		
Черкассы	Фанерный завод		
Запорожье	Камнедробильный завод		
	Белоруссия		
Добруш	Лесозавод		
Богушевск	Лесозавод		
Речица	Лесозавод	Разборные жилые дома	Продукция вывозится в Германию
Минск	Бывш. мебельная фабрика	Разборные жилые дома	
Минск	Толевый завод		Большая часть продукции отправляется в Германию
Минск	Кирпичные заводы № 1 и № 3		
Бобруйск	Стекольный завод «Октябрь»		
Борисов	Лесозавод	Сани	Работают 500 человек
Ново-Борисов	Лесопильный завод им. Р. Люксембург		

Слоним	Лесозавод	Ж.-д. шпалы	Работают 800 человек. Суточная продукция – 400 м³. Все шпалы отправляются в сторону фронта.
Эстония			
Кунда	Цементный завод «Порт-Кунда»	Портланд-цемент	Работает на полную мощность (800 тыс. т цемента в год). Продукция вывозится через Нарву на фронт.
Оккупированные области РСФСР			
Смоленск	Кирпичный завод № 1		
Демидов Смоленской обл	Лесопильный завод		
Клетня Орловской обл.	Завод «Пролетарий», завод № 20	Строительные брусья и доски	Продукция используется для ремонта мостов
Новосельский район Ленинградской обл.	Маяковской лесопильный завод		Работает до 100 рабочих
Лисино Корпус Тосненского района Ленинградской обл	Лесопильный завод		
Луга Ленинградской обл.	Лесозавод		
Карачев Орловской обл.	Лесопильный завод		

Кроме того, летом 1942 г. велась подготовка к пуску цементных заводов в Латвии. Немцы предложили принять участие в восстановлении и эксплуатации этих предприятий датским фирмам, имевшим ранее свои капиталовложения в цементной промышленности Латвии и Эстонии. В связи с этим летом 1942 г. в Прибалтику приезжала делегация датских промышленников.

Машиностроительные, металлообрабатывающие и химические предприятия

Машиностроительные, металлообрабатывающие и химические заводы и мастерские приспосабливаются немцами, главным образом, для

среднего и капитального ремонта автомашин, танков, артиллерийского вооружения, самолетов. Иногда ремонтные базы оборудуются в уцелевших промышленных зданиях, независимо от того, какое производство размещалось в этих помещениях прежде. Недостающие станки, инструменты, оборудование, а также технические кадры и часть рабочих доставляется из Германии, На базе некоторых советских заводов немцы организовали производство авиабомб, боеприпасов и боевых химических веществ. На отдельных металлообрабатывающих заводах немцы организовали ремонт тракторов и производство кос, граблей, серпов, вил и т.п. Имеются сведения о следующих предприятиях металлообрабатывающей промышленности, эксплуатируемых немцами:

Местонахождение предприятия	Наименование предприятия	Характер производства	Примечание
Прибалтика и Белоруссия («Остланд»)			
Каунас	Арсенал		Восстановлен частично
Минск	Вагоностроительный завод им. Мясникова		
Минск	Паровозное депо	Ремонт паровозов	
Минск	Обувная фабрика им. Кагановича	Переоборудована для ремонта самолётов	
Минск	Завод им. Ворошилова	Сборка и ремонт танков, ремонт орудий	
Минск	Завод «Большевик»	Ремонт танков	
Минск	Химзавод	Медикаменты	
Красное Урочище (6 км юго-восточнее Минска)	Мастерские	Ремонт танков	
Уречье (7 км северо-восточнее Минска)	Мастерские	То же	
Слепянка (близ Минска)	Автозавод		Построен заново (сведения требуют подтверждения)
Орша	Бывш. льнокомбинат	Ремонт танков и автомашин	На 8.10.42 было сосредоточено до 3 тыс. автомашин
Орша	Механический завод «Красный борец»	Ремонт автомашин	

Дубровно (близ Орши)	Фабрика «Дубровинская мануфактура»	Ремонт автомашин и танков	На 8.10.42 было сосредоточено около 5 тыс. автомашин и танков
Костюковичи	Бывш. стекольный завод	Ремонт автомашин	
Гомель	Паровозо-ремонтный завод	Ремонт паровозов, автомашин и танков	
Могилёв	Авторемонтный завод	Ремонт автомашин	На 8.10.42 было сосредоточено 1 тыс. автомашин
Могилёв	Завод им. Димитрова	Ремонт оружия	
Могилёв	Комбинат «Металлолом»	Телеги, печи для ДОТ и окопов	
Могилёв	Костеобрабатывающий завод	Костяное масло для танков и самолётов	Сведения требуют подтверждения
Витебск	Ж.-д. депо		
Витебск	Фабрика им. Кагановича	Ремонт танков и бронемашин	
Витебск	Завод им. Коминтерна	Ремонт танков и бронемашин	
Витебск	Завод им. Кирова	Ремонт танков и бронемашин	
Витебск	Фабрика «Стяг индустриализации»	Ремонт автомашин	
Витебск	Две танкоремонтные мастерские		
Борисов	Бывш. трамвайное депо	Ремонт танков	
Борисов	Бывш. макаронная фабрика	Ремонт автомашин	
Рославль	Вагоноремонтный завод		

Украина

Киев	Завод «Ленкузня»	Ремонт зенитных орудий и автомашин	Работают 1200 человек. Одновременно ремонтируется 18 орудий.
Киев	Завод им. Артёма	Ремонт танков, автомашин и самолётов; производство ж.-д. стрелок	Работают 350 человек.

Киев	Завод «Большевик»	Ремонт танков, автомашин и паровозов; производство оборудования для сахарных заводов	Работают 2500 рабочих
Киев	Завод № 43	Ремонт танков и автомашин; сборка и ремонт авиамоторов	Восстановлен один цех
Киев	Авторемонтный завод № 1	То же	
Киев	Завод «Сигнал»	Производство аппаратуры для ж.-д. сигнализации	Работают 400 человек
Киев	Судоверфь	Ремонт катеров	
Киев	Ж.-д. депо «Киев-1», «Киев-2», и «Дарница»	Ремонт паровозов	Во всех трёх депо одновременно могут ремонтироваться 50 паровозов
Дарница (близ Киева)	Танкоремонтный завод		В феврале 1943 г. эвакуирован во Львов
Куренёвка (близ Киева)	Бывш. автозавод	Ремонт автомашин	
Новгород-Северский	Танкоремонтная мастерская	Ремонт танков	В марте 1943 г. ремонтировалось 18 танков
Днепропетровск	Завод ДЗМ	Ремонт автомашин	
Запорожье	Авторемонтная база	Ремонт автомашин	На территории гаража завода «Запорожсталь»
Запорожье	Завод № 29	Ремонт и производство авиамоторов, ремонт самолётов, танков и бронемашин	Организованы два авиамоторных цеха: «ЮМО» и «БМВ». Цех «ЮМО» выпускает 50 новых и ремонтирует 70 моторов в месяц; цех «БМВ» ремонтирует 100 моторов в месяц. Кроме того, работает цех по ремонту самолётов «Юнкерс»
Запорожье	Завод «Металлоштамп»	Печки для окопов	Работают 1000 человек

Запорожье	Судостроительный завод	Ремонт и доделка бронекатеров	
Запорожье	Машиностроительный завод	Лопаты, грабли, вёдра, тазы, косы, серпы	
Бердичев	Машиностроительный завод		
Сталино	Металлургический завод	Ремонт вооружения	
Сталино	Мастерские по ремонту самолётов	Ремонт автомашин	
Дружкова Сталинской обл.	Машиностроительный завод (3 цеха)	Ремонт автомашин и орудий	
Макеевка	Завод им. Кирова, цех № 1	Снаряды	Сведения требуют подтверждения
Мелитополь	Завод им. Воровского	Ремонт автомашин	
Мариуполь	Завод «Азовсталь»	Сборка танков	Выпускает две машины в день
Мариуполь	Судоверфь	Ремонт танков и бронекатеров	
Горловка	Химкомбинат	Нарывные и удушающие БХВ	
Константиновка	Химзавод	То же	
Рутченково	Химзавод	Бензол	
Ст. Фенольная (Донбасс)	Химзавод	БХВ	
Полтава	Завод № 11	Ремонт танков	
Полтава	Бывш. мясокомбинат	Ремонт танков и автомашин	
Николаев	Завод им. Марти	Ремонт судов	
Николаев	Завод № 200	Ремонт судов	
Николаев	Малая верфь	Ремонт судов	
Николаев	Завод им. Марти (2 цеха)	Боеприпасы	
Чернигов	Химзхавод		
Львов	Завод «Стрем»	Техническое костяное масло	Восстановлен частично, работает с апреля 1942 г.

Оккупированные области РСФСР

Вырица Ленинградской обл.	Ремонтные мастерские	Ремонт танков и автомашин	На 18.4.42 было сосредоточено до 40 танков
Тосно Ленинградской обл.	То же	То же	

Тигода Ленинградской обл.	То же	То же	
Красногвардейск Ленинградской обл.	То же	То же	
Псков	Бывш. льночесальная фабрика	Ремонт танков	
Псков	Мотороремонтный завод		Построен за время оккупации
Ст. Невель 2	Мастерские	Ремонт автомашин	На 9.9.42 в мастерских находилось 6 отремонтированных танков и 40–45 автомашин
Смоленск	Бывш. льнокомбинат	Ремонт танков и автомашин	
Смоленск	Завод № 35	Ремонт самолётов	Оборудование доставлено из Германии
Брянск	Механико-артиллерийский завод им. Кирова	Ремонт автомашин, танков и орудий	
Орджоникидзеград	Завод «Красный Профинтерн»	Ремонт танков, самолётов, автомашин, мотоциклов; изготовление автомашин. Чугунолитейный цех изготавливает авиабомбы	В декабре 1942 г. началась эвакуация завода
Орёл	Завод № 5	Ремонт автомашин	Пущен в эксплуатацию частично
Орёл	Завод № 9	Ремонт автомашин	То же
Орёл	Танкоремонтные мастерские		В начале 1942 г. одновременно находилось в ремонте до 200 танков
Орёл	Завод боеприпасов		Новый завод. Сведения требуют подтверждения
Таганрог	Бывш. котельный завод	Ремонт танков и автомашин	
Таганрог	Завод № 31 (8-й цех)	Ремонт танков	Весной 1942 г. в ремонте находилось 100 средних и лёгких танков

Таганрог	Завод им. Молотова	Ремонт автомашин	Летом 1942 г. в ремонте находилось до 100 машин
Таганрог	Завод № 65	Ремонт и изготовление мотоциклов, в цехе № 4 изготовляют снаряды	Выпускается 15 мотоциклов в день
Симферополь	Завод «КИМ»	Ремонт автомашин	
Симферополь	Авторемонтный завод	Ремонт автомобилей и бронемашин	

Предприятия тяжелой промышленности

В тяжелой промышленности немцам удалось восстановить и пустить в ход только отдельные предприятия. Своим большим успехом немцы считают восстановление Никопольских марганцевых копей. По оценке английского министерства экономической войны, немцы добывают в Никополе 35–40 тыс. т руды в месяц или 40–44% по сравнению с довоенным периодом. По сообщению газеты «Нейе цюрхер цейтунг» от 18.1.43, немцы добыли в Никополе за все время оккупации 165 тыс. т руды. Нефтепромыслы в Западной Украине также восстановлены. По английским сведениям, там добывается около 380 тыс. т нефти в год, т.е. производство достигло довоенного уровня.

Вскоре после оккупации Кривого Рога немцы начали добывать там в незначительном количестве железную руду и отправлять её на румынские заводы. С декабря 1941 г. добыча прекращена в связи с транспортными затруднениями, саботажем и диверсиями на рудниках. Значительная часть криворожских горняков отправлена в Рурский бассейн. Для восстановления угольной промышленности Донбасса создана специальная организация «Берг-Хютте Ост». По немецким газетным сообщениям, эта организация к ноябрю 1942 г. будто бы восстановила 40 угольных шахт и один рудник по добыче каменной соли. В сентябре 1941 г. было объявлено о создании концерном «Герман Геринг» филиала по восстановлению металлургической промышленности в оккупированных областях СССР. О практических результатах деятельности этого предприятия сведений не имеется.

Из числа крупных южных металлургических заводов частично восстановлен и эксплуатируется только комбинат «Азовсталь» в Мариуполе. Алюминиевые заводы в Запорожье было поручено восстановить фирме «Объединённые алюминиевые заводы». Частично эксплуатируются сланцевые рудники в Эстонии, но, даже по сообщениям немецкой печати, добыча значительно ниже довоенного уровня. Восстановлена часть эстонских заводов по добыче нефти из сланцев.

В 1942 г. было добыто 30 тыс. т сланцевой нефти; в 1943 г. предположено добычу удвоить, т.е. довести ее до довоенного уровня.

Предприятия пищевой промышленности

На уцелевших предприятиях пищевой промышленности перерабатываются сельскохозяйственные продукты, полученные в результате реквизиций и обязательных поставок. В связи с нерегулярным и недостаточным поступлением сырья предприятия работают с перебоями. В основном продукция используется для снабжения войск. В немецкой печати сообщалось о пуске 100 сахарных заводов на Украине*. Кроме того, предполагалось пустить все сахарные заводы в Прибалтике и Галиции. Есть сведения о следующих предприятиях пищевой промышленности, эксплуатируемых немцами:

Местонахождение предприятия	Название предприятия	Выпускаемая продукция	Примечание
	Прибалтика и Белоруссия («Остланд»)		
Каунас	Мясокомбинат	Колбасные и другие мясные изделия	Работает исключительно на армию
Либава	Сахарный завод		Работает в три смены, в числе рабочих используются военнопленные
Ново-Белица (южнее Гомеля)	Мясокомбинат		Работают немецкие рабочие
Ново-Белица	Маргариновый завод		
Ново-Белица	Комбинат «Спартак»	Хлеб	
Минск	Спиртовый завод		
Минск	Мясокомбинат		
Минск	Молочный завод		
Минск	Два хлебозавода		
Орша	Мясокомбинат	Колбаса	Работает с полной нагрузкой
Борисов	Мясокомбинат		
Витебск	Мясокомбинат		
Витебск	Крупяной завод		
Речица	Спичечная фабрика		
Гомель	Мясокомбинат		
Гомель	Крупяной завод		

* Сведения требуют проверки. (Прим. док.)

Украина			
Киев	Консервная фабрика	Мармелад, джем, повидло	Работает в три смены
Киев	Дрожжевой завод		За декабрь 1941 г. выпустил 7,7 т продукции
Киев	Табачная фабрика		
Киев	Пивоваренный завод		
Киев	Два хлебозавода		
Киев	Сахарный завод		
Киев	Мельница		
Киев	Холодильник		
Дарница (близ Киева)	Мясокомбинат		Эвакуирован в феврале 1943 г. во Львов
Полтава	Мясокомбинат	Переработка свинины, мяса, выработка масла из копыт, производство альбумина, роговых и костяных изделий, обработка кож	Часть помещений используется для ремонта танков и автомашин
Чернигов	Сахарный завод		
Район Полтавы	Шесть спиртоводочных заводов		
Кременчуг	Махорочная фабрика		
Каменец-Подольск	Фабрика по ферментации табака		Пуск был намечен на октябрь 1942 г.
Каменец-Подольск	Фабрика по переработке фруктов		
Меджибож Винницкой обл.	То же		
Ново-Ушица Винницкой обл.	То же		
Винковцы Винницкой обл.	То же		
Деражня Винницкой обл.	Спиртоводочный завод		Выпускается 3500 л продукции в день
Район Днепропетровска	Четыре фабрики по переработке фруктов		Частично оборудованы машинами, привезёнными из Германии
Бердичев	Пивоваренный завод		
Бердичев	Хлебозавод		
Бердичев	Мыловаренный завод		
Артёмовск	Спиртоводочный завод		

Артёмовск	Пивоваренный завод	
Запорожье	Два хлебозавода	
Запорожье	Два маслозавода	
Запорожье	Спиртоводочный завод	
Николаев	Хлебозавод	
Николаев	Макаронная фабрика	
Николаев	Мыловаренный завод	
Николаев	Два больших элеватора	
Херсон	Консервный завод	
Николаев	Мельница	

Оккупированные области РСФСР

Ашево Ленинградской обл.	Хлебозавод	Ежедневно прибывает за хлебом до 150 автомашин из воинских частей
Смоленск	Пивоваренный завод	Работает 200 рабочих
Смоленск	Хлебозавод	Работает 250 рабочих
Смоленск	Молокозавод	
Демидов Смоленской обл.	Пивоваренный завод	
Феодосия	Табачная фабрика «Коминтерн»	Пущена в сентябре 1942 г. Рассчитана на выпуск 600 тыс. папирос в день. Намечено расширение и оборудование немецкими машинами, после чего выработка должна увеличиться на 300–400 тыс. папирос в день
Клетня Орловской обл.	Две мельницы	
Карачев Орловской обл.	Маслобойный завод	
Карачев Орловской обл.	Завод фруктовых вод	
Трубчевск Орловской обл.	Паровая мельница	
Трубчевск Орловской обл.	Маслозавод	Перерабатывает 2600 л молока в день

Предприятия лёгкой промышленности

Восстановленные предприятия легкой промышленности обслуживают исключительно германскую армию. В текстильной промышленности Остланда, по сообщению немецкого журнала «Фир яресплан», в декабре 1942 г. работало 100 тыс. веретён и 1600 ткацких станков, в том числе в льняной промышленности 33 тыс. веретён и 730 ткацких станков, в шерстяной – 24 тыс. веретён и 485 станков. В Белостоке работают 28 мелких суконных фабрик.

На Украине, по сообщению того же журнала, были пущены четыре хлопкоочистительных завода и на двух велись восстановительные работы. В Корсуни возобновила работу суконная фабрика. Восстановлено довольно большое число заводов по первичной обработке льна в Белоруссии, Прибалтике и оккупированных районах Смоленской, Калининской и Ленинградской областей. «Латышский льноводческий союз» вёл летом 1942 г. постройку трёх новых льняных фабрик. В Пскове и Порхове работают овчинно-шубные предприятия, выделывающие тулупы, жилеты, одеяла и перчатки из захваченных немцами значительных запасов овчин. Швейная фабрика в Риге выпускает военное обмундирование. Фабрика им. Крупской в Минске производит парашюты. До 50 предприятий, в том числе войлочная фабрика в Минске, изготовляют валенки. В Гомеле и Бердичеве работают кожевенные заводы. В Киеве и Могилёве были пущены шорные фабрики. До января 1942 г. в Таганроге работала обувная фабрика, прекратившая работу из-за исчерпания запасов кожи.

В Белоруссии немцы намереваются организовать массовое производство деревянной обуви для местного населения. На фабрике музыкальных инструментов в Борисове изготовляются сани и телеги. В октябре 1942 г. была пущена бумажная фабрика в Добруше и велась подготовка к пуску других бумажных фабрик и предприятий по выработке искусственного волокна в Белоруссии.

Мобилизация местных топливных ресурсов. Восстановление электростанций

Отсутствие каменного угля и нефти, а также разрушение электростанций тормозят работу восстановленных предприятий. В связи с этим немецкие власти принимают различные меры по использованию местного топлива. В Эстонии с этой целью усиленно проводились заготовки дров. В качестве рабочей силы было в принудительном порядке привлечено городское население, а для вывозки дров были мобилизованы крестьянские лошади. Работы производились под строгим полицейским надзором. Немецкие власти старались также развернуть добычу

торфа. В Латвии в 1942 г. было добыто 640 тыс. т этого топлива, и все электростанции переключились на отопление торфом. На торфоразработках в Латвии использовались военнопленные. В развитии торфяной промышленности в Прибалтике предполагают участвовать датские фирмы. На Украине для руководства торфоразработками было учреждено Центральное торфяное бюро в Ровно. В ведении бюро находятся 89 разработок, в 1942 г. на них было занято около 10 тыс. рабочих и предполагалось добыть 500 тыс. т торфа.

Восстановление ДнепроГЭСа поручено фирме «Сименс». Предполагалось пустить станцию к началу 1942 г., но после начала зимнего наступления Красной армии в 1941 г. работы были прерваны и возобновлены лишь в марте 1942 г. В апреле 1942 г. два генератора дали ток. Из числа других крупных электростанций пущена БелГРЭС; ток подается в Витебск, Оршу и Могилев. Брянская ГЭС снабжает током Брянск и Карачаев.

Заработная плата и условия труда рабочих и служащих

Согласно официальной установке немецких властей, заработная плата и рыночные цены должны быть сохранены на уровне, существовавшем до оккупации. Исходя из этого, оплата квалифицированных рабочих в оккупированных районах РСФСР и на Украине установлена в размере 1 руб. 70 коп. в час, неквалифицированных рабочих – 1 руб. в час. В результате целого ряда удержаний фактическая зарплата квалифицированного рабочего, как правило, не превышает 300 руб., неквалифицированного – 150 руб. Продолжительность рабочего дня не регламентируется. Никаких доплат за сверхурочные часы, за работу в ночное время или в воскресные дни рабочие не получают. Женщины получают равную зарплату с мужчинами, если они дают такую же производительность.

В Остланде приказом рейхскомиссара в ноябре 1941 г. установлена следующая почасовая оплата: чернорабочие – 27 пфеннигов, полуквалифицированные рабочие – 32 пфеннига, квалифицированные – 38 пфеннигов, высококвалифицированные – 44 пфеннига, старшие рабочие-специалисты – 50 пфеннигов. Указанные ставки действительны для рабочих старше 21 года, рабочие в возрасте от 18 до 21 года получают 80%, от 16 до 18 лет – 60%, моложе 16 лет – 50% этих ставок.

Производительность труда рабочих не удовлетворяет немецкую администрацию. Характерно в этом отношении следующее заявление заместителя министра по делам оккупированных областей на Востоке Мейера, напечатанное в газете «Дейче цейтунг ин Остланд» от 31.5.42: «Нам прекрасно известно, что наши представители на местах принимают

много жестоких мер, исходя из военно-хозяйственных соображений. Эти меры, безусловно, непопулярны. Но в Остланде ощущается недостаток рабочей силы, и мы требуем повышения производительности».

На предприятиях установлен террористический режим. Так, например, в Иванинском районе Курской области за невыход на работу были расстреляны рабочие Звягинцев и Дорохов. Немцы повесили их трупы на столбы и прикрепили надписи: «Расстреляны за невыход на работу». Трупы было запрещено снимать в течение трёх дней. В Смоленске в апреле 1942 г. на пивоваренном заводе были подвергнуты порке 5 рабочих за то, что они самовольно выпили по кружке пива. В Богодуховском районе Харьковской области рабочих лесозавода за малейшую провинность заставляли по нескольку раз обносить вокруг здания конторы пятипудовую колоду.

Служащие предприятий и учреждений на Украине и в оккупированных областях РСФСР получают следующее жалование (в месяц): машинистки, чертёжники, завхозы и т.п. – 400 руб., бухгалтеры – 500 руб., служащие на ответственных должностях – 650 руб., служащие на руководящих должностях и специалисты – 900 руб., руководители предприятий – 1200–1500 руб. В Остланде служащие в отношении оплаты разделяются на одиннадцать групп: 1-я группа – 540–600 марок в месяц, 2-я группа – 410–470 марок в месяц (об остальных группах сведений нет).

Кустарная промышленность

Существовавшие при советской власти артели и союзы кустарей объявлены ликвидированными. Провозглашено восстановление частных кустарных предприятий. Однако не всем бывшим членам артелей предоставлена фактическая возможность открыть самостоятельное предприятие.

В Остланде машины и инструменты, сданные кустарями при их вступлении в артели, возвращаются прежним владельцам только в том случае, если эти лица могут доказать, что они в состоянии организовать «жизнеспособные» предприятия и имеют ремесленный паспорт. Последний выдается ремесленным отделом экономической палаты после проверки политической благонадежности кустаря и сдачи им технического экзамена.

На Украине кустари также проходят регистрацию и проверку, после чего причисляются к одной из трех категорий: мастеров, подмастерьев или квалифицированных рабочих. Только кустари, зачисленные в категорию мастеров, вправе иметь учеников и открывать самостоятельные предприятия. На 1.7.42 в Риге было открыто 214 частных кустарных

мастерских и предприятий. В Киеве в мае 1942 г. было зарегистрировано 3760 кустарей, из них к категории мастеров было отнесено лишь 52 человека. Кустари, не получившие права иметь самостоятельное предприятие, могут объединиться в артели или товарищества. Для организации артели (товарищества) требуется разрешение германских властей. Вступление евреев в артели запрещается.

Как в Остланде, так и на Украине созданы отраслевые объединения кустарных предприятий. В пределах каждого генерального округа Остланда отраслевые объединения возглавляются кустарно-промышленным центром, который подчиняется ремесленному отделу экономической палаты. Вне этой системы кустарное предприятие фактически существовать не может, так как распределение заказов, снабжение сырьем, предоставление кредита производится германскими органами через кустарно-промышленные центры и отраслевые объединения.

Перед кустарной промышленностью поставлена задача выполнять для воинских частей ремонт обуви и обмундирования, изготовлять различный военно-хозяйственный инвентарь и т.п. Помимо военных заказов, кустари должны снабжать местный рынок товарами широкого потребления, используя местное сырье и остатки военных материалов, иногда выделяемые германскими властями.

Этим путем немцы предполагали хотя бы отчасти удовлетворить спрос крестьян на предметы повседневного обихода, повысить покупательную способность денег и стимулировать добровольную продажу крестьянами сельскохозяйственных продуктов. Однако из-за отсутствия сырья, топлива, из-за недостатка квалифицированных кадров кустарная промышленность не оправдала надежд германских властей.

Те кустарные предприятия, которые не получают германских заказов, находятся в жалком состоянии или полностью бездействуют. Характерно, что в качестве образцового кустарного предприятия газета «Речь», издаваемая немцами в Орле, описывала 5.10.42 в восторженных тонах «небольшую конвертную мастерскую А.А. Кожиной» по случаю годовщины этого «предприятия», не найдя, очевидно, более внушительного примера восстановительной работы оккупантов.

В Германии и Голландии производилась вербовка ремесленников, под руководством которых предполагалось открыть в оккупированных районах СССР образцовые предприятия. С этой целью в мае 1942 г. из Голландии прибыли на Украину 40 переселенцев. Голландская экономическая делегация, приезжавшая в оккупированные области СССР в мае-июне 1942 г., обследовала «возможности переселения ремесленников из Голландии и перевода оттуда больших кустарных предприятий», но до сих пор нет сведений о каких-либо значительных мероприятиях в этой области.

IX. ТРУДОВАЯ ПОВИННОСТЬ. ВЫВОЗ РАБОЧЕЙ СИЛЫ В ГЕРМАНИЮ

Для выполнения трудоёмких физических работ по постройке и расчистке дорог, строительству мостов, укреплений, противотанковых сооружений и т.п. немецкие военные власти мобилизуют местное население обоих полов в возрасте от 14 до 60 лет, а иногда и старше. От работ не освобождаются даже многодетные матери, высококвалифицированные специалисты, больные и т.п. Продолжительность рабочего дня – до 14 часов. Работы происходят под надзором полицейских и солдат. Медленно или неаккуратно работающие подвергаются избиениям и зачастую расстреливаются.

Снабжение продуктами не обеспечивает даже полуголодного существования, в связи с чем в рабочих колоннах и лагерях имеет место большая смертность. Например, жители Одережского и Тосненского районов Ленинградской области работали на ремонте дорог, на торфоразработках и лесозаготовках с 6 часов утра до наступления темноты и получали только 200 г хлеба в день.

В тыловых районах введена всеобщая трудовая повинность. В порядке отбытия трудовой повинности гражданские власти широко привлекают население на сельскохозяйственные, дорожные, строительные работы, на торфоразработки, дровозаготовки и т.п.

Обычно уже в первые дни оккупации в каждом населенном пункте проводится тщательный учёт рабочей силы по профессиям, стажу, возрастам и т.д. В сельских местностях учёт проводят старосты и бургомистры, а в городах – биржи труда. При регистрации на бирже труда выдаётся трудовая книжка. Не имеющие трудовой книжки лишаются права на получение продовольственных карточек. Таким образом, регистрация на бирже труда является принудительной. Через биржи труда происходит привлечение рабочих и служащих в учреждения и предприятия, а также мобилизация в порядке всеобщей трудовой повинности, на сельскохозяйственные, дорожные, строительные работы, на торфоразработки, дровозаготовки и т.п. В качестве самого лёгкого наказания за уклонение от трудовой повинности одним из указов Розенберга предусматривается заключение в трудовой лагерь. Кроме того, биржи труда производят совместно с прибывающими из Германии вербовочными комиссиями отбор и отправку рабочих в Германию.

В Прибалтике первый набор рабочей силы для Германии производился в феврале–марте 1942 г. в форме добровольной записи. Вербовались мужчины 1920–1922 годов рождения, обладающие хорошим здоровьем и не имевшие судимости. Были объявлены следующие условия: продолжительность пребывания в Германии – 1 год, после чего гарантировались предоставление прежней работы на родине, бесплат-

ный проезд в оба конца, бесплатное питание в пути, выдача обмундирования, предоставление после 6 месяцев работы отпуска, во время которого разрешается поездка для свидания с родственниками. Фактически набор рабочих уже тогда сопровождался определённым давлением. Так, газета «Таймс» сообщала, что немцы увольняют с предприятий мужчин и заменяют их женщинами, а остающимся без работы мужчинам предлагают ехать в Германию.

Весной 1942 г. в Латгалии набор крестьян для работы в Германии проводился уже принудительным порядком. Полицейские по ночам объезжали деревни, забирали мужчин и женщин в возрасте от 16 до 35 лет и группами по 600 человек отправляли под конвоем в Германию.

1.12.42 в Остланде начался третий набор рабочей силы для Германии. Привлекалась мужская молодежь 1923–1925 годов рождения. 6.12.42 газета «Дейче цейтунг ин Остланд» писала: «Каждый обязан поступать на работу, указанную ему окружным комиссаром. Невыполнение такого указания влечёт за собой лишение свободы сроком до 5 лет и денежный штраф, а в отдельных наиболее злостных случаях – заключение в каторжную тюрьму». Газета «Вильнаер цейтунг» писала: «Областной крестьянский руководитель Рекснер, выступая в Свенцянах, возмущался тем, что многие родители умоляют его принять меры к освобождению их сыновей от работы на фабриках в Германии. Это совершенно невозможно, – заявил Рекснер, – каждый литовец должен работать там, где ему приказано». Газета поместила также распоряжение оккупационных властей о том, что «все литовцы, получившие приказ об отправке в Германию для отбытия трудовой повинности, должны беспрекословно подчинится этому приказу».

О способах набора рабочих, применявшихся на Украине и в оккупированных районах РСФСР, дают представление следующие примеры:

В Таганроге и его окрестностях была проведена регистрация мужского населения в возрасте от 16 до 60 лет под предлогом выдачи хлебных карточек. Фактически регистрация имела целью выявить квалифицированных рабочих, которые и были отправлены на работу в Германию. Остальные жители были увезены в Донбасс и на правобережье Днепра на строительство военных сооружений. В Киеве устраиваются облавы, и всех лиц, не зарегистрированных на бирже труда, немедленно отправляют на строительство сооружений или в Германию. В Гдовском и Сланцевском районах Ленинградской области германские комендатуры издали приказы, согласно которым каждый сельский староста должен назначить определённое число физически здоровых мужчин и женщин для отправки в Германию. Ответственность за явку людей на ж.-д. станцию возложена на сельских старост и волостных старшин. За уклонение от поездки в Германию виновные подвергаются аресту и отправляются в концентрационные лагеря. Из Красногвардейка, Пушкина, Слуцка

и других оккупированных городов Ленинградской области немцы вывезли до 60 тыс. человек, при этом некоторым было объявлено, что они переселяются на родину, так как они якобы являются потомками немцев, переселившихся в окрестности Петербурга при Екатерине II. Эшелоны с рабочими охраняются в пути вооружёнными полицейскими.

Рабские условия работы и жизни в Германии скрываются от населения оккупированных областей. Объявления немецких вербовочных комиссий всячески рекламируют работу в Германии. Добровольно записавшимся обещают заботиться об остающихся семьях, предоставить возможность переписки с семьёй, обеспечить питание по существующим в Германии нормам, отдельную комнату, медицинское и культурное обслуживание.

Газета «Речь», издаваемая немцами в г. Орле, поместила 9.9.42 объявление о том, что семьям рабочих, уехавших в Германию, будет выдаваться пенсия и талоны на получение три раза в месяц молока. Другие газеты, издаваемые немцами в оккупированных областях, публикуют письма, якобы написанные находящимися в Германии рабочими, которые призывают своих земляков следовать их примеру и ехать в Германию. Однако до населения доходят известия о непосильном труде, голоде и издевательствах, которым подвергаются советские люди в Германии. В частности, об этом рассказывают отдельные люди, которым удалось бежать из Германии на родину.

Весной 1942 г. немецкие газеты писали, что недостаток рабочей силы ставит под угрозу срыва весенний сев и уборку урожая в Германии. В марте 1942 г. в Берлине было принято решение «срочно и в увеличенных масштабах использовать в сельском хозяйстве советских военнопленных и рабочих из оккупированных восточных областей. Из этих областей должно поступать всё больше и больше рабочей силы». (Сообщение германского информационного бюро от 23.4.43).

Газета «Франкфуртер цейтунг» от 16.4.42 писала, что удельный вес советских рабочих предполагается довести до половины общего количества иностранных рабочих в Германии, а по данным английского министерства экономической войны, немцы намерены вывезти из СССР 2 млн рабочих. Чтобы стимулировать массовую отправку рабочих в Германию, на Украину в 1942 г. дважды приезжал германский генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы Заукель[33]. Как сообщало 31.5.42 германское информбюро, «Заукель подчеркнул необходимость мобилизации всей без остатка рабочей силы. Для достижения этой цели должно быть сделано всё возможное».

Заукель издал приказ о строгом централизованном учёте рабочей силы. Он установил также следующую очерёдность удовлетворения заявок на рабочую силу, исходя из степени важности различных отраслей работы: 1. Германская промышленность и сельское хозяй-

ство. 2. Военно-строительные работы на оккупированной территории. 3. Работы по обслуживанию армии. 4. Различные работы, организуемые германскими гражданскими властями на оккупированной территории. 5. Сельскохозяйственные работы в оккупированных областях.

Для контроля за использованием рабочей силы и для организации отправки рабочих в Германию при рейхскомиссарах и при германских комиссарах всех низших степеней, вплоть до районных, созданы отделы по использованию рабочей силы.

Непосредственно на местах набор производят вербовочные комиссии при содействии бирж труда, административных и полицейских органов. Каждая вербовочная комиссия укомплектована из представителей определённой германской провинции, для которой данная комиссия и производит набор рабочей силы. Из Эстонии и Литвы рабочие вывозились преимущественно на сельскохозяйственные работы в Восточную Пруссию. В районе Умани действовала вербовочная комиссия из Баварии.

Имеются следующие неполные данные о числе рабочих, отправленных этой комиссией:

Дата отправления эшелона	Пункт отправления эшелона	Пункт назначения эшелона	Количество рабочих индустриальных		Количество рабочих-сельскохозяйственных		Всего
			мужчин	женщин	мужчин	женщин	
19.6.42	Городище	Моосбург	19	4	474	548	1045
22.6.42	Умань	Моосбург	40	12	527	574	1153
23.6.42	Городище	Моосбург	13	19	420	624	1076
26.6.42	Умань	Моосбург	35	21	323	466	845
27.6.42	Звенигородка	Моосбург	61	3	734	515	1313
30.6.42	Шпола	Моосбург	44	12	572	739	1367
4.7.42	Христиановка	Моосбург	38	14	751	880	1683
ИТОГО			250	85	3801	4346	8482
В %			2,6	1,0	46,0	50,4	
			3,6		96,4		100

Как показывает таблица, из района Умани преимущественно вывозились сельскохозяйственные рабочие. Есть также сведения о вывозе с Украины определённых категорий индустриальных рабочих. Из Кривого Рога, например, горняков отправляли в Рурский бассейн. Из Киева отправляли шофёров. Тысячи украинских девушек используются в Германии в качестве домашних работниц. В январе 1943 г. рейхскомиссар Украины Кох поместил в газете «Дейче Украине цейтунг»

статью, в которой писал, что с Украины в Германию было отправлено 710 тыс. рабочих. 14.1.43 газета «Минскер цейтунг» поместила сообщение Германского управления по использованию рабочей силы о том, что за весь 1942 г. из оккупированных областей было отправлено в Германию около 2 млн рабочих и что в дальнейшем будут отправлены еще сотни тысяч человек.

В течение зимы 1942/1943 гг., особенно после объявления в Германии «тотальной мобилизации», в оккупированных областях проводился переучёт всего трудоспособного населения и массовая принудительная отправка рабочей силы в Германию. От отправки освобождаются лица, мобилизованные или вступившие добровольно в антисоветские воинские части, в полицию или в «рабочие батальоны», которые используются на строительстве укреплений и других военных объектов в оккупированных областях. В г. Слуцке (Белоруссия) были вывешены, например, объявления следующего содержания: «Все жители, как мужчины, так и женщины, рождения 1900–1927 гг., должны явиться 2 марта в 10 часов утра в уездную управу для медицинского освидетельствования и направления на работу в Германию. Необходимо взять с собой в дорогу летнюю и зимнюю одежду, хорошую обувь, кухонную посуду, прибор для еды и маршевое питание на 3–4 дня. Кто не явится, будет заподозрен в бандитизме и с ним поступят соответствующим образом».

Несмотря на угрозы, многие жители переходят на нелегальное положение, скрываются в лесах и т.п. Для поимки скрывающихся немцы проводят облавы на улицах и базарах, обыски по домам, прочёсывание лесов. Стремясь запугать население, оккупанты расстреливают и вешают людей, уклоняющихся от отправки в Германию. Так, например, в Брянске, где для отправки в Германию мобилизованы жители в возрасте от 15 до 50 лет, за уклонение от отправки расстреляны сотни людей.

Из г. Себеж немцы персонально увезли в Германию всех женщин, а мужчин отправили в концлагеря, где и предложили выбор: вступить в полицию или ехать в Германию; отказавшихся от обоих предложений – расстреляли. Из некоторых волостей оккупационные власти отправляют в Германию поголовно всё население, не считаясь с возрастом, состоянием здоровья, семейными обстоятельствами.

В Прибалтике изданы приказы об отбытии населением трудовой повинности в отрядах «трудового фронта», организуемых по типу аналогичных отрядов, существующих в Германии (*Retchsarbeitsdienst*). В первую очередь в отряды «трудового фронта» привлекаются мужчины в возрасте 25–45 лет. Освобождаются только лица, вступающие добровольцами в антисоветские легионы и полицию. Отряды будут работать как в Германии, так и на оккупированной территории, причём в последнем случае – преимущественно на постройке укреплений. К марту 1943 г. в Прибалтике на строительство оборонительных сооружений было

привлечено 300 тыс. человек. В период наступления Красной армии зимой 1942/1943 гг. немцы форсировали также отправку в Германию военнопленных из лагерей, находящихся в Белоруссии и на Украине. В лагере Боровуха близ Полоцка медицинская комиссия отбирала для отправки в Германию только здоровых мужчин. Больные и слабосильные были расстреляны.

X. ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЕ СНАБЖЕНИЕ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

В обязанности хозяйственных инспекций входит организация оптовых баз и розничных магазинов для снабжения населения продовольствием и предметами первой необходимости. Базам предполагалось выделять часть реквизированных товаров и продовольствия. Кроме того, заведующие базами уполномочены самостоятельно производить закупки, для чего им открывается кредит в германских кредитных кассах. Предвидя, что фактически торговать будет нечем и, стремясь всё же создать видимость обслуживания населения, хозяйственная инспекция Центральной группы армий в приказе от 20.10.41 дала следующую установку: «Не следует открывать магазины для отдельных видов товаров. Такие магазины в связи со слабой возможностью пополнения, очень быстро опустошались бы, в то время как универсальные магазины всё же имеют возможность всегда предлагать какой-либо товар». В пунктах, где имеются магазины, предполагалось базарную торговлю запретить.

Фактически вся эта система оказалась нежизненной. Открытые немцами магазины пустуют, а в большинстве районов их вообще нет. Многие городские жители бродят по деревням, пытаясь получить продовольствие в обмен на одежду, имущество, остатки промтоваров и т.п. Однако это уже перестало давать результаты, так как ограбленные немцами крестьяне сами голодают, а горожане израсходовали личное имущество, в обмен на которое они первоначально могли ещё кое-что получить. На деньги же крестьяне ничего не продают, так как за деньги нельзя приобрести никаких товаров, К тому же немцы под угрозой самых строгих наказаний запрещают крестьянам обменивать или продавать продукты, ибо все продовольственные излишки должны быть сданы немецким органам. Кроме того, немецкие патрули арестовывают горожан, не имеющих пропусков на хождение между населёнными пунктами. Арестованных немцы зачастую расстреливают, считая их за партизан, ведущих разведку.

В этой обстановке расцветает подпольная торговля продовольствием по чрезвычайно высоким спекулятивным ценам, что в свою очередь обесценивает зарплату, получаемую рабочими и служащими. Начальник хозяйственной инспекции Центральной группы армий

генерал-лейтенант Вейгант в докладной записке от 10.10.42 писал: «Здесь господствует инфляция, и нельзя больше скрыть того факта, что деньги теряют свою ценность. Экономическому и политическому успеху в восточных областях препятствует обесценивание денег, вследствие недостатка товаров широкого потребления. Денежный и товарный кризис таит в себе весьма очевидную опасность и может поколебать спокойствие и безопасность занятых областей, что недопустимо в тылу сражающихся войск». Для снабжения крестьян Вейгант предлагает отправлять в оккупированные области третьесортную и бракованную продукцию европейской промышленности, поскольку нет возможности посылать товары нормального качества. Кроме того, он считает необходимым всемерно развивать на месте кустарное производство.

В некоторых оккупированных областях немцы ввели карточную систему снабжения продовольствием. В различных областях установлены различные нормы, но даже самые высокие из них не обеспечивают существования. К тому же и по установленным голодным нормам продовольствие выдается не полностью и не всем жителям. Лишаются права на получение продуктовых карточек лица, не зарегистрированные на бирже труда, семьи коммунистов, семьи военнослужащих Красной армии, евреи и другие элементы, неугодные оккупантам. Во многих местностях продукты выдаются только фактически работающим в предприятиях или учреждениях, а иждивенцы совершенно ничего не получают.

С формальной стороны карточная система наиболее регулярно действует в Остланде. Здесь в определённые сроки выдаются карточки и объявляются нормы выдачи продовольствия. Следующая таблица показывает недельную норму выдачи продуктов в Латвии для взрослого потребителя (в граммах):

1942 г.	Хлеб	Мука	Мясо и мясопродукты	Масло	Яйца	Сыр	Творог
Март	750	480	350	200	–	–	–
Май	550	380	250	180	2 шт.	75	75

Таблица отражает снижение норм, проведённое в апреле 1942 г. одновременно со снижением норм в Германии. Заместитель Розенберга Мейер 31.5.42 писал по этому поводу в газете «Дейче цейтунг ин Остланд»: «При снижении продовольственных норм мы руководствовались необходимостью снабжения германской армии и финского народа». Кроме приведённых в таблице продуктов, в Прибалтике нормируются соль, сахар, мыло. Спирт выдается только «за особые заслуги»

перед немцами. Летом 1942 г. в Риге все магазины были абсолютно пусты, на витринах были выставлены только фашистские флажки и портреты Гитлера. Продовольственное положение на Украине характеризуется шведской газетой «Стокгольмс Тиднинген» 8.1.42 следующим образом: «В оккупированных немцами районах Украины нет продовольственных карточек, так как по ним нечего было бы давать. Население должно добывать себе продовольствие, где оно знает и как умеет. Бледные истощённые дети на улицах Харькова свидетельствуют о положении голодающего населения. Городские жители массами уходят в деревню в поисках продовольствия. Спекуляция процветает».

В первые дни оккупации в Киеве было объявлено, что работающим в немецких учреждениях будет выдаваться по 500 г хлеба, а не работающим – по 200 г. Фактически хлеб выдавался не ежедневно, иногда только один раз в неделю. Характерно следующее объявление, напечатанное в киевской газете в апреле 1942 г.: «По случаю дня рождения фюрера Адольфа Гитлера лояльное гражданское население получит единовременно 300 г муки». В марте 1943 г. в Киеве выдавался по карточкам только просяной хлеб; на рынке пуд муки стоил 15 тыс. карбованцев, кило печёного хлеба – 400 руб., кило сала – 6 тыс. карбованцев, стакан соли – 300 карбованцев. В Николаеве рабочим и служащим выдается по 250 г хлеба в день, иждивенцам и инвалидам – по 150 г. В Донбассе шахтеры получают по 200–300 г хлеба в день, их иждивенцы – по 100 г. Хлеб плохого качества, с примесью различных суррогатов.

В оккупированных районах Ленинградской области рабочим и служащим выдается по 200 г хлеба в день и изредка продается соль по 100 руб. за 1 кг. В Смоленске жителям, работающим в учреждениях и предприятиях, выдают по 200 г хлеба, никаких других продуктов ни в магазинах, ни на рынке купить нельзя. Зимой 1942/1943 гг. в некоторых городах прифронтовой полосы выдача хлеба была совершенно прекращена. Пока у некоторых жителей оставались коровы и куры, можно было иногда выменивать у немецких солдат хлеб на молоко и яйца. Ко втором году оккупации ни скота, ни домашней птицы ни у кого не осталось. Пытаясь спастись от голода, часть жителей разводит кроликов, занимается огородничеством. Многие питаются отбросами, подбираемыми около немецких кухонь, древесной корой, листьями. Смерть от голода стала заурядным явлением. В то же время для немецких офицеров, чиновников, управляющих и т.п. открыты специальные магазины и рестораны.

XI. ДЕНЕЖНАЯ СИСТЕМА. БАНКИ

В первые недели войны немецкие воинские части, реквизируя у крестьян сельскохозяйственные продукты, в отдельных случаях расплачивались занумерованными расписками с гербовой печатью,

имевшими надпись «Германские вооружённые силы». Бланки расписок были изготовлены типографским способом, на простой бумаге и могли быть заполнены и подписаны любым офицером. В расписках было указано, что реквизированные продукты будут оплачены главным командованием. Фактически никакой оплаты не производилось.

Позднее на всей оккупированной территории платёжным средством были объявлены билеты германских кредитных касс *(Raichs kreditkasseuschein)* – оккупационные марки. По внешности они имеют вид денежных знаков, но по существу являются денежным суррогатом, не имеющим никакого реального обеспечения. В обращении оставалась также советские деньги. При расчётах одна марка приравнивалась к десяти рублям.

До середины 1942 г. расчёты между германскими органами и местными предприятиями и учреждениями производились через германские кредитные кассы, которые открывались в городах и имели филиалы в сельских местностях. С 1 июня 1942 г. в Ровно начал действовать Центральный эмиссионный банк Украины, а кредитные кассы были преобразованы в его отделения. Банк имеет филиалы в Брест-Литовске, Кировограде, Житомире, Киеве, Николаеве, Днепропетровске, Луцке, Виннице. Центральный эмиссионный банк выпустил новые деньги – «карбованцы», в купюрах по 5, 10, 20, 50, 100 и 500 карбованцев. Они напечатаны на немецком и украинском языках и имеют изображения рабочего, крестьянки и матроса.

Покрытием новой «валюты» была объявлена рента в пользу банка со всего украинского земельного фонда. Один карбованец приравнивается при расчётах к одному советскому рублю, десять карбованцев приравниваются к германской марке. Населению было предписано до 25.7.42 обменять советские деньги в купюрах по 5 руб. и выше на карбованцы. При обмене советских денег в купюрах по 20 руб. и выше карбованцы на руки не выдавались, а соответствующая сумма зачислялась на беспроцентный «счёт сбережений». Фактически эти деньги были конфискованы, так как со «счёта сбережений» никому никаких сумм не выплачивается.

После 25.7.42 на Украине остались в обращении карбованцы, советские денежные знаки достоинством в 1 и 3 руб., советская разменная монета, оккупационные марки и германская цинковая монета в 1, 5 и 10 пфеннигов. Карбованцы имеют хождение только на Украине, в других оккупированных областях и в Германии они в уплату не принимаются. Помимо выпуска денежных знаков и регулирования денежного обращения, Центральному эмиссионному банку Украины поручено производить учёт векселей, открытие кредитов, выдачу краткосрочных ссуд, денежные переводы, операции по текущим счетам, расчёты между организациями, находящимися на Украине, и организациями, находящими-

ся в Германии. Кроме того, банку предоставлено исключительное право осуществлять операции с иностранной валютой. Директором банка назначен д-р Эйнзидель, участвовавший в организации эмиссионных банков в Словакии и Сербии.

Для кредитования и банковского обслуживания торговых и промышленных организаций и отдельных немецких предпринимателей на Украине открыто 17 отраслевых хозяйственных банков. К июню 1942 г. сумма вкладов в хозяйственные банки, по сообщению газеты «Кракауэр цейтунг» от 2.6.42, составляла 500 млн руб., а общая сумма кредита не превышала 10–15 млн руб.

Хозяйственные банки объединены в Союз хозяйственных банков, возглавляемый Центральным хозяйственным банком, который находится в Ровно и имеет филиалы в Киеве и Днепропетровске. Центральному хозяйственному банку выделено рейхскомиссаром Украины 200 млн карбованцев в качестве основного капитала и 50 млн карбованцев в качестве запасного капитала. Центральный хозяйственный банк и Союз хозяйственных банков возглавляет д-р Вэге. Администрация хозяйственных банков состоит из немцев. За деятельностью местных отделений наблюдают немецкие районные комиссары. В июле 1942 г. насчитывалось более 200 отделений хозяйственных банков. Внутри этой сети осуществлялась система безналичных расчётов. В Остланде имеют хождение оккупационные марки, германская цинковая монета и советские деньги. Однако последние постепенно из обращения изымаются.

Следующая таблица, составленная на основании данных газеты «Франкфуртер цейтунг», показывает состав платёжных средств, находившихся в обращении в августе 1942 г.

Генеральные округа	Общая сумма денег, находящихся в обращении	В том числе обменено на оккупационные марки	%
	(в млн руб.)		
Эстония	235	154	65,5
Латвия	367	280	76,3
Литва	300	212	70,6
Итого по 3 округам «Остланд»	902	646	71,4

В ноябре 1942 г. в Риге открыт эмиссионный банк Остланда, имеющий такие же права и задачи, как и эмиссионный банк Украины.

Новому банку поручено выпустить местную валюту – остландмарк. В конце 1942 г. велась практическая подготовка к выпуску новых денег. Одну остландмарку предполагалось приравнять при расчётах к одной германской марке.

Ранее эмиссионного банка в Риге был открыт «Гемейншафтсбанк Остланд», также находящийся под контролем рейхскомиссара. Этот банк кредитует учреждения, промышленные предприятия и сельское хозяйство. Кроме того, банк хранит денежные вклады и выполняет функции расчётной кассы.

Все банки, существовавшие на территории Остланда до оккупации, слиты с Гемейншафтсбанком. Директором банка является Рихард Венор, который был одним из руководителей финансового дела в Прибалтике при оккупации этой территории Германией во время Первой мировой войны. Филиалы банка открыты во всех четырёх генеральных округах Остланда. В Риге открыты такие отделения немецких банков: Дрезденского, Коммерческого, Трудового и «Ганзабанка». Последний имеет филиал в Таллине. Капитал «Ганзабанка» составляет 500 тыс. марок.

В Остланде открыты также сберегательные кассы для частных вкладчиков. Кассы входят в объединение, директором которого является Ганс Прель. Вкладчикам прежних сберкасс возвращены вклады размером до 100 марок. Разрешение вопроса о возвращении более крупных вкладов отложено на неопределённое время.

ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 1. Д. 653. Л. 1–81. Подлинник. Ротапринт.

Приложение 1

ПРОМЫШЛЕННЫЕ, ТОРГОВЫЕ И КОЛОНИЗАЦИОННЫЕ ОБЩЕСТВА ПО ЭКСПЛУАТАЦИИ ОККУПИРОВАННЫХ ОБЛАСТЕЙ СССР

Местонахождение общества	Название	Капитал	Задачи
Берлин	Восточный филиал концерна «Герман Геринг»		Эксплуатация тяжёлой промышленности
Германия	Общество «Берг Хютте Ост»		Эксплуатация угольной промышленности
Германия	Восточное горнопромышленное общество		
Берлин	Контора донецкой и украинской каменноугольной промышленности	50 тыс. марок	Руководство эксплуатацией угольных шахт, регулирование сбыта и продажи угля
Берлин	Акционерное общество «Континенталь Оль»		Эксплуатация нефтяных месторождений
Германия	Общество «Ост Оль»		То же
Львов	«Карпатен Оль»	30 млн злотых	Эксплуатация нефтяных месторождений в западных областях Украины и Генерал-губернаторстве
Германия	Акционерное общество «Балтише Оль»		Переработка нефтепродуктов
Берлин	«Энергибау Ост»	10 млн марок	Планирование и регулирование восстановительных и строительных работ в области энергоснабжения. Поставка материалов, аппаратуры и машин для этих работ
Рига	«Энергиферзоргунг Остланд»		Эксплуатация электростанций и энергоснабжение в Остланде
Украина	«Энергиферзоргунг Украине»		Эксплуатация электростанций и энергоснабжение

Днепропетровск	Общество электроснабжения Нижне-Днепровского района		
Германия	Восточное общество содовой промышленности		
Германия	Восточное общество хими ческой промышленности		
Германия	Восточное общество суперфос-фатной промышленности		
Германия	Восточное общество азотной промышленности		
Германия	Восточное общество мылова-ренной промышленности		
Берлин	Восточное общество по переработке каучука		
Рига	Общество по переработке каучука	20 тыс. марок	Регулирование перера-ботки, скупки и продажи изделий из каучука и старой резины
Берлин	Восточное общество по каучуконосам		
Бремен	Хлопчатобумажное производство	5 млн марок	
Белосток	Общество Белостокских текстильных предприятий	100 тыс. марок	
Украина	Украинское общество сельскохозяйственного машиностроения		Объединяет 28 пред-приятий по ремонту сельскохозяйственных машин и производству сельскохозяйственного инвентаря
Кёнигсберг	Общество по цементу	480 тыс. марок	Производство и сбыт цемента и извести
Вена	«Остра»	200 тыс. марок	Строительные работы всех видов, эксплуа-тация каменоломен, известковых карьеров и т.п.
Бойтен	Строительно-промышленное общество «Остланд»	60 тыс. марок	Строительные работы всех видов, эксплуа-тация лесопильных, деревообрабатываю-щих, кирпичных и т.п. заводов

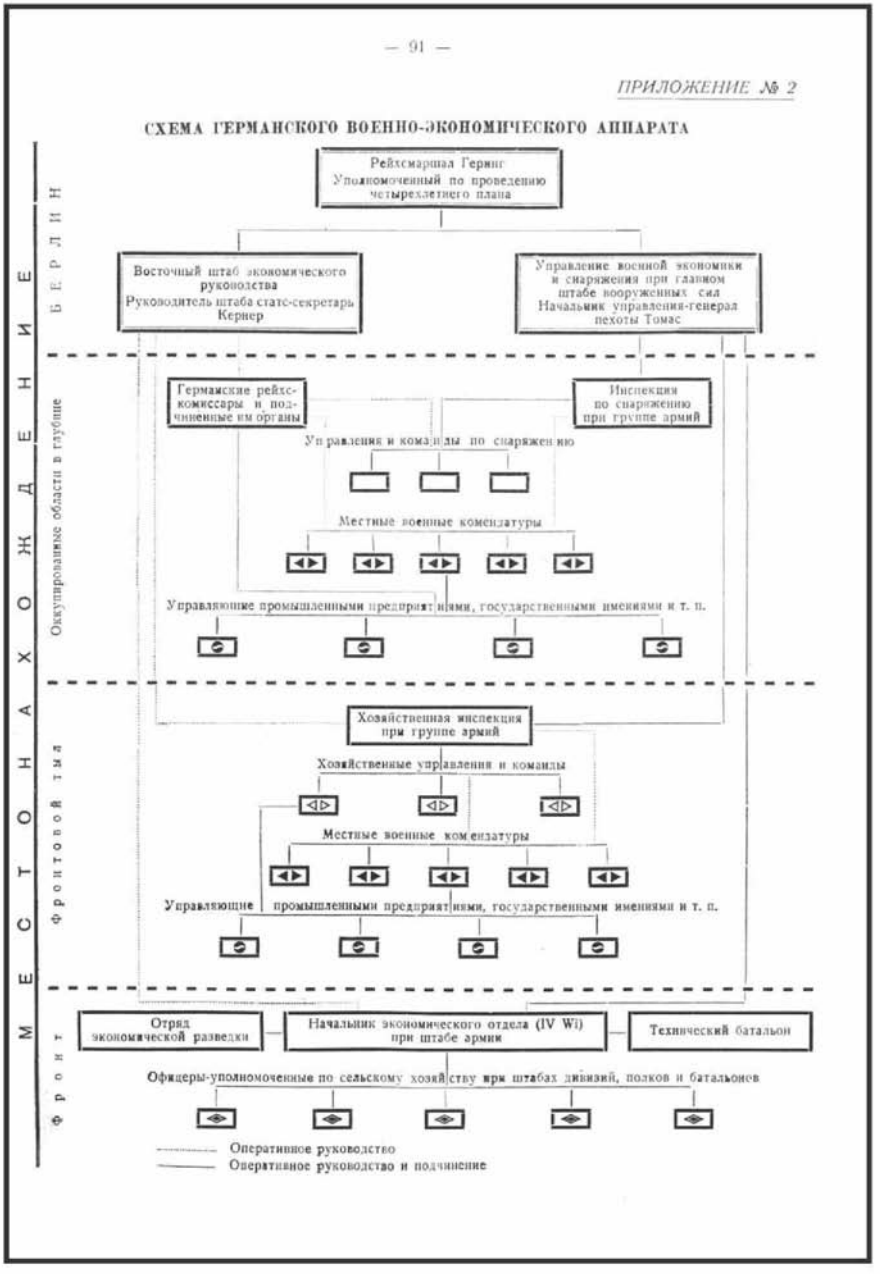
Вена	«Бауиндустри Ост»	200 тыс. марок	Строительные работы, эксплуатация каменоломен и предприятий по выработке битумных продуктов и смол
Берлин	Общество по железобетонному и подземному строительству на Востоке	200 тыс марок	
Кёльн	Общество по торговле строительными материалами на Востоке	150 тыс. марок	
Рига	«Рижские объединённые цементные заводы»	100 тыс. марок	Эксплуатация рижских цементных заводов и предприятий по производству строительных материалов
Рига	Общество бетонного строительства	100 тыс. марок	Железобетонные строительные работы
Рига	Филиал данцигской фирмы «Р. Хельман»		Строительные работы
Каунас	Фирма «Кнофель»		Торговля строительными материалами и инструментом
Германия	Германское лесопромышленное общество		
Рига	Общество буксирного морского транспорта	20 тыс. марок	Буксирные и судоремонтные работы в Рижском порту
Украина	Украинское сельскохозяйственное общество	3 млн марок	Управление государственными имениями на Украине
Рига	Германское сельскохозяйственное общество «Остланд»		Управление государственными имениями, рыбными угодьями и пушными фирмами в Остланде
Берлин	Центральное торговое общество «Восток»		Регулирование заготовки и скупки сельскохозяйственных продуктиов и снабжение промтоварами деревенского рынка на всей оккупированной территории

Кёнигсберг	Украинское общество по овощам и картофелю	100 тыс. марок	Заготовка по обязательным поставкам и скупка овощей, плодов, картофеля, мёда и воска
Кёнигсберг	Украинское общество по птице и яйцу	100 тыс. марок	Такие же операции по птице и яйцу
Кёнигсберг	Украинское хлебное общество	100 тыс. марок	Такие же операции по зерновым, масличным, бобовым культурам и фуражу
Кёнигсберг	Украинское общество по скотопродуктам	100 тыс. марок	Такие операции по скоту, шкурам, волосу
Кёнигсберг	Украинское общество по молочным и жировым продуктам	100 тыс. марок	Переработка молока и животных жиров
Кёнигсберг	Украинское общество по переработке хлебопродуктов	100 тыс. марок	Переработка хлебопродуктов и бобовых культур, хлебопечение, производство суррогатного кофе и комбинированных кормов для скота
Кёнигсберг	Украинское общество по сахару	100 тыс. марок	Производство сахара и кондитерских изделий
Кёнигсберг	Украинское общество	100 тыс. марок	Переработка картофеля, плодов и овощей (за исключением производства напитков)
Кёнигсберг	Украинское общество по производству напитков	100 тыс. марок	Эксплуатация пивоваренных, ликёро-водочных, дрожжевых и солодовых заводов, а также предприятий по производству фруктовых вод, виноградных вин, уксусов, крахмала, патоки и т.п.
Кёнигсберг	Украинское общество по переработке мясопродуктов	100 тыс. марок	Убой животных и переработка мяса
Кёнигсберг	Украинское общество по растительному волокну	100 тыс. марок	Заготовки по обязательным поставкам и распределение льноконопли, хлопка и другого растительного волокна

Ровно	Украинское общество по табаководству	1 млн карбованцев	
Ровно	Украинское общество по табачной промышленности		
Ровно	Украинское общество табачной торговли		
Бремен	Общество табачной торговли	180 тыс. марок	
Ровно	«Ферзоргунгсверк Украине»	1 млн карбованцев	Снабжение немцев, проживающих на Украине, оптовая торговля, экспортно-импортные операции
Днепропетровск	Торговая компания «Братья Лоцбек»	100 тыс. карбованцев	
Днепропетровск	Химико-фармацевтическая фирма «В. Вистерфильд»	100 тыс. карбованцев	
Бремен	Фирма «И. Ланге и К°»	20 тыс. марок	Торговля с Украиной
Германия	Общество содействия германским торговым фирмам на Украине		
Германия	Общество по заготовке промышленного сырья в Остланде		
Германия	Общество по скупке шкур и мехов в Остланде		
Германия	Общество по растительному волокну в Остланде		
Литва	Общество «Маистас»		Заготовка и переработка мяса
Латвия	«Беркона экспорт»		Заготовка и переработка мяса
Эстония	«Лига-экспорт»		Заготовка и переработка мяса
Остланд	«Табак индустри Остланд»		Скупка и переработка табака в Остланде
Остланд	Прибалтийское кинообщество	50 тыс. марок	Прокат кинофильмов
Таллин	Экспортно-импортная компания «Шиллинг»		

Остланд	Торговая контора «Маннесман»	100 тыс. марок	Сбыт в Остланде изделий фирмы «Маннесман»
Остланд	Закупочно-сбытовая контора немецких торговых фирм в Остланде	20 тыс. марок	
Остланд	Общество содействия германским торговым фирмам в Остланде	20 тыс. марок	
Германия	Общество по эксплуатации германского имущества в Прибалтике	500 тыс. марок	Имеется в виду имущество и предприятия, принадлежавшие немцам, переселённым до войны из Прибалтики в Германию
Голландия	Нидерландская Восточная компания	2,55 млн гульденов	Промышленная, торговая и сельскохозяйственная деятельность и организация переселения голландцев в оккупированные области СССР
Венгрия	Общество «Траскарпатия»	100 тыс. марок	Вывоз сырья из оккупированных областей и ввоз туда промтоваров
Брюссель	«Бельгийско-европейский синдикат сельского хозяйства, промышленности и торговли»	500 тыс. франков	Промышленная, торговая и сельскохозяйственная деятельность в оккупированных совестких областях и переселение туда бельгийских крестьян
Берлин	Импортное общество	100 тыс. марок	Ввоз в оккупированные области СССР товаров из Германии, Западной Европы и из Балканских стран

ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 1. Д. 653. Л. 82–90. Подлинник. Ротапринт.

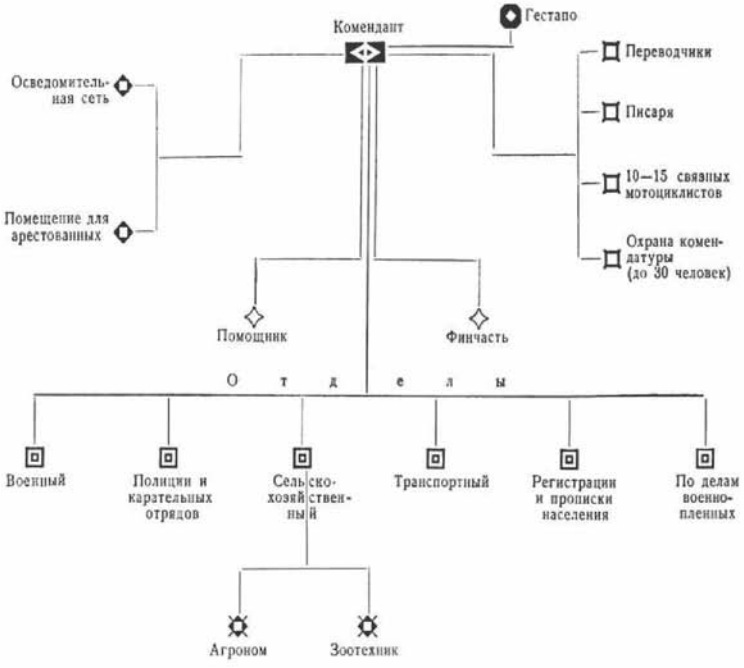


ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 1. Д. 653. Л. 91. Подлинник.

— 93 —

ПРИЛОЖЕНИЕ № 3

ОРГАНИЗАЦИЯ МЕСТНОЙ ГЕРМАНСКОЙ ВОЕННОЙ КОМЕНДАТУРЫ



ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 1. Д. 653. Л. 93. Подлинник.

Приложение 4

БЛИЖАЙШИЕ ПОМОЩНИКИ РЕЙХСМИНИСТРА АЛЬФРЕДА РОЗЕНБЕРГА

Статья, опубликованная в газете «Брюсселер цейтунг» от 18.11.42 (перевод с немецкого)

Д-р Альфред Мейер родился 5 октября 1891 г. в Геттингене в семье государственного советника Людвига Мейера, архитектора по специальности.

Закончив среднее образование в 1911 г. в Сесте и проучившись затем один семестр на юридическом факультете Лозаннского университета, Мейер поступил в 1912 г. в 68-й пехотный полк в Кобленце в качестве курсанта (фаненюнкера). В 1913 г. он сдал офицерский экзамен в военной школе в Меце и снова возвратился в своей полк.

В августе 1914 г. Мейер был отправлен на фронт с одной из вновь сформированных частей. В качестве адъютанта батальона, затем командира роты и исполняющего обязанности командира батальона он принимал участие в боях в Пристервальде, на Сомме и в Шампани. В 1914 г. Мейер был награжден Железным крестом 2-й степени, в декабре 1915 г. – Железным крестом 1-й степени.

В апреле 1917 г., будучи ранен в битве на р. Эн, Мейер попал в плен к французам. В Германию он возвратился только в 1920 г. с последним эшелоном военнопленных, прибывшим через Швейцарию. После этого он вышел в отставку в чине капитана.

В мае 1920 г. Мейер вступает на новое поприще в качестве служащего нефтяного акционерного общества «Граф Бисмарк» в Гельзенкирхене. После завершения коммерческой подготовки в различных отделах этой фирмы он продолжал образование в университетах в Бонне и Вюрцбурге. В декабре 1922 г. после сдачи государственных экзаменов по политической экономии, финансовым наукам, государствоведению и международному праву ему была присуждена докторская степень. В последующие годы д-р Мейер работал в юридическом отделе фирмы «Граф Бисмарк».

В начале 1928 г. д-р Мейер вступил в члены немецкой национал-социалистской рабочей партии. Номер его членского билета 28 738. Вскоре он назначается ортсгруппенлейтером в Гельзенкирхене и позднее – бецирклейтором района Эмшер-Липпе. 3 январе 1931 г. фюрер назначил Мейера гаулейтером округа Северная Вестфалия.

После прихода к власти национал-социалистов д-р Мейер занял пост председателя во вновь избранном ландтаге и одновременно стал представителем Вестфалии в рейхстаге. В мае 1933 г. президент Гинденбург по предложению фюрера назначил д-ра Мейера имперским наместником в провинциях Липпе и Шаумбург-Липпе. В 1938 г. он был назначен обер-президентом Вестфалии. В начале войны гаулейтер д-р Мейер был руководителем гражданской администрации в оккупированных районах при одной из армий, действовавших на Западе. Затем ему были поручены обязанности имперского комиссара обороны IV-го военного округа. Так как этот округ охватывает значительную часть западно-германского промышленного района, гаулейтору д-ру Мейеру приходилось решать многочисленные военно-экономические проблемы, которые выдвигались военной обстановкой. Первое место среди этих проблем занимали вопросы горной промышленности, Приходилось разрешать самые разнообразные задачи, в частности, связанные с непрерывными ночными воздушными налётами.

Генрих Лозе родился 2 сентября 1896 г. в Мюленбарбске в Гольштейне в крестьянской семье. После окончания народной школы он в течение года посещал в Гамбурге торговую школу и затем в 1914-1915 гг. был коммерческим служащим. В сентябре 1915 г. Лозе был призван в 76-й резервный пехотный полк. В ноябре 1915 г. вследствие ранения он вышел в отставку и вновь занялся коммерческой деятельностью. С 1921 г. по 1924 г. работал в качестве банковского чиновника. С 1921 г. Лозе – член национал-социалистской партии.

В 1924 г. – член руководства националистического блока в Шлезвиг-Гольштейне. С 1924 г. по 1930 г. Лозе состоял членом городского совета Альтоны как представитель национал-социалистской партии. С 1925 г. – гаулейтер округа Шлезвиг-Гольштейн. С 1928 г. Лозе – депутат прусского ландтага до роспуска последнего. В марте 1933 г. Лозе был назначен обер-президентом Шлезвиг-Гольштейна и вошел в прусский государственный совет. Членом рейхстага состоит с 1932 г. Лозе является обергруппенфюрером штурмовых отрядов (СА). В октябре 1934 г. избран руководителем культурного общества «Нордише Гезельшафт».

Эрих Кох родился 19 июня 1896 г. в Эльберфельде, После трехлетнего коммерческого обучения он поступил на работу в управление железных дорог. Пробыв с 1915 г. по 1918 г. на фронте в качестве солдата, он возвратился на родину политически созревшим человеком. Кох принимал активное участие в борьбе против оккупантов в Верхней Силезии и Руре. В Руре он несколько раз подвергался аресту французами.

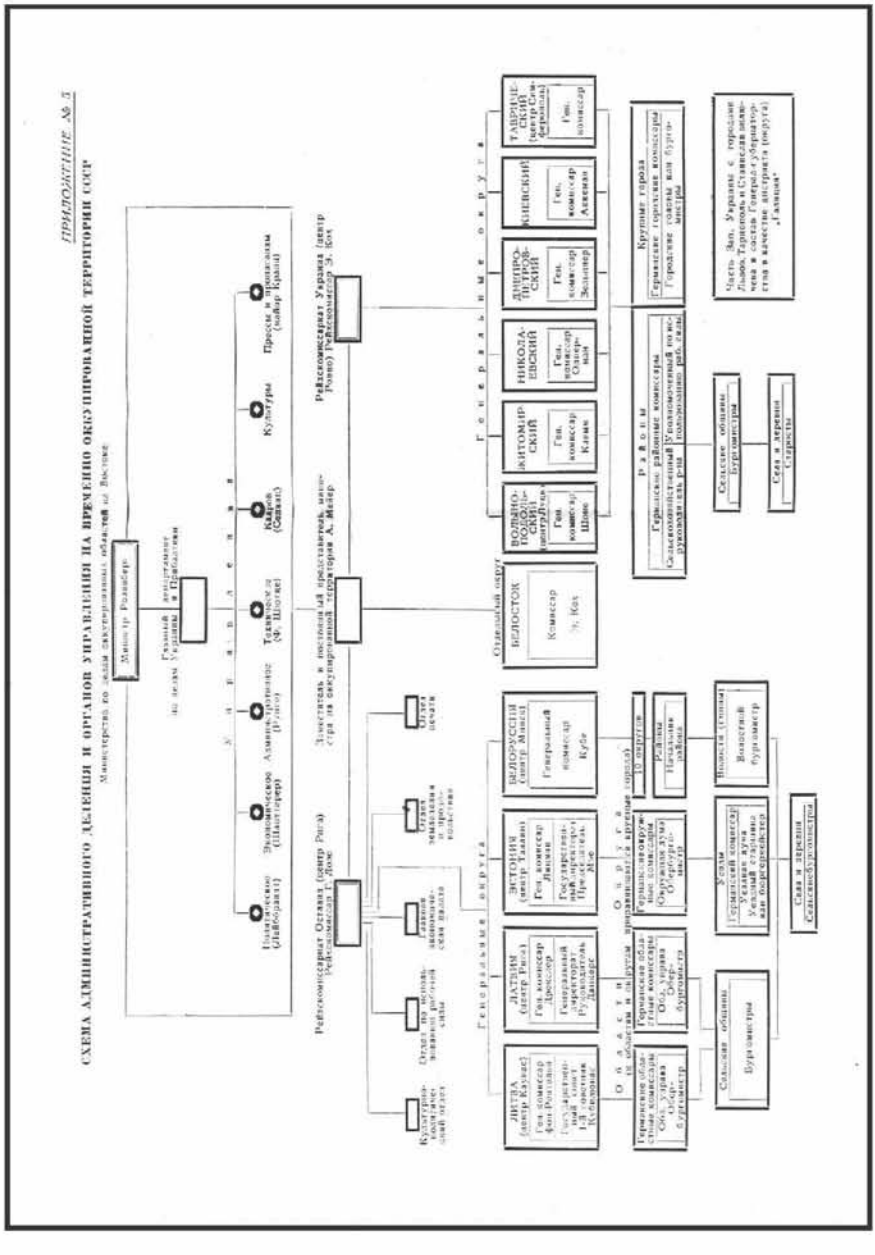
Кох очень рано примкнул к национал-социалистскому движению и может причислять себя к «старой гвардии». С 1922 г. по 1928 г. Кох

был членом окружного партийного руководства в Руре. В 1926 г. Кох в связи с его политической деятельностью отстраняется от службы в государственных учреждениях. В 1928 г., пользуясь полным доверием фюрера, Кох занимает крупный, как во внутриполитическом, так и во внешнеполитическом отношении пост гаулейтера Восточной Пруссии. Здесь Кох провел в кратчайший срок громадную работу по приобщению этой реакционной провинции к национал-социализму, что ему удалось осуществить в упорной борьбе. В 1933 г. он назначается обер-президентом Восточной Пруссии. По собственному плану, который носит имя автора, Кох заложил основы оздоровления этой провинции и дал замечательный пример энергичной национал-социалистской деятельности. С 1930 г. Кох состоит депутатом рейхстага и является государственным советником Пруссии.

Весьма опасное территориальное положение Восточной Пруссии заставило Коха принимать решения и проводить мероприятия, непосредственно связанные с внешней политикой.

Таким образом он приобрел богатый опыт в пограничной и национальной борьбе. При этом наиболее важной была борьба с большевистской опасностью, особенно угрожавшей Восточной Пруссии вследствие ее соседства с СССР.

ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 1. Д. 653. Л. 94-95 об. Подлинник. Ротапринт.

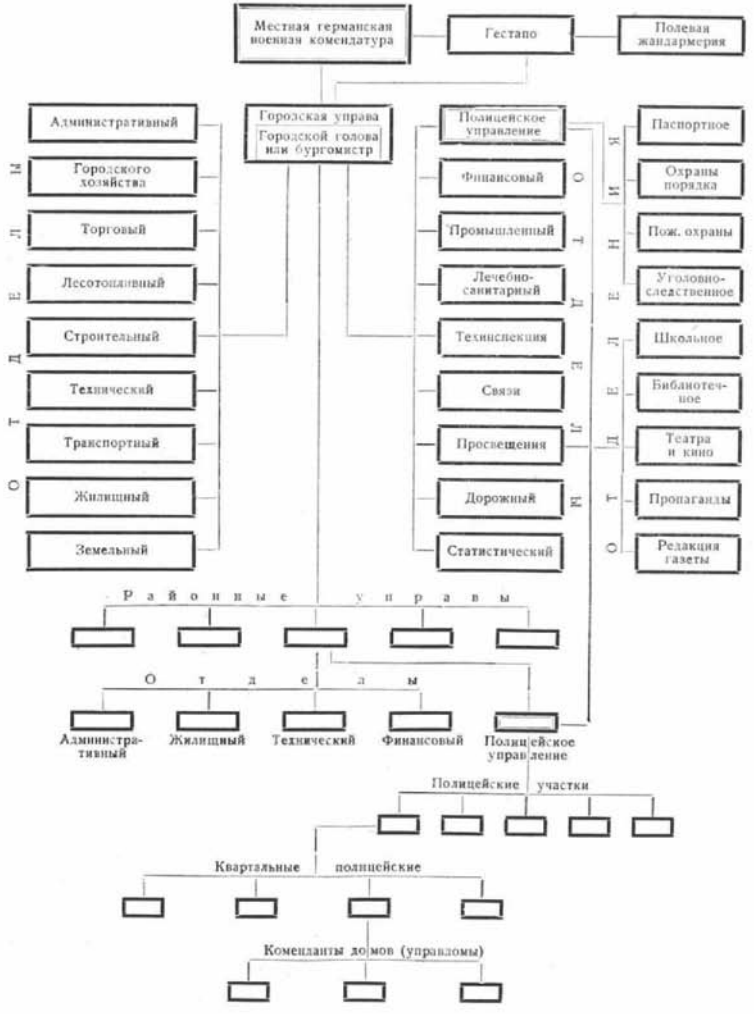


ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 1. Д. 653. Л. 96. Подлинник. Ротапринт.

— 97 —

СХЕМА *ПРИЛОЖЕНИЕ № 6*

АДМИНИСТРАТИВНЫХ ОРГАНОВ ВО ВРЕМЕННО ОККУПИРОВАННЫХ ГОРОДАХ СССР



ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 1. Д. 653. Л. 97. Подлинник. Ротапринт.

Примечания

[1] На обложке дела имеются резолюции: «тов. Судоплатову», «тов. Родионовой. Этот документ я в своё время взял у тов. Хорошкевич. 11 апреля [19]43. Судоплатов»; «В дело. 14 мая» и «Библиотека. 20 мая».
[2] См.: Неизвестная Россия. XX век. Книга четвёртая. – М.: Московское городское объединение архивов, 1993. – С. 235–330; «Зелёная папка» Геринга. Документальное свидетельство об экономической политике завоевателей России. / авт.-сост. Н.В. Тепцов. – М.: Издательско-полиграфическая фирма «Антрэс», 2005. В обоих случаях ссылка на архив указана ошибочно, следует читать: ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 43 а. Д. 53.
[3] Экономический раздел плана нападения на СССР «Барбаросса» имел кодовое наименование «Ольденбург». Ещё до начала войны на его основе были разработаны «Директивы по руководству экономикой во вновь оккупированных восточных областях» («Зелёная папка» Геринга). Используя трофейные материалы, в 1942 г. в СССР опубликовали брошюру «Зелёная папка Геринга» (авт. А. Леонтьев), которая получила широкую известность и активно использовалась в пропагандистской работе.
[4] Кёрнер Пауль (1893–1957) – немецкий политический деятель. Обергруппенфюрер СС (1942). Статс-секретарь правительства Пруссии (апрель 1933–май 1945), заместитель уполномоченного по 4-летнему плану (октябрь 1936–1945), председатель Генерального совета по 4-летнему плану (1939–1942), заместитель руководителя штаба экономического руководства «Восток» (1941–1945). Американским военным трибуналом по делу «Вильгельмштрассе» в Нюрнберге 11 апреля 1949 г. приговорён к 15 годам заключения. Амнистирован в 1951 г.
[5] Вейхс ан дем Глон Максимилиан Мария Йозеф фон унд цу (1881–1954) – немецкий военный деятель. Генерал-фельдмаршал (1943). Командующий 2-й армией вемахта (октябрь 1939 – ноябрь 1941, декабрь 1941–июль 1942), командующий группы армий «Б» (июль 1942–июль 1943), командующий группы армий «Ф» (июль 1943–март 1945). После войны арестован американскими войсками, освобождён из тюрьмы в 1947 г. вследствие тяжёлой болезни.
[6] Томас Георг (1890–1946) – немецкий военный деятель. Генерал пехоты (1940). Руководитель Экономического штаба Военного министерства–Управления военной экономики и вооружений ОКВ (ноябрь 1935–октябрь 1944), начальник Управления вооружений Имперского министерства вооружений и боеприпасов (май–ноябрь 1942), арестован гестапо по обвинению в причастности к «Июльскому заговору». Освобождён из концлагеря американскими войсками.
[7] Вейгант Вольфганг (1890–1960) – немецкий военный деятель. Генерал-лейтенант. С начала Второй мировой войны военный инспектор экономики Богемии и Моравии, инспектор контроля над вооружениями в оккупированной Франции. Военный инспектор экономики группы армий «Центр». Пленён американцами. Освобождён в 1947 г.
[8] Гамманн Адольф (1885–1945) – немецкий военный деятель. Генерал-лейтенант (1944). В годы Второй мировой войны военный комендант Орла, Брянска и Бобруйска. Задержан 28 июня 1944 г. Военным трибуналом Минского военного округа 29 декабря 1945 г. (т.н. Брянский процесс) приговорён к высшей мере наказания.
[9] Министерство восточных оккупированных территорий – центральное государственное учреждение, задачей которого являлось гражданское управление в оккупированных областях. Создано 17 июля 1941 г. Министр: А. Розенберг.
[10] Мейер Альфред Густав (1891–1945) – немецкий политический деятель. Обергруппенфюрер СА (1938). Гауляйтер Северной Вестфалии (январь 1931–май 1945), имперский комиссар обороны VI военного округа (сентябрь 1939–ноябрь 1941), начальник штаба министерства (заместитель министра) восточных оккупированных территорий (ноябрь 1941–ноябрь 1942), имперский комиссар обороны Северной Вестфалии (ноябрь 1942–апрель 1945), руководитель фольксштурма Вестфалии (сентябрь 1944–апрель 1945). Покончил жизнь самоубийством.
[11] Ныне г. Ивано-Франковск.
[12] Лозе Генрих (1886-1964) – немецкий политический деятель. Обергруппенфюрер СА (1937). С ноября 1942 г. комиссар обороны Шлезвиг-Гольштейна. Рейхскомиссар

Остланда (июль 1941–май 1945), имперский комиссар обороны оперативной зоны группы армий «Север» (июль 1944–май 1945). Арестован англичанами 1 июня 1945 г. Судом по денацификации в Белефельде в 1948 г. приговорён к 10 годам тюремного заключения. Освобождён в 1951 г. по состоянию здоровья.

[13] Кох Эрих (1896–1986) – немецкий политический деятель. Обергруппенфюрер СА (1938). Гауляйтер Восточной Пруссии (октябрь 1928–май 1945). С сентября 1939 г. имперский комиссар обороны I военного округа, генеральный комиссар рейхскомиссариата Украина (сентябрь 1941–ноябрь 1944), губернатор Белостокского района (август 1941–июль 1944), с ноября 1942 г. имперский комиссар обороны Восточной Пруссии. Арестован в 1949 г. англичанами. В 1950 г. выдан польским властям, 9 марта 1959 г. приговорён к смертной казни. Приговор заменён пожизненным тюремным заключением.

[14] Рентельн Адриан Теодор фон (1897–1946) – немецкий политический деятель. Начальник штаба Германского трудового фронта (январь 1934–август 1941). С августа 1941 г. генеральный комиссар комиссариата Литвы. Советскими властями осуждён к смертной казни. Повешен.

[15] Дрекслер Отто Генрих (1895–1945) – немецкий политический деятель. Генеральный комиссар Латвии рейхскомиссарита Остланд (июль 1941–май 1945). В мае 1945 г. арестован британскими войсками. Покончил жизнь самоубийством.

[16] Литцман Карл Сигизмунд (1893–1949) – немецкий политический деятель. Обергруппенфюрер СА (1933). Генеральный комиссар Эстонии (1941–1944). Умер в результате ранения, полученного в 1945 г.

[17] Кубе Вильгельм Рихард Пауль (1887–1943) – немецкий политический деятель. Группенфюрер СС (1934). Генеральный комиссар Белоруссии (июль 1941–сентябрь 1943). Убит в результате операции, организованной советскими партизанами.

[18] Шёне (Шоене) Генрих (1889–1945) – немецкий политический деятель. Обергруппенфюрер СА. Генеральный комиссар комиссариата «Волынь-Подолия» рейхскомиссариата Украина (сентябрь 1941–1944), руководил карательными операциями против советских партизан. С 1943 г. инспектор морских СА. Погиб в боях в районе Кенигсберга.

[19] Клемм Курт (1894–1975) – немецкий политический деятель. С 1933 г. полицей-президент Реклингхайзена. С ноября 1934 г. правительственный президент Мюнстера. Генеральный комиссар комиссариата «Житомир» рейхскомиссариата Украина (октябрь 1941–август 1942). После окончания войны прошёл денацификацию.

[20] Ошерман Эвальд (1896–предположительно, 1965) – немецкий политический деятель. В 1933 г. избран членом рейхстага от Восточной Пруссии. Генеральный комиссар комиссариата «Николаев» рейхскомиссариата Украина (с 1941 г.).

[21] Зельцнер Николаус (1899–1944) – немецкий политический деятель. Бригадефюрер СС (1942). Начальник Главного отдела «Организация» в Имперском руководстве НСДАП, генеральный комиссар комиссариата «Днепропетровск» рейхскомиссариата Украина (с 1941 г.). Умер после продолжительной болезни.

[22] Так в тексте. В действительности генеральным комиссаром комиссариата «Киев» до февраля 1942 г. был Квитцрау Хельмут (1899–1999), бригадефюрер СА. При его участии уничтожали евреев в Бабьем Яру. Затем (февраль 1942–ноябрь 1943) генеральным комиссаром комиссариата «Киев» был Магуния Вальдемар (1902–1974), оберфюрер СА (1942). Президент Палаты ремесленников Восточной Пруссии (1933–1942), уполномоченный и шеф гражданского управления Белостокского района (август 1941–январь 1942).

[23] Мяэ Хяльмар-Йоханнес (1901–1978) – эстонский политический деятель. Глава Эстонского самоуправления (июль 1941–ноябрь 1944). После вступления на территорию Эстонии советских войск бежал в Германию. После войны обосновался на Западе и участвовал в работе эстонских националистических организаций.

[24] Кубилюнас Пётр Петрович (1894–1946) – литовский военный деятель. Генерал-лейтенант (1929). В период оккупации немецко-фашистскими захватчиками территории Литвы занимал должность руководителя «доверительного совета», осуществлял формирование национальных боевых отрядов по борьбе с патриотическим и партизанским движением. Арестован органами НКГБ СССР 23 февраля 1946 г. Военной коллегией Верховного суда СССР 25 июля 1946 г. приговорён к расстрелу.

[25] Данкерс Оскарс Якобс (1883–1965) – латвийский военный деятель. Генерал (1925). С августа 1941 г. по 1944 г. – глава Латвийского самоуправления. В его обязанности входил подбор кадров, готовых сотрудничать с нацистами. В 1945 г. интернирован американцами. После освобождения проживал в Германии. В 1957 г. переехал в США.
[26] Мельник Андрей Антанасович (1890–1964) – один из руководителей украинских националистов; полковник армии УНР. После поражения германской армии в 1943 г. стал активно выступать с заявлениями о создании независимого украинского государства и 26 февраля 1944 г. арестован гестапо и заключён в Заксенхаузен. После войны сотрудничал с американскими спецслужбами. В 1947 г. на 3-м съезде украинских националистов избран руководителем ПУН («Провод украинских националистов»).
[27] Меньшагин Борис Георгиевич (1902–1984) – советский коллаборационист, военный преступник. До войны работал в Смоленской областной коллегии адвокатов. Бургомистр Смоленска (июль 1941–сентябрь 1943), Бобруйска (октябрь 1943–июнь 1944), инспектор Комитета освобождения народов России (КОНР) (ноябрь 1944–апрель 1945). Интернирован американцами, затем освобождён. Задержан при явке с повинной ОКР «Смерш» 149-й сд 28 мая 1945 г. Решением Особого совещания при МГБ СССР от 12 сентября 1951 г. заключён в тюрьму на 25 лет.
[28] Так в тексте. В действительности, Рок Карл фон (1880–1949) – немецкий военный деятель. Генерал пехоты (1939). В 1936 г. назначен президентом Имперского союза противовоздушной обороны – общественной организации, подконтрольной люфтваффе. С декабря 1939 г. командир 143-й запасной дивизии. Командующий тыловым районом группы армий «Юг» (март 1941–июль 1942), командующий тыловым районом группы армий «А» (июль 1942–март 1943). Осуществлял операции против партизан на Северном Кавказе и Украине. В марте 1943 г. уволен в отставку. В 1948 г. американским военным трибуналом приговорён к 20 годам тюремного заключения. Умер в тюрьме.
[29] Раштикис Стасис (1896–1985) – литовский военный деятель. Генерал (1937). Министр обороны Временного правительства Литвы (июнь–август 1941), позже работал в военном музее Каунаса. В 1944 г. уехал в Германию.
[30] Шрёдер Вальтер (1902–1973) – немецкий политический деятель. Бригадефюрер СС и генерал-майор полиции (1941). Руководитель СС и полиции в Латвии (август 1941–октябрь 1944), в Эстонии (апрель–октябрь 1944). С января 1945 г. – в резерве. После войны в Западной Германии приговорён к тюремному заключению.
[31] Фегелейн Герман Отто (1906–1945) – немецкий военный деятель. Генерал-лейтенант войск СС (1944), группенфюрер СС. Командир 1-го кавалерийского полка «Мёртвая голова» (декабрь 1940–сентябрь 1941), командир кавалерийской бригады СС (сентябрь 1941–май 1942), начальник 6-го управления (кавалерия и транспорт) Главного оперативного управления СС (май–октябрь 1942), командир кавалерийской дивизии СС (май–октябрь 1943), представитель рейхсфюрера СС при Главной квартире фюрера (сентябрь 1943), командир 8-й кавалерийской дивизии СС «Флориан Гейер» (октябрь–декабрь 1943), начальник 4-го управления Главного оперативного управления СС (январь 1944). Расстрелян по приказу Гитлера 28 апреля 1945 г.
[32] Перкинс Френсис (1882–1965) – американский государственный деятель. После избрания Ф. Рузвельта президентом США в 1933 г. назначена секретарём по вопросам труда, первая женщина – член кабинета. Одновременно (до июля 1945 г.) председатель комитета экономической безопасности.
[33] Заукель Фридрих Эрнст Кристоф (1894–1946) – немецкий политический деятель. Обергруппенфюрер СА (1937), обергруппенфюрер СС (1942). С сентября 1939 г. – имперский комиссар обороны XI военного округа, позднее – комиссар по рабочей силе в Управлении 4-летнего плана (февраль–март 1942), генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы (март 1942–май 1945), имперский комиссар обороны Тюрингии (ноябрь 1942–май 1945). Международным военным трибуналом в Нюрнберге приговорён к смертной казни.

Публикацию подготовили
Н.М. Перемышленникова,
Д.Ю. Хохлов

ИЗ ТРОФЕЙНЫХ МАТЕРИАЛОВ 4-ГО УПРАВЛЕНИЯ НКВД–НКГБ СССР

Представленные в данной подборке документы хранятся в фонде секретного делопроизводства Центрального архива ФСБ России в материалах 4-го Управления НКВД–НКГБ СССР[1] как литерное дело № 4/10 «Приказы немецкого командования». В течение всей войны сотрудники этого Управления доставляли через линию фронта трофейные материалы, добывая их с риском для жизни. Разведчики и партизаны направляли в Москву подлинные документы, которые распространяли на оккупированной территории немецкие власти. Они представляют собой исполненные типографским способом плакаты и объявления. Исследователи достаточно часто приводят цитаты из этих архивных материалов, но полностью данные тексты воспроизводятся впервые. На оккупированной территории не прекращалось пропагандистское противостояние. Захватчики целенаправленно распространяли ложные слухи, а в изданиях, адресованных немецким солдатам, предпринимали попытки объяснить поражения 1943 г. В подборке также представлены захваченные в ходе боя штабные документы и материалы немецких войск. Так, бойцами 31-й стрелковой дивизии[2] 27 февраля 1943 г. были захвачены указания отдела 1 с (разведка и контрразведка) 208-й пехотной дивизии вермахта[3] об усилении бдительности. В центр направлялись и те материалы, которые оказывались в руках сотрудников органов безопасности после освобождения советской территории. Приказы 80-го гренадерского полка вермахта[4], действовавшего в районе Мценска, были направлены в Москву, поскольку, по мнению начальника УНКГБ по Орловской области А.Д. Домарева[5], «представляли интерес с военной точки зрения». В центре аналитики 4-го Управления НКВД-НКГБ СССР переводили эти материалы для использования в последующей деятельности разведывательно-диверсионных резидентур и партизанских отрядов и рассылки в другие ведомства и организации.

Материалы расположены в хронологическом порядке и публикуются по правилам современной орфографии. Шероховатости переводов на русский язык не исправлялись, географические названия и имена собственные сверены и, по возможности, откомментированы.

***

№ 1.
ПАМЯТКА ДЛЯ НЕМЕЦКИХ СОЛДАТ О ПОВЕДЕНИИ В ОККУПИРОВАННЫХ ОБЛАСТЯХ

№ 55/42 Д

Совершенно секретно
[8 июня 1942 г.[6]]

Немецкий солдат в оккупированной области является представителем немецкой империи и её власти, соответственно этому он должен себя чувствовать и действовать. Такая установка необходима для того, чтобы обеспечить немецкому войску в чужой стране надлежащее уважение. Большевизм есть смертельный враг национал-социалистического народа. Это разлагающее мировоззрение, и его носители призваны уничтожить борьбу Германии. Эта борьба требует безудержной энергичной решительности против большевистских подстрекателей, партизан и безостановочного устранения всякого активного или пассивного сопротивления. Всякие пытки населения, обиды или нападения на немецкие вооружённые силы немецкий народ должен самыми строжайшими средствами пресекать.

Большая часть гражданского населения, прежде всего граждане прежних самостоятельных народностей, как литовцы, эстонцы, латвийцы, а также украинцы, противостоят враждебно большевистской системе, особенно властям в Москве. Немецкий солдат должен поэтому, чтобы обеспечить себе поддержку этого населения, ясно выражать враждебное отношение к Московскому государству. С другой стороны, нужно сохранить тактичность и сдержанность по отношению к гражданскому населению, как во время служебных обязанностей, так и вне их, если оно приветствует немецких солдат как борцов и освободителей. Но из этого, конечно, не следует, что нравы и обычаи народа Юго-Востока, у которых слишком развито чувство чести, должны подчиняться.

По отношению к женскому населению должна быть всегда сдержанность. Близкое общение с ними недостойно немецкого солдата. Поскольку юго-восточные народы принадлежат к магометанской религии, требуется собственная сдержанность в общении с женщиной.

В людях не большевистской закалки, собственно таких, которые обеднели вследствие большевистской системы, национальное

сознание часто связано с религиозными чувствами. Радость и благодарность за освобождение от большевизма часто находит своё выражение в религиозной форме. Религиозной и церковной деятельности гражданского населения не должно препятствовать, но также и не должно содействовать. Солдат не должен смеяться над религиозными обрядами и обычаями. При совершении таковых населением он должен себя держать чуждо. О поведении солдат национал-социалистического государства по отношению к евреям не требуется особого напоминания. Половое сожительство с еврейками нарушает расовый закон и влечёт за собой судебную кару.

Самовольничание по отношению к населению запрещается, т.к. вредит нашим же интересам рассматривать русское население, как бесправное и лишённое чести. Насилие против гражданского населения, незаконное изъятие собственности, поругание чувства чести женщин и девушек создают противоречие между войском и населением и влекут за собой как следствие поддержку партизан, распространение саботажа и причиняют вред безопасности в тыловых областях. Солдатская честь требует, чтобы пленные и перебежчики содержались соответственно военным законам. Их собственность оставляется им. Об их размещении и содержании должно заботиться соответственно имеющимся возможностям. Враждебная [пропаганда] о мнимых злодеяниях над русскими военнопленными лучше всего опровергается действием. Готовность врага перебежать будет зависеть по существу от того, как у нас содержатся пленные.

Строжайшая дисциплина особенно необходима в далёких просторах оккупированных областей, где зачастую единственный солдат представлен сам себе. Умалчивание обо всех военных делах и осторожность разговоров должны особенно соблюдаться. Враждебная служба связи именно в оккупированных областях действует особенно сильно, чтобы получить сведения о военных сооружениях и мероприятиях. Поэтому всякое легкомыслие, важничание и доверчивость могут иметь тяжёлые последствия.

Безупречное поведение, безупречная деятельность в обществе и строжайшая дисциплина особенно необходимы, чтобы создать немецкому солдату внимание и уважение в оккупированной области. Задача офицеров состоит в том, чтобы в трудных условиях оккупированных областей заботиться о своих солдатах во всех вопросах, внутренних и внешних.

Верно: делопроизводитель разведотделения
А. Николаева

ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп 1. Д. 981. Л. 41–42. Заверенная копия. Перевод с немецкого.

№ 2.
ПРИКАЗ № 6 ГЕРМАНСКОГО КОМАНДОВАНИЯ ПО ПРОВЕДЕНИЮ НОВОГО ЗЕМЕЛЬНОГО ПОРЯДКА

1 января 1943 г.

После того как в 1942 г. были проведены на основании объявления «Нового порядка землепользования» от 16 февраля 1942 г. и на основании изданных германским главным земельным управлением по проведению нового аграрного порядка распоряжений и приказов – ликвидации колхозов, образование крестьянских общинных хозяйств и вследствие раздела земель, скота и орудий между хозяевами-крестьянами, переход к единоличному способу землепользования во всех освобождённых областях средней России, издаётся с целью дальнейшего восстановления русского крестьянского сельского хозяйства следующий приказ:

Ведение хозяйства и управление крестьянских общинных хозяйств в 1943 г.

Изданные до сих пор приказы об организации, ведении хозяйства и управлении крестьянских общинных хозяйств остаются в силе и в 1943 г., поскольку они не изменены настоящим приказом.

Вышеуказанное действительно также и для тех крестьянских общинных хозяйств, преобразование которых в земледельческие товарищества будет проведено в 1943 г., пока не будут изданы новые приказы для земледельческих товариществ. В тех общинных хозяйствах, поля которых из-за каких-нибудь соображений в 1942 г. обрабатывались и убирались ещё совместно, раздел земли между крестьянами или между группами крестьян должен быть проведён не позже весны 1943 г. Бывшие совхозы управляются и в дальнейшем как государственные хозяйства. Проведенные крестьянами разделы земли в 1942 г., вследствие проведения нового порядка землепользования, действительны и на 1943 г. Новые переразделы земли могут быть проведены только с особого разрешения германского районного земельного управления. Крестьяне, имеющие право на получение земли на основании изданных приказов по проведению нового порядка землепользования, но не получившие землю до сих пор из-за разных причин (например, вернувшиеся из политической ссылки), должны обратиться для надела землей в местное германское районное земельное управление. Для всех тех лиц, заслуживших себе в германской армии или в каком-нибудь другом германском военном или административном учреждении или же на работе в Германии право надела землёй или право дополнительного надела землёй, действительны изданные и издаваемые в будущем особые при-

казы. Избранные крестьянами на собрании для образования крестьянских общинных хозяйств старшие, их помощники и счетоводы остаются в дальнейшем в своей должности, если германским районным земельным управлением не будет решено новое замещение должностей.

Образование земледельческих товариществ

Переход от крестьянских общинных хозяйств к единоличным крестьянским хозяйствам и их одновременное товарищественное соединение, т.е. образование земледельческих товариществ, начнется весной 1943 г. на основании издаваемых германским главным земельным управлением по этому поводу распоряжений и приказов.

Хозяйственный план первого полугодия 1943 г.

Правление каждого крестьянского общинного хозяйства обязано составить хозяйственный план за время от 15 февраля 1943 г. у германского районного земельного управления и заполненными возвращены не позже 15 марта 1943 г. Хозяйственный план 1943 г. составляется правлением для всех крестьянских хозяйств сообща, включая и площади всех приусадебных земель. За правильность всех указаний хозяйственного плана отвечает старший общинного хозяйства.

Хлебопашество в крестьянском сельском хозяйстве

Установленные на первом собрании крестьянских общинных хозяйств севообороты должны быть сохранены, поскольку их изменение не будет приказано германским районным земельным управлением или же разрешено на основании заявления крестьян. Где севооборот по каким-нибудь причинам ещё не был введён или больше не существует, там правлением крестьянского общинного хозяйства должны быть определённо установлены поля для весеннего посева и для обработки пара. Всю землю, пригодную для хлебопашества, необходимо обработать и по мере возможности засеять, включая старые залежи. Урожай со всех дополнительно взятых под обработку площадей военному сбору 1943 г. не подлежит. Высев картофеля и льна по возможности должен быть увеличен; при недохвате ярового семенного материала может быть предусмотрен увеличенный посев проса и гречихи. Поля, обработка и посев которых из-за каких либо причин невозможны, должны быть указаны в хозяйственном плане. Высев клевера и клеверотравяной смеси может быть произведен только в таком размере, в каком запас семян или имеется или может быть приобретён самими крестьянами.

Старшие крестьянских общинных хозяйств обязаны убедиться в достаточном количестве посевного материала и в необходимом случае позаботиться о взаимном обмене посевного материала между

хозяевами. Недостающее количество посевного материала необходимо указать в хозяйственном плане. Все весенние работы должны быть начаты, не ожидая особого распоряжения, как только допустят погода и состояние почвы, и проведены как можно скорее, принимая во внимание старую крестьянскую примету: «Чем раньше посев – тем богаче урожай». Каждый хозяин отвечает за правильный уход за посевом, причем особенно за борьбу с сорняками на своих полях. Старшие крестьянских общинных хозяйств обязаны за этим настойчиво следить и в необходимом случае проводить полку сорняков другими крестьянами или же нанятыми рабочими силами за счет неисправных хозяев. Для разграничения крестьянских полей достаточно прямой борозды. Межи уменьшают площади пашен, увеличивают засоренность полей, размножают вредителей растений и поэтому не допускаются. Обработка пара для посева озимых, как то: удобрение, вспашка, боронование и т.д., должна быть как можно раньше начата и закончена, чтобы озимый посев 1943 г. был бы своевременно проведен в почву, хорошо осевшую и свободную от сорняков.

Луговодство в крестьянском сельском хозяйстве

Все площади под травами, поскольку они не находятся под пастбищем, должны быть использованы для сенокоса, независимо от потребности в грубых кормах крестьянских хозяйств. Все старые, но ещё пригодные клеверные и клеверотравяные посевы необходимо использовать для сбора семян, принимая во внимание общую большую потребность нового русского сельского хозяйства во всех клеверных и травяных семенах. Луговые площади, обработка которых вследствие военных действий – как например минирование – невозможна, должны быть указаны в хозяйственном плане.

Тяговая сила и орудия в крестьянском сельском хозяйстве

Все крестьяне отвечают за целесообразное и хозяйственное использование всей живой тяговой силы. Существующее обязательство крестьян во взаимной помощи остается и в дальнейшем в силе. Крестьяне, получившие из имущества бывших колхозов лошадей, согласно приказу обязаны помогать тем хозяевам, у которых лошадей ещё нет. До восстановления достаточного поголовья лошадей могут быть и коровы в страдную пору использованы как тяговая сила. Всех кобыл необходимо использовать на племя, поскольку они ещё к этому пригодны. Жерёбые кобылы и кобылы с жеребятами никакому изъятию не подлежат. Жеребята, содержание которых в крестьянском хозяйстве невоз-

можно, должны быть отданы для выращивания другим крестьянам или же предложены на продажу германскому районному земельному управлению. В случае доказанного – по свидетельству правления крестьянского общинного хозяйства – выращивания крестьянином жеребят и молодняка, уменьшается сдача зерновых и грубых кормов для военного сбора в соответствующем размере. Недостающий крестьянский инвентарь придётся в первую очередь изготовлять самим крестьянам или же местным ремесленникам. Инвентарь, изготовление которого таким путем невозможно, как то: косы, серпы и т.д., придётся указать в хозяйственном плане, но только в крайне необходимом количестве. Использование тракторов МТС может быть лишь только тогда предусмотрено, когда правильное и своевременное проведение весенних работ, вследствие недостатка имеющейся тяговой силы, невозможно. В этом случае о необходимости помощи тракторов МТС придется заявить в письменной форме в германское районное земельное управление не позже 28 февраля 1943 г.

Животноводство в крестьянском сельском хозяйстве

В средней России животноводство является первым хозяйственным основанием для восстановления крестьянских хозяйств, для развития хозяйственной производительности крестьянского сельского хозяйства и в связи с этим – для хозяйственного подъема нового русского крестьянства. Сохранение и увеличение имеющегося поголовья скота считается главной задачей крестьян в 1943 г.

Имеющиеся в отдельных крестьянских хозяйствах производители должны быть предоставлены и для других хозяйств; в случае потребности необходимо организовать товарищественное содержание. Недостающих производителей, приобретение которых покупкой или обменом невозможно, необходимо указать в хозяйственном плане.

Все матки, ещё пригодные на племя, должны быть для этого использованы. Сдача пригодных на племя коров, свиноматок и овцематок для военного сбора, как и их убой, их продажа или какая-нибудь другая сдача на убой, настоящим приказом с момента его объявления воспрещается.

Также с момента объявления этого приказа воспрещается убой и всякая сдача на убой самок-молодняка всякого рода и всякого возраста. Самки-молодняк, содержание которых в каком-либо крестьянском хозяйстве невозможно, должны быть отданы другим хозяевам для выращивания или проданы германскому районному земельному управлению, причём такая продажа идёт в счёт военного сбора. В случае доказанного – по свидетельству правления крестьянского общинного

хозяйства – выращивания крестьянином телят на племя, уменьшается в соответствующем количестве сдача молока для военного сбора.

В крестьянском хозяйстве при настоящих условиях птицеводство имеет особое значение, ибо благодаря его лёгкому и быстрому размножению, могут скорее всего уменьшиться ущербы, нанесённые военными действиями крестьянскому животноводству. Поэтому в каждом крестьянском хозяйстве увеличение поголовья птицы должно быть проведено как можно в большем масштабе, применяя вывод молодняка, в первую очередь, наседками. Поставку инкубаторных цыплят можно затребовать от германского районного земельного управления только в том случае, если проведение естественного вывода невозможно.

В крестьянском хозяйстве важно и пчеловодство, тем более, что вследствие разорения многих сахарных заводов военными действиями, снабжение сельского населения сахаром и в последующие годы будет недостаточно, а поэтому размножение пчелосемей важно и должно быть по мере возможности проведено, требуя в необходимых случаях поддержки германского районного земельного управления.

Садоводство и огородничество в крестьянском сельском хозяйстве

Главное хозяйственное значение крестьянских приусадебных огородов – производство продуктов как для личного употребления, так и для рыночной продажи, разведение которых в общем севообороте невозможно, т.е. в первую очередь всякого рода овощей (и для сбора семян), раннего картофеля, столовой, сахарной и кормовой свеклы, при необходимости льна или конопли, пряно-овощных растений, всякого рода ягод и фруктов и т.п.

Имеющиеся питомники, фруктовые сады и т.д. должны быть сохранены. Способ обработки и использование их вытекает из местных условий. Если существующая до сих пор общая обработка этих плантаций в будущем не является целесообразной, то они могут быть крестьянским общинным хозяйством целиком или частично сданы в аренду соответствующему крестьянину-предпринимателю (например, бывшим колхозным садовникам) или же разделены между крестьянами. Арендаторы и крестьяне с правом пользования плантациями или их частями принимают на себя обязанность обработки перенятой почвы и добросовестного ухода за перенятыми фруктовыми деревьями, ягодными кустарниками и т.д. Молодые деревья, кустарники и т.п., возраст которых пересадку ещё допускает, могут быть пересажены, если правление крестьянского общинного хозяйства отвечает за хозяйственную и целесообразную реализацию. В этом случае молодые деревья и т.п. могут быть пересажены на приусадебные земли хозяев или отданы, путём продажи

или какого-либо обмена, крестьянам других деревень. Оставшиеся после пересадки плантаций почвы остаются как запасная земля во владении крестьянского общинного хозяйства и могут быть обработаны или сообща, как например, для разведения специальных культур, корма для производителей в общинном содержании и т.п., или же розданы крестьянам или отдельным крестьянам для временного пользования и обработки. Предусмотренные использования требуют разрешения от германского районного земельного управления; указание в хозяйственном плане является одновременно заявлением на разрешение.

Технические предприятия в крестьянских общинных хозяйствах

Имеющиеся технические предприятия (например, мельницы, лесопилки, кирпичные заводы и т.д.) остаются и в дальнейшем во владении, управлении и пользовании крестьянских общинных хозяйств. Правления общинных хозяйств ответственны за добросовестное ведение предприятий, в особенности за приобретение запасных частей и горючих материалов. Если же ведение таких предприятий общинным хозяйством окажется нецелесообразным, то они могут быть сданы в аренду соответствующим предпринимателям (например, мельнику и т.п.). Всякая сдача в аренду требует разрешения от германского районного земельного управления и поэтому должно быть запрошено правлением крестьянского общинного хозяйства и арендатором.

Пользование бывшими колхозными постройками

Дальнейшее пользование бывшими колхозными постройками разрешается германским районным земельным управлением по предложению правления крестьянских общинных хозяйств. Все постройки, общинные или товарищественные, использование которых является и в будущем целесообразным, как например, под хлева для производителей, под амбары, под конторы для правления крестьянских общинных хозяйств, под общее гумно и т.д., остаются во владении и под управление крестьянского общинного хозяйства. Где нет такой необходимости, постройки должны быть разобраны, если правление крестьянского общинного хозяйства поручается за целесообразное использование строительных материалов (например, для крестьянских хозяйственных построек). Предусмотренное использование построек должно быть указано в хозяйственном плане, одновременно с точным указанием их состояний. До решения германского районного земельного управления постройки должны быть сохранены от развала. Снос построек воспрещается германским районным земельным управлением при наличии

особых военных потребностей, как то размещение военных частей или крестьян-беженцев из боевой зоны и т.д.

Военный сбор 1943/44 г.

По истечении 31 марта 1943 г. военного сбора за 1942 г. будет наложен на все крестьянские общинные хозяйства военный сбор 1943/44 г. О военном сборе 1943/44 г. будет издан особый приказ.

Значение хозяйственного 1943 г. для русского крестьянства

1942 г. был годом освобождения русского крестьянства от колхозов. 1943 г. будет первым годом планомерного восстановления русского крестьянского сельского хозяйства. Ответственными за это восстановление являются не только германские административные власти, но и русские крестьяне сами. Восстановление всего нового русского сельского хозяйства зависит от восстановления каждого крестьянского хозяйства в отдельности, а поэтому данное крестьянину новым порядком землепользования право пользоваться собственной землей неразрывно связано с обязательством крестьян к наилучшему ведению хозяйств во всех отношениях.

Старшие крестьянских общинных хозяйств обязаны неутомимо наставлять крестьян, в особенности молодых хозяев, в правильном и добросовестном ведении сельского хозяйства. Поэтому они обязаны следить за точным исполнением всех изданных и ещё издаваемых по проведению нового порядка землепользования приказов. Крестьяне, нарушающие эти приказы или оказывающиеся по какой-нибудь другой причине неспособными владеть землей, должны быть указаны германскому районному земельному управлению.

Объявление приказа № 6 по проведению нового порядка землепользования

Непосредственно после получения приказа старшие общинных хозяйств должны всех крестьян ознакомить с ним и затем вывесить его вместе с другими изданными распоряжениями и приказами по проведению нового земельного порядка. Ознакомление с приказом № 6 и вывеска его должны быть письменно сообщены германскому районному земельному управлению.

Германское главное земельное управление

ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 1. Д. 500. Л. 49. Типографский экз.

№ 3.
УКАЗ ГЕРМАНСКОГО КОМАНДОВАНИЯ О ТРУДОВОЙ ПОВИННОСТИ И НАЗНАЧЕНИИ ТРУДЯЩИХСЯ НА РАБОТУ В ПРИФРОНТОВОЙ ПОЛОСЕ ВНОВЬ ЗАНЯТЫХ ВОСТОЧНЫХ ОБЛАСТЕЙ

1 января 1943 г.

Главная квартира
Верховного командования армии

Для обеспечения военных и хозяйственных нужд прифронтовой полосы и с согласия Виртшафтсштаба Ост приказываю:

Отдел I

Трудовая повинность

§ 1. Все жители прифронтовой полосы в возрасте от 14 до 65 лет подлежат, в зависимости от их трудоспособности, трудовой повинности. Эти лица обязаны по призыву явиться для регистрации на Биржу труда или в назначенные для этой цели учреждения. Призванный может быть назначен на работу и вне своего постоянного местожительства, а также вне пределов прифронтовой полосы. При назначении на работу трудообязанному выдаётся соответствующее удостоверение. Относительно евреев будет издано особое распоряжение.

§ 2. Трудовая повинность обязывает в случае надобности на основании § 1 изучать по требованию Биржи труда определённую профессию или пополнить свои познания, а также менять свою специальность.

Отдел II

Ограничения относительно перемены места работы

§ 3. Трудящимся (рабочим, служащим и ученикам) разрешается покинуть свою работу лишь с предварительного согласия соответствующего учреждения; для увольнения трудящегося работодатели обязаны получить согласие того же учреждения. Самовольные оставление места работы или увольнение без соответствующего разрешения – противозаконны. Указанного разрешения не требуется в случае: а) приостановления работы на предприятии (постройке) или б) если трудящийся был нанят на срок менее одного месяца.

§ 4. Предприятия (частные и казённые, а равно всевозможные управления) и домохозяева могут определить трудящихся на работу лишь с разрешения надлежащего местного учреждения. С назначением трудящихся на работу такое учреждение даёт автоматически этим

и своё согласие. Этого согласия не требуется для сельскохозяйственных и лесных предприятий, речного судоходства, а также горнозаводства и для предприятий, добывающих минеральные масла.

§ 5. Указанные в §§ 3 и 4 предписания не распространяются на боевую зону и на увольнение рабочих в частях армии.

§ 6. Трудящиеся, оставившие по тем или иным причинам свою работу, обязаны немедленно явиться на Биржу труда или в указанное для этого учреждение.

Отдел III

Перемена места работы

§ 7. Рабочие и служащие, в особенности обученные специалисты, попавшие на работу не по своей специальности, должны по требованию соответствующего местного учреждения и после прибытия заместителя увольняться и назначаться на работу сообразно своим познаниям. Независимо от этого работодатель обязан без предварительного на то указания известить соответствующее учреждение о рабочих, работающих не по специальности. Точно также необходимо поступать с холостыми и к ним приравненными рабочими, в которых нуждаются для назначения на работу вне постоянного их местожительства или вне прифронтовой полосы; они должны быть заменены рабочими, которые связаны по тем или другим причинам с данным местом или ограничены в своей трудоспособности.

§ 8. Удостоверения на право заняться ремеслом, промыслом, торговлей и тому подобными профессиями выдаются лишь с согласия надлежащего местного учреждения. Уже выданные удостоверения могут быть отобраны по требованию этого учреждения.

Отдел IV

Определение заработной платы и условия труда

§ 9. Трудообязанные оплачиваются по справедливой расценке, при чем размеры заработной платы определяются по принципу производительности труда. Как принцип вводится сдельно-премиальная оплата труда. Лишь такие работы, которые по разным причинам невозможно расценивать таким способом, оплачиваются обыкновенной заработной платой. Вне прифронтовой полосы размеры заработной платы определяются на основании местных постановлений.

§ 10. Рабочая неделя содержит 54 часа; сверх того всякий трудообязанный может быть в пределах допустимого привлечен к сверхурочной, ночной, воскресной и праздничной работам.

§ 11. Необходимо сообразно с средствами предприятия устроить для трудящихся особые кухни и лавки для продажи мелких предме-

тов рабочего обихода. Желательно, чтобы этими лавками могли бы пользоваться и семьи рабочих.

Отдел V

Социальное обеспечение

§ 12. Трудящиеся, исполняющие свою трудовую повинность в пределах прифронтовой полосы в частных и военных учреждениях или в земельных и лесных предприятиях, имеют право в случае заболевания или несчастного случая на основании особого постановления на денежное пособие и больничное или домашнее лечение. Вне прифронтовой полосы больничное обеспечение определяется сообразно с местными постановлениями.

§ 13. Трудящиеся, работающие вне обычного своего места жительства или вне прифронтовой полосы и живущие благодаря этому отдельно от своей семьи, получают на основании особого постановления Виртшафтсштаба Ост по подаче ходатайства надлежащее пособие для обеспечения своих родных.

§ 14. Трудящиеся, исполнившие свои трудовые обязательства с особым успехом вне пределов своего постоянного местожительства и вне пределов прифронтовой полосы, будут приняты во внимание при проведении нового земельного порядка и наделены на основании существующих распоряжений землёй, тяглым и домашним скотом и инвентарём, если они по своим личным качествам, знаниям и работоспособности в состоянии самостоятельно вести хозяйство.

Отдел VI

Постановления по проведению указа в жизнь и о наказаниях. Срок вступления в силу

§ 15. Генерал-квартирмистр издаёт по соглашению с Виртшафтсштабом Ост необходимые для проведения указа постановления и необходимые к нему дополнения.

§ 16. Неисполнение настоящего указа и деяния, направленные против проведения его в жизнь, в особенности отказ от работы и неисполнение таковой, а также неявка без уважительной причины на работу, будут строго наказаны.

§ 17. Вышеизложенный указ вступает в силу немедленно.

Начальник ген[ерального] шт[аба] армии
генерал от инфантерии Цейцлер[7]

ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 1. Д. 500. Л. 32. Типографский экз.

№ 4.
УКАЗАНИЕ ОТДЕЛА I С 208-Й ПЕХОТНОЙ ДИВИЗИИ ВЕРМАХТА ОБ УСИЛЕНИИ БДИТЕЛЬНОСТИ

Секретно
31 января 1943 г.

Открыть глаза
Не зевать!

Больше, чем когда-либо противник пытается разведать наши военные объекты и намерения. Стабильный фронт и использование гражданского населения для нужд армии облегчают ему незаметное ведение наблюдения.

Использование населения на службе в немецкой армии, в немецких учреждениях, а также многочисленные добровольцы, восточные батальоны и народная милиция создают противнику широкие возможности для организации шпионажа и диверсий. Поэтому одни органы контрразведки оказываются недостаточными для того, чтобы обеспечить полную безопасность военным и прочим органам, и каждый командир, находясь на фронте или в тыловых частях, или работая в тылу в качестве местного коменданта, должен каждую минуту помнить о размерах опасности. В каждом солдате следует воспитывать осторожность и недоверие. Он должен наблюдать за окружающим и сообщать обо всем замеченном. Задачей бесед о значении контрразведки является поэтому воспитание в лице солдата сознательного сотрудника.

Солдат должен быть особенно бдительным по отношению к живущим вместе с ним добровольцам. Так, как в большинстве случаев оказывается невозможным выяснить прошлое добровольцев, следует проверять их не только при приёме на службу, но и в процессе работы.

Само собою разумеется, что с русскими следует обращаться вежливо и справедливо, но это не должно приводить к излишней доверчивости. Нужно быть осторожным и сдержанным, особенно в деле соблюдения военной тайны. Немецкий солдат не должен также выказывать перед добровольцем своего недовольства или подавленного настроения, так как доброволец тогда быстро теряет доверие и становится опасным для воинской части.

В одной из соседних дивизий противник пытался забросить в ряды добровольцев своих агентов, назвавших себя перебежчиками, которые по истечении некоторого времени должны были вернуться обратно.

В связи с тем, что при позиционной войне затруднено просачивание агентов через линию фронта, противник действует при помощи

партизан («банды лазутчиков»), передавая им задания по радио или сбрасывания в тылу агентов на парашютах. Банды от себя также высаживают разведчиков для получения данных, нужных для организации диверсий и нападений.

Необходимо поэтому соблюдать исключительную осторожность по отношению к лицам, находящимся продолжительное время вблизи дорог, дорожных сооружений или служебных зданий.

К говорящим по-немецки русским следует относиться с особым недоверием, так как именно среди них встречаются подозрительные элементы, пытающиеся найти доступ в немецкие учреждения. Не следует также забывать, что и среди людей, не владеющих языком, находятся сравнительно хорошо понимающие по-немецки. В присутствии русских вообще нельзя говорить о служебных целях. В последнее время противник пытается засылать к нам под видом перебежчиков нацменов (грузин, татар и т.д.) в надежде, что они будут встречены у нас с меньшим подозрением.

Следует помнить, что дети и особенно девушки часто используются в качестве разведчиков и для передачи сведений. Всех девушек, общающихся с немецкими солдатами, нужно брать под подозрение, так как разведка противника будет стараться использовать в своих целях установившиеся близкие отношения.

Противник непрерывно занимается вербовкой и подготовкой новых агентов и организует за линией фронта и в прифронтовых селениях посты связи и сбора сведений. Разведку противника интересуют переброски войск, наличие войск в населённых пунктах, расположение штабов и их охрана (поэтому нельзя на домах вывешивать таблички с названием располагающихся в них частей, например: полковая канцелярия или оперативный отдел, немецкое административное управление).

Отношение к населению и к военнопленным. Всякое недовольство среди населения или у отдельных немецких солдат является желанным поводом для проведения вредной подрывной работы. Прямой находкой для разведки противника служат корзины для бумаг и мусорные ящики. Каждое письмо с родины может дать противнику некоторые сведения. Поэтому в помещениях не должно быть ничего разбросано, а при смене квартир нужно следить за тем, чтобы в них ничего не оставалось. То, что нельзя взять с собою, следует собирать и сдавать сменяющейся части или в местную комендатуру.

Русские очень изобретательны в отношении новых методов действия агентов. Так группа агентов пыталась перейти линию фронта под видом транспорта пленных (1 человек в немецкой форме с 1 русским

солдатом и 2 русскими девушками). В другой раз был разыгран побег, во время которого по «перебежчикам» стреляли со стороны русских. В некоторых местах сбрасывались бомбы, но только для того, чтобы отвлечь внимание от сбрасываемых на парашютах агентов. Некоторые агенты пытаются пробраться в руководящие организации административной службы или в полицейские управления, женщины устраиваются на работу в качестве судомоек или уборщиц в солдатских общежитиях с целью подмешивать в пищу яд (поэтому перед подачей пищи следует давать её пробовать русскому обслуживающему персоналу). Нельзя допускать русских в казино и на кухню.

Особенную осторожность должны соблюдать курьеры и связные, им не разрешается ездить в одиночку и оставлять на остановках документы и багаж без охраны. Так как многие русские настроены к большевизму враждебно, то агентам опасно называть себя. Поэтому лица, передающие сведения и не знающие резидента в лицо, используют обычно незаметные внешние знаки, как, например, женщины появляются в белых туфлях или босиком, или перевязывают одну ногу тряпкой.

В опознаваниях таких знаков добровольцы, переданные нам, проявляют большие способности, немецкие солдаты могут у них многому поучиться, они должны только держать глаза открытыми и не оставаться пассивными. Если русский, русская или лицо, одетое в форму немецкого солдата, покажутся хотя бы в некоторой степени подозрительными, у них следует проверить документы и справиться, если возможно в инстанции, выдавшей удостоверение. Не всякое удостоверение, оказавшееся в порядке, является подлинным. Если подозрительное лицо будет задержано, у него следует отобрать все имеющиеся личные вещи (важны также спичечные и папиросные коробки и обрывки газет). Нужно следить за тем, чтобы задержанный ничего не выбросил, не сжёг и не проглотил. При опросе каждый русский обычно рассказывает «историю», пытаясь вызвать к себе сочувствие или внушить доверие.

Задержанные часто пытаются получить у данной служебной инстанции какое-нибудь удостоверение. Категорически запрещается выдавать русским какие-либо документы без санкции управы того округа, в котором русский проживает. Если задержанный направляется далее, то с ним должны отсылаться следующие документы: а) обстоятельства задержания; б) данные показания; в) документы, рукописные и печатные материалы, личные вещи, с тем, чтобы пленный не мог задумать новую «историю» и преждевременно добиться освобождения.

Только при условии, если каждый командир осознает постоянную опасность шпионажа со стороны противника и не испугается трудно-

стей или сохранения вверенных ему людей и ценностей, а также будет воспитывать своих подчиненных для борьбы против методов вражеской разведки, можно не боясь выступить против подрывной работы противника. А поэтому держать глаза открытыми. Не зевать!

Перевела: техник-инт. 2 ранга Кованова
Верно: техник-инт. 1 ранга Василевский

Верно: заместитель начальника 4-го отдела
УНКВД по Сталинградской области
капитан госбезопасности Зарубецкий
7 марта 1943 г.

ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 1. Д. 501. Л. 135–137. Заверенная копия. Перевод с немецкого

№ 5.
ПРИКАЗ КОМАНДОВАНИЯ 320-Й ПЕХОТНОЙ ДИВИЗИИ[8] ВЕРМАХТА ОБ ОТПРАВКЕ В ТЫЛ НАСЕЛЕНИЯ, ГОДНОГО К НЕСЕНИЮ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ

Отдел 1 ц
№ 28/43

3 февраля 1943 г.

Относительно: отправки боеспособных граждан в тыл
Ссылка: приказ дивизии № 4 § 10-1943

По показаниям пленных, противник при вступлении в занятые местности забирает боеспособных мужчин, отчасти женщин, для немедленной отправки в Красную армию. Для того, чтобы воспрепятствовать пополнению частей противника воинские части во всех принадлежащих им местностях должны собирать боеспособных мужчин до 50-летнего возраста для отправки их в квартирный отдел штаба дивизии, который обеспечит их отправку или использование. Везде должны быть реквизированы все сани с упряжью, скот должен угоняться, при наличии непосредственной опасности все имеющиеся запасы должны быть уничтожены, чтобы не попасть в руки врага. Не нужные воинским частям сани должны быть отправлены в 1 б.

Установлено, что во время боёв в населённых пунктах гражданское население принимает участие в боях, эти люди не должны быть отправлены в дивизии, а расстреляны на месте. Много украинцев хотят добровольно у нас остаться и уйти вместе с нами, речь идёт

о старостах и вспомогательных служащих, которые уже долгое время находились в тесной связи с немецкими начальниками служебных объектов. Их ценные услуги должны быть обеспечены и в будущем. Они могут быть использованы для вспомогательной службы при частях. Если это невозможно, они должны быть отправлены в квартирный отдел, который их включит в обоз для работы в частях по снабжению. На просьбы этих добровольцев взять их жён с собой нужно отвечать, что жёны должны обратиться в сборный пункт для гражданских при квартирном отделе, который распорядится об их отправке.

За командира дивизии
1-й офицер генерального штаба

Верно: зам. нач. отделения 4-го Управления НКВД УССР
капитан госбезопасности Игнатьев

ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 1 Д. 501. Л. 130–132. Заверенная копия. Перевод с немецкого.

№ 6.
РАСПОРЯЖЕНИЕ НЕМЕЦКИХ ОККУПАЦИОННЫХ ВЛАСТЕЙ О СОДЕРЖАНИИ И СПОСОБАХ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ЛОЖНЫХ СЛУХОВ

Циркуляр Главного отдела администрации и права Генерального комиссариата

Секретно
28 февраля 1943 г.

Содержание:
народное просвещение и пропаганда

N-сообщения[9] должны противодействовать неприятельской устной пропаганде и распространению неприятелем различных слухов с той целью, чтобы в области устной пропаганды немецкое руководство оказалось не только в состоянии обороны, а показывало себя активно действующим.

N-сообщения, в общем, касаются следующих предметов:

1. Наших аргументов относительно военного положения.

2. Слухов, направленных к опровержению создавшегося в результате неприятельской агитации отрицательного настроения среди местного населения.

3. Сообщений относительно положения вещей у большевиков.

4. Противодействия враждебной пропаганде.

Задачей г[оспод] штадт- и гебитскомиссаров является распространение всеми имеющимися в их распоряжении средствами издаваемых нами N-сообщений среди местного населения. Как раз в военное время местное население особенно реагирует на слухи, если они доходят до него таким образом, что чувствуется специальное намерение. Поэтому следует пользоваться очень осторожным образом всеми путями для распространения N-сообщений (см. циркуляр от 15 февраля 1943 г., пропаганда, лист 7).

N-сообщения, в общем и целом предназначаются не для немцев. О них должны знать только те немцы, которым это необходимо по службе. Распространение N-сообщений является особо трудной пропагандистской задачей. При некоторых гебитскомиссарах имеются специальные N-люди. Этим людям, местным немцам, или заслуживающим доверия лицам из местного населения, сообщается гебитскомиссаром содержание N-сообщений, которые они распространяют уже среди местного населения. Во многих местах эти N-сообщения под видом «самых свежих известий, конфиденциально» передаются на собраниях у районных шефов, городских голов или на рынках. Особенно пригодными для распространения N-сообщений являются также канцелярии местных органов управления, мельницы, раздаточные пункты и т.п., места, где собирается народ. В некоторых областях особенно проявили себя полезными для этой работы священники. Существенным во всех случаях является то, чтобы местный житель не догадывался, что немцы пользуются им для распространения слухов.

Опыт показал, что часто с первого раза распространения слухов цель не бывает достигнута. Необходимо давать несколько вариантов с небольшими изменениями. Но всё же при этом обращать внимание на то, чтобы сущность слуха не менялась, т.к. иначе не может быть создано единообразное для всего рейхскомиссариата общественное настроение.

Кроме того, слухи, распространение которых является целесообразным, не должны исходить из личного усмотрения, а на них должно быть получено моё разрешение по телеграфу или по телефону.

Точно так же прошу представлять мне на рассмотрение все предложения и материалы для N-сообщений. Опубликование N-сообщений путём прессы, радио или телеграфа воспрещается при всяких обстоятельствах, так как в противном случае будет нарушен принцип, по которому источник слухов должен остаться неизвестным.

От пропагандистского уменья привлечённых к делу работников, в особенности же г[оспод] штадт- и гебитскомиссаров, будет зависеть возможность использовать N-деятельность, как активное оружие

в руках немецкого управления (из циркуляра Рейхскомиссариата Украина от 15 февраля 1943 г.).

N-сообщения

Только для устной пропаганды
Всякое другое применение воспрещается

1. Сталин бессмысленно приносит в жертву миллионы рабочих и крестьян, ставя их перед германскими пулемётами, где они находят себе верную смерть. Уже прошлой зимой он пытался приостановить таким убийственным наступлением продвижение немецких войск. Результатом этого явилось великое сражение в котле под Харьковом, где немцам удалось заманить русских в ловушку и там их окружить. Несколько русских армий нашли там свою гибель. То же самое предпринимает Сталин и этой зимой, а на весну для русских армий готовится та же участь, что и прошлой весной.

2. Русские отбили Сталинград, это стоило им 6-ти армий и нескольких бронетанковых бригад. В Сталинграде же была только одна немецкая армия.

3. Кто хочет спасти свою жизнь, свою семью и свою родину, должен способствовать тому, чтобы немцы во время весеннего наступления были настолько сильны, чтобы уничтожить несколько большевистских армий. Тогда осенью Сталин будет побеждён и наступит мир. Германия тогда снабдит население всевозможными предметами ширпотреба, хорошим продовольствием и одеждой, так как не надо уже будет работать на вооружение.

4. Рузвельт прислал Сталину телеграмму, в которой он его настоятельно предостерегает от продвижения вперед, так как немцы хотят заманить русских в ловушку. Если Сталин не последует этому совету, Рузвельт угрожает приостановить поставки для России и заключить сепаратный мир с Гитлером.

5. Черчилль полетел на громадном самолете в Турцию и приглашал туда же и Сталина, чтобы предостеречь его против дальнейшего наступления, так как немцы хотят его заманить в ловушку. Сталин не прилетел в Турцию, потому что он опасается быть сбитым в пути германскими истребителями.

6. Сталин отдал приказ Красной армии не продвигаться дальше, так как иначе она попадает в ловушку. Генералы, получившие теперь снова погоны, не повинуются больше Сталину, так как они хотят добиться военной диктатуры против Сталина и продолжают продвигаться вперёд, прямо в немецкую ловушку.

7. Генералы русских армий взбунтовались против Сталина и хотят учредить военную диктатуру. Сталин пытался их успокоить тем, что ввёл ношение погон для офицеров. Однако же генералы этим не удовлетворились, и большинство их не повинуется приказу Сталина. Некоторые генералы действуют самостоятельно, на собственный страх и риск, они желают сделаться великими князьями и затем действовать сообща против Сталина.

8. Русские генералы потребовали от Сталина, чтобы он ушёл от власти. Все офицеры должны сделаться крупными помещиками и получить от государства в дар огромные поместья. Крестьяне же должны будут работать, как крепостные, на крупных помещиков и князей.

9. Из Ворошиловской области сообщают следующее: когда туда вступили большевики, агенты им донесли, кто из населения во время немецкой оккупации ходил в церковь. Женщина, у которой зачастую срывали с тела одежду, несмотря на холод, в течение 24 часов держали привязанной к изгороди против церкви. Некоторых мужчин, известных своей религиозностью, сажали на кол, где они нашли себе мучительную смерть. Попов живыми прибивали гвоздями к церковным дверям. Одной матери троих детей, у которой нашли в квартире маленький металлический крестик, прижгли этим крестиком, предварительно раскалив его, лоб. С колокольни церкви были сбиты кресты, которые затем тащили по улицам, вымазав их грязью.

10. По случаю годовщины Красной армии Сталин произнёс речь, в которой он назвал украинцев изменниками большевизма. Буквально он сказал следующее: «Это издавна известная украинская низость, за которую мы теперь им отплатим». Далее он в своей речи сказал, что возмездие коснется не только отдельных лиц, которые были заодно с немцами, а всего села или города в целом.

11. Как теперь стало известно, швейцарский посланник в Кремле решительно высказался против секретного постановления советов от 23.01.1943 г., ставшего известным только благодаря неосторожности одного дипломата. Это постановление заключается в том, что на будущее время при распределении хлеба и продуктов нетрудоспособные старики и старухи не будут приниматься во внимание. Это также относится и к болезненным и хилым лицам, если есть основание думать, что в ближайшее время они станут не способными к труду.

12. При одном немецком контрнаступлении через новую линию фронта на южном отрезке Восточного фронта, было недавно взято 635 пленных. Они единогласно сообщили, что большевики в этих очищенных немцами областях в первую очередь занялись крестьянами.

Комиссары обыскивают отдельные крестьянские дворы и устанавливают, произведена ли и подготовлена ли весенняя обработка земли. Крестьян, относительно которых установлено, что они не имели никакого намерения засеять весной поле, немедленно ликвидируют, их жён и старших детей принудительно отправляют на Урал, стариков и малых детей уничтожают выстрелом в затылок, истребляя таким образом семью. В одном селе нашли 23 повешенных крестьянина. Комиссары повесили, чтобы довести до сведения всего населения, доску с надписью: «Эти саботажники не имели к нам никакого доверия, они отказались провести весенний сев. Вот их награда». Подобные же сообщения давали пленные советские солдаты и на других участках Южного фронта.

Подписал: Шлехт
старший советник правления

Перевела: В. Костина
Верно: ст. лейтенант госбезопасности Бинд

ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп.1. Д. 502. Л. 247–251. Заверенная копия. Перевод с немецкого.

№ 7.
ИНСТРУКЦИЯ ОТДЕЛА 1 Ц (РАЗВЕДКА И КОНТРРАЗВЕДКА) ШТАБА 4-Й АРМИИ ВЕРМАХТА[10] О БОРЬБЕ С ШПИОНАЖЕМ

Не ранее 27 марта 1943 г.

1. Объекты

Кадровые солдаты в гражданском платье, прикомандированные к разведке. Офицеры Красной армии, проживающие по поддельным документам на занятой территории.

Перебежчики, устраивающиеся по заданию советской разведки на службу в полицию или самозащитные отряды.

Штрафники.

Изловленные дезертиры, реабилитирующие себя службой в разведке.

Воспитанники детских домов и домов сирот. Молодёжь, большей частью девушки.

Лица, на занятой территории работавшие в немецких учреждениях, получившие возможность реабилитировать свою деятельность службой в разведке.

Женщины-военнослужащие Красной армии, особенно медицинский персонал. Согласно приказу Сталина женщины, работавшие в ла-

заретах на передовых позициях, заменены мужчинами. Большинство их направлено в разведку.

За последнее время участились случаи посылки в разведку лиц, проживавших когда-то на занятой территории, возвращающихся теперь якобы к своему прежнему месту жительства.

Гражданские перебежчики.

2. Подготовка

Обучение разностороннее, накоротке, исчисляется часами.

Цель – правильно усвоить и хорошо выполнить задание. Как исключение, никакой подготовки.

Программа обучения: чтение карты. Ориентирование на местности (теоретические и практические занятия). Пользование компасом. Ориентирование по часам и звездам. Прыжки с парашютом, преимущественно для агентов-радистов. Как правило сюда зачисляются доверенные лица: члены партии, комсомольцы.

Изучение немецкого оружия, войсковых обозначений, организация немецких войск, знаков различия. Свойства немецких и русских ручных гранат.

Изучение радио- и подрывного дела в увязке с парашютным делом.

Поведение на немецкой стороне (см. Прикрытие).

Обучение тайной пропаганде.

Методы вербовки доверенных лиц.

3. Задания

Чаще всего двум или нескольким лицам даётся задание одинакового характера. На выполнение его посылается, как правило, по 2 агента.

Свою деятельность разведка распространяет и на глубокий тыл.

Приблизительно агентам даются задания следующего содержания:

Вести наблюдение за передвижением войск в тылу, доносить о состоянии шоссейных, железных дорог, о количестве прошедших эшелонов, о наличии аэродромов, ремонтных мастерских и других тыловых сооружений; выявлять возрастной состав солдат и фамилии офицеров; наблюдать концентрацию орудий танков и т.д. в прифронтовых районах с точным указанием населённых пунктов; выявлять функционирующие предприятия и их начальников; настроение населения и проведение тайной пропаганды

Составить списки находящихся на службе у немцев бургомистров, полицейских, чиновников и лиц, работающих в пользу немцев, хорошо к ним настроенных, и установить с ними связь, установить список лиц, работающих на немцев: городовых, старост, и других служащих и вообще всех дружественно настроенных по отношению к немцам лиц.

Агенты по разведке местности устанавливают минные поля и минные проходы.

В случае получения важных данных (например, обнаружено скопление танков) один агент (если на выполнение задания было послано двое) возвращается немедленно с донесением, второй же продолжает свою деятельность по выполнению задания.

4. Прикрытие

При обучении особое внимание уделяется вопросу поведения на стороне немцев. Агенты должен выработать в себе такие уловки и привычки, чтобы суметь незамеченным пройти по поддельным документам.

В первую очередь уметь использовать излишнюю доверчивость и добродушие немецкого солдата.

Рассказать какую-либо вызывающую сожаление историю.

Эвакуация из прифронтовой полосы. Те, что помоложе – поиск родителей. Дети разыскивают своего отца, дезертировавшего из Красной армии, находящегося теперь в немецких лагерях. Ненависть к коммунистам, преследовавшим и репрессировавшим их родственников.

Уклонение от призыва в армию.

Поиски работы. Обмен продуктов питания.

Свой дом сгорел. Направляются к знакомым или родным в другой населённый пункт.

Плохая жизнь у русских.

Отец был у немцев бургомистром – расстрелян. Агент бежит, боясь такой же участи.

Далее рекомендуется: во избежание подозрений ходить по большой дороге. Квартирный вопрос улаживать через местные власти. Самовольное занятие квартир может вызвать только подозрение и опасение у местных жителей перед неизвестным человеком.

В русских учреждениях уделяется большое внимание вежливости и по отношению к немецкому солдату. Выдавать себя за ремесленников. Например, один русский агент, лейтенант в гражданском, мог беспрепятственно передвигаться, имея при себе паяльник и занимаясь при этом мелким ремонтом. Пример: в середине октября 1941 г. агент-радист, хорошо владеющий немецким языком, имея при себе коротковолновой передатчик, был переброшен с заданием устроиться на службу к немцам в качестве переводчика, назвал себя перебежчиком (в русской форме).

5. Паспорта и удостоверения

Изготовленные несколько лет тому назад новые удостоверения сильно бросаются в глаза. Особенно всевозможными вписками в различных местах одинаковыми чернилами и одинаковым почерком.

Агентам зачастую выдают чужие паспорта, наклеивая фотокарточку нового владельца. Штамп на углу карточки подделывается чер-

нилами. Затем заносится мнимое место жительства на занятой территории. В паспорт одной пожилой женщины были вписаны две дочери. Одна из них была мнимой «дочерью», и обе направлялись якобы ко второй «дочери».

Пользуются штампами немецких учреждений.

6. Оснащение

Зачастую у агентов можно найти 2 или 3 смены белья, костюмы или платья (иногда новые) с меткой воинской части. Одевают одно на другое [платья], которые взяли якобы для обмена на продукты.

Большинство агентов – в поношенной одежде.

Однажды удалось изобличить в шпионаже несколько молодых девушек только благодаря тому, что у всех них были совершенно одинаковые галоши (кирпичного цвета).

Наличие компаса всегда вызывает подозрение.

Тщательно проверять газеты, используемые якобы вместо курительной бумаги. Может быть найдётся газета из не занятой немцами области.

Подозрительным должно быть наличие большого количества махорки. Обычно это встречается у агентов, посылаемых с заданием на длительный срок.

Новые деньги с номерами, идущими по порядку.

7. Наши недостатки

В одной из школ разведчиков агентам было заявлено, что немецкие солдаты слишком доверчивы и добродушны, а поэтому можно всегда иметь успех.

Допрос задержанных агентов показал:

Имеющиеся на переднем крае обороны немецкие оцепления и дозоры не всегда являются препятствием для агентов.

Пример: Несмотря на предупредительный выстрел, агент неповреждённым пробрался через немецкую оборону.

Недостаточен или совсем отсутствует контроль на дорогах, на что указывал один из русских офицеров штаба, пробиравшийся к русским, но снова попавший в плен (несколько раз ему удавалось получить обед с немецкой кухни).

Не бдительны продовольственные отряды, особенно одиночные повозки. 2 агенты-женщины были взяты на воинскую повозку.

Часто подозрительных лиц отпускают, отобрав только подписку, чтобы они ежедневно являлись.

Необдуманная выдача пропусков местными комендатурами.

Зачастую бургомистры и начальник полиции отдают распоряжение о предоставлении квартир проезжающим, предварительно их тщательно не проверив.

8. Мероприятия

а) Всех без исключения гражданских лиц, появляющихся вблизи фронта или в отселённой полосе, считать подозрительными. Особое внимание обращать на членов партии и других организаций (комсомольцев, пионеров), проверять их принадлежность к контрразведывательным органам.

б) Каждого задержанного подозрительного подвергнуть тщательному обыску. Всевозможные листки с надписями и паролями были обнаружены зашитыми в одежде, в подкладке картузов. Был случай, когда таковые были найдены в бюстгальтере.

в) Согласно распоряжению штаба 4-й армии (1 ц контрразведка III) (№ 616/42 от 27.03.1942 г. «О борьбе с партизанами») все подозрительные для проверки направляются в тайную полицию.

Отделение 570 тайной полевой полиции расположено в Спасск-Демянске на ул. Альберта, одна боевая группа полевой тайной полиции находится при штабе XII-го армейского корпуса и одна в Рославле при 559-й комендатуре тыла.

Переводчик РО НКВД Управления войск НКВД по охране тыла
Западного фронта мл. лейтенант Королёва

Верно: зам. начальника 4-го отделения разведотдела
ГУВ НКВД по охране тыла ДКА
майор Соболев

ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 1. Д. 501. Л. 130–132. Заверенная копия. Перевод с немецкого.

№ 8.
РАСПОРЯЖЕНИЕ ОРТСКОМЕНДАНТА ГОР. ПАРКОММУНЫ[11] ОБ ОБЯЗАТЕЛЬНОЙ ОТПРАВКЕ В ГЕРМАНИЮ

Не позднее 13 апреля 1943 г.

Всё женское население, рождения 1924–1925 годов, на основании приказа генерального штаба армии об обязательной трудовой повинности в занятых восточных областях от 6 февраля 1943 г. обязано явиться для посылки в Германию, для чего приказывается:

1. Всё женское население названных годов рождения, проживающих в пределах гор. Паркоммуны и шахт, постоянно или временно, обязано немедленно, с 13 апреля по 14 апреля, явиться в помещение Биржи труда г. Паркоммуны с паспортом и метрическим свидетельством на руках для регистрации. Не освобождаются от явки и те лица, которые заняты на той или иной работе

2. Все, подлежащие явке, должны явиться в следующие места: на биржу труда г. Ворошиловска.

3. Явке подлежат в следующие дни и числа в алфавитном порядке: четверг 15 апреля; пятница 16 апреля, к 8 час. утра по среднеевропейскому времени.

4. В день после регистрации все зарегистрированные лица должны явиться с соответствующим багажом в указанные места.

5. Лица, уклоняющиеся от регистрации или не явившиеся в указанные сроки, рассматриваются как саботажники и подлежат наказанию по условиям военного времени.

В случае неявки лиц годов рождения, указанных выше, подлежат заключению в лагерях их члены семьи (мать, отец, брат или сестра) до момента явки затребованного лица.

Д-р Герман
Ортскомендант майор

ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 1. Д. 500. Л. 30. Типографский экз.

№ 9.
ИЗВЕЩЕНИЕ О ПОРЯДКЕ ПОЧТОВОГО СООБЩЕНИЯ МЕЖДУ РАБОТАЮЩИМИ В ГЕРМАНИИ УКРАИНЦАМИ И РУССКИМИ И ИХ РОДСТВЕННИКАМИ В РОССИИ

Б/д

С настоящего времени установлено почтовое сообщение для украинцев и русских, работающих в Германии.

Правила почтового сообщения таковы:

Каждый рабочий имеет право писать два раза в месяц.

Разрешается употреблять только открытки с карточкой для ответа. Значит, родственники должны каждый раз ждать, пока они получат из Германии такие карточки для ответа.

А. По направлению из Германии в Россию

Рабочий должен сдать открытку с карточкой для ответа на своей службе, которая доставляет её получателю в Россию.

Б. По направлению из России в Германию

Родственники должны эти карточки для ответа с написанным адресом лиц, работающих в Германии, сдавать на Биржу труда, если они там получают своё обеспечение.

Биржа труда собирает почту и отсылает её в Германию, где доставляет её получателям.

ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 1. Д. 500. Л. 53. Типографский экз.

№ 10.
ПРИКАЗ № 13
ВЕРХОВНОГО КОМАНДОВАНИЯ ГЕРМАНСКОЙ АРМИИ О ВОЕННОСЛУЖАЩИХ КРАСНОЙ АРМИИ, ДОБРОВОЛЬНО ПЕРЕХОДЯЩИХ НА СТОРОНУ ГЕРМАНСКОЙ АРМИИ

Ставка

21 апреля 1943 г.

Благоразумные солдаты и офицеры Красной армии не желают дальше бессмысленно жертвовать собой ради сохранения советского режима, о чем свидетельствует большое количество военнослужащих Красной армии, переходящих добровольно на нашу сторону.

Всех офицеров и солдат Красной армии, добровольно переходящих к нам, следует рассматривать как противников советской власти и в соответствии с этим с ними обращаться.

Приказываю:

Каждого военнослужащего Красной армии (офицера, политработника, бойца и др.), покинувшего свою часть и самостоятельно или в составе группы добровольно являющегося к нам, считать не военнопленным, а добровольно перешедшим на сторону германской армии.

Обращение с добровольно перешедшими:

В войсковых частях, дивизиях и корпусах:

Добровольно перешедших немедленно отделять от военнопленных и размещать, по возможности, в отдельных благоустроенных помещениях. Все личное имущество (деньги, ценные вещи, обмундирование, ордена, медали, знаки различия) оставлять неприкосновенным. Добровольно перешедших обеспечить хорошим питанием. Добровольно перешедших немедленно препровождать из зоны боевых действий в тыл, обеспечивая их, по мере возможности, средствами передвижения. Больным и раненым оказывать немедленно медицинскую помощь. Каждому добровольно перешедшему на основании имеющихся у него документов или нашего «пропуска» выдавать особое удостоверение.

На специальных сборных пунктах:

Добровольно перешедшим оказывать предпочтение при расквартировании (отопление, обеспечение постельными принадлежностями и т.д.). Офицеров помещать отдельно и обеспечить им все необходимые условия. Добровольно перешедших обеспечивать довольствием наравне с добровольцами Русской освободительной армии и, по возможности, дополнительным снабжением (табаком и пр.). Оказывать преимущество при замене негодного обмундирования. Добровольно перешедшему предоставить 7-дневный срок для решения о его вступлении:

в Русскую освободительную армию, в один из национальных освободительных отрядов (украинский, кавказский, казачий, туркестанский, татарский), добровольцем в тыловую часть или на работу в освобожденных от большевизма областях. При этом принимать во внимание специальную подготовку каждого в отдельности.

Добровольно перешедшим офицерам предоставлять: до капитана включительно – одного вестового на троих, от майора и выше – одного вестового на двоих, для каждого генерала выделять отдельного ординарца. Удовлетворение культурных запросов добровольно перешедших поставить на надлежащую высоту. Для этой цели могут быть привлечены лица и из гражданского населения. Организовать снабжение газетами, соответствующей литературой, музыкальными инструментами, практиковать демонстрацию кинофильмов, поощрять культурную и художественную самодеятельность.

Добровольно перешедшим гарантируется возвращение на родину по окончании войны в первую очередь, если они этого пожелают.

Верховное командование
германской армии

Пропуск

Пропуск действителен для неограниченного числа командиров, бойцов и политработников РККА, переходящих на сторону германских вооруженных сил, их союзников, Русской освободительной армии и украинских, кавказских, казачьих, туркестанских и татарских освободительных отрядов. Переходить можно и без пропуска: достаточно поднять обе руки и крикнуть «Сталин капут!» или «Штыки в землю!»

ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 1. Д. 500. Л. 42. Типографский экз.

№ 11.
ПОСТАНОВЛЕНИЕ ГЛАВНОГО КОМАНДОВАНИЯ ГРУППЫ АРМИЙ «ЮГ» О ВЗИМАНИИ НАЛОГОВ И СБОРОВ

23 апреля 1943 г.

Раздел I

Общие налоги

§ 1 Налог с оборота от реализации товаров

1) Поставки товаров производителями или изготовителями подлежат обложению налогом с оборота.

2) Поскольку сельскохозяйственная продукция и изготовленные из них товары питания, продовольствия, фуража и прочие поступают в реализацию через посредство заготовительных контор и других

органов, производящих закупку сельскохозяйственной продукции – к обложению налогом с оборота подлежит не поставка производителя или изготовителя, а поставки заготовителей.

3) Налог с оборота исчисляется с полученных поставщиком уплат в течение календарного месяца. Фельдкомендатура может предписать, что для известных предприятий налог с оборота должен исчисляться из условных сумм.

4) Имеют действие налоговые ставки, указанные в таблице налога с оборота. С товаров, для которых ставки в таблице не указаны, до установления войсковой группой точной налоговой ставки действительна ставка 25 %.

5) Налог за истекший месяц должен быть уплачен не позже 15 числа следующего месяца; впервые за май 1943 г. – не позже 15 июня 1943 г.

§ 2. Промысловый налог

1) Оперативные единицы промышленных и торговых предприятий подлежат промысловому налогу.

2) Размер промыслового налога устанавливается по общей сумме выплаченных в оперативной области в течение календарного месяца рабочим и служащим заработной платы, жалования и прочих возмещений.

3) Ставка промыслового налога составляет 3 %. С каждой оперативной единицы взимается ежемесячно минимальный промысловый налог в размере 30 руб.

4) Промысловый налог должен быть внесен за истекший месяц не позже 15 числа следующего месяца. Впервые за май 1943 г. до 15 июня 1943 г.

§ 3. Поземельный налог

1) Сельскохозяйственные предприятия подлежат взиманию поземельного налога.

2) Государственные хозяйства (совхозы) и приусадебные земли членов общинных хозяйств и земледельческих товариществ от обложения налогом освобождаются.

3) Размер поземельного налога сельскохозяйственных предприятий, земельные владения которых состоят из пахотной земли среднего качества, устанавливается 20 руб. с гектара в год. Обстоятельства, которые могут значительно изменить условия урожайности, учитываются увеличением или уменьшением ставок обложения до 50 %.

4) Поземельный налог общинных хозяйств устанавливается в размере 6 % от полученных этими общинными хозяйствами в течение календарного месяца доходов. Фельдкомендатура может распорядиться, чтобы это постановление применялось и к земледельческим товариществам.

5) Причитающийся налог за календарный год должен быть внесен четырьмя равными частями: к 15 марта, к 15 июня, к 15 сентября, к 15 декабря. Впервые налог должен быть уплачен к 15 июня 1943 г. в размере одной двенадцатой части годовой суммы. Общинные хозяйства уплачивают причитающийся с них налог ежемесячно не позже 15 числа каждого месяца за истекший месяц. Впервые до 15 июня 1943 г. за май 1943 г.

§ 4. Взносы и сборы

1) Физические лица и предприятия, которые имеют материальные выгоды от устройства местного управления для всеобщего пользования, должны взносами покрывать расходы на эти устройства.

2) Особые действия местных органов управления подлежат оплате сборами.

3) Порядки взимания взносов и сборов местными городскими и районными органами управления должны быть утверждены фельдкомендатурой.

Раздел II
Налоги с имуществ, управляемых доверенными лицами, и налоги доверенных лиц

§ 5. Налог с прибыли

1) Предприятия промышленного характера, находящиеся под управлением комиссаров и доверенных лиц, подлежат обложению налогом с прибыли.

2) Налог устанавливается в размере 50 % достигнутой в хозяйственном году прибыли.

3) Налогоплательщики вносят ежемесячные авансы соразмерные прибыли истекшего хозяйственного года. Фельдкомендатура может установить, чтобы авансы определялись соразмерно обороту или освобождать от уплаты авансов.

4) Налог с чистого дохода впервые взимается за 1943 календарный год.

5) Авансы подлежат уплате до 14–15 числа каждого месяца. В 1943 календарном году месячные авансы составляют 1/6 годовой суммы налога, и первый платеж должен быть внесен до 15 июня 1943 г.

§ 6. Германские подоходные налоги и налоги с корпорации

1) Физические лица, не имевшие до 22 июня 1941 г. на бывшей в то время территории СССР своего местожительства и обычного местопребывания, подлежат обложению налогом по предписанию германского подоходно-налогового права.

2) Корпорации, объединение лиц и имущественных масс (§ 1 германского закона о налогах с корпорации), которые в основном состоят из лиц, указанных в абзаце 1 настоящего параграфа, подлежат обложению налогом на основе предписания германского закона о налогах с корпорации.

3) Налогообязательства распространяются только на доходы в операционной области, если налогоплательщик не имеет своего местожительства или обычного местопребывания в операционной области (организации своего расположения или управления).

Раздел III
Налоги с населения
§ 7. Подоходный налог с населения

1) Подоходный налог с физических лиц, не подлежащих законам германского подоходного налога (§ 6), исчисляется соразмерно сумме доходов, которую налогоплательщик имел за календарную четверть года. Облагаемый доход определяется путем вычета из суммы брутто-дохода (наличные, натуральные выгоды, услуги) суммы расхода, связанного с получением дохода.

2) Подоходному налогу не подлежат:

1) Доходы членов общинных хозяйств, полученные от их участия в этих хозяйствах, а также доходы, полученные при использовании приусадебных земель.

2) Доходы членов земледельческих товариществ и самостоятельных земледельцев, полученные от совместного и самостоятельного ведения сельского хозяйства.

3) Налог не взимается, если сумма дохода за четверть года не превышает 600 руб.

4) Ставка обложения налогом установлена в размере 10 %. Не допускается, чтобы налог превышал разницу между полученной суммой дохода и свободным от обложения придельным минимумом.

5) Налог за истекшую четверть года должен быть уплачен не позже 15 числа последующего месяца. В календарном 1943 г. он впервые должен быть уплачен за май и июнь 1943 г. не позже 15 июля 1943 г. Налог за май и июнь месяцы 1943 г. не взимается, если доход за эти два месяца не превышает 400 руб.

§ 8. Налог населения с заработной платы

1) С лиц, получающих жалование и зарплату, налог взимается работодателем путем удерживания при выплате жалования и зарплаты и вносится ежемесячно. Обложению налогом подлежит брутто-зарплата (наличие и услуги и, в особенности, натуральные выгоды).

2) Исчисление налога с зарплаты производится не по четвертям года, а по тем периодам, за которые выплачивается жалование или заработная плата.

3) Свободным от обложения минимумом считается – при месячной выплате – 200 руб., при недельной расплате – 48 руб. и при дневной – 8 руб.

4) Налог должен быть внесен до 15 числа каждого месяца за предыдущий месяц, впервые за май 1943 г. – до 15 июня 1943 г.

ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 1. Д. 500. Л. 31. Типографский экз.

№ 12.
ОБЪЯСНЕНИЯ ГЕРМАНСКОГО КОМАНДОВАНИЯ ПО ВОЕННОМУ СБОРУ ПО ПРОДУКТАМ ЖИВОТНОВОДСТВА

Не позднее мая 1943 г.

Сдачи по продуктам животноводства устанавливаются согласно нижеследующим правилам:

1) Мясо

Сдачи мяса по военному сбору требуются в будущем только по убойному весу. Убойный вес рогатого скота считается 40 %, молодняка и телят 50 % и свиней 70 % живого веса. Корова в 200 кг живого веса будет зачислена в 100 кг, а свинья в 100 кг живого веса в 70 кг. Сдачи мяса, предписанные в этом промежуточном оповещении о военном сборе, установлены, принимая во внимание запреты сдачи и убоя скота (приказ № 6 по проведению нового земельного порядка) и теперешнее малое наличие крестьянского скота. Эти предписанные количества должны быть доставлены из старого негодного на племя скота. Потому требуется только ничтожная сдача скота, чтобы способствовать восстановлению русского крестьянского животноводства. Дальнейшими такими же мерами являются скидки молока и зерновых при доказанном выращивании молодняка. Германское главное земельное управление ожидает, что крестьяне правильно поймут эти меры и что развитие поголовья их скота будет соответствовать этим мероприятиям.

Русское крестьянство, как и крестьянство всех стран, воюющих против большевизма, должно содействовать усилению европейского военного хозяйства. Русское крестьянство обязано во время войны сдавать сельскохозяйственные продукты, т.е. и мясо, в размере, соответствующем возможной производительности крестьянских хозяйств. Каждый крестьянин должен с этим считаться уже с самого начала ведения своего собственного хозяйства. Для военного сбора 1943/44 г., т.е. на весь хозяйственный год, начиная с 1 сентября 1943 г. и кончая

31 апреля 1944 г., потребуется большее количество мяса. Его размер будет зависеть не от имеющегося сейчас поголовья скота, но от того количества скота, которое должно иметься на лицо, благодаря разным указанным мероприятиям для восстановления животноводства.

Следовательно, сдачи мяса для военного сбора 1943/44 г., начиная с 1 сентября 1943 г., должны быть главным образом заготовлены из старого, непригодного на племя скота и самцов молодняка. Старый скот должен будет по возможности сдаваться до зимы, из-за его лучшего откормленного состояния. Самцы же молодняка должны быть сдаваемы, из-за большего веса, как можно позже, не раньше лета 1944 г., но кончая сдачу 31 августа 1944 г.

В крестьянском животноводстве свиноводство имеет особое значение. Ни одного домашнее животное не размножается так быстро как свинья, и ни одно животное так быстро и выгодно не выкармливается. Для сдачи по военному сбору требуется только мясо, безразлично будет ли сдано говяжье или свиное мясо. Поэтому крестьяне размножением поголовья свиней могут сохранить поголовье своего рогатого скота. Для восстановления крестьянского овцеводства будет издан в ближайшем будущем запрет убоя и сдачи овец.

2) Птица

До 31 августа 1943 г. не требуется сдавать птицу, но для военного сбора 1943/44 г., начиная с 1 сентября 1943 г., будет предписана сдача птиц. Сдача будет наложена на крестьянские общинные хозяйства согласно числу имеющихся в них крестьянских хозяйств. Размер военного сбора будет 4 кг на каждый двор, для больших крестьянских хозяйств соответственно больше. Вес кур и уток должен быть не менее 1 кг на штуку, а гусей – 4 кг. Поэтому крестьяне уже теперь должны позаботиться о размножении поголовья птицы, дабы исполнить свои обязательства.

3) Яйца

Сдача яиц по военному сбору до 30 сентября 1943 г. установлена соответственно числу имеющихся у крестьян кур. Для военного сбора 1943/44 г., т.е. за время от 1 октября 1943 г. до 30 сентября 1944 г., потребуется сдача яиц, размер которой зависит не от количества имеющихся у крестьян кур, но только от числа крестьянских дворов. По всей вероятности, каждый двор будет обязан сдавать 200 штук яиц, большие дворы, соответственно, больше.

Возможно, большее размножение птиц лежит в интересах всех крестьянских хозяйств. Развитое птицеводство способствует лёгкому выполнению сдач; способствует большим поставкам на рынки или получению премий при сдаче магазинам центрального торгового общества; способствует, наконец, благодаря возможности замены мяса птицей или яйцами, сохранению скота.

4) Рыба

До появления в скором времени новых приказов по рыболовству, каждому крестьянскому общинному хозяйству будет наложена сдача рыбы для военного сбора 1943/44 г. в размере, соответствующем рыбному богатству их водоёмов.

5) Мёд

Сдача мёда в промежуточном оповещении о военном сборе установлен по числу имеющихся пчелосемей, а именно, 2 кг на семью. На полный хозяйственный год (с 1 октября 1943 г. до 30 сентября 1944 г.) потребуется большее количество меда. Размножение пчелосемей необходимо, особенно и потому, что вследствие военных действий большая часть сахарных заводов разбита и снабжение сельского населения сахаром в ближайшие годы невозможно. Для избежания засахаривания мёда необходимо его сдавать непосредственно после сбора. Гречишный, вересковый и еловый мёд должны быть сданы в отдельных посудах.

6) Шерсть

Сдача шерсти в промежуточном оповещении о военном сборе установлена согласно теперешнему поголовью овец. За полный хозяйственный год (с 1 октября 1943 г. до 30 сентября 1944 г.) устанавливается более высокая сдача шерсти. Сдача будет зависеть не от теперешнего количества овец, но от того количества, которое должно быть налицо благодаря мероприятиям для восстановления овцеводства. Сдача шерсти должна производиться в чистом и не в всклокоченном виде. Белая и цветная шерсть сдается врозь. Низкоценная шерсть не принимается.

7) Молоко

Сдача молока по военному сбору до 31 июля 1943 г. установлена на основании числа имеющихся молочных коров. Сдача устанавливается 150 л в среднем. На полный хозяйственный год (с 1 октября 1943 г. до 30 сентября 1944 г.) будет предписана средняя сдача в 300 л с коровы. Сдаваемое молоко должно иметь в среднем 3,7 % жира. При сдаче менее жирного молока количество молока должно быть соответственно увеличено.

8) Скидки с военного сбора

Согласно приказу № 6 по проведению нового порядка землепользования военный сбор может быть уменьшен при доказанном выращивании телят и жеребят. Скидки составляют 100 л молока и 50 кг зерновых на теленка, 50 кг зерновых на жеребёнка. Для получения скидки должны быть составлены протоколы старшими крестьянских общинных хозяйств сообща с местным агрономом. Эти протоколы должны быть доставлены германскому районному земельному управлению к концу действия промежуточного оповещения.

ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 1. Д. 500. Л. 64. Типографский экз.

№ 13.
ПРИКАЗ КОМАНДИРА 1-ГО БАТАЛЬОНА 80-ГО ГРЕНАДЕРСКОГО ПОЛКА ВЕРМАХТА ОБ ИТОГАХ БОЯ В РАЙОНЕ МЦЕНСКА

12 июня 1943 г.

Бат[альонный] ком[андный] п[ункт]

При моём вчерашнем и сегодняшнем обходе позиций я установил, что весь состав моего батальона в хорошем настроении и вполне надёжен. Это меня очень порадовало. День вчерашнего победоносного отражения вражеской атаки войдёт как значительное событие в гордую историю полка. Можно было установить, что наша хорошо отстроенная позиция себя оправдала и что каждый удар лопаты себя окупил. Успех был повсюду результатом решительных и смелых людей, так будет всегда. Насколько я мог установить, все целиком и полностью выполнили свой долг.

Из числа участвовавших в атаке неприятельских сил до сих пор установлены:

1-е штрафное подразделение, силой прим[ерно] в 600 чел[овек];

2-й бат[альон] 1148-го стр[елкового] полка;

1-й взвод роты противотанк [овых] ружей 1148-го п[олка];

1-й бат [альон] 860-го стр[елкового] п[олка];

2-й бат [альон] 860-го стр[елкового] п[олка].

18 товарищей батальона вчера были убиты. В благоговении склоняемся мы перед убитыми, которые принесли за фюрера и народ высшую жертву, мы никогда их не забудем! 42 товарища были ранены. Им мы желаем быстрого выздоровления и счастливого возвращения к нам.

Из вчерашнего боевого дня мы хотим извлечь для будущих операций свои уроки.

1. Все телефонные провода были сильным огневым налётом разрушены. Так будет всегда, как бы хорошо провода ни были заложены. Поэтому радио должно быть всегда приготовлено до конца. В качестве связников можно в такие серьёзные часы использовать только смелых парней.

2. Я установил, что враг в решающую ночь на наших позициях на участке батальона уже задолго до атаки был у наших проволочных заграждений, прорезал проходы, отметил их белыми флажками и разминировал. В этом ему очень способствовал сильный туман. Этому мы должны в будущем при всех обстоятельствах пытаться воспрепятствовать. Поэтому приказывается, чтобы находящиеся в ротах дозоры от начала темноты до начала рассвета были расставлены до 200 м перед собственными проволочными заграждениями. Остальные боеспособ-

ные дозоры идут дополнительно, в последовательности, как это было установлено на последнем совещании начальников. Если бы по условиям местности это оказалось необходимым, то на участке роты должно быть расставлено несколько дозоров. Эти дозоры сберегают нам посты в окопах. Все дозоры должны быть снабжены ракетницами и трассирующими боеприпасами, чтобы в нужном случае с предполья быстро поднимать по тревоге находящихся в окопах.

3. Впредь до дальнейших указаний действует [приказ] на время темноты: Все в окопах! Половина бодрствует, половина может отдыхать!

4. Чтобы собрать опыт о вчерашнем трудном дне, роты докладывают вместе с вечерним донесением к 15 июня 1943 г. о следующем:

а) Сколько сигнальных приспособлений было проведено в результате обстрела в негодность?

б) По скольким блиндажам велась стрельба. Сколько удержалось под прямым или близким огнём?

в) Сколько солдат было убито или ранено от арт[иллерийского] огня и огня миномётов? Сколько от огня пехоты убито и ранено? Сколько убито и ранено ручными гранатами?

г) Сколько оборудованных дотов (или дзотов) разрушено неприятельским артилл[ерийским] огнём?

д) Сколько блиндажей рядом с дотами разрушено?

е) Сколько погонных метров окопов разрушено неприятельским огнём?

ж) Сколько метров проволочных заграждений разрушено неприят[ельским] огнём?

з) Сколько мин из собственных минных полей взорвано неприятельским огнём?

и) Сколько пулемётов приведено в негодность неприятельским огнём?

к) Сколько пулемётов, независимо от неприятельского огня, полностью отказало?

л) Сколько боеприпасов (пехотных, лёгких миномётов, тяжёлых миномётов, ружейных гранат и ручных гранат) было в течение целого дня израсходовано? (В круглых цифрах).

м) Как зарекомендовал себя лёгкий миномёт?

н) Как зарекомендовал себя тяжёлый миномёт?

о) Как зарекомендовал себя пистолет-пулемёт?

5. Теперь дело идёт, при отведении на второй план обучения, в качестве самого настоятельного дела как можно скорее привести позицию опять в порядок. Существенное должно быть сделано в 3 дня. Проволочные заграждения должны быть по возможности собственными силами скоро восстановлены (осторожно – мины!).

6. Роты готовятся к тому, чтобы через несколько дней могли быть сделаны предложения о награждениях в связи со вчерашним днём. К этому вопросу нужно отнестись очень серьёзно и добросовестно. Каждое мужественное поведение и каждый мужественный поступок должны найти своё признание. Последовательность – соответственно отличию.

Подп[олковник] Гайль
майор и бат[альонный] команд[ир]

Распределить: до взводов

Перевёл:
ст. оперуполномоченный УНКГБ по Орловской области
ст. лейтенант госбезопасности Зееман

ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 1. Д. 501. Л. 178–178 об. Заверенная копия. Перевод с немецкого.

№ 14.
ПРИКАЗ КОМАНДИРА 35-ГО АРМЕЙСКОГО КОРПУСА[12] ВЕРМАХТА ОБ УКРЕПЛЕНИИ ДИСЦИПЛИНЫ

30 июня 1943 г.

Корп[усной] ком[андный] пункт

Касат[ельно]: мероприятий
в отношении забывших свой долг солдат

1) В одном соединении, которое не принадлежит к корпусу, некоторое время тому назад части пехоты уже под впечатлением только подготовительного артилл[ерийского] огня противника ушли из окопов, которые были им доверены для защиты. Обстоятельства были выяснены во всех подробностях и имели своим последствием несколько смертных приговоров, которые были приведены в исполнение.

2) Во время зимних боёв, тоже в других частях, отдельные люди, в особенности в темноте, покидали своё отделение и взвод и отправлялись в тыл, где они позднее и были схвачены в населённых пунктах, при обозе и на перевязочных пунктах. Точно так же отдельные люди во время движения отхода шли назад за установленную линию. Они также были схвачены. Они пытались оправдать свой образ действия ссылкой на то, что они были рассеяны. Заслуженная участь постигла и большинство этих неверных солдат.

3) При вражеских вклинениях и прорывах ни один солдат не имеет права покидать в им самим выбранном направлении предназначенного для него места. В таких положениях он должен смотреть на своих от-

деленного, взводного или ротного командиров, смыкаться вокруг них и не должен ни в коем случае от них отделяться. Каждый солдат должен знать, где находятся эти начальники, а эти начальники должны сделать всё, чтобы даже в неясном положении иметь постоянную связь со своими помощниками и солдатами.

4) Тот, кто в результате сложившегося вынужденного положения, против которого он ничего не может предпринять, будет отрезан от своей части, должен незамедлительно присоединиться к ближайшей находящейся в бою части, заявить там о себе и по окончании боя добиться подтверждения командиром части правильности своего поведения. Сбор отставших в тылу категорически запрещается.

5) Ни одно оружие не должно пропасть. Каждый солдат ответственен за своё личное оружие. За лёгкий пулемёт отвечает стрелок № 1, за остальное, однако, всё отделение в целом. Заявление: «Наводчик был ранен, поэтому лёгкий пулемёт потерян» в будущем не будет больше приниматься. За тяжёлое оружие отвечает расчёт в целом.

6) Кто в бою без приказа отступает назад, кто покидает в бою свою часть, кто бросает доверенное ему оружие, кто в бою не употребляет своего оружия, не щадя своей жизни, для уничтожения противника, нарушает честь и долг солдата, нарушает товарищество фронта, совершает преступление против общности германского народа. Германский народ борется в этой войне за своё существование. Тот, кто покидает и предаёт сообщество как раз в критические моменты боя, того сообщество оставляет и уничтожает. Каждого неверного солдата, который покидает в бою свою часть, должна настигнуть смерть по приговору военного суда.

7) Каждый солдат, который во время боя будет обнаружен вне своей части, каждый, кто, не будучи ранен или болен болезнью, которая признана врачом, будет обнаружен на перевязочном пункте, подлежит аресту. Он должен быть немедленно подвергнут военно-полевому суду. Если налицо указанный выше состав преступления, то могут быть утверждены лишь приговоры, которые предусматривают смертную казнь.

8) Дивизии и полки, а также каждый местный комендант тыловой области должны при помощи плотной сети патрулей принять меры к сплошному контролю в своём районе. Помимо этого, корпус введёт патрульную службу полевой жандармерии вплоть до района боевых действий.

9) Настоящий приказ не затрагивает преобладающей массы наших солдат. Они оказались во многих боях и в многочисленных предприятиях верными долгу, преданными и мужественными сынами германского народа. Но приказ направлен против тех немногих, которые имеются, к сожалению, в любом сообществе и которые всегда сначала думают о себе и не хотят осознать своих обязанностей в отношении сообщества. Если я, тем не менее, приказал, чтобы с настоящим приказом

были ознакомлены все солдаты, то причина этого лежит в том, чтобы сознательный солдат имел надзор за теми, кто сдаёт в критический момент, для того, чтобы он поднял его дух и, может быть, спас бы ещё для сообщества.

Подпись

Копия верна:
лейтенант и зам. командира роты

Перевёл:
ст. оперуполномоченный УНКГБ по Орловской области
ст. лейтенант госбезопасности Зееман
25 августа 1943 г.

ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 1. Д. 501. Л. 180–180 об. Заверенная копия. Перевод с немецкого.

№ 15.
СТАТЬЯ «ВАЛ ПРОТИВ БОЛЬШЕВИЗМА» В ЖУРНАЛЕ «ФЮРЕР СА»[13] № 6

Июнь 1943 г.

Оберштурмбанфюрер Ин дер Маур

«Вот началась вторая зима на Востоке. Вновь приступают советы к зимним боям. О том, что наши фронтовые бойцы в эту зиму покажут себя так же, как их отцы в оборонительных боях Первой мировой войны и они сами показали себя в прошедшую зиму, – мы знаем с уверенностью!». Этой констатацией было закончено описание летнего похода 1942 г. Советы уже приступили к первому наступлению, которое так же бушевало между Качалинской в излучине Дона и у Орловки на Волге, как и удар, который распространился южнее Сталинграда до холмов Ергани и у Цацы и достиг местных успехов в направлении на запад. Иным, чем в первую восточную зиму, было на этот раз военное положение. Именно тогда, когда в первых числах декабря 1941 г. наши атакующие войска всё ещё стремились на восток, это не имеющее себе равного победоносное шествие неожиданно захватила наступившая с неслыханной силой зима. Подобно пальцам вытянутой руки вдавались наступающие колонны в расположение противника. Поэтому сначала должны были быть отведены назад эти наступательные острия, чтобы создать фронт, который был бы подобен кулаку. После того, как это случилось, войска вцепились в замёрзшую землю. Вокруг бедных и скудных населённых пунктов образовались позиции-«ежи», некоторые из которых

стояли, как скалы среди прибоя. Назвать Демянск, Холм, Сухиничи – значит признать героическую борьбу этих и всех остальных позиций-«ежей» первой восточной зимы. Силы, которые развернули советы против этих позиций-«ежей», перешли от обороны к наступлению скорее случайно, чем планомерно. Ожесточённые бои местного значения развернулись поэтому на многих участках всего громадного фронта и не дали поэтому образовать советских ударных групп в том масштабе, как это было бы врагу желательно. Зима 1941/42 г. была тяжёлой и суровой; тяжелее, может быть, вследствие исключительного ненастья, чем вследствие, конечно, не явившейся неожиданной массовой тактики советов.

Иначе обстояло дело в 1942/43 гг. К началу зимы немецкий южный фронт занимал начинавшуюся у Ливен, юго-восточнее Орла, и удержанную в ожесточённейших оборонительных летних боях линию, которая севернее Воронежа достигла Дона, образовала предмостное укрепление «Воронеж» и шла потом вдоль течения Дона до вышеуказанной излучины Дона у Качалинской, на всём протяжении которого советы располагали только тремя предмостными укреплениями, а именно: у устья Хопра между Усть-Хопёрском и Серафимовичем, далее у Клетской и, наконец, южнее Кременской. Поперёк перешейка между Доном и Волгой был отгорожен район Сталинграда, в котором советы называли своими собственными только 2 из 24 городских участков, так что на Волге на протяжении, [о]кругл[ённ]о, 30 км господствовали немецкие орудия, и речное сообщение было прервано. Южнее Сталинграда неплотная цепь опорных пунктов восточнее г. Ергени вдоль калмыцкой степи образовывала прегражденне, которое пересекало Куму у Ачикулака и устанавливало у Моздока связь с восточно-кавказским фронтом, который протекал дугой вокруг Алагира западнее Орджоникидзе в предгорьях Кавказа и запирал верхние долины источников Терека, охватывая на юге Нальчик и доходил до Эльбруса. От этой горы, высотою в 5630 м, идя на запад, располагался на горных перевалах западно-кавказский фронт, который охранял районы Майкопа и Краснодара против юга; непосредственно южнее Новороссийска достигалось побережье Чёрного моря.

Напротив этого длинного фронта располагались на позициях советские армии, часто с третьеклассными частями, в то время, как в далёком тылу Дона собирались армии, сосредоточение сил которых на главных направлениях нельзя было ни легко установить, ни ему воспрепятствовать. Советы стянули из масс гигантского государства всё, что можно было охватить, чтобы расположить их на исходных позициях для зимнего похода. Английские военные писатели оценивали этот добавочный призыв в 170 дивизий, следовательно, [о]кругл[ённ]о, в 2 млн человек. С этой массой связывалось поэтому и то преимущество командования, чтобы быть в состоянии выбрать место и время, которое всегда полезно

ведущей войну стороне, решившей наступать. Таково было положение, когда советы 19 ноября начали наступать против перешейка между Доном и Волгой по обе стороны Сталинграда, не будучи в состоянии в первую неделю добиться тактических результатов.

Два клина советов

26 ноября 1942 г. картина изменилась. Сверхмощный прорыв от предмостного укрепления Клетская ударил по находившимся там румынским силам, причём одной танковой группе удалось прорваться и соединиться у Калача со стремившимися одновременно в направлении [озера] Цаца на северо-запад танками. С ожесточением оборонялись проверенные в боях румынские дивизии, которые в результате прорыва должны были отойти к р. Чир, в то время, как одна фланговая дивизия так же, как и стоявшие восточнее румын немецкие силы, отступили через Дон против Сталинграда. В результате этих советских операций группировавшиеся вокруг Сталинграда дивизии 6-й армии генерал-полковника Паулюса были хотя и изолированы, но не заперты. Они образовали «ежа», поперечник которого в направлении с запада на восток составлял, [о]кругл[ённ]о, 60 км, а с севера на юг, примерно, 40 км, в то время, как на р. Чир образовался новый фронт, который упирался в район вдоль ручья до его впадения у Нижне-Чирской, далее проходил вдоль Дона и севернее Котельниково примыкал к прегражденію в горах Ергени.

В то время как Чирский фронт с каждым днём всё более укреплялся, восточнее Дона из района южнее Котельниково выступила группа для удара в северном направлении, чтобы ликвидировать изоляцию Сталинграда. В ожесточённых боях советские силы, распространившиеся между Доном и Волгой, были отброшены и достигнут ручей Мышков, который впадает в Дон севернее Чирской. Полная ликвидация изоляции Сталинграда могла поэтому ожидаться со дня на день.

В этот момент произошёл второй массовый удар советов из района между Казанская и Новая Калитва, следовательно, по обе стороны Богучар, который по массовости применения танков и войск превосходил всё, до этого бывшее. Несмотря на энергичнейшую оборону итальянских войск, численно сильно превосходящим советским армиям удалось 20 декабря форсировать замёрзший уже Дон и распространиться подобно потоку на юг. В то время как часть неприятельских сил распространилась на Казанской через Миллерово в район Каменска-Шахтинского на Донце, так же, как и против Морозовского, клин, вбитый из Новой Калитвы, стремился пересечь ж.-д. линию Россошь – Кантемировка. Правда, подвезённые резервы бросились навстречу советам, деблокировали круговые позиции гарнизонов, державшихся вдоль линии Россошь – Каменск, и воспрепятствовали продвижению советов к железной дороге, которая вела из Донбасса через Морозовский

к Чиру. Не укреплявшийся Чирский фронт был этим самым перевёрнут. Поэтому и продолжение наступления южнее Дона через ручей Мышков стало невозможным, так что верховное командование сухопутных сил должно было принять серьёзные решения, которые складывались из двух частей.

Магнит Сталинград

Первое решение касалось Сталинграда. Так как Донской фронт был парализован на протяжении, [о]кругл[ённ]о, в 300 км, и клин достигал 150 км глубины и поэтому, вследствие условий транспорта и связи, не мог быть сразу прегражден, нужно было позаботиться о том, чтобы советский «вал» не катился в бедное войсками пространство, а был бы притянут каким-либо магнитом вне этого пространства. Этим магнитом явилась собранная вокруг Сталинграда 6-я армия. Как ни тяжело было, без сомнения, решение, но оно оказалось с оперативной точки зрения правильным. Вал не «ввинчивался» дальше в прорванное и прикрытое только слабыми силами пространство севернее и восточнее Донца, а обратился всей массой против Сталинграда, который притянул к себе постепенно до 70 дивизий.

Отход с Кавказа

Второе решение касалось Кавказского фронта. С приближением советов к Донцу Ростов попадал в угрожаемую зону. Через ростовские ворота происходило всё снабжение Кавказского фронта. И обратно: находящиеся на Восточном Кавказе силы должны были бы иметь возможность в случае необходимости отступить через эти ворота, если бы они, угрожаемые с фланга и с тыла, не желали бы попасть в тяжелейшее положение. Поэтому было неизбежным решение свернуть Кавказский фронт и направить стоящие там дивизии к северу, для того, чтобы они на предусмотренном укороченном фронте могли вновь занять исходные позиции для отражения советского потока. В то время как прикрывающие силы вдоль калмыцкой степи медленно отходили с занимавшейся ими линии постов к Манычу, дивизии Восточно-Кавказского фронта между Моздоком и Эльбрусом в ночь под новый год оторвались согласно приказу от противника. В военной истории навсегда останется как образцовое достижение то, как в течение января эти дивизии в полном порядке со всеми людьми, лошадьми и повозками прошли расстояние, равное по прямой 600 км, пока они к началу февраля не оставили за собой ростовских ворот. Постепенно к этому свёртыванию Восточно-Кавказского фронта прибавилось также и свёртывание Западно-Кавказских фронтовых групп, цели движения которых были перенесены не на Ростов, а на северо-запад, где они с Новороссийском, как самым южным опорным пунктом, образовали, в конце концов, кубанское предмостное укрепление, связь которого с тылом обеспечивалась через Керченский морской пролив.

Отход от Воронежа

В то время, как осуществлялись эти решения, касавшиеся Сталинграда и Кавказского фронта, советское командование в середине января атаковало вверх по течению Дона в направлении на север, причём примыкавшие к северу от Россоши венгерские войска были опережены советским продвижением на Валуйки, т.е. поставлены под угрозу с фланга и сверх того – атакованы с фронта от Свободы.

В ходе осуществлявшихся уже отступательных и концентрирующих силы движений был поэтому оторван от противника также и атакованный с юга Донецкий фронт, следовательно, оставлен и Воронеж, что было осуществлено 24 января. В то время, как немецкие и союзные дивизии по приказу планомерно устремлялись на запад из вышеупомянутых районов Кавказа и лежащей к западу от Дона территории, для того, чтобы на новой территории заново перегруппироваться по плану, для частью жёсткой, частью эластичной, обороны, внимание не только немецкого народа, но и всего мира было направлено на ту героическую армию, которая под командованием генерал-полковника Паулюса держала вахту в 300 км восточнее [и] вокруг Сталинграда на Волге.

Героическая песнь о Сталинграде

Бойцы Сталинграда знали в своих тяжёлых неделях и днях, а также и в своих тяжелейших часах, что их поставили на их пост – не недосмотр или забывчивость, что они были там оставлены, конечно, не для того, чтобы внести вновь страницу военной славы в книгу немецкой военной истории. Они знали, и мы знали это, что на карте стояли большие решения: от их выдержки в аду происходящего зависело создание нового фронта далеко позади руин Сталинграда. Поэтому твёрдыми словами хором отвечали бойцы предлагавшим им сдаться советам: «Мы не хотим никаких переговоров, мы хотим победы!». Благодаря твёрдости сопротивления, которое длилось более двух месяцев, и вследствие массы участвовавших в этом военном героическом эпосе воинов, Сталинград стал величайшей героической песней немецкой истории, которая подобно Леониду и героям Трои должна найти и найдёт своих певцов и поэтов, чтобы боевой символ Сталинграда как миф перешёл к детям и детям детей, над названием которого высились бы на новый лад отчеканенные старые слова: «Путник, если ты придёшь к Волге, то сообщи домой, что ты видел нас лежащими, как повелел о том закон!».

Навстречу повороту

В то время, как 2 февраля закончилась героическая драма Сталинграда, отступавшие с Кавказа согласно приказу дивизии оставили Ростов позади себя, который вследствие этого оказался вне оперативных планов и был поэтому 14 февраля после разрушения всех важных в военном отношении сооружений оставлен советам. Вражеский мир под-

нял крик по поводу очищения Ростова. Но этот крик затих несколько дней спустя, когда советские авангарды достигли Миуса и здесь тщетно бросались на позиции старого зимнего фронта, которые прочно противостояли нажиму. Все попытки советов в середине февраля продавить Миусский фронт между Таганрогом и восточнее Ворошиловска захлёбывались с самого начала; просочившиеся части, как 7-й гвардейский кавалер[ийский] корпус и 4-й моториз[ованный] гвард[ейский] корпус советов, были окружены и уничтожены. Один пункт остановки движения был таким образом на кратчайшем направлении найден.

То, что не удалось советам фронтально, то должно было быть достигнуто путём охвата. Хотя уже с сильно сокращённой массой, но всё же с достаточными силами советское командование приказало форсировать Донец между Славянском и Изюмом, чтобы обратиться к новым планам, устремлённым на Днепр, который, как однажды в мае 1942 г., должен был быть достигнут на линии Днепропетровск – Запорожье, и тем миусский фронт либо приведён к падению, либо к окружению. И севернее упомянутой территории двигались советские потоки – хотя и медленнее – на запад. Они ещё обладали силой оттеснить ведшие восточнее Харькова сдерживающие бои арьергарды и занять сам Харьков 16 февраля, т.е. через два дня после очищения Ростова. Севернее Харькова была перейдена ж.-д. линия Белгород – Курск, авангарды дошли до районов Ахтырка – Сумы – Льгов.

Одной из любопытнейших черт тех дней было то, что испытанными врагами Германии в нейтральных странах стал овладевать страх перед большевизмом. Обычная игра в сатиру исчезла со страниц печати; стали серьёзнее и вдумчивее, тем более, что ветхозаветная воля врагов к разрушению империи чуяла наступление утра и начинала делить шкуру ещё неубитого льва. В полном непонимании целей немецкого отступления, особенно английская политика начала разоблачать себя в отношении планов нового порядка в Европе в таких масштабах, каких нельзя было ожидать даже в самых смелых мечтах. С вялым жестом руки англичане и северо-американцы начали раскрывать не только различные планы уничтожения германской империи и народа, но и поставили на повестку дня выдачу малых народов Восточной и Юго-Восточной Европы советам. В военном же отношении советское руководство думало, что оно является уже хозяином положения. Далеко идущие цели получили внезапно форму и очертания.

После того, как Харьков был очищен 16 февраля, обход немецкого фронта на р. Миус и прорыв к Днепру образовали, как мы видели, ближайший план советского верховного командования, которое с этого момента привело свои головные армии в движение на запад, эластичная немецкая оборона рассматривалась советами не как свободно взвешенный

метод ведения войны, а как признак слабости немецких войск, которым не оставалось ничего иного, как отходить к линии и за линию Днепра. Начиналось новое изменение в зимнем походе. Наступал поворот.

Удар Манштейна во фланг

13 февраля войдёт в историю, как дата этого поворота, в этот день танковые дивизии армейской группы генерал-фельдмаршала фон Манштейна ударили под Красноградом и Павлоградом с уничтожающим успехом во фланг танковой армии генерала Попова. Направляясь к северу и востоку, эти силы штурмом Лозовой 26 февраля смяли ударом во фланг стремившиеся советские дивизии. Не только армейская группировка Попова, но и сильные части советских 1-й и 6-й армий были этим разгромлены. Фронтальная опасность для Днепропетровска и опасность обхода для Донецкой области были устранены.

В то время как это происходило в районе Лозовой, выступили и из района Константиновки части армейской группы, штурмовали того же 26 февраля Краматорскую, 3 марта – Славянск, 4 марта – Лисичанск, так что Донец был достигнут на широком фронте в 250 км до Изюма.

Теперь могло начаться наступление на Харьков. С северо-запада с линии Ахтырка – Сумы через Грайворон и Богодухов, с юго-запада через Валки и Мерефу, где ещё в мае 1942 г. разрешилась тогдашняя битва южнее Харькова, последовал прорыв в город, который, будучи обойдён с севера, оказался 14 марта снова в немецких руках.

Распространившись из Харькова лучами, 18 марта было достигнуто верхнее течение Донца от устья ручья Мож через Чугуев до Белгорода, и сам этот узел взят штурмом. В ходе этих операций вокруг Харькова были разбиты основная масса советской 6-й армии, 3-я танковая армия так же, как и сильные части 40-й армии.

Контрударом армейской группы Манштейна зимнее сражение было закончено. Иностранная печать употребила для этого контрнаступления выражение «Чудо на Донце». Мы, немцы, отклоняем это выражение. Для нас это контрнаступление не было чудом, а хорошо взвешенным планом нашего командования, который был мастерски осуществлён введёнными в бой войсками и прежде всего 11-й танковой дивизией под командованием генерал-лейтенанта Бальк, 7-й танковой дивизией генерал-лейтенанта барона фон Функ и дивизией войск СС «Викинг» под командованием генерал-лейтенанта Штейнара.

О каком-либо чуде нет поэтому и речи. 28 стрелковых дивизий, 10 стрелковых бригад, 5 кав[алерийских] дивизий, 11 мотобригад и 31 танковая бригада советов были частью уничтожены, частью сильно потрёпаны. За время с 13 февраля по 20 марта противник потерял в этом районе 50 тысяч убитыми, 20 тысяч пленными, 3 400 орудий и 1 400 танков. Так закончилась зимняя кампания на южном фронте.

Позиционные сражения на северном фронте

Само собой разумеется, зимнее сражение не ограничивалось только южным фронтом, а бушевало вдоль всего восточного фронта, причём направления главных ударов в оперативно важных районах бросались особенно в глаза. Начало положили бои за Великие Луки, которые продолжались с 25 ноября до 17 декабря и нашли в окружении при Торопце своё тактическое, а отводом фронта обороны непосредственно за город, своё стратегическое завершение. Подобно сказанию из легендарных времён звучала фраза нашей сводки верховного командования: «Гарнизон цитадели Великие Луки пробился согласно приказу к наступавшим для выручки войскам».

Ожесточённейшая битва свирепствовала в районе Орла с 2 февраля по 26 марта, следовательно, в продолжении 8 недель. Здесь должна была быть взломана связующая территория между южным и северным фронтами. Зимнее сражение под Орлом, как часть большой зимней борьбы, блестяще войдёт в историю оборонительных сражений. 48 советских стрелковых дивизий, 12 стрелковых бригад и 17 танковых бригад были в ходе этого сражения при особо тяжёлых потерях частью разбиты, частью сильно потрёпаны, так что советское командование достигло в действительности только одной цели, именно, нарастания кровавых потерь, для которых цифра в 200 тысяч человек, скорее, преуменьшена.

В ходе зимних боёв движения на отрыв от противника происходили и на среднем участке этого фронта. Здесь прежде всего надо упомянуть о самостоятельно выбранном и 1 марта осуществлённом очищении «крепости Демянск», района, который сопротивлялся в продолжение 14 месяцев (с 18 января 1942 г. до 28 февраля 1943 г.), временами полностью изолированной. Высоких кровавых потерь – 30 тысяч пленными, 2 тысячи 300 танков и 617 орудий – стоил этот гигантский «ёж» советской наступательной ярости, которая после очищения Демянска в целях выпрямления фронта у Старой Руссы в мартовских боях 1943 г. понесла кровавые потери: 61 тысяча человек и 300 расстрелянных танков взгромоздились в течение 4 недель перед фронтом одного единственного немецкого армейского корпуса.

Не менее значительным было и произошло по испытанному образцу хорошо подготовленное очищение выступа фронта Ржев – Вязьма. Невольно напрашивается при этом сравнение с точно так же сложившимся положением, которое имело место ровно 26 лет тому назад в Первую мировую войну. 13 марта 1917 г. начался откат западного фронта от линии Бапом – Перрон – Шольн – Дралинкур на линию Монши – Ст. Кантэн – Ла Фер. В этот день ещё только отдельные роты держали в качестве заградительных отрядов старый фронт, 17 марта последний снаряд был выпущен через «ничейное пространство».

19 марта отход был закончен. Позиция в форме дуги укоротилась за одну ночь на 70 км и превратилась в хорду. Враг оказался перед зияющей пустотой. Преследование наталкивалось всюду на пустыню, распространилась всеобщая неуверенность, очертания стратегического положения расплывались в темноте.

Так, из отвода фронта и из отречения получился шахматный ход, которым игра начиналась сначала, который путал противника и собственному делу приносил пользу – следовательно, успех! Что тогда приведенными словами писал не имеющий себе равного писатель Первой мировой войны полковник Герман Штегаман об отступлении Гинденбурга на «линию Зигфрида», может быть, в одинаковой степени отнесено к отводу дуги фронта Ржев – Гжатск – Вязьма.

То, что советы, конечно, и на старых местах боёв за Холм, у Волхова и южнее Ладожского озера принесли гетакомбы жертв, чтобы вдавить северное крыло нашего фронта или, по крайней мере, ослабить охват Ленинграда, относится целиком к главе, которую можно озаглавить только как «массовое убийство».

Не следует забывать ещё одного театра военных действий, именно Кубанского предмостного укрепления, который охватывает район Новороссийск – Крымская и устье Кубани с населёнными пунктами Славянская – Тамрюк.

Морская крепость Новороссийск пала в период летнего похода 6 сентября 1942 г. Тем самым советский Черноморский флот лишился пристанища, т.к. в его распоряжении не было никакой другой гавани с изобильными морскими мастерскими. В ходе отступления Западно-Кавказского фронта советы наткнулись 20 февраля 1943 г. на немецкие боевые линии, которые задержали движение советов.

Постепенно советы собрали значительные силы, начавшие через месяц, т.е. около 20 марта, сильные атаки, которые также разбились о находившиеся в них (линиях) немецкие силы или были парализованы распутицей. В начале апреля период грязи в результате быстро наступившей весенней погоды заканчивался. Используя это улучшение погоды, советы начали 14 апреля свои атаки и, прежде всего, в направлении на Крымскую, так же, как и в низинах устья Кубани. В четырёхдневных оборонительных боях удар, который должен был вдавить предмостное укрепление, был отражён. Первоначальные успехи восточнее Крымской так же, как и в районе вокзала города и лежащей южнее густо поросшей лесом цепи холмов, были на второй день боёв компенсированы контрударом.

Задержанный вал

О всём периоде зимнего сражения можно по праву высказать некоторые соображения. Следует установить: советам удался прорыв

у Клетской и у Богучар; и уж если говорить об этом, также и охват с фланга Донского фронта севернее Россоши. Всё, что из этого проистекло, было – с оперативной точки зрения – советское движение в след, а не преследование. Поэтому дело шло – если посмотреть с немецкой точки зрения – о стратегических отступлениях и их последствиях, именно [о] территориальной обороне, внезапных контрударах и неожиданном отрыве от противника, для чего коротко и по праву было создано понятие «эластичная оборона».

Существует старое учение: если отрываешься от противника, то нужно далеко отрываться. В столь тяжёлые часы у полководца не существует никаких сентиментальностей, никаких вопросов престижа, никаких попыток с негодными средствами замазать тяжёлое положение и поэтому по частям израсходовать резервы. В такие часы существуют только большие, деловые решения. Так трезво и деловито действовали все те, слава которых как полководцев прочно записана в книге военной истории. Подумаем только, чтобы назвать один пример – о начале Первой мировой войны, когда Конрад фон Гецендорф в сентябре 1914 г. Отступал перед царским превосходством под Лембергом и отошёл на 300 км до Кракова, следовательно, очистил целую коронную область, и это было первым результатом первой большой битвы войны. Это было сознание ответственности и знание дела стратегии, не связанное ни с какими соображениями престижа, словом, мужество перед историей в высоком смысле этого слова. Такое мужество в отношении паллиативных движений, которые не являются выходом из положения, а только бесполезно расходуют силы, обнаружило и руководство Адольфа Гитлера. После победоносных походов в Польше и Норвегии, Франции и на Балканах, Африке и против Советского Союза нашему командованию действительно не нужно было заботиться о вопросах престижа. При испытанной прозорливости нашего военного руководства и при внушающей страх стойкости наших войск эта «эластичная оборона» могла применяться без опасений.

Но для эластичного ведения войны существует правило: если руководство решается на перегруппировки, то оно не должно цепляться за территорию, так, как и мы во время наступления никогда не видели успеха в покорении города или достижении какой-либо линии. Наряду с этой оперативной истиной уместно также вспомнить об одном старом опыте: от ударов воли защищаются при помощи дамб, о которые разбиваются волны. Если же волны так сильны, что они могли бы разрушить дамбы, то им должно быть предоставлено в виде свободного пространства район наводнения, в просторах которого они затериваются. И этот опыт из области бушующих сил природы был принят во внимание нашим командованием.

Конечно, мы отдали территории, много территорий! Но чего-либо решающего в смысле территории немецкое военное руководство не потеряло. Громадная область советского пространства с особенно богатыми источниками снабжения неизменно остаётся подвластной. И германские вооружённые силы во всех своих частях морально и материально невредимо перенесли все тяжёлые испытания советской зимы. «Наполеоновская судьба», которая не могла быть нам уготована в первую восточную зиму, потерпела поражение также и во вторую восточную зиму, как вследствие гибкости нашего руководства, так и упорства наших войск, которые всюду, без исключения, сохранили своё превосходство и одиночного бойца, и в соединениях. Снова, как и в 1914 г., «русский вал» задержан.

Громадны были потери советов. Мы знаем, что народы Советского Союза обладают особенной стойкостью в перенесении страданий, что доказали в Первую мировую войну: потери вообще, но особенно – потери во время Брусиловского наступления, в ходе которого между 1 июля и 1 октября 1916 г. армии этой армейской группировки потеряли 85 тысяч 980 офицеров и 1 млн 797 тысяч 500 солдат.

Потери советской армии убитыми, надолго вышедшими из строя, тяжело ранеными и пленными за четыре зимних месяца с 20 ноября 1942 г. по 20 марта 1943 г. в общей цифре в 2 млн человек оценены не слишком высоко, как это подробно и на основании расчётов показал по немецкому радио генерал-лейтенант Дитмар[14].

Кроме кровавых потерь, советы потерпели ещё материальный ущерб в 12 тысяч танков, 3763 самолёта и составляющее многие тысячи число орудий. Эти потери, которые ни в какой армии не могут пройти бесследно, причём следует напомнить, что результаты и потери Брусиловского наступления означали когда-то начало разложения, хотя сама борьба продолжалась ещё целый год. Как заграница оценила эти потери, показало описание, которое в следующих словах было дано одной швейцарской, как угодно, но только не пронемецки настроенной газетой: «Правда, советы добились успехов в борьбе с отходящими немецкими армиями, но они беспощадно жертвуют своими людьми и ведут массовые атаки, которые стоят потоков крови.

О том, как долго могут продолжаться такие методы, которые сомнительным образом расточительны, лучше умолчать. Но всеобщее убеждение нейтралов сводится к тому, что разразившемуся с беспримерной силой наступлению поставлены естественные границы, и что у него кончится дыхание на какой-нибудь выдвинутой на запад линии». У Лозовой это предчувствие подтвердилось.

Зима 1942/43 гг. была тяжёлой, ещё тяжелей, чем зима 1941/42 гг., но она не была безрезультатной, т.к. она дала как в военном, так и поли-

тическом отношениях недвусмысленное доказательство: только германские вооружённые силы дают защиту против Москвы и большевизма.

Перевёл:
Ст. уполномоченный УНКГБ по Орловской области
ст. лейтенант государственной безопасности Зееман

ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 2. Д. 981. Л. 56–62. Копия. Машинопись. Перевод с немецкого.

№ 16.
ВОЗЗВАНИЕ БЮРО ТРУДА ГОР. ПЯТИХАТКИ К МЕСТНОМУ НАСЕЛЕНИЮ О ПОМОЩИ В УБОРКЕ УРОЖАЯ

7 июля 1943 г.

Для уборки богатого урожая необходимо привлечь к работе всю имеющуюся в гор. Пятихатки рабочую силу. Все мужчины, женщины, молодежь, которые не находятся на постоянных работах, обязаны в понедельник 19 июля 1943 г. явиться в Бюро труда для оформления в помощь уборки урожая, а также все патентщики должны принять участие в этой работе с 19 июля 1943 г.

В связи с большим недостатком рабочей силы приказываю начальников всех производств дать в распоряжение Бюро труда одну пятую часть работающих на производстве или в учреждении для уборки урожая примерно на четыре недели. По окончании помощи уборки урожая все призванные возвращаются на свою прежнюю работу. Остающиеся на производстве люди должны выполнять работу ушедших с тем, чтобы производство или учреждение от этого не страдало.

Призванные в помощь уборки урожая получают на трудодень шесть рублей деньгами, полное бесплатное питание по нормам, установленным управлением совхозов, кто будет нуждаться в ночлеге на месте, тот получит квартиру, оплата будет произведена по окончании работы. Кроме этого, каждый работающий может получить килограмм зерна по государственной цене на каждый выработанный трудодень. Кто будет работать по уборке подсолнуха, тот может получить вместо зерна один килограмм семечек на выработанный трудодень.

Молодежь до 14 лет оплату получает по установленным совхозами расценкам и, кроме того, половину натуры указанной выше. Призванные с собою должны взять необходимую посуду для еды и умывальные принадлежности. У кого есть вилы или грабли, взять с собой на работу.

Высшая обязанность каждого призванного в помощь уборки урожая – помочь убрать урожай и добросовестно работать при всех условиях. Только полная и своевременная уборка урожая даст возможность полного обеспечения города и села хлебом.

Гебитскомиссар Бюро труда

ЦА ФСБ России. Ф. 4. оп. 1. Д. 500. Л. 33. Типографский экз.

№ 17.
СООБЩЕНИЕ ОКРУЖНОГО КОМИССАРА ГОР. НИКОЛАЕВА О ПРЕДАНИИ СМЕРТНОЙ КАЗНИ УКЛОНИВШИХСЯ ОТ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ РАБОТ

Извещение опубликовано в газете «Голос Днепра» № 86

18 июля 1943 г.

Сегодня немецким особым судом в Николаеве согласно распоряжению рейхсминистра оккупированных восточных областей от 17 февраля 1942 г. за причинённый ущерб немецкому государству осуждены к смертной казни:

1. Скрипченко Андрей, рождения 19 января 1925 г., уроженец [с.] Лобогреевка
2. Макаров Иван, рождения 17 апреля 1924 г., уроженец [с.] Н. Николаевка
3. Ямчуков Александр, рождения 20 мая 1925 г., уроженец [с.] Михайловка
4. Хрупалов Пётр, рождения 20 мая 1925 г., урож[енец] [с.] Михайловка
5. Скляр Иван, рождения 1925 г., урож[енец] [с.] Михайловка
6. Филиппов Александр, рождения 1925 г., урож[енец] [г.] Архангельска
7. Гончаренко Александр, рождения 1925 г., урож[енец] [г.] Архангельска
8. Добролежа Надежда, рождения 24 сентября 1925 г., урож[енка] [с.] Остаповка
9. Тараненко Мария, рождения 18 октября 1925 г., урож[енка] [с.] Остаповка
10. Сало Мария, рождения 23 ноября 1925 г., урож[енка] [с.] Горашино

Перечисленные выше лица уклонились от выполнения обязательного труда, предусмотренного согласно § 1 распоряжения рейхсминистра в оккупированных восточных областях от 19 декабря 1941 г. и 27 августа 1942 г., и скрылись с места работы. Так как назначенная им работа была важной в военном отношении, они, отказавшись от этой работы, принесли вред немецкому государству, которое в интересах всех народов Европы ведёт борьбу против большевизма. Смертные приговоры сегодня приведены в исполнение.

Немецкая армия и союзные с нею войска европейских государств, а также добровольческие отряды восточных народов, освобождённых от большевизма, ведут борьбу плечом к плечу за достижение окончательной победы над преступной советской системой. Из этого вытекает священный долг для всех работающих на европейской территории содействовать победе своим трудом на определённом участке работы и тем самым показать себя достойным кровавых жертв войны.

Все украинки и украинцы, уклоняющиеся от этой обязанности, являются изменниками и саботажниками не только по отношению к новой Европе, но и особенно – своей родины, которой угрожает большевизм. Это надо знать каждому.

Поэтому ко всем, кто безответственно покинул свою работу, обращаюсь с требованием немедленно возвратиться к месту своей работы. Кто до 20 июля 1943 г. возвратится к месту работы, назначенной ему служебным обязательством, тот не будет наказан.

А кто после этого срока будет задержан как беглец, тот будет подвергнут смертной казни, если он не будет осуждён к тюремному заключению или принудительной работе.

Окружной комиссар

Верно: зам. нач. отделения 4-го управления НКВД УССР
капитан госбезопасности Игнатьев

ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 1. Д. 501. Л. 208–209. Заверенная копия. Машинопись.

Примечания

[1] Для выполнения особо важных заданий на временно оккупированной территории СССР, организации и руководства разведывательно-диверсионными формированиями органов безопасности, действовавшими в тылу немецкой армии, приказом НКВД СССР от 5 июля 1941 г. № 00882 была создана Особая группа НКВД СССР, непосредственно подчинявшаяся наркому внутренних дел. Начальником Особой группы был назначен П.А. Судоплатов. Все подразделения НКВД были обязаны оказывать содействие Особой группе людьми, техникой, вооружением. Особая группа с первых дней своего существования приступила к формированию оперативных групп и специальных отрядов, предназначенных для

заброски в глубокий тыл противника. Первые из них ушли на задание уже в июльские дни 1941 г. Особая группа была преобразована во 2-й отдел НКВД СССР 3 октября 1941 г. Ещё раз изменения в структуре органов безопасности, занимавшихся разведывательно-диверсионной деятельностью в тылу противника, были проведены приказом НКВД СССР от 18 января 1942 г. № 00145. На базе 2-го отдела НКВД СССР было образовано 4-е Управление (начальник – П.А. Судоплатов). На 4-е Управление возлагались задачи по подготовке и направлению в тыл противника спецформирований для разведывательной, контрразведывательной и боевой деятельности. Всего в годы Великой Отечественной войны было подготовлено и заброшено во вражеский тыл 2 тысячи 222 оперативные группы, в составе которых находились около 15 тысяч оперативных работников. Из общего числа оперативных групп 244 были подготовлены и направлены в тыл противника 4-м Управлением НКВД/НКГБ СССР, остальные – территориальными органами безопасности. Оперативные группы действовали на оккупированной территории СССР, в Германии, Польше, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Югославии, Австрии. Разведывательно-диверсионными формированиями органов безопасности было направлено в Центр 4 тысячи 418 разведывательных сообщений, переданных для реализации в Разведывательное управление Генерального штаба Красной армии, командованию фронтов и Авиации дальнего действия. Зафронтовыми группами уничтожено 157 тысяч немецких солдат и офицеров, ликвидировано 87 высокопоставленных немецких чиновников, разоблачено и обезврежено 2 тысячи агентурных групп противника, пущено под откос 2 тысячи 852 ж.-д. эшелона, разбито и повреждено 2 тысячи 923 паровоза, 30 тысяч 547 вагонов и цистерн с горючим, взорвано 1 тысяча 325 ж.-д. и шоссейных мостов, разрушено свыше 25 км ж.-д. пути, 863 км линий связи, уничтожено 1 тысяча 364 промышленных предприятия и склада. 12 тысяч оперативных работников и бойцов разведывательно-диверсионных формирований органов безопасности погибли в боях с немецкими карательными отрядами, в ходе боевых рейдов по территории противника, при проведения специальных операций по захвату вооружённой агентуры противника, были замучены в застенках гестапо.

[2] 31-я стрелковая Сталинградская Краснознамённая орденов Суворова и Богдана Хмельницкого дивизия сформирована в 1941 г. В августе 1942 г. обороняла рубеж реки Белой под Майкопом, прикрывая направление Майкоп—Хадыженск—Туапсе. В августе 1942 г. отошла на Главный Кавказский хребет. В сентябре 1942 г. пополнена 818-м стрелковым полком, сформированным на базе 9-й мсд НКВД и вошла в так называемую группу лазаревского направления. С февраля 1943 г. принимала участие в Краснодарской наступательной операции, в сентябре 1943 г. форсировала Днепр, принимала участие в Корсунь-Шевченковской, Уманско-Ботошанской и Ясско-Кишинёвской операциях. В январе 1945 г. вступила на территорию Германии. Боевые действия закончила в ходе Пражской операции. В 1942–1943 гг. дивизией командовал генерал-майор Богданович П.К.

[3] 208-я пехотная дивизия вермахта сформирована в августе 1939 г. Участвовала во вторжении в Польшу. В 1940 г. переброшена на Западный фронт и включена в состав 18-й армии. Участвовала в оккупации Голландии и Бельгии. После оккупации Франции охраняла бельгийское побережье. В конце 1941 г. переброшена на Восточный фронт и включена в состав 2-й танковой армии группы армий «Центр». Участвовала в боях под Вязьмой, Жиздрой и Ржевом. В 1943 г. участвовала в операции «Цитадель» в районе Орла, в августе отступила на юг к Курску. Во время боёв за Днепр обороняла Киев, затем отступила в Житомир. Зимой 1943/1944 гг. перегруппирована. Во время Львовско-Сандомирской и Ясско-Кишинёвской операций понесла серьёзные потери, но смогла прорваться в Чехословакию. Командиры: генерал-лейтенант М. Андреас (1939–1941); генерал пехоты Г.К. фон Шееле (1941–1943); генерал-лейтенант К.В. фон Шлибен (февраль 1943 –апрель 1943); генерал-майор Г. Цваде (апрель 1943–июнь 1943); генерал-лейтенант Г. Пиккенброк (1943–1945).

[4] 80-й гренадёрский полк вермахта в 1942–1943 гг. входил в состав 34-й пехотной дивизии, с июня 1941 г. воевавшей на Восточном фронте. С ноября 1942 г. до мая 1944 г. дивизией командовал генерал пехоты Фридрих Хохбаум (1894–1955), который был взят в плен в районе Данцига 9 мая 1945 г. На основании ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета

СССР от 19 апреля 1943 г. по приговору Военного трибунала войск МВД Воронежской области от 21 апреля 1951 г. заключён в ИТЛ на 25 лет. Умер в лагере.

[5] Домарев Александр Дмитриевич (1903–1967) – работник советских органов безопасности. Полковник (1945). В органах госбезопасности с 1940 г. Зам. начальника УНКГБ по Рязанской области (март 1941–май 1943); начальник УНКГБ по Орловской области (май 1943–май 1947); зам. председателя Орловского облисполкома (1947–1949); зам. председателя Совета министров Коми АССР (1952–1962).

[6] Документ хранится в номенклатурном деле за 1943 г., но не датирован, на первой странице имеется пометка «Повтор». По всей видимости, к делу приобщён текст приказа ОКХ от 8 июня 1942 г.

[7] Цейплер Курт (1895–1963) – немецкий военный деятель. Генерал-полковник (1944). Участник Первой мировой войны. С сентября 1939 г. в должности начальника штаба корпуса участвовал в польской кампании, с марта 1940 г. – начальник штаба танковой группы Э. фон Клейста, а затем группы армий «А» на советско-германском фронте. С сентября 1942 г. – начальник генерального штаба сухопутных войск. В августе 1944 г. переведён в резерв, а в январе 1945 г. уволен со службы. В мае 1945 г. взят в плен англичанами и помещён в лагерь военнопленных. В 1947 г. освобождён.

[8] 320-я пехотная дивизия вермахта сформирована в 1940 г. С мая 1941 г. – во Франции, с февраля 1943 г. – на Восточном фронте. В августе 1944 г. уничтожена в составе группы армий «Южная Украина» в Румынии и расформирована. Восстановлена в октябре 1944 г. как 320-я народно-гренадёрская дивизия. В 1943 г. дивизией командовали: Г. Постель (декабрь 1942–май 1943, август 1943–июль 1944); К. Рёпке (май–август 1943).

[9] N-сообщения – ложные слухи.

[10] 4-я армия вермахта сформирована в 1939 г. в Ганновере. Участвовала в польской и французской кампаниях. В июне 1941 г. вошла в состав группы армий «Центр» на советско-германском фронте. Участвовала в боях под Белостоком, Минском, Смоленском, Москвой. В марте 1945 г. разгромлена на Восточном фронте и выведена в резерв. В 1943 г. армией командовали: генерал полковник Г. Хейнрици (июль 1942–июнь 1943, июль 1943–июнь 1944); генерал пехоты Г. фон Зальмут (июнь–июль 1943).

[11] Ныне г. Перевальск – город районного значения в Луганской области. Носил разные названия: Селезнёвский рудник (1889–1924), посёлок имени Парижской Коммуны (1924–1938), город Паркоммуна (1938–1964).

[12] 35-й армейский корпус вермахта сформирован в 1939 г. В 1943 г. входил в состав 2-й танковой армии группы армий «Центр» (Орёл), с сентября 1943 г. – в 9-ю армию (Брянск), с октября – во 2-ю армию группы армий «Центр» (Бобруйск). В 1943 г. корпусом командовали: генерал пехоты Л. Рендулич (ноябрь 1942–апрель 1943) и генерал пехоты Ф. Визе (август 1943–январь 1944). В июле 1944 г. корпус, воевавший в составе группы армий «Центр», разгромлен на советско-германском фронте.

[13] «Фюрер СА» («Der SA-Führer») – одно из нацистских пропагандистских изданий центрального издательства НСДАП «Эхер-Ферлаг», в котором публиковались важнейшие газеты и журналы – «Народный обозреватель» («Völkische Beobachter»), «Атака» («Der Angriff»), «Штурмовик»(«Der SA-Mann»), официальная газета СС «Чёрный корпус» («Das Schwarze Korps») и др. После поражения Германии издательство было ликвидировано. Возглавлял «Эхер-Ферлаг» имперский руководитель печати рейхслейтер М. Аманн (1922–1945).

[14] Дитмар Курт (1891–1959) – немецкий военный деятель. Генерал-лейтенант. Участник Первой мировой войны. Командир 169-й пехотной дивизии вермахта (февраль–сентябрь 1941). С 1942 г. – официальный радиообозреватель вооружённых сил Германии.

Публикацию подготовили
Н.М. Перемышленникова,
Д.Ю. Хохлов

Научное издание

Великая Отечественная война. 1943 год

Исследования, документы, комментарии

Ответственный редактор
В.С. Христофоров

Редакторы:
О.А. Гришина, М.Ю. Моруков, Н.М. Перемышленникова

Корректор
И.Ю.Бережанская

Оформление и макет
Е.М. Сапожников

Компьютерная верстка
Н.М. Агаркова

Ответственный за выпуск
Л.Г. Костарева

Подписано в печать 09.13. Формат 60x90/16.
Гарнитура "Octava C". Печать офсетная. Печ. л. 43,0.
Тираж 1000. Заказ №

Издательство
Главного архивного управления города Москвы
117393, Москва, Профсоюзная ул., д. 80

Отпечатано в ООО "АЛЬТАИР"
с оригинал-макета заказчика
(Орехово-Зуевская типография)